

CP 378.5

Harvard College
Library

THE GIFT OF

Archibald Cary Coolidge, Ph.D.

Class of 1887

RUSSIAN COLLECTION OF 1922

Ху. 31

ПРАВОСЛАВНОЕ
ОБОЗРѢНІЕ.

1888.

ТОМЪ III.

МОСКВА.

Университетская типографія, на Страстномъ бульв.

1888.

CP 378.5

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
JULY 1 1922

Отъ Московскаго Духовно-цензурнаго комитета печатать дозволяется. Москва.
Сентября 1-го 1888 года.

Цензоръ *свщ.* *Иоаннъ Петропавловскій.*

ХАРАКТЕРЪ И ЗНАЧЕНІЕ ТОЛКОВАНІЙ

НА КАНОНИЧЕСКІЙ КОДЕКСЪ ГРЕЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ—АРИСТИНА,
ЗОНАРЫ И ВАЛЬСАМОНА *.

III.

Приступаемъ къ характеристикѣ толкованій знаменитыхъ канонистовъ и во-первыхъ, Аристина, какъ самаго старшаго и занимающаго среди нихъ особое мѣсто: онъ истолковалъ, какъ мы видѣли, каноническій Синописисъ, *сокращенный* кодексъ греческой церкви, тогда какъ Зонара и Вальсамонъ писали свои толкованія на *полный* кодексъ. Характеристику каждаго толкователя сдѣлаемъ съ трехъ сторонъ: а) *исторической*, б) *догматической* и с) *практической*.

1. А р и с т и н ъ.

а) *Историческихъ* толкованій у Аристина очень мало; изъясняя Синописисъ, содержащій въ себѣ каноны въ формѣ догматическихъ положеній, онъ писалъ толкованія преимущественно догматическія. Больше или меньше подробныя историческія свѣдѣнія мы встрѣчаемъ у него только въ немногихъ мѣстахъ. Такъ, толкованіе Аристина на 80 правило кареагенскаго собора передаетъ, какъ и Синописисъ, только фактъ изъ исторіи этого собора, фактъ относящійся къ его дѣяніямъ: „Отцы собора признали за должное не только принимать донатистовъ,

* См. «Прав. Обзоръ» июньскую и август. кн. текущаго года.

обращающихся къ православной церкви, но и послать къ нимъ пословъ съ тѣмъ, чтобы возвѣститъ миръ церквей и единеніе, если они обратятся къ православію“.

Къ соборнымъ же дѣяніямъ относятся свѣдѣнія, приводимыя Аристиномъ въ толкованіи на 5 правило III вселенскаго собора: „Нѣкоторые митрополиты, говоритъ онъ здѣсь, отдѣлились отъ собравшихся на соборъ въ Ефесъ и приняли ученіе Несторія, епископа константинопольскаго, этого челоуѣропоклонника и нечестиваго, и единомышленника съ іудеями, и Целестія, епископа римскаго; а другіе и соборъ оставили, и не хотѣли подать голоса противъ этихъ несвященныхъ и нечестивыхъ епископовъ, но скорѣе держались ихъ и защищали“.

Толкуя 30 правило IV вселенскаго собора, Аристинъ присоединяетъ къ Синопису историческія свѣдѣнія, почерпнутыя частью изъ полнаго текста, частью изъ другаго источника, вѣроятно изъ соборныхъ дѣяній, откуда, какъ мы видѣли въ историческомъ очеркѣ, заимствовано самое правило. Повторивъ слова сокращеннаго: „Въ египетскомъ округѣ существовалъ обычай, чтобы епископы не подписывали ничего безъ дозволенія своего архіепископа“, Аристинъ продолжаетъ: „Поэтому, когда сей святыи соборъ собрался въ Халкидонъ во дни благочестивѣйшаго императора Маркіана противъ бывшаго въ то время архіепископомъ Александріи нечестиваго и еретива Діоскора... и низложилъ его съ престола и еще не былъ избранъ другой патріархъ на мѣсто этого нечестиваго, согласно съ указаннымъ обычаемъ египетскіе епископы не были принуждены подписать православнѣйшее посланіе святаго папы Льва; но имъ дана была оторочка, доколѣ будетъ рукоположенъ въ Александрію епископъ и такимъ образомъ они будутъ имѣть возможность по его приказанію подписаться. Впрочемъ потребовали, чтобы они дали поручителей, или поклялись головою императора, что они останутся тутъ, доколѣ городъ Александрія не получитъ своего епископа“.

Довольно существенныя добавленія, относящіяся къ исторіи кареагенскаго собора, дѣлаетъ Аристинъ къ одному изъ принадлежащихъ этому собору мѣстъ сокращеннаго текста ¹⁾. Здѣсь

¹⁾ Русскій переводъ толкованій на правила помѣстныхъ соборовъ стр. 367.

онъ разсказываетъ объ извѣстномъ недоразумѣніи, бывшемъ между римскимъ папою и соборомъ по поводу правила, которое папа ошибочно приписывалъ никейскому собору, тогда какъ оно было издано сардинскимъ. Аристинъ замѣчаетъ, что на требованіе мѣстоблюстителей папы утвердить названное правило, отцы карагенскаго собора отвѣтили, что не знаютъ такого никейскаго правила и не имѣютъ подписанныхъ и утвержденныхъ дѣяній этого вселенскаго собора. Мѣстоблюстители просили папу обратиться къ константинопольскому и александрійскому епископамъ съ просьбою прислать утвержденныя правила никейскаго собора для разрѣшенія недоразумѣній. Аристинъ передаетъ затѣмъ и то, что было послѣ полученія просимыхъ списковъ: „Послѣ того какъ эти списки были присланы къ нимъ святымъ Кирилломъ, архіепископомъ александрійскимъ, и Аттікомъ, архіепископомъ константинопольскимъ, и они не нашли въ нихъ правила, что римскій епископъ можетъ посылать своихъ клириковъ и чрезъ нихъ изслѣдовать по отзыву изверженія епископовъ, они написали къ бывшему тогда въ городѣ римлянъ папою Калестину, что съ этого времени они не хотятъ такъ дѣлать и позволять, чтобы посылаемы были его клирики для переизслѣдованія приговоровъ и изверженій епископовъ, дабы не ввести въ церковь смрадную мірскую надменность“.

Но Аристинъ передаетъ не только отдѣльныя событія, связанные съ исторіей того или другаго собора; иногда онъ излагаетъ вкратцѣ самую исторію, какъ напр. въ толкованіи на 1 правило VII вселенскаго собора: „Настоящій соборъ былъ во второй разъ въ Никее при Константинѣ, внуку треклятаго и богоненавистнаго Копронима, и матери его Иринѣ, происшедшей изъ Аенія, когда по совѣту и убѣжденію Тарасія, архіепископа константинопольскаго, собрались триста шестьдесятъ семь богоносныхъ отцовъ. А собраніе ихъ было противъ иконоборцевъ, или клеветниковъ на христіанство; и они предали ихъ проклятію, а церкви возвратили древнее ея украшеніе, и прекрасно опредѣлили, чтобы она имѣла иконныя изображенія и благоговѣнно добызала ихъ, а точно также, чтобы поклонялись и образу честнаго креста“. Въ этихъ немногихъ словахъ сжато изложено все существенное, относящееся къ исторіи послѣдняго вселенскаго собора.

Аристинъ сообщаетъ также историческія данныя о тѣхъ или другихъ еретическихъ сектахъ, лжеучителяхъ, вызвавшихъ данный соборъ или данное опредѣленіе. Такъ къ 19 правилу никейскаго собора, содержащему въ себѣ постановленіе о павлионистахъ, онъ присоединяетъ замѣчаніе, что эти еретики „ведутъ происхожденіе отъ Павла Самосатскаго, который уничтожительно мыслилъ о Христѣ и училъ, что онъ обыкновенный человѣкъ и получилъ начало отъ Маріи“; къ 1 правилу трульскаго собора сообщаетъ свѣдѣнія о различныхъ еретическихъ ученіяхъ, осужденныхъ вселенскими соборами; къ 57 правилу кареагенскаго собора—свѣдѣнія о Донатѣ и его лжеученіи; къ 4 правилу II вселенскаго собора—свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Максима цинника, вызвавшихъ его осужденіе.

Рѣдко излагаются въ толкованіяхъ Аристина событія, послужившія поводомъ къ тому или другому постановленію; къ числу такихъ немногихъ случаевъ относится толкованіе къ правилу константинопольскаго помѣстнаго собора, опредѣлившаго, что „признаваемый виновнымъ впрямь не долженъ быть извергаемъ ни двумя, ни тремя епископами, но рѣшеніемъ большаго собора епископовъ области“. Изъ присоединенныхъ сюда замѣчаній Аристина мы узнаемъ, что вострыйскій епископъ Вагадій былъ изверженъ двумя епископами и вмѣсто него поставленъ Агапій; этотъ случай нарушенія древнихъ канонѣвъ заставилъ отцевъ собора опасаться повторенія подобныхъ же нарушеній въ будущемъ и послужилъ поводомъ къ изданію указаннаго правила.

Въ двухъ другихъ случаяхъ излагая поводъ вызвавшій правило, Аристинъ заимствуетъ его изъ полнаго текста: таково толкованіе на 66-е правило кареагенскаго собора; здѣсь Синописисъ передаетъ только сжато о привилегіи кареагенскаго епископа производить въ предстоятели церкви кого бы то онъ ни пожелалъ, хотя бы кто имѣлъ только одного пресвитера, достойнаго предстоятельства. Въ этомъ сокращенномъ правилѣ опущена рѣчь епископа Аврилія, давшая собственно поводъ къ его установленію. Аристинъ воспроизводитъ ее вкратцѣ. Точно также опущенъ поводъ въ 33 правилѣ трульскаго собора, обобщенномъ въ Синописисѣ; предписаніе рукополагать достойнаго какого-бы онъ ни былъ рода и запрещеніе читать съ амвона не получившему постриженія и благословенія,—оба эти постановленія

33 правила направлены были противъ практики армянской церкви, что и замѣчаетъ въ толкованіи Аристинъ.

Наконецъ въ толкованіяхъ на нѣкоторыя правила Аристинъ передаетъ различныя свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи церковнаго устройства той или другой области или другія данныя, поясняющія толкуемыя правила. Такъ нѣсколько неясное предписание Синописа²⁾ „не предпочитай себя тому, кто прежде тебя, но слѣдуй за нимъ; а пренебрегающій прежде бывшихъ самъ долженъ подвергнуться пренебреженію“, Аристинъ поясняетъ указаніемъ на то, какъ опредѣлялось старшинство епископовъ въ африканской церкви: „въ тогдашней Африкѣ и въ другихъ мѣстахъ, говоритъ онъ, епископіи не имѣли никакого различія въ чести престола, но всѣ были равночестны; епископъ же, поставленный прежде, былъ предпочитаемъ тому, кто былъ поставленъ послѣ, какъ въ престолахъ, такъ и въ прочихъ каноническихъ отношеніяхъ; и такимъ образомъ епископы слѣдовали одинъ за другимъ, смотря по времени своихъ поставленій“. Тутъ же Аристинъ сообщаетъ фактъ, о которомъ ничего не сказано ни въ полномъ текстѣ, ни въ сокращенномъ, вѣроятно заимствуя его изъ соборныхъ дѣяній: „епископу, говоритъ онъ, который въ странѣ Африкѣ не соблюдалъ этого порядка, но превозносился и пренебрегалъ поставленныхъ прежде него, соборъ опредѣлилъ быть въ пренебреженіи отъ всего собора“. На предписаніе 28 правила IV вселенск. собора, чтобы епископы Понта, Фракіи и Асіи, и иноплеменные принимали рукоположеніе отъ епископа константинопольскаго, Аристинъ замѣчаетъ, что „въ то время округъ Македоніи, Иллиріи, Фессалии, Аттики, Пелопоннеса, всего Эпира и иноплеменныхъ народовъ, жившихъ въ немъ, былъ подъ властію римскаго епископа“. Въ 43 правилѣ карфагенскаго собора утверждаются и дополняются опредѣленія собора испонскаго. Это даетъ Аристину поводъ замѣтить, что „разные соборы были во всей африканской странѣ въ предшествовавшія времена, и дѣянія ихъ были прочитаны на этомъ (т.-е. карфагенскомъ) соборѣ“.

Небольшія пояснительныя историческія замѣтки сдѣланы Аристиномъ также къ 74 и 75 правиламъ карфагенскаго собора.

²⁾ Карфаг. соб. 97 прав. Смтр. русскій перев. толкованій.

Таковы всѣ историческія замѣтки въ Аристиновыхъ толкованіяхъ; онѣ, какъ мы видѣли, относятся къ исторіи соборовъ, ихъ дѣяніямъ, къ исторіи еретическихъ сектъ, или же представляютъ болышею частью краткія свѣдѣнія о древнихъ церквахъ, устройствѣ и положеніи которыхъ успѣло къ XII вѣку уже значительно измѣниться. Въ общей сложности всѣ эти замѣтки представляются весьма немногочисленными; въ задачи Аристина, очевидно, не входило собственно историческое толкованіе правилъ; если же по мѣстамъ онѣ дѣлаютъ замѣтки историческаго содержанія, то онѣ являются у него какъ бы случайно, и нелегко объяснить, почему онѣ помѣщены въ однихъ правилахъ и отсутствуютъ въ другихъ, гдѣ были бы не менѣе уместны; такъ совершенно непонятно, почему толкованіямъ только VII вселенскаго собора предпосланы историческія данныя о времени, мѣстѣ и цѣли его созыва.

в) Главною задачею Аристина было изъясненіе правилъ со стороны *догматической*—выясненіе ихъ точнаго смысла. Съ этою цѣлью онъ долженъ былъ прежде всего исправить недостатки Синописа, происшедшіе вслѣдствіе редакціонныхъ ошибокъ при сокращеніи правилъ. Каковы были эти недостатки, мы уже видѣли; исправляя ихъ, Аристинъ:

1) изъясняетъ *неточности* сокращеннаго текста. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. 24 правило трульскаго собора въ сокращеніи передано неточно; здѣсь говорится, что „клирикъ, или монахъ, если является на конскихъ ристалищахъ, или если на бракъ не уходитъ прежде, чѣмъ начнутся позорищныя игры, да будетъ изверженъ“. Замѣтивъ неточность, Аристинъ исправляетъ ее, говоря: „не тотчасъ извергается клирикъ (οὐκ εὐθὺς κληρικὸς ἢ κληρικός), если онъ, будучи приглашенъ на бракъ, не встанетъ и не удалится прежде начатія игръ, служащихъ къ обельженію; но тогда, когда дѣлая это, не соглашается оставить, и если не оставляетъ, извергается. Точно также и тотъ, кто является на конскихъ ристалищахъ“. Таже неточность въ санкціи исправлена Аристиномъ въ толкованіяхъ къ 101 правилу трульскаго собора, 7 никейскаго II и др.

Неточно передана мысль 14-го правила сардинскаго собора: „осужденный склоннымъ къ гнѣву, говорится въ Синописѣ, если просить защиты, долженъ быть выслушанъ; но до защиты, оче-

видѣ, долженъ быть внѣ общенія“. Аристинъ излагаетъ ту же мысль несравненно точнѣе: „клирикъ, говоритъ онъ, отлученный епископомъ легко раздражающимся, если обратится къ митрополиту, которому подчиненъ этотъ епископъ, для изслѣдованія причины отлученія, — законна она, или нѣтъ, долженъ быть принятъ; но до изслѣдованія и рѣшенія, справедливо ли былъ отлученъ, или нѣтъ, онъ не долженъ быть допускаемъ до общенія, но долженъ быть подъ епитимією“.

2) Аристинъ исправляетъ Синописисъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сокращеніе полнаго текста привело къ неясности, т.-е. гдѣ мысль правила затемнена. Такихъ мѣстъ въ Синописисѣ очень много. Таковы 46 и 47 правила лаодикійскаго собора, въ особенности послѣднее; въ сокращеніи они соединены въ одно цѣлое: „крещаемый долженъ сказать вѣру епископу, или пресвитеру въ пятый день седмицы. И бывшій въ болѣзни долженъ сказать спустя немногу времени“⁴⁾. У Аристина эти правила выражены несравненно яснѣе: „кто приходитъ въ церковь съ тѣмъ, чтобы креститься, тотъ долженъ изучать вѣру (τὴν πίστιν ἐκμανθάνειν), и въ пятый день седмицы долженъ давать отвѣтъ епископу, или пресвитеру; но не должно крестить ихъ тотчасъ и прежде, чѣмъ открыта имъ будетъ вѣра. Кто боленъ и ищетъ креститься, долженъ быть крещенъ, потомъ, возставъ съ одра болѣзни, онъ долженъ изучать вѣру и познавать, что сподобился благодати“.

Еще менѣе ясно 40 правило кареагенскаго собора⁴⁾, которое читается въ сокращеніи такъ: „отвергающій высшую честь теряетъ и ту, какую имѣетъ“⁵⁾. Аристинъ не только передаетъ ясно заключающуюся въ этихъ словахъ мысль, но кромѣ того иллюстрируетъ ее примѣромъ: „кто отъ своего епископа почитается достойнымъ большей чести и призывается къ возведенію на такую четь по необходимой церковной причинѣ, но не повинуется не изъ благоговѣнія, а изъ пренебреженія, тотъ долженъ быть удаленъ и изъ той степени, въ которой служитъ и долженъ явиться оной; наприкладъ, если былъ иподиакономъ

³⁾ Ἐπίτοι τὴν πίστιν τῷ ἐπίσκοπῳ, ἢ πρεσβυτέρῳ τῇ πέμπτῃ τῆς ἑβδομάδος, ὁ βαπτιζόμενος. Ἐπίτοι καὶ ὁ ἐν νόσῳ μετα βραχύ.

⁴⁾ Σύναγμα III/386.

⁵⁾ Ὁ μείζων τιμὴν ἀπωθούμενος καὶ ἣν ἔχει προσπολούσει.

и признаваемъ быть достойнымъ производства во діакона“ и такъ далѣе.

Въ особенности существенны разъясненія, сдѣланныя Аристиномъ къ 4 правилу неокесарійскаго собора, которое не исполнѣ ясно даже въ полной редакціи: „вождѣвшій, но не совершившій избавленъ Богомъ“³⁾. Аристинъ передаетъ по возможности ясно это правило, но нѣсколько ограничиваетъ его мысль (въ полномъ текстѣ оно выражено безъ ограниченій): „кто имѣлъ вождѣленіе, простершееся только до одного намѣренія преспать съ женою, но не сдѣлалъ ничего такого, что показывало бы его стараніе о томъ, и вождѣвнїе его не перешло въ дѣло, явно, что тотъ избавленъ благодатію свыше, ибо если и вождѣвнїе имѣлъ и старался, и воспользовался какими-нибудь средствами для достиженія своей цѣли, но его стараніе не имѣло успѣха по какимъ-нибудь встрѣтившимся препятствіямъ извнѣ, въ такомъ случаѣ подлежитъ епитиміямъ“. — Кромѣ вышеуказанныхъ разъясненны еще слѣдующія неясно изложенныя въ Синописѣ правила: 64 и 136 кареагенскаго собора и др.

3) Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сокращенный текстъ *не исполнѣ исчерпываетъ* содержаніе правилъ, Аристинъ дѣлаетъ болѣе или менѣ существенныя добавленія. Таково 4 правило антиохійскаго собора, не заключающее въ себѣ въ сокращенномъ видѣ и трети того, что содержится въ полной редакціи. Въ Синописѣ правило гласитъ: „Если епископъ, изверженный соборомъ, по упорству будетъ совершать богомуженіе; то онъ не можетъ имѣть возстановленія въ чинѣ (μη ἐχέτω ἀποκατάστασις)“. Аристинъ значительно дополняетъ это правило, излагая его такъ: „епископъ, изверженный соборомъ, можетъ представить апелляцію и требовать, чтобы постановленное противъ него рѣшеніе, если оно было несправедливо, получило исправленіе отъ другаго большаго собора, если изверженный епископъ прежде исправленія постановленнаго противъ него приговора, по собственному упорству не имѣлъ дерзновенія совершать богослуженіе. Ибо тогда, хотя бы онъ и говорилъ, что несправедливо изверженъ, не будетъ имѣть возстановленія въ чинѣ, или мѣста для вторичной защиты“. Не исчерпано въ Синописѣ содержаніе

3) Ὁ ἐπιθυμῶν μὲν, μὴ δράσας δέ, Θεοφ ἐρρήσθη.

и слѣдующихъ правилъ: 8 антиохійскаго, въ которомъ упоминается только сельскій пресвитерь (ὁ ἐπὶ χώρας πρεσβύτερος), но умалчивается о хореепископахъ, упомянутыхъ въ полномъ текстѣ, 20 лаодикійскаго (въ Синописиѣ умолчано о „прочихъ церковныхъ служителяхъ“, кромѣ діакона, οἱ λοιποὶ ὑπέρεταί τῆς ἐκκλησίας καὶ κληρικοί), 55 кареагенскаго ⁷⁾ (говорится только о позорщиномъ — σκληρός, — но умалчивается о другихъ „согрѣшающихъ и кающихся“ — ἀμαρτάνων καὶ μετανοῶν) и пр.

4) Нерѣдко Синописиѣ *передаетъ неполно или совершенно опускаетъ санкцію*. Неполно, т.-е. съ пропускомъ она передана напр. въ 8 правилѣ анкирскаго собора. Здѣсь сказано, что поставленный въ епископа, если дѣлаетъ возмущенія противъ другихъ епископовъ, „лишается и чести пресвитероу“ (ἀπιθεῖσθω καὶ τῆς πρεσβυτέρου τιμῆς). Аристинъ согласно съ полнымъ текстомъ добавляетъ, что таковой подвергается, кромѣ указаннаго въ Синописиѣ наказанія, и отлученію (καὶ ἀφορισθήσεται). Совершенно опущена санкція въ 3ε правилѣ лаодикійскаго собора. По Синописису оно гласитъ: „давшій обѣтъ священства не долженъ быть волшебникомъ или обаятелемъ, или числогадателемъ, или астрологомъ, или дѣлателемъ хранилищъ“. О наказаніи здѣсь не сказано ни слова, но оно добавлено въ толкованіи: „если окажется, говорить Аристинъ, что кто-либо изъ посвященныхъ лицъ занимается каимъ-нибудь подобнымъ злохудожествомъ (τινὰ κακοτεχνίαν) *таковой извергается изъ церкви*“. Въ 10 правилѣ кареагенскаго собора (по сокращенному тексту), хотя и сказано, что осужденный епископомъ, потомъ отдѣлившійся отъ него и водрузившій алтарь, или совершившій приношеніе, подлежитъ наказанію, но каково должно быть наказаніе не сказано; Аристинъ восполняетъ эту пробѣлу, дополнивъ: *таковой... долженъ быть преданъ анаемѣ* (οὗκ ἀτιμώρητος ἔσται ἀλλ’ ἀναθεματισθήσεται)“. Въ третьемъ правилѣ VII вселенскаго собора сказано только, что „всякое избраніе, совершаемое мірскими начальниками, да будетъ недействительно (ἄχυρος ἔστω), тогда какъ по полному тексту (что Аристинъ и добавляетъ въ своемъ толкованіи) „употребленіе кѣмъ-либо свѣтскихъ начальниковъ и полученіе чрезъ нихъ епископскою въ какой-либо церкви власти *не только дѣ-*

⁷⁾ Σύνοταγμα II, 415.

ласть это получение недействительнымъ, но и подвергаетъ изверженію и отлученію того, кто получилъ священство такимъ образомъ (οὐ μόνον ἐστὶν ἀνίσχυρον, ἀλλὰ καὶ καθαίρεσιν, καὶ ἀφορισμὸν ἐπάγει τῷ τοιοῦτρόπως τῆς ἱερωσύνης τυχόντι)⁴.

5) Кромѣ перечисленныхъ Аристинъ дѣлаетъ и нѣкоторыя другія, менѣе важныя поправки сокращеннаго текста. Такъ, 21 правило VII вселенскаго собора имъ истолковано нѣсколько иначе, чѣмъ составителемъ Синописиса. У послѣдняго оно редактировано такимъ образомъ: „монаху или монахинѣ да не будетъ дозволено оставлять свой монастырь и уходить въ другой; а если придетъ, то гостепріимство должно быть оказано; впрочемъ ни принимать ни оказывать гостепріимства не должно безъ воли игумена (μὴ μὲν τοι προσδεχέσθω, καὶ ξενοδοχέισθω, παρὰ γνώμην τοῦ ἡγουμένου)⁴. Аристинъ же редактируетъ правило такъ: „принимать и оказывать гостепріимство монаху или монахинѣ, если она придетъ въ другой монастырь, настоящее правило дозволяетъ, дабы по необходимости не удалась къ мірскимъ людямъ, или не осталась тамъ; а допустить и принять ее къ себѣ и причислить къ сестрамъ безъ воли игумена не дозволяетъ (τὸ δὲ προσλαβεῖν καὶ προσδέξασθαι αὐτήν, καὶ συνιάζει τῇ ἀδελφότητι, παρὰ γνώμην τῆς ἡγουμένης, οὐκ ἐπιτρέπει)⁴. Редакція Аристина повидимому ближе къ подлиннику⁵).

Иной отгѣнокъ дается въ Синописисѣ 16 правилу антиохійскаго собора: „Безъ совершеннаго собора и его митрополита захватывающій праздную церковь отверженъ, *хотя бы и самъ былъ праздный* (κὰν ἢ σχολάζων)⁴. Въ полномъ текстѣ сказано иначе: „хотя-бы его избрала *весь народъ*, который онъ себѣ восхитилъ (κὰν εἰ πᾶς ὁ λαὸς, ὃν ὑφῆρπασεν, ἔλοιτο αὐτόν)⁴, на словахъ же „праздный епископъ“ (ἐπίσκοπος σχολάζων) особаго ударенія не лежитъ; точно также и у Аристина, излагающаго это правило, если не полнѣе, то по крайней мѣрѣ яснѣе, чѣмъ въ полномъ текстѣ.

⁵) Полный текстъ правила читается такъ: «не долженствуетъ монахъ или монахиня оставлять свой монастырь и отходить во иной. Аще же случится сіе, то страннопріимство явити ему необходимо, а примати его бези воли игумена его не подобаетъ. (Εἰ δὲ συμβῆ τοῦτο, ξενοδοχέισθαι αὐτὸν ἀναγκάσιον προσλαμβάνεσθαι δὲ ἀνευ γνώμης τοῦ ἡγουμένου αὐτοῦ οὐ προσήκει).

Таковы поправки, сдѣланныя Аристиномъ къ сокращенному тексту. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы онѣ были сдѣланы всюду, гдѣ это требовалось его недостатками. Такъ, нѣсколько правилъ въ Синописѣ, не исчерпывающихъ всего содержанія полнаго текста, оставлены Аристиномъ безъ дополненій. Таково напр. 17 антиохійскаго собора. Въ Синописѣ оно изложено не вполне ясно и полно (пропущена послѣдняя часть): „кто принявъ рукоположеніе и уклонится отъ него; тотъ лишается общенія, доколѣ не раскаяется и не приметъ“⁹⁾. У Аристина изложеніе ясное: „несоглашающійся идти во вѣренную ему церковь и быть предстоятелемъ народа долженъ быть отлученъ, доколѣ не раскаяется и не приметъ председательства надъ вѣренными ему душами“. Но ни въ Синописѣ, ни у Аристина не исчерпанъ полный текстъ правила; какъ здѣсь, такъ и тамъ пропущены послѣднія слова: *или доломъ не постановитъ о немъ какою-либо опредѣленія совершенный соборъ епископовъ той области* (ἢ ὄριστοι τι περὶ αὐτοῦ ἢ τελεία σύνοδος τῶν κατὰ τὴν ἐπαρχίαν ἐπισκόπων).

Въ приведенномъ примѣрѣ Аристина, подобно Синописцу, не исчерпанъ всего содержанія правила; а вотъ и другой примѣръ, гдѣ мысль правила передана ими невѣрно. 52 правило карагегскаго собора въ сокращеніи гласитъ: „кающимся епископъ долженъ опредѣлять покаяніе смотря по грѣхамъ; а пресвитеръ безъ воли его *даже по требованію нужды* не долженъ разрѣшать кающагося (οὐδ' ἀνάγκης συνωθούσης καταλλάξει μετανοούντα)“. У Аристина: „принявшіе отъ Бога власть вязать и рѣшать должны опредѣлять епитиміи смотря по качеству грѣховъ и обращенію согрѣшившаго. А пресвитеръ безъ воли епископа не можетъ ни увеличивать, ни уменьшать ихъ, ни разрѣшать кающихся и удостоивать ихъ Божественныхъ тайнъ, *хотя бы епископъ находился и въ отсутствіи* (κὰν ἀποδηῖ ὁ ἐπίσκοπος“¹⁰⁾. Подчеркнутыя слова передаютъ слѣдующее мѣсто полнаго текста: εἰ μὴδ' ἂν ἀνάγκης συνωθούσης ἐν τῇ ἀπουσίᾳ τοῦ Ἐπισκόπου“. Смыслъ его совершенно иной (εἰ μὴδ' = промѣ, исключая, равнѣ

⁹⁾ Ἀκοινώνητος, ὁ δεξιμενος χειροτονίαν, καὶ ταύτης ἀποσκιρτῶν, ἕως ἂν μετὰ γνοῦς καταδέξοιτο.

¹⁰⁾ Σύσταγμα III, 409—410.

только), въ книгѣ Правиль оно переведено: „разъ въ время надлежащія нужды, въ отсутствіи епископа“; также его понимаютъ Зонара и Вальсамокъ.

Замѣчательно сокращеніе и въ особенности толкованіе 50 правила кареагенскаго собора; оно не только урѣзано, причѣмъ пропущена цѣлая половина его, но и самая мысль изложена какъ разъ наоборотъ полному тексту; тамъ сказано: „святое таинство алтаря да совершается людьми неядшими. *Исключается изъ сею единый въ году день, въ который вечера Господня совершается* (ἐξηρημένως μίᾱς ἑτησίας ἡμέρας, ἐν ἣ τὸ Κυριακὸν δεῖπνον ἐπιτελεῖται)“ и т. д. Въ Синописѣ повторено только первое предположеніе (εἰ μὴ ἀπὸ νηστικῶν, ἅτινα οὐ προσάγεται); объ исключеніи совершенно умолчано; правило слѣдовательно изложено безъ всякихъ ограниченій, такъ-сказать расширенно. Аристинъ же не только не исправляетъ Синописиса по полному тексту, но считаетъ даже нужнымъ оправдать его редакцію и приданный имъ правилу смыслъ; толкованіе составляетъ какъ бы продолженіе сокращеннаго правила и какъ бы его мотивировку: „ибо, говоритъ Аристинъ, хотя Господь тайнодѣйствовалъ Пасху съ учениками своими послѣ вечера, но мы не должны, по богословскому гласу (κατὰ τὴν Θεολόγον φωνήν), *смыловать примѣрамъ, которые выше насъ, а соблюдать обычай церкви, и священники, не вкушая пищи и питія, должны приносить въ алтарь овятые дары, точно также и причащающіеся ихъ не должны передъ симъ вкушать пищи и питія*“. Такое отношеніе къ полному тексту со стороны Аристина объясняется тѣмъ, что данное правило представляло норму съ мѣстнымъ характеромъ; оно дѣйствовало только въ Африкѣ, но расходилось съ обычаями другихъ церквей. Поэтому-то Аристинъ какъ бы критикуетъ его и косвенно противъ него полемизируетъ. Такого критическаго отношенія къ правиламъ онъ себѣ болѣе нигдѣ не позволяетъ. Напротивъ, если и высказываетъ свое личное мнѣніе о томъ или другомъ предписаніи правила, то обыкновенно въ смыслѣ одобрительномъ, вполнѣ соглашаясь съ его цѣлесообразностью (напр. 145 пр. Каре. соб.).

Мы указали нѣсколько случаевъ, гдѣ Аристинъ не исправилъ сокращеннаго текста по полному; но есть и такой случай, гдѣ сдѣланное имъ исправленіе не удалось; стараясь устранить не-

точность Синописа, онъ невѣрно передаетъ самую мысль правила или, выражаясь точнѣе, мысль почитованнаго въ правилѣ текста изъ апостольскихъ посланій. Я имѣю въ виду 72 правило трузьскаго собора. Въ Синописѣ оно редактировано такъ: „Бракъ съ еретиками не имѣетъ силы, но заключившіе оныя прежде присоединенія къ вѣрѣ могутъ оставаться въ бракѣ, *если пожелаютъ*“. Аристинъ, желая очевидно передать мысль правила точнѣе, выразилъ его слѣдующимъ образомъ: „Не должно быть дозволено православному сочетаться съ женою еретическою, или обратно. Если же нѣкоторые, будучи невѣриыми, соединились законнымъ бракомъ, а потомъ одинъ присоединился къ вѣрѣ, а другая остается еще въ заблужденіи, *и стѣнный благоволитъ жить съ нестѣнною, или обратно* (καὶ εὐδοκεῖ ὁ πιστὸς συνοικεῖν τῇ ἀπίστῃ, ἢ ἀνάπαλιν), они не должны быть разлучены по божественному апостолу Павлу“. Но апостоль Павелъ говоритъ совершенно противоположное: „Если какой братъ имѣетъ *жену нестѣрующую, и она согласна жить съ нимъ*, то онъ не долженъ оставлять ее. И жена, которая имѣетъ *мужа нестѣрующаго, и онъ согласенъ жить съ нею*, не должна оставлять его“ (I посл. Кор. VII, 12—13). Эта мысль изложена въ полномъ текотѣ правильно.

Большинство правилъ выражено въ Синописѣ безъ существенныхъ недостатковъ. Толкуя ихъ, Аристинъ передаетъ содержаніе въ перифразѣ, нерѣдко заимствуя при томъ дополненія изъ полнаго текста. Таковы его толкованія на 5 и 31 апостольскаго правила, 4 халкидонскаго, 7 трузьскаго, 10 и 13 Никейскаго I собора, 6, 7, 8 ефесскаго и многія другія. Передавая правила въ перифразѣ, Аристинъ особенно часто дополняетъ ихъ замѣтками объ основаніяхъ, мотивахъ того или другаго опредѣленія. Такъ, къ запрещенію 53 правила трузьскаго собора „воспріемлющимъ дѣтей отъ крещенія сочетаваться бракомъ съ матерями сихъ дѣтей“ у Аристива присоединено основаніе: „сродство по духу важнѣе плотскаго родства (ἢ κατὰ πνεῦμα οἰκειότης, μεῖζων τῆς σωματικῆς συγγενείας ἐστὶ)“; 90 правило того же собора („послѣ вечерняго входа субботы не преклоняй колѣнъ до вечерняго входа въ воскресенье“) Аристинъ объясняетъ по полному тексту такъ: „дабы въ продолженіе цѣлыхъ

суютъ торжествовать намъ воспресеиъ“¹¹⁾. Еще чаще основанія, приводимыя Аристиномъ, имъ не заимствованы изъ поднаго текста, но прибавлены отъ себя; напр. 70 кареагенскаго собора¹²⁾ опредѣляетъ: „клирикъ, судившій дѣло, если рѣшеніемъ его будутъ недовольны, да не призывается въ судилище для свидѣтельства по дѣлу и вообще церковное лице да не привлекается обязательно къ свидѣтельству“. Аристинъ на это замѣчаетъ, что такого клирика нельзя призывать къ свидѣтельству „частію какъ изъятаго закономъ и не обязаннаго давать свидѣтельство противъ воли; (ибо занятыя священнымъ служеніемъ противъ воли не свидѣтствуютъ), а частію потому, что ему запрещено давать свидѣтельство въ томъ дѣлѣ, въ которомъ онъ былъ принятъ сторонами въ качествѣ судьи“. 11 правило Лаодикійскаго собора („такъ называемыя предѣла-тельствующіе не должны быть поставляемы въ церквахъ“) Аристинъ, не перефразируя, только мотивируетъ: „ибо, говорить онъ, если запрещается имъ исполнять гражданскія должности, то какимъ образомъ они въ церкви будутъ когда-нибудь первенствовать надъ клиромъ и какъ будутъ имѣть ихъ какими-то главными“? 17 правило того же собора: „въ собраніяхъ псалмы должны быть прерываемы чтеніями“—Аристинъ передаетъ по полному тексту и затѣмъ присоединяетъ основаніе: „дабы собирающіеся не утомились и не сдѣлались разсѣянными“¹³⁾.

Стремясь къ выясненію точнаго смысла правилъ, Аристинъ излагаетъ ихъ во взаимной связи, а иногда также въ связи съ законами. Всего чаще онъ дѣлаетъ сноски на аналогичныя, тождественныя или несогласныя правила, дополняетъ изъ сходныхъ правилъ и т. д. Рѣже встрѣчаются указанія на законы, но и они кое-гдѣ сдѣланы. Такъ, въ толкованіи на 7 правило Никейскаго I собора Аристинъ ссылается на 23 новеллу, находящуюся по его словамъ, „въ первомъ титулѣ первой книги (Вазиликъ?)“; въ толкованіи на 3 правило халкидонскаго собора приводитъ 8 новеллу Льва Философа; на 11 правило анкирскаго

¹¹⁾ Также: 15 и 20 пр. VII всел. соб., 12 Анкирск. и др.

¹²⁾ Сувт. III, 468.

¹³⁾ Также толкованія на 21 халк. соб., 5 и 9 анкир., 11 антиох. 12, 26, 43, 36 Каре. и т. д.

собора—11 титулъ 60 книги Базиликъ ¹⁴⁾. Толкуя 108 правило Кареагенскаго собора, онъ излагаетъ постановленіе гражданскаго закона, не указывая однако, гдѣ онъ находится, не называя его.

Изложеніе содержанія правилъ иллюстрируется у Аристина иногда примѣрами. Такъ, изъясняя 34 апостольское прав., онъ на примѣрахъ старается показывать, что должно разумѣть подъ „превышающимъ власть епископовъ“; изъясняя 80 правило, говорить кого напр. оно разумѣть подъ „ведшими недавно порочную жизнь“ и т. д.

Довольно рѣдко Аристинъ объясняетъ слова и выраженія; но упоминаніе въ 5-мъ правилѣ неокесарійскаго собора „оглашенныхъ, преклоняющихъ колѣна (τόνι κλίωυ)“ послужило ему поводомъ къ разъясненію, какіе были виды оглашенныхъ, кого должно разумѣть подъ „оглашенными, преклоняющими колѣна“, и проч. Подобныя же объясненія онъ даетъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

Излагая правила въ перифразѣ, Аристинъ даетъ имъ иногда рестриктивное толкованіе. Такъ, 27 апостольское правило запрещаетъ вообще, безъ всякихъ ограниченій ¹⁵⁾, духовному лицу бить согрѣшающихъ; Аристинъ же допускаетъ отступленія отъ этого правила, ограничивая его только тѣми случаями, когда согрѣшеніе, обидя направлена противъ самого священника, при этомъ старается обосновать свое мнѣніе между прочимъ ссылкой на евангельскій примѣръ. „Священникъ, который бьетъ вѣрнаго или невѣрнаго, согрѣшившаго *противъ него* (εις αὐτόν ἀμαρτήσαντα) и чрезъ страхъ внушаемый такимъ образомъ хочетъ достигнуть, чтобы другіе не совершали *по отношенію къ нему* подобныхъ проступковъ, поелику дѣлаетъ противное закону, который повелѣваетъ подставлять и другую щеку, если кто ударить въ одну, — подлежитъ изверженію, потому что наносить ударъ по причинѣ надменности и необузданнаго гнѣва. *Но не подлежитъ изверженію тотъ, кто благоразумно наказываетъ бичемъ погрѣшающаго противъ священныхъ предметовъ, какъ и Господь бичемъ, сдѣланнымъ изъ вервѣя, изгналъ торгующихъ изъ*

¹⁴⁾ Смтр. также толкованія на 13 пр. Каре. 50 Вас. Вел. и др.

¹⁵⁾ Περὺς πτότων ἢ ἀπίστον τιπτήσας, καθαιρεῖται.

храма подзаконнаго. Для этого избираются церковные номофилаксы и еддики, какъ лица издревле отцами назначенныя карать подобныя преступленія¹⁴. 20 апостольское правило Аристинъ толкуетъ также рестриктивно, но уже на совершенно иномъ, даже можно сказать, противоположномъ основаніи. Въ выше указанномъ примѣрѣ такимъ основаніемъ служатъ соображенія строгости, необходимость покарать виновныхъ, здѣсь имъ служить напротивъ гуманное желаніе оказать помощь нуждающемуся (Аристинъ ссылается на „человѣколюбіе“ — φιλανθρωπία). Правило выражено строго и не допускаетъ повидимому изъятій: „кто изъ клира дастъ себя порукою за кого-либо, да будетъ изверженъ“¹⁵). Напротивъ, все толкованіе направлено на то, чтобы ограничить запрещеніе правила только тѣми случаями, которые несовмѣстимы съ достоинствомъ духовнаго званія: „не должно, говоритъ Аристинъ, клирику брать на себя дѣла и хлопоты въ судахъ *изъ-за какой-либо постыдной корысти*. Ибо если, напримеръ, Павелъ заключаетъ договоръ съ казною или съ частнымъ лицомъ, и если ему не вѣрять, а требуютъ отъ него поручительство, и поручится за него клирикъ: таковой окажется виновнымъ и долженъ подлежать изверженію, потому что сдѣлался презрителемъ сего запрещенія изъ-за какой-либо корысти. *Если же клирикъ вступитъ человека съ бѣдой*, содержимаго подъ стражею, который оттуда можетъ выдти не иначе, какъ если дастъ какого-либо поручителя въ томъ, что онъ не убѣжитъ, и если клирикъ изъ состраданія и человѣколюбія возьметъ такового и поручится, что онъ явится въ судъ, когда его потребуютъ, въ такомъ случаѣ *не только не будетъ подлежать изверженію, но и будетъ признанъ достойнымъ похвалы, какъ положивший душу свою за ближняго*“. Толкуя дагѣ ограничительно это правило, Аристинъ приводитъ въ доказательство случай изъ церковной практики, изъ исторіи IV вселенскаго собора.

Наряду съ рестриктивнымъ, ограничительнымъ у Аристина встрѣчается и экстенсивное, распространительное толкованіе. Такъ изложено у него напр. 32 правило кареагенскаго собора, которое по Синописису гласитъ: „*епископъ не долженъ отлучаться за море, если не получить отпускнаго одобренія отъ пер-*

¹⁴) Κληρικὸς ἐγγύας οὐ δίδωσι: δοὺς δὲ, καθαιρεῖται.

венствующаго въ странѣ" ¹⁷⁾. Здѣсь собственно запрещается епископамъ Африки отлучаться самовольно въ Римъ. Аристинъ же передаетъ это запрещеніе, значительно расширивъ его смыслъ: „ни епископъ, ни клирикъ не долженъ отлучаться далеко (ακράν ἀποδημεῖν οφεῖλε) безъ вѣдома и грамоты первенствующаго въ странѣ“.

За весьма лишь рѣдкими исключеніями, въ согласованіе правилъ Аристинъ не входитъ. Къ такимъ исключеніямъ принадлежитъ толкованіе на 137 правило карфагенскаго собора ¹⁸⁾, направленное всецѣло къ согласованію его съ 135 правиломъ того же собора. Въ другомъ мѣстѣ, указывая несогласіе правилъ, Аристинъ даетъ одному изъ нихъ предпочтеніе, какъ болѣе гуманному: на постановленіе 15 правила антиохійскаго собора („если во время суда надъ епископомъ всѣ епископы области будутъ согласны, то новаго суда не бываетъ“) онъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „это правило не дозволяетъ изверженному всѣми епископами области быть судиму другими по апелляціи, но хочетъ, чтобы оставался твердымъ приговоръ, постановленный противъ него согласно всѣми епископами области. Однако, какъ мы сказали въ 4 правилѣ настоящаго собора, болѣе имѣетъ силы мнѣніе тѣхъ, которые опредѣлили, чтобы считающій себя несправедливо осужденнымъ представлялъ апелляціонную жалобу и получалъ помощь отъ апелляціи, какъ мнѣніе болѣе справедливое и болѣе человеколюбивое (ὡς δικαιοτέρα καὶ φιλανθρωποτέρα)“. Замѣчательно, что здѣсь Аристинъ даетъ предпочтеніе правиламъ, благопріятнымъ римской церкви (т.-е. 4 и 5 сардикск. соб.) во имя соображеній гуманности. Вообще можно сказать, что у этого толкователя не проявляется еще той неприязни, почти ненависти къ латинянамъ, которую можно отмѣтить у Зонары и въ особенности у Вальсамона. Онъ почти не полемизируетъ противъ Запада и болѣе объективенъ въ своихъ толкованіяхъ. Это, конечно, объясняется тѣмъ, что онъ повсюду до крайности кратко, ограничивается изложеніемъ только самаго существеннаго, да къ тому же почти не высказываетъ

¹⁷⁾ Ἐπίσκοπος οὐκ ἀποδημήσει πέραν θαλάσσης, εἰ μὴ τοῦ προσέουοντος τῆς χώρας ἀπολυτικὴν λάβῃ παράθεσιν. Συντ. III, 368.

¹⁸⁾ Συνт. III, 587.

своихъ собственныхъ мнѣній, заимствуя дополненія изъ полнаго текста и широко пользуясь древними глоссами. Поэтому же онъ не вдается въ разсужденія, почти не дѣлаетъ общихъ выводовъ, извлекая догматическія положенія изъ толкуемыхъ правилъ. Если онъ по мѣстамъ и высказываетъ подобныя положенія, то они являются у него какъ бы не результатомъ толкованія, но предварительными общими замѣчаніями, которыя предпосылаются толкованіямъ: напр. „неповинующіеся слову и каноническимъ предписаніямъ должны быть исправляемы начальственной властію (ἀρχοντικῆς χειρὸς)“¹⁹⁾, или „каждый патріархъ долженъ доволствоваться своими преимуществами, и никто изъ нихъ не долженъ восхитаться иной областью, которая прежде и отъ начала (ἀνωθεν καὶ ἐξ ἀρχῆς) не была подъ его властію“²⁰⁾, или „не дозволено одному и тому же лицу стоять подъ властію двухъ епископовъ и быть взиркомъ того и другаго“²¹⁾ и т. д.

с) Что касается толкованій Аристіна со стороны *практической*, то въ его задачу не входило разрѣшеніе затрудненій, представляемыхъ приложеніемъ правилъ на практикѣ. Только въ толкованіи на 40 прав. апост. онъ указываетъ такъ-сказать способъ его исполненія, говорятъ, какъ оно можетъ быть осуществлено: епископъ при рукоположеніи на епископію долженъ составить опись собственному имуществу и объявить ее; точно также—и имуществу церкви, дабы собственнымъ имуществомъ и при жизни и по смерти могъ располагать, какъ ему угодно, а церковь сохранила свое“. Встрѣчаются также у Аристіна указанія на церковную практику, напр. въ толкованіи на 49 правило лаодикійскаго собора онъ замѣчаетъ: „это правило не оставлено совершенно въ пренебреженіи, но соблюдается“; въ толкованіи на правила карфагенскаго собора²²⁾, напротивъ указываетъ, что оно „представляетъ поводъ къ смятеніямъ и соблазнамъ (ὁ κανὼν οὗτος ἀνυχύσειός ἐστι καὶ σκανδάλων παραίτιος) и практической силы не имѣетъ.

Нѣкоторыя правила Синодеса оставлены Аристиномъ безъ

¹⁹⁾ 78 пр. карф. соб. Συνт. III, 447.

²⁰⁾ 6 пр. I всел. соб.

²¹⁾ 10 пр. IV всел. соб.

²²⁾ Русскій переводъ толкованій стр. 366; Συνταγμα III, 292.

толкованій. Сюда прежде всего относятся ясныя правила, не нуждавшіяся въ особыхъ разъясненіяхъ; въ подобныхъ случаяхъ Аристинъ писалъ только: (правило) „ясно“, какъ напр. въ 41 апост., 5 констант. I, 10 трудьск. и проч. Въ другихъ мѣстахъ правила оставлены неразъясненными безъ всякаго замѣчанія, напр. 17 ипвейск. II соб. Безъ толкованія оставлены также 16 и 17 правила Василя Великаго, но по иной причинѣ: „эти два пункта, говорить Аристинъ, не могутъ быть предметомъ каноническаго толкованія, такъ какъ они содержатъ въ себѣ толкованіе мѣстъ Писанія, указанныхъ Василю Великому св. Амеллохіемъ.

Изъ всего сказаннаго достаточно выясняется характеръ Аристиновыхъ толкованій. Толкованія эти преимущественно *догматическія*—по содержанію своему мало оригинальны въ томъ смыслѣ, что представляютъ собою обыкновенно перифразъ правилъ. Главная цѣль Аристина—восполнить недостатки Синодеса: неполноту, неточность, неясность и по мѣстамъ, ошибки его редакціи—имъ достигнута успѣшно. Только весьма немногія правила, какъ мы видѣли, остались неразъясненными или же невѣрно истолкованы.

2. З о н а р а .

Разсматривая выше спорный въ литературѣ вопросъ о томъ, кто писалъ свои толкованія раньше—Аристинъ или Зонара, мы пришли къ заключенію, что старшимъ канонистомъ долженъ быть признанъ Аристинъ. Еще болѣе убѣдились мы въ этомъ изъ разсмотрѣнія толкованій Зонары, которыя въ сравненіи съ Аристиновыми являются гораздо болѣе совершенными, какъ по своей оригинальности, остроумію въ разрѣшеніи юридическихъ вопросовъ, такъ и по своей полнотѣ; слѣдовательно, они представляютъ какъ бы шагъ впередъ въ разъясненіи церковныхъ правилъ. Зонара, истолковавшій Синагму Фотіева канона, воспользовался большимъ количествомъ источниковъ; онъ не только дѣлаетъ, при изъясненіи правилъ многочисленныя ссылки на другія однопредметныя правила, не только пользуется гражданскими законами по дѣламъ церкви, указывая ихъ и цитируя, но весьма часто пользуется и книгами Свящ. Писанія, Евангеліемъ, по-

сланіями апостоловъ, ветхозавѣтными вѣнгами, а также свято-отеческими сочиненіями.

а) Въ противоположность 'Аристину, у котораго *историческое* толкованіе встрѣчается сравнительно рѣдко и представляетъ лишь краткія указанія, относящіяся преимущественно къ исторіи соборовъ и еретическихъ ученій, Зонара сообщаетъ довольно полныя, хотя и сжато изложенныя историческія свѣдѣнія почти о каждомъ соборѣ и особенно существенныя въ каноническомъ отношеніи указанія на существовавшій въ древней церкви порядокъ, на условія церковной жизни, современныя древнимъ правиламъ, но уже успѣвшія измѣниться къ XII вѣку. Въ толкованіи на 85 апостольское правило Зонара даетъ обстоятельныя свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи источниковъ каноническаго права: о постановленіяхъ апостольскихъ, „обнародованныхъ Климентомъ“ и поврежденныхъ впоследствии „зломыслищими людьми“, о запрещеніи читать ихъ VI вселенскимъ (т.е. трульскимъ) соборомъ, объ утвержденіи этимъ соборомъ изданныхъ до него каноновъ и, въ заключеніе, о необходимости принимать только 85 апостольскихъ правилъ. Къ исторіи же источниковъ должна быть отнесена краткая замѣтка Зонары о времени составленія 1 правила Григорія Нисскаго. Но самыми важными толкованіями по исторіи источниковъ служатъ историческія замѣтки, предпосланныя правиламъ всѣхъ вселенскихъ и почти всѣхъ помѣстныхъ соборовъ. Такъ, правиламъ I вселенскаго собора предпослано какъ бы краткое историческое введеніе, въ которомъ сказано, что этотъ соборъ былъ въ царствованіе Константина Великаго, въ Никей Византійской, состоялъ изъ 318 отцовъ, былъ созванъ противъ Арія (ученіе котораго тутъ-же кратко излагается) и утвердилъ православный догматъ. „Первымъ, замѣчаетъ Зонара, называется сей никейскій соборъ въ числѣ вселенскихъ. Хотя и прежде его были различныя соборы помѣстные, но поелику онъ есть первый изъ вселенскихъ, то и поставленъ прежде прочихъ, бывшихъ ранѣе его, т.е. антиохійскаго противъ Павла Самосатскаго, собиравшагося при императорѣ Авреціанѣ, анкирскаго, на которомъ было изслѣдованіе объ отвергшихся вѣры во времена гоненій и послѣ покаявшихся—какъ должно принимать ихъ, и неокесарійскаго, на которомъ постановлены правила о церковномъ благочиніи“. Здѣсь

Зонара объясняетъ принятую имъ систему изложенія правилъ по началу авторитетности, сравнительной важности издавшей ихъ церковной власти, повторяя въ сущности слова древняго составителя каноническаго сборника IV в. Коротче историческое введеніе ко II вселенскому собору, изложенное въ нѣсколькихъ словахъ: „святый и вселенскій второй соборъ былъ при императорѣ Θεодосіи Великомъ, въ Константинополѣ, когда противъ духоборцевъ собрались 150 святыхъ отцевъ, которые изложили и нижеслѣдующія правила“. Столь же кратко введеніе къ III вселенскому собору о времени, мѣстѣ и цѣли его созванія. Напротивъ, IV вселенскому, халкидонскому — предпосылается довольно обстоятельное изложеніе ереси, на немъ осужденной. V и VI соборы, какъ извѣстно, не издали правилъ, тѣмъ не менѣе Зонара излагаетъ ихъ исторію, перечисляетъ всѣхъ преданныхъ имъ анаѳемъ лжеучителей, а въ послѣднемъ даетъ сжатый очеркъ ученія, сформулированный отцами собора. О трузьскомъ соборѣ, имѣвшемъ такое важное значеніе для восточной церкви, Зонара замѣчаетъ только, что онъ состоялся „въ царствованіе Юстиніана втораго, т.-е. Ринотмита, который былъ сынъ Константина Погоната“, что собравшіеся 227 епископовъ издали правила, относящіеся къ церковному устроенію и утвержденныя названнымъ императоромъ. „И этотъ соборъ, продолжаетъ Зонара, называется шестымъ потому, что на немъ не было изслѣдованія о вѣрѣ и догматахъ, такъ чтобы отъ сего онъ могъ считаться отдѣльнымъ соборомъ, и потому что онъ восполнилъ неполноту шестаго собора, т.-е. изложеніе правилъ, также и потому причисленъ къ шестому, что былъ ближайшимъ къ нему“. Наконецъ, о VII вселенскомъ соборѣ сообщаются краткія свѣдѣнія о времени, мѣстѣ и цѣли его созыва, а также объ утвержденіи имъ иконопочитанія.

Поставивъ правила помѣстныхъ соборовъ на второе мѣсто, Зонара считаетъ нужнымъ въ историческомъ введеніи къ каждому изъ нихъ указать ихъ древность, слѣдуя и въ этомъ отношеніи примѣру составителя кодекса IV вѣка. Замѣчательно при этомъ, что подобныя указанія сдѣланы Зонарой именно на тѣ соборы, на которые ихъ сдѣлалъ древній компиляторъ, т.-е. кромѣ никейскаго (о которомъ уже была рѣчь выше), также на анкирскій, неокесарійскій и гангрскій. Объ анипрскомъ Зо-

нара замѣчаетъ: „И сей соборъ, состоявшійся въ Анкирѣ, митрополитъ галатійской, былъ прежде никейскаго, перваго вселенскаго собора“. Далѣе называются имена предсѣдателя и нѣкоторыхъ членовъ анкирскаго собора, а въ заключеніе указана цѣль, для которой онъ состоялся, причемъ повторяется съ нѣкоторыми подробностями уже сказанное объ этомъ въ I вселенскомъ соборѣ. О неокесарійскомъ соборѣ Зонара также замѣчаетъ: „Соборъ, состоявшійся въ Неокесаріи, что въ Понтійской области, есть вторымъ послѣ анкирскаго, но древнѣе прочихъ и самаго перваго вселенскаго собора, бывшаго въ Никее“. О гангрскомъ Зонара говоритъ, что „соборъ бывшій въ Гангрѣ, Пафлагонской митрополитіи, былъ послѣ перваго никейскаго собора противъ нѣкоего Евстаѳа и единомысленныхъ съ нимъ, которые, вводя клевету на законный бракъ, утверждали, что никому изъ состоящихъ въ бракѣ нѣтъ надежды на спасеніе у Бога“. Затѣмъ, замѣтивъ объ успѣхѣ этого лжеученія и его печальныхъ послѣдствіяхъ, Зонара излагаетъ и прочія заблужденія Евстаѳа. Больше точно время указанныхъ трехъ помѣстныхъ соборовъ не опредѣляется.

Обширнѣе историческое введеніе, предпосланное правиламъ антиохійскаго собора. Здѣсь довольно подробно разсказывается о двухъ соборахъ, бывшихъ въ разное время въ Антиохіи. „Въ Антиохіи, говоритъ Зонара, были два собора: первый—при Авреліанѣ императорѣ римскомъ, противъ Павла самосатскаго, который былъ ересеначальникомъ и называлъ Господа нашего и Бога Иисуса Христа простымъ человекомъ, а Сына Божія называлъ словомъ, которое произносится (профорикѳъ). Были на этомъ соборѣ многіе и другіе епископы и святой Григорій Чудотворецъ. Они собрались въ Антиохіи, епископомъ которой былъ Павелъ самосатскій. Не убѣдивъ этого Павла увѣщаніями и доказательствами изъ писаній отказаться отъ его хульныхъ противъ Господа мѣній, общимъ голосомъ извергли его и предали анаемѣ. Но онъ не оставилъ каедры церкви антиохійской, почему отцы собора донесли объ этомъ императору Авреліану, и онъ повелѣлъ епископу римской церкви и находящимся подъ его властію архіереямъ разсмотрѣть донесенное на Павла, и если онъ изверженъ справедливо, изгнать его изъ церкви христіанской. Такъ и сдѣлано, какъ повѣствуетъ Евсевій Пам-

жилъ. Другой соборъ былъ въ Антиохіи послѣ, при Констанціи, сынъ Константина Великаго, спустя пять лѣтъ послѣ смерти отца его, и изложилъ правила "... Далѣе слѣдуетъ посланіе собора „единомысленнымъ и святымъ сослужителямъ, находящимся въ сей области“.

Лаодикийскій соборъ историческаго введенія не имѣеть; сардинскій, напротивъ, снабженъ довольно обширнымъ введеніемъ, въ которомъ излагаются всѣ обстоятельства, вызвавшія его. Подобныя историческія свѣдѣнія и о томъ же соборѣ, но только сокращенно изложены въ толкованіи на 5 правило II вселенскаго собора по поводу упомянутаго въ этомъ правилѣ „свитка западныхъ“, подъ которымъ разумѣется опредѣленіе сардинскаго собора. Довольно подробныя историческія свѣдѣнія сообщены также о кареагенскомъ соборѣ: во введеніи къ нему сказано, что онъ состоялся въ Кархидонѣ въ царствованіе Гонорія и Θεодосія Малаго, что на немъ присутствовали 217 отцевъ изъ Африки и подчиненныхъ ей странъ, также мѣстоблюстители папы и другихъ епископовъ не бывшихъ лично на соборѣ. Къ исторіи же этого собора, или его дѣяній относится толкованіи Зонары на 57—58 правило, 65, 67, 104, 113, и также на соборныя посланія къ Вонифатію и Келестину.

Правило константинопольскаго помѣстнаго собора не имѣеть историческаго введенія; впрочемъ въ толкованіи къ нему довольно пространно обозначена цѣль его установленія. Не имѣеть введенія и соборъ бывшій въ храмѣ св. Софіи, а введеніе къ правиламъ двукратнаго собора всецѣло посвящено объясненію его названія.

Въ тѣсной связи съ исторіей соборовъ стоятъ толкованія Зонары, касающіяся религіозныхъ sectъ лжеучителей. Помимо болѣе или менѣе подробныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ объ этихъ предметахъ въ историческихъ введеніяхъ къ соборамъ, такія толкованія сдѣланы повсюду, гдѣ это требовалось содержаніемъ отдѣльныхъ правилъ. Такъ въ 8 правилѣ нивейскаго I собора содержится постановленіе о такъ называемыхъ „чистыхъ“ (καθαρῶν). Зонара по этому поводу сообщаетъ о нихъ въ толкованіи довольно подробныя историческія свѣдѣнія. „Чистыми, говорятъ онъ, называются наватіане; а Навать былъ пресвитеръ римской церкви, который не принималъ кающихся изъ падшихъ

во время гоненія и не вступалъ въ общеніе съ двубрачными. Посему, хотя погрѣшалъ не въ отношеніи къ вѣрѣ, но за немилосердіе и братоненавидѣніе соборомъ, бывшимъ въ Римѣ при Корнеліи, папѣ римскомъ, въ царствованіе Декія, онъ былъ отлученъ и преданъ анаемѣ, какъ повѣствуетъ Евсевій Памфилъ⁴. Подобныя историческія данныя сообщены также въ 1 правилѣ II вселенскаго собора о Македоніи, полуаріанахъ, о Евноміи, Евдоксіи, Савелліи ливійскомъ, Марвелліи анкирскомъ, Фотинѣ сирмійскомъ и Аполлинаріи лаодикійскомъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя Зонарой въ 4 правилѣ II вселенскаго собора о Максимѣ Циникѣ много подробнѣе сообщенныхъ Аристиномъ. Въ 7 правилѣ этого же собора не менѣе обстоятельно разсказывается о Монтанѣ и его послѣдователяхъ. Сюда же относятся толкованія на многія правила III вселенскаго собора, 5, 6, 12 и 17 гангрскаго, 35 лаодикійскаго, 78 кареягенскаго и нѣк. др.

Мы обозрѣли толкованія Зонары по исторіи источниковъ каноническаго права; но гораздо интереснѣе въ каноническомъ отношеніи тѣ толкованія его, которыя сообщаютъ свѣдѣнія о существовавшемъ въ древности порядкѣ, церковныхъ институтахъ, подъ вліяніемъ времени упраздненныхъ или видоизмѣнившихся. Такъ, объясняя правила, касающіяся брака, Зонара дѣлаетъ указанія на исторію этого института, причемъ восходитъ до самой глубокой древности, до той формы его, какую онъ имѣлъ до христіанства. „Въ древности, говоритъ Зонара въ толкованіи на 5 апостольское правило, позволялось разводиться сожителемъ (супругамъ) и безъ вины, когда бы ни захотѣли, но Господь, какъ написано въ Евангеліяхъ, отвергнулъ сіе“. Въ 87 правилѣ трульскаго собора Зонара повторяетъ то же самое, дополнивъ болѣе подробными свѣдѣніями о бракѣ у евреевъ и объ ученіи Христа о разводѣ. Въ названномъ 5 апостольскомъ правилѣ упоминаются жены епископовъ; разъясняя его, Зонара указываетъ на измѣнившійся въ церкви порядокъ и на самое время, когда это измѣненіе произошло. „Правило, говоритъ онъ, упоминаетъ объ епископахъ, имѣющихъ женъ, потому что тогда епископы безпрепятственно жили въ законномъ супружествѣ съ женами. Соборъ трульскій, называемый шестой, запретилъ это въ 12 своемъ правилѣ“.

Богѣ или менѣ подробныя свѣдѣнія сообщаетъ Зонара и относительно другихъ предметовъ и институтовъ, кромѣ брака. Въ 74 правилѣ трулльскаго собора онъ говоритъ объ агапіяхъ, или трапезахъ любви: „быль древній обычай по приобщеніи божественныхъ тайнъ учреждать общія трапезы, на которыхъ предлагалась пища и питіе, причемъ нужное для сего доставляли богатые и приглашали бѣднѣйшихъ. Объ этомъ упоминаетъ и великій Павелъ въ посланіи къ коринѳянамъ“ и т. д. О томъ же предметѣ и почти тѣми же словами сказано въ толкованіи на 11 правило гангрскаго собора. О принявшихъ христіанство, но еще не крестившихся, Зонара говоритъ въ поясненіе 12 правила анкирскаго собора, которое подобно многимъ другимъ стало непонятнымъ при измѣнившихся условіяхъ церковной жизни. „Въ древности, читаемъ мы здѣсь, многіе принимали проповѣдь и вѣровали во Христа, но крещеніе отлагали. Почему и Григорій Богословъ и Василій Великій написали слова, побуждающія ко святому крещенію. Такимъ образомъ во времена гоненій было много такихъ, которые были христіанами, но еще не были крещены“. Толкованіе на 5 правило неокесарійскаго собора объ оглашенныхъ и ихъ видахъ совершенно сходно съ Аристиновымъ и, если не заимствовано у послѣдняго, то несомнѣнно почерпнуто изъ общаго съ нимъ источника. По поводу 11 правила лаодикійскаго собора постановившаго, чтобы не ставились въ церкви предсѣдательницы или пресвитериды, Зонара дѣлаетъ общее замѣчаніе, что „у древнихъ были нѣкоторые обычаи, исполняемые въ церквахъ, изъ которыхъ одни съ теченіемъ времени измѣнились, а другіе и совершенно прекратились, а нѣкоторые запрещены и правилами. Изъ сихъ обычаевъ, продолжаетъ онъ, одинъ былъ такой, что нѣкоторыхъ старыхъ жевщицъ поставляли въ церковь пресвитеридами и называли предсѣдательницами, которыя начальствовали надъ входящими въ церковь женщинами, какъ бы учительницами, и наставляли ихъ въ благочинія и научали, какъ и гдѣ имъ должно стоять“. Подобныя же, хотя и менѣ обстоятельныя историческія свѣдѣнія Зонара даетъ о привратникахъ въ 22 правилѣ лаодикійскаго собора, объ избраніи въ древности епископовъ въ 12 правилѣ того же собора и 6 никейскаго, о временно управляющихъ незанятыми епископіями въ 74 карфагенск., о порядкѣ

старшинства африканскихъ епископовъ въ 97 того же собора, о двойныхъ монастыряхъ въ 20 VII вселенскаго собора, о приносящихъ объѣтъ двѣства въ 6, 53 и 140 кареагенскаго. Не вполне увѣренно, но въ формѣ предположенія дѣлаетъ Зонара историческія указанія на 16 правило лаодикійскаго собора, которое гласитъ: „въ субботу читать и Евангеліе съ другими писаніями“. Въ толкованіи на это правило сказано: „кажется, тогда еще не было того состава чтеній въ церквахъ, какой установился послѣ того, но когда соборались вѣрные, совершались только молитвы, и священники приносили безкровную жертву; и по этой причинѣ соборъ опредѣлилъ, что для утвержденія вѣрныхъ въ субботу должно читать Евангеліе съ другими писаніями“. Богослуженія также касается толкованіе на 19 правило того же лаодикійскаго собора; здѣсь Зонара, изложивъ прежній порядокъ церковной службы, замѣчаетъ: „но нынѣ не бываетъ того, что относится къ кающимся (т-е. молитвы о нихъ), и я не знаю, какимъ образомъ это прекратилось. Потомъ, продолжаетъ Зонара свое изложеніе, священники подавали епископамъ миръ, т-е. цѣлованіе; ибо цѣлованіе есть знакъ любви, а за любовью слѣдуетъ мирствованіе. И священники опять подавали миръ мірянамъ, чего нынѣ не бываетъ, ибо упразднилось, какъ и многое другое, совершавшееся въ древности“. Далѣе, къ историческимъ толкованіямъ, имѣющимъ своею цѣлью выяснитъ правила указаніями на древній вызвавшій ихъ порядокъ, относятся также замѣчанія о такъ называемыхъ „позорищныхъ“ въ 74 правилѣ кареагенскаго собора и объ освобожденіи рабовъ въ 93 его правилѣ.

Разсматривая историческія толкованія Аристіна, мы замѣтили, что у него встрѣчаются нзрѣдка объясненія повода, вызвавшаго то или другое правило. У Зонары подобныя указанія несравненно многочисленнѣе и обстоятельнѣе. Такъ, въ правилѣ константинопольскаго помѣстнаго собора, изъясненнаго исторически и Аристиномъ, Зонара не довольствуется однимъ замѣчаніемъ, что отцы собора опасались за повтореніе нарушеній въ будущемъ и потому установили это правило, но подробно передаетъ мнѣнія отцевъ—епископа анкирскаго Аравіана, предсѣдателя Нектарія и Феопла александрійскаго; рѣчь перваго изложена даже подлинными словами. Въ 89 правилѣ кареаген-

скаго собора Зонара также сообщаетъ, вызвавшій его поводъ. Здѣсь мы узнаемъ, что въ нумидійскомъ городѣ Иппомъ „былъ епископомъ Эвпитій, противъ котораго возстали нѣкоторые изъ клириковъ; къ нимъ присоединились и многіе изъ народа, отрехшись отъ общенія съ нѣмъ, которое соборъ называлъ незаконнымъ, такъ какъ оно не было опредѣлено и постановлено соборомъ. Итакъ по причинѣ этого возмущенія, поясняетъ Зонара, было рѣшено послать туда нѣкоторыхъ изъ епископовъ“, о чемъ говорится въ правилѣ. Поводъ указанъ Зонарой также въ слѣдующихъ соборныхъ правилахъ: 12 халкидонскаго, 25, 131—132 кареагенскаго, 51, 63 трудльскаго. Также: въ 10 Василия Великаго, 10 Григорія Неожесарійскаго, въ посланіи св. Аванасія къ Руфиніану и въ другихъ мѣстахъ.

Наконецъ, Зонара сообщаетъ и нѣкоторыя другія свѣдѣнія, не подходящія ни подъ одинъ изъ выше перечисленныхъ рубрикъ, но также служащія къ поясненію правилъ съ исторической стороны. Такова замѣтка въ 8 прав. III вселенскаго собора, рѣшившемъ дѣло архіепископа кипрскаго Ригина, его споръ о независимости Кипра отъ антиохійскаго архіепископа. „Архіерей антиохійской церкви, замѣчаетъ Зонара, привлекалъ къ себѣ рукоположенія кипрскихъ епископовъ, можетъ-быть потому что островъ Кипръ въ давнее время былъ подъ властію правителя Антиохіи ибо отъ правителя Антиохіи туда посылался военачальникъ“. Такія же свѣдѣнія Зонара сообщаетъ въ 133 правилѣ кареагенскаго собора, 18 сардикскаго, въ посланіи III вселенскаго собора и друг.

Историческія толкованія Зонары представляютъ весьма существенную часть его труда. Въ нихъ задается какъ бы краткая исторія каноническаго права, исторія его источниковъ, нѣкоторыхъ институтовъ, выясняется различіе условій церковной жизни въ древности и современной толкователю. При этомъ онъ пользуется разнообразными источниками, между прочимъ ссылается на Евсевія П.

в) Характеръ *догматическихъ* толкованій Зонары точно также объясняется особенностями полнаго каноническаго кодекса, какъ характеръ Аристиновыхъ толкованій—недостатками сокращеннаго. Одна изъ выдающихся особенностей Фотіева номоканона состоитъ въ томъ, что въ него вошли безъ измѣненія правила,

возникшія въ самыя отдаленныя другъ отъ друга времена и въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ. Цѣлый рядъ толкованій Зонары направленъ на устраненіе именно отсюда происшедшихъ затрудненій. Таковы прежде всего толкованія, направленныя на разрѣшеніе кажущихся противорѣчій. Подобное противорѣчіе Зонара указываетъ, объясняя 20 правило трудльскаго собора, въ которомъ епископъ, всенародно учащій въ непринадлежащемъ ему городѣ, подвергается слѣдующему наказанію: „да престанеть отъ епископства и да совершаетъ дѣла пресвитерства“. „Иной можетъ придти въ недоумѣнію, замѣчаетъ на это Зонара, какимъ образомъ 29 правило IV собора говоритъ, что низводитъ изъ епископа въ достоинство пресвитера есть святотатство; а настоящее правило утверждаетъ: „аще кто усмотрѣвъ будетъ творящій сіе: да престанеть отъ епископства и да совершаетъ дѣла пресвитерства“? На это можно отвѣчать, что тамъ (въ правилѣ IV собора) говорится объ изверженіи законномъ или незаконномъ; ибо изверженъ изъ епископства по какому-нибудь обвиненію и за грѣхъ и въ такомъ случаѣ не долженъ быть и пресвитеромъ, или изверженъ изъ епископства безвинно, и въ такомъ случаѣ не долженъ быть низведенъ на степень пресвитера, но опять долженъ быть епископомъ. А здѣсь епископъ не допустилъ грѣха, возбраняющаго ему священство, а погрѣшилъ славолюбіемъ и желаніемъ похвалы, и потому чтобы онъ получилъ наказаніе, соотвѣтствующее его паденію и научился смиренномудрію, онъ престаеть отъ епископства и низводится на мѣсто пресвитера“. Зонара разрѣшаетъ подобныя же кажущіяся противорѣчія между 14 апостольск. прав. и 16 антиох. собора, 79 апостольск. и 3 Тимоѳея Ал., 4 никейскаго собора и 13 кареагенскаго, 19 VII вселенскаго и 2 IV, 4 антиохійскаго и 15 кареагенскаго и др. Всѣ эти повидимому взаимно противорѣчащія правила возникли въ болѣе или менѣе отдаленное другъ отъ друга время.

Но Зонара согласуетъ также постановленія, возникшія почти одновременно, т.-е. писанныя однимъ и тѣмъ же лицомъ, каковы правила Василія Великаго 59 и 83 съ его же 22 и 65 правилами.

Согласуя кажущіяся противорѣчія, Зонара выходитъ, очевидно, изъ того предположенія, что правила, содержащіяся въ одномъ кодексѣ, основанныя на однихъ и тѣхъ же религіозно-

нравственныхъ принципахъ не могутъ стоять въ противорѣчій другъ другу. Эта презумпція, необходимая при толкованіи всякаго кодекса юридическихъ нормъ, тѣмъ болѣе необходима для каноническаго кодекса, о чемъ было уже говорено выше въ характеристикѣ Фотіева номоканона. Зонара ясно высказываетъ эту мысль въ 14 апост. правилѣ говоря: „не должно думать, что каноны даютъ противорѣчивыя опредѣленія“. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ, немногихъ правда, случаяхъ, несогласіе правилъ настолько очевидно, что Зонара отказывается отъ ихъ согласенія. Здѣсь особенно ясно выступаетъ указанная особенность номоканона. Приведемъ два примѣра. 20 правило карфагенскаго собора гласитъ: „чтецовъ приходящихъ въ совершенный возрастъ должно побуждать, или ко вступленію въ супружество, или къ обѣту цѣломудрія“. Зонара по поводу этого постановленія замѣчаетъ: „чтобы чтецы, достигающіе совершеннаго возраста, то-есть до 14 года, были побуждаемы или вступить въ бракъ, или дать обѣтъ безбрачія, я не знаю, соблюдалось ли въ Африкѣ; а въ прочихъ церквахъ не соблюдается; да думаю, что никогда не соблюдалось, *потому что противорѣчитъ 26-му апостольскому правилу*, которое опредѣляетъ, что чтецы и пѣвцы могутъ вступать въ бракъ и послѣ вступленія въ клиръ и не опредѣляетъ имъ времени для брака и не требуетъ, чтобы они давали обѣтъ воздержанія“. Толкуя 89 прав. Василія Великаго въ которомъ святой „обвиняетъ подчиненныхъ ему хорепископовъ въ томъ, что они сами по себѣ поставляютъ служителей и нарушаютъ обычай“, Зонара замѣчаетъ: „дѣйствоваль-ли такой обычай въ то время, не знаю, правила же такого въ соборахъ, бывшихъ ранѣе его, не находится; а скорѣе 10 правило антиохійскаго собора, который былъ ранѣе сего святаго, предоставляетъ хорепископамъ право поставятъ иподіаконовъ, которые также называются служителями, и чтецовъ, и заклинателей; а пресвитеровъ и діаконовъ опредѣляетъ хорепископамъ не рукополагать, развѣ только съ разрѣшенія епископа, которому они подчинены“. Далѣе Зонара отмѣчаетъ правила, видоизмѣнившія прежде изданныя, или видоизмѣненныя позднѣйшими. Такъ, въ толкованіи на 37 апост. правило сказано, что оно также какъ и 20 антиохійскаго собора, опредѣляетъ два срока для ежегодныхъ соборовъ: четвертую седмицу по пасхѣ и осеннюю пору,

т.-е. октябрь; 5 правило I никейскаго собора опредѣляетъ также два срока, но иные: одинъ—предъ четырехдесятицею, другой—около осенняго времени; VI же вселенскій соборъ и никейскій II по причинѣ затруднительности и издержекъ путешествія предписываютъ однажды въ годъ собираться епископамъ.

Нѣкоторые правила трудскаго собора прямо отмѣняютъ раньше издачныя постановленія: таково 16 правило, отмѣняющее 15 неокесарійскаго собора о томъ, чтобы число діаконовъ равнялось семи даже въ весьма большихъ городахъ, или 29 трудскаго, отмѣняющее 48 кареагенскаго. Въ подобныхъ случаяхъ и Зонара указываетъ отмѣну прежнихъ правилъ. Но не всегда отмѣна прямо выражена въ правилахъ: иногда она слѣдуетъ косвенно изъ содержанія ихъ, а потому указать ее въ такихъ случаяхъ было особенно важно; и Зонара дѣйствительно дѣлаетъ подобныя указанія.

Когда опредѣленія правилъ сталкиваются, онъ даетъ одному изъ нихъ предпочтеніе, причемъ большею частію высказываетъ и основанія. Такъ, изложивъ 10 правило анкирскаго собора, дозволяющее при извѣстныхъ условіяхъ діаконамъ вступать въ бракъ послѣ рукоположенія, Зонара продолжаетъ: „а 26 правило св. апостоловъ только чтецамъ и пѣвцамъ даетъ позволеніе вступать въ бракъ послѣ введенія въ клиръ. И 6 правило VI собора, слѣдуя сему апостольскому правилу, воспрещаетъ всякому пресвитеру и діакону и иподіакону вступать въ бракъ послѣ рукоположенія, а не соблюдающихъ этого правила повелѣваетъ извергать; но предписываетъ указаннымъ лицамъ заключать браки, если пожелаютъ, прежде рукоположенія. Итакъ, поелику сіи правила очевидно противны одно другому, то должно имѣть силу правило VI собора, какъ позднѣйшее и согласное съ апостольскимъ“. Въ 47 правилѣ Василія Великаго Зонара говоритъ: здѣсь святой опредѣляетъ, что наватіанъ, приходящихъ къ церкви, должно крестить, наряду съ прочими, потому, конечно, что они мыслятъ одинаково съ Маркіономъ. А 7 правило 2 собора, исчисляя тѣхъ, которыхъ должно принимать только помазаніемъ, присоединяетъ къ нимъ и наватіанъ. И это правило, безъ сомнѣнія, должно имѣть больше силы, какъ позднѣйшее и соборное“. Въ 1 правилѣ Василія Великаго: „вопросъ былъ о томъ, должно ли крестить наватіанъ, которые именовали себя

казарами (четырма). Объ этомъ свѣдѣніи говорить томе, что было сказано прежде; а это прежде снѣзанное отиравается изъ словъ: „ты благорасудительно упомянуть, яко подобаетъ послѣдовать обычаю каждыя страны, потому что о нихъ крещеніи различно думали“, т.-е. разными лица различно говорили о томъ, какъ должно принимать ихъ, когда они обращаются. Таковъ отзывъ Василія Великаго о казарахъ. А новѣднее правило второго собора говорить, что не должно снова крестить ихъ, а только помазывать святымъ мѣромъ. *Безъ сомнѣнія должно дѣйствовать это послѣднее правило, такъ какъ оно есть позднѣйшее и соборное, и при томъ вселенскаго собора*“. Итакъ основанія, которыми руководствовался Зонара, отдавая одному правилу преимущество предъ другимъ въ случаѣ ихъ столкновенія, могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ:

- 1) *Позднѣйшее правило отменяетъ изданное раньше.*
- 2) *Апостольское—имѣетъ преимущество предъ соборнымъ.*
- 3) *Соборное—предъ несоборнымъ.*
- 4) *Правило вселенскаго собора—предъ правилами собора мессенскаго.*

Часто въ толкованіяхъ своихъ Зонара разъясняетъ отдѣльные слова и термины, а также цѣлыя выраженія. Такъ въ 8 правилѣ IV вселенскаго собора упоминается о богадѣльняхъ. Зонара объясняетъ, что должно подъ этимъ разумѣть: „богадѣльни суть дома, назначенные для призрѣнія бѣдныхъ и попеченія о нихъ, то-есть дома для призрѣнія престарѣлыхъ, сиротничательные и подобные, въ которыхъ находитъ приютъ и содержаніе страдающіе“. Въ 17 правилѣ того же собора Зонара объясняетъ, что такое деревенскіе и сельскіе приходы, причемъ налагаетъ повидимому не свое, но общепринятое мнѣніе: „говорить, что деревенскими приходами называются приходы, лежащіе на окраинахъ епархіи и имѣющіе небольшое число обитателей, которые называются также одноворными (*μονοίκια*), а сельскими тѣ, которые прилегаютъ къ полямъ и селамъ и имѣютъ больше жителей“. Выраженія, употребленные правилами, пояснены Зонарой, напр. въ 5 правилѣ III вселенскаго собора. Выраженіе „признать праведнымъ“ (*τὸ δικαίωμα*) — принимается вмѣсто „наказывать“ (*κολάσαι*). Почему мы и говоримъ: „тамѣшнія оправданія“ (*τα ἐκεῖθεν δικαιοτήρια*), т.-е. „будущія навазанія“. Въ 6 правилѣ

кареагенскаго собора: „примирить открыто на литургіи“—значить вотъ что: тѣмъ, которые подверглись епитиміи и не допускаются въ церковь, не дозволяется стоять вмѣстѣ съ вѣрными въ церковныхъ собраніяхъ, но наединѣ славить Бога и Ему молиться не возбраняется; а когда они будутъ разрѣшены отъ епитимій, тогда стоять вмѣстѣ съ вѣрными и открыто, то-есть вмѣстѣ съ народомъ (ὄμιλος) вѣрныхъ, то-есть со всѣми вѣрными (πλήθος) служить (leitourgeōsin), вмѣсто: явно пѣсно-словать Бога и служить Богу; ибо слово „служить“ (leitourgeōsin) принимается и въ значеніи служенія и пѣснопѣнія“. Другіе случаи подобныхъ же толкованій представляютъ правила: 66 апостольское, 6 никейскаго собора, 2 ефесскаго, 11 халкидонскаго, 97 трульскаго, 7 константинопольскаго II, 19 анкирскаго и масса другихъ. Въ 47 правилъ кареагенскаго собора Зонара приводитъ два не своихъ объясненія встрѣчающагося въ немъ выраженія; одно изъ нихъ онъ отвергаетъ, къ другому повидному присоединяется: „выраженіе, говоритъ онъ, „какъ таинственное знаменіе младенцевъ“, по словамъ нѣкоторыхъ означаетъ преподаніе ихъ младенцамъ вмѣсто таинствъ; но и такъ не думаю; а по словамъ другихъ то, что молоко приносимо было какъ начатокъ за младенцевъ, потому что они питаются однимъ молокомъ“.

Въ каноническомъ кодексѣ, какъ уже было замѣчено, встрѣчаются правила, представлявшія затрудненія неопредѣленностью, отсутствіемъ или же различіемъ санкции; въ подобныхъ случаяхъ Зонара старается дать надлежащія объясненія. Такъ 3 правило IV вселенскаго собора, запрещаая епископамъ, клирикамъ и монашествующимъ брать на откупъ имѣнія и вступать въ распоряженіе мірскими дѣлами, опредѣляетъ: „если кто впредь дерзнетъ преступить это опредѣленіе, таковой да будетъ подвергнутъ церковному наказанію“. Зонара замѣчаетъ на это, что соборъ хотя и упомянулъ о наказаніяхъ, но видовъ ихъ не присоединилъ „потому что говорятъ объ этомъ правила досточтимыхъ апостоловъ, именно 6 и 83, которыя пріемлющихъ на себя мірскія попеченія, или тѣхъ, которые покусились бы удержать за собою и римское начальство и священническую должность, повелѣваютъ извергать; а 81 изъ тѣхъ же правилъ опредѣляетъ не вдаваться посвященнымъ въ народное управленіе и приба-

вляєтъ: „или убо да будутъ убѣждены сега не творити, имъ да будутъ извержены“. Такимъ образомъ соборъ умолчалъ объ этихъ епитиміяхъ, потому что они уже опредѣлены святыми апостолами“. Различіе санкціи въ однопредметныхъ правилахъ Зонара объясняетъ въ толкованіи на 73 правило Василія Великаго, опредѣляющее наказаніе падшимъ; но о падшихъ же дають постановленія и другія правила, притомъ съ назначеніемъ различныхъ наказаній. „Святый, говоритъ поѣтому поводу Зонара, повелѣваетъ, чтобы безъ ограниченія всѣ отрeksiеся отъ христіанства были внѣ общенія во всю жизнь и находились въ числѣ плачущихъ. А священномученикъ Петръ, архіепископъ александрійскій, дѣлаетъ въ своихъ правилахъ много разграниченій между отрeksiмися отъ вѣры и опредѣляетъ для нихъ различныя сроки епитимій; на всю же жизнь не отлучаетъ отъ общенія никого. Точно также и аневирскій соборъ, будучи древнѣе и священномученика св. Петра, дѣлаетъ много различій между принесшими жертву идоламъ, и опредѣляетъ разныя для разныхъ лицъ сроки епитимій, но до смерти не опредѣляетъ отлучать отъ общенія никого. Но кто-нибудь скажетъ, что *отцы положили епитиміи соответственно своему времени; ибо одни были во времена сильныхъ юнений, когда еще и вѣра не была утверждена, и поэтому относились умѣреннѣе къ тѣмъ, которые падали, снисходя по причинѣ нужды юнений; а Василій Великій, такъ какъ онъ жилъ въ такое время, когда вѣра распространялась и дѣлалась тверже, а язычество пришло въ крайне стѣсненное положеніе, строже относился къ тѣмъ, кои отрекались отъ вѣры; такъ какъ они падали добровольно и безъ насилія, и поэтому опредѣлялъ, чтобы они оставались внѣ общенія на всю жизнь*“.

Многія толкованія Зонары направлены на подробное развитіе мотивовъ, указанныхъ въ правилахъ или же на присоединеніе мотива, если его нѣтъ въ самомъ текстѣ правилъ. Такъ вратко мотивировано 30 правило лаодикійскаго собора: „не подобаетъ освященному клиру, или причетнику, или монаху мыться въ банѣ съ женами, ниже всякому христіанину или мірянину; *ибо сіе есть первое обвиненіе отъ язычников*“. Зонара дѣлаетъ къ этому мотиву значительныя добавленія: „мыться, говоритъ онъ, мужчинамъ вмѣстѣ съ женщинами есть и дѣло вредное для души, и причина всякаго другаго безобразія. Ибо созерцаніе мужчинами

нагихъ женщинъ и равнымъ образомъ обратно женщинами мужчинъ разжигаетъ плотскую любовь и воспламеняетъ огонь плоти и выходитъ изъ предѣловъ всякаго безстыдства, такъ что и язычники осуждаютъ дѣлающихъ это, какъ невоздержныхъ“. Совершенно оставлено безъ мотивировки 54 правило апостольское: „Аще кто изъ клира въ корчемницѣ ядущій усмотрѣнъ будетъ: да отлучится, кромѣ случая, когда на пути по нуждѣ въ гостинницѣ отдыхаетъ“. Зонара присоединяетъ къ этому правилу довольно подробную мотивировку: „призванные быть жребіемъ Божиимъ должны быть и для мірянъ образцемъ скромной жизни и во всемъ безукоризненными, дабы изъ-за нихъ не хулилось имя Божіе. А посѣщеніе корчемницъ показываетъ, что дѣлающіе это ведутъ жизнь нескромную, и что нравы ихъ испорчены не только въ отношеніи къ пищѣ и питію, но и въ отношеніи ко всему прочему поведенію. Ибо въ корчемницахъ собираются нескромные мужчины и женщины, и потому находящійся въ обществѣ съ ними не останется непричастнымъ ихъ порочности. Ибо „тягъъ обычаи благи бесѣды злы“ (I Кор. 15, 33). Посему правило повелѣваетъ отлучать таковыхъ клириковъ“ и т. д. Мы привели указанные два правила для примѣра, но у Зонары подобныхъ толкованій очень много: апостольское 47, I вселенскаго собора 2, IV вселенскаго 9, трульскаго 21, анкирскаго 7, кареагенскаго 32 и т. д.

Ограничительныя толкованія встрѣчаются у Зонары чаще чѣмъ у Аристіана и тамъ, гдѣ они толкуютъ одно и тоже правило, Зонара полнѣе развиваетъ свою мысль. Такъ 20 правило апостольское истолковано ограничительно и Зонарой, причемъ основаніе—общее съ Аристіновымъ—высказано съ добавленіями. „Поручительство, говоритъ Зонара, даютъ или за себя или за другаго; кто даетъ поручительство за другаго, тотъ дѣлаетъ это или изъ-за прибыли или изъ любви, по которой намъ заповѣдано и души наши полагать за братій нашихъ. Итакъ запрещено вмѣсто другаго поставить себя, или сдѣлать себя повиннымъ, напр. за мытаря. Быть мытаремъ—древнее зло; а мытарями называются тѣ, которые берутъ на откупъ собраніе народныхъ податей. Если они не имѣютъ наличнаго имущества; то отъ нихъ требуютъ поручительства и они приводятъ кого-нибудь, кто закладываетъ за нихъ свое имущество. Итакъ, это

и подобное этому запрещено влиригамъ, дабы они не вдавались въ безпокойныя дѣла, избѣгали придирокъ и судебныхъ вляузъ: ибо въ такомъ случаѣ они даютъ подозрѣніе, будто принимаютъ это на себя изъ-за корысти, а корыстолюбивыми влиригамъ быть не должно. Посему таковыя и подвергаются изверженію. Но если влирикъ, кѣмъ-либо привлекаемый къ суду, будетъ просить за себя поручительства въ томъ, что онъ явится въ судъ къ судебному засѣданію, въ такомъ случаѣ давшій поручительство не будетъ самъ подлежать епитиміи; поелику и божественныя отцы, собравшіеся на четвертомъ вселенномъ соборѣ, и бывшіе съ ними царскіе совѣтники требовали отъ египетскихъ епископовъ поручительства въ томъ, что они явятся на судъ или, если такового кто изъ нихъ не имѣетъ и проситъ дать оторочку, приказывали дать клятву; и если влирикъ встрѣтитъ человѣка, котораго влекутъ къ суду и который проситъ поручительства въ томъ, что онъ явится, или о чемъ либо другомъ, или человѣка, котораго сажаютъ въ тюрьму за то, что не можетъ представить поручительства, и умилосердившись надъ страждущимъ, себя самого предложитъ порукою за него, бывъ предложенъ несчастіемъ страждущаго; въ такомъ случаѣ, не думаю, что онъ будетъ извергнуть, но будетъ принять отъ Бога и благомыслящихъ людей, какъ исполнившій евангельскую заповѣдь. И свѣтскій законъ повелѣваетъ, чтобы влирики, подлежащіе суду, давали за себя поручительство⁴. Къ ограничительному толкованію приходитъ Зонара и въ тѣхъ случаяхъ, когда находятъ между правилами разногласіе; такъ, изъясняя 59 правило трульскаго собора въ связи съ 12 двукратнаго и 31 трульскаго, онъ примиряетъ ихъ тѣмъ, что даетъ первому ограничительное толкованіе: „это правило, говоритъ Зонара, кажется рѣшительно запрещаетъ быть крещенію въ молитвенницѣ, находящейся внутри дома, а дерзнувшаго это сдѣлать посвященнаго извергаетъ, а мірянина отлучаетъ. А 12 правило двукратнаго собора, бывшаго въ храмѣ святыхъ апостоловъ, требуетъ, чтобы литургиясающіе въ молитвенницѣ, находящейся внутри дома, были избраны, т.-е. опредѣлены, особо назначены мѣстнымъ епископомъ. Итакъ изъ *обоихъ сихъ правилъ выводится то заключеніе, что и не совершенно запрещено совершать священнодѣяніе въ такой молитвенницѣ и крестить, и не всякому дозволено. Но отцы хо-*

тѣмъ, чтобы имѣющіе священнодѣйствовать въ молитвенницахъ были опредѣленные и извѣстные, и чтобы это не было предоставлено произволу каждаго священника, чтобы дозволеніе на это получалось было отъ епископа страны. Тѣ, которые совершаютъ сіе по собственному дерзновенію, подлежатъ изверженію, а имѣющіе съ ними общеніе отлучаются. И 31 правило сего IV собора повелѣваетъ священнодѣйствовать и крестить въ такомъ молитвенномъ домѣ по изволенію епископа“. Наконецъ, къ ограничительнымъ толкованіямъ могутъ быть отнесены тѣ мѣста, гдѣ Зонарой указываются исключенія изъ общихъ правилъ. Такъ, въ 25 апостольскомъ правилѣ установлено общее положеніе о наказаніяхъ: „не отмстиши дважды за едино“. Зонара указываетъ въ толкованіи, что изъ этого общаго начала допускаются исключенія: „но есть, говоритъ онъ, другія преступленія, изблеченные въ которыхъ и извергаются и отлучаются, напримеръ тѣ, которые удостоены архіерейства за деньги, или ходатайству властей“.

Одной изъ особенностей и въ тоже время достоинствомъ Зонары сравнительно съ Аристиномъ является то, что основываясь на своихъ толкованіяхъ, онъ дѣлаетъ общіе выводы, устанавливаетъ юридическія положенія, строитъ такъ-сказать догму каноническаго права. Выводы на основаніи толкованій сдѣланы наприм. въ 19 правилѣ VII вселенскаго собора. „Изъ настоящаго правила, замѣчаетъ здѣсь Зонара, можно вывести то заключеніе, что не должно требовать денегъ отъ принимаемаго въ клиръ, или въ монастырь; а если онъ добровольно сдѣлаетъ какое-либо приношеніе, какъ бы посвящая это Богу, то будетъ виновенъ тотъ, кто это приметъ“. Въ 5 правилѣ антиохійскаго собора: „изъ этого 5 правила должно заключить, что епископамъ совершенно запрещено подвергать кого-либо тѣлесному наказанію, а дозволено вразумлять одними епитиміями; а если не покоряются, передавать свѣтской власти“. Въ 98 кареагенскаго: „отсюда открывается, что хотя бы кто подпагъ подъ обвиненіе или отлученіе, но пока не будетъ окончень судъ противъ него, онъ остается епископомъ и не лишается епископін“. Въ 15 Петръ александрійскаго: „должно, говоритъ (св. отецъ), поститься въ среды и пятки каждой седмицы, и никто пусть не уворяетъ насъ за этотъ постъ. Присовокупляетъ и причины

(этого обычая) и затѣмъ говорить: „а въ воскресный день не должно поститься, такъ какъ это день радости о воскресеніи Господа: и колѣна преклонять въ сей день мы не пріяли“. Нужно замѣтить выраженія: „мы не пріяли“, и „заповѣдано намъ по преданію“; ибо отсюда открывается, что съ *давнихъ поръ утвердившейся обычай считается вмѣсто закона*“ и т. д. Въ 61 правилѣ трулльскаго собора сказавъ, что шестидѣятной епитиміи по правилу подвергаются обращающіеся къ языческимъ гаданіямъ, Зонара замѣчаетъ: „но отлученіе должно разумѣть о мирянахъ, ибо посвященные должны быть извержены, такъ какъ, за какія паденія миряне отлучаются, за тѣ посвященные извергаются“. Говоря въ 6 прав. VII вселенск. собора объ областныхъ періодическихъ соборахъ, Зонара устанавливаетъ дѣленіе предметовъ, подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію, на „каноническіе“ и „евангельскіе“: „а когда, говорить оны, будетъ соборъ о предметахъ каноническихъ и евангельскихъ, епископы должны пенсѣсь о томъ, соблюдаются ли божественныя заповѣди. *Каноническіе предметы*, поясняется далѣе, суть: отлученія, относительно которыхъ должно разсматривать, справедливо ли они дѣлаются; чрезъ экономовъ ли, избираемыхъ изъ своего клира, епископы управляютъ церковнымъ имуществомъ, и другое таковое, чему правило предписываетъ быть. А *евангельскіе*—тѣ, которые предписываются намъ Евангеліемъ, какъ напримѣръ крестить во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и—никому не изгонять своей жены, развѣ словесе прелюбодѣйна, и другіе таковыя“. Наконецъ, Зонара извлекаетъ изъ правилъ юридическія положенія, дѣлая заключенія отъ меньшаго къ большому или основываясь на противоположеніяхъ. Такъ, въ 143 правилѣ нареагенскаго собора запрещается принимать доносы отъ отлученныхъ клириковъ и мирянъ. „А если не могутъ обвинять лишенные общенія, заключаетъ отсюда Зонара, то *тѣмъ болѣе* тѣ, которые совершенно извержены изъ церкви,—еретичи и раскольники“. 20 правило трулльскаго собора гласитъ: „да не будетъ позволено епископу во иномъ градѣ, не принадлежащемъ ему, *всемародно* учить. Аще же кто усмотрѣнъ будетъ творящій сіе: да престанетъ отъ епископства и да совершаетъ дѣла пресвитерства“. Зонара на это замѣчаетъ: „запрещено всенародно; а *откуда по противоположенію можно заключить*, что если кто частнымъ образомъ придетъ съ вопро-

сомъ, то епископъ, надлежѣ давъ отвѣтъ на вопросъ и наученіе, не погрѣшаетъ“. Сюда же можетъ быть отнесено 87 правило трудльскаго собора, постановляющее, что жена, удалившаяся безъ причины отъ своего мужа, достойна епитиміи. „По противоположенію, говоритъ Зонара, отсюда можно заключать, что если она не безъ основанія удалилась отъ мужа, который можетъ быть не въ міру раздражителенъ былъ противъ нея, или худо обращался съ нею, или имѣла какія-либо другія причины къ тому со стороны мужа, въ такомъ случаѣ она будетъ невиновна, если сдѣлалась женою другаго, а мужъ долженъ быть подвергнутъ епитиміи, потому что самъ былъ виновникомъ грѣха своей жены“.

При толкованіи правилъ Зонара червѣдко отступаетъ отъ своей прямой задачи, какъ канониста, и беретъ на себя такъ сказать нравственную проповѣдь, обличаетъ неповиновеніе канонамъ, испорченность современныхъ ему нравовъ и противорѣчіе народныхъ обычаевъ ученію и духу христіанства. Въ 96 правилѣ трудльскаго собора напр. онъ, развивая мысль правила, запрещающаго суетное украшеніе волосъ, осуждаетъ и обличаетъ тѣхъ, кто „нынѣ подрашиваетъ и убираетъ волосы, прилагая все стараніе къ тому, чтобы волосы были длинные и чтобы подобно женщинамъ имѣть кудри, спускающіяся до пояса“... „А это дѣлается, продолжаетъ Зонара, не у простыхъ только людей, но и у людей высшаго состоянія. Почему это зло распространившись сдѣлалось всенароднымъ и, какъ какая-нибудь эпидемическая болѣзнь, заразившая носящихъ Христово имя, пожираетъ почти всѣхъ“. Далѣе обличается слабость духовныхъ лицъ, допускающихъ нарушить настоящее правило: „отцы сего собора, заключаетъ свое толкованіе Зонара, отечески наказываютъ дѣлающихъ то, о чемъ они выше сказали, и подвергаютъ отлученію. А нынѣшніе отцы не только оставляютъ безъ наказанія тѣхъ, которые дѣлаютъ съ волосами на головѣ и бородѣ исчисленное выше и допускаютъ еще большее безстыдство и въ такомъ видѣ входятъ въ церкви, но и преподаютъ имъ благословеніе и (верхъ неумѣстности!) даже преподаютъ святыя тайны, если кто изъ нихъ желаетъ причаститься. И этого не возбраняетъ никто, ни патріархъ, ни другіе архіереи, ни мо-

наки, которые имѣють духовными отцами люди такъ безстыдно поступающіе“.

Чаще Аристинна вдается Зонара въ полемику, опровергаетъ невѣрныя мнѣнія и въ особенности полемизируетъ противъ латинянъ. Такъ, 55 правило трульскаго собора, направленное противъ обычая римской церкви поститься въ субботы четырехдесятиницы, даетъ Зонарѣ поводъ замѣтить: „эту погрѣшность латинянъ есоборъ пытался исправить; но еіа горделивые и опять остались и остаются неисправимыми, не повинуются ни древнѣйшимъ правиламъ, повелѣвающимъ не поститься въ субботу кромѣ единой, т.-е. великой субботы, и не обращаясь вслѣдствіе и настоящаго правила; ни посвященные лица не страдаютъ изверженія, ни міряне—отлученія“. Подобныя же враждебныя латинянамъ замѣчанія сдѣланы: въ 5 правилѣ сардинскаго собора, 4 и 37 карагенскаго.

Критики правилъ Зонара, какъ и Аристинъ, себѣ почти не позволяютъ. Только въ 13 правилѣ Васкія Великаго, въ которомъ воинамъ, убившимъ на полѣ брани, совѣтуется три года удерживаться отъ приобщенія, онъ дѣлаетъ довольно рѣзкія критическія замѣчанія находя, что „этотъ совѣтъ представляется тяжкимъ“; „онъ можетъ, по словамъ Зонары, вести къ тому, что воины никогда не будутъ причащаться божественныхъ даровъ, и въ особенности лучшіе тѣ, которые отличаются отвагою: ибо они никогда не будутъ имѣть возможность въ теченіе трехъ лѣтъ прожить въ мирѣ... Зачѣмъ считать имѣющими нечистыя руки тѣхъ, которые подвизаются за государство и за братьевъ, чтобы они не были захвачены непріятелями, или чтобы освободить тѣхъ, которые находятся въ плѣну? Ибо если они будутъ бояться убивать варваровъ, чтобы чрезъ это не осквернять своихъ рукъ, то все погибнетъ и варвары всемі овладѣють“. Болѣе краткія критическія замѣчанія сдѣланы также Зонарой въ толкованіяхъ: на 55 и 91 правило того же святаго, 8 правило Григорія Нисскаго и 10 сардинскаго собора (поправка неправильно понятаго соборомъ мѣста изъ апостольскихъ посланій).

с) Толкуя правила съ точки зрѣнія *практической*, Зонара указываетъ, какія изъ нихъ утратили практическую силу, какія не соблюдаются и какъ они должны быть приложены къ прак-

тивѣ. Такъ, въ толкованіи на 39 правило трульскаго собора Зонара замѣчаетъ: „было ли когда-нибудь приведено въ исполненіе постановленіе о Кизикѣ не знаю; а *теперь это рѣшено*, сколько оно касается Кизика, не имѣть силы, да и надъ другими странами и городами геллеспонтскими нѣтъ никакого права у епископа кипрскаго“²³⁾. Въ 75 апостольскомъ правилѣ, установленномъ, чтобы свидѣтельство противъ епископа принималось по крайней мѣрѣ отъ двоихъ или троихъ вѣрныхъ, Зонара допускаетъ измѣненіе согласно требованіямъ современной ему церковной практики: „а я думаю, говорить онъ, что *нынѣ* при обвиненіяхъ, вслѣдствіе которыхъ священнослужители подлежатъ лишенію ихъ степени, и двухъ свидѣтелей недостаточно, хотя бы они были вѣрные и безукоризненные“. Въ толкованіяхъ Зонары встрѣчаются указанія и на современную ему практику. Напримѣръ въ 89 правилѣ трульскаго собора по поводу постановленія его, чтобы вѣрные преиспадали постъ въ средніе часы ночи, Зонара указываетъ, что и нынѣ живущіе въ Іерусалимѣ не вкушаютъ пищи ни въ пятницу, ни въ субботу“.

Въ противоположность Аристину Зонара не ставитъ своей главной задачей исправленіе недостатковъ толкуемаго кодекса. Имѣя дѣло съ инымъ, полнымъ кодексомъ, онъ очевидно долженъ былъ преслѣдовать и нынѣ цѣли, болѣе широкія, чѣмъ тѣ, къ которымъ стремился его старшій современникъ. Въ своихъ толкованіяхъ онъ даетъ, какъ мы видѣли, довольно обстоятельныя разъясненія правилъ съ исторической стороны, даетъ исторію тѣхъ органовъ, которыми они издавались, равно какъ и другія указанія историческаго характера. Указанія эти не случайно брошенныя замѣтки (какъ у Аристина), но сдѣланы по определенной системѣ: такъ, каждый соборъ имѣетъ историческое введеніе; исключеніе составляютъ только: послѣдній Фотіевъ, бывший въ храмѣ св. Софіи (но соборъ этотъ состоялся въ концѣ IX вѣка и память о немъ была еще свѣжа во времена Зонары), не имѣютъ введенія, какъ мы видѣли, еще константинопольскій помѣстный и лаодикійскій соборы; первый вѣроятно по своей незначительности (издалъ всего одно правило); такимъ образомъ трудно объяснить отсутствіе историческаго введенія только къ лаодикійскому собору.

²³⁾ Также 3 пр. трул. с., 37 апост., 5 никейск. и др.

Догматическія толкованія Зонары много подобе Аристиновыхъ; онъ не ограничивается выясненіемъ точнаго смысла правилъ, но идетъ далѣе; вездѣ, гдѣ нужно, мотивируетъ правила, согласуетъ ихъ; при столкновеніи нѣсколькихъ однопредметныхъ даетъ однимъ преимущество предъ другими, устанавливаетъ юридическія положенія, юридическіе принципы, словомъ—строитъ догму каноническаго права. Что касается гражданскихъ (т.-е. государственныхъ) законовъ, то ихъ толкованіе не входило собственно въ задачи Зонары; только изрѣдка онъ цитируетъ ихъ или объясняетъ въ связи съ канонами, какъ 85 правило трудскаго собора или, наконецъ, заимствуетъ изъ нихъ юридическіе принципы (9 неокесарійскаго собора).

3. В а л ь с а м о н ь .

Вальсамонъ — совершенный законоискусникъ (арх. Іоаннъ).

Разсматривая толкованія третьяго знаменитаго канониста XII вѣка—Вальсамона, мы должны различать два самостоятельныхъ, хотя и тѣсно связанныхъ между собою труда: во-первыхъ толкованія его на номоканонъ, т.-е. ту часть Фотіева сборника, которая содержитъ въ себѣ *ссылки* на правила и *тексты* соответствующихъ законовъ (κεῖθενov, νόμος) и во-вторыхъ толкованія на историческую Синтагму, обнимающую въ извѣстномъ уже намъ изъ историческаго очерка порядкѣ церковныя правила, или каноны. Тотъ и другой трудъ Вальсамона разсмотримъ также съ трехъ сторонъ—исторической, догматической и практической.

1. Толкованія на номоканонъ сдѣланы однимъ только Вальсамономъ и потому въ этомъ своемъ трудѣ онъ является безусловно оригинальнымъ. По самому характеру нормъ, заключавшихся въ этой части Фотіева сборника (законы), Вальсамону не было особенной надобности прибѣгать къ *историческимъ* толкованіямъ: нормы эти подверглись въ сравнительно недавнее до него время пересмотру и были частію вновь редактированы. Поэтому если мы и встрѣчаемся въ этомъ трудѣ Вальсамона съ толкованіями историческаго содержанія, то лишь весьма рѣдко,

какъ напр. въ толкованіи его на 2 главу 13 титула ²⁴⁾, гдѣ имъ изложена довольно подробная исторія регламентаціи повторительныхъ браковъ.

в) Напротивъ, *догматическія* (также какъ и практическія) толкованія оставляютъ здѣсь общее правило. Въ догматическихъ толкованіяхъ своихъ Вальсамонъ точно выполняетъ начертанную имъ самимъ въ предисловіи программу, и прежде всего тщательно отмѣчаетъ: приняты ли въ Василики законодательныя постановленія, приведенныя въ номоканонѣ и, если приняты, то гдѣ находятся? О законахъ непринятыхъ онъ или просто замѣчаетъ, что они „οὐκ ἐτέθησαν εἰς τὰ βασιλικά“ ²⁵⁾, безъ дальнѣйшихъ добавленій, предоставляя читателю самому догадываться о потерѣ ими практической силы, или же считаетъ нужнымъ отмѣтить это говоря, что данный законъ пересталъ дѣйствовать: „ἡπράκτησε“, или же добавляя: „καὶ μηδὲ σὺ ταύτῃ προσχῆς, καὶ μὴ προσχῆς τούτοις“ ²⁶⁾. Иногда приведена и причина, почему тѣ или другія постановленія не приняты, какъ напр. въ 10 главѣ I титула ²⁷⁾.

Указывая принятыя въ Василики законы, Вальсамонъ отмѣчаетъ при этомъ и то, какъ они приняты, остались ли безъ измѣненія, или же измѣнены. Въ первомъ случаѣ онъ обыкновенно замѣчаетъ, что соотвѣтствующее мѣсто Василики οὕτως ἔχον ὡς εἰς τὸ κείμενον δηλοῦνται ²⁸⁾, οὕτω λέγον καθὼς εἰς τὸ κείμενον ἐδηλώθη ²⁹⁾, ὡς εἰς τὸ κείμενον συνοχίσθη ³⁰⁾, ἐκεῖνα διδάσκον, ὅσα εἰς τὸ κείμενον ἐγράφησαν ³¹⁾ и т. д. Если законъ, принятый въ Василики, не остался неизмѣненнымъ, то Вальсамонъ поступаетъ различно: при болѣе значительныхъ измѣненіяхъ обычно

²⁴⁾ Συνταγμα I 279—290.

²⁵⁾ Συνταγμα I, 35.

²⁶⁾ Ibidem I, 133; I, 84, 183, 37.

²⁷⁾ Αἱ μὲν διατάξεις οὐ παρελήφθησαν εἰς τὰ βασιλικά διὰ τὴν τοῦ ἀγίου ἀποστόλου Παύλου παραγγελίαν τὴν διοριζομένην μὴ λύεσθαι τὸ τῶν ἀπίστων συνοικέσιον, ἐὰν ὁ εἰς ἔξ αὐτῶν πισθὸς γένηται (дальше приводятся слова апостола до-слова).

²⁸⁾ Σύнт. I, 113.

²⁹⁾ Ibid. I, 123.

³⁰⁾ Σύнт. I, 143.

³¹⁾ Ibid. I, 249.

венно выписываетъ соответствующее мѣсто изъ Базилия, при этомъ значительныхъ—чаще указываетъ только кратко, въ чемъ произошла перемѣна: такъ, въ толкованіи на первую главу 8 титула ²²⁾ сказавъ, что первый отрывокъ изъ кодекса принятъ въ Базилии, οὕτως ἔχον ὡς κατεστρώθη, онъ добавляетъ: Τὸ δὲ ἔχειν τὸν Κωνσταντινουπόλεως τὰ πρόνοια τῆς παλαιᾶς Ῥώμης οὐ προσέτεθῃ εἰς τὰ βασιλικά. Нѣсколькими строками ниже отмѣченъ тотъ же пропускъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ ²³⁾. Въ толкованіи на 29 главу IX титула ²⁴⁾ Вальсамонъ, указавъ различіе между закономъ, какъ онъ изложенъ въ Кодексѣ и Базиликахъ, прибавляетъ о необходимости слѣдовать болѣе второму законодательному сборнику: „οὐ δὲ μᾶλλον τῷ βασιλικῷ πρόβουλος“.

Не ограничиваясь указаніямъ въ Базиликахъ мѣстъ соответствующихъ приведеннымъ въ номоканонѣ законамъ (κείμενον), Вальсамонъ приводитъ также иногда и другія мѣста этого сборника, равно какъ и постановленія византійскихъ императоровъ, не вошедшія въ Базилики. Не указываетъ напр. κείμενον (въ 32 главѣ IX титула) закона, соответствующаго 4 книгѣ I титула 11 главы Базилия, а также соответствующихъ нѣкоторымъ другимъ постановленіямъ, приведеннымъ въ схоліи Вальсамономъ. Изъ опредѣленій грекоримскихъ императоровъ имъ указаны или выписаны: новеллы и хривовулы Константина и Ираклія, Никифора, Льва Философа, Исаака, Алексея и Мануила Комнина ²⁵⁾.

Номоканонъ (первая часть Фотіева сборника) содержитъ въ себѣ, какъ мы видѣли, полный текстъ однихъ только законовъ; правила здѣсь только цитируются. Поэтому естественно и Вальсамонъ въ этой части своего труда обращаетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на законы, гражданскія постановленія и лишь рѣдко рассматриваетъ въ связи съ ними правила. Всѣ тѣ главы номоканона, которыя не имѣютъ κείμενον, т.-е. въ которыхъ не приведены законы, а состоятъ изъ однихъ ссылокъ на каноны, оставлены имъ безъ толкованій ²⁶⁾. Исключенія пред-

²²⁾ Ibid. I, 144.

²³⁾ Также Συγт. I, 101, 141 (οὕτως ἔχον οὐχ ὅσον ὡς ἐν τὸς διαλήφθη) и др.

²⁴⁾ Συγт. I, 218.

²⁵⁾ Συγт. I, 171, 331, 73, 253, 256, 75, 171, 67, 166, 130—140 и друг.

²⁶⁾ Напр. III тит. гл. 2—13, IV тит. гл. 1—3, 14—17 тит. гл. 11—24 и мн. др.

ставляютъ лишь два мѣста ³⁷⁾); имѣющихъ схолиіи несмотря на отсутствіе кеіμενον; но и эти схолиіи — самыя краткія, содержащія въ себѣ одні ссылки. Напротивъ, во всѣхъ тѣхъ главахъ, гдѣ кеіμενον есть, отсутствіе толкованія составляетъ крайне рѣдкое исключеніе, какова 5 глава IX титула ³⁸⁾; кеіμενον не содержитъ здѣсь впрочемъ ничего новаго, отсылая читателя къ одной изъ предшествующихъ главъ. Но совершенно игнорировать правила въ толкованіяхъ своихъ на номоканонъ Вальсамонъ конечно не могъ. Связь между ними — самая тѣсная. И дѣйствительно, онъ не только цитируетъ правила, причемъ дѣлаетъ иногда указаніе на различіе между постановленіемъ церкви и закономъ ³⁹⁾, не только заимствуетъ изъ нихъ дополненія ⁴⁰⁾, но иногда даетъ имъ даже преимущество предъ гражданскими постановленіями, увѣщевая слѣдовать имъ, а не законамъ. Такъ, въ толкованіи на 2 главу VIII титула онъ даетъ предпочтеніе канонамъ предъ почитаннымъ мѣстомъ Базилія: „ὄυ δὲ πρὸς ἄλλοις τῷ ἰστ' κανόνι τῆς ἐν τῷ ναφ τῶν ἀγίων Ἀποστόλων ἀ' καὶ β' συνόδου, εἰς ἐξάμενον στενοχωρήσαντι τὸν τῆς ἀποδημίας χρόνον“. Въ другомъ мѣстѣ (2 гл. I тит.) Вальсамонъ разрѣшаетъ чрезвычайно важный общій вопросъ о сравнительной силѣ канонѣвъ и законѣвъ и высказываетъ положеніе, что *первые должны имѣть преимущество, такъ какъ имѣютъ двоякую санкцію* — отъ церкви и императорѣвъ, тогда какъ вторыя только отъ императорѣвъ ⁴¹⁾.

Что касается несогласія, коллизіи гражданскихъ постановленій, то въ подобныхъ случаяхъ Вальсамонъ отдаетъ предпочтеніе позднѣйшему закону, иногда присоединяя и основаніе: „я думаю, говорить онъ напр. въ толкованіи на 2 главу VIII ти-

³⁷⁾ Συνт. I, 58, 335.

³⁸⁾ Συνт. 180.

³⁹⁾ Συνт. 65, 73, 201 и мн. др.

⁴⁰⁾ Συνт. 37.

⁴¹⁾ Επισημείωσαι τὴν παροῦσαν ἐρημνεῖαν, καὶ ἔχων αὐτὴν ἐπὶ μνήμης, λέγε τοὺς κανόνας ἰσχύειν πλέον τῶν νόμων· οἱ μὲν γάρ, ἦθουν οἱ κανονες παρὰ βασιλέων, καὶ ἀγίων πατέρων ἐκτεθέντες καὶ σχηρικθέντες ὡς αἱ θεῖαι γραφαὶ δέχονται· οἱ δὲ νόμοι παρὰ βασιλέων μόνον ἐδέχθησαν, ἢ συνετέθησαν, καὶ διὰ τοῦτο οὐ κατισχύουσιν τῶν θείων γραφῶν οὐδὲ τῶν κανόνων.

тула, что 86 новелла отмѣнена 123 Юстиніановой новеллой, какъ изданной позже: *νσαρὰς μεταγενεστέρας οὐσης* ⁴³⁾.

Въ толкованіяхъ свейкхъ Вальсамону часто приходило въ встрѣчаться съ иными мнѣніями, которыя онъ обыкновенно тутъ же излагаетъ, присоединяя свое собственное, нерѣдко подтвержденное тѣми или другими доводами. Подобнаго рода полемическія замѣтки встрѣчаются напр. въ 28 главѣ I титула ⁴³⁾, гдѣ онъ замѣчаетъ, что неосновательно говорятъ (*κακῶς λέγουσιν*) тѣ, которые утверждаютъ, что постановленіе закона относительно возраста чтецовъ не должно быть примѣняемо потому, что въ канонахъ о нихъ ничего не упоминается: *„ибо въ тѣхъ случаяхъ, присовокупяетъ онъ, относительно которыхъ ничего не предусмотрено правилами, мы должны слѣдовать законамъ“* ⁴⁴⁾. Въ I главѣ II титула онъ опровергаетъ мнѣніа „схоластиа“ и древняго толкователя (*ὁ σχολιαστῆς καὶ ὁ Παλαῖος*) и замѣчаетъ, что нехорошо они поняли поставленіе новеллы (*οὐ καλῶς αὐτοῖς ἐξελήφθησαν τὰ τῆς νσαρὰς*). Въ 4 главѣ XIII титула привелъ схолію нѣкоего Гумна (*Χοῦμνος*), Вальсамонъ совѣтуетъ не слѣдовать ей (*οὐ δὲ τῷ τοιοῦτῳ σχολίῳ μὴ προσχῆς*) и дѣлаетъ свой выводъ изъ постановленій этой главы.

Критически относится Вальсамонъ не только къ толкователямъ номоканона, но и къ самому составителю его, высказывая то недоумѣніе по поводу того или другаго мѣста кеїμενον'а, то одобряя его автора. Такъ, въ 1 главѣ IX титула (*Συντ. I, 167*) кеїμενον между прочимъ дѣлаетъ общую ссылку на законы и правила, не цитируя ихъ, а просто замѣчая, что *οἱ νόμοι καὶ οἱ κανόνες κωλύουσι* и т. д. Вальсамонъ въ схоліи своей высказываетъ на это недоумѣніе, говорить, что не нашелъ ни закона ни правила, постановляющаго то, о чемъ сказано въ кеїμενον'ѣ. *„οὐχ εὐρίσκω νόμον ἢ κανόνα κωλύοντα, ἢ ἐπιτρέποντα τοὺς κληρικοὺς ὀμνύειν* и т. д. Въ толкованіи на 27 главу IX титула (*Συντ. 205*) Вальсамонъ одобряетъ сказанное Фотиємъ: *Εὐχαρίστησαν οὖν τῷ πατριάρχῃ Φωτίῳ καλῶς ἐρμενεύσαντι (ἀπατεῖν ὡς διαφέρον*

⁴³⁾ Также *Συνт. I, 171*.

⁴⁴⁾ *Συνт. I, 68*.

⁴⁵⁾ *Ἐνθα μὲν γὰρ οὐδὲν τι οἱ κανόνες διορίζονται, ὀφείλομεν τοῖς νόμοις ἀκολουθεῖν, καὶ ἐκ τῶν ὁμοίων τέμνειν τὰ ὅμοια. Συνт. I 68.*

τόκοις, τοὺς ἐπίσκοποις καὶ τοὺς κληρικοῖς). Одобрительно также отзывается онъ о означенномъ въ κείμενόνъ 5 главы XIII титула, не называя впрочемъ на этотъ разъ автора: καλῶς δὲ εἶπεν, οἷτι ὁ ἀρπάξων ἀλλοτρίαν δούλην πόρνην οὖσαν οὐκ ἐνέχεται ὡς ἀδραποδιστῆς ἤγουν οὐ μεταλλίζεται.

Въ догматическихъ толкованіяхъ своихъ на номоканонъ Вальсамонъ иногда прибѣгаетъ къ ограничительному толкованію, присоединяя при этомъ съ своей стороны основанія, мотивы къ ограниченію ⁴⁵⁾).

Наконецъ, встрѣчаемся мы у него съ объясненіями юридическихъ терминовъ, чаще всего латинскихъ, принятыхъ въ греко-римскомъ правѣ: „Νατάλια δὲ εἰσι τὰ τῶν βασιλέων γενέθλια, καὶ ἡ τούτων ἀναγόρευσις“: „Διέσιον ἐστὶ φθόγγος μουσικὸς... ἐξ οὗ καὶ διέχεια εἶρηται“.

с) *Практическія* толкованія въ первой части труда Вальсамона занимаютъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, не менѣе видное мѣсто. Въ подобныхъ толкованіяхъ онъ дѣлаетъ указанія на существующую церковную практику, черпаетъ изъ нея примѣры ⁴⁶⁾, рассказываетъ случаи изъ своей собственной практики, замѣчаетъ о практической силѣ законовъ ⁴⁷⁾ и наконецъ, предлагаетъ сильное разрѣшеніе различныхъ недоумѣній и спорныхъ вопросовъ. Последнія мѣста толкованій въ особенности важны. Такъ, въ толкованіи на 27 главу IX титула ⁴⁸⁾, указавъ мѣсто изъ кодекса и соответствующее мѣсто *Базилекъ* и замѣтивъ, что оно „οὐδὲν τι περὶ ὄρκου διαλαμβάνει“, онъ рѣшаетъ вопросъ—εἰ ὀφείλουσιν οἱ ἐπίσκοποι καὶ οἱ κληρικοὶ ὄρκους διδόναι σωματικῶς—отрицательно; въ концѣ же дѣлаетъ замѣтку и относительно чтецовъ: κακῶς ἀναγκάζονται ὄρκους σωματικῶς

⁴⁵⁾ Συντ. 326: οἴομαι δὲ τὰ τῆς τοιαύτης νεαρᾶς μὴ ἔχειν χώραν εἰς τοὺς τομβωρῶν: ἄλλο γάρ ἐστι τὸ μεταθεῖναι λείψανα τεθνεώτων, καὶ ἕτερον τὸ κλεπτικῆ διαθέσει ὑφελέσθαιτι ἐκ τῶν ἐν αὐτοῖς ὄντων, κἀν καταχρηστικῶς καὶ τοῦτο τομβωρυχία λέγεται.

⁴⁶⁾ Συνт. I, 272, 209.

⁴⁷⁾ Συνт. 118, 156, 68.

⁴⁸⁾ Τὰ μὲν ἄλλα τῶν καταστρωθέντων ἐνταῦθα νόμων χάριν τῶν ἐπισκόπων, τῶν ἱερέων, τῶν διακόνων, καὶ τῶν ὑποδιακόνων περὶ τῶν χρόνων τῆς ἡλικίας αὐτῶν, κρατοῦσι καὶ ἐνεργοῦσιν, ὅτι καὶ τοῖς κανόσι ταῦτα ἔθεντο. τὸ δὲ περὶ τῆς ἡλικίας τοῦ χρόνου τῶν ἀναγινωστῶν ὅπως οὐκ ἐνεργεῖ αὐτοῦ.

διδόναι, κληρικῶν γὰρ εἰσιν. Въ другомъ мѣстѣ (ѿ главы XIII тит.) Вальсамонъ разрѣшаетъ часто возбуждавшійся въ церковной практикѣ (πολλάκις ἐζητήθη) вопросъ изъ области брачнаго права.

II. Мы разсмотрѣли первую часть толкованій Вальсамона, обнимающую собою номоканонъ. Но гораздо интереснѣе въ каноническомъ отношеніи вторая часть его труда — толкованія на историческую Синтагму, уже раньше истолкованную Зонарой. Здѣсь съ особенной силой выступаетъ все богатство матеріала, которымъ владѣлъ Вальсамонъ, превзошедшій полнотой и основательностью толкованій обоихъ своихъ старшихъ современниковъ. Онъ имѣетъ преимущество предъ Зонарою потому уже, что воспользовался большимъ разнообразіемъ источниковъ. Кромѣ постоянныхъ ссылокъ на мнѣнія „нѣкоторыхъ“, на „древняго толкователя“ и другіе источники, упоминающіеся у Зонары, Вальсамонъ дѣлаетъ также указанія на неписанный обычай (двукр. 17 пр.), „различныя книги“ (19 пр. I всел. соб.), исторію Силитцы, Иосифа Флавія, Юлія Полидекта (тр. 62, 69. Вас. Вел. 70), номоканонъ Постника (апост. 24), составленную имъ самимъ монографію (86 каре.), мнѣнія различныхъ іерархическихъ лицъ (38 Вас. Вел., тр. 30) и др. Но въ особенности важно то, что Вальсамонъ въ толкованіяхъ на Синтагму въ широкіхъ размѣрахъ воспользовался законными книгами византійскихъ императоровъ, ихъ новеллами, а также опредѣленіями константинопольскаго синода (тр. 48, Вас. В. 68 и ин. др.). Въ качествѣ хартофилакса хорошо знакомый съ дѣятельностью этого высшаго церковно-правительственнаго учрежденія, онъ постоянно имѣетъ въ виду и руководствуется его практикой. Для изслѣдованія неясныхъ или спорныхъ вопросовъ онъ, какъ видно изъ его толкованій, обращался и къ византійскимъ архивамъ, въ которыхъ искалъ разрѣшенія своихъ недоумѣній: такъ въ 53 пр. труд. соб. онъ упоминаетъ запись, хранящуюся въ архивѣ священнаго хартофилакса.

а) Впрочемъ историческія толкованія Вальсамона играютъ у него въ противоположность Зонарѣ второстепенную роль. Его историческія введенія къ соборамъ большею частью не оригинальны, но заимствованы у Зонары. Буквально повторенъ Зонара почти во всѣхъ вселенскихъ соборахъ и во многихъ помѣстныхъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ буквально повторенія, можно отмѣ-

тить болѣе или менѣе значительныя заимствованія, какъ напр. въ Анкирскомъ и другихъ. Вальсамонъ очевидно руководствовался примѣромъ Зонары, предпославъ подобно ему всѣмъ соборамъ историческія введенія за исключеніемъ только лаодикійскаго, константинопольскаго помѣстнаго и бывшаго въ храмѣ св. Софіи. Эти введенія у Вальсамона сравнительно съ введеніями Зонары ничего новаго, говоря вообще, не представляютъ; иногда они короче и бѣднѣе историческими данными. Только въ двухъ соборахъ I и VII вселенскихъ Вальсамонъ точнѣе опредѣляетъ ихъ время говоря, что I былъ въ десятый годъ царствованія Константина Великаго, а VII въ 6296 году индикта, 11. Въ гангрскомъ же соборѣ вмѣсто предварительныхъ историческихъ свѣдѣній о Евстаѣи и его лжеученіи онъ помѣстилъ опредѣленіе халкидонскаго собора о преданіи анаемъ и длинную выписку о томъ же предметѣ изъ сочиненій Іоанна Златоуста, который заповѣдалъ „не предавать анаемъ вѣрнаго человѣка“.

Къ исторіи соборовъ и ихъ дѣяніямъ относятся лишь немногія мѣста Вальсамоновыхъ толкованій, каково толкованіе на 30 прав. IV вселенск. собора, заимствованное изъ его актовъ, а также на 67 карфагенскаго, гдѣ изложенъ обмѣнъ мыслей на соборѣ нѣкоторыхъ изъ его членовъ—епископовъ Онората, Урвана, Епигонія и Аврилія.

Исторіи сектъ и еретическихъ ученій касается Вальсамонъ также довольно рѣдко: въ 1 пр. II всеел. собора, сообщая свѣдѣнія о Македоніи и другихъ еретикахъ, онъ повторяетъ Зонару. Незаимствованы толкованія на 19 пр. I вселенск. собора о павлиніанахъ, ихъ ересеначальникъ—Павлѣ Самосатскомъ и его лжеученіи, 95 пр. трузльск. собора о манихеяхъ, валентиніанахъ и маріонитахъ, 81 пр. того же собора о прибавленіи къ три-святой пѣснѣ словъ „распныйся за ны“ Петромъ Кнафеємъ и осужденіи этой прибавки церковью; въ 8 пр. I вселенск. собора, говоря о Новатѣ и новатіанахъ, Вальсамонъ невѣрно объясняетъ, какъ произошло названіе ихъ „чистыми“; оно, утверждаетъ онъ, дано имъ было въ насмѣшку, тогда какъ наоборотъ, они сами называли себя этимъ именемъ, считая себя только чистыми. Свѣдѣнія о новатіанахъ почерпнуты у Евсевія Памфіла, а можетъ быть у Зонары, который также ссылается на этого писателя.

Чаще Вальсамонъ дѣлаеть указанія на поводъ, вызвавшій то или другое правило. Такъ, въ толкованіи на 29 прав. халкидонскаго собора, запрещающее „низводитъ епископа на пресвитерскій степенъ“, онъ заимствуетъ изъ соборныхъ актовъ свѣдѣнія о событіяхъ, вызвавшихъ данное правило, послужившихъ поводомъ къ его установленію: „Въ концѣ дѣяній IV собора, говорить онъ, написано, что Фотіемъ, епископомъ тирской митрополи, донесено было императору Маркіану, что епископъ города Берита, воспользовавшись случаемъ, отторгъ отъ тирской церкви различныя епископіи именно Вивль, Вотрій, Триполь, Ореосіаду, Арки и Антирадъ и низложивши епископовъ, поставленныхъ имъ, Фотіемъ, низвелъ ихъ на степенъ пресвитера“, этотъ случай и далъ поводъ къ постановленію, чтобы епископъ не низводился во пресвитера. 101 пр. трульск. собора запрещаетъ „устривать для принятія Божественнаго дара вмѣстителица изъ злата или инаго вещества“ и употреблять ихъ вмѣсто руки. Вальсамонъ въ толкованіи своемъ поясняетъ, что послужило мотивомъ къ такому запрещенію: „Въ тѣ времена, говорить онъ, нѣкоторые богатые люди изъ презрѣнія, какъ кажется, къ бѣднѣйшимъ, приготовляя изъ золота или изъ какого-нибудь другаго вещества вмѣстителица подъ видомъ благоговѣнія и страха Божія, пользовались ими какъ бы руками и принимали въ нихъ во время святаго пріобщенія пречистое тѣло Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Въ началѣ можетъ - быть это и было придумано нѣкоторыми изъ благоговѣнія, такъ какъ могли думать, что рука, касающаяся нѣкоторыхъ неприличныхъ и недостойныхъ предметовъ, недостойна для принятія Господняго тѣла. Но съ теченіемъ времени это благоговѣніе обратилось въ душевную пагубу, поелику дѣлавшіе это искали предпочтенія предъ бѣднѣйшими и иначе какъ-нибудь тщеславились“. Подобныя же примѣры представляютъ толкованія на 16 пр. антиохійск. соб., 8, 26, 47 лаодикійск., 57—58, 65, 82 кареаг., 86 Василия В. и нѣк. друг.—Иногда, не довольствуясь указаніемъ повода, мотива, вызвавшаго правило, Вальсамонъ указываетъ и его послѣдствія. Такъ, въ 79 пр. трульск. собора, запретившемъ готовить въ день, слѣдующій за праздникомъ Рождества Христова, хлѣбное печеніе и передавать его другъ другу какъ бы въ честь богѣзней рожде-

нія Пресвятой Дѣвы Матери, Вальсамонъ замѣчаетъ: „Вслѣдствіе сего (запрещенія) благодатію Христовою съ того времени въ семь царствующемъ градѣ никто не дерзалъ дѣлать ничего такого; но послѣ неизреченнаго рождества Христа и Бога нашего всѣ вѣрные божественными псалмопѣніями и церковнымъ пѣснопѣніемъ празднуютъ рожденіе пресвятою Дѣвою“.

Указанія на древній порядокъ, при которомъ возникли толкуемыя правила, сдѣланы Вальсамономъ во многихъ мѣстахъ. Таково его объясненіе 16 пр. лаодикійск. собора: „Прежде завершения состава церковныхъ пѣснопѣній, говоритъ онъ, въ церквахъ не читалось въ день субботы Евангеліе, или какое-либо другое Писаніе; но на основаніи правилъ, предписывавшихъ не поститься и не преклонять колѣнъ въ субботу, люди въ это время по большей части праздновали, потому что не было и церковныхъ собраний“. Объясненіе это совершенно расходится съ толкованіемъ Зонары, но Вальсамонъ не объясняетъ, почему онъ счелъ необходимымъ отступить отъ него въ данномъ случаѣ.

Таковы историческія толкованія Вальсамона. Они, какъ мы видѣли, нерѣдко заимствованы у Зонары и носятъ, вообще говоря, одинаковый съ нимъ характеръ. Оригинальнаго они въ себѣ почти ничего не представляютъ.

в) Гораздо болѣе важны и оригинальны *догматическія* толкованія Вальсамона на Синтагму. Правда, и здѣсь встрѣчаются заимствованія у Зонары, иногда дословное повтореніе его толкованій, но при всемъ томъ трудъ Вальсамона въ догматическомъ отношеніи заключаетъ въ себѣ много новаго. Въ немъ мы находимъ еще болѣе, полное и совершенное разъясненіе каноновъ, чрезвычайно остроумное разрѣшеніе различныхъ юридическихъ вопросовъ, болѣе тонкую юридическую логику. Во многихъ мѣстахъ онъ даетъ или дальнѣйшее развитіе толкованій своего предшественника (Зонары), дополняя его, или исправляетъ его ошибки и пробѣлы. Совершенно оригиналенъ Вальсамонъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ касается законовъ, согласованія ихъ съ правилами и т. д. Здѣсь повтому толкованія его получаютъ особенную важность.

Подобно Зонарѣ Вальсамонъ старается по возможности согласовать несходныя между собою правла, дать имъ такое тол-

кованіе, чтобы признать ихъ непротиворѣчащими другъ другу. Но, стремясь къ этой цѣли, онъ проводитъ ее послѣдовательнѣе Зонары. Высказавъ въ одномъ мѣстѣ взглядъ о невозможности допустить, чтобы правила „гдѣ бы и когда бы они ни были изречены“ противорѣчили другъ другу, онъ всюду имѣетъ его въ виду и старается примирить несходныя правила даже тамъ, гдѣ отъ примиренія ихъ отказался Зонара. Такъ, Зонара допускаетъ противорѣчіе между 34 пр. каре. соб. и 21 лаодикійскаго соб., напротивъ Вальсамонъ противорѣчія между ними не видитъ: „не скажи, замѣчаетъ онъ, что настоящее правило противорѣчитъ 21 правилу лаодикійскаго собора, которымъ опредѣляется, что иподіаконы не имѣютъ мѣста въ діаконикѣ и не прикасаются къ священнымъ сосудамъ, но скажи, что одно значеніе имѣетъ греческое слово: ψηλαφῶν, а другое слово: ἄπτεισθαι; ибо ψηλαφῶν, то-есть переставлять съ мѣста на мѣсто, означаетъ служеніе, и дѣлать это не воспрещается служителю (διάκονος); а ἄπτεισθαι (прикасаться) предоставлено однимъ священникамъ и служащимъ при жертвѣ, то-есть діаконамъ. А по настоящему правилу не только прикасающіеся (ἀπτόμενοι) къ священнымъ сосудамъ, но и переносящіе ихъ (ψηλοφῶντες) должны воздерживаться во время своей чреды“. Случаи согласованія правилъ встрѣчаются у Вальсамона вообще чаще, чѣмъ у Зонары: ихъ мы находимъ въ 79 апост., 15 I вселенск. соб., 6 II вселенск., 14 IV, 90 трудльск., 25 акирск. и многихъ другихъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ примиреніе несогласныхъ правилъ казалось бы невозможно, Вальсамонъ тѣмъ не менѣе пытается придти къ ихъ соглашенію, вопреки точному смыслу текста; такую натяжку онъ дѣлаетъ въ 15 прав. антиохійскаго собора: „настоящее правило, говоритъ онъ, отмѣнено 4 сардикскаго собора“; но тутъ же прибавляетъ: „а если не хочешь этого сказать, истолкуй это правило, какъ выше сказано; и скажи, что осужденіе здѣсь послѣдовало со стороны собора не подлежащаго апелляціи, каковы соборы папы или константинопольскаго патріарха“.

Правда, и Вальсамонъ допускаетъ, что одни правила въ кодексѣ отмѣнены другими, но противорѣчія въ этомъ онъ не признаетъ, противорѣчить они не могутъ, потому что „во всѣхъ ихъ глаголетъ всесвятый Духъ“. Оригинально разрѣшено Валь-

самономъ несогласіе 12 правила кареагенск. собора съ 4 антиохійскаго: „Когда 4 прав. антиохійск. собора постановляетъ ясно, что изверженія пресвитеровъ и діаконовъ совершаются однимъ епископомъ, а изверженія епископовъ—соборомъ, то кажется противорѣчить ему настоящее правило, опредѣляющее, что меньшей мѣрѣ двѣнадцать епископовъ судятъ епископа по дѣлу о преступленіи, пресвитера—шесть и діакона три. Но эти правила не противорѣчатъ одно другому, но первое, то-есть антиохійскаго собора, опредѣлило производить такіе суды иначе; а настоящее правило, много позднѣйшее, предписало, чтобы такіе суды совершались осторожнѣе, а законоположеніе болѣе осторожное не есть противорѣчіе“. Такимъ образомъ согласование правилъ у Вальсамона проведено вполне строго.

Но какъ въ толкованіяхъ на первую часть Фотіева сборника, содержащую въ себѣ текстъ однихъ законовъ, Вальсамонъ не могъ совершенно игнорировать правила, такъ наоборотъ, въ толкованіяхъ на синтагму, обнимающую текстъ однихъ только правилъ, онъ не могъ не имѣть въ виду законовъ, опредѣленія которыхъ могли также расходиться какъ съ канонами, такъ и между собой. Въ подобныхъ случаяхъ Вальсамонъ не всегда беретъ на себя примиреніе несогласій, но часто довольствуется только указаніемъ ихъ безъ дальнѣйшихъ объясненій. Согласованы правила съ законами въ толкованіяхъ на 48 и 93 пр. трульскаго собора, 9 VII вселенскаго соб., 5 сардикскаго, 8, 26 и 43 Вас. Вел. Первое изъ этихъ перечисленныхъ правилъ предписываетъ: „жена производимаго въ епископское достоинство, предварительно разлучась съ мужемъ своимъ, по общему согласію, по рукоположеніи его во епископа да вступить въ монастырь и т. д.“ Когда это опредѣляетъ правило, замѣчаетъ Вальсамонъ, иной можетъ спросить: между тѣмъ какъ 127 Юстиніанова новелла запрещаетъ расторгать браки по согласію супруговъ, какимъ образомъ настоящее правило опредѣляетъ женѣ по согласію разлучаться съ мужемъ, избираемымъ во епископа? Рѣшеніе. *По согласію сожитіе не расторгается, а по благословенной причинѣ прекращается.* И какъ въ случаѣ постриженія одного изъ супруговъ, мы говоримъ, что разводъ бываетъ по доброй волѣ (ἀγαθῆ χάριτι); такъ и въ случаѣ избранія мужа во епископа сожитіе должно прекратиться по рукоположеніи; и это

не имѣеть вида развода по взаимному соглашенію, не допускаемаго законами. До рукоположенія бракъ не расторгается, потому что можетъ быть рукоположеніе не состоится по какиибудь могущимъ открыться уважительнымъ причинамъ“. Согласно законъ съ 5 правиломъ сардикскаго собора, Вальсамонъ разсматриваетъ его какъ исключеніе: „при такомъ опредѣленіи правила (объ аппелляціи въ римскому престолу) не подумай, что тебѣ противорѣчить та глава 1 титула 9 книги Василіи, въ которой говорится, что судья, къ которому поступаетъ отзывъ, не можетъ передавать разсмотрѣнія отзыва другому, но самъ долженъ слушать оный; но скажи, что *настоящее правило есть исключеніе* и въ этомъ смыслѣ изречено по причинѣ дальности пути, и чтобы епископы не подвергались страданіямъ, отправляясь въ такую дальнюю и чуждую страну“. Въ 9 пр. VII всеел. соб. Вальсамонъ примиряетъ несогласія правила и закона указаніемъ на то, что оба ведутъ къ одному и тому же результату и слѣдовательно могутъ одновременно имѣть практическую силу: „иной можетъ сказать, замѣчаетъ Вальсамонъ: по какой причинѣ правило опредѣляетъ книги клеветниковъ на христіанство складывать въ епископіи, а законы повелѣваютъ сожигать оныя? Рѣшеніе. *Одно и тоже сожигать нечестивыя сочиненія еретиковъ и складывать оныя въ епископіи константинопольской*; ибо ни сожженные не могутъ попадаться для чтенія, ни сложенные въ этомъ недоступномъ мѣстѣ нивѣмъ не будутъ видимы. Итакъ, кто сжегъ оныя, а не сложилъ въ епископіи, тотъ не подвергается дѣйствию правила, такъ какъ поступилъ не противъ него“.

Наконецъ, у Вальсамона въ толкованіяхъ на Синагму мы находимъ случай согласованія повидимому противорѣчащихъ законовъ. Въ 92 правилѣ трузьскаго собора, сославшись на 131 новеллу, „которая учитъ, что епископамъ и клирикамъ, умирающимъ безъ завѣщанія, наследуетъ церковь“, онъ продолжаетъ: „не думай, что тебѣ противорѣчить новелла императора господина Константина Багрянороднаго, въ которой говорится, что бездѣтнымъ, если они умираютъ безъ завѣщанія, не должны наследовать сродники ихъ по боковымъ линиямъ, но третья часть имущества умирающихъ такимъ образомъ должна поступить въ раздѣленіе по душѣ, причисляя сюда и цѣнность рабовъ умершаго, такъ какъ они немедленно отпускаются на свободу. *Ибо*

эта новелла издана для мірянъ и должна имѣть силу для нихъ; точно также какъ по отношенію къ епископамъ и клирикамъ, умирающимъ безъ завѣщанія, должна дѣйствовать указанная Юстиніанова новелла“. Несогласовано, но лишь указано разногласіе или различіе правилъ и законовъ въ толкованіяхъ на слѣдующія правила: 1 лаодкійскаго, 6 I вселенскаго собора, 6 Василия Великаго и др.

Не допуская въ правилахъ несогласія въ смыслѣ противорѣчія, Вальсамонъ не отвергаетъ однако, какъ мы видѣли, отиѣны однихъ правилъ другими, а также видоизмѣненія ихъ. Имѣя дѣло съ нѣсколькими однопредметными, но несходными правилами, онъ подобно Зонарѣ даетъ преимущество позднѣйшему предъ изданнымъ раньше. Такъ, на 48 правило кареагенскаго собора, запрещающее первенствующему епископу именоваться экзархомъ, онъ замѣчаетъ: „9 правило халкидонскаго собора и 6 и 7 сардинійскаго экзархами областей называютъ епископовъ митрополій; и держись правила халкидонскаго собора какъ позднѣйшаго“. Тоже въ 60 правилѣ Василия Великаго. Что касается другихъ основаній, руководствуясь которыми Вальсамонъ даетъ одному правилу предпочтеніе предъ другимъ, то наиболѣе ясно указываетъ онъ, какъ на такое основаніе, на соображенія челолюбія, какъ напр. въ 6 и 20 апостольскихъ правилахъ; въ первомъ онъ замѣчаетъ: „какъ это апостольское правило говорить, что клирикъ поступающій такимъ образомъ извергается, а 81 апостольское правило и другія правила говорятъ: или да престанеть, или да извержется, то иной можетъ спросить: *чѣму мы должны слѣдовать? И я думаю тому, что болѣе челолюбиво*; потому что св. синодъ и пречестнаго онаго великаго иконома Аристина въ теченіе тридцати дней чрезъ троекратное напоминаніе приглашалъ удержаться отъ свѣтской, судейской должности“. Отдаетъ-ли Вальсамонъ преимущество апостольскому правилу предъ соборнымъ или соборному предъ святоотеческимъ мнѣніемъ, — ясно въ толкованіяхъ не выражено. Правда, въ 135 правилѣ кареагенскаго собора преимущество отдается апостольскому правилу, но не на томъ основаніи, что оно какъ таковое, т.-е. какъ имѣющее за собою высшій авторитетъ должно имѣть и перевѣсъ надъ прочими, а скорѣе по соображеніямъ справедливости: „мнѣ кажется, что скорѣе должно

дѣйствовать апостольское правило; ибо несправедливо, чтобы вслѣдствіе нерадѣнія епископа, епископъ лишалъ принадлежащей ей мѣстности". Съ совершеннымъ сомнѣніемъ Вальсамонъ говоритъ о сравнительномъ значеніи соборныхъ правилъ и отеческихъ постановленій; такъ въ предварительныхъ замѣчаніяхъ къ гангрскому собору, сказавъ о различныхъ взглядахъ на анафематствованіе съ одной стороны — этого и халкидонскаго собора, а съ другой Іоанна Златоуста, Вальсамонъ въ заключеніе замѣчаетъ: „но должно ли написанное великимъ отцемъ и учителемъ нашимъ Златоустомъ имѣть болѣе силы, чѣмъ определенное халкидонскимъ и гангрскимъ, *объ этомъ скажутъ, конечно, тѣ, которые имѣютъ власть разрѣшать подобныя вопросы*". Такимъ образомъ Вальсамонъ считаетъ себя въ разрѣшеніи даннаго вопроса некомпетентнымъ и оставляетъ его безъ отвѣта. Безъ всякихъ объясненій дается предпочтеніе 66 правилу Василія Великаго предъ 22 анкирскаго собора. Измѣненіе правила позднѣйшими указано Вальсамонемъ въ 5 правилѣ І нийейскаго собора и нѣкоторыхъ другихъ.

При сопоставленіи однопредметныхъ, но несогласныхъ правилъ и законовъ Вальсамонъ также указываетъ отиѣну ихъ или же даетъ предпочтеніе одному предъ другимъ. Такъ, въ толкованіи на 58 правило лаодикійскаго собора, запрещающее епископамъ и пресвитерамъ „совершать приношеніе въ домахъ“, Вальсамонъ замѣчаетъ кратко: „это дозволено новеллою императора господина Льва Мудраго“. Точно также въ 90 правилѣ трудльскаго собора, по поводу котораго онъ говоритъ: „настоящее правило опредѣляетъ, что влирики, оговоренные въ какихъ-либо преступленіяхъ, или заподозрѣнные въ нихъ свидѣтельскими показаніями, должны заботиться объ окончаніи возбужденныхъ противъ нихъ дѣлъ въ теченіе года; если же нѣтъ, то должны быть исключаемы. *Но нынѣ это не дѣйствуетъ, потому что на основаніи различныхъ новеллъ всякое обвинительное дѣло распространяется на неопредѣленное время*". Отдавая предпочтеніе закону передъ правиломъ въ 46 правилѣ кареагенскаго собора, Вальсамонъ высказываетъ и основаніе: „сопоставляя настоящее правило, которое говоритъ, что имѣющіе менѣе 14 лѣтъ не должны свидѣтельствовать, а только старшіе, съ 20 главою, 1 титула, 21 книги, говорящею буквально такъ: „ обви-

нитель не можетъ призывать къ свидѣтельству того, кто публично обвиняется, ни того, кому меньше 20 лѣтъ“, кто-нибудь спросить: на что же мы должны обращать вниманіе? И *мнѣ кажется, что скорѣе на законъ; ибо тотъ, кому менѣе 20 лѣтъ, хотя и болѣе 14, не долженъ быть допускаемъ къ свидѣтельству въ уголовномъ дѣлѣ, какъ не обладающій еще твердымъ мышленіемъ. При томъ законъ и много позднѣе правила, потому что онъ былъ принятъ въ пересмотрѣнный кодексъ Василикъ спустя много лѣтъ послѣ настоящаго собора*“. Итакъ позднѣйшій законъ можетъ отмѣнить правило, которое старше его. Впрочемъ, положеніе это нельзя понимать безусловно; категорически его Вальсамонъ нигдѣ не высказываетъ; напротивъ въ другомъ мѣстѣ выражается даже по этому поводу съ сомнѣніемъ и повидимому допускаетъ, что въ сферѣ церковной преимущество должно быть признано за правилами: указавъ въ толкованіи на 16 правило двурачнаго собора разногласіе съ нимъ закона, онъ замѣчаетъ: „предложенный вопросъ рѣшенъ былъ такъ, что скорѣе должно оставаться въ силѣ то, что содержится въ правилѣ; но я все еще сомнѣваюсь. Ибо насколько это вопросъ церковный, я присоединяюсь къ тѣмъ, которые говорятъ, что скорѣе правило должно имѣть силу; а покольку Василики были издамы послѣ составленія номоканона и изданія настоящаго правила, я присоединяюсь къ противоположному мнѣнію“.

Еще опредѣленнѣе таже мысль высказана, какъ мы видѣли, въ толкованіи на 2 главу, 1 титула номоканона.

Ограничительно истолкованы Вальсамонъ многія правила, какъ-то: 20, 34 апостольск., 43, 44, 46, 48 трудльскаго, 18 VII вселенскаго собора, 13 гангрскаго, 15 лаодикійскаго и др. 20 апостольскому правилу онъ даетъ такое же толкованіе какъ Аристинъ и Зонара, подобно имъ ссылается на человеколюбіе, говорить, что было бы жестоко подвергать изверженію того клирика, „который не допускается до суда или до веденія дѣла по бѣдности и по какой другой благословной причинѣ и посему употребляетъ поручителей, чтобы освободить себя отъ хлопотъ“; подобно Аристину и Зонарѣ Вальсамонъ ссылается здѣсь на фактъ изъ исторіи IV вселенскаго собора, на которомъ не потерпѣли вреда епископы и клирики, потребовавшіе или давшіе поручительство. Но къ этимъ аргументамъ своихъ предшествен-

никовъ Вальсамонъ присоединяетъ еще третій, котораго они не могли имѣть въ виду, т.-е. указываетъ на 123 новеллу Юстиніана и усматриваетъ въ ней подтвержденіе всего изложеннаго (по извѣстному юридическому афоризму — *exsertio firmat regulam in consensibus non exsertis*). Въ 24 правилѣ трудльскаго собора Вальсамонъ, въ противоположность приведеннымъ примѣрамъ, отстаиваетъ полную силу правила и вооружается противъ ограничительнаго его толкованія; этимъ правиломъ запрещается между прочимъ числящимся въ священномъ чинѣ и монахамъ ходить на конскія ристалища. Не смотря на такое опредѣленіе правила и подобное же 57 лаодикійскаго собора нѣкоторые, по словамъ Вальсамона, говорили, что не вступать монаху или клирику на конское ристалище, не смотрѣть зрѣлищъ, которыя ласкаютъ зрѣніе, не слушать словъ, которыя услаждаютъ слухъ, дѣло похвальное и достойное великой благодарности, какъ и дѣвство, и все прочее освящающее человѣка. Но если не подлежатъ наказанію, тотъ, кто женится, не имѣя силъ хранить дѣвство; то долженъ получить снисхожденіе и тотъ, кто не имѣя силъ воздерживаться отъ всякаго удовольствія, отправится на конское ристалище, — и тѣмъ болѣе если дозволить это себѣ однажды, а не будетъ злоупотреблять этимъ. Ибо, говорятъ, это правило запрещаетъ конскія ристалища, нѣкогда бывшія, а не тѣ, какія бываютъ нынѣ съ дозволенія и въ присутствіи императора“. Съ этимъ и другими весьма вѣскими доводами, подтвержденными также правиломъ, мнѣніемъ Іоанна Златоуста и закономъ, Вальсамонъ не считаетъ нужнымъ согласиться; „большой части, замѣчаетъ онъ, и особенно людямъ болѣе благоговѣйнымъ, съ которыми соглашаюсь и я, не нравилось это, и потому они говорили, что *правила должны быть изъясняемы въ смыслъ душеполезнѣйшемъ*, а не въ томъ, который ведетъ къ распушенности и безразличію“.

Противъ ограничительнаго толкованія высказывается Вальсамонъ и въ 6 правилѣ IV вселенскаго собора, запрещающаго рукополагать иначе, какъ съ назначеніемъ рукополагаемаго къ опредѣленному храму. „А какъ, замѣчаетъ онъ, нѣкоторые говорятъ, что настоящее правило относится только къ пресвитерамъ, діаконамъ и иподіаконамъ, а не къ чтецамъ, потому что они не имѣютъ рукоположенія, а слѣдовательно и могутъ пере-

ходить изъ города въ городъ и безъ епископской представительной грамоты, то мы отвѣчаемъ, что *и чтецы суть клирики*, и имѣють руковоложеніе архіерея, то-есть печать черезъ посредство руки архіерея; — слѣдовательно правило непременно должно имѣть силу и по отношенію къ нимъ“. Въ противоположность „нѣкоторымъ“, пытавшимся ограничить настоящее правило, Вальсамонъ даетъ ему, напротивъ, распространительное толкованіе: „замѣть, что *и рукоположенные монахи называются клириками*, и подчинены мѣстному епископу и безъ представительной и увольнительной грамоты епископа не должны священнодѣйствовать въ другой области“. Такого распространительнаго толкованія Вальсамонъ держится въ 62, 76 апост., 18, 56 VI вселенскаго собора, 64, 63 трулльскаго и мн. другихъ; послѣднее напр. изъ перечисленныхъ правилъ запрещаетъ входить внутрь священнаго алтаря мірянамъ: „но, по нѣкому древнѣйшему преданію, отнюдь не возбраняется сіе власти и достоинству царскому, *когда восхошетъ принести дары Творцу*“. „Относительно царей, замѣчаетъ въ толкованіи Вальсамонъ, нѣкоторые держась буквы сего правила говорили, что имъ не должно возбранять входить внутрь алтаря тогда, *когда хотятъ принести даръ Богу, но не тогда, когда захотѣли бы войти въ него для одного поклоненія. А мнѣ представляется это не такъ. Ибо православные императоры, съ призваніемъ Святыя Троицы назначая патріарховъ, будучи помазанниками Господа, невозбранно, когда захотятъ, входятъ во святыи алтарь, и ходятъ, и дѣлають знаменіе креста съ трикиріемъ, какъ и архіереи. Они предлагаютъ народу и катихизическое ученіе, что предоставлено однимъ мѣстнымъ архіереямъ“ и т. д.*

На основаніи закона дано Вальсамономъ распространительное толкованіе 66 правилу кареагенскаго собора, предоставляющему собственно предстоятелю Кареагена производить кого бы онъ не пожелалъ въ предстоятели церквей. На основаніи 132 новеллы Вальсамонъ распространяетъ это правило и на другихъ первопрестольниковъ. Противъ распространительнаго толкованія высказывается онъ въ 20 правилъ I вселенскаго собора и 11 антиохійскаго.

Къ аналогіи Вальсамонъ въ толкованіяхъ своихъ не прибѣгаетъ: въ 54 правилъ кареагенскаго собора онъ допустить ее не соглашается.

Подобно Зонаръ Вальсамонъ старается въ толкованіяхъ своихъ мотивировать правила, приче́мъ не рѣдко развиваетъ полнѣе уже высказанное ими основаніе или же присоединяетъ его самъ. Полнѣе развитъ мотивъ напр. въ 72 правилѣ трудльскаго собора, 78 апостольскомъ и др. Присоединеніе же основанія сдѣлано въ 58 апостольскомъ правилѣ, предписывающемъ подъ угрозой строгой кары епископу учить свой народъ; эту обязанность Вальсамонъ выводитъ изъ самаго названія „епископъ“, говоря: „епископское“ достоинство есть учительное, и всякій епископъ долженъ учить народъ догматамъ благочестія и правиламъ жизни православной, ибо онъ поставляется надзирателемъ для надзиранія (ἐπισκοπεῖν) за народомъ своимъ, отчего и названъ епископомъ“.

Многочисленны въ толкованіяхъ Вальсамона разъясненія санкціи правилъ. Разъясненія эти направлены на согласованіе различій, на болѣе опредѣленное выраженіе ея, наконецъ на ея смягченіе; тамъ, гдѣ правилами наказаніе не указано, его указываетъ Вальсамонъ. Такъ, съ 10 правиломъ кареагенскаго собора согласовано 31 апостольское, иначе карающее устроющихъ незаконныя собранія; болѣе опредѣленно выражена санкція въ толкованіи на 24 правило IV вселенскаго собора; смягчено наказаніе въ 83 апостольскомъ правилѣ: „можетъ быть кто спросить, замѣчаетъ здѣсь Вальсамонъ: не будетъ ли имѣть мѣсто и здѣсь условіе: „или да престанетъ“, „или да извержется“, какъ мы видѣли это въ 81 правилѣ? Или и прежде вразумленій упражняющійся въ воинскомъ дѣлѣ посвященный за это долженъ быть извергнутъ? Рѣшеніе: *думаю, что и здѣсь занимающійся воинскимъ дѣломъ долженъ подлежать изверженію, если постъ вразумленія не престанетъ*, ибо всѣ мужскія дѣла имѣютъ одну и ту же причину“. Также „человѣколюбиво“ истолкованы: 73 правило Василія Великаго и 7 IV вселенскаго собора. Не указана санкція въ 21 правилѣ VII вселенскаго собора: „Не удивляйся, говоритъ по этому поводу Вальсамонъ, почему правиломъ не наказывается нарушитель его: прочти 88 правило кареагенскаго собора и узнаешь, какъ наказываются монахи чужаго постриженія и кто принимаетъ ихъ“.

На основаніи толкованій Вальсамонъ подобно Зонаръ устанавливаетъ юридическія принципы и положенія, строить догму

каноническаго права. Особенно часто устанавливаетъ онъ такія общія положенія о церковныхъ наказаніяхъ. Такъ по поводу одного правила, не имѣющаго санкции, Вальсамонъ говоритъ: „А какъ кажется, это спасительное постановленіе пренебрегается и вѣроятно не по чему другому, какъ только потому, что не положено наказанія его презрителямъ. А мнѣ кажется, что *всѣ преступающіе правила должны быть наказываемы по усмотрѣнію мѣстнаго епископа, хотя бы въ правилахъ и не была высказана видъ наказанія за нѣкоторыя преступленія*“ (45 правило трульскаго собора). Въ толкованіи на 2 правило анкирскаго собора указывается, кому вообще принадлежитъ власть налагать епитиміи: „*Всякое душевное врачеваніе предоставлено епископскому разсужденію*“. Объ оставленіи грѣха, какъ условіи наложенія епитиміи, устанавливаются Вальсамонъ общія положенія въ 76, 79 правилъ Василія Великаго и 2 неокесарійскаго собора: „*замѣть изъ настоящихъ правилъ, говоритъ онъ, что не только въ такихъ грѣхахъ, но и въ прочихъ даетъ мѣсто епитиміямъ только оставленіе (грѣховъ); ибо кто пребываетъ во злѣ, хотя бы несчетное число разъ подвергался епитиміи и столько же разъ совершалъ добрыя дѣла, имѣетъ изву неисцѣлною, не закрывающеюся отъ цѣлительныхъ повязокъ*“. О продолжительности епитимій Вальсамонъ дѣлаетъ общіе выводы изъ 84 правила Василія Великаго: „*итакъ, заключаетъ онъ свое толкованіе, замѣтъ двѣ прекрасныя вещи изъ настоящаго правила: что епитиміи какъ сокращаются для тѣхъ, которые усердно работаютъ въ исповѣди, такъ продолжаются для незначительныхъ; и что тѣ подвергаются епитиміямъ, которые отступаютъ отъ зла; а пребывающіе въ своихъ похотяхъ осуждаются на совершенное отлученіе отъ общенія*“. Нѣсколько иначе выражена та же мысль въ толкованіи на 87 правило трульскаго собора: „*обрати вниманіе и на то, замѣчаетъ здѣсь Вальсамонъ, что отцы вездѣ требуютъ чистаго раскаянія въ душевныхъ согрѣшеніяхъ; ибо по этой причинѣ они и дали дозволеніе мѣстнымъ епископамъ усиливать и ослаблять епитиміи, смотря по сердечному сокрушенію подлежащаго епитиміи*“. О значеніи обычая при наложеніи епитимій Вальсамонъ устанавливаетъ общія положенія въ 102 правилъ трульскаго собора: „*итакъ, собравъ сіе, скажи, что мы должны знать и точныя правила каноническихъ епитимій, и по-*

ложенія болѣе снисходительнаго обычая; и иногда врачевать не-
суды по правиламъ, когда болящіе съ готовностію принимаютъ
епитиміи, а иногда посредствомъ обычая и болѣе снисходи-
тельныхъ лѣкарствъ, когда врачевые окажутся болѣе стропти-
выми къ принятію епитимій; ибо этимъ обычаямъ едва ли кто
будетъ противиться“. Наконецъ, изучая церковныя правила сов-
мѣстно съ законами, Вальсамонъ не могъ не натолкнуться на
сравненіе тѣхъ и другихъ; сравненіе показало ему ихъ различіе
и особенности. Въ 43 и 79 правилахъ Василія Великаго онъ
проводитъ параллель и выясняетъ различіе между церковными
епитиміями и наказаніями закона, между государственными судья-
ми и духовными епископами. „Церковная епитимія не есть на-
казаніе, говоритъ онъ въ первомъ изъ названныхъ правилъ, но
очищеніе и врачеваніе... А гражданскій законъ наказываетъ, а не
врачуетъ“. Есть различіе между судьями, назначающими тѣлес-
ныя наказанія тѣмъ, кто сдѣлался виновенъ въ преступленіи, и
епископами, которые опредѣляютъ церковныя епитиміи исповѣ-
дующимъ душевные грѣхи. Ибо тѣ безъ царскаго повелѣнія не
могутъ ни увеличивать, ни уменьшать опредѣленные закономъ
наказанія; а эти, принимая на себя тягость нашихъ грѣховъ,
какъ имѣющіе притомъ отдать за насъ отчетъ Богу, по своему
разсужденію и увеличиваютъ и уменьшаютъ епитиміи; поэтому
то они имѣютъ власть не только сокращать сроки епитимій, но
и замѣнять одну епитимію другою“. Подобныя общія положенія,
касающіяся кромѣ наказаній и другихъ предметовъ, можно найти
во многихъ мѣстахъ Вальсамоновскихъ толкованій: 71 Василія
Великаго, 9 кареагенскаго собора, 10 сардикскаго и ми. др.

Подобно Зонарѣ Вальсамонъ дѣлаетъ также выводы изъ пра-
вилъ, основанные на заключеніи отъ большаго къ меньшему,
отъ меньшаго къ большому или на противоположеніи; таковы
толкованія на 17 правило IV вселенскаго собора, 37 кареаген-
скаго, 98 трузльскаго и 1 гангрскаго. Толкованіе этого послѣд-
няго правила есть буквальный повтореніе Зонары, но къ сло-
вамъ его присоединено слѣдующее замѣчаніе: „Прочти еще 51
правило св. апостоловъ и скажи, что по противоположенію не
наказываются тѣ, которые мушуются и изменяютъ прелюбо-
дѣицъ и невѣрныхъ женъ своихъ“.

Для большей полноты и лучшаго уясненія спорныхъ вопросовъ Вальсамонъ приводитъ нерѣдко различныя мнѣнія, обыкновенно не называя лицъ, кому они принадлежатъ, но ссылаясь неопредѣленно на „нѣкоторыхъ“. Къ этимъ мнѣніямъ онъ относится весьма различно: указывая ихъ, или воздерживается отъ всякихъ замѣчаній (53 пр. трул. соб. и др.), или присоединяется къ какому-нибудь одному (трул. 34, I всел. 3 и др.), или сомнѣвается кому слѣдовать (38 канон. и др.), или соглашается отчасти (канон. 19—23), или наконецъ совершенно не соглашается (84 апост.), въ послѣднемъ случаѣ, держась особаго мнѣнія, онъ въ свою очередь то довольствуется тѣмъ, что только отмѣчаетъ различіе (какъ въ указанномъ примѣрѣ), то считаетъ нужнымъ обосновать свой взглядъ и потому прибѣгаетъ къ полемикѣ. Случаевъ такой полемики у него очень много, какъ-то: въ 1, 11, 14 апост.; 2, 19, I всел. соб.; въ посланіи III соб.; 17, 28 IV, 2, 37 трульскаго, 12 апост. и друг. И здѣсь, отстаивая свое мнѣніе, Вальсамонъ пользуется опредѣленными гражданскихъ законовъ и ищетъ въ нихъ доводы для своей аргументаціи. Такъ, доказывая въ 1 прав. I всел. собора, что оно „разсуждаетъ о тѣхъ, которые оскоплены не послѣ полученія священства, но о которыхъ возникло сомнѣніе уже послѣ полученія ими священства“, онъ замѣчаетъ: „а если кто будетъ и еще противорѣчить и хотеть, чтобы оказываемо было снисхождение по болѣзни оскопленному послѣ полученія священства, тотъ пусть выслушаетъ, какъ заграждаетъ ему уста 142 Юстиніанова новелла“.

Особенно рѣзкой становится полемика Вальсамона тогда, когда онъ вооружается противъ западной церкви, противъ папства, а также противъ неправославныхъ церковныхъ обществъ. Всюду, гдѣ практика, обычай западной церкви оказываются противорѣчащими толкуемымъ правиламъ, онъ обличаетъ это противорѣчіе и иногда въ рѣзкихъ, жесткихъ выраженіяхъ. „И по многому другому“, говоритъ онъ напримѣръ въ толкованіи на 55 правило трульскаго собора, всецѣло направленномъ противъ латинянъ, „и по многому другому, а также по настоящему правилу принадлежащіе къ церкви древняго Рима говорятъ, что сей святыи соборъ не есть вселенскій... Ибо оно, какъ мечъ, пронзило сердце ихъ и прямо обличаетъ ихъ, что они посту-

О ПИСЬМАХЪ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА

КЪ НАМѢСТНИКУ ЛАВРЫ АНТОНІУ.

I.

Немногимъ историческимъ дѣтелямъ выпадаетъ на долю оставить послѣ себя такую глубокую память въ потомствѣ, какую оставилъ великій святитель московскій Филаретъ. Прошло болѣе 20 лѣтъ со времени его кончины, а еще до сихъ поръ онъ продолжаетъ приковывать къ себѣ вниманіе русскаго общества, до сихъ поръ усердные читатели его памяти отыскиваютъ и издають матеріалы, долженствующіе освѣтить великую личность и необъятную дѣятельность знаменитаго іерарха. Драгоценнѣйшій матеріалъ для біографіи митрополита Филарета доставляетъ обширнѣйшая переписка его съ разными лицами. Въ ряду изданныхъ писемъ митрополита, послѣ писемъ его къ роднымъ¹⁾, особеннаго вниманія заслуживаютъ письма къ намѣстнику лавры Антонію, которыхъ издано уже четыре тома. Намѣстникъ Антоній былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ къ митрополиту лицъ, пользовался его особеннымъ расположеніемъ и довѣріемъ. Его митрополитъ избралъ своимъ духовнымъ отцомъ. „Тя рекохъ друга давно въ расположеніи сердца моего, писалъ митрополитъ въ 1834 году, когда же Провидѣніе Божіе устроило, что ты ре-

¹⁾ О письмахъ Филарета къ роднымъ. См. «Прав. Обзоръ» за 1883 г., март. кн.

кохъ и отца въ тайнствѣ, то уже твоей души остается рещи, до какого степени хочеть она не чуждаться уничтоженной души моей“²⁾ (пис. 86). Съ своимъ другомъ и отцомъ въ теченіе пѣ-
 лыхъ 36 лѣтъ митрополитъ дѣлился мыслями и чувствами по
 самымъ разнообразнымъ вопросамъ монашеской, духовной, цер-
 ковной, общественной и государственной жизни. Крайне сдер-
 жанный, особенно въ письменныхъ сношеніяхъ, Филаретъ былъ
 болѣе откровененъ въ своихъ письмахъ къ Антонію, и чѣмъ
 болѣе время укрѣпляло ихъ дружескія отношенія, чѣмъ болѣе
 митрополитъ уважалъ личныя достоинства своего друга, тѣмъ
 откровеннѣе становился въ письмахъ къ нему. Поэтому письма,
 вошедшія въ III и IV томы (съ 1850 — 1867 г.) болѣе разно-
 образны по содержанію, чѣмъ писанныя въ ранніе годы, и болѣе
 знакомятъ съ разнообразными чертами великой личности свя-
 тителя. Желая въ настоящей статьѣ кратко познакомить чита-
 телей съ содержаніемъ замѣчательныхъ писемъ Филарета къ

²⁾ Характеристика отношеній митрополита къ Антонію сдѣлана была покой-
 нымъ П. С. Казанскимъ въ его статьѣ: Очеркъ жизни архимандрита Антонія.
 «Прав. Обзор.» 1878 г. Дружба митрополита къ Антонію отличалась нѣжностью,
 которая свидѣтельствовала о глубоко любящей душѣ покойнаго святителя. Эта
 нѣжность особенно высказывалась въ случаяхъ нездоровья намістника. Въ январѣ
 1850 г. митрополитъ писалъ: «Озабочиваетъ меня болѣзнь ваша, отецъ наміст-
 никъ. Обстоятельство, что при усиленіи мысли усиливается боль, кажется, пока-
 зываетъ, что дѣло въ нервахъ. Посему нуженъ покой и отъ внѣшняго движенія
 и отъ мысли, воздухъ тихій и ровный, въ глубинѣ комнаты, вдали отъ оконъ и
 дверей, и тѣлота ногъ, приобретаемая не только обувью, но особенно спокой-
 нымъ ихъ горизонтальнымъ положеніемъ. Головъ надобно дать положеніе, кото-
 раго она лучше желаетъ. Лежать больною стороною вверхъ иногда хуже, потому
 что на нее дѣйствуетъ воздухъ, и увеличиваетъ раздраженіе. Болѣе не пишу
 теперь: потому что и читать теперь вамъ не время, если не пришло облегченіе».
 Въ другомъ письмѣ: «Забота о васъ должна оставить меня тогда, когда прекра-
 тится причина ея. Игуменія сказываетъ, что докторъ Иноземцевъ говоритъ почти
 тоже, что я вамъ писалъ, именно, что вамъ надобно быть въ тепломъ спокой-
 номъ воздухѣ, доколѣ болѣзнь совсѣмъ пройдетъ, и что сіе нужно для выздоров-
 ленія вполне благонадежнаго и безопаснаго отъ возврата болѣзни. Мнѣ думается,
 что по сему совѣту надобно вамъ перейти въ мои келліи, вѣзть тонкіе домотову
 церковъ, и устроить въ ней отдѣльное служеніе, какъ при мнѣ. Тогда вы, не
 перебивая воздуха, можете слушать церковное богослуженіе изъ келліи, удобно
 приобщаться святыхъ таинъ, когда пожелаете, и совершать литургію, если въ
 церкви будетъ довольно тепло. Только надобно, думаю, будетъ загоранивать въ
 алтарѣ окно, со стороны больнаго уха».

намѣстнику, мы будемъ имѣть въ виду преимущественно письма вошедшія въ III и IV томы, какъ доставляющіе богѣе обильный матеріалъ для характеристики писавшаго и его времени.

Письма митрополита къ намѣстнику главнымъ образомъ касаются жизни подчиненнаго ему монастыря. Въ отношеніи къ монастырю намѣстникъ былъ такимъ человѣкомъ, на духовную и житейскую опытность котораго митрополитъ вполне полагался и дѣятельности котораго сочувствовалъ. При полномъ довѣріи къ намѣстнику митрополитъ, занятый рѣшеніемъ важныхъ вопросовъ церкви и государства, едва успѣвавшій отвѣчать на различные запросы и требованія, казалось бы не имѣлъ побужденій и времени особенно входить въ жизнь подчиненнаго ему монастыря. А между тѣмъ съ какою обширною дѣятельностію митрополита, какъ настоятеля лавры, знакомятъ насъ письма его къ Антонію. И здѣсь предъ нами Филаретъ со всею разносторонностію его дарованій и познаній.

Митрополитъ всегда съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за тѣмъ, что происходило въ подчиненныхъ ему монастыряхъ. Насъ изумляетъ это вниманіе, обращенное на всѣ малѣйшія нужды и даже мелочи монастырской жизни. Онъ задумывается надъ тѣмъ, кого сдѣлать ризничимъ. „Надъ дѣломъ о ризничемъ я задумывался. Надобно готовить въ помощникъ будущаго ризничаго. Венедиктъ молодъ. Примѣчаемая въ немъ склонность къ изысканному и изящному представляетъ не совершившуюся степень. Братъ іеродіаконъ изъ скита для лаврской ризницы также кажется мнѣ движеніемъ не довольно важнымъ“ (746). Заботится о томъ, чтобы келлія у новаго больничнаго строителя „имѣла чистоту и свѣжесть воздуха“ (753). Представленіе о монахѣ Мартинѣ возбуждаетъ у митрополита вопросы: „почему пересталъ быть будильникомъ? Какое имѣетъ послушаніе теперь? Просто ли идетъ въ Кіевъ; или не имѣетъ сіе особаго значенія?“ (783). Болѣзненное состояніе іеродіакона Ананіи вызываетъ заботливое распоряженіе митрополита: „Если онъ покоренъ, то не надобно ли предложить ему, чтобы не держалъ находящихся помысловъ, а открывалъ вскорѣ, кому должно, при чемъ надобно больше успокоивать его, и, какъ можно, меньше прекословить ему“ (896). Митрополитъ и входить въ разсужденіе о духовномъ состояніи кого-либо изъ братіи, предлагаетъ

наставленія, свидѣтельствующія о его глубокой духовной опытности, и предлагаетъ совѣты о житейскихъ предметахъ. По поводу какаго то необыкновеннаго приключенія съ монахомъ Матвеемъ онъ пишетъ: „Приключеніе съ Матвеемъ, думаю, болѣе нежели дѣйствіе воображенія. И вѣроятно, что еслибы онъ остался при своей молитвѣ, и обращеніемъ рѣчи не коснулся темной атмосферы, которая къ нему приступала, то не получилъ бы удущья и кашля. При нападеніи темныхъ силъ, человекъ внутренно молящійся подобенъ заключившемуся въ твердой крѣпости; и обращающій рѣчь къ сопротивнымъ подобенъ дѣлающему вылазку, что можно крѣпкому, а слабому опасно“ (796).

Пожаръ въ скиту даетъ митрополиту поводъ дать такого рода наставленіе. „Дѣла печныя и огненные никогда не должно дѣлать подь вечеръ. Зола печную можно вынести утромъ; и печь топить должно по крайней мѣрѣ ранѣе вечерни. Это нужно и противъ пожара и противъ угара“ (950).

Поведеніе монашествующихъ особенно озабочивало митрополита. Жизнь монастырская представляла не столько примѣровъ истинно подвижнической жизни, сколько разныхъ недостатковъ. О такихъ недостаткахъ среди братіи митрополиту нерѣдко приходилось узнавать не отъ самого намѣстника, а отъ лицъ стороннихъ.

То въ Москвѣ приходится митрополиту слышать, „что Троицкихъ монаховъ видятъ внѣ монастыря въ 11 часу вечера“ (764); то нѣкто пришедшій изъ Петербурга рассказываетъ ему „какъ тамъ, въ кругу близкомъ къ высокому средоточію, судятъ о нашихъ недостаткахъ. Между прочимъ говорятъ, что въ скиту ночуютъ женщины“ (894). Отъ людей, заслуживающихъ довѣріе, узнаеть, „что одна знакомая вѣнскому казначею женщина въ слухъ людей укоряла его, что онъ оставилъ ее и познакомился съ другою“ (943). Строгий монахъ, строгій блюститель закона, порядка митрополитъ неохотно мирился съ замѣчаемыми среди монаховъ недостатками и требовалъ строгихъ мѣръ противъ нихъ. „Даръ прощать онъ признавалъ выше дара исправлять наказаніемъ“, но строгія взысканія съ согрѣшившихъ считалъ необходимыми для прекращенія соблазна и потому, что порицательное время пользовалось всякимъ случаемъ, чтобы уронить

монашество въ глазахъ общества ²⁾. Намѣстникъ довольно снисходительно смотрѣлъ на недостатки братіи и не особенно вѣрилъ или не любилъ вѣрить дурнымъ слухамъ объ нихъ. Не разъ митрополитъ внушаетъ ему, чтобы онъ внимательно и строго слѣдилъ за поведеніемъ братіи. „Писали вы, что на людей, которые судить о монашествѣ, не довольно умѣя судить о немъ, не надобно смотрѣть, чтобы подчиниться ихъ мыслямъ, но думаю, надобно смотрѣть, чтобы брать осторожность противъ соблазна и вреда для званія. Отчего, на примѣръ, не охотно утверждаютъ предоставленіе монастырямъ недвижимыхъ имѣній, если не отъ мнѣнія, что монахи не порядочно живутъ и не порядочно употребляютъ свое достояніе? Итакъ, чтобы не произошло вреда званію, не надобно позволять себѣ неблаговидностей, въ которыхъ имѣтъ нравственнаго зла, но въ которыхъ недостаетъ порядка, и которыя даютъ случай неблагоприятнымъ мнѣніямъ“ (899). Въ другомъ письмѣ писалъ: „Вамъ невѣроятнымъ кажется, отецъ намѣстникъ, что есть лже-братія. Такъ и должно казаться. И надобно какъ можно больше вѣрить доброму, какъ можно меньше худому. Однако опыты показываютъ, что и взоръ осторожности нуженъ. Есть добрые искренно, которые не поступаютъ противно искренности, и есть желающіе казаться добрыми, которые не всегда суть то, чѣмъ кажутся. Покойный князь Дмитрій Владиміровичъ представилъ своего адъютанта къ знану отличія; Государь Императоръ не соизволилъ. Князь представилъ вторично: и тогда Государь, объясняя свой отказъ, велѣлъ послать къ князю доносъ, поданный на него симъ адъютантомъ. Хорошо, что Государь близко зналъ князя: иначе могла быть бѣда отъ лже-брата. Говорите о людяхъ по необходимости терпимыхъ. Надобно, чтобы они не были вредны: а терпѣть вредныхъ не должно быть необходимости“ (848). По поводу дурныхъ слуховъ

²⁾ Намѣстникъ писалъ, что въ дѣлѣ исправленія согрѣшившихъ должно слѣдовать примѣру древнихъ подвижниковъ. Митрополитъ находилъ, что въ настоящее время нельзя руководиться этими примѣрами. «Дѣяніе аввы епископа Амона помню. Но что вы думаете? Легко-ли подражать такимъ примѣрамъ? Не хуже нашихъ махрянскихъ были тамъ люди, но никто не догадался поступить, какъ Амону. По крайней мѣрѣ тамъ повли дѣло, когда оно слѣвано: въ другомъ мѣстѣ и сего не найдешь. Подумайте и то, не надобно ли имѣть даръ, чтобы прощать, иначе будетъ поглажать» (21).

о троицкихъ монахахъ митрополитъ писалъ: „Теперь посторонніе къ намъ строги, а мы хотимъ быть къ себѣ снисходительны. По порядку, посторонніе должны быть къ намъ снисходительны, а мы къ себѣ строги“ (764). Въ одномъ письмѣ митрополитъ высказываетъ раскаяніе, что принялъ монаха М., который оставилъ лавру. „Вы одобряете милосердіе къ М., а я, скудный въ милосердіи, чуть не раскаиваюсь, что принялъ его послѣ того, какъ онъ самъ не возлюбилъ и оставилъ лавру. Имѣю причину сказать вамъ, чтобы вы имѣли надъ нимъ внимательное наблюденіе въ предосторожность отъ бѣды во лжебратіи“. Въ другомъ письмѣ онъ высказываетъ недовольство, что намѣстникъ отпустилъ путешествовать монаха В., „который въ двухъ городахъ осрамилъ собою лавру“ ⁴⁾. Поведеніе извѣстнаго Филиппа-Филаретушки сильно смущало митрополита. Не скоро онъ могъ помириться съ странными дѣйствіями этого новаго. „Филиппа опредѣлить указомъ будетъ ли надежно? Перестанетъ ли онъ желать странствія? Послѣ путешествія въ Москву, слышу, онъ ходилъ еще куда то въ иную сторону. Въ теперешнемъ положеніи если и возьмутъ его съ мѣдною или желѣзною птичкою, и посадятъ въ вѣту, онъ сямъ доволенъ, и намъ бѣды нѣтъ. Если можемъ, извлечемъ изъ вѣтки: а за то, что посажемъ, не отвѣчаемъ, не имѣя его своимъ оффиціально“ (747). Въ другомъ письмѣ пишетъ: „Не помню, отвѣчалъ ли я вамъ о намѣреніи Филарета идти въ Кіевъ. Можно на сіе согласиться: но просить его, чтобы не очень юродствовалъ. Онъ не побоятся и въ тюрьму попасть, но подумалъ бы, что сямъ можетъ причинить непріятности и затрудненіе начальству, которому себя не для того подчинилъ“ (863).

„Дай Богъ, чтобы на пользу было то, что творить Филареть. А я надъ сямъ закумываюсь. На что же было заводить то, что послѣ бросаетъ; и на что бросать то, что завелъ. Если хотѣлъ начать и кончить юродствомъ: на что же было вводить въ средину другое? Безъ него пещерь, можетъ быть, и не было бы:

⁴⁾ Этотъ Венедиктъ, о которомъ митрополитъ давно уже составилъ невыгодное мнѣніе, впослѣдствіи замѣченъ былъ въ важномъ проступкѣ и удаленъ изъ лавры. Въ письмахъ мы встрѣчаемъ не мало примѣровъ глубокой проникательности митрополита и знанія имъ людей.

но это не было бы лучше, нежели то, что они запустѣютъ“ (859). Нѣкоторые монахи своими похождениями доставляли не мало хлопотъ митрополиту. Въ 1861 г. въ скиту былъ нѣкто М., который бѣжалъ оттуда въ Петербургъ и здѣсь не мало намутилъ. Онъ написалъ два письма къ Государю Императору и Высочайшей фамилии, и посылалъ при каждомъ фунтъ чаю, и при одномъ 17, а при другомъ 25 рублей. Подписался: патріархъ Исусъ. Этого сумасшедшаго, котораго отецъ намѣстникъ считалъ въ здоровомъ умѣ, митрополиту пришлось отыскивать и сноситься объ немъ съ разными начальственными лицами. Митрополитъ жаловался намѣстнику, что его заставили принять на себя обязанности сыщика. „Позвольте мнѣ пожаловаться, что за судьба моя, что и свои и чужіе налагаютъ на меня свои дѣла, и заставляютъ меня дѣлать ихъ! Вы дѣлаете меня сыщикомъ бѣглаго М.; но сыщикъ, не какъ вздумается, начинаетъ дѣло, а когда предпишутъ. Я буду сыщикомъ по вашей волѣ; и предпишу консисторіи. Но въ другомъ подобномъ случаѣ обратите вниманіе и на порядокъ и на мое безсіе“ (1414).

Заботясь о томъ, чтобы лавра не пополнялась людьми недостойными, митрополитъ предписывалъ строгую разборчивость при принятіи въ монастырь. Всегда онъ не охотою соглашался на принятіе въ монастырь такихъ лицъ, въ прошломъ которыхъ находилъ какія-либо темныя черты. „Имя Е. приноситъ мнѣ темное напоминаніе, которое не располагаетъ въ пользу именуемаго, если это не другое лице. Не былъ ли онъ нѣкоторое время въ Донскомъ монастырѣ? И служба при преосвященномъ Нафанѣ не показываетъ ли искателя? Спросите также его, не найдется ли въ его послужномъ спискѣ чего-нибудь такого, что могло бы затруднить принимающихъ его“ (896). Внимательно митрополитъ слѣдилъ и за хозяйствомъ лавры. Намѣстникъ Антоній ознаменовалъ себя обширною хозяйственною дѣятельностію. Онъ постоянно входилъ къ митрополиту съ различными хозяйственными проектами, предположеніями. Вполнѣ сочувствуя заботамъ намѣстника о благоустройствѣ лавры и довѣряя его опытности, митрополитъ всегда неохотно соглашался на его хозяйственныя предположенія и проекты. Проницательность его находила въ нихъ недостатки, а его любовь къ сохраненію порядка заставляла съ недовѣріемъ относиться къ различнымъ

нововведеніямъ. По поводу одного проекта намѣстника митрополита писалъ: „Роскошь отъ стола и пищи пришла и туда, куда утроба извергаетъ негодное. Въ здѣшней семинаріи есть устройство такихъ мѣсть съ водою: и каждый годъ платять англичанину около полтороста рублей серебромъ за присмотръ и починки, и притомъ всегда одному; другіе не вызываются взяться за сіе дѣло. Повредится что-нибудь существенное въ семь устройствъ: что вы будете дѣлать? Повредится водопроводная труба: не знающій дѣла не скоро примѣтитъ, и вода будетъ размывать стѣну, или потолокъ, или полъ. И при надзорѣ сіе устройство даетъ сырость той части зданія, въ которой находится. Въ Воспитательномъ домѣ случилось, что увидѣли размогающимъ потолокъ. Долго не могли понять, что это значить. Наконецъ оказалось, что свинцовую водопроводную трубу мыши проѣли. Вы рассчитываете, что строеніе двухъ башенъ будетъ стоить 1000 р, а модныхъ отхожихъ мѣсть 1200. Да развѣ сіи сдѣлаются на воздухъ? Онѣ займутъ въ зданіи мѣсто, которое стоитъ не дешевле двухъ башенъ. Примите еще въ разсужденіе, сколько простора нужно для смрадной воды, которая будетъ цѣлый день выходить изъ отхожаго мѣста, чтобы она не произвела близъ зданія смраднаго болота“ (912). О. Антоній задумалъ произвести осушеніе Успенскаго собора. Митрополитъ писалъ по этому случаю: „Не знаю, что сказать вамъ, отецъ намѣстникъ, объ осушеніи Успенскаго собора. Мнѣ все непонятно, почему онъ не былъ сыръ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда входъ въ него воздуха былъ тотъ же, какой нынѣ. Нѣтъ ли разницы въ томъ, что его тогда начинали отворять ранѣе праздника Благовѣщенія, а съ 1 мая начиналось непременно въ немъ священнослуженіе. Нанести сему зданію восемь рявъ, подъ названіемъ душниковъ, мнѣ кажется суровымъ средствомъ. Стѣны толстыя; строеніе старое, внутри стѣнъ, можетъ быть, не правильная кладка кирпича, а камень всякихъ формъ залитый известкою. Можетъ случиться, что при дѣланіи душниковъ, разломашь болѣе, нежели думаешь. Мнѣ думается, что надлежало бы поднять полъ и посмотреть суха ли подъ нимъ земля. Если суха: то можно думать, что сырость образуется внутри собора, и въ семь случаевъ способъ предложенный г. Быковскимъ, можетъ имѣть мѣсто. А если земля подъ поломъ окажется сырою: то

ніе, что въ 1825 будетъ туга велия на людехъ. Между чистыми пророками и между ложно выдающими себя за пророковъ, или мечтающихъ быть таковыми, нѣтъ ли средняго рода людей, которые стремясь къ добру, хотя еще находятся въ смѣшенномъ состояніи, имѣютъ нѣкоторыя созерцанія, подобно какъ имѣютъ нѣкоторыя добродѣтели, и провидѣніе Божіе, допуская ихъ открывать свои предчувствія, имѣетъ цѣль тѣмъ, что въ нихъ есть доброе, возбудить нѣкоторыхъ къ добру, а тѣмъ, что въ нихъ есть смѣшенное. облегчить судъ надъ тѣми, которые не повѣрятъ“ (911). Въ другомъ письмѣ опять возвращаясь къ этому предмету митрополитъ пишетъ: „Состояніе людей, о которыхъ я говорилъ, не почиталъ я ни правильнымъ, ни безопаснымъ: а говорилъ только, что провидѣніе Божіе попускаетъ нѣкоторымъ дѣйствовать изъ смѣшенныхъ состояній, и обращаетъ въ пользу случающіеся проблески истины. Валаамъ былъ въ правильномъ состояніи, когда отказалъ посламъ Валака; вошелъ въ смѣшенное состояніе, когда прелстился важностію втораго посольства, и пожелалъ идти, зная ужъ волю Божію, возбраняющую идти, уже ослѣпа обличила его неправильное состояніе, потомъ онъ совсѣмъ сбился съ пути и погибъ. Но сквозь сихъ замѣшательствъ прошло великое дѣйствіе провидѣнія и произнесено важное предсказаніе“ (914). Въ 1858 г. по поводу предсказаній одного есаула ⁷⁾ митрополитъ пишетъ: „Благодарю за разсужденіе о видѣніяхъ, которому далъ случай есауль. То очевидно, что въ его рукописаніи есть примѣсь его личныхъ понятій; а иное могло быть возбуждено въ немъ слухомъ, какъ напримѣръ, требованіе освобожденія крестьянъ. Но есть у него мысли, которыя трудно представить родившимися въ казацкой головѣ. Какъ пришло ему въ голову оригинальное соображеніе, что умноженіе дворянъ, безконечно продолженное, наконецъ должно произвести тысячи нищихъ; съ притязаніями на благородство, и что въ предосторожность отъ сего, надобно ограничить благородство четвертымъ родомъ, чрезъ что сохраняется преимущество и устраняется чрезмѣрность? Мнѣ кажется, что въ семъ явленіи есть

⁷⁾ Кажется Золотарева, о которомъ Филаретъ въ 1853 г. просилъ Антонія, чтобы онъ способствовалъ ему и въ духовномъ дѣлѣ, и удовлетвореніи благочестивому и патриотическому любознанію (903).

нѣчто отъ провидѣнія Божія, которое все посылаетъ намъ совершенныхъ пророковъ, чтобы мы невниманіемъ къ нимъ не сдѣлали себя болѣе виновными, а допускаетъ нѣкоторыхъ людей смѣшеннаго духовнаго состоянія обличать насъ именемъ Божиимъ, чрезъ что дается намъ случай пробудиться и не подпасть наказанію; между тѣмъ какъ и невниманіе къ нимъ не слыхомъ тяжкій грѣхъ извиняемый отчасти смѣшеннымъ ихъ состояніемъ“ (1198). Въ объясненіе такого рода смѣшанныхъ состояній, митрополитъ приводитъ мысль одного малоизвѣстнаго писателя, къ которой очевидно и самъ склоняется. „У одного малоизвѣстнаго писателя встрѣтилъ я мысль, которая способна изъяснить сего рода смѣшанныя явленія. Онъ говоритъ, что не рѣдко встрѣчающіяся въ наши времена видѣнія и откровенія, полухристіанскія и полужидовскія, происходятъ отъ дѣйствія на нѣкоторыхъ неправильно возбужденныхъ и склонныхъ къ мечтательству людей—отъ душъ нѣкоторыхъ умершихъ людей, которые, имѣвъ также въ жизни неправильное возбужденіе духа и страсть испытывать и внушать другимъ сокровенное, и по смерти ищутъ сообщенія съ подобными живущими, и сообщаютъ имъ что имѣютъ, истину и мечту вмѣстѣ. Какъ вамъ сіе кажется“ (435). Внимательно относясь къ различнымъ предсказаніямъ и видя въ нихъ нѣкотораго рода откровенія, митрополитъ всегда старался уяснить для себя съ своей точки зрѣнія тѣ событія, которыя поражали его загадочностію, таинственностію. Весьма любопытны его объясненія нѣкоторыхъ таинственныхъ явленій, о которыхъ сообщалъ ему Антоній. Въ 1851 году намѣстникъ сообщилъ ему объ одной молодой крестьянѣ вдовѣ, въ домъ къ которой въ глухую ночь слетала какая-то огненная полоса. Вдова сказала, что къ ней ходитъ каждую ночь ея умершій мужъ, съ которымъ она жила счастливо. На это извѣстіе Филаретъ отвѣчаетъ: „Странно привлеченіе крестьянской вдовы. Но можетъ быть вопросъ: чуждый ли нечистый духъ представлялъ ей мечтаніе, или отшедшая душа привлекаема была земною страстію? Читалъ я случай, или слышалъ, что умершая мать каждую ночь приходила къ оставшемуся младенцу и, повидимому, кормила его грудью. Днемъ младенецъ не бралъ молоко, и чрезъ нѣсколько дней, питаясь только мечтательною пищею, умеръ. Подлинно между сѣтями ходитъ человекъ, поставляемый отъ

врага, и самъ себѣ вяжетъ сѣти, или вражескія укрѣпляетъ своими страстями. Сокруши, Господи сѣти, и избави всякое созданіе Твое“ (804). Въ январѣ 1857 года намѣстникъ извѣщалъ митрополита о таинственныхъ явленіяхъ въ училищной лаврской башнѣ. „Догадка ваша, писалъ въ отвѣтъ Филаретъ, что происходящее въ училищной башнѣ происходитъ отъ какой-нибудь отшедшей неумиротворенной души, по моему мнѣнію, удобопріемлема. Кажется, это и не одна душа. Та темнѣе, которая стучала по ночамъ желѣзными сапогами: и, потому послѣ присутствія святыни, ей сдѣлалось недоступно посѣщенное святынею мѣсто. Для другой оно осталось доступнымъ, и притомъ днемъ, какъ менѣе чуждой свѣта. Доброе дѣло совершить еще водоосвященіе и панихиду. Въ бытность нынѣшняго владыки новгородскаго ректоромъ петербургской академіи, вскорѣ послѣ смерти служившаго при академіи инвалида Нестора, секретарю академіи стало представляться ночью, что Несторъ знакомыми ему шагами ходитъ по его комнатѣ. Послѣ нѣсколькихъ бессонныхъ ночей, секретарь открылся о семъ ректору. Ректоръ навѣдался, не заботился ли о чемъ Несторъ передъ смертію, и узналъ, что онъ былъ долженъ небольшую сумму денегъ, и умеръ, неуплативъ долга. Ректоръ велѣлъ заплатить долгъ и совершить панихиду по Несторѣ: и секретарь почивалъ послѣ того спокойно“ (1139) *).

II.

Письма митрополита къ намѣстнику, особенно съ пятидесятихъ годовъ, знакомятъ насъ съ воззрѣніями великаго іерарха на современные вопросы и событія и заключаютъ не мало замѣтокъ, извѣстій, драгоценныхъ какъ показанія о личности писавшаго и его времени.

Изъ церковныхъ дѣлъ—дѣла раскола служатъ предметомъ довольно частой бесѣды митрополита съ намѣстникомъ. Изъ писемъ видно, что Филаретъ былъ весьма недоволенъ тайнымъ

*) Объ отношеніи Филарета къ таинственнымъ явленіямъ подробно говорится въ статьѣ: Митроп. Филаретъ въ его отношеніяхъ къ міру таинственныхъ явленій. Душ. Чт. 1883 г. Май.

покровительствомъ, которое власть оказывала раскольникамъ. Въ 1852 году онъ пишетъ: О жеіерархіи раскольнической отъ незаконнаго источника, вопреки церковнымъ правиламъ происшедшій, есть свѣдѣнія, и были указанія, но не умѣютъ или не хотятъ найти злоупотребленія тѣ, которымъ сіе довѣряется“ (854). Вы говорите о раскольнической жеіерархіи. Еще бывшему генераль-губернатору я сказалъ однажды, что изъ Буковины присланъ раскольнической архимандритъ и живетъ въ домѣ вдовы имя рекъ. Онъ сказалъ, что справится, и потомъ сказалъ, что это домъ пустой, и что въ немъ кто-то былъ недѣли за двѣ назадъ. Нынѣшнему сказалъ я, что раскольнической архіерей будетъ служить въ такомъ-то домѣ, въ такой день и часъ. Ничего не оказалось: по всей вѣроятности потому, что довѣренное лицо начальника было гораздо болѣе довѣреннымъ лицомъ раскольниковъ. Что тутъ дѣлать? Господу помолимся о заблуждающихъ и о покровительствующихъ заблуждающимъ“ (889). Въ письмѣ 1860 г. митрополитъ говоритъ, что онъ не получилъ помощи въ дѣлѣ преслѣдованія раскольническихъ жеіерарховъ. „Объ отпадшихъ въ расколъ въ Волоколамскомъ уѣздѣ я еще беру свѣдѣнія, и не получаю. Поймали жесвященника въ рывахъ, и у него нашли подлинную грамоту ставленную съ подписью и печатью жеархіепископа. Гражданское начальство ничего посему не сдѣлало. Я представилъ грамоту св. Синоду и указалъ на законы, которые осуждаютъ ложно присвоющихъ себѣ чужое званіе или чинъ. Св. Синодъ возвратилъ мнѣ грамоту и сказалъ въ указѣ, что за жесвященникомъ велѣлъ министръ внутреннихъ дѣлъ имѣть надзоръ, а о жеархіепископѣ и о законахъ указанныхъ ни слова“ (1340). Въ другомъ письмѣ того же года митрополитъ жалуется, что произволу и проискамъ раскольниковъ нѣтъ преградъ. „Что раскольники достали бумагу изъ Синода, этому нечего дивиться. Все что дѣлается относящееся до нихъ въ высшихъ начальствахъ самое секретное, они обыкновенно знаютъ прежде всѣхъ. Но чтобы изъ моей канцеляріи когда-либо что-нибудь вывѣдали, этого я не замѣчалъ. Можетъ быть, они это прибавили, чтобы приписать себѣ болѣе силы и пространства дѣйствія. А что бумага была прежде у меня, то они узнали изъ синодскихъ бумагъ. И въ самомъ дѣлѣ теперь произволу и проискамъ раскольниковъ нѣтъ пре-

градъ. Намъ остается мало дѣлать, меньше успѣвать и много терпѣть“ (1357). Въ письмѣ отъ 8 декабря 1857 г., надъ которымъ надпись: весьма секретно, встрѣчаемъ интересное свѣдѣніе о проектѣ Филарета относительно единовѣрческаго епископа. „Вы пишете, что хорошо было бы послать проектъ о единовѣрческомъ епископѣ и оберъ-прокурору. Слѣдственно вы сомнѣваетесь, довольно ли обратить на него вниманіе владыка новгородскій. И не ошиблись вы. Владыка пишетъ ко мнѣ, что единовѣрческаго епископа сдѣлать можно, и единовѣрцы будутъ довольны; но что онъ будетъ вреденъ для церкви, и что раскольники его не примутъ. Выстъ съ симъ онъ возвратилъ мнѣ и мое официальное отношеніе, не показанное никому другому, хотя мнѣ казалось, что могла обратиться на себя вниманіе по крайней мѣрѣ первая часть оного, въ которой излагается вредъ гражданскихъ священниковъ для единовѣрія, и приводится на то доказательство изъ новыхъ событій“ (1245).

Въ разсматриваемыхъ нами письмахъ есть указанія на важнѣйшее дѣло времени Филарета, въ которомъ онъ принималъ самое живое участіе—переводъ Священнаго Писанія на русскій языкъ. Здѣсь мы знакомимся съ тѣми препятствіями, которыя это великое дѣло встрѣтили у насъ. „По дѣлу о переводѣ Священнаго Писанія, пишетъ митрополитъ въ 1857 г., графъ А. П. писалъ къ владыкѣ кievскому, и сей написалъ обширное мнѣніе противъ общаго мнѣнія Синода. Высочайше повелѣно сообщить оное мнѣ и потомъ предложить св. Синоду. Итакъ въ іерархіи разногласіе, которое если не приведется къ единству, то представитъ печальный видъ и причинитъ затрудненіе Государю императору въ рѣшеніи сего дѣла. Помолитесь, чтобы я вразумленъ и управленъ былъ на путь правды и мира“ (1148). Въ другомъ письмѣ владыка съ грустію пишетъ: „О переводѣ Новаго Завѣта ко владыкѣ кievскому писать я не успѣлъ; и вижу, что это было бы бесполезно. Проектъ синодальнаго опредѣленія, обстоятельный, былъ ему сообщенъ. Это почти тоже, какъ еслибы я написалъ. Но онъ написалъ свое мнѣніе, очень обширно изложенное, и на меня пала необходимость отвѣчать на оное, также не коротко, чтобы показать силу или не силу сказаннаго имъ. Печально это. Спорить не хотѣлось бы: но если не спорить противъ возраженій, какъ защищать истину?“

А мнѣ кажется, истина на сторонѣ синодальнаго опредѣленія. Помолитесь о единомыслии служителей слова Божія“ (1164). Въ письмѣ 1859 года митрополитъ сообщаетъ слухъ, „что свѣтскіе хотять проволочъ дѣло перевода: сіи не признаются въ томъ: Господь вѣдаетъ истину“. Еслибы поручить московской академіи переводъ всего Евангелія, пишетъ онъ далѣе, и можно было бы ожидать твердости сего дѣла: то конечно хорошо было бы составить для сего совѣтъ не только изъ людей знанія, но изъ людей благочестиваго чувства: но теперь, когда дѣлается опытъ, который можетъ быть поставленъ вверхъ дномъ, неудобно было сдѣлать болѣе того, что сдѣлано“ (1256).

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ былъ поднятъ вопросъ о преобразованіи духовныхъ училищъ. Филаретъ, хорошо зная неудовлетворительное состояніе нашихъ учебныхъ заведеній, побуждалъ писать объ училищной жизни. „Написать что-нибудь о училищной жизни въ истинномъ видѣ, можетъ быть не бесполезно. Но лучше, чтобы это сдѣлалось не по приказанію начальства, а какъ бы само собой. Передайте мысль о семъ о ректору академіи, чтобы она дошла до тѣхъ, которые могли бы ее порядочно исполнить, и скажите ему, что я нахожу сіе заслуживающимъ вниманія“. При этомъ онъ рассказываетъ нѣкоторые обстоятельства изъ своей жизни, характеризующія до реформенное положеніе нашихъ духовныхъ училищъ. „Къ числу учениковъ, у которыхъ въ послѣднемъ десятилѣтіи прошедшаго столѣтія, въ классѣ, въ рукахъ мерзали въ чернильницѣ чернилы, принадлежалъ и я въ Коломнѣ. Въ лаврѣ, уже въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ аудиторію, которая составляетъ нынѣ часть бібліотеки, владыка Платонъ пришелъ къ намъ на богословскую лекцію въ шубѣ и въ шапкѣ крымскихъ овчинъ, и посидѣвъ немного, натопилъ намъ залу, сказавъ: *и въ поученіи моемъ разорится онъ*. Вы говорите, что по десяти лѣтъ лежатъ смѣты для учебныхъ заведеній. Можно прибавить. Въ 1825 году, осматривая владимірскую семинарію, доносилъ я, что недостатокъ зданій нестерпимый даже для классовъ по числу учащихся, а общаго жительства нѣтъ. Семинарія до сихъ поръ еще неудовлетворена—43 года“ (1252). Но митрополитъ не очень сочувствовалъ перемѣнѣ устава. Въ 1859 году онъ писалъ: „Владыка новгородскій написалъ записку о томъ, что нужно перемѣнить въ училищахъ.

Я написалъ на нее свою записку, частію представляя неудобства и предлагая свои мысли. Напримѣръ онъ хотѣлъ, чтобы ученики высшихъ классовъ ходили въ полукафтаньяхъ, полуряскахъ и камилавкахъ. Я писалъ, что камилавку дать неудобно: потому что она при первой степени монашества дается въ церкви съ благословеніемъ. При томъ хорошо дать церковную одежду ученикамъ, если есть надежда сдѣлать ее постоянною, а если будутъ лицемѣрить, и выѣ училищъ переодѣваться въ свѣтскую одежду, то пользы не будетъ. Главною переменною полагалось устраненіе медицины и агрономіи; но, говорятъ, правительство на сіе не соглашается. А при семъ недовольно остается простора для другихъ учебныхъ исправленій. Миѣ кажется, недостатокъ не столько въ уставѣ училищъ, сколько въ исполнителяхъ. Ректоры слабо смотрятъ за ученіемъ и поведеніемъ, и архіереи недовольно ревностны, отъ которыхъ первый есмь азъ. Нѣкоторые даже почитаютъ училища чуждыми для себя, какъ напримѣръ преосвященный нижегородскій, оправдываясь въ томъ, что не позаботился о приготовленіи семинаріи къ прибытію Государя Императора, написалъ: у нихъ есть свое начальство. Миѣ кажется, нужнѣе поощрять и наставлять людей, нежели переписывать уставы“ (1267) ⁸).

Не сочувственно отнесся митрополитъ къ нѣкоторымъ новымъ явленіямъ въ нашей духовной школѣ. Такъ онъ высказывается противъ юбилей академіи. „Вы слышали конечно, что меня звали на юбилей петербургской академіи. Мысль о юбилей для меня не привлекательна. У евреевъ юбилей былъ важный законъ и въ отношеніи церкви и въ отношеніи къ гражданскому порядку. Онъ освобождалъ впадшихъ въ рабство, и возвращалъ заложенныя земли. Папы въ средніе вѣка ввели его въ римскую церковь, чтобы получать доходы отъ посѣщающихъ Римъ, и отъ индульгенцій. Почему и зачѣмъ юбилей пришелъ въ духовную академію? А примѣръ одной академіи, вѣроятно поведетъ тѣмъ же путемъ и другую“ (1264).

Изъ церковныхъ вопросовъ возбужденныхъ въ реформенное

⁸ Здѣсь митрополитъ высказываетъ глубокую, оправдываемую опытомъ мысль, что перемены уставовъ, болѣе, чѣмъ несовершенные уставы вредно отзываются на учебныхъ заведеніяхъ.

время вызвалъ сильное недовольство въ митрополитѣ и доставилъ ему не мало хлопотъ вопросъ о снятіи сана. „Поднять вопросъ о снятіи священнослужительскаго сана, съ цѣлю облегчить сіе: и для противодѣйствія сему представлено такое мнѣніе, что сего вовсе не должно быть; и въ подрѣшеніе сего мнѣнія составлена выписка изъ законовъ, начатая сильнымъ укореніемъ Св. Синода. По сему случаю написано прилагаемое при семъ письмо и записка. Въ подрѣшеніе того же мнѣнія къ Св. Синоду назначено изреченіе, что въ римской церкви священство не нарушимо. О семъ также составлена записка при семъ прилагаемая. Нѣкоторые признаки подають причину думать, что это принято не съ миромъ. Прочитайте письма и записки; и скажите мнѣ вашу мысль, могу ли я оставаться въ мирѣ, или долженъ осудить сдѣланное“ (1312).

„О извѣстной запискѣ, пишетъ митрополитъ чрезъ нѣсколько дней, озабочивало меня то, не слишкомъ ли сильно я выразился, и такимъ образомъ подавъ причину къ немирному на нее взгляду. Но я думалъ, что если выразусь слегка, не почувствуютъ важности и вреда сдѣланной неправильности; и что письмо, которое теперь у васъ, умягчитъ дѣйствіе записки. Но есть признаки, что письмо не помогло сему. Дѣло о снятіи сана много озабочиваетъ потому, что противъ мнѣнія первенствующаго члена всѣ прочіе, а его мнѣніе неудобно защищать; а противное мнѣніе вредно. Въ такомъ видѣ дѣло должно придти къ Государю. Съ нѣкотораго времени онъ имѣетъ обычай предлагать сомнительныя дѣла комитету министровъ. Въ семъ комитетѣ нѣтъ нынѣ чловѣка, подобнаго князю Александру Николаевичу Голицыну, который бы отдѣлилъ въ дѣлѣ собственно церковное не подлежащее свѣтскому сужденію. Итакъ можетъ случиться, что комитетъ пересудитъ все дѣло по своему; и такимъ образомъ станетъ надъ головою Св. Синода. Отъ несчастнаго примѣра можетъ родиться несчастный обычай. Я сообщилъ мои мысли владыкѣ новгородскому, и благодареніе его правдивости и самоотверженію, онъ мирно принялъ мои мысли, далъ иное направленіе дѣлу и общалъ въ домашнемъ совѣщаніи стараться достигнуть лучшаго рѣшенія дѣла. Впрочемъ я въ отношеніи къ графу дѣйствую, какъ прежде. Третьяго дня послалъ къ нему (также и ко владыкѣ) окончательное мое мнѣніе по дѣлу о снятіи сана“ (1314).

Не наши только, но и церковныя дѣла отдаленнаго Востока служатъ предметомъ дружеской бесѣды митрополита съ намѣстникомъ. Въ 1858 году по поводу статьи Неклюдова митрополитъ высказываетъ свои мысли о положеніи дѣлъ на Востоку. „Г. Неклюдовъ пишетъ благонамѣренно. Правда, что греческое духовенство по нуждѣ собираетъ деньги, какъ оборонительное оружіе противъ турокъ, но правда и то, что многое собранное для церкви идетъ по рукамъ родственниковъ владыкъ. Примѣры очевидны и многочисленны. Не надобно порицать, но нужно иногда скромно посовѣтовать, и съ осторожностію давать деньги. Что г. Неклюдовъ говоритъ, будто образование арабскаго и словенскаго духовенства подъ начальствомъ греческихъ патріарховъ было бы государство въ государствѣ — сего нельзя признать справедливымъ. Можно было имѣть арабскихъ священниковъ и словенскихъ епископовъ образованныхъ способныхъ наставлять единоплеменныхъ, но также послушныхъ патріарху. Что учредить намъ въ Палестинѣ мѣста и учрежденія церковныя самостоятельныя можетъ быть вредно для согласія съ греческою іерархіею, это правда. И что послать въ Іерусалимъ епископа, а не архимандрита, сомнительно, лучше ли первое послѣдняго. Архимандритъ меньше бы кололъ глаза тамошнимъ и непріятность, сдѣланная архимандриту, менѣе была тяжела для насъ, нежели сдѣланная епископу. А полезное вліяніе имѣть могъ бы хорошій архимандритъ не менѣе, какъ и епископъ. Посылка архимандрита меньше бы давала случая иностранцамъ кричать и разстроивать турокъ крикомъ, что это наша пропаганда, и что мы ищемъ усилиться въ Турціи религіозно, чтобы усилиться политически, и разрушить магометанство и государство турецкое вмѣстѣ“ (1239). Въ церковныхъ дѣлахъ Востока митрополиту приходилось принимать дѣятельное участіе. Въ 1858 году отъ него потребовали мнѣнія о преобразованіяхъ въ константинопольскомъ патріархатѣ. „Въ началѣ сего мѣсяца мнѣ присланы были двѣ записки о преобразованіяхъ въ константинопольскомъ патріархатѣ. Теперь часть сихъ преобразованій видна въ вѣдомостяхъ, — избраніе патріарха, сверхъ церковнаго, народное. Требуется отъ меня мнѣніе скоро. Не прошло нѣсколько дней, на примѣръ 6 и 7, въ которые я не могъ совсѣмъ приняться за сіе дѣло. И потому съ поспѣшностію окончилъ 11 и послалъ

12 дня. Положеніе восточной церкви трудное, и, по всему видимому, безъисходное, если не простретъ Свою руку крѣпкую Общавый неодолимые и вратами адовыми церкви своей“ (1252).

Печальнымъ рисуется положеніе церковныхъ дѣлъ на Востоку по письмамъ Филарета. „Печальны вѣсти о православныхъ въ Турціи; пишетъ онъ въ 1858 году; и есть горе отъ своихъ. Греческое духовенство въ Болгаріи изгнало болгарскій языкъ изъ городовъ и священнослуженіе на славянскомъ. Нѣкоторые городскіе болгары вслѣдствіе сего нѣкоторымъ образомъ огречились, и черезъ то нарушено единомысліе съ сельскими. Но латинская пропаганда старается воспользоваться симъ несогласіемъ. У насъ возбуждается о семъ забота: но дѣйствовать теперь труднѣе, нежели было прежде“ (1208). Въ 1859 г. митрополитъ сообщаетъ, что „патріарха іерусалимскаго долго звали, и не могли дозваться изъ Константинополя въ Іерусалимъ. Вдругъ онъ поднялся, и объявилъ: иду умѣрять русскаго епископа. Въ донесеніи преосвященнаго мелитопольскаго есть выраженія: злоба патріарха. Съ консуломъ у преосвященнаго мелитопольскаго война. Арабы очень хорошо приняли преосвященнаго Кирилла, и прислали жалобу на патріарха. Но кто можетъ исправлять патріарховъ?“ (1276). Въ 1860 году Филаретъ пишетъ: „Въ греческой іерархіи есть болѣзнь не легче ересей. Недавно при выборѣ въ патріарха, въ собраніи патріаршаго мѣстоблюстителя, членовъ синода и національнаго собранія, по точнымъ словамъ извѣстія, архіерей архіерея взялъ за воротъ, архіереи архіереямъ наносили удары, крикъ привлекъ постороннихъ. Донесли турецкому правительству; и на другой день присланъ былъ военный отрядъ на случай нужды — прекратить войну избирателей патріарха. Простите меня, что я высказалъ сіе горькое извѣстіе, и не передавайте его другимъ“ (1349). Въ 1867 году горькія вѣсти шлетъ митрополитъ намѣстнику о дѣлахъ въ Константинополѣ. „Раздѣлите со мною печаль о домѣ Божіемъ. Прочитайте въ прилагаемыхъ листахъ статью: Удаленіе патріарха Софронія отъ константинопольскаго престола. Сперва нѣсколько членовъ синода встали противъ патріарха за то, что онъ не хотѣлъ рукоположить въ епископа чловѣка, носящаго на себѣ черты не сообразныя съ симъ саномъ; потомъ весь синодъ и смѣшанный совѣтъ обвинили его предъ ту-

рецимъ правительствомъ, и не нашлось защищающаго. Но прощальная рѣчь его въ церковномъ духѣ, и показываетъ человека, котораго надлежало бы беречь для церкви, хотя бы онъ и допустилъ нѣкоторыя погрѣшности въ своемъ управленіи. И въ какомъ безнадежномъ видѣ показана вообще іерархія патриархата! По другимъ, не печатнымъ извѣстіямъ, слышу, что есть митрополитъ благонадежный для патриаршаго престола: но очень мало надежды, чтобы его выбрали. А западная пропаганда усиливаетъ дѣйство лести. У меня вырвалось было слово къ патриарху Софронію, но не рѣшился послать: частью потому, что чрезъ это я вышелъ бы нѣсколько изъ своихъ предѣловъ, частью потому, что оно можетъ огласиться и возбудитъ негодованіе въ людяхъ страстныхъ, вмѣсто того, чтобы безпристрастно разсудить о безпристрастномъ словѣ“ (1646).

Не церковныя только дѣла служатъ предметомъ живаго обмѣна мыслей между митрополитомъ и намѣстникомъ, но и событія жизни общественной и политической. Мы здѣсь познакомимъ читателей съ отношеніемъ Филарета къ болѣе крупнымъ явленіямъ нашей гражданской жизни, которыя возбуждали въ немъ особенно живой интересъ. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ въ нашемъ обществѣ мы видѣли значительное распространеніе спиритическихъ мнѣній. Этими спиритизмомъ увлекались и высшія духовныя лица. Въ одномъ письмѣ митрополитъ высказываетъ сожалѣніе, что есть преосвященный, который смотрѣлъ на столгоданіе съ надеждою, а не опасеніемъ. Отношеніе митрополита къ этому явленію общественной жизни представляетъ намъ много любопытнаго. Въ началѣ онъ посмотрѣлъ на это явленіе, какъ на суевѣріе *обычное*. „Помнится, говорилъ я вамъ, что нынѣ путемъ изслѣдованія природы заходятъ въ область волшебства. Прочитайте еще примѣръ сего въ фельетонѣ нынѣшняго дня полицейской газеты, подъ заглавіемъ о гадательныхъ машинахъ. Мнѣ приходитъ на мысль, не снести ли съ начальствомъ, чтобы не учили народъ суевѣрію, но и то думаю, что гадательныя книги много лѣтъ печатаются и продаются, и Св. Синодъ не обращалъ на сіе вниманія“ (939). Но познакомившись ближе съ спиритизмомъ, митрополитъ отнесся къ нему иначе. Значительное распространеніе ворожбы столами побудило его написать объ этомъ записку и послать въ Петербургъ. Записку эту

слушала Государыня Цесаревна, изъявила удовольствіе, велѣла благодарить митрополита и представить ей два списка, одинъ для нея, а другой, чтобы послать къ Государынѣ Императрицѣ (949). Записка Филарета была напечатана, многіе вразумились и оставили стологаданіе. Но и послѣ того онъ постоянно съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за этимъ новымъ явленіемъ въ общественной жизни. Онъ уже смотритъ на него не какъ на суевѣріе, а какъ на такое явленіе, которое требовало изученія и побуждало быть на стражѣ. Онъ собираетъ свѣдѣнія о спиритическихъ явленіяхъ и спрашиваетъ мнѣнія у намѣстника. Онъ читаетъ французскіе журналы, въ которыхъ писалось о спиритизмѣ. „К. С. М.“¹⁰⁾ прислалъ мнѣ на сихъ дняхъ книжку французскаго журнала подъ заглавіемъ: *Мода*, въ которомъ по странному смѣшенію дѣлъ и понятій пишутъ и о дѣлахъ религій и церкви. Въ сей книжкѣ напечатано письмо о вызываніи духовъ посредствомъ столовъ. Писатель говоритъ, что онъ повѣрилъ возможности сего только по строгому личному послѣдованію. Рассказываетъ примѣръ, что посредствомъ стола одинъ, за 12 лѣтъ умершій, просилъ отслужить за него семь литургій. Въ заключеніе сей писатель говоритъ, что открывается для изслѣдованія новый океанъ, который имѣетъ свои бури и бездны; и что кто пустится безъ компаса и управленія, и будетъ водиться любопытствомъ и страстями, тотъ попадетъ въ руки духовъ обмана и зла и погибнетъ. Въ слѣдующемъ письмѣ онъ обѣщаетъ указать средство противъ обмана“ (960). „Что папа осудилъ стологаданіе, пишетъ митрополитъ въ другомъ письмѣ, я слышалъ. Но недавно читалъ противъ стологаданія окружное посланіе французскаго епископа, въ которомъ онъ о судѣ папы не упоминаетъ. Онъ говоритъ, что мертвыхъ вопрошать не позволено; и приводитъ извѣстныя слова Моисеевы; и что съ злыми духами говорить опасно: но потомъ говоритъ, чтобы не думали, что онъ признаетъ рѣшительно сіи сношенія; это, говоритъ, дѣло воображенія: а наконецъ опять говоритъ, что это хитрость сатаны. Будущее, говоритъ, есть книга запечатанная семью печатами, которой никто не можетъ прочесть ни на

¹⁰⁾ Кн. Сергій Мих. Голлицынъ.

землѣ, ни на небѣ. Это, по моему мнѣнію, неправильное толкованіе апокалипсическаго видѣнія; и о будущемъ вообще напрасно епископъ приписываетъ небу столько же невѣдѣнія, сколько землѣ. По сему смѣшенію мыслей, я не принялъ мысль Андрея Николаевича, чтобы сіе посланіе перевести и напечатать“ (969).

Одинъ пріѣзжій изъ Петербурга рассказываетъ митрополиту: „Одинъ рускій находящійся въ Америкѣ при консульствѣ, невѣрующій увидѣлъ на домѣ надпись: здѣсь можно говорить съ умершими, и пошедь въ домъ нашель старика съ гадательнымъ столомъ, который не писалъ, а отвѣчалъ стукомъ. Испытующій, устраняя обманъ, отставилъ столъ въ сторону и спрашивая получалъ отвѣты, что съ нимъ говоритъ умершій его дядя, что онъ находится не въ лучшемъ состояніи, въ шестой степени воздуха, и что за него надобно молиться. На вопросъ: Кто долженъ молиться? вопрошающій произнесъ нѣсколько именъ и получилъ неясныя отвѣты, а когда наименовалъ свою мать, столъ трижды ударилъ ногою и вспрыгнулъ. Съ сего времени испытатель сдѣлался вѣрующимъ. Какъ вы о семъ разсуждаете?“ (964). Любопытная переписка объ этомъ предметѣ продолжается пѣтый годъ. Въ послѣднемъ письмѣ митрополитъ разсказываетъ намѣстнику объ одномъ помѣщикѣ стологадатель, который по рецептамъ стола успѣшно лѣчилъ больныхъ, но потомъ повредился въ умѣ“ (1007).

Въ письмахъ есть нѣкоторыя данныя для характеристики отношенія Филарета къ важнѣйшему дѣлу прошлаго царствованія—освобожденію крестьянъ. Митрополитъ принадлежалъ къ числу лицъ, въ которыхъ это великое дѣло возбуждало болѣе опасеній, чѣмъ надеждъ. Въ 1857 сообщая слухъ о предполагаемой реформѣ митрополитъ пишетъ: „пріѣзжающіе изъ Петербурга сказываютъ, что тамъ сильный говоръ объ измѣненіи положенія крестьянъ. И дважды мнѣ сказывали, но не знаю, изъ какого источника почерпнули свѣдѣніе, что преподобный Сергій явился Государю императору, и далъ наставленіе не дѣлать сего. Господь да сохранить сердце царево въ руцѣ Своей, и да устроить благое и полезное“ (1187). Въ началъ слѣдующаго года онъ пишетъ: „въ Австріи новое устроеніе крестьянъ, которому наше хочетъ быть подобнымъ, не оказалось удачнымъ. Нѣво-

торыя земли, которыя по власти помѣщиковъ обрабатывались, по свободѣ крестьянъ остаются необработанными. Увоенныя крестьянамъ усадьбы продаются съ акціона, за неуплату пода-тей; слѣдственно умножается нищенство. Но у насъ, кажется, могло бы лучше быть, еслибы добрые помѣщики хорошо растолковали дѣло крестьянамъ, и постановили съ ними обдуман-ныя соглашенія. Одинъ помѣщикъ призвалъ старшинъ своихъ крестьянъ, далъ имъ прочитатъ, что предложено отъ правитель-ства, и хотя первое слово ихъ было: лучше по старому, но видя необходимость они стали разсуждать о соглашеніи. Помѣ-щикъ предложилъ имъ усадьбы не съ выкупомъ, а въ даръ; потомъ назначилъ сколько имъ дастъ земли для обрабатыванья, съ какою платою за десятину, а находящуюся у него помѣ-щицью запашку вызвался обрабатывать наймомъ; и они согла-шаваясь на прочемъ, о послѣдней статьѣ сказали: нѣтъ, баринъ, разоришься; наемъ вольныхъ людей будетъ дорогъ; и скажи, чтобы мы сію долю обрабатывали тебѣ какъ прежде; это намъ не тяжело. Такъ продолжая соглашеніе, они составили правила, въ которыхъ взяли предосторожности и противъ разстройства отъ своеволія. Еслибы такъ вошли въ дѣло лучше: и у худ-шихъ оно могло бы устроиться съ меньшимъ опасеніемъ вреда. Но многіе ли поймутъ и постараются?" (1193).

Въ слѣдующемъ письмѣ говоря, что онъ не думалъ касаться дѣла крестьянъ, митрополитъ пишетъ: „и не мое дѣло, и трудно представить, чтò можно было бы благонадежно сдѣлать; когда дѣло получило ходъ, возвратиться неудобно, призванные дѣй-ствователи не видятъ, что дѣлать, и между ними нѣтъ единства. Надобно молиться, чтобы Господь наставилъ ихъ на истинное и полезное“ (1194). Въ годъ уничтоженія крѣпостнаго права митрополитъ сообщая извѣстіе о томъ, что въ государственномъ совѣтѣ большинство было въ пользу малаго надѣла земли крестья-намъ, но утверждено мнѣніе меньшинства въ пользу большаго надѣла, прибавляетъ: готовятся къ объявленію. Оскуднѣніе на-долго, или не надолго, кажется неизбѣжно. Да спасетъ Господь отъ большаго нестроенія“ (1873).

Изъ важныхъ событій въ политической жизни нашего отечества предметомъ оживленной бесѣды митрополита съ намѣстникомъ слу-жать военныя событія 50 годовъ. Въ письмахъ, относящихся къ

этимъ событіямъ, особенно ярко рисуются нѣкоторыя черты великой личности святителя. Тутъ выступаетъ предъ нами горячій патріотъ, съ самымъ живымъ и сердечнымъ участіемъ слѣдившій за ходомъ брани, „брани народа Божія съ язычниками“, сильно болѣвшій душою при нашихъ неудачахъ, и вмѣстѣ тонкій политикъ, проникательный взоръ котораго ясно разбиралъ сложныя политическія отношенія. „Правда, что непріятна первая вѣсть войны, писалъ митрополитъ въ ноябрѣ 1853 г. Говорятъ, генералъ Ермоловъ давно представлялъ, что этой крѣпости, которую теперь разрушили турки, не слѣдовало существовать. Не нравится мнѣ и то, что въ первомъ донесеніи о началіи войны князь Воронцовъ сравниваетъ ее съ войною 1812 года“ (949). Митрополитъ съ неудовольствіемъ говоритъ о самонадвѣянности военачальниковъ. „Жаль конечно, что военачальники въ самонадвѣяніи думаютъ найти силу, а не въ надеждѣ на Бога. Думаютъ, что дерзость слова принадлежитъ храбрости. Не такъ думаютъ добрые воины. Замѣчено, что Веллингтонъ въ донесеніяхъ о побѣдахъ никогда не говорилъ о славѣ, но о исполненіи долга“ (959). Въ одномъ письмѣ онъ изъявляетъ скорбь, что встрѣтилось отъ лица Государя въ похвалу войнамъ изреченіе: *горжусь вами*. „Нѣтъ ли средства редактору царскихъ мыслей подать мысль-чтобы онъ, составляя выраженія, испытывалъ ихъ вопросомъ, будутъ ли онѣ въ гармоніи съ благочестивымъ царскимъ духомъ“ (1073).

„Послѣ истребленія турецкой эскадры всѣ англійскія газеты возопіяли противъ Россіи. Говорятъ, королева требовала отъ министровъ дознанія, отъ чего это, когда Россія въ союзѣ съ Англіею, и ничѣмъ не оскорбляетъ Англій. По дознаніи оказалось, что это по возбужденію отъ лорда Палмерстона. Королева, говорятъ, поблагодарила его за службу, и сказала, что не имѣетъ въ ней болѣе нужды. Теперь пишутъ, что онъ выходитъ изъ министерства, якобы по несогласію съ прочими министрами относительно парламентской реформы. Если это правда: да спасетъ Богъ королеву. Но можно опасаться, что Палмерстонъ составитъ сильную оппозицію, и низвергнетъ нынѣшнее министерство, и тогда могутъ быть послѣдняя горша первыхъ“ (960). Марта 4 1855 г. митрополитъ писалъ: „гласомъ силы возгремѣтъ Господь надъ Россіею. Но мы, какъ сопутники Павла къ Да-

маску, поражены слышаніемъ гласа, и не разумѣемъ, что онъ глаголетъ. Не соединить ли Господь съ пораженіемъ и нѣкоторое исцѣленіе? Много раздражали Европу, взводя вину раздоровъ лично на покойнаго Государя: нынѣшній приходитъ невинною душою, и противъ него нечего сказать. Не опомнятся ли народы, и не подумаютъ ли, что напрасно разоряютъ сами себя? Но сомнительно. Давно видны примѣты, что готовится общій заговоръ Европы противъ Россіи; онъ успѣваетъ медленно, но не останавливается. Новая примѣта въ томъ, что Англія и Франція не хотятъ ясно сказать, какъ разумѣютъ предварительные пункты мира. Не признакъ ли это, что готовится дать имъ, какъ можно, злое толкованіе. Обрати ны Господи, и обратимся, и помолимся, и спасемся“ (1026). „Надежды о мирѣ поколебались, чего и прежде опасаться надлежало, писалъ святитель въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Австрія все говоритъ о мирѣ; и собрала армію, какой никогда не имѣла, и заключила договоръ съ нашими врагами. Теперь она трактуетъ о мирѣ: въ то же время вновь учреждаетъ у себя военное министерство. Это ли миролюбіе? Никогда столько не говорили о мирѣ, какъ въ послѣдніе два года. Не это ли время, о которомъ сказано: егда рекутъ миръ и утверженіе и проч. Борьба около Севастополя усиливается, и можетъ сдѣлаться рѣшительною. Господи, спаси царя, войство и царство“ (1034). Получивъ вѣсть о паденіи Севастополя митрополитъ писалъ: „а моя душа прискорбна есть. Праздники наши Господь обращаетъ въ плачь. Вчера священнослуженіе совершалъ я съ миромъ, не зная вѣсти, уже распространявшейся. Но вошедъ къ генераль-губернатору къ обѣду, встрѣчаю слова: какая печальная вѣсть! Спрашиваю, что это значить, и узнаю о паденіи Севастополя. Хотя это не совсѣмъ неожиданное, и я думалъ и прежде, что не надежно устоять ему, по чрезвычайно сильнымъ разрушительнымъ средствамъ враговъ, дѣйствующимъ на одно средоточіе: но тѣмъ не менѣе сильно поразила меня сія вѣсть, съ возникающими отъ нея мыслями о послѣдствіяхъ“ (1052).

Письма знакомя насъ съ воззрѣніями великаго іерарха на современные вопросы и событія заключаютъ не мало замѣтокъ, мелкихъ извѣстій, важныхъ преимущественно для характеристики отношенія Филарета вообще къ своему времени. Митрополиту

при его строгомъ направленіи, при его критическомъ взглядѣ на вещи многое не нравилось въ современной жизни, но особенно возбуждало въ немъ недовольство время съ конца 50 годовъ, когда въ жизни сказались новыя вѣянія, новое направленіе. Въ письмахъ, писанныхъ съ конца этихъ годовъ мы встречаемъ такіе отзывы его о времени. „Страшно темное время. Претываются и тѣ, которые кажутся хорошо видящими“ (1207). При многихъ нынѣ случаяхъ представляется мнѣ, что туманъ и облака сгущаются надъ нами; и надобно опасаться грома“ (1211). „Что говоритъ комета, писалъ митрополитъ въ 1858 г., вѣдаетъ премудрость Божія. Неприятное говорить не одна комета“ (1226). Въ 1863 г. онъ писалъ: „братія, да внимаемъ и времени сему, чтобы возбуждать себя отъ небреженія и дреманія. Шатаются языцы. Люди поучаются тщетнымъ. Изъ христіанскихъ обществъ исходятъ мужіе, глаголюще развращенная. Безразсудныя хуленія превозглашаются, какъ мудрость. Соблазнъ и беззаконіе открываютъ себѣ широкіе пути“ (1493). Еслибы позволительно было предаваться унынію, то въ какое глубокое уныніе надлежало бы придти при возрѣвннн не на одинъ какой-нибудь случай; но на все, или по крайней мѣрѣ на многое, что около насъ!“ (1576). „Дивлюсь я нерѣдко нынѣшнему времени, въ которое люди, при возрастающіе повидимому образованности, оказываются не такъ осмотрительными въ поступкахъ, какъ въ прежнее время; и даже тѣ люди, при возрастающей опытности, являются менѣе основательными, нежели за нѣсколько лѣтъ. Это примѣчается и въ маломъ и въ великомъ“ (1535).

Что же въ современной жизни возбуждало особенно недовольство въ святителѣ? Изъ писемъ видно, что онъ крайне недоволенъ былъ современной литературой, въ которой отразился духъ и направленіе времени. „Если хотя за одинъ годъ взять все худое изъ свѣтскихъ журналовъ и соединить, то будетъ такой смрадь, противъ котораго трудно найти довольно ладана, чтобы заглушить оный, писалъ митрополитъ въ 1862 г. (1421). По поводу одной газетной статьи онъ пишетъ: „статья изъ газеты дурна, кощунственна: но одна ли? Печатають и худшее. И трудно, нѣтъ средствъ противодействовать“ (1428). „Вы говорите: неужели не уймутъ цензуру? Хотятъ дать ей еще больше свободы. Да и теперъ, даже духовную цензуру петербургскую не

умѣють поставить въ порядокъ“ (1431). Митрополитъ высказываетъ не разъ недовольство направлениемъ и духовной литературы. „Непонятно разсужденіе преосвященнаго Иннокентія, что не достигшій 30 лѣтъ можетъ священнодѣйствовать, но не можетъ учить. До страннаго времени велѣлъ Господь дожить моему недостойнству. Странныя сужденія учащаются въ мірѣ: но къ удивленію и скорби, также и въ нашей братіи. Владыка кievскій въ словѣ къ священнослужителямъ (епарх. вѣд. № 3) совершенно слѣдуетъ правиламъ нынѣшней обличительной литературы, рѣзко порицая неисправности въ Богослуженіи, и не обращая вниманія на то, что есть и доброе, и выставляетъ преимущество раскольниковъ и молоканъ. Архимандритъ Антонинъ предлагалъ вселенскому патріарху устроить боргарскую церковь, какъ греческая у англичанъ въ Мальтѣ, гдѣ четыре архіерея погодно начальствуютъ надъ іерархію, чему нѣтъ примѣра, какъ только Каіааа, архіерей лѣту тому“ (1381). И мнѣ не понравилось іерусалимское письмо въ Духовной бесѣдѣ. Страшно темное время. Меня спросили, что я думаю о статьяхъ въ Духовной бесѣдѣ противъ іезуита Гагарина. Я отвѣчалъ, что первая, какъ вступленіе, была хороша: а во второй нельзя одобрить укоризнъ; ибо онѣ только раздражаютъ, а ничего не доказываютъ. На сіе мнѣ отвѣчали, что одно слово прибавилъ самъ владыка. Какое? Было написано къ іезуитамъ: *вашъ орденъ*: поправлено: *вашъ вѣдми презираемый орденъ*. Остаюсь при своемъ мнѣніи, что лучше бы не поправлять такъ“ (1207). Прочитайте въ апрѣльской книжкѣ Христіанскаго чтенія страницы 293 и 294. Что вы думаете о *отрѣ*, которая не постыдила языческій міръ и сдѣлала его обладателемъ вселенной? Тамъ сказано также, что приношеніе моавитскимъ царемъ въ жертву своего сына было дѣломъ *отрѣ* и оно спасло моавитянъ“ (1211). Посылая намѣстнику для прочтенія Письма о христіанской жизни митрополитъ не одобряетъ изложеніе мыслей въ нихъ. „Мнѣ кажется, дѣва, истина христіанская можетъ получить и благолѣпную одежду размышленія и слова возвышеннаго, и скромную одежду слова простаго; но достоинству ея не соотвѣтствуетъ одежда лоскутная и съ грязными пятнами слова низкаго и небрежнаго, каково мѣстами въ сей книжкѣ. Разсудите мой помысль, который приходитъ мнѣ и о другихъ книгахъ духовнаго содержанія, изпе-

щренныхъ неблагогороднымъ языкомъ новѣйшей простанородной словесности“ (1254).

Митрополитъ неодобрительно отзывается о новой системѣ воспитанія. „Что нынѣшнее воспитаніе располагаетъ къ своеволю, это правда. Я нерѣдко дивлюсь, съ какою важною и самостоятельною ведутъ себя малолѣтнія дѣти при родителяхъ, и сія какъ будто не смѣютъ прикоснуться къ нимъ“ (854). Не сочувственно отнеся митрополитъ и къ новымъ методамъ обученія, которыми такъ гордилась современная педагогія. „Удивительныя дѣла бываютъ на свѣтѣ. Жили, жили на свѣтѣ люди прежде насъ; жили, жили на свѣтѣ мы грѣшныя: наконецъ въ 1857 году узнаемъ, что мы не умѣемъ учиться грамотѣ! Нашелъ я указанный вами листъ Петербургскихъ вѣдомостей, и прочитавъ сказаніе объ азбучной премудрости Золотова. Въ-роютс, въ скорости обученія много участвуетъ искусство учителя возбуждать вниманіе и охоту учениковъ. Можетъ быть, успѣхъ и окажется удовлетворительно. Но отъ разныхъ выдумокъ скороспѣлаго ученія грамматики замѣчается то послѣдствіе, что скоро выучившіеся не знаютъ грамматики и худо владѣютъ языкомъ. Систематически учащіеся грамматикѣ имѣютъ болѣе труда: за то узнаютъ правильный языкъ во всѣхъ отгѣнкахъ его, и привыкаютъ свободно владѣть обиліемъ языка“ (1185). Многое и въ дѣйствіяхъ власти гражданской и духовной не нравилось митрополиту. Въ письмахъ онъ не разъ высказываетъ недовольство тѣмъ, что гражданскія власти, дѣлая уступку времени, не оказывали никакого противодѣйствія и относились съ равнодушіемъ къ тому, въ чемъ внимательный взоръ охранителей усматривалъ великую опасность. „Вы говорите, что на церковное достояніе жадно посмотреть развѣ красивые глаза. Сихъ-то глазъ и надобно опасаться. Они проглядываютъ. Слышали о самоуправленіи студентовъ московскаго университета? Они сказали: хотимъ устроить воскресныя школы: начальство безусловно повиновалось сему. Но потомъ усмотрено, что иные изъ нихъ учатъ не доброму, и положено учредить надзоръ. Студенты сказали: не хотимъ надзора; а если хотятъ надзоръ, мы оставляемъ дѣло. Начальство и противъ сего не оказало неповиновенія“ (1373). О дѣлѣ университетскихъ студентовъ довольно рано говорено было начальству, что на

оное надобно смотрѣть глубже, и искать основаніе его въ землѣ. Не знаю, не вѣрили ль сему мнѣнію, или не проникли въ дѣло. Сегодня слышалъ я, что между ими есть изъ нихъ же комитетъ, который угрозами и насильственными мѣрами держитъ ихъ въ повиновеніи изъ страха. Кажется, должностныя лица не знаютъ, что знаетъ молва. Печально то, что видимъ; и паки печально то, что видящіе не видятъ“ (1410). Варшавскіи вѣсти печальны, писалъ митрополитъ въ 1861 г., но и домашнія не лучше. Неблагонамѣренныя хитры, смѣлы, взаимно соединены: защитники порядка недогадливы, робки, раздѣлены“ (1413). Сообщая извѣстіе, что петербургскіе гимназисты пили шампанское изъ священныя сусудовъ, митрополитъ замѣчаетъ: „что было во Франціи по низверженіи законнаго правительства: то у насъ при законномъ правительствѣ“ (1437). „Требуется отъ меня многое: но недостаетъ и силы и времени. И за великое, и за малое нужно бороться. Раскольники преувеличиваютъ свои требованія: а отъ насъ требуютъ все уступокъ. Въ Петербургѣ на Пасхѣ открытъ театръ; требуютъ того же въ Москвѣ: надобно спорить. Въ вѣдомостяхъ опубликовано въ самый день Пасхи представленіе въ циркѣ; вчера писалъ споръ, и еще не имѣю отвѣта. Былъ опубликованъ концертъ, и полагалось: достойно есть; и первый поцѣлуй и проч. въ промежуткахъ пѣнія показывать плащаницы, хоругви и проч. Я писалъ къ генералъ-губернатору благовременно и не получилъ отвѣта“ (1539). Филаретъ считалъ своимъ долгомъ бороться со зломъ времени, хотя и не надѣялся на успѣхъ. „Что дешевое вино губительно дѣйствуетъ на народъ, это сими именно словами написалъ я въ отчетъ епархіальному Святейшему Синоду, и присовокупилъ доказательства. То же писалъ я о безнравственныхъ зрѣлищахъ и о безвѣрной и безнравственной литературѣ; и въ заключеніе сказалъ: объ охранительномъ дѣйствованіи законодательными и административными мѣрами, уповательно, Святейшій Синодъ простретъ предстательствующій и умоляющій гласъ къ державному защитнику церкви. Но писать сіе побудила меня обязанность, а не надежда успѣха“ прибавляетъ митрополитъ (1535). И въ двѣдцатыхъ власти духовной многое не нравилось митрополиту. „Возвращающіеся изъ Петербурга говорятъ, что многое тамъ дѣлается не съ такою стройностію, какъ прежде, писалъ митро-

полить въ 1866 г. Выраженіе: священный обрядъ, вмѣсто наименованія таинства, не могли не замѣтить многіе внимательные къ православному ученію, и конечно со скорбію; но слово пролетѣло и не возвратить его. Думаю написать о семъ въ Петербургъ: но прамуть съ неудовольствіемъ; и едва ли со вниманіемъ для будущихъ случаевъ. Предъ мвропомазаніемъ великой княжны въ указѣ Св. Синода написано было, чтобы молебствъ въ Москвѣ былъ въ одинъ день съ совершеніемъ таинства, и что о времени совершенія поручено оберъ-прокурору послать мнѣ телеграмму. Но такой телеграммы не было. Хорошо случилось, что я предварительно не надѣялся на телеграмму, и назначилъ часъ молебствія догадочно. Господь да даруетъ Государю императору благоразсудительныхъ и тщательныхъ исполнителей его воли“ (1638). Высказывая недовольство на то, что Св. Синодъ почему-то вздумалъ отъ всѣхъ архіереевъ требовать послужныхъ списковъ, митрополитъ прибавляетъ: „донынѣ Св. Синодъ самъ озаботился о нашихъ послужныхъ спискахъ и, кажется, это было въ порядкѣ. Нынѣшній въѣзъ не думаетъ, что не только о дѣлахъ и словахъ предшественниковъ, но и о молчаніи, неизлишне размышлять, почему это было такъ“ (1010). Изъ писемъ видно, что митрополитъ былъ недоволенъ отношеніями къ нему Петербурга. Не разъ онъ жалуется на то, что изъ Петербурга даютъ много дѣлъ, изъ которыхъ „нѣкоторыя для него походятъ на загадки“, не разсуждая „что спасеніе во многѣ совѣтъ и что за шесть сотъ верстѣ менѣе удобно понимать другъ друга, нежели лицомъ къ лицу“; и потомъ „иногда, какъ примѣтно, недовольны не только моимъ дѣломъ, но и мною“. Потому что нѣкоторые люди своими пристрастными глазами смотрѣть заставляютъ и другихъ“. Въ современной жизни митрополитъ усматривалъ и такія явленія, которыя дѣйствительно способны были возбуждать самыя мрачныя мысли. „Мрачныя виды продолжаются и обновляются“, писалъ онъ въ 1862 году. Изъ Петербурга предостерегаютъ меня, чтобы случившееся тамъ не повторилось въ Москвѣ. Подземные люди въ Исакіевскомъ соборѣ служили панихиду по боярахъ Иванъ, Петръ и Ѳеодоръ: и послали письмо къ митрополиту, увѣдомляя, кто служилъ, и объясняя, что бояра суть разстрѣлянные, и изъявляя намѣреніе продолжать такія панихиды и въ

другихъ городахъ: я сказалъ сиромно здѣшнимъ священникамъ и говорю вамъ: если придутъ неизвѣстные люди служить панихиду по неизвѣстнымъ, то сказать: мы не знаемъ христіански ли сіи люди жили и скончались, потому сомнѣваемся помянуть ихъ; поминайте тамъ, гдѣ о нихъ есть извѣстность. Два раза уже рассказывали мнѣ, что въ домѣ пормскаго архіерея найдена типографія прокламацій и напечатанныя прокламаціи, разложенныя въ одной комнатѣ для-просушенія. Подобный случай въ Кіевѣ вамъ извѣстенъ. Скажите о семъ ректору академіи. Подземные люди вьютъ себѣ гнѣздо у духовенства, вѣроятно и потому, что здѣсь менѣе могутъ подозрѣвать, и частью потому, чтобы въ случаѣ открытія, очернить духовенство, разрушеніе котораго есть одна изъ цѣлей ихъ дѣйствованія“ (1449).

Въ настоящей статьѣ мы привели только часть изъ той массы матеріала, которая находится въ письмахъ митрополита къ намѣстнику. Но думаемъ, приведенныя нами извлеченія изъ писемъ могутъ показать, какой заключается въ нихъ богатый источникъ для характеристики митрополита Филарета и его времени.

А. Б.

ИЗЪ ПОСЛАНІЯ

просвященнаго Никанора, архієпископа Херсонскаго и Одесскаго,

къ Херсонской паствѣ, по поводу празднованія 900-лѣтія со времени крещенія русскаго народа при святомъ равноапостольномъ великомъ князѣ Владимірѣ.

Возлюбленнымъ о Христвъ чадамъ свя-
тѣя Херсоно-Одесскія церкви о Господѣ
радоваться.

Въ текущемъ 1888 году, именно нынѣ, исполняется 900-лѣтіе со времени крещенія русскаго народа при святомъ и благоцѣр-
номъ князѣ Владимірѣ. Въ память особой милости Божіей, оза-
рившей русскую землю свѣтомъ истинной вѣры, какъ и подвигъ
святаго равноапостольнаго князя Владиміра, заботами ко-
тораго было впервые положено твердое основаніе христіанскому
просвѣщенію русскаго народа по ученію православной восточной
церкви, Святейшій Синодъ призываетъ всѣхъ вѣрныхъ чадъ
россійской церкви къ торжественному принесенію Господу Богу
благодарственной молитвы и къ прославленію святаго равно-
апостольнаго князя Владиміра, нареченнаго во святомъ креще-
ніи Василиемъ. Се нынѣ время благопріятно всему россійскому
народу вспомануть и благодарнѣ предъ Господомъ Богомъ ис-
повѣдать тѣ великія блага, каковыя святая православная вѣра
принесла нашему христіолюбному отечеству.

„Азь есмь лоза“ (виноградная), вѣщаетъ Господь нашъ Исусъ Христосъ (Іоан. 15, 5), „вы же рождіе“ (вѣтви). „Иже будетъ во Мнѣ и Азь въ немъ; той сотворитъ плодъ многъ: яко безъ Мене не можете творити ничесоже“. А святой апостолъ Павелъ изображаетъ присоединеніе язычниковъ къ церкви Христовой подъ видомъ привитія дикихъ вѣтвей къ живоносному корню маслины, причемъ привившіяся вѣтви становятся общинами корня и сока маслины (Рим. 11, 17).

Припомнимъ что было до крещенія Руси при святомъ князѣ Владимірѣ въ живущей русской землѣ? По великому ея пространству, на узкой полосѣ отъ устья Дуная по Днѣпру и Волхову до истоковъ Волги жили въ язычествѣ разрозненныя племена славянскія, а во всѣхъ прочихъ странахъ обитали племена литовскія, финскія, тюркскія, монголо-татарскія, китайско-манчжурскія и другія, то совершенно несродныя, то враждебныя славянству и христіанству. Крещеніемъ же Руси при святомъ Владимірѣ не только самъ русско-славянскій родъ привился къ животворному древу Христовой церкви, но послужилъ посредникомъ привитія къ тому же древу и многихъ другихъ народовъ. Причѣмъ чрезъ крещеніе не только самъ русскій народъ, но и другіе чрезъ него стали причастниками корня и сока сей животворной маслины. Чрезъ крещеніе русскій народъ сталъ вѣтвью Божественной виноградной лозы, Христа Господа нашего, а пребывая во Христѣ и имѣя Христа въ себѣ, сталъ приносить много и плодовъ духовныхъ. Разростаясь самъ въ великое древо, онъ проникъ своими вѣтвями до береговъ Дуная, до сердцевины Польши, до граней Финляндіи, оттуда до Камчатки, до глубинъ Китая, до подножія Гималаевъ, до сердцевины древней Арменіи, пуская свои поросли до западнаго берега и новаго свѣта. При этомъ проникающая и воодушевляющая его святая православная вѣра созидала, укрѣпляла и хранила не только духовно-церковную, но и народно-государственную жизнь нашего отечества.

Купель святаго крещенія при равноапостольномъ князѣ Владимірѣ была дѣйствительно „банею пакибытія“ для нашего народа, была для него иного житія началомъ, преобразуя не только внутренней, но и внѣшній бытъ его въ духъ Христовомъ. Начиная съ боже внѣшнихъ способовъ вліянія на русскій народъ, святая Христова вѣра содѣлала его наследникомъ великихъ ду-

ховныхъ богатствъ, завѣщанныхъ Христомъ и апостолами, усвоенныхъ и сохраненныхъ православными христелюбивыми греками, приспособленныхъ къ нашему усвоенію и употребленію трудами первоучителей словенскихъ, святыхъ равноапостольныхъ Меѳодія и Кирилла. Съ вѣрою Христовою приняли мы отъ грековъ книги Священнаго Писанія и богослужебныя, церковныя и монастырскіе уставы, помолитвенъ и коритую, азбуку и церковныя пѣвческія знамена, какъ и самыя пѣвбы, иконопись и архитектуру, древнія живописи и исторію, какъ и всю литературу древняго образованнаго міра, какъ и весь складъ міросозерцанія, выработанный мудростію древняго міра, очищенный Христовою вѣрою. Съ вѣрою Христовою мы получили въ лицѣ іерарховъ образованнѣйшаго въ то время еллинскаго народа не только крестителей, всенародныхъ нашихъ крестныхъ отцовъ, воспріемниковъ отъ купели крещенія, но и нашихъ огласителей, наставниковъ и руководителей въ Христовой вѣрѣ, духовныхъ пѣступовъ нашей всенародной юности. Со дня крещенія Руси св. церковь стала и въ продолженіе многихъ вѣковъ была единственнымъ учителемъ и училищемъ нашего народа, единственнымъ для него источникомъ просвѣщенія, руководителемъ нравовъ, образователемъ сердца и вышнихъ вусовъ.

Подъ руководствомъ пастырей и учителей церковныхъ, русскій народъ росъ и мужалъ, воспитываясь почти исключительно въ наказаніи и ученіи Господнемъ, такъ какъ свѣтскаго обученія, до императора Петра великаго, у насъ и не было. Церковное обученіе народа было, по слову св. апостола, не тѣлесное, было обученіемъ только благочестію, но благочестіе на все полезно. Въ самой церкви ученіе благочестію совершалось не столько проповѣдями или катихизическими бесѣдами, сколько строемъ богослуженія, чтеніемъ слова Божія, святоотеческихъ писаній и житій святыхъ. При такомъ способѣ ученія спрашивалось не столько то, много-ль кто выразумѣлъ изъ неисчерпаемой глубины церковно-христіанской мудрости, сколько то, чтобы каждый въ дѣтской простотѣ сердца вѣровалъ Евангельской проповѣди и располагалъ, по вѣрѣ церкви, весь распорядокъ своей жизни. И вліяніе такого ученія было огромно, было и глубоко, и всесторонне. Церковь имѣла самое неотразимое вліяніе на весь укладъ народной русской жизни, выработавъ въ

русскомъ народѣ тотъ складъ основныхъ понятій и міровоззрѣнія, нравовъ и обычаевъ, общенародныхъ привязанностей и стремленій, который лежитъ въ глубочайшей основѣ православнаго отечества нашего даже донынѣ.

Какъ напр. распределяется среди нашего народа обыкновенный день? Не столько по часамъ, которыхъ русскій народъ и не вѣдалъ, сколько по церковному звону къ утренѣ, къ обѣднѣ, вечернѣ и всенощной, соотвѣтственно полуночному пѣнію пѣтуховъ, восходу солнца, полудню и солнечному закату. Какъ распределяется русскій годъ? Не столько по мѣсяцамъ, которые и до сихъ поръ народъ нашъ знаетъ не твердо, сколько по великимъ церковнымъ праздникамъ весны, лѣта, осени и зимы, по днямъ нарочитыхъ святыхъ и святымъ постамъ. Какъ определяется домашній обиходъ, строй единичной, семейной и общенародной жизни? Не только всѣ важнѣйшія событія жизни каждаго человѣка запечатлѣны характеромъ и названы именами церковными, каковы: крестины, браковѣчанія, похороны, но и всѣ подробности семейной домашней жизни носятъ на себѣ ту же церковную печать, напр. заговѣнье и розговѣнье, постъ и мясосястіе, будничные и праздничные дни, освященіе воды въ рѣкахъ и владыяхъ, кропленіе св. водою домовъ, скота и полей, освященіе древесныхъ вѣтвей и плодовъ, пасхальныхъ яицъ и прочихъ яствъ, молитвы утреннія и вечернія, предъ трапезою и послѣ оной, украшеніе домовъ св. иконами и поклоненіе имъ при входѣ и выходѣ, русское прощайте, и съ Богомъ; да и трудно все перечислить. Святая вѣра воспитала крѣпкую любовь русскаго народа къ святымъ храмамъ и богослуженію, къ церковной уставности. Для истинно-русскаго человѣка церковь драгоцѣннѣйшее сокровище; церковь—лучшее училище; церковь—лучшее, часто единственно хорошее зданіе въ селеніи. Здѣсь для русскаго человѣка сокровищница живописи, архитектуры, музыки, къ воспріятію, къ созданію которыхъ онъ больше способенъ, утѣха его очей, услада его слуха, восторгъ его сердца. Отсюда русское усердіе къ благолѣцію храмовъ Божіихъ. Самыя звонъ колокольный заставляетъ необычно биться русское сердце, и блестящій крестъ на высокой колокольнѣ, въ какомъ-либо особо чтимомъ мѣстѣ виднѣющійся издали, сколько русскихъ людей повергалъ и повергаетъ на землю—лобызать въ

благоговѣніи, въ умиленіи, въ восторгѣ прахъ священный для ихъ вѣры, указывая путнику міра сего пристанище на землѣ и прибѣжище на небѣ? Куда русскій людъ устремлялся и устремляется во дни особыхъ радостей, напр. побѣдъ надъ врагами, избытій отъ супостатовъ, отъ глада, мора и другихъ невзгодъ? Во храмъ Божій прежде всего. Куда, не оглядываясь по сторонамъ, несли русскіе люди свои понижшія головы во время всенародныхъ бѣдъ: нашествія иноплеменныхъ, губительныхъ язвъ, угрожающихъ голодомъ ненастья или засухи и другихъ золъ? Во храмы Господни возносить ко Господу стоны угнетеннаго духа, вопли истерзанныхъ сердець. Что дѣлають русскіе люди въ смертныхъ бояхъ, предъ лицомъ всякой грозной опасности? Ограждаютъ себя крестнымъ знаменіемъ, вѣшаютъ кресты на шею, кладуть на грудь святую икону или другую святыню, и вздыхая къ Богу правды и милосердія, избываютъ отъ напасти, или умирають, глядя на небо, чая креста на своей могилѣ, надеясь на заупокойную молитву церкви, на поминовеніе родными и ближними. Оттого-то и несокрушимъ русскій человекъ во дни напасти, предъ лицомъ бранной невзгоды, и выносивъ подъ гнетомъ общенародныхъ бѣдъ. Въ церкви, въ ея пѣсняхъ, въ ея духъ, во всей цѣльности Христовой вѣры, какъ и въ частности, отражающихъ духъ Христовъ, подобно чистымъ каплямъ, отражающимъ въ себѣ цѣлое солнце, въ христіанскихъ свазаніяхъ, молитвахъ, преданіяхъ, былинахъ, источни цариа завѣтнѣйшая поэзія русскаго духа, поэзія, оживавшая умирительно радостнымъ согрѣвающимъ свѣтомъ и хладъ молитвы и тлѣнь смерти, превращавшая въ гармонию ангельскихъ голосовъ и вой бури надъ засыпаннымъ мятелю кладбищемъ, съ его полуразрушенными, вросшими въ землю надмогильными крестами. И съ глубокою отрадою или грустнымъ умиленіемъ прислушивался искони русскій человекъ къ этой поэзіи христіанства отъ колыбели до могилы.

Но понималъ ли русскій народъ, понимали-ль стародавніе, понимаютъ ли и нынѣшніе простые русскіе люди что-либо въ этой поэзіи христіанства, что-либо въ своей церковности, въ своей вѣрѣ, при своемъ огульномъ невѣжествѣ? Понимали и понимаютъ. Разумѣють вѣру Христову не столько умомъ, сколько вообще духомъ. Молились и молятся,—по различенію, какое дѣлаеть св.

апостоль, — не столько умомъ, сколько духомъ, по примѣру благоумнаго разбойника, который на крестѣ, конечно, не сознавалъ ясно, какъ вышла изъ его усть, какъ исторглась изъ глубины его измученной души его глубокомысленная молитва покаянія и сокрушенія о грѣхахъ, вѣры и надежды на прощеніе и спасеніе: „помяни мя Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ“. Какое русское сердце не дрожало отъ радости, — дрожало не всегда ясно понимая, — когда пѣлось: „Христосъ рождается славите; Дѣва днесь пресущественнаго рождаетъ“; или: „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ; Воскресенія день, просвѣтима людѣ, пасха Господня пасха“! Какая русская душа не проливала слезъ, слыша въ велико-страстные дни „Егда славни ученицы на умовеніи вечери просвѣщавуся; Благообразный Іосифъ съ древа снемъ пречистое тѣло Твое“? Да, горѣли и горятъ христоролюбивыя русскія сердца, далеко не всегда ясно понимая содержаніе своей вѣры, своихъ молитвъ, своихъ священныхъ пѣсней, богословскя, экзегетически, исторически. Многіе ли изъ народа знаютъ преданіе, почему въ св. пасху даются красныя яйца? Но не понимающіе-то больше и радуются имъ, какъ символу красной пасхи Господней, перехода отъ смерти къ жизни. Спаситель сказалъ: „иже аще не приметь царствія Божія, яко отроча, не имать вните въ не“. Во время оно радовался духомъ Іисусъ и взывалъ ко отцу Своему небесному: „исповѣдаются, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцамъ“. Да, нашъ народъ и пріемлетъ царствіе Божіе, яко младенецъ, какъ заповѣдалъ всѣмъ намъ Христосъ. „Сердцемъ вѣруется въ правду. Любовь, созидаетъ; разумъ же кичитъ“ и разрушаетъ. Но что въ вѣрѣ понимаетъ нашъ народъ? То единое на потребу понимаетъ, чѣмъ созидалъ онъ свое вѣчное спасеніе на пространствѣ всѣхъ вѣковъ, со дня крещенія всей Руси. Всегда народъ нашъ вѣровалъ и зналъ, что есть Богъ на небѣ, что Христосъ Спасъ нашъ приходилъ на землю спасти насъ, что есть на небѣ Пречистая Богородица, наша всесильная предъ Богомъ Заступница; тамъ же пребываютъ Іоаннъ Креститель, святыя апостолы Петръ и Павелъ, Святитель Николай, угодникъ Божій, и прочіе святыя, наши предъ Богомъ ходатаи; что страхъ Божій — начало премудрости и исходище живота, временнаго и вѣч-

наго. То несчастье, то хула на Духа Святаго, то явное возста-
 ние на очевидную истину въ современныхъ вольнодумцахъ, что
 они дерзають изображать власть тьмы совершенно подавившую
 нашъ народъ, такъ что въ немъ будто бы не оказывается ни-
 какого проблеска, ни истинной вѣры, ни нравственныхъ плодовъ
 ея. Конечно, всѣ предъ Богомъ грѣшны. Но гдѣ и искать па-
 триархальной простоты и твердости нравовъ; гдѣ и почиваетъ
 крѣпкій несокрушимый народный духъ русскаго благочестія,
 какъ не въ простомъ христолюбивомъ нашемъ народѣ? Давно
 ли, не далѣе какъ въ недавно прошедшую восточную войну наши
 образованные люди призывали всѣхъ становиться на колѣни предъ
 простымъ христолюбивымъ русскимъ воинемъ, предъ его христиан-
 скимъ смиреніемъ, терпѣніемъ, выносливостью, незаопамятствою,
 жалостію даже къ врагамъ, предъ его самоотверженіемъ даже до
 смерти, его беззавѣтнымъ и простымъ до самозабвенія безстра-
 шіемъ, этого мало—предъ его святымъ умиленіемъ въ скорб-
 ную минуту безвременной смерти, его даже грустно-радостнымъ
 чувствомъ предъ лицомъ безвременной смерти, что онъ прино-
 сить себя въ жертву на алтарь отечества, что онъ проливаетъ
 кровь свою за свою братію и православные христианы, за Хри-
 ста, за вѣру и царя. „Готово сердце мое, Боже, готово. Приими
 духъ мой въ рудъ Твои, Господи“. Вотъ послѣдній вопль вся-
 кой подобной русской души, отходящей изъ сего міра. А мало-ль
 у насъ было и есть такихъ величайшихъ, такихъ истинныхъ
 героев! Между тѣмъ всѣ они чада своего народа, плоть отъ
 плоти его и кость отъ костей. Въ нихъ дышетъ вѣянье народ-
 наго духа, христолюбиваго, Христова духа. Они живое свидѣ-
 тельство живоносности этого духа въ нашемъ народѣ. Какъ
 злато ярче свѣтится въ горнигѣ, такъ чистота народнаго духа
 ярко горитъ во дни всенародныхъ бѣдъ и напастей, особенно
 же военныхъ погромовъ. И намъ русскимъ не приходится сты-
 диться предъ какими бы то ни было героями міра, хотя бы то
 предъ древними спартапцами, или же римлянами.

Высокъ же русскій духъ и во внутреннѣйшемъ духовномъ по-
 движеніи. Истинная внутреннѣйшая христіанская добродѣ-
 тель—та содѣвается въ тайнѣ, не предъ человѣческими очами,
 а предъ очами только Божиими. На самомъ основаніи зданія
 Божія церкви самимъ Богомъ положена печать такая: только

Господь знаетъ сушихъ Своихъ. Тѣмъ не менѣе о всякомъ, именуемомъ имя Господне съ вѣрою и отступающимъ отъ неправды, должно сказать, что онъ рабъ Божій. И таковыхъ въ средѣ нашего христіолюбиваго народа, безъ сомнѣнія, весьма не мало. Но преимущественно, но особенно явно отпрываетъ плодотворность сокровенно дѣйствующаго духа Христова въ христіолюбивомъ духѣ нашего народа тѣмъ, что на всемъ пространствѣ вѣровъ, отъ крещенія Руси даже до нашихъ дней, благодать Святаго Духа воздвигала въ нашей крещеной землѣ великихъ угодниковъ Божіихъ, отъ основателей святыя кіевопечерскія лавры, преподобныхъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ, чрезъ преподобнаго Сергія Радонежскаго, Савватія и Зосиму Соловецкихъ, и до святыхъ святителей Димитрія Ростовскаго, Иннокентія Иркутскаго, Митрофана Воронежскаго и Тихона Задонскаго, которые прославлены отъ Бога и проявленіемъ высоты подвижническаго ихъ духа, и нетлѣніемъ мощей ихъ, и премножествомъ засвидѣтельствованныхъ чудесъ отъ нихъ и отъ гробовъ ихъ. Если домостроительство спасенія человѣческаго ведется спасительнымъ Промысломъ до уреченнаго предѣла, дондеже предопредѣленная полнота язычниковъ увидетъ въ царствіе Божіе, дондеже входящими въ царствіе Божіе спасенными душами восполнится въ небѣ третія часть звѣздъ небесныхъ, отторгнутыхъ первымъ возставшимъ на Бога падшимъ духомъ, то благодатию Божіею святая русская церковь ввела и вводитъ въ царствіе Божіе тѣмъ темъ спасаемыхъ душъ, входящихъ въ церковь Божію до сего дне даже прямо отъ язычества, на великомъ пространствѣ одной седьмой части всего земнаго шара; ввела впервые въ то время, когда западно-латинская церковь наклонилась къ отпаденію и наконецъ отпала отъ единства истинно-каѳолической церкви; ввела и вводитъ, вѣруемъ и надѣемся и дерзаемъ исповѣдать, восполняя предувѣдѣнную и предуставленную полноту церкви не только земной, но и небесной.

Велика заслуга святой православной вѣры и для устроенія общественно-государственной жизни нашего отечества. Святая православная вѣра Христова утвердила самую основу, освятила самое средоточіе и возвысила самую вершину предержавшей власти въ нашемъ народѣ. Съ утвержденіемъ вѣры Христовой въ нашей славянской землѣ, православная церковь принесла

на Русь изъ православной Византіи понятіе великаго князя, какъ Богомъ поставленнаго владыки, устранивъ прежнее славяно-варяжское понятіе князя, какъ старѣйшаго въ родѣ вождя воинской, ничѣмъ съ народомъ не связанной дружины, покрывающаго народъ единственно только страхомъ. вмѣстѣ съ православною вѣрою церковь же перенесла на Русь изъ Византіи твердо вѣками установившееся тамъ понятіе государства, какъ единаго цѣлаго, съ устраненіемъ варяжскаго понятія земли съ народомъ, которую княжескій родъ можетъ дробить безъ конца, какъ удѣльную свою собственность. Съ утвержденіемъ православной вѣры, церковь утвердила и единство народнаго самосознанія, связавъ разрозненныя славянскія племена въ единый славяно-русскій народъ единствомъ вѣры, какъ единокровныхъ чадъ единаго Отца небеснаго, призывающихъ Его пренебесное имя на единомъ церковно-славянскомъ языкѣ, который съ тѣхъ поръ сталъ для всѣхъ сихъ племенъ единымъ, роднымъ и священнымъ языкомъ. По насажденіи святой православной вѣры, церковь создала сперва одно, потомъ другое дорогое для народа святилище, въ Кіевѣ и Москвѣ, закрѣпивъ тамъ своимъ благословеніемъ, своими молитвами, сосредоточеніемъ тамъ вышшихъ церковныхъ учрежденій, мѣстопребываніе всесвязующей государственной власти. Съ святою вѣрою, съ церковно-славянскою грамотою, съ церковными уставами и канонами, церковь перенесла на Русь и государственные законы и чины византійскаго царства. Единственно только церковь, единствомъ вѣры, богослуженія и управленія своего какъ и прямыми своими настояніями, была собирательницею разрозненныхъ русскихъ княжествъ, раздѣленныхъ еще больше, чѣмъ старинныя племена славянства, удѣльными усобицами. Единственно только церковь спервоначала была собирательницею русскихъ людей, князей, городовъ и земель, раздавленныхъ татарскимъ погромомъ, сослуживъ великую службу и западной христіанской Европѣ тѣмъ, что воодушевляемая святою своею вѣрою Русь на раменахъ своихъ вынесла всю тяготу татарскаго нашествія и своею грудью удержала напоръ на весь христіанскій міръ этой грозной зловѣщей силы; равно какъ мы же, возбуждаемые и руководимые святою вѣрою нашею, полученною нами изъ православной Греціи, сокрушили силу Ислама въ Царѣ градѣ, нѣкогда страшную и не-

одолимую также для всей западной Европы. Православная церковь у насъ выпѣствовала, выростила слабого московскаго князя сперва до великокняжескаго, а потомъ и до царскаго величія. Посадивъ и выростивъ на русской землѣ понятіе византійскаго единовластительства, церковь возложила и святое муропомазаніе древнихъ православныхъ греческихъ царей на царя московскаго и всея Руси. Церковь же оберегла народъ и отъ порабощенія игу ляхскому въ годину смуть самозванцевъ и общаго шатанія умовъ. Святая вѣра оберегла русскую народность и въ Малороссіи отъ порабощенія враждебною намъ народностію латино-польскою. Единствомъ же православной вѣры у насъ, какъ и у братьевъ нашихъ, отторгнутыхъ отъ насъ польскою государственностію, подготовлено почти даровое присоединеніе и Польши къ нашему отечеству. Тѣмъ же кореннымъ единствомъ вѣры и обряда, возгрѣвающимъ христіанскую любовь и единеніе между разными членами церкви Христовой, подготовлено мирное любовію присоединеніе къ намъ и братій нашихъ униатовъ, насиліемъ отторгнутыхъ въ общеніе враждебной православію церкви латинской. Исключительно единствомъ вѣры привлечена въ государственное единеніе съ нами и старѣйшая сестра наша по вѣрѣ, искони православная Грузія. Тѣмъ же кореннымъ единствомъ вѣры, хотя и при нѣкоторыхъ исконныхъ народно-церковныхъ особенностяхъ, сама собою привлекается къ сближенію съ нами въ духѣ, при единеніи государственномъ, и древняя Арменія. Единеніе въ вѣрѣ дѣлаетъ намъ не только единокровныхъ, но и единокровныхъ братій нашихъ и въ зарубежныхъ славянахъ, тогда какъ наоборотъ разность въ вѣрѣ, особенно же духъ латинства дѣлаетъ намъ непримиримыхъ враговъ и изъ единокровныхъ братій нашихъ славянъ, особенно же изъ поляковъ. Самая же важная, хотя и мало сознаваемая, прикровенная заслуга святой православной вѣры и церкви предъ государствомъ заключается въ томъ, что святая вѣра, собирая своихъ исповѣдниковъ въ единую святую церковь, образуетъ изъ нихъ единую общественную семью, указуя всѣмъ въ державной Главѣ народа избранника и помазанника Божія, отца отечества, а ему самому указывая въ вѣроподданныхъ данныхъ ему Богомъ чадъ, которыхъ рука Божія ввѣрила его любви, для устроенія временнаго и вѣчнаго ихъ счастья; что святая вѣра, ея исповѣданіе, исполня-

емая во имя вѣры присяга, съ цѣлованіемъ креста и Евангелія Христова, прикрѣпляетъ всякую вѣрноподанную душу къ предержавшей власти, какъ и обратно предержавшую власть Россіи ко всѣмъ вѣрноподавшимся въ безвѣрно несравнимой степени крѣпче, чѣмъ всякія договорныя хартіи, которыми въ иныхъ странахъ силится скрѣпить распатанный общественно-государственный строй, нынѣ уже не опирающійся на незыблемой основѣ Христовой вѣры; что принадлежность къ православной вѣрѣ и церкви дѣлаетъ членовъ Россійскаго государства болѣе преданными ему, чѣмъ всякія иныя общественныя условія, такъ какъ всякій православный русскій видитъ въ православной Россіи свое отечество, свою собственную родную семью, а въ русскомъ царѣ естественную ея главу, своего природнаго Блага Русскаго царя, православнаго Государя: что православная вѣра не только вѣрнѣе и сильнѣе всѣхъ другихъ общественныхъ вліяній, но и исключительно голько она одна дѣлаетъ изъ присоединяемыхъ къ Россіи инородцевъ истинно и естественно рожденныхъ русскихъ людей, если эти инородцы присоединяются и къ православной церкви: такъ какъ безчисленные опыты показываютъ, что присоединяющіеся къ православію инородцы во второмъ и третьемъ поколѣніи совершенно перерождаются въ настоящихъ русскихъ людей, каковы переродившіеся финскія племена въ старыхъ коренныхъ велико-русскихъ губерніяхъ; перерождаются не только душевно, но и тѣлесно, по виду, по сложенію, по внѣшнимъ приѣмамъ, тогда какъ наоборотъ даже природныя русскіе, подпадая вліянію сектанства, перерождаются же не только душевно, но и тѣлесно, каковы переродившіеся русскіе, поселенные нѣкогда около Пекина или Берлина. Можно положительно утверждать, что тотъ истинно и дѣйствительно присоединяется къ Россіи, кто присоединяется къ русскому народу, кто присоединяется къ православной російской церкви, — тотъ пропитывается русскимъ духомъ, русскими привязанностями и стремленіями. Присоединяя инородцевъ къ православной русской церкви, мы присоединяемъ ихъ къ русскому православному народу, тогда какъ присоединеніе чужеродныхъ къ инымъ вѣрамъ, напримѣръ къ латинству, присоединяетъ ихъ развѣ къ папѣ, но никакъ не къ Италіи, Испаніи, или же католической Франціи. Тѣ инородческія окраины дѣйствительно присоединяются

къ Россіи, не по имени только, не насиліемъ, не принужденіемъ и страхомъ, при затаенной ненависти и презорствѣ ко всему русскому, а самымъ духомъ, которыя въ значительной части своего населенія, присоединяются и къ православной російской церкви. Тотъ—родная вѣтвь русскаго древа, кто прививается къ корню Христовой церкви и становится причастникомъ ея сока; кто дѣлается вѣтвію живоносной Божественной дозы самого Христа. Напитываясь духомъ Христовымъ, всасывая сокъ вырощеннаго Имъ изъ Него самого древа, мы русскіе православные исполняемъ апостольскую миссію присоединенія другихъ къ себѣ и къ православію и ко Христу, хотя полу-безсознательно, почти неволью, но успѣшнѣе всѣхъ другихъ народовъ, потому что совершаемъ ее въ духъ Христовомъ. „Аще кто хочетъ быти въ васъ болій, да будетъ вамъ слуга“, завѣщалъ Христосъ Спаситель своимъ ученикамъ на тайной вечери. Замѣчательно, что во всѣхъ покоренныхъ нами окраинахъ, да часто и въ самой средѣ русскаго государства, коренные русскіе люди состоятъ нерѣдко, если только не постоянно, въ приниженіи предъ инородцами, чуть даже не въ порабощеніи; и однакоже, смиряясь предъ покоренными нашему владычеству инородцами, по завѣту и духу Христову, мы привлекаемъ ихъ къ себѣ и присоединяемъ ко Христу и къ Россіи. Такъ мы и покорили седьмую часть свѣта, самымъ нашимъ смиреніемъ, самою податливостію нашею и приспособительностію къ другимъ народностямъ. Въ концѣ концовъ русскій духъ побѣждаетъ, если только онъ православный, христіанскій. Сія есть побѣда, побѣждающая міръ,—вѣра наша: какъ вѣрою же нашею мы повергли въ прахъ и въ недавнее время исполина земли, Наполеона I, несшаго въ нашу землю разрушительный антихристіанскій духъ, чѣмъ мы поддержали падающую вѣру Христову, со всею христіанскимъ строемъ, и во всемъ мірѣ. Такъ, неся на раменахъ и въ рукахъ нашихъ крестъ Христовъ, а въ сердцахъ Христову вѣру, такъ русскій народъ и разросся въ богатыря—исполина отъ новой земли до Гималаевъ и отъ Сахалина до Торнео, исполняя промыслительное предъизбраніе и предназначеніе ввести предопредѣленную полноту язычниковъ въ церковь Божию и предопредѣленную полнотою спасаемыхъ душъ христіанскихъ восполнить оскуднѣніе въ горнемъ царствѣ Божіемъ, причиненное испаденіемъ горнихъ духовъ.

Береги же, православная Россія, твою православную вѣру. Твоя вѣра есть то жизненное начало, которое дѣлаетъ тебя живою и плодотворною вѣтвью на живоносной виноградной лозѣ, яже есть самъ Христосъ; вѣра — тотъ живоносный масличный сокъ, которымъ ты, дикая вѣтвь язычества, привилась къ животворному корню богонасажденной маслины, единой, святой, соборной и апостольской церкви; посредствомъ котораго ты, разрастаясь въ великое многовѣтвистое дерево, прививаешься сама къ другимъ старѣйшимъ тебя православнымъ христіанскимъ народностямъ, и прививаешь къ себѣ чуждыя тебѣ по крови и по духу племена; который животворилъ, скрѣплялъ, возвращалъ, возвышалъ и освящалъ въ тебѣ всѣ твои жизненные какъ духовно-церковныя, такъ и народно-государственныя отправления; которымъ питаешься и возбуждаешься, ты исполняешь предначертанныя тебѣ Промысломъ великія судьбы, достигаешь предугазаннаго тебѣ Промысломъ жребія, многого великаго уже достигла, многого еще достигнешь. Только буди вѣрна своей вѣрѣ до смерти, и Подвигоположникъ вѣры дастъ тебѣ вѣнецъ долгой и долгой, благоденственной и славной жизни на землѣ, а на небѣ вѣрнымъ сынамъ твоимъ вѣнецъ жизни вѣчно блаженной. Прививая къ своей вѣрѣ иныя народности и сливая ихъ съ собою, крѣпче прививай сама себя къ твоей животворной вѣрѣ. Любви, даже горячности къ нашей вѣрѣ въ большинствѣ русскихъ искони было довольно, даже постиженія духа вѣры достаточно, довольно привязанности къ нашей церковности, къ уставности богослуженія. Но мало простаго пониманія вѣры, мало знанія церкви, мало сознательной оцѣнки тѣхъ великихъ заслугъ, которыя церковь оказывала и оказываетъ благоустроенію благоденствія Россіи, твердостоянію всего ея народно-государственнаго порядка. Если мы до сихъ поръ, въ большинствѣ нашего народа, были пока только младенцами, которые, по слову св. апостола Павла, „питались млекою, а не брашномъ“, едва-едва разумѣя „начатки слова Божія“; то судя по времени, послѣ 1000-лѣтія со дня основанія Россіи, какъ государства, спустя 900 лѣтъ по ея крещеніи при св. Владимірѣ, нынѣ, среди бурныхъ вѣтровъ суемудрія, которые колеблютъ устой церкви, а съ нею и общества, пора всѣмъ намъ, крѣпко „усвоить начатки слова Божія, поспѣшить и къ совершенству“ (Евр. 3, 12 — 14; 6, 1),

„да всѣ“ всецѣло „прійдемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова; да не будемъ богѣ младенцами, которые колеблются и увлекаются всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству хитрыхъ людей, по хитрому искусству оболъщенія, но истинною любовію да возвращаемъ въ себѣ все во Христа, который есть глава тѣла церкви, изъ котораго все тѣло, составляемое и совокупляемое посредствомъ всякихъ, взаимно скрѣпляющихъ связей, при содѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена, получаетъ приращеніе для созиданія самаго себя въ любви“. Посему вмѣстѣ съ великимъ учителемъ языковъ, святымъ апостоломъ Павломъ, „заключаемъ всѣхъ васъ Господомъ, чтобы вы не поступали, какъ поступаютъ прочіе“, чуждающіеся православной церкви братіе наши по плоти, „по суетности ума своего, взимающагося на разумъ Божій, руководясь своимъ помраченнымъ разумомъ, отчужденные отъ жизни Божіей, по причинѣ ихъ невѣжества въ вѣрѣ и ожесточенія сердець ихъ. Вы познали Христа, вы научены о Немъ и“ научайтесь крѣпче, чтобы крѣпче, чтобы непоколебимо познать, „что истина въ Иисусѣ, что Христосъ есть путь, истина и жизнь“ (Еф. 4, 13—24). Аминь.

Архіепископъ Никаноръ.

ДВА АДРЕСА,

ПОЛУЧЕННЫЕ ЧЛЕНОМЪ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СИНОДА, ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ ПАВЛОМЪ, АРХІЕПИСКОПОМЪ КАЗАНСКИМЪ И СВІЯЖСКИМЪ.

Помѣщаемъ два адреса, полученные казанскимъ высокопреосвященнымъ архіепископомъ Павломъ, съ мѣста прежняго его служенія, изъ Закавказья, отъ тамошнихъ почитателей и бывшихъ сподвижниковъ его. Въ адресахъ этихъ выражаются чувства представителей прежней паствы его высокопреосвященства по поводу ея разлуки съ нимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ изображаются труды и заслуги бывшаго экзарха Грузіи на пользу грузинской церкви и всего вообще Закавказскаго края. Читателямъ нашимъ безъ сомнѣнія будетъ не безъинтересно ознакомиться съ прежнею служебною дѣятельностію уважаемаго архипастыря, который ознаменовалъ многими благотворными трудами и прежнее служеніе свое въ Кишиневской паствѣ.

I. *Высокопреосвященнѣйшему Павлу, архіепископу Казанскому и Свіяжскому.*

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!—Получивъ архипастырское благословеніе ваше въ Тифлисъ 8 декабря 1886 года, сподвижники и искренніе почитатели ваши, представители разныхъ званій и состояній—не думали, что это благословеніе будетъ послѣднимъ. Но—промысль Божій судилъ иначе: премудро управляя намѣреніями отца отечества, Самодержавнѣйшаго Го-

сударя нашего, Онъ призвалъ васъ управлять одною изъ старѣйшихъ въ Россіи епархій—Казанскою. Въручая въ пути промысла Божія и преклоняясь предъ истинною совершившагося событія, мы сиѣшимъ теперь убѣдиться, что святительское благословеніе ваше, преподанное намъ въ указанный день и часть, исходило отъ чистаго сердца вашего и въ глубинѣ души вашей было осѣняемо молитвою о процвѣтаніи и благоденствіи прежней паствы вашей. Пространство, раздѣляющее насъ съ вами, владыко святыи, не уничтожаетъ того христіанскаго общенія, которое совершается въ цѣлой вселенской церкви, не ограниченной ни временемъ, ни мѣстомъ, ни народомъ. Во имя таково убѣжденія, мы знаемъ, что не лишимся святительской молитвы вашей о насъ, равно какъ и сами не забудемъ до гроба имени святителя Павла, пять лѣтъ тому назадъ прибывшаго въ Грузію съ тѣми благими намѣреніями, которыя располагаются по духу св. Евангелія. Благія начинанія ваши и подвиги во благо здѣшней церкви и здѣшняго края—оцѣнить нѣвогда безпристрастная исторія. Намъ же, нижеподписавшимся, позвольте испросить вашего святительскаго благословенія, выразить вамъ глубочайшую благодарность за ваше учительное слово и многоплодную архипастырскую дѣятельность вашу въ край, созидавшую и укрѣплявшую въ немъ древнее православіе, насажденное въ 4-мъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ равноапостольною просвѣтительницею Грузіи—святою Ниною.

Ваше высокопреосвященства низайшіе слуги, почитатели и доброжелатели. (Далѣе слѣдуютъ подписи 33 дуновныхъ и свѣтскихъ лицъ).

II. Ею высокопреосвященству, высокопреосвященнѣйшему Павлу архіепископу Казанскому и Свіяжскому. Отъ совѣта Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ.

Ваше высокопреосвященство, милостивый архипастырѣ! Пятилѣтнее управленіе вашего высокопреосвященства Грузинскимъ экзархатомъ, ознаменованное благотворною дѣятельностію на пользу отечественной церкви и православнаго населенія, приобрьло вамъ особое право на глубочайшую благодарность и признательность со стороны не только православнаго духовенства, но всего здѣшняго края. Какъ добрый и справедливый

архипастырь, какъ высокообразованный администраторъ, какъ талантливый ораторъ-проповѣдникъ, ваше высокопреосвященство вполне оправдали и осуществили тѣ чаянія и надежды, которыми привѣтствовали ваше назначеніе и прибытіе на кафедру Грузіи мѣстная печать, представители административныхъ учреждений и общества. Ваше пребываніе въ Грузіи внесло во всѣ сферы духовной жизни экзархата оживленную, энергическую дѣятельность, душою которой являлись вы сами, ваше высокопреосвященство! Обладая характеромъ твердымъ и энергичнымъ, умомъ мощнымъ и развитымъ, ваше высокопреосвященство не останавливались ни предъ какою работою, ни предъ какимъ даже самымъ сложнымъ трудомъ; напротивъ, чѣмъ сложнее былъ трудъ, тѣмъ болѣе вы проявляли усилій и энергій. Будучи поставлены во главѣ духовнаго управленія обширною мѣстностію, ваше высокопреосвященство успѣвали все дѣлать, за всѣмъ слѣдить, во все вникать, все облумывать и всѣмъ распоряжаться. Этого мало: имѣя дѣло съ краемъ, населеннымъ различными племенами и народностями, чуждыми по происхожденію, языку, нравамъ и обычаямъ, по особенностямъ своего національнаго характера, по своимъ понятіямъ и убѣжденіямъ,—вы съ тактомъ и проникательностію многоопытнаго, образованнаго администратора всегда умѣли угадывать его нужды и потребности, умѣли примѣняться къ этимъ нуждамъ и потребностямъ и сообразуясь съ ними, вносили въ темную, невѣжественную жизнь народа—благодѣтельную началу христіанскаго просвѣщенія, дѣйствуя въ то же время въ духѣ и интересахъ православной церкви и государства. Вниманіе и заботливость вашего высокопреосвященства, какъ первосвятителя Грузіи, одинаково распространялись и на духовно-учебныя заведенія, и на возвышеніе религіозно-нравственнаго состоянія всего православнаго населенія, и на благоустройство церквей, и на распространеніе православной вѣры среди горцевъ-магометанъ. Пятилѣтняя дѣятельность ваша выразилась: въ приобрѣтеніи прекраснаго новаго зданія для тифлискаго женскаго епархіальнаго училища, стоящаго 40 тыс. рублей; въ приобрѣтеніи зданія съ землею для Озургетскаго духовнаго училища, стоящаго 30 тыс. руб.; въ приобрѣтеніи земли для Горійскаго духовнаго училища и изысканіи суммъ, простирающихся до 47 тыс. руб. на постройку для училища новаго зданія; въ возобновленіи зданія Телавскаго духовнаго учи-

лица, на сумму до 20 т. руб.; въ переустройствѣ зданія Теллискаго духовнаго училища и возведеніи при ономъ новыхъ построекъ, на сумму до 50 тыс. руб.; въ возобновеніи древней грузинской святыни Сіонскаго собора, на сумму до 20 тыс. рублей, въ учрежденіи братства Пресвятыя Богородицы, имѣющаго цѣлью утверженіе православной вѣры въ народѣ,—и церковно-археологическаго музея при Сіонскомъ соборѣ; во введеніи при церквахъ вѣ-богослужебныхъ собесѣдованій, въ выработкѣ устава для церковно-приходскихъ школъ грузинскаго экзархата, въ открытіи въ Осетіи, въ селѣ Ардонѣ, Александровскаго духовнаго училища для воспитанія и образованія священно-церковно-служителей въ осетинскіе приходы и учителей въ церковно-приходскія школы; въ болѣе правильномъ и цѣлесообразномъ раздѣленіи грузинскаго экзархата на самостоятельныя епархіи; наконецъ, въ преобразованіи „Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ“, дѣятельности котораго ваше высокопреосвященство дали надлежащее направленіе. Этотъ простой перечень главныхъ дѣлъ, ознаменовавшихъ время вашего управленія, показываетъ, съ какою любовью ваше высокопреосвященство относились ко ввѣренной вамъ паствѣ какія попеченія прилагали къ ея благоустроенію и какіе понесли тяжелые труды, управляя экзархатомъ. Слѣды вашей дѣятельности въ Грузіи, безъ сомнѣнія, составляютъ и составляютъ свѣтлую страницу въ исторіи грузинской церкви и духовнаго просвѣщенія грузинскаго народа. Нужно-ли говорить о вашей проповѣднической дѣятельности, которая извѣстна всей образованной и читающей Россіи? Ваше высокопреосвященство почти при каждомъ богослуженіи неустанно поучали народъ, объясняя ему истины евангельскаго ученія и призывая его къ миру, любви и порядку...

Примите, ваше высокопреосвященство, выраженія искренняго сожалѣнія по поводу оставленія вами Кавказа и перемѣщенія въ Казанскую епархію и глубочайшей благодарности и признательности за все сдѣланное вами для православной грузинской церкви и православнаго грузинскаго народа. Да хранитъ васъ Провидѣніе на благо православной церкви и отечества!

Вице-предсѣдатель совѣта Общества *М. Поляковъ*. (Далѣе слѣдуетъ подписи членовъ совѣта Общества).

П О У Ч Е Н І Е

ВЪ ДЕНЬ ПРЕОБРАЖЕНІЯ ГОСПОДНЯ, ВЪ КЛАДБИЩЕНСКОЙ НАГОР-
НОЙ ЦЕРКВИ ПРЕОБРАЖЕНІЯ ГОСПОДНЯ.

Преосвящ. Никанора, архіепископа херсонскаго и одесскаго.

Преображеніемъ Божественнымъ, зракъ нашъ
иже древо глѣниемъ растлѣнный во адовыхъ
сокровищахъ, праотца Адама, двесь Звѣдитель
изъ тли возведе, обожая нашъ разумъ; пребы-
ваетъ же Богъ вкупѣ и человекъ, естества каждо
соединена нося, непреложна же и нераздѣльна.
Тѣмже нынѣ на Ѡаворѣ несказанно сіяетъ и
изъ всяя плоти издаетъ лучи Божества своего,
просвѣщая вопіющыя: преобразуется Христось,
спасая всѣхъ.

Вотъ истинная гора Преображенія. Она не Ѡаворъ, но стоитъ
въ тѣснѣйшей родственной связи съ Ѡаворомъ, на которомъ
преобразился Христось Спасъ нашъ. И прекрасна мысль по-
святить эту церковь стоящую на вершинѣ горы, у ногъ кото-
рой раскинулся градъ нашъ, стоящій также на горахъ, на вер-
шинѣ горы, застланной гробами, упитанной костями мертвыхъ—
посвятить эту церковь свѣтлой и свѣтозарной памяти Преобра-
женія Господня.

Вотъ связь этой горы съ Ѡаворомъ. Вотъ сокровенный смыслъ
Преображенія Господня и связь его съ первою и всеобщюю
смертію, съ воскресеніемъ Господнимъ и всеобщимъ воскресе-
ніемъ и преображеніемъ человечества въ послѣдній день міра.

Сперва отъ созданія міра человекъ былъ свѣтлый образъ

Божества и сіяніе славы Его. Въ невинномъ человѣкѣ, сквозь тонкое духовное тѣло, свѣтился чистый духъ, чистый лучъ божественнаго свѣта. Восходя по степенямъ богоуподобленія отъ свѣта къ свѣту, отъ свѣта чистаго къ свѣту чистѣйшему, съ высотъ земнаго рая до высотъ небесныхъ, человѣкъ призванъ былъ воспарить къ небу небесъ и тамъ вѣчно приближаться по свѣтозарности къ самому Солнцу правды. На этомъ пути восхожденія, по всему видно, не предполагалось ни тѣни той грани, которая нынѣ называется смертію. Но какъ праведный Енохъ, невинный человѣкъ предложилъ бы тихо и постепенно изъ земнаго въ небснаго человѣка; или, какъ Ілія вознесся бы на огненной колесницѣ на небо, только не въ вихрѣ огня, который исхитилъ небошественника Ілію изъ устъ смерти, а во гласъ хлада тонка, просто, естественно, безъ порывовъ, безъ малѣйшей тѣни смертной агоніи. Теперь смерть есть неестественно-мучительный разрывъ души съ тѣломъ; а тогда, въ состояніи первобытной невинности, вмѣсто смерти предполагалось постепенное предложеніе человѣка земнаго въ человѣка небснаго, преображеніе тѣла вещественно-духовнаго въ тѣло чистѣйшее духовное, сотканное изъ горнаго премірнаго свѣта.

Но первый человѣкъ Адамъ вкусилъ яда грѣховнаго. И вотъ ядъ внесъ въ человѣческое естество разрывъ между духомъ и тѣломъ, разрывъ однакоже на столько, что до минуты смерти привязанный къ тѣлу духъ теперь уже сталъ безсиленъ увлекать за собою тѣло къ небу, а наоборотъ тѣло стало одолаживать духъ и увлекать его къ оземленію. Духъ померкъ и пересталъ свѣтиться изъ тѣла свѣтомъ Божества. А тѣло закрыло дебелою завѣсою плотяности проблески Божества въ человѣческомъ ествѣ и потеряло способность прозрѣвать тѣлесными очами мерцаніе божественнаго свѣта всюду: въ небѣ, въ видимой природѣ и въ самомъ человѣкѣ. Омраченіе человѣка пошло глубже и глубже. Грѣхъ повелъ человѣка по степенямъ омраченія, отъ мрака оделенія, оземленія, къ мраку растленія немощами и болѣзнями, огуствѣвающими страстями и пороками, къ мраку смерти тѣлесной и духовной, къ мраку могильнаго тлѣнія и низведенія грѣшныхъ темныхъ душъ до мрака глубинъ адскихъ...

Чтобы возвести человѣка изъ мрачныхъ безднъ ада до горныхъ свѣтоносныхъ высотъ обители духовныхъ свѣтовъ, чистѣй-

шій свѣтъ Божества, самъ Сынъ Божій сошелъ до мрака земли, до мрака дѣвической матерней утробы, до мрака воплощенія и вочеловѣченія. Поймите. Вѣчный Свѣтъ Божества заключился въ зараждающемся отъ духа Свята, въ бессознательномъ по человѣческому естеству младенцѣ, младенцѣ спеленанномъ, положенномъ въ скотскія ясли, въ ночномъ мракѣ скотскаго вертепа; возрасталъ въ смиренномъ Назаретскомъ отроцѣ, мнимомъ Сынѣ плотника, древодѣля; возмужалъ въ обыкновенномъ видѣ чловѣка Иисуса. Конечно на великомъ этомъ пути воплощенія и вочеловѣченія Сына Божія, возростанія Богочеловѣка Иисуса до 30-лѣтняго возраста, одновременно и разнообразно обнаруживались проблески Божества и въ самомъ Богочеловѣкѣ и около Него; но видѣлись эти проблески немногими, а проразумѣвались еще меньшимъ числомъ избранныхъ душъ. Сами избранные дванадесять Апостоловъ, уже ходя за проповѣдающимъ евангеліе Христомъ около трехъ лѣтъ, проразумѣвали въ Немъ сперва не болѣе только, какъ пророка, Мессію, даже Сына Божія, но Сына Божія въ смыслѣ только высокаго праведника, посланнаго въ міръ Богомъ, такъ какъ мы всѣ—чада Божіи и вопіемъ къ Богу: Отче нашъ.

Незадолго до Преображенія, однажды Господь вопрошалъ учениковъ: кого Мя глаголють чловѣцы быти? Кѣмъ называютъ Меня люди? Отвѣчаютъ Ему Апостолы: одни называютъ Іоанномъ Крестителемъ, другіе Ілію, третьи Іеремію, вообще однимъ изъ пророковъ. А вы кѣмъ Меня называете? вопрошаетъ Господь самихъ Апостоловъ. Выступилъ первоверховный Петръ и вдохновенный Духомъ Отца небеснаго, вѣщаетъ отъ лица всѣхъ апостоловъ: „Ты еси Христось, Сынъ Бога живаго“,—исповѣдуя Христа теперь уже едиnorodнымъ и единосущнымъ Отцу Сыномъ Божіимъ. И отвѣчаетъ ему Господь: „блаженъ, ты, Симонъ сынъ Іонинъ, такъ какъ не плоть и кровь явили тебѣ эту тайну, но Отецъ Мой, иже на небесѣхъ“.

И вотъ по днехъ шести послѣ сего событія, взявъ Иисусъ трехъ избранныхъ учениковъ, Петра, Іакова и Іоанна Заведеевыхъ и пошелъ съ ними на ночь на гору Ѡаворъ помолитися. Иисусъ провелъ ночь въ молитвѣ; а три избраннѣйшіе апостола бяху отягчени сномъ, по чловѣческой немощи. Когда чловѣческая немощь почивала, въ эти таинственные часы ночи мо-

литва Богочеловѣка проникла въ небо небесъ и подвигла оттуда самого Бога Отца явить свое присутствіе надъ Өаворомъ. Молитва Богочеловѣка проникла въ жилище горнихъ неосужденныхъ духовъ и вызвало оттуда Илію, который, не видѣвъ смерти вознесенъ былъ на огненной колесницѣ, яко на небо,—вѣроятно въ низшую небесную сферу неотверженныхъ духовъ. Молитва Богочеловѣка проникла въ высшую сферу и узилища умершихъ душъ и вызвала оттуда величайшаго ветхо-завѣтнаго праведника Боговидца Моисея. Молитва просвѣтила не только пречистое тѣло Богочеловѣка, но и самыя Его одежды, такъ что чрезъ дебелость плоти и одежду пробился свѣтъ Божества. Молитва Богочеловѣка просвѣтила плотяныя очи пробудившихся отъ сна апостоловъ, сдѣлавъ ихъ способными узрѣть божественную славу. Изъ свѣтлаго облака раздался надъ Өаворомъ гласъ Бога Отца: „Ты еси Сынъ Мой возлюбленный“. Въ сіяніи божественной славы, истекавшемъ изъ Богочеловѣка Иисуса, плавали свѣтовые очертанія премірныхъ жителей Моисея и Иліи. Лице Иисуса горѣло, яко солнце; ризы блестяи, яко снѣгъ. Восторгъ потрясъ души Апостоловъ до того, что они ощутили райское жилище на Өаворѣ.

Но не пригнѣлъ еще часъ раю низойти на землю, а тѣлу Иисусову прославиться и предлодиться въ пренебесное. Моисей и Илія на Өаворѣ бесѣдовали съ Преобразившимся Господомъ объ исходѣ Его, о страданіи, о смерти, о воскресеніи. На горѣ Өаворстѣй ученики видѣли славу Божества въ тѣлѣ Иисусовѣ только нѣсколько мгновеній,—и видѣли только для того, чтобы когда увидать они и распятіе Его, чтобы уразумѣли, что страданіе Иисусово—вольное и чтобы проповѣдали міру, яко Иисусъ есть Отчее сіяніе.

Чтобы извлечь падшаго чловѣка изъ тмы грѣха, немощей и болѣзней, страстей и пороковъ, смерти временной и вѣчной, изъ тмы могилы и глубинъ адовыхъ, Иисусъ Христосъ самъ долженъ былъ спуститься до мрака позорной крестной смерти, до мрака гроба и могилы, до мрака адской преисподней... Оттуда же произникъ Онъ въ воскресеніи уже въ тѣлѣ предложденномъ, преобразенномъ уже навсегда, въ тѣлѣ уже прославленномъ, въ тѣлѣ духовномъ, неземномъ, небесномъ,—въ тѣлѣ, которое по воскресеніи не поражало свѣтлостію, какъ на Өаворѣ, но

издавало изъ себя столько божественнаго свѣта, сколько вмѣщали оземлѣнныя очи учениковъ Его...

Поймите же связь между преображеніемъ и воскресеніемъ Христа. Въ преображеніи свѣтъ Божества сверкнулъ съвозъ природенную дебелость человѣческой плоти Іисуса, какъ молнія изъ тучи на нѣсколько мгновеній. Но чтобы свѣтъ сей засвѣтилъ постоянно, равномерно, возрастая постепенно, мрачной тучѣ ночи слѣдовало сдвинуться и дать засіяты вѣчному солнцу. Воскресеніе Христово и было, послѣ очистительной тучи страстей смерти и сошествія во адъ,—было зарею загорѣвшагося невечернаго дня; было восходомъ солнца, которое не закатится во вѣки; было не только преображеніемъ, но претвореніемъ человѣческаго естества изъ плотнаго въ духовное, изъ земнаго въ небесное.

Поймите далѣе, какъ и мы относимся къ преображенію, страданію и воскресенію Господнимъ. Поймите, что въ крещеніи мы спогребаемся Христу; вмѣстѣ со Христомъ нисходимъ во мракъ Его смерти, а изъ купели крещенія выходимъ воскресшими для жизни во Христвѣ. Съ этой минуты ветхій Адамъ въ насъ умираетъ, а новый Адамъ возраждается. Въ таинствѣ Причащенія мы прискренивъ причащаемся тѣлу и крови Христа и божественному естеству Его, которое въ насъ затѣмъ возрастаетъ и врѣшнеть, если только мы живемъ жизнію по Христвѣ. Это возрастаніе въ насъ Адама новаго и умираніе Адама ветхаго идетъ возрастая до минуты естественной нашей смерти. Въ грозный смертный часъ совершается въ насъ не только разлука души съ тѣломъ, но и болѣе таинственный разрывъ новаго человѣка съ ветхимъ. Новый освобождается изъ оковъ ветхаго и восходитъ къ небу; а ветхій, нисходя во гробъ и могилу, умираетъ окончательно.

Вы видите, на сей-то горѣ и совершается преображеніе человѣческаго естества. Сюда въ могилы положены трупы... Только ли трупы, а души гдѣ? Не ошибемся если скажемъ, что души отшедшихъ, если къ чему на землѣ привязаны, то безъ сомнѣнія, всего больше привязаны къ своимъ могиламъ, костямъ и праху. Въ послѣдній день міра отсюда изыдутъ, по послѣдней трубѣ Архангела, воскресше люди,—тѣ люди, которые здѣсь погребены. Конечно, не прахъ воскреснетъ, не тотъ прахъ, ко-

торый заражаетъ здѣшній воздухъ зловоніемъ мертвечины. Что воскреснетъ, навѣрное не знаемъ. Но полагаемъ, что въ тѣлѣ каждаго человѣка, при безпрерывной мѣнѣ вещественныхъ частицъ, есть основной индивидуальный личный типъ, внутренняя основа лица, личная идея. Сія-то идея, исчезающая для нашихъ очей вмѣстѣ съ смертію и тлѣніемъ человѣка,—она-то и встанетъ изъ сихъ могилъ, изъ сихъ разсыпавшихся гробовъ. Она то по всеобщемъ воскресеніи и будетъ тѣло преображенное, претворенное, духовное, неземное, неплотяное, небесное, прославленное..., будетъ прославленное тѣло, если прославится и душа. Тогда изъ сей горы истекутъ сотканые изъ свѣта солнечнаго, изъ бѣлизны снѣга, человѣческіе образы однородные съ свѣтовыми очертаніями Моисея и Ілія на Фаворѣ, однородные съ преобразившимся, обоженнымъ человѣчествомъ Іисуса Христа,—п свѣтелъ облакъ осѣнитъ ихъ и гласъ Отца небеснаго раздастся изъ облака: „сіи чада Мои возлюбленныя, въ которыхъ Мое благоволеніе“... А Господь Іисусъ, являсь во славу пренебесной, срѣтитъ ихъ восхожденіе любезнымъ гласомъ: „прійдите, благословенніи Отца моего, послѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра... Тогда праведницы просвѣтятся, яко солнце, во царствіи Отца небеснаго. Имѣяй уши слышати да слышитъ“...

Поймите же объясняемую связь. Невинный человѣкъ былъ свѣтелъ и призванъ былъ къ восхожденію отъ свѣта земнаго до небеснаго выше и выше безъ конца. Но омрачившись грѣхомъ, человѣкъ сталъ ниспадать отъ мрака къ мраку, ко тмѣ немощей и болѣзней, страстей и пороковъ, смерти временной и муки адской. Чтобъ избавить человѣка отъ адской тмы, ввчный свѣтъ—Сынъ Божій нисшелъ до мрака вочеловѣченія, до мрака человѣческихъ немощей, кромѣ грѣха. Въ Преображеніи Отецъ благоволилъ промелькнуть предъ смертными очами трехъ избраннѣйшихъ апостоловъ свѣтомъ Божества сквозь человѣческое тѣло на столько, на сколько сильны были очи ихъ къ воспріятію этого свѣта, но промелькнулъ для того только, чтобы приготовить ихъ къ встрѣчѣ грозно-мрачныхъ дней Его страстей и смерти, о которой, какъ очистительной жертвѣ, бесѣдовали съ нимъ на Фаворѣ жители неземнаго міра, Моисей и Ілія. Затѣмъ Господу Іисусу предлежало спуститься во мракъ позор-

ной крестной смерти и могилы, наконецъ даже до мрака адской преисподней. Изнигнувъ же оттуда въ воскресеніи, Онъ уже навѣки преобразилъ плоть Свою, воскресивъ съ Собою и все омраченное грѣхомъ человѣческое естество. Въ крещеніи мы умираемъ и воскресаемъ со Христомъ. Въ Евхаристіи причащаемся прискренивъ тѣлу и крови Христовымъ, становясь едино съ Нимъ. Въ грозный часъ смерти ветхимъ нашимъ человѣкомъ умираемъ окончательно, для того чтобы духъ обновленнаго Христомъ человѣка, соединившись въ послѣдній день всеобщаго воскресенія съ существенною основою человѣческаго тѣла, произникъ изъ могилы человѣкомъ на вѣки преобразеннымъ, прославленнымъ, просвѣтленнымъ, духовнымъ, небеснымъ, чтобы свѣтиться лучемъ свѣта Божественнаго въ небесной обители горнихъ свѣтовъ во вѣки вѣковъ.

„Да возсіяетъ же, Господи, тогда, какъ и теперь, и намъ грѣшнымъ свѣтъ Твой присносущный, молитвами Богородицы. Свѣтодавче! Слава Тебѣ“.

Еще разъ скажу. Превосходна мысль освѣтить вершину сей горы, омраченную видомъ смерти и гробоваго тлѣнія, освѣтить церковь во славу Провображенія Господня. Подумайте, это тлѣніе есть не иное что, какъ проовбраженіе. Провображеніе, правда двоякое: одни переходятъ отъ мрака къ свѣту; другіе же отъ мрака тлѣнія къ мраку вѣчно-мучительнаго адскаго существованія... Подумайте, многимъ изъ насъ придется лечь костями здѣсь же и утучнить сію гору своимъ проовбраженіемъ. А всѣмъ придется лечь гдѣ бы то ни было такъ же, какъ легли и лежатъ здѣсь наши сродники. Поглядите мысленными очами на сію гору, какова она будетъ въ послѣдній день воскресенія. Одни поднимутся изъ этихъ могилъ къ небу, какъ лучезарная дуга радуги. Другіе же потекутъ въ глубину ада, разстилаясь надъ его дномъ, какъ непроглядный туманъ, какъ мрачное дымное облако, въ которомъ на вѣки зажжется мрачное адское пламя...

На утрени Провображенія поется одинъ изъ ирмосовъ: „Вскую мя отринулъ еси“... Разсказывали мнѣ въ моемъ дѣтствѣ, что въ одной изъ уединенныхъ церквей на кладбищѣ стали слышать по ночамъ пѣніе. Слышать, кто-то поразительнымъ голосомъ поетъ по ночамъ половину этого ирмоса: „Вскую мя отринулъ еси отъ лица Твоего, Свѣте незаходимый, и покрыла мя есть

чуждая тма окаяннаго "..., а дальше не продолжаетъ, не можетъ. Смѣлый живой человѣкъ остался разъ въ церкви на ночь. Вотъ въ полночь раздастся пѣніе. Вглядывается въ уголокъ церкви, откуда раздастся голосъ; видитъ во мракѣ другой мракъ, мрачнѣе ночи. Оттуда идетъ пѣніе окаянной души раздирающее. Вотъ она стонетъ: „Вскую мя отринуть еси отъ лица Твоего, Свѣте незаходимый, и покрыла мя есть чуждая тма окаяннаго“... Простонала разъ, простонала два, простонала три и останавливается все на тѣхъ же словахъ... Смѣлый живой человѣкъ отъважился и кончилъ ирмосъ: „но обрати мя, и къ свѣту заповѣдей Твоихъ пути моя направи, молюся“. Живой допѣлъ молитву за мертваго, которую, связанный узами смерти безъ покаянія, безсиленъ былъ процѣть за себя мертвый. И какъ только живой докончилъ эту молитву за мертваго, мрачная тѣнь изъ мрачнаго угла церкви двинулась къ алтарю и исчезла въ высотъ иконостаса... Это, конечно, легенда, но легенда поэтически-прекрасная, а главное поразительно-назидательная. Смотрите же, будемъ пѣть, каждый за себя и каждый за всѣхъ: „Вскую мя отринуть еси отъ лица Твоего, Свѣте незаходимый, и покрыла мя есть чуждая тма окаяннаго“. Но, пока она не покрыла насъ окончательно и не связала нашихъ устъ и сердцецъ для молитвы узами смерти, „обрати мя къ себѣ, Свѣте незаходимый, и къ свѣту заповѣдей Твоихъ пути моя направи, молюся“.

„Боже Господи! Да возсіяетъ и намъ грѣшнымъ свѣтъ Твой прясносущный, молитвами Богородицы“. Аминь.

ПРИВѢТСТВЕННЫЯ РѢЧИ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО РОССИИ.

I. Преосвященнаго Никанора, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго *.

Имѣемъ счастье привѣтствовать Тебя, Благочестивѣйшій Великій Государь, вторично въ нашихъ краяхъ. Два года назадъ срътали Тебя на берегу морскомъ, теперь срътаемъ на поляхъ дубравныхъ. Тамъ и здѣсь уготовлялъ и уготовляешь Ты оружіе бранное, тамъ морское, здѣсь полевое, на защиту отечества.

Цѣль жизни есть миръ; но, по роковому закону жизни, неизбежное для достиженія мира орудіе есть война, орудіе, благословляемое Богомъ, когда подымется за правду. И постоянное приготовленіе къ войнѣ — тяжкій, но неизбежный долгъ царей, налагаемый на рамена ихъ самимъ Царемъ царей. Самъ Богъ научаетъ руки царей благочестивыхъ на ополченіе и персты ихъ на брань. Въ свою очередь, научая руки вѣрноподанныхъ на брань—дѣло Господне изволишь дѣлать, Благочестивый Государь, исполняешь царственное служеніе Царю Небесному.

Да будетъ же миръ царства Твоего въ силѣ Твоей, Царь Православный, и обиліе всякихъ благъ въ столпостѣнахъ, въ увѣрленныхъ твердыняхъ, въ бранномъ всеоружіи земли Твоей. Силою своею да возвеселитъ Тебя Господь силъ, и заступникъ

* Сказана при встрѣчѣ Его Величества въ Елисаветградскомъ соборѣ.

нашъ, Богъ Іаковлевъ, да оградитъ Тебя, съ Супругой и Чадами и всѣмъ Царствующимъ Домомъ, на всякомъ пути, аможе аще пойдеша, устроая миръ и благоденствіе, и торжество надъ врагами вѣрноподанной Тебѣ великой державы Твоей.

Господь силъ буди съ Вами всегда и вездѣ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

II. Преосвященнаго Леонтія, архіепископа Холмскаго и Варшавскаго *.

Благочестивѣйшій Государь!

Благословенъ грядый во имя Господне.

Прибытіе Вашего Императорскаго Величества въ градъ нашъ и въ храмъ сей есть событіе великой важности для всего здѣшняго края. Мѣсто это,—древнѣйшее наслѣдіе св. равноапостольнаго Владиміра, было нѣкогда резиденціею знаменитаго въ исторіи князя Даніила Романовича Галицкаго, котораго и останки покоятся здѣсь. И сколько историческихъ воспоминаній пробуждаетъ въ душѣ русскаго человѣка Холмъ, въ давнее время замѣчательный центръ политической и религіозной дѣятельности!

По неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ Холмская Русь въ послѣдствіи подпала иноземному владычеству и инославному влиянію. Болѣе двухъ вѣковъ злосчастная унія наносила здѣсь великій вредъ русской народности, русскому языку и особенно православной вѣрѣ, подвергавшейся уничтоженію, преслѣдованію, искорененію.

Съ прекращеніемъ унії въ недавнее время (1875 г.) Холмская Русь возродилась къ новой жизни. Она получила теченіе правильное, давно желательное. Теперь всюду въ краѣ слышится русская рѣчь, вѣетъ русскимъ духомъ; православіе растетъ и крѣпнеть въ народѣ; патриотизмъ русскій усиливается.

Благочестивѣйшій Государь! Ты первый изъ Русскихъ Царей доставилъ малому между городами Холму счастье лицезрѣть Тебя съ Августѣйшею Царицею и Великими Князьями. Ваше посѣщеніе храма сего, несомнѣнно, будетъ сопровождаться благотворными послѣдствіями,— оно послужитъ къ большому расширенію и укрѣпленію православной вѣры въ воссоединенныхъ чадахъ св. церкви. Народъ воочію убѣдится, что она есть вѣра

* Сказана въ Холмскомъ соборѣ.

Царская, которой держаться нужно крѣпко. Примите же, Ваше Императорское Величество, отъ всей нашей холмской паствы нашу вѣрноподданническую, глубочайшую благодарность за дарованную намъ нынѣ радость и утѣшеніе.

Храмъ сей имѣеть древнѣйшую чудотворную икону Пресвятой Богоматери, именуемую Холмскою. Тысячи богомольцевъ съ разныхъ мѣстъ стекаются сюда для поклоненія ей, особенно 8 сентября. Примѣръ Вашъ окажетъ назидательное вліяніе и усугубитъ благоговѣйное чествованіе святыни.

Усердно молимъ и будемъ молить Царицу Небесную, да блюдетъ Она Ваше Величество, Государыню Императрицу, Наслѣдника Цесаревича, нынѣ Царствующій Домъ въ здравіи, благоденствіи и долголѣтїи на славу и счастье Государства. Аминь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Руководство по исторіи русской церкви. Курсъ V класса духовныхъ семинарій (988—1589) П. Малицкаго — въ связи съ нашей учебной литературой по исторіи русской церкви.

Наши духовныя семинаріи до сихъ поръ не имѣютъ удовлетворительнаго учебника по исторіи русской церкви, хотя она издавна входитъ въ кругъ обязательныхъ предметовъ семинарскаго курса. Это зависитъ отъ многихъ причинъ, главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: 1) сама церковно-историческая наука идетъ въ своемъ развитіи сравнительно быстрыми шагами, такъ что то, что было удовлетворительнымъ лѣтъ 15—20 назадъ, теперь оказывается устарѣвшимъ и слабымъ. Соответственно этому болѣе или менѣе измѣнилась и учебная программа русской церковной исторіи. 2) Полнаго научнаго курса, который обнималъ бы все теченіе церковной жизни въ Россіи отъ начала до самыхъ послѣднихъ временъ, мы еще не имѣемъ ¹⁾. Такимъ образомъ, кто хочетъ составить учебникъ примѣнительно къ семинарской программѣ, тотъ, если хочетъ быть добросовѣстнымъ, долженъ имѣть дѣло съ очень большимъ количествомъ разнообразныхъ изслѣдованій (въ формѣ отдѣльныхъ монографій или журнальныхъ статей, кромѣ курсовъ) иногда съ различными, до противорѣчивости несогласными, взглядами на одинъ и тотъ же предметъ, а подѣ часть, за отсутствіемъ такихъ изслѣдованій или

¹⁾ Исторія русской церкви Е. Голубинскаго обнимаетъ собою только до-монгольскій періодъ, исторія митрополита Макарія заканчивается 1667 г., исторія архіепископа Филарета черниговскаго 1826 годомъ; притомъ же послѣдняя недостаточно полна и во многомъ теперь устарѣла.

въ случаѣ разногласія ихъ показаній, обращаться непосредственно къ источникамъ и раскапывать ихъ матеріалъ (напр. миссіонерскіе отчеты, отчеты г. оберъ-прокурора и т. п.). Все это особенно нужно при изложеніи патриаршаго и синодальнаго періодовъ русской церковной исторіи. Само собою разумѣется, что далеко не всякому это возможно и удобно, а кому удобно, у того работа все-таки подвигается впередъ въ высшей степени медленно, иногда даже неувѣренно. Къ сожалѣнію профессора духовныхъ академій, которымъ при богатствѣ академическихъ библіотекъ была бы всего удобнѣе такая работа, почему то чуждаются ея. Только профессоръ казанской академіи П. Знаменскій среди своихъ ученыхъ работъ не забылъ и нашей школьной нужды, давъ намъ очень полезное — и по отношенію къ синодальному періоду пока незамѣнимое — „Руководство къ русской церковной исторіи“.

Не только мы, преподаватели семинарій, сознаемъ настоятельную нужду въ новомъ учебникѣ по исторіи русской церкви, но и учебный комитетъ при Св. Синодѣ признаетъ ее ³⁾. Въ *руководство* преподавателямъ и воспитанникамъ семинарій онъ даетъ „Сокращенную исторію русской церкви“ архіепископа Филарета черниговскаго и „Руководство“ Знаменскаго, только что нами упомянутое ³⁾. Въ качествѣ учебнаго пособия онъ одобрилъ и мое „Руководство по исторіи русской церкви“ вып. I (1888—1237 г.) и II (1237—1589 г.) ⁴⁾. Ни одно изъ этихъ руководствъ не можетъ служить учебникомъ. „Исторія“ Филарета, обнимая собою только время до синодальнаго періода, не отвѣчаетъ на многіе вопросы, поставленные въ программѣ учебнаго комитета, не соответствуетъ ей въ дѣленіи періодовъ ⁵⁾, въ нѣкоторыхъ параграфахъ очень скудна содержаніемъ и наконецъ заключаетъ въ себѣ не мало историческихъ ошибокъ. „Руководство“ Знаменскаго, обильное своимъ содержаніемъ (кромя развѣ перваго періода), вдается часто въ совершенно излишнія и мелочныя подробности (особенно при изложеніи синодальнаго періода), допускаетъ иногда хронологическія и др. ошибки, синодальный періодъ доводитъ только до времени императора Николая I, при изложеніи не вездѣ строго-умѣренно и прилично-сдержанно въ тонѣ и языкѣ, недостаточно объединяетъ матеріалъ и въ порядкѣ изложенія его нерѣдко отступаетъ отъ программы

³⁾ См. его отзывъ о моемъ «Руководствѣ по исторіи русской церкви» въ «Церк. Вѣстникъ» 1887 г. № 10; ср. объяснит. зап. къ новѣйшей программѣ уч. комит. по исторіи р. церкви для дух. семинарій, стр. 3.

³⁾ См. объясн. зап., стр. 3.

⁴⁾ Определ. 3 сент. 1886.

⁵⁾ Второй періодъ 1237—1410 г. (вмѣсто 1237—1461 г.), четвертый 1589—1721 г. (вмѣсто 1589—1700 г.).

учебнаго комитета; отсюда неудобство пользованія имъ; какъ велико это неудобство, можно судить потому, что часто одинъ небольшой урокъ приходится составлять изъ множества отрывковъ, раскиданныхъ на 8 — 10 различныхъ страничкахъ Руководства (напр. урокъ о положеніи Свят. Синода въ синодальный періодъ, объ епархіальномъ управленіи тогда же и т. п.); особенно неудачно составленъ въ Руководствѣ Знаменскаго синодальный періодъ, гдѣ матеріалъ расположенъ по „степенямъ“ царствованія Государей и Государынь и разбитый по частямъ, не объединенъ выводами въ болѣе или менѣе цѣлостный очеркъ. Мое „Руководство“ обнимаетъ пока только время до учрежденія патріаршества въ Россіи (1589 г.)⁴⁾, причемъ раздѣляетъ исторію церкви не такъ, какъ семинарская программа учебнаго комитета (второй и третій періоды соединяетъ въ одинъ и исторію юго-западной митрополіи рассматриваетъ совмѣстно съ исторіей сѣверной митрополіи) и вообще въ расположеніи матеріала расходится съ ней, матеріала заключаетъ въ себѣ гораздо больше, чѣмъ сколько слѣдуетъ для учебника; такимъ образомъ оно требуетъ и разбитокъ и перестановокъ, соответственныхъ программѣ; наконецъ, по винѣ редакціи „Чтеній въ Общ. любит. дух. просвѣщенія“, гдѣ оно періодически печаталось, оно издаемо неисправно и заключаетъ въ себѣ множество грубыхъ опечатокъ и др. типографскихъ погрѣшностей. При составленіи его я имѣлъ въ виду дать не учебникъ, а только руководство (и развѣ только послѣдствіи передѣлать его въ качествѣ учебника), старался путемъ добросовѣстнаго изученія существующихъ курсовъ и отдѣльныхъ изслѣдованій изложить, насколько возможно, цѣлостно, точно и объективно ходъ церковной жизни въ Россіи; поэтому-то я не осмѣливался говорить въ увѣренномъ тонѣ о томъ, что вызываетъ еще сомнѣніе или насчетъ чего нѣтъ установившихся взглядовъ въ наукѣ (отсюда частыя— особенно въ исторіи перваго періода — такія слова, какъ „кажется“, „вѣроятно“ и т. п.), въ подобныхъ случаяхъ я дѣлалъ въ „приложеніяхъ“ нѣрѣдко указанія на существующія различія въ научныхъ взглядахъ на какой-нибудь предметъ, а съ цѣлью помочь желающимъ изучить обстоятельно церковно-историческій матеріалъ, ввелъ въ „Руководство“ особое „приложеніе“ съ указаніемъ пособій и цитатъ...

Оставаясь при этихъ, разсмотрѣнныхъ сейчасъ, руководствахъ, преподаватель семинаріи вынуждался, какъ умѣлъ, восполнять недостаточное въ одномъ заимствовованіемъ изъ другаго руководства, закрывать пробѣлы, сглаживать недостатки и недоста-

⁴⁾ Въ очень скоромъ времени начнеть печататься патріаршій періодъ (III выпускъ моего «Руководства».)

ющее кое-гдѣ дополнять своими изысканіями изъ различныхъ др. пособій. Работа кропотливая и въ дѣлѣ обученія мало удобная. Въ видахъ устраненія этого-то неудобства преподаватель тульской семинаріи П. Малицкій издалъ въ нынѣшнемъ году „Руководство по исторіи русской церкви, курсъ V класса дух. семинарій“ (1888—1889 г.), составленное примѣнительно къ семинарской программѣ (за очень немногими отступленіями отъ нея). Надежда автора: авось оно сдѣлается учебникомъ въ семинаріяхъ. Въ предисловіи онъ говоритъ такъ: „изученіе русской церковной исторіи безъ руководства, отвѣчающаго требованіямъ программы учебнаго комитета, ведетъ за собою серьезныя неудобства... Ученики съ средними способностями или съ недостаточнымъ общимъ развитіемъ не всегда умѣло могутъ ориентироваться въ данномъ урокѣ, если свѣдѣнія по этому уроку приходится извлекать изъ различныхъ пособій или даже изъ различныхъ страницъ одного руководства. Устраненіе этихъ неудобствъ, въ интересахъ болѣе обстоятельнаго изученія науки, было побужденіемъ для составителя этого курса (Руководства) къ предлагаемому имъ усильному труду. Не задаваясь широкими цѣлями, составитель руководства постарался воспользоваться свѣдѣніями, сдѣлавшимися достояніемъ русской церковно-исторической науки, и расположить ихъ въ системѣ, указанной программой учебнаго комитета“.

Дѣйствительно авторъ удачно (за немногими исключеніями) компоновалъ свѣдѣнія изъ существующихъ руководствъ примѣнительно къ программѣ, такъ что пользоваться его „руководствомъ“ будетъ сравнительно удобно для учениковъ семинарій и по этому, можетъ быть, оно будетъ успѣшно расходиться въ продажѣ, тѣмъ болѣе, что цѣна ему назначена не очень высокая. Но и оно страдаетъ недостатками. Одни изъ нихъ обуславливаются недостатками существующей семинарской программы, другіе явились по винѣ самого автора. Мною замѣчены слѣдующіе недостатки:

1) Расположеніе рубрикъ (или §§) не всегда удачно и принятое дѣленіе не всегда выдерживается. Приведу примѣры. На стр. 36—39 трактуется „о взаимныхъ отношеніяхъ между властями церковною и гражданскою, значеніе іерархіи въ дѣлахъ гражданскихъ и вліяніи государства на церковь“, при чемъ указываются примѣры воздѣйствія на государственную жизнь со стороны и митрополитовъ и епископовъ; дальше на стр. 39—41 идетъ рѣчь объ епархіяхъ, епископахъ и опять особо „объ отношеніи епископовъ къ мѣстнымъ князьямъ“; § „о развитіи обрядности въ религіозной жизни“ до-монгольскаго періода поставленъ особо и прежде параграфа о религіозно-нравственномъ состояніи общества, будучи присоединенъ къ главѣ (IV) о бо-

гослуженіи (стр. 67), между тѣмъ какъ ниже (въ третьемъ періодѣ) этотъ вопросъ разсматривается *въ связи* съ религіозно-нравственнымъ состояніемъ общества (стр. 211 — 214), что по моему мнѣнію, всего логичнѣе и естественнѣе. Параграфъ объ ереси стригольниковъ поставленъ въ *отдѣлѣ о богослуженіи и храмахъ* (стр. 146—148), между тѣмъ какъ ему приличнѣе было бы стоять въ *отдѣлѣ* или о духовномъ просвѣщеніи и хр. ученіи, или о религіозно-нравственномъ состояніи русскаго общества, или объ управленіи въ іерархіи (такъ какъ ересь стригольниковъ имѣла отношеніе къ недостаткамъ тогдашняго духовенства). Правда, во всѣхъ этихъ случаяхъ авторъ слѣдуетъ программѣ учебнаго комитета. Но вѣдь, если онъ сознавалъ непослѣдовательность такого расположенія рубрикъ (или параграфовъ), то такъ же могъ бы отступитъ отъ программы здѣсь, какъ отступилъ въ другихъ случаяхъ, нарушая указываемый ею порядокъ расположенія (напр. на стр. 41—44 о правилѣ Іоанна II послѣ церковныхъ уставовъ, на стр. 53 объ Иларіонѣ послѣ Луки Жидята, на стр. 71 объ „остаткахъ язычества“ раньше „вліянія христіанства на перемѣну нравовъ“ и др.). Укажу еще примѣры непослѣдовательности, гдѣ повиненъ самъ авторъ, а не программа учебнаго комитета. Трактуя о Максимѣ Грекѣ, онъ раскрываетъ его значеніе и труды на литературномъ поприщѣ (въ рубрикѣ „Максимъ Грекъ и его дѣятельность на пользу духовнаго просвѣщенія“), дальше говоритъ о причинахъ *недовольства имъ* (въ рубрикѣ „недовольство Максимомъ“) и наконецъ объ участіи его въ спорѣ Іосифлянъ съ бѣлозерскими старцами (въ *особой* рубрикѣ), при чемъ *опять* указываетъ, въ чемъ Максимъ расходился съ другими и чѣмъ еще вызывалъ въ нихъ *недовольство* (стр. 242 — 245). Говоря о самостоятельной русской литературѣ до-монгольскаго періода, авторъ раздѣляетъ ее только на *полемическій, учительный, догматическій и историческій* отдѣлы (стр. 49). между тѣмъ какъ чрезъ нѣсколько страницъ ниже говоритъ еще о произведеніи *описательнаго* рода (57); при томъ, причисливъ къ *полемическому* отдѣлу м. Никифора, онъ рядомъ съ полемическими указываетъ и *кравоучительныя* его произведенія (50), равно какъ въ отдѣлѣ объ *исторической* литературѣ отмѣчаетъ и *кравоучительное* посланіе Іакова Мниха къ Изяславу (55), а въ отдѣлѣ о *кравоучительной* литературѣ говоритъ и о *полемическомъ* посланіи Феодосія (52); кромѣ этого, какъ мнѣ кажется, нѣтъ даже возможности строго раздѣлять полемическій и догматическій отдѣлы, какъ они раздѣлены у Малицкаго.

2) Авторъ слишкомъ увѣренно говоритъ тамъ и о томъ, гдѣ и о чемъ нѣтъ установившихся взглядовъ въ наукѣ и относительно чего высказываются сомнѣнія со стороны научныхъ авторитетовъ, напр. о Бравалинѣ, какъ о новгородскомъ князѣ

(стр. 3 ср. Голубинскаго 1 пол. I тома, стр. 42—54), о крещеніи Аскольда и Дира (стр. 4 ср. Голубинскаго, стр. 16—33), и Владиміръ въ состояніи языческомъ (стр. 7—8, ср. Голубинскаго 91—137), объ Аврааміи ростовскомъ, какъ дѣятель XI в. (стр. 17 ср. Голубинскаго I т. 2 пол., стр. 645—652), о словахъ Ростислава митр. Іоанну IV (но Татищеву, вообще сомнительному въ своихъ показаніяхъ, стр. 34—35 ср. Голубинскаго I, I пол. 272—273), о школахъ въ домонгольскій періодъ (опять по Татищеву—стр. 46, ср. Голубинскаго 709—715), о количествѣ сочиненій преп. Θεодосія киевпечерскаго и о принадлежности ему посланія къ Изяславу (стр. 51—52—ср. Макарія (10 поученіе) и Голубинскаго (7 поученій) стр. 673—676, 699—700), о количествѣ всѣхъ митрополитовъ домонгольскаго періода (25 челов.) и грековъ между ними (22 чел., стр. 31, ср. Голубинскаго 246—253; въ каталогѣ Л. Кривыи ихъ всѣхъ 21, у Макарія 23, у Голубинскаго 24).

3) Встрѣчаются взаимно-несогласныя и противорѣчивыя мѣста. Напр. на стр. 34 преемникомъ митр. Θεодора († 1163 г.) названъ Іоаннъ III, между тѣмъ какъ на стр. 31 онъ отнесенъ къ XI вѣку (1089). На стр. 13 сказано, что первый періодъ былъ временемъ *полной* зависимости русской церкви отъ константинопольскаго патріарха; на стр. 35 эта зависимость названа *въ высшей степени легкой* и замѣчено, что „на внутреннія дѣла русской церкви патріархъ не могъ имѣть *сильнаго вліянія*...“; подобныя же образцы на стр. 129, гдѣ говорится объ отношеніи р. митрополита къ константинопольскому патріарху во второй періодъ, читаемъ: „его зависимость отъ патріарха *по прежнему носила номинальный характеръ*“. На стр. 43, указавъ источники доходовъ для епископскихъ кафедръ, авторъ замѣчаетъ: „но всѣ эти доходныя статьи были источникомъ содержанія высшаго духовенства; низшее духовенство *не имѣло къ нимъ никакого отношенія*; а между тѣмъ на слѣдующей страницѣ среди источниковъ содержанія низшаго духовенства указаны и нѣкоторые такіе, какіе показаны выше для епископовъ, напр. вѣсція пошлины.

4) Встрѣчаются историческія и хронологическія ошибки или неточности. Напр. на стр. 68 митрополитомъ, оправдавшимъ ростовскаго епископа Нестора (это было въ 1157 г. см. Голубинскаго 558), названъ Θεодоръ, а долженъ быть названъ Константинъ I (1156—1159); о хронографѣ Іоанна Малалы замѣчено, что онъ похожъ по содержанію на Палею (стр. 49), годъ смерти царевича Петра Ордынскаго поставленъ 1390 вмѣсто 1288 (ошибка на двѣе столѣтіе); Борисъ Васильковичъ ростовскій названъ племянникомъ Михаила Всеволодовича Черниговскаго (92), между тѣмъ какъ онъ былъ его внукомъ, отъ дочери

его Марія (см. Толстаго рассказы изъ ист. р. церкви 1873 г., стр. 113, 102 и 108; историч. словарь о святыхъ, прославл. въ р. церкви Спб. 1862 г., стр. 166 и др.); днемъ мученической кончины Евстаѣя литовскаго помѣчено 15 декабря вмѣсто 13 (стр. 100 ср. Толстаго 160; Историч. словарь 30 и др.); на стр. 198 ошибочно сказано: „судъ по дѣламъ духовнымъ находился (только) при кафедрѣ епархіальнаго архіерея“ (ср. моего руков. II вып. прилож. прим. 157, стр. VII, Перова Епарх. учрежд. въ Россіи Ряз. 1882 г., стр. 169, 172—173); на стр. 129 неточно названа номинальною зависимость русской митрополичьей кафедры отъ константиноп. патріарха во второй періодъ р. церкви (1237—1461 г.); это справедливо только въ отношеніи къ концу даннаго періода (XV в.); въ XIII же и XIV конс. патріархъ приглашалъ иногда на соборы къ себѣ р. митрополитовъ или ихъ уполномоченныхъ, принималъ жалобы на митрополитовъ, наряжалъ судъ надъ нѣкоторыми изъ нихъ (Романомъ, Алексіемъ, Пименомъ), иногда вызывалъ ихъ къ себѣ на судъ (Кипріана) и низлагалъ (Пимена), награждалъ русскихъ епископовъ архіепископскимъ саномъ (Діонисія суздальскаго и Феодора ростовскаго) разсылалъ въ предѣлы Россіи грамоты по разнымъ вопросамъ; русскіе сами нерѣдко обращались къ нему за разрѣшеніемъ недоумѣній, митрополиты иногда являлись на патріаршихъ соборахъ (Максимъ, Кипріанъ) ср. моего руков. II вып., стр. 33).

5) Правильный и чистый вообще языкъ Малицкаго допускаетъ иногда неудачныя выраженія, напр. „любочестіе и честолюбіе“ (56), „огрубляло“ (72) и т. п.

6) Наконецъ важнѣйшимъ недостаткомъ, который проходитъ чрезъ все „Руководство“ г. Малицкаго и плохо рекомендуетъ его самого, недостаткомъ, предъ которымъ сглаживаются всѣ остальные, служить пристрастное пользованіе пособиями. Хотя онъ въ примѣчаніи къ предисловію и говоритъ, что „главнѣйшими пособиями къ составленію руководства“ служили: исторія Голубинскаго, Макарія, Филарета Черниг., руководства Знаменскаго, Доброуравина и Доброклонскаго, труды Кояловича, Чистовича, Аскоченскаго, Порфирьева и многія журнальныя статьи, но на самомъ дѣлѣ онъ обыкновенно довольствуется лишь руководствами Знаменскаго, моимъ и сокращенной исторіей Филарета Черниговскаго; если когда онъ открывается отъ нихъ и заглядываетъ въ другія пособия, то это является вообще очень рѣдкимъ исключеніемъ (напр. стр. 95, 119, 144—5, 187—292 и др.); развѣ только послѣдняя глава—о южно-русской митрополіи—представляетъ собою въ этомъ отношеніи особенность: авторъ здѣсь сравнительно чаще за-

глядываетъ въ Макарія, Чистовича и Кояловича, и это вѣроятно потому, что о южно-русской митрополіи въ исторіи Филарета сказано очень недостаточно, въ моемъ руководствѣ еще меньше (такъ какъ разсматривается ея состояніе: 1) въ связи съ исторіей сѣверной митрополіи и 2) за время до 1589 г., а не до 1654 г., какъ требуется программой учебнаго комитета для V класса семинарій), такимъ образомъ изъ руководства оставалось у автора подъ руками одно руководство Знаменскаго, а этого казалось мало. Притомъ же имѣя обыкновенно дѣло только съ указанными тремя руководствами, авторъ обращается съ ними въ высшей степени безцеремонно. Онъ или своими словами по плану какого-нибудь изъ нихъ излагаетъ тотъ или другой вопросъ, не сообщая новыхъ свѣдѣній, или же—что еще чаще—дѣлаетъ буквальные выписки изъ нихъ и группируетъ, приправляя своими сокращеніями или разсужденіями, недающими ничего фактически новаго. Буквальные выписки встрѣчаются изъ всѣхъ означенныхъ (трехъ) руководствъ, но наиболѣе часто изъ Знаменскаго и моего ⁷⁾).

Даже въ наиболѣе самостоятельно составленной главѣ—о юго-западной митрополіи—и тамъ нерѣдко встрѣчаются буквальные заимствованія изъ Руководства Знаменскаго. Отъ такого отношенія къ руководствамъ и произошли нѣкоторыя изъ отмѣченныхъ мною раньше ошибокъ г. Малицкаго. Напр. митр. Феодора вмѣсто Константина I онъ ошибочно поставилъ, послѣдовавъ моему руководству, куда вкралась эта ошибка (см. стр. 96 моего руков.) и откуда Малицкій заимствовалъ исторію споровъ о постѣ. Ошибочное названіе Бориса Васильевича племянникомъ Михаила Всеволодовича объясняется тѣмъ, что въ „сокращ. исторіи“ Филарета, которою въ данномъ случаѣ пользовался авторъ, находится эта ошибка (стр. 57). Этимъ же

⁷⁾ Укажу нѣкоторыя изъ тѣхъ буквальныхъ заимствованій или очень близкихъ компиляцій, какія я успѣлъ замѣтить при бѣгломъ чтеніи руководства Малицкаго Стр. 7—8 (ср. Знаменскаго по изд. 1886 г., стр. 5—6), стр. 9 (Знаменскаго 6, Филарета 9), стр. 10 (моего I вып. 9, Знаменск. 7), 11 (Знам. тамъ же Филарета 11), 16 (Знам. 8), 20—21 (тамъ же 14—15), 41 (моего рук. I вып. стр. 46), 62 (тамъ же 23—24), 65—66 (тамъ же 100—103), 68—69 (тамъ же 97—99), 92—93 (Филар. 57, моего II вып., стр. 3), 94 (моего тамъ же 6), 96—97 (тамъ же 14—16), 100 (тамъ же 11), 103 (тамъ же 174), 104 (тамъ же 168—169), 115—116 (тамъ же 25—26), 122 (тамъ же 169—170), 132—137 (Знаменскаго 68—70), 139 (моего II, 198), 141—142 (тамъ же 205—206), 149—153 (Знам. 91—93, моего II, 233), 156 (моего 264), 165—166 (Знаменск. 77, 93—94, особенно стр. 110 изд. 1880 г., моего 281), 178 (Знам. 101—102), 180 (моего 18—19, (Знаменск. 101—102), 181—185 (Знам. 103—106 и моего 9 и слѣд.), 197 (Знам. 115), 211—214 (моего 238—239), 220—221 (Знам. 121—122) 223—224 (моего 251—254), 229—237 (Знам. 137—143), 248 (тамъ же 154—155 и моего 165—167), 251—252 (моего 172—173), 264 (Знам. 162), 267—268 (тамъ же 163) и др.

объясняется иногда тотъ увѣренный тонъ, которымъ авторъ говоритъ о темныхъ и спорныхъ предметахъ. Напр. когда онъ сообщаетъ, что „изъ 25 митрополитовъ домонгольскаго періода 22 были изъ грековъ“, то онъ заимствуетъ это у Знаменскаго (стр. 20—21). Подъ вліяніемъ того же Знаменскаго онъ говоритъ очень увѣренно о Ібрагимѣ, какъ новгородскомъ князѣ (Знаменскаго изд. 1880 г., стр. 2), о Владимірѣ, какъ язычникѣ (стр. 4), о словахъ Ростислава митр. Іоанну (стр. 24) о шюлахъ домонгольскаго періода (53) и т. п., хотя подобныя свѣдѣнія вовсе не успѣли еще стать „достояніемъ церковно-исторической науки“ (ср. выше). При такомъ пользованіи пособиями руководство автора, какъ нибудь сшито хорошо, все-таки сшито изъ разныхъ клочковъ, собранныхъ со стороны, и въ этомъ видѣ такъ же странно, какъ странно была бы одежда, сшитая изъ разноцвѣтныхъ мелкихъ кусковъ, вырванныхъ изъ другихъ одеждъ.

Преподаватель семинаріи А. Доброклонскій.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ВѢРОТЕРПИМОСТЬ ВЪ АВСТРИИ.

Австро-Венгрія, гордясь своими конституціонными „вольностями“, считается въ числѣ державъ, допускающихъ безграничную вѣротерпимость. Къ чему сводится на дѣлѣ эта „вѣротерпимость“, можно видѣть изъ слѣдующаго письма вѣнскаго корреспондента „Новостей“.

Славянинъ, задумавшій такое дѣло, (т.-е. переходъ въ православіе) пойдетъ въ Вѣнѣ къ православному священнику-греку при церкви Св. Троицы, но здѣсь его ждетъ отказъ. Послѣ пріема въ 1885 году нѣсколькихъ интеллигентныхъ чеховъ въ православіе, этому священнику теперь запрещено австрійскимъ правительствомъ принимать неофитовъ. Священникъ второй вѣнской греческой церкви, будучи подчиненъ константинопольскому патріарху, пока храбрится и принимаетъ въ лоно православія заблудшихъ овецъ, такъ что дѣло перехода въ православіе въ Вѣнѣ еще кое-какъ возможно. Но, посмотримъ, легко ли это осуществляется въ провинціи. Не слѣдуетъ забывать, что на такой шагъ рѣшается не знать и богачи, а по большей части сельчане, ремесленники, мелкіе торговцы, журналисты и адвокаты, т.-е. люди, зарабатывающіе себѣ хлѣбъ трудами своихъ рукъ. И вотъ, такому человѣку, дѣйствующему, какъ будто, свободно, является необходимость совершать изъ Чехіи и Моравіи или изъ Вѣны дорого стоющую поѣздку въ Далмацію или Буковину и тамъ обращаться къ содѣйствію православнаго духовенства!.. Если же примемъ въ расчетъ, что переходящій въ православіе славянинъ увлекаетъ за собой свою семью, то расходы надо удвоить, утроить. Переходъ австрійскаго славянина въ православіе составляетъ для него не только духовный, но и матеріальный подвигъ!

Не нужно забывать, что обращеніе въ православіе, съ австро-венгерской точки зрѣнія, составляетъ, кромѣ того, чуть ли не государственную измѣну или, по крайней мѣрѣ, весьма и весьма подозрительный поступокъ.

Газета „Свѣтъ“, по поводу только что приведеннаго нами отрывка изъ „Новостей“, замѣчаетъ:

Русскихъ укоряютъ въ Западной Европѣ въ отсутствіи вѣротерпимости. Между тѣмъ, нѣтъ страны, которая доводила вѣротерпимость до той степени, до которой она доведена въ современной Россіи. Лучшая улица въ столицѣ Россіи, въ Петербургѣ,

Невскій проспектъ въ лучшей своей части, отъ Полицейскаго моста до Анничковскаго дворца—есть ничто иное, какъ выставка церквей всевозможныхъ вѣроисповѣданій. Одному православному храму Казанской Божіей Матери противопоставлены иновѣрческія церкви: голландская, реформатская, лютеранская, финская, римско-католическая, армянская и все это сгруппировано въ самомъ средоточіи столицы. Какая же можетъ быть большая терпимость? Между тѣмъ, когда русскіе хотѣли построить православную церковь въ Парижѣ и хотѣли приобрести мѣсто на одномъ изъ центральныхъ парижскихъ бульваровъ (С. Мартенъ), парижское городское управленіе, римско-католическая іерархія и Наполеонъ III не допустили православной церкви на видномъ мѣстѣ и постарались запрятать ее въ улицу Дарю, находящуюся далеко отъ центра города и въ сторонѣ отъ прямыхъ сообщеній. Въ Вѣнѣ же до сихъ поръ нѣтъ надлежащей православной церкви, хотя въ этомъ городѣ не менѣе 50,000 православныхъ славянъ, преимущественно сербовъ! Власть всегда находитъ препятствіе къ постройкѣ въ Вѣнѣ православной церкви!...

Мы же въ Россіи не только даемъ свободу пропаганды христіанскимъ сектамъ и нѣкоторыя изъ нихъ, наприм. лютеранскую, ставимъ даже на большую высоту, но и возвышаемъ на окраинахъ, на Кавказѣ, въ Биргизской степи, въ Туркестанѣ, всѣ мѣстныя исповѣданія, не исключая магометанскаго.

ОТЪ АБИССИНСКОЙ МИССИИ.

Съ благословенія Святѣйшаго Синода на дняхъ я отправляюсь на восточный берегъ Африки, въ Абиссинію. Тамъ къ юго-западу отъ французскаго порта Обокъ и къ сѣверо-западу отъ англійскаго поселенія Зейла, на Индійскомъ Океанѣ, наши православные казаки zaloжили станицу подъ дорогимъ намъ именемъ Москва и подняли тамъ русскій флагъ.

Во вновь возникшей Москвѣ, на приличномъ для святыни мѣстѣ, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ принятыхъ православною церковью, мы получили благословеніе Святѣйшаго Синода приступить къ устройству храма во имя Св. Пророка Предтечи и Крестителя Іоанна.

Помогите, православные, этому святому дѣлу!

Всякому понятно, что значить жить русскому человѣку безъ православнаго храма и вдали отъ отечества. Храмъ вообще для русскаго человѣка—тихое пристанище и въ горѣ и счастья; но вдали отъ отечества храмъ для русскаго человѣка и твердыня и оплотъ.

Католики и протестанты, преслѣдуя свои политическіе интересы и задачи, шлютъ въ Абиссинію въ свои порты и поселе-

нія своихъ епископовъ, строить храмы, основываютъ семинаріи и различныя школы, съ тѣмъ, чтобы завлечь въ послѣднія абиссинцевъ и, селонивъ ихъ въ свое лжеученіе, сдѣлать ихъ орудіями своей политики.

Мы же ѣдемъ туда безо всякой задней мысли, съ единственною цѣлюю выполнить тамъ святую задачу—построить въ Абиссиніи благолѣпный православный храмъ, при помощи русскихъ людей, украситъ его такъ, чтобы онъ въ той Москвѣ напоминалъ намъ златоглавую нашу Москву и показать абиссинцамъ наше православное богослуженіе, наши въ немъ порядки и нерушимость сохранившагося въ немъ древняго многовѣковаго преданія. Самъ абиссинскій народъ со своимъ царемъ прислалъ къ намъ своихъ пословъ и чрезъ нихъ просилъ насъ стать къ абиссинцамъ въ близкія религіозныя отношенія, пожалѣть ихъ какъ родственныхъ намъ по вѣрѣ братьевъ, въ теченіе многихъ вѣковъ разобщенныхъ съ истиннымъ православіемъ.

Православная Россія, а въ особенности Москва, какъ сердце Руси великой, всегда откликалась на нужды религіозныя. Она и теперь можетъ пособить своей младшей сестрѣ, находящейся отъ нея на нѣсколько тысячъ верстъ, но обращающей къ ней свои взоры, полныя ожиданія той благодати, которая осѣнитъ ее изъ св. православной русской церкви.

При храмѣ, конечно, должна быть и колокольня и колокола, священные одежды и облаченія, иконы и вся церковная утварь. А потому все, какъ и чѣмъ кто ни пожертвуетъ, будетъ принято съ глубокою благодарностью. Дѣло уже близко къ осуществленію. Сдѣланы уже необходимыя заказы для того, чтобы воздвигнуть достойнымъ и благолѣпнымъ образомъ новый русскій православный храмъ на берегахъ Африки. Планъ храма уже готовъ, а на заводѣ г. Финляндскаго уже отливаются колокола какъ для нашего русскаго храма въ Абиссиніи, такъ и для абиссинскаго храма въ Иерусалимѣ, который приметъ московскіе колокола какъ первый драгоцѣнный даръ изъ рукъ православной Россіи.

А потому время не терпитъ и всѣ истинно-православные русскіе люди несомнѣнно поторопятся принести свою посильную лепту на это святое дѣло.

Пожертвованія съ разрѣшенія Св. Синода и съ благословенія высокопреосвященнѣйшаго Исидора, митрополита с.-петербургскаго и новгородскаго, могутъ быть присылаемы мнѣ (Полянка, Афонское подворье), а по отбытіи моемъ изъ Москвы въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“.

Архимандритъ Паисій. Начальникъ ново-открытой миссіи въ Абиссиніи.

Москва, 11 сентября 1888 года.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ КНИГА:

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ АКСАКОВЪ ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ

Училищные и служебные годы

съ 1839 по 1851 годъ.

Цѣна обоемъ томаъ 4 руб. безъ пересылки; на пересылку 60 коп. Складъ изданія въ типографіи М. Г. Волчаннова, Москва, Большой Чернышевскій пер., домъ Пустошкина. Книгопродавцамъ 25% уступки.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЮТСЯ СОЧИНЕНІЯ И. С. АКСАКОВА:

- „Сборникъ стихотвореній“. (Съ портретомъ автора). На вел. бум. 2 руб. на обыкн. 1 руб. 50 коп., на пер. 25 коп.
„Биографія Ѳ. И. Тютчева“. (съ портретомъ Ѳ. И. Тютчева). На вел. бум. 1 руб. 50 коп., на обыкн. 1 руб., на пер. 25 коп.

Статьи изъ „Дня“, „Москвы“ и „Руси“.

- Томъ I. „Славянскій вопросъ.“
Томъ II. „Славянофильство и западничество.“
Томъ III. „Польскій вопросъ и Западно-Русское дѣло. Еврейскій вопросъ.“
Томъ IV. „Общественные вопросы по церковнымъ дѣламъ. Свобода слова.—Судебный вопросъ.—Общественное воспитаніе.“
Томъ V. „Государственный и Земскій вопросъ.—Статьи о нѣкоторыхъ событіяхъ.“
Томъ VI. „Прибалтійскій вопросъ. — Внутреннія дѣла Россіи. — Введеніе къ украинскимъ ярмаркамъ.“
Томъ VIII. „Общеввропейская политика. — Статьи разнаго содержанія“.

Цѣна каждому тому на обыкновенной бумагѣ — 1 руб. 50 коп., на веленев. 2 руб. 50 коп., на пересылку—50 коп.

Продаются въ книжн. маг. „Новое Время“ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и настанціяхъ желѣзныхъ дорогъ.

Тамъ же можно получать книгу „Сборникъ статей по случаю кончины И. С. Аксакова“. Цѣна 1 руб., на пересылку 20 коп.

Отъ Московскаго Духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Сентября 23-го дня 1888 года.

Цензоръ свящ. *Іоаннъ Петропавловскій.*

ПРЕОБРАЖЕНІЕ ГОСПОДА *.

Разборъ гипотезъ, стремящихся объяснить фактъ Преображенія естественнымъ путемъ.

Положительное объясненіе событія на горѣ приводитъ насъ къ убѣжденію, что достовѣрность его не подлежитъ никакому сомнѣнію, если мы допускаемъ бытіе личнаго Бога и признаемъ Иисуса Христа воплотившимся Сыномъ Божиимъ. Чтобы понять фактъ, мы должны встать на ту точку зрѣнія, съ которой его слѣдуетъ разсматривать, перейти въ ту область, къ какой онъ принадлежитъ по своимъ свойствамъ. Когда мы будемъ подводить всѣ жизненные процессы подъ законы механики или физики вообще, получится не научное объясненіе дѣла, а лишь искаженіе предмета. Чтобы быть твердымъ въ своихъ воззрѣніяхъ, нужно еще напередъ доказать незаконность причисленія какого-нибудь феномена къ данной группѣ явленій и принадлежность его совсѣмъ къ другому классу. Посему, если скептическая критика не признаетъ событія Преображенія въ томъ видѣ и въ той обстановкѣ, какъ объ немъ передаютъ Евангелія, то она дѣлаетъ совершенно неосновательную попытку приурочить его къ иной сферѣ чисто чловѣческихъ отношеній, не разрушивъ прежде истинности тѣхъ основныхъ положеній, на которыхъ зиждется философская достовѣрность евангельскаго чуда. Атеизмъ или пантеизмъ должны быть уже аксіомою, чтобы отрицаніе не было пустою фикціей, вымысломъ несдерживаемой разумными началами фантазіи. Но именно критикамъ и не

* См. «Прав. Обзоръ» август. кн. текущаго года.

удается до сихъ поръ опровергнуть справедливость библейской точки зрѣнія; а пока остаются несомнѣнными бытіе Бога личнаго и возможность воплощенія Сына Его, всякое пониманіе евангельскихъ событій въ смыслъ естественныхъ происшествій не будетъ имѣть научнаго характера. Въ силу этого разборъ отрицательныхъ гипотезъ по вопросу о Преображеніи Господа позволителенъ только какъ отрицательное доказательство въ пользу его объективной реальности; единственно этою цѣлью оправдывается и появленіе его въ настоящемъ изслѣдованіи, гдѣ критика взглядовъ скептической экзегетики мыслима только въ видѣ апологетики.

Исторія представляетъ намъ нѣсколько попытокъ естественнаго объясненія факта Преображенія, одинаково несостоятельныхъ, хотя и принадлежавшихъ людямъ противоположныхъ направленій. Къ одной категоріи относится гипотеза видѣнія, признающая отчасти какой-то сверхъ-естественный актъ въ формѣ божественнаго дѣйствія на духъ апостоловъ; за нею слѣдуетъ грубо-натуралистическая гипотеза Павлюса, усиливающаяся вывести чудесное событіе изъ обыкновенныхъ явленій природы; Штраусъ съ Кеймомъ и Вейсе отрицаютъ всякое историческое зерно въ синоптическомъ разсказѣ о происшествіи на горѣ, причисляя его къ области мифа или аллегоріи. Въ своемъ разборѣ и мы будемъ держаться этой послѣдовательности.

а) Гипотеза видѣнія.

Сущность гипотезы видѣнія сводится къ тому, что Преображеніе Господа со всѣми сопровождавшими его обстоятельствами признается не объективнымъ феноменомъ, а лишь субъективнымъ состояніемъ апостоловъ. Въ этой гипотезѣ можно различать два оттѣнка: одни ученые не придаютъ синоптическому повѣствованію характера чудеснаго (Неандеръ), другіе же (Вейсъ) полагаютъ причину видѣнія учениковъ въ особенномъ воздѣйствіи Бога на души участниковъ событія. Въ своихъ воззрѣніяхъ Неандеръ основывается главнымъ образомъ на замѣчаніи ев. Луки о томъ, что *Петръ и бывшіе съ нимъ отячены были сномъ* (9, 3). По нему дѣло было такъ. Когда Іисусъ Христосъ взошелъ на гору, Онъ сталъ молиться вмѣстѣ съ своими спут-

никами. Здѣсь рѣчь шла о тѣхъ же предметахъ, которые и раньше служили темою бесѣдъ Господа съ учениками: дальнѣйшій ходъ развитія царства Божія, предстоящія страданія и т. п.—вотъ что произвело сильное впечатлѣніе на умъ трехъ апостоловъ. Въ такомъ настроеніи Петръ, Іаковъ и Іоаннъ заснули, и имъ явился тогда Христосъ во славу Своею, въ сопровожденіи Моисея и Ілліи. Иллюзія была такъ велика, что и по пробужденіи они оставались на мгновеніе въ нѣкоторомъ самообольщеніи, объективировали свои сонныя грезы и сочли ихъ за дѣйствительное происшествіе ⁹⁰⁾.—Гдѣ данныя для этой теоріи? Ихъ нѣтъ и быть не можетъ, потому что Неандеръ предполагаетъ чудо больше настоящаго, евангельскаго. Опытъ не представляетъ никакихъ аналогій, гдѣ было бы хотя что-нибудь подобное такому странному феномену. Такая необыкновенная объективация мыслима только у человѣка, страдающаго психическимъ расстройствомъ; физически и душевно здоровый индивидуумъ никогда этого не испытываетъ. Не говоримъ уже о томъ, что предполагаемые Неандеромъ прецеденты не достаточны для пониманія происхожденія исторіи Преображенія, а замѣтимъ только, что они выдуманы самимъ ученымъ, который вопреки всякому научному методу хочетъ объяснить данное неизвѣстнымъ, тогда какъ должно быть наоборотъ. Если сназуть, что эти нисы выведены изъ самаго факта, то въ разсужденіяхъ получится кругъ, ибо явленіе будетъ объясняться изъ него же самого. Положимъ, законно отъ дѣйствій заключать къ причинамъ, но для этого нужно имѣть аналогіи опыта и умѣть сдѣлать логически состоятельный обратный выводъ. Ни того, ни другаго у Неандера нѣтъ: прецеденты не достаточны для пониманія событія и заставляютъ признать нѣчто невозможное, по крайней мѣрѣ, нигдѣ небывающее. Затѣмъ съ точки зрѣнія Неандера совсѣмъ непостижимо, почему Іисусъ Христосъ не выставилъ дѣла въ истинномъ свѣтѣ, когда онъ зналъ о заблужденіи апостоловъ. Этого недоумѣнія не разрѣшить намъ никакая теорія, не дерзающая посягать на Божественное достоинство личности Спасителя. Наконецъ, непостижимую загадку въ ученіи защитниковъ визионерства составляетъ то обстоятельство, что всѣ три уче-

⁹⁰⁾ Neander. Das L. I. Chr. S. 515—516.

ника имѣли одно видѣніе, въ одинаковой формѣ и съ одинаковыми подробностями, что психологически немыслимо. Неандеръ думаетъ устранить эту трудность, приписавши разсказъ о Преображеніи Господа только ап. Петру¹⁾, но эта догадка противорѣчитъ Евангелію, гдѣ ясно говорится о трехъ лицахъ, и влечетъ за собою еще большія неудобства, поскольку допускаетъ, что и Іаковъ и Іоаннъ впоследствии раздѣляли вѣру въ событіе, какъ фактъ реальный. Правда, синоптики особенно выдвигаютъ ап. Петра, но онъ является у нихъ выразителемъ чувствъ всѣхъ своихъ сотоварищей (хорошо *намъ*: Мө., Мр. и Лука; *сдѣлаемъ*: Мр. и Лука), что бывало и при нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ (Мө. 16, 16—17 и парал. Ср. 16, 20). Этотъ фактъ вызываетъ нѣкоторое видоизмѣненіе гипотезы визионерства и именно въ такомъ смыслѣ. Видѣніе обязано своимъ происхожденіемъ не одному только чисто субъективному настроенію учениковъ: послѣднее только предуготовило ихъ къ воспріятію особеннаго дѣйствія Бога, каковое и отпечатлѣлось въ сознаніи апостоловъ, какъ необычайное Преображеніе Господа²⁾. Здѣсь имѣется въ виду объяснить два обстоятельства: во 1-хъ, непонятное при Неандеровскомъ воззрѣніи поведеніе Спасителя и, во 2-хъ, сходство видѣній у трехъ лицъ. Спрашивается теперь: требуется ли такое предположеніе двумя указанными фактами? Почему бы не остаться при томъ взглядѣ на дѣло, какой дается священными повѣствователями? Допуская реальность событія Преображенія, мы точно также объяснимъ себѣ эти недоумѣнія съ тѣмъ лишь различіемъ, что будемъ въ полномъ согласіи съ сужденіями евангелистовъ. Да и вообще странно думать, будто Спаситель нашелъ нужнымъ увѣрить апостоловъ въ реальности небывалаго явленія. Если это было необходимо для дѣлей наученія, то ихъ всегда можно было достигнуть и безъ такой *ria fraus*, невы-

¹⁾ Ср. *Gabler*. *Neuest. theolog. journal*. 1798. 1 Bnd. 5 St. S. 511. 517 sqq.

²⁾ *Weiss*. *Das Leben Jesu*. S. S. 311—312. *Blaeck* (Op. cit. S. S. 66—67) в *Meuser* (*Comp. über Matth.* S. 335) раздѣляютъ визионерную гипотезу только на половину, по отношенію къ явленію Моисея и Ілліи. Само собою понятно, что эти ученые подпадаютъ тому же суду, какому подлежатъ и выдержанные послѣдователи теоріи видѣнія. Кромѣ того, къ *Blaeck* и *Meuser* вполне применимы тѣ замѣчанія, какія были сдѣланы нами выше о *Кеймъ* (стр. 29) и *Ольстаузенъ* (стр. 64—65) по другому случаю.

слимой въ Богочеловѣкѣ. Положимъ даже, что нужно было дать ученикамъ фактъ реальный; зачѣмъ же тутъ обманъ и почему не настоящая объективность? Имѣя власть и силу произвести чудесное воздѣйствіе, Иисусъ Христосъ могъ конечно вызвать и чудесное явленіе. Послѣдній путь болѣе прямой, болѣе вѣрный и сообразный съ святостію и правдою Богочеловѣка и слѣдовательно болѣе естественный. Такимъ образомъ гипотеза Вейса не только не уничтожаетъ прежнихъ затрудненій, но создаетъ новыя, не менѣе значительныя. Но она не ограничивается этимъ; виды ея простираются гораздо дальше и основанія гораздо глубже. Вейса поражаетъ, какъ апостолы поняли явленіе, когда въ своей объективной формѣ оно ничего не говорило бы имъ о божественной славѣ Христа. Очевидцы, по мнѣнію ученаго, „знали бы тогда, что съ Учителемъ совершилось чудо, но смыслъ его долженъ былъ остаться для нихъ совершенно неизвѣстнымъ, потому что естественный блескъ ни въ какомъ случаѣ не есть небесное Преображеніе, въ какомъ Иисусъ обѣщалъ придти“ ²²). Этотъ существеннѣйшій въ нашемъ вопросѣ фактъ можетъ найти свое объясненіе только въ признаки произведеннаго Богомъ видѣнія: тамъ вмѣстѣ съ самымъ явленіемъ дано и его пониманіе, ибо „просвѣщенное Богомъ духовное око само собою постигаетъ истинный смыслъ того, что тѣлесный глазъ, закрытый на время для вѣшняго міра, принимаетъ за чудесный, объективно созерцаемый образъ“ ²³). Кажется это же соображеніе побудило и Тертуліана склоняться къ визионерному воззрѣнію на Преображеніе. „Какъ,—спрашиваетъ онъ,—Петръ узналъ Моисея и Илію, если только не духовно“ (*Quomodo enim Moysen et Helian cognovisset, nisi in spiritu*) ²⁴)? Все дѣло здѣсь въ неправильномъ взглядѣ на вѣшнее, какъ на несущественное; свѣтъ, пусть онъ и чудесный, есть все же свѣтъ физическій и... смысла въ себѣ не заключаетъ. Тотъ ли это? Мы говорили раньше о символичѣ народныхъ, представляющихъ себѣ Божество свѣтлымъ, окруженнымъ ореоломъ блеска. Уже одно это показываетъ, что форма неразрывна здѣсь съ самою сущностію: послѣдняя безъ

²²) *Weiss*. Das L. I. S. 308.

²³) *Weiss*. Ibid. S. 307.

²⁴) *Contra Marcionem*. I. IV, cap. 22.

первой даже немислима, поскольку рѣчь идетъ о Верховномъ Началѣ, неподлежащемъ конечнымъ опредѣленіямъ. Поэтому-то и Иисусъ Христосъ при изображеніи Своего Божественнаго величія пользуется языкомъ образовъ, чтобы приблизить слушателей къ постиженію этого высокаго предмета. Когда же потребовалось фактическое завѣреніе въ дѣйствительности Его божественнаго происхожденія, Спаситель является просіявшимъ; это должно было быть такъ же понятно ученикамъ, какъ и его метафорическое слово; только здѣсь присоединилось самое дѣло, реальное преображеніе, и доказательство становилось тѣмъ несомнѣннѣе. Теорія Вейса оказывается теперь совсѣмъ ненужною; синоптическій рассказъ легко объясняется и безъ *rigaus* въ томъ видѣ, какъ излагаютъ евангелисты, а они считаютъ его за дѣйствительное сверхъ-естественное событіе. Последнее обстоятельство заставляетъ Вейса предположить, что апостолы объективировали свои видѣнія, ибо *для нихъ* они были дѣйствительными внѣшними происшествіями⁹⁴⁾. Это возможно лишь въ томъ случаѣ, когда мы признаемъ принудительность божественнаго воздѣйствія въ смыслѣ насилія надъ человѣческой природой, когда человѣкъ лишается способности различенія внутренняго отъ объективнаго. Здѣсь личность уже совершенно исчезаетъ и становится орудіемъ посторонней силы. Помимо того, что это несогласно съ промысломъ Бога, подавляющаго свободы людей, для насъ непонятно, почему Иисусъ Христосъ взялъ не всѣхъ апостоловъ, а только трехъ. Въ индивидуальных свойствахъ и особенностяхъ отходятъ теперь на задній планъ и не имѣютъ никакого значенія. Вейсъ думаетъ избѣгать этихъ затрудненій признаніемъ, совершенно разрушающимъ всѣ его построенія. Онъ полагаетъ, что ученики были предуготовлены предшествующими рѣчами Господа къ созерцанію славы Божіей и что личная предрасположенность (субъективный элементъ) сдѣлала ихъ болѣе воспріимчивыми⁹⁵⁾. Въ этомъ видѣ центръ тяжести при объясненіи событія переносится уже на Петра, Іакова и Іоанна, а вмѣстѣ съ тѣмъ фактъ объективации опять становится загадочнымъ, не поддающимся на-

⁹⁴⁾ Weiss. Das L. I. S. S. 309—310.

⁹⁵⁾ Weiss. Ibid. S. 312.

шему разумѣнію. Для него нужно привести понятіе насильственности, которое уже самимъ Вейсомъ признано несобразнымъ съ представленіемъ объ отношеніи Бога къ людямъ. Значитъ, мы должны вмѣсто знанія удовольствоваться невѣдѣніемъ, почему апостолы субъективному усвоили значеніе дѣйствительнаго происшествія. Наконецъ, если евангелисты передаютъ дѣло въ качествѣ объективнаго событія, то откуда намъ извѣстно, что оно таковымъ не было? Правда, Матѳеѣй обозначаетъ происшедшее словомъ *δραμα* (Мѳ. 17, 9) ⁹⁸⁾, но оно вовсе не указываетъ на чисто субъективное состояніе и употреблено евангелистомъ для краткости вмѣсто *ἄ εἶδος*, какъ у Марка (9, 9); что оно можетъ относиться къ объективно созерцаемымъ предметамъ, это видно уже изъ названія „явленія ангела Господня въ пламени горящаго терноваго куста“ видѣніемъ (Дѣян. 7, 30—31), хотя оно описывается, какъ фактъ реальный.

б) Грубо-натуралистическая гипотеза Павлуса.

Мы видѣли, къ какимъ трудностямъ приводитъ теорія визионерства въ смыслѣ соннаго видѣнія. Не рѣшаясь согласиться на принятіе чуда, защитники этого взгляда должны были призвать на помощь нѣсколько другихъ вспомогательныхъ средствъ: одни ⁹⁹⁾ допускали особенное освѣщеніе горы при пробужденіи апостоловъ и громъ, возбуждавшій въ спутникахъ Господа представленіе небснаго голоса; другіе же ¹⁰⁰⁾ утверждали, что во время сна учениковъ къ Иисусу Христу пришли два какихъ-то незнакомца, которыхъ Петръ, Іаковъ и Іоаннъ и приняли за грезвившихся имъ Моисея и Ілію и т. п. Такъ мало по малу накоплялся матеріалъ для чисто естественнаго объясненія событія Преображенія въ смыслѣ необычайнаго стеченія обстоятельствъ. Незавидная честь систематическаго изложенія подобной гипотезы

⁹⁸⁾ На это ссылаются: *Herder* (Vom Erlöser nach drei ersten Evangelien. Riga. 1796. § 15), *Wurm* (Programma ad festum Paschale. Tübingen. 1821.) и многіе другіе экзегеты, особенно начала настоящаго столѣтія.

⁹⁹⁾ *Gablera* въ своемъ *Neuest. theolog. Journal*. 1798. I Bnd. 5 st. S. 511.

¹⁰⁰⁾ *August. Theolog. Blätter*. Jahrg. II, S. 191. *Rufswurm*. Die neuen theolog. Blätter, 1 Bnd. 3 st. S. 75; *Bibelcommentar für Prediger*. Bnd. V. S. 137.

принадлежитъ Павлюсу ¹⁰¹⁾. Самоувѣренно полагая, что своимъ анализомъ онъ сумеетъ выдѣлить фактическую основу отъ прирасъ повѣствователей, Павлюсъ думаетъ все явленіе свести къ естественнымъ явленіямъ природы, невыходящимъ за предѣлы ея неизбѣжныхъ законовъ. Вотъ какъ происходило дѣло по изображенію Павлюса. Иисусъ Христосъ пошелъ съ учениками на высокую гору помолиться, что Онъ дѣлалъ и прежде. Здѣсь апостолы заснули, ибо была ночь. Пробудившись при восходѣ солнца, невольнѣ очнувшіеся спутники Господа увидѣли Его въ небываломъ освѣщеніи, въ бесѣдѣ съ двумя неизвѣстными имъ лицами. Это были вѣроятно тайные приверженцы Спасителя въ родѣ Іосифа Аримаѣйскаго и Никодима. Судя по описанію, они принадлежали можетъ быть къ Ессеямъ ¹⁰²⁾, которые, какъ сообщаетъ Флавій ¹⁰³⁾, носили бѣлыя одежды согласно предписаніямъ своей секты. Между Иисусомъ Христомъ и незнакомцами шла оживленная бесѣда о предметахъ мессіанскихъ, причемъ много говорилось о смыслѣ ветхозавѣтныхъ пророчествъ. Результатъ этого совѣщанія одинъ изъ собесѣдниковъ, вѣрившій въ мессіанское достоинство Спасителя, формулировалъ тѣми словами писанія, которыя слышали ученики; при своемъ удаленіи онъ произнесъ ихъ болѣе громкимъ голосомъ съ явнымъ намѣреніемъ довести ихъ до слуха проснувшихся апостоловъ. Изумленіе послѣднихъ было тѣмъ сильнѣе, что въ это время незнакомцы были охвачены прозрачнымъ утреннимъ туманомъ и въ немъ какъ бы скрылись. Видя такое необычайное состояніе Петра, Іакова и Іоанна, Христосъ въ предотвращеніе всякихъ толковъ запретилъ рассказывать о бывшемъ на горѣ кому бы то ни было.

Такъ, по мнѣнію Павлюса, просто объясняется событіе на горѣ и чудо разлагается на свои составные естественные эле-

¹⁰¹⁾ *Paulus*. Handbuch. S. 436—465. Ср. его *Das Leben. Iesu* Heidelberg. 1828 II. Bnd. II. Abth. S. III. Къ такому объясненію склоненъ и *Шлейермахеръ* (*Ueber den Lukas*. S. 148).

¹⁰²⁾ *Павлюсъ* (*Exeg. Handbuch*. S. 460) и *Газе* (*Op. cit.* S. 494) высказываютъ это предположительно; *Venturini* же (*Natürliche Geschichte des grossen Propheten von Nazareth. Bethlehem* (Copenhagen). S. Bnd. 1800—1802. I, S. 370)—воплотилъ рѣшительно.

¹⁰³⁾ *Josephus Flavias*. De bello iudaico, II, 7.

менты. Въ несчастію для эзегета, ему пришлось допустить столько странныхъ и неожиданныхъ совпаденій, что его теорія становится рѣшительно невѣроятною съ разсудочной точки зрѣнія, объ угожденіи коей онъ больше всего хлопочеть. Попытка этого скептика достигнуть рациональнаго пониманія событія приводитъ къ результатамъ, какъ разъ противоположнымъ его намѣреніямъ: въ положительныхъ наукахъ все необходимо, какъ и тѣ явленія, надъ которыми они оперируютъ, совершаются по неизбѣжнымъ законамъ природы. Если такъ, то уже одного этого достаточно, чтобы теорія Павлюса потеряла всякій кредитъ даже въ глазахъ людей, заботящихся объ устраненіи изъ евангелій всего сверхъестественнаго ¹⁰⁴⁾. Съ своей стороны мы сдѣлаемъ лишь нѣсколько краткихъ замѣчаній о воззрѣніи Павлюса.

1) Апостолы считали Иисуса Христа дѣйствительно преобразеннымъ; къ этому подало поводъ освѣщеніе Господа блескомъ восходящаго солнца, ибо Онъ стоялъ выше своихъ учениковъ, находившихся въ какой-нибудь разсѣлинѣ скалы. Непонятно, какимъ образомъ Петръ, Іаковъ и Іоаннъ могли принять обычный феноменъ за чудесный, потому что имъ конечно была хорошо знакома свѣтовая игра на родныхъ горахъ. Это тѣмъ болѣе непостижимо, что и по признанію Павлюса особенности утренняго освѣщенія на возвышенныхъ мѣстностяхъ были въ Палестинѣ самымъ обыкновеннымъ повседневнымъ явленіемъ.

2) Мойсей и Ілїя—два неизвѣстныхъ апостоламъ лица.—Мы напрасно будемъ пытаться выяснитъ себѣ фактъ отождествленія незнакомцевъ, хотя бы и Ессеевъ, съ ветхозавѣтными праведниками. Сонъ учениковъ былъ безъ грезъ, а Христось ранѣе не говорилъ о прибытіи законодателя еврейскаго и пророка, обличителя Ахава. Что же навело ап. Петра на мысль приписать обыкновеннымъ смертнымъ такія славныя имена? Пусть этотъ апостоль не очнулся вполнѣ; онъ все же долженъ былъ имѣть какой-нибудь поводъ, чтобы такъ аподиктически выражать свое мнѣніе. Затѣмъ: крайне странно, почему Іаковъ и Іоаннъ согласи-

¹⁰⁴⁾ См. критику этой гипотезы у *Штрауса*: Das I. I. S. 246—248 и у *Кейма*: *Gesch. Jesu von Nazara*. S. 588.

лись съ своимъ заспавшимся (schlatrumken) сотоварищемъ и не изблнчили его въ грубомъ заблужденіи.

3) Павлюсъ дерзновенно посягаетъ на нравственную личность Господа Спасителя. Положимъ, Иисусъ Христосъ не слышалъ восторженнаго восклицанія ап. Петра, но Онъ знаетъ, что ученики представляютъ дѣло въ какомъ-то чудесномъ видѣ, почему будто бы и наложилъ veto на уста апостоловъ. Отсюда одинъ шагъ до предположенія, что все событіе заранѣе было предусмотрено Спасителемъ, который и взялъ съ собою только трехъ довѣреннѣйшихъ къ нему лицъ, надѣясь, что они не выдадутъ Его въ случаѣ неудачи. Такъ склонны думать и Павлюсъ, и Куиноль, и Вентурини, но они забываютъ, что говорятъ о какомъ-то измышленномъ ими мистификаторѣ; Евангельская исторія не имѣетъ никакой точки соприкосновенія съ этими бреднями.

4) Произнесшій приглашеніе повиноваться Иисусу Христу, какъ Сыну Божію, съ явнымъ расчетомъ ввести апостоловъ въ обманъ становится виновнымъ въ тяжкомъ преступленіи, которое падаетъ и на самого Спасителя, поскольку Онъ не раскрываетъ ученикамъ происшедшаго въ настоящемъ мѣстѣ.

5) Наконецъ, чтеніе Павлюса приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что при своихъ разсужденіяхъ онъ воображалъ какое-то неудачное театральное представленіе съ явленіями Deus ex machina; дѣйствительное событіе Преображенія было чуждо его сознанія.

с. Гипотеза мѣа.

Критика грубо-натуралистической гипотезы ясно убѣждаетъ насъ въ томъ, что „естественное объясненіе теряетъ идеальную истину, жертвуетъ содержаніемъ въ пользу формы“. Въ противоположность Павлюсу, Штраусъ отправляется на поиски „духа и души“ Евангельскаго разсказа о „Преображенія Господа хотя бы для этого пришлось отказаться отъ историческаго тѣла“ сипноптическихъ повѣствованій¹⁰³). Стоить только открыть тен-

¹⁰³) Къ теоріи мѣа примыкаютъ *De-Wette* Kritik der mosaischen Geschichte s. 250. Exeg. Handbuch. I, 1 §. 146; *Bertholdt*. Ghristologia Iud. § 17; *Credner* Einl. in. das N. F. s. 241; *Schulz*. Ueber das Abendmahl. s. 319, и др.

денцію писателей, и мы будемъ владѣть ключемъ къ пониманію того процесса, какимъ созданъ Евангельскій мифъ. Въ набросанной намъ перомъ позднѣйшихъ сказателей картинѣ Преображенія выдвигается на первый планъ сіяющій Иисусъ¹⁰⁶⁾ рядомъ съ Моисеемъ и Ілією и голосъ съ неба, указывающій въ немъ исполненіе закона и пророковъ. Отсюда видно, что религіозное творчество первохристіанъ работало съ тою цѣлю, чтобы сравнять великаго учителя съ столпами ветхозавѣтной праведности и даже возвысить перваго надъ послѣдними. Толчкомъ къ этому былъ данъ возраженіями со стороны Іудеевъ противъ мессіанскаго достоинства Христа, поскольку ему не предшествовалъ предтеча (Кеймъ) и поскольку лице Его не было блестящимъ (Штраусъ). Впрочемъ и помимо такихъ ви́днѣйшихъ поводовъ, сами христіане должны были чувствовать этотъ пробѣлъ въ своихъ воззрѣніяхъ на Спасителя, какъ Мессію. И вотъ въ душѣ послѣдователей Христа начинается таинственный мифологическій процессъ восполненія допущеннаго недосмотра въ первичныхъ изображеніяхъ жизни и дѣятельности Господа. Иисусъ подобно просвѣтлѣнію лица Моисея или блеску Бога израилева (Исх. 24, 10; 34, 29—30) является просіявшимъ и даже одежды Его становятся необыкновенно бѣлыми. Снопировавъ одну черту мифъ продолжаетъ въ томъ же духѣ. Мѣстомъ Преображенія избирается гора, какъ и Синай въ исторіи древняго законодателя; Моисей при первомъ своемъ восхожденіи, которое легко могло слиться со вторымъ, беретъ кромѣ семидесяти старѣйшинъ Аарона, Надава и Авіуда (Исх. 24, 1, 9—11): такъ и Иисусъ восходитъ только съ Петромъ, Іаковомъ и Іоанномъ. Спаситель, по Лукъ (9, 28), имѣлъ своимъ намѣреніемъ помолиться; Іегова призываетъ къ Себѣ Моисея и его спутниковъ для поклоненія (Господу) издали (Исх. 24, 1). Когда вождь народа израильскаго поднялся на гору, ее покрыло облако, и чрезъ шесть дней Богъ воззвалъ изъ среды его (Исх. 24, 16). Все это было и при Преображеніи; самый небесный голосъ составленъ изъ различныхъ

¹⁰⁶⁾ *Штраусъ* (частію также и *Кеймъ*) намѣренно избѣгаетъ всякаго другаго названія Спасителя, кромѣ имени «Иисусъ», говорящаго о его человѣческомъ происхожденіи. Само собою понятно, что намъ нѣтъ никакой необходимости держаться такой тенденціозной терминологіи.

библейскихъ изреченій. Евреи боялись облака и не смѣли смотрѣть на лице Моисея (Исх. 19; 33, 10 = Луки 9, 34; Исх. 24, 30—31 = Мр. 9, 15); здѣсь прототипъ для изображенія состоянія учениковъ по окончаніи явленія. На обратномъ пути Моисей слышалъ шумъ, а по прибытіи въ станъ нашелъ дѣла въ полномъ разстройствѣ (поклоненіе золотому тельцу) и во гнѣвѣ разбилъ скрижали заветъ (Исх. 22, 17; Втор. 33, 5). Сцена при подошвѣ горы Преображенія вполнѣ аналогична этимъ обстоятельствамъ: споръ книжниковъ съ учениками, неспособность послѣднихъ исцѣлить больного и восклицаніе Господа: *о, родъ неспирный! доколы буду съ вами? доколы буду терпѣть васъ?* (Мр. 9, 14; 18—19)—все это только нѣсколько смягченная копія ветхозавѣтнаго оригинала. Такое близкое сходство двухъ сказаній, конечно, не могло быть случайнымъ: оно объяснимо только при предположеніи взаимной зависимости ихъ между собою. Не выяснено пока лишь присутствіе Моисея и Іліи при Преображеніи. Но послѣдній уже у пророка Малахіи (3, 23) представляется предтечею Мессіи и потому появленіе его въ такомъ тенденціозномъ повѣствованіи, какъ настоящій рассказъ сноптиковъ, нисколько не удивительно; а тогда понятно будетъ и привлеченіе еврейскаго законодателя къ событію на горѣ. Онъ считался спутникомъ Іліи (Мал. 4, 4), взятымъ на небо (*Josephi Flavii Antiqui*. IV, 8, 48; *Assumptio Moyses*) и грядущимъ предъ Мессіею или вмѣстѣ съ Нимъ (4 Ездр. 6, 26; 7, 28; 13, 52; Апокал. 11, 3). Такимъ образомъ ожиданіе Моисея было весьма распространено между іудеями; поэтому вполнѣ естественно было въ интересахъ вѣры послѣдователей Спасителя заставить его явиться вмѣстѣ съ Іліею ¹⁰⁷⁾.

Характеристическою чертою изложеннаго миеологическаго воззрѣнія на Преображеніе Господа служитъ признаніе этой зависимости новозавѣтныхъ рассказовъ отъ библейскихъ, компилятивность ихъ, проскальзывающая въ каждой чертѣ. Но, напротивъ того, мы видимъ, что евангельское повѣствованіе носить въ себѣ неотрицаемые признаки своей оригинальности и исторической достовѣрности. Мы имѣемъ три вполнѣ согласныхъ

¹⁰⁷⁾ *Strass.* Das L. I. s. 254 - 260. *Keim.* Geschichte Iesu von Nazara Zw. Bnd. s. 588—591.

редакціи разсказа съ точными указаніями датъ ante и post, съ опредѣленіемъ количества извѣстныхъ поименованныхъ лицъ. въ одинаковой связи съ послѣдующимъ и предыдущимъ. Зачѣмъ же эти подробности, если рѣчь идетъ о какомъ-то фантомѣ? Для мнѣа онѣ совершенно безразличны и даже ненужны. Но этого мало. Какъ представить себѣ разумно происхожденіе такого поразительнаго согласія въ легендарномъ сказаніи? Въдѣ миеологическій процессъ, по Штраусу, дѣйствуетъ безсознательно и слѣдовательно въ результатъ его необходимо должны получиться разногласія и противорѣчія, еслибы даже въ различныхъ мѣстностяхъ и у отдѣльныхъ индивидуумовъ онѣ преслѣдовалъ одну цѣль—возвышеніе личности Іисуса Христа. Предположимъ наконецъ, что тутъ много работала рука позднѣйшаго писателя. закрѣпившаго въ письмени устную легенду; во всякомъ случаѣ необъяснимо существующее сходство между евангелистами при полной независимости ихъ сообщеній. Если же признать противное, если допустить, что одинъ синоптикъ составленъ по другому, тогда нѣкоторое несходство всѣхъ редакцій повѣствованія о Преображеніи Господа будетъ сильнѣйшимъ доказательствомъ ихъ достовѣрности, ибо фактъ будетъ подтверждаться тремя свидѣтелями, убѣжденными въ реальности событія на горѣ; почему и занесенный на бумагу ихъ разсказы не помѣлять ни исправлять, ни измѣнять даже въ подробностяхъ. Иначе какъ опять нужно будетъ обратиться къ тому опасному для миеологовъ положенію, что евангелисты не справлялись другъ съ другомъ. Съ какой бы стороны мы ни взглянули на этотъ фактъ, онѣ всегда оказывается не поддающимся миеологическому разумѣнію.

Второе соображеніе въ пользу дѣйствительной истинности разсказа о Преображеніи мы находимъ въ происхожденіи нашихъ Евангелій. Миеологическій процессъ, создающій обширный циклъ сказаній, никакъ не вмѣщается въ рамки нѣсколькихъ десятилѣтій; для него нужны вѣка, а не годы, что видно хотя бы на примѣрѣ Греціи, гдѣ еогонія и миеологія идутъ конечно не отъ Ісіода или Гомера, какъ творцевъ. Судя по этому, наши евангелія могли появиться по меньшей мѣрѣ въ вѣкѣ IV—V. но такая мысль встрѣтитъ приѣмъ развѣ у какого-нибудь безумца или изувѣра-фанатика, стоящаго въ рабствѣ у школьныхъ доктринъ. Историческая критика еще не пыталась и доказывать

такую сумазбродную гипотезу, а новѣйшая германская наука, которую едва ли кто заподозритъ въ пристрастіи къ традиціи, все болѣе и болѣе склоняется къ церковному воззрѣнію касательно принадлежности евангелій перу апостоловъ. Эта несомнѣнная истина и фантазерство миеологовъ—вещи, совершенно другъ друга исключаютъ. Провести подъ авторитетомъ и на глазахъ учениковъ Спасителя въ христіанское общество прямую ложь: такое предпріятіе въ самой цѣли уже заключаетъ ручательство своего пораженія. Даже больше того. Пусть письменные памятники возникли во 2 вѣкѣ, все же сага о Преображеніи Господа должна была существовать въ раннѣйшее время христіанской эры, ибо она, по мнѣнію Кейма, была особенно полезна тогда, когда новая религія вступила къ борьбу съ язычествомъ и іудействомъ и стремилась затмить ихъ своимъ величіемъ. Въ такомъ случаѣ очевидцы и служители Слова не преминули бы опровергнуть фантастическую выдумку немногихъ мечтателей; слѣдовательно она погибла бы въ самомъ зародышѣ. Однако же разсказъ о чудесномъ прославленіи Иисуса Христа есть и передаетъ событіе, какъ фактъ дѣйствительный; значить онъ несомнѣнно достовѣренъ. Миеологи даютъ намъ оружіе противъ нихъ самихъ.

Отъ общихъ разсужденій перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ частнымъ замѣчаніямъ: тогда для насъ будетъ очевиднѣе несостоятельность миеологическаго воззрѣнія. Миеологи указываютъ побужденіе къ составленію сказанія въ возраженіяхъ со стороны іудеевъ противъ мессіанства Спасителя. Откуда это извѣстно? Равныхъ съ евангеліями по древности свидѣтельствъ у насъ не имѣется. Единственное сколько-нибудь заслуживающее вниманія основаніе Кеймъ¹⁰⁸⁾ старается извлечь изъ бесѣды Господа съ апостолами послѣ самаго событія на горѣ. Ученый останавливается на томъ, что спутники Спасителя въ своемъ вопросѣ ссылаются на книжниковъ; изъ этого будто бы несомнѣнно по крайней мѣрѣ то, что подъ давленіемъ мнѣній враговъ Христа и сами послѣдователи Его пожелали выяснитъ себя и устранить противорѣчіе между признаніемъ Спасителя Мессіею и непробытіемъ предтечи—Иліи предъ вышутленіемъ

¹⁰⁸⁾ *Keim*, Op. cit. s. 582—583.

ихъ Учителя на дѣло служенія человѣчеству. Насколько шатко указанное соображеніе, видно уже изъ того, что Кейму приходится утверждать много невѣроятностей. Такъ онъ долженъ былъ сказать, что у апостоловъ „не было даже и предчувствія, что обѣтованный Илія уже пришелъ въ высокомъ образѣ, въ личности Іоанна Крестителя“¹⁰⁹). Мы не понимаемъ, зачѣмъ здѣсь рѣчь о несуществовавшихъ догадкахъ и предположеніяхъ, когда сейчасъ же послѣ приведенныхъ словъ намъ заявляютъ, что „приготовительную миссію Предтечи ученики пережили, а о таинственномъ отношеніи его къ Іисусу, о пролагающей путь роли его они слышали уже изъ устъ Учителя, хотя, вѣроятно Онъ и не примѣнялъ имени Іліи къ Крестителю“¹¹⁰). Трудно добраться до настоящаго смысла въ этомъ противорѣчивомъ разсужденіи, сбивчивость котораго объясняется конечно тѣмъ, что скептикъ никакъ не справится съ историческими фактами, несогласными съ его тенденціями. Потому-то у него и выходитъ, что апостолы *даже не предчувствовали* того, о чемъ Спаситель имъ *уже говорилъ*, указывая Ѳесвятинина въ лицѣ суроваго проповѣдника покаянія. Ясно, что догматика іудеевъ не была страшна для послѣдователей Іисуса Христа и не могла тревожить ихъ: у нихъ былъ ясный и опредѣленный отвѣтъ на всѣ возраженія. Побивая самого себя, Кеймъ показываетъ въ тоже время, что въ настроеніи эпохи не было никакихъ настоятельныхъ побужденій къ составленію мифа: Ілію ждали (Іоан. 1, 21), и онъ явился (Мѡ. 11, 14). Это съ одной стороны, гдѣ критика имѣетъ за себя хотя видъ вѣроятія. Не то по отношенію къ Моисею: о предтечествѣ его исторія ничего не знаетъ, между тѣмъ и по Штраусу и по Кейму первообразомъ событія Преображенія скорѣе всего было синайское законодательство. Что одинъ изъ двухъ свидѣтелей, о которыхъ упоминаетъ Апокалипсисъ (11, 3) есть Моисей¹¹¹), это мнѣніе ничѣмъ не подтверждается, а въ приведенныхъ Кеймомъ¹¹²) мѣстахъ изъ 4 вѣ.

¹⁰⁹) *Keim*. Op. cit. s. 588.

¹¹⁰) *Keim*. Loc. cit.; ср. также на стр. 589.

¹¹¹ и ¹¹²) *Keim*. Op. cit. s. 591. Not. 2; ср. на стр. 589. Въ толкованіи Апок. 11, 3; съ Кеймомъ согласны: *Ольсгаузенъ* (Op. cit. s. 532 Anm. со стр. 531) и *Блекъ* (Op. cit. s. 58).

Ездры (6, 26; 7, 28; 13, 5)¹¹³⁾ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на личность великаго вождя народа израильскаго; у Малахія же (LXX, 4, 4) говорится о немъ безотносительно къ грядущему Избавителю. Точно также и Юсифъ Флавій не только не сообщаетъ намъ объ ожиданіяхъ Моисея въ качествѣ предтечи Мессіи, но опредѣленно описываетъ его кончину (*Antiquit. LIV, cap. VIII, 47, 48 и 49*) и самый фактъ взятія его на небо дѣлаетъ нѣсколько сомнительнымъ, ибо въ разсказѣ священныя книги о смерти ветхозавѣтнаго законодателя іудейскій историкъ видитъ желаніе устранить всякую мысль о восхищеніи его Богомъ¹¹⁴⁾. Объ *Assumptio Moyses* (или *Moysis*),—памятникъ, относимомъ Кеймомъ ко временамъ Адріана, а Гильгенфельдомъ къ 44 г. по Р. X.¹¹⁵⁾—мы не можемъ составить правильнаго понятія по немногимъ сохранившимся фрагментамъ. Только позднѣйшія раввинскія сочиненія (*Tanch. f. 42; Debarim rabba, sect. 4*) толкуютъ о явленіи Моисея въ качествѣ предшественника Мессіи.

Изъ всѣхъ нашихъ замѣчаній вытекаетъ то важное слѣдствіе, что для начала предполагаемаго миеологами творческаго процесса не было ни достаточнаго повода, ни нужныхъ элементовъ въ перво-христіанскомъ обществѣ. Если сущность и цѣль разсказа о Преображеніи Господа въ сопоставленіи Іисуса Христа съ Моисеемъ и Иліею для отраженія возраженій іудеевъ, то остается непонятнымъ привлеченіе къ событію евангелиста. Для апологетики христіанства совсѣмъ не требовалось это произвольное измышленіе: оно скорѣе могло ронять защищаемое дѣло въ глазахъ противниковъ. Однимъ словомъ, эта черта Евангельскаго повѣствованія совершенно разрушаетъ миеологическую гипотезу и лишаетъ со всякаго историческаго осно-

¹¹³⁾ Такъ по Вулгатѣ, гдѣ только эта и третья книги сохранились. По нашей русской Библии это 3 книга Ездры.

¹¹⁴⁾ Вотъ подлинныя слова Юсифа Флавія (*Antiquit. L. IV, cap. VIII, 48*): νεφους ἀλλήκιον ὑπὲρ αὐτοῦ σπάντος ἀφανίζετε κατὰ τινος φάραγγος γέγραφε δὲ αὐτὸν ἐν τοῖς ἱεροῖς βιβλοῖς θεβνεῶτα, δείσας μὴ δι ὑπερβολῆν τῆς περὶ αὐτὸν ἀρετῆς πρὸς τὸ Θεῖον αὐτὸν ἀνάχωρήσαι τολμησῶσιν εἰπεῖν. Въ латинскомъ переводѣ это мѣсто читается такъ: *repentina nube circumdatus, in vallam quandam est ablatus. In sacris enim voluminibus scripsit se mortuum, veritus, ne propter excellentem ejus virtutem a Deo raptum praedicaret.*

¹¹⁵⁾ *Keim. Op. cit. s. 591.*

ванія. Выходить, что богатая, обдуманная и разумно построенная сага (so reiche, so überlegte und so sinnig gebaute Sage) ¹¹⁶⁾ всего меньше соответствует этимъ качествамъ; рассказъ безжизненъ даже какъ чистый вымыселъ, ибо трудно допустить, чтобы въ полемикѣ было умѣстно такое преувеличеніе. Ссылаясь на позднѣйшія раввинскія произведенія для доказательства существовавшихъ будто бы ожиданій Иліи въ началѣ христіанской эры, скептики должны были бы указать въ нихъ по крайней мѣрѣ подозрѣнія іудейскихъ ученыхъ въ исторической достоверности означенной подробности событія на горѣ. Тогда было бы нѣчто похожее на мотивъ для возникновенія Евангельскаго мифа, но критика и такихъ данныхъ при себѣ не имѣетъ. Это обстоятельство открываетъ намъ причину, почему неизвѣстно откуда, такъ-сказать ex abrupto явившееся повѣствованіе о Преображеніи Господа можетъ быть объяснено миеологическимъ путемъ только съ большими натяжками и при крайне произвольномъ обращеніи съ историческимъ матеріаломъ. Стоитъ перевести напыщенный, фразистый языкъ миеологовъ на обыкновенную естественную рѣчь, и нелѣпость ихъ воззрѣній обнаружится во всей наготѣ. Моисей *получаетъ* прославленіе отъ Бога, Спаситель *Самъ* преобразуется. Моисей беретъ съ собою *кромя* Аарона, Наава и Авіуда семьдесятъ старѣйшинъ, а потомъ еще Иисуса Навина (Исх. 24, 13); Господу сопутствуютъ *единственно* три апостола. Моисей *остається* на горѣ шесть дней и Иегова *взываетъ* къ нему въ седьмой; событіе Преображенія было на восьмой день *послѣ* бесѣды при Кесаріи Филипповой. Моисей *поставилъ* себѣ шатеръ и назвалъ его скиніею (Исх. 33, 7); Петръ *восклицаетъ*: *сдѣлаемъ* три вущи. Моисей *находитъ* народъ уклонившимся въ идолослуженіе; ученики не въ состояніи *исцѣлить* больного. Законодатель въ гнѣвѣ *разбиваетъ* скрижали завѣта, Христосъ *негодуетъ* на родъ невѣрный и т. п. Здѣсь не только нѣтъ никакой аналогіи между копіею и оригиналомъ, а прямое различіе даже во внѣшнихъ чертахъ; не говоримъ уже о смыслѣ всѣхъ этихъ подробностей въ книгахъ Моисеевыхъ и въ нашихъ Евангеліяхъ. Между тѣмъ сходство си-

¹¹⁶⁾ Keim. Loc. cit.

ноптическихъ разсказовъ съ библейскими повѣствованіями станутъ вполне понятно, когда мы признаемъ, что первые говорятъ о дѣйствительномъ осуществленіи ветхозавѣтныхъ прообразовъ. Стало быть, миеологи принимаютъ *σεσοφισμένοι λόγοι*, нелѣпость вмѣсто разумности, а такой способъ экзегезиса никогда и нигдѣ не считался научнымъ.

d) *Аллегорическая гипотеза.*

Евангельскій разсказъ о Преображеніи Спасителя представляетъ тенденціозный миеъ, лишенный какого то ни было бы историческаго зерна. Но зачѣмъ въ такомъ случаѣ всѣ тонкія подробности и точныя указанія? Событіе приурочивается къ апостоламъ очевидцамъ, и, какъ мы видѣли, трудно допустить, чтобы составленіе синоптическихъ повѣствованій произошло безъ всякаго ихъ участія, по крайней мѣрѣ въ первой стадіи развитія. Почему же и съ какою цѣлю ученики Господа не подавали сказанія въ самомъ началѣ, а дозволили распространеніе легендарной исторіи? Эти недоумѣнія не были устранены книгою Штрауса и трудами его сторонниковъ. Являлся естественный вопросъ: нельзя ли удержать апостольское происхожденіе Евангельскаго разсказа, отнять у него всякую достовѣрность и оставить неприкосновеннымъ авторитетъ великихъ творцевъ саги? Нѣтъ ли тутъ какого-нибудь другаго смысла, который придаетъ значеніе и всѣмъ частнымъ чертамъ поэтической картины? Разрѣшеніе этихъ задачъ беретъ на себя Вейсе, юристъ по профессіи, занявшійся изученіемъ Евангелій въ глѣдствіе появленія *Das Leben Jesu* Штрауса. Правда, аллегорическая гипотеза его можетъ быть любопытна для насъ, какъ экзегетическій курьезъ; но въ ней, по нашему мнѣнію, все-таки больше, если не правды, то „добраго намѣренія“, чѣмъ въ Штраусовской миеологии. Съ другой стороны, здѣсь вполне рельефно откроется для насъ, до какихъ крайностей доводитъ ничѣмъ несдерживаемый произволь въ пониманіи Евангельской исторіи.

Разсказъ идетъ отъ самихъ апостоловъ; но какая цѣль его? это можетъ объяснить намъ только аллегорическое воззрѣніе. Восточный человѣкъ не иначе представляетъ себѣ постиженіе

какой-нибудь высокой идеи, какъ въ формѣ созерцанія блистающихъ образовъ и воспріятія небесныхъ звуковъ. Поэтому сіяніе лица Спасителя и близина Его одеждъ означаютъ свѣтъ духовный, познаніе учениковъ касательно назначенія Иисуса Христа и въ особенности Его отношеній къ ветхозавѣтной теократіи съ ея пророческими предсказаніями о Мессіи. „Гору высокую“ нужно искать не въ Палестинѣ, а въ глубинѣ духа апостоловъ, какъ символическое изображеніе степени ихъ разумѣнія мессіанской идеи. Облака, окутывающія всю сцену, рисуютъ намъ туманность, неопредѣленность, въ какую опять разрѣшилось новое повнаніе, ибо апостолы не могли удержать его въ первоначальномъ видѣ. Предложеніе Петра указываетъ лишь на индивидуально-специфическую особенность говорившаго—недовольствоваться общими положеніями, разчленять ихъ на частнѣйшіе элементы и закрѣплять въ опредѣленныхъ формулахъ ¹¹⁷⁾.

Мудрено спорить съ человѣкомъ, который выдаетъ свои фантазіи за научныя соображенія. Достаточно сказать, что взглядъ Вейсе не имѣетъ рѣшительно никакой точки опоры въ синоптическомъ разсказѣ. Евангелія ясно различаютъ притчу или образную рѣчь отъ описанія историческихъ событій. Но въ данномъ случаѣ и Матѳей и Маркъ и Лука говорятъ о Преображеніи, какъ дѣйствительномъ происшествіи, имѣвшемъ мѣсто на высокой горѣ, въ опредѣленное время, при извѣстныхъ лицахъ. Слѣдовательно аллегорическое толкованіе противорѣчитъ самому повѣствованію, которое оно хочетъ объяснить, и потому не можетъ дать цѣлостнаго и стройнаго воззрѣнія на разсматриваемое событіе. По Вейсе, три апостола достигли высо-

¹¹⁷⁾ Die Evangelische Geschichte, kritisch und philosophisch bearbeitet von Hermann Weisse. Leipzig 1838. Zwei Bände. Сходно съ Вейсе разсуждаетъ Бруно-Бауеръ (Kritik der Evangelischen Geschichte der Synoptiker und des Johannes. Braunschweig. 1842), который считаетъ синоптический разсказъ созданіемъ самосознанія всего христіанскаго общества, дошедшаго до мысли—указать въ лицѣ своего Основателя высшій пунктъ единенія всѣхъ силъ прошлаго. Такимъ образомъ Бруно-Бауеръ примѣняетъ точку зрѣнія Вейсе къ болѣе обширному кругу людей, ко всей массѣ первохристіанъ, гдѣ невозможенъ никакой серьезный анализъ и гдѣ произволъ имѣетъ обширное поприще для своихъ фантастическихъ построеній. Поэтому критика воззрѣній Бруно-Бауера немислима безъ разбора его философскихъ основоположеній, но до нихъ намъ здѣсь мало дѣла.

каго познанія мессіанской идеи; значить, для этого были достаточныя данныя, хотя онѣ и не указываются въ Евангеліяхъ. Возможно ли теперь, чтобы блестящая мысль снова погрузилась во мракъ, туманную неопредѣленность, когда ап. Петръ уже въ то время хотѣлъ формулировать ее въ точныхъ выраженіяхъ? Одно изъ двухъ: или никакого момента духовнаго просвѣтлѣнія у учениковъ не было или оно должно было остаться постояннымъ достояніемъ ума и сердца апостоловъ. Въ обыкновенномъ ходѣ развитія душевной жизни процессъ познанія идетъ въ совершенно обратномъ порядкѣ: отъ низшаго къ высшему. Противное встрѣчается только у людей, потерявшихъ прежнюю интеллектуальную свѣжесть, а къ такимъ лицамъ не причисляется спутниковъ Господа и самъ Вейсе. Экзегетъ былъ нелогиченъ, непослѣдователенъ, впадалъ въ самопротиворѣчія и тѣмъ лишалъ свои построенія всякаго довѣрія.

Мы покончили съ разборомъ взглядовъ отрицательной критики на фактъ Преображенія и теперь можемъ сдѣлать общій выводъ Евангельскій рассказъ обязанъ своимъ происхожденіемъ никакому субъективному видѣнію: въ основѣ его лежитъ истинное происшествіе, которое однакоже не совпадаетъ съ естественными явленіями природы, а есть особое чудесное событіе, каковое мы и находимъ въ дѣйствительномъ прославленіи Господа, объективно воспроизведенномъ тремя евангелистами. Это одна сторона дѣла, которая уже была выяснена раньше. Въ тоже время Евангельское повѣствованіе нельзя считать совершенно безыдейнымъ рассказомъ: въ немъ лежитъ глубокой смыслъ; но ни мифъ, ни аллегорія, вслѣдствіе своей неприложимости къ наблюдаемому явленію, не раскрываютъ намъ содержанія евангельской исторіи Преображенія въ этомъ отношеніи и вызываютъ насъ на болѣе специальное разсмотрѣніе ея съ такой новой точки зрѣнія.

Значеніе и цѣль Преображенія.

Когда сходили они (Спаситель съ учениками) съ горы, Иисусъ запретилъ имъ, говоря: никому не сказывайте о семъ видѣніи (Мѡ. 17, 9). Здѣсь μὴ δεῖν прямо противопоставляется тѣмъ, къ кому обращена настоящая рѣчь, и заключаетъ не только одинъ.

народъ, но и прочіихъ апостоловъ, кромѣ трехъ свидѣтелей событія. Петръ, Іаковъ и Іоаннъ дѣйствительно удержали это слово (ἐκράτησαν τὸν λόγον: Мр. 9, 10)¹¹⁹⁾; они приняли его безъ всякихъ ограниченій во всей силѣ и потому *умолчали, и никому не говорили въ тѣ дни о томъ, что видѣли* (Лука 9, 36)¹¹⁹⁾. Все происшедшее осталось между очевидцами и сохранялось ими въ глубинѣ души, какъ нѣкогда Матерь Его (Христа) соблюдала вся глаголы въ сердцѣ своемъ (Луки 2, 51; ср. ст. 19). По-нятно, что τὸν λόγον у Марка, относясь ближе всего къ повелѣнію Спасителя не сообщать никому о событіи на горѣ, указываетъ и на только-что бывшее явленіе; ограничивать его значеніе исключительно примѣненіемъ къ ст. 9 Мр.¹²⁰⁾ было бы несогласно съ ходомъ рѣчи.

Запрещеніе Господа, не единственное въ своемъ родѣ (Мө. 8, 4; 9, 30; 12, 16; 16, 20; 17, 9. Мр. 3, 12; 5, 43; 7, 36; 8, 26, 30; 9, 9. Луки 8, 56; 9, 21), не представляетъ чего-либо слишкомъ страннаго для людей, не связанныхъ ложными теоріями и школьными предубѣжденіями. Но отрицательные критики думаютъ найти здѣсь опору для своихъ воззрѣній и потому придаютъ этому факту особенное значеніе. Они разсуждаютъ такъ:

¹¹⁹⁾ Въ различныхъ изданіяхъ греческаго Новаго Завѣта слова 9, 10 Мр. раздѣляются неодинаково. Въ московскомъ изданіи 1871 г., печатанномъ по благословенію Св. Синода, πρὸς ἑαυτοῦς отнесено къ слѣдующему συζητοῦντες (καὶ τὸν λόγον ἐκράτησαν, πρὸς ἑαυτοῦς συζητοῦντες), отсюда и въ русскомъ переводѣ: «они удержали это слово, спрашивая другъ друга». Такъ же читаютъ *Мейеръ* (Ueber Markus und Lukas. s. 108) и *Кейль* (Ueber Markus und Lukas. s. 92). Но во многихъ критическихъ изданіяхъ (напр. въ Полиглоттѣ *Тейле* и *Штирца*) πρὸς ἑαυτοῦς связывается съ предшествующимъ ἐκράτησαν, какъ и въ Вульгатѣ: *verbum contineuerunt apud se* и у *Евѣ. Зинабена* (Comment. 1, 2, p. 115). Смыслъ отъ этой разницы въ сущности конечно не измѣняется, но точность неизвѣстна и въ мелочахъ. Такъ какъ сочетаніе πρὸς ἑαυτοῦς съ глаголомъ κρατεῖν и притомъ послѣ дополненія τὸν λόγον совершенно необычно, то кажется первое чтеніе будетъ болѣе справедливо. Напротивъ, глаголь συλλαλεῖν часто встрѣчается въ такой связи для обозначенія взаимности бесѣды, которой разговаривающіе не думаютъ сообщать другимъ, какъ было и въ данномъ случаѣ. Ср. Мр. 1, 27. Луки 22, 23 Мр. 9, 16. Дѣян. 9, 29.

¹²¹⁾ Глаголь κρατέω содержитъ въ себѣ понятіе исполненія того, что нужно держать. Ср. Вар. 4, 1. Пѣснь Пѣсней 3, 4.

¹²⁰⁾ *Meuser*. Comment. über das Evang. des Markus und Lukas. S. 102.

Еслибы Преображеніе Господа было дѣйствительнымъ, предсмотрѣннымъ Спасителемъ событіемъ, тогда „оно должно было бы имѣть мѣсто предъ толпою или предъ богѣ широкимъ кругомъ учениковъ; по крайней мѣрѣ, не нужно было запрещать немногимъ очевидцамъ сообщать объ этомъ другимъ и именно въ самое критическое время вплоть до воскресенія“¹²¹⁾. По мнѣнію скептиковъ отсюда неизбежно заключеніе о недостоверности синоптического разсказа, ибо онъ говоритъ о какомъ-то безцѣльномъ происшествіи. Во всемъ этомъ разсужденіи вѣрнѣе только то, что выводъ о смыслѣ запрещенія долженъ опредѣляться пониманіемъ значенія самаго Преображенія, что мы теперь и рассмотримъ.

Въ случившемся на горѣ были заинтересованы три группы лицъ: во первыхъ, самъ Іисусъ Христосъ, во вторыхъ, — Моисей и Ілїя, и въ третьихъ апостолы: Петръ, Іаковъ и Іоаннъ. Происшествіе должно касаться всѣхъ участниковъ событія; иначе мы унизимъ его значеніе и допустимъ, что нѣкоторые лица присутствовали здѣсь только для вида, для законченности сцены. Начнемъ съ Господа Спасителя. Мы уже видѣли, что слово „преображенія“, указывая преимущественно на обнаруженіе божественнаго величія во Христѣ, не исключаетъ также и участія тѣла. Его въ этомъ чудномъ процессѣ. Послѣ воплощенія Сынъ Божій сталъ Богочеловѣкомъ и какъ таковой долженъ былъ возсѣсть одесную Отца. Само собою понятно, что плоть Господа была безгрѣшна, но она еще не имѣла той славы, которая принадлежала Іисусу Христу по Божеству; нуженъ былъ добровольный подвигъ спасительнаго служенія и крестная смерть, чтобы и она сдѣлалась способною занять мѣсто, подобающее Сыну, чтобы „человѣчество Бога Слова отъ обитающаго въ Немъ естества содѣлалось чистымъ, свѣтозарнымъ, славнымъ, безсмертнымъ, нетлѣннымъ“¹²²⁾. Въ виду этого необходимо признать таинственный процессъ очищенія и одухотворенія тѣла Христова или сложенія акциденцій грѣховной природы для перехода ея въ иде-

¹²¹⁾ *Strauss*. Das L. I. S. 240.

¹²²⁾ Слова *блж. Θεοδωριτα*: *Comment. in Ezechielis*, I, 27—28 (Migne, gr. ser. t. 81, p. 693 fin. Творенія VI, стр. 378).

ально-безгрѣшную ¹²³⁾ въ продолженіе всей жизни Спасителя на землѣ; а въ такомъ случаѣ Преображеніе будетъ однимъ изъ выдающихся моментовъ названнаго процесса наравнѣ съ страданіемъ и воскресеніемъ, какъ завершительными его звеньями.

Нѣкоторые экзегеты находятъ значеніе для самаго Господа и въ явленіи Моисея и Иліи, полагая, что послѣдніе были вѣстниками Отца и сообщили Христу о наступленіи часа, (Ира ¹²⁴⁾ и подробностяхъ предстоящей Ему смерти ¹²⁵⁾, но ветхозавѣтные праведники не могли знать объ этихъ обстоятельствахъ больше Спасителя, Который не нуждался въ ихъ извѣстіяхъ или укрѣпленіи ¹²⁶⁾. Какъ Сыну человѣческому, Господу данъ былъ залогъ Его будущей славы у Бога въ самомъ Преображеніи съ небеснымъ удостовѣреніемъ Отца. Ясно, что явленіе Моисея и Иліи имѣло другой смыслъ. По библейскому воззрѣнію души воѣхъ умершихъ и даже праведниковъ до совершенія дѣла искупленія находились въ неволѣ и ждали своего освобожденія. Этотъ часъ уже близился, ибо Христосъ началъ открыто говорить о своихъ страданіяхъ въ Іерусалимѣ; такимъ образомъ чаяніе умершихъ скоро должно было найти дѣйствительное удовлетвореніе. Кажется, всего естественнѣе ставить въ связь явленіе Моисея и Иліи именно съ этимъ фактомъ. Эббардъ справедливо думаетъ, что Иисусъ Христосъ „сообщилъ отцамъ Вѣтхаго Завѣта благую вѣсть о своей готовности искупить ихъ

¹²³⁾ Такъ именно понимаетъ «прославленіе» тѣла Христова *блаж. Теодоритъ*. Многократно касался вопроса о плоти Господа по отношенію къ процессу ея «обоженія» (см. напр. *epist. ap. Migne, gr. ser. t. 83: 145, col. 1365. 1368; 146, col. 1406, 1408, p. 1273; 151, 1433, 1436, p. 1308*), кипрскій епископъ особенно подробно разсматриваетъ его въ извѣстномъ анти-монофизитскомъ сочиненіи «Эранистъ» (*dialog. II: Migne, gr. ser. t. 83, col. 157, 160, 161, 164, 165, 168*); здѣсь онъ проводитъ ту мысль, что прославленное состояніе тѣла Христа Спасителя указываетъ не на предложеніе сущности, но на измѣненія въ акциденціяхъ, ибо τὴν φθορὰν, καὶ τὸν θάνατον συμβεβηκόσ, οὐκ οὐσίας ὀνομαστέον συμβαίνουσι γὰρ, καὶ ἀποσυμβαίνουσι подобно здоровью или болѣзни; посему καὶ τὸν Δεσποτικὸν σῶμα, ἀφθαρτὸν μὲν ἀνέστη, καὶ ἀπαθές, καὶ ἀθάνατον, καὶ τῆ θεῖα δόξῃ δεδοξάμενον, καὶ παρὰ τῶν ἐπουρανίων προσκυνεῖται δυνάμειν σῶμα δὲ ὁμοῦς ἔστι, τὴν πρότεραν ἔχον περιγραφὴν (col. 161, 164).

¹²⁴⁾ *Ebrard. Op. cit. S. 527.*

¹²⁵⁾ *Olshausen. Op. cit. S. 534.*

¹²⁶⁾ *Keil. Ueber das Ev. d. Matth. S. 364.*

смертію¹²⁷⁾, только слѣдуетъ точнѣе и опредѣленнѣе выяснить этотъ пунктъ. По замѣчанію ев. Луки (9, 31), Моисей и Ілія бесѣдовали съ Господомъ объ исходѣ Его, т.-е. вѣстномъ подвигѣ. При этомъ конецъ двѣдлельности Спасителя обсуждался, какъ уже необходимо долженствующій быть (πληροῦν), потому что слово Христа непреложно. Значить, Моисей и Ілія заранее предвкушали тотъ блаженный моментъ, когда власть виновника смерти падетъ, и они будутъ удостоены созерцанія Бога; въ устахъ Господа это увѣреніе становилось почти фактомъ. Мыслимое ли дѣло, что возвратившись въ невѣдомый намъ міръ, ветхозавѣтные праведники затаили въ себѣ радостную вѣсть, погрузились въ самодовольное наслажденіе имѣющимъ наступить искупленіемъ? Не вѣроятнѣе ли предположить, что они явились здѣсь глашатаями и предтечами, приготовляющими путь Господу? Мы знаемъ, что Христосъ, чтобы привести насъ къ Богу, однажды пострадалъ за грѣхи наши, праведникъ за неправедныхъ, бывъ умерщвленъ по плоти, но оживъ духомъ, которымъ Онъ и находящимся въ темницѣ духамъ сошедши проповѣдалъ (ἐκκήρυξεν: 1 Петр. 3, 18—19; ср. Ев. 4, 8—10). По словамъ ап. Петра, спасительная смерть Господа была возвѣщена мертвымъ (νεκροῖς: 1 Петр. 4, 6), т.-е. бывшимъ въ шеолѣ. Христосъ прибылъ сюда, какъ побѣдитель грѣха и діавола, и избавилъ души всѣхъ людей, съ вѣрою ожидавшихъ Его пришествія¹²⁸⁾. Таково ученіе церкви. Проповѣдь самого Іисуса Христа была удовлетвореніемъ надеждъ праведниковъ и потому была принята съ готовностію. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же апостолъ Петръ говоритъ, что и мертвымъ было благовѣстнуемо (καὶ νεκροῖς ἐηγγελίσθη: 1 Петр. 4, 6), а это предполагаетъ нѣкоторое предвозвѣщеніе исполненія до сошествія Спасителя во адъ, ибо слово ἐηγγελίσθη содержитъ въ себѣ понятіе продолжаемости

¹²⁷⁾ Ebrard. Op. cit. S. 527. См. также Lange. Das Evang. nach. Markus. S. 83. Lange. Das Leben Iesu. Heidelberg. 1844—1847. 5 Bände. II, 2. S. 909.

¹²⁸⁾ Блаж. Августинъ (De Genes. ad litter., l. 12, cap. 33) и св. Іоаннъ Дамаскинъ (De fide orthodox., 4, 9). По Клименту Ал., (Strom., V, 6) проповѣдь Спасителя во адъ простиралась на всѣхъ умершихъ до Христа, которые были приготовлены къ ней закономъ и философіей; Оригенъ (Contra Celsum, II, 43) ограничиваетъ ее тѣми, которые желали избавленія отъ грѣха и смерти чрезъ Сына Божія или которыхъ Онъ считалъ достойными того.

обозначеннаго имъ дѣйствія или состоянiя. Посему это благовѣстiе нельзя вполне отождествлять съ ἐκφύσεων (3, 19), которое, совпадая съ нимъ по цѣли, представляетъ завершительный моментъ перваго. Кто могъ быть вѣстникомъ наступающаго избавленiя въ мiръ духовъ до пришествiя туда Иисуса Христа съ проповѣдiю? Есть основанiя утверждать, что именно Моисей и Илiя были здѣсь предтечами Господа и своимъ благовѣстiемъ положили начало той спасающей вѣры, которая при сошествiи Спасителя въ *темноту* открыла праведникамъ путь къ царству славы, къ высокому наслажденiю созерцанiя Бога, Отца свѣтовъ (Лук. 1, 17). Это мнѣнiе, высказанное Оригеномъ¹²⁹⁾, позволительно расширить въ томъ смыслѣ, что проповѣдь Моисея и Илiи распространилась на всѣ души, а слѣдовательно и на тѣхъ умершихъ, которые жили на землѣ (въ невѣдѣнiи Бога истиннаго¹³⁰⁾). Такое предположенiе, не невѣроятное само по себѣ, въ тоже время утѣшительно для нашего христіанскаго сознанiя, поскольку оно показываетъ всеобщность дѣйствія благодати Божiей, что требуется понятiемъ любви Божественной. Если Сынъ Божiй принималъ плоть для спасенiя всего человечества и если Евангелiе, по Его завѣту (Мр. 16, 19), должно быть проповѣдано всей твари, то мыслимо по крайней мѣрѣ, что оно было сообщено и тѣмъ, которые умерли ранѣе наступленiя этихъ великихъ дней. Мы не знаемъ всѣхъ путей промысла Божiя, но можемъ гадать объ нихъ по указанiямъ Писанiя. Такимъ образомъ значенiе Преображенiя для Моисея и Илiи состояло въ томъ, что они здѣсь опредѣленно узнали объ имѣющемъ скоро совершиться искушенiи людей и были посланы Иисусомъ Христомъ въ качествѣ Его предшественниковъ для возвѣщенiя этого душамъ умершихъ, къ числу которыхъ должно относить и язычниковъ. Сходно съ этимъ св. Иустинъ мученикъ (Аполог. 2), Климентъ Александрийскiй (Strom., VI) и св. Епифанiй (Haer. 46) полагали цѣль сошествiя Спасителя во адъ въ благовѣстiи невѣровавшихъ или незнавшихъ Его.

¹²⁹⁾ *Origenis in Evngelium Matthaei Commentariorum tomus XII. Origenis in Lucam homilia IV. Origenis in primi libri Regum cap. XXVIII homilia secunda.*

¹³⁰⁾ Сколько помнится, такъ думалъ покойный А. С. Хомяковъ.

По свидѣтельству ев. Луки (9, 31), Моисей и Илія бесѣдовали съ Иисусомъ Христомъ объ исходѣ Его въ Іерусалимъ, какъ дѣлъ неизбѣжномъ и непремѣнно долженствующемъ быть. По этому едва ли гласъ съ неба имѣлъ для нихъ какое-либо значеніе—тѣмъ болѣе, что въ это время они уже скрывались. Точно также было бы слишкомъ гипотетично относить его преимущественно къ самому Господу и видѣть въ немъ родъ „торжественнаго поставленія (Installation) Иисуса въ Его священномъ званіи“¹³¹⁾. Заключеніе словъ прямо говорить, что они особенно рассчитаны были на апостоловъ и указывали имъ обязанность безусловнаго повиновенія своему Учителю. Это добавленіе къ бывшему при Крещеніи голосу открываетъ намъ значеніе Преображенія для трехъ очевидцевъ событія, которое должно было утвердить въ нихъ чувство полной преданности и послушанія Господу. Для чего нужно было это? Развѣ ученики не оставили все и не последовали за Христомъ (Мр. 10, 28; ср. Мѣ. 19, 27)? Все это справедливо, но грядущія страшныя обстоятельства требовали болѣе сильной поддержки. Приближалось время страданія Господа, а вмѣстѣ съ этимъ предстояло тяжелое испытаніе для вѣры Его послѣдователей. Они еще не могли вполне усвоить себѣ такой мысли, потому что она разрушала всѣ ихъ ожиданія славнаго царства въ скоромъ будущемъ. Понятно, что въ виду неприготовленности апостоловъ къ факту уничтоженія Спасителя, умѣстно было и особенное укрѣпленіе. Мы знаемъ, что предъ Своими страданіями Господь молился, чтобы не оскудѣла вѣра Петра (Лук. 22, 32). Но преданность апостоловъ должна сознательно возникнуть въ душѣ ихъ и стать прочнымъ ихъ достояніемъ. Что же и какъ могло вызывать и возвышать ее во время событія на горѣ? Всѣ три момента служили такой цѣли: Прежде всего Петръ, Іаковъ и Іоаннъ видѣли Господа преобразившимся, содѣржали Его не только какъ Сына человѣческаго, но и какъ Бога, имѣющаго получить вѣчную славу. Это для учениковъ было знаменіемъ и залогомъ того, что смерть Иисуса Христа не приравливаетъ Его къ обыкновеннымъ людямъ; будучи истиннымъ Богомъ, Онъ, какъ Владыка жизни, воскреситъ Себя, взойдетъ къ Отцу и привлечетъ къ Нему всѣхъ вѣрую-

¹³¹⁾ *Olshausen*. Op. cit. S. 560. Ср. стр. 536—537.

шихъ. При томъ же Спасителю *должно* было (Мѣ. 16, 21 и парал.) пострадать; Онъ идетъ, какъ написано о Немъ (Мѣ. 26, 24) и слѣдовательно исполнить законъ, на который опирался и народъ, не допускавшій вознесенія Христа отъ земли (Іоан. 12, 34). Поэтому являются Моисей и Илія и бесѣдуютъ съ Господомъ объ исходѣ Его, какъ дѣла неизбежномъ. Видно было, что смерть Спасителя есть завершеніе и исполненіе ветхозавѣтнаго домостроительства; объ этомъ говорили установитель закона и пламенный ревнитель его святости. Свидѣтельство такихъ лицъ исключало всякое сомнѣніе¹³²). Но мало того; увидавъ объ искушеніе, Моисей и Илія исчезаютъ. Они служили только сѣни грядущихъ благъ; когда послѣднія наступили, ихъ авторитетъ кончается. Новый пророкъ устраиваетъ прежнихъ: Ему нужно повиноваться. Правда, Христось долженъ пострадать, но этого требуетъ законъ; въ этомъ заключается условіе прославленія Его и всѣхъ послѣдователей. Какъ бы по сужденію человѣческому ни былъ унизителенъ этотъ крестный путь; апостолы не должны омушаться: Самъ Отецъ небесный завѣряетъ, что Іисусъ Христось есть вѣчный возлюбленный Его Сынъ. Все это вело бывшихъ на горѣ къ мысли, что страданіе Учителя необходимо согласно закону и совмѣстимо съ достоинствомъ Мессіи. Прекрасно выражаетъ это дѣло чудеснаго событія церковная пѣснь словами: *да егда узрятъ (ученики) Его (Господа) растинаема, страданіе убо уразумѣютъ волюю, мірови же проповѣдаютъ, яко Онъ есть Отчее сіаміе.*

Указанныя нами черты позволяютъ опредѣлять значеніе факта Преображенія въ дѣлѣ искушенія вообще. Это былъ высшій, хоти и не конечный, моментъ всей земной дѣятельности Спасителя, приближавшій Его къ совершенію крестнаго подвига, поскольку здѣсь Его тѣлесная, человѣческая природа получила прославленіе и стала достойною возсѣсть одесную Бога, что должно было послѣдовать вскорѣ по воскресеніи. Какъ въ крещеніи Іисусъ Христось былъ духовно помазанъ на великое дѣло служенія и явленъ міру, такъ въ Преображеніи Онъ получилъ

¹³²) Такія дѣла явленія Моисея и Илія указывали многіе отцы и учителя церкви; см. напр. св. Кирилла А. homiliam IX in transfigurationem Domini (Migne, gr. ser. t. 77, col. 1012. С. D. 1013. А. В).

честь отъ Бога Отца за Свое пророческое служеніе въ качествѣ Учителя небесной истины. Въ виду приближенія спасительнаго часа Моисей и Ілія должны были слышать объ этомъ изъ устъ Іисуса Христа и явиться вѣстниками искупленія душамъ умершихъ. Апостолы имѣли пронести слово Евангелія по всему міру; но для этого нужно было дать имъ силу для сохраненія вѣры въ Спасителя, какъ страждущаго Мессію, чтобы проповѣдывать потомъ *Христа распятаго*, бывшаго соблазномъ для іудеевъ и безуміемъ для язычниковъ. Такимъ образомъ Преображеніе Господа было поворотнымъ пунктомъ искупительной дѣятельности Спасителя; отсюда должно было начаться первосвященническое служеніе Христа, послужившее основаніемъ новаго благодатнаго царства, въ которое умершіе вступаютъ по вѣрѣ въ Господа чрезъ посредство Моисея и Іліи, живущіе же — чрезъ принятіе слова апостольскаго. Но для этого Моисею и Іліѣ необходимо было узнать отъ Господа *объ исходѣ, который Ему надлежитъ совершить въ Иерусалимѣ* (Лук. 9, 31), а Петръ, Іаковъ и Іоаннъ должны были видѣть славу Спасителя, чтобы съ возможною твердостью перенести предстоящее испытаніе и не соблазниться. Вопросъ только въ томъ, почему три, а не всѣ ученики удостоены были присутствія на горѣ? Вѣроятно, причина этого въ личныхъ свойствахъ избранныхъ. Дѣло шло о такомъ предметѣ, который требовалъ слишкомъ большой силы вѣры, какую не всѣ могли имѣть. Вѣрно конечно, что и очевидцы событія не удержались на высотѣ чистой мессіанской идеи: Іаковъ и Іоаннъ просили Господа посадить одного по правую, другаго по лѣвую сторону Себя (Мр. 10, 37 и парал.), а Петръ трижды отрекся отъ Христа (Мс. 26, 34; 69 — 75 и парал.), но это значить только, что божественное дѣйствіе и наставленіе не насильовали природы и не лишали апостоловъ свободы. Самъ Спаситель предвидѣлъ неизбежность соблазна учениковъ (Мс. 26, 31), но Онъ далъ имъ указанія, которыя бы самостоятельно привели ихъ къ вѣрѣ въ Распятаго. Поэтому, удостоивши Петра, Іакова и Іоанна быть свидѣтелями Своей власти надъ смертію (Мр. 5, 37; Луки 8, 51) и небеснаго прославленія въ Преображеніи, Христосъ только ихъ беретъ съ Собою въ садъ Геосиманскій и дѣлаетъ очевидцами Своего униженія. Послѣ, когда между вѣрующими могло возникнуть вре-

менное сомнѣніе, дѣйствительно ли Иисусъ есть тотъ, который долженъ избавить Израиля (Луки 24, 21), они имѣли открыто сказать всѣмъ, что *Христу тако надлежало пострадать, и войти въ славу Свою* (Луки 24, 26). Ихъ слово получало всю силу несомнѣнности даже по закону Моисееву, послѣдствіемъ фактъ удостовѣрялся достаточнымъ количествомъ поручителей. На Петра, Іакова и Іоанна возлагалась миссія: быть руководителями другихъ апостоловъ въ признаніи, что случившееся было предсказано Спасителемъ на основаніи закона и пророковъ и что слѣдовательно Онъ есть истинный Мессія. Самъ Христосъ далъ потомъ Петру такое завѣщаніе: *и ты некогда, обратившись, утверди братьевъ твоихъ* (Луки 22, 32), т.-е. другихъ учениковъ. Для выполненія такого порученія первоверховному апостолу необходимо было имѣть твердыя основанія и притомъ особенныя, каковыя онъ и могъ находить въ Преображеніи и Геесиманской исторіи. Отсюда же становится нѣсколько понятною и причина запрещенія рассказываетъ о событіи. Все дѣло искупленія достигло полной ясности въ сознаніи апостоловъ лишь послѣ его совершенія и собственно во время Пятидесятницы, когда ученики Господа озарены были силою свыше. Это была тайна, сокрытая отъ вѣковъ и родовъ (Колос. 1, 26), и потому преждевременное ея сообщеніе могло повести къ результатамъ совсѣмъ нежелательнымъ. Христосъ есть прославленный Сынъ Божій, исполненіе закона и пророковъ: эти данныя легко возбуждали бы плотскія, чувственныя ожиданія учениковъ и отвратили бы ихъ вниманіе отъ духовнаго пониманія царствія Божія, которое создается не человѣческими и не обыкновенными средствами. Еще болѣе возбужденіе произошло бы въ толпѣ при такихъ извѣстіяхъ. Всѣ должны были знать, что Иисусъ Христосъ обѣтованный Мессія; апостолы уже пришли отчасти къ этому убѣжденію, а народъ высказалъ это въ своихъ возгласахъ при входѣ Господа въ Іерусалимъ. Но какъ евреи при своей плотяности самымъ ходомъ событій предуготовлялись къ чистому постиженію личности Богочеловѣка, такъ и апостолы поднимались на высоту идеальнаго разумнѣя домостроительства при свидѣтельствѣ трехъ. Поэтому-то Спаситель не позволилъ разглашать исповѣданіе при Кесаріи внѣ круга Своихъ ближайшихъ послѣдователей (Мѣ. 16, 20 и парал.), а въ настоящій

разъ запрещаетъ очевидцамъ разсказывать о случившемся на горѣ даже и прочимъ апостоламъ. Нужны были время и фактъ, которые бы безъ насильственного давленія на свободу учениковъ при руководствѣ авторитетныхъ собратьевъ выяснили имъ дѣло въ истинномъ значеніи. Самъ Христосъ-Господь выразилъ такой принципъ постепенности, когда при другомъ случаѣ сказалъ ученикамъ: „вы теперь не можете вѣстать“ (Іоан. 16, 12).

Бесѣда Господа съ учениками при спускѣ съ горы Преображенія.

Запрещеніе Иисуса Христа Петръ, Іаковъ и Іоаннъ приняли во всей его силѣ и, какъ сообщаетъ ев. Лука, послѣ выполнили въ точности заповѣдь Господа, но нѣкоторое недоумѣніе возбудило въ нихъ теперь замѣчаніе Спасителя о воскресеніи: они не поняли, *что значитъ воскреснуть изъ мертвыхъ* (Мр. 9, 10)¹³³? Недоумѣніе касалось, конечно, не общаго вопроса о воскресеніи людей предъ вторымъ пришествіемъ Христа: это было ученикамъ извѣстно и никакихъ сомнѣній вызвать не могло. Не такъ легко было апостоламъ примѣнить эту истину къ личности учителя-Мессіи. Уже ранѣе Спаситель выставлялъ необходимымъ предшествующимъ моментомъ Своего воскресенія страданіе и смерть и въ настоящемъ случаѣ указывалъ на τὸ ἐκ νεκρῶν ἀναστῆναι (Мр. 9, 11). Ученики никакъ не могли помириться съ мыслию о смерти Господа, который былъ признанъ ими Сыномъ Бога живаго (Мѣ. 16, 16 и парал.) и за нѣсколько моментовъ предъ симъ показалъ Себя въ такой славѣ. По ихъ воззрѣнію, основанному на своеобразномъ истолкованіи ветхозавѣтныхъ пророчествъ (Напр. Ис. 9, 6. Дан. 7, 13—14. Пс. 109, 4), Мессія долженъ быть вѣчнымъ владыкою новаго царства. Вѣроятно, апостолы имѣли въ душѣ тоже, что нѣкогда высказалъ Спасителю народъ при словахъ Его о Своихъ страданіяхъ: *мы слышали изъ закона, что Христосъ пребываетъ во вѣкъ; какъ же*

¹³³) Ἐκ νεκρῶν (безъ члена) означаетъ здѣсь возвращеніе Иисуса Христа къ земной жизни изъ царства мертвыхъ, какъ у Мр. 6, 14. Въ другихъ мѣстахъ ев. Матѣей употребляютъ въ томъ же значеніи ἀπὸ τῶν νεκρῶν. ср. 14, 2; 27, 64; 28, 7.

Ты говоришь, что должно вознесено быть Сыну человеческому (Іоан. 12, 34)? Недоумѣніе осталось неразъясненнымъ; ученики не смѣли прямо спросить Господа, помня исторію съ Петромъ, желавшимъ удержать Его отъ хожденія во Іерусалимъ (Мѡ. 16, 22 — 23). Однако же волеовавшія апостоловъ думы обнаружилась нѣсколько съ другой стороны. Спутники Спасителя обращаютъ вниманіе на тотъ фактъ, что Мессіи долженъ предшествовать Ілія, какъ возстановитель и устроитель нормальныхъ отношеній между людьми, что по ихъ сужденію рѣшительно исключало возможность страданій Господа. Последнюю мысль апостолы выражаютъ не ясно, но своимъ отвѣтомъ Іисусъ Христосъ далъ имъ знать, что Онъ понимаетъ цѣль ихъ вопроса. Такимъ образомъ въ послѣдующей бесѣдѣ нужно видѣть отголосокъ тѣхъ недоумѣній, которыя возникли въ умѣ свидѣтелей Преображенія при словѣ о воскресеніи. Въ то же время ученики хотѣли примирить только-что бывшее явленіе Іліи съ мнѣніемъ книжниковъ. Они вѣрили ученію этихъ представителей своего народа, но встрѣчали затрудненіе согласиться съ ними въ виду скорого исчезновенія обѣщаннаго Предтечи, прибытіе котораго они считали ручательствомъ того, что основаніе новаго царства обойдется безъ тяжелой катастрофы въ Іерусалимѣ.

Бесѣда начинается обращеніемъ со стороны учениковъ: какъ же книжники говорятъ, что Іліи надлежитъ прійти прежде? (Мѡ. 17, 10 Мр. 9, 11). Съ перваго взгляда видно, что положеніе законниковъ еврейскихъ почему-то становится подозрительнымъ для апостоловъ: они какъ бы теряютъ вѣру въ его значимость. Подобное чувство естественно возбуждалось бывшимъ сейчасъ явленіемъ Іліи, которое было мимолетно, между тѣмъ этому пророку, въ качествѣ предтечи, книжники приписывали широкую нравственно-реформаторскую дѣятельность. Такимъ образомъ совопросники полагаютъ особенную силу на словѣ *прежде*, прѣтѡв¹³⁴⁾; но что оно означаетъ? это пока не совсѣмъ ясно. Кого бы апостолы ни разумѣли подъ Іліею, дѣйствительнаго ли ветхозавѣтнаго праведника или Іоанна Крестителя, во всякомъ случаѣ одно *прежде* въ значеніи временнаго предваренія Пред-

¹³⁴⁾ Здѣсь прѣтѡς употребляется въ смыслѣ перваго не по мѣсту или достоинству, а по времени, и потому по значенію равняется слову прѡтерѡв.

течею Мессіи ¹³⁵⁾ не имѣть здѣсь никакого смысла. Суровый проповѣдникъ покаянія уже сошелъ со сцены, Фесвитянина они сейчасъ видѣли; значить, и тотъ и другой выступали ранѣ открытія царства благодати. Посему необходимо допустить, что апостолы только намѣтили свою мысль, которую и раскрываетъ въ настоящемъ ея видѣ Иисусъ Христосъ. Они преимущественно указывали на восстановление всего, что въ свою очередь вызывало недоумѣніе касательно смысла предсказанія Спасителя о своей смерти. Нѣкогда Господь положительнымъ образомъ заявлялъ воимъ, что Іоаннъ Креститель есть предсказанный пр. Малахію ангелъ Господень (Мѡ. 11, 10 и пар.); на этомъ апостолы и успокоились. Но явленіе дѣйствительнаго Іліи при Преображеніи воскресило въ ихъ памяти ученіе книжниковъ о прибытіи его на землю тѣлесно, только не въ этотъ разъ, ибо здѣсь не было выполнено то, что признавалось его спеціальною миссіей. Какъ же теперь относиться къ названному положенію мнимыхъ вождей народа Израильскаго? Справедливо ли оно? Вѣдъ Ілія долженъ придти *прежде*, т.-е. быть предтечею Мессіи въ смыслѣ нравственно-религіознаго реформатора. Такимъ образомъ прѣтовъ Мѡ. 17, 10. Мр. 9, 11, по нашему мнѣнію, равняется πρὶν ἔλθειν τὴν ἡμέραν κυρίου LXX-ти у пр. Малахія (4, 5), чтѣ заставляло ожидать профѣτην, ὃς ἀποκαταστήσει καρδίαν πατρὸς πρὸς υἱὸν κτλ. (4, 6). Отсюда же видно, что οὖν ев. Маттея, о которомъ такъ много толкуютъ нѣмецкіе экзегеты ¹³⁶⁾, всего ближе указываетъ на бывшее явленіе Іліи на горѣ, но ужъ никакъ не можетъ относиться къ предшествовавшему запрещенію. „Вотъ мы видѣли, что Ілія пришелъ; это намъ понятно: такъ учатъ и книжники; но они говорятъ, что онъ δεῖ ἔλθειν прѣтовъ. Не значить ли, что откровеніе царства славы здѣсь, на землѣ, будетъ имѣть предтечею Ілію—реформатора?“ Таковъ,

¹³⁵⁾ Такъ *Zschabern* (I, 2: δια τῶν γραμματέων λέγουσιν, ὅτι Ἰλιαν χρῆ ἔλθειν πρὸ τοῦ Χριστοῦ; πῶς οὖν οὐκ ἦλθεν οὗτος πρὸ σοῦ); *Weiss* (Das Matthäus Evangelium und seine Lucas-parallelen. Halle. 1876. s. 401) и др.

¹³⁶⁾ *Meyer*. (Com. über. Matth. s. 333), *Weiss*. Das Matthäus Evangelium und seine Lukas=parallelen. Halle. 1876. 401. *Köstlin*. Der Ursprung und die Composition der synoptischen Evangelien. Stuttgart 1853. s. 75. *Meyer*. Ueber das Ev. des Markus und Lukas. S. 103.

кажется, ходъ мыслей вопрошавшихъ. Но здѣсь еще не все. Выражая свое недоумѣніе, возникшее вслѣдствіе сравненія положенія книжническаго съ дѣйствительными фактами, апостолы главнымъ образомъ желали разъяснить, какъ возможна смерть Христа - Мессіи при восстановленіи всего Илію. На эту-то сторону вопроса Спаситель и направляетъ преимущественное вниманіе. Въ своемъ отвѣтѣ Господь подтверждаетъ сначала истинность ученія книжниковъ: *правда, говоритъ Онъ, Имя должно прійти прежде, и устроить все* (Мѡ. и Мр.). Въ этомъ представители іудейской мудрости не ошибались, ибо они опирались на предсказаніе пр. Малахіи (3, 23—24. У LXX-ти 4, 5—6). Правы они были и въ томъ, что считали предтечею Господа именно Илію Ѳесвитянина, потому что евр. *hannavi* (съ опредѣленнымъ членомъ) требуетъ отнесенія разумѣмаго пророка къ извѣстной личности (LXX—4, 5: 'Ηλίαν τὸν Ἐσβίτην)¹²⁷ Повтому-то Иисусъ Христосъ, вѣроятно, съ буквальною точностію привелъ слова книжническаго ученія: ἀποκαταστήσει πάντα употребляя настоящее ἔρχεται (Мѡ.) въ смыслѣ будущаго, какъ *praesens indefinitum* (ср. Мѡ. 2, 4). У пр. Малахіи, откуда заимствовано это выраженіе, изображается собственно возвышеніе чисто нравственныхъ отношеній и укрѣпленіе чувства взаимной любви, но книжники видѣли здѣсь также указаніе на восстановление внѣшнихъ святынь народа и вообще на учрежденіе всего ветхозавѣтнаго теократическаго строя; отсюда у нихъ просто πάντα вмѣсто яснаго обозначенія дѣятельности Іліи, какъ у пр. Малахіи.

Въ ученіи книжниковъ заключалась истина, но буквализмъ и схоластика закрыли для нихъ внутренней смыслъ божественнаго предсказанія, почему они и не признаютъ Иисуса Христа обѣтованнымъ Мессіею, находятъ даже явное несходство между первымъ и послѣднимъ. Апостолы не были изолированы отъ вліянія подобныхъ мнѣній; имъ могло казаться, что преобразовательная миссія Іліи не должна оставлять мѣста для той враждебности, съ какою относилсъ къ Спасителю нѣкоторые Его современники; тѣмъ невѣроятнѣе была Его смерть. Нужно ду-

¹²⁷) Фарраръ (Ж. I. X. Стр. 607, пр. 829) несправедливо полагаетъ, что LXX не имѣли никакихъ основаній для такого перевода въ Еврейскомъ подлинникѣ.

мать, что это было затаенною мыслию учениковъ, когда они предлагали вопросъ, и потому Господь выставляетъ оба положенія во всей ихъ внѣшней, а для книжниковъ даже непримиримой, противоположности: *правда, Имя долженъ прійти прежде, и устроить все; и Сыну Человѣческому, какъ написано о Немъ, надлежитъ много пострадать и быть уничижену* (Мр. 11, 12)¹²⁸. Первое справедливо, какъ слово пророческое, но и второе имѣетъ основаніе въ ветхозавѣтныхъ Писаніяхъ.—На нашъ взглядъ, въ этомъ своемъ отвѣтѣ Иисусъ Христосъ прежде всего точно формулируетъ значеніе вопроса апостоловъ. Предполагать такъ необходимо потому, что иначе мы не выяснимъ себѣ, что хотѣли знать ученики своимъ *прежде*, которое само по себѣ здѣсь совершенно неумѣстно. Это во 1-хъ. Во 2-хъ: Спаситель, конечно, вполне ясно понималъ намѣреніе совопросниковъ и давалъ имъ то, чего они желали. Въ противномъ случаѣ придется признавать, что бесѣдующіе не понимали другъ друга, что и само по себѣ невѣроятно и не подтверждается Евангельскимъ рассказомъ. Въ концѣ концовъ вышло все-таки, что ученики удовлетворились разъясненіями Господа (Мѡ. 17, 13). Наконецъ, въ 3-хъ, на это наводитъ очевидное различіе въ характеръ и смыслъ частей рѣчи Спасителя, почему первая половина (Мѡ. 17, 11. Мр. 9, 12) составляетъ какъ бы тезисъ, разъясненіе котораго находится уже во второй (Мѡ. 17, 12. Мр. 9, 13).

¹²⁸) Смыслъ словъ ев. Марка ни мало не измѣнится, если мы будемъ считать вторую половину ст. 12 вопросомъ, какъ это принято нѣкоторыми экзегетами (*Keil. Ueber das Evangelium des Markus und Lukas. s. 93. Olshausen. Op. cit. s. 539*). Тогда только яснѣе будетъ выставлена та трудность, какая замечалась въ положеніи книжниковъ и приводила апостоловъ въ смущеніе. «Имя долженъ прійти прежде и слѣдовательно устроить все. Но какъ же въ такомъ случаѣ написано, что Сыну Человѣческому надлежитъ много пострадать и быть уничижену?» *Meyer (Ueber Markus und Lukas. г. 103. Cp. Lange. Das Evangelium nach Markus. s. 82)*, совершенно произвольно ставитъ вопросъ послѣ *ἀνθρώπων* и дальнѣйшую мысль считаетъ уже отвѣтомъ. Кодексовъ съ такимъ чтеніемъ немного, между тѣмъ оно дѣлаетъ рѣчь слишкомъ отрывочною, какъ будто Спаситель говоритъ нѣчто неожиданное, новое для учениковъ. Въ словахъ Господа по Мѡ. *Fritzsche, Lachmann* и *Tischendorf* опускаютъ *прѣтъ*; его нѣтъ и у св. Златоуста. Признавая отвѣтъ Христа въ первой его половинѣ точнымъ формулированіемъ смысла вопроса учениковъ, мы должны удержать настоящее чтеніе, какъ болѣе сообразное съ редакціею ев. Марка.

Ев. Матеей не выставляет обозначенной нами противоположности такъ опредѣленно, какъ Маркъ, ибо положеніе о страданіи Иисуса Христа является у него въ выводѣ, что Маркъ, упомянувшій объ этомъ ранѣе, тамъ опускаетъ. Первые два евангелиста восполняютъ здѣсь одинъ другаго и помогаютъ возстановить весь ходъ мыслей. Смыслъ вопроса учениковъ, какъ мы видѣли, ясно выраженъ у Марка. Этотъ евангелистъ противоположаетъ дѣло Иліи-Предтечи судьбѣ Христа-Мессіи. *И Сыну человеческому, какъ написано о Немъ, надлежитъ много пострадать и быть уничижену* (Мр. 9, 12). Спаситель приводитъ ученикамъ на память всѣ тѣ многочисленныя мѣста Вѣтхаго Завета, гдѣ изображается страдающій Мессія: такова напр. 53 гл. кн. пр. Исаи (см. ст. 3). Что же написано? *Ἰνα πολλὰ πῶθι καὶ ἐξουδενώθῃ*. Рѣчь идетъ постепенно возвышаясь; послѣднее понятіе усиливаетъ первое, ибо уничиженіе, богохульное презрѣніе Господа есть высшая степень страданія, которое Иисусъ Христосъ имѣлъ потерпѣть отъ старѣйшинъ и первосвященниковъ и книжниковъ (Мѣ. 16, 21 и парал.).

Въ началѣ своего отвѣта Спаситель показалъ, какъ и чѣмъ условливается недоумѣніе учениковъ; нужно было выставить дѣло въ настоящемъ свѣтѣ и успокоить волнующихся. Въ дальнѣйшей Своей рѣчи Христосъ и раскрываетъ значеніе и согласіе обѣихъ положеній Мр. 9, 11, повидимому взаимно исключавшихъ одно другое. Прежде всего слово объ Иліи. Книжники утверждаютъ: онъ долженъ прійти прежде; но, отвѣчаетъ Спаситель, Илія пришелъ. Гдѣ же результаты его возстановительной дѣятельности? Ихъ, конечно, не видно; по крайней мѣрѣ, они не такъ значительны, какъ ожидаютъ того законники еврейскіе; но нужно помнить, что *не узнали его, а поступили съ нимъ, какъ хотѣли* (Мѣ.). Агитация противъ Іоанна началась непризнаніемъ его въ настоящемъ достоинствѣ и закончилась его смертію. Въ этомъ виновенъ былъ не одинъ Иродъ: онъ сдѣлалъ только то, чего хотѣли всѣ недоброжелатели суроваго проповѣдника покаянія. Въ трагической судьбѣ Крестителя нравственно участвовали всѣ, которые не послушались его призывнаго голоса и дали совершиться злодѣйскому поступку тирана. Поэтому Спаситель выражается неопредѣленно и не указываетъ точно,

кого слѣдуетъ разумѣть подъ αὐτοί¹³⁹). Впрочемъ, враги Предтечи исполнили лишь написанное о немъ, ибо дѣло искупленія идетъ независимо отъ самоволія людей. Тутъ дѣйствуетъ высшій промыслъ спасающаго Бога. Возможно, что Господь разсматриваетъ судьбу Іліи (3 Цар. 19, 2. 10), какъ прототипъ дѣйствовавшаго въ его духъ и силъ Іоанна, но такъ какъ Θεσвιτανινηзъ все-таки избѣжалъ руки убійцъ и былъ взятъ на небо живымъ, то вѣроятно думать, что Спаситель говоритъ здѣсь о пророкахъ вообще. Креститель не только былъ профῆτης, но и περὶσσότερος профῆτου (МѠ. 11, 9), потому исторія всѣхъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ служила прообразомъ его смерти.

Если ἀποκαταστήσει πάντα книжниковъ исключаетъ возможность страданій Мессіи, то судьба Іоанна Крестителя должна была показывать, что изъ пророчества Малахіи это совсѣмъ не слѣдуетъ¹⁴⁰). Debere нерѣдко не совпадаетъ съ esse; въ данномъ

¹³⁹) Ни откуда не видно, чтобы οὐκ ἐπέγνωσαν и ἐπερώτησαν (МѠ. 17, 12), какъ думаетъ Meyer (Ueber Matth. S. 334), указывали исключительно на γραμματεῖς ст. 10, ибо тогда пришлось бы признать, что и вѣновниками своей смерти Іисусъ Христосъ считаетъ только книжниковъ, а это несправедливо (МѠ. 16, 21).

¹⁴⁰) Нѣкоторые древніе (*Иларій, Златоустъ, Августинъ, Иеронимъ*: Comment. in Matthaei cap. XVII, *блаж. Теодоритъ*: Comment. in Epist. S. Pauli ad Rom. XI, 25; Migne, gr. ser. t. 82, col. 180. Творенія, VII, стр. 127) и новѣйшіе экзегеты пытаются найти въ бесѣдѣ Господа съ учениками при спускѣ съ горы указаніе на явленіе дѣйствительнаго Іліи предъ вторымъ пришествіемъ Іисуса Христа на землю. Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ основаніемъ такого предположенія служатъ общія догматическія соображенія, а не изясненіе самаго текста. Формы будущаго θεῖ ἐλθεῖν и ἀποκαταστήσει, какъ заимствованное изъ положеній книжннческихъ или изъ пророка Малахіи (по смыслу), въ пользу означеннаго мнѣнія ничего не говорятъ. *Ольсгаузенъ* (Op. cit. S. 538—539) полагаетъ, что имѣющее быть явленіе Іліи указываетъ именно редакція Ев. МатѠея. Здѣсь будто бы ясно, что посланіе Крестителя не изчерпываетъ пророческаго предсказанія и выставляется, какъ прообразъ будущаго Предтечи. *Еббардъ* (Wissenschaftliche Kritik der evang. Gesch. S. 534. Ср. стр. 527) утверждаетъ даже, что Іисусъ Христосъ признаетъ положеніе книжниковъ несправедливымъ, конечно, въ примѣненіи къ бывшему явленію Іліи и потому указываетъ на второе его пришествіе. Совершенно справедливо, что ἀποκαταστήσει Іоанна не былъ полнымъ устроеніемъ всего, но слѣдуетъ ли отсюда, что его продолжить пророкъ Θεσвιτανινηзъ предъ «парусіей» Господа? Можно выводить и это, но не нужно забывать, что Спаситель тутъ же вполне ясно налагаетъ причины видимаго неусиѣха дѣятельности Крестителя. По словамъ Іисуса Христа это было даже неиз-

случаѣ благодаря произволу слѣпцовъ *свѣтильникъ горящій и свѣтящій* (Іоан. 5, 35) былъ погашенъ раньше времени. Но было бы неестественно думать, что преступники остановятся на подорожѣ; они должны были питать ко Христу еще бдльшую ненависть, чѣмъ въ Его предвозвѣстнику, и *дополнить мѣру отцовъ своихъ* (Мѣ. 23, 32). Такъ и Сынъ человеческій постра-

бъжно по жестокости народа еврейскаго и занимаетъ иное опредѣленное мѣсто въ общемъ ходѣ дожитрительства нашего спасенія. Искупленіе было бы, пожалуй, и не совсѣмъ необходимо, еслибы Іоаннъ долженъ былъ сдѣлаться полнымъ реформаторомъ нравственной жизни людей, еслибы ему удалось восстано- вить истинныя отношенія ихъ другъ къ другу. Поэтому то ангелъ Господень, говоря Захарію о будущей миссіи имѣющаго родиться младенца и объявляя его пророкомъ въ духѣ и силѣ Іліи, предреченнымъ Малахіею (Луки 1, 17), ограничиваетъ результатъ его дѣятельности такимъ образомъ: «и *многихъ* изъ сыновъ Израилевыхъ обратитъ къ Господу Богу ихъ» (Луки 1, 16). Точно также апостолъ Петръ свидѣтельствуетъ, что *что небо должно было принять Іисуса Христа* ἄχρι χρόνων ἀποκαταστάσεως πάντων (Дѣян. 3, 21), т.-е. до тѣхъ поръ пока не наступитъ тотъ блаженный моментъ, когда будетъ Богъ всяческая во всѣхъ, а для этого нуженъ длинный путь историческаго развитія. *Лехлеръ* (Das alte Testament in Reden Jesu. Studien und Kritiken. 1854. S. 831) и *Штурцъ* (Aedeutunge für gläubiges Schriftverständnis. II. S. 204) видятъ въ ἀποκατα- στάσει пр. Малахіи указаніе на *устыинную* дѣятельность Іліи и потому не допускаетъ, чтобы Ἠλιας δεῖ εἶθελν вполнѣ безъ остатка входила въ Ἠλιας ἦδη ἦθε. Здѣсь экзегеты впадаютъ въ ту погрѣшность, что В. Завѣтомъ толкуютъ Новый, не довольствуются даннымъ у Спасителя изъясненіемъ и замѣняютъ его своимъ. Отсюда, категорическое изреченіе Господа имъ приходится переводить въ уступительной формѣ: «хотя Ілія пришелъ (въ Іоаннѣ Крестителѣ), но и еще придетъ, чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ» (*Lechler*, loc. cit.). Но такое произвольное обращеніе съ евангельскимъ текстомъ, съ какою бы цѣлію оно ни допускалось, не можетъ быть признано законнымъ. Совершенно ясное положеніе Спасителя рѣшительно исключаетъ всякія попытки внести въ него понятія, совсѣмъ чуждыя ему; слушатели Господа также поняли Его слова въ прямомъ смыслѣ.— Мы не говоримъ, что мнѣніе о явленіи дѣйствительнаго Іліи предъ славнымъ прішествіемъ Іисуса Христа—несправедливо, но утверждаемъ только, что въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ нѣтъ точныхъ указаній на это. Въ бесѣдѣ при спускѣ съ горы вопросъ объ осуществленіи пророчества Малахіи обсуждался единственно по отношенію къ основанію царства Божія на землѣ страданіемъ и смертію Господа; какъ онъ долженъ быть рѣшенъ примѣнительно ко второму явленію Іисуса Христа? этого изъ даннаго отрывка не видно. Посему: и положительный отвѣтъ въ родѣ разобраннаго выше и отрицательный который находимъ у *Мейера* (Ueber Matth. S. 334), *Неандера* (Das I. I. Chr. s. 618—519), *Кейля* (Ueber Matth. s. 366) и др. будутъ произвольны.

дастъ отъ нихъ (Мѡ. 17, 13): это неизбежно, поскольку апока-
тастасисъ Крестителя не былъ полнымъ устройемъ.

Недоумѣніе апостоловъ было разъяснено; на основаніи преж-
нихъ указаній (Мѡ. 11, 10. 14) они поняли, что Онъ (Исусъ)
говорилъ имъ объ Иоаннѣ Крестителѣ (Мѡ. 17, 13). Явившійся
на горѣ Ілія не есть обѣщанный Малахією пророкъ; его замѣ-
нилъ равный ему по духу и силѣ дѣйствованія Предтеча. Что же?
Устроилъ ли онъ все? Факты вели къ отрицательному отвѣту и
выѣтъ съ этимъ предназначали будущій исходъ Господа. Ко-
варно поступившіе съ Крестителемъ пойдутъ дальше въ своемъ
беззаконіи и совершатъ погубительное дѣло убіенія Спасителя.
Апостоламъ не оставалось утѣшенія, какое они думали найти
въ предсказаніи объ Іліи. Это естественно обращало ихъ взоръ
къ грядущему, заставляло готовиться къ страшному моменту и
побуждало къ углубленію въ смыслъ случившагося на горѣ. Пре-
ображеніе Господа было не безцѣльно, но ученики не должны
были говорить объ немъ до воскресенія. Какое же отношеніе
между первымъ и послѣднимъ? Что въ Преображеніи указывало
на страданіе и находило въ немъ свое объясненіе? Почему удо-
стоились присутствовать здѣсь только они, а не всѣ ученики?
Какую задачу налагало на нихъ это предпочтеніе въ связи съ
тѣмъ фактомъ, что распространеніе о событіи Преображенія
дозволялось лишь послѣ воскресенія Спасителя, какъ будто это
обстоятельство должно было раскрыть совершившееся на горѣ
и сдѣлать спутниковъ Господа вѣрными истолкователями его предъ
лицемъ всѣхъ людей и въ частности своихъ братьевъ-апостоловъ?
Вотъ вопросы, которые было необходимо рѣшить Петру, Іакову
и Іоанну въ виду и во время предстоявшихъ тяжелыхъ собы-
тій, чтобы послѣ быть достойными и авторитетными свидѣте-
лями того, что Исусу Христу именно такъ надлежало *постра-
дать, и войти въ славу Свою* (Луки 24, 26). Значитъ, особенное
божественное откровеніе требовало личной самодѣтельности
очевидцевъ Преображенія, предназначая ихъ для великой миссін
въ скоромъ будущемъ.

Н. Глубоковскій.

ХАРАКТЕРЪ ПЕРВЫХЪ ДВУХЪ ГОНЕНІЙ

ПРОТИВЪ ХРИСТІАНЪ.

Еслибы всѣ акты, относящіеся къ исторіи христіанскихъ мучениковъ первыхъ трехъ вѣковъ, дошли до насъ въ полномъ составѣ и въ совершенно неповрежденномъ видѣ, тогда какую драгоценную литературу мы имѣли бы въ своемъ распоряженіи! Тогда эти драгоценные документы имѣли бы высокую для насъ цѣну не только въ смыслѣ первыхъ и ближайшихъ источниковъ для разительнаго и нагляднаго доказательства въ пользу божественности христіанства,—въ смыслѣ живой, рельефной картины христіанскаго духа, который въ вѣнцѣ мучениковъ умѣлъ такъ прекрасно соединить двойную палму необычайной силы и полнѣйшаго смиренія. Въ этихъ судебныхъ протоколахъ, даже разсматриваемыхъ съ чисто человѣческой точки зрѣнія, мы владѣли бы прекрасными монументами въ честь первыхъ христіанскихъ поколѣній, а въ укоръ матеріализму и пессимизму мы имѣли бы опроверженіе, какого они требуютъ,—опроверженіе посредствомъ *ослазательныхъ фактовъ*. Правда, въ существенныхъ чертахъ все это доставляютъ намъ также и тѣ памятники христіанской древности, которыя еще сохранились до нашихъ дней. И все-таки незамѣнимую потерю составляетъ для насъ то, что изъ подлинныхъ актовъ мучениковъ столь немногое устояло противъ всѣхъ невзгодъ времени. Уже съ той поры, когда гоненіе Діоклетіана

стало предавать огню также и книги христіанъ, мпожество первоначальныхъ записей конечно оказалось уничтоженнымъ. Послѣдовавшія затѣмъ волненія народныхъ переселеній, опустошенія Нормановъ еще разъ производили казни надъ тѣми остатками, которые собрало было и восполнило позднѣйшее время.

Еще болѣе роковое дѣйствіе оказывала на историческую цѣнность мученическихъ актовъ та критическая беззаботность, съ какой относились собиратели остатковъ преданія о мученикахъ уже въ четвертомъ и пятомъ, а еще болѣе—въ девятомъ и десятомъ столѣтіяхъ. Собирателямъ этихъ остатковъ, занимавшимся ихъ обработкой, казалось важнымъ и полезнымъ—лишь доставлять побольше матеріаловъ для назидательнаго чтенія, въ стилѣ и во вкусѣ ихъ времени, а вкусъ тѣхъ временъ находилъ слишкомъ мало удовольствія въ простомъ, сильномъ, но лишенномъ всякихъ прикрасъ, языкѣ истинныхъ, подлинныхъ актовъ. При такой постановкѣ и характерѣ собранія и обработки мученическихъ актовъ, дѣло не обходилось,—какъ само собой понятно,—безъ риторическихъ окрасокъ первоначальныхъ рассказовъ, безъ впаданія въ уста мучениковъ длинныхъ, риторически-отдѣланныхъ рѣчей, безъ вплетенія въ простой рассказъ возвышенныхъ религіозныхъ преній между христіанскими исповѣдниками и ихъ языческими судьями. При этомъ, разумѣется, мало придавали важности и мало обращали вниманія на точность хронологическихъ и историческихъ данныхъ, на сохраненіе отличительнаго характера и такъ-сказать, колорита даннаго времени, кратко сказать, на все, что можетъ имѣть силу при опредѣленіи исторической подлинности письменнаго памятника. Безъ сомнѣнія, и эти позднѣйшія переработки не были совершенно лишены всякаго значенія и важности, потому что и они, при всѣхъ признакахъ позднѣйшаго происхожденія, все-таки всегда сохраняли основное зерно исторической дѣйствительности. Но при этомъ обыкновенно бываетъ весьма трудно, особенно при отсутствіи или недостаткѣ другихъ свидѣтельствъ, точно отдѣлать дѣйствительную исторію отъ позднѣйшихъ добавленій, и такимъ образомъ лѣтописецъ гоненій противъ христіанъ часто лишается главнаго источника нужныхъ свѣдѣній. Въ качествѣ источниковъ для него остаются, съ одной стороны, языческіе писатели, которые однако по возможности стараются хранить мертвое мол-

чаніе касательно христіанства, или въ крайнемъ случаѣ давать лишь недостаточныя указанія, и съ другой стороны — писанія отцевъ церкви, изъ которыхъ впрочемъ лишь немногіе поставляли себѣ цѣлю изложеніе страшныхъ угнетеній, предпринимавшихся противъ первыхъ послѣдователей христіанства.

Изъ подлинныхъ актовъ мученическихъ мы имѣемъ, насколько намъ извѣстно, почти только то немногое, что собранъ въ 17 вѣкѣ ученый бенедиктинскій монахъ *Руинартъ*. Именно эта скудость первоисточниковъ и объясняетъ то обстоятельство, что многіе пункты въ исторіи гоненій на христіанъ оказываются темными и сомнительными и сдѣлались предметомъ жестокихъ нападеній со стороны отрицательной критики. Рядъ яростныхъ атакъ открылъ въ 1684 г. англичанинъ *Dodwell*, въ своей диссертациі *De paucitate martyrum*¹⁾). Преслѣдованія христіанъ, по его взгляду, были не очень значительны; мучениковъ было весьма немного, а то, что съ такимъ торжествомъ прославляетъ католическая церковь какъ рядъ мученичествъ, большею частію не имѣетъ за себя никакого другаго авторитета, кромѣ выдумокъ досузей фантазіи и монашескихъ басней. Пять лѣтъ спустя, правда, *Dodwell*, за эти свои удары, получилъ достойное возмездіе и короткую расправу отъ упомянутаго *Руинарта*, въ предисловіи къ его *Acta martyrum sincera* (*Подлинные акты мучениковъ*). Съ тѣхъ поръ положенія и выводы *Dodwell*'я можно было считать научно отвергнутыми, пока они не всплыли снова въ морѣ научно-церковной литературы нашихъ дней. Въ нашъ прогрессивный вѣкъ, какъ извѣстно, сильно подвинуты были впередъ, между прочимъ, также и историко-археологическія изслѣдованія, и вотъ гоненія на христіанъ снова сдѣлались предметомъ самыхъ тщательныхъ розысковъ, только въ совершенно противоположныхъ направленіяхъ. Цѣлый рядъ ученыхъ представлялъ часто вниманію читающей публики весьма цѣнныя изслѣдованія разныхъ подробностей касательно занимающаго насъ предмета, но къ сожалѣнію въ общемъ эти розыски благоприятствовали разрушительной работѣ *Dodwell*'я. Съ противоположнаго лагеря, особенно со стороны католическихъ ученыхъ, усилія

¹⁾ Т.-е. «О маломъ количествѣ мучениковъ».

были направлены главнымъ образомъ на то, чтобы недостаточность указаній первоисточниковъ восполнить преимущественно новѣйшими открытіями археологіи, и нужно правду сказать— нѣкоторымъ удалось достигнуть этимъ путемъ совершенно даже неожиданныхъ, хотя и весьма желательныхъ результатовъ, обыкновенно весьма благопріятствующихъ церковному преданію.

Въ числѣ трудовъ, посвященныхъ достиженію этой цѣли, на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить труды *de-Росси*, раскопки котораго и остроумныя комбинаціи пролили на нѣкоторые пункты совершенно новый свѣтъ. Равнымъ образомъ, касательно многихъ мученическихъ актовъ, подлинность которыхъ раньше его не осмѣливалась защищать критика, онъ доказалъ, что они составляютъ лишь переработку болѣе древнихъ, совершенно вѣрныхъ дѣйствительности извѣстій и слѣдовательно, въ основныхъ чертахъ заслуживаютъ полного довѣрія. Такъ, на примѣръ, акты мучениковъ Ахиллія и Нерей даже для такихъ ученыхъ, какъ Бароній, казались незаслуживающими полной исторической достовѣрности. Но вотъ де-Росси произвелъ раскопки на томъ мѣстѣ, гдѣ по указанію актовъ, долженъ былъ находиться гробъ этихъ мучениковъ; здѣсь онъ дѣйствительно нашелъ одинъ столбикъ, на которомъ написано было имя *Achilleus* (очевидно, неправильное письмо слова: *Achilleus* = Ахиллія), а также изображеніе его мученической смерти; что же касается имени мученика Нерей, то отъ столба, на которомъ, вѣроятно, было написано это имя, были найдены только обломки. Эти открытія съ несомнѣнностію подтвердили не только дѣйствительное существованіе обоихъ названныхъ лицъ, но также и дѣйствительность ихъ мученичества, и даже образъ ихъ мученичества, и такимъ образомъ мученическіе акты въ названныхъ главныхъ трехъ пунктахъ были завѣрены какъ нельзя болѣе, а равно и нѣкоторыя другія ихъ указанія получили теперь гораздо болѣе силы и авторитета.

Французскій ученый Эдмондъ ле-Блантъ (*Edmond le Blant*) старается отдѣлять дѣйствительность отъ творчества въ позднѣйшихъ сказаніяхъ о святыхъ нѣсколько инымъ способомъ, чѣмъ де-Росси. При разсмотрѣніи содержанія этихъ позднѣйшихъ произведеній, онъ точно изслѣдуетъ, нѣтъ ли въ нихъ болѣе или менѣе прямыхъ и ясныхъ упоминаній о законахъ, нравахъ и учрежденіяхъ, со-

временныхъ лицамъ и событіямъ, упоминаемымъ въ сказаніи, но давно исчезнувшихъ и забытыхъ ко времени написанія сказанія. Разъ обрѣтаются въ сказаніи подобныя упоминанія, они указываютъ намъ, безъ сомнѣнія, на слѣды болѣе древнихъ документовъ, лежащихъ въ основѣ позднѣйшаго сказанія, потому что вѣдь авторы позднѣйшихъ сказаній, люди болѣею частію неученые, могли почерпнуть подобныя свѣдѣнія о древнихъ законахъ и т. под. только изъ болѣе древнихъ записей. Другіе признаки болѣе древнихъ составныхъ частей, входящихъ въ позднѣйшее сказаніе, названный ученый находитъ также въ согласіи позднѣйшаго сказанія, въ формѣ разсказа, съ несомнѣнно дѣйствительными актами, также — въ появленіи, уже впоследствии, техническихъ выраженій, вышедшихъ потомъ изъ употребленія, равно въ согласіи цитатъ изъ актовъ у позднѣйшихъ писателей. Примѣненіе этого метода естественно встрѣчаетъ своего рода большія затрудненія, но все-таки, посредствомъ этого метода le Blanc достигъ нѣсколькихъ блестящихъ результатовъ. Частныя, но цѣнныя работы касательно мученическихъ актовъ представилъ въ недавнее время также ученый *Обэ (Aube)* и нѣмецкіе филологи: *Узенеръ* и *Бюдимеръ*. Систематическое изложеніе гоненій противъ христіанъ, съ критикой отрицательныхъ мнѣній, принято было, съ католической стороны, во Франціи, гдѣ появленіе такого труда почти съ необходимостію обусловливалось трактатами о томъ же предметѣ изслѣдователей, въ родѣ *Обэ, Ренана, Гавета* и др. Мы разумѣемъ „Histoire des persécutions pendant les deux premiers siècles“ *Paul Allard'a*, который своей обработкой сочиненія *de-Rossi* „Roma sotteranea“ и другими трудами касательно первыхъ вѣковъ христіанства оставилъ себѣ почетное имя въ подлежащей области науки. Въ настоящей своей статьѣ мы пользуемся по преимуществу данными, собранными и критически оцѣненными въ упомянутомъ сочиненіи *Allarda*, насколько намъ удалось познакомиться съ ними изъ постороннихъ источниковъ.

Въ занимающей насъ области церковной исторіи, первымъ предметомъ спора между учеными противоположныхъ лагерей является уже самый вопросъ о времени, въ какое начался гоненіе на христіанъ. Вопросъ спора состоитъ именно въ томъ: кого должно признать первымъ гонителемъ христіанъ, Нерона

или Траяна? Другими словами: какое значеніе слѣдуетъ приписывать притѣсненіямъ христіанъ въ царствованія Нерона и Домиціана? Слѣдуетъ ли считать ихъ за дѣйствительныя, въ истинномъ смыслѣ, преслѣдованія, или нѣтъ?

Два взгляда, прямо противоположныхъ, видимъ мы предъ собой при рѣшеніи этихъ вопросовъ. Правда, оба эти воззрѣнія одинаково согласны въ томъ, что первоначально вниманіе Нерона обращено было на христіанъ именно только по чистой случайности. Послѣ ужаснаго пожара въ Римѣ, Неронъ искалъ жертвы, на плеча которой онъ могъ бы взвалить съ себя тяготѣвшее на немъ самомъ подозрѣніе въ поджогѣ. Болѣе подходящей жертвы, чѣмъ община христіанъ, онъ не находилъ нигдѣ и ни въ комъ, и вотъ онъ остановился именно на христіанахъ, которыхъ языческое общество Рима уже и безъ того ненавидѣло, какъ секту, о которой ходили самые ужасные, хотя и совершенно негѣпыя слухи, и по этой-то причинѣ прежде всего и сталъ свирѣпствовать противъ нихъ тиранъ. Далѣе оба противоположные лагеря вполне согласны между собой въ томъ, что въ промежуткѣ между нероновскимъ и домиціановскимъ гоненіями церковь христіанская въ теченіи тридцати лѣтъ наслаждалась миромъ. Безъ сомнѣнія, уже съ перваго своего появленія юное христіанское общество не было совершенно избавлено отъ небольшихъ безпокойствъ и отягощеній, о которыхъ повѣствуютъ намъ Дѣянія апостольскія, и конечно, не одинъ проповѣдникъ Евангелія могъ бы представить намъ перечень своихъ бѣдъ и огорченій, въ родѣ того, какой далъ намъ св. апостолъ Павелъ. Но собственно государство римское не притѣсняло съ своей стороны христіанской церкви. Причина этой терпимости заключалась въ томъ, что въ глазахъ правительства римскаго новая религія имѣла значеніе еще простой только секты иудейской, а иудеямъ императоры, какъ извѣстно, дозволяли свободное отправленіе своихъ религіозныхъ обрядовъ.

Но за предѣлами указанныхъ точекъ соприкосновенія, оба взгляда расходятся уже слишкомъ далеко. Какъ основательно утверждаетъ болѣе древній взглядъ, Неронъ и Домиціанъ уже скоро перешли отъ терпимости къ преслѣдованію христіанъ; оба эти императора распространяли свое преслѣдованіе и далеко за стѣнами Рима, оба запрещали исповѣданіе христіанства фор-

мальными законами. Послѣ смерти этихъ тиранновъ, ихъ законы противъ христіанъ, правда, уже не приводились въ дѣйствіе; однако по всему вѣроятію они сохраняли свою юридическую силу и вскорѣ послѣ начала царствованія Траяна, они давали многимъ правителямъ полномочіе къ возобновленію жестокихъ гоненій.

Все это совершенно отвергаетъ *новый* взглядъ на характеръ гоненій противъ христіанъ. По этому взгляду, такъ-называемыя гоненія Нерона и Домиціана прежде всего не были гоненіями противъ *христіанъ*, потому что они направлялись не противъ христіанства, какъ такого. Да они, дагѣ, совсѣмъ и не заслуживаютъ названія гоненій, такъ какъ они ограничивались лишь нѣсколькими суровыми мѣрами, которыя одинаково испытывали на себѣ также іудеи и язычники, и которыя не простирались дагѣ области города Рима.

Точно также расходятся взгляды противоположныхъ лагерей и касательно извѣстнаго отвѣта Траяна Плинію младшему. Поводомъ къ этому распоряженію императора послужило слѣдующее обстоятельство. Въ провинціи Виенніи христіанство сдѣлало большіе успѣхи въ дѣлѣ распространенія своей проповѣди. Не только города, но даже и деревни большею частію сдѣлались христіанскими; храмы были оставлены и опустѣли, богослуженія и религіозныя празднества почти уже не отправлялись: трудно было найти даже покупателя для жертвенныхъ животныхъ. Когда Плиній младшій, въ 111 году, прибылъ въ Виеннію въ качествѣ легата, многіе христіане были предъ нимъ обжалованы, и новый намѣстникъ былъ поставленъ въ немалое затрудненіе, какъ отнестись къ подобнымъ жалобамъ. Раньше,—какъ бы такъ объяснить свое недоразумѣніе Плиній, — онъ никогда не задумывался въ подобнаго рода процессахъ. Пока онъ, не смотря на свое сомнѣніе, нѣсколько христіанъ приговорилъ къ смертной казни,—да относительно такихъ, опасныхъ для государства людей конечно нечего было и думать долго. Но такъ какъ теперь жалобы на христіанъ все болѣе и болѣе увеличиваются, то онъ, Плиній, находитъ благоразумнымъ—извѣстить объ этомъ императора. И въ другихъ случаяхъ онъ имѣетъ обыкновеніе — о всякомъ театрѣ, который нужно устроить, о всякомъ болотѣ, которое нужно засыпать,—безъ всякаго замедленія отправлять сообщеніе въ Римъ. Такимъ образомъ и теперь съ обыкновеню

словоохотливостію онъ излагаетъ предъ императоромъ свое затрудненіе, и императоръ отвѣчаетъ ему такимъ рескриптомъ: разыскивать христіанъ не слѣдуетъ, точно также не нужно принимать и анонимныхъ жалобъ противъ нихъ; напротивъ, если они будутъ привлечены къ суду, какъ *христіане*, то должно присудить ихъ къ смертной казни. Сообразно съ болѣе древнимъ пониманіемъ, въ этомъ весьма важномъ письменномъ отрывкѣ слѣдуетъ усматривать ближайшее разъясненіе и точнѣйшее опредѣленіе *уже существовавшего*, общаго эдикта касательно гоненія христіанъ, а равно и нѣкоторое ограниченіе онаго. По новѣйшему же взгляду, напротивъ, этотъ рескриптъ впервые *создаетъ* неблагоприятное положеніе для христіанъ въ имперіи, хотя де „мы и не знаемъ точно, когда и какъ онъ былъ возведенъ до степени законодательнаго постановленія“.

Древнѣйшій взглядъ еще и понынѣ защищаютъ многіе изъ весьма авторитетныхъ ученыхъ, какъ напримѣръ, *de-Rossi*. Въ числѣ его защитниковъ можно также указать заграничій: *Allard'a*, *Doulcet'a*, *Kellner'a*, *Döllinger'a*, *Ewald'a*, *Guizot*, *Aubé*, *Boissier'a*. Первымъ ученымъ, который Нероново гоненіе противъ христіанъ сталъ ограничивать предѣлами города Рима, былъ послѣ Мосгейма базельскій профессоръ *Baudouin* (1557 г.). Съ тѣхъ поръ какъ *Dodwell* снова выступилъ съ защитой этого взгляда, касательно этого вопроса весьма много спорили; однако еще и теперь нѣтъ недостатка въ весьма почтенныхъ представителяхъ древнѣйшаго взгляда. Далѣе, что Домиціанъ издавалъ всеобщіе декреты противъ христіанъ, это едва ли оспаривалось въ древнѣйшее время. Новѣйшій же взглядъ касательно этого пункта сдѣлался почти всеобщимъ между протестантскими учеными, хотя и между католиками онъ имѣетъ своего представителя. Кратко, въ видѣ общаго очерка, излагаетъ этотъ взглядъ *Franz Görres* въ статьѣ „Преслѣдованія христіанъ“ („*Christenverfolgungen*“), помѣщенной въ *Real-Encyclopädie der christlichen Alterthümer* профессора *Kraus'a*.

Какъ открыто сознаются сами представители новѣйшаго взгляда, древнѣйшее воззрѣніе касательно преслѣдованія христіанъ имѣетъ за себя уже самыхъ древнѣйшихъ апологетовъ христіанскихъ, именно Мелитона сардійскаго (около 172 г. по Р. Хр.) и Тертуліана. Такъ, Тертуліанъ еще не знаетъ никакой, такъ-

сказать, принципиальной противоположности между преслѣдованіями перваго столѣтія и преслѣдованіями втораго вѣка. Неронъ служить для него первымъ виновникомъ гоненій вообще, тѣхъ гоненій, какія свирѣпствовали въ его время. Онъ называетъ *dedicator damnationis postrae* (Apol. 5), т.-е. „объявителемъ осужденія насъ“, и преслѣдованія его времени клеймитъ именемъ *institutum Neronianum*, т.-е. „Нероново заведеніе“ (Ad. nat. I, 7). Далѣе, Тертуліанъ говоритъ, что Неронъ неистовствовалъ противъ христіанской религіи (in hanc sectam, Apol. 5); что при Неронѣ осужденіе имени христіанскаго вошло въ силу и стало обыкновеніемъ³⁾, — вообще употребляетъ выраженія, которыя даютъ понять, что побужденіемъ къ преслѣдованію христіанъ была ненависть въ христіанству, какъ такому. Напротивъ, апологетъ никогда не выставляетъ, въ смыслѣ мотива гоненій, того двусмысленнаго, затруднительнаго положенія, въ какое поставило римскаго тирана предъ обществомъ подозрѣніе въ поджогѣ столицы. Даже тамъ, гдѣ Тертуліанъ ссылается на источники, взятые имъ изъ языческихъ писателей, причину нероновскихъ насилій надъ христіанами онъ указываетъ въ той ненависти, какую долженъ былъ питать въ своей душѣ этотъ извергъ ко всему великому и святому. Съ такимъ изображеніемъ преслѣдованій вполне согласуется то, что жертвы первыхъ гоненій называются у древнѣйшихъ христіанскихъ писателей мучениками за вѣру. Даже названный выше ученый Гёрресъ говоритъ о „борьбѣ за вѣру“, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ первоапостоламъ Петру и Павлу; но только непонятно, на какомъ основаніи это онъ дѣлаетъ. Если у всѣхъ другихъ жертвъ Нероновой свирѣпости Гёрресъ отнимаетъ честь мученической смерти, то по нашему мнѣнію, нѣтъ никакого основанія дѣлать исключеніе въ пользу обоихъ апостоловъ, тѣмъ меньше представляется къ тому основаній, потому что смерть обоихъ апостоловъ онъ относитъ также къ гоненію 64 года.

Конечно, ко времени Нерона христіанство не было еще хорошо узано и правильно оцѣнено со стороны язычниковъ; но столкновеніе съ нимъ языческаго государства въ столь раннее

³⁾ Вотъ подлинныя слова Тертуліана: «Principe Augusto nomen hoc ortum est, sub Tiberio disciplina ejus illuxit, sub Nerone damnatio invaluit» (Ad. nat. I, 7).

время легко можно объяснить чрезъ посредничество іудеевъ. Конечно, подозрѣніе въ поджогѣ Рима, вѣроятно, пало на іудеевъ, какъ это явствуетъ изъ многихъ выраженій отцевъ церкви и какъ можно понять это изъ внутреннихъ причинъ. Дѣйствительно, пожаръ разразился съ такъ-называемаго Circus Maximus, гдѣ въ то время многіе іудейскіе торговцы имѣли свои лавки, а та часть города, гдѣ жили іудеи, по какой-то случайности уцѣлѣла отъ пожара и осталась невредимой. Между тѣмъ въ средѣ, окружавшей тогда Нерона, іудейскій элементъ имѣлъ сильное вліяніе; его супруга Пoppея Сабина была даже іудейской прозелиткой; а при такихъ обстоятельствахъ, іудеямъ, какъ заклятымъ врагамъ христіанъ, было конечно весьма легко и естественно — взвалить съ себя подозрѣніе на христіанъ. А этимъ удобно объясняется то, какимъ образомъ уже въ столь раннее время могла произойти несчастная попытка совершеннаго уничтоженія едва зародившейся вѣры; съ другой стороны, вмѣстѣ съ тѣмъ становится вполне понятнымъ то, почему послѣ смерти Нерона на долю христіанства выпала древняя терпимость и церковь могла наслаждаться прежнимъ миромъ. Столь ранняя вражда противъ церкви вовсе не была прямымъ результатомъ естественнаго историческаго развитія и хода вещей, но была преждевременнымъ, искусственно вырощеннымъ плодомъ интриги. Высшіе классы общества, а слѣдовательно, и правительственные круги еще слишкомъ мало обращали вниманія на новую іудейскую секту, а ученіе христіанъ, которое впоследствии такъ сильно воспламеняло всѣ страсти противъ христіанъ, было для нихъ еще неизвѣстно. Но когда, вслѣдствіе гоненій, правительства вошли въ ближайшее соприкосновеніе съ новой религіей, они должны были понять, что обвиненія, взваливаемые противъ нея іудеями и Нерономъ, были несправедливы. Причина, которая побуждала приступить къ истребленію христіанства, была такимъ образомъ устранена, и нѣтъ рѣшительно ничего удивительнаго, если послѣ смерти Нерона преслѣдованіе стихло и за христіанами, по крайней мѣрѣ, фактически были снова признаны тѣже привилегіи, какими пользовались іудеи.

О какомъ-либо декретѣ касательно гоненія христіанъ у христіанскихъ апологетовъ не обрѣтается *вопль яснаго* упоминанія, тѣмъ не менѣе они, какъ говоритъ Тиллемонтъ, достаточно

указываетъ на такой декретъ. Именно, Мелитонъ и согласно съ нимъ Тертуліанъ изъ всѣхъ императоровъ вплоть до Марка Аврелія и Септімія Севера только за Нерономъ и Домиціаномъ повидимому вполне признаютъ право на титуло „гонителя христіанъ“ и къ нимъ только прилагаютъ оное. Напротивъ, Траяна, Адриана и т. д., при которыхъ однако столько пролито было христіанской крови, христіанскіе апологеты причисляютъ къ государямъ, въ правленіе которыхъ преслѣдованія христіанъ смягчались. Но такой взглядъ обоихъ апологетовъ легко и естественно объясняется предположеніемъ, что Тертуліанъ и Мелитонъ къ числу собственно гонителей относили лишь тѣхъ императоровъ, которые вели, такъ сказать, наступательную войну противъ христіанства посредствомъ изданія декретовъ, имѣвшихъ общеобязательную силу, а не тѣхъ, которые предоставляли разъ изданныя и существовавшія узаконенія такъ - сказать самимъ себѣ, естественному теченію вещей. Такъ понимаютъ относящіяся сюда мѣста у нашихъ апологетовъ не только, напримѣръ, Тиллемонтъ и Бароній; но даже Геррессъ, явный противникъ взгляда касательно всеобщности первыхъ гоненій на христіанъ, высказывается касательно названныхъ мѣстъ, что они доказываютъ лишь то, „что Траянъ никогда не издавалъ всеобщихъ (generelle) эдиктовъ о гоненіи; что онъ не былъ такимъ жестокимъ врагомъ церкви, какимъ изображаетъ его темная (getrübte) традиція“ (Real-Encyklop. I, s. 225, col. 2). Если посему, Траянъ не есть гонитель, потому что онъ не издалъ ни одного всеобщаго эдикта касательно гоненія, то слѣдовательно наоборотъ, Неронъ и Домиціанъ называются гонителями именно по той причинѣ, что они издавали таковые эдикты.

Дальнѣйшее доказательство въ пользу существованія, уже на первыхъ порахъ, эдикта о преслѣдованіи христіанъ представляють, кажется, и отдѣльныя выраженія Тертуліана. Такъ, по его словамъ, Неронъ неистовствовалъ противъ христіанъ „посредствомъ меча цезарей“ (Caesariano gladio, Apol. 5), — выраженіе, которое указываетъ скорѣе на преслѣдованія посредствомъ законовъ, чѣмъ на рѣзню христіанъ въ Римѣ, потому что было бы слишкомъ грубо понимать подъ мечемъ цезарскимъ какую-нибудь сѣкиру палача. Къ такому же пониманію располагаютъ и выраженія Тертуліана, что Неронъ есть „объявитель осу-

жденія нашего“ (*dedicator damnationes nostrae*, Apol. 5), „нашъ обвинитель“ *damnator noster*, Ad nat. I, 7), что „за превращеніемъ всего, осталось только одно это опредѣленіе Нероново“ (*permansit erasis omnibus hoc solum institum Neronianum*, *ibid*). Кажется, что Тертуліанъ даже позднѣйшія узаконенія противъ христіанъ, которыя онъ опровергаетъ въ 4 главѣ своей апологіи, въ слѣдующихъ главахъ относить ко времени Нерона и Домиціана (сн. Ad nat. I, 7), и именно въ этомъ обстоятельстве находить достаточное основаніе отвергать справедливость этихъ узаконеній. „Что это за законы, которые приводили въ дѣйствіе противъ насъ только безбожные, несправедливые, безнравственные люди, но у которыхъ Траянъ отчасти отнялъ ихъ силу дѣйственности, запретивъ разыскивать христіанъ“ и проч. Слѣдовательно, до Траяна, при Неронѣ и Домиціанѣ, примѣняемы были въ дѣйствительности законы противъ христіанъ. Но при этомъ нельзя разумѣть какихъ-либо законовъ напримѣръ, касательно преступленій противъ величества и т. под., которые уже давно существовали и обоими названными императорами были обращаемы также и противъ христіанъ. Здѣсь могутъ быть подразумѣваемы только эдикты собственно только о гоненіи христіанъ, какъ это совершенно ясно вытекаетъ изъ главъ 4 и 6. Въ этихъ главахъ называются несправедливыми сами эти законы, а не примѣненіе ихъ, чего апологетъ не сказалъ бы о законахъ по оскорбленію величества; изъ выше приведеннаго мѣста слѣдуетъ, что до Траяна закономъ было позволено преслѣдовать христіанъ судебнымъ порядкомъ, и вотъ — этотъ-то законъ порицаетъ христіанскій апологетъ.

Впрочемъ, тотъ взглядъ, что уже апологеты признавали всеобщность гоненія противъ христіанъ въ первомъ столѣтіи, принимаютъ и приверженцы противоположнаго воззрѣнія, они только утверждаютъ, что апологеты въ этомъ случаѣ ошибались. Одинъ изъ главныхъ представителей новѣйшаго взгляда на этотъ предметъ, *F. Overbeck* ²⁾ сознается, что этотъ новѣйшій взглядъ „имѣетъ противъ себя не только какую-либо отдѣльную вѣтвь церковной традиціи, но главный стволъ ея“. Не разъ нами на-

²⁾ Studien zur Geschichte der alten Kirche. s. 95.

званный *Görres*, въ этомъ вопросѣ, примыкаетъ къ нему. „Луетинъ, говоритъ онъ (*Real Encyklop.* II. 887), Мелитонъ сардійскій, Тертуліанъ совершенно отрицаютъ принципиальное различіе государственно-правоваго положенія до-траяновской и *послѣ* траяновской церкви“... Въ дѣйствительности притѣсненія христіанъ при Неронѣ и Домиціанѣ, продолжаетъ тотъ же ученый, „не имѣли значенія систематическаго гоненія, но были частичны, мѣстнаго и незавершеннаго характера, просто только — результатъ какаго-либо деспотическаго каприза обоихъ тираническихъ владетелиновъ; напротивъ, легальная нетерпимость христіанства началась съ Траяна.. Иначе (думаютъ) апологеты: *дѣйствительными* отношенія они представляютъ въ совершенно обратномъ порядкѣ, считая до-траяновское гоненіе систематическимъ, другими словами — придавая принципиальное значеніе притѣсненію какой-нибудь части христіанства при Неронѣ и Домиціанѣ, и думая, наоборотъ, что императоръ Траянъ или отмѣнилъ, или по крайней мѣрѣ, значительно смягчилъ дотогѣ имѣвшіе законную силу декреты о преслѣдованіи“ (христіанъ).

Противъ этого можно возразить, что *обманъ* апологетовъ въ дѣлѣ, которое такъ близко затрогивало существенные интересы каждаго христіанина, просто невѣроятенъ. Христіанскія церкви внѣ Рима и Италіи должны были хорошо знать, имѣли ли они мучениковъ уже до Траяна, или не имѣли; подобнаго рода факты, по своей важности, не ступшеваются изъ общественной памяти и не затериваются безслѣдно въ какія-нибудь сто лѣтъ. Точно также каждому христіанину должно быть хорошо извѣстно, отъ когдѣ исходили тѣ законы, вслѣдствіе которыхъ онъ страдалъ; и во время гоненія христіане часто имѣли достаточно поводовъ къ тому, чтобы вспоминать объ этомъ. Къ тому же самъ собой возникаетъ вопросъ, сколько времени прошло оъ тѣхъ поръ какъ рескриптъ Траяна сдѣлался государственнымъ закономъ? много ли протекло лѣтъ со времени этого рескрипта до времени апологетовъ? До времени Мелитона прошло *по большей мѣрѣ* 60 лѣтъ, т.-е. въ его время должны были находиться еще въ живыхъ многія лица въ христіанскихъ семействахъ, которые сами пережили нѣкогда времена до изданія рескрипта. И однакоже, соглашаясь съ приведеннымъ взглядомъ новѣйшаго времени, необходимо допустить, что уже за такое сравнительно короткое

время въ памяти христіанъ не осталось даже слѣда того сильнаго ухудшенія ихъ положенія, какое они испытали отъ рескрипта Траяна! Притомъ, нужно припомнить, что Тертуліанъ былъ во всякомъ случаѣ хорошимъ правовѣдомъ, быть можетъ — даже ученымъ юристомъ по профессіи, и быть — можетъ, онъ одно и то же лицо съ тѣмъ, одноименнымъ ему юристомъ, какому обязаны своимъ происхожденіемъ нѣкоторыя мѣста въ Пандектахъ. Мыслимо ли при этомъ, чтобы онъ столь грубымъ образомъ обманулся касательно того закона, который его касался ближе, чѣмъ всякій другой законъ?!

Для доказательства возможности ошибки въ рассматриваемомъ нами случаѣ, нельзя ссылаться на ложный или, по крайней мѣрѣ, крайне загадочный эдиктъ Марка Аврелія, который Тертуліанъ въ названномъ мѣстѣ (Apol. 5) считаетъ за подлинный; ибо этотъ мнимый эдиктъ въ глазахъ Тертуліана, во всякомъ случаѣ, не имѣлъ уже никакого праваго значенія, и составлялъ для него не больше какъ простое историческое воспоминаніе. Слѣдовательно, и ошибка относительно такого письменнаго отрывка сама собой понятна. Но было бы совершенно необъяснимо, еслибы апологетъ неправильно понималъ законъ, дѣйствіе котораго христіане должны были еще ежедневно испытывать на себѣ. Возьмите для сравненія примѣръ хотя бы изъ нашего, столь критически по всему относящагося времени. Относительно какого-нибудь устарѣлаго постановленія изъ пятидесятихъ годовъ теперь легко можетъ ошибиться даже парламентскій ораторъ, но нельзя допустить въ немъ такой ошибки тогда, когда рѣчь идетъ, напримѣръ, о введеніи майскихъ законовъ въ Пруссіи. Во всякомъ случаѣ, нельзя допустить у апологетовъ ошибки касательно рассматриваемаго вопроса, прежде чѣмъ не будетъ она фактически доказана, т.-е. прежде чѣмъ не будетъ опровергнуто мнѣніе о всеобщности первыхъ гоненій на христіанъ; съ такого рода доказательствами мы еще будемъ имѣть случай встрѣтиться, и тогда изслѣдуемъ ихъ. Это изслѣдованіе вмѣстѣ съ тѣмъ должно рѣшить, справедливо ли или несправедливо Тертуліанъ усматриваетъ въ рескриптѣ Траяна смягченіе болѣе ранняго закона? Ибо свое доказательство того, что такой древнѣйшій законъ не существовалъ, а слѣдовательно не могъ

быть и смягчаемъ, Овербекъ и Гёррессъ одинаково основываютъ на утверженіи незначительности первыхъ гоненій.

Одно только сомнѣніе, затрудняющее несомнѣнную увѣренность въ апологетахъ, намъ остается еще разрѣшить. Каждому должно бросаться въ глаза то, что изъ всѣхъ императоровъ только Нерона и Домиціана Тертуліанъ и Мелитонъ влеймятъ прозвищемъ гонителей. Какъ же теперь слѣдуетъ объяснять себѣ такой оборотъ рѣчи? Быть можетъ здѣсь необходимо согласиться съ Овербекомъ, который въ этомъ пониманіи и способѣ выраженій апологетовъ желаетъ усматривать воспроизведеніе ошибки Лактанція, который во время отъ Домиціана вплоть до Деція охарактеризовалъ какъ эпоху мира для христіанской церкви? Между прочимъ, при этомъ нужно обратить вниманіе на то, что апологеты только *самыхъ императоровъ* освобождаютъ отъ обвиненія въ преслѣдованіяхъ христіанъ, а отнюдь не отвергаютъ существованія самихъ преслѣдованій *въ царствованіе* этихъ императоровъ. Напротивъ Мелитонъ напримеръ, говоритъ прямо противоположное. Ибо иначе что могутъ означать императорскіе покровительственныя рескрипты, на которые онъ ссылается? Только существованіе гоненій и можетъ объяснить намъ эту ссылку апологета. Точно также онъ вовсе не хочетъ называть Марка Аврелія врагомъ христіанъ, и однако онъ говоритъ въ то же время, что въ его правленіе гонители христіанъ позволяли себѣ многое такое, чего прежде никогда не было слышно. Именно въ такомъ же смыслѣ можно и должно понимать и Тертуліана. И онъ также знаетъ еще и другихъ гонителей, кромѣ императоровъ. Закончивъ свою рѣчь о Неронѣ и Домиціанѣ, онъ дѣлаетъ замѣчаніе: „такіе люди всегда наши гонители“. Государей онъ не могъ имѣть здѣсь въ виду, потому что всѣ императоры, которыхъ можно было бы считать гонителями, и безъ того перечисляются и оправдываются. Къ тому же онъ знаетъ, что эдиктъ Траяна имѣлъ силу также и при послѣдующихъ императорахъ, и что „истина была возненавидена уже при своемъ вступленіи въ міръ“ (Apol. 7). Для разсудительнаго читателя всѣхъ подобныхъ мѣстъ такіа и подобныа выраженія апологетовъ не покажутся чѣмъ-либо страннымъ и поразительнымъ. Онъ пойметъ, что они *должны* были и имѣли основаніе такъ выражаться. Въ самомъ дѣлѣ, сколько бы враждебно ни были настроены госу-

дари втораго столѣтія въ отношеніи къ христіанству и сколько бы ни поощряли они намѣстниковъ къ преслѣдованію христіанъ, все-таки оставался на лице тотъ фактъ, что они не издавали никакихъ общихъ эдиктовъ о гоненіи, все-таки далѣе оставался и тотъ фактъ, что ихъ рескрипты касательно христіанъ могли только улучшать ихъ положеніе. Если апологеты въ своихъ просительныхъ писаніяхъ и въ защитительныхъ рѣчахъ пользовались такимъ положеніемъ вещей, то за это никакъ нельзя ихъ обвинять и нельзя ставить имъ это въ укоръ. Само собой понятно, что въ прошеніи невозможно жаловаться и никогда не жалуются на государя, къ которому оно обращено, напротивъ, всегда показываютъ къ нему полное довѣріе и съ особенной силой выражаютъ увѣренность, что это довѣріе можетъ быть оправдано и не будетъ обмануто.

Такимъ образомъ, оба названные апологеты съ несомнѣнно-стію завѣряютъ насъ въ томъ, что первыя гоненія были направлены противъ *самаю* христіанства, какъ такою, и были вызваны вслѣдствіе императорскихъ эдиктовъ. У Тертуліана мы можемъ найти нѣкоторыя указанія даже касательно буквальныхъ выражений, покрайней мѣрѣ, одного изъ этихъ эдиктовъ. Въ своей книгѣ, написанной въ защиту христіанства (Apol. с. 4), онъ обращается слѣдующими словами къ судьямъ или вѣрнѣе—къ предсѣдателямъ суда: „Сперва я долженъ предпринять войну съ вами, какъ установленными стражами законовъ, касательно законовъ. Какъ жестоко уже это ваше выраженіе: „людей, подобныхъ вамъ, не должно быть“. Что Тертуліанъ приводитъ здѣсь *буквальное выраженіе* какаго-то закона, это кажется вѣроятнымъ уже само по себѣ, и это же еще болѣе подтверждается также совершенно подобными мѣстами у другихъ церковныхъ писателей. Такъ, Оригенъ въ одной изъ своихъ „гомилиѣ“ (9 на Іисуса Навина) выражается: „порѣшили (правители земли) въ своихъ законахъ, чтобы *христіанъ не было*“ („decreverunt (reges terrae) legibus suis, ut *nonsint Christiani*“). То же самое высказываетъ ясно и Сульпицій Северъ, въ одномъ мѣстѣ своей хроники: „а также послѣ (т.-е. послѣ перваго избіенія христіанъ Перономъ въ Римѣ), въ силу изданныхъ законовъ, воспрещалась религія (т.-е. христіанская), и въ силу объявленныхъ предъ всѣми эдиктовъ *неповолялось существовать христіанамъ*“ („Post

etiam datis legibus religio vetabatur, palamque edictis propositis *Christianos esse non licebat*“—Chron. II, 29). Итакъ, никакого не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что подразумѣваемый въ приведенныхъ мѣстахъ законъ, вообще и обязательно для всѣхъ, воспрещалъ христіанскую религію, даже безъ всякаго указанія причинъ такого запрещенія. И на эту-то именно неопредѣленность и такъ - сказать безпричинность закона нашъ апологетъ и указываетъ, какъ на явленіе возмутительное. „Если тѣ законы подвергають наказанію (самое) имя христіанина, то они безразсудны. Если же они касаются преступленій, то почему они наказываютъ въ насъ эти преступленія просто только въ имени нашемъ“ и т. д. По всему вѣроятію, происхожденіе этихъ законовъ нужно относить еще къ первому столѣтію нашей эры, потому что иногда Тертуліанъ и Сульпицій Северъ (I с.) относятъ ихъ къ Нерону, и къ тому же пресловутое письмо Плінія къ Траяну, предполагаетъ существованіе такого, вполне общеобязательнаго, закона. Эту послѣднюю мысль мы постараемся теперь развить и доказать обстоятельнѣе.

Поводъ къ написанію упомянутаго письма намъ уже извѣстенъ. Сильные успѣхи, одѣланные за короткое время христіанствомъ въ Впеиніи, многочисленныя жалобы противъ христіанъ поставили Плінія въ большое затрудненіе, и вотъ, для разрѣшенія своего сомнѣнія онъ обращается теперь къ императору. „При судебномъ разбирательствѣ дѣлъ касательно христіанъ, такъ начинается онъ свое письмо, я никогда не присутствовалъ лично, посему я и не знаю ни того, что у нихъ заслуживаетъ наказанія, ни того, какимъ способомъ ихъ наказываютъ, ни того, на какія стороны ихъ дѣлъ слѣдуетъ направлять разслѣдованіе“⁴⁾. Уже это начало дальнѣйшаго изложенія, служащее, своего рода оговоркой со стороны Плінія, достаточно показываетъ, что эдикты противъ христіанъ существовали во времени написанія письма. Въ самомъ дѣлѣ, Пліній спрашиваетъ только о томъ, *за что обыкновенно наказываютъ христіанъ, а что ихъ обыкновенно наказываютъ*, это онъ предполагаетъ какъ фактъ, не подлежащій для него сомнѣнію, и потому онъ и не спраши-

⁴⁾ Подлинныя слова письма: *Cognitionibus de Christianis interfui nunquam, ideo nescio, quidaut quateus puniri soleat aut quaeri.*

ваетъ, *нужно ли ихъ вообще наказывать, или не нужно.* Но кромѣ этого указанія, дальнѣйшее изложеніе недоумѣній Плинія и его собственный образъ дѣйствій въ отношеніи къ обжалованнымъ христіанамъ даетъ намъ довольно опредѣленное извѣстіе касательно внутренняго характера эдикта. Изъ этого изложенія мы увидимъ, что въ концѣ разсматриваемаго нами посланія императорскій легатъ втораго столѣтія характеризуетъ этотъ эдиктъ вполне согласно съ Тертуліаномъ, и такимъ образомъ приводитъ къ тому несомнѣнному заключенію, что дѣйствительно, во времени Тертуліана законъ перваго вѣка, конечно нѣсколько видоизмѣненный рескриптомъ Траяна, еще служилъ основаніемъ для производства суда надъ христіанами.

„Точно такъ же сильно колеблюсь я, продолжаетъ тотъ же Плиній, въ рѣшеніи вопроса, слѣдуетъ ли вести дѣло различно съ различными классами возраста, или и самая нѣжная юность не должна имѣть никакого предпочтенія предъ зрѣлымъ возрастомъ; оказывать ли прощеніе тѣмъ, которые выразятъ раскаяніе. или для всякаго, кто разъ былъ христіаниномъ, отреченіе отъ христіанства уже должно быть бесполезно, собственно виновность заключается ли въ одномъ только имени (т.-е. христіанина), хотя бы онъ и не былъ запятнанъ преступленіями, или она заключается въ преступныхъ дѣйствіяхъ, неразрывныхъ съ названіемъ“.

Изъ этого отрывка ясно, что лица, обжалованные въ принадлежности къ христіанству, были привлекаемы къ суду, и именно за свою принадлежность къ христіанству. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы жалоба касалась какого-нибудь опредѣленнаго преступленія, на примѣръ—участія въ запрещенныхъ обществахъ, или въ преступленіяхъ противъ величества, или въ отверженіи государственныхъ боговъ и т. под., тогда конечно, для Плинія не было бы никакого основанія еще колебаться и сомнѣваться касательно того, что нужно предпринять противъ такихъ преступниковъ; тогда онъ не долженъ былъ бы спрашивать, что собственно подлежитъ наказанію: имя ли *христіанинъ*, или тѣ преступныя дѣянія, которыя поставляютъ въ вину этому названію. Тогда ему точно также нечего было бы долго разсуждать и о томъ, слѣдуетъ ли оказывать помилованіе виновнымъ, въ случаѣ ихъ раскаянія. Всѣ указанные вопросы и колебанія Плинія имѣютъ

смысль лишь при томъ условіи, если преступленіемъ, противъ котораго направлено была жалоба, признавалось именно самое христіанство, т.-е. исповѣданіе этой религіи. Но существованіе обвиненій въ принадлежности къ христіанству само собой предполагаетъ уже существованіе закона противъ христіанства.

Въ такому же заключенію съ необходимостію приводитъ насъ и обращеніе Плинія съ обвиняемыми христіанами, его, такъ сказать, судебное изслѣдованіе обвиненія. Онъ не долго разслѣдываетъ отдѣльныя преступленія обвиняемаго. Приведеннаго къ нему обвиняемаго онъ просто-на-просто спрашиваетъ только, христіанинъ ли онъ, или нѣтъ; если онъ самъ признаетъ себя таковымъ, то онъ Плиній, повторяетъ разъ и два свой вопросъ, подъ угрозой смертной казни, и если обвиняемый по прежнему признаетъ себя христіаниномъ, то его ведутъ на казнь^{*)}. Теперь спрашивается: какъ могъ Плиній грозить смертію за исповѣданіе христіанства, какъ могъ онъ даже наказывать смертію исповѣдниковъ этой религіи, какъ осмѣлился бы онъ докладывать о такомъ образѣ дѣйствій, какъ неподлежащемъ сомнѣнію и пререканію, Траяну, этому строгому и точному блюстителю и исполнителю государственныхъ законовъ, какъ посмѣлъ бы онъ сдѣлать это, еслибы законъ дѣйствительно не воспрещалъ исповѣданія христіанства?

Существованіе эдикта о преслѣдованіи христіанъ *ранше* царствованія Траяна, эдикта, по отношенію къ которому рескриптъ этого императора былъ только точнѣйшимъ разъясненіемъ, мы должны допустить еще и по той причинѣ, что никакой промежутокъ времени *посль* Траяна не представляетъ возможности для возведенія этого рескрипта на степень государственнаго закона. А что Траянъ самъ не возводилъ этого рескрипта до значенія закона, это признаетъ и такой противникъ нашего взгляда, какъ Гёрресъ. Такъ онъ самъ говоритъ, что выраженіе Тертуліана (въ Arol. 5) показываетъ, „что Траянъ никогда не издавалъ всеобщаго эдикта о преслѣдованіи“ (Real-Encykl. I, 225, col. 2). Но, вѣдь совершенно такимъ же образомъ, какъ о Траянѣ, выражается Тертуліанъ и объ Адрианѣ, Антонинѣ Піѣ,

^{*)} Подлинныя слова Плинія: «Interrogavi ipsos an essent Christiani, confitentes iterum ac tertio interrogavi supplicium minatus, perseverantes duci jussi».

Маркъ Авреліѣ. „Итакъ, вотъ каковы тѣ законы, которые.. приводятъ въ дѣйствіе одни только безнравственные люди, говорить апологетъ; которые отчасти призналъ тщетными Траянъ, запретивъ разыскивать христіанъ; которыхъ не издавалъ ни *Adrianus*,... ни *Vespasianus*, .. ни *Pius*, ни *Verus*“ ⁴⁾. Если же, такимъ образомъ, ни одинъ изъ названныхъ государей не издавалъ всеобщихъ эдиктовъ о преслѣдованіи христіанъ, то рѣшительно невозможно понять, кто же тогда рескриптъ Траяна могъ возвысить до степени общегосударственного закона?

Касательно гоненій христіанъ въ первомъ столѣтіи мы находимъ извѣстія еще въ двухъ книгахъ Св. Писанія: въ посланіи святаго апостола Петра и въ Апокалипсисѣ Іоанна. Въ своемъ первомъ посланіи апостолъ Петръ преподаетъ нѣкоторыя наставленія христіанскимъ обществамъ въ Малой Азіи, гдѣ къ тому времени или уже разразилось гоненіе противъ христіанъ, или по крайней мѣрѣ, несомнѣнно должно было вскорѣ разразиться. Это гоненіе, на которое ясно указывается въ 1 посл. Петра (4 гл. 17 ст.), было всеобщимъ и обнимало весь тогдашній христіанскій міръ, какъ видно изъ того же посланія, гл. 5 ст. 9. Можно далѣе заключать, что оно доходило даже до пролитія христіанской крови, потому что апостолъ увѣщаетъ христіанъ, чтобы „не пострадалъ кто изъ нихъ, какъ убійца, или воръ, или злодѣй, или какъ посягающій на чужое“, но „какъ христіанинъ“, изъ чего слѣдуетъ, что христіане имѣли и претерпѣть тоже, что претерпѣваютъ убійцы, или воры (4, 17). Наконецъ, кажется гоненіе это не было какимъ-либо частнымъ и моментальнымъ взрывомъ ярости языческой черни, но было учинено и руководимо правительствами. Ибо апостолъ выше увѣщаетъ христіанъ, чтобы они всегда были готовы дать отчетъ о своей вѣрѣ (гл. 3 ст. 15); но разъяренная народная толпа обыкновенно не требуетъ никакого отчета отъ людей, возбудившихъ противъ себя ея ярость, и предъ нею невозможно давать какой бы то ни было отчетъ, хотя бы и хотѣлось дать оный. На

⁴⁾ *Quales ergo leges istae, quas... soli exequuntur impii, quas Trajanus ex parte frustratus est vetando inquiri Christianos, quos nullus Adrianus... nullus Vespasianus nullus Pius, nullus Verus impressit (Apol. 5). Марка Аврелія апологетъ нѣсколько назвалъ *protector*—покровителемъ—христіанъ.*

это же указываетъ повидимому и увѣщаніе апостола: только бы не пострадалъ кто изъ васъ, какъ убійца, или воръ и проч., но какъ христіанинъ. Наказаніе воровъ и убійць есть дѣло правительства; слѣдовательно и въ данномъ случаѣ, т.-е. въ дѣлѣ наказанія христіанъ за ихъ вѣру, мы также, естественно всего, должны предположить необходимость правительственнаго вмѣшательства. Если же, наконецъ это преслѣдованіе христіанъ продолжалось, или по крайней мѣрѣ имѣло продолжиться на столько долго, что извѣстіе объ немъ успѣло дойти до Рима, гдѣ былъ тогда апостоль, и возвратиться опять въ Малую Азію, то просто невозможно допустить, чтобы оно было не больше какъ вспышкой народной ярости, обыкновенно быстро воспламеняющейся и столь же быстро потухающей. Итакъ, въ этомъ посланіи мы имѣемъ новое драгоценное свидѣтельство въ пользу бѣгле древняго пониманія первыхъ гоненій противъ христіанъ, т.-е. въ пользу ихъ всеобщности и законодательнаго характера. По крайней мѣрѣ весьма трудно понять, какимъ образомъ возможно отнимать у первыхъ гоненій характеръ *гонимой собственно противъ христіанства*, не относя, заодно съ отрицательной критикой, происхожденія перваго посланія апостола Петра ко второму христіанскому вѣку.

Къ подобнымъ же умозаключеніямъ вынуждаетъ и Апокалипсисъ св. Іоанна Богослова. И здѣсь, въ этой св. книгѣ, также идетъ рѣчь о гоненіи и мученичествѣ ради имени Христова. Самъ апостоль пишетъ свое откровеніе съ острова Патмоса, куда онъ былъ сосланъ „за слово Божіе и за свидѣтельство Іисуса Христа“. Онъ говоритъ о душахъ тѣхъ, которые были убиты за слово Божіе и за свидѣтельство, которое они имѣли (гл. 6, ст. 9), о душахъ тѣхъ, которые были обезглавлены за слово Божіе и за свидѣтельство Іисуса Христа (гл. 20, ст. 4). Посланія къ семи церквамъ Малой Азіи (1, 11) постоянно говорятъ о страданіяхъ, которыя уже постигли христіанскія общества въ Малой Азіи, ради имени Христа, (2, 3), или вскорѣ имѣли постигнуть (2, 10), и рядомъ съ увѣщаніемъ къ сохранію вѣры въ совершенной чистотѣ все снова и снова возвращается апостоль къ увѣщанію остаться непоколебимому во всѣхъ страданіяхъ, постоянно указываетъ на ту великую награду, которая достанется претерпѣвшему гоненія и вышедшему побѣди-

телемъ. Передано здѣсь намъ даже имя одного мученика, именно имя Антипы изъ Пергама. „Знаю твои дѣла, пишеть апостолю къ ангелу Пергамской церкви, и что ты живешь тамъ, гдѣ престолъ сатаны, и что содержиши имя Мое, и не отречея отъ вѣры Моей, даже въ тѣ дни, въ которые у васъ, гдѣ живеть сатана, умерщвляея вѣрный свидѣтель Мой, Антипа“ (гл. 2, ст. 13). Правда, нѣкоторые новѣйшіе критики исторіи первоначальнаго христіанства даже и это доказательство въ пользу всеобщности гоненій христіанъ въ первомъ вѣкѣ умѣютъ обойти, для чего фактъ мученичества Антипы они просто-на-просто зачеркивають въ Апокалипсисѣ; но можно ли такой методъ изслѣдованія признать научно-состоятельнымъ, это уже предоставляемъ рѣшить каждому мыслящему читателю.

Изъ этихъ свидѣтельствъ Свящ. Писанія уже можно съ достаточною ясностію усмотрѣть, что можно и должно удержать изъ другаго доказательства, которое будучи принято полностью, должно само собой исключить всякую возможность преслѣдованія въ первомъ столѣтіи собственно *христіанъ*. Христіанство, говорятъ намъ, вплоть до царствованія Траяна считалось не больше, какъ сектой іудейской. Іудейство же, какъ извѣстно, признавалось за дозволенную закономъ религію; слѣдовательно и христіане, въ которыхъ тогда видѣли лишь одну изъ іудейскихъ сектъ, находились подъ защитой государственныхъ законовъ и совершенно были застрахованы противъ всякаго преслѣдованія. Даже противъ возможныхъ вспышекъ народной ярости, увѣряютъ защитники отрицательнаго взгляда, всѣ послѣдователи таеъ называемой *religio licita*, (какою была религія іудейская, а слѣдовательно и христіанство) могло найти убѣжище и защиту подъ рукою правительства, а о какихъ-либо гоненіяхъ со стороны самихъ намѣстниковъ не можетъ быть и рѣчи. Однако мы замѣтимъ, что такія умозаключенія заходятъ ужъ слишкомъ далеко. Безъ сомнѣнія, первоначально язычники ничего другаго не могли видѣть въ христіанствѣ, какъ только особый видъ іудейства. Само христіанство признавало себя завершеніемъ и исполненіемъ іудейства; его апостолы и проповѣдники всегда прежде всего появлялись въ синагогахъ и для доказательства истинности своего ученія ссылались на священныя книги евреевъ. Но, вѣдь были же и такіе люди, которые сильно

протестовали противъ ученія о какомъ бы то ни было сродствѣ между христіанствомъ и іудействомъ и предъ судомъ постоянно старались выставить христіанство въ видѣ и въ смыслѣ новой и недозволенной религіи. Таковы были особенно сами іудеи, а иногда и язычники. „Сии люди, жаловались на христіанъ язычники, проповѣдуютъ обычаи, которыхъ намъ римлянамъ не слѣдуетъ ни принимать, ни исполнять“ (Дѣян. апост. 16, 21). Въ виду такихъ жалобъ уже самимъ правителямъ провинцій оставалось рѣшать, принадлежали ли христіане къ іудейству, или составляли особую религію. Иногда подобное рѣшеніе, правда, оказывалось благопріятнымъ для христіанъ, но часто оно было и неблагопріятно. Такъ, напримѣръ въ Фессалоникахъ, на глазахъ римскаго управителя, въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, христіане жестоко были преслѣдуемы, какъ это можно усматривать изъ нѣкоторыхъ мѣстъ посл. къ фессалоникійцамъ (1 посл. гл. 2, ст. 14; 2 посл. гл. 1, ст. 4) ⁷⁾.

Что же касается послѣдующаго времени, то предполагаемое сродство христіанства съ іудействомъ еще менѣе могло застраховывать за христіанами покровительство и защиту со стороны римскаго правительства, когда самъ императоръ подалъ примѣръ гоненія христіанъ и когда враги христіанъ могли кричать предъ намѣстниками: если ты ихъ освободишь, ты не другъ кесарю. Многими христіане признавались за іудейскую секту и гораздо позднѣе перваго столѣтія, когда преслѣдованія давно уже возгорѣлись. Еще Адрианъ, послѣ іудейской войны, почелъ необходимымъ осквернить не только мѣсто храма іудейскаго, но также и Виллеемъ и Голгоу (Sulp. Sever. Hist. s. II. 30). И Тертуліанъ обращаетъ вниманіе своихъ современниковъ на то, что Веспасіанъ, хотя побѣдитель іудеевъ, однако щадилъ христіанъ (Apol. 5). И еще во времени этого апологета оказывалось нужнымъ отклонять отъ христіанъ тотъ упрекъ, будто они пользуются ветхозавѣтными пророчествами лишь только для того, чтобы казаться іудеями и такимъ способомъ посредствомъ пронырства и хитрости добывать себѣ законную терпимость (Apol. 21).

2.

(Продолженіе будетъ.)

⁷⁾ Ср. Cornely, Introductio in S. Script. III § 122.

АПОЛОГЕТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ *.

О данныхъ палеонтологіи и біологіи, требующихъ признанія временнаго начала органической жизни на землѣ.

Результаты палеонтологическихъ изслѣдованій указываютъ на временное начало высшихъ организмовъ.—Мифіе Кюльбе и его опроверженіе.—Лаврентійскіе пласты.—Eozoon canadense.—Логическая несообразность, заключающаяся въ предположеніи о вѣчномъ существованіи органическаго міра.—Необъяснимость происхожденія органической жизни на землѣ съ естественно-научной точки зрѣнія.—Гипотеза самопроизвольнаго зарожденія.—Гипотеза Дарвина.—Въ какомъ смыслѣ допустимо ученіе о прогрессѣ органической жизни на землѣ?—Естественнатыя попытки по настоящему состоянію природы судить о ея прошлой исторіи.—Свидѣтельство ученыхъ въ пользу заключенія о временномъ началѣ земли и ея обитателей.—Общій выводъ изъ всего изслѣдованія.

Если признать достовѣрнымъ или, по крайней мѣрѣ, въ высшей степени вѣроятнымъ, что земной шаръ имѣетъ свою исторію развитія съ временнымъ началомъ, то необходимо тоже самое признать достовѣрнымъ или въ высшей степени вѣроятнымъ и въ отношеніи органической жизни на землѣ. Но вопросъ о временномъ возникновеніи органической жизни можетъ быть предметомъ и особаго изслѣдованія. Важность его требуетъ, чтобы мы ближе рассмотрѣли его съ различныхъ точекъ зрѣнія. Прежде всего мы обратимъ вниманіе на то, что представляютъ въ этомъ отношеніи палеонтологическія изслѣдованія.

* См. «Прав. Обзор.» август. кн. текущаго года.

Говоря объ осадочныхъ формаціяхъ, мы упоминали и о содержащихся въ нихъ органическихъ остаткахъ ¹⁵²⁾. Въ отношеніи этихъ остатковъ замѣчена нѣкоторая законосообразность, касающаяся именно слѣдующихъ обстоятельствъ. Чѣмъ глубже расположены формаціи, тѣмъ менѣе находится въ нихъ остатковъ высшихъ организмовъ какъ животнаго, такъ и растительнаго царства, и тѣмъ болѣе отступаютъ находимыя въ нихъ органическія формы отъ существующихъ теперь. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что съ возрастаніемъ глубины болѣе и болѣе исчезаютъ слѣды климатическаго различія поясовъ, такъ какъ въ странахъ, расположенныхъ близко къ полюсамъ, находятъ ископаемые организмы, которые указываютъ на то, что въ этихъ странахъ прежде былъ тропическій климатъ.

Такимъ образомъ, направленіе снизу вверхъ въ нѣдрахъ земли представляется постепенное приближеніе органическихъ формъ къ существующимъ теперь и вмѣстѣ съ тѣмъ прогрессъ отъ низшихъ къ высшимъ, такъ какъ растительный и животный міръ теперешняго времени оказывается достигшимъ наиболее высокой степени организациі сравнительно съ прежними періодами. Въ самыхъ низшихъ осадочныхъ пластахъ встрѣчаются только безъспородольныя кѣлтчатыя растенія (водоросли, грибы, коросты или лишай, мхи). Двусъспородольныя растенія, способныя къ цвѣтенію, находятся лишь начиная съ мѣловой формаціи и достигаютъ въ третичныхъ формаціяхъ своего полнаго развитія. Но сначала встрѣчаются только голосъспородольныя (гимноспермныя) или несростнолепестныя (хвойныя и цикадные). Сростнолепестныя, стоящія на самой высшей ступени растительнаго міра, появляются лишь позднѣе въ своемъ полномъ развитіи. Равнымъ образомъ и животное царство обнаруживаетъ переходъ отъ простѣйшихъ по строенію формъ къ болѣе сложнымъ и выше организованнымъ формамъ, такъ что, напр. позвоночныя животныя слѣдуютъ одни за другими въ такомъ порядкѣ: рыбы, пресмыкающіеся, птицы и наконецъ, млекопитающія. Конечно, четыре большіе главные отѣлы животнаго царства, именно: лучистыя, мягкотѣлыя, суставчатыя и позвоночныя животныя, находятся уже въ такъ-называемыхъ переходныхъ гор-

¹⁵²⁾ «Прав. Обзор.», августъ 1888 г., стр. 575.

ныхъ породахъ. Но позвоночныя здѣсь являются также изъ самаго низшаго класса, именно рыбы, которыя кромѣ того представляютъ тутъ своеобразныя формы, свидѣтельствующія еще о низшей степени организаціи. Максимумъ глубины, на которой были находимы очень рѣдкіе остатки пресмыкающихся, отмѣчается девонскими отложеніями. Въ совершенной формѣ они являются также въ триасовый и юровый періоды. Остатки млекопитающихъ встрѣчаются въ большемъ количествѣ также до древнѣйшихъ третичныхъ формацій. Отсюда съ возрастаніемъ глубины они попадаютъ все рѣже и рѣже вплоть до верхнихъ пластовъ триасовой и юровой формаціи, которые еще содержатъ въ себѣ нѣкоторые виды, стоящіе на самой низкой ступени организаціи (напр. сумчатая). Согласно съ этими фактами О. Неег обозначаетъ первичный періодъ, какъ время безцвѣтовыхъ растений и рыбъ, вторичный—какъ время голоственодольныхъ и пресмыкающихся, третичный наконецъ—какъ время двуственодольныхъ и млекопитающихъ.

Указанная послѣдовательность организмовъ вообще считается вѣрнымъ результатомъ палеонтологическихъ изслѣдованій. Но ея нельзя такъ понимать, будто въ прогрессивномъ ряду одинъ членъ слѣдовалъ за другимъ. Высшія растения отнюдь не примыкаютъ къ самымъ низшимъ животнымъ; напротивъ, простѣйшія формы животныхъ встрѣчаются такъ близко къ простѣйшимъ формамъ растений, что едва ли можно провести между ними точную пограничную линію. Оба царства природы встрѣчаются вмѣстѣ въ простѣйшихъ своихъ формахъ и отсюда развиваются по различнымъ направленіямъ. При этомъ восходящую послѣдовательность можно замѣтить только внутри области нѣкоторыхъ главныхъ отдѣловъ животнаго и растительнаго царствъ, хотя всѣ организмы теперешняго и первобытнаго времени нельзя привести въ одинъ непрерывающійся рядъ.

Если указанный результатъ палеонтологическихъ изслѣдованій вполне достовѣренъ, то изъ него несомнѣнно слѣдуетъ, что высшія органическія формы теперешняго времени существуютъ не отъ вѣчности, но возникли во времени; поэтому и временное начало органической жизни вообще нужно считать весьма вѣроятнымъ. Противъ этого заключенія, конечно, указывали на сравнительно столь незначительную глубину, до которой до-

селѣ проникли въ земную кору, равно какъ и на огромныя территоріи, еще совершенно не изслѣдованныя въ ботаническомъ и зоологическомъ отношеніяхъ. Несомнѣнно лишь то, что въ болѣе глубокихъ осадочныхъ пластахъ, которые изслѣдованы доселѣ, нѣтъ многихъ теперешнихъ организмовъ; но отсюда еще нельзя заключать, что ихъ вообще тамъ нѣтъ. Поэтому, Szolbe считаетъ возможнымъ предположить существованіе всѣхъ теперешнихъ органическихъ формъ въ еще неизслѣдованныхъ частяхъ земной коры. Но противъ этого нужно возразить, что палеонтологическія изслѣдованія до сихъ поръ еще повсюду, гдѣ они могли быть предприняты въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, приводили къ указанному результату. По новѣйшимъ открытіямъ, конечно, существованіе человѣка, кажется, простирается дальше въ прошедшемъ, чѣмъ какъ прежде думали. Но этими открытіями заключеніе касательно означенной послѣдовательности организмовъ нисколько не было опровергнуто; напротивъ, въ новѣйшее время найдено еще нѣчто такое, что во всякомъ случаѣ свидѣтельствуеетъ въ пользу его. Прежде обыкновенно считали силурійскую формацию древнѣйшими осадочными отложеніями, которыя уже содержатъ въ себѣ много остатковъ растений и животныхъ, между послѣдними и позвоночныхъ, но только самаго низшаго класса, именно рыбъ. Древнѣе этихъ силурійскихъ пластовъ камбрійскіе, въ которыхъ нашли различныя морскія раковины и черепахотныхъ, но ни одной рыбы. Древнѣйшими пластами съ органическими остатками считаются лаврентійскіе¹⁵³⁾. Они содержатъ въ себѣ остатки губокъ, слѣдовательно существъ, которыя стоятъ на очень низкой ступени организаци. Эти пласты, которые отчасти суть уже кристаллическіе, были открыты Logan'омъ въ Канадѣ и должны лежать на 18000 футовъ ниже самыхъ нижнихъ силурійскихъ осадковъ названной страны. Различаютъ верхне-лаврентійскіе пласты, толщиной въ 1000 футовъ съ известковыми залежами, и нижне-лаврентійскіе слои, толщиной около 20000 футовъ, состоящіе изъ гнейса, кварца, конгломерита и зернистаго известняка. Губки находятся въ кристаллическихъ известковыхъ залежахъ и получили названіе *Eozoön Canadense*. Конечно, животная природа этого *Eozoön Sa-*

¹⁵³⁾ Названіе такъ по рѣкѣ св. Лаврентія, близи которой они находятся.

padense очень сомнительна, такъ что многими оно принимается за неорганическое образованіе. Дѣйствительно ли тѣ пласты содержать въ себѣ остатки губокъ, или они свободны отъ всякихъ органическихъ остатковъ, тотъ и другой случай свидѣтельствуя противъ предположенія о вѣчномъ существованіи органической жизни на землѣ.

Еслибы высшія органическія формы дѣйствительно существовали отъ вѣчности, то остатки ихъ должны были бы встрѣчаться въ болѣе глубокихъ осадочныхъ пластахъ. Что таковыхъ не найдено, это должно быть, при предположеніи вѣчности органической жизни, по меньшей мѣрѣ крайне страннымъ. Такъ, уже Бернгардомъ Коттой, безъ всякаго отношенія къ утверждаемой вѣчности органической жизни, было замѣчено, что постепенное, соотвѣтствующее древности отложеній, уменьшеніе числа и затѣмъ совершенное исчезновеніе болѣе высоко развитыхъ организмовъ, бесспорно, не можетъ быть приписываемо простой случайности, что „было бы очень страннымъ, еслибы кто-нибудь захотѣлъ утверждать, что въ болѣе древнихъ пластахъ такіе организмы только случайно еще не были найдены, потому что и эти пласты часто необыкновенно богаты остатками формъ низшей организаціи, и нѣтъ никакого основанія, почему остатки высшихъ формъ не могли бы также хорошо сохраниться въ нихъ, какъ и остатки низшихъ формъ, и какъ въ позднѣйшихъ отложеніяхъ, которыя по мѣстамъ очень много содержатъ ихъ, хотя они вообще вовсе не богаче другихъ отложеній окаменѣlostями ¹⁵⁴).

Независимо отъ всего этого можно спросить, какъ понимать рассматриваемую вѣчность органической жизни. Безъ сомнѣнія, нельзя эту вѣчность относить къ рожденію или распложенію индивидуумовъ. Конечно, теперь живущіе индивидуумы произошли, какъ мы знаемъ, отъ прежнихъ подобныхъ имъ, эти въ свою очередь отъ прежнихъ и т. д. Но нельзя было бы согласиться съ этимъ, еслибы кто-нибудь сказалъ: и такъ далѣе до безконечности. Тогда мы опять имѣли бы нелѣпный regressus in infinitum, слѣдовательно рядъ, который не имѣетъ дѣйствительнаго начала и состоитъ только изъ однихъ обусловленныхъ членовъ.

¹⁵⁴) Цит. у Cornelius'a, Ueber die Entstehung der Welt. s. 135—136.

Каждый членъ ряда обусловленъ предшествующимъ, но никогда не можетъ достигнуть существованія, такъ какъ рядъ именно безъ начала, другими словами—число предшествующихъ обусловливающихъ членовъ—бесконечно велико. Эта нецѣпность относится ко всякаго рода распложенію, какъ самыхъ низшихъ, такъ и самыхъ высшихъ организмовъ, и даже къ возникновенію простѣйшихъ органическихъ клѣточекъ изъ существующихъ уже клѣточекъ, если такой процессъ долженъ идти назадъ въ бесконечность ¹⁵⁵).

Какъ появилась органическая жизнь на землѣ, это необъяснимо при настоящемъ состояніи біологической науки. Гипотеза самопроизвольнаго зарожденія (*generatio aequivoca seu spontanea*) оказалась несостоятельною. Опыты Спаланцани, Эренберга, Шванна, Шульца, Унгера, Пастера и др. привели къ заключенію, что самозарожденіе даже въ отношеніи самыхъ низшихъ, микроскопическихъ организмовъ очень невѣроятно. Если даже признать, что такого рода организмы могутъ возникать безъ органическихъ зародышей, и въ такомъ случаѣ *generatio spontanea* въ собственномъ смыслѣ еще отнюдь не было бы доказано, пока развитіе этихъ организмовъ связано съ уже существующими органическими веществами. Вирховъ называетъ упомянутую гипотезу фантастическою, а Либихъ считаетъ ее слѣдствіемъ недостаточнаго изслѣдованія природы ¹⁵⁶). Такой же взглядъ высказали на нее Бурмейстеръ, Миллеръ, Кювье, Вагнеръ, Квенштедтъ, Шлейденъ, Рэйшъ, Реушъ и др. Даже Дарвинъ первоначальное возникновеніе органической жизни на землѣ признаетъ необъяснимымъ съ естественно-научной точки зрѣнія и приходитъ по этому вопросу къ допущенію идеи творенія. Изъ немногихъ созданныхъ формъ простѣйшаго характера развился, по его взгляду, чрезъ многочисленныя промежуточныя ступени, въ теченіе неизмѣримо долгаго времени, весь органической міръ, какъ онъ теперь существуетъ. Эта гипотеза была бы, конечно, самымъ лучшимъ доказательствомъ прогрессивнаго развитія въ природѣ, еслибы она была состоятельною. Но постепенное измѣненіе или превращеніе видовъ органической

¹⁵⁵) Ibid. s. 132—136.

¹⁵⁶) Chemische Briefe, s. 20.

жизни далеко не можетъ быть доказано въ томъ универсальномъ смыслѣ, въ какомъ принимаютъ его самъ Дарвинъ и его многочисленные послѣдователи. Въ самыхъ древнихъ слояхъ земли, гдѣ встрѣчаются первые слѣды животной жизни, найдено уже не менѣе пяти главныхъ, совершенно отличныхъ одинъ отъ другаго, классовъ животныхъ съ опредѣленными ихъ видовыми разницами. Въ отдаленнѣйшіе отъ насъ періоды времени существовали, какъ говоритъ Буккландъ, тѣ же самые виды животныхъ, какіе существуютъ и въ настоящее время, и притомъ съ тѣми же отличительными особенностями организаціи, какими характеризуются они теперь. Растенія и животныя нашего времени—тѣ же самыя, какими зналъ и описалъ ихъ еще Аристотель. „Пчела, говоритъ Виземанъ, нисколько не перемѣнилась со времени Аристотеля. Она все такъ же трудолюбива и все съ такимъ же искусствомъ приготовляетъ медъ. Тоже нужно сказать и о муравьѣ; и онъ также нисколько не измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ Соломонъ указываетъ на его трудолюбіе, какъ на образецъ для подражанія. И нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что со времени описанія ихъ философомъ и Премудрымъ у нихъ не прибавилось ни одного новаго органа, ни какаго бы то ни было новаго знанія. Египеть, по справедливому замѣчанію ученой комиссіи французскихъ естествоиспытателей, какъ въ своихъ изваяніяхъ, такъ особенно въ муміяхъ своихъ животныхъ, оставилъ намъ послѣ себя цѣлый музей естественной исторіи, въ которомъ мы находимъ неопровержимыя доказательства того, что ни одна порода животныхъ нисколько не измѣнилась въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ она была еще за три тысячи лѣтъ до нашего времени“¹⁵⁷). Катрафажъ, на основаніи палеонтологическихъ изслѣдованій, также представляетъ много доказательствъ въ пользу послѣдняго вывода.

Исторія органической жизни на землѣ неизгладимыми чертами начертана на различныхъ пластахъ или слояхъ земной коры, которую въ этомъ отношеніи можно сравнить съ книгой. Чѣмъ болѣе мы разбираемъ буквъ, начертанныхъ на исполинскихъ

¹⁵⁷) Wiseman. Zusammenhang der Ergebnisse wissenschaftlicher Forschung mit der geoffenbarten Religion.

страницахъ этой книги, тѣмъ болѣе яснымъ для насъ становится слово: *прогрессъ*¹¹⁸⁾. Но въ собственномъ смыслѣ прогрессъ начался на землѣ лишь съ появленіемъ на ней человѣка. Человѣкъ, этотъ „малый міръ“ (микрокосмъ), какъ во многомъ другомъ, такъ и въ отношеніи развитія служитъ отображеніемъ цѣлаго космоса. Развитіе какъ человѣческаго рода, такъ и всей природы совершается не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи, т.-е. предметовъ природы не только становится больше по числу, но они обнаруживаютъ кромѣ того необыкновенное разнообразіе свойствъ. Съ каждымъ новымъ индивидуумомъ жизнь дифференцируется все болѣе и болѣе, потому что нѣтъ ни одного индивидуума, который былъ бы совершеннымъ дубликатомъ другаго. Индивидуальная жизнь всегда является только въ одномъ экземплярѣ. Впрочемъ при всемъ разнообразіи формъ органической жизни каждый особый видъ организмовъ всегда сохраняетъ въ неизмѣнномъ видѣ свою видовую разницу, или, какъ говорятъ, удерживаетъ свою пластическую идею, свой морфологическій принципъ. Общій типъ, основная форма каждаго вида органическихъ существъ не подлежитъ закону дифференцірованія. Одинъ видъ существъ не можетъ превратиться въ другой или развиться до степени другаго. Растеніе, напримѣръ, не можетъ сдѣлаться животнымъ, какимъ бы превращеніемъ оно ни подвергалось въ своемъ развитіи; животное не можетъ сдѣлаться человѣкомъ или развиться до степени человѣческой организаціи.

На основаніи изслѣдованій относительно настоящаго состоянія природы естествознаніе пытается судить о прошедшей ея исторіи и даже, въ извѣстной мѣрѣ, о будущемъ ходѣ ея явленій. Для насъ здѣсь важно въ особенности первое, т.-е. возможность по настоящему заключать о прошедшемъ. Эта возможность простирается до нѣкоторой степени между прочимъ и на вопросъ о продолжительности существованія природы. По настоящему состоянію природы ученые пытаются приблизительно судить о томъ, много ли времени прошло отъ начала ея существованія до нашихъ дней. Такъ, астрономы на основаніи наблюденій ка-

¹¹⁸⁾ Ф. Люкк. Выводы естествознанія по отношенію къ основнымъ началамъ религіи. Слб., 1870 г., стр. 4.

сательно формы планетъ, ихъ состава, плотности и проч., стараются приблизительно опредѣлить время, протекшее отъ образованія нашей солнечной системы. Въ особенности въ этомъ отношеніи важенъ тотъ фактъ, что нѣкоторыя планеты не успѣли еще выйти изъ разжиженнаго состоянія. Геологи на основаніи изслѣдованій пластовъ земли пытаются опредѣлить время, протекшее отъ той эпохи, когда въ такомъ же состояніи находилась и наша планета. Филологи, путемъ анализа различныхъ языковъ, приходятъ къ догадкамъ о томъ, сколько времени существуютъ эти языки, а по этому времени строятъ заключенія и о возрастѣ всего человѣчества, говорящаго разными языками. Историки занимаются вопросомъ о продолжительности времени, какое необходимо было, чтобы человѣческая культура отъ первыхъ ея зачатковъ въ каменномъ и бронзовомъ періодахъ могла развиться до настоящаго своего состоянія. Всѣ эти науки, если теперь не могутъ еще вполне, то съ теченіемъ времени безъ сомнѣнія въ состояніи будутъ представить достаточно данныхъ для подтвержденія той истины, что міръ, говоря относительно, существуетъ недавно, вовсякомъ случаѣ — не отъ вѣчности. Здѣсь мы приведемъ только нѣкоторыя мнѣнія ученыхъ относительно молодости нашей планеты и ея обитателей. „Мы полагаемъ вмѣстѣ съ Делюкомъ“, говоритъ Соссюръ — „что настоящее состояніе земнаго шара не такъ древне, какъ воображаютъ нѣкоторые философы“¹⁵⁹⁾. Туже мысль высказываютъ Даланъ¹⁶⁰⁾, Кювье¹⁶¹⁾, Бурмейстеръ¹⁶²⁾, Квенштедтъ¹⁶³⁾ и др.¹⁶⁴⁾. Даже древніе атеисты признавали, что міръ не можетъ быть безначальнымъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны слова Лукреція. „Если небо и земля“—говоритъ этотъ матеріалистическій поэтъ—„не имѣли для себя начала, а отъ вѣчности существовали такъ же, какъ существуютъ теперь, то почему же не дошло до насъ ни пѣсенъ, ни какихъ бы то ни было извѣ-

¹⁵⁹⁾ Voyage dans les Alpes, § 625.

¹⁶⁰⁾ Journal de physique I, p. 42. Paris. 1792.

¹⁶¹⁾ Discours sur les revolutions du globe, p. 352.

¹⁶²⁾ Geschichte der Schopfung. s. 270 und folg.

¹⁶³⁾ Epochen der Natur. s. 61.

¹⁶⁴⁾ Геттингеръ. Апологія христіанства. Пер. Чельцова. Часть I, отд. 1. Спб. 1873. Стр. 80.

стій изъ временъ давно минувшихъ, подобно тому, какъ послѣ воспѣты были Фиванскія войны и разрушеніе Трой? Неужели подвиги героевъ прежняго времени такъ и пропали для насъ безслѣдно? Поэтому-то я и держусь того мнѣнія, что возрастъ земли еще не слишкомъ великъ и что не слишкомъ давно міръ получилъ свое начало. Вотъ почему такъ недавно происхожденіе наукъ и искусствъ; вотъ почему только теперь многое получило свое развитіе“ ¹⁶⁵). Новѣйшее естествознаніе, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, ясно подтверждаетъ справедливость этого мнѣнія древняго поэта-мыслителя. Вотъ какъ, напримѣръ, говоритъ о молодости земли и ея обитателей знаменитый химикъ Либихъ: „многіе философы утверждали, что жизнь существовала отъ вѣчности и не имѣла для себя никакого начала; но точное изслѣдованіе природы доказало, что земля нѣкогда имѣла такую въ себѣ температуру, при которой невозможна никакая органическая жизнь, такъ какъ уже при 78° тепла кровь свертывается и запекается. Естествовѣдѣніе тѣмъ самымъ доказало, что органическая жизнь на землѣ имѣла свое начало“ ¹⁶⁶).

Исторія также возвышаетъ свой голосъ противъ мнѣнія о безначальности міра. Она заявляетъ, что историческая достовѣрность ни у одного народа ¹⁶⁷) не заходитъ далѣе десятаго столѣтія предъ Р. Х., и что вся человѣческая культура, столь блестящая и разносторонняя въ наше время, развилась изъ очень грубыхъ зачатковъ гражданственности, проявляющихся у пастушескихъ и охотничьихъ народовъ. Такимъ образомъ естественныя науки и исторія свидѣтельствуютъ въ пользу признанія временнаго начала земли и ея обитателей.

Резюмируя изложенные доводы противъ ученія о безначальности міра, приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Въ мірѣ замѣчается повсюдное и постоянное развитіе; но все развивающееся имѣетъ свое начало. Слѣдовательно и міръ долженъ былъ нѣкогда какимъ-либо образомъ получить свое начало, т.-е. существуетъ во времени, а не отъ вѣчности. Но если было время, когда міра не было, то спрашивается, чтѣ привело его изъ небы-

¹⁶⁵) *Lucretius. De rerum natura*, v. 325 et. sq.

¹⁶⁶) Цит. у *Геттингера*, I. с., стр. 81.

¹⁶⁷) Кромѣ еврейскаго.

тія въ бытіе? Самъ собою онъ не могъ произойти, потому что изъ ничего само собою (безъ вѣшной причины) не можетъ явиться что-нибудь. Ясно, что міръ своимъ происхожденіемъ обязанъ чему-либо другому, какой-либо вѣшной причинѣ или дѣятелю, котораго необходимо мыслить, какъ существо самобытное, вѣчное и неизмѣнное. Такого Абсолютнаго Дѣателя мы называемъ Богомъ. Такимъ образомъ, вопросъ о происхожденіи міра можетъ получить рациональное рѣшеніе только съ теистической точки зрѣнія.

Архимандритъ Борисъ.

СВ. ГРИГОРІЙ ПРОСВѢТИТЕЛЬ

И ТИРИДАТЪ ВЕЛИКІЙ.

(Очеркъ изъ исторіи армянской церкви).

Святѣйшій Григорій, получившій въ исторіи названіе Просвѣтителя, и царь Тиридатъ принадлежать къ числу видныхъ личностей не только въ армянской исторіи, но и въ общей исторіи гражданской и въ особенности церковной. Дѣятельность обоихъ этихъ лицъ составила великую эпоху въ исторіи армянскаго народа, давши начало новому направленію его жизни, начало коренному преобразованію духовнаго міра, его вѣрованій, его нравственныхъ и политическихъ идеаловъ, и вмѣстѣ съ этимъ сообщивши иной характеръ самой его практической дѣятельности. Богу угодно было избрать ихъ въ орудіе Своихъ дѣйствій для просвѣщенія язычниковъ Армянь ученіемъ Христовымъ. Ученіе это, согласно древнимъ и общецерковнымъ преданіямъ, было проповѣдано въ предѣлахъ Арменіи еще свв. Апостолами ¹⁾, но сѣмя евангельское упало въ то время на малоприспособленную почву и принесло мало плодовъ, по крайней мѣрѣ плодовъ видимыхъ. Съ тѣхъ поръ до самаго IV в. христіанство встрѣчало себѣ здѣсь сильное противодѣйствіе какъ въ невѣжественной и неподвижной народной массѣ такъ и въ развитой

¹⁾ Фаддей (изъ 70), другой Фаддей или Иуда Левій, Варсоломей и Тома.

средѣ и правительствѣ. Св. Григорію и царю Тиридату суждено было окончательно распространить христіанство въ Арменіи, возвестъ его на степень религіи господствующей, государственной, словомъ вполне довершить дѣло Апостоловъ.

Исторія жизни этихъ лицъ замѣчательна и полна назидательности. Въ ней ясно виденъ перстъ Божій, направляющій событія повидимому случайныя и безсвязныя къ опредѣленнымъ цѣлямъ, видно особое промышленіе Божіе объ этихъ лицахъ, чтобы создать изъ нихъ мудрыхъ, опытныхъ и вліятельныхъ дѣятелей христіанства.

I.

Св. Григорій происходилъ отъ знаменитаго царскаго рода Аршакидовъ. Этотъ парѣянской родъ въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій (съ 250 г. до Р. X.) держалъ въ своихъ рукахъ политическія судьбы всей средней Азіи отъ Китая до малоазійскихъ грекоримскихъ владѣній, отъ аравійскихъ пустынь до сѣвернаго побережья Каспійскаго и Чернаго морей и далѣе. Но ближайшіе предки Григорія принадлежали не къ той группѣ этого рода, которая потрясала тогдашній міръ, а къ одной изъ младшихъ линій Аршакидовъ персидскихъ, тѣхъ линій, члены которыхъ создавали въ Персіи внутреннія политическія затрудненія и беспорядки, замыслили крамолы противъ линій старшихъ и навывали въ хитрыхъ интригахъ и коварныхъ убійствахъ ²⁾.

²⁾ Известно что родъ персидскихъ Аршакидовъ со времени Р. X. дѣлился на четыре вѣтви. Царь Аршавръ или Фравъ IV (Можс. Хорен. кн. II гл. 28) оставилъ трехъ сыновей: Арташеса, Карена, Сурена и дочь Кошмъ, выданную замужъ за Аспаганета, главнаго предводителя иранскихъ войскъ. Арташесъ или Артабанъ III взошелъ на престолъ, но его братья и сестра не признали его и возмущались. Прибытіе въ Персію Авгаря эдесскаго, изъ рода Аршакидовъ армянскихъ, прекратило на время раздоръ въ царскомъ домѣ. Было рѣшено, чтобы Арташесъ царствовалъ по праву прямаго наслѣдства, чтобы братья и вѣтовство сестры приняли имя Пахлавъ, — родовое имя персидскихъ Аршакидовъ и занимали первое мѣсто между всѣми персидскими князьями, и чтобы въ случаѣ прекращенія фамиліи Арташеса, они царствовали въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала фамилія Каренъ-Пахлава, и если она прекратится, то фамилія Суренъ-Пахлава, и Аспаганетъ—Пахлава. Такою порядкомъ нѣсколько успокоилъ раздоры; однако

Григорій былъ изъ дома Суренъ — Пахлава. Отецъ Григорія Анакъ стязалъ себѣ печальную извѣстность царевубійцы.

Такъ какъ преступленіе Анака имѣло рѣшительное вліяніе на судьбу Григорія, составляя какъ бы исходный пунктъ многихъ дальнѣйшихъ событій, то нельзя умолчать о немъ, а равно объ обстоятельствахъ, при которыхъ оно совершено.

Въ 227 г. по Р. Хр. въ Персіи произошелъ важный политическій переворотъ, имѣвшій значительныя послѣдствія для всего востока. Арташиръ, сынъ Сассана, сатрапъ провинці Сдаръ (иначе Иштахаръ) убилъ персидскаго царя Артабана, истребилъ прямыхъ наслѣдниковъ его правъ Каренъ-Пахлавовъ мужескаго пола и привлекъ на свою сторону персидскія войска, которыя и избрали его своимъ повелителемъ. Хозровъ, царь армянскій, занимавшій второе мѣсто послѣ персидскихъ Аршакидовъ, услышавши о низверженіи послѣднихъ, оцель долгомъ отомстить за честь своего рода, въ особенности, какъ союзникъ и другъ Артабана и Каренъ-Пахлавовъ. На слѣдующій же годъ онъ во главѣ сильнаго войска выступилъ противъ похитителя престола и страшно опустошилъ Персію. Съ тѣхъ поръ онъ въ теченіи многихъ лѣтъ дѣлалъ постоянныя опустошительныя вторженія во владѣнія Арташира ³⁾. При видѣ непрерывныхъ бѣдствій, причиняемыхъ безнаказанно странѣ царемъ армянокимъ, Арташиръ былъ въ затрудненіи, не зная что предпринять. „Онъ собралъ къ себѣ, какъ говоритъ Агаангелъ, всѣхъ царей и правителей, сатраповъ и полководцевъ, начальниковъ и князей своего царства, чтобы держать съ ними совѣтъ, какъ избавиться отъ Хозрова. Онъ заклиналъ ихъ найти какое-нибудь средство защиты и дѣлалъ великія обѣщанія своимъ сатрапамъ, если кто освободитъ его отъ Хозрова ядомъ-ли или съ помощію кинжала. Особенно вамъ, пареяне, говорилъ онъ, могло бы быть легко подъ предлогомъ дружбы схватить Хозрова“ ⁴⁾. Тогда одинъ изъ

споры не прекращались до самаго паденія этой династіи. Членн вѣтви Каренъ-Пахлава покорно переносили господство какъ самые близкіе наслѣдники, но двѣ другія вѣтви, мало имѣвшія надежды достигнуть престола, постоянно сздавали затрудненія старшей вѣтви, присоединялись къ ея врагамъ и тѣмъ ускорили паденіе династіи Аршакидовъ.

³⁾ Agath. c. I, §§ 10—12. Acta Sanctorum, 30 sept. t. VIII.

⁴⁾ Мовс. Хорен. кн. II, гл. 74.

присутствовавшихъ на совѣтѣ всталъ и ставши среди собранія общалъ своему повелителю отмстить за него. Это былъ Анакъ Аршакидъ изъ дома Сурень-Пахлава. Низкій и жадный Анакъ, воспитанный въ постоянныхъ крамолахъ и интригахъ противъ своихъ старшихъ родственниковъ—персидскихъ царей, теперь, по прекращеніи старшихъ линій этого дома, сдѣлался покорнымъ слугою Арташира. Не смѣвшій самъ даже помышлять о своихъ правахъ на персидскій престолъ, онъ хотѣлъ составить себѣ хорошее положеніе у сильнаго узурпатора, царь съ своей стороны общалъ дать ему снова страну Пахлавъ, какъ наслѣдственную вотчину его фамиліи: „я украшу тебя короной, говорилъ онъ, буду осыпать почестями и славой во все царствованіе и ты будешь вторымъ послѣ меня.“

Сдѣлавши нужныя приготовленія, Анакъ со всѣмъ своимъ семействомъ, въ сопровожденіи слугъ, отправился въ Арменію подъ предлогомъ, что онъ выселяется изъ Персіи вслѣдствіе притѣсненій Арташира и ищетъ убѣжища во владѣніяхъ Хозрова. Персы притворно преслѣдовали бѣглецовъ до границы Арменіи. Хозровъ съ радостію принялъ переселенца, особенно когда Анакъ коварно сталъ объяснять тайныя цѣли своего прибытія. „Я пришелъ, сказалъ онъ, чтобы сообщая отмстить намъ за себя нашему общему врагу“. Здѣсь въ Арменіи родился (въ 257 или 258 год.) у Анака сынъ, впоследствии просвѣтитель всего армянскаго народа, по имени Григорій ⁵⁾. Замѣчательна случайность, благодаря которой новорожденный Григорій сдѣлался молочнымъ, а потомъ приемнымъ сыномъ христіанина. Нѣкто Пуртаръ родомъ Персъ, изъ знатной фамиліи, находившійся въ свитѣ Анака во время переселенія послѣдняго изъ Персіи въ Арменію, съ дороги ушелъ въ Каппадокію и поселился въ Кессарія. Здѣсь онъ женился на христіанкѣ Софіи, сестрѣ богатаго гражданина Евталія. Черезъ годъ Пуртаръ рѣшился переселиться въ Персію; взялъ жену съ дитятей и отправился въ путь. Когда они были

⁵⁾ Нужно думать что имя Григорій дано сыну Анака его греческими воспитателями при крещеніи, такъ какъ ни у Персовъ, ни Аршакидовъ не было въ обычаѣ давать своимъ дѣтямъ греческія имена. Первоначальное же имя неизвѣстно.

въ г. Вагаршпатъ, въ это время здѣсь родился Григорій и Софія была взята кормилицей новорожденному *).

Прошло два года со времени прибытія Анака въ Арменію. Хозровъ готовился сдѣлать новый походъ въ Персію. Тогда Анакъ рѣшился исполнить давнее персидскому царю обѣщаніе. Однажды на охотѣ Анакъ съ своимъ братомъ отвелъ Хозрова въ сторону подъ видомъ сообщить ему какія-то важныя тайны. Ничего не подозрѣвавшій Хозровъ довѣрился своимъ друзьямъ, но коварные друзья, выхвативши мечи, вонзили ихъ въ царя ?). Тотчасъ вѣсть объ убійствѣ распространилась повсюду; но убійцы обратились въ бѣгство. Армянскіе сатрапы, перехвативши бѣглецовъ на мосту, бросили ихъ въ Араксъ, въ это время разлившійся отъ таявшихъ снѣговъ и льдовъ. Между тѣмъ Хозровъ, испуская послѣднее дыханіе, приказалъ истребить все семейство своего убійцы. „Тогда началась великая рѣзня, не пощадили ни людей зрѣлыхъ, ни возрастъ, неумѣвшій еще отличать правой руки отъ лѣвой!“ *). Два только мальчика, укрытые своими кормилицами, избѣжали смерти; это были Григорій, которому было въ то время два года, и братъ его Сурень. Сурень былъ взятъ въ Персію и воспитанъ при дворѣ царя Геоталитовъ у своей тетки Хозровухи; Григорій же былъ унесенъ въ Каппадокію, куда просилъ Пуртура возвратиться братъ его жены Евталій. „Все это было дѣйствіемъ Божественнаго Провидѣнія, говоритъ древній историкъ Арменіи,—относительно пути нашего спасенія, иначе зачѣмъ было воспитывать младенца Пахлавуни въ Римскомъ государствѣ и посвятить его върѣ Христовой“ *). Это было провидѣніе великаго Бога, говоритъ другой историкъ.—подобно первопророку Моисею, который въ тростниковомъ кіотѣ въ водахъ спасался изъ рукъ нечестиваго Фараона, чтобы спасти народъ Божій изъ мучительнаго рабства Египтянъ. Такъ и всесвятый Григорій, спасшійся отъ меча ар-

*) Моис. Хорен. II. 80; Zenob de Slag, dans *Collect. des historiens...* par V. zanglois. t. I p. 343.

?) Agath. II, § 13—15; M. Хор. II. 74 Zenob de Slag. dans *Collect p. hangois* I p. 343. По Чамичу Хозровъ Великій царствовалъ съ 214—259.

*) Agath. § 15.

*) Моис. Хор. II. 80.

мянскихъ вельможъ, хранился для спасенія Арменіи и всѣхъ восточныхъ странъ, какъ избранная стрѣла, скрытая въ колчанѣ Греціи“¹⁰⁾.

Лишившись одновременно отца и матери Григорій не остался однако круглымъ сиротой. Онъ нашелъ себѣ нѣжную и заботливую мать въ своей кормилицѣ Софіи. Христіанка Софія и честный язычникъ Пуртаръ воспитали сироту, сына цареубійцы, въ духѣ христіанской нравственности, и дали ему образованіе, какое могла предложить тогда Кесарія. Григорій изучилъ языки сирійскій и греческій съ ихъ богатой литературой, прекрасно ознакомился съ св. писаніемъ и утвердился въ христіанской вѣрѣ. Когда онъ возмужалъ, одинъ благочестивый человекъ по имени Давидъ выдалъ за него свою дочь Марію, отъ которой родились два сына. Старшій изъ нихъ назывался Верталесъ, а младшій Рестакесъ (Аристакаесъ). Однако Григорій не остался въ Кесаріи навсегда. Промыслъ готовилъ его для служенія въ предѣлахъ Арменіи.

II.

Между тѣмъ Арташиръ персидскій, воспользовавшись междуцарствіемъ въ Арменіи, занялъ ее своими войсками, захватилъ множество плѣнныхъ и истребилъ родъ царя Хозрова. Армянскіе вельможи, не желавшіе подчиниться персидскому царю, массами бѣжали во владѣнія римлянъ¹¹⁾. Напрасно армяне просили помощи у римскихъ императоровъ и призывали греческія войска. Валеріанъ (253—260) и его быстро смѣнявшіе одинъ другаго преемники — Клавдій, Авреліанъ, Квинтъ, Тацитъ, Флоріанъ, не могли оказать никакой помощи Арменіи и сами не мало страдали отъ могущественнаго Арташира. Наконецъ Пробъ (276—

¹⁰⁾ Моис. Каганкатвади, Ист. Агв. Перев. Патканова стр. 24.

¹¹⁾ Agath. III, § 16. Всѣ армянскіе историки, трактовавшіе о св. Григоріи и ц. Тирдате, согласны въ томъ, что смерть Хозрова Великаго послѣдовала при ц. персидскомъ Арташирѣ; но академикъ Броссе не допускаетъ, чтобы она была при Арташирѣ, ибо этотъ послѣдній умеръ въ 240 или 241 г. Brosset, Collect d'h. Arm. t. I p. 49 not. 3.

282) заключилъ миръ съ царемъ персидскимъ и раздѣлилъ съ нимъ Арменію ¹²⁾).

Среди истребленія персидскимъ царемъ армянскаго царскаго рода уцѣлѣлъ однако малолѣтній сынъ Хозрова I Тиридатъ (Трдатъ) Онъ былъ скрытъ своими воспитателями и отведенъ ко двору римскаго императора. Римское правительство озабочилось воспитаніемъ малолѣтняго наследника армянскаго престола. Лициній Лициніанъ, впоследствии соправитель Галерія, а потомъ принявшій титулъ Августа, воспиталъ Тиридата при своемъ дворѣ и далъ ему надлежащее образованіе. Пришедши въ возрастъ, Тиридатъ обнаружилъ значительные таланты въ военномъ дѣлѣ и во многихъ случаяхъ заявилъ свою преданность римлянамъ. Такимъ образомъ, въ то время какъ Григорій былъ вскормленъ и воспитанъ христіанкой и получилъ христіанское образованіе, Тиридатъ воспитывался при дворѣ жестокаго гонителя христіанъ и получилъ образованіе языческое.

Воспитатели Григорія сообщили ему о его происхожденіи и о томъ, что случилось съ его родителями. Преступленіе отца безъ сомнѣнія смущало благочестивую совѣсть Григорія и онъ рѣшился загладить это преступленіе своей жизнію и дѣлами. Давши первоначальное воспитаніе своимъ сыновьямъ, Григорій и его супруга по взаимному согласію разошлись. Марія съ младшимъ сыномъ удалилась въ „монастырь“, между тѣмъ, какъ старшій остался на рукахъ воспитателя и учителей. Что касается самого Григорія, то онъ отправился къ Тиридату, чтобы своей вѣрной службой сыну загладить грѣхъ, совершенный надъ его отцемъ. И дѣйствительно, онъ служилъ Тиридату вѣрно и оказалъ много услугъ, какъ послѣ неоднократно свидѣтельствовалъ самъ Тиридатъ ¹³⁾).

Онъ скрылъ отъ Тиридата свое происхожденіе и не сказалъ, откуда пришелъ и по какой причинѣ ¹⁴⁾).

Въ 286—287 году Тиридатъ съ помощію римскихъ легионовъ былъ возведенъ на армянскій престолъ; съ нимъ вмѣстѣ отправился въ Арменію и Григорій. Конечно проповѣдь Евангелія

¹²⁾ Моев. Хор. II, 76, 77.

¹³⁾ Agath. V, §. 22; X, § 58.

¹⁴⁾ Oukhtan. d'Ourha, dans Deux hist. Arm. par Brosset, p. 260.

не входила въ прямыя намѣренія Григорія, но Промыслъ велъ его къ опредѣленной цѣли, обстоятельства сдѣлали изъ него проповѣдника христіанской вѣры и заставили переимѣнить задуманный имъ путь заглаженія грѣха Анака на путь болѣе возвышенный и болѣе трудный. Онъ былъ христіанинъ, а царь, къ которому онъ стоялъ такъ близко, былъ язычникъ. Разница въ религіи не могла долго оставаться незамѣтной для Тиридата. Пока онъ не былъ царемъ, для него мало было дѣла до того, къ какой религіи принадлежать тѣ или другіе изъ его окружающихъ.

Онъ былъ римлянинъ по своему образованію, а потому зналъ, что должно относиться съ уваженіемъ ко всѣмъ существующимъ религіямъ народовъ, ибо у каждаго народа свои боги, покровители и защитники страны. Съ вступленіемъ на армянскій престолъ онъ продолжалъ смотрѣть на религію съ такой же политической или философско-политической точки зрѣнія, т.-е. какъ на могущественное объединяющее политическое начало. Но теперь уже армянскіе боги стали для него его богами, ихъ нужно было чествовать, чтобы царство его счастливо было и благополучно. Теперь ему стало не безразлично, какъ почитаются боги, ибо отъ степени и качества богопочитанія зависитъ благополучіе его царства, а чрезъ оскорбленіе боговъ накликаются бѣдствія на его народъ и неудачи на его предпріятія. Теперь всякій покушающійся оскорбить армянскихъ боговъ или неуважающій обычаевъ армянскаго народа, для него былъ посягателемъ на цѣлость армянскаго царства, оскорбителемъ народнаго чувства, а потому долженъ быть судимъ не только, какъ оскорбитель боговъ, но и какъ политическій преступникъ. Кромѣ того Тиридатъ имѣлъ особыя побужденія быть ревностнымъ охранителемъ народной армянской религіи, ибо необходимо было превзойти царя Арташира въ заботахъ о процвѣтаніи армянскаго религіознаго культа и тѣмъ еще больше привлечь на свою сторону симпатіи армянъ. Тотчасъ по своемъ вступленіи на царство Тиридатъ горячо принялся чествовать армянскихъ боговъ и содѣйствовать процвѣтанію армянской національной религіи. Онъ обнародовалъ эдиктъ, въ которомъ требовалъ отъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ преданности и уваженія къ своей вѣрѣ. Этотъ эдиктъ былъ слѣдующаго содержанія:

„Тиридать, царь Великой Арменіи, вельможамъ, князьямъ, са-трапамъ, префектамъ и всѣмъ, находящимся подъ моимъ владычествомъ, въ мѣстечкахъ, въ городахъ, въ селеніяхъ, деревняхъ, знатымъ и народу—всѣмъ привѣтъ одинаковъ. Да пребудеть всѣмъ вамъ армянамъ нашей страны здравіе и благоденствіе съ помощью боговъ, изобилующее плодородіе отъ могущественнаго Арамазда, покровительство великой богини Анаштъ и великое мужество отъ храбраго Вахакна ¹⁵⁾, грекамъ страны императорской мудрость, а грекамъ страны божественныхъ пареовъ, намъ единомысленныхъ, покровительство. Знайте каждый въ частности чрезъ этотъ приказъ все, что мы сдѣлали для вашего благоденствія. Когда мы были въ странѣ греческой, мы видѣли заботу царей о доставленіи счастья своей странѣ путемъ чествованія культа боговъ пожертвованіями, великолѣпными жертвами, разными дарами, всѣми видами плодовъ и путемъ предложенія имъ всякаго рода приношеній, путемъ соблюденія своего культа прелоблагочестиво и съ любовью, поклоненія и почитанія всѣми способами боговъ славныхъ, великолѣпныхъ и бессмертныхъ. Мы видѣли равнымъ образомъ, какъ эти боги давали тишину, благополучіе, богатство и изобиліе странѣ и цвѣтущее населеніе въ награду за ихъ ревность къ почитанію боговъ.

„По этому цари страны для внушенія къ нимъ страха избрали людей наблюдать за почитаніемъ боговъ, вслѣдствіе чего, еслибы простой народъ по невѣжеству, или если кто-нибудь по забвенію или по безумію, захотѣлъ презирать служеніе имъ, то префекты, въ порядкѣ установленномъ царями, истребляли бы ихъ въ своихъ провинціяхъ для того, чтобы боги увеличивали счастье царства. Ибо, еслибы кто-нибудь сталъ презирать ихъ, то возбудилъ бы ихъ гнѣвъ противъ насъ, и самъ бы погибъ, причиняя великіе убытки и незагладимыя бѣдствія. По этой-то причинѣ греческіе цари и дали въ своемъ царствѣ приказъ, угрожающій осудить на смерть виновныхъ.

„Мы же точно также ревнуя о вашемъ счастьи и желая, чтобы боги увеличивали съ изобиліемъ свои дары къ вамъ, повелѣваемъ, чтобы вы оставались вѣрными служенію имъ и ихъ про-

¹⁵⁾ Вахакъ принадлежалъ къ числу полубоговъ. Онъ былъ сынъ Тиграна I, царя армянскаго, современника Кира и Креза.

славленію, чтобы получить чрезъ ихъ посредство благополучіе, изобиліе и миръ. Подобно тому какъ каждый отецъ семейства заботится о своемъ домѣ и домашнихъ, точно такъ же и мы бодрствуемъ съ попеченіемъ о благоденствіи Арменіи. Итакъ всѣ вы, наши вельможи прелюбезные, сатрапы, знатные префекты, поселяне и горожане и вы наши подданные Аршакиды, воспитанные и вскормленные для блага вашего царя, почитайте боговъ. Если найдется кто-нибудь, который оскорбитъ ихъ, то если попадетъ онъ въ ваши руки, берите его и привязавши ему руки и ноги къ шеѣ, приведите его къ царскому двору; и его имущества, его жатвы, земли, владѣнія и сокровища — все достанется тѣмъ, которые донесутъ о немъ. Будьте благодущны съ помощію боговъ и своего царя и благополучны, ибо мы благополучны¹⁶⁾.

Издавши такой эдиктъ, Тиридатъ самъ хотѣлъ быть примѣромъ для всѣхъ своихъ подданныхъ въ вѣрномъ служеніи богамъ.

Въ первый годъ своего царствованія онъ отправился въ область Акиликену (Егегіапъ) въ селеніе Эрецъ для того, чтобы привести жертву богинѣ Анаштъ¹⁷⁾.

По окончаніи жертвоприношенія онъ вошелъ въ свой шатеръ, гдѣ былъ устроенъ пиръ. Въ то время какъ присутствовавшіе приготовились пить, царь приказалъ Григорію возложить на алтарь Анаштъ жертву изъ вѣнковъ и древесныхъ вѣтвей. Григорій отказался воздать какое-либо почтеніе божествамъ: я принесу жертвы и всесоженія моему Господу и поклонюся Ему, говорилъ онъ Тиридату, ибо Онъ есть Богъ единый и нѣтъ другаго. Онъ творецъ всего существующаго на небесахъ и на землѣ, ангеловъ и людей, существъ видимыхъ и невидимыхъ¹⁸⁾.

¹⁶⁾ Agath. ch. XII, § 57.

¹⁷⁾ Богиня Анаштъ происхожденія ассиро-вавилонскаго, подревне-персидски она называлась Аношта, что значитъ «безпорочная». Анаштъ тоже, что Белтисъ ассиріянь, Милитта вавилонянь. По мнѣнію г. Эмина на западѣ неправильно приравнивали ее къ Діанѣ или Артемидѣ. Анаштъ армянь есть *мать всякаго чьломудрія*, что показываетъ громадную разницу между ею и Артемидой, а равно между ею и ея прототиномъ Белтисъ, Милиттой и Митрой. Главный храмъ Анаштъ былъ въ Акиликенѣ въ немъ находилась статуя ея изъ чистаго золота. Объ Анаштѣ см. Очеркъ языческихъ армянь г. Эмина. Москва 1864 г. стр. 15—21. cf Zend-Avesta. trad Anquetil Duperron t. III, p. 172 et suiv.

¹⁸⁾ Oukhtan. p. 260.

Понятно, что должно было послѣдовать за такимъ объясненіемъ. Неуваженіе къ народной вѣрѣ было заявлено слишкомъ публично, непокорность царской власти была слишкомъ очевидна, чтобы можно было оставить это дѣло безъ строгаго суда, тѣмъ болѣе, что христіанская вѣра по взгляду, усвоенному въ римскомъ государствѣ, сама по себѣ была государственнымъ зломъ. Поступокъ Григорія какъ приближеннаго царя, пришедшаго съ нимъ изъ чужой страны въ Арменію, бросалъ тѣнь подозрѣнія на послѣдняго въ глазахъ армянскихъ вельможъ и народа. Тиридату нужно было отречься отъ своего приближеннаго и показать себя непричастнымъ къ его мыслямъ. „Ты иностранецъ, сказалъ онъ Григорію, и неизвѣстный между нами, какъ смѣешь ты почитать Бога, котораго не почитаю я?“ Григорія бросили въ тюрьму, чтобы не прерывать церемоніи. На слѣдующій день царь позвалъ его на допросъ, надѣясь уговорить своего вѣрнаго слугу оказать уваженіе народной вѣрѣ. „Столько уже лѣтъ я знаю тебя, говорилъ царь, ты всегда служилъ мнѣ вѣрно; я былъ доволенъ твоими услугами, и мое намѣреніе было даровать тебѣ жизнь, полную милостей. Почему же ты отказываешься исполнить мою волю?“ На это Григорій отвѣтилъ: „Богъ заповѣдалъ, чтобы рабы повиновались своимъ господамъ на землѣ, и ты соглашаешься, что я служилъ тебѣ по мѣрѣ моей возможности. Но почтеніе и служеніе долженствующіе Богу нельзя воздавать кому-нибудь другому, потому что Онъ одинъ есть Творецъ неба и земли, ангеловъ, прославляющихъ Его величіе людей, которые суть Его твореніе и которые должны поддояться Ему и исполнять Его волю, и всего, что есть въ морѣ и на землѣ“. Тиридатъ думалъ подѣйствовать на Григорія угрозой: „знай, что ты сдѣлалъ напрасной награду за твои труды, о которыхъ я свидѣтельствую. вмѣсто же милостей которыя ты заслужилъ, я умножу твои сворби, вмѣсто почестей я подрюю тебя стыдомъ, ты не будешь болѣе имѣть ни должностей, ни чиновъ, но я дамъ тебѣ темницу, цѣпи и ужасную смерть, если ты откажешься воздать поклоненіе божествамъ и въ особѣнности великой госпожѣ Анаштѣ, славы и жизни нашего народа, которая почиталась всѣми царями и въ частности царемъ греческимъ, ибо она есть мать всякаго знанія, благодѣтельница рода человѣческаго и дочь великаго и сильнаго Ара-

назда". Но св. Григорій сказалъ: „я повиновался тебѣ, сколько отъ меня зависѣло и не лишился награды за свою службу, потому что Господь предписалъ повиноваться владыкамъ земнымъ. Но Богъ самъ вознаграждаетъ за труды. Отъ тебя я не ожидаю никакой награды, но отъ моего Творца, отъ котораго зависятъ всѣ существа видимыя и невидимыя. Что же касается того, что ты говоришь, что умножишь мои скорби вмѣсто того, чтобы удвоить милости ко мнѣ, то отнимая у меня жизнь ты увеличиваешь радость, уготованную мнѣ Христомъ, блаженство котораго вѣчно, царство котораго не имѣетъ конца и котораго радости не умаляются. Если вмѣсто почестей ты покроешь меня своимъ презрѣніемъ, то ты дашь мнѣ чрезъ то блескъ ангеловъ, блаженныхъ чтилелей своего Творца. А то, что ты угрожаешь мнѣ темницей и цѣпями, вмѣсто того, чтобы возвести меня на высокую степень, то ты дѣлаешь меня счастливымъ, ибо такимъ путемъ я уподоблюсь моему Господу по Его узамъ и возрадуюсь съ нимъ въ день Его пришествія. Прогоняя меня изъ-за твоего стола, ты приготавливаешь мнѣ мѣсто на пиру Авраама, отца вѣрующихъ, и всѣхъ праведниковъ, имѣющихъ наследовать царство Божіе. Ты угрожаешь мнѣ смертію? но она-то и дастъ мнѣ войти въ хоръ Христа, гдѣ пребываютъ всѣ тѣ, которые назывались патриархами, праведниками, пророками, апостолами, мучениками и всѣ избранные. Ты грозишь мнѣ отнять у меня чрезъ смерть надежду жизни, потому что по истинѣ не имѣешь надежды. Ужели ты не знаешь, что надежда поклоняющихся Богу укрѣпляется? Воѣ тѣ, которые какъ ты поклонятся богамъ нѣмымъ и твореніямъ бездушнымъ, сдѣланнымъ человѣческой рукою, поистинѣ не имѣютъ надежды на истинную жизнь о Богѣ... Эти изображенія не имѣютъ жизни, они не могутъ сдѣлать ни добра, ни зла, не могутъ ни почтить своихъ служителей, ни наказать тѣхъ, которые ихъ оскорбляютъ. Только умъ слѣпой можетъ поклоняться богамъ, которыхъ почитаете вы¹⁹⁾).

Тридцать возмутился такою смѣлою рѣчью Григорій и приказалъ предать его мученіямъ. Ему связали за спиной руки, заложили ротъ, и привязавши къ рукамъ и ногамъ веревку,

¹⁹⁾ Agath. V, § 23—24.

подняли его на самое высокое мѣсто дворцовой стѣны. Когда Григорій оставался непреклоненъ, приказано было повѣсить его за одну ногу головой внизъ, жечь подъ нимъ навозъ, и бить его обнаженное тѣло мекрыми розгами. Ему выжимали кровь деревянными колодками, вбивали въ подошвы ногъ желѣзные гвозди и затѣмъ, взявши подъ руки, заставляли бѣгать туда и сюда. Все было безуспѣшно. Испробованы были многія другія пытки, употреблявшіяся въ то время, вливали ему въ ноздри смѣсь изъ соли, селитры и укуса, заставляли вдыхать горячій пепель и повѣсивши внизъ головою, вводили внутрь воду изъ бурдюковъ; разрывали тѣло его для того приспособленными орудіями съ крючками, лили на него расплавленное олово. Среди мученій дѣлали перерывы для того, чтобы дать отдохнуть измученному Григорію и дать ему время одуматься. Но все было напрасно. Все тѣло его было разбито, истерзано и покрыто ожогами, ранами и кровоизлияніями; однако не смотря на всѣ пытки, св. Григорій остался непоколебимъ. Тиридатъ готовился было уже подвергнуть Григорія новымъ истязаніямъ, надѣясь сломить наконецъ его упорство, но въ то время донесли царю, что Григорій есть сынъ Анака, убійцы царя Хозрова. Тогда Тиридатъ приказалъ отвести Григорія въ область Араратъ и бросить его въ подземелье замка въ г. Арташадъ (287 или 288 г.) Подземелье это было наподобіе колодезя, оно было сыро, смрадно и полно пресмыкающихся. Всѣ, кого бросали туда, считались за живо погребенными ²⁰⁾.

Между тѣмъ, чтобы окончательно очистить себя въ глазахъ народа отъ всякаго подозрѣнія въ неуваженіи къ армянскимъ богамъ, и съ другой стороны, чтобы поддержать народную вѣру, эту существенную основу народной цѣлости, Тиридатъ рѣшился воздвигнуть гоненіе на христіанъ въ своемъ царствѣ. Къ гоненію побуждали его, помимо всякихъ другихъ причинъ, и внушительные примѣры, стоявшіе предъ нимъ. Злополучный отецъ его Хозровъ при своей жизни гналъ вѣрующихъ въ Христа ²¹⁾; въ Римскомъ государствѣ, гдѣ самъ онъ былъ воспитанъ, шли

²⁰⁾ Agath. V—X, §§ 25—54. Zenob de Glag. p. 343. *dans Collect. p. Langlois, t. I.*

²¹⁾ Мокс. Хор. II, 75.

постоянные и иногда ожесточенные гонения на христианъ, какъ опасныхъ враговъ государства. Чтобы предупредить грозящую опасность, разослалъ во всѣ подчиненныя ему области второй эдиктъ, содержаніе котораго было слѣдующее:

„Тиридатъ, царь Великой Арменіи, странамъ платящимъ дань, и провинціямъ, сатрапамъ, войнамъ, поселянамъ и воѣмъ привѣтъ. Вы знаете, какъ отъ времени нашихъ предковъ мы получили побѣду и миръ съ помощію боговъ, какъ покорили мы всѣ народы и сохранили ихъ подѣ нашей властію. Но когда наше чествованіе переставало быть пріятнымъ богамъ и мы не умѣли умилюстить ихъ въ ихъ гнѣвъ, то они силою низвергали насъ съ высоты нашего могущества.

„И это по причинѣ секты христианъ.

„Но мы повелѣваемъ вамъ, если найдется кто (такъ какъ безъ сомнѣнія они именно противятся почитанію боговъ), то чтобы доносили тотчасъ о нихъ, и тѣмъ, которые слѣлаютъ это, будутъ розданы подарки и щедроты изъ нашей царской казны. Но тотъ, кто сталъ бы ихъ скрывать, или кто не сталъ бы о нихъ доносить, если будетъ открыто потомъ, то пусть будетъ осужденъ на смерть и отосланъ къ царскому суду; онъ умретъ, а домъ его будетъ конфискованъ. Такъ же точно я не пощадилъ своего вѣрнаго Григорія, котораго я любилъ всегда безпредѣльно, ибо именно за это заставилъ подвергнуть его жестокимъ мученіямъ и потомъ бросить въ глубокую яму, чтобы онъ тотчасъ послужилъ въ пищу змѣямъ, не смотря на его великія заслуги, лишь только дѣло коснулось любви и страха къ богамъ. Пусть это послужить примѣромъ и вы устраситесь подобной смерти. Такъ поживете вы подѣ покровительствомъ боговъ въ надеждѣ отъ насъ благодѣяній. Будьте благодушны, ибо мы благодушны“²²⁾.

²²⁾ Agath. ch. XII § 57—58. Въ книгѣ Агаѳангела не означается хронологическихъ датъ. По связи же разсказа 1 эдиктъ долженъ быть изданъ вскорѣ послѣ мученія св. Григорія; а 2 эдиктъ лѣтъ черезъ 15 послѣ перваго, т.-е. или въ самомъ концѣ III вѣка или въ самомъ началѣ IV. Но контекстъ рѣчи ненадежный руководитель по отношенію къ книгѣ Агаѳангела, потому что многочисленныя вставки въ первоначальный ея текстъ разобщили повидимому событія одновременныя или близкія. Судя же по содержанію 1 эдикта, который имѣетъ видъ манифеста, какіе издаютъ цари при вступленіи на престолъ, и въ которомъ не-

Этотъ эдиктъ почти исключительно направленъ былъ противъ христіанъ. Воздвигнуто было на нихъ гоненіе въ предѣлахъ армянскаго царства, хотя и нельзя сказать, насколько сильно и кровопролитно оно было ²³). Можно думать однако, что это гоненіе не было постоянное и систематическое, вопервыхъ потому, что самъ Тиридатъ, занятый приведеніемъ въ порядокъ своего государства и въ особенности частыми войнами съ Персїей, не могъ удѣлить много заботъ для дѣлъ внутреннихъ и въ частности религіозныхъ, а во вторыхъ и потому, что и въ самомъ эдиктѣ, несмотря на его строгость по отношенію къ христіанамъ, не было прямого предписанія разыскивать ихъ.

III.

Прошло пятнадцать лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ Григорій былъ брошенъ въ глубокой колодезь въ Арташатскомъ замкѣ. Не одинъ быть-можетъ человѣческой скелетъ, обглоданный пресмыкающимися, валялся на днѣ этого колодезя. Надо полагать, это было мѣсто заключенія для важныхъ преступниковъ. Всѣ, кого бросали туда, обрекались на вѣрную смерть отъ голода и множества гадовъ. Св. Григорія ожидала участь его предшественниковъ по заключенію. Но Провидѣніе пощадило его. Онъ остался живъ въ этомъ колодезѣ, не вида человѣческаго лица и дневнаго свѣта. Какая-то бѣдная вдова, пріютившаяся въ томъ замкѣ, бросала узнику каждый день по маленькому хлѣбцу, и

упоминается ни о Григоріи, ни даже о христіанахъ, нужно полагать, что онъ изданъ былъ раньше мученія св. Григорія. Что касается втораго эдикта, въ которомъ ясно говорится о христіанахъ и въ которомъ Тиридатъ приводитъ въ примѣръ Григорія, то неестественно, чтобы онъ былъ изданъ долгое время спустя послѣ заключенія Григорія; ибо странно было бы для царя напоминать народу о Григоріѣ лѣтъ черезъ 10—15, какъ выходитъ по книгѣ Агаангела, тѣмъ болѣе что Григорій, по краткости своего пребыванія въ Арменіи, не могъ еще сдѣлаться настолько популярнымъ среди армянъ. Надо полагать, что этотъ эдиктъ изданъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія, т.-е. вскорѣ послѣ того, какъ Григорій былъ брошенъ въ тюрьму.

²³) О мученикахъ, пострадавшихъ при царѣ Тиридатѣ подробно говоритъ Меттафрастъ. *Apud Surium cap. 17. loc. cit. Clem. Galani, Hist. Armena ecclesiast. et polit. p. 13.*

спускала ему немного воды и тѣмъ поддерживала его существованіе въ продолженіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ.

Скоро проходить 15 лѣтъ для тѣхъ, кто не чувствуетъ бремени жизни, для кого время измѣряется интересными переменами интересныхъ явленій. Совсѣмъ не такъ они идутъ для тѣхъ, кому не по чемъ опредѣлить смѣны дня и ночи, у кого нѣтъ ни песочныхъ часовъ, ни смѣны внѣшнихъ событій; для кого однообразіе тишины нарушается только шорохомъ и пискомъ пресмыкающихся, да звонкимъ паденіемъ капли, скатившейся съ неровностей каменной стѣны. Для того единственное средство раздѣлить однѣ сутки отъ другихъ—это время скуднаго обѣда, который бросаютъ ему сверху, если не забудутъ, или если болѣзнь не привяжетъ къ постели, а вся смѣна событій сводится къ смѣнѣ внутреннихъ психологическихъ явленій. Но все имѣющее начало, имѣетъ и конецъ какой бы то ни было. Имѣло конецъ и заключеніе св. Григорія. Для освобожденія его сложились событія особенныя. Кара Божія постигла Тиридата по случаю казни святыхъ женщинъ христіанокъ: св. Рипсиміи и ея спутницъ. Св. Рипсимія и ея спутницы были христіанки, бѣжавшія изъ римскихъ владѣній въ Арменію вслѣдствіе преслѣдованій отъ императора Діоклетіана и нашедшія себѣ здѣсь другаго гонителя, отъ котораго и приняли мученичество²⁴⁾. „Случилось,

24) Интересная исторія этихъ дѣвъ несомнѣнно разукрашена панегириками и агиографами; но въ своей сущности она не можетъ подлежать сомнѣнію. Не считая умѣстнымъ входить здѣсь въ критическій разборъ сказанія о свв. Рипсиміанахъ,—какъ называютъ ихъ вообще по имени первой изъ нихъ,—въ разборъ того, что составляетъ несомнѣнную историческую основу его, а что принадлежитъ благочестивому вымыслу, передаю рассказъ Агаангела, современника тѣхъ событій, въ томъ видѣ, какъ этотъ рассказъ существуетъ теперь въ переводѣ съ армянскаго и настолько, насколько это относится къ настоящему предмету и необходимо для связи или точнѣйшаго представленія дальнѣйшихъ событій нашего рассказа. Впрочемъ не лишне замѣтить здѣсь, что на рассказъ о свв. Рипсиміанахъ имѣло вліяніе повѣствованіе о другомъ несомнѣнно историческомъ событіи, почти современномъ гоненію на св. дѣвъ, именно повѣствованіе о Валеріи, вдовѣ Галерія и дочери Діоклетіана отъ Приски.

Галерій умирая поручилъ Лицинію свою жену и сына Кандидіана, котораго имѣлъ отъ наложницы. Лициній стелъ за лучшее жениться на молодой вдовѣ, но она отвергла его предложеніе и бѣжала къ Максиміану, который въ свою очередь хотѣлъ сдѣлать ее своей женой. Валерія отвергла и это предложеніе и съ

говорить Агаѳангелъ, что императоръ (Діоклетіанъ) пожелалъ взять супругу; и живописцы пошли во все стороны его имперіи. чтобы точно изобразить на картинахъ красоту субъекта, прелести лица, большіе и черные глаза, цвѣтъ кожи, чтобы потомъ представить царю эти пріятныя его зрѣнію изображенія. Въ то время былъ въ римскомъ городѣ²⁵⁾ „монастырь дѣвъ отшельницъ“, умерщвляющихъ свою плоть, которыя питались овощами. Это были христіанки цѣломудренныя, чистыя, святыя и вѣрующія, которыя день и ночь во всякій часъ были достойны возносить къ небу святую молитву хвалы и благодаренія. Старѣйшая называлась Гайданія, а одна изъ ученицъ ея имѣла имя Рипсимія. Эта послѣдняя была изъ рода царскаго и благочестиваго.

этихъ поръ сдѣлалась предметомъ несправедливыхъ преслѣдованій. Ея имущества были конфискованы и приближенные погибли въ жестокихъ мученіяхъ, а саму ее владчили изъ одного мѣста ссылки въ другое. Одна старая женщина, другъ Валерія, весталка и жена одного сенатора, обвиненная несправедливо въ томъ, что будто бы онѣ принуждали Валерію отвергнуть Максиміана, были преданы смерти.

Валерія, сосланная въ пустыни Сиріи, нашла средство извѣстить своего отца Діоклетіана о своихъ несчастіяхъ. Діоклетіанъ потребовалъ у Максиміана возвратитъ ему его дочь, но не могъ склонить гнѣва императора и умеръ отъ печали. Валерія старалась укрыться отъ непрерывныхъ преслѣдованій со стороны Максиміана. Впродолженіе 15 мѣсяцевъ она блуждала переодѣтая, но кончила тѣмъ, что была арестована въ 315 году вмѣстѣ съ своею матерью въ Фессалоникѣхъ. Лициній осудилъ ихъ обѣихъ на смерть и онѣ были казнены (Lactan. De mort. perses. cap. 15, 39, 40, 41, 50 et 51). Нѣкоторые писатели полагаютъ, что Валерія и мать ея христіанки и что Діоклетіанъ принуждалъ ихъ воскурить еніамъ идоламъ. Жизнь этихъ двухъ женщинъ, полная столькихъ случайностей, ихъ страданій, ихъ смерть представляютъ такіа аналогиа съ рассказомъ Агаѳангела, — который говоритъ, что Рипсимія была царская дочь, что въ виду искаженія первоначальнаго текста Агаѳангела и ненадежности позднѣйшихъ панегиристовъ и агиографовъ этихъ св. дѣвъ, есть полная возможность подозревать, что въ рассказѣ о св. Рипсиміанѣхъ смѣшаны два сходныхъ событія. Былъ ли дѣйствительно какой либо посторонній религіи мотивъ къ преслѣдованію св. Рипсиміанъ и въ частности мотивъ романческаго свойства, какъ рассказываетъ Агаѳангелъ, нельзя сказать, но несомнѣнно одно, что св. женщины бѣжали въ Арменію изъ римскихъ владѣній, чтобы избавиться отъ насилія и сохранить чистоту вѣры.

Вѣроятно это было въ 303 году, когда Діоклетіанъ дѣйствительно воздвигъ гоненіе на христіанъ, хотя на основаніи армянскихъ писателей мученіе св. дѣвъ должно приходиться на осень 302 г.

²⁵⁾ Вѣроятно въ одномъ изъ греческихъ малоазійскихъ городовъ.

„Живописцы силою вошли въ жилища этихъ святыхъ женщинъ, и видя стыдливую красоту Рипсиміи, были поражены ею; изобразили ее вмѣстѣ съ другими разными портретами и отослали къ царю. Когда царь увидѣлъ рѣдкую красоту Рипсиміи, изображенную на картинѣ, то былъ охваченъ безумною любовію и назначивши немедленно день своей свадьбы, съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать наступленія праздника. Потомъ послали со всею поспѣшностію вѣстниковъ и пословъ по всей имперіи, чтобы всѣ приносили дары и подарки къ царской свадьбѣ и чтобы общая радость сдѣлала церемоніи болѣе торжественными, какъ предписываетъ то царскій обычай.

„Когда благочестивыя женщины увидѣла стрѣлы врага (діавола), направленные по обыкновенію противъ святыхъ почитателей Христа, онѣ поняли, что врагъ избралъ царя орудіемъ своей злобы, какъ въ раю еще онъ пользовался змѣемъ, чтобы внушить забвеніе заповѣди въ неопытное ухо женщины“²⁶⁾. „Чтобы сохранить свои души въ святости“, онѣ бѣжали изъ владѣній императора въ далекую страну и пришли въ Арменію, въ провинцію Араратъ, и здѣсь поселились близъ Вагаршапата, столицы Арменіи²⁷⁾. За несчастными бѣглянками были разосланы повсюду сыщики и гонцы. Тогда былъ посланъ посолъ къ Тиридату, царю великой Арменіи, въ Вагаршапатъ, съ эдиктомъ слѣдующаго содержанія:

„Императоръ Діоклетіанъ, цезарь, нашему любезнѣйшему брату Тиридату, сотоваришу привѣтъ.

„Нужно знать твоему братству о бѣдствіяхъ, всегда причиняемыхъ намъ вѣроломной сектой христіанъ, ибо во всемъ наше величество и наше правительство презираются ими и ихъ религіей. Они не знаютъ никакой сдержанности, поклоняются Распятому и почитаютъ дерево, чествуютъ равнымъ образомъ кости убитыхъ, считаютъ за славу и честь умереть за своего Бога. Они осуждены правотою нашихъ законовъ, потому что оскорбили и огорчили нашихъ предковъ и нашихъ предшественниковъ въ этомъ царствѣ. Остріе мечей нашихъ притупилось, а они не устрашились смерти. Прельщенные Распятымъ іудейяниномъ

²⁶⁾ Agath. XIII, § 59--61.

²⁷⁾ Agath. XIII, § 62--66.

они учатъ презиратьъ царей и ставить въ ничто статуи боговъ. Они не придають никакого значенія вліянію свѣтилъ — солнца, луны и звѣздъ, на которыя смотрять, какъ на твореніе этого Распятаго. Они учатъ также презиратьъ изображенія боговъ, устранили ихъ совсѣмъ изъ своего культа; обязываютъ даже женъ оставлять своихъ мужей, а мужей своихъ женъ.

„И между тѣмъ, хотя мы наложили на нихъ наказанія и казни, они воспламеняются еще болѣе и ихъ секта распространяется повсюду.

„Я видѣлъ молодую красивую дѣвицу изъ ихъ секты, хотѣлъ сдѣлать ее своей супругой, а они осмѣлились отнять ее у меня. Не только она не радовалась быть подругой мнѣ, ея царю, но и всѣ онѣ нисколько не боялись моихъ угрозъ, и такъ какъ я не принадлежу къ ихъ сектѣ, то онѣ стали смотрѣть на меня, какъ существо нечистое, оскверненное и гнусное, и бѣжали въ страны, подчиненныя твоей власти. Теперь, мой братъ, постарайся выслѣдить ихъ повсюду, гдѣ онѣ будутъ, отмсти тѣмъ, которыя съ ней и ея начальницъ, и предай ихъ смерти. А что до прекрасной и дивной бѣгянки, то пришли ее ко мнѣ. Но если красота ея тебя предъститъ, то сбереги ее, ибо никогда не встрѣчали у грековъ красоты, которая могла бы сравняться съ ней. Будь въ мирѣ въ почитаніи боговъ и со всякимъ счастіемъ“²⁸⁾.

Прочитавши этотъ эдиктъ, Тиридатъ тотчасъ далъ приказъ сдѣлать немедленно розыски во всѣхъ странахъ, подчиненныхъ его власти, и привести къ нему бѣгянокъ, обѣщая въ награду богатые подарки. Поднялась повсюду суматоха, устроили заставы на всѣхъ дорогахъ и проходахъ, и принялись искать. Вскорѣ розыски увѣнчались успѣхомъ. Несчастныхъ женщинъ нашли въ самой царской столицѣ за городомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ставили на сохраненіе виноградные чаны, и чтобы предохранить этихъ женщинъ отъ возможныхъ насилій и оскорбленій со сто-

²⁸⁾ Agath. XIV, §§ 67, 67, Кажется, можно не удивляться странной фантазіи Діоклетіана, потому что, какъ извѣстно (Вс. Ист. Шоссера т. IV, стр. 415, изд. 1862 г.), въ самомъ началѣ воздвигнутаго имъ въ 303 году гоненія на христіанъ онъ заболѣлъ, а потомъ сталъ обнаруживать признаки умопомѣшательства, что и побудило его отречься отъ престола въ маѣ 305 года.

роны толпы, приказано было легиону пѣхотинцевъ окружить все то мѣсто. Слава о скромной и удивительной красотѣ Рипсиміи быстро распространилась повсюду и общему удивленію и похваламъ не было границъ. „Безчисленная толпа стекалась со всѣхъ сторонъ, чтобы отдать дань ея красотѣ. Сатрапы и вельможи спѣшили наперерывъ видѣть ее. Знатные смѣшавшись съ народомъ, тѣснили одни другихъ по причинѣ развращенности нравовъ и необузданнаго распутства язычниковъ“. „Когда св. женщины увидѣли безстыдство этихъ безразсудныхъ и развращенныхъ людей, то начали плакать и громко рыдать; поднимали руки къ небу, прося спасенія у всемогущаго Господа, который уже спасалъ ихъ отъ нечистой злобы язычниковъ, чтобы Онъ даровалъ имъ побѣду въ честь вѣры, и закрывши лице, онѣ распростирались на землѣ отъ стыда этихъ людей, собравшихся смотрѣть на нихъ“²⁹⁾.

Приближенные царя, видѣвшіе необычайную красоту Рипсиміи, донесли ему. Тиридатъ приказалъ привести святую въ царскій дворецъ. Тотчасъ отправили изъ дворца раззолоченныя носилки и слугъ, а также и богатыя украшенія, чтобы она нарядилась и пышно вошла въ городъ предстать предъ царя. А царь между тѣмъ заранѣе, на основаніи одной молвы, уже рѣшилъ взять найденную красавицу въ жены³⁰⁾. Посланные силой привели несчастную красавицу въ царскій дворецъ и Тиридатъ лично могъ увѣриться въ ея необыкновенной красотѣ. Онъ рѣшилъ, что христіанка должна принадлежать ему. Онъ былъ увѣренъ, что бѣдная скиталица будетъ рада сдѣлаться супругой царя. Но св. Рипсимія съ презрѣніемъ отвергла его предложенія.

Напрасно царь велѣлъ позвать св. Гайанію и заставлялъ ее убѣдить свою ученицу исполнить его волю и желаніе. Гайанія на непонятномъ для большинства окружающихъ латинскомъ языкѣ ободряла Рипсимію, и убѣждала ее до конца противиться царю. Воодушевляемая совѣтомъ благочестивой наставницы, юная хри-

²⁹⁾ Agath. XV, §§ 69, 70.

³⁰⁾ Agath. XV. § 71; Во время гоненія на св. Рипсиміанъ Тиридатъ былъ уже женатъ на Амхенѣ дочери Ашхатара (Agath. CV, §§ 124, 125, М. Хорен. II, 83); но не слѣдуетъ забывать, что среди языческихъ армянъ былъ распространенъ обычай многоженства.

отіанка предпочла мученическій вѣнецъ царской коронѣ и вышла изъ дворца ²¹⁾. Тогда судьба ея была рѣшена. Быть-можетъ въ пылу раздраженія самъ Тиридатъ далъ приказъ предать ее казни, а можетъ-быль по недоразумѣнію со стороны царскихъ приближенныхъ и министровъ, только въ слѣдующую же ночь палачи казнили, послѣ долгихъ пытокъ, св. Рипсимію и съ ней 32 по-други за городомъ на песчаномъ холмѣ близъ большой дороги, ведущей въ Арташатъ ²²⁾.

Впечатлѣніе, произведенное св. Рипсиміей на Тиридата, было глубоко и потрясающе. Необыкновенная красота и ангельская скромность, дѣвственная юность вмѣстѣ съ замѣчательной зрѣлостію духа, непобѣдимое мужество при женской немощи — все это, представляя рѣдкое и чудное сочетаніе въ одномъ существѣ, было дѣйствительно поразительно. Тиридатъ чувствовалъ себя побѣжденнымъ, — онъ, который славился изумительной физической силой, который выходилъ съ честію изъ единоборства съ замѣчательными богатырями, который одержалъ столько побѣдъ и подчинилъ своей власти столько странъ, одному мановенію котораго повиновались безпрекословно столько миллионовъ людей, онъ былъ теперь побѣжденъ женщиной и сдѣлался рабомъ той, которая его презирала ²³⁾. Онъ видѣлъ, что Рипсимія отвергла его блестящія предложенія потому, что была христіанка, а онъ язычникъ. Слова императорскаго письма: „онъ стали смотрѣть на меня, какъ на существо нечистое, оскверненное и гнусное“ теперь оправдались и на Тиридатъ. „Она, думалъ онъ, совращена хитрыми людьми, она принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые прельщены какимъ-то іудействомъ, которые предаются удивительнымъ суевѣріямъ, отвергаютъ государственныя власти и считаютъ ниже себя могущественныхъ царей и повелителей народа. „Смотрите, говорилъ Тиридатъ въ печали, смотрите на эту гнусную секту христіанскую, какъ она сбиваетъ съ пути людей, удаляя ихъ отъ почитанія боговъ. Она лишаетъ ихъ радостей этой жизни и мѣшаетъ имъ бояться смерти. Такъ по-

²¹⁾ Въ книгѣ Агаѳангела подробно говорится о продолжительной борьбѣ между Тиридатомъ и юной дѣвицей Рипсиміей, укрѣпленной свмше. XVI, §§ 74—80.

²²⁾ Agath. XVI, §§ 81—83.

²³⁾ Agath. XVI, § 77; Монс. Хорен. II, 79, 82, 85.

ступила она съ удивительной Рипсиміей, которая не имѣетъ себя подобной между всѣми женщинами на землѣ. Мое сердце воспылало къ ней, и пока я, царь Тиридатъ, буду жить, она неизгладится изъ моей памяти. Я зналъ хорошо страну грековъ и римлянъ, страны пареянскія, намъ принадлежащія, и Ассирію и страну Таджиковъ (арабовъ) и Азербейджанъ. Но къ чему перечислять однѣ за другими? Страны, которыя я посѣтилъ во время мира и много другихъ, которыя я прошелъ во время войны, опустошая ихъ, многочисленны, но ни въ какой изъ нихъ я не видалъ подобной красоты, и она потеряна по милости обольщенія ея подругъ. Ихъ чародѣйства такъ были могущественны, что я самъ былъ побѣжденъ“²⁴⁾.

На другой день послѣ смерти св. Рипсиміи, 27 мѣс. Гори²⁵⁾, начальникъ стрѣлковъ предсталъ царю, чтобы получить распоряженіе касательно св. Гайани. Царь, забывши, подъ вліяніемъ безумной любви, о смерти Рипсиміи, общалъ великія награды и почести тому, кто бы сумѣлъ убѣдить прекрасную христіанку придти къ нему, Тиридату. Но тотъ, къ кому онъ обращался, сказалъ: „танъ да погибнуть, царь, всѣ враги твои и тѣ, кто презираетъ боговъ и волю царей. Но та, которая погубила удивительную Рипсимію еще жива, равно и двѣ изъ ея подругъ“. Услыхавши о смерти Рипсиміи, царь снова впалъ въ печаль, въ бѣшенствѣ катался по землѣ и проливалъ слезы. Онъ приказалъ предать св. Гайану ужаснымъ пыткамъ, какъ главную виновницу, и она была замучена въ тотъ же день вмѣстѣ съ двумя другими спутницами²⁶⁾. Цѣлую недѣлю Тиридатъ былъ погруженъ въ глубокую печаль, наконецъ, чтобы развлечься, онъ рѣшился отправиться на охоту. Приказавши забрать тетета, арканы и все нужное для охоты, онъ сѣлъ въ колесницу и готовъ уже былъ выѣхать изъ города, какъ наказаніе Божіе постигло его. „Злой духъ, говоритъ Агаѳангелъ, овладевъ царемъ и повергъ его съ колесницы на землю“²⁷⁾. Несчастнѣйшій царь, подобно На-

²⁴⁾ Agath. XIV, § 85.

²⁵⁾ Второй мѣсяцъ по армянскому численію, соответствующій сентябрю-октябрю.

²⁶⁾ Память св. Рипсиміи и ея спутницъ празднуется у латинянъ и арабовъ 30 сентября, у коптовъ 26 того же мѣсяца, у грековъ 29.

²⁷⁾ Agath. XX, § 89.

вуходносору, сошелъ сума и въ бѣшенствѣ рвалъ свое тѣло. Онъ вообразилъ себя вепремъ, на котораго быть-можетъ только что собирався охотиться, обнажилъ свое тѣло, придавъ ему соответственную форму и положеніе, и сталъ издавать хрюканье свиньи вмѣсто членораздѣльныхъ человѣческихъ звуковъ. Облакая непомерной силой, онъ выпрыгивалъ на свободу, когда хотѣли удержать его въ городѣ; бѣжалъ въ мѣста, поросшія камышемъ, шипалъ траву, какъ скоть, и совершенно голый валялся по полямъ ²⁸⁾.

Такъ завершился длинный психическій процессъ быть-можетъ давней внутренней борьбы между укоренившимися языческими основами и новыми христіанскими представленіями. Какъ чловѣкъ образованный и умный Тиридатъ едва ли нечувствовалъ очень рано, хотя смутно, внутренняго противорѣчія, какъ въ отношеніяхъ большинства современниковъ къ христіанству, такъ и въ своихъ собственныхъ чувствахъ по отношенію къ этому новому вѣроученію. Воспитанный въ греко-римскомъ язычествѣ и конечно не послѣдними языческими учителями, онъ долженъ былъ съ уваженіемъ относиться ко всѣмъ религіознымъ вѣрованіямъ. Вступивши на отеческій престолъ и ставши во главѣ народа, роднаго, но съ инымъ, чуждымъ его греко-римскому воспитанію религіознымъ міросозерцаніемъ, онъ долженъ былъ на практикѣ показать это уваженіе и забывши чужое не національное, прениннуться духомъ того народа, которымъ призванъ былъ управлять. Но по какому-то странному противорѣчію теоретическому сужденію въ самой римской имперіи на практикѣ допускались и узаконялись жестокія гоненія на людей, преступность которыхъ никто не могъ доказать и вся вина которыхъ заключалась въ ихъ твердой вѣрѣ въ новаго Бога, и въ честной жизни. Сдѣлавшись царемъ армянскаго народа, Тиридатъ долженъ былъ самъ стать въ это противорѣчіе. Гуманный и вѣротерпи-

²⁸⁾ Ibidem. Болѣзнь, которой, очевидно, Тиридатъ былъ одержимъ, называется ликантропіей. Это особый родъ умственнаго помѣшательства, въ которомъ больные воображаютъ себя превратившимися въ волковъ или какое-либо другое дикое животное, воютъ и издаютъ оругіе соответствующіе звуки, днемъ избѣгаютъ тепловѣческаго общества, а ночью бѣгаютъ по полямъ. Древніе писатели часто въ своихъ твореніяхъ говорятъ о ликантропіи.

мый по воспитанію, онъ однако считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ быть внимательнымъ и ревностнымъ стражемъ народныхъ интересовъ и считая національную религію знаменемъ національнаго единства, долженъ былъ принимать мѣры строгости противъ оскорбителей народныхъ боговъ. Быть-можетъ при томъ же въ глубинѣ души онъ самъ чувствовалъ внутреннее превосходство христіанства надъ язычествомъ и питалъ нѣкоторое невольное уваженіе, если не къ самому христіанскому вѣроученію, котораго могъ и не знать, то по крайней мѣрѣ къ тому религіозному сознательному воодушевленію которое такъ отличало христіанъ отъ язычниковъ, къ прямотѣ ихъ характера и честности во внѣшнихъ сношеніяхъ и въ семейной жизни. Такое внутреннее раздвоеніе, сначала смутное сознаваемое и неопредѣленное, становилось замѣтнѣе и опредѣленнѣе по мѣрѣ того, какъ приводились въ исполненіе его строгіе указы касательно христіанъ. Наконецъ, когда св. Рипсимія предстала предъ Тиридатомъ во всей своей дѣвственной красотѣ и въ своемъ простомъ одѣяніи, христіанство нанесло въ сердце царя рѣшительный ударъ. Полная жизни и молодыхъ силъ и непоколебимой твердости духа, прекрасная Рипсимія была какъ бы олицетвореніемъ молодаго и мощнаго христіанства, ставшаго лицомъ къ лицу съ язычествомъ. Совмѣстное жительство язычества и христіанства оказалось невозможнымъ. Во дворцѣ царя между цѣломудріемъ и распущенностію нрава, духомъ и плотію, завязалась борьба; „а народъ стоялъ предъ дворцемъ“, въ ожиданіи исхода борьбы; кто нибудь долженъ былъ уступить, и язычество было побѣждено въ лицѣ Тиридата. Смутное раскаяніе въ жестокости довело царя до сумасшествія и онъ призналъ себя кабаномъ.

IV.

Несчастіе, постигшее царя Тиридата, поразило его подданныхъ, въ особенности же его семейство. Но бѣдствіе увеличивалось еще отъ того, что подобная же бѣдзнь постигла и многихъ другихъ. Агаангелъ и Зенобъ Гланскій говорятъ, что демоны овладѣли, кромѣ царя, многими изъ армянъ; даже въ царскомъ

ею семействѣ страдали подобною же болѣзнію ³⁹⁾. Въ семействѣ Тиридата была между прочимъ сестра его Хозровидухта. Она какъ и ея братъ была воспитана въ чужихъ людяхъ у нѣкоего вельможи Оды изъ фамиліи Амадуни, который „былъ человѣкъ справедливый, мужъ великой твердости и примѣрной мудрости. Хотя онъ и не позналъ истины относительно Бога, однако былъ убѣжденъ въ ложности идоловъ“ ⁴⁰⁾. Естественно, что такой воспитатель не могъ вложить въ сердце своей воспитанницы особенной привязанности къ богамъ, но могъ развить въ немъ любовь и состраданіе къ ближнему, отвращеніе ко всякаго рода жестокости и насилію, чуткость ко всему справедливому и прекрасному. Имѣя нѣжное и сострадательное сердце, она отвращалась конечно отъ тѣхъ строгихъ мѣръ, какія принимались ея братомъ по отношенію къ христіанамъ, и теперь при видѣ его болѣзни, поняла, что эта послѣдняя послана небомъ въ наказаніе за жестокость къ людямъ невиннымъ. Вѣроятно она думала о томъ, какъ бы загладить грѣхъ брата, и вознаграждать несправедливо обиженныхъ, а при такомъ душевномъ настроеніи неудивительно, что она видѣла по внушенію Божию сонъ, въ которомъ повелѣвалось отыскать и освободить узника Григорія, когда-то брошеннаго въ глубокое подземелье въ Арташатъ. Она вышла къ народу и сказала: „я видѣла сонъ въ эту ночь“. Человѣкъ съ лицомъ лучезарнымъ пришелъ и сказалъ мнѣ: „нѣтъ другаго средства остановить кары, которыя надъ вами тяготеютъ, какъ послать въ г. Арташатъ отыскать тамъ узника Григорія. Когда онъ придетъ, онъ укажетъ вамъ лѣкарство противъ вашихъ страданій“. Слова царевны были выслушаны со смѣхомъ и удивленіемъ. „Ужели и ты лишилась разума?

³⁹⁾ Agath. XX § 89, Lanob de Glag. p. 343, dans *Collect t. I*. Не лишне со ставить здѣсь извѣстіе Моис. Каганкатваци о болѣзни бывшей въ Агваніи въ началѣ VII вѣка послѣ голода: захваченные этою болѣзнію дѣлались нечувствительными въ продолженіе одного или двухъ мѣсяцевъ, скрежетали зубами, пучили глаза и нечувствовали никакого признака болѣзни; не знали просить воды. Нѣкоторые какъ помѣшанные лунатики, высказывали нагіе и страшные изъ постелей, говорили со стѣнами и плакали съ вѣтрами, иные били ухаживающихъ за ними. Хотя болѣзнь была заразительна, но смертельныхъ случаевъ не было. Назвали ее болѣзнію умалшенія». М. Каг. II, гл. 15, перев. Патканова.

⁴⁰⁾ Моис. Хор. II, 82.

ужели и ты также одержима?“ говорили ей въ отвѣтъ: „какъ это возможно: вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ его бросили въ глубокую яму, а ты говоришь, что онъ еще живъ? Кто знаетъ, остались-ли его кости въ этомъ мѣстѣ, ибо онъ навѣрное умеръ тутъ же въ тотъ самый день, какъ его бросили въ виду пресмыкающихся“. Но Хозровидухта видѣла тотъ же сонъ еще нѣсколько разъ потомъ съ угрозой еще большихъ бѣдствій, если она не расскажетъ объ немъ. Она со страхомъ исполнила повелѣніе, и на этотъ разъ ея послушались. Великій сатрапъ Ода былъ отправленъ въ Арташата, чтобы извлечь изъ подземелья Григорія. Когда Ода прибылъ въ Арташата, то никто изъ здѣшнихъ жителей не могъ сказать, живъ ли еще тотъ узникъ, освободить котораго онъ пришелъ. Принесли длинныя веревки и спустили ихъ въ подземелье. Григорій оказался живъ. Онъ взялъ спущенную веревку, обвязалъ себя ею и находившіеся вверху вытащили святаго наружу. Онъ былъ совершенно нагъ; все тѣло его было черно какъ уголь. Тотчасъ принесли ему одежду, одѣли его и съ радостію отвели въ г. Вагаршатапъ ⁴¹⁾).

Народъ и вельможи вышли навстрѣчу св. страдальцу въ надеждѣ получить отъ него избавленіе отъ постигшаго страну несчастія. Изнуренный продолжительнымъ заключеніемъ въ смрадной подземной тюрьмѣ и постояннымъ голодомъ, пережившій и перечувствовавшій свое прошлое и созрѣвшій нравственно среди своихъ уединенныхъ религиозныхъ созерцаній, Григорій долженъ былъ производить своимъ видомъ и словами сильное впечатлѣніе. „Всѣ одержимые, по дѣйствию промысла Божія, пришли и собрались къ св. Григорію. Самъ царь подобно животному изъ породы свиней вышелъ изъ тростниковъ, гдѣ бродило множество дикихъ звѣрей, и издавая хрюканье, роя землю своимъ лицомъ, съ пѣной у рта приблизился къ блаженному Григорію“ ⁴²⁾). Всѣ молили святаго простить имъ то зло, которое они ему причинили, и даровать исцѣленіе больнымъ. Но Григорій отвѣтилъ: „я такой же человекъ, какъ и вы, и имѣю тѣло подобное вашему. Но вы познайте своего Творца, который сотворилъ небо, землю, солнце, луну, звѣзды, море и пустыню,

⁴¹⁾ Agath. XX § 90, 91.

⁴²⁾ Agath. el. § 110.

ибо Онъ одинъ только можетъ васъ исцѣлить“ ⁴³⁾.—Гдѣ положены тѣла мученицъ Божіихъ?“ спросилъ онъ о св. Рипсиміи и ея спутницахъ. Ему показали мѣсто, гдѣ лежали непогребенныя трупы свв. дѣвъ. Онъ собралъ эти трупы, завернулъ каждый въ его разорванное платье и перенесъ ихъ въ тотъ самый загородный сарай, служившій для храненія виноградныхъ чановъ, въ которомъ прежде жили св. мученицы. Онъ самъ поселился въ этомъ сараѣ; сюда же приходили къ нему царь, получившій облегченіе и вельможи слушать его проповѣдь о Христѣ ⁴⁴⁾. Цѣлыхъ пять дней съ утра до ночи св. Григорій услаждал ихъ своею проповѣдью, заставляя поститься и каяться въ несправедливыхъ жестокостяхъ, причиненныхъ вѣрующимъ во Христа ⁴⁵⁾, а затѣмъ въ продолженіе 2-хъ мѣсяцевъ поучалъ въ томъ же мѣстѣ собиравшійся народъ. Наконецъ по прошествіи 66 дней, когда царь и вельможи пришли по обычаю къ Григорію и просили о дарованіи полного исцѣленія, Григорій приглашалъ ихъ къ молитвѣ и покаянію и рассказалъ имъ видѣніе, бывшее ему въ послѣднюю ночь. „Около половины ночи, говорилъ св. Григорій, между тѣмъ, какъ вы утомились бодрствовать, заснули, я еще не спалъ и размышлялъ о безконечномъ милосердіи Божіемъ, такъ скоро посѣтившемъ васъ и поставившемъ васъ въ горнилъ усвоенія его премудраго и божественнаго ученія. И я вспоминалъ любовь св. мученицъ къ своему дивному Творцу и несказанныя награды, имъ уготованныя. Тогда раздался сильный раскатъ грома; это былъ ревъ страшный, какъ яростныхъ волнъ бушующаго моря. Сводъ тверди небесной раскрылся какъ шатеръ, и сошелъ человекъ лучезарный; онъ называлъ меня по имени и сказалъ мнѣ: „Григорій!“ и я, взглянувъ, увидѣлъ Его лицо; но устрешенный и трепещущій, я упалъ на землю. И онъ сказалъ мнѣ: „взгляни вверхъ и смотри чудеса, которыя я тебѣ покажу.“ И я, взглянувъ, видѣлъ сводъ небесный отверстый, раздѣленные воды и какъ бы долины и вершины горъ, нагроможденные тамъ и сямъ и настолько высокія, что глазъ не

⁴³⁾ Agath. XX. § 92.

⁴⁴⁾ Agath. XX. § 93.

⁴⁵⁾ Въ память сего армянами соблюдается пятидневный постъ, называемый по армянски Арачаборкъ.

могъ достигнуть до нихъ. И свѣтъ, разлившись по нимъ, нисходилъ до земли, а вмѣстѣ съ свѣтомъ и безчисленные сонмы людей блистающихъ и крылатыхъ; крылья же ихъ были огненные. Свѣтъ былъ подобенъ легкимъ атомамъ пыли, которые при весенней теплотѣ играютъ въ солнечномъ лучѣ, проникающемъ черезъ окно или другое какое отверстіе. Сонмы одновременно съ свѣтомъ наполнили всю землю и по мѣрѣ того, какъ распространялся свѣтъ, они распространялись съ нимъ. И человекъ съ видомъ грознымъ, великій и страшный сошелъ послѣ всѣхъ. Онъ держалъ въ рукѣ огромный золотой молотъ и всѣ слѣдовали за нимъ. Онъ несся быстрымъ полетомъ подобно орлу на мощныхъ крыльяхъ. Онъ спустился до земли въ срединѣ города и ударилъ въ толстую кору неизмѣримой земли. Ударъ отдался даже въ пропастяхъ преисподней и вся земля, доколѣ могъ хватить взоръ, сдѣлалась гладкой какъ равнина.

„И я замѣтилъ въ срединѣ города возлѣ царскаго двора золотой круглый пьедесталъ, широкій какъ великая площадь, изъ котораго возвышался неизмѣримый огненный столбъ съ облакомъ вмѣсто капители, увѣнчанный свѣтившимся крестомъ. И я смотрѣлъ и видѣлъ три другіе пьедестала, одинъ на мѣстѣ, гдѣ была замучена св. Гайанія съ двумя своими спутницами, другой тамъ, гдѣ была замучена Рипсимія съ тридцатью тремя ⁴¹⁾ своими подругами, третій на мѣстѣ выжиманія винограда. И пьедесталы эти были цвѣта красной крови, столбы же были облачные, а капители огненные. И на трехъ столбахъ кресты свѣтящіеся подобны кресту Господню. И кресты этихъ столбовъ были похожи на капитель келонны свѣта, которая была выше, чѣмъ всѣ другія. И надъ крестами этихъ четырехъ колоннъ соединялись удивительныя арки, и на этихъ аркахъ я видѣлъ зданіе съ облачнымъ куполомъ въ видѣ шатра. Это было произведеніе чудное. А подъ этимъ шатромъ на аркахъ я видѣлъ 37 святыхъ мученицъ ⁴²⁾ блистающихъ въ своихъ бѣлыхъ одеждахъ, съ формами невыразимой красоты. На верху зданія я видѣлъ престолъ божественный и удивительный, весь изъ огня, гдѣ возвышался

⁴¹⁾ Acta sanctorum § 114; сь 30 Agath.

⁴²⁾ Acta Sanct. § 114: triginta sanctos Christi martyres; τριάκοντα ἀγίουσ μαρτύρας τοῦ Χριστοῦ.

крестъ Господень. Свѣтъ разлившійся со всѣхъ сторонъ, обнималъ его и сливаясь съ лучами креста, образовалъ столбъ лучистаго свѣта, нисходящій до основанія колоннъ. И обильный источникъ билъ ключемъ, текъ и разливался по всей равнинѣ, покрылъ ее всю, насколько могъ видѣть глазъ, и она превратилась въ море ровное и голубое и всѣ поля приняли цвѣтъ неба. И видѣлъ я несмѣтное число огненныхъ алтарей и возлѣ каждаго алтаря столбъ, увѣнчанный крестомъ, и явилось мнѣ безчисленное множество блистающее, какъ звѣзды. И видѣлъ я неисчисленныя стада черныхъ козъ, которыя, перешедши чрезъ воды, превратились въ агнцевъ и ихъ цвѣтъ сдѣлался бѣлымъ и шерсть ихъ сверкала и бросала искры. И между тѣмъ, какъ я смотрѣлъ, вдругъ стада принесли плодъ и умножились и народившіеся агнцы наполнили поле и всѣ были цвѣта ослѣпительно бѣлаго. Затѣмъ народились еще и умножились. И половина, перешедши воды, превратилась въ волковъ черныхъ, они напали на стада и начали производить неимовѣрную рѣзню и кровь текла волнами. И между тѣмъ, какъ я смотрѣлъ, я видѣлъ, выросли крылья у стадъ и они сдѣлались крылатыми и полетѣвши соединились съ лучезарными воинствами. И потекла огненная рѣка, которая поглотила волковъ, и я созерцалъ все это съ удивленіемъ“.

Затѣмъ Григорій разсказалъ, какъ ангелъ, явившійся ему, объяснилъ это видѣніе. „Образъ человѣческой, сказалъ ангелъ, есть Господь, зданіе увѣнчанное крестомъ означаетъ вселенскую церковь, пребывающую подъ охраною креста, ибо на крестѣ умеръ Сынъ Божій. Мѣсто это должно сдѣлаться мѣстомъ молитвы. Огненный столбъ и источникъ знаменуютъ божественное крещеніе, которое истекаетъ изъ вселенской церкви для возрожденія человѣчества“... „Повергнись предъ благодатію, которую явилъ тебѣ Богъ, и воздвигни здѣсь церковь“. „Затѣмъ, продолжалъ Григорій, послышалось великое землетрясеніе и когда показался день, видѣніе исчезло“⁴⁸⁾.

Кончивши разсказъ о чудномъ видѣніи ночью и о повелѣніи воздвигнуть храмъ на указанномъ мѣстѣ, св. Григорій пригласилъ присутствовавшихъ воздвигнуть прежде всего часовни—

⁴⁸⁾ Agath. ch. II. §§ 112—121.

усыпальницы для св. мученицъ. Призывъ былъ встрѣченъ сочувственно. По распоряженію Григорія приготовлены были все нужные для постройки матеріалы и свезены на указанные мѣста. Народъ, всегда готовый по первому впечатлѣнію единодушно отдаться дѣлу по призыву сильнаго и авторитетнаго голоса, съ жаромъ принялся за работу, и не только трудились мужчины, но и женщины. Даже самъ царь, получившій по молитвѣ св. Григорія полное исцѣленіе, съ своимъ семействомъ принималъ дѣятельное участіе въ общей работѣ. Скоро воздвигнуты были три часовни: одна на сѣверо-востокъ отъ города, тамъ гдѣ потерпѣли мученіе св. Рипсимія и ея спутницы, другая къ югу отъ него въ томъ мѣстѣ, гдѣ пострадала св. Гайанія съ двумя подругами, третья въ виноградникѣ, гдѣ было пристанище этихъ св. дѣвъ. Часовни эти были богато украшены и снабжены золотыми и серебряными лампадами, люстрами и канделябрами. Въ нихъ были вырыты могилы, въ которыя и схоронили св. мощи. Царское семейство, вельможи и народъ всячески хотѣли почтить священные останки; принесли св. Григорію богатые ткани, златотканная одежда и душистые смолы. Но Григорій отвергнулъ все приношенія, говоря, что приношенія эти нечисты, такъ какъ сами они еще не очистились крещеніемъ. Въ каждой изъ трехъ часовень на могилахъ мученицъ Григорій поставилъ „знаменіе креста Господня и велѣлъ народу поклоняться истинному Богу, ихъ Творцу, предъ этимъ священнымъ знаменіемъ“.

Послѣ того на томъ мѣстѣ, гдѣ въ видѣніи стоялъ огненный столбъ на золотомъ основаніи, Григорій рѣшилъ устроить церковь. Онъ окружилъ все то мѣсто высокою стѣною, поставилъ въ серединѣ крестъ и заперъ на замокъ сдѣланныя въ стѣнѣ двери ⁴³⁾.

Такимъ образомъ въ самой столицѣ армянскаго царства христіанство утвердило свое знамя въ знакъ своей побѣды, одержанной здѣсь надъ язычествомъ и вѣрный залогъ скораго и окончательнаго торжества.

⁴³⁾ Agath. CIII, CIV, CV, § 122—126.

V.

Построеніемъ часовень и торжественнымъ чествованіемъ казенныхъ за вѣру христіанъ была рѣшительно и всенародно осуждена прежняя религіозная политика армянскаго правительства. Государственная власть не только не оказала препятствія такому публичному чествованію гонимой вѣры и казенныхъ за нее, но и сама своимъ дѣятельнымъ участіемъ въ этомъ чествованіи одобрила образъ дѣйствія св. Григорія и своимъ поступкомъ объявила поворотъ на иной путь въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству. Царь Тиридатъ, самъ на себя испытавшій благодатное дѣйствіе этой религіи, сознавшій по опыту ея внутреннюю мощь и непоколебимую внѣшнюю крѣпость, сдѣлался послѣдователемъ Христа и рѣшился сдѣлать христіанство государственной религіей Арменіи. Но чтобы утвердить новую вѣру, нужно было сначала разрушить старый религіозный строй и разрушить до основанія. Поэтому царь поручилъ Григорію уничтожить всѣ древнія армянскія божества и самъ ревностно принялся ему содѣйствовать въ этомъ. Въ сопровожденіи сильнаго отряда войска онъ отправился съ Григоріемъ въ Арташатъ, уничтожилъ на пути храмъ бога Дира, гдѣ объясняли сны, внушаемые этимъ богомъ и при немъ главное жрецкое училище, въ которомъ обучались „всѣмъ искусствамъ“, пришедши же въ Арташатъ, разрушилъ алтари богини Анаштъ⁵⁰⁾. Затѣмъ царь и Григорій перешли въ область Таранаги, разрушили въ Торданѣ храмъ знаменитаго бога Баршимніи и разбили въ куски его статую⁵¹⁾; сокрушили въ Ани статую бога Арамазда и направившись въ провинцію Екегеацъ, разрушили здѣсь въ мѣстечкѣ Ерецъ многочисленныя храмы въ честь богини Анаштъ. Въ Тилѣ они уничтожили статую Наней, дочери Арамазда, а въ Пакайриджъ разрушили до основанія храмъ Михро, сына Арамазда⁵²⁾. Имущества разрушенныхъ храмовъ, ихъ многочисленныя богатства раздавались бѣднымъ и нищимъ или отбирались въ казну

⁵⁰⁾ Agath. CVIII, § 129—130.

⁵¹⁾ Ag. § 132.

⁵²⁾ Agath. CX, § 133—134.

на дѣло утвержденія новой вѣры⁵³⁾. Вездѣ гдѣ только ни былъ, св. Григорій обличалъ языческую вѣру армянь, проповѣдывалъ имъ ученіе Христа и наставлялъ ихъ въ заповѣдяхъ Божіихъ, ставилъ кресты на перекресткахъ, по дорогамъ, на площадяхъ и въ началѣ улицъ; во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ онъ назначалъ мѣсто для церкви, но не полагалъ самаго основанія, и не воздвигалъ алтаря во имя Божіе, потому что еще не былъ облеченъ саномъ священства, но только окружалъ выбранныя мѣста стѣнами и ставилъ кресты⁵⁴⁾. Народъ при видѣ проповѣдника, на сторонѣ котораго стояла государственная власть, большею частію не противился низверженію кумировъ и разрушенію храмовъ, а иногда даже самъ помогалъ правительству въ дѣлѣ разрушенія, какъ это было въ Эразмоинѣ при разрушеніи храма Анаштъ⁵⁵⁾. Но иногда, возбуждаемый жрецами, онъ смѣло выступалъ на защиту своихъ боговъ и оказывалъ Григорію сильное противодѣйствіе. Такъ, когда начали разрушать храмъ бога Дира, то собралась пѣлая громадная толпа „демоновъ въ образѣ человѣческомъ, какъ говоритъ Агаеангель, пѣшихъ и конныхъ, вооруженныхъ копьями, дротиками, пращами“. Эти демоны въ человѣческомъ образѣ испускали неистовые крики, но не надвѣясь на свою силу, устремились въ храмъ Анаштъ и съ вершины его начали бросать стрѣлы и камни на разрушителей. Побѣда однако оказалась на сторонѣ разрушителей. „Тогда всѣ демоны обратились въ бѣгство предъ народомъ, разрывая свои одежды и ударяя себя въ лобъ, рыдая и испуская раздирающіе крики“: „горе намъ, потому что Иисусъ, сынъ Маріи, гонитъ насъ со всей земли, мы должны оставить эти мѣста по причинѣ могущества мертвыхъ и узниковъ; что дѣлать намъ безпріютнымъ, такъ какъ слава Его наполнила вселенную? Развѣ намъ идти къ обитателямъ Кавказа на сѣверъ? Тамъ можетъ-быть намъ удастся укрѣпиться и жить, и вмѣсто того, чтобы сражаться безпрестанно съ вѣтрами, отдѣленные отъ людей мы можемъ исполнить свою волю противъ

⁵³⁾ §§ 131, 132, 133, 134.

⁵⁴⁾ § 131.

⁵⁵⁾ § 131, 132, 133.

нихъ“⁵⁶⁾). Въ Эрѣцѣ, гдѣ были многочисленныя храмы, демоны, собравшись арміей со щитами, дали правильное сраженіе конвою Григорія и Тиридата⁵⁷⁾). Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ глухомъ извѣстіи о противоѣдствіи демоновъ и бѣгствѣ ихъ послѣ пораженія на сѣверъ нужно видѣть противоѣдствіе армянскихъ язычниковъ, преданныхъ вѣрѣ отцевъ и хотѣвшихъ отстоять старый религіозный порядокъ. Противоѣдствіе это могло бы быть серьезнѣе, еслибы опасность не пришла такъ неожиданно для ревнителей отечественныхъ религіозныхъ преданій. Послѣ оно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ организовалось въ цѣлое возстаніе противъ царя, съ кровопролитными стычками и затѣмъ неоднократно сказывалось во время политическихъ безпорядковъ въ Арменіи, не только усложняя обычныя раздоры и бунты князей, но часто причинюя обусловливая эти бунты, коварныя предательства и измѣны. Чтобы законнымъ порядкомъ отмѣнить прежнюю языческую религію и санкціонировать уже принятый правительствомъ образъ дѣйствій по отношенію къ христіанству, Тиридатъ созвалъ въ Вагаршапатъ начальниковъ и предводителей армянскаго народа. Тогда собрались къ царю въ г. Вагаршапатъ всѣ войска, „вельможи и префекты, правители областей, знаменитые полководцы, коменданты, князья, сатрапы, судьи, магистраты“. Съ общаго согласія рѣшено было обратить армянскій народъ въ христіанство, избрать св. Григорія духовнымъ руководителемъ и учителемъ вѣры и поставить его епископомъ. Григорій отказывался принять такой высокой санъ. Но настоятельная просьба и боязнь оказаться противникомъ опредѣленію Божию заставили его согласиться. Тогда, по распоряженію царя, составлена была пышная депутація изъ главныхъ сатраповъ и князей страны и отправлены вмѣстѣ съ Григоріемъ въ Кесарію Каппадокійскую къ архіепископу Леонтію для посвященія избраннаго кандидата въ епископа. Тиридатъ снабдилъ депутацію богатыми подарками для сосѣднихъ христіанскихъ церквей и особымъ письмомъ къ архіепископу Леонтію. Сопровождаемый многочисленной и блестящей свитой, съ тѣлохранителями и многочисленнымъ конвоемъ, на царской колесницѣ Григорій пере-

⁵⁶⁾ Agath. CVIII, § 130.

⁵⁷⁾ Agath. CIX, § 133.

правился гѣтомъ 303 года чрезъ армянскія границы во владѣнія римлянъ. Здѣшнія христіанскія общины, узнавши о мученичествѣ Григорія и обращеніи имъ въ христіанство цѣлаго царства, вездѣ встрѣчали его съ радушнымъ гостепріимствомъ и великими почестями, какъ исповѣдника Божія и чудотворца ⁵⁸⁾.

Посольство св. Григорія за посвященіемъ въ Кесарію ясно показываетъ, что въ Арменіи еще не было своихъ епископовъ не смотря на то, что въ предѣлахъ армянскаго царства должно было быть болѣе или менѣе значительное число христіанъ. Почему именно была избрана Кесарія, а не другой какой-либо епископскій городъ, это объясняетъ авторъ жизни св. архіепископа армянскаго Нерзеса (V в.), который по поводу путешествія его въ Кесарію для посвященія въ епископа говоритъ: „когда страна армянская досталась въ удѣлъ апостолу Ѳаддею, то этотъ послѣдній пришелъ сначала къ царю Авгарю въ Эдессу и просвѣтилъ страну, но такъ какъ Кесарія находилась подъ властію армянъ, то апостолъ Ѳаддей отправился также и въ эту страну и обративши (жителей), посвятилъ пресвитеромъ и епископомъ одного изъ своихъ учениковъ, по имени Теофила, котораго и оставилъ въ качествѣ духовнаго главы; потомъ отправился въ Арменію. Вотъ основаніе, почему армяне ходили за посвященіемъ въ Кесарію до собора Халкидонскаго ⁵⁹⁾. При всемъ этомъ Кесарія была издавна знакома Григорію, она была вторымъ его отечествомъ: тамъ онъ воспитался и тамъ провелъ лучшее время своей молодости.

Когда депутація прибыла въ Кесарію и представила архіепископу письмо Тиридата, то архіепископъ съ радостію согласился исполнить общее желаніе. Онъ созвалъ соборъ мѣстныхъ епископовъ и вмѣстѣ съ ними „возложилъ на Григорія руки съ св. Евангеліемъ, дабы онъ получилъ власть на землѣ и на небѣ и ключи царствія небеснаго“ ⁶⁰⁾. Чтобы обогатить невоображенную страну святынями, Григорій выпросилъ у Леонтія половину мощей св. Іоанна Предтечи. Но жители города воспротивились выдачѣ мощей. Послѣ долгихъ споровъ между армянскими са-

⁵⁸⁾ Agath. CXIII, § 139.

⁵⁹⁾ Vie de Saint Nersès. См. *Collect. par Langl.* t. II, p. 25, IV.

⁶⁰⁾ Agath. CXIII, § 140.

трапами и кесарійскими христіанами, сатрапы заплатили архіепископу 12 т. тагекановъ и, взявши открытою силой мощи, вышли изъ города. Одинъ изъ армянскихъ князей предлагалъ даже поджечь Кесарію ночью. Архіепископъ Леонтіій своимъ краснорѣчіемъ успѣлъ возстановить миръ и въ-замѣнь 12 т. тагекановъ, далъ Григорію мощи священномученика Аѳиногена⁶¹⁾.

Для просвѣтительнаго дѣла въ Арменіи Григорію нужны были пособники, поэтому онъ искалъ подходящихъ людей среди каппадокійскихъ христіанъ. Онъ встрѣтилъ въ Кесаріи сирійца Зеноба Глана и пригласилъ его сопутствовать ему и трудиться на новой христіанской нивѣ. Кромѣ того и Леонтіій далъ ему двухъ благочестивыхъ людей Антонія и Кронидесса⁶²⁾. На возвратномъ пути изъ Кесаріи Григорій съ своими спутниками пробылъ изъ тѣхъ же видовъ нѣсколько дней въ Севастіи. Здѣсь онъ нашелъ много монаховъ, которыхъ и убѣдилъ идти съ нимъ въ Арменію, чтобы тамъ посвятить ихъ во священники⁶³⁾. „Онъ вызвалъ также многихъ учителей изъ Александріи съ прекрасными священниками“; изъ которыхъ одного, Тегларіуса, посвятилъ во епископа Девинской равнины, а равно пригласилъ изъ Сиріи⁶⁴⁾. Собравши, насколько было возможно, способныхъ людей Григорій возвратился въ Арменію и оставивши въ области Таранаги нѣкоего Сурдиноса, изъ Ефеса, въ качествѣ учителя всѣхъ округовъ, снова преданъ миссіонерской дѣятель-

⁶¹⁾ Zenob de Gl. p. 344, *Coll. t. I, cf. Agath. CXIV, § 142.* Аѳиногенъ еп. Севастійскій былъ замученъ при Діоклетіанѣ. Cl. Galani hist Armena eccles. et polit. p. 10. Что касается Іоанна Предтечи, то Зенобъ Глакъ говоритъ слѣдующее: «евангелистъ Іоаннъ, возвратившись съ острова Патмоса, пришелъ въ Ефесъ и потомъ пошелъ въ Іерусалимъ, гдѣ по внушенію Божію Провидѣнію открылъ его (Предтечи) мощилу. Іоаннъ взялъ ночью святое тѣло Предтечи и далъ его еп. Поликарпу, своему ученику, чтобы тотъ перенесъ его въ Ефесъ и положилъ въ построенной имъ церкви во имя Божіей Матери. Послѣ смерти евангелиста св. мощи Предтечи оставались въ Ефесѣ до времени императора (Гролья) Деція. Въ царствованіе этого послѣдняго сидѣлъ въ Ефесѣ ученикъ Агтена (т.-е. Оригена) Фирмилианъ, который, будучи изгнанъ изъ этого города, взялъ съ собою мощи св. Предтечи, за исключеніемъ головы, и пришелъ въ Кесарію. См. *Coll. t. I, p. 344.*

⁶²⁾ Zen. p. 337, *Coll.*

⁶³⁾ Agath. CXIII, § 140.

⁶⁴⁾ Zen. p. 344, *Coll.*

ности. Вооруженный теперь законными полномочіями, Григорій думалъ уже приступить къ крещенію армянъ, но получивши извѣстіе, что въ округъ Таронъ остаются еще два храма, въ которыхъ приносятъ жертвы идоламъ, отправился туда, чтобы ихъ разрушить. Разрушить эти храмы оказалось нелегко. Жрецы и мѣстное населеніе оказали Григорію сильное сопротивленіе. Дѣло въ томъ, что здѣсь была цѣлая жреческая колонія, происшедшая отъ переселившихся 450 лѣтъ предъ тѣмъ изъ Индіи индійскихъ князей братьевъ Кизане и Темедра. Эти два брата, какъ рассказываетъ Зеновъ Глакъ, замыслили заговоръ противъ своего царя (Тинаске). Заговоръ былъ открытъ. Избѣгая гнѣва царя, они бѣжали къ царю армянскому Вагаршаку (за 150 лѣтъ до Р. Х.) и получили отъ него въ удѣлъ провинцію Таронъ. Здѣсь они воздвигли городъ Вишапъ (драконъ), а въ г. Аштишатъ поставили двѣ статуи во имя своихъ индійскихъ боговъ. Черезъ 15 л. по неизвѣстному побужденію царь приказалъ ихъ убить, а ихъ владѣнія раздѣлить между тремя сыновьями. Спустя нѣкоторое время эти послѣдніе удалились на гору Карке, устроили здѣсь селенія и воздвигли два идола, одинъ подъ именемъ Кизане, другой подъ именемъ Темедра, и членовъ своей фамиліи посвятили на служенія этимъ идоламъ⁶⁵). Составляя такимъ образомъ пришлый элементъ среди армянъ, эта жреческая колонія обладала особенной силой сплоченности и единодушія. Храмы Кизане и Темедра владѣли громадными сокровищами, многими значительными селеніями и обширными пастбищами. Сословіе жрецовъ, находившихся при этихъ храмахъ, составляло изъ себя какъ бы государство въ государствѣ и находилось по отношенію къ царю въ такихъ же вассальныхъ отношеніяхъ, какъ и прочіе армянскіе князья и нахарары (дворяне). Насколько значительны были средства этихъ индійскихъ жрецовъ, можно видѣть изъ того, что они владѣли въ Таронской провинціи между прочимъ 6 огромными деревнями, въ которыхъ было 12.298 домовъ, весь хаштіанкскій округъ (въ Четвертой Арменіи) служилъ пастбищемъ, по которому паслись ихъ стада, у нихъ было въ распоряженіи до 8 т. человекъ войска. Вліяніе этого сословія въ Таронъ было весьма значительно, а потому язычество держалось здѣсь

⁶⁵) Zenob p. 349, 350 см. *Coll.*

несравненно упорнѣе. Не даромъ св. Григорій въ письмѣ къ архіепископу Леонтію говоритъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ были храмы Кизане и Темедра, смерть обитала какъ бы въ пещерѣ.

Когда Григорій съ своими спутниками прибылъ въ селеніе, по сосѣдству съ храмами Кизане и Темедра, то находившіеся тамъ жрецы, узнавши о цѣли его путешествія, ночью проникли въ храмъ и скрыли въ подземелья ихъ богатые сокровища. Затѣмъ они обратились къ жрецамъ сосѣдняго города Аштисата съ возваніемъ: „собирайте войска и поспѣшите соединиться съ нами завтра, ибо великій Кизане долженъ дать сраженіе князьямъ отступникамъ“ ⁴⁶⁾. Они заставили жителей селенія Гувара устроить засаду въ виноградникахъ. Самъ главный жрецъ Артаванъ и его сынъ Темедръ приняли начальство надъ гуварскимъ отрядомъ, простиравшимся до 400 человекъ и занявши сосѣднюю гору, стали ждать подкрѣпленій. Когда, на слѣдующій день, отрядъ Григорія въ 300 человекъ, ничего неподозрѣвавшій, подошелъ къ горѣ, то находившіеся тамъ язычники при звукѣ трубъ, съ распущенными знаменами, въ боевомъ порядкѣ бросились на него. При видѣ неожиданной опасности князя поспѣшили отправить Григорія съ св. мощами и съ его спутниками назадъ, чтобы укрыть его въ одной небольшой крѣпости (Огканъ); но на дорогѣ находившіеся въ засадѣ напали на небольшой конвой св. Григорія. Сознвая величину опасности, Григорій скрылъ св. мощи въ примѣтномъ мѣстѣ и бѣжалъ вмѣстѣ съ своими спутниками и конвоемъ въ Огканъ. Ночью жители Гувара осадили крѣпость, но вызванное подкрѣпленіе въ 4000 человекъ обезопасило положеніе христіанъ. Гуваръ былъ взятъ и разрушенъ, а жители его отведены въ другое мѣсто. Между тѣмъ князя вели серьезную битву съ жрецами и наконецъ одержали верхъ. „Послушайте насъ, князья армянскіе, воскликнулъ сынъ верховнаго жреца Темедръ: сорокъ лѣтъ мы служимъ великимъ богамъ, мы поняли ихъ силу и знаемъ, что они лично сражаются противъ враговъ жрецовъ своихъ. Мы не можемъ конечно сопротивляться вамъ, ибо здѣсь страна царя армянскаго, а вы князья. Но знайте, хотя мы не можемъ побѣдить васъ, но лучше умереть намъ сегодня за сво-

⁴⁶⁾ Zen. p. 345.

ихъ боговъ, чѣмъ видѣть ихъ оскорбленными вами, вотъ почему мы отказались отъ жизни и желаемъ смерти“ ⁶⁷⁾. Верховный жрецъ Артзанъ вышелъ самъ на единоборство съ однимъ изъ армянскихъ князей и палъ. На помощь жрецамъ прибыли жреческія войска изъ города Вишапа и окрестныхъ селеній въ числѣ 5400 человекъ, а черезъ день ихъ уже почти 7 тысячъ; разбитые было князья получили также подрѣпленіе, но число ихъ едва превышало 5 тысячъ сражающихся, при томъ же, когда началось новое сраженіе, одинъ изъ князей перешелъ на сторону Темедра съ 700 своихъ. Однако мужество князей одержало верхъ. Измѣнникъ князь Темедръ и главный жрецъ Аштишата Медагесъ были убиты, а съ ними 1038 человекъ. На могильномъ камнѣ, положенномъ надъ убитыми, написано было: „мы сражались за бога Кизане и за Христа“ ⁶⁸⁾.

Когда такимъ образомъ миновала на этотъ разъ серьезная опасность для христіанскаго дѣла въ Арменіи, Григорій снова вышелъ изъ крѣпости, нашелъ скрытыя имъ мощи, и взошедши на поле сраженія, по свидѣтельству Зеноба, благословилъ страну правой рукой Предтечи, говоря: „да прострется десница Господня на эту страну и сохранить ее отъ врага; теперь она потерпѣла отъ Господа наказаніе за свои грѣхи, пусть же враги ея перестанутъ возмущать ее, и да погибнуть они съ своими беззаконіями. Да не обитаютъ еретики въ сей странѣ; да будетъ десница св. Предтечи ея печатью и хранителемъ и пусть настоящій строй продолжится изъ рода въ родъ“ ⁶⁹⁾.

„Едва мы отвѣтили „Аминь!“ говоритъ тотъ же Зенобъ, очевидецъ тѣхъ событій, какъ послышался ужасный шумъ. Когда мы спустились къ „Девяти источникамъ“, армянскіе князья вышли къ намъ навстрѣчу и возвѣстили намъ добрую вѣсть о пораженіи Темедра. Прибывши на мѣсто мы увидѣли, что храмъ разрушенъ и идолъ, который имѣлъ 15 локтей вышины, былъ разрубленъ на четыре куска. Жрецы испускали крики и про-

⁶⁷⁾ Zenob de Gl. p. 346.

⁶⁸⁾ Ibid. p. 347.

⁶⁹⁾ Ibid. p. 348. Кажется, слова: «да не обитаютъ еретики» и т. д. происхожденія послѣ халкидонскаго и можетъ быть принадлежать продолжателю Зеноба Иоанну Мамиконяну (VII в.), редактировавшему трудъ Зеноба.

ливали горькія слезы; сами демоны утомляли уши своими жалобными криками: „горе намъ, говорили они, кости мертвыхъ гонять насъ изъ этой страны“. Потомъ подъ человѣческимъ видомъ пустились, какъ будто они имѣли крылья, укрываться при храмѣ идоловъ Аштишитскихъ. Другіе, подобно тучѣ осъ или проливному дождю бросились на толпу и избили жестоко жрецовъ, которыхъ оставили почти замертво. Между тѣмъ св. Григорій приблизился къ нимъ и исцѣлилъ ихъ; потомъ далъ приказъ разбить идолъ Кизане, который былъ мѣдный и высотой 12 локтей. Когда люди, которымъ поручено было это дѣло, вошли во храмъ, то служители святилища, при видѣ ихъ, устремились къ нимъ и напали на нихъ, говоря: „умремъ, прежде чѣмъ великій Кизане будетъ низвергнутъ“. Воины окружили жрецовъ и убили изъ нихъ шесть; послѣ чего они сокрушили врата смерти. Тогда демоны, возвышая голосъ, закричали: „хотя вы насъ и выгоняете отсюда, но не будетъ никогда покоя тѣмъ, кто пожелаетъ тутъ жить“. Трудно повѣрить: подобно городскимъ воротамъ, чрезъ которыя проникаютъ массы солдатъ, это мѣсто сдѣлалось дверью демоновъ, число которыхъ было такъ же велико въ Кизане, какъ въ глубинахъ преисподней.

Когда воины разбили идоловъ, Св. Григорій положилъ основаніе церкви. Такъ какъ не было подъ рукой нужныхъ матеріаловъ, то онъ взялъ необдѣланные камни, потомъ, нашедши въ храмахъ идоловъ известъ, началъ построеніе церкви на мѣстѣ храма Темедра и въ тѣхъ же самыхъ размѣрахъ ⁷⁰⁾. Онъ жилъ въ этомъ мѣстѣ 12 дней и хотѣлъ даже положить здѣсь всѣ мощи св. Предтечи; между тѣмъ не получалъ повелѣнія отъ Господа. Онъ положилъ ихъ въ глиняную гробницу, — ибо не изъ золота, а изъ земли образовано тѣло, потомъ положилъ въ мѣдный ящикъ и присоединилъ туда одинъ изъ камней самоцвѣтныхъ, называемый аметистъ, который онъ принесъ изъ Кесаріи ⁷¹⁾. Все это дѣлалъ онъ одинъ, не позволяя никому

⁷⁰⁾ Скорѣе всего этотъ храмъ былъ просто обращенъ въ церковь. Во всякомъ случаѣ эта церковь была первою церковью въ Арменіи, Фаветъ Византійскій называетъ ее матерью церквей армянскихъ. Taust. Byz. l. III, ch. 14.

⁷¹⁾ У Зеноба находится извѣстіе очевидно позднѣйшаго происхожденія, что архіепископъ Леонтій вмѣстѣ съ св. мощами далъ Григорію два драгоценныхъ камня, полученныхъ имъ отъ римскаго архіепископа.

видѣть что-нибудь. Потомъ когда избрано было тайно удобное мѣсто, епископъ Альбинъ и я (Зенобъ) принесли ночью заступы, выкопали могилу въ размѣрѣ двухъ человѣкъ, набросали въ нее булыжнику и положили тамъ мощи св. Предтечи: верхнюю часть правой руки и до локтя, лѣвую руку вмѣстѣ съ верхнею ея частию, кость праваго бедра вмѣстѣ съ другими малыми костями тѣла. Что же касается мощей Аѳиногена, то мы раздѣлили ихъ пополамъ до пояса и положили въ глиняную гробницу. Если вы хотите знать точныя подробности всего этого, спросите Бизитона сиріянина, толкователя, онъ сообщитъ ихъ вамъ словесно ⁷²⁾. Предтеча въ углу, гдѣ аршакидская дверь на пядень разстоянія; гвозди служатъ указаніемъ входа и находятся на полпядь выше грунта въ правой сторонѣ церкви. Затѣмъ св. Григорій заставилъ начертить на мѣдной пластинкѣ при входѣ (слѣдующія слова): „пустъ никакая женщина не осмѣлится переступить порога сей церкви изъ страха наступить на мощи, и пусть немилосердный гнѣвъ Божій падетъ на тѣхъ изъ нихъ, которые войдутъ и будутъ ихъ смотрѣть“ ⁷³⁾. Бизитонъ самъ читалъ надпись. Мощи Аѳиногена находятся у той же самой двери въ лѣвомъ углу. Мѣсто, гдѣ положены мощи, такъ закрыто, что не возможно найти его даже съ помощію гвоздей, которые служатъ примѣтой, хотя выкопали ему въ сорокъ локтей. Вотъ почему, когда мы погребли мощи святаго, то св. Григорій, приклонивши вмѣстѣ съ нами трижды колѣна, всталъ, потомъ простирая руки къ востоку, сказалъ: „Боже боговъ и Господь господей, исполняющій волю боящихся Тебя и не отвергающій молитвы просящихъ у Тебя; Ты, Господи, который сохранилъ сіи мощи и принесъ ихъ въ мѣсто сіе, прости десницу свою на могилы сіи и запечатай силою Своею безконечной кости, въ нихъ заключающіяся, чтобы никто не могъ взять ихъ отсюда, ниже обрѣсти ихъ до конца міра, до времени ихъ обновленія и обновленія всѣхъ святыхъ. Если кто-либо изъ святыхъ попытается извлечь ихъ отсюда, молю Тебя: не услышь его молитвъ; но тѣ, кто и надеждою и вѣрою будутъ просить себѣ

⁷²⁾ Зенобъ писалъ свою исторію Тарона по просьбѣ въкоторыхъ сирійцевъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

⁷³⁾ Cf. Jean Mamiconien ch. I.

исцѣленія у двери св. Предтечи, исцѣли ихъ, по крайней мѣрѣ утиши ихъ страданія и пусть они, получивши облегченіе тѣлесно, живутъ духовно до послѣдняго суда. Соблюди священниковъ, которые будутъ служить Тебѣ съ ревностію и вѣрою во святой сей церкви, ибо Ты одинъ имѣешь всемогущество и Тебѣ принадлежить слава во вѣкъ“.

„Когда мы сказали: Аминь! послышался съ неба голосъ, который говорилъ: „будетъ сдѣлано по твоему желанію, никто не откроетъ (мошей) святыхъ съ намѣреніемъ взять ихъ, и тѣ, кто посвятить мнѣ въ семь мѣствъ жизнь чистую и искреннее сердце, получить участіе въ ихъ благахъ“. Тотчасъ земля задрожала и снова закрыла то мѣсто, гдѣ положены были мощи.

„На слѣдующій день привели къ князю Сіонійскому языческаго жреца, стали заставлять его показать мѣсто, гдѣ скрыты сокровища и указать гдѣ находилась дверь въ подземелье. Онъ отказался и умеръ на висѣльницѣ въ мученіяхъ. Не было возможности съ того времени открыть эти сокровища, хотя извѣстно было хорошо, что онѣ должны были быть скрыты подъ основаніями церкви, которая была предъ этимъ святилищемъ Темедра, ибо она была построена на томъ же самомъ мѣствѣ и точно съ тѣми же самыми пропорціями ширины и длины, съ тѣмъ различіемъ однако, что (Индійцы) обращались къ западу. Они разрыли равнымъ образомъ храмъ Кизане, расположенный близъ обильнаго источника къ востоку въ разстояніи около двухъ человѣческихъ шаговъ, въ надеждѣ открыть (сокровища), но успѣли не больше.

„Проживши въ этомъ мѣствѣ девять дней, князь Сіонійскій оставилъ селеніе Гуваръ и при этомъ посовѣтовалъ взрослымъ муштинамъ этого селенія принять крещеніе; они согласились и послѣдовали за нимъ. Св. Григорій отвелъ ихъ въ глубь долины Айдаанской, расположенной противъ Гайджонка къ востоку отъ крѣпости Астгонкъ. Онъ крестилъ ихъ, даровалъ имъ помазаніе Христово, и посвятилъ ихъ въ вѣру во Св. Троицу. По дѣйствию Господню явился великій свѣтъ въ видѣ огненнаго столба надъ новообращенными; онъ держался въ продолженіе трехъ часовъ надъ мѣстомъ свидѣтелемъ этого чудеснаго крещенія, послѣ чего исчезъ. Число крещеныхъ муштинъ и дѣтей было пять тысячъ пятьдесятъ“. По свидѣтельству Агаангела, здѣсь

прежде всего были крещены князья и сатрапы, сопутствовавшіе Св. Григорію въ Кесарію. Агаангелъ говоритъ, что здѣсь въ теченіе трехъ недѣль было крещено болѣе 190 тысячъ чело-вѣкъ ⁷⁴). „Оттуда, продолжаетъ Зенобъ, онъ привелъ ихъ въ храмъ Господа и велѣлъ праздновать въ честь св. Предтечи: это былъ первый день Навасарта (303 г.) ⁷⁵).

„Потомъ св. Григорій поручилъ (этихъ новообращенныхъ) зэ-ботамъ священниковъ, которые по его приказанію отвели ихъ въ ихъ деревни, и повелѣлъ имъ поставить деревянный крестъ на мѣстѣ, гдѣ онъ скрывалъ мощи, а въ центрѣ селенія поста-вить другой и крестить женщинъ въ этомъ мѣстѣ. Когда все это было окончено, св. Григорій собралъ дѣтей языческихъ жрецовъ вмѣстѣ съ служителями идоловъ и убѣждалъ ихъ слу-жить Господу Богу. Эти послѣдніе отказались и сказали князь-ямъ: „помните: если мы останемся въ живыхъ, мы потребуемъ отъ васъ того же самаго; а если мы умремъ, то боги отомстятъ за насъ“. Князь изъ дома Анкехъ, услышавши эту угрозу, ве-лѣлъ отправить ихъ въ Пайдакаранъ ⁷⁶) и заключить въ тюрьму въ числѣ 438 челоувѣкъ, послѣ чего имъ обрѣзали волосы, ко-торые они отпускали по примѣру Кизане. Принявшіе же христи-анство не были болѣею частію искренними христианами, и язычество еще долго жило въ этихъ христианахъ, въ ихъ обы-чаяхъ и понятіяхъ. Когда эти инородцы обратились ко Христу, то вѣра ихъ была сомнительная, ибо не имѣя возможности открыто слѣдовать обычаямъ своихъ отцевъ, они измыслили слѣдующую увертку,—оставлять пучекъ волосъ на головѣ сво-ихъ дѣтей, чтобы видъ этихъ дѣтей напоминалъ имъ ихъ гнус-ное служеніе“ ⁷⁷).

Устроивши церковь въ „Деяти Источникахъ“, Григорій оставилъ здѣсь Антонія и Кронида и другихъ священни-ковъ, а для содержанія церкви, съ согласія князей уступлены были на 32 года 12 большихъ селъ, прежде принадлежавшихъ

⁷⁴) Agath. CXV, § 143.

⁷⁵) Первый мѣсяцъ армянъ, начинающійся съ 11 августа. По Агаангелу (§ 143) празднованіе памяти св. Іоанна Крест. и муч. Аенногена была совершена въ 7-й день м. Сахми—16 октября. Последнее кажется лучше.

⁷⁶) Городъ и провинція В. Арменія.

⁷⁷) Zenob, p. 147—350. Dans Coll par V. Langloist. t. I. ср. Варданъ Beh. Всеобщ. Ист., стр. 51. Москва. 1861 года.

таронскимъ жрецамъ. Послѣ этого Григорій продолжалъ свой путь по Арменіи, проповѣдуя христіанство въ другихъ мѣстахъ, устроая храмы и поставляя священниковъ. Такъ въ разстояніи двухъ переѣздовъ отъ „Девяти Источниковъ“ онъ устроилъ церковь, гдѣ точно такимъ же образомъ, какъ и тамъ, положилъ остальные частицы мощей ⁷⁸⁾. Послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго путешествія Григорій прибылъ наконецъ къ подошвѣ горы Небатъ, въ Багреванъ, въ Араратской провинціи. Здѣсь встрѣтилъ его Тиридатъ съ своимъ семействомъ и множествомъ народа. Въ назначенный день самъ царь и масса народа собрались на рѣчку Евфратъ и крестились ⁷⁹⁾. По словамъ Агаѳангела здѣсь въ продолженіе недѣли крестилось болѣе 4 милліоновъ человекъ ⁸⁰⁾. Царь издалъ эдиктъ, которымъ повелѣвалось принять христіанство всѣмъ желавшимъ слѣдовать примѣру царя и креститься ⁸¹⁾.

Во всѣхъ удобныхъ мѣстахъ Григорій строилъ для обращенныхъ церкви. Между прочимъ вскорѣ по своемъ возвращеніи изъ Кесаріи онъ воздвигъ церковь въ Вагаршапатъ на указанномъ въ видѣніи мѣстѣ и назвалъ ее Эчмиадзинъ, что значитъ „Сожестіе Единороднаго“. Зная по опыту, какъ упорно язычество въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ языческіе храмы, Григорій строилъ церкви преимущественно въ такихъ мѣстахъ“.

⁷⁸⁾ Agath. CXV, § 143, 144; Zenob, p. 350, 351.

⁷⁹⁾ Agath. CXV, § 144—CXVII, § 149. Армянскій мартирологіи подъ 18 ноября утверждаетъ, что Григорій далъ Тиридату имя Іоаннъ. V. Langlois, Coll. t. I, p. 177, not. 2. Варланъ Велик. Всеобщ. Ист., стр. 54.

⁸⁰⁾ Многочисленныя вставки и искаженія въ текстѣ Агаѳангела заставляютъ быть осторожнымъ вообще къ свидѣтельствамъ этого писателя. Такъ напримѣръ въ данномъ случаѣ сомнительнымъ представляется, чтобы въ такой короткій срокъ (7 дней) могло быть обращено болѣе 4 милл. Принимая въ соображеніе замѣчаніе Агаѳангела (§ 150), что послѣ крещенія такого числа армянъ Григорій повелѣлъ устроить празднованіе памяти святыхъ (І. Кр. и Аонн.) въ тотъ день, когда праздновали въ честь бога Аманора (т.е. въ честь новаго года 11 августа) — не упуская изъ виду, что выше было сказано имъ, что въ «Девяти Источникахъ» память этихъ святыхъ была отпразднована въ 7-й день м. Сахси — 16 ноября, мы не безъ основанія можемъ предположить, что Агаѳангелъ говорить о двухъ праздникахъ въ октябрѣ 303 года въ Таронѣ и въ августѣ 304 г. въ Багреванѣ. Въ такомъ случаѣ для обращенія 4 милл. армянъ будетъ времени почти годъ.

⁸¹⁾ Agath. CXX, § 153; Созоменъ, II, 8; cl. Galan. Hist. Arm. p. 16.

⁸²⁾ Agath. § 153.

VI.

Въ виду быстрого распространения христіанства среди армянъ потребовалось для обращенныхъ множество руководителей, священниковъ, толкователей, учителей, епископовъ. Взятыхъ изъ Кесаріи и Севастіи и приведенныхъ въ Армению Григоріемъ оказалось далеко недостаточно, тѣмъ болѣе, что не зная большею частію народнаго языка, миссіонеры эти мало могли приносить пользы для начальнаго миссіонернаго дѣла. Поэтому Григорій, не щадя своихъ силъ, старался самъ быть повсюду и употреблять всѣ мѣры, чтобы увеличить число своихъ сотрудниковъ людьми способными и полезными. Онъ предложилъ царю собрать дѣтей, научить ихъ новой вѣрѣ, чтобы приготовить изъ нихъ способныхъ учителей и пастырей народа. Тиридатъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы со всѣхъ частей Арменіи сводили дѣтей въ опредѣленные пункты и давали имъ ежегодное содержаніе. Собранныхъ дѣтей велѣно было раздѣлить на двѣ группы и одну учить языку греческому, другую сирійскому. Особенное вниманіе было обращено на дѣтей бывшихъ жрецовъ, съ одной стороны, какъ на болѣе развитыхъ и подготовленныхъ, а съ другой вѣроятно съ цѣлью разобщить ихъ съ отцами, болѣе упорными въ язычествѣ, и вывести изъ-подъ ихъ вреднаго вліянія. Нѣкоторыхъ изъ дѣтей Григорій даже воспитывалъ при себѣ подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ⁸²⁾. Такъ какъ бывшіе жрецы безъ сомнѣнія составляли самый образованный классъ среди армянъ, то Григорій не пренебрегъ ихъ прежнимъ званіемъ и болѣе искреннихъ изъ нихъ и преданныхъ христіанской вѣрѣ рукоположилъ во священныя степени и даже поставилъ епископами. Такихъ епископовъ было не мало: Агаангелъ перечисляетъ изъ нихъ, кого знаетъ, и насчитываетъ двѣнадцать человекъ⁸³⁾. Онъ обращался въ архіепископу Леонтію, своему законному руководителю въ дѣлахъ церковныхъ, и просилъ его прислать въ Армению нужныхъ людей. Такъ какъ письмо св. Григорія къ архіепископу Леонтію не можетъ быть лишено интереса, то приведемъ его здѣсь цѣликомъ.

⁸²⁾ Agath. CXIX, § 151—CXX, § 154.

⁸³⁾ Смотри имена ихъ Agath. CXX, § 154.

„Господину трижды благословенному, прославленному свыше и почитаемому людьми, дивному и святому первосвященнику, архіепископу великаго, славнаго и великолѣпнаго города Кесаріи это первое письмо слабости нашего разумнїя въ благодарность за святое посвященіе, которое вы даровали намъ, посылается съ нашимъ привѣтомъ и любовію, вашей славѣ и всей вселенной.

„Воздаемъ громкія благодаренія Богу, который въ Своемъ отеческомъ попеченіи явилъ милосердіе Свое роду человѣческому посылая ему Своего Единороднаго Сына, признававшаго всѣ народы въ небесный градъ проповѣдью апостольской. Это благодѣяніе было для сей страны причиной неизреченной славы, ибо два апостола пришли сюда въ эту страну, которая была имъ предназначена, приведенные благодатію и повинувась велѣнію Св. Духа. Хотя со времени ихъ страна отвергла истину, между тѣмъ божественное милосердіе сжалилось надъ нашей оудостію, посему Духъ святой совершилъ въ наши дни чудеса, о которыхъ вы узнали изъ нашего разсказа. Кромѣ того мы воздаемъ чрезъ ваше посредство къ Богу другія благодаренія и вамъ въ частности выраженіе нашей признательности за дарованіе землѣ Армянской сокровища знани, посредника между Богомъ и людьми мощи св. Іоанна Крестителя. Армения возрадовалась о ихъ прибытіи тою же самою радостію, какъ нѣкогда Іорданъ о пришествіи Христа. Сообщаемъ вамъ завѣрное, что какъ чрезъ сошествіе Христа въ воду была уничтожена смерть, точно такъ же когда прибыли сюда мощи святаго, двери ада были сокрушены. Въ самомъ дѣлѣ есть въ Арменіи, въ провинціи называемой „Четвертая Армения“, тамъ, гдѣ она граничитъ съ третьей, въ цѣпи Таврскихъ горъ, мѣсто, откуда вѣтвь отдѣляясь, продолжается до Пахрскихъ воротъ въ Персію. Вокругъ простираются владѣнія Мамиконскія, богатые пріятными мѣстоположеніями и въ изобилии покрыты деревьями на всѣ нужды. Въ этой-то именно странѣ смерть обитала какъ въ пещерѣ, въ двухъ различныхъ мѣстахъ.

„Въ одномъ изъ этихъ мѣстъ смерть утвердилась столь прочно, что слѣдуя откровенію Св. Духа, это мѣсто было дѣйствительно входомъ въ адъ. Индійцы и Персы называютъ его „Девятью Источниками“ (Инаваніанъ). Жители относились съ ве-

ликимъ уваженіемъ къ идолу Кизане и его брату Темедру и Сатана прочно утвердилъ здѣсь свое мѣстопребываніе. Мы низвергли идоловъ Сатаны, и въ часовнѣ, воздвигнутой на этомъ мѣстѣ, положили мощи (в. Предтечи Іоанна и мощи мученика Аѳинногена. И такъ смерть повержена была съ своей силой и нынѣ Богъ прославляется тамъ и почитается. Въ этомъ мѣстѣ „Девяти Источниковъ“ я оставилъ двухъ человѣкъ, живущихъ (въ Богѣ) Антонія и Кронидеса, которыми Твоя любовь одарила страну армянскую, людей предавшихъ свои живыя тѣла, дабы распяться со Христомъ для искупленія души тѣхъ которые въ жизни, и я смотрю на нихъ, какъ на даяную мнѣ жемчужину невыразимой цѣны ⁸⁴⁾). Вѣря въ любовь и благорасположеніе, которое ты питаешь къ намъ, умоляю тебя дать намъ другаго человѣка въ даръ, ибо если жатва обильна, то дѣлатели въ маломъ числѣ. Заклинаю тебя прислать дѣлателей сдѣлать сію жатву. Одинъ изъ жнецовъ, котораго мы желаемъ Елеазаръ, другой братъ Іакова Сирійца, котораго я привелъ съ собой и посвятилъ во епископа дома Мамиконскаго. Пришли его вмѣстѣ съ другими дѣлателями и въ частности съ Тимофеемъ епископомъ Актенскимъ, литературныя знанія котораго ты самъ восхвалялъ, онъ послужилъ бы къ величайшей пользѣ для нашей страны, вспомошествоваемый твоими молитвами и совѣтами. Ты примѣръ по своему постоянному покаянію, ты учитель множества людей, по милости Божіей поживешь ты въ Господѣ нашими молитвами, ради многихъ. Аминь ⁸⁵⁾).

Въ отвѣтъ на это письмо архіепископъ Леонтій писалъ: „Блаженному и дивному Господину (моему) брату. Мы получили твое святое и милостивое письмо, которое исполнило насъ радостію совершеннѣйшаго среди нашихъ скорбей. Вслѣдствіе болѣзни, постигшей насъ, мы были въ печали, но твое благодарственное письмо отряхнуло нашу лѣнь. Прочтавши его, я воздаю

⁸⁴⁾ Не эти ли послѣднія слова навели искаателей армянскихъ памятниковъ на мысль о двухъ драгоцѣнныхъ камняхъ.

⁸⁵⁾ Zenob. de Gl. p. 337—338. Это письмо, по сопоставленію нѣкоторыхъ обстоятельствъ, писано св. Григоріемъ изъ «Девяти Источниковъ», и судя по содержанию слѣдовавшаго затѣмъ письма къ еп. Елеазару, гола 4 или 5 спустя послѣ возвращенія Григорія изъ Кесаріи т.-е. около 306 года.

благодареніе Богу за то, что какъ ты пишешь, онъ не отвергнулъ народы сѣверные, которые будучи въ теченіе долгихъ лѣтъ лишены истины, считали богами виновниковъ своихъ заблужденій сообразно тому, какъ они узнали это отъ Сатаны, врага истины; ибо ходя въ темнотѣ, они были лишены познанія Бога. Но къ нимъ прилагаются слѣдующія слова пророка: „народъ, который сидѣлъ во мракѣ, увидѣлъ великій свѣтъ познанія Бога“. Хотя солнце правды (Исусъ Христосъ) блистало надъ тварями уже долгое время, твои народы ходили ощушью при свѣтѣ дня какъ въ глубокую ночь. Посему Богъ бросилъ не давно на нихъ вьюръ и сошелъ освободить ихъ отъ Фараона, безтѣлеснаго. Въ самомъ дѣлѣ чрезъ мученія, которыя ты претерпѣлъ ты сдѣлался выше Моисея, потому, что ты не пощадилъ своего тѣла до тѣхъ поръ, пока не освободилъ ихъ и не повелъ въ пустыню Синайскую, гдѣ нѣтъ доступа животнымъ и откуда изгнаны печали и скорби. И такъ поелику чрезъ тебя возсіяло надъ нами Солнце Правды, Христосъ, и ты избранъ былъ замѣстить св апостоловъ Вареоломея и Фаддея, которые избраны были (раньше), то вспомни объ ихъ трудахъ и слѣдуй всегда по ихъ стопамъ. Впрочемъ для этого нѣтъ основанія, ибо Господь, который даде ихъ для созиданія, а не для разоренія, пожелалъ, чтобы ты, новый предтеча, снова только что вступалъ въ свою армянскую страну. Напиши мое имя въ свою книгу, поминай его, чтобы я мнѣ получить участіе въ благословеніи послѣ тебя.

„Вотъ добрый совѣтъ, который я тебѣ даю: на мѣствѣ „Девять Источниковъ“, которое, говорятъ, обильно превосходными плодами, построй обитель для монаховъ, ты устроишь ихъ на манеръ монаховъ сей страны, какъ ты видѣлъ въ нашей епархіи, а правила монашеской жизни ты узнаешь отъ блаженнаго Антонія, ибо онъ нисколько не ниже перваго (Антонія). Думаю, что это для тебя будетъ полезно, ибо я совѣтовалъ Епифанію, ученику блаженнаго Антонія идти въ Девять Источниковъ. Онъ ведетъ съ собою сорокъ человекъ добродѣтельныхъ, исполненныхъ покаянія, покрытыхъ власяницами, людей нравовъ безукоризненныхъ и умершихъ для міра. Когда примешь ихъ, поставь Епифанія начальникомъ надъ ними, а равно и надъ другими братьями. Потомъ напиши постоянный уставъ, чтобы никто въ мѣстечкахъ или селеніяхъ по примѣру монаховъ александрій-

скихъ не строишь каждый для себя храма Господу и не ставишь себя дома отдѣльно. Собери въ томъ же мѣстѣ сто человекъ, назначь имъ большіе пригороды и селенія для вспомошествованія нуждамъ монастыря, дабы монахи прилежали единственно молитвѣ и покаянію.

„Посоветуй и князьямъ страны украшать церкви, любить бѣдныхъ и монаховъ и жить въ страхѣ Божиемъ. Не возводи монастырскихъ построекъ для жилища своимъ монахамъ, но поставь имъ священниковъ и хорепископа, назначь ему селенія и устрой въ томъ мѣстѣ гостинницы, чтобы тѣ, кто придетъ искать себя исцѣленія, не роптали, какъ нѣкогда тѣ, которые приносили жертвы и которыхъ оставляли спать у воротъ скиніи“⁴⁾. Исполни все это, какъ я только что тебѣ сказала.

„Что же касается епископовъ Тимофея и Елеазара, которыхъ ты настоятельно просишь у меня, то они уже ушли прежде, чѣмъ ты низвергнулъ алтари идоловъ и отвѣтилъ намъ. Елеазаръ оставилъ, какъ бѣглець, свою каедрю, по причинѣ происковъ еретиковъ, которые возстали противъ него и выгнали на територію грековъ (римлянъ). Касательно же Тимофея я узналъ, что онъ пошелъ въ Іерусалимъ по поводу греческаго перевода Евангелія. А я, претерпѣвая мучительныя испытанія смерти, не знаю, сколько еще продолжится мое существованіе; поэтому откладываю писать имъ. Но ты пошли имъ письмо, чтобы сообщить имъ о людяхъ, какихъ ты имѣешь съ собой и прелестяхъ вашихъ странъ. Особенно сообщи имъ точную исторію той войны, которую вы выдержали противъ жрецовъ (изыческихъ), когда разстались съ нами. Ты укажешь также имъ секретнымъ письмомъ мѣста, гдѣ ты положилъ мощи, чтобы они, зная это не отказались вѣрить, полагая, что они еще не открыты.

„Если послѣ этого они пожелаютъ знать о состояніи нашего здоровья (скажи имъ, что) мы находимся въ ожиданіи смерти и конца нашего существованія. Виѣшній человекъ, поистинѣ, разлагается въ насъ, но человекъ внутренней начинаетъ жить новою жизнію. Пусть Господь Богъ пошлетъ вамъ то, чего не достаетъ намъ, чтобы вы могли вести довѣренное вамъ стадо въ овчій дворъ духовный небеснаго Сіона, и пусть чрезъ то и чрезъ

⁴⁾ 1 Цар. 2, ст. 22.

твои молитвы Христосъ простретъ свое милосердіе и на нашу собственную паству, и чтобы наконецъ, когда явится пастырь, и мы получили награду первыхъ дѣлателей. Привѣтъ въ Господь ⁸⁷⁾).

Узнавши содержаніе письма Леонтія „всѣ, говоритъ Зеновъ, не исключая и царя (Тиридата), были объяты глубокой печалью главнымъ образомъ по причинѣ гоненій, перенесенныхъ Елеазаромъ, и его удаленіемъ изъ страны“. Насколько эта печаль оправдывалась обстоятельствами, видно изъ письма Григорія и Тиридата въ упомянутымъ Елеазару и Тимофею, гдѣ ярко изображается истинное положеніе христіанскаго дѣла въ Арменіи, а равно и насущныя нужды армянской церкви въ то время. Вотъ содержаніе этого письма, имѣющаго важный историческій интересъ.

„Господину (Смагару), любезнѣйшимъ братьямъ, работникамъ, удаленнымъ по причинѣ Слова жизни, посылаемъ привѣтствіе въ Господь съ Тиридатомъ и всеми князьями.

„Кто предпринимаетъ трудиться на дѣлѣ Господнемъ, долженъ быть гонимъ, потому что проповѣдь его не всеми принимается. По этой причинѣ, какъ мы узнали сегодня касательно васъ, вы оставили свое мѣстопробываніе, и приняли рѣшеніе оставить своихъ друзей и свою епархію, не помышляя о ссылкѣ. Слѣдуя своему рѣшенію, вы ушли, не зная, куда идти. По сему мы поздравляемъ васъ по причинѣ вашего переселенія; но думаемъ что мудрость ваша находится въ ошибкѣ. Въ самомъ дѣлѣ; поелику вы знали, что царь (армянскій) исполненъ христіанской вѣры, и что поклоненіе Богу находится здѣсь въ почетѣ, то почему вы бѣжали въ мѣста чужія и отдаленныя, зная особливо, что во всѣхъ областяхъ нужда въ епископѣ и священникахъ? Много, правда, собралось сюда съ равныхъ сторонъ, но что значить ихъ малое число сравнительно съ шестьюстами двадцатью областями Арменіи? Это съ трудомъ, если въ каждомъ находится одинъ священникъ или два. Здѣшніе молодые люди еще школьники и никто изъ нихъ не можетъ быть посвященъ во священныя саны ⁸⁸⁾“. А вы со столькими священниками, ко-

⁸⁷⁾ Zen. p. 338—339.

⁸⁸⁾ Послѣдняя фраза показываетъ, что письмо писано не болѣе пяти лѣтъ

торыхъ вы ведете, рѣшились искать приключеній въ долгомъ и далекомъ путешествіи и не думаете прійти въ эту страну, которая есть ваша. Итакъ, заклиная васъ не оставлять насъ, взять мужество и поспѣшить къ намъ вмѣстѣ съ послами, которыхъ мы къ вамъ послали. Если придете, мы предложимъ вамъ страну Экегіацъ и Гаркъ. Какое бы мѣсто вы ни избрали для жительства, оно будетъ принадлежать вамъ и вашимъ преемникамъ послѣ васъ, пока будемъ мы живы, вы и мы. Если территория Мамиконская вамъ угодна и нравится вамъ, какъ ты заявлялъ это нѣкогда, прося у меня „Девять Источниковъ“, то такъ какъ въ этой странѣ я посвятилъ твоего брата (Зеноба) въ епископа и благодаря настоятельнымъ его просьбамъ измѣнилъ имя этой мѣстности на его собственное прозваніе (Глакъ) а онъ имѣетъ столько ревности къ службѣ святаго Предтечи, что поставилъ всѣ постройки монастыря изъ камня и извести и кажется нерасположенъ уступать его кому бы то ни было раньше своей смерти, — то не прилично намъ его отнимать у него, и онъ трудился одинъ и окончилъ самъ церковь которой я положилъ только основаніе. Между тѣмъ, если онъ уступитъ самъ собой, то я прибавлю новыя селенія. Въ противномъ случаѣ избирай все, что тебѣ будетъ угодно. Мѣсто, которое понравится тебѣ больше всего, есть твое и вы не найдете съ нашей стороны ничего, чего бы мы не исполнили. Привѣтствіе въ Господѣ!“

Такимъ образомъ, не смотря на довольно значительное число священниковъ и епископовъ, потребности церкви въ духовныхъ лицахъ были такъ велики, что приглашаемымъ изъ другихъ странъ сулились всякія выгоды, лишь бы согласились прійти. Однако настоятельныя просьбы Григорія удовлетворялись медленно. Посланные никакъ не могли найти ни Елеазара, ни Тимофея, пока наконецъ Григорій самъ не встрѣтилъ перваго изъ нихъ и не привелъ въ Арменію.

Важнымъ пособіемъ св. Григорію въ дѣлѣ просвѣщенія ока-

случа послѣ возвращенія Григорія изъ Кесаріи; между тѣмъ число священниковъ, гораздо болѣе 600,—показываетъ, что со времени обращенія армянъ прошло по крайней мѣрѣ стоа 4. Въ виду этого кажется, что какъ это, такъ и два предыдущія письма нужно отнести приблизительно къ 308 году.

зали устроенные имъ монастыри. Добрый совѣтъ архіепископа Леонтія касательно устройства монастыря въ томъ мѣстѣ, гдѣ прежде поклонялись Темедру и Кизане, и утвержденія монашества въ странѣ былъ принять св. Григоріемъ, потому что послѣдній не могъ не видѣть всей цѣлесообразности и неизмѣримой пользы монашества въ Арменіи. Онъ устроилъ монастырь въ епархіи Зеноба Глака въ „Девяти Источникахъ“. Года черезъ два или три послѣ построенія Глакскаго монастыря построенъ былъ монастырь во имя св. апостоловъ и порученъ былъ епископу Елеазару, почему и сталъ называться Елеазаровымъ⁸⁹⁾. Кромѣ того „онъ посылалъ цѣлыми толпами кеновитовъ въ мѣста населенныя и дикія, въ поля и на горы, урывающихся и собирающихся въ пещерахъ“⁹⁰⁾. и вѣроятно основалъ нѣсколько другихъ монастырей⁹¹⁾. Онъ самъ былъ примѣромъ монаховъ и старался подъ своимъ руководствомъ воспитать строгихъ подвижниковъ. „Онъ оставилъ Альбина, говоритъ Агаангелъ, человека искренниго и преисполненнаго любви къ Богу, бодрствовать при войскахъ царскаго двора, а самъ отъ времени до времени уходилъ на горы и показывалъ собою примѣръ другимъ. Онъ бралъ нѣкоторыхъ изъ своихъ учениковъ изъ разныхъ монастырей и уходилъ вмѣстѣ жить на уединенныхъ горахъ, скрываясь въ угротахъ и пещерахъ и вполне довольствуясь употребленіемъ въ пищу травъ“⁹²⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что аскетическая жизнь и строгое подвижничество монаховъ, производила должное благотворное дѣйствіе на армянское населеніе, обращенныхъ укрѣпляя въ новой вѣрѣ и нравственной жизни, а оставшихся въ язычествѣ располагая къ отреченію отъ него и принятію христіанства. Благодаря неусыпнымъ трудамъ и заботливости св. Григорія, при могущественномъ содѣйствіи царя Тиридата, дѣло христіанской проповѣди шло такъ быстро и такъ широко, что не только вся Арменія приняла христіанство, но и сосѣднія страны Иверія и Агванія⁹³⁾.

⁸⁹⁾ Этотъ монастырь находится по сосѣдству съ Мумомъ въ восточномъ Курдистанѣ.

⁹⁰⁾ Agath. CXX, § 154.

⁹¹⁾ Agath. CXX, § 156.

⁹²⁾ CXX, § 155.

⁹³⁾ Agath. CXX, § 153; Созом. II, 7; Cedren. *ad. ann.* XIX Constant. Magni.

VII.

Григорій учредилъ епископскія каѳедры во всѣхъ болѣе важныхъ армянскихъ провинціяхъ, поставилъ епископовъ и хор-епископовъ и организовалъ церковное управленіе. Число епископій невозможно опредѣлить, хотя приблизительно, а равно нельзя указать постепенности открытія извѣстныхъ изъ нихъ. Вотъ перечень епископскихъ каѳедръ, упоминаемыхъ древними армянскими историками, какъ несомнѣнно открытыхъ св. Григоріемъ. Это: „гаряская, останская, тайская, мардагійская, артамунильская, ардарунійская, сіонійская, ристуніицкая, монкская, ашатуницкая, бозенская, мамиконьянская, багратуницкая, хорхоруніицкая, ванадская, апагулицкая, аршаруницкая, гнунійская, гохтиская, гардманская, епископская каѳедра въ Ага, бажуницкая, ерутаская, азоріицкая, анцевадзійская, палуницкая, мехнуницкая, епископія Эли, загревалская и мивсъ-азоріицкая ⁹⁴⁾. Сюда же нужно присоединить епископскую каѳедру въ Авганіи и въ области Араратъ (Эчміадзинъ). Кромѣ того упоминается также епископъ Девинской равнины ⁹⁵⁾, епископъ по ту сторону Евфрата (?) ⁹⁶⁾, говорится, что Григорій предлагалъ епископу Тимофею Энегіацкую епархію. Но нужно думать, что епископскихъ каѳедръ во время Григорія Просвѣтителя было гораздо больше, потому что при замѣчательной раздробленности армянскаго царства на мелкія и крупныя княжества и при большей или меньшей ихъ политической обособленности, каждому значительному князю хотѣлось имѣть своего епископа. По этому вполне возможно, что Григорій во время своего правленія дѣйствительно поставилъ болѣе 400 епископовъ ⁹⁷⁾. Собственная каѳедра св. Григорія была въ Эчміадзинѣ. Здѣсь былъ центръ церковнаго управленія Арменіи ⁹⁸⁾.

⁹⁴⁾ Oukht. d'Our. p. 269. *Deux hist. Arm.* par. Brosset livr. I.

⁹⁵⁾ Zen. p. 344.

⁹⁶⁾ Agath. § 154.

⁹⁷⁾ Agath. CXXIII, § 158 cf. CXIX, § 151; Ou kht. p. 269; Stéphan Orbé. *Hist. de la Siounie* par Brosset, p. 15, livr. I.

⁹⁸⁾ Эчміадзинъ былъ главной архіеп. каѳедрой до половины V вѣва, а потомъ

Впрочемъ Григорій мало жилъ въ Эчмиадзинѣ, но то обходилъ Арменію, то удалялся въ удивленіе или проживалъ въ другихъ монастыряхъ. Обходя страну, онъ слѣдилъ за состояніемъ въ ней христіанской вѣры и содѣйствовалъ укрѣпленію началъ христіанской нравственности среди своихъ грубыхъ соотечественниковъ. Онъ спасъ жизнь многимъ узникамъ, избавивъ ихъ отъ пытокъ, уничтожилъ много жестокихъ и несправедливыхъ распоряженій властей, а обиженныхъ и притѣсненныхъ убѣждалъ въ справедливомъ воздаяніи за гробомъ и направлялъ ихъ къ порядку и благочестію⁹⁹⁾.

Въ 325 г. Григорій и Тиридатъ послали на никейскій соборъ епископа Аристакуса, сына Григорія. Аристакусъ подписалъ акты собора и никейскій символъ, и принесъ Григорію копию съ соборныхъ постановленій. Григорій принялъ все, что было постановлено и утверждено соборомъ, „и отъ себя прибавилъ нѣсколько краткихъ главъ къ правиламъ собора для большаго охраненія своей паствы“¹⁰⁰⁾. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ никейскаго собора Григорій совершенно отказался отъ управленія церковью и предоставилъ полное завѣдываніе церковными дѣлами своему сыну епископу Аристакусу. Престарѣлый и изможденный трудами и страданіями, онъ давно уже жаждалъ отдохновенія отъ своихъ тяжелыхъ трудовъ и потому, устроивши окончательно церковь, удалился въ 332 году на гору Себухъ и поселился тамъ въ пещерѣ Мане, въ округѣ Таранаги. По преданію онъ умеръ здѣсь въ томъ же году, будучи 75 лѣтъ отъ роду, въ стоячемъ положеніи, опершись на свой посохъ. Пастихи нашли его бездыханное тѣло и не зная кому онъ принадлежитъ, предали землѣ¹⁰¹⁾. „Такъ угодно было Божественному Провидѣнію, говорить Моисей Хоренскій, чтобы невѣжественные народы, недавно обращенные въ христіанство, не сдѣлали

ночи черезъ тысячу лѣтъ съ 1441 года и до настоящаго времени продолжаетъ быти резиденціей армянскаго католикоса.

⁹⁹⁾ Agath. § 154, cf. Zen. de Gl. p. 355.

¹⁰⁰⁾ Моис. Хор. II, 90; Agath. CXXVII, § 169.

¹⁰¹⁾ По другому преданію пастихи нашли его въ дуплѣ кипариснаго дерева: по однимъ въ сидячемъ, по другимъ въ стоячемъ положеніи съ посохомъ въ рукѣ, 146 вримѣч. г. Эмина къ его переводу Вардана.

изъ него предмета поклоненія¹⁰²⁾. Спустя 50 лѣтъ послѣ своей смерти, во время императора Зенона, Григорій явился во снѣ одному пустыннику и приказалъ ему взять его тѣло и похоронить въ Торданѣ, что и было исполнено. Зенонъ повелѣлъ перенести его потомъ въ Константинополь, оставивши въ Торданѣ только часть. Оставшееся изъ мощей св. Григорія въ Арменіи было раздѣлено на части и помѣщено въ драгоценныхъ гробницахъ. Одна часть, именно правая рука св. Григорія была положена въ патріаршей церкви въ Вагаршапатѣ (Эчмиадзинѣ); а другая часть другой руки послѣ разныхъ перипетій была положена въ церкви патріаршаго монастыря въ Сизѣ (въ Киликіи). Части же мощей, перенесенныя въ Константинополь, были потомъ, въ періодъ крестовыхъ походовъ перенесены въ Италію¹⁰³⁾.

Св. Григорію приписываютъ 1) книгу подъ заглавіемъ Гачахпатумъ (Hatchakharatoum — рѣчи и разсужденія)¹⁰⁴⁾, 2) Молитву Просвѣтителя и 3) Договорный актъ великаго императора Константина съ Тиридатомъ царемъ армянскимъ¹⁰⁵⁾.

Послѣ окончательнаго удаленія св. Григорія отъ участія въ дѣлахъ церковныхъ могущественный его сподвижникъ царь Тиридатъ оставался на стражѣ армянской церкви въ продолженіи еще 10 лѣтъ. Но утомившись послѣ продолжительныхъ трудовъ на благо армянскому государству и церкви, онъ также какъ его ревностный сподвижникъ Григорій, подъ конецъ жизни сталъ жаждалъ отдыха. Онъ удалялся по временамъ отъ людскихъ обществъ и проводилъ въ уединеніи дни по сорока въ постѣ и молитвѣ. „Онъ убѣждалъ великихъ нахаровъ и все множество народа содѣлаться дѣйствительно Христовыми дабы дѣла всѣхъ

¹⁰²⁾ М. Хор. II, 91 cf. Jean Mamie ch. 1; Варданъ, стр. 52, перев. Эмина; Kiracov p. 7.

¹⁰³⁾ Galvani Hist. Arm. p. 34—35; Landlois, Collect. des hist. t. I, p. 191, not. 2.

¹⁰⁴⁾ Напечатано въ Римѣ въ 1783 году, въ Венеціи 1838 г. Рукопись въ Парижѣ.

¹⁰⁵⁾ Bullet. d'Acad. imper. des Scien. de S.-P. 1860 г. II, p. 53. Что касается первыхъ двухъ произведеній, то быть можетъ въ той или иной степени они принадлежатъ св. Григорію, но Договорный актъ, по признанію лучшихъ авторитетовъ въ армянской исторіи и языкѣ, есть плодъ тенденціознаго измышленія времени крестовыхъ походовъ, когда наводившіе Арменію братья проповѣдники въ интересахъ Рима исказили многія произведенія армянскихъ авторовъ вставками и поправками.

свидѣтельствовали о ихъ вѣрѣ". Но вельможи и народы не сразу могли бросить всѣ свои дурныя привычки, нажитыя въ язычествѣ, и вполне проникнуться христіанскими понятіями, поэтому они не внимали голосу благочестиваго царя и слѣдовали больше „внушеніямъ своихъ женъ и наложницъ“ и сообразовались съ ихъ желаніями. Наконецъ Тиридатъ не могъ выносить такого разлада между нравственными требованіями своей христіанской души и окружавшей его дѣйствительной жизни общества. Онъ оставилъ свой царскій вѣнецъ и удалился въ ту же самую пещеру Мане, въ которой подвизался и провелъ послѣдніе дни св. Григорій. Вельможи просили его воротиться и снова управлять царствомъ, обѣщая во всемъ исполнять его волю¹⁰⁶⁾. Послѣ долгихъ просьбъ и горячихъ обѣщаній Тиридатъ уступилъ ихъ желаніямъ и снова занялъ престолъ. Но нѣкоторые вельможи, которымъ наскутила его набожность рѣшились отдѣлаться отъ него измѣной. По внушенію персидскаго царя Сапора они устроили заговоръ на жизнь престарѣлаго Тиридата, чтобы послѣ его смерти возстановить въ Арменіи язычество.

Тиридатъ подозрѣвалъ существованіе во дворцѣ коварнаго замысла противъ него, но не хотѣлъ много заботиться о продолженіи своей земной жизни, и предоставилъ себя волю Божіей. Позвавши разъ своего камергера, который былъ изъ числа заговорщиковъ, онъ спросилъ, дѣйствительно ли существуетъ во дворцѣ подобный заговоръ. Камергеръ смутился, но сказалъ, что не знаетъ ничего подобнаго. Не подавая своихъ подозрѣній, Тиридатъ удалился на западъ въ округъ Экегіацъ и здѣсь во время охоты, нѣкоторые сіонійскіе вельможи ранили его стрѣлой, но такъ какъ оставался еще живъ, то его камергеръ далъ ему яду, отъ котораго онъ и умеръ послѣ 56 лѣтняго царствованія около 342 года¹⁰⁷⁾. Такимъ образомъ Богъ привелъ Тиридату христіанину претерпѣть насильственную смерть въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ, будучи язычникомъ, приносилъ свою первую торжественную жертву и подвергъ мученію св. Григоріа. Такъ заглажена была неправда по отношенію къ Григорію.

¹⁰⁶⁾ Agath. CXXIII; § 158; Моис. Хор. кн. II, гл. 92.

¹⁰⁷⁾ Fragment du IV-e livr. de l'histoire de Mois. de Khor. Collect. par V. Langlois t. I, pp, 193—194; Kirac p. 8.

„Повѣствуя, — говорятъ Моисей Хоренскій, — о святомъ, великомъ и второмъ раторборцѣ, о просвѣщенномъ виновникѣ нашего просвѣщенія, о истинномъ царѣ (т. е. Тиридатѣ), бывшемъ со временъ Христа, надлежало бы говорить языкомъ дивнымъ и говорить, какъ о сподвижникѣ, о мужѣ, въ строгой жизни равномъ нашему первопутеводителю и первоначальнику нашего просвѣщенія. Святому Духу угодно было облечь просвѣтителя моего саномъ іерея и исповѣдника, прибавлю также и апостола, но затѣмъ царь является равнымъ святому Григорію и въ словѣ и въ дѣлѣ. Скажу даже, что преимущество было на сторонѣ царя: ибо въ созерцаніи Бога и въ строгой жизни оба они были равны; но касательно покоренія кого-нибудь убѣдительнымъ и могущественнымъ словомъ, преимущество дара было на сторонѣ царя: ибо у него вѣра рука объ руку шла съ его дѣйствіями. По этому и называю его первымъ путемъ и вторымъ отцомъ нашего просвѣщенія“¹⁰⁸⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, облеченный полнотою государственной власти и вѣншей принудительной силы, располагая матеріальными средствами, доступными только вѣнченоснымъ особамъ, при умѣ тонкомъ и покоряющемъ, съ характеромъ рѣшительнымъ и неустрашимымъ, Тиридатъ былъ важнымъ помощникомъ Григорія и его заслуга предъ христіанствомъ и Арменіей дѣйствительно ни чѣмъ не меньше заслуги его сподвижника. Сдѣйствуя всѣми мѣрами внутреннему процвѣтанію армянской церкви, Тиридатъ былъ могущественнымъ защитникомъ ея отъ многочисленныхъ враговъ. Но потеря Тиридата была незамѣнима для армянской церкви въ особенности въ виду того вліянія, какое онъ имѣлъ на своихъ подданныхъ. Замѣчательная сила воли Тиридата, его очевидныя военныя и гражданскія способности, несомнѣныя заслуги предъ Арменіей, какъ его лично, такъ и его рода, окружили его такимъ авторитетомъ, что для него было возможно то, что для другихъ было бы невысказуемо. Разрушивши почти безпрекословно древнюю народную религію и сдѣлавши христіанство религіей государственной, Тиридатъ единственно благодаря

¹⁰⁸⁾ Моис. Хор. гл. 92, стр. 160, по перев. г. Эмпа.

этому же своему авторитету могъ держать въ должномъ повиновеніи и страхѣ враговъ армянскаго христіанства, внѣшнихъ и внутреннихъ. Даже подъ конецъ своей жизни, не смотря на старость и слабость, онъ былъ еще страшенъ для своихъ враговъ, такъ что потребовалось вѣроломное убійство для того, чтобы дать языческой партіи въ Арменіи возможность снова приподнять голову. Во вниманіе къ великимъ заслугамъ царя Тиридата предъ Арменіей и армянской церковью послѣдняя причислила его къ лику своихъ святыхъ.

А. Аннинскій.

ЗАКОНЪ СЕРДЦА*.

Возлюбии (Мат. XXII. 37)

Изъ безсмертной формулы закона, изъ которой І. Христосъ сдѣлалъ высшее правило нравственной жизни, я, братіе, взялъ, для собесѣдованія съ вами только это одно слово: „возлюби!“ Если я отдѣляю его такимъ образомъ отъ послѣдующихъ, то для того чтобы сосредоточить ваше вниманіе на заключающейся въ немъ идеѣ; а идея эта такова: любовь можетъ быть предписана, любовь можетъ быть предметомъ закона. Прежде чѣмъ напоминать намъ, *кого* должны мы любить, формула закона утверждаетъ, что мы *должны* любить. Показать, что любовь можетъ быть предписана, показать, что сердце человеческое какъ и все прочее, имѣетъ свой законъ, которому должно слѣдовать,—вотъ цѣль, которой я, съ помощію Божіею, надѣюсь сегодня достигнуть.

Одна изъ важнѣйшихъ законныхъ причинъ торжества современной науки—это то, что она утвердила и доказала съ постоянно возрастающею строгостію метода всеобщность закона. Въ обширной области, гдѣ невѣжество помѣщало нѣкогда царство случая и капризы природы и боговъ, наука открываетъ, какъ и повсюду, скрытый порядокъ, прямую связь дѣйствій и причинъ; она показываетъ дѣйствіе закона въ области того, что мы называемъ безконечно малымъ, также какъ и въ области безконечно великаго; она не допускаетъ того, чтобы какая-нибудь былинка,

* Изъ Берсье.

или пылинка могла укрыться отъ него, также какъ и одна изъ этихъ блестящихъ точекъ, которыя мы называемъ неподвижными звѣздами, изъ коихъ одна, еслибы ее измѣрить, заключала бы въ себѣ нѣсколько сотъ милліоновъ разъ массу нашего шара. Она стремится найти законъ того, что кажется намъ самымъ непредвидѣннымъ и случайнымъ, и какъ она можетъ за нѣсколько вѣковъ впередъ предсказать одно изъ этихъ затмѣній солнца, въ которыхъ древніе видѣли предвѣстіе смерти для какого-нибудь маленькаго земнаго царя, такъ она рассчитываетъ когда-нибудь опредѣлить движеніе вѣтра, порядокъ циклоновъ и бурь, и предсказать нѣкоторымъ образомъ, въ какой точкѣ неба молнія должна разорвать облако, ослѣпя наши испуганные взоры. Я не знаю, много ли у человѣка болѣе возвышенныхъ и чистыхъ радостей, чѣмъ та, которую онъ испытываетъ, открывая новый законъ или видя подтвержденіе уже извѣстнаго закона такимъ феноменомъ или такимъ фактомъ, который прежде казался ему противорѣчающимъ. Когда разумъ въ нѣдрахъ кажущагося безпорядка вещей различаетъ правильную дѣятельность ясно опредѣленныхъ естественныхъ силъ, когда онъ признаетъ разумную причину и связь фактовъ, казавшихъ случайными или неожиданными, или когда совѣсть по несомнѣннымъ признакамъ усматриваетъ въ роковыхъ событіяхъ дѣйствіе закона вѣчной правды:—то все наше существо трепещетъ отъ возвышеннаго энтузіазма: мы чувствуемъ, что тамъ есть истина, потому, что есть порядокъ, и какъ ученый по линіямъ, открытымъ имъ на отдѣльномъ камнѣ, угадываетъ въ немъ обломокъ великолѣпнаго зданія, такъ мы въ этихъ ясно сознанныхъ частныхъ законахъ находимъ слѣды безпредѣльной гармоніи, которая должна быть послѣднею основою дѣла Божія.

Должны ли мы, какъ христіане, страшиться этого подтвержденія всеобщаго владычества закона? Да, конечно, если за этимъ закономъ и выше его нѣтъ ничего, если эта гармонія есть выраженіе величественной, но безжалостной необходимости, если въ ней должно видѣть только силу вещей, игру необъятнаго механизма, который отъ вѣчности находится въ колебаніи, но кѣмъ составленъ изящный планъ его и отъ кого онъ получил первый толчекъ—неизвѣстно. Но нѣтъ—если выше закона есть законодатель, выше порядка умъ, который распоряжается, выше

святаго закона—Святыи Богъ, выше закона симпатіи—Богъ, который есть любовь. Но это и есть картина, которую представляетъ намъ Библія; это и есть-то двойное утвержденіе, которое мы встрѣчаемъ на каждой ея страницѣ. Съ одной стороны, она утверждаетъ Бога живаго, вездѣсущаго, сіяющаго во всѣхъ своихъ дѣлахъ, принимающаго участіе во всѣхъ нашихъ судьбахъ, питающаго птицъ небесныхъ и одѣвающаго полевые лиліи; съ другой,—и это недовольно замѣчено,—послѣ слова *Богъ* знаете ли, какое чаще всего повторяется въ св. Писаніи? Это слово: *законъ*. Законъ повсюду встрѣчается въ Библіи, начиная съ чуднаго повѣствованія о твореніи, гдѣ Богъ поставляетъ каждую вещь въ ея порядкѣ, времени и видѣ, начиная съ этихъ столь удивительныхъ страницъ книги, гдѣ Вѣчный является намъ дѣющимъ законы свѣту, вѣтрамъ, самой бурѣ, до образованія народа Израильскаго, который по преимуществу есть народъ закона, причина существованія котораго состояла можно сказать только въ томъ, чтобы онъ былъ среди людей народомъ—представителемъ и исповѣдникомъ закона Божія. Какая центральная и яркая страница во всей исторіи Израиля? Какая главная сцена и великое воспоминаніе господствующее во всѣхъ его лѣтописяхъ? Это обнародованіе закона. Оно совершается на высотахъ Синая, какъ-бы для утвержденія его высокаго происхожденія, и въ мрачномъ уединеніи пустыни, для того чтобы никакой людской шумъ не ослаблялъ его силы; ему предшествовали сверкающія молніи и глухія рокотанія грома, какъ бы для того, чтобы показать, что всѣ силы природы собираются воздать честь его величію и служить ему свитой. Пусть покажутъ мнѣ во всемъ мірѣ и во всѣхъ лѣтописяхъ народовъ подобную этой сцену, гдѣ бы всѣ силы, всѣ величія, все то, чему человекъ вѣкъ поклоняется и удивляется, преклоняло колѣна предъ этимъ святымъ, вѣчнымъ предметомъ, который называется закономъ. Пусть покажутъ мнѣ какого-нибудь бога, который бы такимъ образомъ связывалъ и ограничивалъ себя, утверждая, что откровенный законъ есть истинное вѣчное выраженіе Его характера и воли! Что такое въ исторіи Израиля пророкъ, какъ не свидѣтель закона, напоминающій его, когда его забываютъ, снова возстановляющій сглаженные или потуснѣвшія буквы его, освѣщающій исторію блескомъ этого закона. Справедливо замѣчали»

что другіе народы имѣютъ гадателей и авгуровъ, одинъ Израиль имѣетъ пророковъ, т.-е. людей, указывающихъ въ исторіи исполненіе плана Провидѣнія и торжество вѣчныхъ законовъ.

Посмотрите также, что воспѣваетъ Израиль? Какое слово безпрестанно возвращается на уста псалмопѣвца? Это слово—законъ. Уставы, предписанія, заповѣди Іеговы, т.-е. подъ различными именами божественный законъ,—это то, что Давидъ прославляетъ съ святою монотонностію, и когда онъ удивлялся красотамъ природы, когда изъ устъ его вырывалось эта изящное восклицаніе: „Небеса повѣдаютъ славу Божию“, то это для того, чтобы сдѣлать изъ самой природы пьедесталъ для закона своего Бога: „Законъ Господень совершенъ,—укрѣпляетъ душу; откровеніе Господа вѣрно.—умудряетъ простыхъ; повелѣнія Господни праведны,—веселятъ сердце; заповѣдь Господня свѣтла,—просвѣщаетъ очи. (Пс. XVIII, 8, 9.) Есть напримѣръ такой изъ псалмовъ (CXVIII), котораго все содержаніе составляетъ прославленіе закона, и котораго каждая изъ многочисленныхъ строчекъ возвращается къ этому предмету. Знаете ли вы другой народъ, который бы дѣлалъ изъ закона предметъ своихъ пѣсней? Я вспоминаю здѣсь, съ какимъ энтузіазмомъ всегда приводили то прекрасное мѣсто, въ которомъ великій греческій трагикъ Софоклъ прославляетъ „неписанные законы неподвижное дѣло боговъ, которые ни сегодня, ни вчера, но всегда живы и которыхъ происхожденія никто не знаетъ“. *Амми.* Но что же! эта мысль которая встрѣчается тамъ только отрывочно, проникаетъ весь Ветхій Заветъ.

Я говорилъ о Ветхомъ Заветѣ особенно потому, что онъ мало извѣстенъ и дурно понимается у насъ, потому что ходячая идея объ Іеговѣ есть идея о всемогущемъ деспотѣ, и ищутъ Его образъ въ трепещущихъ и часто мутныхъ волнахъ исторіи Его народа, а не въ законѣ, гдѣ онъ является въ спокойномъ сіяніи. Нужно ли мнѣ настаивать на томъ, что Евангеліе представляетъ намъ нравственный законъ осуществленнымъ и подчиняетъ ему все прочее? Кто далъ блескъ формулѣ закона? Кто сдѣлалъ изъ него хартію вѣчной религіи? І. Христосъ. До него эта формула существовала, но была заключена въ книгу второзаконія, какъ изсохшая мумія, заботливо сохраненная народомъ—законникомъ и формалистомъ. Христосъ оживилъ его; Онъ сдѣлалъ изъ любви

къ Богу и ближнему двойной полюсъ нравственнаго міра. Онъ не только провозгласилъ его, но и сдѣлалъ его возможнымъ. Законъ любви имѣетъ свою хронологию въ исторіи: онъ родился у подножія креста.

Я хорошо знаю, что возразятъ намъ. Намъ скажутъ, что сверхъ-естественное наполняющее Библию и особенно Евангеліе есть отрицаніе царства закона, потому что сверхъестественное есть произволь, капризъ, постоянная непредвидѣнность, беспорядокъ, брошенный во всеобщую гармонію. Да, я сознаюсь, что такую идею составили о сверхъестественномъ въ настоящее время, и воображали, что это—слабый пунктъ христіанства, гдѣ легко сдѣлать въ немъ брешь,—и на этомъ пунктѣ невѣріе сосредоточило свой огонь. Но оказывается, что атака ведется противъ воображаемаго врага. Христіанское сверхъестественное не только не отрицаетъ и не уничтожаетъ закона, но еще напротивъ, энергически утверждаетъ высшіе и божественные законы, проникающіе въ нашу разстроенную и поврежденную грѣхомъ природу. Мы всё допускаемъ, что разумъ человѣскій можетъ остановить или измѣнить въ извѣстной мѣрѣ законы, которые мы называемъ естественными; христіанство утверждаетъ, что святость, нравственное совершенство будетъ обладать этимъ могуществомъ во всей полнотѣ, и даетъ намъ живой примѣръ этого могущества въ Иисусѣ, побѣдителя матеріи, страданія, грѣха, смерти. Есть ли въ этомъ какое-нибудь нарушеніе естественныхъ законовъ? Нарушаетъ ли законы природы изобрѣтатель или врачъ, — первый — поработая дикія силы, которая она заключаетъ, послѣдній—побѣдоносно борясь противъ болѣзни? И если Сынъ Божій, совершенный человѣкъ, торжествуетъ надъ болѣзнію или смертію, отрицаетъ ли Онъ законы естественные? Напротивъ, Онъ утверждаетъ высшіе. Если проликая въ какой-нибудь островъ, который я считалъ необитаемымъ, вижу тамъ рѣку, которой теченіе мостовая плотина отклонила въ сторону, вижу привитыя фруктовыя деревья, приносящія новые виды плодовъ, скажу ли я, что законы природы тамъ не существуютъ? Нѣтъ—я заключаю только, что эти факты свидѣтельствуютъ о присутствіи на этомъ островѣ человѣка съ его разумомъ и силами, ему свойственными.—силами, превышающими тѣ, которыми обладала бы природа, предоставленная

самой себѣ, и которыя, поэтому, я имѣю право назвать въ этомъ особенномъ смыслѣ сверхъестественными; и если въ нѣдрахъ человѣчества я вижу совокупность нравственныхъ фактовъ, дѣйствій и событій, очевидно превышающихъ то, что человѣчество можетъ совершить собственными силами, то я заключаю изъ этого не то, что нѣтъ болѣе законовъ, но что это суть законы, превышающіе тѣ, которые я знаю, сверхъестественные относительно меня, которые я называю божественными. И такъ неправда, что идея христіанскаго сверхъестественнаго въ какой-нибудь степени уничтожаетъ идею закона. Напротивъ, самая идея о Богѣ, абсолютномъ владыкѣ всего существующаго, о Богѣ духѣ, о Богѣ премудромъ, подтверждаетъ мое убѣжденіе въ томъ, что повсюду въ Его дѣлахъ долженъ оказаться законъ, даже тамъ, гдѣ мнѣ еще невозможно его различить. Онъ есть въ мірѣ физическомъ, и тамъ онъ является мнѣ роковымъ: кто нарушаетъ его, тотъ подвергается смерти; онъ есть въ интеллигентуальномъ мірѣ въ формѣ аксіомъ: кто нарушаетъ его, тотъ впадаетъ въ безсмысліе, въ абсурдъ, въ безуміе; онъ есть въ мірѣ нравственномъ, гдѣ онъ долженъ быть принятъ по свободному сочувствію: кто нарушаетъ его, тотъ впадаетъ въ зло; онъ есть повсюду, повсюду я нахожу его, и видя, какъ онъ царствуетъ въ своемъ ясномъ, мирномъ и странномъ величій, я хочу обратиться къ нему съ великогѣпными словами псалма. „Куда пойду отъ Духа твоего и отъ лица твоего куда убѣгу? Взойду ли на небо,—ты тамъ, сойду ли въ преисподнюю,—и тамъ ты; возьму ли крылья зари и пересечу на край моря, и тамъ руна твоя поведетъ меня и десница твоя удержитъ меня. (Пс. СХХХVIII, 7—11). Такимъ образомъ, нигдѣ нѣтъ беспорядка, фатальности, произвола,—повсюду законъ: вотъ возвышенная идея, которую даетъ намъ Библія о мірѣ и человѣчествѣ.

Но въ томъ изреченіи, которое составляетъ предметъ нашей бесѣды, законъ представляется намъ, какъ имѣющій также власть надъ чувствованіями (аффектами) человѣческими. Сердце должно быть покорно ему точно также, какъ и разумъ. Возлюби. Недостаточно понимаютъ, что это — идея смѣлая, оригинальная, которая находится только въ откровенной религіи, — идея, до которой природа сама по себѣ никогда не возвышалась. Вотъ что я хочу разъяснить вамъ сегодня.

Любовь есть законъ. Этотъ законъ долженъ связывать всѣ существа въ необъятной гармоніи. Въ этого закона для тварей, которыя не хотятъ ему повиноваться, не остается ничего, кромѣ заблужденія, страданія и смерти.

Мы всѣ знаемъ физическій феноменъ, называемый притяженіемъ, т.-е. еще необъясненную причину, по которой молекулы матеріи стремятся одна къ другой. Наука говоритъ намъ, что это есть общее свойство матеріи, что оно существуетъ во всѣхъ тѣлахъ, будутъ ли они въ покоѣ или въ движеніи и какова ни была бы ихъ природа; что оно дѣйствуетъ на всякомъ разстояніи, также какъ и чрезъ всякія субстанціи; когда оно дѣйствуетъ между звѣздами, его называютъ всемірнымъ тяготѣніемъ; когда оно обнаруживается на поверхности нашего шара, его называютъ тяжестью. Всѣ изучавшіе природу съ древнѣйшихъ временъ признавали его. Ньютонъ далъ первый законъ его въ формулѣ, которую мы всѣ выучили наизусть въ юности, и всѣ дальнѣйшія наблюденія постоянно его оправдывали. Но этотъ законъ Ньютона самъ есть не что иное, какъ возвышенная аналогія закона любви, который въ нравственномъ порядкѣ долженъ связывать всѣ мыслящія существа: какъ нѣтъ ни одного атома матеріи, который могъ бы укрыться отъ физическаго притяженія, такъ нѣтъ ни одного нравственнаго существа, которое должно бы было укрываться отъ закона любви. „Возлюби!“ Тысячу разъ съ восторженнымъ энтузіазмомъ выражалось впечатлѣніе всеобщаго порядка и гармоніи, которое производитъ на разумъ теорія Ньютона, подчиняющая всѣ міры единственной формулѣ и не оставляющая ни одного угла въ физической вселенной случаю. Что касается до меня, то я дрожу отъ гораздо болѣе живаго и глубокаго чувства когда, на одной страницѣ нашихъ Священныхъ книгъ, написанной болѣе 40 вѣковъ, я нахожу формулу закона, навсегда устанавливающаго въ одномъ неизгладимомъ начертаніи отношеніе Бога къ людямъ и всѣмъ людямъ между собою.

Но притяженіе въ физическомъ мірѣ, еслибы не было регулируемо, вкорѣ ничего не произвело бы кромѣ смерти: точно также и любовь, эта величественная и неодолимая сила, не менѣе имѣетъ нужду въ управленіи Богомъ.

Эта идея кажется намъ сначала странною. Мы не допускаемъ, чтобы любовью можно было управлять въ какомъ-нибудь отношеніи. Кажется, что это—роковая сила по своей природѣ. Дѣйствительно, на первыхъ порахъ она есть дѣйствіе плоти и крови. Только-что роившееся дитя бѣе колебанія склоняется на грудь матери; удивительный инстинктъ указываетъ ему, что тамъ его жизнь; всѣ первыя наши стремленія въ этомъ родѣ, и когда позднѣе пробуждаются страсти, онѣ бывають слѣпы: онѣ не допускають ни сопротивленія, ни одержки; все, что останавливаетъ ихъ, тяготитъ и раздражаетъ ихъ, и во имя самой роковой силы, увлекающей ихъ, онѣ требуютъ полной свободы.

Свободная любовь! Это одна изъ любимыхъ теорій нашего вѣка, и не одинъ романистъ изобразилъ ее въ пламенныхъ страницахъ. Одна знаменитая школа (Сень-Симона) считала возможнымъ одѣлать изъ нея систему; она видѣла въ ней врачество отъ нѣкоторыхъ изъ худшихъ страданій человѣчества; она хотѣла сокрушить жестокіе барьеры, которымъ христіанство подчинило общество. Свободная любовь! Сколько разъ люди мечтали объ ней въ часы заблужденія; сколько разъ вѣрили, что въ ней счастье, сколько разъ въ припадкѣ безумія презирали священныя границы законныхъ страстей, вроткую власть семьи, порядокъ, которому Богъ хочетъ подчинить наши сердца! Ахъ! Не склоняться болѣе подъ эти тяжелыя обязательства, освободиться отъ этихъ устарѣвшихъ узъ, не дышать болѣе этою атмосферою скуки, убѣдиться, что существуютъ только социальныя условія, которымъ умные люди не должны подчиняться;—предоставить своему сердцу увлекаться всѣмъ тѣмъ, что его тревожитъ, пить полною чашей все, что предлагаетъ міръ, упиваться страстями, которыхъ очарованіе возрождается вмѣстѣ съ тѣмъ, что есть въ нихъ непредвидимаго,—какая мечта для пламенныхъ воображеній и какое обольщеніе! Посмотрите на молодого человѣка, которымъ овладѣла преступная страсть: въ его осанкѣ, въ его языкѣ, въ его взорѣ даже — все протестуетъ противъ ига чистыхъ привязанностей: онѣ тяготятъ, онѣ раздражаютъ его, онѣ надѣдаютъ ему; нѣжность, которою окружають его сестра или мать, безсильна противъ этого глухого раздраженія, которымъ часто дышетъ его страсть. Ему хотѣлось бы принудить себя не вѣрить ихъ нѣжности; онъ, сынъ чистой

и святой матери, собираеть въ языкѣ виверовъ фразы противъ женской добродѣтели; онъ чтобы заглушить протесты совѣсти позволяетъ себѣ оскорбительныя слова; онъ дѣлается скептикомъ, онъ придумываетъ теорію для оправданія своего поведенія; онъ упивается жалкими софизмами, которые не выдержатъ и одного часа размышленія; и когда онъ разбилъ то, что онъ называетъ социальными сдѣлками, когда у него ничего не осталось, кромѣ влеченій одного дня и капризовъ одного часа,—онъ считаетъ себя свободнымъ и бросаетъ взглядъ презрѣнія на тѣхъ, кого религіозная вѣра еще влечетъ къ берегу и жертвеннику законныхъ привязанностей.

Что же? Мы не оставимъ ему этой гордой радости. Эта мечта будетъ имѣть свое завтра, это очарованіе будетъ имѣть свое пробужденіе, пробужденіе печальное, полное горечи и часто стыда. Знаете ли, братіе, какое неминуемое наказаніе свободной любви? Это — не меньше, какъ смерть любви. Проявляя это слово, я не повторяю декламаторской фразы,—я утверждаю фактъ, тысячу разъ наблюденный. Ахъ! Вы не хотѣли бодрствовать надъ вашимъ сердцемъ, вы не хотѣли покорить его божественнымъ законамъ, вы не хотѣли запретить его для запрещенныхъ привязанностей и уврѣпить его питаніемъ святыхъ привязанностей:—что же! оказывается, что это сердце дѣлалось болѣе и болѣе неспособнымъ любить. Его сила истощилась въ измѣнчивыхъ капризахъ; его энтузіазмъ и восторги дѣлались все короче и рѣже; его глубокіе источники иссохли; восторги любви, о которыхъ вы мечтали, смѣнились влеченіями плоти, можетъ быть и пламенными, но поверхностными и притомъ оставляющими вамъ одни угрызения и презрѣніе къ самимъ себѣ. Это всегда было такъ. Когда св. Павелъ изображалъ нравственное состояніе язычниковъ своего времени, онъ говорилъ поколѣнію, которое предавалось всяческому изліществу. И теперь, осмотритесь кругомъ себя: множество позорныхъ и мрачныхъ опытовъ подтвердятъ вамъ ту истину, что беспорядочная страсть есть злѣйшій врагъ истинной любви! Итакъ, вотъ что дѣлается съ сердцемъ, когда оно презираетъ законъ Божій. Теперь посмотримъ, какую силу и величіе можетъ дать ему этотъ законъ, когда ему повинуются. И прежде всего мы обстоятельно

разсмотримъ дѣлаемое намъ возраженіе. Говорятъ, что для сердца не можетъ быть закона, что отличительный характеръ аффекта — это свобода отъ всякой заповѣди. Правда ли это?

Есть во всякомъ человѣкѣ область, въ которой природа царствуетъ неограниченно. Мы въ очень значительной степени составляемъ продуктъ необходимости (фатальности): надъ нами господствуетъ темпераментъ, привычки, унаслѣдованныя отъ предковъ, вліянія плоти и крови. Матеріалисты кромѣ этого ничего не видятъ въ человѣчествѣ; нравственная свобода, по ихъ мнѣнію, не что иное, какъ иллюзія и пустое слово.

Очевидно однако, что человѣкъ можетъ быть воспитываемъ; но какая цѣль воспитанія? Уменьшить въ человѣкѣ всемогущую силу инстинкта и первой необходимости, чтобы развить силу разума и воли.

Это очевидно въ умственной области. Наши чувства представляютъ намъ солнце опускающимся къ западу; но вмѣшивается наука и говоритъ намъ, что наши чувства обманываютъ насъ, что солнце неподвижно, а это мы сами движемся къ востоку.

Инстинктъ говоритъ намъ, когда мы подвергаемся обидѣ: „отвѣчай и мсти за себя“. Но вмѣшивается социальное воспитаніе, обезоруживаетъ нашу руку, останавливаетъ на нашихъ губахъ слово ненависти и угрозы и научаетъ насъ прибѣгать къ покровительству закона.

Инстинктъ побуждаетъ насъ удовлетворить всѣмъ нашимъ естественнымъ наклонностямъ. Но вмѣшивается размышленіе (рефлексія) и доказываетъ намъ, что въ такомъ случаѣ общество было бы не что иное, какъ арена, открытая для всѣхъ противоположныхъ похотей, т.-е. для дикой и звѣриной жизни, тѣмъ болѣе опасной, что животное здѣсь самъ человѣкъ, т.-е. существо мыслящее по преимуществу. Мы такимъ образомъ, подчиняемся правилу или принужденію вслѣдствіе хорошо понятого интереса.

Итакъ вѣрно, что сердце можетъ возвыситься надъ инстинктомъ. Вѣрно, что оно можетъ подчиняться не однимъ импульсамъ фатальности (естественной необходимости). Сердце можетъ въ извѣстной мѣрѣ направляться и видоизмѣняться волею. Тѣ, кто говорятъ: „любишь кого можешь“, не знаютъ по этому нашей природы съ ея безконечными ресурсами, судятъ ее поверхностно и презираютъ ее.

Христіанство даетъ намъ о ней совѣтъ другую идею. Съ возвышенною смѣлостію оно повелѣваетъ человѣку любить.

Какъ это возможно? Спрашиваете вы меня. Сейчасъ я во-рочусь къ этому вопросу, а теперь я просто констатирую фактъ. Христіанство предписало такія привязанности, какихъ природа никогда не внушала; оно захотѣло ихъ, и получило: это фактъ.

Вотъ у воротъ Іерусалима іудей, сынъ неукротимой расы, которую Тацитъ охарактеризовалъ одною чертою: ненависть къ роду человѣческому. Этотъ человѣкъ подвергается жестокой казни. Его палачи окружаютъ и терзаютъ его, какъ свора голодныхъ псовъ; онъ обливается кровью; но онъ поднимаетъ къ небу взоръ, полный ангельской кротости и молится за тѣхъ, которые побиваютъ его камнями: Богъ повелѣлъ ему любить, и онъ любить.

Вотъ фарисей, сынъ фарисея, Савлъ изъ Тарса. По закону естественнаго подбора, всѣ предрасудки, всѣ вражды, вся узость привязанностей, всѣ ненависти его расы и его школы должны были концентрироваться въ немъ и дойти до высшей степени. И этотъ человѣкъ написалъ тринадцатую главу перваго посланія къ Коринѳянамъ, т.-е. возвышеннѣйшій гимнь любви, какого земля никогда не слыхала. Богъ повелѣлъ ему любить, и онъ любить.

Когда христіанская дѣвушка, воспитанная въ нѣгѣ и роскоши, заключается въ школу или госпиталь и встрѣчаетъ тамъ вульгарность, безобразія, досады, безпрестанно повторяющіяся огорченія отнынь принесенной въ жертву жизни,—почему большею частію вы встрѣчаете на ея лицѣ ореолъ мира, котораго уже не имѣютъ свѣтскіе люди? Богъ повелѣлъ ей любить, и она любить.

Когда миссіонеръ удаляется въ ледяныя страны Лабрадора, подъ это небо, которое есть не что иное, какъ необъятный саванъ, когда онъ заключается въ эти отвратительныя землянки, гдѣ атмосфера постоянно наполнена миазмами, когда онъ осуждаетъ себя на отвратительную пищу, когда послѣ нѣсколькихъ лѣтъ геройскаго труда, онъ успѣваетъ тамъ создать цѣлый вѣрующій народъ, который на своемъ необработанномъ и грубомъ языкѣ поетъ пѣснопѣнія, которыхъ мы не могли слышать безъ глубокаго волненія, — откуда у него это вдохновеніе,

котораго жара ничто не могло ослабить? Богъ повелѣлъ ему любить, и онъ любить.

И когда у насъ супруга и мать христіанка, осужденная, какъ это мы слишкомъ часто видимъ, терпѣть у собтвеннаго очага подлости, насмѣшки, жестокости, постоянныя нѣмфы, противопоставляетъ всему этому кротость и несокрушимое величіе духа, когда она умѣетъ оставаться полною достоинства безъ горечи и спокойною безъ слабости, когда она умѣетъ отъ всѣхъ скрывать свое тайное уныніе и отчаяніе, когда она учитъ своихъ сыновей уважать имя, которое недостойный отецъ можетъ-быть безчестить въ вертепахъ, когда, перенесши столько оскорбленій, она находитъ въ себѣ еще довольно силы, чтобы ухаживать въ предсмертной болѣзни за своимъ мужемъ, который возвращается къ ней тогда, когда ему уже ничего не остается какъ страдать и умереть: - думаете ли вы, что въ такой драмѣ, болѣе обыкновенной, чѣмъ вы думаете, внушеній природы достаточно? Нѣтъ, вы это хорошо знаете: здѣсь есть нѣчто другое. Богъ повелѣлъ этой женщинѣ любить, и она любить.

Итакъ справедливо, что мы можемъ научиться любить, такъ справедливо, что сердце можетъ побѣдить природу. Любовь не заключена въ роковомъ кругѣ: ей открыта безконечность, не та безконечность въ беспорядкѣ, гдѣ она находила одно рабство плоти, но та высшая безконечность, гдѣ божественная любовь разливается въ своей вѣчной полнотѣ и гдѣ можно обнимать всѣ существа, даже тѣ, къ которымъ по естеству она испытываетъ отвращеніе и омерзеніе.

Я, братіе, показалъ вамъ идеаль, не ложный и приводящій въ отчаяніе: его можно достигнуть, его достигали и достигаютъ люди, которыхъ природа создала такими же, какъ и мы. Но этотъ идеаль можетъ-быть ужасаетъ васъ; вы обезкуражены: откуда, говорите вы, родится эта любовь въ томъ сердцѣ, которое хотѣло бы любить, но не любить, которое хотѣло бы чувствовать, и не чувствуетъ, а которое, поднявшись на одно мгновеніе въ порывѣ энтузіазма, падаетъ опять, подавленное тяжестью своего равнодушія, лѣнности и инерціи? Кто можетъ исцѣлить эту болѣзнь? Кто въ состояніи возвратить жизнь этому мертвецу?

На это я не колеблясь отвѣчаю: одинъ Богъ можетъ это, братіе. Здѣсь нужно вдохновеніе, превышающее природу. Чтобы

наше сердце любило, нужно, чтобы это сердце сперва прониклось божественною любовью.

Итакъ овладѣйте этою любовію Божіею въ ея полнотѣ такъ, какъ она открыта вамъ въ І. Христѣ. Христосъ приноситъ вамъ не доктрину только и теорію любви, но и осуществленіе. Богъ возлюбилъ васъ въ І. Христѣ, возлюбилъ такими, какъ вы есть, такими какими Онъ васъ видитъ, со всѣми вашими недостатками и слабостями, которыя по естеству навсегда должны разлучать васъ съ Нимъ. Онъ возлюбилъ васъ до жертвы, до креста. Безпрестанно возвращайтесь къ этому центральному таинству Евангелія: въ немъ глубина, которой вы никогда не исчерпаете; смотрите на крестъ, каковъ онъ есть, смотрите на него въ центрѣ всѣхъ божественныхъ даровъ; смотрите на него, какъ на цѣль, къ которой все стремилось въ пророчествѣ, какъ на источникъ, изъ котораго истекло все въ новомъ мірѣ, ведущемъ свое начало отъ него; идите къ нему черезъ Геосиманію, черезъ преторію и скорбный путь; не пытайтесь заключить въ неполной формулѣ этотъ неизмѣримый фактъ искупленія, котораго безконечную силу не можетъ объять само сердце; размышляя предъ Голгоускою жертвой о примиреніи виновнаго человечества съ Богомъ, находите въ этомъ ежедневно собственную вашу исторію, ибо дѣло идетъ объ васъ. „Я думалъ о тебѣ въ въ моей агоніи, я такую-то каплю крови пролилъ за тебя“: эти слова, которыя Паскаль влагаетъ въ уста І. Христа, — нѣтъ ни одного вѣрующаго, который не понялъ бы ихъ. Это несравненное милосердіе, эта святая и неизреченная любовь да наполняютъ все ваше существо. Перечислите всѣ ея черты, скажите себѣ, что всѣ человѣческія привязанности, какъ бы ни были онѣ горячи, суть только блѣдный образъ ея, попытайтесь съ апостоломъ измѣрить высоту, широту и глубину любви, которую Богъ показалъ вамъ въ І. Христѣ; попытайтесь понять эту любовь, превосходящую всякій умъ. Въ ней только вы найдете вдохновеніе, котораго вамъ недостаетъ: любовь производитъ любовь; чѣмъ болѣе вы будете вѣрить тому, что Богъ открылъ вамъ въ І. Христѣ, тѣмъ болѣе вы будете чувствовать въ себѣ тотъ источникъ живой воды, котораго не иссушитъ самая вѣчность; онъ орошалъ, онъ оплодотворялъ тысячи сердецъ, болѣе усохшихъ, болѣе бесплодныхъ, чѣмъ ваше, онъ производилъ самоотреченіе и самопожертвованіе тамъ, гдѣ царствовалъ одинъ эгоизмъ. Все, что

совершалось лучшаго и наиболѣ величаго на землѣ, исходило отсюда.

Когда такимъ образомъ эта превосходящая отъ вѣры любовь возникнетъ въ вашихъ сердцахъ, вамъ возможно будетъ полюбить человѣчество, не только въ неопредѣленномъ порывѣ общей эмпатіи, но и въ частной привязанности, которая въ каждомъ изъ его членовъ видитъ существо, созданное по образу Божию, искупленное кровію І. Христа и предназначенное къ вѣчной жизни. Братіе, чтобы любить человѣчество, надо вѣрить въ него. Если для васъ человѣкъ — не болѣе, какъ животное случайно возвысившееся надъ своей природой не будете, то любить его долго; если вы видите въ немъ только существо, которое его роковой темпераментъ обрекаетъ на вульгарную и можетъ-быть презрѣнную судьбу, то вашъ энтузіазмъ скоро уступитъ мѣсто пессимистической мизантропіи. Будьте христіаниномъ, и подъ самымъ жалкимъ, самымъ пошлымъ, самымъ отталкивающимъ существомъ вы за пошлостью и грязью, которыя васъ отталкиваютъ, различите существо идеальное, которое когда-нибудь, можетъ-быть скоро, возродится подъ дыханіемъ Божиимъ. Научитесь видѣть въ немъ не то, что вамъ антипатично въ немъ, но все то, что можетъ существовать въ немъ добраго, благороднаго и истиннаго. Въ самыхъ омраченныхъ душахъ остается какая-то божественная искра; въ самыхъ печальныхъ нравственныхъ развалинахъ есть нѣкоторыя черты первоначальнаго плана Божія.

Особанно остерегайтесь этихъ несправедливыхъ предразсудковъ, этихъ дивныхъ антипатій, которыя затемняютъ взоръ и мѣшаютъ намъ видѣть въ настоящемъ свѣтѣ тѣхъ, кто встрѣчаютъ насъ на нашемъ пути. Они мыслятъ не такъ, какъ мы, они вѣруютъ не такъ, какъ мы, есть у нихъ извѣстное мнѣніе, расположеніе, наклонность, даже менѣе, —какая-нибудь можетъ-быть незначительная странность, и вотъ этого довольно, чтобы мы безъ утрусеній отказывали имъ во всякомъ участіи. Мы оправдываемся, ссылаясь на то, что они антипатичны намъ и этого слова довольно, чтобы успокоить насъ. Холодность, сухость, надмѣнный взглядъ, рѣзкое оскорбительное слово, все кажется намъ дозволеннымъ въ отношеніи къ нимъ, и они не будутъ даже знать того, что въ нихъ намъ не понравилось и такъ странно оттолкнуло отъ нихъ наши сердца.

Когда же мы научимся смотрѣть на людей очами Бога? Когда мы научимся различать все то, что остается въ нихъ великаго, божественнаго, а также и всѣ страданія, какія скрываются въ нихъ подъ обманчивою вѣщностью безпечности и ясности? Я скажу вамъ наконецъ, и это будетъ мое послѣднее слово: „любите, чтобы научиться любить“. Не кричите, что это—парадоксъ: этотъ парадоксъ есть сама истина. Здѣсь особенно примѣняется слово Христово: „имѣющему дано будетъ“. Здѣсь вѣрный въ малыхъ вещахъ видитъ разширеніе круга, въ которомъ вращается дѣятельность его сердца. Побѣждайте лѣнь, удерживающую васъ у вашего очага, холодность, удерживающую на вашихъ губахъ слово доброжелательства, или искушающее васъ первое движеніе антипатіи, и вы увидите, что все сдѣлается для васъ легкимъ и въ этой первой побѣдѣ вы найдете сладость, какой вы и не подозревали. Не было ли наблюдаемо тысячу разъ, что ничто такъ не укрѣпляетъ любовь, какъ жертвы, которыя она сама налагаетъ на себя, и ничто не возбуждаетъ въ насъ такого пристрастія къ предмету, какъ страданія, которыхъ онъ намъ стоить. Если беспорядочныя страсти доводятъ до голомокруженія и увлекаютъ въ бездну, изъ которой уже не поднимаются поддающіяся имъ души, думаете ли вы, что благороднѣйшая, святѣйшая, лучшая изъ страстей—любовь не имѣетъ такой силы? Не будетъ ли она имѣть своихъ энтузіазмовъ, своихъ неодолимыхъ порывовъ, которые долго овладѣютъ душею, что она не захочетъ уже другой жизни, потому что не увидитъ въ ней ничего кромѣ холодности и скуки. Эти святыя души, повторяющія на землѣ черты изъ жизни Христа и проводящія въ міръ потокъ пламенной любви, были сначала столь же апатичны и холодны, какъ и ваша, онѣ испытывали тоже уныніе, тоже отвращеніе и омерзеніе, на какія жалуетесь вы. Но онѣ предалися сначала Богу, а потомъ человѣку; они любили, и любовь сдѣлалась ихъ господствующею страстью; ничто небесное началось для нихъ здѣсь на землѣ; отнынѣ всякая низшая цѣль казалась имъ бесплодною и непривлекательною; онѣ нашли уже и скоро будутъ имѣть во всей безконечной полнотѣ вѣчную жизнь, которой законъ есть любовь.

ПРИВѢТСТВЕННЫЯ РѢЧИ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО РОССИИ,

произнесенныя Высокопреосвященнѣйшимъ Палладіемъ Экзархомъ Грузіи.

1 *.

Благочестивѣйшій Великій Государь Императоръ!

Въ глубокомъ благодареніи Господу Богу, предъ симъ святилищемъ древняго знаменитаго храма Сионскаго, сръбтаемъ Тебя, Всемилостивѣйшій нашъ Отецъ Отечества, и съ чувствами несказанной радости имѣемъ счастье привѣтствовать Тебя отъ лица всей Иверіи. Подъ Твоею, Богомъ благословенною державою благоденствуя со всѣми Твоими вѣрноподанными, какъ дѣти одного необъятнаго великаго семейства, покоясь, якоже древній Израиль во дни Соломона, подъ виноградомъ своимъ и смоковницей (3 Цар. 4. 25), пользуясь миромъ, спокойствіемъ и довольствомъ—чего мы еще могли просить у Господа? Единаго—да возвеселимся радостью передъ лицомъ Твоимъ. И Господь услышалъ пламенныя желанія сердець нашихъ, и на насъ, сущихъ далече, знаменася свѣтъ лица Твоего. Да, не ясно ли являютъ эти трудныя и далекія Твои путешествія по обширнымъ областямъ исполниской Твоей державы, простертыя даже до горъ, морей и ущелій Кавказа, что Ты, Великій Государь, царственными Твоими заботами и отеческимъ попеченіемъ объемлешь

* Произнесена въ Тифлискомъ соборѣ.

одинаково всѣ народы, Богомъ Тебѣ врученныя, что Ты желаешь знать Свое царство не только по свѣдѣніямъ, восходящимъ къ престолу Твоему, но и Твоимъ личнымъ усмотрѣніемъ, желаешь собственнымъ взоромъ видѣть людей и дѣло, чтобы непосредственными мановеніями все исправлять къ правдѣ, пользѣ, порядку, ко благу и совершенству. Поистинѣ труды и подвиги Твои неустанные—нашъ покой, наша безопасность, наше благоденствіе и счастье. Кавказъ, нѣкогда грозный и тревожный, а нынѣ мирный, славный доблестями и побѣдами, дорогая жемчужина въ Царскомъ вѣнцѣ Твоемъ и одна изъ лучшихъ областей Твоего необъятнаго Царства. Просвѣти же лице Твое благоволительно на народы Иверіи, царелюбивые, радостно торжествующіе Твое путешествіе, что зрится воочію въ этихъ волнахъ стремящагося къ Тебѣ народа, въ этихъ восторженныхъ взорахъ, въ этихъ торжественныхъ восклицаніяхъ. Многострадавшая страна сія видитъ въ Тебѣ Великаго Благодѣтеля своего, видитъ въ Тебѣ свой миръ и свое благоденствіе, горитъ къ Тебѣ вѣрною оданническою преданностью и любовью и готова за Тебя на всѣ жертвы. Милостивое Твое посѣщеніе нашего края неизгладимо запечатлѣется въ радостныхъ и благодарныхъ сердцахъ нашихъ и будетъ передаваться изъ рода въ родъ съ благоеловеніями. Преискренняя наша радость возвышается еще тѣмъ, что мы удостоились и лицезрѣнія Августѣйшей Супруги Твоей Благочестивѣйшей Государыни Императрицы, Матери Отечества. Это великое, необыкновенное счастье даруется отдаленному нашему краю еще въ первый разъ. А вотъ юные, но уже мужающіе Сынове Ваши Первенцы, яко насажденія масличныя, цвѣтущія отрасли благословеннаго корене, довершаютъ нашу радость. Подъ высокими и мудрыми руководствомъ обходя землю, они поучаются и пріобрѣтаютъ мудрость. Сердца наши и очи всецѣло обращены къ Вамъ, да насладимся зрѣніемъ Царственныхъ добротъ Вашихъ и да будетъ радость наша о Васъ радостна и Вамъ. Преисполненная же радость наша да сольется теперь съ теплою, сердечною молитвою. Престолъ Твой, Благочестивѣйшій Монархъ, да будетъ выну осѣненъ покровомъ Божественнаго Провидѣнія и Держава Твоя крѣпка и могущественна. Царь Царствующихъ да исполняетъ во благихъ всѣ желанія Твоего любвеобильнаго сердца и невредимо всегда и вездѣ, во всѣхъ путяхъ Вашихъ, хранить

Тебя, Зиждителя нашего благоденствія, нашу силу и славу, Твою Августѣйшую Супругу—наше счастье, Наслѣдника Цесаревича—нашу надежду, и весь Царствующій домъ. Внидите свойственнымъ Вамъ Царскимъ путемъ въ сіе древнее святилище, и Всевышній благословитъ Васъ благословеніемъ пренебеснымъ отъ Сіона святаго Своего.

2*.

Благочестивѣйшій, Великій Государь Императоръ! Благословенъ грядый во имя Господне. Благословенно вшествіе Твое, всемилостивѣйшій и возлюбленный нашъ Отецъ Отечества, во градъ сей, прежде темный и невѣдающій Бога истиннаго, нынѣ же свѣтлый и богопросвѣщенный. Ибо гдѣ свѣтъ истиннаго христіанства, тамъ свѣтъ истинный гражданственности, тамъ царствуетъ правда и милость. Твоимъ милостивѣйшимъ посѣщеніемъ этой отдаленной окраины необъятнаго Твоего Царства даруется жителямъ града сего необыкновенное счастье. Градъ сей въ первый еще разъ имѣетъ несказанное счастье встрѣтить Самодержца своего, Царя Православнаго, съ Благочестивѣйшею Царицею и Наслѣдникомъ-Цесаревичемъ. Восторженно и съ чувствами неописуемой радости ояъ привѣтствуетъ Ваши Величества. Сердца и очи всѣхъ насъ всецѣло обращены къ Вамъ, да насладимся зрѣніемъ царственныхъ добротъ Вашихъ и да будетъ преискреннѣйшая радость наша о Васъ радостна и Вамъ. Благословенна и препрославлена буди, Великій Государь, Держава Твоя оумомъ и помощію Всевышняго. Да управляется она всегда мудростію и правдою внутри, крѣпко ограждается отъ внѣ и изобилуетъ всѣми средствами благоденствія, да подъ сѣнію Твоего Престола проживемъ тихое и безмолвное житіе, Божія всемогущая десница да осѣняетъ и, како зѣницу она, хранить Тебя, Августѣйшій Монархъ нашъ, Благочестивѣйшую Государыню Императрицу и весь Царствующій Домъ на славу и счастье дорогого Отечества. Господь Заступникъ и Спаситель да будетъ и пребудетъ съ Вами во всѣхъ путехъ Вашихъ, нынѣ и всегда.

* Произнесена въ соборѣ въ Баку.

ТОРЖЕСТВО 900-ЛѢТІЯ КРЕЩЕНІЯ

СВ. КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА И ВСЕЙ РУСИ ВЪ ХЕРСОНИСѢ
ТАВРИЧЕСКОМЪ.

Юбилейное торжество 900-лѣтія со времени крещенія св. равноапостольнаго князя Владиміра и народа русскаго, продолжалось три дня—13, 14 и 15 іюля.

14 іюля совершенно было освященіе нижняго храма, построеннаго на мѣстѣ того храма, въ которомъ крестился св. Князь Владиміръ. Храмъ этотъ построенъ по мысли Благочестивѣйшаго Государя Александра Павловича. Впрочемъ привести въ исполненіе эту мысль суждено было только благочестивѣйшему Государю Александру Николаевичу. Ко времени Его царствованія нашимъ извѣстнымъ археологомъ, графомъ Уваровымъ, въ развалинахъ древняго Херсониса найдены были остатки древняго храма Рождества Пресвятыя Богородицы, въ которомъ крестился князь Владиміръ, и это открытіе указало, гдѣ быть храму въ память этого событія. Государемъ Александромъ Николаевичемъ Высочайше былъ утвержденъ проектъ храма по рисунку профессора архитектуры Грима и въ 1860 году имъ собственноручно положено было первое основаніе храма. Храмъ построенъ изъ Инкерманскаго бѣлаго камня съ желтыми крестами изъ Инкерманскаго мрамора. Нижній храмъ заключаетъ въ себѣ остатки стѣнъ Херсонискаго храма Пресв. Богородицы; направо отъ царскихъ вратъ находится купель, въ которой св. Князь Владиміръ воспріялъ св. крещеніе. Купель эта имѣетъ форму четырехугольника, шириною 3 арш. 6 верш., длиною 2 арш. 14 верш., глубиною 1 арш. 10 верш.; купель раздѣлена попо-

камъ каменною перегородкою, водою она наполняется изъ резервуара, помѣщающагося внѣ храма, посредствомъ трубъ, проведенныхъ подъ поломъ. Въ нижнемъ храмѣ сдѣланы временныя приспособленія для освященія и открытія въ немъ служенія, ко дню 900-лѣтняго юбилея. Въ верхнемъ храмѣ, который внутри еще не отдѣланъ, предполагено 3 престола; средній во имя Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра, правый во имя Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго и лѣвый во имя Апостола Андрея Первозваннаго *).

12 іюля въ 5^{1/2} ч. вечера братією монастыря перенесены были мощи Равноапостольнаго Князя Владиміра изъ монастырскаго храма седми священномучениковъ Херсонскихъ въ новый храмъ. Въ 6 ч. вечера всенощное бдѣніе и 13-го освященіе нижняго храма въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы и литургія въ новоосвященномъ храмѣ совершены были двумя святителями: Архіепископомъ Херсонскимъ и Одесскимъ, Никаноромъ, и Епископомъ Таврическимъ и Симѣропольскимъ, Мартиніаномъ, въ сослуженіи кафедральнаго протоіерея Алексія Назаревскаго, настоятеля Севастопольскаго Адмиралтейскаго собора, протоіерея Александра Миловидова, ключаря протоіерея Михаила Маркова, настоятеля Севастопольской Петрово-Павловской церкви, протоіерея Владиміра Баженова, намістника Херсонскаго монастыря, игумена Андрея и настоятеля Инкерманскаго монастыря, іеромонаха Іоасафа. На литургіи ректоромъ Таврической Семинаріи, протоіеремъ Іоанномъ Знаменскимъ, произнесено было слѣдующее поученіе.

Рѣчь на освященіе храма.

„И ста Соломонъ предъ лицемъ олтаря Господня предъ всѣмъ соборомъ Израилевымъ, и воздвиже руцѣ свои на небо и рече: Господи Боже Израилевъ, нѣсть якоже ты Богъ на небеси горъ и на земли низу... Аще небо и небо небесе не долѣють ти, колыми паче храмъ сей, егоже создалъ имени твоему;... Да будутъ очи твои отверсты на храмъ сей день и ночь. И услышиши молитву раба твоего и людей твоихъ Израиля, о нихже помолятся на мѣстѣ семъ... и милостивъ будеши о согрѣшеніяхъ людей своихъ Израиля... И милостивъ будеши неправдамъ ихъ“ (3 Цар. VIII, 22, 27, 29, 30, 34 и 50).

Такъ молитвенно взывалъ Царь Соломонъ ко Господу, когда имъ устроенъ былъ храмъ Іерусалимскій и когда въ этотъ

*) Подробную исторію и описаніе сего храма см. въ № 29, «Церк. Вѣд.» за 1888 годъ.

храмъ священниками поставленъ былъ ковчегъ завета. Храмъ Иерусалимскій имѣлъ великое значеніе для народа Божія—Израиля. Онъ служилъ мѣстомъ селенія Самого Иеговы, мѣстомъ проявленія Его славы, мѣстомъ служенія Израиля Иеговѣ, наконецъ мѣстомъ очищенія народа отъ грѣховъ его. Посему Соломонъ, чувствуя себя во вновь устроенномъ имъ храмѣ предъ лицемъ Самого Бога, поручаетъ Ему въ молитвѣ себя самого и народъ свой и просить у Бога благоволенія и милости Израилю.

И мы, благочестивые слушатели, присутствовали нынѣ при освященіи вновь устроеннаго храма. Посему и намъ прилично въ настоящій моментъ размыслить, какое значеніе имѣетъ христіанскій храмъ для нашей жизни, какъ относились наши предки—христіане, въ теченіи протекшаго 900 лѣтняго періода христіанской жизни, къ храмамъ Божиимъ и какое значеніе должны имѣть для насъ нынѣ освященный храмъ въ честь и славу Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы. Прилично также намъ въ настоящій день и вознести ко Господу Богу вызываемыя обстоятельствами времени молитвы.

Храмъ Божій для христіанина имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ какое имѣлъ для ветхозавѣтнаго Іудея храмъ Иерусалимскій. Вся духовная жизнь и дѣятельность христіанина отъ момента рожденія и до переселенія христіанина въ жизнь вѣчную, находится въ тѣснѣйшей связи съ храмомъ Божиимъ. Въ храмъ Божіемъ новорожденный получаетъ духовное возрожденіе чрезъ таинство Крещенія; въ храмъ Божіемъ крещенный получаетъ благодать Св. Духа для своего укрѣпленія и развитія въ духовной жизни чрезъ таинство Мѣропомазанія; въ храмъ Божіемъ христіанинъ очищаетъ свою совѣсть, удрученную грѣхами, чрезъ таинство Покаянія; въ храмъ Божіемъ раскаившійся въ своихъ беззаконіяхъ грѣшникъ тѣснѣйшимъ образомъ соединяется съ своимъ Искупителемъ отъ власти грѣха, Господомъ Іисусомъ Христомъ, черезъ пріятіе Его Пречистаго Тѣла и Крови въ таинствѣ Причащенія; въ храмъ Божіемъ таинствомъ и молитвою церкви христіанинъ освящаетъ свою семейную жизнь; въ храмъ Божіемъ христіанинъ возноситъ къ Господу Богу свои молитвы и прошенія; въ храмъ Божіемъ христіанинъ заканчиваетъ свое земное существованіе, получая напутствіе церкви въ будущую загробную жизнь; наконецъ въ храмъ же Божіемъ и по смерти христіанина приносится безкровная жертва и возносятся предъ престоломъ Божиимъ молитвы церкви о его спасеніи и оставленіи грѣховъ. Словомъ—нѣтъ такого момента въ жизни христіанина, когда онъ не имѣлъ бы нужды прибѣгнуть къ храму Божію. Случилась у христіанина радость, онъ спѣшитъ въ храмъ Божій излить предъ Господомъ свои благодарныя чув-

ства; постигло христіанина горе или несчастье, онъ въ храмѣ же повергаетъ предъ Господомъ свою молитву объ избавленіи его отъ несчастій; одержать христіанина болѣзнь—онъ въ храмѣ же проситъ помощи Божіей и заступленія Его Пречистой Матери и святыхъ угодниковъ Божіихъ и часто здѣсь же получаетъ чудесное исцѣленіе отъ своихъ недуговъ. Въ храмѣ Божіемъ христіанинъ получаетъ нравственные уроки относительно своихъ семейныхъ, общественныхъ и гражданскихъ отношеній и обязанностей, о почитаніи власти духовной, гражданской и родительской, о уваженіи къ старшимъ, о любви къ ближнимъ вообще, объ обязанности христіанина быть въ своей дѣятельности честнымъ, миролюбивымъ, ко всѣмъ доброжелательнымъ, о неумѣстности въ человѣкѣ самомнѣнія и излишняго довѣрія къ своимъ собственнымъ силамъ и необходимости при всякихъ обстоятельствахъ своей жизни обращаться къ Богу и Его помощи, словомъ—всѣ тѣ высокіе нравственные уроки и наставленія, которыми христіанство побѣдило міръ. Отсюда, благочестивые слушатели, легко усмотрѣть, сколь великое значеніе имѣеть храмъ Божій не только для земной жизни и нравственной дѣятельности христіанина, но и для его спасенія и прославленія въ будущей загробной жизни.

Храмъ Божій всегда имѣлъ такое важное значеніе для жизни христіанина. Но всегда ли въ теченіе 900 лѣтняго существованія православнаго русскаго государства русскимъ православнымъ народомъ понималось надлежащимъ образомъ такое значеніе храма для религіозно-нравственной жизни христіанина и выражалось ли въ чемъ-либо это пониманіе? Обратимся къ указаніямъ исторіи и будемъ отъ нея ожидать отвѣта на этотъ вопросъ. Христіанство на Руси сдѣлалось религіею народною и господствующею 900 лѣтъ тому назадъ при Князѣ Владимірѣ. Святой Князь Владиміръ самъ крестился въ сей святой купели и крестилъ свой народъ въ Кіевѣ въ 988 г. по Рождествѣ Христовомъ. Въ чемъ же прежде всего выразилось христіанское настроеніе и христіанская ревность Равноапостольнаго Князя? Тотчасъ по крещеніи народа св. Князь Владиміръ приступилъ къ ниспроверженію идоловъ и построенію храмовъ Божіихъ. Ревность его въ этомъ дѣлѣ была столь велика, что древніе писатели говорятъ о немъ: „всю землю русскую и грады вся украси святыми церквами“ (Мак. Ист. 1 прил. № 1, стр. 266). Исторія называетъ намъ и по именамъ много храмовъ, устроенныхъ св. Княземъ Владиміромъ, таковы: въ Кіевѣ храмы во имя св. Василія, во имя Пресвятой Богородицы—десятиный, въ Вышгородѣ, въ Бѣлгородѣ, въ Берестовѣ, въ Василевѣ и т. д. Преемники св. кн. Владиміра Великіе князья Кіевскіе и удѣльные князья русскіе—Черниговскіе, Владимірскіе, Галицкіе, Ростов-

скіе и др. отличались тѣмъ же усердіемъ въ устройствѣ храмовъ, слѣдствие чего было чрезвычайно быстрое ихъ умноженіе. Такъ, по истеченіи не болѣе ста лѣтъ со времени крещенія Руси въ Кіевѣ считалось уже до 700 храмовъ, въ другихъ городахъ: Новгородѣ, Черниговѣ, Владимірѣ и др. число храмовъ также опредѣлялось десятками (П. С. Р. Л. I ст. 165, 175, 184 и рд.). Благодареніе Господу! Это усердіе русскихъ христіанъ: князей, царей, правителей и народа въ построеніи храмовъ Божіихъ проходитъ свѣтлою нитью чрезъ всю исторію русскаго государства до настоящаго времени, вслѣдствіе чего земля русская на всемъ своемъ необъятномъ пространствѣ является усѣянною храмами Божіими. Усердію въ построеніи св. храмовъ соотвѣтствовала у нашихъ предковъ ревность и обѣ ихъ украшеніи. Лѣтописецъ, изображая Успенскій Соборъ г. Владиміра, говоритъ, что на устройство и украшеніе его внутри и снаружи было употреблено множество драгоценнаго матеріала. „Крыша его была позлащенная и на ней въ разныхъ мѣстахъ стояли золотыя птицы, вазы в ѳлюгера; позолота была и на наружныхъ стѣнахъ очень красиво сочетаясь съ разноцвѣтнымъ мраморомъ и полированными камнями; внутри—двери обитыя золотомъ, алтарная преграда съ пѣлыми рядами иконовъ, блещущихъ золотомъ, крупнымъ жемчугомъ и другими драгоценными камнями, предъ ней серебряный съ позолотою амвонъ, по стѣнамъ живописныя изображенія съ золотыми полями, испещренными также дорогами камня“ и т. д. (П. С. Р. Л. II, 88 112). Пониманіе нашими предками—русскими православными христіанами—высокаго значенія храмовъ Божіихъ, кромѣ ихъ устройства и украшенія выражалось еще въ усердномъ ихъ посвѣщеніи въ часы общественной молитвы и въ томъ, что они никогда не проходили мимо храмовъ Божіихъ, не изобразивши на себѣ крестнаго знаменія. Такъ высоко почитали наши предки святость храмовъ Божіихъ и такъ много заботились они о ихъ украшеніи. Своимъ высокимъ примѣромъ они завѣщали и намъ, какъ ихъ потомкамъ, относиться съ такимъ же уваженіемъ къ св. храмамъ. Къ чести русскаго народа относится то, что эта исконная преданность его св. Православной вѣрѣ и ревность о благолѣпнѣи храмовъ Божіихъ сохранилась и донинѣ.

И теперь не видимъ ли мы, что города и вѣсп нашего отечества украшаются величественными храмами Божіими? И теперь не видимъ-ли мы что на устройство и украшеніе св. храмовъ затрачиваются цѣлые милліоны, что всѣ слои русскаго народа начиная отъ благочестивѣйшихъ нашихъ государей, отпускающихъ изъ своихъ средствъ и разрѣшающихъ въ отпуску изъ государственной казны цѣлыя сотни тысячъ, и до послѣдняго бѣдняка, опускающаго въ кружку сборщика свою скудную лепту

всѣ одинаково охотно жертвуютъ своими достатками на устройство и украшеніе храмовъ Божіихъ? И не подтверждаетъ ли тоже самое самымъ неопровержимымъ образомъ исторія сего нынѣ освященнаго храма? Этотъ нынѣ освященный св. храмъ воздвигнуть на мѣстѣ существовавшего 900 лѣтъ тому назадъ въ г. Херсонисѣ храма въ честь и славу Пресвятыя Богородицы, въ которомъ пріялъ св. крещеніе св. Кн. Владиміръ. Мысль объ устройствѣ на мѣстѣ крещенія св. Кн. Владиміра и въ память этого событія храма возникла у Благочестивѣйшаго Государя Александра I, но положить начало осуществленію этой мысли суждено было только его Августѣйшему племяннику, Благочестивѣйшему Государю Александру II, который въ 1861 году собственноручно положилъ основаніе сего храма. Не свидѣтельствуютъ ли это величественное зданіе, что въ русскомъ народѣ не охладѣла любовь къ устройенію храмовъ Божіихъ, что русскіе благочестивѣйшіе пари и доселѣ служатъ для своего народа добрымъ примѣромъ усердія въ этомъ дѣлѣ? Не свидѣтельствуетъ ли этотъ храмъ о томъ, что и въ настоящее время никакія матеріальныя жертвы не считаются слишкомъ великими когда дѣло касается до проявленія религіознаго чувства? Но въ данномъ случаѣ построеніе сего храма, кромѣ проявленія религіознаго усердія, имѣетъ еще значеніе свидѣтельства объ уваженіи русскаго народа къ дѣяніямъ почтенной старины, свидѣтельства о благодарной памяти потомковъ къ великому дѣлу, совершенному на семъ мѣстѣ равноапостольнымъ просвѣтителемъ земли Россійской, св. кн. Владиміромъ. Къ этому св. храму вромѣ уваженія, какое мы питаемъ къ св. храмамъ вообще, мы должны еще питать особое чувство почтенія, какъ къ памятнику, имѣющему цѣлю приводить въ наше сознаніе воспоминаніе о томъ, что на этомъ освященномъ мѣстѣ Святымъ Равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ воспринята была въ св. крещеніи святая православная вѣра католическая и что мы должны твердо и неизмѣнно сохранять ее въ томъ видѣ, въ какомъ она была принята. По сему къ этому св. храму мы должны питать особенное чувство благоговѣнія и на немъ сосредоточить всѣ свои благожеланія. Обратимся же къ Господу Богу съ молитвою о семъ св. храмѣ и воскликнемъ къ Нему, подобно Соломону: „Господи Боже Израилевъ! Да будутъ очи Твои отверсты на храмъ сей день и ночь... яко да разумѣютъ вси людіе земніи имя Твое и убоятся тебѣ, и разумѣютъ, яко имя Твое наречется на храмъ семъ“ (3 цар. VIII, 29 и 43).

13-го іюля всенощное бдѣніе и 14-го заупокойная литургія совершены были въ новоосвященномъ храмѣ Преосвященнымъ

Епископомъ Таврическимъ Мартиніаномъ, въ сослуженіи ректора семинаріи, протоіерея Іоанна Знаменскаго, настоятеля Мелитопольскаго собора, протоіерея Стефана Чепиговскаго, настоятеля Бахчисарайскаго свита, іеромонаха Германа, и настоятеля Космадамановскаго монастыря, іеромонаха Павла. На литургіи кафедральнымъ протоіереемъ, Алексіемъ Назаревскимъ, произнесено было слѣдующее поученіе о значеніи христіанской вѣры въ загробной жизни человѣка:

С л о в о н а з а у п о к о й н о й л и т у р г і и .

«Блаженіи мертвіи умирающіе о Господѣ отнынь; ей, глаголетъ Духъ, да почиютъ отъ трудовъ своихъ, дѣла бо ихъ ходятъ вслѣдъ съ ними» (Апок. XIV, 13).

„Хорошо этимъ—по правую сторону и горе тѣмъ—по лѣвую сторону“, вздохнувши сказалъ Владиміръ, при видѣ картины Страшнаго Суда. Если хочешь стать съ праведниками по правую сторону, отвѣчаетъ ему христіанскій проповѣдникъ, то крестись“, или что то же: „блаженніи мертвіи умирающіе о Господѣ“. Отсюда мы видимъ, что самая рѣшимость князя принять христіанство окончательно созрѣла, при размысленіи о блаженномъ состояніи умершихъ о Господѣ и горестномъ состояніи умершихъ не о Господѣ. Посему мы думаемъ, что размысленіемъ о загробномъ состояніи умершихъ о Господѣ мы не умалимъ и не омрачимъ настоящаго торжества.

Князь Владиміръ, еще будучи язычникомъ, понялъ своимъ свѣтлымъ умомъ и добрымъ сердцемъ, что хорошо праведникамъ—по правую сторону престола Божія, и горе грѣшникамъ—по лѣвую сторону. Тайновидецъ же новозавѣтный, св. апостолъ Іоаннъ Богословъ, ясно даетъ намъ разумѣть эту истину, говоря уже не отъ себя, а что было ему открыто Духомъ Божиимъ: „блаженіи мертвіи умирающіе о Господѣ, ей глаголетъ Духъ, почиютъ отъ трудовъ своихъ, дѣла бо ихъ ходятъ вслѣдъ съ ними“. Кто же эти умирающіе о Господѣ? Конечно тѣ, которые и живутъ о Господѣ, облекшись во Христа вѣрою и крещеніемъ, таинственно питаея Его животворящимъ тѣломъ и кровью, уготовляя для Него обитель въ себѣ—любовь къ Нему. Какія же то дѣла, которыя ходятъ вслѣдъ за умирающими? Конечно не дѣла плоти и крови тлѣющія и растлѣвающія, не дѣла земной корысти и чувственнаго самолюбія сами по себѣ мертвыя и мертвящія, но живыя дѣла духа, дѣла покаянія, вѣры и любви къ Богу и ближнимъ. Почему же сказано: блаженіи умирающіе о Господѣ „отнынь“? Что значитъ: „отнынь“? Если это выра-

женіе отнести къ нашимъ предкамъ, то получится такая мысль: только отнынѣ, т.-е. со времени вступленія въ доно Христовой церкви и съ того момента, какъ предки наши, по внушенію свыше и по вліянію равноапостольнаго князя Владиміра, крестились и во Христа облеклись, когда они умерли для жизни плотской и грѣховной и ожили для жизни духовной и святой, когда они получили для этой новой жизни всѣ потребные дары Св. Духа, тогда только они стали жить и умирать о Господѣ.

До принятія христіанства худо жили предки наши и въ матеріальномъ, и въ общественномъ, и въ нравственномъ отношеніи. „Живяху, говоритъ о нихъ древній лѣтописецъ, звѣринскимъ образомъ, въ лѣсахъ; брака у нихъ не бывало“. Они допускали многоженство, кровосмѣшеніе, сожигали жегъ вмѣстѣ съ умершими мужьями, смотря на жену, какъ на вещь и собственность мужа; торговали рабами, переносили месть за оскорбленіе изъ рода въ родъ. Вообще же говоря, предки наши въ язычествѣ какъ и всѣ язычники жили плотскою, животною жизнію; „дѣла же плоти извѣстны; они суть: прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, непотребство, идолослуженіе, волшебство, вражды, ссоры, зависть, гнѣвъ, распри, разногласія, соблазны, ереси, ненависть, убійство и тому подобное“ (Гал. V, 16—20). Если и вѣрили они въ загробную жизнь души, то не имѣли истиннаго и яснаго понятія объ этой жизни и о самой душѣ. Поэтому они ужасно боялись смерти и представляли ее въ образѣ грознаго и темнаго божества—Морены. Впрочемъ, въ этомъ представленіи о смерти предки наши были отчасти правы: плоть и кровь не могутъ не бояться смерти потому, что „плоть и кровь, по ученію св. апостола, не могутъ наследовать царствія Божія (Гал. V, 20; 1 Кор. XV, 50).

Совсѣмъ иначе предки наши стали жить и умирать послѣ принятія христіанства. Возродившись въ таинствѣ св. крещенія для жизни духовной и святой и укрѣпившись для этой жизни таинствами св. церкви Христовой, безчисленное множество изъ нихъ „распяли плоть свою со страстьми и похотьми“ и жили духовною, ангелоподобною жизнію. Плоды же духовной жизни тоже извѣстны; они суть: „любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, вротость, воздержаніе“ (Гал. V, 22—23). Смерть для христіанъ стала уже не страшнымъ привидѣніемъ, а давно желаннымъ гостемъ и благодарнымъ великимъ. Каждый изъ нихъ можетъ сказать съ апостоломъ Христовымъ: „мнѣ бо еже жити Христосъ, а еже умерети приобрѣтеніе“ (Фил. 1, 21). „Ибо мы знаемъ, что когда земный нашъ домъ, эта хижина, разрушится, мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный. Отъ того мы и вздыхаемъ, желая облечься въ небесное наше жилище“ (2 Кор. V, 2). Отъ того истинные христіане и бывають готовы перенести благо-

душно всевозможныя страданія этой временной земной жизни; „ибо кратковременное легкое страданіе наше производитъ въ безмѣрномъ преизбыткѣ вѣчную славу, когда мы смотримъ не на видимое, но на невидимое; ибо видимое временно, а невидимое вѣчно“ (2 Кор. IV гл., 8—18). И если мы раскроемъ страницы бытописанія св. земли русской и православной церкви нашего отечества, то найдемъ тамъ безчисленные примѣры праведной, святой и богоугодной жизни безчисленнаго множества нашихъ предковъ. Со времени блаженной княгини Ольги и св. равноапостольнаго князя Владиміра св. церковь Россійская считаетъ тысячами умершихъ о Господѣ, имена которыхъ видимо прославлены Богомъ или даромъ чудесъ и исплѣній еще во время ихъ земной жизни, или же чудеснымъ нетлѣніемъ св. мощей ихъ послѣ смерти. Тысячами украшаютъ св. церковь нашу лики преподобныхъ, проповѣдниковъ, воздержниковъ, прозорливцевъ и св. мучениковъ за вѣру и отечество. Нѣтъ такого сословія, возраста и состоянія, которое не указало бы въ средѣ своей десятки и сотни мужей и женъ, прославившихъ Господа своимъ житіемъ и прославленныхъ отъ Господа при жизни или же по смерти.

Поистинѣ намъ не достанетъ времени даже по именамъ только назвать открыто прославляемыхъ св. церковію угодниковъ Божіихъ изъ предковъ нашихъ. А сколько же еще избранниковъ Божіихъ, которые по причинамъ, довѣдомымъ Единому Богу, доселѣ почиваютъ въ неизвѣстности людямъ, хотя при жизни своей служили Богу и въ душахъ и въ тѣлесахъ своихъ. И мы вѣруемъ, что такихъ-то неизвѣстныхъ міру избранниковъ Божіихъ гораздо болѣе почиваетъ въ горнихъ обителяхъ Отца Небеснаго, чѣмъ такихъ, которые стали намъ извѣстны по воли и по милости Божіей къ намъ грѣшнымъ; ибо святые Божіи познаются по своимъ дѣламъ, а не по чудесамъ только, какъ учить вселенскій учитель св. Іоаннъ Златоустъ.

Но всѣ святые подвижники земли нашей не достигли бы вѣчнаго блаженнаго состоянія и не почили бы отъ трудовъ своихъ, еслибы они не крестились во имя Христова, еслибы они подвизались не во имя Христова и еслибы они умирали не со Христомъ и не во имя Христова. Не мало несли подвиговъ и жертвъ и предки наши — язычники во имя своихъ боговъ; они приносили въ жертву богамъ даже дѣтей своихъ, имѣя надежду жить съ богами, но надежда ихъ была суетна; ибо ихъ боги — дѣло рукъ человѣческихъ и подвиги ихъ погибали вмѣстѣ съ подвижниками, доставляя подвижникамъ не утѣшеніе и успокоеніе отъ трудовъ, а суету и томленіе духа. Ибо „блажени мертвіи“ только „умирающіи о Господѣ, дѣла бо ихъ ходятъ вслѣдъ съ ними“.

Изъ этого размышленія о смерти и загробномъ состояніи умирающихъ о Господѣ вытекають, братіе, нѣкоторыя обязанности для насъ въ отношеніи къ Богу Просвѣтителю и Спасителю нашему и святымъ Его, въ отношеніи къ нашимъ ближнимъ умершимъ и живущимъ и въ отношеніи къ намъ самимъ.

Первое всего, братіе, приидите, поклонимся и припадемъ Христу Цареву и нашему Богу и Спасителю и исповѣдуемъ свою вѣру передъ Нимъ, исповѣдуемъ, что мы знаемъ Его только Единого истиннаго Бога, не служимъ Богу иному и не кланяемся Богу чуждому, и возблагодаримъ Его, Милосердаго Промыслителя, что Онъ не до конца прогнѣвался на грѣхъ невѣдѣнія и заблужденія отцовъ нашихъ и не попустилъ имъ доселѣ блуждать во тьмѣ язычества и погибать внѣ стада Христова, какъ блуждають и погибають еще многіе языческіе народы и въ наше время. Будемъ, братіе, всегда помнить съ благодарнымъ сердцемъ къ Богу, что вотъ уже 900 лѣтъ предки наши живутъ и умирають не „якоже не имущіи упованія“, но съ вѣрою въ Бога и надеждою воскресенія и вѣчной жизни, — что многіе изъ нихъ имѣють дерзновеніе по благодати Божіей стоять у престола Царя Славы и ходатайствовать въ своихъ молитвахъ за насъ грѣшныхъ; будемъ помнить, что и мы съ вами и дѣти наши съ момента появленія въ міръ сей освящаемся молитвами и таинствами св. церкви Христовой для новой духовной и святой жизни, что и во всю жизнь нашу она не перестаетъ заботиться о насъ и подаетъ всѣ благодатныя дары Св. Духа, „да совершенъ будетъ Божій человекъ, на всякое благо дѣло уготованъ“, — даже и при смерти она — чадолюбивая мать наша не оставляетъ насъ безъ надежды и утѣшенія, но каждого изъ насъ напутствуетъ своими молитвами и благословеніемъ и сопровождая до могилы, внушаетъ пророческимъ голосомъ: „блаженъ путь, въ оный же идеши днесь душе, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія“. Вотъ за это, братіе, первое всего и прославимъ Господа.

Прославимъ, братіе, и святыхъ угодниковъ Божіихъ, предковъ нашихъ по духу и по плоти, послужившихъ промыслу Божію орудіемъ и посредниками для просвѣщенія вѣрою Христовою всей земли нашей, утвердившихъ въ ней вѣру и благочестіе и оградившихъ оныя правилами и уставами, основанными на богооткровенномъ ученіи и преданіи церкви вселенской, а наипаче своимъ добрымъ житіемъ и примѣромъ, и теперь представляющихъ за насъ грѣшныхъ у престола Божія. И прежде всѣхъ ублажимъ св. равноапостольнаго просвѣтителя страны нашей, благовѣрнаго князя Владиміра и блаженную княгиню Ольгу и всѣхъ святыхъ земли русской и помолимся, да утвердитъ Господь представительство ихъ святую православную вѣру въ землѣ нашей во вѣкъ вѣка. Помолимся, братіе, и о всѣхъ

прочихъ, прежде почившихъ отцахъ и братіяхъ нашихъ, здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ христіанахъ, съ вѣрою и благочестіемъ подвизавшихся въ сей жизни и усопшихъ въ надеждѣ воскресенія и жизни вѣчной, да проститъ имъ Праведный Судія согрѣшенія ихъ вольныя и невольныя, да вселитъ ихъ въ горныхъ обителяхъ своихъ со святыми и здѣсь — на землѣ да сотворитъ имъ вѣчную память.

Помолимся, братіе, въ сей нарочитый и благознаменитый день праздника нашего за самихъ себя и другъ за друга, да сохранимъ насъ Господь молитвами святыхъ нашихъ въ вѣрѣ, единомыслии и взаимной любви; и дадимъ обѣщаніе за себя и за чадъ нашихъ здѣсь, у св. купели просвѣтителя отечества нашего — св. Владимира, крѣпко держаться святой вѣры Христовой и хранить ее въ чистотѣ и неповрежденности, какъ она была принята и хранима предками нашими въ теченіе тысячелѣтій. Наипаче же будемъ знать и помнить, что св. вѣра Христова и св. крещеніе необходимы, но еще недостаточны для нашего вѣчнаго спасенія; „ибо вѣра безъ дѣлъ мертва“; а о тѣхъ, кои согрѣшаютъ послѣ крещенія св. апостолъ Христовъ говоритъ, что „лучше бы имъ не познать пути правды, нежели познавши возвратиться назадъ отъ преданной имъ заповѣди“ (2 Петр. II, 20—21). А потому, если мы, принявши св. крещеніе, будемъ проводить жизнь нечистую, плотскую и грѣховную, если мы, называясь христіанами, будемъ жить по язычески, тогда и самыя таинства св. церкви намъ не помогутъ, а напротивъ послужатъ намъ въ судъ и осужденіе. Слово Божіе, молитвы и таинства предлагаются намъ св. церковію только какъ вспомогательныя средства для нашего спасенія, самое же спасеніе достигается при помощи Божіей нами самими, нашею жизнію, добрыми дѣлами, нашею доброю волею; если же мы будемъ жить о Господѣ, то сподобимся и умереть о Господѣ съ надеждою на упокоеніе отъ трудовъ своихъ.

Наконецъ, братіе, любовь къ Богу и ревность о славѣ Божіей и любовь къ ближнимъ налагаютъ на насъ обязанность позаботиться и о тѣхъ братіяхъ нашихъ по плоти, „иже не суть отъ двора сего“ и блуждаютъ внѣ стада Христова; мы должны позаботиться, чтобы они и пожили о Господѣ, и умерли о Господѣ, какъ позаботились о насъ отцы и дѣды наши. Намъ извѣстно, братіе, какое множество людей и не только за предѣлами нашего отечества, но и въ самыхъ нѣдрахъ онаго, даже рядомъ съ нами, ходитъ еще во тьмѣ язычества, іудейства и магометанства. Мы знаемъ, какое множество братьевъ нашихъ по плоти и по вѣрѣ отторгнуто отъ матернихъ нѣдръ св. церкви Христовой, отторгается еще и доселѣ на глазахъ нашихъ разными лжеучителями и расколуучителями: молоканами, скопцами,

баптистами, штундистами, пашковцами и др., имже имя легионъ. Божественный Пастыреначальникъ нашъ вѣщаетъ намъ: „и тыа подобаеть ми привести и гласъ Мой услышать и будетъ едино стадо и единъ пастырь“. Непреложно Божественное слово Сына Божія и рано ли, поздно ли св. Евангеліе будетъ проповѣдано во всемъ мірѣ. „Гласъ мой услышать“, сказалъ Спаситель. Но какъ услышать, „если не будетъ проповѣдающаго“? Посему, братіе, на вѣхъ насъ лежитъ священный долгъ по мѣрѣ силъ и возможности содѣйствовать распространенію евангельской проповѣди между язычниками, іудеями, магометанами и разными сектантами и особливо между иновѣрцами, населяющими отечество наше. Какъ это можемъ дѣлать, если мы къ тому не призваны, спросить кто либо. Для этого прежде всего мы сами, должны жить такъ, чтобы „свѣтъ нашъ свѣтился предъ челоуѣки, яко да видятъ наши добрыя дѣла и прославятъ Отца нашего, иже на небесѣхъ“; а затѣмъ примѣръ св. князя Владимира, его сподвижниковъ и преемниковъ научаеъ насъ, какъ мы должны и можемъ служить дѣлу обращенія ко Христу заблуждающихъ братій нашихъ. По сказанію лѣтописцевъ св. Владимиръ самъ лично „путешествовалъ по всей русской землѣ съ епископами“, разрушалъ капища, сокрушалъ идоловъ, „созидалъ церкви Божія и учреждалъ школы“ для дѣтей. Тоже дѣлали и сподвижники его—первый митрополитъ кіевскій Михаилъ и первый архіепископъ новгородскій Іоакимъ; имъ ревностно помогали князья и бояре и посадники удѣльныхъ городовъ. Извѣстно, какую ревность оказали въ Новгородѣ дядя св. князя Владимира Добрыня съ тысяцкимъ Путятой, — какъ они усмирили возмущившихся язычниковъ; извѣстно, какъ усердно старались утвердить христіанство кн. Борисъ въ Ростовѣ, а Глѣбъ въ Муромѣ и др. По замѣчанію древняго лѣтописца, одни крестились по своему убѣжденію, другіе — по примѣру князей и бояръ, а многіе „изъ страха къ повелѣвшему“, — потому что не смѣли противиться волѣ князя; „понеже бо благовѣріе его со властію сопряжено“. Нынѣ же, слава Богу, ни Государю, ни митрополиту, ни князьямъ и боярамъ не нужно предпринимать путешествія съ миссіонерскою цѣлію или прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ противъ непокорныхъ; достаточно теперь одного благоволенія и соизволенія Высочайшей власти, благословенія св. церкви, и найдутся десятки и сотни людей, готовыхъ съ крестомъ и Евангеліемъ идти въ непроходимые лѣса и тундры для просвѣщенія дикарей и людоѣдовъ. Мы же съ вами, братіе, хорошо сдѣлаемъ, если позаботимся о необходимой пищѣ и одеждѣ для этихъ труженниковъ, и навѣрное, какъ бы ни была ничтожна жертва наша на это святое дѣло, мы не потеряемъ своей награды. Ибо Спаситель, отправляя учениковъ своихъ на проповѣдь, сказалъ: если

„кто напоить одного изъ малыхъ сихъ только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вамъ, не потеряетъ награды своей“. Это значитъ, что вмѣстѣ со всѣми пожившими и потрудившимися о Господѣ, и мы принявшіе участіе въ ихъ жизни и трудахъ, будемъ имѣть утѣшеніе слышать сладчайшій гласъ Духа Божія: „блажени мертвіи умирающіи о Господѣ; ей почіють отъ трудовъ своихъ; дѣла бо ихъ ходять въ слѣдъ съ ними“.

По окончаніи литургіи четырьмя святителями: архіепископомъ херсонскимъ и одесскимъ Никаноромъ, епископомъ аксайскимъ Августинномъ, епископомъ сумскимъ Петромъ и епископомъ сукхумскимъ Геннадіемъ отслужена была вселенская панихида о упокоеніи всѣхъ праотцевъ, отцевъ и братій нашихъ: великихъ князей и княгинь, благовѣрныхъ царей и царицъ, императоровъ и императрицъ, православныхъ россійскихъ патріарховъ, преосвященныхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, православныхъ воиновъ, на брани убіенныхъ, и всѣхъ православныхъ христіанъ. Послѣ панихиды его преосвященствомъ, Мартиніаномъ, епископомъ таврическимъ и симферопольскимъ, въ г. Севастополѣ освященъ былъ ночлежный пріютъ, устроенный городомъ на 100 кроватей въ память 900-лѣтія крещенія св. князя Владиміра.

Въ 5 часовъ вечера учителемъ симферопольской гимназіи, Шебедевымъ, прочитана была слѣдующая рѣчь:

Р ѣ ч ь г. Ш е б е д е в а.

На мѣстѣ этого храма, въ которомъ мы съ вами находимся, назадъ тому 900 лѣтъ совершилось величайшее событіе русской исторіи. Здѣсь въ Херсонисѣ принялъ крещеніе русскій великій князь Владиміръ, а съ нимъ вмѣстѣ принялъ христіанство и весь русскій народъ. О томъ, какъ принялъ крещеніе Владиміръ и какъ крестился русскій народъ, нашъ первый русскій лѣтописецъ передалъ слѣдующее.

Предки русскихъ назывались славянами; эти славяне при первыхъ русскихъ князьяхъ были язычнн иидолопоклонники, т.-е. вѣрили въ существованіе многихъ боговъ. Наши предки думали, что и солнце богъ, и луна богъ, и вѣтеръ богъ. Солнце, посылающее на землю тепло и свѣтъ, извѣстно было подъ именемъ Хорса и Дажь-бога. Дождь посылался добрымъ божествомъ Стрибогомъ, т.-е. вѣтромъ, другомъ Солнца и благодѣтелемъ людей. Волось или Велесъ былъ покровителемъ стадъ. Но самымъ страшнымъ и грознымъ богомъ былъ Перунъ — богъ грома и молніи. Славяне изображали боговъ въ видѣ людей, и не щадили расходовъ, чтобы этихъ идоловъ украшать подрагоцѣннѣе; чаще

всѣхъ изображался Перунъ; почти во всѣхъ городахъ славянскихъ были изображенія этого страшнаго бога. Напр. въ Кіевѣ, на высокому холмѣ, близъ княжескаго дворца стоялъ Перунъ, сдѣланный изъ дерева, съ серебряной головой и золотыми усами. Приносили богамъ въ даръ плоды, домашнихъ животныхъ, а иногда даже людей. Но славяне очень часто имѣли сношенія съ греками христіанами, которыхъ государство было на Балканскомъ полуостровѣ и главнымъ городомъ былъ Константинополь—теперь турецкій городъ. Въ этомъ городѣ являлся императоръ, греческій царь, почему русскіе называли этого городъ Царь-Градъ. Пріѣзжая въ Грецію, русскіе видѣли богослуженіе и жизнь христіанъ, и многіе изъ нихъ крестились. Такъ при третьемъ русскомъ князѣ Игорѣ, когда ему пришлось заключать миръ съ греками, часть дружины его оказалась христіанами и присягали въ соборной церкви св. Ильи. Жена Игоря, Ольга, память которой православная церковь празднуетъ 11 іюля, также приняла крещеніе. Такимъ образомъ и до Владиміра на Руси было много христіанъ, но только князю Владиміру принадлежитъ слава крещенія всего русскаго народа. Послѣ Ольги княжилъ сынъ ея Святославъ, который еще при жизни раздѣлилъ русскую землю между тремя своими сыновьями: старшему своему сыну Ярополку онъ далъ Кіевъ, въ то время славный городъ русской земли, второму сыну Олегу далъ Дrevлянскую землю, Владиміру же, третьему сыну, достался Новгородъ. Послѣ смерти отца между братьями начались междоусобія: Ярополкъ убилъ Олега и завладѣлъ его удѣломъ, противъ Ярополка вооружился Владиміръ, который побѣдилъ войско Ярополка и пригласивъ брата на свиданіе, убилъ его; такимъ образомъ Владиміръ сдѣлался единодержавнымъ властителемъ всей русской земли. Въ первое время своего княженія онъ оказался ревностнымъ язычникомъ, велѣлъ дѣлать идоловъ и ставить ихъ на высокихъ мѣстахъ, такъ вышеупомянутый идолъ Перунъ былъ поставленъ по повелѣнію князя Владиміра. Сдѣлавшись единодержавнымъ, Владиміръ предпринималъ походы на разные сосѣдніе народы; послѣ одного удачнаго похода онъ вздумалъ возблагодарить Перуна человѣческой жертвой. Когда онъ посоветовался объ этомъ съ старцами и боярами, то сказали ему старцы и бояре: „кинемъ жребій на отрока и на дѣвицу; на кого жребій падеть, того зарѣжемъ богамъ“. Былъ одинъ варягъ, пришедшій изъ Греціи, христіанинъ, и былъ у него сынъ прекрасный душею и тѣломъ, на него-то и палъ жребій. Пришли къ варягу посланные отъ бояръ и сказали: „На твоего сына палъ жребій; онъ угоденъ богамъ; сотворимъ ихъ волю“. Варягъ отвѣчалъ имъ на то: „то не боги, а дерево; сегодня есть, а завтра сгніетъ; они не ѣдятъ, не пьютъ, не говорятъ, потому

что сдѣланы руками. Богъ единъ, которому поклоняются греки: Онъ создалъ небо и землю, солнце и луну. Онъ создалъ чело-
вѣка и поселилъ его на землѣ; а эти боги что сдѣлали? — они
сами сдѣланы. Не дамъ своего сына бѣсамъ“. Посланные раз-
сказали это людямъ; они взяли оружіе, пошли и разломали дверь
его; онъ же стоялъ въ снѣгахъ. Сказали ему: „Отдай сына; мы
дадимъ его богамъ“. Онъ отвѣчалъ: „если они боги, то пусть
пришлютъ одного изъ своихъ и возмутъ моего сына, а вы чего
требуете?“ Тогда закричала толпа и подсѣгла сѣни. Такъ по-
гибли эти два первые мученика Феодоръ и Іоаннъ. На томъ
мѣстѣ, гдѣ былъ домъ, князь Владиміръ, когда крестился, поста-
вилъ церковь Божіей Матери. Память ихъ православная церковь
чититъ 12 іюля.

Послѣ похода на Камскихъ болгаръ (гдѣ теперь Казань) и
не заключеніи съ ними мира, пришли ко Владиміру послы этихъ
болгаръ, которые были вѣры магометанской, и сказали ему:
„ты князь мудръ и смышленъ, но живешь беззаконно, прими
законъ нашъ и поклонися Магомету“. Спросилъ ихъ Владиміръ:
„какая вѣра ваша?“ Они отвѣчали: „вѣруемъ Богу, а Магометъ
учитъ насъ обрѣзаться, свинины не ѣсть, вина не пить, позво-
ляетъ имѣть много женъ и на томъ свѣтѣ дастъ каждому по
70 женъ прерасныхъ“. Владиміру пріятно было слушать о томъ,
что можно имѣть много женъ (онъ какъ язычникъ имѣлъ ихъ
много); не нравилось ему обрѣзаніе и запрещеніе ѣсть свинину,
а особенно пить вино: „пить веселіе Руся; безъ того не мо-
жемъ быть“, сказалъ онъ. Приходили католики и сказали ему:
„папа велѣлъ тебѣ сказать: земля твоя такая же, какъ и наша,
но вѣра твоя не такая, какъ наша; вѣра наша свѣтъ есть, вла-
няемъ Богу, который сотворилъ небо и землю, звѣзды, мѣсяцъ
и всякое дыханіе, а боги ваши дерево“. „Какая завовѣдъ вапа?“
спросилъ Владиміръ. Они отвѣчали: „постъ по силѣ, если же
кто пьетъ или ѣсть, то все во славу Божию, какъ сказалъ учи-
тель нашъ Павелъ“. Владиміръ отвѣчалъ имъ: „ступайте прочь;
отпы наши не приняли этого“. Пришли Казарскіе евреи и ска-
зали: слышали мы, что приходили болгары и христіане, уча каж-
дый своей вѣрѣ; христіане вѣруютъ Христу, котораго мы ра-
спяли, а мы вѣруемъ единому Богу Авраамову, Исаакову и
Іаковлю“. Владиміръ спросилъ: „въ чемъ же законъ вашъ?“
Они отвѣчали: „обрѣзаться, не ѣсть свинины, сохранять суб-
боту“. Владиміръ опять спросилъ ихъ: „гдѣ земля ваша?“ Они
отвѣчали: „въ Іерусалимѣ“. „Тамъ ли вы теперь?“ спросилъ
Владиміръ. „Нынѣ, отвѣчали они, Богъ разгнѣвался на отцовъ
нашихъ, расточилъ насъ по всемъ странамъ за грѣхи наши, а
землю отдалъ христіанамъ“. На это сказалъ имъ Владиміръ:
„Какъ же вы сами, отверженные Богомъ, другихъ учите. Еслибы

вы и законъ вашъ были угодны Богу, то не расточилъ бы Онъ васъ по чужимъ землямъ. Хотите ли вы, чтобы и съ нами тоже было?" Пришелъ наконецъ философъ отъ грековъ и сказалъ: „слышалъ, что приходили къ вамъ болгары и учили своей вѣрѣ; но вѣра ихъ ведетъ къ погибели. Приходили и католики: ихъ вѣра малымъ отъ нашей различается, только служить они на опрѣснокахъ или облаткахъ, а Иисусъ Христосъ повелѣлъ служить на хлѣбѣ“. Владиміръ сказалъ ему: „приходили еще евреи, говорили, что вы вѣрите тому, кого они распяли. Правда ли это?“ „Правда“ сказалъ философъ и вкратцѣ разсказалъ ему всю священную исторію; потомъ, когда кончилъ, показалъ картину, на которой изображенъ былъ страшный судъ: праведники направо съ веселіемъ идутъ въ рай, а грѣшники налѣво идутъ въ муку. Владиміръ, вздохнувши, сказалъ: „хорошо тѣмъ, кто направо; горе тѣмъ, кто налѣво; на что философъ отвѣтилъ: „крестись, если хочешь быть направо“. Владиміръ, положя руку на сердце, сказалъ: „пожду немного“. Онъ хотѣлъ еще рассмотреть разныя вѣры. Потомъ, одаривъ философа, отпустилъ его съ честью.

Созвалъ Владиміръ бояръ и городекихъ старѣйшихъ и сказалъ имъ: „приходили ко мнѣ болгары и говорили: „прими нашъ законъ“; потомъ приходили евреи, послѣ же пришли греки, хулили всѣ законы; свой хвали и много сказывали о бытіи всего міра отъ начала его; красно говорили и чудно ихъ слушать и пріятно каждому; говорили, что есть другой свѣтъ, что кто вступить въ ихъ вѣру, тотъ, если умретъ, оживетъ и во вѣки не умретъ, а кто другой законъ приметъ, тому горѣтъ въ огнѣ на томъ свѣтѣ. Что посоветуете?“ Бояре и старцы отвѣтили ему на то: „ты знаешь князь, что всякій свое не хулить, а хвалить; а если хочешь узнать правду, то есть у тебя мужи, пошли ихъ, пусть посмотрятъ, какъ каждый народъ служить Богу“. Понравился этотъ совѣтъ Владиміру и всѣмъ людямъ, выбрали десять человекъ хорошихъ и смысленныхъ, и послали ихъ сначала къ болгарамъ—и не понравилось посланнымъ магометанское богослуженіе. Потомъ послалъ ихъ Владиміръ къ нѣмцамъ, а оттуда къ грекамъ. Пошли они къ нѣмцамъ, посмотрѣли ихъ службу; потомъ пошли въ Царь-градъ, а тогда тамъ было два царя: Василій и Константинъ. Когда пришли они, цари спросили: „зачѣмъ пришли?“ и, узнавъ причину, обрадовались и приняли ихъ съ честью. Поутру послали цари сказать патріарху: „пришли русскіе разузнать о нашей вѣрѣ; уברי церковь, а самъ одѣнься въ святительскія ризы, пусть видитъ славу Бога нашего“. Услышавъ это, патріархъ велѣлъ убраться церковь по праздничному, освѣтить ее всю и приготовить пѣвчихъ. Когда пришли послы въ церковь, имъ объяснили всю службу; потомъ отпустили съ

честью. Когда послы возвратились въ Кіевъ, Владиміръ опять совалъ бояръ и старцевъ и велѣлъ посламъ разсказать все по порядку. „Были мы у болгаръ—сказали послы—видѣли, какъ они молятся въ мечетяхъ, стоятъ безъ помысла, поклонятся и потомъ сядутъ и глядятъ по сторонамъ, какъ бѣшеные; не весело у нихъ, но печально; не хороши ихъ законы. Были у иѣмцевъ и видѣли въ храмахъ ихъ многія службы, но нѣтъ у нихъ никакой красоты. Потомъ пришли къ грекамъ и повели они насъ туда, гдѣ служатъ своему Богу, и не знаемъ, на землѣ ли мы были или на небѣ? Такой красоты на землѣ нѣтъ; мы знаемъ только то, что тамъ Богъ пребываетъ съ людьми. Мы не можемъ забыть той красоты. Каждый человекъ, когда попробовалъ сладкаго, не можетъ вкусить горькаго; такъ и мы „не пмамы здѣ быти“—т.-е., не хотимъ оставаться въ языческой вѣрѣ. Бояре сказали на это: „если бы дурень былъ греческій законъ, то не приняла бы его бабля твоя Ольга; а она была мудрейшая изъ людей“. Спросилъ Владиміръ: „гдѣ же мы крестимся?“ Отвѣчали бояре и старцы: гдѣ тебѣ угодно“...

На слѣдующій 988 годъ Владиміръ пошелъ войной на греческій городъ Корсунъ или Херсонисъ городъ, на развалинахъ котораго мы съ вами находимся. Этотъ городъ 900 лѣтъ тому назадъ былъ большимъ и богатымъ городомъ. Собственно городъ былъ расположенъ амфитеатромъ (полукругомъ), между Стрѣлцовой бухтой на Востокъ и Карантинной бухтой на Западъ и былъ обнесенъ стѣною. Но этимъ владѣнія города не ограничивались. На востокъ Херсонису принадлежала гавань Символонъ, теперь Балаклава, Совійская гавань, теперь Круглая бухта и гавань Ктенусъ, или большая Севастопольская бухта. Чтобы безопасно владѣть окрестностями этихъ бухтъ проведена была другая стѣна отъ конца Севастопольской бухты у Инкермана до Балаклавы, на протяженіи 13 верстъ со многими сторожевыми башнями. Все это пространство между стѣною собственно города и большею стѣною было великолѣпно обработано и покрыто загородными дачами жителей Херсониса. Этими двумя стѣнами Херсонисъ былъ такъ сильно укрѣпленъ, что не разъ выдерживалъ продолжительныя осады различныхъ народовъ.

Вотъ этотъ-то городъ въ 988 году и осадилъ русскій великій князь Владиміръ. Этимъ походомъ Владиміръ какъ бы хотѣлъ показать грекамъ, что онъ хоть и приметъ крещеніе, но все-таки не хочетъ подчиняться имъ.

Владиміръ присталъ съ флотомъ къ стѣнамъ города и окружилъ его, ставъ отъ него на разстояніи выстрѣла изъ лука. Начали горожане изнемогать. Владиміръ послалъ сказать имъ: „Если не сдадитесь, то готовъ три года простоять у вашего

города“. Они однако не сдались. Велѣвъ Владиміръ смнати на-
 сннѣ къ городскимъ стѣнамъ, а корсунцы одѣлаи подкопъ подъ
 стѣною городскою, и выходя по ночамъ, уносили ту землю и
 сыпали ее внутри города. Тогда одинъ корсунянинъ, по имени
 Анастасъ, бросилъ стрѣлу въ стѣну русскій, а на стрѣлѣ было
 написано: „перекопай колодезь, который отъ тебя къ востоку:
 изъ него по трубѣ идетъ вода въ городъ“. Владиміръ, услышавъ
 это, поднялъ руку къ небу и сказалъ: „Если это сбудется, то
 крещусь“. Тотчасъ велѣвъ перекопать трубу—и вода перестала
 идти въ городъ; люди изнемогали отъ жажды и сдались. Влади-
 міръ вошелъ съ дружиной въ городъ и послалъ сказать царямъ
 Василію и Константину: „я взялъ вашъ славный городъ; слы-
 шалъ я, что у васъ сестра дѣва; если не отдадите ее за меня,
 то такъ же сдѣлаю съ Царь-градомъ“. Узнавъ это, цари запе-
 чалились и отвѣчали: „не слѣдуетъ христіанкѣ выходить за языч-
 ника; если крестись, то получишь, и царство небесное наслѣ-
 дуешь, и будешь съ нами одной вѣры; а если этого не сдѣлаешь,
 то не можемъ отдать сестры за тебя“. Когда передали это Влади-
 міру, онъ отвѣчалъ: „скажите царямъ, что я крещусь. Еще
 прежде испыталъ я вашъ законъ и нравится ваша вѣра и слу-
 женіе, о чемъ разсказали мнѣ мои посланные“. Услышавъ это,
 цари обрадовались, уговорили сестру свою Анну, и послали
 сказать Владиміру: „крестись, тогда пошлемъ сестру свою“. Вла-
 диміръ отвѣчалъ: „пусть крестятъ меня пришедшіе съ се-
 строю вашею“. Тогда цари стали посылать сестру, и некоторыхъ
 оановниковъ и священниковъ. Анна же не хотѣла идти: „иду
 какъ будто въ плѣнъ—говорила она—лучше бы мнѣ умереть
 здѣсь. И сказали ей братья: „черезъ тебя Богъ обращаетъ рус-
 скую землю въ покаяніе, а греческую избавляетъ отъ лютой
 рети. Развѣ не видишь сколько Русь сдѣлала зла грекамъ? Если
 не пойдешь, то они будутъ продолжать по старому“. Едва ее
 уговорили. Сѣвши на судно, она со слезами стала проситься
 съ родными и съ плачемъ ѣхала черезъ море. Когда пришли
 въ Херсонисъ, корсунцы или херсонисцы встрѣтили ее съ по-
 четомъ. Въ то время заболѣли у Владиміра глаза, и послала
 царевна сказать ему: „хочешь выздороветъ—крестись“. Влади-
 міръ сказалъ: „если это сбудется, то истиннѣ великъ Богъ
 христіанскій“. Епископъ корсунскій съ священниками, прибыв-
 шими съ царевной, крестили Владиміра и въ ту минуту какъ
 епископъ возложилъ на крещаемого руку, Владиміръ прозрѣлъ
 и воскликнулъ, выходя изъ купели: „теперь-то я узналъ Бога
 истиннаго“. Многие изъ дружины, видя совершившееся чудо, тутъ
 же послѣдовали примѣру своего князя. Въ крещеніи дали Вла-
 диміру имя Василія. Послѣ крещенія совершенъ былъ бракъ
 Владиміра съ царевной.

Крестившій Владиміра архипастырь преподалъ ему подробнѣйшій символъ вѣры, котораго бы постоянно держался князь, чтобы не быть увлеченнымъ ложными мнѣніями еретиковъ.

Владиміръ, возвращаясь назадъ въ Кіевъ, взялъ съ собою царицу, Анастаса и священниковъ корсунскихъ съ мощами св. Климента и Физа, ученика его, съ иконами и церковными сосудами. На томъ мѣстѣ въ городѣ, гдѣ жители складывали землю, унося ее съ насыпи, насыпаемой войскомъ русскимъ, Владиміръ поставилъ церковь во имя св. Василия, а самый городъ отдалъ въ „вѣно“ за царицу (такъ назывался подарокъ, который новобрачный давалъ женѣ и родственникамъ ея).

Возвратясь въ Кіевъ, велѣлъ Владиміръ повалить идоловъ, рубить ихъ или жечь огнемъ; Перуна же велѣлъ привязать къ конскому хвосту и спустить съ горы въ рѣку, и потомъ, преслѣдуя до пороговъ, отталкивать палкою; если приставалъ къ берегу, кричали: „выдубай (выплывай) нашъ боже!“ Оттого это мѣсто прозвано Выдубаны, и построены здѣсь впоследствии Выдубецкій монастырь. Потомъ послалъ Владиміръ кличь кликать по городу: „кто не придетъ къ рѣкѣ, богатый или убогий, нищій или рабъ, тотъ будетъ мнѣ противенъ“. Всѣ шли креститься, говоря: „еслибы это не добро было, то не принялъ бы этого князь съ боярами“. Утромъ вышелъ Владиміръ съ священниками паричинными и корсунскими въ Днѣпру, гдѣ сошлось множество людей. Всѣ пошли въ воду: кто стоялъ по шею, кто до груди, дѣти стояли у берега, другіе держали грудныхъ; взрослые уходили далѣе, и священники стояли и творили молитву. Когда торжественный обрядъ таинства крещенія совершился, тогда Владиміръ, устремивъ взоръ на небо, произнесъ слѣдующую молитву: „Боже, сотворивый небо и землю: призри на новыя люди сія и даждь имъ Господи увѣдѣти тебе, истиннаго Бога, якоже увѣдѣша страны христіанскія, утверди и вѣру въ нихъ праву несомнѣннѣйшую и мнѣ помоги на сопротивнаго врага, да надѣясь на ти и на твою Державу побѣжду козни его!“

Такъ совершилось величайшее событіе русской исторіи, крещеніе великаго, равноапостольнаго князя Владиміра и всей русской земли.

Всенощное бдѣніе 14 іюля и литургія 15 іюля совершены были въ трехъ храмахъ: въ новоосвященномъ Рождество-Богородичномъ, въ монастырскомъ храмѣ седми священномучениковъ Херсонскихъ и въ домовомъ Покровскомъ. Въ новомъ Рождество-Богородичномъ храмѣ всенощное бдѣніе совершено было высокопреосвященнымъ архіепископомъ херсонскимъ и одесскимъ Никаноромъ, преосвященнымъ епископомъ таврическимъ и симферопольскимъ Мартиніаномъ и преосвященнымъ

епископомъ сухумскимъ Геннадіемъ въ сослуженіи настоятеля херсонискаго монастыря, архимандрита Инноентія, кафедральнаго претоіерея, Алексія Назаревскаго, настоятеля сева-стопольскаго адмиралтейскаго собора претоіерея Александра Миловидова, настоятеля князьташскаго монастыря, игумена Николая, члена консисторіи, священника Іоанна Тяжелова и законоучителя бердянскои гимназіи, священника Анемподіста Голубова.

Въ храмѣ священномучениковъ херсонскихъ всеищюще бдѣніе совершено было преосвященнымъ Августиномъ, епископомъ Ассайскимъ въ сослуженіи ректора семинаріи, претоіерея Іоанна Знаменскаго, настоятеля бердянскаго собора, претоіерея Амодона Щербакова, настоятеля бакалавскаго монастыря, игумена Іоанна и инспектора классовъ женскаго епархіальнаго училища, священника Евстаѣя Новика.

§ Въ домовомъ храмѣ Покрова Пресвятыя Богородицы всеищющее бдѣніе совершено было преосвященнымъ Петромъ, епископомъ сумскимъ, въ сослуженіи помощника настоятеля бердянскаго собора, претоіерея Владиміра Вуколова, члена консисторіи священника Петра Царевскаго, благочиннаго священника Владиміра Эвземлярскаго и помощника настоятеля ялтинскои церкви священника Александра Терновскаго. На всеищющемъ бдѣніи читанъ былъ акаѣистъ св. равноапостольному князю Владиміру и розданы были во время елеопомазанія въ храмѣ священномучениковъ херсонскихъ и покровскомъ бронзоваыя высеребреныя его изображенія. Въ новомъ же Рождество-Богородичномъ храмѣ изображенія эти не могли быть розданы по причинѣ многолюдства молящихся и тѣсноты, а розданы они были 15 іюля. Всего изображеній св. Владиміра роздано до 4000. Богомольцевъ въ этотъ день было такъ много, что 3 храма, изъ которыхъ одинъ новоосвященный можетъ вмѣстить очень большое число молящихся, не могли вмѣстить въ себѣ всѣхъ ихъ.

Въ самый день праздника 15 іюля въ 6 часовъ утра, намѣстникомъ херсонискаго монастыря, игуменомъ Андреемъ, съ ассистентомъ іеромонахомъ Павломъ доставлены были на пароходѣ въ севастопольскои адмиралтейскои Николаевскои соборъ св. мощи равноапостольнаго князя Владиміра. Въ 7 часовъ въ соборъ изволилъ прибыть Мартиніанъ, епископъ тавричскій и симферопольскій; здѣсь онъ облачился, слушалъ часы и во время молебнаго пѣнія св. равноапостольному князю Владиміру въ сослуженіи настоятеля адмиралтейскаго собора, претоіерея Александра Миловидова, настоятеля еваторійскаго собора, претоіерея Іакова Чепурина, настоятеля мелитопольскаго собора, претоіерея Стефана Чепиговскаго, настоятеля аleshковскои церкви, претоіерея Іоанна Щекина, настоятеля орѣховскаго собора, претоіерея Михаила Попова, настоятеля еодосійскаго собора,

протоіерея Андрея Святлова, севастопольскаго военнаго протоіерея Кудрявцева, благочиннаго ялтинскаго округа, священника Михаила Сорокина, священника с. Верхняго Рогачика Константина Пивоварова, настоятеля бахчисарайскаго монастыря, іеромонаха Германа, настоятеля иккерманскаго монастыря, іеромонаха Іоасафа, благочиннаго ваховскаго округа, священника Михаила Рыльскаго, благочиннаго мало-знаменскаго округа, священника Іоанна Легкова, благочиннаго 2-го ногайскаго округа, священника Стефана Новицкаго, съверно-севастопольской церкви священника Іоанна Явецкаго и священника с. Малой-Лепатихи Андрея Завадовскаго, предъ началомъ канона съ возгласомъ: „съ миромъ изыдемъ“ вышелъ со св. мощами св. князя Владиміра крестнымъ ходомъ изъ адмиралтейскаго собора въ херсонисскій монастырь. Въ крестномъ ходѣ приняли участіе мѣстныя войска, поставленныя шпалерами по всему пути крестнаго хода отъ адмиралтейскаго собора по екатерининской улицѣ, нахимовскому проспекту и большой морской улицѣ, воспитанники мѣстныхъ учебныхъ заведеній, пеховыя корпораціи съ своими значками и проч. Во время шествія военные оркестры играли гимнъ: „Коль славень“, а духовенство пѣло, попеременно съ оркестромъ, канонъ св. равноапостольному князю Владиміру.

Въ то же время въ севастопольской петропавловской церкви облачился и слушалъ часы преосвященный Петръ, епископъ сумской, который въ сопровожденіи настоятеля севастопольской петропавловской церкви, протоіерея Владиміра Важенова, протоіерея Матѳея Сидоренко, священника севастопольской петропавловской церкви Петра Тихомирова и священника с. Каменки Пуда Алейникова, крестнымъ ходомъ вышелъ навстрѣчу главному крестному ходу, когда онъ приближался къ петропавловской церкви; здѣсь произнесена была сугубая эктенія съ присоединеніемъ моленія объ избавленіи отъ глада, губительства и проч., затѣмъ слѣдовало осѣненіе народа св. мощами на четыре страны съ четырехкратнымъ произнесеніемъ отъ протодіакона: „св. благовѣрному князю Владиміру помолимся“, при пѣніи: „св. благовѣрный княже Владиміре моли Бога о насъ“. Затѣмъ преосвященный Петръ сталъ во главѣ крестнаго хода вмѣсто преосвященнаго Мартиніана и крестный ходъ направился далѣе по пути къ херсонисскому монастырю по большой морской и херсонисской улицамъ. Въ концѣ херсонисской улицы крестный ходъ остановился противъ больничной часовни, причемъ произнесена была малая эктенія, обычное предъ Евангеліемъ, Евангеліе Іоанна зач. 35; слава: молитвами св. благовѣрнаго князя Владиміра, и нынѣ: молитвами Богородицы, помилуй мя Боже, стихира, эктенія: спаси Боже люди Твоя, и осѣненіе

народа св. вѣстомъ на четыре страны съ четырехкратнымъ произнесениемъ отъ протодіакона: „Господу помолимся, рцемъ вси“, и пѣніемъ: „Господи помилуй“. Затѣмъ крестный ходъ продолжалъ свое шествіе отъ Севастополя къ херсонисскому монастырю.

Въ то время въ кладбищенской всѣхъ святыхъ церкви, находящейся въ срединѣ разстоянія между Севастополемъ и монастыремъ, облачился и слушалъ часы преосвященный Геннадій, епископъ сухумскій, который въ сопровожденіи настоятеля керченской церкви, протоіерея Іоанна Паксимаде, благочиннаго керченскаго округа, протоіерея Іоанна Сербинова, протоіерея с. Черниговки, Григорія Чулашовскаго, и благочиннаго 1-го алашшовскаго округа, протоіерея Леонтія Ромоданова, крестнымъ ходомъ вышелъ навстрѣчу главному вѣстному ходу, когда онъ приближался къ кладбищенской церкви; здѣсь была произнесена заупокойная литія, во блаженномъ упоеніи и вѣчная память и освѣщеніе народа св. мощами на четыре страны, какъ у петропавловской церкви. Затѣмъ преосвященный Геннадій сталъ во главѣ крестнаго хода вмѣсто преосвященнаго Петра, и крестный ходъ направился дагѣ по пути къ херсонисскому монастырю.

Въ то время, какъ совершался крестный ходъ указаннымъ выше порядкомъ изъ севастопольскаго адмиралтейскаго собора въ херсонисскій монастырь, въ самомъ монастырѣ преосвященнымъ Августинѣмъ, епископомъ аисайскимъ, въ сослуженіи тѣхъ же священнослужителей, съ которыми наканунѣ онъ совершалъ всенощное бдѣніе, на площади предъ новымъ храмомъ совершено было молебное пѣніе св. равноапостольному князю Владимиру съ водоосвященіемъ и крестный ходъ вокругъ новаго храма и всего херсонисскаго монастыря. Когда крестный ходъ, шедшій изъ Севастополя, приближался къ херсонисскому монастырю, то высокопреосвященный Никаноръ, преосвященные: Мартиніанъ, Августинъ и Петръ съ духовенствомъ, назначеннымъ для служенія литургіи во всѣхъ храмахъ, крестнымъ ходомъ вышли ему навстрѣчу ко вратамъ херсонисскаго монастыря. Здѣсь произнесена была литійная эктенія съ освѣщеніемъ народа св. мощами на четыре страны, какъ у петропавловской церкви, и крестный ходъ направился въ новый храмъ, причѣмъ преосвященные Августинъ и Петръ съ своими сослужащими отдѣлялись отъ крестнаго хода и поспѣвали въ тѣ церкви, въ которыхъ имъ назначено было совершать литургію.

Литургія совершена была преосвященными въ тѣхъ же храмахъ и съ тѣми же сослужащими, какъ и наканунѣ всенощное бдѣніе. На литургіи въ новомъ Рождество-Вогородичнемъ храмѣ произнесено было высокопреосвященнымъ архіепископомъ Никаноромъ слѣдующее поученіе:

Поученіе высокопреосвященнаго Никанора.

«Не самъ ли Господь, отецъ твой, стаяа тя, и сотвори тя, и созда тя. Помяните дни вѣчные, разумѣйте лѣта рода родовъ. Вопросы отца твоего, и возвѣстятъ тебѣ, старцы твои, и рекуть тебѣ. Егда раздѣляше Вышній языки, яко расѣя сыны Адамовы, постави предѣлы языковъ по числу ангелъ Божіихъ. И бысть часть Господня люди Его Іаковъ, уже наслѣдія Его Израиль». (Втор. 32, 6—9).

Это говоритъ пророкъ Божій Моисей. Говоритъ въ прощальной рѣчи своей народу израильскому. Прислушайтесь. Рѣчь эта обращена и къ народу російскому. Смысль ея глубокъ и многознаменателенъ. Касаясь судьбы израильскаго народа, эта рѣчь предначертываетъ ее въ поразительныхъ подробностяхъ. Въ судьбѣ израильскаго народа она и сбылась съ поразительною точностію. А это удостовѣряетъ насъ и въ томъ, что съ такою же непреложною вѣрностію она осуществится и въ судьбѣ російскаго народа, конечно, осуществится только та часть ея, которая явно касается насъ. Касается же она насъ русскихъ именно въ тѣхъ изреченіяхъ, которыя мною только что приведены.

Помяните дни древніе, размыслите о лѣтахъ предковъ, говоритъ Моисей Боговидецъ, обращаясь къ Израилью. Вопросы отца твоего, и возвѣстятъ тебѣ. Вопросы старцевъ твоихъ, и скажутъ тебѣ. Скажутъ во первыхъ вотъ что: не самъ ли Господь Богъ—отецъ твой? Не онъ ли усвоилъ тебя себѣ, и сотворилъ тебя, и устроилъ тебя? Должно быть, переходила въ сознаніи патриархальныхъ родовъ изъ рода въ родъ слѣдующая великая тайна: когда раздѣлялъ Всевышній народы, именно когда послѣ вавилонскаго смѣшенія Всевышній разсѣвалъ сыновъ Адамовыхъ по лицу всея земли, то поставилъ предѣлы народовъ по числу ангеловъ Божіихъ, народныхъ ангеловъ хранителей. Тогда на свою собственную часть Іегова Господь взялъ людей своихъ, сыновъ Іакова; въ свое собственное наслѣдіе, ужемъ или вервіемъ, отбивающимъ предѣлы народовъ, Господь отдѣлялъ сыновъ Израіля. Внимните. Боговидецъ Моисей разъясняетъ намъ одинъ изъ коренныхъ догматовъ относительно промыслительнаго міроуправленія; разъясняетъ, что когда Богъ разсѣвалъ народы по лицу всея земли, то самъ же, своимъ промыслительнымъ ужемъ или вервіемъ, отбилъ и означилъ, какъ въ пространствѣ, такъ и во времени, предѣлы каждаго народа, раздѣливъ народы по числу ангеловъ Божіихъ и надъ каждымъ народомъ поставивъ особаго ангела хранителя; а на свою собственную часть, въ свое особое наслѣдіе Господь взялъ сыновъ Израіля. Отдѣливъ же Израіля въ свое избранное на-

слѣдѣ, Богъ самъ защищалъ его, наставлялъ, хранилъ его, какъ зѣлицу оца; покрывалъ его, какъ орелъ покрываетъ гнѣздо свое, берегъ любовно, какъ орелъ бережетъ птенцовъ своихъ; самъ, распростерши свои крылья, поднималъ ихъ и носилъ на своихъ раменахъ. Иегова единъ водилъ ихъ, и не было съ ними Бога чуждаго. Самъ Богъ Иегова былъ ангеломъ хранителемъ Израиля. Почему Богъ, водившій Израиля, и называется въ ветхомъ завѣтѣ нередко ангеломъ, ангеломъ завѣта. Это былъ именно Богъ Сынъ, второе лицо Святыя Троицы. Онъ уже тогда, въ ветхомъ завѣтѣ, былъ промыслителемъ спасенія, ангеломъ хранителемъ, отцемъ избраннаго народа, возлюбленнаго своего Израиля. Почему Израиль и называется сыномъ Божиимъ, какъ особое избранное, любимое, первое между народами чадо Божіе. „Сынъ мой первенецъ Израиля, и Азъ возлюбихъ его“, глаголетъ Господь.

Къ намъ православнымъ русскимъ это относится потому, что въ этомъ высокомъ правѣ быть любимымъ избранымъ между народами Сыномъ Божиимъ, быть особымъ ужемъ наслѣдія Божія, имѣть самого Бога своимъ ангеломъ хранителемъ ветхому Израиллю наслѣдовалъ въ новомъ завѣтѣ именно русскій православно-христіанскій народъ. Русскій народъ въ новомъ завѣтѣ есть новый Израиль. Это мы и желаемъ разъяснить.

За насъ разъясняютъ это св. апостолъ Павелъ, на основаніи св. пророка Исаія. Оба они, св. Павелъ и св. Исаія, представляютъ богоизбранный родъ Авраама, Исаака и Иакова подъ видомъ великаго дерева. Святой начатокъ этого дерева — это сами патріархи, Авраамъ, Исаакъ и Иаковъ. Они корень, они стволъ великаго древа. Отъ Иакова 12 вѣтвей, 12 колѣнъ Израиля. Отъ колѣна Иудина — боготецъ Давидъ, съ цѣлымъ поколѣніемъ царей еврейскихъ. Этотъ господствующій родъ и сталъ главнымъ стволомъ Израильскаго родового дерева. Родъ Давида царя, во времени пришествія на землю Господа Иисуса Христа, не пресѣкся, но унажился, потерявъ царское достоинство, такъ что прямой отростокъ царственнаго Давидова рода, нареченный отецъ Господа Иисуса, Иосифъ обручникъ Пречистыя Дѣвы Бородицы былъ уже простой древодѣль, простой плотникъ. Это значило, что царственное древо Давидова рода усѣчено и представляло только усѣченный пенъ. Но отъ этого пня произрасла прекрасная вѣтвь, преблагословенная Дѣва Марія. А на Ней и изъ Нея возникъ прекрасный цвѣтъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, новое сѣмя новаго Израиля, новый живой стволъ богонасажденнаго великаго древа. Къ этому-то новому стволу прививаются вѣтви двухъ родовъ, отъ рода Израилева вѣтви естественныя, родныя сему древу, а другія вѣтви отъ язычества, не родныя древу, вѣтви дикія. Прочія же вѣтви отъ рода Из-

раилева, плотскія чада Израиля плотскаго, тѣ не привились къ древу Израиля новаго, тѣ засохли и отломались. А новопрививающіеся вѣтви, отъ плотскаго ли Израиля, отъ языческихъ ли народовъ, тѣ, прилѣпляясь къ животворному корню и стволу, тѣ напитываются соками отъ корня, проникаются его жизненною силою, и становятся едино съ богонасажденнымъ древомъ новаго Израиля. Сей-то новый Израиль и есть наследникъ всѣхъ правъ и обѣтованій, данныхъ нѣкогда Израилю ветхому; наследникъ правъ и обѣтованій даже большихъ, потому что Аврааму и роду его дано и повторялось обѣтованіе: „о сѣмени твоемъ благословятся всѣ народы“. Въ ветхомъ завѣтѣ это было только обѣтованіемъ. А въ новомъ завѣтѣ обѣтованіе осуществилось, обѣтованное Сѣмя Авраамово народилось и принесло благословіе небесъ на землю на чада новаго Израиля.

Кто же нынѣ сей новый Израиль? Между многими иновѣрными народами это православно-христіанскій русскій народъ. Мы новый Израиль. Мы народъ избранный. Мы сѣмя Божіе на землѣ. Мы возлюбленные чада Божіи. И высокимъ даромъ усмысленія Богу мы обязаны просвѣтителю русскія земли, святому благовѣрному равноапостольному князю Владиміру.

Съ этой точки зрѣнія получаетъ особый смыслъ учиненное святымъ Владиміромъ избраніе вѣрѣ. Избранниками Божіими движетъ промыслительный перстъ Божій. Какъ люди, какъ существа ограниченные, самые великіе мудрецы міра сего всегда смотрятъ близоручо, въ самыхъ лучшихъ своихъ намѣреніяхъ и предпріятіяхъ движутся ближайшими своими видами, разумѣя смыслъ только ближайшихъ окружающихъ обстоятельствъ, но никогда ясно и полно не сознавая плановъ божественнаго домостроительства, которое направляетъ ихъ помыслы, намѣренія и дѣйствія къ своимъ глубокимъ и далекимъ премудрымъ цѣлямъ. Да и глядя сзади впередъ уже на осуществившіеся планы Божественнаго Промысла, люди не постигаютъ ихъ во всей широтѣ и глубинѣ, хотя потомкамъ и виднѣе, чѣмъ современникамъ, причинная и цѣлесообразная связь историческихъ событій. Не сознавая ясно, великіе избранники Промысла Божія опредѣляютъ положеніе вещей внутреннимъ чутьемъ, чутьемъ же намѣчаютъ и послѣдующее развитіе событій, иногда весьма великихъ. Въ этомъ смыслѣ св. Владиміръ есть одинъ изъ величайшихъ избранниковъ Промысла, намѣтившій на вѣка и тысячелѣтія развитіе судебъ русскаго народа, а съ нимъ развитіе судебъ и многихъ другихъ народовъ міра какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи.

Движимый перстомъ Божіимъ, Владиміръ чувствовалъ, что язычество, омрачавшее людей въ продолженіе многихъ вѣковъ и тысячелѣтій, язычество, произведеніе, забава и руководительное

начало младенческаго человечества, что язычество теперь уже отжило; что человечество уже вышло из дѣтства, возмужало уже по крайней мѣрѣ на столько, что уже постигало, что никакой Перунъ даже въ облакахъ не богъ; еще страннѣе Перуна облачнаго одицетворять въ древесномъ истуканѣ, стоявшемъ на берегу Днѣпра; этотъ истуканъ даже не Перунъ, тѣмъ болѣе не богъ, а простое дерево, которое сегодня стоитъ, завтра сгнило, которое сгорять въ огнѣ, не выплыветъ само собой изъ Днѣпра, не станетъ на свое прежнее мѣсто въ капищѣ на берегу Днѣпра. И мудрый Владиміръ осудилъ язычество въ своемъ духѣ на смерть. Идутъ ко Владиміру послы изъ разныхъ странъ, отъ разныхъ народовъ, предлагая каждый свою вѣру. Идутъ послы отъ евреевъ. „А гдѣ ваша земля?“ — „Въ Иерусалимѣ“, — отвѣчаютъ они, „но Богъ разсыялъ насъ по разнымъ странамъ за грѣхи нашихъ отцевъ“. — „Какъ же вы, отверженные Богомъ, хотите учить другихъ своей вѣрѣ? Не хотите ли, чтобы и насъ постигла та же участь?“ — Почуялось ему, что эта вѣра когда-то жила, а теперь уже отжила, и для новонараждающихся народовъ, какъ отжившая, не годится. Идутъ послы магометанскіе. Лѣтопись передаетъ повидимому только поверхность переговоровъ съ магометанами, поверхность впечатлѣній отъ этой вѣры и ея богослуженія. Запрещая винопитіе, эта вѣра разрѣшаетъ всякую другую разнузданность страстей; богослуженіе печальное, угрюмое, ничего не говорящее внутреннему чувству, не возышающее сердце, не влекущее его къ небу... Не надо такой вѣры. И этимъ глубоко-мудрымъ рѣшеніемъ мудраго Владиміра намѣченъ цѣлый ходъ нашей исторіи, вѣковой тысячелѣтній ходъ развитія тяжкой смертельной борьбы крещеной православной Руси съ магометанскою луною.. Идутъ ко Владиміру послы вѣры римской. Не зналъ, не видѣлъ Владиміръ того, что латино-римская вѣра въ его время уже совсѣмъ отделилась отъ единства церкви вселенской, отъ чистоты православія свято-отеческаго, отъ неповрежденной вѣры апостольской и Христовой. Конечно, слабо постигалъ онъ и то, хотя и могъ знать по сообщеніямъ отъ недаленныхъ зарубежныхъ славянъ, что тріязычная ересь убиваетъ развитіе народнаго языка и сознанія, подчиняя его латинской мертвятинѣ и давящему римско-папскому всевластію. Духомъ постигъ онъ несродность папизма съ славяно-русскимъ духомъ. „Нѣтъ, наши отцы не приняли вѣры латинской, не принимаемъ и мы“, просто отвѣтъ мудраго Владиміра. А между тѣмъ въ этомъ простомъ отвѣтѣ предвѣщена судьба русскаго народа и царства также на вѣка, на цѣлое тысячелѣтіе. Предуказана вѣковѣчная борьба русскаго православія съ польско-литовскимъ католичествомъ, съ западно-европейскимъ разновѣріемъ и невѣріемъ. Движимый перстомъ Божиимъ, духомъ почу-

ялъ Владиміръ, что Промыслу нужно возжечь новый свѣточъ истинной вѣры Христовой въ новомъ мощномъ народѣ; что этотъ свѣтъ привлекательными блескомъ горитъ въ Цареградѣ, только уже доторая; что дни самостоятельнаго житія Византіи уже сочтены; что сила ея, то вспыхивая, то потухая, изнемогаетъ подъ ударами разнородныхъ варваровъ; что на Византію надвигается новая грозная давящая туча магометанства; что истинная церковь Христова не должна погибнуть въ мірѣ; что врата ада не одолѣютъ ея; что въ православной вѣрѣ дышетъ Духъ Божій, влекущій душу къ небу; что въ православныхъ храмахъ человекъ способенъ забыть, на землѣ ли онъ или на небѣ; что въ православной церкви живетъ Богъ съ людьми; что отцы наши всегда тяготѣли къ греческой вѣрѣ, къ греческой землѣ, къ греческому народу; что греческую вѣру облюбила и мудрая баба Владиміра Ольга. Такъ подосаженный Промысломъ выборъ Владиміра и былъ рѣшенъ, принять вѣру отъ грековъ, неповрежденную вѣру Христову.

Такъ чрезъ вѣру во Христа, избранную святымъ Владиміромъ, мы русскіе и стали новымъ Израилемъ. Старый Израиль—это начатокъ святой, это святой корень. А мы примѣшеніе къ начатку святому; мы привившіяся вѣтви. Мы дикія вѣтви отъ язычества, прищипившіяся къ корню и сдѣлавшіяся участниками его жизненныхъ соковъ, на мѣсто естественныхъ вѣтвей этого дерева, отломившихся отъ него. Тѣ, по слову святаго апостола Павла, отломилась невѣрїемъ, а мы привились къ дереву вѣрою.

И если вся система нашей вѣры имѣетъ неизблемыя основанія, то несомнѣнно, что мы усвоены Богомъ, какъ возлюбленные Его чада; что мы Его собственная часть, уже Его наслѣдія вмѣсто Израїля ветхаго, плотскаго, который отвергся отъ своего Бога; что самъ Богъ поставилъ и наставляетъ насъ своею вѣрою; самъ хранитъ насъ, яко зѣницу ока; самъ покрываетъ насъ, яко орелъ гнѣздо свое, самъ носитъ насъ и жребїи нашъ на раменахъ своихъ; что народъ русскій—сынъ первенецъ Божій между другими народами, и Богъ нашъ любить насъ. Это однако же предметъ только вѣры, предметъ внутренняго нашего чувства, внутренняго самосознанія. Но вотъ что доступно и простому усмотрѣнію, что вѣра наша выдвигаетъ насъ въ положеніе одного изъ первыхъ народовъ міра, въ положеніе даже въ нѣкоторомъ смыслѣ перваго народа въ мірѣ, несомнѣнно народа избраннаго по несокрушимой мощи; что именно внутренняя сила вѣры возводила насъ со степени на степень народной мощи, отъ силы въ силу; что выборъ православной греческой вѣры святымъ равноапостольнымъ Владиміромъ намѣтилъ направленіе всей нашей народной жизни; что вѣра была тѣмъ оружіемъ, которымъ русскій народъ побѣждаетъ всѣ народы

и народности около себя; вѣра тотъ живительный сокъ, посредствомъ котораго мы прививаемъ всѣ другія народности къ себѣ, претворяя ихъ въ себя, въ единый народъ русскій, народъ Божій.

Посмотрите. Отвергъ мудрый Владиміръ отживающее язычество какъ начало мертвящее, разрознивающее, а не сплотивающее народъ. Живительная-же вѣра Христова какъ прежде сплотивила всѣ племена Славянства въ единый Русскій народъ, такъ и до сихъ поръ таже вѣра претворяетъ всѣхъ окружающихъ насъ инородцевъ въ единство народа Русскаго. Такъ претворила и претворяетъ племена Финскія въ Россіи Европейской, разныя племена въ Сибири, на Кавказѣ, въ Средней Азіи. Отвергъ Владиміръ вѣру Магометову, какъ нееродную Русскому духу. И посмотрите, подивитесь,—этимъ намѣчена цѣлая многовѣковая исторія Русской борьбы съ исламомъ, борьбы и побѣды надъ нимъ въ лицѣ татаръ и монголовъ, сперва на Русской землѣ, а потомъ и въ самомъ корнѣ его въ глубинахъ Средней Азіи, въ Самаркандѣ, Хивѣ, Ташкентѣ. Отвергъ св. Владиміръ вѣру западно-Европейскую въ лицѣ Римскаго католичества, и тѣмъ намѣтилъ многовѣковую борьбу нашу съ латинствомъ въ лицѣ Литвы и Польши, противъ которыхъ Русскій народъ много вѣковъ ратовалъ въ силу своей вѣры, въ силу же своей вѣры и побѣждалъ вѣру латинскую, какъ и все западно-Европейское разновѣріе, происшедшее изъ нѣдръ латинства, какъ и зачатки антихристіанства, выродившіяся оттуда же, изъ латинскаго стѣсненія, изъ протестантской разнузданности, изъ рационалистической необузданности. Во имя креста же Христова крестною силою повалили мы и нечестиваго губителя земли Наполеона. Во имя креста же крестною силою отразили мы и здѣсь въ Севастополѣ антихристіанское нечестіе Европы, подавшее руку исконнѣйшему врагу креста Христова исламу. Во имя креста же Христова силою вѣры мы и въ самые послѣдніе дни снова повалили идолъ измаилитизма, хищнически утвердившійся въ священномъ и дорогомъ для насъ по священно-историческимъ воспоминаніямъ Царьградѣ. Принявъ вѣру Греческую православную, Владиміръ направилъ историческія стремленія Русскаго духа къ православнымъ восточнымъ братіямъ нашимъ, а ихъ привязанность, ихъ надежды и чаянія направилъ къ намъ. И напрасны наши отрицанія отъ историческаго нашего призванія, что мы Царяграда не хотимъ, что онъ намъ не нуженъ. Нѣтъ, историческій, намѣченный св. Владиміромъ жребій нашъ влечеть и повлечетъ насъ туда противъ нашей воли. И напрасны усилія всего свѣта остановить насъ на этомъ историческомъ нашемъ пути. Остановить они не остановятъ, а только задержать до уроченнаго предѣла.

Представимъ вотъ для примѣра, что никакія человѣческія усилія не остановили даже безсильнаго Израиля въ историческомъ его шествіи къ намѣченной Промыслѣмъ цѣли. Судьба толкнула его въ Египетъ, оттуда въ продолженіи вѣковъ перетолкнула на сѣверъ Африки до Гибралтара, оттуда перекинула черезъ Гибралтаръ въ Европу, въ Испанію. Оттуда невыносимое гоненіе перетолкнуло Евреевъ въ Галлію, изъ Галліи въ Германію, изъ Германіи въ Польшу, оттуда изъ соединенной съ нами нынѣ Польши Еврейство разселяется по Русской землѣ. О глубокомъ вредѣ Еврейскаго разселенія по Русской землѣ пусть скажутъ другіе: мы скажемъ о пользѣ. Мы укажемъ промыслительное предначертаніе жребія, ожидающаго еврейство. Апостолъ Павелъ изъясняетъ, что ослѣпленіе части Израиля произошло и держится до времени, пока полнота язычниковъ войдетъ въ церковь Божію; что они противники и враги Богу только на предопредѣленное время, но современемъ они обратятся; что какъ отпаденіе ихъ отъ Бога было нужно для примиренія язычниковъ съ Богомъ, такъ тѣмъ обращеніе ихъ къ Богу будетъ великимъ благомъ для міра, будетъ воскресеніемъ изъ мертвыхъ. (Рим. гл. 11). Конечно недаромъ Промыслъ Божій судитъ большинству плотскаго Израиля жить среди Израиля новаго, среди христіюбиваго Русскаго народа. Предвидится, предсказано обращеніе всего Израиля къ истинной вѣрѣ, и это обращеніе его будетъ воскресеніемъ духа вѣры, быть можетъ, и во всемъ христіанскомъ мірѣ, но во первыхъ во всемъ боголюбивомъ Русскомъ народѣ.

Такъ если человѣческія препятствія не остановили историческое шествіе десятиmillionнаго племени Евреевъ, то какъ они остановятъ историческое шествіе стомилліоннаго народа Русскаго, полнаго вѣры въ свое призваніе? Вотъ во дни Севастопольскіе вся антихристіанская сила европейскаго невѣрія возстала противъ нашего христіюбія и метнула въ насъ всѣми новѣйшими ужасающими способами разрушенія. Какъ Владиміръ древле крестился въ Херсонисской купели крещенія, такъ и въ наши дни христіюбивая Русь пріяла здѣсь же на Севастопольскихъ высотахъ второе крещеніе. крещеніе огнемъ и кровью. И что же? Чего Европа достигла здѣсь, что оставила, какой памятникъ себѣ поставила! Пользы для себя не получила никакой. Завоевала только безславіе. Оставила Севастопольскія развалины, изъ которыхъ возраждается фениксъ Севастополя новаго. Памятникомъ же себѣ оставила на Севастопольскихъ высотахъ только свое кладбище, подъ благостнымъ покровомъ Русскаго христіюбія и Русской несокрушимой мощи; кладбище на которомъ конечно самымъ костямъ европейскихъ вопновъ стыдно тѣтъ отъ гнетущаго ихъ безславія жалвой безвременной ихъ

женщины. За кого, за что они погибли? За Наполеона III, безсильно жившаго, сгинувшаго еще безславнѣе? Или за Англиціе торговыя интересы? За подлую дѣль коварнаго Альбіона убить насъ посредствомъ Французовъ, какъ нѣкогда тотъ же Альбіонъ убивалъ Французовъ руками русскихъ?! Боже! Міромъ править идея... Какая же гнусная идея направляла въ Севастополь умнѣйшія націи Европы! И столько жизней сгубло за гнусную идею борьбы не за существованіе, которому мы не угрожали, а за преобладаніе здѣсь, у насъ. Мы же, воспріявъ здѣсь новое кровавое крещеніе, мы не умерли, а возродились. И наша кровь, пролитая здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, за крестъ Христовъ, была и будетъ сѣменемъ святымъ, которое разроснется широко и принесетъ плодъ сторицный, на вѣка и тысячелѣтія. Такъ пролитая дикими Азіатами кровь наша на Куликовскомъ полѣ пустила отпрыски, которые разрослись до Хивы, Ташкента, Бухары и Самарканда, до Китая и Сахалина. Пролитая поляками наша кровь на поляхъ Малороссіи, Бѣло-Руссіи и подъ Москвою пустила отпрыски, которые запленили самую Варшаву. Пролитая кровь наша на высотахъ Севастопольскихъ пустила живые свои отпрыски до Батума и Карса и Эрзерума, до Балканъ и самаго Царяграда. Не сорвалъ еще плодъ отъ крови нашей у вратъ Эрзерума или Царяграда. Созрѣетъ...

Въ храмъ седми священномучениковъ Херсонскихъ произнесъ поученіе настоятель Севастопольской Петропавловской церкви, протоіерей Владиміръ Баженовъ.

Поученіе протоіеря В. Баженова.

«Уподобился еси кунцу, ищущему добраго бисера, славнодержавный Владиміре,... и обрѣлъ еси безцѣнный бисеръ Христа (тропарь святому).

Сегодня православная Россія совершаетъ особое, такъ называемое юбилейное торжество во славу Пресвятыя Троицы и въ честь Равноапостольнаго Князя Владиміра, крестителя Руси. Назадъ тому 900 лѣтъ на этомъ святомъ мѣстѣ мудрый князь Владиміръ принялъ святое крещеніе, здѣсь впервые увидѣлъ онъ свѣтъ Христовъ, который потомъ онъ распространялъ и во всемъ своемъ Русскомъ царствѣ.

Кто былъ князь Владиміръ до крещенія? Онъ былъ язычникъ по воспитанію и по жизни, какъ и всѣ племена, населявшія въ то время землю Русскую. И Владиміръ не чуждъ былъ самыхъ грубыхъ пороковъ и наклонностей, которыя допускались и считались законными въ языческой религіи. Но крѣпкій умъ и добрая душа святаго князя не были расположены къ языческой

вѣрѣ. Онъ сознавалъ ложь и неправоту язычества. Душа его не удовлетворялась чувственно-грубымъ ученіемъ язычества, она искала чего-то высшаго, неземнаго, сверхъестественнаго, что ближе подходило бы къ идеѣ о величіи и святости Божества. И вотъ князь Владиміръ начинаетъ развѣдывать, спрашивать, какія существуютъ религіи на свѣтѣ и какая изъ нихъ правильная, истинная. Какъ купецъ желающій имѣть добрый бисеръ, или драгоценный камень, услышавши о его мѣстополющеніи, не жагветъ никакихъ средствъ, проѣзжаетъ для того иногда сотни, тысячи верстъ, чтобы непременно приобрести его: такъ и св. князь употребляетъ различныя мѣры къ тому, чтобы убѣдиться, гдѣ истинная, правая вѣра:—то онъ выслушиваетъ проповѣдниковъ, повѣствующихъ ему каждый о своей вѣрѣ, то онъ совѣтуется съ боярами о вѣрѣ, то посылаетъ ихъ въ разныя страны узнать на мѣстѣ, какая вѣра правильнѣе. И, наконецъ, св. Владиміръ находитъ безцѣнный бисеръ—Христа; при помощи озаряющей благодати Божіей онъ убѣждается, что истинная, спасительная вѣра—есть вѣра христіанская, православная—каеволическая, та самая которую принесъ людямъ самъ Господь Единородный Сынъ Божій и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ и которую Св. Апостолы и преемники ихъ сохранили во всей чистотѣ и святости, и въ 988 году здѣсь въ бывшемъ г. Херсонѣ въ храмѣ Пресвятыя Богородицы онъ принимаетъ Св. крещеніе. Возвратившись въ свою столицу—Кіевъ, св. Владиміръ крестилъ Кіевлянъ и послалъ христіанскихъ проповѣдниковъ въ другіе города Руси. Съ того времени вѣра православная безпрепятственно распространялась по Русскому царству и прежняя языческая Русь стала страной христіанскою, православною. „Уподобился еси купцу, ищущему добраго бисера, славнодержавный Владиміре, и обрѣлъ еси безцѣнный бисеръ—Христа, поетъ сегодня святому князю православная церковь.

Братіе христіане! Отъ воспоминаній о св. Владимірѣ перенесемъ мыслію къ настоящему времени, къ самимъ себѣ. Св. князь Владиміръ усиленно искалъ истинной вѣры и, нашедши ее, берегъ ее какъ дорогое сокровище стараясь, развить такое же уваженіе къ ней и въ другихъ. Много ли между нами подражателей ему? Мы со дня рожденія получили дорогое наследіе отъ св. князя—святую православную вѣру. Но такъ ли мы дорожимъ ею, какъ дорожилъ св. равноапост. князь Владиміръ? Много ли между нами такихъ, которые бы, подобно св. Владиміру, стремились, желали усовершенствовать себя въ знаніи религіозныхъ догматовъ и нравственныхъ правилъ,—которые бы вышею цѣлю своей жизни ставили исполненіе заповѣдей православной религіи,—которые бы имѣли возможно полное понятіе о самомъ главномъ предметѣ нашихъ знаній—о христіанскомъ

вѣроученіи? Обо всемъ мы много заботимся, заботимся объ усовершенствованіи разныхъ научныхъ свѣдѣній, объ усовершенствованіи искусства, ремесль еще, болѣе заботимся объ увеличеніи матеріальнаго благосостоянія, словомъ—о многомъ заботимся, но мало или совсѣмъ не заботимся о самомъ дорогомъ сопривищѣ въ этой жизни—о святой православной вѣрѣ. А между тѣмъ какой предметъ можетъ быть важнѣе предмета религіи Христовой, что можетъ быть драгоцѣннѣе для насъ православныхъ божественнаго ученія о вѣчномъ спасеніи человѣка? Справедливо Святая церковь сравниваетъ православную вѣру съ драгоцѣннымъ бисеромъ или драгоцѣнными камнями, изъ которыхъ иногда одинъ маленькій камень цѣнится въ нѣсколько тысячъ рублей.

Въ христіанской православной вѣрѣ заключается великое и цѣнное для насъ благо, залогъ благоденствія и счастья не только отдѣльнаго лица, отдѣльной семьи, но—счастья и благоденствія цѣлаго царства. Подтверженіемъ этой мысли служить вся прошлая 900-лѣтняя исторія православной религіи въ Русскомъ царствѣ.

Что такое было Русское царство до принятія св. княземъ Владиміромъ православной вѣры? Небольшое княжество, которое едва составляло третью или четвертую часть нынѣшняго могущественнаго Россійскаго государства, и которое было населено разными враждебными другъ другу славянскими племенами, мало чѣмъ отличавшимися по своей жизни отъ дикихъ народовъ. Не то стало съ Русскимъ княжествомъ по принятіи и распространеніи въ немъ христіанской православной вѣры. Христіанство скоро облагородило и смягчило нравы Руссовъ. Взаимъ превратныхъ понятій о Богѣ и грубыхъ взаимныхъ отношеній, православная религія сообщила истинныя понятія о Богѣ и Его совершенствахъ, установила и освятила семейное начало—основу твердости общественнаго строя, уяснила правильныя понятія о правѣ собственности и, основываясь на евангельскомъ ученіи Спасителя о любви ко всемъ, внушала братскія отношенія другъ къ другу. Все это необходимо содѣйствовало возвышенію благосостоянія и могущества Руси. Русское княжество, отличавшееся прежде только храбростію и мужествомъ, скоро стало крѣпнуть и религіозно-нравственными силами.

Но вотъ древнюю Русь постигло несчастье: она подпала тяжелою игу татаръ-монголовъ, которые употребляли все, чтобы уничтожить, обезсилить и, такъ сказать, стереть съ лица земли самое имя Руссовъ, навсегда покоривши ихъ своей власти. Что спасло Россію отъ неизбежной гибели и избавило отъ тяжелаго монгольскаго ига? Православная вѣра. Какъ ни велики были притѣсненія татаръ, какъ ни тяжело было монголь-

еное иго, христіанская религія внушила Русскому народу непобѣдимую преданность волю Божіей, всегда благой и совершенной, внушила увѣренность, что „многими скорбми подобаетъ внити въ Царствіе Божіе“ (Дѣян. XIV, 22). Вместе съ тѣмъ, ученіемъ православной вѣры Русскій народъ увѣривался въ надежду на милосердіе Божіе и помилованіе отъ рабства татарскаго, какъ древле Израиль былъ избавленъ рукою Божіею чрезъ Моисея отъ рабства Египетскаго. Только православная вѣра могла воспитать такихъ мудрыхъ правителей князей и благодѣтелей Русскаго народа, какъ святыи благовѣрный князь Александръ Невскій, Св. Андрей Боголюбскій, князь Димитрій Донской, Іоаннъ III и проч., которые при помощи Божіей освободили Русскій народъ отъ тяжелаго татарскаго ига.

Православная же вѣра Христова избавила Русское царство отъ паденія и униженія и въ послѣдующее время—во дни междуцарствія въ тяжелую годину 1812 года и въ недавнюю Севастопольскую войну 1853—1856 годовъ. Православное ученіе Христова научило Русскій народъ во всѣхъ своихъ скорбяхъ и несчастіяхъ искать помощи у Всевышняго Создателя и просить заступничества и ходатайства предъ Нимъ Его Пречистой Матери и Угодниковъ Божіихъ. Самъ Спаситель сказалъ: „Просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, толцѣте и отверзется вамъ: всякъ бо просяи приимлетъ (Мѡ. VII, 7, 8). И аще, что просите отъ Отца во имя Мое, то сотворю“ (Іоан. XIV. 18). Православные люди утѣшали себя во время напасти словами Божіими, сказанными чрезъ пророка Давида: „Живыи въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится. Речеть Господи: заступникъ мой еси Ты, Богъ мой и уповаю на него. Воззоветъ ко мнѣ, и услышу его, съ нимъ есмь въ скорби, изму его и прославлю его и явлю ему спасеніе Мое“ (Псал. 90, ст. 1, 2, 15, 16). И сколько разъ Россія избавлялась отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ помощію Божіею и заступленіемъ Пречистой Ея Матери! Что воодушевляло русскаго человѣка переносить всѣ тягости войны съ ея послѣдствіями и разныя общественныя бѣдствія побѣждать терпѣніемъ? Любовь къ православной вѣрѣ и беззаветная преданность царю, внушаемая религіею. Если вспомнимъ только одну безпричуждую Севастопольскую оборону въ 1853—1856 гг., то мы внолигъ убѣдимся въ томъ. Непрїятелямъ нашимъ казалось возможнымъ взять беззащитный городъ Севастополь въ нѣсколько дней, и однако храбрость и мужество Севастопольскихъ героевъ, увѣриваемыхъ твердою надеждою на помощь Божію и преданностію св. вѣрѣ и Русскому Государю, были въ состояніи защищать 11 мѣсяцевъ г. Севастополь при разныхъ неблагопрїятныхъ обстоятель-

ствахъ и должны были уступить только несоразмѣрно большей противъ насъ силѣ непріятелей.

Православная религія Христова служить источникомъ счастья и благоденствія и каждаго человѣка въ частности. Доказанная истина, что счастья не даетъ человѣку ни богатство, ни слава, ни высокое положеніе въ обществѣ. Истинное счастье способно дать только Божественная религія Христова. Православная вѣра не оставляетъ человѣка безъ своего руководства отъ самаго его дѣтства и во всѣхъ обстоятельствахъ жизни его. Начинаетъ ли человѣкъ какое-либо дѣло, отправляется ли въ путь, совершается ли какая перемѣна въ жизни, святая вѣра Христова не оставляетъ человѣка безъ своего благословенія, укрѣпляя его въ надеждѣ на помощь Божию и сообщая всѣмъ его добрымъ дѣйствіямъ и намѣреніямъ правильное теченіе и успѣшный конецъ.

Тяготитъ ли человѣка бѣдность, болѣзнь или другая какая-либо напасть, святая вѣра и здѣсь укрѣпляетъ духъ его словами Спасителя „прійдите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы“ (Мѣ. XI, 28). И человѣкъ, укрѣпляемый благодатію Божіею, постигшее его несчастіе переноситъ съ терпѣніемъ и преданностію волю Божіей. Вѣра православная разъясняетъ человѣку, что эта жизнь со всѣми ея невзгодами временная, скоропреходящая, что настанетъ для насъ другая, новая жизнь, жизнь за гробомъ. Для людей добродѣтельныхъ, терпѣливыхъ и вѣрующихъ въ Бога Спасителя жизнь эта будетъ столь блаженная и счастливая, что и „око не видѣ, и ухо не слыша и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его“ (1 Кор. 2 гл. ст. 7). И человѣкъ, въ чуждой и иной жизни и по вѣрѣ въ правосуднаго Бога, довольствуется тѣми дарами Божіими, которые далъ ему Господь, стараясь данный ему талантъ упогрѣбить въ дѣло, дабы не лишиться награды отъ Бога. Словомъ, только православная религія Христова можетъ водворить въ душѣ человѣка миръ—спокойствіе, довольство своимъ состояніемъ и правильнѣйшій взглядъ на жизнь—условія, необходимыя для земнаго счастья и для приготовления къ кругой жизни. „Азъ есмь путь, истина и животъ“ (Іоан. XIV, 6), говоритъ Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ. „Соблюдая заповѣди моя, той есмь любяй мя, а любяй Мя, будетъ возлюбленъ Отцемъ Моимъ“ (Іоан. XIV, 21).

Итакъ, братіе, поревнуемъ усердію Святаго Равноапостольнаго князя Владиміра и его ревности о православной вѣрѣ Христовой. Не будемъ равнодушны къ своей религіи: она есть источникъ и земнаго нашего счастья и залогъ вѣчнаго блаженства по смерти. Будемъ усердно стремиться, подобно св. Владиміру, къ усвоенію религіозныхъ истинъ нашей св. православной вѣры

и своею жизнію засвидѣтельствуемъ, что мы называемся христіанами не по имени только, а и на дѣлѣ, дабы единымъ сердцемъ и едиными усты прославить Господа, показавшаго намъ свѣтъ Христовой вѣры...“

Въ домовой Покровской церкви настоятелемъ Евпаторійскаго собора, протоіереемъ Іаковомъ Чепуринымъ, произнесена была слѣдующая рѣчь:

Рѣчь протоіереея Іакова Чепурина.

Нынѣ мы празднуемъ два величайшія событія въ исторической жизни русскаго народа: крещеніе св. кн. Владиміра въ Херсонисѣ и крещеніе Руси въ столичномъ градѣ Кіевѣ!

Съ сими двумя многознаменательными событіями тѣсно и неразрывно связаны судьба древняго, нѣкогда славнаго Херсониса и отрадное воспоминаніе о томъ, чѣмъ онъ былъ для насъ въ эпоху первоначальнаго развитія и образованія Русскаго государства, какое онъ имѣлъ вліяніе на развитіе просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ вообще — христіанства же въ особенности?

Свѣтъ — съ Востока! Херсонисъ, стоя на перепутьи, былъ для насъ окномъ, посредствомъ коего проникали къ намъ лучи свѣта, разгонявшіе тьму Кимерійскихъ мраковъ, густой пеленой облежавшихъ обширныя равнины нашей родины. Свѣтъ вѣры Христовой проникъ къ намъ тѣмъ же путемъ. Такимъ образомъ Херсонисъ становится для насъ исходнымъ пунктомъ вѣры и просвѣщенія. Онъ былъ посредствующимъ и связующимъ звеномъ между просвѣщеннымъ востокомъ и младенчествуящимъ сѣверомъ; — передовымъ миссіонерскимъ постомъ и средней инстанціей между отдаленнымъ востокомъ и славяно-русью; — пунктомъ не пассивно передаточнымъ, но самостоятельно вырабатывающимъ начала христіанской жизни и практики, положенныя здѣсь въ основу Апостоломъ и Апостольскими мужаи.

Первое сѣмя слова Божія пало здѣсь на благодатную почву Тавриды и разраслось въ велие древо, подъ стѣнію коего привѣтаютъ многіе милліоны Русскаго народа: отъ Херсониса до Камчатки, отъ Капы и полуножныхъ хладныхъ странъ до полуденныхъ знойныхъ степей, — до подножія Гиндукуша и Паропамиза! Такимъ образомъ, освѣщенная съ высотъ Кіевскихъ Первозваннымъ Апостоломъ Христовымъ, Св. Русь знаменалась тѣмъ самымъ крестомъ, на которомъ онъ воспріялъ свою мученическую кончину!

Вѣра Христова, насажденная Св. Апостоломъ въ Херсонисѣ, прочно утвердилась въ Тавридѣ и сохранилась здѣсь во всей

своей первоначальной чистотѣ. Въ первые вѣка христіанства, Херсонисъ служилъ мѣстомъ ссылки и заточенія для многихъ поборниковъ чистоты вѣры противъ ересей, обуревавшихъ въ началѣ Церковь Христову. Такъ сюда посланы были: Св. Климентъ, Папа Римскій; преемникъ его по кафедрѣ, Св. Мартинъ; Георгій, Архіепископъ Митиленскій; Св. Іосифъ пѣнописецъ и творецъ каноновъ и много другихъ... Первые христіанскіе Святители посылаемы были отъ Іерусалимской Апостольской кафедрѣ — такъ сказать, изъ самаго непосредственнаго источника вѣры... Епархіи Тавриды на всѣхъ вселенскихъ соборахъ имѣли представителей въ лицѣ своихъ Архипастырей, которые являлись ревностными защитниками и поборниками чистоты православія; такъ что ни одна ересь не проникла въ Крымъ.

Здѣсь на окраинахъ зачиналась и формировалась Русь. Славянскія племена, прилегая къ границамъ земли Корсунскія, „присѣдяху къ Днѣпру“, и, простираясь „оле до моря“, естественно входили въ самыя близкія торговыя сношенія съ Херсонитами, заимствуя отъ нихъ не только предметы роскоши и житейскаго обихода, но и вѣру Христову. Пути торговые и транзитныя были всегда проводниками вѣры и просвѣщенія!

Съ половины девятаго вѣка уже весьма примѣтными становятся слѣды близкихъ и частыхъ сношеній Руси съ Херсонисомъ. Такъ, еще за 150 лѣтъ до крещенія св. Владиміра, Новгородскій князь Бравалинъ „приде со многуо ратию и плѣни отъ Корсуна до Корчева“, но, пораженный тяжкимъ недугомъ и испѣленный у раки мощей Св. Стефана, крестился въ Сурожѣ со всей своей дружиной. По пути къ Хазарамъ, первоучители славянскіе Кирилль и Меодій, посетили Херсонисъ, изучая здѣсь языкъ Хазарскій. Здѣсь они обрѣли Евангеліе и Псалтирь, „русскими письмены писаны“, а равно и мощи Св. Климента, Папы Римскаго.

Въ — началѣ Руси, русскіе князья безпрепятственно совершаютъ свои смѣлые походы къ Царьграду; между тѣмъ какъ Херсонисъ, имѣя въ тылу сильный флотъ, нисколько не препятствуетъ имъ опустошать Пропонтиду и наводитъ ужасъ на жителей Царьграда. Это указываетъ на то, что Херсонисъ былъ въ добрыхъ отношеніяхъ съ русскими: или на то, что они были въ полной зависимости отъ князей. Пр. Несторъ, дѣлая этнографическій очеркъ расселенія славянскихъ племенъ, въ началѣ своей дѣтописи говорить: „а Днѣпръ втечетъ въ понетское море жерломъ, еже море словеть Русскимъ“. Изъ договоровъ Олега, Игоря и Святослава видно, что русскіе простирали свои виды на Корсунскія земли, и обязывались покровительствовать торговлѣ херсонитовъ и защищать ихъ отъ сосѣднихъ народовъ. Торговые пути къ гречникамъ: водяной, соляной и залозный, были заповѣдными и хорошо знакомыми путями нашимъ предкамъ.

Ровно 900 лѣтъ тому назадъ великій князь Владиміръ предпринялъ походъ въ Херсонисъ, осадилъ его съ моря и суши, и городъ былъ взятъ. Здѣсь воспріялъ онъ св. крещеніе, и по выходѣ изъ св. купели, прозрѣвъ тѣлесно и духовно, воскликнулъ: „теперь я позналъ Бога истиннаго“! Здѣсь онъ рѣшилъ просвѣтити свѣтомъ истинной вѣры и свой народъ; а потому по праву завоевателя, онъ беретъ въ Херсонисъ все, что было необходимо для крещенія кіевлянъ. Князь взялъ съ собой: мощи св. Климента, папы римскаго, и ученика Оива: — много иконъ, на благословеніе себя и своему народу; — церковную утварь и сосуды; въ томъ числѣ: двѣ часовни и двое царскихъ вратъ изъ коринтской мѣди. Съ нимъ прибыла въ Кіевъ вся церковная іерархія: митрополитъ, четыре епископа, много священниковъ и діаконовъ и хоръ славянскихъ пѣвчихъ. Великій князь взялъ съ собой изъ Херсониса искусныхъ зодчихъ, строителей храмовъ; мастеровъ мозаичнаго и цвѣннаго дѣла и живописцевъ; словомъ—все, что потребно было для водворенія вѣры Христовой въ нашемъ отечествѣ. Слѣдовательно не все шло къ намъ прямо и непосредственно изъ Византіи; а весьма существенная доля церковнаго благоустройства заимствована нами изъ Херсониса. Однимъ изъ доказательствъ тому можетъ служить долгое время господствовавшій у насъ корсунскій стиль живописи, который пользовался особымъ почетомъ и любовью у нашихъ предковъ предъ всѣми другими пошибами живописи. Онъ отличается тонкостью и рѣзкостью въ чертахъ, отсутствіемъ перспективы и свѣтотѣни, мрачностью въ колоритѣ, фигуры длинны, лица темны и тощи, глаза велики и выразительны. Вообще въ корсунскомъ письмѣ преобладаетъ символизмъ и возвышеніе надъ плотяностью, которая доселѣ сохраняетъ надъ душами глубокую и несповѣдимую тайну. Это чувство испытывалъ каждый, кто только пристально всматривался въ лики древнихъ иконъ корсунскаго письма. Всѣ древнія фамильныя и чтимыя народомъ, а равно и всѣ чудотворныя иконы—корсунскаго письма, но отнюдь не фряжскаго и не въ новомъ стилѣ возрожденія.

Всѣ первыя церкви Кіева, Новгорода, Пскова, Старой Ладогги, Ростова и Владиміра строились „гречниками“ и расписывались стѣнной живописью и мозаикой корсунскими мастерами. Все, что ни создано было за это время монументальнаго, все носило на себѣ печать и названіе корсунскаго, которое служило наилучшей гарантіей его достоинства и древле-православія. Важное значеніе Херсониса въ исторіи развитія христіанскаго искусства и зодчества русскій народъ давно призналъ и увѣковѣчилъ память его тѣмъ, что далъ наименованіе многимъ городамъ, селамъ, мѣстечкамъ и монастырямъ въ Россіи.

Пещерный образъ жизни и подвижничества заимствованъ изъ Крыма. Отсюда онъ проникъ въ Кіевъ, Черниговъ, Бѣлгородъ, въ Святогорскій монастырь на Донцѣ, и распространился на сѣверъ: въ Псковѣ, Ростовѣ и другихъ городахъ. Херсонисская пещерная церковь, недавно открытая въ центрѣ города, равно и другія—служать прототипами такихъ церквей въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ: та же структура и расположеніе, тѣ же примкнутые къ стѣнѣ престолы, въ нишѣхъ подъ аркою, какъ это было прежде и въ Кіевѣ. Всѣ фрагменты, открытые при раскопкахъ Десятинной церкви—херсонисскаго происхожденія. Гробница князя Ярослава, по своей формѣ, матерьялу и наружной орнаментациі — несомнѣнно вывезена изъ Корсуна, вѣроятно еще во времена святаго Владиміра.

Мы намѣтили одни штрихи, или существенныя и очевидныя черты того вліянія, какое Херсонисъ оказывалъ на подготовку, ходъ и развитіе просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ — на развитіе христіанскаго искусства и распространеніе вѣры среди славянскихъ племенъ. Но въ лѣтописяхъ и греческихъ хронографахъ есть много указаній на сношенія херсонитовъ съ нашими предками и ихъ вліяніе на нравы и обычаи первобытныхъ славянъ.

Христіанство проникло къ намъ не вдругъ, а исподоволь и постепенно. Крещеніе св. Владиміра и Руси въ Кіевѣ — это такъ сказать послѣдняя завершительная глава того священнаго событія, начало коего надо искать нѣсколькими вѣками раньше, и не за моремъ гдѣ либо или въ Византіи; а естественно и ближе на оконечности роднаго материка, — въ предѣлахъ нашего отечества, — въ херсонисской автокефальной церкви. По этому византизмъ отъюды не есть достояніе всецѣло унаслѣдованное нами отъ грековъ и цѣликомъ переложенное на почву нашей родины, со всѣмъ ритуализмомъ и омертвѣlostью созданныхъ формъ и обрядностей; а христіанская жизнь и церковная практика были нѣсколько видоизмѣнены и приспособлены къ обычаямъ и нравамъ нашихъ предковъ въ Херсонисѣ. Потому что церковь русская и вѣра православная есть чисто національная вѣра, вошедшая въ плоть и кровь русскаго народа и сдѣлавшаяся такимъ существеннымъ и неотъемлемымъ достояніемъ его, что безъ нея немислимъ русскій народъ и русское государство. Православіе, самодержавіе и народность легли въ основу строенія земли русскої; съ ними она росла, развивалась, вѣрпла, боролась, побѣждала и создала того колосса, — ния коему св. Русь! Для однихъ она становилась предметомъ удивленія и страха; для другихъ — зависти и недоброжелательства; а для насъ самихъ — это благодать Божія, ниспосланная по молитвѣ св. князя на русскій народъ!

Выполнивъ историческую свою миссію и передавъ свое достояніе нарождающемуся юному государству, Херсонисъ постепенно начинаетъ приходить въ упадокъ. Онъ разрушается, но не исчезаетъ окончательно: руины его послужили матеріаломъ для возникновенія новаго города — Севастополя, подъ стѣнами коего на нашей памяти разыгралась кровавая драма, стоявшая обѣимъ сторонамъ до полумилліона отборнаго народа!

Знаменательна судьба Херсониса въ исторіи нашего отечества! Здѣсь нѣкогда царилъ кровавый культъ язычества во всемъ своемъ безобразіи, но благодѣтельный свѣтъ вѣры Христовой отодвинулъ его далѣе на сѣверъ, въ предѣлы нашего отечества; но съ появленіемъ христіанства онъ исчезаетъ и у насъ. Здѣсь въ лицѣ князя и его рати мы русскіе приняли св. крещеніе водою и духомъ; и повѣялъ на насъ духъ новой и благотворной жизни. Здѣсь еще такъ недавно русскія ратныя силы крестились огнемъ и кровію за святое дѣло—за обладаніе ключами къ гробу Господню, къ источнику и подателю свѣта; и вновь повѣялъ на насъ духъ новой болѣе сознательной и разумной жизни, которая составляетъ эпоху и поворотную точку въ исторіи развитія государственной жизни.

На всѣхъ подобныхъ мѣстахъ, пріобрѣвшихъ себѣ громкую историческую извѣстность, или игравшихъ весьма видную роль въ исторіи культурнаго развитія народовъ, лежитъ какъ бы нѣкая печать гнѣва Божія:—тамъ каждая пядь земли обогрета человѣческою кровію и каждый камень служитъ надгробнымъ памятникомъ пришельцу. Взгляните вокругъ, что стало съ симъ нѣкогда славнымъ Херсонисомъ!? Здѣсь, на стогнахъ и торжищахъ его, кипѣла жизнь и торговая дѣятельность; подъ портиками орестіона и другихъ общественныхъ зданій расхаживали важно въ своихъ тогахъ ученые риторы, гордившіеся тѣмъ, что къ нимъ посылаютъ на обученіе своихъ дѣтей не только именитые граждане, но цари и владѣтельные князья. Тамъ, въ заливѣ гнѣвно покачивались на якоряхъ своихъ корабли, приносившіе на себѣ богатства и произведенія своихъ странъ; теперь же однѣ развалины, почва вокругъ камениста и бесплодна—словно Богомъ сожжена; вмѣсто кораблей снуютъ рыбацкія лодки, и рыбаки беззаботно сушатъ и чинятъ мрежи свои. Теперь на этихъ пустынныхъ берегахъ стоитъ скромная и тихая обитель, и надъ развалинами Херсониса возвышается этотъ величественный храмъ, какъ памятникъ исчезнувшаго величія Херсониса и въ воспоминаніе того великаго событія, которое мы празднуемъ въ настоящій день! Но это священное мѣсто никогда не утратитъ своего значенія въ глазахъ русскаго народа. По мѣрѣ развитія его роста и самосознанія взоры его всегда будутъ обращаться туда, откуда пришла къ нему вѣра христіанская и православная, гдѣ зачалась заря новой и лучшей

жизни, гдѣ положено начало и основаніе къ его возрожденію въ жизнь духовную и гражданскую!

Мы твердо вѣримъ и надѣемся, что отсюда, съ этого священнаго мѣста, нѣкогда будетъ нанесенъ окончательный ударъ той стоглавой гидрѣ, которая уже столько вѣковъ заслоняетъ и помрачаетъ лучи свѣта, возсіявшіе намъ съ Востока! Въ этомъ заключается историческая миссія и призваніе русскаго народа, чтобы сохранить и соблюсти то святое достоиніе, которое принесено ему нѣкогда съ высотъ Сіона и повергнуть во всей чистотѣ и неповрежденности къ подножію Голгофы!

По окончаніи литургіи всѣ служившіе въ 3 монастырскихъ храмахъ соединились въ новомъ храмѣ, гдѣ отслужено было молебное пѣніе св. князю Владимиру съ водоосвященіемъ въ купели св. Владимира, причемъ въ одной половинѣ купели въ освящаемую воду св. крестъ погружалъ архіепископъ херсонскій Никаноръ, а въ другой епископъ таврическій Мартиніанъ. Во время погруженія въ воду св. креста мѣстной артиллеріей сдѣланъ былъ 101 пушечный выстрѣлъ. Молебное пѣніе закончено было провозглашеніемъ многолѣтія Царствующему Дому, Святейшему Правительствующему Синоду, присутствующимъ архипастырямъ, благотворному правительствующему синклиту, военачальникамъ, градоначальникамъ, христоролюбивому воинству и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Послѣ молебнаго пѣнія и водоосвященія высокопреосвященнымъ Никаноромъ св. водою окроплены были воинскія знамена и войска и благословлена трапеза, приготовленная для богомольцевъ и войскъ.

Послѣ литургіи всѣ участники торжества приглашены были къ чаю; преосвященнѣйшимъ же Мартиніаномъ, епископомъ таврическимъ и симферопольскимъ, какъ хозяиномъ херсонискаго торжества, отправлены были телеграммами привѣтствія.

Въ 2 часа пополудни состоялось торжественное юбилейное собраніе. Для сего всѣ архипастыри, представители разныхъ учреждений и вѣдомствъ и всѣ гости приглашены были въ верхнюю еще неосвященную часть новаго храма, гдѣ на амвонѣ поставленъ былъ столъ и вокругъ него кресла и стулья для преосвященныхъ, духовенства и почетныхъ гостей херсонискаго торжества и каедре для произнесенія рѣчей; въ алтарной части храма помѣстились симферопольскій архіерейскій и севастопольскій адмиралтейскій хоры, а въ самомъ храмѣ богомольцы, наполнившіе почти все помѣщеніе очень обширнаго храма. При входѣ въ храмъ архипастырей хоръ пропѣлъ тропарь: „днесь благодать Святаго Духа насъ собра“. По окончаніи тропаря и благословенія народа архипастырями, преосвященнѣйшій Мартиніанъ обратился къ собранію съ слѣдующимъ привѣтствіемъ:

„Своль ни богата исторія русскаго народа знаменитыми событіями, послужившими къ утвержденію на неизблемомъ основаніи любезнаго нашего отечества и возвеличившими Богомъ благословенную Россію, но ни одно изъ нихъ не имѣло столь сильнаго вліянія на благоденствіе и утвержденіе, и славу ея, какъ введеніе въ Россію христіанской религіи св. равноапостольными великими княземъ Владиміромъ и посему ни одно изъ нихъ не должно быть столь любезно всякому истинному сыну отечества и доброму христіанину, какъ именно это событіе.

Нынѣ исполнилось ровно 900 лѣтъ съ того времени, какъ сей равноапостольный великій князь во св. купели воспріялъ осязательную силу св. крещенія; это высокознаменательное для Россіи событіе совершилось на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы въ настоящія минуты совершаемъ торжественно-благоговѣйное воспоминаніе о немъ, гдѣ мы только что видѣли и осязали не малые остатки стѣнъ того древняго крещальнаго Херсонискаго храма, въ купели котораго, въ которой нами нынѣ совершенно освященіе воды, св. князь Владиміръ омылся отъ тьмы грѣховной.

Какъ высокознаменателенъ для Россіи этотъ день и какъ священны для нея эти сѣдые остатки храма и древняго града Херсониса по совершившемуся въ нихъ великому событію! Въ этотъ день и на этомъ мѣстѣ началось обращеніе Руси-язычницы въ Русь-христіанскую православную, въ этотъ знаменательный день и съ этого священнаго мѣста христоролюбивый князь вынесъ на Русь крестъ Христовъ и подъ сѣнію сего благодатнаго знамени она стала расти и крѣпнуть!

Привѣтствуя васъ, Богомудрые архипастыри и достоуважаемые представители власти, учебныхъ корпорацій, городскихъ обществъ и разныхъ учреждений, въ этотъ священный для насъ день и на этомъ священномъ мѣстѣ съ настоящимъ праздникомъ праздниковъ, отъ лица всей херсонисо-таврической церкви приношу вамъ и всѣмъ, принявшимъ участіе въ этомъ духовномъ торжествѣ, сердечную благодарность за ваши труды и великіе подвиги, предпріятыя вами по истинно-христіанской любви къ сему священному мѣсту, и молю св. Просвѣтителя Руси, да пребудетъ, по его предстательству за насъ предъ Богомъ, любви сія и духовное общеніе между нами до скончанія вѣка“.

Когда сямъ привѣтственнымъ словомъ хозяина собраніе было открыто, архіерейскимъ хоромъ исполнена была юбилейная кантата Малашкина: „свѣтло приндите и достоѣпно возгласитѣ, сынове росейстѣи, ко отцу нашему равноапостольному великому князю Владиміру и память его вѣрно вси да празднуемъ, аллилуіа“; и стихира по 50 псалмѣ: „апостоломъ ревнителя Владиміра, прелаженаго отца и учителя, шедшея восхвалимъ.

Имже Христа Бога познахомъ и отъ тьмы къ свѣту приближающемся, очи и сердца просвѣщаемъ; въ память его живооступающе, кую веселимся, обрѣтше его вождя правосѣрна въ царствіе небесное“. Затѣмъ адмиралтейскимъ хоромъ пропѣта русская етѣкира: „прїидите стещемся вси къ честнѣй памяти отца буснаго, наставника нашего Владиміра: сей бо отъ языка родился и волюбѣи возлюбшаго и Христа, къ нему же взыде радуясь, съ праматерію своею Ольгою. Вся бо люди своя научи вѣровати, и поклонатися въ Тройцѣ единому Богу, идолы же разрушивъ попра и изрести намъ свои честнѣи лѣторасли, Бориса и Глѣба. Тѣмже и мы свѣтло нынѣ пѣснями память ихъ вѣрно чтуще, любовію празднуемъ: да молятся о насъ ко Господу, Императору нашему подати побѣды на поганые враги и умирити весь мїръ, и спасти души наша“. Затѣмъ обоими хорами вмѣстѣ повторено было: „свѣтло прїидите“. По окончаніи пѣнія былъ прочитанъ адресъ духовенства его преосвященству, Мартиніану, епископу таврическому и симферопольскому, и принесены были привѣтствія отъ представителей г. Севастополя, Ялты и Перекопа.

Когда посѣтителѣ заняли свои мѣста, на каведру взошелъ его высокопреосвященство Никаноръ, архіепископъ херсонскій и одесскій, и собраніе съ живѣйшимъ интересомъ выслушало чтеніе его высокопреосвященства*.

По окончаніи рѣчи высокопреосвященнаго Никанора мужскими голосами обѣихъ хоромъ исполненъ былъ 2 тропарь 8 пѣсми канона св. Владиміру: „мати всѣхъ градовъ воистину царства твоего градъ явился Кіевъ, въ немже Христосъ прежде со Отцемъ и Духомъ прославился твоею Праматерію и тобою, блаженне: идѣже мужественное твое тѣло лежить свѣтло во церкви Владычицы: мы же людіе твои, хваляще поемъ Христа во вѣки“. Затѣмъ собранію принесено было поздравленіе предсѣдателемъ одесскаго общества исторіи и древностей, профессоромъ новороссійскаго университета, А. А. Кочубинскимъ, директоромъ симферопольской гимназіи Гр. Ив. Тимошевскимъ и г. Балабухою который произнесъ слѣдующую привѣтственную рѣчь отъ представителей печати: „Ваше преосвященство! На мою долю выпала честь привѣтствовать васъ въ столь знаменательный день и на семь памятною мѣстѣ отъ имени русской повременной прессы, какъ по уполномочію здѣсь присутствующихъ столѣчныхъ и провинціальныхъ корреспондентовъ, такъ и по порученію нѣкоторыхъ редакцій, въ органахъ коихъ я имѣю честь участвовать... — Со временъ Владиміра святаго, когда, по словамъ лѣтописца, прибылъ изъ Царьграда митрополитъ со мно-

* Оно напечатано въ сент. кн. «Правосл. Обзорнія».

гимн епископами, Херсонисъ не видѣлъ въ своихъ стѣнахъ или вѣрнѣе на своей почвѣ такого сонма архиpastырей, какъ мыгѣ. Ужъ одно это обстоятельство невольно переноситъ насъ мыслами къ 988 году, вдвойнѣ памяtnому намъ, служителямъ печатнаго слова, какъ эпохѣ просвѣщенія Россіи христіанствомъ и какъ году введенія среди русскаго народа грамотности. Наша повременная пресса, какъ законное дитя русской литературы, никогда не должна забывать, что родная грамотность и словесность возросли у насъ не на почвѣ свѣтскихъ произведеній, какъ въ мѣрѣ языческомъ, но исключительно на почвѣ религіозной. Первые строки, написанныя на древне-славянскомъ языкѣ, этомъ родоначальникѣ русскаго, — были строки Священнаго Писанія; первые пѣсни, заключившіяся въ начертанныя строки — были пѣсни священные—псалмы. Участіе русскаго православнаго духовенства въ распространеніи грамотности въ народѣ ярко, блестящею чертою прошло черезъ всю нашу исторію и не мнѣ вспоминать эти заслуги. Даже и теперь есть окраины, гдѣ служители церкви являются единственными просвѣтителями темной инородческой толпы. Мнѣ вдвойнѣ пріятно напомнить это, такъ какъ здѣсь присутствуетъ епископъ, болѣе 20 лѣтъ своимъ благотворнымъ примѣромъ показывавшій, что можетъ дѣлать ревностный архипастырь и учитель-миссіонеръ. Велики заслуги русскаго духовенства и въ дѣлѣ собственно печатнаго слова. Когда былъ изобрѣтенъ печатный станокъ — этотъ могущественный рычагъ и союзникъ современной прессы, то онъ заработалъ въ Россіи подъ рукою человѣка, принадлежавшаго къ клиру—первопечатника діакона Феодора. И въ дальнѣйшія времена, во времена народнаго неудовольствія и негодованія печатное слово нашло себѣ защитника въ лицѣ православнаго духовенства. Русская повременная пресса должна это отмѣтить и твердо помнить. И я, ея скромный служитель, привѣтствуя здѣсь отъ ея великаго имени ваше преосвященство и весь сонмъ епископовъ, исполняю лишь долгъ и приношу дань истинно русскаго человѣка“.

За симъ директоромъ симферопольской гимназіи прочитаны были привѣтственные телеграммы отъ разныхъ общественныхъ учрежденій, сословій и частныхъ лицъ.

По окончаніи чтенія телеграммъ, полученныхъ до настоящаго собранія, на кафедрѣ взошелъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, бывшій профессоръ новороссійскаго университета Ив. Луст. Палимпсестовъ и прочиталъ слѣдующую рѣчь*:

* Отправляясь изъ Москвы въ Севастополь, я не думалъ говорить рѣчи на торжествѣ 15 іюля въ память крещенія князя Владиміра въ Херсонисѣ Таврическомъ, и если эта рѣчь была приготовлена (за нѣсколько дней до торжества) и сказана, то единственно въ слѣдствіе желанія глубокочтимаго архипастыря та-

РѢчь И. І. Палимпсестова.

Подъ сводами этого храма — купель духовнаго рожденія, — купель жизни и временной, и вѣчной; но я начну мою усиленную рѣчь предъ вами гробомъ, смертію; и вы услышите, что этимъ началомъ я не омрачу настоящаго свѣтлаго торжества, — торжества не только для всего православнаго русскаго народа и царства, — не только для всего многомилліоннаго славянскаго міра, но и для всего міра. Да, для всего міра! Здѣсь нѣтъ превеличенія: изъ священной купели, въ которой крестился русскій князь Владиміръ, разлился и разливается животворно-спасительный свѣтъ Христовъ на цѣлую шестую часть свѣта, занимаемую нашимъ дорогимъ отечествомъ, и мы не знаемъ: гдѣ предѣлы этого разлитія. Эта купель есть купель жизни для народа, который имѣетъ всѣ права на міровое значеніе въ исторіи человечества; но она должна быть святынею и для всего христіанскаго міра, состоящаго изъ братьевъ и сестеръ во Христѣ. Объ этой купели жизни для русскаго народа и царства я и буду говорить; но прежде скажу нѣсколько словъ объ одномъ гробѣ и смерти, — скажу словами современнаго намъ глубокаго мыслителя, доктора богословскихъ наукъ Ф. В. Фаррара. Въ своемъ классическомъ твореніи: „Жизнь І. Христа“, онъ говоритъ: „Не было въ исторіи зрѣлища, которое возбуждало бы въ людяхъ одновременно благоговѣніе и ужасъ, какъ зрѣлище Голговецкое. Ни одинъ свѣтскій бытописатель, хотя бы онъ былъ отчаяннымъ скептикомъ, не можетъ не видѣть въ этомъ событіи центральнѣйшей точки міровой исторіи. Вѣруеть ли онъ во Христа, или нѣтъ, — онъ не можетъ умолчать, что новая религія возрасла изъ самомалѣйшаго зерна въ могучее дерево, на вѣтвяхъ котораго птицы небесныя открыли себѣ убѣжище, что это былъ небольшой, изсѣченный руками камень, разгромившій въ щепень колоссальныя изображенія языческаго величія, а затѣмъ выросшій въ гору и наполнившій собою всю землю. Для вѣрующаго и невѣрующаго вознесеніе на Крестъ есть граница между древнимъ и новымъ временемъ. Нравственно и физически, не менѣе какъ духовно, Христова вѣра была возрожденіемъ міра. Къ народамъ, безсильнымъ отъ опьяненія преступленіемъ, она явилась какъ свѣтъ новой весны... Съ того часа, какъ Христосъ умеръ на крестѣ, начался похоронный звонъ цар-

вическаго преосвященнаго Мартиніана. По краткости времени и по неимѣнію подъ руками потребныхъ для этой цѣли источниковъ, я отчасти воспользовался составленною мною книгою: «За истину и правду»; а потому прошу благосклоннаго читателя памятовать: quod potui—feci, т.-е. что могъ—сдѣлалъ. *Ив. П.*

ству діавола и всей языческой мерзости... Послѣдствія Христова ученія даже для невѣрующихъ суть событія неоспоримо историческія. Оно смягчило жестокость; укротило страсти; заклѣяло позоромъ самоубійство; подѣ строгимъ наказаніемъ запретило озорательное двтоубійство; низвергло языческую нечистоту въ мракъ, который ей сроденъ. Не найдется ничего отрицающаго подобное дѣйствіе Христова ученія. Оно изгнало гладиатора, освободило узника, защитило плѣнника, возстало слабаго, взяло на себя попеченіе о сиротѣ, возвысило женщину, свѣтлымъ ореоломъ ослѣпило священную невинность нѣжныхъ лѣтъ дѣтства, возвело бѣдность изъ проклятія въ блаженство, облагородило трудъ, обративши его изъ черной работы въ достоинство и обязанность, освятило бракъ, въ первый разъ открыло ангельскую красоту чистоты, въ которой люди отчаялись, и добросердечія, надъ которымъ они издѣвались. Оно дало вѣрное понятіе о милосердіи, распространивши границы его съ тѣснаго круга сосѣдства на весь родъ человѣческій. Оно идею о челоуѣчествѣ обратило въ идею объ общемъ братствѣ“.

Пусть, кто хочетъ и смѣетъ, видитъ во всемъ этомъ не дѣло Божественнаго провидѣнія; пусть считаетъ себя просвѣщеннымъ философомъ, считая христіанство и христіанъ за мечты благороднаго самообольщенія. Не будемъ никого преслѣдовать, не будемъ никого обличать; не будемъ ни о комъ судить; но скажемъ имъ, что ни одна религія въ свѣтѣ не внесла въ жизнь совершеннаго равновѣсія между философіей и народностію, между религіей и нравственностію, между полнымъ подчиненіемъ и гордостью свободы, между идеальнымъ и реальнымъ, между внутреннимъ и внѣшнимъ, между скромнымъ спокойствіемъ и геройскою энергіею, между мягкимъ консерватизмомъ и самыми смѣлыми планами міровой реформаціи. Свидѣтельство Христовой исторіи есть свидѣтельство несокрушимой силы убѣжденія,—свидѣтельство, которому подобнаго не существуетъ“.

Но если, продолжаетъ именитый ученый, такого вліянія жизни и смерти Іисуса на міровыя событія и жизнь не можетъ не замѣтить невѣрующій; то для каждаго вѣрующаго въ нихъ заключается, поистинѣ, глубокой смыслъ: для него онѣ значатъ „воскресеніе изъ мертвыхъ“. Въ крестѣ Христа-Спасителя онъ видитъ не одно историческое, но гораздо большее значеніе. Онъ видитъ здѣсь изъясненіе тайны рожденія, побѣду надъ тайной могилы. Въ жизни Іисуса онъ находитъ превосходный примѣръ; въ его смерти безпредѣльное искупленіе. Взвѣвая на воплощеніе и распятіе, онъ уже не чувствуетъ, что Богъ далеко отъ него и что земля есть только незамѣтное пятно на безпредѣльной лазури, а самъ онъ — незначительный атомъ, случайно попавшій между тысячею милліоновъ живыхъ душъ несчетнаго поколѣнія; но онъ

воскликнетъ съ вѣрою, надеждою и любовію: „вы храмъ Бога живаго, какъ сказалъ Богъ: вселюсь въ нихъ и буду ходить въ нихъ“ (2 Кор. VI, 16).

Такъ говоритъ во всеоружіи самой разносторонней учености глубокой мыслитель нашего времени. Такова, по его непреложнымъ словамъ, смерть Богочеловѣка! Таковъ свѣтъ, возсіявшій изъ гроба Христа-жизнодавца. Но, имѣя въ виду, съ одной стороны, открыто проповѣдуемое разнаго рода и вида суемудріе, а съ другой—уясненіе торжественности или значенія настоящаго событія, приведемъ слова другаго глубокаго, роднаго намъ мыслителя епископа Іоанна, бывшаго въ свое время профессоромъ и ректоромъ с.-петербургской духовной академіи. „Свобода, говоритъ онъ, есть источникъ всѣхъ доблестей и всѣхъ паденій человѣка, всѣхъ его благъ и всѣхъ его несчастій; ничто столько, какъ свобода, не развиваетъ жизни и всѣхъ силъ человѣка, и ничто столько, какъ свобода, не требуетъ узъ. Но гдѣ же она, эта драгоценная свобода? Что дѣлаетъ человѣка дѣйствительно свободнымъ? Истина. Но гдѣ та истина, которая даетъ человѣку свободу? Это открылъ божественный Освободитель человѣчества“: „Если Сынъ васъ освободитъ“, говоритъ Онъ, „то вы дѣйствительно будете свободны, и уразумѣете истину и истина сдѣлаетъ васъ свободными“ (Іоан. VIII, 36). Итакъ—вотъ гдѣ, во Христѣ, въ христіанствѣ дѣйствительное освобожденіе человѣка; потому что тутъ, и только тутъ, чистая, вѣчная истина. Благодатнымъ искушеніемъ и возрожденіемъ человѣка положивъ начало внутренняго, нравственнаго освобожденія его отъ зла, христіанство поставило его на прямой путь свободы жизни, во свѣтъ истины, которую Евангеліе открыло разуму и сердцу его. И какъ живо, быстро воспарилъ человѣческій разумъ, освобожденный отъ ига стѣснявшихъ его заблужденій до христіанства, воспарилъ во всю широту и высоту высшаго вѣдѣнія и созерцанія! Какъ легко и свободно онъ почувствовалъ себя въ области—и собственныхъ естественныхъ познаній, когда свѣтъ христіанской истины открылъ ему въ мірозданіи бытіе и дѣйствіе безпредѣльнаго разума, систему движенія, не одну грубо-вещественную и механическую, но разумную и нравственную, открылъ жизнь, полную высокиихъ идей и цѣлей, необъятную, непобѣдимую въ самой смерти и чрезъ самую смерть развивающуюся въ безконечность! А если разумъ теперь началъ уже забывать, откуда данъ ему этотъ высокій полетъ, кто указалъ ему путь въ эту безграничную область знаній; то это такъ же, какъ оперившійся птенецъ, на окрѣпшихъ крыльяхъ полетѣвшій въ поднебесную ширь, скоро забываетъ родное гнѣздо, гдѣ оперился. Какъ широко и свободно раскрылось человѣческое сердце, какія глубокія и живыя чувства возбудились въ немъ,

когда христіанская истина, сложивъ съ него узы давящаго всякое чувство эгоизма, высвободивъ его изъ тѣсныхъ предѣловъ ограниченной любви: ближней, родственной, дружественной, національной, указала ему безграничный предметъ любви — все человечество! Какъ пространно и свободно развилась вся сила и жизнь человѣческаго духа, когда свѣтъ Евангелія возвысилъ его къ ясному сознанию своего нравственнаго достоинства, открылъ ему широкое поприще высшей духовной дѣятельности, уже не стѣсяемой никакими земными видами, не скованной цѣпами временной жизни, а свободно устремленной за предѣлы самаго гроба, въ жизнь вѣчную! Дѣйствительно, какъ объяснить тѣ великіе подвиги ума, сердца и воли человечества, какіе только въ христіанствѣ показали, до какой высоты умственнаго и нравственнаго развитія человѣкъ можетъ достигать? Это объясняется только тѣмъ, что въ основаніи жизни человѣка положено христіанствомъ начало истинной свободы; отнимите эту свободу, свободу христіанскую, и человечество не въ состояніи будетъ подниматься на такую высоту; оно будетъ такъ же, какъ до времени христіанства, только пресмыкаться на землѣ, только биться о землю, какъ птица безъ крыльевъ“*.

И послѣ этихъ словъ нашего просвѣщеннаго архипастыря, увы! такъ рано взятаго отъ насъ могилой, мы еще разъ должны повторить: таковъ свѣтъ жизни для человечества, возсіявшій изъ гроба Христа-жизнодавца. Таковъ и тотъ свѣтъ отъ этого свѣта, который возсіялъ изъ священной купели князя Владиміра!

Вся наша девятивѣковая исторія подтверждаетъ, что православная церковь, какъ выразительница вѣры во Христа, была для русскаго народа и царства зиждительною силою, щитомъ и огражденіемъ; что ей и самодержавію, охраняемому церковію, ученіемъ Евангелія, обязанъ русскій народъ тѣмъ, что онъ возросъ и возмужалъ въ міровую семью, въ одно изъ могущественныхъ царствъ въ мірѣ. Я укажу на нѣкоторыя эпохи и событія въ нашей исторіи и буду говорить словами тѣхъ, которые изучали судьбы русскаго народа и царства.

Вотъ бессмертныя слова нашего бессмертнаго бытописателя, Н. М. Карамзина: „Если мы, говоритъ онъ, въ два столѣтія, ознаменованныя духомъ рабства, еще не лишились всей нравственности, любви къ добродѣтели, къ отечеству: то прославимъ дѣйствие вѣры; она удержала насъ на степени людей и гражданъ; не дала скаменѣть сердцамъ, ни умолкнуть совѣсти; въ униженіи имени русскаго мы возвышали себя именемъ христіанъ, и любили отечество, какъ страну православія“**.

* Бесѣд. Іоанна, еп. смоленскаго 1876 г.

** Т. V, гл. IV, стр. 213; изд. Эйнерлинга 1842 г.

Именитый историкъ указываетъ здѣсь на то тяжелое время (длившееся 237 лѣтъ), въ которое надвинувшаяся на русскій народъ разрушительная стѣня дикихъ ордъ могла смести самое имя его съ лица земли. Но тяжесть монгольскаго ига увеличилась другою, болѣе продолжительною и едва ли не болѣе тяжелою: тѣми раздорами, смутами, кровавыми междоусобіями, которыя прошли чрезъ весь удѣльный періодъ нашей исторіи. И здѣсь, какъ свидѣтельствуетъ исторія, православная вѣра, въ лицѣ ея служителей, являлась какъ миротворецъ, какъ свѣточъ, который если не разгонялъ, то въ значительной мѣрѣ ослаблялъ мглу страстей, замедлявшихъ ростъ русскаго народа, выходъ его изъ рабства и доводившихъ до братоубійственныхъ кровопролитій и развореній. „Лѣтописныя сказанія, говоритъ маститый профессоръ нашей маститой духовной академіи, Н. И. Субботинъ о временахъ междоусобій и безпорядковъ въ Россіи, представляетъ дѣйствительно многочисленные примѣры благотворнаго посредничества пастырей церкви во взаимныхъ княжескихъ неудовольствіяхъ, представляютъ несомнѣнныя доказательства того, что въ сіи времена они старались всѣми средствами, какія были въ предѣлахъ ихъ духовной власти, содѣйствовать прекращенію безпорядковъ и водворенію прочнаго мира, необходимаго для благоденствія государства“*.

Междоусобица четырехвѣковаго удѣльнаго періода смѣнилась самодержавіемъ, „откуда, можно сказать, и пошла та русская земля“, которая сложилась въ одно изъ обширнѣйшихъ и могущественныхъ царствъ въ мірѣ. И эта власть, если позволительно такъ выразиться, вошла въ плоть и кровь русскаго народа, который вѣруеть и глубоко сознаеть, что только при верховномъ, самодержавномъ вождѣ онъ можетъ быть и сильнымъ, и безопаснымъ, и счастливымъ. Эту истину онъ дозналъ своими многовѣковыми страданіями и опытомъ всей прожитой имъ жизни. Но исторія записала на своихъ страницахъ, что въ созиданіи, развитіи, укрѣпленіи и освященіи самодержавной власти принимала самое дѣятельное участіе православная вѣра, — церковь. Она назвала православнаго царя помазанникомъ Божиимъ, и народъ русскій вѣритъ всѣмъ сердцемъ, что власть его отъ Бога.

Перехожу къ самому тяжелому времени для русскаго народа и царства, къ такъ-называемому смутному. „Православные христіане, говорилось въ грамотахъ, которыя разсылалъ Троицкій Сергіевъ монастырь во времена самозванцевъ, вспомните истинную православную христіанскую вѣру, что мы родились отъ христіанскихъ родителей, знаменались печатію, святымъ креще-

* Приб. къ Твор. св. От. 1858. 328—329.

ніемъ, обѣщались вѣровать во св. Троицу, возложите упованіе на силу креста Господня и покажите подвигъ свой, молитѣ служилыхъ людей, чтобы быть всѣмъ православнымъ христіанамъ въ соединеніи и стать сообща противъ предателей христіанскихъ и противъ вѣчныхъ враговъ христіанства, польскихъ и литовскихъ людей. Сами видите конечную отъ нихъ погибель всѣмъ христіанамъ, видите, какое разореніе учинили они въ Московскомъ государствѣ: гдѣ святыя Божія церкви и Божія обряды? Гдѣ иноки, сѣдинами цвѣтущіе, инокини добродѣтелями украшенныя? Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ? Не пощажены ли старики, ни младенцы грудные. Помяните и смилуйтесь надъ видимою общюю смутною погибелью, чтобъ васъ самихъ также лютая не постигла смерть. Пусть служилые люди безъ всякаго мѣшканія спѣшать въ Москвѣ, въ сходы къ боярамъ, воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ“. Приведши въ своей исторіи эту безсмертную грамоту, нашъ незабвенный историкъ С. М. Соловьевъ говоритъ: „Троицкія грамоты не могли остаться безъ дѣйствія, народъ былъ готовъ встать (и всталъ) какъ одинъ человѣкъ; непрерывный рядъ смутъ и бѣдствій не сокрушилъ могучихъ силъ юнаго народа, но очистилъ общество, привелъ его къ сознанію необходимости пожертвовать всѣмъ для спасенія вѣры, угрожаемой врагами виѣшними“.

Но вотъ слова другаго бытописателя судебъ русскаго народа и царства, Н. И. Костомарова, относящіяся до того же смутнаго времени нашей исторіи. „Государство Московское, говоритъ онъ, какъ ни долго составлялось, но въ эти печальные годы стало показывать признаки разложенія. Но въ Руси крѣпче государства была другая соединяющая связь — вѣра. Псковичь, новгородецъ, русскій казанецъ, сибирякъ, казакъ, всё чувствовали одинаково, что они православные, всё люди одной вѣры, принадлежать одной церкви. Въ житейскихъ бѣдахъ, не находя ни средствъ, ни способовъ избавиться, русскій человѣкъ видѣлъ единственную отраду въ упованіи жизни будущей, а къ ея достиженію вела церковь; понятно, что народъ сохранялъ въ ней то, что было дороже всего, что оставалось въ утѣшеніе тогда, когда все отнималось; понятно поэтому, что чѣмъ угнетеннѣе его положеніе, тѣмъ онъ живѣе ощущаетъ важность церкви; тутъ всё одинаково чувствовали, одинаково мыслили и всё одинаково поднимались противъ поляковъ, когда убѣдились, что поляки, овладѣвъ Москвою, посягнуть на эту святыню. Нельзя сказать, что больше поднимало русскій народъ — страхъ ли польскихъ насилій надъ своими тѣлами и „животами“ или страхъ за вѣру: — и то и другое соединялось вмѣстѣ“. „Вообще, продолжаетъ историкъ, надо сказать, что духовенство главнымъ обра-

зомъ боролось съ врагами вѣры и отечества, что ему главнымъ образомъ и принадлежитъ та заслуга, что съ одной стороны православіе русскихъ въ это время осталось цѣлымъ, а съ другой и государство русское навсегда независимымъ, самостоятельнымъ“*.

Я могъ бы привести еще нѣсколько свидѣтельствъ лицъ, учающихъ нашу исторію, свидѣтельствъ, подтверждающихъ, что въ смутное время, время самозванцевъ, русское государство стояло на краю гибели и его спасла православная вѣра.

„А въ достопамятную Отечественную войну? спрашиваетъ съ церковной кафедры одинъ изъ достойнѣйшихъ проповѣдниковъ нашего времени: не силой ли вѣры спасена ** Россія? Съ первымъ непріятельскимъ выстрѣломъ вспыхнула тлѣвшая подъ мусоромъ французскаго легкомыслія искра вѣры въ Бога и загорѣлась яркимъ свѣтомъ. Изъ конца въ конецъ обширной Россіи, всѣ отъ мала до велика, и царь и бояре, и крестьяне — единогласно возопили ко Господу: „Боже отецъ нашихъ, помани щедроты Твоя и милости яже отъ вѣка; не отвергни насъ отъ лица Твоего, ниже возгнушайся недостойнствомъ нашимъ, но по величій милости Твоей и по множеству щедротъ Твоихъ, презри беззаконія и грѣхи наши ***. Эта вѣра подняла весь русскій народъ на защиту отечества; она научила собирать войска безъ военачальниковъ, она мирныя селенія обратила въ укрѣпленные станы; она ополчила на брань не только мужей, но и женъ. Она неграмотныхъ поселянъ сдѣлала ораторами, которые своими пламенными рѣчами воодушевляли своихъ односельцевъ; она лицъ, никогда не бравшихъ оружія, сдѣлала и тактиками, и стратегами... А канунъ Бородина? Смотрите, какъ полки за полками падаютъ ницъ. То православные воины поклоняются иконѣ Божіей Матери... „Спаси отъ бѣды рабы Твоя Богородице!... и на загорѣлыя щеки катятся слезы умиленія“.

Этими выписями изъ трудовъ людей свѣтлаго разума и науки я хотѣлъ припомнить при священной купели кн. Владиміра, какою зидительною и спасительною силою для нашего отечества была православная вѣра, которую онъ принялъ въ этой купели. Подобныхъ непререкаемыхъ свидѣтельствъ нашей исторіи можно бы привести многое множество; но я закончу этотъ отдѣлъ моей рѣчи словами того, дивный образъ котораго такъ рисуетъ нашъ именитый историкъ — богословъ митрополитъ Макарій: „это былъ человекъ, въ собственномъ смыслѣ, гениальный: высокий, свѣтлый, проницательный умъ, всегда богатое неистощимое сообра-

* Смута. вр. Т. III. 338—339.

** Прот. М. Некрасовъ. Слово въ день Р. Х. «Душеп. Чт.» 1883, янв. кн. 103.

*** Изъ молитвы, которая читалась въ церквахъ въ 1812 г.

женіе, живая и обширѣйшая память, легкая и быстрая соображительность, тонкій и правильный вкусъ, даръ творчества, изобрѣтательности и оригинальности, совершеннѣйшій даръ слова, все это, въ чудной гармоніи, совмѣщено было въ покойномъ іерархѣ. При такихъ необыкновенныхъ талантахъ, онъ имѣлъ и необыкновенное образованіе: не одиѣ духовныя науки, которыя извѣстны были ему въ совершенствѣ, онъ зналъ болѣе или менѣе весьма многія свѣтскія науки, такъ что могъ разсуждать объ нихъ съ специалистами, и не рѣдко своими мѣткими, оригинальными вопросами или отвѣтами поражалъ знатоковъ дѣла. Это былъ образцовый профессоръ: своими вдохновенными импровизаціями онъ пробуждалъ, увлекалъ, восторгалъ умы слушателей "... Едвали мнѣ нужно называть по имени эту свѣтлую личность въ исторіи нашей церкви и духовнаго просвѣщенія, и особенно предъ тѣми птенцами, которые здѣсь присутствуютъ и вышли изъ того гнѣзда, надъ которымъ носился такъ высокопарившій этою орелъ нашей православной церкви... То незабвенный херсоно-таврической архіепископъ Иннокентій, по выраженію историка Погодина, великій русскій гражданинъ, возстановитель крымскихъ святынь и основатель этой обители, назначая ее быть вѣрнымъ стражемъ при священной и драгоценной для русскаго народа и царства купели кн. Владиміра. Вотъ глубокоозерцательныя слова его, относящіяся къ судьбамъ нашего дорогаго отечества: „еслибы наша православная Русь не пѣла велимъ гласомъ, т. е. отъ всей глубины души своей: „Кресту твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресеніе Твое славимъ“; то нѣтъ и малѣйшаго сомнѣнія, что она еще нѣсколько вѣковъ вланилась бы „басмѣ“, или на нее иной кто наложилъ бы ярмо, но тяжелѣе монгольскаго, и она, изнемогши подъ нимъ, не воскресла бы для міровой жизни. Вообразимъ, что бы было съ русскимъ народомъ, еслибы онъ цѣловалъ туфли папы, или висѣлъ бы надъ нимъ мечъ германскихъ императоровъ: сохранила ли бы наша святая Русь свою самобытность, тѣ начала жизни, которыя только ей одной присущи, и которыя, Богъ дастъ, будутъ имѣть міровое значеніе“*.

Мы не можемъ не припомнить, при настоящемъ случаѣ, еще одной воистину неоцѣнимой заслуги нашей православной вѣры, заслуги, которую и исторія, и многочисленные опыты настоящаго времени подтверждаютъ самыми неопровержимыми фактами. Заслуги эти—слитіе при посредствѣ православной вѣры, въ одну родственную русскую семью разныхъ племенъ и иностранцевъ, вошедшихъ въ составъ русскаго государства, слитіе до того

* Эти слова я лично слышалъ, записалъ и помѣстилъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ арх. Иннокентіи. Изданіе «Странникъ» 1888 г.

родственное, что Россія по отношенію къ этимъ инороднымъ дѣтямъ своимъ можетъ сказать: то плоть отъ плоти моей и кость отъ костей моихъ. Я приведу нѣсколько строкъ изъ рѣчи, сказанной почтеннымъ о. протоіереемъ Виноградовымъ въ торжественномъ собраніи, по случаю иразднованія 300-лѣтняго юбилея присоединенія Сибири къ Россіи, въ Иркутскѣ. „Сибирь въ настоящее время, говоритъ о. протоіерей, составляетъ одну изъ неразрывныхъ частей нашего обширнаго отечества, не только по праву завоеванія, но и по большинству ея насельниковъ. Природные русскіе, пріѣзжая въ Сибирь, встрѣчаютъ здѣсь всюду, и въ городахъ, и въ селахъ, своихъ братьевъ по языку, по вѣрѣ, народному быту и патріотическимъ убѣжденіямъ. Чему мы обязаны этимъ отраднымъ явленіемъ въ странѣ, гдѣ за 300 лѣтъ назадъ не было ни одного русскаго человѣка, даже не знали объ имени Бѣлаго русскаго царя? Не обинуясь скажу: христіанству. Христіанство есть наиболѣе дѣйствительное средство къ обрусѣнію инородцевъ и къ пріобщенію ихъ къ европейской гражданственности. вмѣстѣ съ русскою вѣрою, инородецъ принимаетъ рано или поздно русскій языкъ, русскій образъ жизни—обрѣзываетъ свою косу, мѣняетъ свою юрту на русскую пазу, изъ кочеваго быта переходитъ къ осѣдлому, изъ пастушескаго къ землѣдѣльческому. Крещеный инородецъ перестаетъ чуждаться просвѣщенія. Взгляните на здѣшнія учебныя заведенія! Крещеныхъ бурятъ вы встрѣтите и въ институтѣ, и въ гимназіи, и въ духовномъ училищѣ, и въ учительской семинаріи. Возьмите здѣшнихъ природныхъ сибиряковъ. Во всѣхъ ихъ есть значительная примѣсь инородческой крови; это или прямыя потомки инородцевъ, принявшихъ православную вѣру, или потомки русскихъ гулящихъ людей, вступившихъ въ бракъ съ инородческими женщинами; но по своему языку, своимъ убѣжденіямъ—это русскіе люди, проникнутые русскимъ духомъ. Я самъ лично ношу на себѣ явные признаки инородческаго происхожденія моихъ предковъ, но я русскій человѣкъ, можно сказать, до мозга костей; ни кому изъ природныхъ русскихъ я не уступлю ни въ любви къ отечеству, ни въ преданности царской власти. Честь, слава и благосостояніе Россіи для меня такъ-же дороги, какъ для великоросса или малоросса; ея униженіе, ея страданія и бѣдствія такъ-же больно отзываются въ моей душѣ, какъ и въ душѣ всякаго русскаго. Нѣтъ жертвы, которой я не принесъ бы, наряду со всѣми истинно русскими людьми, въ годину опасности на алтарь отечества. Кто осмѣлится сказать, что подобныя чувства не присущи всѣмъ здѣшнимъ карымамъ? Что же сдѣлало ихъ такими? Христіанство! Христіанство, да, оно, а не другое что создало изъ Сибири и Россіи тотъ нешвенный хитонъ, котораго нельзя разорвать руками человѣче-

скими". Это говоритъ живой свидѣтель обрусѣнія Сибири, ея инородцевъ, язычниковъ, номадовъ.

Такъ пересоздаетъ язычника-дикаря вѣра во Христа, такъ она прививаетъ инородцевъ или номадовъ къ тому дереву, которое составляетъ древо жизни для нашего отечества. И мы знаемъ, что тамъ, въ тѣхъ областяхъ или среди тѣхъ племенъ, входящихъ въ составъ русскаго государства, гдѣ иной религіозный культъ, тамъ, выражаясь языкомъ нашихъ народныхъ сказаній, не совсѣмъ пахнетъ русскимъ духомъ, по крайней мѣрѣ по временамъ.

Я не буду здѣсь говорить о томъ, что всѣмъ извѣстно, именно—какъ неизмѣримо важно для цѣлости и крѣпости государства единеніе всѣхъ членовъ его въ одну родственную семью, единеніе, разумію по вѣрѣ, языку, взглядамъ на историческія завѣты и отправленія государственнаго организма: не буду приводить для этой цѣли въ примѣръ опередившую насъ по своему образованію и идеямъ государственнаго уклада Германію, которая такъ ревниво охраняетъ единство своего племени, такъ настойчиво отмѣчиваетъ другія племена и „выживаетъ“ все, что не пахнетъ нѣмецкимъ духомъ, даже самыя названія (славянскія) городовъ и урочищъ: подобныя указанія или примѣры завлекли бы насъ слѣшкомъ далеко; но при настоящемъ случаѣ я не могу не припомнить одного изъ важнѣйшихъ событій въ нашемъ отечествѣ—присоединенія къ русскому государству Украйны, самой лучшей части Европейской Россіи, приблизившей этотъ обширный континентъ къ мировому пути—къ морю. Изъ почтенныхъ труговъ нашихъ историковъ, и частіе—изъ извѣстнаго труда Н. И. Костомарова, мы видимъ, что доблестное казачество этого края вело продолжительныя и ожесточенныя войны съ иновѣрцами, насѣдавшими на него и съ запада, и съ юга, а частію и востока, преимущественно за православную вѣру; ради ея она, т.-е. Малороссія, слилась съ Велико-россію, и теперь составляетъ съ нею одну душу, одно сердце, одну плоть и кровь. Воистину здѣсь заслуга православной вѣры неоцѣнима!

Но мы припомнимъ еще одну, истинно неоцѣнимую услугу родной землѣ со стороны нашей православной церкви. Она, св. церковь, была въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ свѣточемъ, свѣтившимся среди темныхъ народныхъ массъ, на которыхъ такъ долго оставались слѣды идолопоклонства. Со временъ Ярослава Великаго, заведшаго первыя школы грамотности въ Россію, до самаго вѣка Петра, на русской землѣ не было другихъ школъ, кромѣ школъ при церквахъ и монастыряхъ. Глубокой мыслитель, въ такой полнотѣ изучившій духъ, сердце, и протекшія

судьбы русскаго народа именитый до безсмертія митрополитъ Филаретъ вотъ что высказалъ относительно просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ: „какія трудности перенесъ русскій народъ! Онъ перенесъ трудныя времена княжескихъ междоусобій, татарскаго ига, самозванцевъ и борьбы съ поляками, а потомъ французами; онъ великодушно подчинился преобразовательному перелому начала XVIII вѣка и заслужилъ удивленіе сдержанностью своею послѣ объявленія ему Положенія 19 февраля 1861 года. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, въ теченіе 900 лѣтъ, онъ имѣлъ для всей своей массы одно училище — церковь, былъ руководимъ однимъ учителемъ—духовенствомъ“ *.

Такъ говоритъ мужъ самаго свѣтлаго и глубокаго ума, говорить, основываясь на непреложныхъ свидѣтельствахъ исторіи. Возражать ему можетъ только дѣтское легкомысліе и оно безъ зазрѣнія совѣсти возражаетъ, возражаетъ открыто, въ слухъ всѣхъ. Можетъ быть, говорить наши ни во что невѣрующіе и все порицающіе современные глашатаи, церковь и училища, но ничему не выучила; наши народныя массы скорѣе находятся во мракѣ язычества, чѣмъ въ свѣтѣ христіанства, скорѣе кланяются рукотворенному богу, чѣмъ Тому, Которому, по словамъ Христа, слѣдуетъ поклоняться въ духѣ и истинѣ. Не мѣсто, не время, да и не стоитъ входить въ препирательство съ подобнымъ легкомысліемъ, и удовольствуемся одною неопровержимою истиною: свѣтъ Христовъ ярко свѣтится въ темныхъ нашихъ народныхъ массахъ, духъ Христовъ живетъ въ русскомъ народѣ, проявляя себя въ немъ самыми высокими доблестями. Это признается всѣмъ истинно - образованнымъ міромъ. Вотъ что говоритъ одинъ изъ нашихъ писателей, котораго за высоту, глубину и чистоту мыслей чтимъ не только мы, русскіе, но и на западѣ Европы, Ф. М. Достоевскій: „знаетъ народъ Христа - Бога своего, можетъ быть, лучше нашего, хоть и не учился въ школахъ. Знаетъ, потому что во много вѣковъ перенесъ много страданій, и въ горѣ своемъ всегда, съ начала и до нашихъ дней, слыхивалъ объ этомъ Богѣ - Христѣ своемъ отъ святыхъ своихъ, работавшихъ на народъ и стоявшихъ за землю русскую до положенія жизни, отъ тѣхъ самыхъ святыхъ, которыхъ чтитъ народъ доселѣ, помнить имена ихъ и у гробовъ ихъ молится. Повѣрьте, что въ этомъ смыслѣ даже самые темные слои народа образованы гораздо больше, чѣмъ вы въ культурномъ нашемъ невѣдѣніи объ нихъ предполагаете, а можетъ быть даже образованнѣе и васъ самихъ, хоть вы и учились катихизису“.

По слову Св. Писанія, „духъ животворить“, но не „письмя“,

* Отчетъ митрополита Филарета за 1863 г.

которое даже убиваетъ духъ, и этимъ животворнымъ духомъ-русскій народъ обязанъ своему всенародному училищу—церкви. Истина неоспоримая!

О, еслибы можно было спросить твои безмолвные, упитанные кровію холмы и доли, нашъ многострадальный Севастополь, въ настоящее время на радость всей русской земли такъ дивно возраждающійся и болѣе четверти вѣка служившій предметомъ какого-то страннаго равнодушія, которое какъ будто забывало и твое самую природою созданное назначеніе служить, въ свою очередь, къ развитію производительныхъ силъ дорогаго отечества, и твои испепеленныя развалины, ихъ славу и ихъ горькую долю, славу во время безпримѣрнаго боя и безпримѣрно-горькую долю во время мира; о еслибы, повторяю, спросить твои окровавленные стогны, или твои надменные твердыни, грозный Карсъ, или тѣ подобачныя снѣжныя вершины Балканъ, чрезъ которыя, на удивленіе всему свѣту, такъ молодецки, среди громовъ и молній, перешагнувъ русскій чудо-богатырь, спросить: что за душа была у тѣхъ, которые и здѣсь, и тамъ переносили безпримѣрную въ исторіи войнъ тяготу, дышали мужествомъ и отвагою въ бояхъ, проливали потоки крови и такъ геройски умирали за вѣру, царя и отечество, во имя евангельской любви къ братьямъ, увы! въ настоящее время, въ лицѣ своихъ вожаковъ, удивляющихъ свѣтъ самую черною неблагодарностію... Спрашиваю... но вмѣсто отвѣта одно великое безмолвіе.

Но здѣсь, въ этомъ собраніи, есть кому отвѣтить на этотъ вопросъ: отвѣтите вы, доблестные воины, посѣдѣвшіе въ кровавыхъ сѣчахъ и вы, въ цвѣтъ лѣтъ, готовые какъ львы ринуться въ смертельный бой съ первымъ врагомъ русскаго царства. И мы знаемъ вашъ отвѣтъ; вы скажете: русское воинство достойно и праведно носить имя христоролюбиваго. А мы прибавимъ къ вашему правдивому отвѣту: духъ этого воинства есть отраженіе, сила духа народнаго, въ которомъ, мы неизбѣжно должны заключить, живеть духъ Христовъ, тотъ духъ, который впервые излился на русскій народъ изъ священной купели князя Владимира.

Именитый по своей глубокой учености и классическимъ трудамъ историкъ познѣйшаго времени Карлейль, всматриваясь въ духъ русскаго народа и въ его прошедшее, говорить, что „этому народу суждено совершить много великаго для блага человѣчества“. Конечно, глубокомысленный историкъ высказалъ такое пророчество, имѣя въ виду первооснову жизни всѣхъ народовъ во всѣ времена, религиозное настроеніе народной души, то, что кладется въ основу жизни человѣка, семьи, общества и государства; это пророчество для насъ, русскихъ, не можетъ не быть въ высшей степени отраднымъ, и тѣмъ болѣе, что оно

исходить отъ члена англо-германскаго племени, которое, по богатству своихъ духовныхъ дарованій (которыми, замѣчу, и мы не бѣднѣе его), и по высокому образованію, имѣетъ право обѣщать счастливую судьбу и вліяніе на судьбу другихъ народовъ по преимуществу себѣ одному. Но такова дружка: для нел истина—неприкосновенная святыня. Науки, какъ святыни безсмертнаго духа, не признаютъ только современные извѣстнаго направленія глашатаи, и чужіе и наши, съ своими всеразрушительными замыслами и похотями самыхъ дикихъ страстей, тѣ глашатаи, которые проповѣдуютъ полное невѣріе въ Высшее существо и въ чистые идеалы человѣчества, проповѣдуютъ безвластіе или замѣну исторически сложившейся власти какимъ-то правовымъ порядкомъ, проповѣдуютъ космополитизмъ, съ которыми уничтожаются священные и самые естественные узы семьи, неприкосновенность собственности и личности, всякій общественный и государственный строй, которыми одними и обуславливается совершенствованіе человѣчества на всѣхъ путяхъ его жизни. Но оставимъ этихъ глашатаевъ, которыхъ по сравненію съ авторитетами глубокаго ума и науки не позволительно даже назвать школьниками, ничего неизучавшими, ни во что не вдумывавшимися, но къ сожалѣнію владѣющими страшною силою—печатнымъ словомъ и демонически злыми. Если къ кому, то къ нимъ, этимъ недоучкамъ, должно было отнесено двустипіе даровитѣйшаго нашего поэта, гр. Толстаго:

«Все, чего имъ не взвѣситъ, не смѣряти,
«Все, кричать они, надо похерити».

Но тѣ, которые все взвѣшиваютъ и мѣряютъ своимъ свѣтымъ умомъ, посвящая этой работѣ всѣ силы своей души, всю свою жизнь, иначе смотреть на общее мірозданіе, на назначеніе человѣка въ цѣпи твореній, и слагаютъ, по отношенію къ нему или данному народу, истины, вытекающія изъ непреложныхъ законовъ мышленія и неподкупныхъ свидѣтельствъ исторіи. Какъ выводъ подобнаго мышленія я повторю самую близкую къ намъ истину, которой незыблемымъ основаніемъ служить вся тысячелѣтняя жизнь нашего дорогаго отечества и которая должна быть для него священнымъ завѣтомъ на всѣ грядущія времена. Вотъ смыслъ этой непререкаемой истины: самодержавная власть, безграницная народная любовь къ ней и родной землѣ: это — силы, которыя создали и создали обширное и могущественное русское царство; но эти силы единила, роднила, укрѣпляла и одухотворяла третья сила, истекавшая изъ подножія православнаго креста, осѣнявшаго св. Русь—свѣтъ Христовъ.—Воистину—то силы, то—устой нашей народной и государственной жизни, устойчивы исторически сложившіеся, и нѣтъ даже

малѣйшаго основанія замѣнять ихъ другими; ибо при нихъ, какъ опытъ столькихъ вѣковъ показываетъ, можетъ свободно развиваться народная жизнь по всѣмъ ея путямъ и достигать желаемой полноты или совершенства.

Но кромѣ этихъ силъ, которыхъ главное назначеніе освѣщать и прокладывать пути для народной жизни, направлять и охранять эту жизнь, для развитія силъ даннаго народа необходима сила, кроющаяся въ глубинѣ народной души и приходящая въ возрастъ, въ силу чрезъ образованіе. Благодареніе Богу, наше народное образованіе ширится; и намъ остается только одного желать, чтобы это образованіе шло рука объ руку съ нашею православною церковію, про которую никто не посмѣетъ сказать, чтобы она не готовила истинныхъ христіанъ, взаимно любящей и почитающей семьи честныхъ гражданъ, вѣрныхъ слугъ царю и отечеству. Припоминаемъ мысль, высказанную приснопамятнымъ митрополитомъ Филаретомъ, про котораго безпристрастное потомство уже начинаетъ говорить, что подобные мудрецы рождаются вѣками,—мысль, высказанную имъ при видѣ начавшагося движенія въ пользу народнаго образованія: „доселѣ подъ руководствомъ церкви наши безграмотныя матери воспитывали вѣрныхъ дѣтей церкви, царю и отечеству; не знаемъ, дадутъ ли таковыхъ грамотныя: ибо неизвѣстно, что онѣ будутъ читать“. Занеимѣніемъ подъ руками печатнаго источника мы не могли съ буквальною точностію привести словъ, въ которыя была облечена эта мысль нашимъ глубокимъ мыслителемъ; но содержаніе мысли дѣйствительно таково.

Кромѣ всенароднаго образованія, намъ русскимъ людямъ еще одного можно бы пожелать, чего у насъ часто не доставало,—пожелать побольше гражданскаго мужества, самоуваженія и благородной народной гордости, большей самостоятельности и увѣренности въ своихъ силахъ,—поменьше боязни прослыть отсталыми, или что скажутъ о насъ другіе, ради чего мы нерѣдко поступались самыми кровными, самыми дорогими интересами родной земли: и нашимъ государственнымъ авторитетомъ и нашими богатствами, и народнымъ трудомъ, даже народною кровію и именемъ русскаго.

Однажды великаго учителя азыковъ апостола Павла приготовились бичевать; но онъ воскликнулъ: я Римскій гражданинъ,—и руки палачей опустились. Вѣруемъ, что послѣ столькихъ бичеваній и собственными руками, и чужими настало то время, когда каждый русскій человекъ, видя крѣпкую руку своего верховнаго вождя, сознавая мощь своего государства и народную честь, предъ лицомъ всего свѣта скажетъ: я русскій гражданинъ, сынъ той земли, которая ширится отъ Карпатъ до Восточнаго океана, отъ Ледовитыхъ морей Европы и Азіи до Арарата и

стѣнъ недвижнаго Китая (уповаемъ, что гораздо-гораздо южнѣе), и, подобно Тевтонцу, боюсь только одного Бога.

Князя Владиміра, котораго день духовнаго рожденія мы празднуемъ, русскій народъ называлъ краснымъ солнышкомъ и считалъ себя счастливымъ, согрѣваясь теплотою его княжескаго народолюбиваго сердца. Въ высшей степени счастливыми должны считать себя и мы: надъ русскою землею во всю величавую ширь и даль ея свѣтитъ истинно-русское Красное Солнышко, окруженное ореоломъ царственнаго величія, силы, блеска и теплоты,—свѣтитъ и освѣщаетъ русскому народу именно тотъ путь, который пробить стопами безсмертныхъ собирателей и строителей земли русской. Но въ сомнѣ этихъ собирателей и строителей первенствующее мѣсто принадлежитъ святому и равноапостольному князю Владиміру, который во главу угла великаго русскаго царства положилъ камень нерукотворенный—Евангеліе Господа нашего Іисуса Христа, „о немже“ по Апостолу, „живемъ, движемся и есмь“.

Г. Палимпсестова смѣнилъ на кафедрѣ профессоръ Новороссійскаго Университета, А. И. Кирпичниковъ, произнесшій слѣдующую рѣчь.

Рѣчь А. И. Кирпичникова.

Преосвященнѣйшіе архипастыри, милостивые государи!

Представитель одного изъ юнѣйшихъ русскихъ университетовъ, житель младшаго изъ большихъ городовъ русскихъ, я имѣю честь привѣтствовать въ этомъ священномъ мѣстѣ глубокую, сѣдую древность одной изъ важнѣйшихъ окраинъ обширнаго царства русскаго, праматерь нашей христіанской цивилизації. Одесса еще не дожила до своего столѣтняго юбилея, а Херсонисъ Таврическій могъ бы праздновать свой тысячелѣтній юбилей чуть не за пятьсотъ лѣтъ до крещенія Руси. Херсонисъ больше чѣмъ на 2000 лѣтъ древнѣе Петербурга, приблизительно на 1200 лѣтъ старше Москвы. Его обширныя бухты пестрѣли своими и иностранными судами, онъ жилъ полной культурной жизнью, былъ богатъ и славенъ уже въ то время когда на мѣстѣ старѣйшихъ городовъ русскихъ рыскали стада дикихъ звѣрей. Земля, на которой мы стоимъ теперь,—единственный уголокъ Россіи, хорошо знакомый историкамъ древности.

Позволю себѣ напомнить вамъ въ главныхъ чертахъ славное прошлое Херсониса, чтобы потомъ съ нѣскольکو большею подробностію остановиться на томъ важномъ моментѣ въ исторіи нашей, священной памяти котораго мы нынѣ празднуемъ.

Во времена императора Августа всѣ берега Чернаго и Азовскаго морей были усѣяны греческими колоніями, принадлежавшими конечно римлянамъ, которые тогда владѣли всѣмъ извѣстнымъ міромъ.

Изъ европейскихъ колоній важнѣе всѣхъ въ политическомъ отношеніи были города, лежавшіе на южномъ берегу Крыма, тогдашней Тавриды: Пантикапея (нынѣшняя Керчь) и Херсонисъ.

Когда именно былъ основанъ Херсонисъ, съ точностію неизвѣстно; надо думать, что столѣтій за пять до тѣхъ поръ, во время славной войны Грековъ съ Персами и освобожденія греческихъ колоній отъ персидскаго ига. Его построили выходцы изъ Гераклеи Понтіійской, которая въ свою очередь была колоніей извѣстной Мегары. Херсонисъ погречески значитъ полуостровъ и этимъ словомъ, съ присоединеніемъ прилагательнаго Таврическаго, сперва назывался весь Крымъ; одинъ изъ самыхъ важныхъ городовъ его, называвшійся кажется прежде того Мегарикой, присвоилъ себѣ это имя, какъ собственное. Первоначально Херсонисъ, какъ думали до послѣдняго времени, былъ основанъ въ очень укрѣпленномъ природою, но неудобномъ мѣстѣ, на томъ полуостровѣ, гдѣ нынѣ находится маякъ. Когда городъ расширился и окрестныя страны и море стали для него безопаснѣе постепенно основался новый городъ на нѣсколько верстъ съвернѣе. Я сказалъ: „какъ думали до послѣдняго времени“, потому, что производимыя въ настоящее время раскопки легко могутъ измѣнить общепринятое мнѣніе. Долго послѣ паденія независимости Греціи Херсонисъ оставался болѣе или менѣе свободнымъ; какъ мелкая политическая единица, онъ иногда долженъ былъ спасать себя отъ однихъ варваровъ, подчиняясь другимъ сильнѣйшимъ и менѣе грубымъ.

Лѣтъ за 80 до Рождества Христова Херсонисцевъ тѣснилъ скиѣскій царь Скилуръ; они обратились за помощію къ Митридату, царю Понтіійскому; тотъ началъ войну съ Скилуromъ и побѣдилъ его; Херсонисъ послѣ этого былъ укрѣпленъ и благоустроенъ, но подчинился Митридату, который впрочемъ поступалъ съ нимъ очень милостиво. Скоро эта мѣстность стала театромъ войны между Митридатомъ и Римлянами. Митридатъ, какъ извѣстно, былъ убитъ въ Пантикапее и Херсонисъ достался Римлянамъ, которые, сознавая политическую и торговую важность этого пункта, тоже явились по отношенію къ нему господами снисходительными. Они и „должны“ были относиться къ нему съ большимъ вниманіемъ, нежели къ Пантикапее, такъ какъ послѣдняя во времена Августа уже сильно поддалась варваризму, тогда какъ Херсонисъ былъ на всемъ полуостровѣ главнымъ представителемъ эллинскаго цивилизованнаго элемента.

Въ мирныя для этого уголка имперіи времена первыхъ императоровъ Херсонисъ богатѣлъ, обстраивался, расширялъ свою торговлю и цивилизовалъ съ ея помощію окрестныхъ варваровъ. Онъ пользовался значительною долею самостоятельности и содержимый въ немъ Римскій гарнизонъ скорѣе былъ пріятенъ гражданамъ, нежели отягощалъ ихъ. Вслѣдствіе своей отдаленности отъ государственнаго центра, Херсонисъ часто служилъ мѣстомъ ссылки для людей неудобныхъ правительству: сюда при Траянѣ былъ сосланъ Св. Климентъ и работалъ въ каменоломняхъ нынѣшняго Инвермана; здѣсь же въ 94 году по Рождествѣ Христовомъ онъ былъ сброшенъ въ море. Императоръ Адрианъ вывелъ изъ Херсониса, какъ и изъ всѣхъ другихъ мѣстъ Тавриды, свои гарнизоны, и Херсонисцы съ этихъ поръ должны были сами заботиться о своей безопасности отъ варваровъ и оварварившихся босфорцевъ. Они вели свои дѣла съ большимъ успѣхомъ.

Одинъ современный путешественникъ оставилъ намъ любопытную картину жизни этихъ греческихъ городовъ, стоявшихъ на границѣ варварскихъ странъ и исполнявшихъ великую миссію ихъ просвѣщенія посредствомъ торговли: эти купцы—воины въ костюмѣ на половину варварскомъ, на половину греческомъ, всегда готовые вскочить на коня, но въ тоже время готовые бросить всѣ дѣла, чтобы послушать пѣвца, поэта, или оратора, ходили въ битву съ пѣснями Гомера и съ саблѣй въ рукѣ защищали честь Ахиллеса. Такъ жили послѣ Адриана и Херсонисцы; только вслѣдствіе богатства и силы своей они менѣе боялись сосѣдей и ихъ городъ не подвергался періодическимъ разрушеніямъ, а стоялъ крѣпко и твердо, какъ прочный оплотъ образованнаго міра. Херсонисцы умѣли ладить съ босфорскимъ царствомъ и богатѣли, и усиливались по мѣрѣ его ослабленія. Они были въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ своими номинальными владыками—Римлянами и не только не пользовались военною помощію со стороны имперіи, но напротивъ помогали ей: такъ при Діоклитіанѣ Херсонисъ за римскіе интересы велъ войну съ Сарматомъ Криспономъ и побѣдилъ его; за то онъ кромѣ полной муниципальной свободы (элевтеріи) былъ награжденъ еще ателіей, т.-е., свободой отъ податей (до тѣхъ поръ онъ добровольно платилъ подати, разумѣется, ради торговыхъ выгодъ). При Константинѣ Великомъ Херсонисцы помогаютъ имперіи въ войнѣ противъ Скивовъ и за это получаютъ статуя императора, а ихъ корабли освобождаются въ римскихъ гаваняхъ отъ пошлины.

Христіанство распространяется въ Херсонисъ постепенно, послѣ довольно продолжительной борьбы. Его исторія начинается здѣсь еще со времени Апостольскихъ: по преданію Андрей

Первозванный переѣхалъ сюда изъ Синопа и отсюда отправился на сѣверъ. Здѣсь бывали гоненія на христіанъ и при одномъ изъ нихъ бы замученъ народомъ епископъ Василій. Съ Константинова новая вѣра пользуется полной свободой, а потомъ и господствомъ, и епископы Херсониса играютъ довольно важную роль на соборахъ. Позднѣе въ Херсонисѣ была даже архі-епископія.

Наступаетъ мрачная эпоха переселенія народовъ, отъ которой больше всего пострадала южная часть нынѣшней Россіи; богатый Крымъ волей-неволей принималъ къ себѣ орды разноплеменныхъ варваровъ. Его опустошали Готы, часть которыхъ и осталась здѣсь, потомъ страшные Гунны, окончательно разрушившіе когда-то могучее царство босфорское, потомъ явились Авары, за ними Турки, Болгары, Узы, Хозары, наконецъ Печенѣги. Всѣ когда-то богатые греческія поселенія были обращены въ развалины; устоялъ только Херсонисъ.

„Можетъ быть, ни одинъ городъ не имѣлъ болѣе славной исторіи“*. Среди полнаго варварства окружающихъ странъ Херсонисъ со своими крѣпкими стѣнами, защищавшими не только городъ, но и его богатые окрестности (укрѣпленія шли непрерывно отъ Черной рѣчки до Балаклавы), съ мраморными храмами и портиками, съ красивыми іоническими колоннами, выдерживаетъ ударъ за ударомъ и стоитъ, какъ несокрушимый оплотъ цивилизаціи почти на краю извѣстнаго тогда міра. „Онъ показалъ, говоритъ тотъ же Рамбо, что можегъ сдѣлать благородная греческая раса тамъ, гдѣ духъ ея не былъ подавленъ римскимъ деспотизмомъ“.

Въ началѣ христіанскаго періода Херсонисцы даже являются завоевателями: они ведутъ счастливыя войны съ Сарматами и Босфоромъ и распространяютъ свои владѣнія до Θεодосіа и даже далѣе.

Подвиги Херсонисцевъ во время борьбы съ Босфоромъ были предметомъ народныхъ сказаній; эти сказанія доходили и до Константинополя, а нѣкоторая часть дошла и до насъ чрезъ Константинова Багрянороднаго. Таково сказаніе о протевонѣ Фарнакѣ, сынѣ Фарнака, который побѣдилъ въ единоборствѣ начальника непріятелей, Савромата, заставивъ его хитростію обернуться назадъ, и исторія Гикии, дочери Ламаха, которая, пожертвовавъ мужемъ и домомъ, спасла родной городъ.

Византійскіе императоры со свойственною имъ политическою дальновидностію оцѣнили важное значеніе Херсониса. Хотя они были гораздо болѣе расположены брать деньги съ отдаленныхъ

* Рамбо, стр. 487.

провинній, чѣмъ тратиться на нихъ, для Херсониса они не жалѣли расходовъ и заботы. Они не одинъ разъ на свой счетъ подвояляли его укрьвленія, долго давали ему постоянную субсидію, охраняли его безопасность договорами съ варварскими народами и ежегодными подарками имъ и зорко слѣдили за его внутреннею и виѣшнею жизнью.

Херсонисъ служилъ для Византіи не только однимъ изъ главныхъ торговыхъ пунктовъ, но имѣлъ и важное политическое значеніе. На его площадяхъ толпились представители самыхъ разнообразныхъ національностей. Здѣсь была станція и базисъ для всѣхъ сношеній съ Печенѣгами и вообще со всеми народами древней Скиѣи; отсюда выходили самые искусные дипломаты для веденія дѣлъ съ народами сѣвера и востока; здѣсь какъ эти дипломаты, такъ и проповѣдники христіанства изучали языки тѣхъ странъ, куда имъ приходились отправляться (здѣсь напр. св. Кирилль, впоследствии Апостолъ славянства, собираясь отправиться къ Хозарамъ, учился похозарски). Короче сказать, Херсонисъ былъ однимъ изъ лучшихъ перловъ въ коронѣ наслѣдниковъ Константина Великаго.

Выгодное, даже исключительное положеніе Херсониса относительно центрального правительства, а также его торговое значеніе чрезвычайно рельефно характеризуются тѣми мѣрами, которыя императоръ Константинъ Баряиородный рекомендуетъ своимъ наслѣдникамъ въ томъ, очевидно возможномъ и не небываломъ случаѣ, если Херсонисцы откажутся повиноваться императорскому указу. Тогда во первыхъ слѣдуетъ немедленно захватить всѣ корабли херсонисскіе, которые окажутся въ портахъ имперіи и отвести ихъ въ Константинополь со всѣмъ ихъ грузомъ; грузъ конфисковать, а матросовъ и пассажировъ изъ Херсониса арестовать. Затѣмъ надо запретить кораблямъ оемы армянской, берега Пафлагонскаго и Букелларійскаго возить въ Херсонисъ хлѣбъ, вино и т. п. При этомъ Константинъ объясняетъ, что Херсонисъ не можетъ существовать, если онъ будетъ лишень возможности транспортировать въ Азію грузы съ сѣвера и получать изъ гаваней имперіи сѣвѣтные припасы. Наконецъ онъ рекомендуетъ еще третье наказаніе для непокорныхъ Херсонисцевъ: царскій стратегъ конфискуетъ 12 лиръ серебра, который городъ получаетъ изъ казны, и покинетъ Херсонисъ.

Изъ этого видно, что Херсонисцы были скорѣе на положеніи подчиненныхъ союзниковъ или вассаловъ, нежели на положеніи подданныхъ, и что пребываніе въ ихъ городѣ стратега было скорѣе для нихъ выгодно. Не такъ распорядилось бы ревнивое къ своей власти византійское правительство, еслибы какой-нибудь изъ значительныхъ и ближайшихъ къ столицѣ городовъ

отказался исполнять его распоряженія. Неизвѣстно подчинились ли бы Херсонисцы безъ рѣзко выраженнаго неудовольствія даже такимъ мѣрамъ: если византійское правительство могло имъ грозить конфискаціей судовъ и ослабленіемъ ихъ торговли, они могли ему угрожать передаться какому-нибудь изъ сѣверныхъ сосѣдей.

Уже въ IX вѣкѣ изъ этихъ сосѣдей начинаютъ выдвигаться Руссы, народъ смѣлый, энергичный и способный. Хозары отступаютъ на задній планъ въ глубь восточныхъ степей; начинается борьба о первенствѣ между Печенѣгами и Русскими, но Печенѣги—дикари, кочевники и не индо-европейскаго племени; не имъ принадлежало будущее.

При Константинѣ Багрянородномъ Русскіе входятъ въ ближайшія сношенія съ Византіей и ихъ княгиня Ольга посѣщаетъ столицу имперіи, можетъ быть даже не одинъ разъ. Съ Херсонисомъ, или Корсунемъ, какъ они его называютъ, Русскіе уже давно знакомы и давно смотрятъ на него какъ на весьма желательную добычу, такъ что въ договорѣ съ Игоремъ Византійское правительство считаетъ нужнымъ обязать Игоря не присваивать власти надъ Херсонисомъ и его городами (ст. 7-я), въ 9 статьѣ сказано, что Руссы не должны обижать Херсонисцевъ которые ловятъ рыбу въ устьяхъ Днѣпра. Святослава, съ которымъ наши предки выступаютъ на арену всемірной исторіи, отъ Корсуни отвлекаютъ другія болѣе важныя задачи; но онъ не миновалъ рукъ его ближайшаго наслѣдника, который вступилъ на него грубымъ завоевателемъ, а вышелъ изъ него христіаниномъ и равноапостольнымъ просвѣтителемъ земли Русской.

Я не буду приводить прекрасной легенды объ испытаніи вѣры и о крещеніи Владиміра, занесенной въ нашу начальную лѣтопись: она слишкомъ извѣстна, а въ эти дни священнаго воспоминанія она читается во всякой избѣ крестьянской, гдѣ только есть грамотный человѣкъ. Уже довѣрчивый Карамзинъ считалъ отдѣльныя части легенды только „вѣроятными“ и говорилъ, что лѣтописецъ „угадывалъ“ рѣчи пословъ. Болѣе строгая ученая критика нашихъ временъ разбила, какъ извѣстно, эту легенду почти во всѣхъ главныхъ и второстепенныхъ пунктахъ. Профессоръ Московской Духовной Академіи, Е. Голубинскій (Ист. рус. цер. т. I. Москва 1880 г.) доказываетъ, что Апостолъ Андрей на Русь не приходилъ, что „дѣло невозможное, чтобы Владиміръ выбиралъ вѣру и для этого посылалъ пословъ къ народамъ“ (стр. 102); возможно, что къ нему приходили послы, но и этого на самомъ дѣлѣ не было (стр. 103); что Владиміръ крестился въ 987 году отъ священниковъ Варяговъ, вѣроятно тайно отъ

народа въ Василевѣ (стр. 113, 114, 115), а Корсунь взялъ только черезъ 2 года въ 989 году и т. д. Намъ не можетъ это ни удивлять, ни огорчать: принятіе христіанства—такой важный моментъ въ исторіи народа, что уже ближайшія поколѣнія „должны“ были облечь его въ поэтическіе и величественные образы. Строгая фактичность нашего преданія доказала бы недостатокъ религіознаго одушевленія юнаго русскаго общества, въ чемъ конечно никто не имѣетъ права обвинять его.

Я не буду подвергать обстоятельному разбору всю легенду, но остановлюсь только на той ея части, которая касается Херсоніа-Корсуны. Здѣсь, по моему убѣжденію, основа ея можетъ выдержать самую строгую критику.

„Память и похвала князю Русскому Владиміру“, на которую ссылаются тѣ, кто отвергаетъ крещеніе Владиміра въ Корсунѣ, документъ несомнѣнно древній и подлинный; но это не повѣствованіе, а риторически-украшенное „слово“, цѣль котораго не изложеніе событія въ исторической послѣдовательности его частей, а прославленіе его. „Память“ нѣсколько разъ переходитъ отъ Владиміра къ Ольгѣ и обратно и ничего не говоритъ о мѣстѣ крещенія Владиміра. Можетъ ли она составить достаточный противовѣсъ обстоятельному разсказу летописи, которая даже смичаетъ разныя сказанія о мѣстѣ крещенія, ея источнику—житію Владиміра и проложному сказанію?

Нельзя считать вѣроятной войну Владиміра съ имперіей немедленно послѣ того, какъ онъ принялъ вѣру этой имперіи отъ рукъ духовенства, бывшаго въ зависимости отъ вѣра Константинопольскаго, между тѣмъ какъ его походъ на Корсунь до крещенія можетъ быть легко объясненъ. Весьма важное арабское извѣстіе тоже ставитъ въ связь крещеніе Владиміра съ его женитьбой на царевнѣ Аннѣ.

Наконецъ за Корсунь—внутреннія основанія и многія паралели.

Новую вѣру удобнѣе было принять въ новомъ мѣстѣ и преимущественно въ такомъ, гдѣ все окружающее ей соответствовало. Въ Кіевѣ, гдѣ стояли капища, въ Василевѣ, гдѣ таковыя могутъ предполагаться съ полнымъ основаніемъ, крещеніе князя и дружины его не могло въ должной торжественности быть обставлено, а напротивъ могло встрѣтить противодѣйствіе со стороны горячихъ приверженцевъ старой вѣры, которое во всякомъ случаѣ нарушило бы мирный характеръ великаго акта. Въ Корсунѣ же съ его великолѣпными храмами и святынями, среди сплошь христіанскаго населенія крещеніе Владиміра могло совершиться въ такой формѣ, которая была вполне достойна государя великаго народа. А когда новообращенный князь Владиміръ вернулся въ Кіевъ съ побѣдоносною дружиною, тоже окрещенною, съ мно-

жествомъ священниковъ, хоругвей и иконъ, сопротивленіе воле его могло проявиться развѣ въ частныхъ и незначительныхъ случаяхъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Владиміръ явился подъ стѣнами Корсуни съ твердымъ намѣреніемъ принять здѣсь крещеніе, въ которому онъ былъ уже внутренне предрасположенъ заранѣе, чего конечно не скрывалъ отъ близкихъ людей. Вотъ источникъ тѣхъ несвѣдущихъ, которые говорили, что онъ крестился въ Кіевѣ, или въ Василевѣ, или еще гдѣ-то („друзи же инако скажутъ“). Отчего ему понадобилось предварительно взять городъ, мы навѣрно не знаемъ: можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ гордый князь русскій не желалъ быть на чужой землѣ, въ положеніи гостя, можетъ быть недовѣрчивые греки не хотѣли впустить его. Какъ бы то ни было, онъ осадилъ городъ и взялъ его, и разсказъ лѣтописи объ этой славной побѣдѣ во всѣхъ подробностяхъ, кромѣ стрѣлы Настаса представляется вполне вѣроятнымъ. Его грозное посольство въ Константинополь также соответствуетъ его характеру; императоры Византійскіе въ принципѣ были конечно противъ брака сестры съ княземъ варварскаго народа, но „нужда законы перемѣняетъ“, а они хотя и не очень опасались нападенія русскихъ на столицу, но за то сильно нуждались въ помощи Владиміра противъ бунтовщика Варды Фоки съ товарищами.

Анна пріѣхала, а Владиміръ сталъ готовиться къ крещенію. Въ Корсунѣ на одной изъ главныхъ площадей стояла церковь Богородицы между двумя дворцами; въ одномъ изъ нихъ жила Анна, а въ другомъ Владиміръ. Легко себѣ представить душевное настроеніе русскаго князя и его дружинниковъ, какъ бы волшебствомъ перенесенныхъ изъ военныхъ становищъ своихъ деревянныхъ крытыхъ соломою строеній Кіева въ великолѣпные дворцы съ мѣдными и мраморными статуями и храмы, украшенные іоническими и коринтскими колоннами и изящными портиками. Здѣсь въ первый разъ князь русскій вошелъ въ культурную жизнь, увидалъ на дѣлѣ выгоды цивилизаціи, познакомился съ гражданскими порядками въ то время, какъ умъ и сердце его были размягчены подготовленіемъ къ принятію христіанства, какъ его воображеніе представляло ему заманчивыя послѣдствія его вступленія въ семью императорскую. Нельзя отказать отъ мысли, что все, видѣнное имъ въ Корсунѣ, глубоко вѣззалось въ его память, и что, возвратясь въ Кіевъ, онъ желалъ его сдѣлать, въ чемъ можно, похожимъ на Корсунь. Такимъ образомъ Херсонисъ былъ тоже для Владиміра, что западно-европейскіе города для Петра Великаго; онъ былъ образцомъ русскои цивилизаціи. Не даромъ слово „Корсунскій“ въ домонгольскую эпоху получило почти нарицательное значеніе въ смыслѣ „за-

граничный, князский". Нельзя не удивляться тому, что Владимиръ возвратилъ Корсунь имперіи. Трудно думать, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ „власть Корсунь грекамъ за вѣно царствъ дѣла“, какъ объ этомъ говорить лѣтопись, по всей вѣроятности, князь имѣлъ какія-либо другія основанія, можетъ быть, возвращеніе Корсуни было включено въ условіе временной сдачи города; можетъ быть онъ, наученный примѣромъ отца своего, не хотѣлъ имѣть владѣнія вдали отъ ядра земли своей, предположеніямъ открыто широкое поле. Если здѣсь, какъ это часто бываетъ въ жизни, соединилось нѣсколько мотивовъ, между ними долженъ былъ играть роль и мотивъ нравственный: Владимиръ послѣ принятія крещенія пересталъ стремиться къ завоеванію: онъ дѣйствительно совлекъ съ себя ветхаго челоуѣка и возродился къ новой жизни. Если рассказъ лѣтописи о крутомъ поворотѣ въ его характерѣ и нравахъ и не свободенъ отъ поэтическаго преувеличенія, онъ все же долженъ имѣть реальное основаніе. Григорій Турскій имѣлъ такіе же мотивы благоговѣть предъ памятью Хлодвига, однако онъ не приписываетъ ему и тѣни подобныя добродѣтели.

Какъ бы то ни было, Херсонисъ остался Византійскимъ, или вѣрнѣе свободнымъ городомъ. Любопытно, что и во время войны съ греками въ 1043 году Русскіе, отъ языческихъ предковъ которыхъ имперіи приходилось такъ тщательно оберегать Херсонисъ, его не трогали, можетъ быть хоть отчасти подъ влияніемъ того благоговѣнія, которое питали они къ мѣсту крещенія Владимира Равноапостольнаго.

Доскажу въ двухъ словахъ дальнѣйшую судьбу Херсониса. Въ XI и XII вѣкахъ онъ попрежнему оставался въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Византіи, служилъ иногда мѣстомъ ссылки и жилъ въ мирѣ съ русскими, которые стали почти его сосѣдями по Тмутаракани. Въ XIII вѣкѣ Херсонисъ былъ во власти трапезунтскихъ императоровъ. Вскорѣ Крымъ былъ занятъ татарами, но Херсонисъ оставался свободнымъ, хотя районъ его коммерческихъ операцій, очевидно, сужился. Окончательно потушили его генуэзцы, которые въ томъ же XIII вѣкѣ основались на южномъ берегу Крыма и сильно подняли торговлю Судака, а потомъ Кафы-древней Феодосіи. Въ срединѣ XIV столѣтія генуэзцы, имѣвшіе тогда огромное вліяніе въ ослабѣвшей Византіи, запретили ей торговать съ Херсонисомъ, и городъ, лишенный своего единственнаго нерва жизни, умеръ, такъ сказать, своею смертію. Когда въ 1475 году турки завладѣваютъ Кафою, Менкубомъ и пр., о Херсонисѣ нѣтъ уже и рѣчи: онъ былъ трупомъ безъ признаковъ жизни, но развалины его стѣнъ, дворцовъ, башенъ и храмовъ поражали своимъ великолѣпіемъ не-

многочисленныхъ путешественниковъ еще въ концѣ XVI вѣка, время и люди медленно, но вѣрно истребляли и ихъ.

Этотъ трущъ вызванъ къ новой и славной жизни тѣми же русскими, которые изъ него получили за 8 вѣковъ до тѣхъ поръ и вѣру, и культуру. Въ 1773 году Крымъ присоединенъ къ Россіи, чрезъ годъ послѣ этого * отчасти изъ камней Херсониса стали отстраивать Севастополь. Отчего же онъ не получилъ стараго и славнаго имени?

Самая знаменитость Херсониса или Херсона, какъ его сокращенно называли въ христіанской періодъ его существованія, помѣшала ему возродиться съ прежнимъ названіемъ: за 9 лѣтъ предъ этимъ Екаторина, не рассчитывавшая такъ скоро и легко овладѣть Крымомъ, задумавъ основать на Черномъ морѣ большой портовой городъ, назвала его ради счастливаго предзнаменованія именемъ Херсона, которое онъ сохраняетъ и досихъ поръ.

Севастополь, наследникъ Херсониса, не прожилъ еще полной человѣческой жизни, какъ приобрѣлъ уже всемірную извѣстность и далъ имя свое одной изъ самыхъ знаменательныхъ страницъ исторіи; въ немъ дружина русская получила новое крещеніе „огнемъ и кровію“. Многострадальный городъ обратился въ груду развалинъ; но прошло 30 лѣтъ, и онъ, какъ фениксъ, возродился изъ пепла.

Милостивые государи! Исторія—наша общая наставница, изученіе прошлаго есть единственное средство догадываться о будущемъ и направлять его ко благу родины и человѣчества. Выгодное географическое положеніе Херсониса и то значеніе, которое имѣлъ онъ 900 лѣтъ назадъ, предоставленный самому себѣ, оторванный отъ государства, частью котораго считался онъ, окруженный со всѣхъ сторонъ злыми и завистливыми врагами, указываетъ на то, чѣмъ можетъ и долженъ быть для Россіи неразрывно съ нею сплоченный его преемникъ. Слава погребеннаго здѣсь Херсониса осыпаетъ молодой, но уже испытанный судьбою Севастополь. Да будетъ его грядущее достойно той священной своею древностію земли, на которой стоитъ онъ“.

По окончаніи рѣчи г. Кирпичникова, архіерейскимъ хоромъ исполненъ былъ гимнъ св. Владиміру (слова К. П. Случевского, музыка Главача):

Вѣроу русской свободна, незблема наша держава,
Древлепрестольнаго Кіева князю Владиміру слава!
Деять вѣковъ миновало!

* См. Скальковскій-хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссійскаго края, Одесса 1836 г. У Кеппена ошибочно поставлено 1786 г. Крымскій Сборникъ, С.-Петербургъ 1837 г. стр. 234.

Въ гнѣвѣ девятой волны.
 Щитъ нашей вѣры надеженъ,
 Крѣпокъ завѣтъ старины.
 Вѣсть хоругвь православья,
 Всюду далеко свѣтлѣсь!
 Радуйся, княже Владимірь,
 Равноапостольный князь!
 Сердцу народа любезный,
 • Ставленникъ вѣры святой,
 Днесъ славословимъ мы, княже,
 День твой всей русской землей!
 Если ее не измѣрить,
 Если въ ней весей не счесть,
 Господу силы молитва,
 Князю Владиміру честь!
 Вѣрою русской свободна, незыблема наша держава,
 Древлепрестольнаго Кіева князю Владиміру Слава!

Потомъ обоими хорами вмѣстѣ исполненъ былъ народный гимнъ:
 „Боже Царя храни“, которымъ и закончилось настоящее собрание. Послѣ сего торжественнаго собранія присутствовавшимъ на немъ розданы были „житія св. равноапостольнаго князя“, изд. общества „Нар. Польза“—1000 экз., „Херсонисъ Гавричскій, крещеніе въ немъ св. равноапостольнаго великаго князя Владиміра и Херсонисскій монастырь“, изд. Херсонисскаго св. Владиміра монастыря—2000 экз. и „Херсонисскій монастырь“, книг. Горчаковой—2000 экз.

Послѣ торжественнаго собранія преосвященные архипастыри, представители власти, разныхъ учрежденій и вѣдомствъ, духовенство и частныя лица, принявшія участіе въ торжествѣ, приглашены были къ обѣду въ обширныя залы монастырскаго дома. На обѣдѣ его высокопреосвященствомъ, Никаноромъ, архіепископомъ херсонскимъ и одесскимъ провозглашенъ былъ тостъ за Государя Императора Александра Александровича, на который присутствующіе отвѣчали дружнымъ и долго несомлавленнымъ „ура“. За этимъ тостомъ слѣдовалъ тостъ за Государыню Императрицу Марію Феодоровну, Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, Великаго Князя Владиміра Александровича, какъ ктитора новаго Херсонисскаго храма, за Святѣйшій правительствующій Синодъ и за преосвященнаго таврическаго Мартиніана. Преосвященнымъ Мартиніаномъ провозглашенъ былъ тостъ за высокопреосвященнаго архіепископа херсонскаго Никанора. Затѣмъ высокопреосвященнымъ Никаноромъ провозглашались тосты за процвѣтаніе науки, за севастопольскаго градоначальника, севастопольскаго городского голову, таврическое духовенство и другихъ почетныхъ представителей на херсонисскомъ торжествѣ. По окончаніи обѣда, поблагодаривши преосвященнѣйшаго Мартиніана, какъ радушнаго хозяина, участники торжества оставили херсонисскій монастырь.

ОТВѢТЪ

НА БИБЛИОГРАФИЧЕСКУЮ ЗАМѢТКУ О РУКОВОДСТВѢ
ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

Audiatur et altera pars.

Въ сентябрьской книгѣ „Православнаго Обзорѣнія“ помѣщена библиографическая замѣтка г. Доброклонскаго на мою книгу „Руководство по исторіи Русской церкви“. Въ ней указаны разныя погрѣшности—историческія и хронологическія,—вѣршія въ нашу книгу, но вся тяжесть обвиненія заключается въ пристрастномъ пользованіи нами пособіями. По словамъ рецензента, мы или своими словами по плану какого-нибудь изъ пособій излагаемъ тотъ или другой вопросъ, не сообщая новыхъ свѣдѣній, или же—что еще чаще, дѣлаемъ изъ нихъ буквальные выписки и группируемъ, приправляя своими сокращеніями или разсужденіями, не дающими ничего фактически новаго“ (стр. 187). По поводу этого пункта, какъ важнѣйшаго, мы и намѣрены сдѣлать объясненіе. Признаемся, рецензія г. Доброклонскаго привела насъ въ недоумѣніе тѣмъ принципиальнымъ недоразумѣніемъ, которое положено въ ея основу и дало возможность автору ея винить меня въ широкомъ и безцеремонномъ пользованіи пособіями. Волюму, (въ данномъ случаѣ исключаемъ г. Доброклонскаго) кто только потрудится прочесть предисловіе къ нашей книгѣ, ясно будетъ, что мы ставили себѣ чрезвычайно скромную задачу. „Не задаваясь широкими цѣлями, говоримъ мы въ предисловіи, составитель руководства постарался вос-

пользоваться свѣдѣніями, сдѣлавшимися достояніемъ русской церковно-исторической науки“ и здѣсь же дѣлаемъ подстрочное указаніе пособій, на основаніи которыхъ мы составили свой курсъ. Кажется ясно, что всякія ученныя претензіи мы отклонили отъ себя и пошли по дорогѣ, проложенной уже другими, говоря короче, отводили себѣ роль организааторскую, а не творческую. Думается, что нашему рецензенту хорошо извѣстна разница между понятіями *составлять* и *сочинять*, а эта разница вызываетъ, естественно, и иныя требованія къ сочинителю и составителю. Полная самостоятельность и оригинальность—обязательныя качества ученыхъ сочиненій. По отношенію же къ учебному руководству, какъ показываютъ многіе опыты, требованія ставятся иныя. По нашему мнѣнію эти требованія сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) Учебный матеріалъ долженъ быть подобранъ цѣлесообразно т.-е. долженъ прямо, ясно и точно отвѣчать на требуемые вопросы и по объему находиться въ соотвѣтствіи съ количествомъ учебнаго времени; 2) онъ долженъ быть расположенъ по опредѣленному плану и въ общемъ представлять изъ себя стройное цѣлое; 3) наконецъ по обработкѣ и подбору матеріала учебное руководство историческаго характера должно отличаться живымъ изложеніемъ фактовъ и событий. Этими качествами учебнаго руководства мы, насколько могли, и старались удовлетворить, не особенно заботясь о самостоятельности и оригинальности. Да не подумаетъ нашъ строгій рецензентъ, что мы совершенно отрицаемъ необходимость самостоятельности въ учебныхъ курсахъ. Мы говоримъ только, что въ такихъ произведеніяхъ самостоятельность далеко не главное качество и учебное руководство, удовлетворительное съ точки зрѣнія самостоятельности, будетъ неудовлетворительнымъ для школы, если оно не отвѣчаетъ другимъ указаннымъ нами педагогическимъ требованіямъ. Разумѣется, книга самостоятельная и удовлетворяющая всемъ другимъ педагогическимъ требованіямъ, будетъ неизмѣримо стоять выше всѣхъ несамостоятельныхъ руководствъ и пособій. Но если предъявлять такія требованія, какъ обязательныя, къ учебной литературѣ, тогда пришлось бы произвести въ этой области страшное опустошеніе и долго дожидаться выполненія этого пробѣла. Если бы г. Доброклонскій взялъ на себя трудъ приложить свой строгій анализъ къ нашей учебной литературѣ, то много ли бы онъ нашелъ учебниковъ отличающихся самостоятельностью? А мы, признаемся, въ достаточной мѣрѣ ознакомились съ этимъ, для уясненія себѣ вопроса, въ нравѣ ли мы были давать такую несприятельную на оригинальность постановку своему дѣлу. И результатъ знаменитва таковъ: составители учебныхъ руководствъ сплошь и

рядомъ самостоятельность и оригинальность ставятъ на второмъ планѣ, а иногда ихъ руководства и совершенно чужды самостоятельности. Приведу нѣсколько примѣровъ. Всѣмъ хорошо извѣстенъ курсъ гражданской исторіи Шульгина. А какъ онъ составленъ? Сколько тамъ самостоятельнаго элемента? „Въ этомъ курсѣ, говоритъ его составитель, помѣщены почти *безъ измѣненій* тѣ статьи изъ иностранныхъ и отечественныхъ монографій и учебниковъ, которыя по убѣжденію составителя, вполне удовлетворяютъ назначенію руководства“ (Пред. стр. VII). Прекрасная книга Гуревича „исторія Греціи и Рима“, удостоенная Петровской преміи, не свободна отъ буквальныхъ заимствованій. Сравни статью: главные черты государственнаго и общественнаго устройства быта древней Греціи по Гомеру (стр. 21) и Сборникъ Историческихъ очерковъ Пютца (стр. 223—231). Половина книги проф. Лучицкаго „Исторія новаго времени“ составлена по Зеварту съ исключеніями и сокращеніями. (Предисл. II стр). Обратимся къ курсамъ богословскаго и церковно-историческаго характера. Учебное руководство по литургикѣ Лебедева можно разложить по составнымъ элементамъ, съ указаніемъ отдѣловъ взятыхъ изъ обработанныхъ источниковъ; существующій учебникъ по основному богословію подчиняется тому же анализу. Вѣроятно нашему рецензенту извѣстны гимназическіе курсы по церковной исторіи Лаврова и Лебедева. Первый въ предисловіи говоритъ слѣдующее: „источниками при составленіи означеннаго очерка служили преимущественно тѣ руководства, какія означены въ самой программѣ, именно исторія Русской церкви Филарета и краткая исторія Рудакова“ и вромѣ того, указываетъ на Исторію Макарія и Очеркъ исторіи Добролюбина. А послѣдній въ своемъ Очеркѣ Исторіи Христ. церкви при составленіи отдѣла по исторіи русской церкви, пользовался преимущественно руководствомъ профессора Знаменскаго, о чемъ и заявилъ въ выносѣ къ этому отдѣлу (стр. 75). Пусть посмотритъ г. Добролюбинскій, въ какой мѣрѣ составители этихъ руководствъ выходятъ за предѣлы указанныхъ ими пособій и въ какой степени пользуются ими. Можно бы и еще указать много примѣровъ, но полагаемъ и этого достаточно для убѣжденія въ томъ, что пользуясь указанными нами пособіями, мы могли оригинальность и самостоятельность своей работы ставить на второмъ планѣ. Равнымъ образомъ изъ указанныхъ примѣровъ слѣдуетъ тотъ поучительный выводъ, что люди, заинтересованные въ лучшей постановкѣ учебнаго дѣла, понимающіе и отъивающіе его потребности, по мѣрѣ возможности стараются удовлетворить этимъ потребностямъ, не принимая близко къ сердцу, если ихъ будутъ упрекать въ заимствованіяхъ и копип-

ляціи. Этотъ упрекъ впрочемъ примѣнимъ и къ такимъ сочиненіямъ, которыя видимо бьютъ на самостоятельность. Говоря это мы имѣемъ въ виду Руководство по исторіи Р. Ц. нашего рецензента. Если приложить къ его труду такую же анатомическую операцію, какою онъ удостоилъ насъ, то пришлось бы указать и буквальныя заимствованія въ его курсѣ изъ руководства г. Знаменскаго *, а еще болѣе изъ исторіи Макарія. Между тѣмъ г. Доброклонскій ни однимъ намекомъ не проговорился, что онъ не будетъ пользоваться готовымъ матеріаломъ. По моему мнѣнію гораздо лучше высказаться предварительно на счетъ характера своей работы вмѣсто того, чтобы прикрываясь самостоятельностью, давать все-таки мѣсто и компиляціямъ и заимствованіямъ.

Но наше предупрежденіе, что не обѣщаемъ быть самостоятельными, не помогло. Г. Доброклонскій, выписавъ изъ нашего предисловія цитату, изъ которой ясенъ характеръ нашего труда, дѣлаетъ диверсію въ сторону и предъявляетъ такія требованія къ нашей книгѣ, какимъ могутъ удовлетворять ученые сочиненія: онъ винитъ насъ въ заимствованіяхъ и компиляціи и въ доказательство представляетъ множество цитатъ усмотрѣнныхъ имъ буквальныхъ заимствованій или очень близкихъ компиляцій изъ руководства профессора Знаменскаго и его Доброклонскаго. Съ упрекомъ въ компиляціяхъ и заимствованіяхъ мы миримся, потому что составляли учебное руководство. Но кромѣ улики въ этомъ, г. Доброклонскій посредствомъ цитатъ пытается ограничить кругъ пособій, которыми мы пользовались и чуть все дѣло не сводитъ къ своему руководству и къ руководству Знаменскаго. Послѣдній упрекъ вынудилъ насъ произвести анализъ цитатъ отмѣченнаго г. рецензентомъ сходства моего курса съ его и открылось слѣдующее: а) крайняя придирчивость нашего рецензента, вслѣдствіе которой дѣлались для насъ непонятныя сопоставленія нѣкоторыхъ страницъ нашего руководства съ его и б) слишкомъ высокое представленіе г. Доброклонскаго о самостоятельности своего курса, отчего вышло крупное недоразумѣніе. Г. Доброклонскій забылъ, что онъ свободно пользовался исторіею Макарія и позволялъ себѣ буквальныя оттуда заимствованія, а потому и упустилъ изъ виду, что буквальное совпаденіе выраженій и цѣлыхъ строкъ въ нашемъ курсѣ съ

* Добр. вып. 1 стр. 18 ср. Знам. стр. 16—17; 52—53 ср. Знам. стр. 29; 89 ср. Знам. 31; 93—94 Знам. стр. 29—80; вып. II стр. 16 Знам. стр. 80—81; 17 Знам. стр. 101; 201 Знам. стр. 148; 224—225 Знам. стр. 134; 226 Знам. 135; 249—250 Знам. стр. 78; 254 тоже. Привели эти примѣры, чтобы не быть голословными; дѣлать дальнѣйшія сличенія находимъ безцѣльнымъ.

его объясняется тою же причиною. Вышло это отъ того, что мы такъ же часто заглядывали въ исторію Макарія, какъ и г. Доброклонскій. Тамъ, гдѣ г. Доброклонскій ссылается на свое руководство, будетъ правдивѣе во многихъ случаяхъ поставить соотвѣтствующія цитаты изъ исторіи Макарія. Если потребуется доказательства, мы представимъ. Изъ руководства же г. Доброклонскаго въ мое вошло очень мало элементовъ, лично принадлежащихъ ему. Но такъ какъ кое-что вошло, то мы и поставили его въ числѣ пособій. Отсюда попытку г. Доброклонскаго ограничить кругъ пособій, которыми мы пользовались, мы считаемъ недоразумѣніемъ и пусть она останется упрекомъ на совѣсти нашего рецензента.

Что касается руководства профессора Знаменскаго, то было бы странно не пользоваться, при составленіи учебнаго курса, книгою почтеннаго ученаго. Нѣкоторыя статьи составлены нами преимущественно по этому руководству (Общ. знач. храмовъ, просвѣтительное и колонизаціонное значеніе р. монаст., житія св.; какъ велики эти статьи, г. Доброклонскому хорошо извѣстно), но статей, представляющихъ исключительную переработку матеріала руководства Знаменскаго, безъ привнесенія чего-либо изъ другихъ источниковъ, въ нашей книгѣ не много. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы позволили себѣ занести на страницы своей книги буквальные выраженія изъ руков. Знаменскаго въ силу ихъ типичности и многосодержательности, находя ихъ вполне соотвѣтствующими цѣли и руководясь въ данномъ случаѣ и своимъ и не своимъ взглядомъ на составленіе учебнаго курса. О послѣднемъ впрочемъ жалѣемъ, потому что рецензентъ нашелъ въ этомъ главное основаніе обрушиться всею тяжестью своей критики на нашу книгу. Г. Доброклонскій построилъ такъ цитаты, что будто бы цѣлыя отдѣлы и страницы буквально списаны съ книги г. Знаменскаго (напр. 181—185 Знам. 103—106; 229—237 Знам. 137—143). Пусть онъ уважаетъ эти отдѣлы или страницы, или даже одну страницу въ книгѣ въ 318 страницъ, переписанную цѣликомъ съ руководства Знаменскаго. А цитовать такъ, какъ дѣлаетъ онъ,—значить стараться представить дѣло въ иномъ видѣ.

Чтобы усилить компилятивный характеръ нашего руководства, г. Доброклонскій говоритъ, что мы по плану какого-нибудь руководства излагаемъ тотъ или другой вопросъ. Мы нѣсколько не понимаемъ г. Доброклонскаго. Что значить излагать историческій фактъ по плану какого-нибудь руководства? Историческіе факты имѣютъ свой собственный планъ, который опредѣляется ихъ хронологическимъ развитіемъ и важнѣйшими моментами этого развитія. А потому планъ передачи факта разными лицами, если только фактъ будетъ вѣрно излагаться въ процессѣ своего

развѣтія, будетъ естественно совпадать. Если на основаніи плана изложенія историческихъ фактовъ предъявлять обвиненіе, то можно обвинить многихъ составителей и сочинителей учебныхъ руководствъ и пособій историческаго характера, не исключая и г. Доброклонскаго. Беремъ вопросъ о распоряженіяхъ правительства о церковныхъ вотчинахъ. Въ руков. Знаменскаго отмѣчаются важнѣйшіе моменты въ развитіи этого вопроса, у г. Доброклонскаго тоже, и планъ получается общій, а еще ближе его планъ совпадаетъ съ исторіею Макарія. И такихъ примѣровъ можно указать много. Предъявлять же обвиненіе въ такомъ родѣ къ составителю руководства по программѣ учебнаго комитета легче всего, потому что программа во многихъ случаяхъ составлена по руководству проф. Знаменскаго. Принять это въ расчетъ было не въ интересахъ нашего рецензента. Поставивъ въ параллель 229—237 стр. нашего руководства съ 137—143 рук. Знам., г. Доброклонскій, вѣроятно, имѣлъ въ виду указать, что разсказъ идетъ по плану Знаменскаго, между тѣмъ изложеніе идетъ пунктуально по программѣ учебнаго комитета.

Теперь нѣсколько замѣчаній по поводу увѣреннаго тона о спорныхъ и темныхъ предметахъ. Мы знаемъ хорошо, что собственное имя Бравалина можно превратить въ нарицательное „бранства“ и видѣть въ немъ не предводителя новгородской дружины, хорошо знаемъ, что характеристику Владиміра-язычника можно смягчить, равно можно усумниться въ нападеніи Аскольда на Византію, въ годѣ крещенія св. Владиміра и т. п., но по нѣкоторымъ соображеніямъ не нашли нужнымъ и удобнымъ дѣлать этого въ учебномъ курсѣ.

Въ заключеніе скажемъ г. Доброклонскому, что его библиографическая замѣтка тенденціозна и рассчитана на то, чтобы дискредитировать нашу книгу. Онъ намѣренно сталъ на такую точку зрѣнія въ оцѣнкѣ ея, которую мы отклонили, опредѣливъ характеръ своей работы и указавъ ея источники. Мы не выдаемъ и не выдавали свой трудъ за самостоятельный, ибо въ основу его положено тоже начало, которое лежитъ въ основѣ многихъ учебныхъ руководствъ (см. выше). Наша задача была цѣлесообразно подобрать матеріалъ, расположить его по плану, выработанному не нами, и облегчить этимъ изученіе воспитанниками семинарій русской церковной исторіи. Удачно ли это сдѣлано — это вопросъ для насъ существенный. Рецензентъ библ. листка Рук. для сельскихъ пастырей посмотрѣвъ на дѣло съ этой стороны, сказалъ много хорошаго о нашей книгѣ (№№ 8—9). Въ этой удачѣ не совсѣмъ отказываетъ намъ и г. Доброклонскій, хотя видимо ему не хотѣлось сдѣлать и этой уступки. — Мы первые предложимся предъ руководствомъ, составленнымъ по всѣмъ

идеальнымъ представленіемъ о наукѣ, а наше пусть останется опытомъ неудавшагося усердія восполнить существующій пробѣлъ и удовлетворить „настоятельной нуждѣ“, которая сознается всѣми, но для удовлетворенія которой до сихъ поръ не предпринималось ничего даже въ такомъ скромномъ видѣ, въ какомъ явился нашъ опытъ. А между тѣмъ дѣло оттого сильно страдаетъ.

За указанія историческихъ и хронологическихъ погрѣшностей приносимъ благодарность рецензенту. Отвѣчая г. Добровольскому, мы отвѣчаемъ и всѣмъ тѣмъ, кто будетъ предъявлять ученныя претензіи къ нашей книгѣ. Мы не сочиняли ученой книги, а *составляли* учебное руководство.

П. Малицкий.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ЛЮТЕРАНСКАЯ ВЪРОТЕРПИМОСТЬ.

Корреспондентъ „Варшавскаго Дневника“ сообщаетъ изъ Будапешта отъ 29 сентября.

„Не успѣлъ еще затихнуть газетный шумъ и гамъ по поводу „бѣловарскаго столкновѣнія“, какъ раздаются новыя „изъявленія негодованія“ участникамъ кievскаго торжества, притомъ не со стороны католицизма, а со „стороны представителей лютеранско-евангелическаго вѣроисповѣданія“.

„Здѣсь собирался генеральный конвентъ евангелическихъ лютеранъ для обсужденія своихъ текущихъ дѣлъ. Въ числѣ присутствующихъ было нѣсколько quasi-епископовъ, „министръ юстиціи Фабини“, большое количество членовъ конвента и масса публики, преимущественно учащейся молодежи. Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ генеральнаго инспектора барона Проняя.

„Послѣ рѣшенія вопросовъ, непосредственно относящихся къ церковнымъ дѣламъ, поднялся делегатъ Чонтагъ съ предложеніемъ, чтобы „конвентъ выразилъ свое негодованіе старшему инспектору, словаку Павлу Мудроню, за его участіе въ кievскомъ торжествѣ“ и осудивъ этотъ поступокъ, уполномочилъ окружнаго суперъ-интендента произвести слѣдствіе, и согласно канонамъ церкви (!), „подвергнуть г. Мудроня взысканію“. По его мнѣнію, г. Мудроня, какъ инспекторъ и делегатъ втораго округа, не имѣлъ права принимать участіе въ русской „церковно-политической“ (sic!) демонстраціи, а потому евангелическая церковь (?) должна его осудить.

„Эти слова вызвали въ публикѣ „бурное одобреніе“ и заставили г. Мудроня, присутствовавшаго тутъ же, защищаться. Онъ рѣшительно потребовалъ отдѣленія своей личности отъ своихъ обязанностей по отношенію къ конвенту и доказалъ, что конвентъ не имѣетъ никакого права вмѣшиваться въ его личныя дѣла. Затѣмъ онъ разъяснилъ, что побудило его ѣхать въ Кіевъ. Для него все равно, имѣло ли кievское торжество характеръ политической, національный или церковный. Онъ ѣхалъ въ Кіевъ на праздникъ 900-лѣтняго юбилея принятія христіанства цѣлымъ русскимъ народомъ, и думаетъ, что это торжество столь знаме-

нательно, что къ нему должны сочувственно отнестись всѣ исповѣдующіе христіанскую вѣру... (Въ публикѣ раздаются громкія возраженія, точно эта публика состоитъ изъ жидовъ, а не изъ христіанъ). Онъ былъ не одинъ на этомъ торжествѣ (изъ публики: и Штроссмайръ былъ тамъ же!); да, онъ присутствовалъ тамъ духомъ, благодаря своей телеграммѣ. И епископъ кентерберійскій отъ имени англиканской церкви прислалъ поздравленіе. Что это торжество было чуждо всякаго политическаго характера, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Еслибы Кіевъ находился не въ Россіи, а во Франціи или Англіи, тогда на участниковъ торжества не посыпалось бы столько обвиненій (голосъ: это правда, это вѣрно!). Если онъ, какъ славянинъ, симпатизируетъ де съ родственнымъ ему племенемъ, то это не можетъ считаться измѣной; съ этимъ чувствомъ онъ родился, и его ничто искоренить не можетъ...

„Интерпеллянтъ въ другой рѣчи сказалъ: ссылка г. Мудрона на епископа кентерберійскаго свидѣтельствуеть, что этотъ епископъ принадлежитъ къ руссофильской гладстоновской партіи. Лютеране не могутъ сочувствовать кіевскому торжеству, имѣвшему двойной характеръ, „такъ какъ нѣтъ надежды, что русскіе станутъ когда-нибудь лютеранами“ (еще бы!)

„Послѣ столь сильныхъ доводовъ интерпелляція „была принята“. Не удивительно ли, что при такихъ спорахъ присутствовалъ и министръ юстиціи? Или онъ былъ здѣсь не какъ министръ, а какъ инспекторъ? Иезупты примѣтны и въ лютеранской кожѣ...“

Какъ, однако, хорошъ этотъ откровенно-циничный мотивъ преслѣдованія: „русскіе никогда не станутъ лютеранами“... Вотъ какова вѣротерпимость лютеранъ, имѣющихъ наглость взывать о ней къ нашему правительству! (*Моск. Вид.*)

Отъ Московскаго Духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Октября 19-го дня 1888 года.

Цензоръ *свѣц.* *Іоаннъ Петропавловскій.*

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

въ 1889 году, (30-мъ отъ своего основанія)

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ НА ПРЕЖНИХЪ ОСНОВАНІЯХЪ.

Православное Обозрѣніе, учено-литературный органъ богословской науки и философіи, особенно въ борьбѣ ихъ съ современнымъ невѣріемъ, церковной исторіи, критики и библиографіи, современной проповѣди, церковно-общественныхъ вопросовъ и извѣстій о текущихъ церковныхъ событіяхъ внутреннихъ и заграничныхъ, выходитъ *ежемесячно* книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна съ пересылкою въ Россіи 7 рублей, за границу 8 руб. Подписка принимается въ Москвѣ, у редактора журнала протоіерея при церкви Θεодора Студита, у Никитскихъ воротъ, П. Преображенскаго и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Иногородные благоволятъ адресоваться исключительно такъ: въ редакцію Православнаго Обозрѣнія въ Москвѣ.

ВЪ РЕДАКЦИИ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

Оставшіяся въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ Писанія мужей апостольскихъ, изданныя въ русскомъ переводѣ со введеніями и примѣчаніями къ нимъ свящ. П. А. Преображенскимъ. Цѣна съ пересылкою 2 р.—Кромѣ того:

1) Указатель къ „Православному Обзорѣнію“ за одиннадцать лѣтъ 1860 — 1870 гг., составленный П. А. Ефремовымъ. Цѣна Указателя 75 к., съ пересылкою 1 руб.

2) Указатель къ „Православному Обзорѣнію“ за 1871—1886 гг. Цѣна 75 коп., съ пересылкою.

3) Псалтирь въ новомъ славянскомъ переводѣ Амвросія архіепископа Московскаго (Зертись - Каменскаго). Москва 1878 г. Цѣна 50 коп.

4) Сочиненія древнихъ христіанскихъ апологетовъ: Татіана, Аѳинагора, Теофила Антиохійскаго, Ермія философа, Мелитона Сардійскаго и Минуція Феликса. Изданіе прот. П. Преображенскаго Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

5) Сочиненія св. Иринея Ліонскаго. I. Пять книгъ противъ ересей. II. Отрывки изъ утраченныхъ сочиненій. Изданіе его же. Цѣна 3 руб. съ пересылкою.

6) Христось. Публичныя чтенія Эрнеста Навиля. Москва. 1881 г. Цѣна 75 к. съ пересылкою.

7) Чудеса Господа нашего Исуса Христа. Объяснительныя примѣчанія къ евангельскимъ повѣствованіямъ о чудесахъ Христовыхъ. Сочиненіе Дублинскаго архіеп. Тренча, переведен. А. З. *Зимовцевымъ*. Москва 1883. Цѣна 1 руб. 30 коп. съ перес.

8) Теорія древле-русскаго церковнаго и народнаго пѣнія на основаніи автентическихъ трактатовъ и акустическаго анализа. Сочиненіе Юрія Арнольда. Москва. 1880. Цѣна 2 р. съ перес.

Редакторъ прот. П. ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ.

Только что отпечатана и поступила въ продажу

НОВАЯ КНИГА:

ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ, ВЪ ОБЩЕДОСТУПНЫХЪ РАЗСКАЗАХЪ,

составленная примѣнительно къ программамъ городскихъ училищъ
и церковно-приходскихъ школъ

Священника ТЕОДОРА МИТКЕВИЧА.

Цѣна 40 коп. На пересылку отъ 1 до 2 экз. прилагается 20 коп. При
выпискѣ большаго количества экземпляровъ пересылка по разстоянію.

Адресъ: въ Минскъ губ. Священнику *Теодору Миткевичу*.

У НЕГО ЖЕ ПРОДАЮТСЯ КНИГИ:

1. „Объясненіе праздниковъ и постовъ православной церкви для
дѣтей младшаго возраста“. Его же. Цѣна 12 коп. На пересылку 8 экз.

прилагается 20 коп. Выписывающіе не менѣе 25 экз. за пересылку ничего не платятъ.

2. „Священная Исторія Ветхаго Заѣта, въ простыхъ разсказахъ для дѣтей младшаго возраста“. Его же. Изд. 6-е 1888 г. Цѣна 20 коп., съ пересылкою 25 коп.

3. „Священная Исторія Новаго Заѣта, въ простыхъ разсказахъ, для дѣтей младшаго возраста“. Его же. Изд. 5-е. 1888 г. Цѣна 15 коп., съ пересылкою 20 коп.

Выписывающимъ Священныя Исторіи Ветхаго и Новаго Заѣта свыше 50-ти экз. уст. 15⁰/₀; при выпискѣ болѣе 100 экз.—20⁰/₀.

4. „Сборникъ духовныхъ стихотвореній, выбранныхъ изъ лучшихъ авторовъ, въ V отдѣлахъ“. Отдѣлъ I—Ветхій Заѣтъ; отдѣлъ II—Новый Заѣтъ; отдѣлъ III—Молитвы и размышленія; отдѣлъ IV—Переложеніе церковныхъ пѣсней; отдѣлъ V—Переложеніе Псалмовъ. Его же. Цѣна 85 коп., съ перес. 1 руб. Та же книга въ красивомъ переплетѣ для подарковъ—цѣна 1 руб. 25 коп., съ пересылкою 1 руб. 45 коп.

Склады книгъ имѣются: въ С.-Петербургѣ у А. Я. Панафидина, въ Москвѣ: у наследниковъ братьевъ Салаевыхъ и книжномъ магазинѣ А. А. Карцева, въ Кіевѣ у Оглоблина.

Съ дозволенія духовной цензуры вышла изъ печати и поступила въ продажу книга:

ЗАЩИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

СТАРООБРЯДСТВУ

Описима Швецова и замѣчанія на оное Павла Полужкова.

Цѣна 1 р. съ пересылкою.

ПЧЕЛОВОДСТВО.

Сводъ свѣдѣній о жизни и природѣ пчелъ въ примѣненіи къ потребностямъ пчеловодовъ или руководство къ толковому веденію пасѣки въ рамочныхъ ульяхъ варшавскихъ, съ 40 рис. въ текстѣ. Соч. *Казимира Лещицкаго*. Перев. съ 2-го дополн. изд. *И. В. Любарскаго*. Варшава 1888 года.

Главный свадъ у автора, продается въ книжномъ магазинѣ Истомина. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 1 руб. 70 коп.

Въ Москвѣ продаются въ книжныхъ магазинахъ: Васильева, Суворина, Карбасникова и друг.

О ПРАЗДНОВАНІИ ВОСКРЕСНАГО ДНЯ.

Собесѣдованія къ простому народу. *Свящ. К. Каванцева*. Цѣна 20 к. Москва. 1888 года. Продается въ книжныхъ магазинахъ: Суворина, Васильева, Карбасникова и друг.

Только-что поступили въ продажу новыя книги:

1) **Лучь.** Первая послѣ азбуки книга для чтенія въ школахъ грамоты, одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ и въ младшихъ классахъ низшихъ учебныхъ заведеній. Цѣна 35 коп. стр. 210 + I—VIII. Составилъ Г. М. Дьяченко, бывшій преподаватель русск. языка въ Полив. учит. сем., 3-мъ Воен. Александровскомъ Училищѣ и Моск. 2-й гимназін, нынѣ священникъ, магистръ богословія, законоуч. Реального Михайл. Училища въ Москвѣ. Его же.

2) **Доброе Слово.** Годъ 1. Книга для класснаго и внѣкласснаго чтенія примененная къ потребностямъ народныхъ школъ: сельскихъ городскихъ (земскихъ, Министерства Народнаго Просвѣщенія съ трехлѣтнимъ курсомъ и церковно-приходскихъ) и духовныхъ училищъ. Цѣна 60 коп. стр. 372 + I—XV.

3) **Доброе Слово.** Годъ II. Цѣна 60 коп. стр. 338 + I—XVIII.

4) **Доброе Слово.** Годъ III. Цѣна 1 р. 60 коп. стр. 1033.

5) **Объяснительная замѣтка къ Доброму Слову.** Цѣна 15 коп. стр. 27.

Содержаніе книгъ: Предварительныя упражненія въ чтеніи. Отдѣлы: I. Семья. II. Школа. III. Дѣти. IV. Природа и ея явленія. V. Животныя. IV. Наши ближніе. VII. Богъ. VIII. Церковь. IX. Изъ исторіи христіанской церкви. X. Примѣры благочестивой жизни людей. XI. Примѣры наказанія Божія, которое постигаетъ людей грѣшныхъ. XII. Загробная жизнь человѣка. XIII. Святыя мѣста. XIV. Родина и Царь. XV. Изъ крестьянскаго быта. XVI. Изъ военнаго быта. XVII. Изъ жизни великихъ людей. XVIII. Человѣкъ. XIX. Душеполезныя размышленія и наставленія. XX. Матеріалъ для первоначальнаго упражненія въ славянскомъ чтеніи. XXI. Статья для письменныхъ работъ по русскому языку и XXII. Подготовительныя письменныя упражненія и темы для письменныхъ работъ въ связи съ книгою для чтенія.

6) **Методика обученія правописанію.** Для учительскихъ семинарій и институтовъ. Цѣна 80 коп. стр. 216.

7) **О приготовленіи рода человѣческаго къ принятію Христіанства,** Богословское и историко-философское изслѣдованіе. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 25 коп.

Означенное сочиненіе Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобрено къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго пособия при преподаваніи „Введенія“ въ православное Богословіе и для внѣкласснаго чтенія учащихся.

8) **О современномъ религіозно-нравст. состояніи рус. общества.** Цѣна 60 коп.

Главный складъ означенныхъ книгъ находится въ Москвѣ, въ Мясницкой, въ книжномъ магазинѣ В. В. Думнова подъ фирмою: „Наслѣдники братьевъ Салаевыхъ,“ куда и благоволятъ обращаться за книгами.

Отъ Московскаго Духовно-цѣвурнаго комитета печатать дозволяется. Москва. Октября 19-го 1888 года.

Цензоръ *свящ. Іоаннъ Петропавловскій.*

Москва. Университетская типографія, на Страстн. бульв. 1888.

3/3

ПРИВѢТСТВЕННАЯ РѢЧЬ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШИМЪ ІОАННИКІЕМЪ МИТРОПОЛИТОМЪ МОСКОВСКИМЪ ПРИ ВСТРѢЧѢ ВЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ.

Благочестивѣйшій Государь!

Въ отеческой заботливости о благѣ и счастіи милліоновъ Твоихъ вѣрноподанныхъ Ты приемлешь продолжительныя, даченія и небезопасныя путешествія по обширнѣйшей въ мірѣ Имперіи Твоей, чтобы Самому, какъ Верховному Хозяину земли Русской, видѣть все своими глазами, возбуждая гдѣ нужно энергію къ дѣятельности въ поставленныхъ Тобою мѣстныхъ правителяхъ, направлять на прямой путь всякія уклоненія отъ предначертаннаго Тобою плана, утѣшать и ободрять дѣятелей, понимающихъ Твои благія предначинанія и въ предѣлахъ предоставленной каждому власти способствующихъ исполненію мудрыхъ Твоихъ предначертаній ко благу народа Твоего, а всѣхъ Твоихъ вѣрноподанныхъ радовать лицезрѣніемъ Тебя, Августѣйшей Супруги Твоей, Государя Наслѣдника престола Твоего и всей Царственной Семьи Твоей. Съ восторженною любовію слѣдили Твои вѣрноподанные за каждымъ шагомъ Твоего благодѣтельнаго для нихъ, далекаго путешествія. Но этотъ восторгъ, эта любовь живѣе и сильнѣе чувствовались въ сердцахъ Россіи—Твоей первопрестольной столицѣ, и выразились съ поражающей силою по полученіи перваго извѣстія о чудесномъ

избавленіи Твоемъ отъ угрожавшей Тебѣ и Царственной Семѣ Твоей опасности. Лишь только получено было извѣстіе сіе, жители первопрестольной столицы Твоей, всѣ, какъ одинъ человекъ, безъ различія пола и возраста, поспѣшили въ храмы Божіи, чтобы вознести къ Царю Царствующимъ горячія, колѣнопреклоненныя благодаренія за чудесное избавленіе Тебя отъ страшной опасности и молитвы ко Всевышнему, да хранить Тебя на всѣхъ путяхъ Твоей жизни. Господь видимо для всѣхъ явилъ милость Свою къ намъ, чудесно спасши Тебя и Августѣйшую Семью Твою отъ страшной опасности. Въ чувствѣ безпредѣльной преданности и любви къ Тебѣ, умоляемъ милосердіе Отца Небеснаго, да продолжитъ милость Свою на насъ, да сохранитъ Тебя, Августѣйшую Супругу Твою и Царственную Семью Твою отъ всякаго зла; да ограждаетъ Тебя во всѣхъ путяхъ Твоихъ святыми ангелами Своими, да преблагословенная Матерь Господа всесильною молитвою Своею къ Сыну Своему и Богу сохранитъ въ мирѣ и безопасности вхожденіе Твое и исхожденіе Твое.

П О У Ч Е Н І Е

НА ХРАМОВОЙ ДЕНЬ СВЯТАГО АПОСТОЛА АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННАГО,
ВЪ ЦЕРКВИ ОДЕССКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.

Преосвящ. Никанора, архіепіскопа херсонскаго и одесскаго.

О долгѣ духовнаго пастырства.

„Апостолъ Андрей наречеса первозванный, яко первѣе всѣхъ апостоловъ послѣдователь и ученикъ Иисусъ Христовъ бысть. По вольной же страсти Господа и воскресеніи и вознесеніи Его, приѣмшу Андрею святому, якоже и прочимъ апостоломъ, Духа Святаго, въ огненномъ языкѣ на него спешаго, и раздѣляемымъ бывшимъ странамъ, падоша ему жребіемъ Византійскія и Пропонтійскія страны съ Халкидономъ и Византією, Фракією и Македонією, даже до Чернаго моря и Дуная, Фессалія же и Еллада, и страны Ахайскія, и Ираклія, и Трапезунтъ, и Синопъ. Оттуда же воставъ, св. Андрей иныя проходилше страны. Таже отплы во Фракійскій градъ Византію, идѣже онъ первый Христа проповѣда и, многи научивъ, постави пресвитеры церковныя. Стахія же, его же Павелъ святой въ посланіи къ римляномъ поминаеть, во епископа имъ рукоположи. Самъ же, апостольскія подъемля болѣзни и труды во Христовѣ благовѣстіи, обходилше Понтъ, Черное море, Скиею и Херсонисъ. Смотрѣніемъ же Божиимъ дойде и до рѣви Днѣпра въ російскій странѣ и къ горамъ кievскимъ приста. Возшедъ же на горы, благослови

я, и крестъ водрузи. Прошедъ же и вышнія грады россійская, идъже нынѣ Новгородъ великій, въ Епиръ, страну греческую, возвратися и паки во Фракію приде, утверждая христіаны и поставляя имъ епископы и учителя. И многи страны прошедъ, достиже Пелопонниса, и вниде во градъ Ахайскій, нарицаемый Патры, идъже аеипатъ Егеать, емши святаго апостола, ко кресту пригвозди“.

Вы знаете, почему святыи апостолъ Андрей наименованъ первозваннымъ. Вмѣстѣ съ апостоломъ Іоанномъ они сперва были учениками святаго Іоанна Крестителя. Скоро послѣ крещенія Господня, однажды по утру стоялъ Іоаннъ Предтеча и двое изъ учениковъ его, это и были одинъ Андрей, а другой по преданію Іоаннъ, и узрѣвъ Іисуса, проходящаго около нихъ, Іоаннъ Креститель произнесъ: „се агнецъ Божій“. Услышавъ эту рѣчь, оба ученика пошли за Іисусомъ. А Іисусъ, обратившись и увидѣвъ ихъ идущихъ за Собою, говорить имъ: чего ищете? Что вамъ нужно? Они же сказали ему: равви, учитель, гдѣ Ты живешь? И сказалъ имъ Іисусъ: придите и посмотрите. Пришли и увидѣли, гдѣ Онъ жилъ, и у Него пробыли день тотъ. Затѣмъ Андрей отыскалъ брата своего Симона и говорить ему: мы нашли Мессію Христа. И привелъ его къ Іисусу. Такимъ образомъ положено первое начало апостольской общины. И первый Андрей, какъ старѣйшій вмѣстѣ съ Іоанномъ кнѣйшимъ, услышалъ изъ устъ Господа: приди ко Мнѣ. А самъ уже позовалъ къ Іисусу брата своего Симона Петра.

Думали вы конечно и о томъ, почему храмъ училища, въ которомъ вы воспитываетесь, посвященъ именно памяти святаго Андрея первозваннаго. Въ прошедшемъ конечно потому, что стопы именно святаго апостола Андрея первозваннаго обходили сіи берега нашего Понта Евксинскаго; а въ настоящемъ и будущемъ конечно для того, дабы напомнить вамъ, питомцамъ сего духовнаго училища, что и вы не только ученики и послѣдователи св. „первозваннаго“ апостола, но и въ особомъ смыслѣ „первозванные“ же.

Вы знаете, что въ ветхомъ завѣтѣ Господь, изъ всего богоизбраннаго израильскаго народа, освятилъ себѣ первенцовъ еврейскихъ; вмѣсто первенцевъ избралъ и освятилъ Себѣ колѣно Левинно; въ колѣнѣ Левинномъ отдѣлилъ и освятилъ Себѣ родъ

Аароновъ, родъ священническій. Весь родъ израильскій Господь избралъ изъ всего рода человѣческаго на ближайшее служеніе Себѣ; но и въ родѣ израильскомъ особо призвалъ коlvно Левина, а въ коlvнѣ Левинномъ родъ Аароновъ, такъ что потомки Аарона были, въ особомъ родѣ, первозванные на служеніе Богу. Въ новомъ завѣтѣ Богу угодно было отвергнуть наслѣдственное ветхозавѣтное призваніе къ священству, за невѣрность ему священства Ааронова и Левина, и замѣнить его свободнымъ призваніемъ. Такъ на сердечный порывъ Андрея первозванного послѣдовать за Христомъ, Господь отвѣтствуетъ ему призваніемъ: прійди, посмотри, послушай, научись и будешь ловцомъ человѣковъ. Андрей зоветъ Петра. Далѣе Господь срѣтаетъ Филиппа и призываетъ его: гряди по Мнѣ. Такъ призываетъ и особо приближаетъ къ Себѣ, изъ всего богоизбраннаго народа, и всѣхъ дванадесять апостоловъ, которые и явились первозванными и первоизбранными, изъ всего рода не только іудейскаго, но и человѣческаго. Они же призвали ко Господу и осветили на особое ближайшее преемственное служеніе Ему цѣлыя сонмы своихъ преемниковъ, пастырей и учителей церковныхъ, которые въ своихъ преемственныхъ рядахъ были первозванными же учениками Господа, каждый рядъ первозваннымъ для своего вѣка и поколѣнія. Другъ-другопримательно сіе исключительное призваніе перешло и на насъ, а отъ насъ переходитъ и на васъ. Управляющій судьбами народовъ промыслъ Божій устроилъ судьбу православнаго народа русскаго и вашу личную такъ, что въ нашемъ народѣ священство стало преемственнымъ же въ нѣвѣстныхъ родахъ, которые искони служили Богу въ своихъ предкахъ, какъ готовы же служить и въ потомкахъ, хотя призваніе Господне на особое священнослуженіе Богу обращается и ко всѣмъ прочимъ родамъ. Обращается ко всѣмъ, но жаль, что пріемлется немногими. Отъ лица Господня мы къ вамъ обращаемъ Господне призваніе: „прійдите и видите, гдѣ и какъ живяше Господь нашъ Іисусъ Христосъ“. И по сему гласу вы пришли сюда и пребываете здѣсь дни многи въ наказаніи и ученіи Господнемъ. А затѣмъ мы же къ вамъ обратимъ и рѣшительное призваніе на особое служеніе Господу: грядите по Немъ, и Онъ сотворитъ васъ чрезъ насъ ловцами человѣковъ. И будете вы преемники апостоловъ, послѣдователи и продолжа-

тели въ семь край труда и дѣла св. апостола Андрея первозваннаго, сами въ особомъ смыслѣ первозванные.

Здѣсь васъ учать подробно и тщательно, какъ слѣдуетъ выполнять пастырское призваніе. Но и я, какъ Богопоставленный руководитель пастырства, теперь какъ человекъ давно уже жизни, а не школы, скажу вамъ нѣсколько практическихъ словъ о современныхъ требованіяхъ и условіяхъ выполнения вашего будущаго призванія. Конечно, я коснусь только самыхъ выдающихся требованій, при настоящихъ условіяхъ, касательно учительства церковнаго, священнодѣйствія и пастырскаго приходскаго управления.

Пастырское учительство стоитъ въ особыхъ условіяхъ по городамъ и въ особыхъ по селамъ.

„Проповѣдуй слово“, можно повторить это апостольское слово пастырю церкви и теперь; но—„настой благовременнѣ и безвременнѣ“—это можно сказать, крѣпко подумавши, прибавивъ къ тому и Христово слово: „будите мудри, яко змии, и цѣли, яко голуби“. Городское пастырское учительство распадается на три вида: законоучительство въ училищахъ, проповѣданіе въ церквахъ, вообще при богослуженіи, и частныя наставленія вѣрнымъ на духу и по домамъ.

Законоучительство въ училищахъ, особенно же свѣтскихъ, заключено въ тѣсныя рамки времени и программъ. Пастырь законоучитель преподай именно то-то, въ такіе-то именно часы и во столько-то именно времени. Тутъ пастырю церкви и разсуждать приходится мало; остается только выполнять обдуманная многими начальственными инстанціями, утвержденныя законоположенія и тщательно оберегаемая начальственнымъ надзоромъ требованія учебныхъ заведеній. Но благоразумію пастыря предлагается и здѣсь имѣть въ виду одно крѣпко назрѣвающее, хотя еще и не принявшее форму законоположенія требованіе. Мыслящіе люди, горячо радующіе о сохраненіи и поддержаніи религіозности въ учащемся юношествѣ, не довольствуются уже употребительнымъ нынѣ методомъ законоучительства. Тутъ дѣло идетъ не болѣе ни менѣе, какъ о переворотѣ въ дѣлѣ законоучительства. И этотъ переворотъ рѣзко намѣчается религіознымъ переворотомъ совершившимся и совершающимся въ нашемъ обществѣ. Въ православной Христовой цер-

кви, отъ самаго основанія ея и до конца XVIII столѣтія, а въ нашемъ русскомъ обществѣ и до половины XIX вѣка крѣпко стоялъ духъ вѣры, такъ что не было нужды особенно настойчиво защищать вѣру именно противъ невѣрія. Отъ вѣрующихъ отцовъ этотъ духъ наслѣдовали и дѣти. Доказывать имъ божественность христіанства вовсе не требовалось, и усиліе доказать было бы излишествомъ, часто даже вреднымъ. Въ то время требовалось только наставить дѣтей въ вѣрѣ; требовалось огласить ихъ Христовымъ ученіемъ. Отсюда возникло, утвердилось, изъ вѣка въ вѣкъ передавалось и дошло даже до нашего вѣка преподаваніе такъ-называемое катихизическое. Прежде катихизическимъ ученіемъ всѣ, въ свѣтскихъ училищахъ, и довольствовались, чтобы свѣтскіе юноши знали, во что они вѣрятъ; знали вѣру, которую приняли въ духѣ отъ отцовъ. Теперь же не то. Теперь многіе отцы во многихъ семействахъ вѣруютъ во многое, а живутъ внѣ духа христіанскаго и всякой церковной дисциплины. Мало же вѣруя сами, отцы и дѣтей своихъ воспитываютъ въ томъ же духѣ маловѣрія, если только не невѣрія. Тѣмъ не менѣе у насъ въ Россіи отцы пока еще не потеряли желанія, чтобы дѣти ихъ были воспитаны не только въ знаніи, но и въ духѣ вѣры. Сами отцы, говоримъ конечно не о всѣхъ, ни того ни другаго, ни знанія ни духа вѣры уже не сильны преподавать своимъ дѣтямъ: скорѣе способны нѣкоторые передать нѣкоторое знаніе, чѣмъ духъ вѣры. Потому они и ждуть, что эту обязанность родительскую исполнить для дѣтей ихъ законоучитель, и требуютъ, чтобы законоучительство удовлетворяло именно этимъ двумъ задачамъ: чтобы давало юношеству не только знаніе вѣры, но и духъ ея. Вотъ для этого-то въ городскихъ училищахъ катихизическій методъ законоучительства и оказывается совершенно недостаточнымъ, такъ какъ онъ предполагаетъ въ питомцахъ незыблемость духа вѣры; предполагаетъ, что питомцы сердцемъ своимъ вѣруютъ въ правду Христову, имѣетъ же въ виду только научить, какъ юному человеку исповѣдать точно и ясно эту правду, въ которую вѣруетъ онъ сердцемъ непоколебимо. Для этого требуется если не отмѣна собственно катихизическаго метода, то восполненіе его методомъ апологетическимъ. Для чего требуется совершенная перестановка и времени и программъ для законоучительства,

накъ перестановка и развитія многихъ законоучителей. Совершить эту перестановку никакой частный законоучитель не способенъ, не имѣя на это никакого права. Но благоразумію и предусмотрительности будущихъ законоучителей нужно имѣть это въ виду. Требуется переводить нынѣшнее катихизическое преподаваніе, которое по незнанію многіе чествуютъ якобы непочетнымъ именемъ схоластическаго преподаванія, требуется переводить мало-по-малу въ апологетическое. При семъ долгое разсужденіе предлежитъ еще и о томъ, можно ли апологетическимъ преподаваніемъ совѣмъ замѣнить катихизическое; конечно нельзя что же толковать дѣтямъ или даже юношамъ въ защиту вѣры которой они не вѣдаютъ? И что поставить впереди, катихизисъ или апологію? Конечно, катихизисъ. Но то ясно, что нынѣшніе законоучители должны знать, а будущіе пастыри должны крѣпко изучить апологію вѣры, апологію, и какъ философію вѣры вообще, и какъ связную научно самозащищенную систему собственно христіанства. Безъ этого нынѣ въ дѣлѣ законоучительства нельзя сдѣлать и шага къ благонадежному успѣху.

Совершавшійся переворотъ въ религіозномъ состояніи образованнаго общества требуетъ другой постановки въ городскихъ церквахъ и христіанской проповѣди. Что сказать объ огромномъ большинствѣ проповѣдей, раздающихся пока еще съ нашихъ церковныхъ кафедръ? Не сказать ли, что онѣ имѣютъ скорѣе отрицательное, не скажу—вредное вліяніе? Господствующаго содержанія проповѣди, касающіяся общихъ положеній христіанской нравственности,—прежде всего спросимъ,—слушаются ли такіа проповѣди въ церквахъ? Конечно, слушаются богобоязненными людьми. Плохіа проповѣди не докучаютъ-ли? Хорошіа живо произнесенныя не развлекаютъ ли только, какъ хорошо исполненный концертъ? Можно сказать положительно и рѣшительно, что концерты въ церквахъ служатъ единственной цѣли развлеченія предстоящихъ въ тѣ незанятые минуты, когда священнослужашіе причащаются въ алтарь. Такое же значеніе часто имѣетъ и проповѣдь. Немоляшіеся люди, полувѣрующіе, мнящіе себя многосвѣдущими даже въ вѣрѣ, не говоря о другихъ знаніяхъ, послушаютъ проповѣдника, повритыкуютъ въ душѣ, мысль ихъ на нѣсколько минутъ будетъ занята, пролетитъ нѣсколько минутъ богослуженія внѣ пустоты, томящей особенно

головы, привывшія къ постоянной умственной работѣ, къ умственному развлеченію. Много много, что вынесется иной разъ одна другая добрая мысль, которая займетъ сердце и воображеніе, пока суета житейская опять не вытѣснитъ ее отсюда. Замѣьте, что самое требованіе несмолкающей проповѣди указываетъ на совершающійся переворотъ въ христіанскомъ обществѣ. Это требованіе, которое раздается со всѣхъ сторонъ въ наше время, указываетъ, что христіанство нужно не только насаждать, но и охранять и защищать. Когда христіанство въ убѣжденіяхъ людей стояло твердо, тогда ораторская проповѣдь не была особенно нужна. Замѣчательно, что наша православная російская церковь не мало вѣковъ, можно сказать, чуждалась проповѣди, живой ораторской проповѣди. Чуждалась не по одному только малоразвитію какъ пастырей, такъ и пасомыхъ, но и по духу глубокой вѣры. Придутъ вѣрные во храмъ. Здѣсь слушаютъ уставныя слова молитвъ церковныхъ, благоговѣнно внимаютъ каждому слову протяжно раздающихся священныхъ чтеній слова Божія, умиленно по мѣрѣ разумнія проникнуть въ словенскія реченія святоотеческихъ поученій, и помолитвись, соутѣшившись обще-церковною вѣрою, укрѣпившись духомъ, исходятъ изъ церкви, безъ сомнѣній и колебаній, съ духовнымъ утѣшеніемъ и умиленіемъ, часто съ веселіемъ и миромъ о Духъ Святъ въ душѣ. Былъ свой глубокой смыслъ въ нашемъ древле-церковномъ строѣ и бытѣ. А теперь духъ строя этого отлетѣлъ, древній бытъ исчезъ, настроеніе душъ стало иное. Мало ли теперь глаголемыхъ христіанъ, которые дома не молятся никогда и въ церковь не ходятъ почти никогда? Между тѣмъ и такихъ пастыри обязаны же удерживать въ оградѣ церковной. А чѣмъ? Конечно, словомъ ученія. А какъ заставить ихъ послушать это слово? Тѣмъ же словомъ, его привлекательностію. Нѣтъ ли и такихъ, которые ходятъ нынѣ въ церковь по нуждѣ, — сказать бы такъ, что по стороннему побужденію или же по приказу? Лучшие во всѣхъ отношеніяхъ, самые развитые и серьезныя люди идутъ въ церковь съ запросами въ душѣ, вытекающими изъ повсемѣстно распространяющагося невѣрія и возникающихъ изъ него обычаевъ, несогласныхъ съ духомъ христіанства, идутъ однакоже безъ малѣйшей надежды, что эти запросы ихъ будутъ въ церкви сколько-либо разъяснены... Что же наша проповѣдь?

Она или вовсе молчить, или же обходить именно эти запросы современнаго маловѣрія, а если и толкуеть, то объ извѣстныхъ всѣмъ общихъ положеніяхъ вѣры и морали, не касаясь ихъ отрицательной стороны.

Между тѣмъ кажется, еслибы самъ Златоустъ воскресъ и выступилъ нынѣ между нами на церковную кафедру съ своимъ положительнымъ разъясненіемъ положительнаго содержанія Христовой вѣры, то и его наши современники послушали бы немного, кажется, только изъ любопытства, а затѣмъ и оставили бы. Кто, многіе ли стали бы слушать нынѣ полутора-часовыя проповѣди, состоящія изъ гомилетическаго толкованія Свящ. Писанія? Что это не одно только гаданіе, доказательство тому на лицо. Всѣ многочисленныя писанія св. Златоуста переведены на всѣ языки, между прочимъ и нашъ російскій, а кто ихъ читаетъ? Нужно въ современной проповѣди затрогивать вопросы того же современнаго невѣрія, и затрогивать искусно и цѣлесообразно. Тогда только наша проповѣдь могла бы стать и привлекательною и плодотворною. Къ сожалѣнію, это требованіе пока только подсказывается духомъ нашего вѣка. Опыта же широкаго удовлетворенія этому требованію пока еще не явилъ никто. У немногихъ избранныхъ нашихъ проповѣдниковъ мы видимъ только робкія попытки. Робкія потому, что всякій, даже сознающій и чувствующій лежащую на раменахъ своихъ эту задачу современной проповѣди, боится не только внѣшнихъ страховъ, но страшится и того, какъ бы по неизвѣданности новой тропы не переступить за предѣлы, начертанныя и древними правилами, ограждающими правоту церковной проповѣди, и неизмѣннымъ строгимъ духомъ православія. До сихъ поръ въ духѣ нашей школы не выяснилось рѣшеніе вопроса даже о томъ, позволительно ли внести въ церковную проповѣдь современную апологию христіанства, съ ея научнымъ, вытекающимъ изъ существа дѣла характеромъ. И не выяснилось не даромъ, а потому, что самое внесеніе апологіи христіанства въ проповѣдь могло бы для однихъ приносить и пользу, но для очень многихъ приносить и вредъ. Ясно однакоже, что въ недалекомъ будущемъ наша проповѣдь неизбежно приметъ господствующій апологетическій характеръ. А что теперь мы видимъ только колеблющіяся попытки приступить къ такой проповѣди, то естественно.

Всякая зелень послѣ зимы выползаетъ изъ подъ снѣга робко; часто бываетъ, что и морозъ придавить. А все же чему быть, того не миновать. Совершающійся нынѣ переворотъ переродитъ людей, неизбежно,—перерождая въ отрицательную, переродитъ и въ положительную сторону. Мы, промежуточное поколѣніе, умремъ. А вамъ придется выступить дѣятелями, бойцами за падающее въ убѣжденіяхъ людей христіанство. Переворотъ несетъ и несетъ быстро. Готовьтесь, слуги и воины Христовы.

О прочіихъ поставленныхъ вопросахъ для краткости скажу кратко. Сперва о сельскомъ пастырскомъ учительствѣ. Будущіе сельскіе пастыри, въ учительствѣ своемъ исходятъ изъ того печальнаго сознанія, что народъ въ большинствѣ не знаетъ вѣры. Онъ хранитъ ее въ своемъ духѣ. Но членораздѣльнаго пониманія истинъ вѣры, особенно же догматическихъ, историческихъ, за исключеніемъ только нравственныхъ,—такого членораздѣльнаго пониманія въ сознаніи народа не обрѣтается. Здѣсь въ этомъ краѣ, быть-можетъ, и не найдете человѣка, который не зналъ бы ни одной молитвы, ни даже „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.“ Однако же поищите и не отчаявайтесь, къ прискорбію, найти. Учите молитвамъ и въ школѣ и на исповѣди (назначайте изученіе одной молитвы отъ исповѣди до исповѣди), учите и въ церкви, въ богослуженія, подъ такъ-называемый диктантъ. Но знайте, что невѣжество народное простирается до неразличенія св. иконъ, до незнанія и неузнаванія даже образа Христа Спасителя. То напрасное самообольщеніе, будто наши святыя иконостасы—это раскрытая предъ очами народа книга. Нѣтъ, это раскрытая предъ очами народа еврейская Библия, въ которой часто ни одной буквы, тѣмъ болѣе ни одного слова народъ не разбираетъ. Отсюда и начинайте обученіе народа вѣрѣ. Раскройте предъ очами народа эту всегда раскрытую передъ нимъ, и въ тоже время всегда закрытую для него книгу. Въ сельскихъ училищахъ историко-катихизическое обученіе вѣрѣ пока удовлетворяетъ первой насущной потребности. Тамъ въ средѣ народа пока еще, къ истинному счастью церкви, духъ вѣры не исчезъ. Но вѣдайте, что и тамъ уже со всѣхъ сторонъ начинаютъ дуть преразнообразные вѣтры, разсѣивающіе этотъ цѣльный духъ вѣры. Тамъ по мѣстамъ около нѣкоторыхъ, болѣе или менѣе интеллигентныхъ и легкомысленныхъ центровъ, начи-

наеть уже продувать вѣтеръ и маловѣрія и невѣрія и кощунства. Но кромѣ маловѣрія тамъ ходятъ еще свирѣпыя вѣтры разнообразнаго сектантства. Не спите, бодрствуйте, наблюдайте, прислушивайтесь, и неотложно беритесь за цѣльный духъ вѣры. Скажу по архіерейской совѣсти. Знайте, что я болѣе 25 лѣтъ тому назадъ сталъ толковать своимъ ученикамъ, предсказывая появленіе въ народѣ ереси въ родѣ штунды; то видите—теперь осуществляется. А что вы еще увидите черезъ тридцать—пятьдесятъ лѣтъ, то Богъ святой вѣдаетъ. Я предсказывалъ и повторяю, что священники, если не проснутся, могутъ очутиться безъ словесныхъ овецъ, и, — если ихъ это не пугаетъ, пусть испугаетъ другое, — и безъ куска хлѣба... Дѣла идутъ быстро. Не спите, проснитесь. Учите и уча учитесь. Вы знаете, многому ли учать, а главное—многому ли учатся ваши отцы. Знайте, чего не знаете по опыту, что знанія, выносимыя изъ школы, но не подновляемыя въ жизни, улетучиваются почти безъ слѣда. Коли не вѣрите, повѣрьте, что я человекъ, многому учившійся и много учившій, позабылъ многое не только то, чему учился, но и то, что самъ преподавалъ, и даже то, что самъ писалъ. Такъ возгрѣвайте же въ жизни даръ Божій, даръ вѣдѣнія, который теперь живетъ и возгнѣщается въ васъ постояннымъ ученіемъ. Это бѣдственное заблужденіе нашей братіи, что по выходѣ изъ школы она выдаетъ изъ рукъ всякую книгу. Увы! Книга теперь не роскошь, а книга знаніе, а знаніе сила, незнаніе же безсиліе и безхлѣбца...

Что касается совершенія богослуженія, то по выяснившимся запросамъ современности его нужно улучшить, къ нему нужно привлечь. Говорю о здѣшнемъ краѣ. Здѣсь оно доведено было до сокращеній, дальше которыхъ идти значило бы исказить богослуженіе православной церкви. А чтобъ оно у насъ не перестало быть таковымъ, всѣмъ намъ приходится крѣпко вспомнить церковный уставъ и крѣпко по возможности держаться его. Повѣрьте, нашъ уставъ богослуженія не только въ своихъ частяхъ, но и въ распорядкѣ частей и въ весьма многихъ подробностяхъ упирается въ первую христіанскую древность и даже въ древность ветхо-завѣтную, которая и нерешла перушимо чрезъ два тысячелѣтія и нерушимо же достигла до насъ. Намъ ли отнестись къ ней легкомысленно? Тѣ, которымъ не дорога

христіанская древность нашего богослужебнаго устава, тѣ, не безпокойтесь, съумѣють отлично облегчить себя отъ усталости въ нашихъ храмахъ; тѣ и выйдутъ пораньше и придутъ попозже, а то и вовсе не придутъ. Нужно позаботиться о народѣ, о тѣхъ милліонахъ православныхъ, которымъ еще дорого наше православіе, и дорого не только въ духѣ, но и въ старозавѣтныхъ его формахъ, дающихъ бытіе вещи. Второе улучшеніе, — нужно устранить изъ нашего богослуженія то неблагообразіе, которое внесено въ него небреженіемъ, невѣжествомъ и ложнымъ вкусомъ. Нужно совершенно устранить чтеніе послѣшное, неразборчивое, совсѣмъ же несомысленное. Нужно по возможности стѣснить въ церквахъ чтеніе разговорное, противное извѣчнымъ обычаямъ всѣхъ древнихъ церквей какъ православныхъ такъ даже и неправославныхъ, даже церкви ветхозавѣтной. Во всѣхъ древнихъ церквахъ, въ продолженіи тысячелѣтій, богослуженіе совершалось не иначе, какъ распѣвнымъ произношеніемъ; разговорное же впервые введено и поддерживается только общинами протестантскими, а въ православной церкви, къ прискорбію, здѣшнимъ духовенствомъ. Этотъ предметъ гораздо важнѣе, чѣмъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Такого же рода улучшеніе требуется здѣсь и относительно церковнаго пѣнія. Утверждаю, что простое древле-церковное пѣніе на гласы въ здѣшнемъ краѣ забыто. За доказательствами, какъ вамъ извѣстно, ходить далеко не нужно. Если же продолжать идти по тому же пути, по которому шло здѣсь измѣненіе церковнаго пѣнія, то чрезъ какое-либо столѣтіе древле-церковныя напѣвы здѣсь переродятся, если только не выродятся совсѣмъ. Затѣмъ въ сельскихъ церквахъ весьма нужно привлеченіе всего народа къ участию въ церковномъ пѣніи; нужно уже потому одному, что этимъ путемъ, путемъ непосредственнаго участія въ совершеніи богослуженія, простой, до сихъ поръ мало свѣдущій въ вѣрѣ нашъ народъ усвоитъ ее весьма быстро устами, а тамъ и ухомъ, а наконецъ и сердцемъ. Участіе въ пѣніи приучаетъ особенно дѣтей любить церковное богослуженіе, любить церковь и вѣру и Бога. Нужно только, чтобы древле-церковный характеръ пѣнія, вѣдомый народу, не измѣнился; нужно, чтобы весь составъ пѣнія проникнуть былъ правдивнымъ церковію духомъ молитвеннаго умиленія, покаянія, сми-

ренія, услажденія, утѣшенія, духомъ христіанскаго веселія, торжества, всегда же духомъ мира о Дусѣ Святѣ...

О пастырскомъ приходскомъ управленіи сказать нужно, что на Руси оно и начиналось только въ духѣ обще-церковнаго управленія, но не въ ясномъ сознаніи отдѣльныхъ лицъ. Это пастырско-приходское управленіе состоитъ въ томъ, что пастырь обязанъ всякаго своего пасомаго дѣятельно руководить ко спасенію, слѣдя за его христіанскою жизнію отъ колыбели до могилы, да и по смерти поминая его въ своихъ молитвахъ, какъ свое духовное чадо. Но не выяснившись въ практической дѣятельности нашего пастырства, это пастырское руководство или управленіе къ нашему времени начинается, повидимому, чуть ли не замирать. Посмотрите на городскіе приходы теперь. Пастыри не знаютъ даже, гдѣ предѣлы этихъ приходовъ и кто ихъ прихожанинъ. Въ этомъ словѣ — прихожанинъ, да, выражается сущность нынѣшнихъ отношеній пасомыхъ къ пастырямъ. Прихожаниномъ считается только тотъ, кто приходитъ въ церковь за какою-либо требою, и только тогда, когда приходитъ. А ушелъ онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ перестаетъ быть и прихожаниномъ. Ушелъ въ другую церковь, къ другому священнику, сталъ прихожаниномъ другихъ и церкви и священника. Не пошелъ, не ходитъ ни въ какую церковь, — вмѣстѣ съ тѣмъ пересталъ быть и чьимъ либо прихожаниномъ, а иногда перестаетъ быть даже и вовсе христіаниномъ. Что можетъ-быть печальнѣе и гибельнѣе такого пути, по которому мы идемъ, или точнѣе — роковымъ образомъ низпадаемъ въ бездну? Въ большихъ городахъ это и поправить трудно. Въ селахъ же это пока еще возможно. Но знайте, я знаю факты, что и по селамъ этотъ пагубный порядокъ отношеній къ церкви и приходу уже начинается. Я самъ слышалъ отъ священниковъ такія выраженія о своихъ прихожанахъ: „да я его, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни вижу“. — „Какъ въ первый разъ видите, святой отецъ!? Да вы обязаны постоянно смотрѣть за нимъ, идетъ ли онъ по тому пути, по которому должны идти ваши прихожане ко спасенію“. Однимъ ли стимуломъ должны мы руководиться, слѣдя, чтобы приходы наши не умалились, — стимуломъ грубаго интереса? Нѣтъ, поставьте предъ собою высшій, истинно христіанскій, Христовъ стимулъ, чтобы ввѣренное вамъ Пастыреначальникомъ Христомъ стадо

не умалялось, чтобы наемникъ не разгонялъ, чтобы волкъ не расхищаль, чтобы каждый изъ васъ велъ свое стадо въ цѣлости до единого двора овчаго, до обителей небесныхъ, и тамъ сдать своихъ духовныхъ чадъ цѣлыми спасенными Пастыреначальнику Христу: „Се Азъ и дѣти, яже Ми далъ еси...“ Увы, этотъ предметъ, когда на него поглядишь съ разныхъ сторонъ, представляеть только мрачные виды. Даже идею духовнаго пастырства мы потеряли, выпустивъ ее изъ виду. Въ городахъ эту идею уже и не уловишь, по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ. Въ селахъ же ловить ее еще можно, но ловятъ ли, это вопросъ...

Послѣднее мое слово вамъ, будущіе пастыри, первозванные ученики Христовы. Ваше пастырское положеніе, безъ сомнѣнія, будетъ тревожище нашего. Вамъ же придется и болѣе работать, чѣмъ работало или работаетъ отживающее поколѣніе пастырей, вашихъ отцевъ. Если же вы не поймете этого неотложнаго запроса времени, то чего добраго, кто либо изъ васъ перестанетъ быть и пастыремъ по той простой, но роковой причинѣ, что некого будетъ пасти, по слову пророка: „еда пастыри пасуть себе самихъ? Не овецъ ли пасуть пастыри“? Переставьте вопросъ: овецъ ли пасуть пастыри? Не себя ли только пасуть пастыри? Да и размыслите о семъ. Аминь.

ХАРАКТЕРЪ ПЕРВЫХЪ ДВУХЪ ГОНЕНІЙ

ПРОТИВЪ ХРИСТІАНЪ*.

Въ тѣхъ отрывкахъ литературныхъ памятниковъ, которыми доселѣ мы пользовались при изложеніи первыхъ враждебныхъ столкновеній между христіанскою церковію и римскимъ государствомъ, или говорилось о Нероновомъ и Домиціановомъ гоненіяхъ вмѣстѣ, или же, какъ напримѣръ въ Апокалипсисѣ, не опредѣлялось съ точностію и оставалось нерѣшеннымъ то, къ какому изъ этихъ двухъ великихъ гоненій относится свидѣтельство разсматриваемаго отрывка. Поэтому, и свидѣтельствами этихъ отрывковъ можно было воспользоваться прежде всего и главнымъ образомъ лишь только въ примѣненіи ихъ къ преслѣдованіямъ противъ христіанъ перваго столѣтія, и то въ общихъ чертахъ. Мы нашли тогда, что эти свидѣтельства вполне благоприятствуютъ болѣе древнему болѣе распространенному въ наукѣ воззрѣнію на положеніе первыхъ христіанъ въ римскомъ государствѣ. Мы именно пришли къ тому несомнѣнному общему заключенію, что уже первыя два преслѣдованія, при Неронѣ и при Домиціанѣ, направлены были противъ христіанъ, какъ такихъ; что они были авторизованы императорскими декретами и простирались далеко за предѣлы города Рима. Этотъ, добы-

* См. «Прав. Обзор.» октябр. кн. текущаго года.

тый уже нами, общій результатъ еще болѣе подтвердится и уяснится для насъ, если мы разсмотримъ оба первыя гоненія въ частности.

Мы уже выше имѣли случай упомянуть, что взглядъ о всеобщности *Неронова* гоненія на христіанъ подтверждается свидѣтельствами такихъ церковныхъ писателей, какъ Мелитонъ и Тертуліанъ. Именно, этотъ послѣдній писатель гораздо болѣе вѣса приписываетъ насильственнымъ дѣяніямъ Нерона противъ христіанъ, чѣмъ покушеніямъ Домиціана. Къ этому же гоненію при Неронѣ естественнѣе всего, по нашему мнѣнію, относить также указанія перваго соборнаго посланія ап. Петра; ибо если относить описываемое здѣсь тревожное время къ какому-либо другому гоненію, кромѣ Неронова, то въ такомъ случаѣ мы должны будемъ предположить всеобщее гоненіе противъ христіанъ еще до времени царствованія Нерона. Но о такомъ раннемъ всеобщемъ гоненіи ничего неизвѣстно; даже слова Тертуліана совсѣмъ исключаютъ существованіе такого гоненія. Если же указанія перваго посланія Петра необходимо принять въ смыслъ свидѣтельства о гоненіи противъ христіанъ, бывшемъ при Неронѣ, тогда вопросъ о всеобщности этого гоненія можно признать рѣшеннымъ, потому что гоненіе это, согласно свидѣтельству посланія, простиралось, по меньшей мѣрѣ, также и на христіанъ въ Малой Азіи. Еще съ болѣею несомнѣнною завѣряется тогда для насъ характеръ этого гоненія, какъ гоненія *собственно противъ христіанъ*. „Только бы не пострадалъ кто изъ васъ, какъ убійца, или воръ... Если же какъ *христіанинъ*, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь“ (4, 15. 16). Кажется невозможно уже болѣе точно обозначить альтернативу между древнимъ и новѣйшимъ взглядомъ на характеръ первыхъ гоненій противъ христіанъ, равно какъ нельзя ожидать болѣе яснаго и опредѣленнаго рѣшенія нашего вопроса въ смыслъ древняго взгляда. Впрочемъ, свидѣтельство св. апостола Петра сохраняетъ свою полную цѣнность для нашего вопроса даже и тогда, когда въ его посланіи стали бы усматривать указаніе на иное гоненіе противъ христіанъ, кромѣ гоненія при Неронѣ, потому что и тогда все-таки оставалось бы несомнѣннымъ, что гоненіе, описываемое св. апостоломъ, было всеоб-

щимъ, повсюднымъ и направлялось именно *противъ христіанъ, какъ таковыхъ.*

Защищаемое нами *древнѣйшее* воззрѣніе на характеръ первыхъ гоненій на христіанъ находить для себя поддержку и основаніе даже въ извѣстіяхъ языческихъ писателей. Для болѣе вѣрнаго пониманія этихъ извѣстій мы напомнимъ о тѣхъ воззрѣніяхъ, какія уже въ первомъ столѣтіи нашей эры были общераспространенными въ языческомъ обществѣ касательно христіанъ вообще. Такъ, по свидѣтельству св. Іустина мученика, по смерти Господа І. Христа, іудеи, злѣйшіе враги Христа, повсюду разсеивали самыя ужасныя клеветы и злословія противъ новой религіи ¹⁾, и именно вслѣдствіе распускаемыхъ ими тяжкихъ обвиненій, зарождавшееся христіанское общество въ представленіи римлянъ приравнивалось почти къ тому, что нынѣ у насъ въ Европѣ назвали бы нигилизмомъ. На юное христіанство смотрѣли вообще какъ на секту, которая отрицала и готовилась потрѣсти всѣ уже сложившіеся устои человѣческаго общества, а въ своихъ тайныхъ собраніяхъ систематически предавалась всякаго рода порокамъ и мерзостямъ. Уже самое принятіе, посвященіе въ эту секту, по взгляду тогдашняго языческаго общества, будто бы обставлено было такими церемоніями, которыя могли имѣть смыслъ только дерзкаго глумленія надъ всѣмъ тѣмъ, что было святаго среди людей. Римскій историкъ Тацитъ, какъ сынъ своего времени и общества, вполне раздѣляетъ эти воззрѣнія касательно христіанства, и увѣряетъ насъ, что христіане уже во времена Нерона „были ненавидимы по причинѣ ихъ мерзкихъ дѣяній“: это значить, что уже тогда на христіанъ клеветали вышеупомянутымъ образомъ. Изъ этого можно заключать, что если на христіанъ ввели обвиненіе въ поджогѣ Рима, то безъ сомнѣнія—потому, *что они были именно христіане*, а при такомъ положеніи вещей римскія правительственныя власти уже по необходимости должны были перейти къ осужденію христіанской религіи, именно *какъ таковой.* Такъ

¹⁾ См. Разг. съ Трифон.—сум Труф.—17.—Съ этимъ вполне согласуется и то обстоятельство, что въ Фессалоникахъ, при появленіи туда св. ап. Павла, уже знали о христіанствѣ: «иже развратиша вселенную, такъ возмущали іудеи народъ противъ ап. Павла и его спутниковъ, сіи и здѣ пріидоша» (Дѣян. 17, 6).

дѣйствительно и было на самомъ дѣлѣ; ибо тотъ же Тацитъ ясно и выразительно говорить, что посаженныхъ въ тюрьму христіанъ „изобличали не столько собственно въ поджогѣ, сколько скорѣе—въ ненависти къ человѣческому роду“. Слѣдовательно, уже тогда ихъ судили и осуждали именно какъ христіанъ. Такъ, напримѣръ, Тигеллинъ, намѣстникъ Нерона, при производствѣ суда надъ христіанами, считалъ ненужнымъ приведеніе особыхъ доказательствъ въ пользу преступленія поджога, находя вполне достаточнымъ основаніемъ для осужденія ихъ принадлежность ихъ къ сектѣ, которая, по тогдашнему воззрѣнію, не ладила со всѣмъ общественнымъ строемъ. А такъ какъ, слѣдовательно, „взеветы іудеевъ противъ церкви, скажемъ словами *de-Rossi*, такимъ образомъ подтверждаемы были образомъ поведенія судей, то отсюда слѣдовало съ избѣжною необходимостію, что и самое исповѣданіе христіанства должно быть запрещено во всей Имперіи“. Въ самомъ дѣлѣ, этого требовала самая простая послѣдовательность. Нельзя же было объявлять христіанъ чѣмъ-то въ родѣ шайки нигилистовъ и утверждать, что ихъ сектантская ненависть построила было планъ сожженія и уничтоженія города Рима, не предпринимая вмѣстѣ съ тѣмъ энергическихъ мѣръ къ искоренію вредной секты. Иной образъ дѣйствія со стороны римскаго правительства былъ бы просто фактическимъ объявленіемъ невинности христіанъ. Приведемъ для сравненія примѣръ изъ нашего времени. Кто могъ бы понять, положимъ, такой образъ дѣйствій, еслибы напримѣръ наше правительство, послѣ указанного факта царубійства въ 1881 году, обвиняя въ этомъ злодѣйствѣ шайку нашихъ нигилистовъ, несмотря на это однако не приняло бы никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ противъ этой преступной шайки?

Съ приведеннымъ выше свидѣтельствомъ Тацита вполне согласуется показаніе Светонія. Такъ, въ числѣ полицейскихъ распоряженій, изданныхъ Нерономъ и по мнѣнію Светонія, вполне заслуживающихъ похвалы, этотъ историкъ приводитъ между прочимъ также и притѣсненіе христіанства. „Посредствомъ казней, говоритъ онъ, были истребляемы христіане, порока людей, которая исповѣдывала новую и преступную религію“²⁾.

²⁾ Sueton. Nero. 16.

Причиной же обвиненій онъ считаетъ однако не поджогъ Рима, потому что о наказаніи за новую религію онъ говоритъ въ § 16 своей біографіи Нерона, о пожарѣ же въ Римѣ рассказываетъ, напротивъ, въ § 38 того же сочиненія и уже безъ всякаго упоминанія о христіанахъ. Напротивъ, изъ приведеннаго мѣста видно, что причиной казни христіанъ былъ по его мнѣнію именно внутренній характеръ христіанства, какъ „религія новой и преступной“. А что въ приведенныхъ словахъ Светоній хотѣлъ указать, дѣйствительно, именно причину осужденія христіанъ, а не причину, напримѣръ, того, почему Светоній съ своей стороны одобряетъ и оправдываетъ осужденіе ихъ, это можно видѣть изъ сравненія съ непосредственно слѣдующимъ затѣмъ мѣстомъ изъ біографіи императора. Кромѣ того, такое же заключеніе можно вывести и изъ того обстоятельства, что въ названномъ мѣстѣ Светоній перечисляетъ только хорошія распоряженія императора. Но невозможно, чтобы казни христіанъ онъ причислялъ къ хорошимъ распоряженіямъ Нерона, разъ только онъ совершались надъ христіанами изъ-за пожара въ Римѣ, такъ какъ этотъ пожаръ, по очевидному взгляду Светонія, произошелъ отъ Нерона и слѣдовательно обвиненіе въ поджогъ только съ крайнею несправедливостію могло быть взывано на христіанъ. Такимъ образомъ, и по Светонію, христіане были наказываемы собственно какъ христіане.

Что касается позднѣйшихъ христіанскихъ историковъ, то все они безъ исключенія высказываются единогласно въ томъ смыслѣ, что гоненіе Нерона противъ христіанъ было всеобщимъ. Такъ *Лактанцій* побудительную причину гоненія усматриваетъ въ злобной досадѣ тиранна по поводу усиливавшагося повсюду распространенія христіанства. По его словамъ, Неронъ замѣчалъ, что не только въ Римѣ, но и повсюду множество людей ежедневно отставало отъ культа идоловъ и переходило на сторону новой вѣры, и будучи гнуснымъ и зловреднымъ тиранномъ, приступилъ къ уничтоженію небеснаго храма и къ искорененію правды, т.-е. христіанской религіи ³⁾. Но само собой разумѣется,

³⁾ Cum animadverteret non modo Romae, sed ubique quotidie magnam multitudinem deficere a cultu idolorum et ad religionem novam... transire, ut erat execrabilis et nocens tyrannus, prosilivit ad excedendum coeleste templum delen-

что такой мотивъ въ преслѣдованію, какъ гнѣвъ по поводу *по-всеобщаго* распространенія и всесторонняго успѣха христіанства, долженъ былъ вызвать и преслѣдованіе *всеобщее*. Церковный историкъ *Евсевій*, подобно *Лактанцію*, правда, не высказывается въ ясныхъ, опредѣленныхъ словахъ, будто *Неронъ* предпринялъ *всеобщее* гоненіе противъ христіанъ, однако несмотря на это его можно считать несомнѣннымъ свидѣтелемъ въ пользу всеобщности гоненія. Въ своей лѣтописи онъ выражается о гоненіи *Нерона* совершенно въ такомъ же смыслѣ и духѣ, какъ и о гоненіи *Деція* и *Валеріана* ⁴⁾. О *Неронѣ*, какъ и о *Деціѣ*, просто говорится безъ всякаго ограниченія и оговорки, что они воздвигали преслѣдованіе противъ христіанъ. Еслибы *Евсевій* сознавалъ какое-либо различіе между гоненіями двухъ различныхъ императоровъ, то онъ конечно о каждомъ изъ нихъ и выражался бы различно, тѣмъ болѣе что въ другомъ случаѣ онъ называетъ страну, въ которой свирѣпствовали гоненія ⁵⁾. Съ этимъ вполне согласуется и свидѣтельство его церковной исторіи. О первыхъ жестокостяхъ тирана въ отношеніи къ христіанамъ, какія описываетъ *Тацитъ*, здѣсь *Евсевій* совсѣмъ ничего не говоритъ, онъ только въ самомъ общемъ смыслѣ называетъ *Нерона* первымъ „гонителемъ“, и даже—однимъ изъ самыхъ злѣйшихъ этихъ „враговъ Божіихъ“. Затѣмъ довольно обстоятельно онъ рассказываетъ, какимъ чудовищнымъ извергомъ былъ *Неронъ* и какимъ образомъ только отъ такого человека могла произойти и начаться борьба противъ христіанства. Но понятіе „гонителя“ современники епископа *Кесарійскаго* составили себѣ о *Діоклетіанѣ*, *Максимианѣ*, *Деціѣ*, и слѣ-

danque justitiam. De mort. pers. с. 2.—Повидимому, и *Тертуліанъ* причину гоненія видитъ въ распространенія христіанства въ столицѣ имперіи: *Neronem in hanc sectam cum maxime Romae orientem ferocissime.*

⁴⁾ Для примѣра можно сравнить слѣдующія мѣста: *Primus Nero super omnia scelera sua etiam persecutionem in christianos facit, in qua Petrus et Paulus... Secundus post Neronem Domitianus christianos persequitur... съ мѣстами: Maximinus adversus ecclesiarum sacerdotes persecutionem facit.—Decius... qui cum Philippos... interfecisset ob odium eorum persecutionem in christianos movet, qua diaconus Laurentius Romae martyrium duxit.—Valerianus in christianos persecutione permota, statim... capitur.*

⁵⁾ Ad a. Chr. 168 (Ed. Migne P. G. XIX, 562).

довательно, если какой-либо императоръ просто-на-просто называется этимъ именемъ, даже — однимъ изъ самыхъ выдающихся гонителей, то при этомъ мы имѣемъ полное право представлять себя вѣрное подобіе Деція, Диоклетина и т. д. Притомъ Евсевій, переходя отъ характеристики Нерона, какъ перваго гонителя противъ христіанъ, къ мученической кончинѣ первоапостоловъ, выставляетъ на видъ то, что они пострадали *именно въ самомъ Римѣ* (ἐν αὐτῆς Ῥώμης). Но спрашивается: къ чему было бы съ особенной силой ударять на это мѣсто мученичества апостоловъ, если *уже и раньше* рѣчь была собственно только о гоненіи христіанъ въ Римѣ?

Сто лѣтъ спустя послѣ Евсевія два латинскіе писателя, Сульпицій Северъ и Орозій, уже совершенно ясно засвидѣтельствовали, что мѣры преслѣдованія христіанъ со стороны Нерона были систематическаго характера и всеобща. Ихъ свидѣтельство несмотря на триста лѣтъ, которыя отдѣляли ихъ отъ Нерона, отнюдь однако не должны терять своей цѣнности въ нашихъ глазахъ. Въ ихъ распоряженіи еще находился тогда совсѣмъ другой первоисточный матеріалъ, чѣмъ каковымъ владѣемъ мы, и они именно подтверждаютъ только то, что утверждали и другіе писатели гораздо раньше ихъ и что кромѣ того и само въ себѣ вполне правдоподобно. И особенно на основаніи послѣдней причины, де-Rossi говорить, что ихъ свидѣтельство не можетъ быть оспариваемо на достаточномъ основаніи и по хорошей причинѣ.

Но прежде чѣмъ мы вполне присоединимся къ этому мнѣнію, мы обязаны дать высказаться съ своей точки зрѣнія также и противникамъ взгляда, который мы доселѣ защищали.

Прежде всего, представители противнаго нашему взгляда отвергаютъ показанія позднѣйшихъ источниковъ, каковы — Лактанцій, Сульпицій Северъ, Орозій, — на томъ основаніи, что эти источники излагали только преданіе позднѣйшихъ временъ. Въ этомъ вопросѣ, говорятъ наши противники, могли бы служить для насъ достаточнымъ руководствомъ только *болѣе древніе* христіанскіе источники, особенно изъ втораго и третьяго столѣтій, и таковымъ руководствомъ эти источники служили бы для насъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе они *въ своихъ извѣстіяхъ* согласовались бы съ указаніями самыхъ древнѣйшихъ языческихъ источниковъ. Затѣмъ обыкновенно слѣдуетъ, на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ

изъ Мелитона и Тертуліана, доказательство того, что гоненіе Нерона было ограничено. Слѣдовательно свидѣтельство позднѣйшихъ источниковъ отвергается на томъ основаніи, что оно находится въ противорѣчій съ Мелитономъ и Тертуліаномъ, которые—якобы—считаютъ гоненіе Нероново ограниченнымъ. Такая аргументація принадлежитъ именно не разъ упомянутому нами, Görres-у. Но здѣсь, при всемъ нашемъ уваженіи къ начитанности нашего противника, мы не можемъ подавить въ себѣ изумленія, какое возбуждаетъ въ насъ явная непослѣдовательность нашего противника. Въ приведенномъ уже выше мѣстѣ своей статьи Görges самъ признаетъ, что апологеты, въ числѣ которыхъ у него поименно названы Мелитонъ и Тертуліанъ, „предполагаютъ систематическое гоненіе до-Траяна“, и по этой причинѣ онъ даже упрекалъ ихъ въ томъ, что „они представляли дѣйствительныя отношенія въ совершенно превратномъ видѣ“ (Real-Encyclop. II, 887). И вдругъ теперь на основаніи тѣхъ же апологетовъ тотъ же ученый доказываетъ уже совсѣмъ противное, именно ограниченность до—траяновскихъ гоненій, и въ этомъ отношеніи выдаетъ ихъ извѣстія за „руководственныя“ („massgebend“)! Но наше изумленіе растетъ еще далѣе. Мы уже привели всѣ мѣста, въ которыхъ Мелитонъ и Тертуліанъ говорятъ о первомъ гоненіи вообще. Слѣдовательно, если Görges признаетъ, что апологеты утверждаютъ систематичность характера этого гоненія (R.-E. II, 887), то онъ дѣлаетъ это на основаніи мѣстъ, которыми пользовались также и мы. И однако, теперь изъ однихъ и тѣхъ же мѣстъ выводится уже мнѣніе объ ограниченности преслѣдованія, и апологеты въ нѣсколькихъ фразахъ оказываются въ прямомъ противорѣчій съ самими собой! Однако, всмотримся ближе въ отдѣльныя доказательства.

Прежде всего ссылаются на одно мѣсто изъ исторіи Мелитона, сохранившееся у Евсевія (Euseb. Hist. eccl. IV, 20), которое гласитъ такъ: „Изъ всѣхъ императоровъ *одни только* (μόνοι) Неронъ и Домиціанъ хотѣли нашу религію *обвинить* (ἐν διαβολῇ καταστήσαι)“. Въ этомъ свидѣтельствѣ останавливаются на выраженіи ἐν διαβολῇ καταστήσαι, которое мы передали словомъ *обвинить*, и переводя его словомъ *оклеветать*, строятъ слѣдующее заключеніе: „Такъ какъ здѣсь Мелитонъ упрекаетъ кесаря, пользовавшагося дурною репутаціей, въ *оклеве-*

таніи христіанства, то въ нашемъ мѣстѣ безспорно заключается намекъ на происшествіе, рассказанное Тацитомъ; слѣдовательно апологетъ зналъ изъ времени Нерона только о дурномъ обращеніи съ римскимъ обществомъ христіанъ“. Но выраженіе: ἐν διαβολῇ καταστῆσαι не значитъ непременно только *оклеветать*, оно имѣетъ точно такъ же и другое, болѣе широкое значеніе: поставляютъ кого въ положеніе обвиняемаго, обвинять. Пониманіе этого выраженія въ его болѣе узкомъ значеніи, въ данномъ случаѣ, должно признать сомнительнымъ уже по одному тому, что ничего неизвѣстно о какомъ-нибудь частномъ, специальномъ оклеветаніи христіанства со стороны Домиціана, а между тѣмъ и этому государю нужно приписать какое-то особенное оклеветаніе христіанъ, потому что частица *διότι*, стоящая предъ именемъ Нерона, одинаково указываетъ и на имя Домиціана, какъ на клеветника противъ христіанъ. Да и къ чему было бы особенно выставять на видъ то, что *одни только* два названные деспота выступили съ специальной клеветой на христіанъ? Вѣдь совершенно естественно и даже необходимо было бы ожидать, что и *всякій* другой государь языческой имперіи готовъ былъ къ какому-нибудь вопль опредѣленному обвиненію противъ христіанъ? Не специальную какую-либо клевету противъ христіанъ приписываетъ здѣсь апологетъ Нерону и Домиціану, но обвиненіе противъ ихъ религіи, т.-е. гоненіе ихъ именно за то, что они были христіане. Къ такому же заключенію приводятъ затѣмъ и слѣдующія выраженія апологета, въ которыхъ говорится, что отъ Нерона и Домиціана распространялись ложныя обвиненія на послѣдующее время, ложныя взгляды (*ἄγνοια*) названныхъ государей снова были исправляемы ихъ преемниками. Всѣ эти выраженія теряютъ всякое значеніе, если ихъ относить къ опредѣленнымъ клеветамъ. А почему Мелитонъ вмѣсто слова „преслѣдовать“ употребляетъ въ разсматриваемомъ случаѣ лишь неясное и не совсѣмъ опредѣленное выраженіе ἐν διαβολῇ καταστῆσαι, это легко объясняется характеромъ всего его стиля. Вообще онъ говоритъ къ императорамъ тонкимъ, осторожнымъ и мягкимъ тономъ, старается до крайней возможности оправдывать или извинять ихъ, обнаруживать возможно больше довѣрія къ нимъ. Если онъ желаетъ сказать, что гоненія несправедливы, то онъ дѣлаетъ не съ тою независимою

прямотою, какую слышимъ мы на примѣръ у св. мученика Іустина: „Мы открыто высказываемъ вамъ это: вы не избежите суда Божія, если будете упорствовать въ вашей несправедливости“. Онъ скорѣе употребитъ для этого болѣе тонкій оборотъ который однако въ существѣ дѣла высказываетъ тоже самое: „Если бы (эти несправедливости) совершались по твоему приказанію, это было бы хорошо. Справедливый государь, конечно, вѣдь не прикажетъ ничего несправедливаго“. Даже Нерона Мелитонъ старается все-таки какъ-нибудь извинить, потому что, по его изображенію, Неронъ только „будучи наученъ нѣкоторыми завистливыми людьми“ возсталъ противъ христіанъ. Въ связи съ такимъ общимъ характеромъ стиля Мелитона объясняется и мягкое выраженіе „ἐν διαβολῇ καλκαλῆσαι“, собственное значеніе котораго однако совершенно ясно въ разсматриваемомъ мѣстѣ. Христіанская религія,—таково послѣдовательное теченіе мыслей епископа сардійскаго, явилось въ мірѣ для спасенія римской имперіи. Императоры (первые), дѣйствительно и были *доброю* мнѣнія о новой религіи, и потому не преслѣдовали ее, а напротивъ, относились къ ней, какъ и ко всѣмъ прочимъ формамъ культа. Только Неронъ и Домиціанъ стали взводить на христіанство обвиненіе,—обвиненіе, значеніе котораго у апологета достаточно ясно изъ противоположенія онаго означенному послѣдствію первоначальнаго *доброю* мнѣнія, т.-е. какъ первоначально, въ силу добраго мнѣнія о христіанахъ, ихъ не преслѣдовали, такъ теперь, въ силу худой молвы объ нихъ, ихъ стали преслѣдовать. Такимъ образомъ, указанное мѣсто изъ Мелитона ничего не доказываетъ въ пользу новѣйшаго взгляда на гоненіе Нерона.

Повидимому, съ большимъ правомъ и основательностію ссылаются на два мѣста Тертуліана. „Спросите свои гѣтописи, говорится въ Апологетикѣ, тамъ вы найдете, что впервые Неронъ сталъ неистовствовать съ мечемъ кесарскимъ противъ нашей религіи, которая тогда пышно процвѣтала въ Римѣ“. Слѣдовательно, такъ заключаютъ наши противники изъ этихъ словъ апологета, и Тертуліанъ признаетъ во время царствованія Нерона только страданія *римской* общины христіанъ; ибо онъ язычниковъ, противъ которыхъ направленъ былъ его апологетикъ, раньше съ настойчивостію отсылаетъ за справками къ языче-

скимъ же источникамъ, т.-е. къ Тациту и Светонію, и затѣмъ говорить: „противъ нашей религіи, которая тогда пышно процвѣтала въ Римѣ“ (*sectam cum maxime Romae orientem*). Еще опредѣленнѣе выражается по тому же вопросу Тертуліанъ въ другомъ своемъ сочиненіи (*Scorp.* с. 15): читаемъ мы жизнеописанія кесарей, возникающую вѣру въ Римѣ первый окровавилъ Неронъ“ (*Uitas Caesarum legimus, orientem fidem Romae primus Nero cruentavit*).

На первый взглядъ дѣйствительно можетъ показаться, будто оба приведенныя мѣста Тертуліана рѣшительно говорятъ въ пользу взгляда нашихъ противниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Тертуліанъ знаетъ еще какое-либо гоненіе на христіанъ, внѣ стѣнъ города Рима и его области, то невозможно понять, почему онъ ничего не говоритъ объ немъ? И если у него есть еще какіе-либо источники историческіе, кромѣ языческихъ, то почему онъ никогда не называетъ ихъ? Но стоитъ лишь поближе всмотрѣться въ это дѣло, и отвѣтъ на всѣ эти вопросы скоро найдется. Разсмотримъ мы прежде всего послѣднее изъ приведенныхъ мѣстъ изъ указанной книги Тертуліана противъ ужаленія скорпіона. Тертуліанъ говоритъ здѣсь совсѣмъ не о гоненіи Нерона вообще. Онъ имѣетъ въ виду тѣхъ, которые презирали христіанскихъ мучениковъ, и противъ такихъ онъ хочетъ доказать, что апостолы Петръ и Павелъ умерли мученическою смертію, въ подтвержденіе чего онъ и ссылается теперь на языческихъ писателей: „И если еретикъ требуетъ доказательства изъ письменнаго документа, то (объ этихъ) скажутъ (ему) государственные акты, равно какъ камни Иерусалима. При такомъ намѣреніи Тертуліана, для него дѣйствительно было весьма интересно, чтобы вмѣсто него стали говорить языческія письма, „подобно камнямъ Иерусалимскимъ“, потому что такая ссылка конечно должна была устыдить его противниковъ. Поэтому онъ могъ заставить говорить за себя языческихъ лѣтописцевъ, хотя они упоминаютъ только о гоненіи въ Римѣ. Для того чтобы установить мученичество первоверховныхъ апостоловъ, какъ незыблемый, несомнѣнный фактъ, апологету вовсе не предстояло никакой надобности упоминать о преслѣдованіи внѣ Рима, такъ какъ такое упоминаніе совсѣмъ не относилось къ существу дѣла. Для его цѣли вполне было до-

статочнo такого документа, который свидѣтельствовалъ о гоненіи римскомъ, каково было, на примѣръ, свидѣтельство Тацита.

Сомнѣнія, возбуждаемыя въ представителяхъ новѣйшаго взгляда на гоненія христіанъ приведеннымъ выше мѣстомъ изъ Аролог. с. 5, — разрѣшаются еще проще и легче. Противъ язычниковъ апологетъ ссылаются на языческихъ писателей, во первыхъ потому, что такая ссылка несомнѣнно имѣла болѣе силы въ глазахъ языческихъ читателей, а во вторыхъ потому, что христіанскія писанія болѣею частію оставались неизвѣстными язычникамъ и доходили до нихъ болѣею частію только благодаря какой-нибудь случайности, слѣдовательно не могли пользоваться никакимъ авторитетомъ у язычниковъ. Упомянутое апологетомъ въ этомъ мѣстѣ объ одномъ только Римѣ точно такъ-же нисколько не показываетъ, будто апологетъ ограничивалъ гоненіе однимъ городомъ Римомъ; противъ такого пониманія говоритъ прежде всего самая связь мыслей апологета. Тертуліанъ говоритъ въ этой главѣ (5 гл.) о происхожденіи *законовъ* противъ христіанъ, именно, — что эти законы происходятъ отъ Нерона, и въ доказательство такого ихъ происхожденія онъ ссылается на показаніе языческихъ письменныхъ документовъ. Что касается того утвержденія нашихъ противниковъ, будто изъ языческихъ источниковъ, подразумеваемыхъ христіанскимъ апологетомъ, существуютъ *только* Тацитъ и Светоній, то съ нимъ можно было бы согласиться только тогда, когда по крайней мѣрѣ, за Светоніемъ признали бы упоминаніе о *законахъ*, враждебныхъ для христіанъ, съ чѣмъ вмѣстѣ слѣдовательно признали бы у него указаніе на гоненіе христіанъ, именно *какъ христіанъ*. Впрочемъ, кромѣ Тацита и Светонія существовали тогда и другія литературныя произведенія изъ времени императора Нерона, указанія на каковыя и находятся въ „Исторіи Римской Литературы“ *Тейффеля* (ср. *Teuffel, Römische Literatur Geschichte*, 4 Aufl. §§ 312, 5; 314; 341, 8); многіе знатоки римской письменности подъ часто упоминаемыми у разныхъ писателей *сонттаріи* подразумеваютъ общественныя архивныя дѣла. Врядъ ли можно отрицать также и существованіе въ то время собраній законовъ. По крайней мѣрѣ въ отношеніи мученической смерти апостоловъ, Тертуліанъ ссылается на одинъ языческій, совершенно утерянный для нашего времени письменный источникъ.

который называется у него *instrumenta imperii* (Scorp. 15), и подъ которымъ можно разумѣть собраніе государственныхъ дѣлъ *)).

Для доказательства, что первое гоненіе на христіанъ имѣло узкія рамки и ограничивалось областію Рима, противники древняго взгляда на подлежащій вопросъ приводятъ во свидѣтели также церковнаго историка Евсевія. „И Евсевій, говорятъ они, изъ времени Нерона знаетъ только о притѣсненіяхъ *римской* общины христіанъ: въ церковной исторіи (Hist. eccles. II, 25), гдѣ онъ вспоминаетъ о Нероновомъ гоненіи, онъ просто даетъ переводъ относящагося сюда мѣста у Тертуліана (Apol. 5). Но что епископъ кесарійскій вовсе не защищаетъ Нерона противъ обвиненія его въ всеобщей ненависти къ христіанамъ, это мы, надѣемся, уже достаточно показали выше. Что же касается того обстоятельства, что онъ при упоминаніи о гоненіи Нероновомъ ограничивается приведеніемъ словъ Тертуліана, то это вовсе не можетъ служить доказательствомъ противъ защищаемого нами воззрѣнія. Какъ мы уже показали выше, приводимое мѣсто изъ Тертуліана вовсе не подтверждаетъ взгляда нашихъ противниковъ; Евсевій же приводитъ оное для того, чтобы усилить свое собственное воззрѣніе на Нерона, какъ на гонителя христіанъ вообще, а не римскихъ христіанъ въ частности, и совершенно ложный переводъ этого мѣста у нашихъ противниковъ еще гораздо меньше, чѣмъ текстъ оригинала, заставляетъ предполагать, будто свирѣпое обращеніе съ христіанами ограничивалось лишь извѣстною областію имперіи. Невозможно допустить, чтобы великій церковный историкъ не имѣлъ у себя никакихъ другихъ источниковъ, кромѣ апологета кареагенскаго, для того чтобы изложить свой взглядъ на первое гоненіе противъ христіанъ. Интересныхъ частныхъ касательно этого гоненія его источники быть-можетъ не доставили бы ему. Но такія мѣста, какъ напримѣръ свидѣтельство Мелитона и быть-можетъ, еще болѣе ясныя, конечно могли весьма кстати пригодиться къ его услугамъ. Но очевидно, что онъ и Нероново гоненіе предполагаетъ уже хо-

*) Въ подобномъ сочетаніи словъ *instrumentum*, по крайней мѣрѣ у Квинтіана, встрѣчается съ значеніемъ документа государственныхъ приказовъ.

рошо извѣстнымъ и говорить объ немъ не все, что онъ знаетъ касательно онаго. Также и о тѣхъ сценахъ свирѣпости противъ христіанъ, какія рассказываетъ Тацитъ, онъ не упоминаетъ, и однако онѣ должны быть ему извѣстны. Указанія на нихъ онъ находилъ частію у св. Климента римскаго (1 посл. Коринѣ., св. *Климента*), частію же тѣ „многіе“ біографы Нерона, на которыхъ дѣлаетъ ссылки Евсевій въ своей исторіи, заключали въ себѣ, по крайней мѣрѣ, кое-что касательно того же предмета.

Дальнѣйшее доказательство въ пользу новѣйшаго противъ древнѣйшаго взгляда на гоненія стараются выводить изъ того, что Неронъ былъ безрелигіозный человѣкъ. Предположеніе, что Нерономъ были издаваемы всеобщіе эдикты о гоненіи противъ христіанъ,—говорятъ,—съ необходимостію предполагаетъ также, что императоръ находилъ живой интересъ въ сохраненіи древней государственной религіи. Но что безсовѣстный деспотъ, какимъ былъ Неронъ, не изъ своей религіозности имѣлъ такой интересъ, это въ состояніи признать каждый. Неронъ не былъ благочестивымъ язычникомъ. Но значить ли это, чтобы онъ дѣйствительно не находилъ *совсѣмъ никакого* интереса въ религіи, которая завершалась въ культѣ кесарей, которая почти всѣхъ его предшественниковъ на императорскомъ тронѣ возводила въ боговъ? Съ другой стороны, если онъ былъ въ душѣ безрелигіознымъ человѣкомъ, то достаточно ли было этого для того, чтобы онъ дѣйствительно былъ совершенно свободенъ отъ всякой ненависти къ новой религіи, которая и кесаря обязывала признавать надъ собою единаго Бога и въ силу этого поставляла его въ отношеніи къ этому Богу на одну ступень не только съ его подданными, но даже и съ его рабами, которыхъ онъ онъ не привыкъ даже и за людей считать?

Другими словами, несомнѣнно, что если Неронъ не имѣлъ никакихъ политическихъ причинъ ненавидѣть христіанъ, то могли быть у него личныя къ тому побужденія. Позднѣйшее преданіе, котораго мы впрочемъ не будемъ здѣсь разсматривать ближайшимъ образомъ, причину смерти первоверховныхъ апостоловъ приписываетъ однако именно такого рода побужденію⁷⁾, да и

⁷⁾ Ср. Златоуста. adv. oppugn. vitae mon. I, 3.

помимо того, отъ дней Амана и Мардохея исторія указываетъ достаточно примѣровъ такихъ гоненій, ближайшимъ поводомъ которыхъ было превратное чувство гордости или извращенная чувственность какого-нибудь владыки земнаго. Что касается нашего вопроса, то Неронъ могъ уже вполне хорошо знать христіанство. Иудеи, которые были такъ могущественны при Неронѣ и въ его дворѣ, безъ сомнѣнія, не пропускали ни одного благопріятнаго случая, чтобы начертить предъ тиранномъ надлежащій образъ своихъ ненавистныхъ противниковъ. Къ тому же, христіанство пускало корни при дворѣ самого императора (ср. Филиппис. 4, 22). Весьма могло быть, что совѣсть послѣдователей христіанства, подъ сгѣжимъ вліяніемъ новой религіи, страшно возмущалась разными проявленіями распутства императора и вслѣдствіе того быть-можетъ происходили иногда крупныя придворныя столкновенія. Да если даже Неронъ не имѣлъ и никакой причины ненавидѣть христіанство, — то разъ уже онъ взвалилъ на христіанъ, именно за ихъ религіозныя убѣжденія, такое тяжкое обвиненіе, какъ обвиненіе въ поджогѣ Рима, — онъ долженъ былъ и дальше продолжать идти въ томъ же направленіи и гнать отовсюду эту *religio malefica* (злѣдѣйственную религію). Иначе онъ самого себя навазалъ бы за свою ложь.

Разсмотрѣнныя нами основанія не единственныя изъ тѣхъ доказательствъ, которыя обыкновенно приводятся противъ традиціоннаго пониманія характера перваго гоненія на христіанъ. Нѣкоторые изъ вольнодумныхъ современныхъ изслѣдователей заходятъ такъ далеко, что начинаютъ отрицать дѣйствительность насилій Нерона въ отношеніи къ христіанамъ не только въ провинціяхъ римской имперіи, но даже и въ самомъ Римѣ, и несомнѣнное свидѣтельство *языческаго* историка Тацита о страданіяхъ христіанской общины въ Римѣ при Неронѣ стараются устранить различными способами или, точнѣе, разными измышленіями. Такъ напримѣръ, французъ Гохартъ рѣшается объявить, что относящееся къ нашему вопросу мѣсто изъ лѣтописей (*Annales*) Тацита есть ни больше, ни меньше какъ позднѣйшая христіанская фальсификація, подлогъ, который не заслуживаетъ рѣшительно никакого вѣроятія. По мнѣнію же Германна Шиллера, напротивъ, при Неронѣ было дѣйствительно

гоненіе, но не противъ христіанъ, а противъ іудеевъ; Тацитъ же, который смѣшивалъ іудеевъ съ христіанами, по собственной ошибкѣ выдалъ бывшее гоненіе за преслѣдованіе христіанъ. Мы не будемъ вдаваться здѣсь въ подробный анализъ этихъ двухъ гипотезъ и оставимъ ихъ въ покоѣ; насиліе прямаго смысла первоисточниковъ, которому единственно и обязаны эти гипотезы своимъ существованіемъ, уже само по себѣ достаточно опровергаетъ ихъ состоятельность. Но мы не можемъ здѣсь обойти полнымъ молчаніемъ тѣ основанія, которыя приводитъ Шиллеръ противъ общепринятаго взгляда, что гоненіе Нерона обнимало собой обширную территорію государства, было всеобщимъ. При этомъ нѣмецкій историкъ совершенно устраняетъ свидѣтельства церковныхъ писателей, лишаетъ ихъ права голоса въ этомъ вопросѣ, который всего ближе ихъ именно и касается, и основываетъ свое доказательство единственно на показаніяхъ Тацита и Светонія. По свидѣтельству обоихъ этихъ писателей,—такъ рассуждаетъ Шиллеръ,—оказывается вполнѣ вѣрнымъ то, что гоненіе христіанъ ограничивалось только городомъ Римомъ и не выходило дальше его предѣловъ, равно какъ и то, что это гоненіе воспослѣдовало не въ силу какого-либо религіознаго соображенія императора или правительства, но единственно и исключительно въ силу обвиненія христіанъ въ поджогѣ. По описанію Светонія, весь этотъ христіанскій процессъ принадлежитъ къ разряду чисто полицейскихъ распоряженій, которыя исходили отъ подлежащихъ полицейскихъ властей столицы, а потому и ограничивались стѣнами этой столицы, не распространяясь далѣе ея области. Что касается Тацита, то онъ знаетъ только двѣ страны или области, въ которыхъ христіанство имѣло своихъ послѣдователей, именно: Іудею и Римъ. Еслибы гоненіе происходило въ другихъ мѣстахъ Італіи и провинцій, то онъ не могъ бы сдѣлать этого указанія на опредѣленные двѣ области; во всякомъ случаѣ гоненія въ Італіи, еслибы только они были въ дѣйствительности, безусловно должны бы быть ему извѣстны. Да наконецъ, еслибы это гоненіе было дѣломъ обще-государственнымъ, а не частнымъ распоряженіемъ городской римской полиціи, то Неронъ конечно потребовалъ бы касательно онаго рѣшенія сената, какъ это дѣлали его предшественники и какъ самъ онъ въ религіозныхъ отношеніяхъ

никогда не лишаль сената его законной власти въ разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣлъ.

Самое слабое между всѣми этими доказательствами есть, конечно, *второе*. Правда, Тацитъ дѣйствительно, называетъ только Іудею и Римъ; но что онъ *не знаетъ* другихъ мѣстъ, это ни откуда не слѣдуетъ. Третій аргументъ доказываетъ слишкомъ много, больше, чѣмъ сколько заключается въ его послыжахъ. Въдъ изъ свидѣтельства Светонія ясно вытекаетъ, что Неронъ наказывалъ христіанъ именно за ихъ религію. Если, такимъ образомъ, онъ долженъ былъ признать за лучшее, чтобы и на этотъ разъ также было выражено осужденіе этой религіи сенатомъ, то это предположеніе ничего не доказываетъ въ пользу Шиллера, потому что бывали такія сенатскія постановленія противъ христіанъ, о времени и поводѣ которыхъ мы ничего не знаемъ. Больше затрудненій представляетъ объясненіе того, что ставитъ Шиллеръ на первомъ планѣ. Дѣйствительно, Светоній рассказываетъ о мѣрахъ противъ христіанъ въ такой связи рѣчи, которую можно назвать примѣчательнѣйшею. Непосредственно выше говорится у него о харчевняхъ, непосредственно ниже слѣдуетъ запрещеніе безчинствъ актеровъ. Однако такую связь рѣчи у Светонія нельзя назвать случайною; напротивъ, онъ по своему обыкновенію сводитъ рядъ постановленій Нерона подъ извѣстныя точки зрѣнія. Первую группу этихъ постановленій составляютъ у него запрещенія противъ роскоши и т. под.; они всѣ, конечно, могли относиться къ городу Риму. Затѣмъ слѣдуютъ распоряженія и мѣры противъ мятежей, которые производила чернь противъ общественнаго порядка и нравственности: здѣсь-то на первомъ планѣ оказывается „уничтоженіе“ христіанъ (*afflicti christiani*), затѣмъ упоминается о мѣрахъ противъ актеровъ и страшной борьбы партій театра и цирка. Спрашивается теперь, такое расположеніе указанныхъ правительственныхъ правилъ исключаетъ ли собой предположеніе, что Светоній хотѣлъ сказать о всеобщемъ запрещеніи христіанства въ имперіи? Мы думаемъ: нѣтъ. Намъ кажется, можно бы спросить нашего противника: въ какомъ другомъ мѣстѣ изъ названныхъ трехъ описатель жизни императора долженъ былъ бы упомянуть о христіанахъ, еслибы онъ захотѣлъ упомянуть о дѣйствительномъ запрещеніи христіанской религіи?

Если пересмотрѣть всю схему, по которой располагаетъ Светоній, въ гл. 9—19, хорошія распоряженія Нерона, то трудно отыскать въ ней болѣе подходящее мѣсто. Да къ тому же и въ другихъ мѣстахъ у Светонія встрѣчаются такого рода, въ высшей степени странныя для нашего пониманія, сопоставленія. Наконецъ, если онъ, по обыкновенному чтенію рассматриваемаго мѣста, говоритъ объ уничтоженіи христіанъ, то это выраженіе слѣдуетъ понимать у него въ самомъ простомъ смыслѣ (совершенно подобно тому, какъ понимаютъ его же выраженіе объ „отмѣненіи“ религіи друидовъ — *Clavdius*, 25), именно въ смыслѣ изданія закона, который отрицалъ право существованія христіанства. Но что и послѣ этого „уничтоженія“ христіанства Нерономъ въ Римѣ всетаки еще были христіане, это конечно долженъ былъ знать Светоній.

Но если даже допустить, что Светоній хотѣлъ сказать только о страданіяхъ римскихъ христіанъ при Неронѣ, то спрашивается, что же отсюда слѣдуетъ? Мы скажемъ, что не слѣдуетъ рѣшительно ничего, кромѣ того, что мы уже и безъ того знаемъ, т. е. что этотъ біографъ императора на первомъ планѣ имѣетъ въ виду событія, которыя переживала тогда столица, а все остальное, само по себѣ даже болѣе важное, онъ проходитъ молчаніемъ. Итакъ поступаетъ онъ во многихъ своихъ жизнеописаніяхъ. Такъ напримѣръ, мы знаемъ изъ Іосифа Флавія (*Antiqu.* XIX, 5), что императоръ Клавдій благосклонно относился къ іудейской религіи, утверждалъ за нею разныя привилегіи. А между тѣмъ Светоній ничего не рассказываетъ намъ про это. Когда онъ говоритъ объ отношеніи Клавдія къ иноземнымъ народностямъ, то касательно іудеевъ онъ упоминаетъ только о сравнительно весьма неважномъ распоряженіи, а именно — о временномъ изгнаніи ихъ изъ римской столицы.

Главный недостатокъ въ исторической аргументаціи Шиллера составляетъ его полное пренебреженіе христіанскихъ свидѣтельствъ. А это опущеніе изъ вниманія свидѣтельствъ христіанскихъ писателей тѣмъ болѣе несправедливо и къ тѣмъ болшимъ ошибкамъ можетъ привести, что не только Тацитъ и Светоній, но и всѣ языческіе писатели трактуетъ о христіанствѣ съ большимъ презрѣніемъ. Нѣкій Діонъ Кассій описываетъ пожаръ въ Римѣ при Неронѣ, вовсе не упоминая о

христіанахъ, и во всемъ своемъ изображеніи первыхъ двухъ христіанскихъ столѣтій употребляетъ имя христіанъ всего одинъ разъ. Но его еще превосходитъ своимъ пренебреженіемъ христіанства Иродіанъ, который кажется совсѣмъ не знаетъ и про существованіе христіанства, равно какъ и историки, которые описывая жизнь Діоклетіана вовсе не упоминаютъ о его гоненіи противъ христіанъ. Слѣдовательно, что же есть удивительнаго въ томъ, если и Светоній доставляетъ намъ недостаточныя свѣдѣнія касательно христіанскихъ обстоятельствъ того времени, и какія же серьезныя заключенія можно выводить изъ этого пренебреженія сектой, казавшейся неважною?

Проявившееся вскорѣ по смерти Нерона, всеобщее отвращеніе къ кровавымъ эдиктамъ тирана послужило ко благу также и для христіанъ. Если его законы и не были отмѣнены окончательно, какъ это, кажется, утверждаетъ Тертуліанъ, то во всякомъ случаѣ они и не приводились уже въ дѣйствіе, и борьба противъ церкви притихла на продолжительное время. Дѣйствительно, въ первые годы царствованія Домиціана повидимому судьба улыбнулась христіанамъ и предъ ними открывались блестящія перспективы. Отрасль императорской фамиліи, двоюродный братъ Домиціана, Флавій Климентъ, исповѣдывалъ христіанство, и такъ какъ Домиціанъ былъ бездѣтенъ, то онъ усыновилъ обоихъ сыновей своего христіанскаго родственника. Но видно, не приспѣло еще время для того, чтобы на римскомъ престолѣ воссѣдалъ христіанскій императоръ; да и усыновленные на тронѣ могли быть только тѣмъ, чѣмъ несомнѣнно сдѣлались ихъ родители, а быть-можетъ и они сами,—мучениками.

Совершенно неожиданно Домиціанъ, какъ выражается церковный историкъ Евсевій, „увѣнчалъ свои жестокости, въ другихъ отношеніяхъ, царскою короной, объявивъ себя преемникомъ Нерона въ ненависти и враждѣ противъ Бога“ (Euseb. Hist. eccl. III, 17). Началось второе гоненіе противъ христіанъ. Флавій Климентъ, несмотря на близкое родство съ императоромъ, умеръ смертію мученика; его супруга Домицилла была сослана въ ссылку, а сыновья ихъ какъ-то совсѣмъ исчезаютъ изъ исторіи безслѣдно. Климентъ и Домицилла не были единственными жертвами этого гоненія. Одинъ языческій писатель, по имени Брутій, повѣствуетъ, что „при Домиціанѣ многіе христіане

свидѣтельствовали кровію свою вѣру“ (ἐμαρτύρησαν, у Euseb. *сhron.*); т.-е. сдѣлались мучениками за свою вѣру, и его показаніе подтверждается другимъ, также языческимъ, историографомъ Діономъ Кассіемъ (I, 67. с. 14), который подъ послѣднимъ годомъ царствованія Домиціана замѣчаетъ о большомъ числѣ казненныхъ смертію и затѣмъ рассказываетъ, какъ „многіе другіе“. кромѣ Климента и Домициллы, также были умерщвлены или сосланы по той же самой причинѣ, т.-е. за христіанскую свою вѣру.

Дальнѣйшее свидѣтельство о гоненіи христіанъ при Домиціанѣ представляетъ намъ Апокалипсисъ. Что указанія этой книги должны быть относимы, между прочимъ, къ гоненію Домиціана, это видно изъ свидѣтельства св. Иринея, епископа ліонскаго, по которому св. апостоль Іоаннъ Богословъ получалъ таинственное откровеніе „почти еще въ наше время, къ концу правленія Домиціана“ (*Adv. haeres. V, 30*). А свидѣтельство св. Иринея ліонскаго больше чѣмъ трудно оспоривать; ибо учитель св. Иринея, Поликарпъ смирскій, былъ еще ученикомъ апостола Іоанна. Слѣдовательно гоненіе на христіанъ, которое въ первыхъ главахъ Апокалипсиса изображается непродолжительнымъ, кратковременнымъ, есть не какое-либо другое, а именно гоненіе Домиціаново. Кромѣ свидѣтельства Апокалипсиса, мы встрѣчаемъ только весьма краткія, отрывочныя указанія на это гоненіе. Климентъ римскій (около 96 г.), Эгезиппъ (около 160 г.), Мелитонъ (около 170 г.), Тертуліанъ (около 200 г.)—всѣ они указываютъ почти только на тотъ фактъ, что Домиціанъ снова предпринялъ борьбу противъ церкви Христовой; по крайней мѣрѣ изъ ихъ свидѣтельствъ мы не узнаемъ ничего новаго. Нѣсколько словъ Светонія, которыя имѣютъ отношеніе къ нашему предмету, страдаютъ обычнымъ у этого писателя недостаткомъ желательной ясности. Даже весьма важное для насъ мѣсто у Діона Кассія колеблется среди столь неясныхъ выраженій, что намъ еще нужно нѣсколько доказать свое право опираться на это мѣсто.

Дѣло въ томъ, что въ подразумѣваемомъ мѣстѣ Діона Кассія совсѣмъ не называется имя христіанъ. Слова его гласятъ такъ: „я въ томъ же году умертвилъ Домиціанъ, между многими другими, также и консула Флавія Климента, хотя онъ былъ его

двоюродный братъ и женатъ былъ на Флавіи Домициллѣ, точно такъ же кровной родственницѣ его. Но на обоихъ завели обвиненіе *въ безбожїи* (ἀθεότης), за которое были осуждены также и многіе другіе, которые склонились къ *иудейскому образу жизни*. Изъ таковыхъ одни были казнены смертію, другіе лишились своего состоянія, Домицилла же только была сослана на островъ Пандатерію“. Нерва, говорится затѣмъ далѣе, „уже болѣе не позволялъ жаловаться на кого-нибудь за безбожіе или за иудейскій образъ жизни“.

Здѣсь необходимо замѣтить, что подъ „иудейскимъ образомъ жизни“, покрайней мѣрѣ, *можно* подразумѣвать христіанство. Припомнимъ, что еще ко времени Тертуліана, т.-е. къ концу втораго христіанскаго вѣка, христіанство трактовали какъ иудейскую секту, и замѣчательный способъ выраженія Діона легко объясняется его равнодушіемъ къ неизвѣстной ему религіи. Вообще онъ называетъ христіанъ по имени единственный разъ, хотя онъ излагаетъ римскую исторію вплоть до третьяго христіанскаго столѣтія. А что разсматриваемое нами мѣсто *дѣйствительно* подразумѣваетъ, между прочимъ, также и христіанъ, это слѣдуетъ изъ сравненія его съ христіанскими писателями. Изъ нихъ мы усматриваемъ, что при Домиціанѣ, въ послѣдній годъ его жизни, воспослѣдовало гоненіе на христіанъ, которое потребовало для себя жертвъ также и изъ семейства Флавія Климента. Домицилла, племянница консула, у Евсевія ясно упоминается какъ исповѣдница христіанская при Домиціанѣ. А такъ какъ теперь религіозное преслѣдованіе у Діона точно также вторгается въ среду ближайшихъ родственниковъ Климента, и такъ какъ, далѣе, хронологическія данныя совпадаютъ; то мы должны заключить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же фактомъ. Что же касается, далѣе, обвиненія въ безбожїи, о которомъ говоритъ Діонъ, то оно было одною изъ самыхъ обычныхъ формъ обвиненій, какія ввоздвигались противъ тогдашнихъ христіанъ, точно такъ же, какъ упрекъ въ неспособности къ государственнымъ дѣламъ (*contemptissima inertia*, Sveton, Domit. 15) который Светоній въ частности приводитъ противъ Климента. Что въ семействѣ этого послѣдняго христіанство дѣйствительно уже тогда нашло доступъ, это подтверждается къ тому же еще археологическими открытіями послѣд-

нихъ десятилѣтій. Если же Климентъ и Домицилла были христіане, если обвиненіе ихъ въ приверженности къ іудейскимъ обычаямъ и въ атеизмъ нужно понимать въ смыслѣ обвиненія въ принадлежности ихъ къ христіанству; то это же нужно сказать и о прочихъ, о которыхъ говоритъ Діонъ, потому что вѣдь жалобы на всѣхъ были однѣ и тѣже, а это указываетъ на тѣсную связь Климента и Домициллы съ „другими“ исповѣдниками іудейскихъ обычаевъ. Послѣ того, какъ исторіографъ сказалъ о послѣднихъ, онъ снова возвращается къ Домициллѣ и выставляетъ на видъ то, что она была *только* сослана. Но эта неравномѣрность наказанія, при совершенной равносильности преступленія, указываетъ на что-то особенное, выдающееся. Все это, вмѣстѣ взятое, вынуждаетъ насъ видѣть въ словахъ Діона указаніе на Домицианово гоненіе противъ христіанъ. Напротивъ, мы не имѣемъ рѣшительно никакого основанія—распространять эти религіозныя угнетенія также и на іудейскихъ прозелитовъ. Ибо о религіозномъ преслѣдованіи ихъ ничего неизвѣстно; іудейство считалось религіей, закономъ дозволенной и слѣдовательно, принадлежность къ іудейству отнюдь не могла служить основаніемъ для обвиненія. Наконецъ, іудеевъ врядъ ли и можно было обвинять въ безбожии: выработанная церемоніальность ихъ культа безъсомнѣнія достаточно застраховывала ихъ отъ такого обвиненія.

Ближайшимъ поводомъ къ гоненію было, какъ кажется, одно распоряженіе Домициана касательно іудеевъ. Со времени завоеванія Іерусалима іудеи должны были уплачивать прежнюю подать въ пользу храма на Капитоліѣ въ Римѣ, что для іудеевъ было весьма чувствительнымъ притѣсненіемъ, и естественно, что многіе изъ нихъ всѣми возможными мѣрами старались уклониться отъ вноса этой подати. Но такъ какъ расточительность Домициана сопровождалась крайнею нуждою въ деньгахъ, то между прочимъ и эту іудейскую пошлину снова стали взыскивать съ величайшею суровостію, и притомъ не только съ природныхъ іудеевъ, которые часто отрицали свое національное происхожденіе, но и со всѣхъ, кто въ какомъ либо отношеніи „жилъ по образу іудеевъ“, хотя бы и не исповѣдывалъ іудейской религіи (ср. Sveton Domit. 12). Къ этому послѣднему классу людей могли тогда причислять также христіанъ, и рим-

скіе чиновники имѣли даже свой интересъ въ томъ, чтобы дѣйствительно и ихъ считать уже за іудеевъ, совершенно выпущкая даже изъ вниманія собственное названіе этой мнимой секты іудейской. Покрайней мѣрѣ, въ извѣстїи Діона имя христіанъ дѣйствительно не называется. Такимъ образомъ, іудейскому налогу были подвергнуты также и христіане, и въ этомъ заключалось уже тяжкое угнетеніе, не столько по причинѣ денежныхъ жертвъ, которыя требовались налогомъ, сколько по причинѣ безопасности тѣхъ разслѣдованій, къ какимъ подавала поводъ эта подать (ср. у Svet., Domit. 12.). Безпорядокъ и насиліе были такъ велики, что императоръ могъ позволить Нервѣ, въ знакъ отличія, отчеканить собственную медаль, когда онъ положилъ конецъ этому дѣлу. Наибольшая часть этихъ угнетеній естественно должна была падать на тѣхъ, которые отказывались отъ уплаты подати; а таковыми могли быть главнымъ образомъ христіане. Безъ сомнѣнія, христіанское общество и тогда хорошо сознавало долгъ не противиться властямъ и добросовѣстно выполнять ихъ требованія. Но дѣло въ томъ, что подать была наложена на послѣдователей іудейства; слѣдовательно, чрезъ уплату этой подати, плательщики eo ipso признавали себя исповѣдниками іудейства, чего понятно, не могла позволить христіанамъ ихъ совѣсть. Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ для іудеевъ, при точности наступившихъ разслѣдованій, всякая попытка уклониться отъ платежа подати оказывалась безнадежной, и слѣдовательно, они не имѣли никакой причины отказываться отъ взноса подати, христіане должны были отказываться отъ такого платежа потому, что съ нимъ соединялось для нихъ преступленіе противъ собственной религіозной совѣсти. Но вслѣдствіе этого отказа, при отсутствіи яснаго пониманія настоящихъ его мотивовъ, какъ и пониманія вообще сущности христіанства, у римскихъ властей конечно снова стало выясняться различіе между собственно іудействомъ и іудействомъ „безбожнымъ“ и было признано Нервой впоследствии. Ближайшимъ послѣдствіемъ отказа отъ уплаты подати было то, что „безбожные“ іудеи были обжалованы предъ императоромъ. Разъ его вниманіе остановилось на нихъ при такихъ обстоятельствахъ, его природная подозрительность получила теперь конечно сильнѣйшій толчекъ и всецѣло направилась противъ религіи, которая держала — въ

чемъ-либо отказывать, возражать властителю міра. Немедленно эта религія была запрещена и ея послѣдователи должны были уже не платить только подать, но жертвовать всѣмъ своимъ состояніемъ и даже жизнію.

При ближайшемъ ознакомленіи съ христіанствомъ, къ чему могли послужить начавшіяся разслѣдованія, особенно возбуждало въ деспотѣ опасеніе, кажется, христіанское ученіе о царствѣ Христа, и еще болѣе поощряло его къ подавленію новой религіи. Ибо когда до свѣдѣнія его дошло, что въ Іудеѣ тогда жили еще нѣкоторые потомки Давида и родственники Христа, то онъ приказалъ привести ихъ къ себѣ, этихъ мнимыхъ своихъ соперниковъ во всемірномъ владычествѣ, и только тогда снова отпустилъ ихъ безвредными, когда видъ этихъ простыхъ людей, ихъ бѣдность, ихъ мозолистыя руки прогнали отъ него всякій страхъ, замѣнивъ его презрѣніемъ (Euseb. Hist. ecl. III, 20). Изъ этого разсказа Эгезиппа мы усматриваемъ, что Домиціанъ преслѣдовалъ христіанство, *какъ такое*, и тоже самое достаточно ясно видно изъ всѣхъ другихъ источниковъ. Діонъ Кассій довольно ясно свидѣтельствуетъ, что преслѣдуемые были осуждаемы за свою религію, а свидѣтельство Апокалипсиса въ этомъ отношеніи еще болѣе несомнѣнно. Понятіе мученичества, страданія за имя Іисуса выступаетъ въ этой книгѣ такъ ясно и опредѣленно, какъ только возможно.

Страданія христіанъ вовемя этого гоненія, безъ сомнѣнія, были непродолжительны. Отъ мученической смерти Флавія Климента до умерщвленія Домиціана протекло всего восемь мѣсяцевъ. Но несмотря на это, гоненіе должно было быть жестокимъ. Кромѣ Апокалипсиса, жестокость гоненія засвидѣтельствована для насъ Бруттіемъ и Діономъ Кассіемъ, которые разсказываютъ намъ о многочисленности жертвъ гоненія. Да и вообще уже одно то обстоятельство, что языческіе писатели находятъ нужнымъ говорить на этотъ разъ не только о выдающихся жертвахъ, но вообще о гоненіи, достаточно убѣждаетъ насъ, что преслѣдованіе было сильное. Что касается, въ частности, гоненія въ Римѣ, то объ немъ мы имѣемъ еще свидѣтельство въ первомъ посланіи коринѣянамъ св. Климента римскаго. Возникшими спорами въ церкви коринеской, такъ объясняетъ св. Климентъ въ первыхъ же строкахъ своего посланія, онъ не могъ

тотчасъ заняться, потому что въ самомъ Римѣ („надъ нами“) вдругъ и совершенно неожиданно разразились надъ христіанами страданія и угнетенія. Такимъ образомъ, изъ этого объясненія причинъ замедленія св. Климента отвѣтомъ на происходившія неурядицы въ Коринѣхъ во всякомъ случаѣ слѣдуетъ, что христіане въ Римѣ находились въ весьма опасномъ положеніи.

Однако однимъ Римомъ не ограничивалось гоненіе, но въ силу всеобщаго эдикта о преслѣдованіи христіанъ, оно распростра- нялось и далеко за стѣнами столицы. Въ этомъ насъ увѣряютъ позднѣйшіе христіанскіе историографы, какъ Лактанцій, Евсевій, Сульпицій Северъ. Они характеризуютъ Домиціана какъ гонителя и врага Божія, безъ всякаго ограниченія, и мы уже раньше показали, какъ нужно понимать эти ихъ выраженія. Такъ какъ извѣстіе Бруттія о жертвахъ Домиціанова гоненія сохранено для насъ только Евсевіемъ и имъ никоимъ образомъ не ограничивается, то мы и не имѣемъ никакого основанія предпо- лагать, что онъ говоритъ только о гоненіи въ городѣ Римѣ. Оро- зій ясно говоритъ объ эдиктѣ, предписывавшемъ гоненіе, и Тертуліанъ подтверждаетъ его свидѣтельство. Далѣе изъ пер- выхъ главъ Апокалипсиса мы усматриваемъ, что малоазійскія церкви имѣли много пострадать отъ распоряженій Домиціана. Также и въ Виеннѣ это гоненіе требовало себѣ жертвъ, ясныя слѣды которыхъ указываетъ намъ уже много разъ названное нами письмо Плинія младшаго. Упомянувъ о томъ, что многіе христіане были предъ нимъ обжалованы за свою вѣру, Плиній младшій, какъ мы уже говорили, продолжаетъ, что нѣкоторые изъ обжалованныхъ признавали себя христіанами, но вскорѣ снова отъ него отказывались; они объясняли Плинію, что хотя они были христіанами, но потомъ снова оставили эту вѣру; нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали это назадъ тому три года, нѣко- торые болѣе лѣтъ, а многіе даже *двадцать лѣтъ тому назадъ, но никто не раньше этого года* ^{*)}. Почему, спрашивается, въ этомъ разсказѣ, послѣ общаго указанія на *болѣе лѣтъ*, Плиній находитъ нужнымъ указать еще разъ, и притомъ съ особеннымъ удареніемъ на *двадцатый* годъ тому назадъ? Почему именно на

*) «Quidam ante triennium, quidam ante plure sannos, non nemo etiam ante viginti quoque». Plinius. X. 97.

этотъ годъ многіе указывали, какъ на время своего отпаденія отъ христіанской вѣры? Такое указаніе безъсомнѣнія приводитъ къ заключенію, что тогда, т.-е. двадцать лѣтъ до написанія письма Плиніемъ, произошло какое-то особенное событіе, которое было способно создать въ христіанствѣ отступниковъ вѣры. А такъ какъ ровно двадцать лѣтъ тому назадъ Домиціанъ началъ свирѣпствовать противъ церкви Божіей, то мы по справедливости можемъ видѣть въ этой особенной отмѣткѣ двадцатого года намекъ на это печальное событіе. Впрочемъ, что гоненіе Домиціана должно было быть всеобщимъ и повсюднымъ, это явствуетъ уже изъ самой побудительной причины этого гоненія. Если оно вытекало изъ ненависти къ христіанству, какъ такому, то оно должно было постигать христіанъ, гдѣ бы они ни находились въ Имперіи.

До сихъ поръ мы старались изложить и обсудить тѣ историческія данныя, которыя дошли до насъ касательно побужденій размѣровъ и жестокости Домиціанова гоненія. Теперь мы посвятимъ остальную часть своей статьи разсмотрѣнію нѣкоторыхъ возраженій со стороны нашихъ противниковъ, придерживаясь при этомъ снова разсужденій того же Gögges.

Прежде всего тѣ обремененія, которыя связаны были съ іудейскимъ налогомъ и о которыхъ говорилъ Светоній, Gögges старается ограничить, относя ихъ лишь къ христіанамъ въ городѣ *Римъ*, причемъ онъ думаетъ найти основанія къ такому взгляду въ словахъ самого Светонія. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ дѣйствительно говорится, что іудейскому налогу подвержены были именно тѣ, которые *внутри города* Рима (*intra urbem*) слѣдовали іудейскому образу жизни. Но это доказательство не основательно. Въ рукописяхъ, признаваемыхъ за лучшія, словъ *intra urbem* совсѣмъ нѣтъ, и потому критическія изданія—последнее закончено Ротомъ (Roth)—совершенно устранили эти слова изъ текста. Съ другой стороны, опособъ чтенія, на который ссылается Gögges, стараются защищать, конечно, по внутреннимъ причинамъ; но эти основанія отнюдь не имѣютъ силы принудительнаго доказательства. Правда, вслѣдствіе недостовѣрности дошедшаго до насъ текста, Gögges ограничиваетъ обремененія іудейскимъ налогомъ только *преимущественно* Римомъ. Но если уже такъ захотѣлось Gögges—у сослаться въ пользу

взгляда именно на сомнительное чтеніе рукописи, то, по нашему мнѣнію, онъ долженъ бы со всею ясностію присовокупить, что такое чтеніе оспоривается и не имѣетъ принудительно доказательной силы.

Гораздо важнѣе этихъ спорныхъ вопросовъ для насъ то, что выставляется противъ всеобщности распространенія собственно Домиціанова гоненія. „То, что этотъ императоръ предпринялъ враждебнаго противъ христіанъ, такъ начинается свои разсужденія по данному вопросу Görges,—вовсе не относилось къ христіанамъ, какъ таковымъ, но лишь къ отдѣльнымъ личностямъ; политическіе раздоры въ средѣ его семейства, какъ кажется, побудили его къ такому шагу противъ многихъ христіанъ“ (Р.-Епс. I, 223 col. 2). Такимъ образомъ, незначительность гоненія, по взгляду Görges, доказывается прежде всего мотивами Домиціана къ преслѣдованію. Но что Домиціанъ преслѣдовалъ христіанъ, какъ такихъ, это, какъ выше показано, вполнѣ ясно видно изъ историческихъ источниковъ. Görges, для опроверженія этого основанія, не приводитъ доказательства равносильнаго и однороднаго, а вмѣсто того довольствуется ссылкой на Баура, Гильгенфельда, да и изъ этихъ цитатъ указаніе на Введеніе Гильгенфельда въ Н. Завѣтъ — стр. 541 ошибочно. Гильгенфельдъ правда утверждаетъ безъ всякаго дальнѣйшаго доказательства недостаточность Домиціанова гоненія; но касательно побужденій императора къ этому гоненію онъ говоритъ какъ разъ противное тому, что говоритъ Görges. Относя написаніе соборнаго посланія Іакова ко времени Домиціана, Гильгенфельдъ находитъ въ этомъ посланіи (Іак. 2. 6, 7; 5, 6) указанія на судебныя преслѣдованія христіанъ, какъ *такихъ*; слѣдовательно, объясняетъ это гоненіе *общимъ* религіознымъ мотивомъ, а не частными отношеніями императорскаго семейства. „Конечно,—такъ продолжаетъ нашъ противникъ,—Орозій говоритъ объ общихъ декретахъ о преслѣдованіи; но этотъ позднѣйшій авторъ опровергается болѣе древними источниками.“ Но болѣе древніе источники, особенно Тертуліанъ (Apol. 5), какъ мы уже раньше говорили, совершенно согласуются съ Орозіемъ, и самъ Görges это признаетъ тамъ, гдѣ онъ утверждаетъ, будто апологеты защищаютъ совершенно ошибочныя воззрѣнія касательно гоненій до Траяна,—о чемъ мы также уже говорили. Съ доказатель-

ствомъ того, что гоненіе это было непродолжительно, мы можемъ согласиться, но отнюдь не можемъ принять всего, что приводится въ доказательство неважности распоряженій Домиціана. Результатъ своихъ изслѣдованій Gögges резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Преслѣдованіе христіанъ Домиціаномъ продолжалось, слѣдовательно, только немногіе мѣсяцы, и ограничивалось тѣмъ, что въ Римѣ нѣкоторые христіане были казнены смертію, другіе были сосланы и лишены своихъ имуществъ“. Всякому, кто припомнитъ оба свидѣтельства Бруттія и Діона касательно „многихъ“ жертвъ гоненія, теперь покажется весьма страннымъ, какъ изъ этихъ „многихъ“ теперь вдругъ оказывается уже только „нѣкоторые,“ или „другіе“. Это мгновенное превращеніе тѣмъ болѣе способно поразить всякаго мыслящаго человѣка, что предъ этимъ Gögges самъ приводилъ оба мѣста и оба раза слово „многіе“ написалъ собственноручно и раздѣльно. Однако, мы понимаемъ, какимъ образомъ сразу устранено то мѣсто, гдѣ Діонъ Кассій говоритъ о „многихъ“, которые были осуждаемы за іудейскіе обычаи.

„Можетъ быть сомнительно, подразумѣваются ли здѣсь христіане и іудеи“, говорится въ энциклопедіи Gögges-а на стр. 220. А теперь, на стр. 224, предполагается уже какъ достовѣрное то, что четырьмя страницами выше было еще сомнительно, и такимъ образомъ „многіе“ подраздѣлены на христіанъ и іудеевъ. Затѣмъ христіанская часть „многихъ“ въ свою очередь раздѣлена еще на такихъ, которые потеряли свое имущество, и на такихъ, которые потеряли свою жизнь, и такимъ образомъ мы счастливо достигли уже того, что свидѣтельство Діона болѣе уже не представляетъ затрудненій. Однако, самъ Gögges не придаетъ большой важности этому объясненію. „Безъ сомнѣнія,—продолжаетъ онъ,—Діонъ Кассій говоритъ о „многихъ“ осужденныхъ, а также... Бруттій говоритъ у Евсевія: многіе христіане засвидѣтельствовали (ἐμαρτύρησαν) свою вѣру при Домиціанѣ (πολλοὶ δὲ χριστιανῶν ἐμαρτύρησαν κατὰ Δομετιανὸν ὡς ὁ Βρεττιὸς ἱστορεῖ)“. „Но иногда засвидѣтельствованіе вѣры (μαρτυρεῖν) не доходитъ съ необходимостію до смертной казни, и тогда (Apol 5) Тертуліанъ называетъ гоненіе Домиціана только „испытаніемъ“ и говоритъ только объ „изгнанныхъ“. Къ тому же Тертуліанъ рассказываетъ, что Домиціанъ самъ снова отмѣнилъ *начатое*

имъ гоненіе христіанъ.“ Послѣ такихъ своихъ положеній Gögges считаетъ оба мѣста изъ Бруттіа и Діона устраненными. Мы такимъ образомъ достигли той точки, на которой вмѣсто „многихъ“ жертвъ Домиціанова гоненія говорится только о „нѣкоторыхъ“ и „другихъ“, и гдѣ „нѣкоторые“ и „другіе“ составляютъ уже только „значительное“ число“ (R.-Enc. I, 223 col. 2), а все гоненіе ограничивается стѣнами города Рима. Что касается этого послѣдняго ограниченія, то въ его пользу не приводится особаго устойчиваго доказательства. Но съ точки зрѣнія нашего противника, оно является послѣдовательнымъ, такъ какъ, по его мнѣнію, онъ уже доказалъ ограниченіе Неронова гоненія однимъ городомъ Римомъ, а гоненіе Домиціанова Тертуллианъ считаетъ менѣе значительнымъ.

Противъ многочисленности жертвъ Домиціанова гоненія вообще можно приводить въ доказательство только два выраженія, именно выраженія Тертуллиана, который говоритъ объ этомъ гоненіи только какъ объ „искушеніи“, какъ о „начинаніи“ (соертum). Но противорѣчіе Апологета съ Діономъ Кассіемъ этими словами отнюдь не доказывается, и оба указанныя выраженія удобно объясняются въ отношеніи къ незначительной продолжительности гоненія при Домиціанѣ. Два другія мѣста изъ Бруттіа и Тертуллиана, по мнѣнію нашихъ противниковъ, должны служить свидѣтельствомъ противъ *кроваво характера* этого гоненія, но они во всякомъ случаѣ не доказательны. Иногда засвидѣтельствованіе вѣры (martoreiv), какъ думаетъ Gögges,—несопровождается необходимо смертною казнію. Съ этимъ мнѣніемъ, правда можно согласиться, но точно также нужно помнить, что это засвидѣтельствованіе и не исключаетъ смертной казни за вѣру. Равнымъ образомъ, если Тертуллианъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ только объ „изгнанныхъ“, то это вовсе не должно вести насъ къ заключенію, будто Тертуллианъ отрицаетъ существованіе кровавыхъ жертвъ гоненія. Дѣло въ томъ, что въ данномъ мѣстѣ онъ и могъ только сказать объ изгнанникахъ за вѣру, упоминаніе же о казненныхъ смертію было бы бессмысленно. Тертуллианъ характеризуетъ Домиціана въ смыслѣ тирана, который однако не лишенъ былъ нѣкоторой человѣчности. Будучи тираномъ, онъ сдѣлался гонителемъ христіанъ; но жившая въ немъ искра человѣческаго чувства склонила его иногда замѣнять

свои злодѣянія противъ христіанъ добрыми дѣлами, и такъ сказать смягчать тяжесть своихъ преступленій. Въ доказательство этой послѣдней его черты, Тертуліанъ и приводитъ тотъ фактъ, что онъ снова возвращалъ изъ ссылки изгнанныхъ за вѣру; но легко понять, что здѣсь онъ и не могъ упоминать о казненныхъ христіанахъ, потому что мертвымъ нельзя уже оказать какое-либо помилованіе.

Слѣдовательно, приведенныя выраженія Тертуліана вовсе не даютъ намъ права сокращать число кровавыхъ жертвъ Домиціанова гоненія до такого минимума, какъ то дѣлаетъ Görges. Конечно, числовое отношеніе между казненными и инымъ образомъ наказанными при Домиціанѣ христіанами не указывается намъ въ первоисточникахъ; слѣдовательно въ этомъ отношеніи мы по необходимости должны будемъ довольствоваться тѣмъ указаніемъ Діона, что при Домиціанѣ многіе христіане пострадали за свою вѣру, одни претерпѣвъ смерть, другіе потерявъ свое имущество. Изъ того факта, что во время этого преслѣдованія были не только казненные смертію, но также и просто только изгнанные, нельзя слишкомъ много заключать противъ жестокости гоненія. Ссылка, лишеніе имущества были наказаніями, которыя практиковались точно также и въ позднѣйшихъ, болѣе жестокихъ гоненіяхъ. Еслибы мы захотѣли сдѣлать попытку—опредѣлить какъ-нибудь числовое отношеніе между собственно-мучениками и простыми исповѣдниками, то мы бы пришли къ заключенію, прямо противоположному съ мнѣніемъ Görges. Болѣе знатныхъ людей было мало между христіанами, лишеніе имущества было слѣдовательно наказаніемъ, которое могло имѣть значеніе только для немногихъ. Слѣдовательно, вѣроятнѣе всего, что большинство обвиняемыхъ было наказываемо смертію. Въ пользу этого предположенія говорить также тѣ немногія отдѣльныя черты, которыя мы видимъ при примѣненіи эдиктовъ Домиціана. Апостолъ Іоаннъ былъ осужденъ найти себѣ смерть въ котлѣ съ кипящимъ масломъ ⁹⁾, Антипа и Флавій Климентъ должны были также умереть, и если родственники по плоти Іисуса Христа и Домицилла избѣжали подобной судьбы, то это объясняется

⁹⁾ Tert. De persec. — У Сенски находимъ упоминаніе о подобномъ наказаніи одного раба (ep. 86).

только частными обстоятельствами. Діонъ Кассій въ упомянутыхъ уже словахъ, въ двухъ различныхъ случаяхъ, говоритъ о „многихъ“ жертвахъ Домиціанова гоненія и однажды говоритъ весьма ясно, что *многие были умерщвлены*. „Въ томъ же году умертвилъ Домиціанъ многихъ другихъ, а также и Флавія Климента“, такъ начинается подразумеваемое нами мѣсто. Черезъ нѣсколько строкъ еще разъ упоминаются „многіе“, которые въ то же время пострадали, подобно названнымъ прежде и которые снова поставлены въ тѣсную связь съ Климентомъ. Такъ какъ весьма можетъ быть, что Діонъ оба раза говоритъ объ однихъ и тѣхъ же „многихъ“, что во второмъ мѣстѣ онъ еще разъ возвращается къ упомянутымъ уже „многимъ“, потому что, при первомъ упоминаніи, его вниманіе было отвлечено отъ нихъ болѣе обстоятельнымъ рассказомъ о судьбѣ Флавія Климента; то при такомъ пониманіи, мы будемъ имѣть требуемое свидѣтельство о многихъ *кровавыхъ* мученичествахъ при Домиціанѣ.

Еслибы захотѣли, такъ сказать, поналечь на слова Тертуліана, то и въ нихъ мы могли бы найти свидѣтельство въ пользу кроваваго характера втораго гоненія, и притомъ въ той же самой главѣ на которую ссылается Görges въ пользу своего взгляда. Въ послѣдней фразѣ, именно, Тертуліанъ приписываетъ „злхудожнымъ императорамъ“ попытку „*искоренить*“ христіанъ (eradicate). Но подъ такими императорами, во всей главѣ, разумѣются *только* Неронъ и Домиціанъ.

Если, наконецъ, слова Діона объяснять иначе, чѣмъ это мы сейчасъ видѣли, то и они еще болѣе увѣряютъ насъ въ томъ, что именно ко времени преслѣдованія христіанъ жестокость Домиціана требовала многихъ жертвъ. Это можно подтвердить еще однимъ стихомъ Ювенала (IV, 153), изъ котораго явствуетъ, что въ это время деспотъ нападалъ даже на простыхъ людей, на ремесленниковъ (secdones). А подъ послѣдними проще всего подразумеваютъ именно христіанъ; ибо ни въ одномъ изъ письменныхъ памятниковъ нельзя найти указанія на насильственные мѣры противъ людей низшаго сословія. Если же не желательно принять это объясненіе, то упоминаемый Ювеналомъ фактъ во всякомъ случаѣ показываетъ, что во время занимающаго насъ гоненія Домиціанъ выказывалъ особенныя жестокости. Но спрашивается теперь, разумно ли предполагать, чтобы тиранъ ока-

зывается особенно мягкимъ въ отношеніяхъ къ христіанамъ, хотя онъ съ ихъ стороны опасался даже посягательствъ на его тронъ?

Выше мы привели, въ числѣ свидѣтельствъ въ пользу всеобщности гоненія при Домиціанѣ, также свидѣтельство Апокалипсиса. И дѣйствительно, его свидѣтельство должно быть принято во вниманіе во всякомъ случаѣ, если только желательно составить себѣ понятіе о характерѣ первыхъ гоненій противъ христіанъ, о государственномъ положеніи христіанъ въ первомъ столѣтіи. Какъ же, спрашивается, относится Görges въ извѣстію Апокалипсиса? Въ статьѣ его Энциклопедіи объ этомъ нѣтъ упоминанія, и мы должны теперь обратиться къ статьѣ объ апокалипсическомъ мученикѣ Антипѣ въ „Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie“ (Bd. XXI, S. 258 и дал.). Изъ этой статьи мы узнаемъ, что по взгляду Görges, Откровеніе Іоанна написано вскорѣ послѣ смерти Нерона, и такимъ образомъ, повидимому, можно было бы ожидать, что именно въ мученичествѣ Антипы нашъ ученый усмотритъ слѣдъ, который убѣдилъ бы его въ болѣе широкомъ распространѣніи христіанскаго мученичества, чѣмъ думалъ Görges. Но мы ошиблись. Мученикъ Антипа никогда не существовалъ, — такъ гласитъ тезисъ, доказательству котораго должна быть посвящена названная статья. Въ Азіи тогда совсѣмъ не могло имѣть мѣсто мученичество, потому что Нероново гоненіе не было всеобщимъ. Императоръ не издавалъ никакихъ всеобщихъ эдиктовъ касательно преслѣдованія христіанъ, его намѣстники сами не могли открыть преслѣдованій, потому что христіанство считалось іудейской сектой и слѣдовательно, было религіей дозволенной закономъ. Но въ такомъ случаѣ какъ же понимать то, что апостолъ Іоаннъ свидѣтельствуешь объ Антипѣ? Это обстоятельство объясняется нашимъ противникомъ безъ всякаго дальнѣйшаго затрудненія тѣмъ, что Апокалипсисъ, какъ „писаніе чисто визионернаго характера“, *по его мнѣнію*, „неспособно достаточно засвидѣтельствовать частныхъ фактовъ прошедшаго“ (S. 270). Но эта ссылка на *визионерный характеръ* Откровенія Іоанна не можетъ имѣть силы тамъ, гдѣ требуется доказать или опровергнуть историческій фактъ, потому что самая эта теорія о *визионерномъ характерѣ* книги Откровенія составляетъ лишь гипотезу, еще не принятую въ науки и далеко не доказанную. Кромѣ того, во всѣхъ случаяхъ, по-

добныхъ настоящему, наши противники вращаются въ закодванномъ кругѣ, изъ котораго для нихъ нѣтъ выхода. Чтобы доказать *визіонерный характеръ* книги Откровенія, они говорятъ, что излагаемые въ ней факты *недѣйствительны*, а чтобы доказать затѣмъ *недѣйствительность* излагаемыхъ въ книгѣ фактовъ въ частности они ссылаются на предположенный, но недоказанный, *визіонерный характеръ* книги. Такъ доказывать легко, но кто же такъ доказываетъ, кромѣ рационалистовъ? Мы вѣримъ, что такой способъ доказательства можетъ пустить пыль въ глаза и безъ того ослѣпленному рационалисту; но вѣрующій христіанинъ не пойдетъ на такого рода приманку и не поколеблется въ своемъ убѣжденіи, что если Богъ открылъ въ видѣніяхъ или какъ-либо иначе о состояніи малоазійскихъ церквей, если затѣмъ апостоль Іоаннъ записалъ эти откровенія въ книгу, то значить сообщаемое въ ней есть дѣйствительныя событія, а не вымыселъ. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ на минуту, что авторъ Апокалипсиса, въ состояніи галлюцинацій, видѣлъ многое такое, что въ дѣйствительности было совсѣмъ иначе. Какъ же объяснить тогда то, что Апокалипсисъ былъ принятъ всею христіанскою церковію за боговдохновенную книгу? Если въ немъ рассказывались изъ тогдашняго времени такія событія, которыхъ совсѣмъ тогда не было, то невѣроятность, а слѣдовательно и небоговдохновенность видѣній была бы поразительна. И происхожденіе книги отъ апостола не было бы достаточно для того, чтобы сообщить ей каноническое достоинство. Напротивъ, именно уваженіе, какимъ пользовался апостоль въ христіанской церкви, способствовало бы тому, чтобы эта книга затерялась, какъ ничего нестоящая. Могли бы объяснять происхожденіе книги по возможности мягче, напимѣръ болѣзнію и т. под. и тогда изъ снисхожденія къ почитаемому апостолу, по возможности скорѣе устранили бы памятникъ его слабости.

Изъ нашего разсмотрѣнія вытекаетъ слѣдующее: всѣ новѣйшія умствованія касательно первыхъ гоненій противъ христіанъ вовсе не основываются на убѣдительныхъ доказательствахъ. Напротивъ, вполне достовѣрно то, что Неронъ и Домиціанъ были гонителями христіанства, какъ такого, ихъ гоненія были истинныя гоненіями противъ христіанъ, ихъ жертвы были истинными мучениками за вѣру. Всѣ голоса изъ христіанской древности, сви-

дѣтельство языческихъ писателей, а часто и сознание самихъ противниковъ вполне согласны между собою въ этомъ. Точно такъ же самыя важныя свидѣтельства говорятъ въ пользу того, что уже и эти преслѣдованія были санкціонированы всеобщими эдиктами и въ силу этого распространялись также и на провинціи. Всѣ эти три свойства гоненій такъ тѣсно связаны между собою, что одно изъ нихъ почти необходимо слѣдуетъ изъ другаго. Кто воюетъ противъ христіанства, какъ именно противъ христіанства, тотъ естественно долженъ бороться противъ него повсюду. Мы можемъ, слѣдовательно, спокойно оставаться при древнемъ, освященномъ традиціей вѣковъ, воззрѣніи на гоненія перваго вѣка, жертвы этихъ гоненій — почитать мучениками за святую нашу вѣру, и въ столь раннемъ раздраженіи страданій и угнетеній — усматривать подтвержденіе истины нашей религіи. Только истину преслѣдуетъ всюду, какъ тѣнь, смертельная ненависть. Одна только высочайшая истина пользуется тою привилегіей, что противъ нея каждый объявляетъ болѣе или менѣе продолжительную и упорную войну, и кто не за нее, тотъ противъ нея, или по выраженію Тертуліана, — *tot hostes ejus, quot extranei* (Ap. с. 7).

Z.

П И С Ь М А

КЪ ПОЧИВШЕМУ ВЪ БОЗѢ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕМУ
МАКАРІЮ МИТРОПОЛИТУ МОСКОВСКОМУ*.

А. В. ГОРСКАГО и Б. И. НЕВОСТРУЕВА**.

1. Преосвященнѣйшій владыко,
Милостивѣйшій архипастырь и отецъ!

Получивъ отъ васъ, чрезъ отца ректора академіи, четвертую часть Православно-догматическаго богословія, приношу вашему преосвященству всенижайшую благодарность за даръ вашъ. Тѣмъ болѣе его цѣню, чѣмъ менѣ заслуживалъ безответностію при полученіи первыхъ трехъ томовъ. Ей, преосвященнѣйшій

* См. январскую книж. «Правосл. Обзор.» за текущій годъ.

** *Александръ Васильевичъ Горскій*, профессоръ Церковной исторіи въ московской духовной академіи, посвященный въ санъ протоіерея въ 1860 г., съ 23 октября 1862 г. Ректоръ той же академіи, сконч. 11 октября 1875 года. По порученію Св. Синода занимался описаніемъ рукописей Синодальной бывшей патриаршей библиотеки вмѣстѣ съ помощникомъ своимъ *Константиномъ Ивановичемъ Невоструевымъ*. Послѣдній — по окончаніи курса въ московской духовной академіи въ 1840 г. бывшій наставникомъ въ Симбирской духовной семинаріи, въ 1849 г. съ причисленіемъ въ московской семинаріи, былъ назначенъ въ помощь А. В. Горскому, при которомъ были изданы 4 тома Описанія Рукописей до 1863 г., а съ сего года работалъ одинъ; скончался 30 ноября 1872 года.

владыко, вѣрилъ я, что вы не усомнитесь въ тѣхъ чувствахъ, съ какими принималъ я всегда ваши ученые труды. Радовался и радуюсь, что наука богословія нашла въ васъ себѣ такого усерднаго и неутомимаго дѣятеля и вѣрнаго охранителя священнаго достоянія вѣры. Да благоспѣшитъ вамъ Господь довести свой огромный трудъ до конца и изъяснить чадамъ церкви православной все, чему она учитъ и на какихъ основаніяхъ учить.

Испрашивая вашего архипастырскаго благословія
честь имѣю пребыть

Вашего преосвященства покорнѣйшій слуга
профессоръ Александръ Горскій.

Октября 14 дня 1852.

2. Преосвященнѣйшій владыко,
Милостивѣйшій архипастыръ и отецъ!

Многokrатно удостоиваясь знаковъ вашего милостиваго вниманія ко мнѣ, прошу покорнѣйше ваше преосвященство принять отъ меня начатокъ трудовъ нашихъ въ описаніи рукописей М. С. Библиотеки. Ваша ревность въ отысканіи древнихъ памятниковъ русскаго церковнаго слова позволяетъ мнѣ надѣяться на ваше сочувствіе подобнымъ и моимъ желаніямъ, сколько ни скудными могутъ казаться послѣдствія розысканій. Благоснисхожденіемъ вашимъ покройте ошибки наши, восполните недостатки наши и преподайте архипастырское благословіе ваше и благіе совѣты для продолженія труда,

Вашего преосвященства, милостивѣйшаго архипастыря и отца
усерднѣйшему почитателю и низайшему слугѣ.

Пр. Александру Горскому.

23 Ноября 1855.

3. Преосвященнѣйшій владыко,
Милостивѣйшій архипастыръ и отецъ!

Приношу вамъ усерднѣйшую благодарность за присланныя вами три части Русской Церковной Исторіи.

Душевно радуюсь, встрѣчая въ книгахъ вашего преосвященства, при обширной разработкѣ источниковъ, и новооткрываемыя сокровища древности. Правда не всѣ древніе памятники соб-

ственно—нашей духовной литературы имѣютъ внутреннюю важность: но всѣ драгоценны какъ свидѣтельство минувшей, еще мало извѣстной намъ жизни,—какъ первые проблески богословской мысли и благочестивой ревности. Много значить уже и то, что имѣя предъ глазами такіе памятники, не теряемся въ области догадокъ по однимъ ихъ надписаніямъ.

Да благопоспѣшитъ Господь трудамъ вашимъ.

Примите вмѣстѣ, преосвященнѣйшій владыка, поздравленіе съ приближающимся Свѣтлымъ днемъ Воскресенія Христова и святительское благословеніе препишите

Вашего преосвященства усерднѣйшему слугѣ
А. Горскому.

30 Марта 1857.

4. Высокопреосвященнѣйшій владыко,
Милостивѣйшій архипастырѣ и отецъ!

Приношу вашему высокопреосвященству усерднѣйшую благодарность за даръ, которымъ благоволили почтить меня. Душевно радуюсь, что Господь благопоспѣшилъ вамъ продолжить вашъ трудъ изъ ученія церковной древности нашей и передать плодъ вашего изученія на общую пользу. Слава Богу, жизнь нашихъ предковъ церковная все болѣе и болѣе предъ нами раскрывается.

Со вступленіемъ въ должность ректора я отъ описанія рукописей синодальныхъ долженъ былъ отказаться, чтобы не задерживать хода этого дѣла: но все подготовленное передалъ на руки достопочтеннаго сотрудника моего К. И. Невоструева. Онъ успѣлъ напечатать еще томъ описанія, въ которомъ подвергнуты разбору богослужебныя Рус. Синодальной Библиотеки (впрочемъ не всѣ еще, а только половина). Когда явится на свѣтъ эта книга, (можетъ быть, вскорѣ) буду имѣть честь представить ее вашему высокопреосвященству.

Испрашивая архипастырскаго благословенія вашего честь имѣю пребыть

Вашего высокопреосвященства
Милостивѣйшаго архипастыря и отца
покорнѣйшимъ слугою
Ректоръ Московской Д. Академіи Пр. Ал. Горскій.

14 Января 1866.

1. Ваше преосвященство,
 Преосвященнѣйшій владыко,
 Милостивѣйшій архипастырѣ и отецъ!

Честь имѣю покорнѣйше принести вашему преосвященству вновь отпечатанную, но въ свѣтъ еще не вышедшую 3 книгу Описанія Синодальныхъ рукописей. Она содержитъ догматическія и нравственныя писанія *Отцовъ Церкви* (не исключая и Русскихъ), изъ коихъ многія замѣчательны по древности славянскаго перевода или достоинству списковъ. Что же до самаго Описанія: то смиренно просимъ ваше преосвященство многого не взыскать и недостатки его покрыть вашею благоснисходительностію,—мы дѣлали, какъ могли. Теперь приступили къ печатанію 4-й или по нашему раздѣленію 3-й книги 2-го отдѣла, отеческаго, въ которую войдутъ разныя богословскія сочиненія *церковныхъ писателей*, содержанія а) учительнаго, б) полемическаго и в) смѣшаннаго или сборника. Она будетъ объемомъ не менѣе настоящей книги.

Всепокорнѣйше испрашивая вашего архипастырскаго благословенія съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть

Вашего преосвященства
 Милостивѣйшаго архипастыря и отца
 низайшій послушникъ
 Московской семинаріи наставникъ Капитовъ Невоструевъ.

1860 Мая 6 дня.

2. Ваше преосвященство,
 Преосвященнѣйшій владыко,
 Милостивѣйшій архипастырѣ и отецъ!

Всепокорнѣйше имѣю честь привѣтствовать ваше преосвященство съ наступающимъ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христова и душевно желаю вамъ, яко другомъ Божиимъ, внити въ радость Господа своего и исполниться благодати, отъ живоноснаго гроба его возсіявшей.

Не знаю, какъ съ одной стороны благодарить ваше преосвященство за благовнимательность и снисхожденіе, съ каковыми изволили обнаружить мою худость публикѣ и удостоили меня

высылкою самого журнала, а съ другой, какъ извинить, или лучше осудить мое не чувственное, долговременное при всемъ этомъ молчаніе. Припадая къ стопамъ вашимъ за все приношу душевную мою благодарность и вины моя, прошу покорнѣйше, простите хотя Воскресеніемъ: въ объясненіе же отчасти могу сказать, что я не хотѣлъ писать вамъ всеу, безъ чего-нибудь, а это нѣчто, нынѣ же по почтѣ на имя ваше посылаемое, по немощи моей и надлежащей мнѣ работѣ, только теперь привелъ къ концу.

Это суть древнерусскія поученія и посланія объ иноческой жизни. Поводомъ къ собранію ихъ служило для меня велейное правило инокамъ, отпечатанное въ янв. книжкѣ Дух. Вѣстника. Воззрите милостивно, ваше преосвященство, на сіе посильное отъ меня приношеніе, и если усмотрите годнымъ, благоволите сообщить оное въ редакцію журнала. По примѣру сихъ, иноческихъ поученій думаю я приготовить два или три таковыхъ же, не отпечатанныхъ поученій къ священникамъ и мірянамъ: но опасаюсь причинить оскомину, аще и теперь посланными уже не причинилъ. Не легки они, кажется, будутъ и для корректуры. Въ случаѣ же негодности или неудобности отпечатанія какого-либо поученія мнѣ желательно бы оное изъ редакціи получить обратно, хотя при книжкѣ Дух. Вѣстника.

Еще есть у меня небольшая статейка въ подтвержденіе того, что епископъ Ростовскій Прохоръ дѣйствительно составилъ житіе св. митрополиту Петру: житіе это служившее основаніемъ болѣе пространному, составленному митроп. Кипріаномъ, такое же, какъ стпечатанное вами въ Дух. Вѣстникѣ, читается въ двухъ синод. рукописяхъ и двухъ чудовскихъ, изъ коихъ въ одной заглавіе показываетъ того же составителя, епископа Рост. Прохора. Но опять боюсь, да не стужаю вамъ, и отлагаю до слѣдующаго раза.

Всепокорнѣйше испрашивая вашего архипастырскаго благословенія, съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть

Вашего преосвященства,

Милостивѣйшаго архипастыря и отца

нижайшій послушникъ

Семинаріи профессоръ Капитонъ Невоструевъ.

1862 Марта 31 дня.

3. Ваше высокопреосвященство,
 Высокопреосвященнѣйшій владыко,
 Милостивѣйшій архипастырь и отецъ!

Усерднѣе приношу вашему высокопреосвященству вновь изданную книгу Описание славянскихъ рукописей синодальной библиотеки, отд. II, ч. 3. За симъ представленъ въ Свят. Синодъ одобренный цензурою оригиналъ слѣдующей книги: отдѣлъ III о книгахъ богослужебныхъ, имѣющей состоять изъ двухъ томовъ.

11 мая, въ день свв. первоучителей славянскихъ Кирилла и Меодія, у насъ въ Москвѣ хотѣли было открыть епархіальную библиотеку; но владыка возразилъ, что безъ указа Св. Синода этого сдѣлать нельзя. При библиотекѣ составляется еще особое общество дух. ученыхъ, не исключая и свѣтскихъ сочувствующихъ, которое предположило издавать записки или журналъ, — изъ переводовъ греческихъ неизданныхъ доселѣ отеческихъ и другихъ твореній духовныхъ, сочиненій русскихъ духовныхъ же писателей, изъ отечественныхъ сказаній и т. п., — по рукописямъ синодальной библиотеки, и другихъ доступныхъ, печатать извѣстія и акты о московской епархіи, ея древностяхъ и замѣчательностяхъ, отмѣчать и разбирать какъ лучшія вновь являющіяся дух. сочиненія въ защиту и распространеніе вѣры и церкви, такъ и худшія, журнальныя и газетныя, — противъ сего. Желаніе это прилежитъ многимъ, но не знаемъ, обрящутся ли усердные и способные дѣлатели.

Здѣсь предпринимаются профессоромъ университета Тихоновымъ и г. Викторовымъ новое изданіе Стоглава спискамъ по пяти и болѣе синод. и другихъ моск. и троицкихъ библиотекъ, — а ера, подъ видомъ, что Кожанчиково изданіе, передающее сокращенную редакцію, неудовлетворительно. — Можетъ быть дѣло скоро дойдетъ до поморскихъ и керженскихъ отвѣтовъ, и ихъ будутъ печатать.

Всепокорнѣе испрашивая вашего архипастырскаго благословенія съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Вашего высокопреосвященства,
 Милостивѣйшаго архипастыря и отца
 Нижайшій послушникъ
 Семинаріи профессоръ Капитанъ Невоструевъ.

1863. Мая 13 дня.

4. Ваше высокопреосвященство,
 Высокопреосвященнѣйшій владыко,
 Милостивѣйшій архипастырь и отецъ!

Честь имѣю покорнѣе привѣтствовать васъ съ великимъ и радостивѣйшимъ праздникомъ Воскресенія Христова и искреннѣйше желаю вамъ по сшествіи въ страданія и смерть Его внити въ радость и благодать, обильно отъ гроба Его возсіяшія.

Приношу вашему высокопреосвященству искреннѣйшую мою благодарность за внимательность и щедроту вашу къ убожеству моему, съ какими изволили на дняхъ пожаловать мнѣ сильныя мыслію и словомъ слова и рѣчи ваши.

Описаніе богослужебныхъ книгъ дѣйствительно у меня теперь печатается, но дѣло идетъ медленно и не скоро еще кончится, по значительному объему книги. По отпечатаніи же непремѣннымъ долгомъ, какъ и прежде, поставлю немедленно представить вамъ экземпляръ.

Наши любители духовнаго просвѣщенія на жертвуемую отчасти сумму собираются начать изданіе, притомъ въ двухъ видахъ, одно для просвѣщенной и ученой публики, другое — для простаго народа. Но нѣтъ какъ то согласія въ обществѣ, мало людей способныхъ, со свѣдѣніями и благонадежныхъ даже по направленію.

Приготовляю также я въ печать на счетъ и въ пользу Іосифа Волоколамскаго монастыря современныя почти житія преп. Іосифа Волоцкаго, писанныя одно Саввою Чернымъ, епископомъ крутицкимъ, другое родственникомъ преподобнаго Досіеємъ Топорковымъ и третіе неизвѣстнымъ, также Сказаніе о Касіанѣ Босомъ, воспріемникъ отъ купели Грознаго и Волоколамскій Патерикъ.

Высокопреосвященнѣйшему владыкѣ нашему не понравилась помѣщенная недавно въ „Дух. Дневникъ“ какимъ то священникомъ статья объ исповѣди, — владыка видитъ здѣсь неразумную и вредную гласность. Не кажется также многимъ статья объ Аввакумѣ протопопѣ въ „Дух. Вѣстникъ“ — свящ. Баратынскаго, говорятъ онъ не обличаетъ, а защищаетъ по нынѣшнему духу этого глупаго фанатика.

Всепокорнѣйше испрашивая вашего архипастырскаго благо-
словенія съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною предан-
ностію честь имѣю быть

Вашего высокопреосвященства,
Милостивѣйшаго архипастыря и отца
Нижайшій послушникъ
Семинарии наставникъ Капитонъ Невоструевъ.

1864. Апрѣля 15 дня.

5. Ваше высокопреосвященство,
Высокопреосвященнѣйшій владыко,
Милостивѣйшій архипастырь и отецъ!

При семъ покорнѣйше приношу вашему высокопреосвящен-
ству отдѣльные оттиски: а) Житія преп. Іосифа Волоколамскаго
и б) Записки о славянскомъ переводѣ Евангелія свв. Кирилломъ
и Меѳодіемъ. Первый—изъ печатающейся 2-й книги Общества
любителей духовнаго просвѣщенія, второй изъ издаваемого же
М. П. Погодинымъ Кирилло-Меѳодіевскаго сборника, черезъ мѣ-
сяцъ имѣющаго выйти въ свѣтъ.

У насъ въ Чудовѣ находятся въ качествѣ простыхъ теперь
инокъ и радуютъ преданныхъ истинной церкви присоеди-
нившихся изъ раскола бывшіе архіереи Пафнутій, Онуфрій съ вли-
риками, къ коимъ приобщенъ и обратившійся на дняхъ епископъ
Сергій. Каждыйдневно у нихъ бываетъ не мало изъ раскола по-
святителей,—Никодимовъ, какъ они называютъ, т.-е. потаенно
бесѣдующихъ и ищущихъ пути истиннаго, а также и согляда-
таевъ изъ противной, вразомьной партіи раскола. Броженіе идетъ
сильное, и если Господь благословитъ, плодъ долженъ быть много.
Да не похвалятся всяка плоть предъ Богомъ,—означенные отцы
сами своимъ размышленіемъ и наблюденіемъ дошли до мысли
присоединенія, а потомъ къ обращенію ихъ и многихъ сочув-
ствующихъ имъ весьма много способствовали и содѣйствуютъ
извѣстныя статьи о современномъ движеніи въ расколѣ бака-
лавра моск. д. академіи г. Субботина, который находится съ
оо. Пафнутіемъ и Онуфріемъ въ постоянной перепискѣ и дру-
жественнѣйшихъ отношеніяхъ, получая отъ нихъ и самыя ма-
териалы для статей своихъ, большею частію подлинныя взятые

ими изъ Бѣлокрыницкой митрополіи акты. Для успѣшнѣйшаго дѣйствія надъ коснѣющими и томящимися въ расколѣ Пафнутіи съ братією и главами здѣшнихъ единовѣрческихъ церквей хотѣть просить начальство объ открытіи единовѣрческаго муж. монастыря въ московскомъ старовѣрческомъ Преображенскомъ или Рогожскомъ кладбищѣ. Видно, что они имѣютъ у раскольниковъ большой авторитетъ, и въ своемъ обращеніи, образованіи, характерѣ дѣйствительно представляютъ много хорошаго и привлекательнаго. Въ послѣднее время, вопреки всегдашнему уклоненію отъ раскольниковъ, ко мнѣ приходящихъ, а иногда и пишущихъ, и я съ о. Пафнутіемъ и др. познакомился, и снабжаю ихъ теперь книгами изъ своей бібліотеки, хотя они и сами не бѣдны ими.

Всепокорнѣйше испрашивая вашего архипастырскаго благословенія съ глубочайшимъ моимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Вашаго высокопреосвященства,
Нижайшій послушникъ
Семинаріи профессора Капитонъ Невоструевъ.

1865. Іюня 26.

6. Ваше высокопреосвященство,
Высокопреосвященнѣйшій владыко,
Милостивѣйшій архипастырь и отецъ!

Честь имѣю покорнѣйше привѣтствовать ваше высокопреосвященство съ настоящимъ праздникомъ Рождества Христова и наступающимъ новымъ годомъ, вседушевно желая вамъ благословеніе свыше на сіе лѣто благодати Божіей и обновленія силами духа и тѣла.

Благоволите принять, ваше высокопреосвященство, малое приношеніе мое, по почтѣ нынѣ посылаемое: Житіе преп. Іосифа, сост. неизвѣстнымъ и похвальнаго ему слова Досіея Топоркова, да слово Ал. Вас. Горскаго въ юбилей тысячелѣтія славянскихъ просвѣтителей, отпечатанное въ Кирилло-Мееодіевскомъ сборникѣ.

Въ Чудовской славянской рукописи XII в. открылось слово Ипполита Римскаго объ антихристѣ, подлинное, найденное и

изданное на греч. Гудіемъ 1661 г. и перепечатанное у Галланда въ В*—са во. РР. t. 2. По представленію моему высокопреосвященнѣйшій владыка мѣѣ же поручилъ издать это слово съ моимъ русскимъ въ параллели древнему славянскому переводу и подъ обоими съ греческимъ, подлиннымъ текстомъ. Побужденіемъ къ изданію, кромѣ древности славянскаго перевода и рѣдкости слова, служило болѣе то, что оно своимъ несогласіемъ и явнымъ противорѣчіемъ подрываетъ подложное слово, хотя также съ греческаго у насъ переведенное, помѣщаемое въ Соборникѣ въ недѣлю мясопустную, на основаніи коего раскольники не признаютъ наше священство и церковь и называютъ ее антихристовою. Доселѣ живущіе у насъ въ Чудовѣ, изъ раскольній іерархіи обратившіеся, Пафнутій съ братією весьма одобряютъ и поддерживаютъ своими совѣтами это предпріятіе, которому живо сочувствуетъ и также помогаетъ знакомый со мною почтенный писатель извѣстнаго Окружнаго посланія Иларіонъ Георгіевъ.

Къ этому протестомъ въ обществѣ древнерусскихъ искусствъ противъ печатанія заявленной уже въ „Моск. Вѣдомостяхъ“ въ немъ произнесенной статьи г. Филимонова о подложности хранящихся въ Успенскомъ соборѣ сосудовъ подъ именемъ преп. Антонія Римлянина, я самъ же вызвалъ другое затруднительное и неприятное порученіе относительно сего предмета. Въ подлинной записи дворцоваго архива о поступавшихъ въ 1631 г. вещахъ въ царскую казну Филаретъ нашелъ извѣстіе, что Константинопольскій жилецъ Гречанинъ Юрій Панагіотъ „билъ отъ себя челомъ“ царю Михаилу Ѳеодоровичу чашу яшмовую, украшенную золотомъ и камнями, а потомъ потиръ яшмовой же, съ приборомъ, и также украшенный, съ подробнымъ описаніемъ того и другаго приношенія. Последнее ¹⁾ по описанію точъ въ точъ соотвѣтствуетъ яшмовымъ, Антоніевымъ Словущимъ сосудамъ, подлинность коихъ заподозрѣна уже въ памятникахъ Россійскаго государства. Владыка, собравъ и сообразивъ почти всѣ свѣдѣнія и данныя, доставленныя прочими членами нарочно составленной по сему вопросу комиссіи, такъ какъ усиливалась

¹⁾ Въ слѣдующемъ году царемъ переданное патр. Ф—ту, а отъ него въ Усп. соборъ.

молва, особенно между раскольниками, поручилъ мнѣ сдѣлать печатное объясненіе, что все-таки этотъ памятникъ четвероконечнаго креста, указанный и означенный патр. Іоакимомъ въ Увѣтъ, относится къ началу XVII в. Какъ ни тяжело мнѣ казалось сдѣлать такую уступку, но при всѣхъ поискахъ моихъ въ государственномъ архивѣ старыхъ дѣлъ, въ главномъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, въ кремлевскихъ соборахъ и т. д. ничего не могъ я найти въ подтвержденіе подлинности сосудовъ, а нашелъ только въ подрѣшленіе статью Филимонова. Помянутая яшмовая чаша, доселѣ хранящаяся въ оруж. палатѣ, и мнимые Ант. сосуды, сопоставленные между собою, сходны какъ двѣ капли. Снегиревъ въ описаніи Моск. древностей указалъ на соб. опись 1627 г., будто уже свидѣтельствующую объ Ант. сосудахъ: но такой описи въ соборѣ не бывало, а между тѣмъ превзвѣстно, что онъ многое въ памяти смѣшивалъ, и выставилъ цѣну сосудовъ по этой никому неизвѣстной описи — ту же самую, каковая въ оруж. записи 1631 г. Нельзя прибѣгнуть и къ категоріи Феогностова требника, о коемъ въ нашемъ описаніи и не упоминается: впрочемъ я еще подожду объясненіемъ.

Новоприсоединившіеся къ церкви, вышепом. Пафнутіи съ братією скоро перейдутъ отъ насъ въ утвержденный за ними единовѣрческій монастырь въ бывшемъ Преображенскомъ кладбищѣ (а Рогожцы свое отстояли). По доставляемымъ ими свѣдѣніямъ г. Субботинъ скоро напечатаетъ въ „Рус. Вѣстникѣ“ новую статью о послѣднемъ движеніи раскола и полную исторію бѣлокриницкой митрополіи. Теперь въ Москвѣ по удаленіи австрійскимъ правительствомъ отъ кафедры м—та Кирилла производятся соборища объ утвержденіи и посвященіи привезеннаго сюда преемника его (котораго скрывая ищетъ полиція). При этомъ возгорѣлись пренія объ окружномъ посланіи, и тогда какъ сперва почти единогласно предали оное проклятію, въ ближайшее время сторонники его, малые числомъ, но не умомъ, стали поправляться, такъ что многія вліятельнѣйшія лица, подписавшіяся прежде противъ окружнаго посланія, теперь заявляютъ себя въ пользу его. Но мы, духовные, иногда сами вредимъ благому дѣлу, какъ показываютъ двѣ статьи здѣшняго священника. Виноградова въ Духѣ христіанина, кои впрочемъ не прошли ему даромъ.

Всепокориѣше испрашивая вашего архипастырскаго благословенія съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть.

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивѣйшаго архипастыря и отца
нижайшій послушникъ
Семинарія профессоръ Капитовъ Невоструевъ.

21 Декабря 1865.

7. Ваше высокопреосвященство,
Высокопреосвященнѣйшій владыко,
Милостивѣйшій архипастырь и отецъ!

Приношу вашему высокопреосвященству глубочайшую благодарность за снисходительное вниманіе ваше, съ каковымъ изволили и мнѣ по писанію вашему пожаловать два вновь вышедшіе и недавно мною изъ С.-Петербурга полученные тома вашего сочиненія исторіи русской церкви Господь да поможетъ вашему высокопреосвященству вести и совершить это великое и благополезнѣйшее дѣло съ такою же твердostí и достоинствомъ, какъ доведено оно доселѣ. Порядокъ, ясность, отчетливость и полнота въ изложеніи, съ употребленіемъ всѣхъ до послѣдняго времени открытых документовъ, особенно же Acta Patriarchatus Constantinopolitani, отличающіе трудъ вашъ — не заградите и не зазрите откровенное и невольное исторгающееся слово мое — дѣлають его сколько занимательнымъ, столько же необходимымъ, настольнымъ произведеніемъ. Кстати признаться, что давно у меня была мысль сдѣлать обзорнѣе всѣхъ актовъ въ означенныхъ протоколахъ и граматахъ константинопольскаго патріархата и перевести замѣчательнѣйшіе изъ нихъ для нашей исторіи; но никакъ не нахожу къ тому времени, и безъ того оставаясь должникомъ почти во всѣхъ дѣлахъ своихъ, а въ то же время удивляюсь равнодушію къ этому безцѣнному для насъ изданію болѣе свободныхъ и специально исторіей и каноникой церк. занимающихся академическихъ или и семинарскихъ оставниковъ.

Всепокорнѣйше испрашивая вашего архипастырскаго благословенія съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть.

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивѣйшаго архипастыря и отца
нижайшій послушникъ
Семинаріи профессоръ Капитонъ Невоструевъ.

21 Января 1866.

8. Ваше высокопреосвященство,
Высокопреосвященнѣйшій владыко,
Милостивѣйшій архипастырь и отецъ!

Принишу вашему высокопреосвященству покорнѣйшую благодарность за вашу ко мнѣ снисходительную внимательность, съ каковою на дняхъ изволили послать мнѣ столь плавное, изящное и сердцу русскому близкое слово въ юбилей незабвеннаго нашего баенописца. Прошу покорнѣйше ваше высокопреосвященство съ тѣмъ же благоснисхожденіемъ удостоить вниманія вашего при семъ прилагаемыя брошюры: а) нѣкоторыя древнерусскія поученія объ иноческой жизни—въ современномъ русскомъ нарѣчій, б) описаніе плащаницы, приложенной въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь удѣльнымъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Старицимъ, в) о скуфѣхъ и камилавкѣхъ, и г) историческое описаніе двухъ Самарскихъ монастырей. Къ статьѣ о скуфѣхъ въ февральской или мартовской книжкѣ „Душепол. Читенія“ будетъ дов. важное дополненіе, по источникамъ, которыми въ свое время воспользоваться не дозволили мнѣ встрѣтившіяся препятствія. Особенное вниманіе, въ послѣднее время обращаемое академіею наукъ на наше описаніе синод. рукописей, побудило меня писать статью, довольно теперь растянувшуюся, въ защищеніе 1 тома Свящ. Писанія, обнесеннаго критикою Безсонова, именно въ защищеніе сдѣланныхъ тамъ заключеній о несуществованіи въ древней Руси до Геннадія полнаго состава Библии. Статья, если выйдетъ порядочная, можетъ быть помѣстится въ запискахъ академіи. Съ другой стороны печатаю те-

перь подлинное Ипполитово слово объ антихристѣ въ слав. переводѣ XII в., вмѣстѣ съ греческимъ текстомъ и для ясности—съ русскимъ еще переводомъ съ предварительнымъ вступленіемъ, замѣчаніями къ тексту и приложеніямъ; мѣсяца черезъ два—три надѣюсь покончить это изданіе. Сія и нѣкоторыя другія подобныя дѣла и отвлекаютъ отъ окончанія вновь отпечатанной уже книги описанія синодальныхъ рукописей.

Всепокорнѣйше испрашивая вашего архипастырскаго благословенія съ совершеннымъ моимъ почтеніемъ и истинною преданностію честь имѣю быть.

Вашего высокопреосвященства,
Милостивѣйшаго архипастыря и отца
нижайшій послушникъ
Капитонъ Невоструевъ.

19 Февраля 1868 г.

ПОЗИТИВИЗМЪ.

(Критическіе очерки).

Въ послѣднее время вниманіемъ русскаго образованнаго общества завладѣлъ графъ Толстой своею религіозно-философскою пропагандою, но вниманіемъ этимъ онъ, какъ кажется, обязанъ не столько передовой новизнѣ и современности своего ученія, сколько своему имени. Въ журнальной и газетной полемикѣ, вызванной сочиненіями Л. Толстаго, выяснилось напроотивъ, что къ его идеямъ отнеслась особенно несочувственно какъ разъ именно та самая часть русской интеллигенціи, которая выдаетъ себя наиболѣе современно—передовою. Въ самомъ дѣлѣ, господствующая религіозно-мистическая черта въ міровоззрѣніи Толстаго и его отрицательное отношеніе къ положительной наукѣ никоимъ образомъ не соотвѣтствуютъ положительному складу и направленію современной интеллигентной русской мысли, а потому не могутъ упрочить успѣха его пропаганды.

У насъ, конечно, еще и теперь существуетъ *материалистическое* направленіе, но оно все болѣе и болѣе вытѣсняется родственнымъ ему *позитивизмомъ*. Пропаганда позитивной философіи у насъ началась съ сороковыхъ годовъ (въ „Отеч. Зап.“—Милютинымъ, позднѣе продолжалась Михайловскимъ); но принесла плоды сравнительно въ очень недавнее время (съ семидесятыхъ годовъ, когда стали у насъ появляться журналы въ духѣ позитивнаго направленія, въ родѣ „Мысли“, смѣнившейся

потомъ „Русск. Богатствомъ“, „Знанія“). На Западѣ позитивизмъ въ качествѣ модной философіи давно вытѣснилъ матеріализмъ и привился особенно во Франціи, на своей родинѣ, гдѣ онъ имѣеть и главныхъ своихъ представителей (О. Контъ, Э. Литтре, Рибо), и въ Англіи (Ст. Милль, Льюисъ, Г. Спенсеръ).

Въ настоящее время изъ всѣхъ философскихъ направленій европейской мысли позитивизмъ насчитываетъ у насъ наибольшее число послѣдователей и сторонниковъ. На страницахъ „Православнаго Обзорнія“ не разъ уже говорилось о широкомъ распространеніи позитивнаго направленія мысли въ русской интеллигенціи, не разъ призывался къ участію въ борьбѣ съ нимъ всякій, кому дороги интересы истины и нашего отечественнаго благосостоянія. Вотъ, что говорить, напр., почтенный сотрудникъ журнала *А. О. Гусевъ* въ 12 кн. 1886. (Древніе и новые софисты. Библиографическая замѣтка): „Увлеченіе позитивными воззрѣніями... является у насъ чуть-ли не повальнымъ... Обратимся-ли мы къ нашей такъ-называемой свѣтской журналистикѣ, увидимъ, что большая часть органовъ ея является проводникомъ позитивныхъ идей. Обратимъ-ли мы вниманіе на научныя изслѣдованія, выходящія изъ-подъ пера отечественныхъ „свѣтскихъ“ ученыхъ, встрѣтимся съ преобладаніемъ тѣхъ же идей въ этихъ изслѣдованіяхъ. Кто имѣлъ и имѣеть случаи сталкиваться съ лицами университетскаго и вообще высшаго „свѣтскаго“ образованія, тотъ въ большинствѣ случаевъ имѣлъ дѣло со сторонниками и защитниками позитивныхъ же воззрѣній. Мало того: вѣроятно, не намъ однимъ приходилось встрѣчать таковыхъ лицъ въ средѣ даже гимназистовъ и юнкеровъ, нахватавшихся модныхъ взглядовъ изъ журнальныхъ книжекъ или изъ бесѣдъ съ болѣе зрѣлыми поклонниками позитивизма. Въ виду такой распространенности этого направленія на борьбу съ нимъ должны главнымъ образомъ быть направлены силы всѣхъ тѣхъ, кому дорога истина и кто искренно радуетъ объ общемъ благѣ. Здѣсь важенъ всякій трудъ, оригинальный ли или переводный, лишь бы онъ былъ направленъ противъ господствующихъ интеллектуальныхъ увлеченій...“

Чѣмъ объяснить столь широкое распространеніе у насъ позитивнаго направленія? Многое для объясненія успѣха позитивизма заключается уже въ самой природѣ его, какъ философской док-

трины. Позитивизмъ имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ въ борьбѣ съ матеріализмомъ, имъ вытѣсняемымъ. Позитивизмъ не столь грубая философія, какъ матеріализмъ: онъ не относится такъ неделикатно и прямо отрицательно къ благороднымъ, высшимъ и чисто духовнымъ интересамъ и запросамъ человеческой души, какъ дѣлаетъ матеріализмъ, не отталкиваетъ материалистическимъ цинизмомъ, но напротивъ можетъ привлекать къ себѣ неопытныхъ своею недосказанностью и неопредѣленно—двусмысленнымъ отношеніемъ къ *отчужденнымъ* вопросамъ. Последняя особенность позитивизма можетъ быть особенно выгодною для него въ наше время безвѣрія или полувѣрія, индифферентизма, отсутствія строгихъ убѣжденій. Есть симпатичныя стороны въ позитивизмѣ, которыя должны вліять на его успѣхъ. Таковы отсутствіе въ немъ исключительности, нетерпимости, свойственной болѣе или менѣе всѣмъ философіямъ ¹⁾, его плодотворная заботливость о наукѣ, имѣющая цѣлью обезпечить ея прочность и прогрессъ указаніемъ и обоснованіемъ лучшихъ приемовъ и методовъ научнаго знанія, вообще заботливость о знаніи достоверномъ—точномъ, ясномъ, положительномъ. Есть кромѣ внутреннихъ и внѣшнія условія для успѣха позитивизма у насъ, въ Россіи. Эти условія заключаются, можетъ-быть въ особенномъ пристрастіи русскихъ къ естествознанію, интересы и права котораго защищаетъ съ такою ревнивою заботливостью позитивизмъ.

Препятствіемъ широкому распространенію у насъ позитивизма могло бы быть строго-критическое обсужденіе его въ нашей періодической и неперіодической печати. Но наша литература, какъ свѣтская такъ и духовная, далеко не можетъ похвалиться ни количествомъ, ни качествомъ, ни своевременностью появляющихся въ ней критическихъ отзывовъ о позитивной философіи. До сихъ поръ еще не представлено ни одного опыта полного систематическаго разбора Контовой позитивной философіи въ ея основныхъ принципахъ и въ ея приложеніи (соціологіи). Контова соціологія не нашла себѣ еще полного критическаго об-

¹⁾ Мы не входимъ въ обсужденіе источника и природы позитивной терпимости: иногда, кромѣ уваженія къ истинѣ, терпимость, какъ показываетъ опытъ, питается индифферентизмомъ умственнымъ.

сужденія. Переведенныя на русскій языкъ капитальныя сочиненія *Льюиса* („Исторія философіи“ и „Вопросы жизни и духа“) и сочиненія *Спенсера* не вызвали ни одной спеціальной статьи хотя бы въ журналѣ (если не считать *Апостольскаго*—опроверженіе ученія Спенсера о происхожденіи религіи). Изъ періодическихъ изданій болѣе не только свѣтскихъ, но и духовныхъ, дало мѣста обсужденію позитивизма „Православное Обзорніе“. Сюда принадлежатъ двѣ статьи *В. Д. Кудрявцева* (1875 г. кн. 3 и 1883. кн. 5), одна статья *Соловьева В.* (1874. кн. 11), библиографическая замѣтка по поводу книги *Хлѣбникова* (Русское Государство) *А. Гусева* (1876), *М. И. Каринскаго* („Явленіе и дѣйствительность“ 1878. Кн. 4 („Борьба противъ силлогизма въ новой философіи“ 1880. кн. 2), *А. М. Лапатина* нѣкоторыя главы обширной статьи: „Положительныя задачи философіи“ 1885. кн. 5—1886 кн. 1), Кн. *Цертелева* („Логика позитивизма“ 1887. кн. 1). Къ анти-позитивной критической литературѣ непереводной относятся еще слѣдующія журнальныя статьи изъ книги: „Письма о конечныхъ причинахъ“ (Творенія св. отецвъ), „Три опыта Милля о религіи“ *Волкова* (Прав. Собес. 1879 г.), „Кризисъ западной философіи *В. С. Соловьева*, „Наука и Религія“ *Чичерина* (кн. III, гл. IV), „Основные вопросы философіи исторіи“ *Карьева* (по разн. мѣст. книги), „Философскій лексиконъ“ *Голоцкаго* (т. III), „Религіозныя воззрѣнія Дж. Ст. Милля“ Спб. 1884, изслѣд. сваящ. *Городцева*,²⁾ Переводныя: „Древніе и современные софисты“ *Брентано* въ перев. *Я. Новицкаго* Спб. 1886 г. *Каро* ст. въ пер. съ франц.: „Э. Литтре и позитивизмъ“ (Русск. Мысль 1884. кн. 1—5) и *ею же*: „Религія позитивизма“ (Р. М. 1883. кн. XI). Большею частію позитивизмъ въ поименованныхъ сочиненіяхъ затрогивается случайно, эпизодически и стороною. Наша попытка спеціального систематическаго разбора Конттовой философіи въ ея теоретическихъ основаніяхъ (законъ о трехъ фазахъ исторіи и классификація наукъ) и въ ея практическомъ выраженіи и примѣненіи (соціологія Конта) въ виду

²⁾ Мы позабыли было упомянуть о капитальномъ трудѣ, посвященномъ позитивизму, пр. *Никанора*: «Позитивная философія и сверхъчужственное бытіе».

бѣдности подобныхъ образцовъ въ наличной литературѣ, будетъ не лишнею.

Мы предполагаемъ имѣть дѣло съ читателями, которые уже знакомы съ самымъ ученіемъ позитивизма, а потому въ своей статьѣ изложенію позитивнаго ученія мы даемъ лишь столько мѣста, сколько это нужно для цѣлей статьи. Впрочемъ, такъ какъ въ интересахъ правильной оцѣнки Контова позитивнаго ученія необходимо, конечно, точное представленіе о немъ, то мы не можемъ не упомянуть о существующихъ на русскомъ языкѣ изложеніяхъ Контовой системы позитивной философіи. Лучшимъ изложеніемъ считается изложеніе *Д. Ж. Ст. Миалля и Г. Г. Льюнса* въ переводѣ Неклюдова и Тиблена. Первому принадлежатъ: „Ог. Контъ и позитивизмъ“, второму—„Философія наукъ Ог. Конта“ (оба эти трактата соединены въ одну книгу, изд. Спб. 1867). Что касается оригинальныхъ трудовъ въ этомъ родѣ, то они большею частью принадлежатъ перу русскихъ послѣдователей позитивизма, а потому имѣютъ тенденціозную окраску. Поэтому нельзя не привѣтствовать недавно появившееся въ печати вполне точное и полное изложеніе Контова позитивнаго ученія, особенно его социологіи, принадлежащее *Смоликовскому* (изд. 6. Варшава 1886). Изложеніе *Смоликовскаго* по мѣстамъ сопровождается критическими комментаріями ²⁾.

I.

Знаніе можно подраздѣлить на два вида: безусловное и условное, или относительное. Первое имѣетъ дѣло съ внутреннею природою вещей, ихъ сущностью, т.-е. тѣмъ постояннымъ и неизмѣннымъ нѣчто, что лежитъ въ основѣ всего міра явленій; оно не довольствуется знаніемъ того, чѣмъ *бываетъ* вещь, но стремится постигнуть, что она *есть* сама въ себѣ по своей внутренней природѣ и чѣмъ должна быть. Вообще знаніе безусловное стремится къ полному постиженію каждой вещи отдѣльно, ея внутренней природы и смысла и всей совокупности явленій, всего бытія, его смысла и значенія; оттого сущность этого знанія выражается въ вопросѣ: „что такое?“ А этотъ вопросъ распадается на нѣсколько другихъ частныхъ; чтобы понять вполне

²⁾ Рецenz. о книгѣ *Смоликовскаго* См. Русск. Мысль 1887. № 1. въ отд. библ.

вещь и узнать, что она такое, нужно рѣшить: *откуда* она и *зачѣмъ* существуетъ? Нужно знать ея первыя и конечныя причины. Вопросы: *что, откуда, зачѣмъ и почему* — характерныя вопросы для знанія безусловнаго. Всѣ эти вопросы связаны между собою органически и резюмируются въ одномъ: что есть та или иная вещь? Обстоятельный отвѣтъ на каждый изъ нихъ выражалъ бы собою полное постиженіе вещи, ея истины, вещь объяснялась бы намъ изъ нихъ *вся* безъ остатка, сразу и навсегда. Тогда и *какъ* вещи, т.-е. ея феноменальное существованіе въ каждый данный моментъ намъ было бы вполне понятно: мы всякій разъ знали бы, *почему* вещь проявила себя такъ, а не иначе, почему напр., воздухъ отъ теплоты расширился и т. п. Такимъ образомъ, безусловное знаніе не хочетъ условной истины вещи, т.-е. не всей истины, но хочетъ объять её всю; оно ищетъ истины вещи не въ ея феноменальной, измѣнчивой, относительной сторонѣ, по которой вещь является лишь выраженіемъ отношенія къ другой вещи, не въ томъ, что бываетъ въ вещи, но что есть и что должно быть, въ ея внутренней природѣ, оно хочетъ постигнуть вещь, т.-е. найти истину ихъ и самыя вещи принять въ себя, какъ истину. Но вещь не можетъ быть постигнута, если знаніе будетъ выходить изъ этой же самой вещи и ею замыкаться: онѣ не могутъ нами быть приняты, какъ истинное бытіе, истина ихъ намъ будетъ непонятна. Причина этого простая: всё бытіе конечно, это бытіе не самостоятельное, истинно-реальное, цѣнное бытіе, не содержитъ въ себѣ само по себѣ истины и потому для пониманія себя какъ истины отсылаетъ насъ къ безусловной истинѣ, отъ которой зависитъ истина конечнаго бытія, къ бытію единственно реальному и истинно-цѣнному — Богу. Изъ этой истины только становится понятной всякая вещь, ея начало и конецъ, ея суть ея истина; сведенное лишь къ этому безусловному Началу познаніе наше можетъ быть законченнымъ и завершеннымъ, напр. добро и красота могутъ быть совсѣмъ приняты нами, какъ нѣчто истинно-цѣнное, тогда только, когда ихъ начало положено будетъ для насъ въ истинно-цѣнномъ бытіи; истина ихъ не можетъ быть установлена путемъ относительнымъ, путемъ сравненія съ тѣмъ, что не истинно, некрасиво, мало истинно и красиво и т. п., всякая вещь и всякое бытіе получаютъ свой полный и

законченный смыслъ, свою истину лишь въ истинѣ абсолютной. Богъ—алфа и омега всего. Отсюда ясно, что безусловное знаніе прежде всего и натуральнѣе всего находитъ себѣ мѣсто въ области религиозной, религиозное знаніе по природѣ своей знаніе безусловное. Таково же по существу и философское знаніе, которое всегда стремится быть *постижимымъ* вещей, *понимани-емъ* ихъ, *объясненіемъ* бытія, и вполне можетъ совпадать съ религиознымъ знаніемъ, стремясь постигнуть одно и то же, что религія въ большей части, хотя можетъ постигать не такъ же, какъ религія. Конкретное свое выраженіе безусловное знаніе религіи и философіи получило въ слѣдующихъ классическихъ вопросахъ, относящихся къ Богу, міру и человѣку: откуда міръ и гдѣ его первая причина? Въ чемъ цѣль міра? Что такое человѣкъ? Что такое добро? Въ чемъ цѣль и смыслъ человѣческаго существованія? Что душа? Есть ли безсмертіе? Вопросы эти составляютъ центръ и жизненный нервъ человѣческаго знанія: только при болѣе или менѣе удовлетворительномъ разрѣшеніи ихъ все существующее становится намъ понятнымъ, оно перестаетъ быть чѣмъ-то намъ чуждымъ, страннымъ, недостойнымъ существовать и какъ бы несуществующимъ, мы принимаемъ истину его. Въ то же время такое или иное рѣшеніе *въковыль* вопросовъ имѣетъ безусловно опредѣляющее значеніе для жизни, и настоятельно требуется жизнью. Составляетъ ли безусловное знаніе истинную природу знанія? необходимо ли оно, коренясь въ природѣ духа человѣческаго, или случайно? не предпрѣшаемъ этого, но это знаніе—всеобщее, принадлежитъ всѣмъ временамъ, начиная съ древнѣйшихъ и до сего дня, всѣмъ народамъ и всѣмъ ступенямъ образованности, чѣмъ оправдывается поговорка: „всякій человѣкъ философъ“. Безусловное знаніе со свойственными ему приемами и методами мышленія находитъ себѣ мѣсто тамъ даже, гдѣ прямою задачею себѣ ставятъ лишь знаніе относительное, въ точной наукѣ, и отсюда его не могутъ изгнать не смотря на всѣ старанія: такъ глубоко укоренились въ насъ потребность въ безусловномъ знаніи и привычка къ приемамъ его, такъ трудно отдѣлаться, эмансипироваться отъ него (трудность, граничащая съ невозможностью). Что всего замѣчательнѣе, человѣчество всегда сознавало невозможность полного удовлетворенія этой потребности въ безусловномъ знаніи, но это

знаніе ему такъ дорого, что оно не отказывается и отъ самой миниатюрной доли его, хотя бы эта послѣдняя доставалась съ потомъ и кровью.

Что касается другаго вида знанія—условнаго или относительнаго, то оно представляетъ собою противоположность первому. Чтобы яснѣе намъ было это послѣднее, укажемъ существенныя черты относительнаго знанія, т.-е. знанія, которое не можетъ быть въ полномъ строгомъ смыслѣ слова названо знаніемъ и стремится не къ полной абсолютной истинѣ, а къ относительной, неполной. Вопросъ, „что такое вещь“ и ея внутренняя природа не входятъ въ задачи этого вида знанія; главный вопросъ здѣсь *какъ*: какъ существуютъ вещи? какъ происходитъ смѣна явленій? чѣмъ, какими законами она опредѣляется? Знаніе это имѣетъ дѣло лишь съ отношеніями вещей, а не съ самими вещами, а потому и называется относительнымъ. Истина для него известна только какъ *отношеніе*, вещь—какъ отношеніе (прежде всего къ нашему сознанію, а потомъ къ другимъ вещамъ), словомъ, оно имѣетъ дѣло съ истинною и бытіемъ условнымъ, которыя не могутъ быть равны самимъ себѣ, суть нѣчто измѣняющееся съ переменною внѣшнихъ отношеній вещи, истина вещи ищется не въ ней, а внѣ ея, въ ея отношеніи къ другой, и всякій разъ перестаетъ быть истинною съ переменною этого отношенія, т.-е. здѣсь истины въ полномъ смыслѣ слова не существуетъ. Пояснимъ это примѣромъ. Бытіе мы представляемъ себѣ какъ совокупность предметовъ. А что такое предметъ? Совокупность признаковъ? а признакъ? *Ничто иное, какъ отношеніе этого, т.-е. всякаго даннаго предмета къ другому.* Говоря: *жельзо имѣетъ тяжесть*, мы говоримъ собственно только, что земля притягиваетъ жельзо; говоря: *- жельзо тяжело*, мы сравниваемъ степень притяженія землею жельза со степенью притяженія ею другихъ тѣлъ. Говоря: *жельзо плавится*, мы выражаемъ лишь отношеніе между огнемъ и жельзомъ; называя жельзо предметомъ матеріальнымъ, занимающимъ мѣсто въ пространствѣ, мы выражаемъ только отношеніе жельза къ нашей рукѣ, т.-е. констатируемъ фактъ, что жельзо мѣшаетъ нашему движению, что наша рука въ него упирается; цвѣтъ жельза, наконецъ, есть лишь отношеніе между свѣтовымъ лучемъ, самимъ жельзомъ, его отражающимъ, и сѣткою нашего глаза. Вообще, вся-

кій признакъ есть лишь отношеніе и всякій предметъ лишь совокупность отношеній; предметъ внѣ своихъ признаковъ (т.-е. его сущность) намъ неизвѣстенъ. При этомъ всякій данный, опредѣленный предметъ не есть *постоянная* совокупность отношеній, истина его условна, относительна. Дѣло въ томъ, что мы никогда съ увѣренностью не можемъ признать какой бы то ни было признакъ въ предметъ постояннымъ, неизмѣннымъ, всегда присущимъ ему. Твердость желѣза при дѣйствіи огня исчезаетъ, нѣтъ его мѣняется, вѣсь его на землѣ одинъ, а на Сатурнѣ будетъ другой. Химія называетъ теперь желѣзо простымъ элементомъ, но кто знаетъ, не удастся ли его разложить завтра? Какой же признакъ въ желѣзѣ можно назвать постояннымъ, если вѣсь они мѣняются или могутъ измѣниться? Слѣдовательно, въ понятіи мы соединяемъ не неизмѣнные признаки предмета, а только тѣ, которые при обыкновенныхъ условіяхъ обитаемой нами планеты являются наиболее постоянными, такъ, напр., въ понятіе ртути у насъ входитъ признакъ жидкости; даже и подъ словомъ вода мы непременно разумѣемъ жидкость, хотя каждая зима наглядно убѣждаетъ насъ, что вода можетъ быть названа столько же жидкимъ, сколько и твердымъ тѣломъ. Чѣмъ болѣе мы изучаемъ предметы природы, тѣмъ болѣе открываемъ фактовъ измѣненія тѣхъ признаковъ, которые казались намъ наиболее постоянными. Въмѣстѣ съ тѣмъ измѣняются и наши понятія о предметахъ. Характернымъ признакомъ условнаго знанія слѣдуетъ признать отсутствіе въ немъ *необходимости*, въ противоположность знанію безусловному. Это—прямое слѣдствіе основной природы относительнаго знанія, которое не претендуетъ на *пониманіе, постиженіе* вещей и равнодушно къ вопросу: *что такое?* Мы говоримъ, напр., что понимаемъ желѣзо, когда сумѣемъ перечислить его признаки; однако же ясно, что мы здѣсь ровно ничего не понимаемъ, или по крайней мѣрѣ, что между пониманіемъ, что такое желѣзо, и пониманіемъ, что такое треугольникъ, есть большая разница. Въ понятіи треугольника признаки вытекаютъ необходимо изъ сущности предмета; признаковъ этихъ не можетъ быть ни больше, ни меньше, и они не могутъ быть другими; словомъ, они необходимы, иначе треугольникъ не будетъ треугольникомъ. Совершенно не такъ мы понимаемъ желѣзо. Между цвѣтомъ желѣза

и его тяжестью у насъ нѣтъ никакой необходимой связи; желѣзо могло бы быть нѣсколько легче или нѣсколько тяжелѣе, имѣть больше или меньше упругости и т. п. Мы не понимаемъ необходимости соединенія признаковъ, составляющихъ наше понятіе о желѣзѣ, потому что мы не понимаемъ внутренней природы, сущности этого предмета. Точно также мы не понимаемъ *причинной необходимости*. Собственно говоря, мы вполне постигаемъ причину только тѣхъ явленій, которыхъ причиною мы сами являемся: книга была на одномъ столѣ и очутилась на другомъ, и причину этого явленія я вполне постигаю, потому что я самъ переложилъ книгу; видя же напр., что за нагрѣваніемъ тѣла слѣдуетъ его расширеніе, за охлажденіемъ уменьшеніе объема и т. п., я тутъ ничего не понимаю, а только замѣчаю послѣдовательность явленій, и явленіе предшествующее называю причиною, а явленіе послѣдующее — слѣдствіемъ, когда замѣчаю, что они идутъ выветъ и именно въ томъ же порядкѣ. Будутъ ли они всегда слѣдовать въ томъ же порядкѣ — этого мы, не постигая внутренней природы вещей, не знаемъ, а только *отрицаемъ*, что должно быть будутъ; и во всякомъ случаѣ, не выходя изъ самой вещи, не можемъ, не имѣемъ права собственно говорить и о причинности. Вопросъ *почему*, такимъ образомъ, чуждъ относительному знанію. Отсутствіе необходимости въ относительномъ знаніи, наконецъ, обуславливается тѣмъ, что оно не допускаетъ изслѣдованія первичныхъ и конечныхъ причинъ по самой природѣ своей относительности, не допускаетъ вопросовъ *откуда* и *зачѣмъ*? Оно принимаетъ бытіе въ томъ видѣ, каково оно есть, безъ дальнѣйшихъ разспросовъ, иначе перестало бы быть знаніемъ относительнымъ. Само бытіе въ томъ видѣ, какъ оно есть, не говоритъ намъ, ни откуда оно произошло, ни зачѣмъ произошло, не говоритъ даже, произошло ли вообще или же вѣчно. Для рѣшенія этихъ вопросовъ должно выйти за предѣлы самого бытія, а существенный признакъ безусловнаго знанія это — объясненіе вещи не изъ ея самой, а изъ безусловнаго начала: безусловное знаніе, чтобы постигнуть вещь, выходитъ за саму вещь и, выходя за вещь, находитъ вещь, а условное хочетъ найти вещь, не выходя изъ нея, и не находитъ. Понятно, что бытіе безъ начала и конца, цѣли будетъ представляться намъ случайнымъ, непонятнымъ, неразум-

нымъ. Другой признакъ условнаго знанія—его объективность, апостеріорность въ противоположность безусловному—субъективному и апіорному. Эта оригинальная особенность вытекаетъ изъ различія источниковъ того и другого знанія: въ безусловномъ источникъ знанія преимущественный — внутренній опытъ, самосознаніе, наше я съ прирожденными ему принципами и категоріями мышленія, въ условномъ—внѣшній опытъ и наблюденіе. Въ безусловномъ знаніи міръ объясняется изъ самосознанія, макрокозмъ изъ микрокозма, міросознаніе опредѣляется самосознаніемъ; оно стремится понять міръ изъ я, міра внутренняго, и такимъ образомъ признаетъ я мѣрою всѣхъ вещей, такъ въ самомъ мірѣ нѣтъ ничего, что говорило бы за существованіе субстанцій, но мы представляемъ міръ какъ совокупность отдѣльныхъ, опредѣленныхъ предметовъ или субстанцій по образцу своей души, субстанціальность которой непосредственно очевидна намъ во внутреннемъ опытѣ или самосознаніи. Тоже должно сказать и въ отношеніи къ причинамъ первичнымъ, конечнымъ (цѣлымъ) и дѣйствующимъ: идеи о нихъ берутся изъ внутренняго опыта и переносятся наружу—въ міръ. Условное знаніе, напротивъ, я ставитъ въ зависимость отъ міра, самосознаніе хочетъ опредѣлить изъ міросознанія, чловѣка понять, понявъ прежде внѣшній міръ. Эти особенности условнаго знанія (эмпирическаго) и безусловнаго (теологическаго и метафизическаго) слѣдующимъ образомъ показываются у Льюиса ¹⁾: безусловное знаніе „смотритъ на міръ съ субъективной точки зрѣнія, т.-е. объясняетъ всѣ космическія явленія посредствомъ аналогій съ нашими собственными чувствами и воспріятіями; другое—подчиняетъ чловѣка законамъ, управляющимъ внѣшнимъ міромъ, и утверждаетъ, что разгадать себя мы можемъ только послѣ того, какъ разгадаемъ различныя свойства вещества, проявляющіяся въ природѣ“... Безусловное знаніе основано „на древнемъ предположеніи, что чловѣческій умъ составляетъ нормальную мѣру всѣхъ вещей; (оно) приравнива-

¹⁾ «Г. Г. Льюисъ и Д. С. Милль. Огюсть Контъ и положительная философія». Перев. Неклюдова. С.-Петербургъ 1867. Цитаты мы будемъ дѣлать по этому сочиненію, отмѣчая лишь страницы и имя автора трактата. Льюисъ 178—179.

еть законъ идеѣ и вселенную подчиняеть человеку“. У Милля²⁾: „всеобщій признакъ метафизическаго вида мышленія... состоитъ въ привычкѣ *пробою* или *нормою* вѣшной истины ставить чистое произведеніе ума, а въ абстрактномъ выраженіи признанныхъ вѣрованій—видѣть основаніе и доказательство, оправдывающія ихъ“. Рассмотрѣнную особенность можно въ концѣ концовъ свести къ основнымъ особенностямъ абсолютнаго знанія и условнаго: первое объясняетъ вещь выхода за саму вещь, вторая—не выхода изъ самой вещи. Наконецъ, можно указать еще одну характеристическую черту въ томъ и другомъ видѣ знанія: абсолютному знанію свойственна цѣльность, а относительному чужда она: послѣднее, напротивъ отличается отрывочностью, механичностью, оно есть знаніе только фактическое, отрывокъ безъ начала и конца, нѣчто само по себѣ лишенное смысла. Это, конечно, зависитъ отъ того, что относительное знаніе не имѣетъ дѣла съ причинами конечными и первичными, внутреннею природою вещей, вообще чуждается вопроса „что такое? не претендуетъ на *постиженіе* и *пониманіе*; *постигать* же всякую вещь и все бытіе мы можемъ только какъ нѣчто цѣльное, начало и конецъ чего намъ даны. Міръ, бытіе, котораго происхожденіе, природа, цѣль намъ неизвѣстны, не можетъ намъ казаться чѣмъ-нибудь цѣльнымъ, понятнымъ: это—что-то такое расплывающееся, неуловимое, безконечный рядъ конечныхъ явленій; въ нашемъ сознаніи бытіе невольно раздробляется на безконечную совокупность явленій, поставленныхъ кѣмъ-то и для чего-то въ отношенія послѣдовательности, преемственности. Видимъ, что одно явленіе здѣсь слѣдуетъ за другимъ, почему, зачѣмъ, почему явленія смѣняются вотъ такъ, а не иначе—не знаемъ. Не знаемъ даже, всегда ли они будутъ такъ смѣняться: законъ, т.-е. математическая формула, выражающая постоянное и необходимое отношеніе между явленіями, лишь пустой звукъ для знанія относительнаго; всегда ли и вездѣ ли будутъ вѣрны положенія „притяженіе обратно пропорціонально квадрату разстояній“, „уголъ паденія равенъ углу отраженія“ и т. п.—не знаемъ. Не безъ основанія Льюисъ видитъ связь между понятіемъ закона и безусловнымъ знаніемъ и рекомен-

²⁾ Стр. 66.

дуетъ даже выбросить изъ науки этотъ терминъ, потому что законъ есть „только болѣе уточненная, болѣе обозначенная форма сверхъестественной силы, которой въ теологической періодъ приписывали владычество надъ всѣми вещами, „которая и вихрями, и бурей управляла“. Если динаръ говорить, что бурю управляетъ демонъ, то не говорить ли человекъ науки, что ею управляетъ законъ? Развѣ эти два воззрѣнія не тождественны²⁾? Законы ни болѣе ни менѣе, какъ только общіе факты, только *faits généraux* по Ог. Контю, т.-е. обыкновенно всегда и вездѣ бываетъ такъ, что притяженіе дѣйствуетъ обратно пропорционально квадратамъ разстояній. Сказать что-нибудь болѣе этого мы не имѣемъ права. Послѣ всего этого относительному знанію ничего еще не остается, какъ только изучать явленія въ ихъ преемственной послѣдовательности, узнавать внѣшнія условія и причины ихъ, показывать, *когда* и *какъ* имѣеть мѣсто извѣстное явленіе; затѣмъ заниматься совершенно механическою рассортировкою предметовъ и явленій природы на группы, классы по ихъ сходству, словомъ—изучать неподвижную сторону бытія, статическую или сосуществованіе предметовъ, брать ихъ въ пространственномъ отношеніи, и—подвижную сторону бытія, динамическую, и послѣдовательность, преемственность предметовъ, брать ихъ со стороны исторической, временной. Настоящее и прошлое міра, какъ онъ существовалъ и отчасти—какъ будетъ существовать, какъ существуетъ теперь—вотъ предметы относительнаго знанія. Откуда міръ, зачѣмъ, что онъ такое, какой смыслъ и какая вообще необходимость во всемъ этомъ неустановомъ теченіи вещей—остается для него *terra incognita*, бытіе—загадкой, таинственнымъ сфинксомъ, чѣмъ-то безъ начала и конца, отрывкомъ изъ книги. Знаніе относительное, законное и естественное свое мѣсто имѣеть въ области точной, естественной науки: дѣло ея только описывать бытіе и объяснять,—классификація и законы, соответственно статическому и динамическому элементамъ въ бытіи. Этотъ видъ знанія не можетъ притязать на всеобщность, какъ безусловное, и по времени и по объему. Ог. Контъ, Милль и Льюисъ утверждаютъ, что только въ позднѣйшемъ (третьемъ) періодѣ исторіи ясно

²⁾ Стр. 59. См. еще 58. 61 и д. .

обозначился этотъ видъ знанія, а въ двухъ первыхъ гораздо длиннѣйшихъ по времени онъ совершенно заслонился безусловнымъ (теологическимъ и метафизическимъ); кромѣ того еще утверждаютъ, что и теперь знаніе относительное не составляетъ всего содержанія сознанія человѣческаго, что знаніе безусловное и условное существуютъ совмѣстно, гораздо богѣе: знаніе условное и теперь только въ зачаточномъ состояніи, оно даже не основалось прочно въ точныхъ наукахъ и нѣтъ ни одной науки, гдѣ бы не было примѣсей безусловнаго знанія ⁴⁾, кромѣ астрономіи. По всеобщности научное знаніе никакъ не можетъ идти въ сравненіе съ безусловнымъ, особенно религіознымъ: первое достояніе небольшихъ кружковъ и отдѣльныхъ лицъ, а второе—масса. Мало того, и для отдѣльныхъ кружковъ ученыхъ и для каждаго ученаго порознь наука не составляетъ всего содержанія сознанія ихъ, въ ней не видится имъ *всего* знанія, оно дополненіе только къ безусловному: наука не мѣшаетъ ученымъ быть въ тоже время религіозными и философами. Въ историческихъ примѣрахъ подобнаго совмѣщенія обоихъ видовъ знанія (Ньютона, Лейбница, Гёте, Декартъ, Паскаль и пр.) нѣтъ надобности: явленіе это—обычное. Напомнимъ однако здѣсь, что самъ Милль, защитникъ относительнаго знанія, не находитъ ничего неприличнаго для относительнаго знанія, еслибы оно обратилось и къ безусловному опособу объясненія явленій — идеѣ Бога Творца и Управителя міра, и недоволенъ Контомъ, не допускающимъ этой идеи, видитъ со стороны Конта *ошибку* въ данномъ случаѣ: онъ долженъ былъ бы, по Миллю, вопросъ о Богѣ Творцѣ и Промыслителѣ оставить открытымъ ⁵⁾.

Что касается вопроса о цѣнности относительнаго знанія, какую ему придаетъ человѣчество, то отвѣтъ на это дается уже въ фактъ его малораспространенности. Прямые факты исторіи даѣе свидѣтельствуютъ, что люди относительное знаніе цѣнить низко, выше всего ставятъ абсолютное, особенно религіозное: относительное знаніе мало видѣло страдальцевъ за себя, мучениковъ, у науки мало было Галилеевъ, у религіи—цѣлыя вѣка мучениковъ и героевъ, и религіозное знаніе есть един-

⁴⁾ Льюисъ 88. См. еще. 40—41. 42. 57—58. Милль: 21—22, 31, 48.

⁵⁾ См. 16 стр.

ственное знаніе, за которое человѣкъ охотно отдаетъ свою жизнь, изъ-за него земля не разъ обогрѣлась кровію. Цѣнность знанія относительнаго дѣйствительно такова, что она никакъ не можетъ быть поставлена наряду съ цѣнностью безусловнаго: первая—практическая, вторая—теоретическая. „Наука есть знаніе законовъ природы. Это знаніе единственное рациональное основаніе человѣческой дѣятельности. При его помощи человѣкъ предусматриваетъ, какіе будутъ результаты тѣхъ или другихъ самопроизвольныхъ явленій, и какими средствами можетъ онъ произвести иной, болѣе для себя выгодный результатъ. Наука даетъ возможность *предусматривать*, и *предвидѣніе* ведетъ къ дѣйствию. Отсюда связь науки съ искусствомъ“⁶⁾ т.-е. съ промышленностію. Такъ опредѣляется значеніе науки знанія относительнаго у Льюиса. Но практическое значеніе знанія не относится къ существу его, случайно въ немъ, есть нѣчто добавочное по общему сознанію людей или, какъ говорятъ теперь, лучшаго меньшинства ихъ, истинныхъ представителей человѣчества: для нихъ знаніе прежде всего важно какъ знаніе, важна теоретическая сторона его, къ которой собственно сводится и вся основная суть его. Такъ Ог. Контъ истинную цѣнность науки видитъ не въ ея практической сторонѣ или „функции“, какъ выражается Льюисъ⁷⁾, но въ теоретической. „предостерегаетъ насъ, чтобы мы не теряли изъ виду ея высшей функции—*удовлетворенія первой потребности нашей природы*“. Контъ принадлежитъ нѣсколько прекрасныхъ строкъ въ защиту знанія какъ знанія, какъ средства, удовлетворяющаго первую потребность нашей природы,—любопытность. „Какъ бы ни были велики заслуги наукъ для индустріи, (ибо, по мѣткому выраженію Бэкона, знаніе рождаетъ силу), мы однако не смѣемъ забыть, что прямая и болѣе благородная задача ихъ состоитъ въ удовлетвореніи основной потребности нашего разсудка,—именно знать законы явленій. Чтобы понять всю силу и глубину этой потребности, нужно только на минуту припомнить физиологическія дѣйствія удивленія и принять во вниманіе, что напостраннѣйшее ощущеніе, какое только мы можемъ испытывать, происходитъ

⁶⁾ Стр. 46.

⁷⁾ Тамъ же.

въ томъ случаѣ, когда какое-нибудь явленіе повидимому оказывается въ противорѣчіи съ законами природы, съ которыми мы свыклись... Если бы непреодолимая сила нашей умственной организациі сама собою не задерживала въ ученыхъ односторонне утилитарныя, нынѣ модныя, тенденціи—ограничивать научныя изслѣдованія только ихъ практическою цѣлью, то и эта послѣдняя цѣль, ради которой пожертвовали бы чисто-теоретическою, не достигалась бы, ибо важнѣйшія практическія примѣненія науки всегда получаютъ начало въ теоріяхъ, которыя возникали лишь изъ одной научной цѣли и сплошь да рядомъ въ продолженіи тысячелѣтій обрабатывались безъ всякаго пракческаго результата. Замѣчательный примѣръ этого можно видѣть въ прекрасныхъ умозрѣніяхъ греческихъ математиковъ о коническихъ сѣченіяхъ, которыя послѣ длиннаго рода поколѣній способствовали къ оживленію астрономіи и къ возведенію искусства мореплаванія на ту степень совершенства, какого оно достигло въ послѣднее время и какого оно никогда бы не достигнуло безъ чисто-теоретическихъ работъ какого-нибудь Архимеда или Аполлонія, такъ что Кондорсэ въ отношеніи къ этому справедливо могъ сказать: „Матросъ, который обезпеченъ отъ крушенія морскаго точнымъ наблюденіемъ долготы, дѣлается обязанъ жизнію своею какой-нибудь теоріи, изобрѣтенной двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ гениальными людьми, которые ничего не имѣли въ виду, кромѣ чисто-геометрическихъ построеній“ *) Контъ немного, даже очень немного сѣзидилъ объемъ любознательности, но пока дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что онъ главнымъ образомъ знаніе цѣнитъ по той мѣрѣ, по какой оно служитъ удовлетворенію любознательности, потребности самаго знанія. Послѣ этого понятіе для насъ будетъ низкая цѣнность относительнаго знанія, которое собственно отказывается даже быть знаніемъ и удовлетворять вѣчно неутомонной, необъятной любознательности, необъятному спросу на знаніе истинно цѣнное безусловное или просто на знаніе, потому что всегда лучшее меньшинство въ немъ только видѣло знаніе истинное въ полномъ смыслѣ этого слова. Это соображеніе не должно навлечь на насъ упрекъ въ томъ, что въ данномъ случаѣ мы не съ-

*) Comte, Cours de philosophie positive, t. I. p. 51 etc.

умѣли или не хотѣли стать на точку зрѣнія Ог. Конта,—нѣтъ: мы хотимъ стать на точку зрѣнія универсальную, всего чело-вѣчества. А оно-то именно въ лицѣ своихъ истинныхъ пред-ставителей низко цѣнить относительное знаніе и—нѣтъ ничего страннаго—предпочитаетъ представителей безусловнаго знанія представителямъ знанія условнаго. Слава чело-вѣчества—не мел-кіе труженики—специалисты, эти трудолюбивыя пчелки, не спо-собныя выдти за свою специальность, для которыхъ весь міръ сходится въ ихъ специальности, которые всю жизнь могутъ пре-спокойно, съ полнымъ сознаніемъ важности своего дѣла и сво-его назначенія, заниматься изслѣдованіемъ какой-нибудь одной букашки или даже крылышекъ ея,—нѣтъ: это только рабочая или чернорабочая сила въ наукѣ, это только ремесленники науки, готовящіе матеріалъ для ней, а слава науки, истинные хозяева ея—философы, тѣ, кто понимаютъ значеніе всякой букашки и всѣхъ ихъ вмѣстѣ, которые способны на широкія обобщенія, которые могутъ открывать людямъ новые горизонты мысли, но-выя идеи, которые учатъ людей и объясняютъ людямъ жизнь. Человѣчество гордится Сократами, Паскалями, Гумбольдтами, Гетѣ и имъ подобными; чело-вѣчество можетъ гордиться и самими Контомъ, Миллемъ, Литтре (хотя этими уже менѣе), поскольку оно обязано имъ свѣтлыми идеями, великими обобщеніями, ге-ніальными указаніями и замѣтками, въ общей сложности способ-ствующими къ лучшему пониманію, къ большей разгадкѣ жизни. Контъ все это понималъ можетъ-быть лучше всякаго; онъ ука-залъ же на вредъ, какой приноситъ самой наукѣ ея излишнее, сдѣлавшееся необходимымъ съ теченіемъ времени въ видахъ ея же лучшей разработки, дробленіе т.-е. призналъ такъ или иначе необходимымъ для ученаго въ то же время быть и философомъ, способнымъ съ одного взгляда объять бытіе какъ нѣчто цѣльное, а въ недостаткѣ цѣльности, свойственной точной наукѣ и харак-теризующей, какъ видѣли, знаніе безусловное,—обстоятельство, дѣлавшее, по мнѣнію Конта, для богослововъ и метафизиковъ борьбу съ позитивною философіею болѣе надежною и легкою *). Съ цѣлью устраненія этого обстоятельства Ог. Контъ и при-думалъ философію наукъ или такъ называемую *іерархію наукъ*;

*) Cours de philos. posit. 1. I, 26 etc.

рѣчь о которой будетъ ниже. Контъ могъ проповѣдывать относительное знаніе, но самого его оно не могло удовлетворять, какъ не удовлетворяло всегда великихъ людей: Контъ оставался философомъ, а во вторую половину своей жизни и особенно къ концу ея не только философствовалъ, но даже ужъ „зафилософовался“ (припомните одну его *religion de l'humanité*, его „Système de politique positive“). Философскій складъ умовъ Милля и Льюиса не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Если относительное знаніе не выражаетъ истинной природы знанія и не есть, по общему сознанію, знаніе въ строгомъ и полномъ смыслѣ, и если, напротивъ, тѣмъ же общимъ сознаниемъ все это приписывается, да и вообще говоря должно быть приписано знанію безусловному, единственно способному удовлетворить чловѣка; то чѣмъ же объяснить нерѣдкіе случаи предпочтенія, отдаваемого знанію относительному передъ безусловнымъ, и даже исключительнаго, по крайней мѣрѣ стремящагося къ исключительности, господства перваго? Кромѣ весьма возможныхъ случайныхъ условій къ преобладанію знанія относительнаго надъ безусловнымъ (въ ограниченномъ кругѣ людей) можно указать постоянныя причины, сравнительно поднимающія его цѣнность, въ самомъ чловѣкѣ, внутреннія причины.

1) Ограниченность ума, въ известной мѣрѣ свойственная всѣмъ, и дѣлающая для насъ знаніе безусловное болѣе труднымъ, чѣмъ условное. Слабые умы эту трудность принимаютъ за доказательство негодности знанія безусловнаго; для нихъ эмпирическое знаніе, знаніе конкретное, наглядное гораздо убѣдительнѣе: ихъ въ этомъ случаѣ, помимо головы, могутъ убѣждать самые глаза, уши, руки и т. п. Понятно, успѣхи относительнаго знанія виднѣе и замѣтнѣе, чѣмъ безусловнаго; здѣсь прогрессъ больше и это-то особенно сбиваетъ многихъ съ толку; они выводятъ отсюда: значить, относительное знаніе единственно только и имѣетъ право на существованіе. Имъ никакъ не удается понять, что знаніе трансцендентное, безусловное, требуетъ для себя не одного ума, но всего чловѣка, и его прогрессъ является только какъ результатъ прогресса цѣльной личности во всѣхъ отношеніяхъ (въ томъ числѣ и въ отношеніи къ знанію условному); оно является всегда плодомъ цѣльнаго развитія личности и идетъ параллельно его развитію. Это есте-

ственно: истина не есть что-нибудь внѣшнее для человѣка. *До истины нужно дорости, доразвиться, сдѣлаться достойнымъ ея*: нужно хорошо жить, чтобы хорошо знать, больше жить, чтобы больше знать и понимать. Способность *понимать* дается вовсе не книгою, но жизнью, и стоитъ въ связи съ безграничною совокупностью всевозможныхъ условій. Вълѣдствіе только непониманія или незнанія этого многіе позволяютъ себѣ бранить другихъ за непониманіе, незнаніе, позабывая часто, что можетъ быть бранять себя, можетъ быть—въ нихъ самихъ мало условій къ знанію и пониманію. Соблазнительнъ для многихъ и споръ представителей знанія безусловнаго о способахъ и путяхъ къ познанію истины, ибо одни говорятъ, что къ истинѣ ведетъ только вѣра, другіе—только разумокъ, третьи считаютъ недостаточною и одну вѣру, но требуютъ еще сверхъ-естественной помощи—Откровенія Божественнаго, четвертые утверждаютъ необходимость разсудка и вѣры вмѣстѣ, пятые считаютъ невозможнымъ ихъ соединеніе и потому исключаютъ то вѣру, то разумокъ, а тѣ отстаиваютъ возможность ихъ совмѣщенія и вотъ завязывается безконечный вѣковой споръ объ отношеніи вѣры и разума, науки и Откровенія и т. п. Между тѣмъ въ естественной наукѣ, въ относительномъ знаніи все такъ просто и такъ прочно, обо всемъ давно договорились—и наука мирно и безпрепятственно катится по гладкому пути, дѣлая постоянныя приобрѣтенія и умножая свое богатство... Сравненіе обоихъ видовъ знанія въ этомъ отношеніи не можетъ идти въ пользу безусловнаго знанія: какъ можно имѣть довѣріе къ нему, когда еще не договорились, да и нѣтъ повидимому надежды договориться о методахъ и способахъ знанія? Можетъ быть весь много споръ вѣковой о томъ, какими путями узнать истину, основанъ на недоразумѣніи, хотя не мѣсто здѣсь говорить объ этомъ. Дѣло не въ этомъ. Зачѣмъ спорить? Зачѣмъ дѣлать еще хуже того: смотрѣть какъ спорять? Не лучше ли познавать? Пусть же всякій познаетъ тотъ, какъ *можетъ* и какъ *хочетъ*, а не ждетъ отъ другихъ, какъ они ему велать или посовѣтуютъ познавать. Сдѣлайте такъ и увидите, какое чудо послѣдуетъ. Сперва много путей къ знанію будетъ практиковаться,—чуть ли не столько же сколько познающихъ людей, ибо какъ всякій живетъ по своему такъ и знаетъ по своему, какъ всякій индивидуаленъ въ жизни

и какъ характеръ, такъ индивидуаленъ и въ знаніи и какъ ученый, философъ и т. п., вообще-познающій субъектъ. Но въ концѣ концовъ, всѣ придуть къ одному источнику знанія—Богу. Не мѣшайте только людямъ прибавить свои силы, не стѣсняйте ихъ и дайте знать каждому только такъ, какъ онъ можетъ, и только въ такой мѣрѣ, въ какой можетъ.

2) Оцѣнка и выборъ знанія зависитъ также отъ общей настроенности людей, общаго склада ихъ симпатій, стремленій, вообще направленія воли: оно можетъ быть *идеальнымъ* и *практическимъ*. Для человѣка практическаго въ родѣ Петра Ивановича „Обыкновенной исторіи“ Гончарова, такого человѣка, у котораго все сокровище здѣсь, въ этой области относительнаго, безусловнаго, подъ формами ли религіи, искусства, или философіи, не можетъ имѣть никакой цѣнности, а равно и его знаменіе трансцендентное, безусловное. Вся исторія и жизнь за это.

3) Тоже дѣлаетъ привычка упражнять и занимать свою мысль на понятіяхъ изъ области относительнаго, другими словами—исключительно одностороннее занятіе естествознаніемъ. Не само конечно естествознаніе виновато въ этомъ, и намъ гораздо понятнѣе Ньютоны, при имени Бога снимающіе шляпу, чѣмъ Лапласъ, хвалившійся тѣмъ, что побывалъ во всѣхъ краяхъ вселенной и не нашелъ тамъ Бога; намъ понятнѣе Бэконъ, утверждавшій, что истинное знаніе природы приближаетъ къ Богу, а не удаляетъ отъ Него; понятнѣе Льюисъ ¹⁰⁾, говорящій: астрономія „не подавить, а укоренить религію. Не отыщется ни одного смертнаго, котораго бы звѣздное небо не наводило на религиозные помыслы... послѣдній изъ людей, взирая на звѣзды, въ глубинахъ своей благоговѣйной души повторить стихъ Псалмопѣвца:

Небеса повѣдаютъ славу Божию!»

всѣ они понятнѣе намъ, чѣмъ Ог. Контъ, ¹¹⁾, когда онъ говоритъ: „Для умовъ, рано ознакомившихся съ истинно-философскою астрономіею, небеса не возвѣщаютъ иной славы, кромѣ славы Гиппарха, Кеплера, Ньютона, и всѣхъ, кто помогали

¹⁰⁾ Стр. 101.

¹¹⁾ Льюисъ 96, 27.

установленію ихъ законовъ". Виновато не естествознаніе само по себѣ, а устройство нашего ума, его узкость природная, способность опредѣляться въ методахъ и выборѣ предметовъ привычкою: намъ легко работается тамъ, гдѣ мы постоянно работаемъ, и эту работу мы любимъ. То же здѣсь. Намъ дорого относительное, потому, что оно намъ доступно, мы къ нему привыкли, природа дороже самого человѣка, потому что она намъ понятнѣе и ближе. „Чѣмъ дольше мы останавливаемся на окружающемъ насъ“, говоритъ Гётѣ¹²⁾, „чѣмъ болѣе наблюдаемъ его и въ немъ принимаемъ участіе, тѣмъ менѣе начинаемъ мы цѣнить себя и общество“ (desto schwächer wird das Gefühl unsers eignen Werthes und d. Gefühl d. Gesellschaft). Только крѣпкимъ умамъ и счастливымъ натурамъ дается стать выше этой слабости нашего разсудка.

Для должной и правильной оцѣнки позитивизма важно опредѣленіе его истинной природы, а она вполне опредѣляется его происхожденіемъ: появленіе позитивизма обусловлено необыкновеннымъ развитіемъ и успѣхами естественныхъ наукъ, главнымъ образомъ, за послѣднее время. На вопросъ, что такое позитивная философія? Каро совершенно справедливо отвѣчаетъ: „это—позитивная наука, дополненная отрицаніемъ“¹³⁾. Позитивизмъ кромѣ знанія естественно-научнаго никакого еще не хочетъ, безусловное знаніе считаетъ недоступнымъ и рѣшительное сужденіе объ объектахъ его отъ себя отстраняетъ, его содержаніе вполне совпадаетъ съ содержаніемъ точной науки—кромѣ того, что онъ еще беретъ на себя его защиту. Это—та же наука, только присвоившая себѣ исключительность, хлопочущая на право исключительнаго къ себѣ вниманія и потому относящаяся съ отрицаніемъ ко всему тому, что не наука,—къ метафизикѣ и религіи,—особенно за то, что неправильное примѣненіе ихъ часто вредило успѣху ея. И ранѣе Кюнта наука въ лицѣ Ньютона, Галилея, Бэкона, Джемса Милля, Гамильтона, Бентама и др.¹⁴⁾ хорошо создала всѣ условія для своего преуспѣянія, но никогда изъ-за злоупотребленія метафизикою и религіею не отрицала самой метафи-

¹²⁾ «Willhelm Meister» VI. 2, S. 82.

¹³⁾ «Э. Литтре и позитивизмъ» «Русск. Мысль» 1883 г., ч. 2, р. 219.

¹⁴⁾ См. Милля, 8—10 стр.

зник и религiи и занималась своимъ дѣломъ въ своихъ границахъ, не претендуя на какое-нибудь исключительное положенiе. Чѣмъ же объясняются въ позитивизмѣ подобное отрицанiе и подобная исключительность? Этому способствовали можетъ-быть неудовлетворительное состоянiе метафизики, социальныхъ условiй, необыкновенное развитiе естественной науки, могли дѣйствовать всѣ причины, предрасполагающiя къ исключительному вниманiю въ пользу относительнаго знанiя. Что мать позитивизма—естествознанiе, это видно уже и изъ позитивно-реальнаго направлениа или склада ума ея представителей О. Конта, Милля, Льюиса, Г. Спенсера (последняго впрочемъ, строго говоря, нельзя причислить къ позитивизму); всѣ они — естествовѣды. Далѣе всюду въ ихъ сочиненiяхъ въ разнообразныхъ формахъ сказывается ихъ необыкновенно-теплая, доходящая до увлеченiя, привязанность къ точной наукѣ: все въ ней ихъ соблазняетъ, прельщаетъ. Кажется, что только съ этой точки зрѣнiя на позитивизмъ, какъ на защитника интересовъ естествознанiя, какъ на *естественно-научную дисциплину* возможна только правильная оцѣнка его, только съ этой точки зрѣнiя получаютъ правильный смыслъ и должную цѣнность два представленiя имъ и единственныя основанiя въ пользу его гносеологическаго принципа: познавать только относительное, а о безусловномъ отказываться что-либо знать и утверждать что-либо рѣшительно. Разборъ ихъ лучше всего покажетъ истинную природу позитивизма и чего онъ стоитъ; покажетъ, что позитивизмъ лишь наука, взявшаяся не за свое дѣло и потому ничего въ немъ не сдѣлавшая.

По самой своей природѣ позитивизмъ не могъ считаться съ безусловнымъ знанiемъ его же оружиемъ; отъ того въ немъ только и есть два основанiя за себя, характера чисто-эмпирическаго. Однако такое положенiе позитивизма по многимъ причинамъ нельзя считать особенно для него удобнымъ, обосновка его становится вълѣдствiе этого очень слабою и шаткою, чего не могъ не сознавать и самъ позитивизмъ. Этимъ объясняется, что по мѣстамъ онъ выходитъ за себя, перестаетъ быть собою, т.-е. представляетъ за себя соображенiя метафизическаго характера, какъ это увидимъ скоро. Эта невозможность отъѣхать на почву своего противника, что легко дѣлаетъ съ своей стороны послѣднiй, дѣлаетъ счеты съ позитивизмомъ дѣломъ не особенно

легкимъ и приятнымъ. Сверху того серьезности и искренности счетовъ съ позитивизмомъ не мало можетъ пріятствовать все жъ его нѣсколько гордое, свысока снисходительное отношеніе ко всему, что не онъ: вѣдь онъ — вершина культуры, а метафизика и религія — только приготовительныя ступени къ нему. Кстати спросить здѣсь однако, какъ это вяжется съ основнымъ принципомъ позитивизма, — его *нейтральностью*? Вообще, какъ примирить позитивный фазисъ ума, поставленный въ столь исключительное положеніе, съ мыслью, что можетъ-быть и метафизика и религія правы, а мы только не можемъ знать этого навѣрное? Эти внутреннія противорѣчія и несогласіе позитивизма съ самимъ собою въ принципахъ, дѣлающія невозможнымъ опредѣленіе истиннаго характера отношенія его къ вамъ (дѣйствительно ли онъ гордится передъ вами или лишь хочетъ быть ни тѣмъ, ни другимъ — ничѣмъ въ отношеніи къ вамъ?) — не вытекаютъ ли они изъ какой-нибудь въ самомъ началѣ допущенной имъ важной фальши? Не есть ли онъ въ самомъ дѣлѣ скрытое отрицаніе, отрицаніе про себя, слишкомъ все рѣшившее догматически и давнымъ-давно? Предположеніе весьма естественное. Но тогда разумѣется не было бы позитивизма, а было бы какое-то безхарактерное и трусливое отрицаніе, замаскированный и лицемерный матеріализмъ... Во всякомъ случаѣ указанныя колебанія и двусмысленное отношеніе позитивизма къ безусловному знанію требуютъ для себя объясненія, и едва-ли лучшее этого намъ дадутъ...

Переходимъ къ оцѣнкѣ основаній его.

Еслибы въ законѣ о трехъ фазисахъ умственнаго развитія слова „умственнаго развитія“ подмѣнить „научнаго развитія“, то не могло бы быть *почти* никакихъ возраженій противъ него: онъ хорошо выражалъ бы собою историческій ходъ нашихъ знаній о природѣ, историческаго развитія точной науки и былъ бы полезенъ для нея въ практическомъ отношеніи, онъ имѣлъ бы смыслъ; но онъ теряетъ смыслъ и должную цѣнность, когда хочетъ быть универсальнымъ закономъ всего вообще умственнаго развитія. Правильное пониманіе и оцѣнка Комтова закона возможны только при первой точкѣ зрѣнія.

Законъ этотъ утверждаетъ, что все наше знаніе, всякая наука и даже всякая отдѣльная вѣтвь ея, болѣе — всякая идея прохо-

дять три ступени въ своемъ развитіи, переходя отъ низшей (теологической), гдѣ знаніе носить характеръ религіозный, ибо явленіямъ дается объясненіе религіозное—къ болѣе совершенной ступени (метафизической), гдѣ мысль стремится объяснять явленія помимо религіозныхъ идей, но не имѣя большого запаса точныхъ знаній, получаемыхъ изъ наблюденія и опыта, даетъ объясненіе явленіямъ произвольное, апіорное, не выходящее изъ живаго и непосредственнаго изученія явленій, а отъ этой переходной ступени доходить до послѣдней, окончательной и самой совершенной—до вѣнца умственнаго развитія (позитивной), гдѣ все существующее хочеть быть объяснено только однимъ опытомъ и наблюденіемъ, и знаніе получаетъ вполнѣ объективный характеръ, отвергнувъ субъективный методъ двухъ предшествующихъ ступеней. На первой ступени интеллектуальнаго развитія все объясняется дѣйствіями и вѣдѣтельностью живыхъ существъ, преимущественно боговъ: „въ теологическомъ періодѣ, на природу смотрять какъ на арену, гдѣ произвольныя желанія и минутныя прихоти верховныхъ существъ разыгрываютъ свои разнообразныя и измѣнчивыя роли“¹³⁾. Чудо—господствующее объясненіе въ этомъ періодѣ, понятія о неизмѣнности законовъ природы очень смутны или ихъ почти вовсе нѣтъ. Вотъ примѣръ объясненій изъ этого періода. Затмѣніе солнца здѣсь объясняется тѣмъ, „что будто бы нѣкій драконъ проглотилъ солнце“, заразу въ лагерь Агамемнона „устрашенная армія приписываетъ гнѣву оскорбленнаго Аполлона, мстящаго за обиду своего жреца метаніемъ стрѣлъ изъ серебрянаго лука“ и вообще гдѣ желанія объясняются не неизмѣнными законами, а измѣнчивою волею, тамъ нужно видѣть теологическій способъ воззрѣнія на природу. „Когда люди вѣрятъ, что если вы „желаете чего-нибудь“ глядя на пѣгую лошадь, то желаніе сбудется; когда они вѣрятъ, что если тринадцать лицъ еядуть за обѣдъ, то одно изъ нихъ умретъ до истеченія года; когда они вѣрятъ, что кого укуситъ собака—тотъ будетъ страдать водобоязнью, если вполсѣдствія собака впадетъ въ эту болѣзнь; когда они вѣрятъ, что извѣстное созвѣздіе будетъ управлять

¹³⁾ Льюисъ 30.

ихъ судьбами: они въ теологическомъ періодѣ, они считаютъ природу безконечно-измѣнчивою¹⁶⁾. Въ метафизическомъ состояніи ходъ вещей представляется уже чѣмъ то постояннымъ, неизмѣннымъ, идея неизмѣннаго порядка явленій здѣсь находитъ себѣ мѣсто; но явленія эти объясняются такъ же субъективно и произвольно, какъ въ предшествующемъ фазисѣ: независимо отъ вещей существующія живыя существа переносятся теперь въ самыя вещи подъ видомъ разныхъ силъ, сущностей, способностей, которыя дѣйствуютъ въ вещахъ; очевидно, все это—лишь замаскированные боги перваго періода и олицетворенныя отвлеченія, произвольныя измышленія ума. Ртуть стремится занять пустое мѣсто въ очищенной отъ воздуха трубкѣ не вслѣдствіе давленія на нее воздуха, а вслѣдствіе того, что „природа не любитъ пустоты“, здѣсь дѣйствуетъ „horror vacui“ (боязнь пустоты). Такъ же метафизичны термины „духъ“, „жизненное начало“, vis inertiae въ матеріи (сила инерціи), химическое „средство“ и т. п. Кеплеръ былъ метафизикомъ, когда думалъ, „что правильность планетныхъ движеній была слѣдствіемъ того, что планеты одарены умами, которые могутъ дѣлать наблюденія надъ воображаемымъ діаметромъ солнца и регулировать свои движенія такимъ образомъ, чтобы описывать дуги пропорціональныя временамъ“¹⁷⁾. Льюисъ приводит слѣдующій примѣръ на три періода виствѣ въ воззрѣніи на уродства. Сперва уродство объяснялось наказаніемъ Божиимъ или же дѣйствіемъ діавола (теологическая точка зрѣнія): потомъ природою самаго зародыша, который, предполагалось, потенциально напередъ заключалъ въ себѣ все, „что могло изъ него послѣдовательно развиться“; наконецъ, приостановкою или задержкою въ развитіи зародыша (позитивная)¹⁸⁾. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что разсмотрѣнный законъ до известной степени точно выражаетъ послѣдовательную смѣну точекъ зрѣнія или методовъ въ наукѣ о природѣ, естествознаніи, что первоначально дѣйствительно наука прибѣгала къ помощи религіи, потомъ философіи, но лишь тогда только стала на надлежащую

¹⁶⁾ Льюисъ 31.

¹⁷⁾ Льюисъ 32.

¹⁸⁾ Ibid. 35.

твердую почву, когда прибѣгла къ помощи точнаго метода—наблюденія и опыта. Вѣрно, что безусловное знаніе—древнѣе научнаго, религія и философія—науки. Къ точному и тщательному изученію природы человѣкъ могъ обратиться лишь по прошествіи извѣстнаго времени, онъ сперва долженъ былъ обратиться къ знанію безусловному, даннымъ для котораго находились въ немъ самомъ и были ближе ему, чѣмъ природа, а потомъ уже могла его занимать и природа. Но на первыхъ порахъ, не владея большимъ запасомъ наблюденій и опыта, онъ ищетъ объясненія всему въ религіи, въ себѣ самомъ, ибо самъ себѣ человѣкъ гораздо понятнѣе. Дикарь, ребенокъ, необразованный человѣкъ олицетворяютъ природу; они объясняютъ ее аналогіями съ собою, да и гдѣ же взять было бы имъ другихъ объясненій, когда они еще не познакомились съ нею? Недостатокъ знаній повтому всегда заставлялъ людей возмѣщать его религіозными представленіями или же представленіями дѣтскаго, сказочнаго свойства. Таими объясненіями пробалблется можетъ быть большинство и теперь. Съ теченіемъ времени, съ развитіемъ мыслительной силы и нѣкоторымъ накопленіемъ знаній могла уже появиться метафизическая точка зрѣнія на явленія природы; метафизика совпадаетъ съ тою порою науки, когда умъ человѣческой почувствовалъ свои силы, но еще за неимѣніемъ надлежащаго запаса знаній долженъ былъ объяснять вещи произвольно своими построеніями, отчасти еще по непривычкѣ спрашивать саму природу. Ученые умы той метафизической поры въ наукѣ можно было бы поставить въ параллель съ людьми, которыхъ бранятъ теперь философами, т. е. глупцами, которые мало знаніе и нежеланіе трудиться надъ приобрѣтеніемъ его хотятъ покрыть своимъ умничаньемъ. Конечно въ то время философіею злоупотребляли не по глупости, а потому что кругъ точныхъ знаній былъ еще очень не широкъ, чтобы всегда въ немъ самомъ можно было изыскать для объясненія явленій удовлетворительныя начала; чтобы стать вполнѣ точною, наукѣ еще нужны были микроскопы, телескопы, компасы и т. п., а для всего этого требовалось время и время не малое. Да и теперь еще не пришла, по сознанію самихъ позитивистовъ, пора для науки въ точномъ смыслѣ этого слова: она еще далеко не emancипировалась отъ привычки къ прежнимъ методамъ, она прак-

требуетъ ихъ тамъ, гдѣ въ нихъ вовсе нѣтъ никакой надобности. Что такое напр. психологія? По мнѣнію большинства это только часть метафизики и только немногіе сумѣли сдѣлать различіе между чисто-научнымъ ея элементомъ и философскимъ, отключивъ вопросы о сущности души, ея безсмертіи и т. п. къ области философіи, а на долю науки психологіи оставивъ классификацію психическихъ явленій и изслѣдованіе ихъ законовъ. Психологія ничего не приобретаетъ, а только теряетъ, принимая философскую оболочку. Эта мысль лежитъ въ основаніи единственно-научной психологіи англійской эмпирической школы, да и эта школа подчасъ измѣняетъ своему принципу, выходитъ за границы науки и получаетъ метафизическій оттѣнокъ. Во многихъ другихъ наукахъ тоже смѣшеніе двухъ элементовъ—научнаго и философскаго; но только тогда науку можно поздравить съ полнымъ успѣхомъ, когда въ ней будетъ произведено строгое различіе между философскимъ и чисто-научнымъ элементомъ, когда она вообще станетъ въ правильныя отношенія къ религіи и философіи.

Однако Коитъ далъ уже слишкомъ широкія рамки своему закону и изъ правильнаго наблюденія въ области исторіи науки сдѣлалъ слишкомъ широкое обобщеніе ко всему объему человеческого сознанія, объявивъ преемство методовъ или способовъ возрѣнія въ наукѣ о природѣ за преемство направленій или состояній всего интеллектуальнаго сознанія вообще, объявивъ философію и религію временными состояніями сознанія только, признавъ право на существованіе за одною наукою. Нужно было слишкомъ осердиться на религію и философію, чтобы на основаніи неправильнаго примѣненія ихъ къ наукѣ, злоупотребленія ими и исходящаго отсюда вреда для послѣдней, отвергнуть ихъ въ чистѣ неповинныя религію и философію, которыя существовали и существуютъ сами по себѣ независимо отъ науки, имѣя свое особое содержаніе и свои собственныя задачи. Только по какому-то недоразумѣнію дано Коитову закону значеніе доказательства за его основной гносеологическій принципъ, утверждающій законность одного лишь относительнаго знанія: безусловное знаніе или религія съ философіею нисколько не страдаютъ отъ Коитова закона, не устраниются имъ; какъ

явленія человеческого сознания самостоятельныя, имѣющія свое содержаніе и свои задачи, они даже и не затрагиваются закономъ; *ибо онъ касается лишь отношенія религіи и философіи къ наукѣ, а не самой религіи и философіи.* Слѣдующія соображенія покажутъ, что законъ Ог. Конта не касается религіи и философіи самихъ по себѣ, а имѣеть въ виду только ихъ отношеніе къ наукѣ.

1) Определенія, какія даются Конттомъ религіи и метафизикѣ, очень узки и не обнимаютъ ни сущности ихъ, ни всего ихъ дѣйствительнаго содержанія или формъ, въ какихъ онѣ проявляются. Прежде всего, что касается религіи, она вовсе не есть *объясненіе явленій природы*, въ ней не одинъ только интеллектуальный элементъ: религія стремится удовлетворить не одной лишь интеллектуальной, но и всѣмъ другимъ (нравственнымъ и эстетическимъ) потребностямъ духа. Она не знаніе — это вѣрѣ, тѣмъ болѣе — не теорія, и смѣшно представлять себѣ разныя исторически сложившіяся религіи теоріями, которыя человекъ по мѣрѣ надобности придумывалъ для объясненія явленій съ теоретическою цѣлью. Такъ и сказывается въ этомъ воззрѣніи на религію, какъ на теорію, и на вѣрующаго людей, какъ на ученыхъ-теоретиковъ, кабинетный ученый, для котораго весь міръ сходится въ науки и выше которой онъ ничего не знаетъ. Взглянуть на религію какъ на знаніе высказанъ былъ еще у Гегеля и обоснованъ гораздо лучше. Онъ уже достаточно давно опфненъ и намъ нѣтъ надобности повторять. Укажемъ здѣсь лишь на то обстоятельство, что съ этой точки зрѣнія никакъ нельзя объяснить самыхъ существенныхъ и общихъ всѣмъ религіямъ явленій, лучше — ни одно явленіе какъ слѣдуетъ не можетъ-быть объяснено. Какъ можетъ подойти подъ Конттову религію *молитва*? На это достаточно только указать — безъ дальнѣйшихъ объясненій. Вообще, какъ понять нравственный и сердечный элементъ, несомнѣнно составляющій центральное ядро всякой религіи, ея несомнѣнно жизненно-практическій характеръ при Конттовомъ объясненіи религіи? Религія — не знаніе, а отношеніе человека къ Богу, выраженіе живаго стремленія человека къ живому единенію съ Безконечнымъ Существомъ. Только этимъ опредѣляемъ обнимаются всѣ виды и формы религіи, поочер-

пывается все содержаніе религіознаго сознанія въ человѣчествѣ. Подъ Коитово опредѣленіе религіи не подходят ни одна религія въ частности; ни одна изъ нихъ не оговывается теорією. Если иногда люди пользуются религіозными представленіями для объясненія явленій, то это только потому, что религія дѣйствительно имѣетъ ихъ, въ ней есть интеллектуальный элементъ, но она далеко не исчерпывается имъ. Всякая религія отвѣчаетъ на вопросы о началѣ видимаго міра, о его концѣ, о томъ, что движетъ жизнью его, объ участіи Божественной силы въ природѣ и т. п.; но большая часть религіозныхъ представленій, предлагаемыхъ къ объясненію явленій, получаютъ интеллектуальный характеръ лишь случайно, не имѣя его сами по себѣ внутри самой религіи; такъ идея объ Ильѣ-Громовникѣ, напримѣръ, получила лишь путемъ произвольнаго перенесенія представленія о пророкѣ Иліи, имѣющемъ свое самостоятельное мѣсто въ системѣ религіозныхъ вѣрованій, на явленія физическія. Отсюда слѣдуетъ, что если громъ и молнію простолюдины объясняютъ тѣмъ, что пророкъ Ілія ѣздитъ по небу на огненной колесницѣ, никакъ нельзя утверждать: Ілія выдуманъ для объясненія грома. Примѣровъ подобныхъ можно было бы привести множество,—примѣровъ, конечно строго обоснованныхъ исторически. Еслибы нѣсколько повнимательнѣе Коитъ проанализировалъ случаи, гдѣ религіозныя идеи объясняютъ явленія, то онъ не пришелъ бы къ своему опредѣленію религіи. При этомъ не можетъ не показаться страннымъ, что Коитъ не потрудился провѣрить свою теорію фактами. Еслибы во время процесса самой работы надъ теорією Коиту во всей ясности предстала бы хоть одна какая-нибудь религія, то думается, онъ позаботился бы о другой теоріи. Извѣстнѣйшія религіи индійская, буддійская, магометанская и христіанская никакъ не подойдутъ подъ Коитову религію, какія бы ни дѣлались для этого натяжки. Индійская религія, по которой все существующее только случайное ничтожество, и особенно буддійская, конечная цѣль которой уничтоженіе всего бытія, Нирвана—вовсе ужъ не объясненія явленій видимаго міра, когда имъ тошно вразумать даже одно его существованіе; тутъ не до объясненій, есть лишь одно отрицаніе, но отрицаніе—вовсе не объясненіе даже хотя бы въ смыслѣ Коитовомъ. Еще

менѣе подойдетъ христіанская, которая тоже равнодушно или отрицательно относится въ феноменальной конечной дѣйствительности (1 Іоан. 2, 15 — 17), задачи которой носятъ вполне трансцендентный характеръ, по существу своему она есть искупленіе, освобожденіе отъ недостатковъ, неустройства и зла, которыми полно все существующее, что мы называемъ міромъ или природою (Рим. 8, 21—23). Мало-мальски знакомый съ Евангеліемъ никогда не скажетъ, чтобы Христосъ приходилъ къ людямъ для того, чтобы позаняться съ ними естествознаніемъ, объясненіемъ явленій природы. Во всякомъ случаѣ еще никто не осмѣлился, да и не осмѣлится по самой природѣ дѣла представить намъ и объяснить христіанство, какъ натуреилософскую систему, или по частямъ хоть, напримѣръ отдѣльные догматы его, какъ воплощеніе, воскресеніе, Троичность Лиць, объяснить съ Контровой точки зрѣнія. Магометанская религія не менѣе, кажется, индійской равнодушна къ міру, хотя въ иномъ видѣ, и столь же мало можетъ поощрять умъ къ научнымъ занятіямъ, строго разъ навсегда рѣшивъ, что все въ мірѣ опредѣлено напередъ Богомъ, и нечего значить доискиваться, отчего и почему бываетъ то-то и то-то, ибо „чему быть, того не миновать“. Фатализмъ магометанина изъ области практической волеиневолей переносится и въ теоретическую, въ знаніе. Припомнимъ, что Кораномъ занятіе медициною строго воспрещается.

Законъ Конта точно также не имѣетъ въ виду и метафизику саму по себѣ въ ея отношенія къ наукѣ, ибо всякому, хотя немного знакомому съ исторіею философіи, извѣстно, что метафизика вовсе не заключается въ объясненія явленій „какими-нибудь апріористическими, прирожденными или приданными сущностями“²¹⁾, которыя называются то силами, то способностями, то внутренними свойствами и стремленіями предметовъ. Не много-таки системъ подойдетъ подъ это опредѣленіе Конта; это конечно и объясняетъ то обстоятельство, что ему приходилось употреблять терминъ „метафизическій“ въ противорѣчій съ его опредѣленіемъ метафизики,—въ тѣхъ случаяхъ, когда по его не

²¹⁾ Льюисъ, 28 стр.

могло бы быть никакой метафизики. На это обстоятельство обращает внимание и Милль, которому все-таки хочется удержать Конттово опредѣленіе метафизики для закона о трехъ фазисахъ, устранивъ возраженія противъ неполноты и неточности этого опредѣленія новымъ и болѣе удачнымъ терминомъ: абстрактный или онтологическій²³⁾. Такъ онъ, напр., говоритъ на стр. 28: „... неточнымъ употребленіемъ терминовъ, онъ (Контъ) включилъ въ метафизическій видъ мышленія все то, что принадлежитъ діалектикѣ и отрицательному скептицизму“. Изъ этой одной коротенькой выдержки явствуетъ, что Ог. Контъ самъ не особенно-таки дорожитъ своимъ опредѣленіемъ метафизики. Яснѣе это подтверждаютъ слѣдующія слова Милля на стр. 46: „мы уже имѣли случай указать на склонность Конта употреблять терминъ „метафизическій“ тамъ, гдѣ нѣтъ ничего, что соответствовало бы его опредѣленію этого слова“. Таково же и вотъ это мѣсто на стр. 67: „что бы тамъ ни скрывалось подъ различными именами: революціонная, радикальная, демократическая, либеральная, независимая, скептическая или отрицательная школа или партія въ религіи (sic), политикѣ или философій, — все это сливалось у него въ одинъ терминъ „метафизическій“. Яснѣе дня, что метафизика сама по себѣ вовсе и не нужна для Контова закона, дѣло обходится и безъ нея; не напрасно же Ст. Милль советуетъ совсѣмъ даже выбросить этотъ терминъ и замѣнить его другимъ, который не могъ бы вводить въ заблужденіе, будто въ законѣ идетъ рѣчь о метафизикѣ дѣйствительно. Контъ нужна не самая метафизика, а такъ — лишь малость отъ нея, — способъ возрѣнія на вещи, столько же свойственный метафизикѣ, сколько и религіи, вообще принадлежащій виду безусловнаго знанія, которое, какъ мы видѣли выше, стремится постигнуть вещи не изъ самыхъ вещей, а изъ познающаго ихъ субъекта, объекта (предметъ знанія) опредѣляетъ субъектомъ. Въ этомъ смыслѣ и хочетъ только принять самъ Контъ свой терминъ „метафизическій“. Объ этомъ говоритъ самъ Милль на стр. 66: „всеобщій признакъ метафизическаго вида мышленія, въ томъ смыслѣ слова, какой даетъ ему Контъ, состоитъ въ привычкѣ *пробю* или *нор-*

²³⁾ Милль 11.

мою внѣшней истины ставить чистое произведеіе ума, а въ абстрактномъ выраженіи признаемыхъ вѣрованій — видѣть основаніе и доказательство, оправдывающія ихъ“. *Значитъ* — и эте искѣе самого свѣта — *Контъ беретъ только отношеніе религии и философіи къ наукѣ и именно единственно съ одной этой указанной стороны.* Ему нужно было только сказать, что для науки естественной вредно идти отъ самосовнанія къ вещамъ, что нужно дѣлать наоборотъ и стараться единственно только наблюденіемъ и опытомъ познавать вещи.

2) Дальнѣйшее доказательство того, что Контъвъ законъ не имѣеть дѣла съ самими религіею и метафизикою, а только съ ихъ отношеніями къ наукѣ, должно видѣть въ слѣдующемъ обстоятельстве: онъ не утверждаетъ, что три указанные имъ періода исторически строго слѣдовали въ томъ порядкѣ, въ какомъ они поставлены. Прямо заявляется, что напрасно требовать, какъ это большею частію однако же дѣлается, требовать съ него именно въ этомъ пунктѣ точности, требованіе это показывало бы лишь, что законъ непонятъ. Три эти метода или состоянія интеллекта существовали и существуютъ большею частію совмѣстно, смѣшаны другъ съ другомъ, но такимъ однако образомъ, что позитивный методъ, зародыши котораго даны еще въ метафизическомъ періодѣ, стремится все болѣе и болѣе выдѣлиться изъ этой смѣси элементовъ религіознаго и метафизическаго и постоянно пріобрѣтаетъ все больше и больше силы. Контъ говоритъ: „прогрессъ совершается не строго хронологически“²³⁾. По Льюису „нынѣшнее состояніе науки представляетъ три метода вмѣсто одного“²⁴⁾. Ничего не можетъ быть яснѣе слѣдующихъ выраженій самого Ог. Конта²⁵⁾: не нужно думать, „что въ законѣ развитія, каждый изъ трехъ періодовъ является самостоятельнымъ и исключительнымъ. Напротивъ, теологическій, метафизическій и положительный періоды всегда существовали совмѣстно. Но въ первомъ періодѣ теологія была преобладающимъ элементомъ; во второмъ преобладало

²³⁾ Льюисъ 40.

²⁴⁾ Стр. 42.

²⁵⁾ Льюисъ 57 и 58.

метафизическое; въ третьемъ—положительное воззрѣніе. Зародышъ позитивизма можно открыть даже во время фетишизма, да и къ отвлеченію человѣкъ никогда не былъ абсолютно неспособенъ. Съ другой стороны, положительный періодъ не исключаетъ первоначальныхъ и переходныхъ стремлений ума. Дѣло въ томъ, что эти три періода тѣсно между собою связаны; ибо метафизическій есть переходный періодъ: онъ отчасти и положительный, онъ отчасти и научный. Метафизика соединила края пропасти, лежащей между сверхъестественностью и позитивизмомъ“. Присоединимъ сюда и ясныя заявленія Ст. Милля ²⁶⁾: „уже на ранней ступени прогресса различныя послѣдовательныя положенія ума человѣческаго приходятъ въ другъ друга: фетишизмъ, политеизмъ и метафизическій строй мысли уживались вмѣстѣ въ одномъ и томъ же умѣ. Между тѣмъ върваніе въ неизмѣнные законы, составляющіе основу положительнаго вида мышленія, медленно пробивало себѣ путь по мѣрѣ того, какъ наблюденіе и опытъ шагъ за шагомъ открывали въ классахъ явленій тѣ законы, которымъ они дѣйствительно подчинены. Это-то развитіе положительнаго знанія и обусловило главнымъ образомъ дальнѣйшій переходъ теологическаго пониманія вселенной отъ политеизма къ монотеизму“. „Иные считаютъ ученіе о трехъ послѣдовательныхъ ступеняхъ умозрѣнія и върванія несовмѣстнымъ съ тѣмъ фактомъ, что всѣ онѣ существовали одновременно: какъ-будто бы естественная преемственность охотничьяго, номаднаго и земледѣльческаго состоянія можетъ быть отрицаема тѣмъ обстоятельствомъ, что еще и теперь есть народы—охотники и номады. Что три состоянія были одновременны, что всѣ они старше достовѣрной исторіи и существуютъ другъ подле друга еще въ наше время—это есть прямое положеніе Конта“ ²⁷⁾... При всемъ этомъ однако по необходимости, по природѣ самаго дѣла, позитивизму приходится доказывать и онъ стремится доказать, что все-таки въ концѣ концовъ законъ долженъ вѣрно изображать историческую смѣну состояній интеллекта, по крайней мѣрѣ—въ общемъ: иначе онъ бы не имѣлъ

²⁶⁾ Милль 22.

²⁷⁾ Милль 30.

ниагого значенія. Это-то обстоятельство вѣроятно и вынуждаетъ критиковъ требовать въ настоящемъ случаѣ, не смотря на столь ясныя вышеуказанныя заявленія позитивистовъ, отъ закона того, чего онъ не хочетъ и не общается дать и безъ чего все-таки онъ не можетъ имѣть значенія въ позитивномъ смыслѣ: буквально той послѣдовательности періодовъ, какая указана въ законѣ. Происходить очевидно какая-то путаница. Откуда она? А произошла она оттого, что закону Конта дано такое значеніе, какового онъ не имѣетъ, допущена мысль, что будто онъ касается религіи и метафизики въ ихъ существѣ и потому вѣрно выражаетъ ихъ историческую послѣдовательность, нѣтъ: онъ вѣрно выражаетъ лишь историческую смѣну методовъ въ наукѣ. Здѣсь дѣйствительно поочередно господствовали приблизительно въ этомъ указанномъ порядкѣ три метода, только отсюда могла быть заимствована мысль о такомъ отношеніи религіи, метафизики и науки, какое силится утверждать позитивисты: дѣйствительное наблюденіе не могло навести на подобную мысль, ибо религія, метафизика и наука (отчасти) всегда дѣйствительно существовали и существуютъ совмѣстно и параллельно, не мѣшая другъ—другу, и ничто на будущее время не мѣшаетъ имъ опять существовать совмѣстно: между ними антагонизма нѣтъ, природы ихъ не исключаютъ другъ друга взаимно: въ религіи нѣтъ ничего, что противно было бы наукѣ, въ метафизикѣ—что не ладилось бы съ религіею и т. п. Всѣ онѣ другъ друга пополняютъ и только изъ совокупности ихъ создается полное и основательное знаніе. При всемъ томъ каждое изъ этихъ явленій самостоятельно имѣетъ свои собственные содержаніе и задачи, и это одна изъ причинъ, почему они находятся между собою въ отношеніи сосуществованія, а не преемственности: это не различные моменты одного и того же явленія, но разныя явленія, что понятно безъ разъясненій и конкретныхъ примѣровъ.

Изъ того, что законъ не утверждаетъ и не можетъ утверждать строго-точную послѣдовательность методовъ, какая имъ указана, ибо на опытѣ они существуютъ совмѣстно, вытекаетъ само собою дальнѣйшее доказательство несостоятельности Контта закона, когда ему дается смыслъ несвойственный.

Позитивный элементъ не вступилъ еще въ свои права, религія и метафизика господствуютъ пока всюду, даже въ точныхъ наукахъ, и не говоря уже о социологіи, науки сравнительно менѣе разработанной, позднѣйшей, но и въ другихъ, какъ напр. физика, химія; только одна астрономія лишь вполне свободна отъ чуждыхъ ей примѣсей; можно, такимъ образомъ, сказать, что позитивнаго элемента на самомъ дѣлѣ на опытѣ не существуетъ. По прямому заявленію позитивизма это еще только идеаль, къ которому стремятся человѣчество и наука. Откуда же взята идея о имѣющемъ наступить господствѣ позитивности, которое будетъ окончательнымъ, послѣднимъ и завершительнымъ періодомъ въ развитіе человѣческаго сознанія, болѣе котораго еще не будетъ, которое будетъ *l'état définitif de l'humanité*, если для нея нѣтъ основаній въ опытѣ? Можетъ-быть къ этой идее можно придти, скажутъ, путемъ хоть такого, напр., соображенія: положительный элементъ, правда, еще не получилъ полныхъ правъ гражданства, но онъ все-таки заявляетъ о себѣ сильнѣе прочихъ и видимо постепенно пріобрѣтаетъ все большую и большую силу, такъ что со временемъ окончательно вытѣснитъ религію и метафизику. Но это заключеніе было бы такъ же невѣрно, какъ невѣрно и то, которое утверждаетъ, что люди нѣкогда перестанутъ ѣсть на основаніи того неоспоримаго факта, что съ развитіемъ цивилизаціи замѣчается прогрессивное ослабленіе въ потребности питанія, такъ—какъ растительные инстинкты понижаются въ своей интенсивности въ пользу духовности, нервности. Позитивизмъ, какъ знаніе относительное, не можетъ идти въ своихъ заключеніяхъ дальше того, что есть: строго говоря, для него непозволительно утверждать безусловную истину даже закона тяготѣнія, т.-е. то, что онъ всегда и вездѣ дѣйствуетъ и будетъ дѣйствовать, какъ мы видимъ его у насъ на землѣ въ настоящее время; можно утверждать его истину только относительно ограниченнаго момента времени (настоящаго) и мѣста въ пространствѣ (много—много наша солнечная система). И въ данномъ случаѣ, не измѣняя самому себѣ, все, что могъ бы сказать позитивизмъ, это-то, что мы въ настоящее время переживаемъ позитивный фазисъ, а что религіозный и метафизическій фазисы окончились—это самое большее; но что при всемъ этомъ вовсе нельзя думать, будто

эти послѣдніе фазисы не могли опять вернуться, что быть-можетъ наступитъ за позитивнымъ еще какой-нибудь четвертый фазисъ, а за этимъ опять новый и т. п. Относительно знанію доступно только настоящее и данное, дальше идти оно не имѣетъ права, если хочетъ оставаться вѣрно себѣ самому. Очевидно, идея о l'état définitif de l'humanité получена изъ источника совсѣмъ не позитивнаго, а метафизическаго, это не подлежитъ сомнѣнію. Если ни опытъ ни самъ законъ не даютъ идеи о l'état définitif de l'humanité, если на основаніи ихъ съ такимъ же правомъ можно утверждать, что будетъ за позитивизмомъ четвертый и даже пятый фазисъ, что первые могутъ опять повториться, то идея эта могла получиться лишь только изъ апіорнаго, напередъ рѣшеннаго и догматически-метафизическаго предпочтенія позитивнаго метода передъ религиознымъ и метафизическимъ. Позитивная точка зрѣнія есть лучшая по самой внутренней природѣ своей, она единственно истинная; поэтому позитивность должна быть l'état définitif de l'humanité—вотъ и все. При этомъ конечно самый законъ становится совершенно излишнимъ, и все, что въ позитивизмѣ идетъ за эту идею, только въ послѣдствіи подобрано для оправданія ея, получила же она вовсе не изъ исторіи или опыта: Контъ отъ самой идеи шелъ къ нимъ, а не отъ нихъ къ идеѣ, а потому былъ не позитивистомъ, а только метафизикомъ. По этой же самой причинѣ позитивизма никогда не было и нѣтъ: позитивизмъ есть такая же метафизика, какъ и всякая другая съ тою лишь разницею, что, стыдясь себя, она хочетъ или неволью обманывать и себя, и другихъ.

Что закону Конта не можетъ быть дано такого значенія, какое ему дается, особенно ясно открывается въ примѣненіи его къ исторіи, которую хочетъ объяснить при посредствѣ его Ог. Контъ: законъ этотъ только спутываетъ пониманіе исторіи, но не объясняетъ ея и нужно было много остроумія и напраснаго труда, чтобы проташить черезъ всю исторію и употребить для объясненія *всей* совокупности явленій историческихъ такой законъ, который можетъ имѣть мѣсто лишь только въ области одного лишь изъ безчисленныхъ явленій исторіи—знанія о природѣ, естественной науки. Въ своемъ мѣстѣ постараемся оправдать эту мысль, если будемъ имѣть случай говорить о Контовой

соціологіи или философіи исторіи, а теперь пора къ его классификаціи наукъ или, какъ онъ ее называетъ, *hiérarchie des sciences*.

Въ отношеніи къ Конттовой классификаціи должно сказать то же, что было сказано о законѣ трехъ фазисовъ: истинное и собственное ея значеніе только научно-педагогическое или дисциплинарное. Самъ Контъ по крайней мѣрѣ такъ смотрѣлъ на нее и такова она должна быть по первоначальной его мысли; только въ послѣдствіи его преемниками ея значеніе было превеличено и ей навязанъ смыслъ, какого она не имѣетъ — не только безъ всякой пользы для позитивизма, но и ко вреду, къ подрыву его.

Контъ сознавалъ слабую сторону своей философіи, состоящую въ томъ, что она не можетъ слишкомъ покровительствовать знанію цѣльному или истинно философскому, какъ это мы видѣли выше при изслѣдованіи природы знанія относительнаго. Наука — вотъ все позитивное знаніе, но наука на дѣлѣ существуетъ въ видѣ разнообразнѣйшихъ и безчисленныхъ наукъ отдѣльныхъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ тоже нѣсколько мелкихъ самостоятельныхъ подраздѣленій, а эти опять въ свою очередь выдѣляютъ изъ себя еще мельчайшіе отдѣлы знанія и т. д. Все это другъ друга не знаетъ, существуетъ само по себѣ, не помня своего родства. Такая раздробленность науки и специализація имѣетъ конечно свой разумный смыслъ и необходима въ интересахъ самой же науки: по частямъ она можетъ быть лучше — глубже и полнѣе разработана. Но эта специализація въ такой же мѣрѣ должна была приносить ей вредъ. Такъ — какъ всѣ науки имѣютъ между собою реальную и генетическую связь, то онѣ не могутъ быть успѣшно разработаны въ изолированности своей внѣ своей связи съ другими. Что открытія въ однихъ наукахъ имѣютъ вліяніе на прогрессъ другихъ, которыя повидимому совершенно не относятся къ тѣмъ, это Ог. Контъ хорошо разъяснилъ не однимъ примѣромъ изъ исторіи науки, напр. по его мнѣнію химія не можетъ доказать, что азотъ простое и элементарное тѣло безъ содѣйствія физиологіи и т. п. Возникала волею-неволею надобность парализовать въ наукѣ зло, принимавшее все большіе и большіе размѣры по мѣрѣ того, какъ ея специализація увеличивалась. Контъ, которому

были такъ дороги успѣхи науки, не могъ оставаться равнодушнымъ къ этому печальному въ области ея явленію. Съ соболзнованіемъ онъ замѣчаетъ: „большая часть ученыхъ совершенно ограничиваются уже изслѣдованіемъ одного какого-нибудь болѣе или менѣе обширнаго отдѣла науки, не думая особенно о тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ находится къ общей системѣ позитивнаго знанія частная область ихъ изслѣдованій. Поспѣшимъ найти средство противъ этого зла, прежде чѣмъ оно разросется и глубже пуститъ корни! Позаботимся о томъ, чтобы умъ человѣческій не затерялся въ детальныя изслѣдованія! Не будемъ скрывать отъ себя, что здѣсь главнымъ образомъ кроется слабый пунктъ, на который еще съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ могутъ дѣлать нападеніе приверженцы теологической и метафизической философіи“²¹⁾! Какое же средство нужно было для борьбы съ этимъ зломъ? Требовалось очевидно хотя бы искусственно связать всѣ науки, дать имъ классификацію, которая такъ или иначе выражала бы ихъ связь и служила бы руководствомъ при научныхъ занятіяхъ. Этой цѣли и служитъ Контова классификація. Она располагаетъ науки по совершенно искусственному признаку—по *общности* и *простотѣ* ихъ содержанія; порядокъ общности есть въ то же время порядокъ трудности ихъ изученія, а вслѣдствіе этого и такъ-сказать ихъ историческій порядокъ, хронологическій: науки болѣе простыя и общія должны быть болѣе древними, ранними, а отсюда вытекаетъ, что этотъ порядокъ есть порядокъ совершенства, степени точной разработки наукъ: чѣмъ проще содержаніе науки и чѣмъ древнѣе эта послѣдняя, тѣмъ больше въ ней совершенства и менѣе постороннихъ религіозныхъ и метафизическихъ примѣсей. Наконецъ, нельзя не видѣть, что порядокъ *общности* есть въ то же время до нѣкоторой степени,—хотя по нашему не вполне, далеко не вполне,—порядокъ зависимости наукъ: самыя общія науки или точнѣе, каждая наука не нуждается въ истинахъ слѣдующей за ней науки, но эта, имѣя свое содержаніе и еще содержаніе своей предшественницы, очевидно нуждается въ ея истинахъ, такъ астрономическія явленія совсѣмъ не зависятъ, какъ общія всѣмъ, ни отъ какихъ другихъ и потому астрономія

²¹⁾ Cours de philos. posit. I, 26.

можетъ разрабатываться съ полнымъ успѣхомъ независимо отъ другихъ наукъ, но явленія физическія по той мѣрѣ, по какой въ нихъ замѣшаны астрономическія, уже нуждаются для правдильнаго своего объясненія въ истинахъ астрономіи и т. п. Вся наука у Конта распадается на два большихъ отдѣла: *неорганическая физика* и *органическая*, а эти на слѣдующія пять наукъ: *астрономію*, *физику*, *химию*, *физиологію* и *соціологію*, а въ основѣ всѣхъ этихъ наукъ лежатъ явленія числа или математика, къ которой въ концѣ концовъ сводится все наше знаніе. Этотъ порядокъ наукъ до нѣкоторой степени выражаетъ ихъ дѣйствительный историческій порядокъ. „Безъ всякаго сомнѣнія, очевидно, что такъ какъ раціональное изученіе каждой изъ основныхъ наукъ требуетъ предварительнаго изученія всѣхъ предшествующихъ ей въ энциклопедической іерархіи, то она могла бы сдѣлать какія-нибудь важныя успѣхи и уловить надлежащій характеръ не ранѣе широкаго развитія предшествующихъ наукъ, относящихся къ явленіямъ болѣе общимъ, болѣе абстрактнымъ и менѣе сложнымъ, и независимымъ отъ другихъ“²⁹⁾. На этомъ основаніи самая ранняя и въ то же время самая совершенная наука астрономія, позднѣйшая и менѣе другихъ разработанная—соціологія. Несомнѣнно классификація наукъ Конта имѣетъ практическое достоинство и хорошо отвѣчаетъ той цѣли, для которой предназначена. „Она прямо опредѣляетъ общій планъ вполне научнаго и раціональнаго образованія... Дѣйствительно... прежде чѣмъ предпринять методическое изученіе какой-нибудь основной науки, абсолютно необходимо ознакомиться съ науками, обнимающими тѣ явленія, которыя предшествуютъ ей въ энциклопедической іерархіи, ибо послѣднія всегда сильно вліяютъ на тѣ, законы которыхъ предполагаютъ изучать — натуралисты-философы, предварительно не изучившіе астрономіи, по крайней мѣрѣ съ общей точки зрѣнія; химики, которые, прежде чѣмъ заняться своей наукой, предварительно не изучили астрономіи и затѣмъ физики; физиологи, не подготовившіе себя для специальныхъ трудовъ предварительнымъ изученіемъ астрономіи, физики и химіи, всѣ одинаково не имѣютъ одного изъ основныхъ условій интеллектуальнаго развитія. Этотъ недоста-

²⁹⁾ Льюисъ 52.

тогь еще замѣтите въ томъ случаѣ, когда кто-либо хочетъ по-святить себя положительному изученію социальныхъ явленій и между тѣмъ предварительно не запасся общими свѣдѣніями по астрономіи, физикѣ, химіи и физиологіи... Пока люди не станутъ изучать наукъ въ ихъ естественномъ порядкѣ, что нынѣ случается рѣдко, до тѣхъ поръ научное образованіе не достигнетъ самыхъ общихъ и самыхъ существенныхъ результатовъ³⁰⁾. Со всемъ этимъ нельзя не согласиться до *нѣкоторой* степени, не нужно только преувеличивать значеніе Контовой классификаціи, какъ это обыкновенно дѣлается. Преувеличеніе это прежде всего заключается въ мысли, что науки въ своей исторической послѣдовательности и развитіи шли дѣйствительно и буквально въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ поставлены Контовой классификаціею.

Самъ Милль проговаривается, что „порядокъ, въ какомъ науки слѣдуютъ одна за другою въ линіи, не можетъ во многихъ случаяхъ не представлять историческаго порядка ихъ развитія“.³¹⁾ Однако почему-то онъ не остается при этой скромной и правильной мысли и вступаетъ въ полемику съ Гербертомъ Спенсеромъ, который въ своихъ „Генезисъ науки“ и „Классификація наукъ“ показываетъ пожалуй съ излишкомъ, что Контова классификація не выражаетъ точнаго отношенія между науками, что ихъ отношеніе не іерархическое, а *conversus*, т.-е. взаимная зависимость, поэтому, выходитъ, не только послѣдующія науки нуждаются въ предыдущихъ, но и эти въ послѣдующихъ, такъ астрономія не могла существовать какъ наука до тѣхъ поръ, пока въ физикѣ не открытъ былъ Ньютономъ законъ тяготѣнія. Этотъ фактъ вовсе не устраняется справедливыми въ своемъ родѣ поясненіями, какія дѣлаетъ Милль къ Контовой классификаціи: „Что раннія науки получаютъ помощь отъ позднѣйшихъ—это несомнѣнно вѣрно... Если (по Конту) одна наука исторически предшествуетъ другой,—это не значить, чтобы совершенство первой предшествовало самому скромному началу слѣдующей. Спенсеръ не дѣлаетъ различія между эмпирическою и научною ступенью разработки какой-либо вѣтви знанія... Извѣстная пра-

³⁰⁾ Льюисъ 53—54.

³¹⁾ Милль 38.

вѣльность въ возобновленіи небесныхъ явленій была замѣчена прежде, чѣмъ сдѣланы были особенные успѣхи въ геометріи. Но до тѣхъ поръ пока геометрія не развилась, для астрономіи настолько же было доступно сдѣлаться наукою, насколько возможно заниматься тройнымъ правиломъ прежде сложенія и вычитанія“³²⁾). Все это такъ, но въ томъ то и бѣда для Милля, что Спенсеръ дѣлаетъ различіе между „эмпирическою и чисто научною ступенью разработки науки“, что видно изъ выше представленнаго его примѣра о законѣ Ньютоновомъ. Милль на этотъ разъ думаетъ отдѣлаться отъ этого вѣскаго факта тѣмъ, что относить законъ тяготѣнія совершенно произвольно къ астрономіи, не физикѣ и такимъ образомъ хочетъ поправить Конта (стр. 40--41). Напрасный трудъ: такихъ фактовъ можно указать массу, такъ въ астрономію не могло бы войти ученіе о свойствѣ и составѣ планетныхъ тѣлъ до открытія въ физикѣ законовъ преломленія свѣтовыхъ лучей, до спектральнаго анализа, въ химіи по Конту не могла быть установлена элементарность азота прежде нѣкоторыхъ открытій въ физиологіи и т. п. Наконецъ главное, исторія говоритъ намъ, что науки дѣйствительно слѣдовали не строго въ томъ *порядкѣ*, какой дается имъ по классификаціи Конта. Соціологія, какъ наука, существовала еще давнымъ давно,—гораздо ранѣе, чѣмъ вступили въ научный фазисъ ея Контовы предшественницы—физиологія, даже физика съ химією,—представителями ея могутъ считаться напр. Платонъ съ его „Республикою“ и Аристотель съ „Политикою“; конечно ихъ соціологія не та, что нынѣшняя, но все-таки наука, а не простой сводъ безыскусственныхъ наблюденій и воззрѣній. Медицина, далѣе, на ступени науки хотя бы въ лицѣ Гиппократѣ (ум. 366 до Р. Хр.) существовала раньше тѣхъ наукъ, предварительная разработка которыхъ должна была бы повидимому обуславливать ея появленіе т.-е. физиологіи, также химіи. Все это показываетъ, что Контову классификацію можно принять только съ довольно значительными оговорками, не увлекаясь тѣмъ, что ей удалось объяснить кое-что въ исторіи науки. Указанное преувеличеніе можетъ-быть имѣть своимъ источникомъ чувство благодарности къ Конту за помощь, какую онъ оказалъ

³²⁾ Милль 39. 40. 41.

своею классификаціе наукъ, и такъ или иначе оправдывается имъ; но нижеслѣдующее преувеличеніе, по которому классификація получаетъ несвойственное ей значеніе, ничѣмъ не можетъ быть оправдано: будто классификація имѣетъ не только дисциплинарно-педагогическое значеніе, но и философское. „Съ перваго раза непонятно, какимъ образомъ простая классификація наукъ можетъ помочь не только изученію ихъ, но и сама составляетъ важную часть цѣльнаго ученія: однако же, классификація составляетъ важную часть философіи Кюпта“²³⁾. Это значеніе ея обнаруживается не въ томъ, что она до нѣкоторой степени оправдываетъ преимущество методовъ въ наукахъ, какая утверждается закономъ о трехъ фазисахъ интеллекта, а въ чемъ же? Какою своею стороною она оправдываетъ или доказываетъ гносеологическій принципъ позитивизма, утверждающаго законность одного относительнаго знанія, ограничиваемаго предѣлами наблюденія и опыта? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ послужить слѣдующая выдержка изъ Милля... „болѣе сложныя науки нуждаются не только въ истинахъ наукъ простѣйшихъ и болѣе общихъ, но еще болѣе въ ихъ методахъ“²⁴⁾. По заявленію Льюиса классификація обязываетъ къ одному методу во всѣхъ наукахъ и единство метода въ познаніи есть существеннѣйшій и главнѣйшій по важности результатъ классификаціи (стр. 54—55). Если такъ, то этимъ все связано, что только можетъ быть связано въ пользу позитивизма, т.-е. что область знанія ограничивается относительнымъ. Классификація, по мысли позитивистовъ, съ успѣхомъ устраняетъ ту опасность, которая грозила позитивизму со стороны наукъ, занимающихся человѣкомъ издавна; какъ-то всѣ привыкли къ мысли, что душу человѣческую подъ математику не подведешь, человѣка математикою не исчерпаешь, что законами внѣшней природы человѣка не объяснишь, а объясненіе заключается въ немъ самомъ, что словомъ—естественный методъ для наукъ о человѣкѣ долженъ быть субъективнымъ. А это къ чему повело бы, еслибы позитивизмъ не разоблачилъ этого „предразсудка“? Отвѣтъ ясенъ. Вотъ классификація-то и разоблачаетъ его, она доказываетъ, что знанію нашему нѣтъ

²³⁾ Милль 32.

²⁴⁾ Милль 38.

надобности выходить изъ области относительнаго, что оно даже не терпять ущерба въ объемѣ отъ позитивнаго принципа. Иначе это можно выразить такъ: законъ трехъ фазисовъ утверждаетъ, что наше знаніе должно быть относительно, что ему подлежитъ область наблюденія и опыта, а классификація какъ разъ на выручку ему говоритъ: „да наше знаніе таково и есть, все оно относительно и даже то не подлежитъ изъятію, что повидимому никакъ не подошло бы подъ относительную мѣру,— наука о человѣкѣ; все, что прежде думали объ этой наукѣ,— пустяки: не аристократка она среди другихъ, чтобы для нея еще придумывать особый методъ; всѣ науки равны.“ Знаніе такимъ образомъ конечно упрощается, но простота еще не есть признакъ истины, и самое стремленіе къ простотѣ весьма часто вытекаетъ изъ одного, весьма вредно отзывающагося на знанія свойства ума, которое прекрасно показываетъ Бэконъ словомъ: „Человѣческій умъ по самой природѣ своей слишкомъ склоненъ предполагать въ вещахъ болѣе однообразія, порядка и правильности, чѣмъ онъ находитъ ихъ на самомъ дѣлѣ, и хотя есть безчисленное множество вещей, чрезвычайно отличныхъ отъ всѣхъ другихъ и единственныхъ въ своемъ родѣ, человѣкъ не перестаетъ воображать параллели, соответствія, аналогіи и отношенія, которыя не имѣютъ никакой дѣйствительности“²³⁾. Насколько въ позитивномъ упрощеніи знанія сказалось это свойство ума и насколько вообще обойдется это упрощеніе позитивизму—сейчасъ увидимъ.

Нельзя конечно не замѣтить, что мысль о господствѣ одного метода естественныхъ наукъ во всей области человѣческаго знанія должна быть лишь выводомъ изъ какой-нибудь философской посылки, предполагаетъ состоявшееся философское воззрѣніе на существующее; это воззрѣніе на мѣръ, философское объясненіе его можетъ быть не иначе, какъ только матеріалистическимъ: только матеріализмъ имѣетъ право требовать одного эмпирическаго метода для всей совокупности человѣческаго знанія. Дѣло въ томъ, что единство метода безспорно предполагаетъ качественное единство познаваемаго, однородность по существу познаваемыхъ предметовъ: если къ явленіямъ психическимъ, какъ

²³⁾ «Novum Orgn.». L. I. Aphor XLV.

и къ физическимъ, приложимы математическія вычисления, то очевидно, между тѣмъ и другими нѣтъ никакого различія по существу, тѣ и другія матеріальны, потому что только матеріальное можетъ подлежать мѣрѣ и счету. Если задушевное *pius desiderium* позитивизма въ отношеніи къ наукѣ заключается въ томъ, чтобы довести ее до той степени совершенства, когда она могла бы свести всю совокупность явленій къ одному какому-нибудь закону или „общему факту“, напр. тяготѣнію и разсматривать всѣ явленія какъ только видоизмѣненія этого факта и различныя формы дѣйствій этого закона, то очевидно, что позитивизмъ не дѣлаетъ и не видитъ никакого различія въ желаніяхъ, все сводитъ къ матеріальному и потому превращается въ материализмъ. Итакъ, чтобы утверждать законность своей мысли относительно метода, позитивизмъ долженъ выдти за предѣлы самого себя т.-е. уничтожиться, превратившись въ материалистическую метафизику. Возникаетъ вопросъ, дѣйствительно ли позитивизмъ есть материалистическая метафизика? Но прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо показать, что классификація наукъ Конта сама по себѣ не заключаетъ никакихъ данныхъ для этой материалистической мысли о господствѣ одного эмпирическаго метода въ наукѣ. Классификація наукъ есть только классификація—и больше ничего, она никакъ не можетъ претендовать на какое-нибудь философское значеніе и, если какъ мы видѣли, съ грѣхомъ пополамъ объясняетъ отношеніе наукъ другъ къ другу, то тѣмъ менѣе можетъ претендовать на объясненіе реального отношенія между вещами, быть объясненіемъ всего существующаго. Она есть искусственное расположеніе, группировка явленій, съ практической лишь цѣлью, на основаніи отвлеченной логической категоріи, по признаку общности въ ихъ содержаніи; слѣдовательно, она располагаетъ явленія не въ порядкѣ ихъ реальныхъ (дѣйствительныхъ) отношеній, но произвольно навязаннаго имъ признака (общности), и вырываетъ явленія изъ ихъ натуральной связи, произвольно выбирая ихъ и выдѣляя изъ живаго конкретнаго единства, какое представляетъ изъ себя бытіе, совокупность явленій. Она механична и поэтому не можетъ быть объясненіемъ дѣйствительно существующаго: она располагаетъ явленія въ порядкѣ случайномъ, механическомъ и

искусственномъ, живое бытіе превращено въ крайне искусственный механическій рядъ явленій, ничѣмъ реально несвязанныхъ. Можно снизу одно за другимъ выбрасывать звенья этого рода и предшествующія отъ этого не страдаютъ: каждое звено существуетъ замкнуто, само по себѣ, не нуждаясь въ слѣдующемъ за собою другомъ. Откиньте социологію, физиологію, химию—остальныя группы и не почувствуютъ этой операціи, они довлѣютъ себѣ—и міръ Контювъ, (если предполагать за его классификаціей какой-нибудь реально-философскій смыслъ) настолько же какъ и прежде будетъ намъ понятенъ или, лучше, не понятенъ, представить ли себѣ его разорваннымъ на двѣ половины, откинуть ли отъ него половину, третью, четвертую часть и т. д. Онъ какъ ящерица: разбей его хоть на девять частей, —каждая часть еще будетъ двигаться и жить. Въ животныхъ низшихъ эта живучесть отдѣльныхъ частей зависитъ отъ ихъ сравнительно слабого развитія нервной системы, отъ отсутствія одного нервнаго центра и существованія нѣсколькихъ самостоятельныхъ нервныхъ центровъ (узловъ). Но міръ—не ящерица, въ немъ есть какой-то центръ, въ немъ есть какое-то органическое единство, онъ—живое единство безконечнаго разнообразія конкретныхъ явленій и нельзя представлять себѣ дѣло такъ, что здѣсь—только механическій рядъ явленій, которыя можно выбрасывать такъ, что другія не терпятъ отъ этого ни малѣйшаго измѣненія; выбросьте человека—и природа измѣнится, главное, она будетъ не понятна, сдѣлайте измѣненіе въ одномъ какомъ-нибудь уголкѣ мірозданія—и это отзовется на всемъ мірозданіи. Бытіе представляетъ связанное единство явленій, изъ которыхъ каждое нуждается въ другомъ, въ другомъ находитъ свою полноту, законченность и смыслъ, а не въ замкнутомъ, изолированномъ и эгонистическомъ существованіи: поднимаясь отъ явленій болѣе общихъ и восходя къ болѣе сложнымъ, бытіе приобретаетъ все большую и большую полноту содержанія и жизни, его абстрактное растетъ, съ каждою ступенью наполняется содержаниемъ и достигаетъ наибольшей законченности, совершенства и полноты въ человѣкѣ. Здѣсь абстрактное получаетъ свой истинный смыслъ и достигаетъ истины и полноты своего существованія лишь въ конкретномъ; здѣсь, въ дѣйствительномъ

бытія, замѣтно движеніе вещей къ большему совершенству, къ законченной формѣ существованія; развитіе, бытіе не есть нѣчто оцѣпенѣлое и окристаллизовавшееся въ своей неподвижности: оно—жизнь, развитіе, діалектической прогрессъ. А въ Конттовомъ мірѣ нѣтъ ни начала, ни конца (цѣли), нѣтъ ни низшаго, ни высшаго,—и о жизни, напр. ничего нельзя сказать, кромѣ того, что это явленіе сложнѣе химическихъ; бытіе представляетъ какое то мертвое безразличіе составляющихъ его частей, какую то лавочку, гдѣ вещи чинно разставлены по полкамъ, аккуратно разнумерованы, гдѣ о вещахъ можно сказать только, что вотъ эта имѣетъ такой-то №, а вотъ эта вещь—новая, другая и имѣетъ вотъ такой-то №, и все-таки лавочникъ затрудняется, когда его спрашиваютъ, какая вещь лучше. Словомъ, лишне было бы требовать отъ классификаціи какого-либо *объясненія* бытія: это только искусственная группировка наукъ съ цѣлью практическаго ихъ лучшаго изученія, и можетъ быть нѣсколько другихъ классификацій, тогда какъ философія или объясненіе должно быть одно. И данная Конттова классификація могла бы и, строго говоря, должна была бы имѣть другой видъ, еслибы Контъ совершенно произвольно не началъ съ метафизики, а началъ бы, какъ слѣдовало бы по признаку общности, съ логики, которая должна была бы служить исходнымъ пунктомъ ряда наукъ. Математика поставлена Конттомъ во главу наукъ потому, что она содержитъ въ себѣ самыя абстрактныя и общія свойства, самыя чистыя и безусловныя приемы логическаго сужденія, она есть примѣненіе, ея конкретная наука (Контъ, какъ извѣстно, дѣлитъ науки попарно: абстрактная, занимающаяся законами извѣстной области явленій, и конкретная, рассматривающая эти законы въ дѣйствительномъ осуществленіи, ихъ примѣненіе, напр. могутъ быть такія науки: математика и астрономія, физиологія и зоологія съ ботаникою, психологія и исторія. Понятно, что въ классификацію могли войти науки лишь абстрактныя какъ самыя простыя и общія). Но почему же не должны бы предшествовать логическіе законы самому этому примѣненію ихъ—такимъ же точно образомъ, какъ математика предшествуетъ астрономіи, первому конкретному примѣненію ея? Такимъ образомъ классификація Конта совершенно произвольна. Во всякомъ случаѣ за ней нельзя при-

знать какого-либо философскаго значенія, какъ того хотѣлось бы Миллю. Самъ Контъ не претендовалъ на это. онъ не скрывалъ ея механическаго характера, когда строго требовалъ воздерживаться отъ того, чтобы объяснять явленія послѣдующія, болѣе сложныя, предыдущими, болѣе простыми, сводить первыя къ этимъ, напр. явленія органическія къ химическимъ, человѣка разсматривать какъ животное, животное какъ растеніе, растеніе какъ химическій продуктъ, химическій процессъ только какъ механический и т. д. Въ стремленіи къ такому единству онъ справедливо видѣлъ матеріализмъ.

Однако на дѣлѣ и Контъ, и его послѣдователи совсѣмъ не слѣдуютъ этой справедливой мысли о самостоятельности явленій, ихъ „несводимости“ (Irreductibilität): они подтягиваютъ всѣ явленія къ одному матеріальному началу и требуютъ для всѣхъ наукъ одного метода. Конечно, прямо выразиться было бы неловко и стыдно; поэтому они говорятъ только о зависимости явленій другъ отъ друга, напр. въ слѣдующемъ родѣ: „зависимость наукъ только и можетъ вытекать изъ зависимости соответствующихъ явленій“³⁶⁾,... „Какая же зависимость различныхъ наукъ между собою? Зависимость эта можетъ лишь опредѣляться взаимною зависимостью соответствующихъ явленій“³⁷⁾; или: „отношеніе, дѣйствительно существующее между различными родами явленій“³⁸⁾ и т. д. въ этомъ родѣ. Но дѣло въ томъ, что разумется подъ этими выраженіями? То ли, что каждая наука сужаетъ послѣдующую своими истинами, въ которыхъ эта нуждается постольку, поскольку въ нее входитъ кое что изъ содержанія ея предшественницы? Нѣтъ, она главнымъ образомъ нуждается въ ея методѣ (Милль 38), а это значить, что содержаніе ея тоже по существу, что и у предшественницы, только дано въ *иной формѣ*; зависимость значить сводится къ тождеству. Дѣлается это безъ всякихъ основаній. Все, что можно было бы сказать, это только то, что каждая наука въ правѣ искать помощи въ истинахъ

³⁶⁾ Льюисъ 46.

³⁷⁾ Ibidem 47.

³⁸⁾ Милль 35.

предшествующей для той своей стороны, которая имѣетъ отноше-
 шеніе къ предшествующей, напр. наука о жизни—въ законахъ
 химіи, поскольку въ явленія жизни (органическія) приводятъ
 химическія. Но методъ вовсе не зависитъ отъ предшествующей
 науки. Если явленіе жизни есть дѣйствительно *новое* и ориги-
 нальное, то оно хотя и нуждается для полноты своего понима-
 нія въ химіи, однако налагаетъ свою новую печать на всю группу
 явленій, какими занимается біологія, что непремѣнно предпола-
 гаетъ необходимость новаго способа ихъ изслѣдованія, иного
 къ нимъ отношенія. Если въ исторія койчто объясняется астро-
 номією, физикою, химією и физиологією (Бокль, Драперъ, К.
 Риттеръ и Гюйо), то было бы однако напраснымъ трудомъ весь
 объемъ историческихъ явленій подводить подъ законы физиче-
 скихъ и стремиться всю исторію объяснить тѣмъ способомъ
 исключительно, какой только пригоденъ для нихъ. Неудачныя
 попытки натуралистической школы, пытавшейся сдѣлать изъ
 исторіи такую же естественную науку, какъ и всѣ (напр. по-
 пытка Бокля въ „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“), достаточно
 подтверждаютъ высказанную мысль. Неудачность этихъ попытокъ
 помимо всего прочаго зависитъ отъ того обстоятельства, что
 явленія историческія или соціологическія принадлежатъ къ со-
 вершенно иному порядку, чѣмъ всѣ другія: въ основѣ ихъ ле-
 житъ свобода, произвольность и потому математическій мас-
 штабъ съ его претензією на предвѣдніе какъ въ астрономіи,
 совершенно неприменимъ здѣсь. Методъ натуральныхъ наукъ
 въ исторіи лишь побочный и вспомогательный, онъ входитъ какъ
 часть въ собственно ей принадлежащій дедуктивный методъ и
 получаетъ здѣсь нѣсколько иной отъносокъ и значеніе. Если для
 философа исторія—тайна, то тѣмъ болѣе для натуралиста.

Если ни классификація наукъ О. Конта, ни понятіе о зави-
 симости явленій не даютъ никакого права къ исключительному
 господству одного эмпирическаго метода во всемъ объемѣ че-
 ловѣческаго знанія, то спрашивается: гдѣ источникъ идеи объ
 исключительныхъ правахъ этого метода и какъ пришли къ ней
 позитивисты?

Возможно только одинъ отвѣтъ: въ материалистической тен-
 денціи позитивизма, въ его истинной природѣ, которую онъ сты-

дятся и боятся обнаружить, въ его *невольной* склонности къ материализму (*невольной*, говоримъ, ибо стремленіе или тяга позитивизма къ материализму лежитъ въ сущности самаго позитивнаго принципа — сохранять равновѣсіе между абсолютнымъ и относительнымъ знаніемъ, не утверждать категорически правду ни того, ни другаго: такое равновѣсіе психологически невозможно и въ фактическомъ предпочтеніи знанія относительнаго предъ безусловнымъ заключается для позитивизма роковая необходимость нарушенія этого равновѣсія въ пользу материализма, что послѣ постараясь, если будетъ случай, раскрыть обстоятельнѣе). Да, позитивизмъ — скрытый, *тонкій* материализмъ, по существу, правда, — тотъ же, что и материализмъ Фохта, Бюхнера и К^о, но по формѣ совершенно иной: тонкій, политичный, съ разу и не раскусишь, что такое, — совсѣмъ нѣтъ грубой прямоты прежняго. Онъ нигдѣ даже словечкомъ не обмолвился въ пользу матеріи, нигдѣ прямо не сказалъ, что де есть только одна матерія и больше нѣтъ ничего, въ немъ будто бы нѣтъ „этой метафизики“.... Такъ или иначе, а позитивизмъ про себя рѣшилъ все точно такимъ же образомъ, какой приличенъ былъ бы самому добросовѣстному материалисту. Тѣмъ хуже, что рѣшено это молчкомъ и приходится читать между строками.

Не смущайтесь тѣмъ, что позитивизмъ признаетъ „несводимость“ (Irreductibilität) и самостоятельность явленій органическихъ, и не вѣрьте имъ; мы видѣли уже, какого рода эта „несводимость“, когда всѣ они подводятся подъ одинъ методъ. Да и чѣмъ, кромѣ словъ, позитивизмъ докажетъ намъ эту Irreductibilität, т.-е. то, что онъ дѣйствительно признаетъ ее? По самой классификаціи конечно она должна быть признана; но вѣдь и здѣсь все зависитъ отъ того, какъ отнестись къ ней: при нѣкоторой склонности къ материализму почти не мѣшаетъ толковать ее въ материалистическомъ смыслѣ, потому что классификація не противится и этому смыслу. Дѣйствительно, что толку въ томъ, что напр. жизнь разсматривается какъ нѣчто новое, не сводимое на химизмъ и механизмъ, если она разсматривается именно только такъ, т.-е. какъ новое, которое совершенно механически и случайнымъ образомъ присоединяется

къ старому? Въ новомъ только собственно новаторятся старое и новыя явленія, присоединенныя къ старымъ, отъ этихъ разнятся лишь тѣмъ, что они сложнѣе ихъ и потому труднѣе для изученія,—и только. Впрочемъ, намъ нѣтъ нужды искать оправданія для своей мысли въ какихъ-нибудь отвлеченныхъ соображеніяхъ: вотъ документальное доказательство того, что позитивизмъ сводитъ явленія органическія къ химическимъ, психическія—къ органическимъ, что, слѣдовательно, онъ есть матеріализмъ. „Біологія отдѣляется отъ химіи не потому, чтобы была какая-нибудь существенная разница между органическимъ и неорганическимъ веществомъ, а потому, что есть громадная разница въ явленіяхъ. Точно также мы должны отдѣлять духъ отъ жизни, не вслѣдствіе какого-нибудь *существеннаго* (нумеральнаго) различія (первый вырастаетъ изъ послѣдней), но вслѣдствіе *спеціальности* явленій мысли. Это уже не тѣ явленія, какъ въ жизни. Органическое вещество есть высшая степень осложненія неорганическаго,—и эта-то спеціальность степени производитъ спеціальность явленій. Такъ и мысль представляетъ собою только высшую степень жизни,—и ея особенность выражается особенностью явленій“²⁹⁾. Контъ не далъ мѣсто въ своей классификаціи психологіи: онъ вполне отождествилъ ее съ фізіологіею и призналъ явленія психическія лишь особенными фізіологическими (мозговыми) функціями, даже методъ самонаблюденія отвергъ вполне, противъ чего возсталъ Милль. Вообще, сдѣлавъ различіе между растительною жизнью и животною, Контъ ни словечкомъ не обмолвился въ пользу особаго отдѣла явленій жизненныхъ (какъ будто бы ихъ не было)—разумной, человѣческой жизни. Значитъ, между животною и разумною жизнью нѣтъ существенной разницы. Дѣйствительно, по собственному выраженію Конта, человѣкъ есть лишь „le degré supérieur de l'animalité“. Въ человѣкѣ отрицается свободная воля,—и потому позитивизмъ раздѣляетъ, какъ и матеріализмъ, детерминизмъ, даже перешеголяя въ этомъ отношеніи своего близнеца: матеріализму и не грезилось о томъ, чтобы можно было всю исто-

²⁹⁾ Льюисъ 231.

рѣшъ свести къ одному какому-нибудь физическому закону, напр. закону тяготѣнія. Довольно.

Изъ всего сказаннаго доселѣ вытекаетъ слѣдующій несомнѣнный результатъ: *позитивизма нѣтъ, а есть или одна только наука, или одинъ только материализмъ*⁴⁰⁾.

1. Свѣтлая.

⁴⁰⁾ Для желающихъ заняться обстоятельно позитивизмомъ можно изъ бѣдной русской литературы кромѣ указанныхъ статей и книгъ еще назвать статьи въ журналѣ «Православное Обозрѣніе»: В. Д. Кудряцева, А. Гусева и В. Соловьева; «Письма о конечныхъ причинахъ» пр. Ф. А. Голубинскаго, «Кризисъ западной философіи» Вл. Соловьева, «Философскій лексиконъ» т. 3 Гогоцкаго, «Право и государство въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ» Хлѣбникова, 1874 г. Изд. Варшава, «Позитивизмъ и христіанство» свящ. П. Городецкаго, С.-Петербургъ 1881 г. и «Позитивная философія» 1—2 пр. Никанора.

УЧЕНИКИ ВО ВРЕМЯ БУРИ *

„Иисусъ понудилъ Своихъ учениковъ войти въ лодку и отправиться впередъ на другую сторону къ Внесайдъ, пока Онъ отпустить народъ. И отпустивъ ихъ, пошелъ на гору помолиться. Вечеромъ лодка была посреди моря, а Онъ одинъ на землѣ. И увидѣвъ ихъ бѣдствующихъ въ плаваніи, потому что вѣтеръ былъ имъ противный. Около же четвертой стражи ночи подошелъ къ нимъ, идя по морю, и хотѣлъ миновать ихъ. Они же, увидѣвъ Его идущаго по морю, подумали что это—призракъ, и вскричали. Ибо всѣ видѣли Его и испугались. И тотчасъ заговорилъ съ ними и сказалъ имъ: ободритесь; это—Я,—не бойтесь. И пошелъ къ нимъ въ лодку,—и вѣтеръ утихъ. И они чрезвычайно изумлялись въ себѣ и дивились“ (Марк. VI, 45—51).

Сцена, о которой рассказъ вы, братіе, сейчасъ слышали, произошла тотчасъ послѣ одного изъ самыхъ великихъ и славныхъ дней служенія І. Христа. Въ утро этого самаго дня Онъ былъ окруженъ множествомъ народа, спешагося со всѣхъ концовъ Галилеи, и Онъ насытилъ его, умножая для него хлѣбы—удивительный символъ другаго чуда, чрезъ которое Онъ повсюду, отъ одного до другаго конца міра, насыщаетъ тысячи приходящихъ къ Нему душъ. Какой контрастъ между этими двумя событіями! Тамъ, на зеленыхъ и смѣющихся холмахъ, тянущихся по бе-

* Изъ Евангелія.

регу Тиверіадскаго озера, при великолѣпномъ сіяніи восточнаго солнца, радостная, восторженная толпа окружала учениковъ и хотеть короновать ихъ Учителя:—здѣсь, на разстояніи только нѣсколькихъ часовъ, въ уединеніи бурной ночи, на разъяренныхъ волнахъ, тѣ же самые ученики подвергаются опасности погибнуть и испускають крики ужаса, точно какъ будто Богъ оставилъ ихъ.

Писаніе часто представляетъ намъ подобныя неожиданности, и кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіей человечества, долженъ ожидать ихъ. Вспомните, напр. тотъ великій день, когда Соломонъ предъ цѣлымъ народомъ освящалъ Иерусалимскій храмъ и произносилъ ту удивительную молитву, которая навсегда повидимому посвящала народъ и святилище на служеніе живому и истинному Богу. Кто могъ тогда предвидѣть, что въ ближайшемъ будущемъ Сынъ Давидовъ, преданный нечистымъ страстямъ, подастъ Израилю соблазнительный примѣръ позорнаго паденія и преклонитъ предъ гнусными идолами „свое чело, озаренное сіяніемъ святаго храма?“ Вспомните еще тотъ памятный часъ, когда Ілія, побѣдитель Вааловыхъ жрецовъ, возстановлялъ на горѣ Кармигъ служеніе истинному Богу; весь народъ былъ покоренъ его могучею вѣрою и повсюду раздавались продолжительные крики энтузіазма; казалось идолослуженіе побѣждено навсегда и Израиль останется вѣренъ своему высокому призванію (миссіи). Увы! Проходитъ два дня, и тотъ же самый Ілія, всѣми оставленный, какъ изгнанникъ, бѣжитъ въ пустыню Синайскую; въ горькомъ уныніи онъ долженъ былъ воскликнуть: „довольно уже, Господи, возьми душу мою!“ Вспомните восторженные восклицанія цвѣтоносной недѣли, такъ быстро смѣнившіяся воплями преторіи и Голгофы. Вспомните, какъ въ утро Пятидесятницы три тысячи человекъ, кающихся и вѣрующихъ, падаютъ къ ногамъ апостоловъ, прося крещенія, и подумайте, что спустя нѣсколько дней послѣ этого великаго торжества Петръ съ своими товарищами брошены въ тюрьму и преданы бичамъ палача, какъ площадные мошенники.

Не удивляйтесь же, что въ исторіи церкви успѣхи сопровождаются неожиданными превратностями и что здѣсь, какъ и вездѣ, только одинъ шагъ отъ самаго очевиднаго торжества до самаго страшнаго искушенія. Эти превратности могутъ поколебать по-

верхностную вѣру; но онъ не удивлять никого изъ тѣхъ, кто изучалъ въ Писаніи обычные пути Промысла Божія.

Итакъ, утро этого дня было для Иисуса Христа часомъ популярности и восторженнаго триумфа. Толпа хотѣла провозгласить Его Царемъ; естественно было Его ученикамъ думать, что царство Его дѣйствительно наступаетъ. Мы сами, еслибы присутствовали при этомъ зрѣлищѣ, развѣ не подумали бы того же самаго? Не показалось ли бы намъ естественнымъ воспользоваться этимъ порывомъ толпы и провозгласить такимъ образомъ на великомъ театрѣ начало царства Божія? Имѣть за себя народъ не значило ли быть господиномъ будущаго? Что нужды, что въ этому энтузиазму примѣшивалось еще много заблужденій и земныхъ страстей? Мало-по-малу совершалось бы раздѣленіе между этими сложными элементами,—все, что было въ нихъ нечистаго, отпадало бы само собою. Приобрѣтено существенное, если власть была въ рукахъ Святаго и Праведнаго, если сила служила истинѣ.

Вотъ благовидный союзникъ, который позднѣе такъ часто обольщалъ церковь ¹⁾ и заставлялъ ее желать порабощенія всѣхъ земныхъ властей. Она не замѣчала сѣти, скрытой подъ этой прекрасной мечтой; она не предвидѣла, что вѣнчанное на энтузиазмъ массъ, не принесетъ человѣчеству никакой новой силы, никакого принципа возрожденія; она не видѣла, что такой триумфъ—ничто и что самое сильное поражение для нея предпочтительнѣе, если оно по крайней мѣрѣ оставляетъ на совѣсти человѣческой неизгладимое впечатлѣніе правды и истины. Опытъ не доказалъ ли этого? Церковь выигрывала ли отъ покровительства властей человѣческихъ? За то, что политика давала ей, не приходилось ли ей всегда платить съ процентами? Не должна ли она была уступить магометанству треть своей территоріи съ того самаго момента, какъ ея видимая глава надѣлъ тройную тиару? Блестящее покровительство Людовика XIV номѣшало ли религиозному упадку ХVІІІ вѣка или напротивъ ускорило его? Каждый разъ, какъ церковь требовала царствъ земныхъ, она, какъ въ день искушенія, получала ихъ только вѣдь условіемъ преклониться предъ княземъ міра сего и принять отъ него орудіе.

¹⁾ Проповѣдникъ имѣетъ въ виду римско-католическую церковь. *Перев.*

Вотъ что предвидѣлъ Іисусъ и вотъ почему въ ту самую минуту, какъ ученики готовы были увлечься народною благосклонностію, Онъ вдругъ приказываетъ имъ отдѣлиться отъ толпы и переправиться на другой берегъ озера. Между нами и міромъ должно было произойти раздѣленіе до того дня, какъ они поймутъ, какимъ образомъ должно придти Его царство и какою силою міръ долженъ быть побѣжденъ. Онъ Самъ, въ ту самую минуту, какъ толпа хочетъ сдѣлать Его Царемъ,—разсказываетъ намъ Лука (VI, 15), удаляется одинъ на гору для молитвы. Великое зрѣлище и великій примѣръ для всѣхъ тѣхъ, кто должны проповѣдывать Евангеліе людямъ! Не въ благосклонности толпы и не въ рукоплесканіяхъ ея должны они искать вдохновенія и силы, а въ крѣпкой молитвѣ и глубокомъ благоговѣніи.

Вотъ апостолы, по повелѣнію своего Учителя, отправились; они должны были переплыть на другой берегъ, гдѣ Учитель общалъ присоединиться къ нимъ. Приказаніе положительное, общаніе вѣрное; но когда они пытались двинуться впередъ, ихъ усилія казались безполезными, потому что, говоритъ Писаніе.— *Онъ противенъ оттру.* Какже такъ? Развѣ ихъ Учитель не можетъ повелѣвать вѣтрамъ и волнамъ? Безъ-сомнѣнія можетъ, и сейчасъ Онъ сдѣлаетъ это; но нужно, чтобы прежде они выдержали борьбу съ роковою повидимому силою природы. *Онъ противенъ оттру.*

Братіе, весь этотъ разсказъ историческій; все это буквально совершилось XVIII вѣковъ тому назадъ; но въ то же время эта страница Евангелія есть какъ бы возвышенная критика, которой малѣйшія черты заключаютъ урокъ для всѣхъ вѣковъ и которая чудеснымъ образомъ способна подѣржнть вѣру вѣрующахъ на-стоящаго времени.

Что въ самомъ дѣлѣ такъ часто смущаетъ вѣру въ Божественныя обѣтованія? Это тотъ фактъ, что Богъ не направляетъ событія и вещи къ торжеству своего дѣла, и это дѣло повидимому часто побѣждается роковою силою обстоятельствъ. Здѣсь заключается противорѣчіе, которое смущаетъ насъ. Богъ хочетъ, чтобы церковь торжествовала; Онъ повелѣваетъ церкви возвѣщать се міру; Его воля (*dessein*) здѣсь положительная и очевидная; но, когда для исполненія ея церковь приступаетъ къ дѣлу, то Богъ попускаетъ обстоятельствамъ вооружаться про-

твѣзъ нея и останавливать ее. *Бъ промисленъ смѣръ!* Сколько разъ испытывали это вѣрующіе. Въ первые вѣка это были периодически повторявшіяся неумолимыя гоненія, равсѣвавшія стадо, закалавшія пастырей, уничтожавшія священныя Ціонаія, въ одинъ роковой часъ истреблявшія жатву, которой удивительныя начатки видѣлъ міръ. *Бъ промисленъ смѣръ!* Въ концѣ среднихъ вѣковъ, подъ влияніемъ скандаловъ, совершавшихся въ Римѣ, это было глубокое и насѣдливое невѣріе, которое глухо подкапывало церковь съ такою силою, что безъ религіознаго пробужденія міръ, подъ дыханіемъ возрожденія, казалось опять долженъ былъ сдѣлаться языческимъ. *Бъ промисленъ смѣръ!* Позднѣе это были пламенныя и благородныя страсти XVIII в., изъ которыхъ на міръ устремилась ужасная буря. Въ наши дни,— *имѣй уши слышати, да слышишь!*—благопріятный ли для дѣла нашего вѣтеръ нисходитъ съ ледяныхъ вершинъ позитивной науки? Симпатичное ли теченіе идетъ къ намъ изъ глубины нашихъ демократическихъ обществъ? Не приходятъ ли вы часто въ ужасъ, видя, какъ всѣ враждебныя силы собираются въ настоящее время противъ христіанства? Открыто—матеріалистическія доктрины, атеизмъ серьезный или циническій, грубая и оскорбительная критика, законныя жалобы, слишкомъ оправданныя невѣрностями вѣрующихъ, предрассудки, недоразумѣнія, слѣпыя страсти,—все это не предвѣщаетъ ли, даже для наименѣе проницательныхъ, ужасныхъ бурь, въ сравненіи оъ которыми настоящія наши борьбы не что иное, какъ дѣтскія игрушки? Почему Богъ допускаетъ, чтобы его дѣло такъ худѣло? Почему Онъ, Владыка волнъ, не усмирятъ бурь? Это, братіе, одинъ изъ тѣхъ печальныхъ вопросовъ, отъ которыхъ ничто изъ насъ не можетъ уклониться.

Писаніе въ нѣкоторой мѣрѣ отвѣчаетъ на него. Богу угодно было, говорить св. Павелъ, употребить слабыя орудія для пораженія сильныхъ. Онъ какъ-будто хочетъ доказать, что гордость Евангелія не должно ничего ожидать отъ вѣдѣнныхъ вещей, отъ поддержки массъ, отъ импюльса, который даютъ народныя теченія. То, что было справедливо тогда, справедливо и теперь. Новый міръ будетъ побѣжденъ не иначе, какъ при тѣхъ же условіяхъ, при какихъ былъ побѣжденъ древній. Богъ, говоритъ еще апостола благодати, положи въ сокровище Евангелія *сѣ судемъ*

мы *сосуды*, чтобы показать, что сила, сохраняющая его, приходитъ отъ Него, а не отъ людей. Всѣ силы міра могутъ соединиться противъ христіанства. Скудельные сосуды могутъ быть разбиты и обращены въ прахъ, а истина, содержащаяся въ нихъ, останется столь же великою, столь же чистою, столь же непобѣдимую. Что я говорю? Тайное предчувствіе говоритъ намъ, что эти внѣшнія пораженія суть наши торжества и что страданія церкви будутъ даже условіемъ ея возрожденія и благоденствія. И потомъ, св. Павежъ внушаетъ намъ еще, что мы должны *ходить вътрою, а не видѣниемъ*, и что въ этой суровой школѣ души образуются для царства Божія. Ахъ! намъ хотѣлось бы видѣть быстрые успѣхи, очевидныя симпатіи, бросающіеся въ глаза знаніи близкой побѣды. Мы желали бы преданности ученыхъ, рукоплесканій толпы, соединенія числа и силы. Мы забываемъ, что Христосъ побѣдилъ міръ, только вооруживъ противъ себя всѣ силы; что крестъ сталъ знакомъ торжества только потому, что онъ былъ прежде орудіемъ казни и что въ его кажущемся безсиліи и безславіи надо во всѣ времена искать тайны его могущества и его неодолимо влекущей силы. Не удивляйтесь же, ученики І. Христа, что вѣтры противны намъ и яростныя волны грозятъ потопить корабль церкви. Не говорите, что Учитель забываетъ васъ. Въ то время какъ вы боретесь на бурномъ морѣ, на краю горизонта, на возвышенной вершинѣ, стоитъ Христосъ,—Онъ бодрствуетъ надъ вашею судьбой, Онъ ходатайствуетъ за васъ, ибо Онъ живъ во вѣки вѣковъ. *Шедше научите вся языки*, говоритъ Онъ своимъ апостоламъ. Онъ не прибавляетъ: „За васъ будутъ ученые“. Онъ не говоритъ: „Аѳины и Римъ откроютъ вамъ свои ворота“; Онъ не обѣщалъ имъ рукоплесканій толпы;—а просто сказалъ: *Се, Азъ съ вами есмь во вся дни, до скончанія вѣка*. Я одинъ, и этого довольно. Да, Ты одинъ, о, божественный Учитель! и да убѣдится наконецъ Твоя церковь, что въ Тебѣ одномъ она должна находить во всѣ вѣка силу и спасеніе!

Въ противоположность вѣтру. Но не одно это препятствіе встрѣчаютъ ученики; не одна эта символическая черта поражаетъ насъ въ этомъ рассказѣ. Они подвергаются на озерѣ бурѣ; но замѣтили ли вы, что говоритъ намъ текстъ. І. Христосъ приходитъ къ нимъ, но приходитъ только въ четвертую стражу ночи, т. е.

почти утромъ; до тѣхъ поръ Онъ какъ-будто забываетъ ихъ. Значить, Онъ приходитъ къ нимъ на помощь въ послѣдній часъ.

Исторія есть такъ-сказать ночь, продолжающаяся цѣлый вѣкъ. Во всѣ времена вѣрующіе призваны ждать помощи Божіей; но Богъ медлитъ, и это есть высшее испытаніе вѣры, можетъ быть даже большее, чѣмъ противодействие людей и самое гоненіе. Первые христіане вѣрили въ близость втораго пришествія Христа; часто эта надежда наполняла энтузіазмомъ вѣрующіихъ. Казалось занимается уже заря; привѣтствовали Царя славы, шествующаго освободить церковь и покорить себѣ человѣчество. Опасное возбужденіе! Ежемерная горячка, въ которой воображеніе принимало болѣе участія, чѣмъ вѣра! Когда проходятъ эти грезы, надорванная душа часто впадаетъ въ отчаяніе и въ припадкѣ ирраціональнаго унынія начинаетъ сомнѣваться въ истинѣ, потому что уже не ожидаетъ ея торжества. Заранѣе нужно вооружаться противъ этого унынія, оттапливая иллюзіи, которыя готовятъ и повидимому дѣлаютъ его законнымъ. Должно говорить себѣ, что Богъ, который есть Владыка времени, предоставилъ себѣ опредѣлить его продолженіе и рѣшительно запретилъ намъ навязывать Ему наши мѣры и наши предѣлы. Но то, что истинно относительно исторіи человѣчества, точно также примѣняется и къ исторіи каждаго изъ насъ. Когда начинается ночь испытанія, намъ хотѣлось бы, чтобы еще съ первой стражи намъ было возвѣщено освобожденіе. Зачѣмъ Богъ остается недѣятельнымъ и безмолвнымъ? Зачѣмъ эти долги промедленія и эти неуслышанныя молитвы? Зачѣмъ этотъ ходъ дѣлъ спокойный, медленный, правильный, эти вторыя причины, за которыми первая причина остается нѣмой и бездѣйствующею? Сильныя волненія всякихъ испытаній не столь страшны, какъ эта неумолимая монотонность, надрывающая и истощающая всѣ тайныя силы души. Но потому-то и надо предвидѣть эту опасность, что она дѣйствительна. Будемъ напередъ знать, братіе, что насъ ждетъ это испытаніе. Если Богъ медлитъ, *потерпи Его!* Если *стражи* смѣняютъ одна другую, если ночь сгущается, противопоставь видимости вѣру, вещамъ настоящимъ — будущія, оканчивающемуся слезами вечеру — зарю утѣшенія; неправдѣ, сокрушающей тебя, возмездіе, которое возстанетъ неумолимое и вѣрное; царству неправды, которое должно кончаться, — цар-

ство Божіе, котораго обитованіе вѣрно и которое имѣетъ за себя вѣчность. Наконецъ, Христось приближается. Онъ идетъ по волнамъ на встрѣчу ученикамъ, но они въ ужасѣ видятъ въ Немъ призракъ и испускаютъ крикъ страха.

Кажется, всѣ черты этого разсказа составляютъ восхитительную аллегорію, и эта послѣдняя болѣе прочихъ. Часто Христось казался человечеству призракомъ. Этотъ чистый и святой образъ, котораго всѣ черты соединяются въ глазахъ вѣры, чтобы образовать восхитительную гармонию; эта господствующая надъ всѣми фигурами сыновъ человеческихъ, фигура, проходящая вѣва въ ореолъ правды, чистоты, безконечнаго милосердія; это существо, въ одно и тоже время и столь реальное и столь идеальное—столь реальное, что никто не оставилъ на землѣ болѣе глубокаго впечатлѣнія, и столь идеальное, что ни предъ какими оцѣнками не поблѣднѣетъ сіяніе Его личности, этотъ Христось не часто ли возбуждалъ въ тѣхъ, которые совершали Его въ первый разъ, одно недоумѣніе, враждебность, насмѣшку? и не одно поколѣніе встрѣчало Его крикомъ вражды.

Прочтите сочиненія древнѣйшихъ противниковъ христіанства, и вы не найдете хотя одной страницы, сохранившей слѣдъ того нравственнаго впечатлѣнія, которое жизнь І. Христа производитъ въ настоящее время на всякую искреннюю совѣсть: подумаешь, что они никогда не вникали въ нее, никогда ихъ взоръ не останавливался на ней въ серьезную минуту. Они имѣли Евангеліе, имѣли живое свидѣтельство церкви, но смотрѣли на него сквозь густое облако предубѣжденія и ненависти.

Тѣже факты повторялись и въ нашъ вѣкъ въ совершенно противоположной формѣ. Какую цѣль имѣла энергическая и ученая атака противъ христіанства, которую такъ искусно велъ Штраусъ, если не ту, чтобы сдѣлать изъ Христа и Его дѣла мифъ, т.-е. просто идею человеческой совѣсти. Но мифическая личность, это фантомъ и ничего болѣе. Всѣ близки изучавшіе эти вопросы помнятъ еще глубокое впечатлѣніе, которое они произвели на ихъ разумъ, и можетъ быть мученіе, въ которое они погрузили ихъ. Подъ вліяніемъ этой мелочной критики, столь развѣлающей и твердой, такъ остроумно противопоставляющей однимъ другому евангельскіе тексты, умѣющей разрушать ихъ чрезъ самое ихъ сближеніе, уничтожающей факты такъ, что не

остается отъ нихъ ничего кромѣ идеи,—намъ казалось, что евангельская исторія превращается въ поэтическую легенду, болѣе и болѣе колеблющуюся и неуловимую; Христось становится не болѣе, какъ создаемъ воображенія, посвящаемо мечтами о вышемъ совершенствѣ; это было виднѣе Мессіа, вознесенное правда до своей идеальной высоты, но за этимъ виднѣемъ не было уже реальности. Когда освободившись отъ ослѣпленія, прозведеннаго этою системою, мы пытались уловить то, что скрывалось за этими блестящими образами, то мы не встрѣчали уже ничего кромѣ тѣней, мало по малу гаснущихъ во мракѣ ничтожества.

Въ настоящее время антихристіанская критика измѣнила тактику. Ни одинъ ученый не смѣетъ уже отрицать историческую реальность жизни Христа. Туманъ, которымъ старались перекрыть ее, исчезаетъ, и ученые принуждены сознаться, что евангелія въ ихъ цѣломъ достойны вѣры; въ нихъ находятъ твердую и прочную почву исторіи. Наука дѣлаетъ болѣе и болѣе очевидною достовѣрность множества подробностей, которыми полны евангелія; это—такія черты, которыхъ нельзя бы было изобрѣсть и которыя носятъ на себѣ неоспоримую печать среды и времени, къ которому онѣ относятся. Такой-то фактъ, подвергшійся подозрѣнію, снова получаетъ свою неоспоримую силу; такая-то рѣчь, образованіе которой критика надѣялась объяснить, оказывается при болѣе внимательномъ изслѣдованіи дѣйствительно произнесенною. Пришлось сознаться, что притязаніе обладать изъ Христа мнѣшескую фигуру было чудовищнымъ заблужденіемъ, что это значило хотѣть сдѣлать исторію рѣшительно немислимою и свести христіанство на дѣйствіе безъ причины. Если христіанство было (а никто не отрицаетъ этого) глубочайшимъ переворотомъ, который только зналъ міръ, то бевсмысленно объяснять его легендарнымъ явленіемъ, лишеннымъ реальности. Неуловимая тѣнь не могла до такой степени потрясти человѣческую совѣсть и заволновать общество до самыхъ основаній. И такъ Христось жилъ, большая часть разсказываемыхъ объ Немъ фактовъ достовѣрны. Онъ дѣйствительно произнесъ слова, которыя Ему приписываютъ, но такъ какъ эти факты и слова чрезвычайны и разбиваютъ раму, которую называютъ естественною, то ихъ изъясняютъ гигантскимъ заблуж-

деніемъ генія. I. Христось есть геній³⁾! И такимъ образомъ, эта божественная личность остается неизъяснимою проблемой, отчаянною загадкою исторіи для тѣхъ, которые не хотятъ смотрѣть на нее въ естественномъ блескѣ ея божественности.

Впрочемъ и неподвергаясь влиянію антирелигіозной критики можно впасть въ это безуміе. Большая часть изъ васъ, братіе, не были призваны обсуждать то, что можно назвать научною стороною ихъ вѣрованій, и однако, сколько нужно было имъ времени и усилій, чтобы достигнуть вѣры. Не съ перваго дня Христось явился имъ такимъ, каковъ Онъ есть. Между Нимъ и ими сколько стояло предразсудковъ, недоразумѣній, заблужденій! Тѣ же слова, которыя теперь приносятъ имъ свѣтъ, казались имъ тогда смѣсью чуждыхъ и странныхъ идей; изъ страницъ Евангелія выходилъ какой-то мистицизмъ, который удивлялъ и отталкивалъ ихъ; все казалось имъ противорѣчіемъ тамъ, гдѣ теперь все для нихъ гармонія, и нравственные истины, всего болѣе очаровывающія ихъ теперь въ Писаніи, казались имъ тогда утонувшими въ мрачной и легендарной безднѣ. Они охотно слушали бы Христа, еслибы въ состояніи были видѣть въ Немъ не болѣе, какъ Сына человѣческаго, Учителя и Утѣшителя смиренныхъ; но, хорошо чувствуя, что Онъ требуетъ другой роли, слишкомъ проникательные для того, чтобы не видѣть, какого высшаго авторитета Онъ требуетъ, какое мѣсто Онъ хочетъ занимать въ сердцѣ человѣческомъ—они были испуганы этими самыми требованіями; сверхъестественный Христось былъ для нихъ ничто иное, какъ призракъ, и ни за что они не повѣрили бы тогда, что придетъ день, когда они найдутъ у Его ногъ свѣтъ и миръ.

Ничто не встрѣчается такъ часто, какъ эта продолжительная вражда, это истиннѣе отвращеніе къ религіозной истинѣ. Многіе изъ васъ начали ненавистію къ тому, что къ собственному сожалѣнію не всегда такъ пламенно любили, какъ теперь.

Приблизившись къ землѣ обѣтованной, Іудеи послали предъ собою соглядатаевъ, чтобы тайно осмотрѣть ее. Когда эти люди возвратились, то одинъ изъ нихъ, Халевъ, обратился къ народу съ словами отваги и надежды: „пойдемъ, овладѣемъ странюю, го-

³⁾ (Реванъ).

ворилъ онъ, мы будемъ побѣдителями“. Но остальные, соглядатаи, имѣвшіе малодушное сердце, распространяли въ народъ отчаяніе: „страна, въ которую мы ходили, говорили они, есть земля, пожирающая своихъ жителей“—и весь народъ неравильскій, слушая ихъ, застоналъ отъ страха“ (Числг XIII). Братіе, тоже повторяется и теперь. Когда мы показываемъ вамъ весь свѣтъ и силу, какіе общаетъ Евангеліе, другіе голоса бросаютъ намъ обвиненіе во лжи, которое всегда охотно выслушивается. Они дѣлаютъ изъ христіанской жизни мрачную пародію, они представляютъ ее въ отталкивающемъ свѣтъ и изъ Христа, освободителя душъ, дѣлаютъ какой-то призракъ, отъ котораго бѣгутъ съ ужасомъ. Но, изъ самой глубины мрака, окружавшаго учениковъ раздавался (ободряющій) голосъ: „это Я! говорилъ І. Христосъ, не бойтесь“. Этотъ голосъ... апостолы узнали его, и среди бури сердце ихъ прониклось божественнымъ миромъ.

Тотъ же самое повторяется во всю эпоху. Есть въ словъ Христа несравненный звукъ. Вчера еще вы были изъ смущенія и тоскы, сегодня вы уже внимаете Ему и покоряетесь. Объясни кто можетъ этотъ феноменъ! Это—фактъ, котораго свидѣтелей можно найти на всѣхъ концахъ міра. Вотъ буря сомнѣній. Мы искали тайну нашей судьбы, мы спрашивали о ней у трудныхъ иезуитскихъ философіи и намъ казалось, что мы наконецъ открыли ее. Но, какъ судно, которое гигантская волна вдругъ отбрасываетъ назадъ, нашъ разумъ удаляется отъ пристани, въ которую готовъ былъ войти; бросаемый, какъ мячъ, онъ блуждаетъ, колеблясь между противоположными мнѣніями, и отчаявается когда-нибудь достигнуть цѣли. Но вдругъ Христосъ говоритъ съ нимъ: *Азъ есмь!* говоритъ Онъ, и созерцая Его, мы обрѣтаемъ свѣтъ. Ищите внимательнѣе. Почему вѣруете вы, что Богъ есть Отецъ? Почему вы становитесь выше власти рока? Почему вы не сомнѣваетесь болѣе въ вѣчной жизни? Почему вы видите въ исторіи приготовленіе Царства Божія? На всѣ эти вопросы возможенъ только одинъ отвѣтъ: потому что Христосъ говорилъ.

Вотъ кругомъ васъ и въ самой вашей душѣ другая ночь, которая опускается, окружаетъ и проникаетъ васъ. Это—мракъ угрызений совѣсти; это—воспоминаніе преступнаго прошедшаго, которое приходитъ и овладѣваетъ совѣстію человѣческою. Вамъ говорили: это—злая мечта, разсѣйте ее, и вы найдете миръ.

Но вы не можете этого, также какъ фальсификаторъ не можетъ изгладить сдѣланный имъ фальшивой подписи, какъ развратникъ не можетъ уничтожить послѣдствія своего распутства. Отчего же это сердце ваше вдругъ обрѣтаетъ надежду? Отчего прощенье является вамъ несомнѣнною дѣйствительностію, которою овладѣть зависитъ отъ васъ? Почему за страданіями, ожидающими васъ еще на землѣ, вы провидите и предощаете вновь обрѣтенное общеніе съ Богомъ? Потому что Христосъ говорилъ.

Вотъ часъ страданія. Есть, говорятъ, люди, которыхъ оно щадитъ. Правда ли? Ахъ! если есть такіе, которые, пощаженные сами, никогда не стонали отъ печалей другихъ, если есть такіе, которыхъ ясность осталась непривосновенною, то пожалѣемъ ихъ, ибо они не нашей природы. Нужно страдать. Для нѣкоторыхъ это подавляющій и страшный законъ; они обречены на испытанія: униженіе, бѣдность, болѣзнь, трауръ, все нахлестъ по временамъ собирается на нихъ. Отчего же мы часто слышимъ льющуюся изъ ихъ устъ благодарственную молитву и возвышенный гимнъ надежды? Откуда этотъ феноменъ, неизвѣстный въ древности, но знакомый всемъ, который называется радостію въ испытаніи? Откуда тотъ тысячу разъ наблюдаемый, таинственный фактъ, что самые-то несчастные и суть самые благодарные? Почему, между нами сказать, самые невѣжественные и послѣдніе изъ людей знаютъ, что печаль есть горнило, въ которомъ душа очищается,—святая дисциплина, приготовляющая въ небу? Потому что Христосъ говорилъ.

Вотъ наконецъ смерть, смерть, т.-е. для многихъ изъ нашихъ спутниковъ конецъ всему и разлука безъ свиданія. Вотъ смерть, которой вся идиллическая поэзія и всѣ пустыя декламации о вѣчности рода (расы) не мѣшаютъ быть ужасною, смерть съ разлагающимся труномъ, съ мрачнымъ молчаніемъ, котораго ничто уже не прерветъ. Но отчего же мы, христіане, которые въ одномъ отношеніи боимся ея болѣе всѣхъ другихъ, потому что видимъ въ ней горькое слѣдствіе грѣха, отчего мы часто говоримъ о ней, какъ о побѣжденномъ врагѣ? Почему надъ открытыми могилами раздаются наши гимны надежды? Почему мы привѣтствуемъ замогильное отечество? Почему мы говоримъ о нашихъ умершихъ, какъ о блаженныхъ? Потому что Христосъ говорилъ.

Онъ говорилъ. Замѣьте, я не говорю: „Онъ разсуждалъ, изслѣдовалъ, доказывалъ“. Я просто говорю: Онъ говорилъ. Но оказывается, что повсюду и во все времена есть люди, которыхъ этотъ голосъ просвѣщаетъ, успокоиваетъ, утѣшаетъ, и которымъ онъ даетъ непобѣдимое убѣжденіе, безсмертную надежду!

Христосъ сказалъ имъ: „Не бойтесь! Азъ есмь“. Потомъ Онъ вошелъ въ ихъ корабль и волны утихли.

С Л О В О

ПО ПРОЧТЕНИИ ВЫСОЧАЙШАГО МАНИФЕСТА О СПАСЕНИИ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ И ВСЕЙ ЦАРСТВЕННОЙ СЕМЬИ ОТЪ УГРОЖАВШЕЙ ИМЪ ОПАСНОСТИ 17 ОКТЯБРЯ 1888 ГОДА*.

Когда мы, по первому извѣстію о спасеніи Государя, Государыни и Царственныхъ дѣтей отъ опасности, угрожавшей имъ 17 октября, приносили Богу благодарственное молебствіе въ этомъ храмѣ, мы далеко еще не имѣли яснаго представленія о значеніи и силѣ той опасности. Лишь въ послѣдующіе дни—день за днемъ все болѣе и болѣе — раскрывалась передъ нами эта опасность во всемъ ея ужасающемъ значеніи и необыкновенныхъ подробностяхъ. Страшно становится при одной мысли о томъ, что могло бы быть... съ Россіей, еслибы во время крушенія поѣзда 17 октября на мѣстѣ погибшихъ жертвъ оказались другія. Въ томъ поѣздѣ вмѣстѣ были и Государь, и Государыня, и всѣ ихъ Августѣйшія дѣти...

Но дивенъ Богъ, творящій чудеса! Изъ подъ обломковъ страшнаго разрушенія, въ которомъ около двадцати человѣкъ были убиты и около тридцати ранены, вышли цѣлыми и почти невредимыми и Государь, и Государыня, и всѣ члены Царственной семьи... *Благодарны исповѣдаемъ, яко не по беззаконіямъ нашимъ сотворилъ еси намъ, Господи, ниже по грѣхамъ нашимъ воздалъ*

* Сказано въ церкви Александровскаго военнаго училища 6 ноября 1888 года.

си намъ... Дивенъ Богъ, во гнѣвъ Своемъ милующій, въ наказаніяхъ поучающій, въ бѣдствіяхъ вразумляющій. Тяжко вспоминать, сколько человѣческихъ жизней сдѣлались жертвами несчастнаго крушенія, и сколько ужасовъ и мученій перенесено тамъ оставшимися въ живыхъ, всего болѣе Царственной семьей. Но сколько же и свѣтлыхъ умиленныхъ воспоминаній и великихъ вразумляющихъ уроковъ явлено намъ въ этомъ бѣдствіи! Оно показало намъ всѣмъ—и легкомысленнымъ и безпечнымъ и маловѣрнымъ и малоразумнымъ—показало вѣдь—воочію дивную десницу Божию, охраняющую избранныхъ своихъ, которыхъ жизнь нужна миллионамъ людей. *Нынѣ познаемъ, можемъ сказать словами священнаго псалма, яко спасаетъ Господь помазаннаго своего, призритъ на него съ небеси святого своего* (пс. XIX), *ателамъ своимъ заповѣдаетъ охранять его во всякъ путьяго его* (пс. XC)... Оно—это бѣдствіе приобщило русскаго Царя и Царицу и всѣхъ Царственныхъ дѣтей къ народнымъ скорбямъ и страданіямъ во всей ихъ глубинѣ, и имъ конечно съ этого времени еще болѣе, чѣмъ прежде, станутъ близки и чувствительны всякія скорби и страданія народныя. Въсѣмъ съ тѣмъ это бѣдствіе имъ самимъ—членамъ Царственной семьи—показало беззаветную преданность и любовь въ нимъ народа въ такой глубинѣ, въ какой—можетъ быть—эта преданность еще и не открывалась предъ ними прежде. Въ словахъ того умиравшаго страдальца, который осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, произнесъ: „Славу Богу! Только бы Государь былъ живъ, а наша жизнь—что“?... и велѣдъ затѣмъ скончался, въ въ этихъ словахъ сказались мысль и душа всего русскаго народа... Наконецъ это бѣдствіе показало намъ въ невѣданной еще нравственной красотѣ и трогательности золотыя сердца Государя отца и Государыни матери. Долго-долго—изъ вѣка въ вѣкъ—будутъ передаваться въ народъ умиленные рассказы о томъ, какъ могущественный Царь, обладатель стомилліоннаго народа, и прекрасная Царица, неразлучная спутница Его при обзорѣни необозримыхъ пространствъ русской земли, освободившись изъ-подъ обломковъ страшнаго крушенія—онъ съ ушибленною ногой, она съ пораненной рукой, и съ собравшимися вокругъ нихъ милыми дѣтьми, за участь которыхъ еще не перестали трепетать сердца Отца и Матери, какъ они среди от-

крытаго поля—въ ненастную погоду—въ грязи и холодъ—въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ ухаживали за пострадавшими спутниками, утѣшали ихъ, плакали надъ ними, какъ Государь и Государыня и вся высокая ихъ свита на желѣзно-дорожной станціи со слезами слушали совершаемые простымъ сельскимъ священникомъ благодарственное молебствіе о ихъ спасеніи и панихиду о упокоеніи убиенныхъ спутниковъ, какъ потомъ въ поздній ночной часъ, при необычной и неприглядной обстановкѣ, побратски вѣшали они трапезу вмѣстѣ съ слугами своими и слугами слугъ своихъ,—какъ потомъ, возвращаясь въ свою столицу, вспомнили они, что непременно нужно заѣхать въ старую первопрестольную столицу помолиться у святой иконы Иверской Божіей Матери, приложиться къ мощамъ великихъ угодниковъ и чудотворцевъ московскихъ... Слава Господу, и въ тяжкихъ бѣдствіяхъ открывающему намъ глубочайшія тайны Своего промышленія и человеколюбія!...

Государь—Самодержецъ Всероссійскій — въ торжественномъ обращеніи къ народу—въ слухъ всего свѣта—исповѣдуетъ, что „неисповѣдимыми путями Промысла совершилось надъ Нимъ и всею Его Царственною семьей чудо милости Божіей“. Въ трепетномъ благоговѣніи предъ дивными судьбами Всевышняго Онъ приписываетъ это чудо „горячимъ молитвамъ, которыя возносятся о Немъ тысячи тысячъ вѣрныхъ сыновъ Россіи, и вновь приглашаетъ „всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ соединить свои молитвы съ Его благодарными къ Богу молитвами о спасеніи“.

Помолимся, да услышитъ Его Господь въ день печали и да защититъ Его имя Бога Иаковля, да пошлетъ Ему помощь отъ святала и отъ Сіона заступитъ Его... Да дастъ Ему Господь по сердцу Его и весь советъ Его во благо народа да исполнитъ. Возрадуется о спасеніи Твоемъ и во имя Господа Бога нашего возвеличимся. Господи, спаси Царя и услыши ны, въ онъже аще день призовемъ Тя. (пс. XIX). Аминь.

Прот. А. Иванцовъ-Платоновъ.

О Р И Г Е Н Ъ

И ЕГО ЗАСЛУГИ КАКЪ АПОЛОГЕТА ХРИСТИАНКОЙ РЕЛИГИИ.

Въ семѣ доблестныхъ мужей, дѣломъ и словомъ подвизавшихся за церковь Христову и послужившихъ ея спасительному и славному торжеству, одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ занимаетъ Оригенъ, знаменитый христіанскій писатель III столѣтія.

Жизнь Оригена была самымъ искреннимъ и дѣятельнымъ выраженіемъ его убѣжденія въ Божественности І. Христа и основанной Имъ религіи. Его отличныя дарованія, многосторонняя ученость, глубокое и пламенное благочестіе, запечатлѣнное тяжкими страданіями за имя Христово, вся его многотрудная, неутомимая дѣятельность были посвящены на служеніе христіанству, на раскрытіе и защищеніе истины Евангелія. Вѣсть съ тѣмъ, плодомъ собственно апологетической дѣятельности Оригена остались восемь книгъ его противъ Цельса, твореніе драгоценное, не только какъ памятникъ благочестія и учености Оригена, но и по важности его въ исторіи христіанской апологетики.

Предлагаемая статья объ Оригенѣ ограничивается обзорнымъ его жизни и заслугъ въ защищеніи Божественности христіанства, не касаясь всѣхъ его сочиненій — толковательныхъ, догматическихъ и нравственныхъ, кои по важности своей требуютъ особенныхъ и обширныхъ изслѣдованій*.

* Прекрасная характеристика Оригена дана въ статьѣ В. О. Пѣвницкаго, помѣщенной въ «Трудахъ Кіевской Д. Академіи» за 1879 февр. Оригенъ и его проповѣди.

Ч А С Т Ь I.

Ж и з н ь О р и г е н а .

„Многое надлежало бы говорить тому, кто на досугъ попытается бы описать жизнь Оригена“: такъ свидѣтельствуеть Евсевій епископъ кесарійскій, хотя въ своей Церковной исторіи ¹⁾ онъ старался „сколько можно короче сказать о немногомъ, что относится къ Оригену“. Дѣйствительно, при всей скудости, неопредѣленности и даже разнорѣчии свѣдѣній объ Оригенѣ, онъ первый изъ учителей церкви, жизнь котораго можетъ быть представлена съ нѣкоторою подробностію и обстоятельностью. Средства къ этому доставляютъ Евсевій ²⁾ блаж. Іеронимъ ³⁾ и св. Елифаній ⁴⁾, сказанія которыхъ остается привести въ порядокъ и согласіе ⁵⁾.

¹⁾ Евсевія Памфила Церк. Истор. кн. VI, гл. 2. См. русскій переводъ, напечатанный въ Христіанскомъ чтеніи за 1848 годъ.

²⁾ Въ жизнеописаніи Оригена Евсевій пользовался различными письмами самаго Оригена и устнымъ преданіемъ лицъ, коротко знавшихъ его. Много свѣдѣній оставилъ онъ въ книгахъ въ защиту Оригена, написанныхъ имъ вмѣстѣ съ св. Памфиломъ, но которыя къ сожалѣнію не дошли до насъ въ цѣлости. (Евсев. Церк. Ист. VI, 23, 36. Сократ. III, 7.).

³⁾ Блаж. Іеронимъ сперва почитатель, а потомъ противникъ Оригена, оставилъ свѣдѣнія о немъ, согласныя съ Церковною Исторіею Евсевія, въ своемъ каталогѣ знаменитыхъ мужей (*De viris illustribus* сар. 54) и въ письмахъ къ Павлѣ (Epist. XXXIII ad Paulam), къ Паммаху и Океану (Epist. LXXXIV ad Pammach. et Oceanum). См. *Patrologiae cursus completus, edit. Migne. Hieronymus. Opp. Tom. I et II.*

⁴⁾ Св. Елифаній, въ сочиненіи о ересьяхъ (сар. 84), рассказываетъ о жизни Оригена по слухамъ уже позднѣйшимъ, не довольно вѣрнымъ, и даже ясно направленнымъ къ порицанію Оригена, который въ его время былъ предметомъ распріи между христіанами.

⁵⁾ Опыты его сдѣланы Гуденіемъ (*Origeniana, помещен. въ IV томѣ твореній Оригена, издад. de la Rue, и Тиллемономъ (Memoires pour servir à l'histoire Ecclesiastique... Tom. III. partie 3).*

I.

«Magnus vir ab infantia Origenes et vere martyris filius». (Hieronym. Epist. ad Pammach. et Ocean).

Оригенъ *) по прозванію Адамантовый *) родился въ 185 году по Р. Х. *) въ Египтѣ и вѣроятно въ Александріи *).

*) Имя «Оригенъ (Οριγενής)», подобно именамъ «Диогенъ, Гермогенъ и др.» составлено изъ словъ ὄρος и γένης. Первое происходитъ отъ Египетскаго *Оръ*, къ коему прибавлено Греческое окончаніе. Такъ назывался собственно Египетскій богъ Солида, рожденный отъ Изиды и Озириса; тоже *Оръ* встрѣчается, какъ собственное имя въ ряду древнѣйшихъ Египетскихъ царей, равно какъ послѣ въ исторіи Египетскихъ монаховъ, и здѣсь то безъ члена, просто *Оръ*, то съ членомъ, напр. *иоръ*, *таоръ* (Палладія, еписк. Елеополяскаго, Лавсанъ, перев. съ Греч. Слб. 1850 г. гл. 11, 34, 122). См. Гуэція Origeniana lib. 1. cap. 1. § 2.—Оригена, христіанскаго писателя, должно различать отъ языческаго философа того же имени, о которомъ упоминаетъ Порфирій (Vita Plotini cap. 2 et seq.): послѣдній Оригенъ былъ товарищъ знаменитаго Плотина, вмѣстѣ съ нимъ слушавшій уроки философіи у Аммонія, и написалъ только два сочиненія, изъ коихъ одно относится къ правленію импер. Галліена. Но о христіанскомъ Оригенѣ извѣстно, что онъ навсегда удалился изъ Александріи ко тому времени, когда Плотинъ прибылъ туда для изученія философіи, оставивъ послѣ себя значительное число сочиненій и смертію своею предварилъ царствованіе Галліена (см. Histoire de l'école d'Alexandrie, par Jules Simon. Tom. II, 43. Paris 1845.). Наконецъ св. Епифаній (Haeres LXIII, 1, LXIV, 3) Августинъ (de haer. cap. 42) и Іоаннъ Дамаскинъ (in libr. de haer.) допускаютъ существованіе другаго Оригена, который былъ основателемъ секты безнравственныхъ оригенианъ, отличныхъ отъ послѣдователей Оригена Адамантова.

*) Не извѣстно, по смерти, или еще при жизни своей Оригенъ былъ прозванъ Адамантовымъ (Αδαμαντιος). Евсевій въ Церк. Исторіи (VI, 14) употребляетъ это прозваніе такъ, какъ будто Оригенъ еще въ свое время носилъ его. «Между тѣмъ Адамантовый (ибо и такъ звали Оригена), говоритъ Евсевій, путешествовалъ въ Римъ». Ту же мысль даетъ и св. Епифаній, когда говоритъ, что онъ самъ себя далъ такое имя. (Epirhan. Haer LXIV, c. 1. «ὁ καὶ Ἀδαμαντιος ἐτικληθεὶς». См. cap. 74. «τὸ ματαίως ἐαυτὸν ἐπιθέμενον βιοῦα Ἀδαμαντιον»). Такое прозваніе Оригена Іеронимъ (Epist. 38) объявляетъ изъ неутомимаго трудолюбія, а Фотій (Cod. 118) изъ несокрушимости доводовъ Оригена.

*) Для удобнѣйшаго опредѣленія года рожденія Оригена, принимаются въ соображенія слѣдующія обстоятельства: 1) По свидѣтельству Евсевія (VI, 2) Оригену было около 17 лѣтъ, когда онъ лишился отца своего въ началѣ гоненія, бывшаго въ 10 годъ царствованія Септимія Севера (=202 г. по Р. Х.) 2) Евсевій (VI, 36) годъ 3 годовъ царствованія Филиппа (=246 г.) возратъ, что Оригенъ нѣтъ уже болѣе 60 лѣтъ отъ роду. Посему справедливо животь съ Гуэціемъ, Тильмономъ и др. полагать рожденіе Оригена въ 185 году по Р. Хр.

*) Мѣсто рожденія Оригена точно неизвѣстно. Св. Епифаній (Haeres LXIV)

Родители его принадлежали къ числу благочестивыхъ христіанъ (Евсев. Цер. истор. VI, 19.). Отець, по имени Леонидъ, украшенный въ послѣдствіи вѣнцомъ мученика Христова, обладалъ достаточнымъ состояніемъ (Евсев. VI, 2.) и безспорно былъ уважаемымъ членомъ alexandрійской церкви ¹⁰). Съ живою вѣрою и твердымъ благочестіемъ онъ соединялъ и свѣтскую ученость ¹¹), которою такъ богата была въ то время Александрія. Его-то попечительности обязаны своимъ первоначальнымъ образованіемъ превосходныя способности Оригена. Леонидъ дѣйствовалъ при семъ совершенно сообразно съ будущимъ служеніемъ и величіемъ своего сына: знакоми его съ греческими науками (грамматикой, математикой и риторикой), онъ прилагалъ особенное стараніе о религіозномъ воспитаніи. Такъ какъ чтеніе Св. Писанія вошло въ употребленіе и по домамъ христіанъ, и совершалось въ утренніе и другіе часы ¹²), то Леонидъ заставлялъ своего сына каждый день затверживать по нѣсколькимъ мѣстамъ изъ Библіи и пересказывать на память (Евсев. VI, 2). Даровитый и любознательный отрокъ съ охотою предавался этому занятію; и еще въ то время, не довольствуясь простымъ буквальнымъ смысломъ Св. Писанія, пытливый умъ Оригена искалъ чего-то большаго и въ каждомъ изреченіи старался найти мысль необыкновенную или таинственную. Часто будучи не въ состояніи самъ рѣшить свои недоумѣнія, онъ обращался съ вопросами къ отцу своему и приводилъ его въ немалое затрудненіе. Благоразумный Леонидъ показывалъ видъ неудовольствія

довольно неопредѣленно говорить, что Оригенъ былъ родомъ египтянинъ, въ Александріи имѣлъ мѣсто жительства и воспитанія. Впрочемъ Гуецій и другіе мѣсто рожденія полагаютъ именно въ Александрію.

¹⁰) Свидѣ (подъ словомъ 'Οριγένης) и двѣ рукописи Иеронимова каталога, по свидѣтельству издателя (Patrolog. sacr. complet. Nicolsonum opp. Tom. II.), называютъ Леонидова епископомъ. Но это очевидно поддѣльное извѣстіе не можетъ быть принято: потому что противорѣчитъ молчанію Евсевія, который едвали бы опустилъ такую черту въ жизни Оригена, и свидѣтельству того же писателя (Церк. Истор. V, 9, 22. VI, 2), по которому египетская клада въ то время была замкнута другими.

¹¹) Неандеръ (allgem geschichte der Chr. Rel. und Kirche I, 782. Hamburg 1828) полагаетъ, что Леонидъ былъ учителемъ греческаго языка и словесности.

¹²) Объ этомъ свидѣлствуетъ Климентъ Александрійскій (Stromat VII, 800. Paedag. II, 228. edit Potteri).

за такое преждевременное любопытство сына, и обращать его вниманіе на простой, очевидный смыслъ. Однако втайнѣ радовался и съ искреннею благодарностію обращался къ Богу, даровавшему ему много общавшаго въ будущемъ сына ¹²⁾.

Получивъ первоначальное образованіе подъ руководствомъ отца своего ¹³⁾, Оригенъ посѣщалъ и училище александрійское, известное подъ именемъ Огласительнаго, въ которомъ наставленіе не ограничивалось начатками христіанскаго ученія, но обнимало всю область познаній, относившихся къ христіанскому Богословію. Въ то время со славою управлялъ симъ первымъ расадникомъ христіанскаго просвѣщенія благочестивый и ученый преемникъ Пантена, Климентъ (александрійскій). Оригенъ былъ въ послѣднихъ годахъ отроческаго возраста, когда еще живъ былъ его отецъ ¹⁴⁾, но не смотря на свою юность, при отличныхъ дарованіяхъ и быстромъ развитіи ихъ, онъ былъ въ состояніи слушать уроки знаменитаго наставника. Здѣсь онъ слышалъ, какъ ученый наставникъ христіанства убѣждалъ юношей и мужей, христіанъ и образованныхъ язычниковъ, въ божественности религіи І. Христа, показывалъ ничтожество идолопоклонства, раскрывалъ недостатки различныхъ философскихъ системъ и ихъ отрывочное соприкосновеніе съ христіанскими истинами, обличалъ разныя заблужденія и лжеученія, и вообще употреблялъ свою обширную ученость на защиту и раскрытіе Евангельскаго слова. Очень мало известно о внѣшнихъ отношеніяхъ Климента къ его молодому слушателю. Но безъ сомнѣнія преподаваніе александрійскаго учителя, увлекавшаго своимъ живымъ,

¹²⁾ Евсев. VI, 2. Онъ же сообщаетъ преданіе, что, когда отрокъ спалъ, отецъ открывалъ его грудь и съ благоговѣніемъ лобизалъ его какъ святилище Духа Божія.

¹³⁾ Елифаній (Haeges. LXIV, 1) полагаетъ, что онъ въ дѣтствѣ своемъ учился въ Аѳинской школѣ. Но пребываніе его въ Аѳинахъ относится къ позднѣйшему времени, когда онъ путешествовалъ въ Ахаію, не задолго до удаленія своего изъ Александріи (Евсев. VI, 28).

¹⁴⁾ Евсев. VI; 6: «ὅς καὶ τὸν Ὀριγένην τῶν φοιτητῶν, ἀπὸ τοῦ (Климента) πατρὸς βυτὰ γενέσθαι Παῖς, по греческому словоупотребленію, значитъ не только дитя, но и юноша. Hieronym. de viris illustr. c. p. 38: Constat. Origenem hujus (Clementis) fuisse discipulum. Фотій (cod. 118) говоритъ, что Оригенъ былъ слушателемъ и преемникомъ Климента, какъ этотъ былъ слушателемъ и преемникомъ Пантена.

образнымъ словомъ, высокимъ полетомъ своихъ мыслей, искуснымъ сочетаніемъ всестороннихъ свѣдѣній съ глубокимъ чувствомъ,—такое преподаваніе не могло остаться безъ вліянія на юную, воспримчивую душу Оригена ¹⁶⁾.

Въ тишинѣ учебныхъ занятій и подѣ съвію христіанскаго благочестія душа Оригена незамѣтно созрѣвала для подвиговъ многотрудной и вмѣстѣ достославной жизни. Въ 202 году императоръ Септимій Северъ запретилъ подѣ страхомъ тяжкихъ казней переходить къ іудейству, равно какъ и къ христіанству ¹⁷⁾. Будучи направленъ особенно противъ дальнѣйшаго распространенія св. вѣры, такой законъ императора, доселѣ оказывавшаго благосклонность къ христіанамъ, естественно долженъ былъ возбудить и усилить гоненіе противъ первыи. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ странахъ гоненіе было такъ сильно, что нѣкоторые думали, будто уже приблизилось время Антихриста. (Евсев. VI, 7.). Особенно тяжело страдала церковь египетская: изъ всѣхъ провинцій поборники благочестія были приводимы въ Александрію на судъ къ Префекту Лету. Въ то время Оригену не исполнилось еще 17 лѣтъ, но его душею овладѣло такое сильное желаніе пострадать за Христа—Спасителя, что онъ самъ шелъ на встрѣчу опасностямъ и готовъ былъ объявить себя христіаниномъ; едва могли его удержать отъ сего просьбы и увѣщанія любящей матери. Когда же онъ узналъ, что отецъ его взятъ и заключенъ въ темницу, то еще живѣе воспламенилась въ немъ ревность раздѣлить участь отца; и послѣ тщетныхъ просьбъ, мать только силою воспрепятствовала исполненію его намѣренія, спрятавши всю его одежду. Такимъ образомъ, не имѣя возможности идти въ темницу къ Леониду и вмѣстѣ тяготѣя опасеніемъ, чтобы онъ не поколебался въ исповѣданіи вѣры изъ сожалѣнія къ горюющему семейству, Оригенъ послалъ письмо, въ которомъ трогательно увѣщевалъ отца къ благодушному мученичеству. „Смотри, изъ-за насъ не перемѣняй своихъ мыслей“ — вотъ его слова не многія, но достопамятныя по силѣ и искренности благочестія, которымъ онъ проникнуты. (Евсев. VI, 2).

¹⁶⁾ Это подтверждается сочиненіями Оригена, гдѣ замѣтно сходство въ направленіи и частныхъ мысляхъ его съ Климентомъ,

¹⁷⁾ Spartian. Sev. cap. 16—17. In itinere Palaestinis plurima jura fundavit. Iudaeos fieri sub gravi poena vetuit. Idem etiam de Christianis sanxit.

Послѣ мученической кончины Леонида, обезглавленнаго за не преклонность свою въ вѣрѣ ¹⁸⁾, Оригенъ остался сиротою съ матерью и шестью меньшими братьями. Несчастное семейство съ потерю имущества, отобраннаго въ казну, лишилось средствъ къ существованію, и готово было подвергнуться всѣмъ ужаснымъ послѣдствіямъ нищеты. Но его приняла и помѣстила въ своемъ домѣ одна богатая и знатная женщина, которая впрочемъ со- держа христіанскую вѣру, удалилась отъ ея простоты и не чужда была гностическихъ жемудрованій. Въ домѣ у нея жилъ приня- тый на мѣсто сына и преподавалъ уроки одинъ изъ извѣстѣй- шихъ въ то время жеучителей (гностиковъ) Павелъ, родомъ изъ Антиохіи: къ нему стекалось безчисленное множество не только еретиковъ, но и православныхъ христіанъ, желавшихъ слышать что-нибудь новое. Здѣсь-то Оригенъ обнаружилъ ту твердость, съ какою держался православія, и которая одна, при его отваж- номъ стремленіи раскрыть и привести въ систему ученіе цер- ковное, могла спасти его отъ ложнаго вѣдвнн (γνώσις). Ори- генъ, хотя не могъ уклониться отъ разнообразныхъ сношеній съ гностикомъ, но никакъ не хотѣлъ принимать участіе въ его молитвахъ, не смотря на особенное благорасположеніе къ нему своей покровительницы. Такое отчужденіе отъ жеучителя не было слѣдствіемъ петерпимости, но выраженіемъ той преданно- сти церковному ученію, по которой внослѣдствіи Оригенъ явился неутомимымъ врагомъ жеученія гностиковъ ¹⁹⁾. За то съ уд- военною ревностію онъ принялся изучать греческія науки, съ которыми познакомился еще подъ руководствомъ отца, и приоб- рѣлъ такой запасъ познаній въ грамматикѣ, ариметикѣ, гео- метріи и риторикѣ, что могъ самъ преподавать уроки въ этихъ наукахъ. Посему онъ рѣшился освободиться отъ зависимости въ средствахъ существованія и самъ сталъ доставать себѣ про- питаніе посредствомъ уроковъ.

Въ то время, какъ ужасы гоненія Северова заставили мно-

¹⁸⁾ Евсев. VI, 1. Смерть Леонида по Римскому Матрирологію относится къ 22 чис. апрѣля.

¹⁹⁾ Comment. in Matth. Series, pag 852: Et malum quidem est invenire ali- quem secundum mores vitae errantem, multo autem pejus arbitror esse in dog- matibus aberrare et non secundum verissimam regulam scripturarum sentire.

гихъ христіанъ удалиться изъ Александріи и даже наставники огласительнаго училища принуждены были скрыться отъ опасности, имъ особенно угрожавшей (Евсев. VI, 2), Оригенъ безбоязненно продолжалъ заниматься преподаваніемъ уроковъ въ грамматикѣ и древней литературѣ. При объясненіи языческихъ писателей встрѣчаясь съ ученіемъ многобожія, онъ конечно не разъ имѣлъ случай высказывать свои христіанскія убѣжденія, и среди мрака жеученій бросая искры небесной истины, непримѣтно воспламенялъ въ юныхъ сердцахъ своихъ слушателей желаніе познать и принять вѣру Христову. По крайней мѣрѣ, вѣрно то, что его способности и благочестивая ревность возбуждали уваженіе и между язычниками, и нѣкоторые изъ нихъ, желавшіе слышать Слово Божіе, обратились къ Оригену съ просьбою наставить ихъ въ истинахъ христіанства. Къ числу ихъ принадлежали два брата, Плутархъ и Иракль, изъ коихъ первый скоро прославился мученическою смертію, а другой впоследствии былъ наставникомъ огласительнаго училища и александрійскимъ епископомъ. Благотворная дѣятельность Оригена не скрылась отъ взоровъ заботливаго пастыря александрійской церкви Димитрія, который назначилъ 18 лѣтняго, но благочестиваго и ученаго юношу на праздное мѣсто наставника въ огласительномъ училищѣ²⁰⁾.

Славное и вмѣстѣ трудное поприще предстояло Оригену: онъ долженъ былъ учителемъ, представителемъ христіанской мудрости въ Александріи, бывшей средоточіемъ всего тогдашняго просвѣщенія, и въ такомъ училищѣ, въ которомъ наставниками были знаменитые ученостію Пантенъ и Климентъ и учениками часто являлись образованные язычники. Но Оригенъ при своихъ отличныхъ дарованіяхъ, неутомимой дѣятельности и благочестивой преданности Евангелію преодолѣлъ всѣ трудности, и успѣхами своими превзошелъ славу своихъ предшественниковъ.

²⁰⁾ Евсевій (Ibid) не опредѣляетъ времени, когда Оригенъ былъ избранъ Деметріемъ въ наставники огласительнаго училища; но Иеронимъ (de viris illustr. v. 54) говоритъ: «hic (Origenes) κατηχήσομεν opus aggressus, postea a Demetrio in locum Clementis conformatus». Изъ этого видно, что Оригенъ сперва частнымъ образомъ занимался оглашеніемъ язычниковъ, а потомъ получалъ отъ Димитрія формальное назначеніе на должность наставника

Чтобы вполне удовлетворить множеству слушателей, ему одному повзранныхъ (Евсев. VI, 3), Оригенъ оставилъ преподаваніе грамматическихъ уроковъ, на которые онъ не хотѣлъ тратить время, столь нужное ему для болѣе важныхъ и священныхъ занятій. Не будучи никогда врагомъ науки и учености, онъ пересталъ отдѣлять особые часы для преподаванія мірскихъ познаній, хотя способнѣйшимъ изъ своихъ учениковъ совѣтовалъ заниматься изслѣдованіемъ древности (Евсев. VI, 18). Въ то же время не желая завистью отъ другихъ въ средствахъ существованія, онъ продалъ драгоценное собраніе имъ самимъ прекрасно переписанныхъ классическихъ твореній ²¹⁾ одному любителю литературы съ тѣмъ, чтобы онъ давалъ ему за то по четыре овола въ день ²²⁾. Такимъ образомъ Оригенъ доставилъ себѣ возможность свободно посвятить свои силы дѣлу христіанскаго просвѣщенія. Дѣятельность его на этомъ поприщѣ преимущественно выражается въ подвигахъ пламенной вѣры и благочестія, коими сопровождалъ и подтверждалъ свои наставленія. Его основнымъ правиломъ было то, чтобы самому первому осуществлять на дѣлѣ ученіе, преподаваемое ученикамъ, чтобы ихъ назидать столько же собственнымъ примѣромъ, сколько и устными уроками (Евсев. VI, 3). Св. Епифаній свидѣтельствуетъ, что жизнь Оригера была совершенно согласна съ его ученіемъ, и его ученіе равнялось святости жизни ²³⁾: Онъ проводилъ жизнь самую строгую и святую ²⁴⁾. Нельзя не удивляться его добродѣлямъ, въ исполненіи которыхъ онъ съ самоотверженіемъ и тѣмъ усердіемъ слѣдовалъ Евангельскимъ заповѣдямъ, чѣмъ строже и выше онъ казался ему. Нищету ²⁵⁾ возлюбилъ онъ до того, что за свои труды ничего не бралъ отъ своихъ слушателей, какъ ни охотно нѣкоторые изъ нихъ предлагали ему свои услуги и пособія. Занимаясь днемъ преподаваніемъ уроковъ, большую

²¹⁾ Евсевій: λογων ἀρχαίων πρότερον συγγραμμάτων φιλοκαλῶς εσπούδασμένα». Руфій: *Bibliothecam gentilium scriptorum*.

²²⁾ Это составляетъ около 7 к. сер.

²³⁾ Eriphan. haeres LXIV, cap. 2,

²⁴⁾ Eriphan. ibid. cap. 2 et 5.

²⁵⁾ Въ сочиненія (Exhort ad Martyr. pag 284), написанномъ спустя около 30 лѣтъ, Оригенъ причисляетъ себя къ бѣднымъ. См. также *Nomil. in tepes XVI, pag. 104.*

часть ночи посвящала онъ размышленію о св. Писаніи, которое зналъ наизусть ²⁶⁾: не много времени угвляя онъ на то, чтобы дать отдыхъ утружденному тѣлу своему и ложею для него часто служила голая земля. Съ немовѣрнымъ терпѣніемъ переносилъ онъ холодъ, имѣя одну только одежду, и въ продолженіе многихъ лѣтъ ходилъ совершенно босой. Часто подвизался въ постѣ, рѣдко употреблялъ мясо и никогда не пилъ вина: строгость въ отношеніи къ тѣлеснымъ потребностямъ довела его до опасности раастроить и безъ того слабую грудь ²⁷⁾.

Такая жизнь Оригена, одушевленная искреннимъ благочестіемъ при необыкновенныхъ его дарованіяхъ, не могла оставаться безъ дѣйствія на окружающихъ его людей. И должно ли удивляться, что онъ наставленіями и особенно своимъ высокимъ нравственнымъ характеромъ привлекалъ многихъ къ христіанству и воспиталъ въ своей школѣ великихъ подвижниковъ благочестія и добродѣльныхъ мучениковъ за вѣру Христову!... Гоненіе, снова и жарче прежняго возгорѣвшееся при другомъ проконсулѣ Египта—Англѣ, не могло удержать распространенія Евангелія и поколебать твердость читателей истиннаго Бога. Многие изъ учениковъ Оригена, только-что наставленныхъ имъ въ христіанствѣ, съ радостію запечатѣли свою вѣру мученическою смертію. Плутархъ палъ въ числѣ первыхъ жертвъ возобновившагося гоненія; за нимъ вскорѣ послѣдовали пять другихъ воспитанниковъ Оригеновыхъ ²⁸⁾. Среди подвиговъ христіанскихъ ратоборцевъ, и самъ Оригенъ не оставался празднымъ и равнодушнымъ зрителемъ. Не смотря на всѣ опасности, онъ былъ учителемъ, другомъ и братомъ ихъ до послѣдней минуты ихъ жизни: онъ посѣщалъ исповѣдниковъ Христовыхъ въ темницахъ и провожалъ ихъ въ судъ для выслушанія послѣдняго приговора, соизувствовалъ имъ на мѣсто казни, и здѣсь въ виду самой смерти не страшился утѣшать и ободрять ихъ силою вѣры въ

²⁶⁾ Hieronym. Epist. LXV.

²⁷⁾ Евсев. VI, 3: «Διαθωρά τοῦ θώρακος». Eriphan. LXIV, cap. 5.

²⁸⁾ Евсев. VI, 4. Таковы были: Серенъ, который былъ сожженъ; Гераклидъ, еще оглашенный; Геронъ, не задолго принявшій крещеніе; другой Серенъ палъ отъ меча, и Геракса.—Потаміна (Евсев. VI. 5) не была въ числѣ наставленныхъ Оригеномъ.

Распятого, смѣло подходилъ къ нимъ и давалъ прощальное лобзаніе. Не разъ подвергался онъ опасности быть лишеннымъ жизни отъ неистовой черни, которая въ ярости противъ великаго поборника новой вѣры бросала въ него камнями. Не разъ случалось, что языческая чернь, подкрѣпленная солдатами, окружала его жилище, съ намѣреніемъ схватить его, и онъ для безопасности долженъ былъ перебегать изъ одного дома въ другой. (Евсев. VI, 3). Но десница Божія, незримо простертая надъ великимъ учителемъ благочестія, дивнымъ образомъ охраняла его и спасала отъ смерти. Однажды, повѣствуетъ Св. Епифаній (Haeges LXIV, I), язычники, схвативши Оригена, привели его къ храму Сераписа, дали ему въ руки пальмовыя вѣтви и заставили по обычаю ихъ жрецовъ, раздавать вѣтви всѣмъ входящимъ въ храмъ. Оригенъ раздавалъ вѣтви, по громогласно говорилъ принимающимъ: „Берите, но не вѣтви идоловъ, а пальмы Христовы!“ Изумленные такою силою и твердостью духа, язычники не смѣли до него коснуться ²⁹⁾.

²⁹⁾ Къ тому же времени, когда Оригенъ былъ еще въ юношескомъ возрастѣ, относится другое доказательство его самоотверженія и ревности къ дѣлу своего служенія. Будучи обязанъ наставлять въ вѣрѣ женщинъ и дѣвъ, и по причинѣ гоненія—даже въ часы ночи, онъ боялся искушеній плоти, а также подоарній и клеветъ людей неблагонамѣренныхъ, и буквально исполнилъ на себѣ слово Спасителя о скопцахъ, скопившихъ себя ради царствія Божія (Мф. XIX, 12). Но онъ тотчасъ позналъ ошибку, и потому старался скрыть свой поступокъ. Епископъ Александрійскій Дмитрій, узнавши о немъ, обнаружилъ любвеобильное участіе къ горю Оригена, утѣшилъ и ободрилъ его къ продолженію занятій въ огласительномъ училищѣ; хотя послѣ онъ воспользовался этою ошибкою безразсудной ревности ко вреду Оригена. Впрочемъ самъ Оригенъ въ толкованіи на Евангеліе отъ Маттея (Tom. XV. homil. in Matth.) осуждалъ буквальное изясненіе словъ Спасителя, и принималъ ихъ въ смыслѣ иносказательныхъ. Евсевій Церк. Истор. VI, глава 8, Блаж. Иеронимъ (Epist. ad Pamphac et Ocean.) говорить объ Оригенѣ: «*voluptates in tantum fugit, ut zelo Dei, sed tamen non secundum scientiam, ferro truncaret genitalia*». Нѣкоторые изъ новѣйшихъ ученыхъ (напр. Шнитцеръ въ сочиненіи: *Origenes über Grundlehren*) стараются заподозрить достовѣрность этого событія, принимая сказаніе о немъ за выдумку враговъ Оригена, хотѣвшихъ высокую чистоту его жизни низвести въ рядъ явлений естественныхъ обыкновенныхъ: но несправедливо; ибо объ этомъ поступкѣ Оригена свидѣтельствуетъ почитатель его, историкъ Евсевій, имѣвшій возможность чрезъ мученика Памфила вѣрно узнать истину.

До сего жизнь Оригена преимущественно сосредоточивалась въ живомъ одушевленномъ чувствѣ вѣры и выражалась въ христіанской дѣятельности, замечательной характеромъ строгаго подвижничества. Последующее время представляетъ второй періодъ, гдѣ вѣра входитъ въ тѣсную связь съ христіанскимъ знаніемъ, подвижничество теряетъ свою односторонность сохраняя всю свою силу и высоту, и Оригенъ является на богѣ обширномъ поприщѣ служенія св. церкви.

II.

Долгое время Оригенъ довольствовался въ отношеніи къ наукамъ и особенно къ философіи тѣми познаніями, какія приобрѣлъ еще въ раннюю пору своей жизни, частію изъ уроковъ, ему преподаваемыхъ, частію посредствомъ чтенія ученыхъ сочиненій. Но обстоятельства александрійскаго учителя побудили его снова и глубже изучить различныя философскія системы, равно какъ и еретическія секты. Объ этомъ самъ онъ говоритъ въ одномъ письмѣ (Евсев. VI, 19), оправдывая свои занятія философіей: „когда я совершенно предался Слову Божію и молва о моихъ богословскихъ познаніяхъ далеко распространилась; тогда стали ко мнѣ приходить то еретики, то язычники знакомые съ греческими науками и особенно съ философіею: посему я заблагоразсудилъ изслѣдовать ученіе еретиковъ и мнѣнія философовъ объ истинѣ“. Такимъ образомъ Оригенъ рѣшился посѣщать школу знаменитаго въ то время преподавателя философіи, Аммонія Саккаса, котораго ученіе составляла смѣсь греческой и восточной философіи съ истинами христіанства (Евсев. VI, 19). Это событіе относится къ зрѣлому возрасту Оригена ²⁰⁾, когда онъ утвердился уже въ своихъ вѣрованіяхъ и имѣлъ опредѣленный (согласно съ Климентомъ) взглядъ на достоинство философскаго умозрѣнія и его правильное употребленіе. Почему нельзя

²⁰⁾ Какъ открывается изъ показанія самого Оригена въ письмѣ, въ которомъ оправдываетъ свое занятіе философіею. Здѣсь между прочимъ Оригенъ говоритъ, что онъ началъ слушать уроки философіи, когда Ираклъ, обращенный имъ въ христіанство, уже 5 лѣтъ занимался въ школѣ Аммонія.

ожидать, чтобы занятіе философскими науками измѣнило его богословскій образъ мыслей и первоначальныя убѣжденія его ума. Тѣмъ не менѣе оно не осталось безъ вліянія на послѣдующую дѣятельность Оригена, которая при обширности своей получила и болѣе ученое направленіе, но вмѣстѣ подверглась опасности уклоненія къ немаловажнымъ заблужденіямъ.

По возвращеніи изъ Рима, куда онъ путешествовалъ для того чтобы видѣть древнюю церковь Римскую²¹⁾, Оригенъ намѣренъ былъ исключительно предаться ученымъ изслѣдованіямъ, и особенно—относительно Св. Писанія. Уступая настоятельнымъ просьбамъ епископа Димитрія, онъ продолжалъ обычное дѣло оглашенія: но чтобы облегчить свои труды и удовлетворить разнородному множеству слушателей, онъ избралъ себѣ въ помощника друга своего, ученаго Иракла, и ему поручилъ наставленіе только-что приступающихъ къ ученію, а себѣ предоставилъ заниматься съ болѣе совершенными и способными (Евсев. VI, 14—15). Черезъ такое раздѣленіе занятій Оригенъ получилъ возможность расширить кругъ своего преподаванія. Убѣжденный въ пользу научнаго образованія какъ для основательнаго разумнѣя Слова Божія, такъ и для удобнѣшаго опроверженія чувственной вѣры язычниковъ и произвольнаго мудрованія гностиковъ, Оригенъ сталъ преподавать и науки свѣтскія, давая имъ впрочемъ христіанское направленіе²²⁾. Прошедши рядъ наукъ приготовительныхъ, какъ то: діалектику, физику и математику, онъ читалъ съ своими учениками писанія древнихъ философовъ (исключая безбожниковъ) для того, чтобы пріучить ихъ всюду находить и отдѣлять истину отъ примѣсовъ ложнаго, не привязываясь ни къ какой школѣ или системѣ. Наконецъ, показавши недостаточность языческой мудрости для удовлетворенія потребностей человѣческаго духа, онъ возводилъ ихъ умъ къ истинѣ Богооткровенной: довершеніемъ и какъ бы вѣнцемъ его уроковъ было ученое истолкованіе Св. Писанія, сопровождавшееся богословскими разсужденіями. Черезъ такой постепенный ходъ въ

²¹⁾ Евсев. VI, 14. Это было въ 211 году, при римскомъ епископѣ Зефиріѣ.

²²⁾ Подробности объ образѣ преподаванія Оригена сообщаютъ Св. Григорій Чудотворецъ въ похвальномъ словѣ Оригену.

преподаваніи Оригена многие, которые являлись въ его школу по любознательности, наконецъ приходили къ убѣжденію въ божественности христіанства, и обращались въ нѣдра православной церкви. Замѣчательный примѣръ этого представляетъ богатый и знаменитый гражданинъ александрійскій Амвросій который, удалившись отъ простоты церковнаго вѣрованія, думалъ найти высшую истину въ гностической 'сектѣ'³³⁾. Привлеченный славою учености Оригена, онъ сталъ слушать его и убѣдившись въ истинѣ преподаваемого имъ ученія, оставилъ свои заблужденія и возвратился въ православіе. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался самымъ искреннимъ другомъ Оригена, доставляя ему необходимыя средства къ совершенію трудовъ на пользу церкви.

Дѣятельность Оригена не ограничивалась Александрійскимъ училищемъ, но вмѣстѣ съ славою его распространилась далеко и за предѣлы Египта. Такъ правитель Аравіи въ письмахъ (Евсев. VI, 19) къ епископу Димитрію и къ тогдашнему префекту Египта просилъ ихъ безъ отлагательства прислать къ нему Оригена для собесѣдованія о предметахъ вѣры. Вслѣдствіе сего Оригенъ отправился въ Аравію и въ короткое время совершивъ дѣло своего посольства, возвратился въ Александрію. Неизвѣстно, какой именно успѣхъ имѣло это путешествіе Оригена въ Аравію. Но въ послѣдствіи имя его въ тамошнихъ церквяхъ христіанскихъ пользовалось великимъ уваженіемъ, и онъ былъ призываемъ ими на помощь въ борьбѣ съ разными заблужденіями (Евсев. VI, 37). Вскорѣ (около 216 года) Оригенъ опять принужденъ былъ удалиться изъ Александріи, избѣгая бури, которая разразилась надъ жителями этого города, по прибытіи раздраженнаго противъ нихъ императора Каракаллы³⁴⁾. Отправившись въ Палестину, онъ съ радушіемъ былъ принятъ давнишнимъ другомъ своимъ (Евсев. VI, 14) Александромъ, еписко-

³³⁾ Въ какой—рѣшить нельзя. По свидѣтельству Евсевія (VI, 12) онъ держался ереси Валентина; а блаж. Иеронимъ (de viribus illustr. cap. 66) называетъ его послѣдователемъ Маркіона, и прибавляетъ: *deinde ab Origene correctus, Ecclesiae diaconus et confessionis Dominicae gloria insignis juit*. Свѣдѣнія объ Амвросіи тщательно собраны Мосгеймомъ въ изданіи нѣмецкаго перевода книгъ противъ Целса.

³⁴⁾ Евсев. VI, 19. см. Ael. Spartian. VI, 6.

помъ Иерусалимскимъ, и Теоктистомъ епископомъ Кесарійскимъ. Они изъ уваженія къ Александрійскому учителю поручили ему говорить бесѣды въ церковныхъ собраніяхъ, не смотря на то, что онъ не имѣлъ еще степени священства. Обычай церкви палестинскихъ, дозволявшій и мірянамъ проповѣдывать въ храмѣ съ соизволенія епископовъ, оправдывалъ Александра и Теоктиста ³⁵⁾. Но Димитрій въ неудовольствіи на почетею оказанную Оригену (Евсев. VI, 8) чужими епископами, представлялъ имъ незаконность проповѣданія огласителя въ ихъ церкви и чрезъ письма съ нарочно посланными діаконами настоятельно вызвалъ Оригенъ обратно въ Александрію для продолженія прѣжнихъ трудовъ ³⁶⁾ его.

Спустя немного лѣтъ, Оригенъ предпринялъ новое путешествіе—въ Антиохію къ матери императора Александра Севера, Юліи Мамеѣ (223—224). Эта благочестивая женщина, услышавши о знаменитомъ христіанскомъ учителѣ, пожелала видѣть его и видѣтъ получить отъ него болѣе точныя свѣдѣнія объ ученіи и учрежденіяхъ христіанъ. Сопровождаемый почетною стражею Оригенъ прибылъ въ императорскому двору въ Антиохію и показалъ тамъ славу Господа и силу Божественнаго ученія (Евсев. VI, 21. 11. Hieronim. car. 54). Свиданіе Оригена съ матерію императора сопровождалось благодѣтельнымъ слѣдствіемъ для христіанской церкви. Если справедливо преданіе, что Маммея сдѣлалась христіанкою, то обращеніе это, послѣ Бога, должно приписать усиліямъ благочестиваго и ученаго Оригена. Ему же обязаны христіане тѣмъ миромъ, которымъ наслаждались они въ тринадцатилѣтнее правленіе ея сына Александра.

Кромѣ занятій по огласительному училищу и путешествій по разнымъ странамъ христіанскаго міра, жизнь Оригена представляетъ рядъ разнообразныхъ ученыхъ трудовъ, которые посвятилъ онъ изслѣдованію Св. Писанія и христіанскаго ученія. Его библейскія занятія расширились чрезъ изученіе Еврейскаго языка (Евсев. VI, 11), которое онъ предпринялъ, не смотря на

³⁵⁾ См. письмо ихъ къ Димитрію у Евсевія VI, 19.

³⁶⁾ На возвратномъ пути въ Александрію Оригенъ нашелъ въ Иерихонѣ въ бочкѣ одинъ изъ переводовъ, помѣщенныхъ имъ въ Екзаллахъ,—вѣроятно «пяти». (Евсев. VI, 16. Eriphan. de pond. et mensur. car. 18. См. Huet Origen. 1, 2, 10).

зрѣлый возрастъ свой и вопреки обычаю тогдашнихъ ученыхъ ³⁷⁾. Подъ руководствомъ Іудея Гуиллія ³⁸⁾, Оригенъ въ короткое время преодолѣлъ трудности Еврейскаго языка ³⁹⁾, познакомившись съ образомъ чтенія письменныхъ знаковъ и съ ходячими, хоть не всегда вѣрными, объясненіями словъ и формъ ⁴⁰⁾. Тогдаже Оригенъ началъ собирать различные греческіе переводы Ветхаго Завѣта и сличать ихъ между собою и съ подлиннымъ текстомъ (Евсев. VI, 16). Въ этихъ трудахъ особенное участіе принималъ извѣстный другъ Оригена Амвросій не только убѣжденіями, но и щедрымъ доставленіемъ ему самыхъ способовъ: онъ далъ Оригену 7 скорописцевъ, которые смѣняли другъ друга для записыванія его мыслей, и столько же другихъ, занимавшихся перепискою. (Есев. VI, 23). Онъ каждый день требовалъ отъ Оригена новаго плода его занятій, такъ что Адамантовый едва успѣвалъ удовлетворять его ожиданіямъ, непрерывно работая днемъ и большую часть ночи употребляя на филологическія изслѣдованія ⁴¹⁾. Онъ же побуждалъ Оригена изданіемъ въ свѣтъ своихъ сочиненій распространить ихъ пользу во всей церкви, для того чтобы противодѣйствовать ложнымъ толкованіямъ гностиковъ ⁴²⁾. Такииъ образомъ Оригенъ написалъ толкованіе на Евангеліе отъ Іоанна, на книгу Бытія, на псалмы и плачь Іереміи также Строматы и сочиненія о воскресеніи и о началахъ (περί ἀρχῶν) (Евсев. VI, 24). Изъ этихъ сочиненій послѣднее особенно важно какъ по своему значенію, такъ и по вліянію на судьбу Оригена при жизни его и въ вѣкахъ послѣдующихъ. Оно представляетъ

³⁷⁾ Hieronym. ad Pammach. et Ocean.

³⁸⁾ Hieronym. advers. Prufin Lib. 1, 3.

³⁹⁾ Hieronym. epist. 29 ad Pavlam.

⁴⁰⁾ Какъ это видно изъ сочиненій Оригена. См. Huetii Origeniana 11, 1, 2. Rosenmülleri histor. interpret. III, 29.

⁴¹⁾ Объ этомъ свидѣтельствуетъ Оригенъ въ письмѣ къ Амвросію. Origen. opp. Tom. I. pag. 3. За это онъ называетъ Амвросія ἐρῳδοῦβκτης.

⁴²⁾ Объ этой цѣли своихъ толкованій самъ Оригенъ говоритъ: «Такъ какъ инославные (ἑτεροδόξοι) подл личною вѣдѣнію возстаютъ противъ церкви, и выдаютъ многотояныя сочиненія, общающія изъясненіе Евангелія и апостольскихъ посланій, то они увлекутъ къ себѣ жажущія души, отъ недостатка спасительной пици готовыя воспользоваться запрещеннымъ, если мы будемъ молчать и не противопоставимъ имъ здравыхъ и истинныхъ понятій». (Comment in Johan. Tom. V).

первый опытъ систематическаго изложенія христіанскаго ученія на основаніи богословскихъ началъ—св. Писанія ⁴³⁾ и св. преданія ⁴⁴⁾. Но при раскрытіи догматовъ вѣры пользуясь и соображеніями разума ⁴⁵⁾, Оригенъ подчинился господствовавшей въ то время философіи Платона и допустилъ (хотя въ видѣ предположеній, догадокъ и мѣтній) нѣсколько ошибочныхъ мыслей, которыя самъ впоследствии отвергнулъ ⁴⁶⁾.

Между тѣмъ внутреннія безпокойства, волновавшія церковь Ахайскую, по причинѣ распространившихся лжеученій ⁴⁷⁾ заставили ее пригласить александрійскаго учителя для возстановленія мира и единомыслія. Отправившись туда съ одобрительными грамотами отъ своего епископа Димитрія ⁴⁸⁾, Оригенъ на пути своемъ чрезъ Палестину, остановился на время въ Кесаріи, и здѣсь былъ посвященъ въ санъ пресвитерскій епископами той страны (Евсев. VI, 23), во главѣ которыхъ находились Александръ іерусалимскій и Θεоктистъ кесарійскій ⁴⁹⁾. Это было въ 228 году. Такой поступокъ епископовъ палестинскихъ съ большею вѣроятностію объясняется желаніемъ ихъ опять слушать церковныя поученія своего друга; а когда Оригенъ отказывался отъ сего изъ опасенія заслужить новыя укоризны и неудовольствія отъ Димитрія, то они не находя никакихъ препятствій ⁵⁰⁾, и ру-

⁴³⁾ De princip. Praefat. cap. 1.

⁴⁴⁾ Ibid. Cap. 2. «Servetur ecclesiastica praedicatio per successionis ordinem ab Apostolis tradita et usque ad praesens in ecclesiis permanens: illa sola credenda est veritas, quae in nullo ab ecclesiastica et apostolica discordat traditione.

⁴⁵⁾ Ibidem cap. 10.

⁴⁶⁾ Въ посланіи къ римскому епископу Фабиану, защищая свое православіе, онъ изъясняется, что въ сочиненіи περί ἀρχῶν онъ наложилъ нѣкоторыя мысли, которыя теперь не признаетъ истинными и что Амвросій обнародовалъ это сочиненіе противъ его воли (Иероним. Epist. 41).

⁴⁷⁾ Евсев. VI, 23. Сн. Руфанъ въ переводѣ сего мѣста. Иероним. de viris illustribus cap. 25.

⁴⁸⁾ Hieronymus de viris illustr. cap. 54, sub testimonio Eccles. epistolae. Ibid. cap. 62. Иеронимъ говоритъ, что Александръ посвятилъ Оригена въ пресвитера. «Juxta testimonium Demetrii».

⁴⁹⁾ Евсев. VI, 8. Обоихъ называетъ и Иеронимъ (de viris illustr. cap. 54).

⁵⁰⁾ Препятствіе было въ прав. 22 апостольскомъ, но епископы палестинскіе могли не знать, что оно имѣетъ приложеніе къ Оригену, снабженному притомъ

положили его во пресвитера для того, чтобы имѣть ему право проповѣдывать въ церкви, согласно съ александрійскою дисциплиною⁵¹⁾. Какъ бы то ни было, Оригенъ не предвидя горестныхъ послѣдствій сего, съ успѣхомъ совершилъ путешествіе свое въ Ахаію⁵²⁾, и чрезъ Ефесъ и Антиохію⁵³⁾ возвратился въ Александрію въ 230 году⁵⁴⁾.

Кесарійское событіе произвело рѣшительный переворотъ во внѣшней жизни Оригена. И прежде епископъ александрійскій Димитрій сильно упрекалъ епископовъ Александра и Θεоктиста за то, что они уполномочили Оригена говорить въ ихъ церкви поученія: это было первымъ поводомъ къ неудовольствію Димитрія на знаменитаго учителя. Но по мѣрѣ увеличенія славы Оригена за его ученость и благочестіе возрастало и нерасположеніе къ нему александрійскаго епископа⁵⁵⁾. Рукоположеніе же Оригена вызвало самыя непріязненные дѣйствія со стороны Ди-

одобрительными грамотами отъ Димитрія, а самъ онъ уже давно раскаявшійся, также могъ не относить къ себѣ строго того правила.

⁵¹⁾ Въ александрійской церкви, какъ видно изъ посланія еп. Александра и Θεоктиста къ Димитрію (Евсев. VI, 19), учить въ собраніи вѣрующихъ дозволено только пресвитеру.

⁵²⁾ Въ Афинахъ было спорное разсужденіе, которое было записано, и искаженные копии этой записи распространились далеко, достигли даже до палестинскихъ друзей Оригена (Epist. Orig. ad amicos Alexandr.). Кромѣ того своимъ пребываніемъ въ главномъ городѣ Ахаіи, Оригенъ могъ воспользоваться и для того, чтобы познакомиться съ тамошними философскими школами, которыя щедростію имп. Антонина были опять поставлены въ цвѣтущее состояніе (Eriph. Haer. 64. Сн. Ritters Geschichte der Philosophie IV, 65).

⁵³⁾ Къ этому времени всего лучше могутъ быть отнесены происшествія, о которыхъ разсказываетъ Оригенъ въ письмѣ къ александрійскимъ друзьямъ. Въ Ефесѣ одинъ еретикъ, уклонившійся отъ всякаго состязанія, составилъ подъ именемъ Оригена акты мнимаго спора, переслалъ въ Римъ къ своимъ ученикамъ и распространилъ въ Антиохію, куда самъ прибылъ прежде Оригена. Но Оригенъ тамъ уличилъ его въ подлогѣ.

⁵⁴⁾ Евсев. VI, 28, гдѣ оно относится ко времени, когда Понтіанъ вступилъ на епископскую кафедру въ Римѣ, а Зебинъ—на антиохійскую,—что было въ 7 годъ правленія Александра Севера. На этомъ пути Оригенъ нашелъ въ Никополѣ при Акціумѣ одинъ изъ переводовъ, помѣщенный имъ въ Эвзалахъ (Евсев. VI, 16. Hieron. Prol. in Cant. cap. 11. Eriph. de pond. et mens. c. 18).

⁵⁵⁾ Евсев. VI, 8. Hieronymus epist. ad Paulam. и у Руфина Invest. adv. Hieronanderъ, Церков. Истор., т. 1.

митрія. Оригенъ видѣлъ собирающуюся бурю ⁵⁶⁾ и предпочелъ добровольно ⁵⁷⁾ удалиться изъ Александріи, оставивъ огласительное училище другу и сотруднику своему Ираклу. А Димитрій составилъ соборъ изъ египетскихъ епископовъ и пресвитеровъ ⁵⁸⁾, на которомъ Оригенъ былъ отрѣшенъ отъ наставнической должности и удаленъ изъ Александріи, но не лишенъ священнаго сана. Тѣмъ не кончилось еще дѣло. На другомъ соборѣ, состоявшемся только изъ нѣкоторыхъ епископовъ, по настоянію Димитрія, Оригенъ былъ признанъ достойнымъ изверженія изъ сана ⁵⁹⁾. Соборное рѣшеніе было объявлено по разнымъ державамъ и было принято ими, за исключеніемъ церкви въ Палестинѣ и Финикіи, Аравіи и Ахаіи ⁶⁰⁾.

III.

Бесарія (стратонская) въ Палестинѣ, построенная Иродомъ Великимъ, по своему выгодному положенію при морѣ, и по особеннымъ преимуществамъ римской колоніи, очень рано возвысилась надъ всѣми большими городами той же страны; отличаясь многочисленностію и образованностію своихъ жителей, она въ нѣкоторой степени справедливо могла быть названа палестинскою Александріею. Здѣсь-то поселился Оригенъ, удалившись изъ своего отечественнаго города, и опять вступилъ на поприще дѣятельности, подобное тому, какое только-что оставилъ въ Египтѣ. Съ перемѣною внѣшнихъ обстоятельствъ не измѣ-

⁵⁶⁾ Origen. Tom. in Iohan. VI, 101.

⁵⁷⁾ Какъ видно изъ его словъ *ibid.*

⁵⁸⁾ Евсевій (VI, 8) говоритъ, что Димитрій въ осужденіе Оригена представлялъ безразсудный поступокъ вности его, воспрещавшій принатіе священнаго сана; но изъ письма Оригена къ друзьямъ александрійскимъ можно заключать, что епископъ Димитрій ставилъ въ вину Оригену его ошибочныя мнѣнія.

⁵⁹⁾ Phol. Biblioth. год. 118.

⁶⁰⁾ *Damnatae a Demetrio Episcopo, exceptis Palaestinae et Arabiae et Phoeniciae atque Achaiae sacerdotibus. In damnationem ejus consentit urbs Romana ipsa contra hunc Senatam cogit, non propter dogmatum novitatem, non propter haeresin, sed quia gloria eloquentiae ejus et scientiae ferre non poterant* (Hier. epist. ad Paulam). Сказаніе св. Епифанія (Haer. 64) о причинѣ удаленія Оригена изъ Александріи основательно рассмотрено Шреккомъ (Церк. Истор., ч. 4).

нился духъ и не прекратилась дѣятельность Оригена ко благу церкви: та же ревность о благочестіи, та же преданность Евангелію, та же любовь къ истинѣ и знанію одушевляютъ и его послѣдующую жизнь. Но справедливо можно полагать, что печальная участь, постигшая его въ Александріи, вмѣстѣ съ болѣе зрѣлымъ возрастомъ умѣрили порывы пылкаго и выспреннаго ума александрійскаго учителя и внушило ему болѣе строгости и осмотрительности въ разсужденіи предметовъ вѣры.

Утвердившись въ спокойномъ расположеніи духа, которое нѣсколько возмущено было непріязненными дѣйствіями ⁶¹⁾ александрійскаго епископа, Оригенъ обратился къ обыкновеннымъ занятіямъ. Онъ сталъ продолжать толкованіе на Евангеліе отъ Іоанна, котораго прежде написано было только 5 томовъ. Оставаясь въ санѣ пресвитера онъ говорилъ въ собраніи вѣрующихъ бесѣды о Свящ. Писаніи и другія поученія въ присутствіи епископовъ Теокиста и Александра. Уваженіе сихъ пастырей церкви къ Оригену было такъ велико, что они предоставили ему одному все дѣло церковнаго проповѣданія (Евсев. VI, 27). Даже епископъ отдаленной Кесаріи Каппадокійской Фирмилианъ нерѣдко отправлялся въ Палестину, для того, чтобы въ поучительныхъ бесѣдахъ съ великимъ учителемъ усовершенствовать себя въ познаніи священныхъ предметовъ ⁶²⁾. Въ то же время Оригенъ открылъ въ Кесаріи училище, куда стекалось великое множество (Евсев. VI, 30) учениковъ, не только изъ ближнихъ, но изъ самыхъ дальнихъ областей, для удовлетворенія своей жажды къ знанію въ богатой и щедрой учености Оригена.

⁶¹⁾ Въ предисловіи къ VI тому своихъ толкованій на Іоанна Оригенъ говоритъ, что врагъ еще жесточе напалъ на него чрезъ новое, поистинѣ противное Евангелію посланіе, и возбудилъ противъ него всѣ вѣтры злости». Здѣсь Оригенъ вѣроятно намекаетъ на опредѣленіе 2 александрійскаго собора, которое достигло и въ Кесарію. Съ своей стороны Оригенъ писалъ посланіе къ нѣкоторымъ друзьямъ александрійскимъ, проникнутое кротостію и умѣренностію въ сужденіи о врагахъ. Онъ говоритъ, что хочетъ соблюдать умѣренность въ словахъ, также какъ въ пищѣ и питіи, и своихъ враговъ предоставляетъ суду Божію. «Такихъ людей, говоритъ, мы должны болѣе жалѣть, нежели ненавидѣть, молиться за нихъ, а не злословить. Ибо мы сотворены для того, чтобы произносить благословеніе, а не проклятіе».

⁶²⁾ Евсев. VI, 27. Ieron. de vir. illustr. cap. 54.

Въ числѣ кесарійскихъ учениковъ Оригена замѣчательнѣйшіе были: Θεодоръ, впоследствии Григорій Чудотворецъ епископъ неокесарійскій, и братъ его Аеннодоръ. Отправившись изъ своего отечественнаго города (Неокесарія Понтійскоя) въ Беритъ ⁶³⁾ для дальнѣйшаго образованія своего въ процвѣтавшей тамъ школѣ римскаго права, они по обстоятельствамъ ⁶⁴⁾ должны были остановиться на нѣсколько времени въ Кесаріи и здѣсь встрѣтились съ знаменитымъ учителемъ. Своими краснорѣчивыми бесѣдами о высокомъ достоинствѣ любомудрія и суетности всякаго другаго стремленія, вмѣстѣ съ необыкновенно привлекательными свойствами кроткой и благочестивой души, Оригенъ произвелъ такое впечатлѣніе на молодыхъ путешественниковъ, что они забыли право, Беритъ, родныхъ,—все, дотошъ ихъ занимавшее и какъ бы невольно всею душею предались Оригену. Около 5 лѣтъ провели они подъ руководствомъ Оригена, и благодарность за превосходныя наставленія учителя, равно какъ и скорбь о разлукѣ съ нимъ краснорѣчиво выразилъ Григорій въ прощальномъ словѣ своемъ въ похвалу Оригена ⁶⁵⁾. О своемъ учителѣ такъ свидѣтельствуетъ Григорій Неокесарійскій: „О предметахъ, попадавшихъ его слову, онъ разсуждалъ, не показывая вида человѣка, который старается привести въ замѣшательство (skonfuzitъ) своихъ противниковъ. Его сужденія были полны силы, но онъ представлялъ ихъ съ такою пріятностію, что не возможно было ему противостоять и не покоряться. Его бесѣды воспламенили мое сердце и наполнили его самою живою страстію столько же къ ученію, сколько и къ учителю. Моя душа прилѣпилась къ его душѣ, какъ душа Іонаана къ душѣ Давида... Въ особенности онъ былъ превосходенъ въ разумнѣиіи Священныхъ книгъ. Самъ Духъ Святой избралъ его въ достойные толкователи своихъ священныхъ прореченій. Въ содружествѣ

⁶³⁾ Hieron. de vir. illustr. cap. 85.

⁶⁴⁾ Они имѣли порученіе препроводить сестру свою къ ея супругу, отправившемуся на гражданскую службу въ Кесарію. См. Неандеръ Церков., Исторія 1, стр. 817.

⁶⁵⁾ Rappenburg. in Orig. въ IV томѣ твореній Оригена, изд. de la Rue. И впоследствии Оригенъ не забылъ св. Григорія, но около 240 г. писалъ къ нему посланіе, въ которомъ убѣждалъ своего ученика всѣ дарованія и знанія посвящать на служеніе Христу и Его церкви (opp. Origen. T. 1, pag. 30).

этого великаго человѣка мы вѣшали самыя чистыя, самыя дивныя удовольствія“.

Дѣятельность Оригена неожиданно прервана была въ 235 г., когда съ воцареніемъ Максимиана, убійцы Александра и жестокаго врага христіанъ, воздвигнуто было сильное гоненіе преимущественно противъ пастырей и учителей христіанскихъ (Евсев. VII, 28). По свидѣтельству Орозія⁶⁶⁾ опасность особенно угрожала Оригену, какъ ревностѣйшему распространителю евангельскаго ученія, проповѣдывавшему его даже при дворѣ прежняго императора Александра Севера. Такъ какъ гоненіе было не повсюдное⁶⁷⁾: то разсудительный Оригенъ⁶⁸⁾ слѣдуя завѣту Спасителя (Мѡ. X, 23) искалъ убѣжища въ Кесаріи Каппадокійской у епископа Фирмилиана, который можетъ быть теперь, какъ нерѣдко и прежде, призывалъ его къ себѣ для пользы церкви (Евсев. V, 27). Но и здѣсь открылось сильное гоненіе⁶⁹⁾ и заставило его скрыться въ домѣ одной образованной и благочестивой дѣвы, по имени Юліаны. Два года жилъ онъ въ такомъ уединенномъ убѣжищѣ⁷⁰⁾, впрочемъ не безъ пользы для своихъ ученыхъ трудовъ. Случилось, что эта дѣва имѣла у себя по наслѣдству собраніе книгъ Симмаха, извѣстнаго своимъ переводомъ Вѣтхаго Завѣта, и Оригенъ нашелъ у нея, кромѣ замѣчаній на Евангеліе отъ Матѳея, и другія толкованія Симмаха на Св. Писаніе⁷¹⁾, которыя могли быть полезны ему въ дѣлѣ сличенія текстовъ Св. Писанія.

⁶⁶⁾ Oros lib. VII, c. 19. См. Tillemon. Memoires. T. III, partie 3, pag. 195.

⁶⁷⁾ Firmilian. Epist. c. 9, у Кипріяна (Epist. 75) который перевелъ это письмо на латинскій языкъ, такъ говорится: «Erat enim transeundi facultas, eo quod persecutio, illa non per totum mundum, sed localis fuisset».

⁶⁸⁾ Tom. X, in Matth. Оригенъ говоритъ: искушеніе постигающее насъ безъ нашего содѣйствія, мы должны мужественно и бодро преодолевать; но безразсудно неуклоняться отъ него, когда можемъ». Притомъ гоненія онъ почитаетъ ухищреніями сатаны и демоновъ (Comment. in Matth. Ser. pag. 898. Contra Cels. VIII, 774).

⁶⁹⁾ Firmil. loco citat: «Serenianus tunc fait in nostra provincia praesens acerbus et dirus persecutor».

⁷⁰⁾ Palladii Lausaic. cap. 147. Въ русск. перев. Палладія елеопольскаго Лавсаякъ гл. 130, о Юліанѣ.

⁷¹⁾ Паллад. тамъ же. Евсев. VI, 17.

Во время того же гоненія, другъ его Амвросій, вмѣстѣ съ кесарійскимъ пресвитеромъ Протокритомъ, былъ заключенъ въ темницу и ждалъ исхода своихъ страданій. По сему обстоятельству Оригенъ написалъ сочиненіе о мученичествѣ, въ которомъ трогательно убѣждалъ друга своего, не смотря на богатства, на жену и дѣтей его, съ мужествомъ противостоятъ мученіямъ, Христа ради. „Какъ я желалъ бы имѣть, говоритъ Оригенъ, много земныхъ благъ и даже больше, нежели ты имѣешь, и тогда умереть мученикомъ изъ любви къ І. Христу, дабы нѣкогда на небѣ получить болѣе, нежели сколько здѣсь оставилъ, и сдѣлаться отцемъ многочисленнѣйшаго и святѣйшаго рода у истиннаго Отца неба и земли. Надлежитъ, чтобы не испытавшіе страданій стояли ниже тѣхъ, коихъ терпѣніе искушено въ мученіяхъ и въ огнѣ; а мы бѣдные, еслибы и умерли мученически, должны преклониться предъ вами, которые всѣ блага земныя, даже любовь къ дѣтямъ и всю прелесть міра принесли въ жертву любви ко Христу“⁷²⁾.

По смерти Максимина (въ 238 г.), когда возстановленъ былъ миръ церкви, Оригенъ возвратился изъ Каппадокіи въ Кесарію и продолжалъ свою дѣятельность. Но по неизвѣстнымъ обстоятельствамъ, а можетъ-быть, какъ и прежде (Евсев. VI, 37), для опроверженія распространявшихся тамъ лжеученій, онъ опять отправился въ Аѳины (Евсев. VI, 32). На пути посѣтилъ Никомидію, гдѣ провелъ нѣсколько дней у друга своего Амвросія⁷³⁾, и написалъ письмо къ учившему Юлію Аѳриканскому о достовѣрности повѣствованія о Сусаннѣ (въ книгѣ пророка Даниїла) и вообще о преимущественной важности перевода 70 толковниковъ предъ прочими текстами священныхъ книгъ⁷⁴⁾. Наконецъ въ Аѳинахъ во время довольно продолжительнаго пре-

⁷²⁾ Eх. ad Martyr. T. 1, pag. 288.

⁷³⁾ Онъ по свидѣтельству Геронима, или жилъ діакономъ при церкви того города, или нарочно прѣѣзжалъ туда для свиданія съ Оригеномъ.

⁷⁴⁾ Оригенъ говоритъ, что хотя не оставляетъ и прочихъ древнихъ переводовъ, однако особенное вниманіе обращаетъ на александрійскій, дабы не показалось, будто онъ вводитъ въ церкви вредныя новости и не дать повода тѣмъ, которые любятъ людей въ церкви значительныхъ порицать и укорять» (Orig. Ep. ed. Jul. Aphric.).

быванія, онъ докончилъ толкованіе на пророка Іезекииля и началъ одно изъ превосходнѣйшихъ произведеній своихъ толкованіе на Пѣснь пѣсней ⁷⁵⁾.

Прибывши изъ Аѳинъ въ Кесарію, Оригенъ докончилъ начатое объясненіе Пѣсни Пѣсней (Евсев. VI, 32), но снова долженъ былъ предпринять путешествіе, Вѣ то время (около 244 г.) Бериллъ, епископъ Бостры ⁷⁶⁾ въ Аравіи, извѣстный, какъ ученый писатель (Евсев. VI, 20) и долгое время со славою управлявшій своею церковію ⁷⁷⁾ впалъ въ заблужденіе касательно лица Спасителя, утверждая, что Онъ до воплощенія не имѣлъ самостоятельной, Божеской личности, а существовала единая ипостась Отца, которая и дѣйствовала въ І. Христѣ ⁷⁸⁾. Новое ученіе рѣшительно было отвергнуто православными пастырями церкви на многочисленномъ соборѣ (въ Бострѣ); но напрасны были всѣ старанія ихъ привлечь ученаго Берилла къ православію. Тогда епископы обратились къ знаменитому пресвитеру кесарійскому (по рукоположенію) и Оригенъ, явившись въ Бостру, сперва въ частномъ разговорѣ съ Берилломъ точнѣе постарался узнать образъ мыслей его и потомъ приступилъ къ убѣжденію его въ собраніи епископовъ. Доводы Оригена увѣнчались такимъ успѣхомъ, что Бериллъ оставилъ свое заблужденіе (Евсев. VI, 33) и послѣ прислалъ благодарственное письмо къ виновнику своего обращенія ⁷⁹⁾. Нѣсколько позднѣе еще разъ Оригенъ оказалъ аравійской церкви услугу своею глубокою богословскою ученостію. Между тамошними христіанами, находившимися въ сношеніяхъ съ іудеями, появилась новая секта, которая, вѣроятно—слѣдуя древне-іудейскому образу мыслей, учила, что человѣческая душа тотчасъ послѣ настоящей жизни умираетъ вмѣстѣ съ тѣ-

⁷⁵⁾ Иеронимъ въ предисловіи къ переводу Оригенова толкованія на Пѣснь пѣсней (Opp. Orig. Tom. III, 11) говоритъ: «Origenes cum in ceteris libris omnes vicerit, in Cantico Canticorum ipse se vicit».

⁷⁶⁾ Евсев. VI, 20 и 33. Не точно показаніе Сократа, который вмѣсто Бостры называетъ Филадельфію (Сократ. III, 7).

⁷⁷⁾ Иеронимъ de vir. illustr. cap. 60.

⁷⁸⁾ Евсев. VI, 38. Иерон. cap. 60. Сн. Шрекка Цер. Ист., ч. IV.

⁷⁹⁾ Иерон. de vir. illustr. cap. 60.

ломъ, и потомъ снова оживеть вмѣстѣ съ нимъ⁸⁰⁾. На состоявшемся по сему случаю соборѣ приглашенъ былъ и Оригенъ, который съ такою силою опровергъ лжеученіе, что державшіеся того отказались отъ заблужденія и возвратились къ здоровому ученію.

Между тѣмъ какъ происходили такіе споры внутри церкви, извнѣ она въ продолженіе 10 лѣтъ наслаждалась отраднымъ и ненарушимымъ миромъ. Послѣ благопріятнаго для нея царствованія кроткаго Гордіана (238—244), вступилъ на престолъ императоръ Филиппъ Аравлянинъ. Расположеніе этого императора къ христіанству было такъ замѣтно, что преданіе называло его христіанномъ⁸¹⁾. По крайней мѣрѣ извѣстно, что Оригенъ имѣлъ съ нимъ и его супругою письменныя сношенія⁸²⁾. Во время такого мира церкви, Оригенъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, неутомимо продолжалъ заниматься учеными трудами. Въ царствованіе Филиппа, онъ написалъ замѣчательнѣйшее въ своемъ родѣ сочиненіе противъ Цельса, толкованіе на Евангеліе отъ Матвея и др. Ревностно проповѣдуя слово Божіе, Оригенъ (когда ему было болѣе 60 лѣтъ) позволилъ наконецъ скорописцамъ записывать произносимыя имъ въ церкви бесѣды (Евсев. VI, 36), которыхъ дошло до насъ большое количество. Къ послѣднимъ же годамъ его жизни относится окончаніе важнѣйшаго труда по части библейской критики, которымъ онъ, по свидѣтельству св. Епифанія (Eriphan. Haeg. 64) занимался 28 лѣтъ. Это—сводъ различныхъ текстовъ и переводъ Св. Писанія Ветхаго Завета, размѣщенныхъ по столбцамъ⁸³⁾. Среди такихъ трудовъ для христіанской

⁸⁰⁾ Евсев. VI, 37. Сн. Неандеръ Цер. Ист., ч. 1, стр. 780.

⁸¹⁾ Евсев. VI, 34. «τοῦτον κατεχέει λόγος χριστιανὸν βυτα». Сн. Діонис. Алекс. у Евсев. II, 10. Но Оригенъ, написавшій въ его царствованіе сочиненіе противъ Цельса, ничего не говоритъ о томъ, хотя возраженія Цельса давали не разъ къ тому поводъ.

⁸²⁾ Евсев. VI, 36. Иерон. de vir. illustr. с. 54. Эти письма до насъ не дошли.

⁸³⁾ Отъ количества текстовъ и самыхъ столбцевъ, этотъ сводъ называется тетрапла, экзапла и октапла. Въ составъ его входитъ еврейскій текстъ и греческіе переводы: 70 толковниковъ, Аквиллы, Θεοδοτίана и Симмаха, и 3 перевода перевода невѣстныхъ лицъ, заключающіе только нѣкоторыя книги Ветхаго Завета. Они изданы и тщательно изслѣдованы Монфокономъ.

науки Оригенъ приближался къ западу своей жизни: но Промысломъ Божиимъ было суждено ему еще совершить великій подвигъ, который запечатлѣлъ его пламенную вѣру и озарилъ его славою исповѣдника Христова.

Сбылось предчувствіе Оригена, который въ сочиненіи противъ Цельса говорилъ, что не много продолжится миръ церкви: ибо враги ея распространяють мысль, что причина бѣдствій имперіи заключается въ умноженіи христіанъ⁸⁴). Дѣйствительно, по убіеніи Филипа, покровительствовавшаго христіанамъ, императоръ Децій, жаркій почитатель древнихъ боговъ, рѣшился уничтожить новую вѣру и воздвигъ гоненіе, которое жестокостію и обширностію своею превосходило всѣ прежнія. Императорскій указъ повелѣвалъ христіанъ всѣми мѣрами склонять къ языческому богопочтенію сперва убѣжденіями, потомъ угрозами, наконецъ самыми продолжительными мученіями, не придавая однакожь ихъ смертной казни⁸⁵). Гоненіе особенно направлено было на пастырей и учителей церкви (Сурган. Ер. 52), изъ коихъ тогда скончались мученически епископъ римскій Фабіанъ, Вавила антиохійскій и другъ Оригена Александръ іерусалимскій (Евсев. VI, 39). Между тѣмъ и Оригенъ, вѣроятно еще до открытія гоненія изъ Кесаріи переселившійся въ Тиръ⁸⁶), былъ подверженъ жесточайшимъ истязаніямъ, но ничто не могло побѣдить его старческой немощи, которую одушевляла и подкрѣпляла сила Христа. „Лукавый демонъ выводилъ противъ него, говорить Евсевій, попеременно всю свою силу, возставалъ на него со всѣми возможными ухищреніями и нападалъ гораздо болѣе, чѣмъ на прочихъ тогдашнихъ подвижниковъ (Евсев. VI, 39). Узы и многія тѣлесныя истязанія претерпѣлъ Оригенъ за слово Христова; въ углу темницы страдалъ онъ отъ желѣзныхъ на шеѣ цѣпей, его ноги въ продолженіе многихъ дней были растянуты до четвертой ступени на деревянномъ орудіи казни; грозили

⁸⁴) Orig. Contra Cels. III, 15.

⁸⁵) Григорій Нисскій въ жизнеопис. Григорія Чудотворца (Greg. Nyas. opp. T. II, 567).

⁸⁶) Епифаній (Haer. 64) говоритъ, что Оригенъ 28 лѣтъ пробылъ въ Тирѣ: но не совсѣмъ справедливо, какъ видно изъ предшествующей его исторіи.

сметъ его въ огнѣ... Но онъ все это мужественно вынесъ и съ радостію взираетъ на смерть. Судья однако сильно настаивалъ, чтобы его никакъ не лишать жизни“. „Когда угодно Богу—такъ онъ говорилъ не задолго до своихъ страданій, тогда мы и среди ненавидящаго насъ міра чуднымъ образомъ наслаждаемся миромъ; и мы надѣемся на Того, Который сказалъ: держайте! Азъ побѣдихъ міръ (Іоан. XVI, 33). Поистинѣ Онъ побѣдилъ міръ: и потому дотогѣ міръ имѣетъ силу, пока угодно Побѣдителю его. Мы надѣемся на эту побѣду. Угодно Ему, чтобы мы подвизались за вѣру,—пусть выступаютъ противники; мы имъ скажемъ: вся могу о уквѣляющемъ мя Христвъ Іисусѣ Господѣ нашемъ (Orig. contra Cels. VIII, 70).

Послѣ тяжкихъ страданій Оригенъ, вмѣстѣ съ прекращеніемъ гоненія, получилъ свободу и покой. Остатокъ дней своихъ онъ посвятилъ на то, чтобы многочисленными посланіями пренести утѣшеніе братіямъ, нуждавшимся въ немъ (Евсев. VI, 39). Около сего времени и онъ получилъ отъ Діонисія александрійскаго посланіе о мученичествѣ (Евсев. VI, 46); но изъ всего этого ничего не дошло до насъ. На 69 году (Евсев. VII, 1) своей многотрудной и достославной жизни (въ 254 г.)⁸⁷⁾ онъ умеръ въ Тирѣ⁸⁸⁾, вѣроятно, вслѣдствіе жестокихъ мученій, ускорившихъ кончину его⁸⁹⁾.

⁸⁷⁾ Это было вскорѣ по вступленіи на императорскій престолъ Валеріана. Годъ смерти Оригена (254 г.) опредѣляется изъ соображенія лѣтъ его жизни (69) съ родомъ рожденія (185 г.). Памфилъ и другіе (Phot. cod. 118), говоря, что онъ умеръ при Деціѣ, показываютъ только, что онъ былъ въ числѣ мучениковъ во время Деціева гоненія.

⁸⁸⁾ По свидѣтельству Іеронима (de vir. illust. cap. 54), Епифанія (de pont et car. 18) и Фотія (cod. 118).

⁸⁹⁾ Никифоръ Каллистъ (Hist. Eccl. V, 32) рассказываетъ, что Оригенъ принужденный избрать что-либо изъ двухъ — или воскурить богамъ, или быть предану на поруганіе Мавру, предпочелъ первое и затѣмъ впалъ во многія ереси. Зонара во 2 книгѣ своей Хропикіи думаетъ, что въ Деціево гоненія Оригенъ палъ по превозношенію своему и гордости. Но Никифоръ перенесъ только къ концу жизни Оригена тотъ самый рассказъ св. Епифанія, которымъ св. отецъ объясняетъ удаленіе Оригена изъ Александріи. Зонара говоритъ объ отреченіи Оригена при Деціѣ, не приводя того рассказа; вѣроятно, онъ не понялъ св. Епифанія:

Такъ жилъ и дѣйствовалъ Оригенъ — „мужъ великій изъ дѣтства и поустиннѣ сынъ мученика!“

«Καὶ αὐτὸς ὁ Οριγένης πολλὰ πεπονθὼς εἰς τέλος τοῦ μαρτυρίου οὐκ ἔφρασεν» Противъ нихъ, знаменитый своимъ благочестіемъ жизни «епископъ Θεотимъ въ Церк. Исторіи (VI, 12) даетъ свидѣтельство, что «Оригенъ скончался во благочестіи».

Гробъ Оригена долгое время показывали въ Тирѣ, въ стѣнѣ тамошней воеводальной церкви, подлѣ большаго алтара. Здѣсь же до послѣднихъ временъ среднихъ вѣковъ находился мраморный памятникъ съ именемъ его и съ надгробною надписью, кои были украшены золотомъ и драгоценными камнями. Начиная отъ Вильгельма Тирскаго до конца 13 столѣтія, всѣ путешественники, посѣщавшіе Тиръ, сообщаютъ вѣсть о гробницѣ Оригена и ея украшеніи. См. въ изд. de la Rus. Huet. Orig. 1, 4, 9.

ХРИСТИАНСТВО НА ВОСТОКЪ РОССІИ

ДО СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА И ОТНОШЕНІЕ ЕГО
КЪ КРЕЩЕНІЮ РУССКАГО НАРОДА ПРИ ВЛАДИМИРѢ.

Извѣстно, что не только великія, но и малыя историческія событія находятся въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ предшествующими обстоятельствами, такъ или иначе ихъ обусловившими. Много было такихъ обстоятельствъ въ величайшемъ событіи исторической жизни русскаго народа, въ крещеніи Руси. Многія изъ сихъ обстоятельствъ общеизвѣстны, а другія еще ожидаютъ своей очереди, чтобы въ свое время дать такой или иной лучъ свѣта для темной, но интересной, дали прошлаго. Такимъ свѣтлымъ лучемъ, хотя можетъ-быть и не великимъ, представляется выясненіе нѣкоторыхъ данныхъ о христіанствѣ на северо-востокѣ Россіи, гдѣ нѣкогда было обширное болгарское царство, смѣнившееся потомъ казанско-татарскимъ.

Первыя извѣстія объ отношеніяхъ русскихъ къ болгарскому царству и сопредѣльнымъ съ нимъ владѣніямъ относятся къ самымъ первымъ временамъ жизни русскаго народа. По сообщенію Никоновской лѣтописи „Кій на волжскія и камскія болгары ходивъ и побѣди“¹⁾. Мусульманскій писатель Эль-Балхи, умершій въ половинѣ X вѣка, сообщаетъ, что Булгаръ былъ маленький городъ, извѣстный тѣмъ, что онъ былъ главнѣйшимъ тор-

¹⁾ Полн. собран. лѣт. IX, 4.

говымъ пунктомъ этого государства ³⁾) и прибавляетъ, что Куаба (Кіевъ) больше Булгара ³⁾). Другой же писатель—Ибнъ-Хаукель, который по словамъ Хвольсона и Гаркави, пользовался подобно Истархи выше названнымъ Эль-Балхи ⁴⁾), сообщаетъ, что Булгаръ нѣкогда былъ знаменитъ, такъ какъ былъ складочнымъ мѣстомъ торговли, но русскіе разрушили его въ 358 году (по нашему счисленію въ 968—969 г.) ⁵⁾). Въ другомъ мѣстѣ онъ еще говоритъ, что русскіе продавали (мѣха) въ Булгарѣ, пока этотъ городъ не былъ разрушенъ ими въ 358 году ⁶⁾). Въ первоначальной русской лѣтописи подъ 965 годомъ сообщается: „иде Святославъ на козарѣ. Слышавше же козарѣ, изыдоша противу съ княземъ, и съ ступиша бити; и бывши брани межи ими одолю Святославъ козарамъ и городъ ихъ Бѣлугежу взя. И Ясы побѣди и Косоги“ ⁷⁾). Всѣ ориенталисты начиная съ Френа ⁸⁾) отождествляютъ этотъ походъ Святослава съ походомъ этого князя на Волгу, противъ хозаръ, булгаръ и буртасъ, о которомъ свидѣтельствуется Ибнъ-Хаукель, сообщающій, что руссы, послѣ разграбленія Булгаръ, разграбили также Хазеранъ, Итиль, Семендеръ и оттуда отправились въ Румъ (Византію) и Андолусъ ⁹⁾). Кромѣ того, онъ прибавляетъ, что послѣ этого разгрома, „ни булгаръ, ни буртасъ, ни хозаръ со всѣмъ не осталось; ибо руссы напали на нихъ, отняли у нихъ всѣ земли и присвоили себѣ“ ¹⁰⁾).

По мнѣнію Иловайскаго погромъ Булгаріи и Хозаріи совершился не въ одинъ походъ, а чрезъ нѣкій рядъ ихъ, и можетъ быть, говоритъ онъ, не всѣ они были совершены подъ непосредственнымъ начальствомъ Святослава ¹¹⁾). То же отчасти утверждаетъ С. М. Шпилевскій, издавшій специальное изслѣдо-

³⁾ Извѣстія Ибнъ-Даста, 82.

⁴⁾ Das Buch der Länder, стр. 106.

⁵⁾ Сказ. мусул. пис. Гаркави, 188, 216.

⁶⁾ Ibn-Fozlan, 64.

⁷⁾ Ibid. 66.

⁸⁾ Иват. изд. 1871 г., стр. 42.

⁹⁾ Krit. Vorarbeit 205; русс. пер., 185 и 186 стр.

¹⁰⁾ Ibn-Fozlan, стр. 64—67.

¹¹⁾ Сказ. мусул. пис., стр. 239—240.

¹²⁾ Ист. Россіи, I, 45—46, 296.

ваніе по исторіи болгаръ, изъ коего мы почерпнули вышеприведенныя сообщенія ¹²⁾.

Но какого-бы рода ни было разрушеніе Булгаръ, во всякомъ случаѣ изъ приведенныхъ свидѣтельствъ ясно видно, что русскіе имѣли тѣсное и ближайшее сообщеніе съ булгарами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и со всѣми тѣми народами, кои входили въ составъ царства болгарскаго и кои находились съ нимъ въ сношеніяхъ. А эти народы были многообразны, и въ числѣ ихъ не мало было христіанъ. Да и сами болгары по преимуществу считались магометанами, но многіе изъ нихъ были не чужды и христіанства.

Но возвратимся къ фактамъ.

Въ X вѣкѣ къ царю болгарскому было прислано посольство отъ багдадекаго халифа (922 г.). Это посольство прислано было послѣ письма царя къ халифу съ просьбою о присылкѣ наставника для ученія исламу и постренія мечети и крѣпости. Въ посольствѣ этомъ былъ ибнъ-Фецланъ, который составилъ записку о своемъ путешествіи. Эта записка сохранилась въ Словарѣ писателя XIII вѣка, Якуты; и вотъ что между прочимъ сообщается въ ней: „отъ царя славянъ, Влатавара (Влатаваца) Алмуса, сына Шилки, было послано письмо къ эмиру“ ¹³⁾. Основываясь на этомъ сообщеніи, академикъ Френъ говорилъ, что болгары представляли амальгаму трехъ расъ (славянъ, финновъ и торковъ) ¹⁴⁾, а Иловайскій почти прямо утверждаетъ, что камскіе болгары были славяно-болгарскою вѣтвію, постепенно утратившею свою народность ¹⁵⁾. Мысль Иловайскаго, кажется, какъ нельзя болѣе подтверждается сообщеніемъ Эль-Бекри, писателемъ XI вѣка, который говорилъ, что число Булгаръ очень не велико, что ихъ всего 500 семействъ ¹⁶⁾. Съ этимъ извѣстіемъ мы встрѣчаемся, говорить Шпилевскій, и у

¹²⁾ Онъ говоритъ, что извѣстно о полномъ разореніи Булгаръ противорѣчать монеты. выбитыя спустя 8 лѣтъ послѣ похода русскихъ. См. Древніе города и другіе болгаро-татарскіе памятники въ Каз. губ. Казань. 1877 г., стр. 104.

¹³⁾ На русскій языкъ переводъ этой записки сдѣланъ былъ Григоровичемъ и Гаркави, см. у послѣд. стр. 85.

¹⁴⁾ Die altast arabisch. Nachrist. стр. 549.

¹⁵⁾ Рознск. о началѣ Руси М. 1876 г., стр. 408.

¹⁶⁾ Смори его сочин., стр. 9.

другихъ писателей. Въ географіи же Эдриси (XII в.) пользовавшагося Ибнъ-Хаукалемъ сообщается, что Булгаръ имя города, населеннаго христіанами и магометанами¹⁷⁾.

Что же изъ всего этого можно вывести, что бы такъ или иначе относилось къ существу вопроса занимающаго насъ?

Многое и очень многое. Во 1-хъ, если Булгары были славяне (какъ это явствуетъ изъ приведенныхъ свидѣтельствъ),—слѣдовательно родные русскимъ по крови и языку, то это могло имѣть громаднѣйшее вліяніе на русскихъ и не въ однихъ только торговыхъ и политическихъ сношеніяхъ, хотя бы нерѣдко и враждебныхъ. Въдъ были же войны и между чисто русскими племенами славянъ, но это не помѣшало къ ихъ дальнѣйшему объединенію. Не могла война совершенно раздѣлить русскихъ отъ болгаръ, а вмѣстѣ и отъ ихъ думъ, стремленій и вѣрованій, а равно и наоборотъ. Вотъ почему быть-можетъ и сочли своимъ долгомъ послать свою миссію къ Владиміру болгары омусульманившіеся. Христіане-болгары не сдѣлали этого (они можетъ-быть были еще не тверды въ вѣрѣ и сами), но можно сказать, что они сдѣлали бѣльшее, а именно своимъ примѣромъ показали князю Владиміру, что нужно перемѣнить языческую вѣру и при томъ на ту, которую приняли они, т.-е. христіанскую. А примѣръ ихъ долженъ былъ не безызвѣстнымъ быть для него, ибо лѣтописи говорятъ, что онъ предпринималъ походы въ Болгарію прежде нежели пришелъ къ мысли о перемѣнѣ вѣры.

По разсказу арабскаго путешественника XII вѣка (въ г. Булгаръ) Абухамида, Андалузнина, „когда болгары приняли исламъ, то вслѣдствіе этого произошла война съ хозарами“¹⁸⁾. Очевидно, это рѣчь о религіозной войнѣ, которую могли возбудить противъ принявшихъ исламъ болгаровъ хозары, и какъ язычники, или какъ іудеи, державшіеся сначала по преимуществу іудейства, а потомъ христіанства, которымъ они были просвѣщены св. равноапостольными просвѣтителями всѣхъ славянъ: Кирилломъ и Меѳодіемъ и оставленными ими для проповѣди среди итильскихъ (поволжскихъ) хозаръ преемниками ихъ.

¹⁷⁾ Географія Эдриси напечатана Жоберомъ во французскомъ переводѣ 1840 г., см. т. II, стр. 498.

¹⁸⁾ Галмера, Geschichte der Golden. Horde, 422—24.

Кромѣ религиозныхъ интересовъ въ этой войнѣ были еще и другіе интересы, а именно политическіе, состоявшіе въ томъ, что гегемонія хозарь на Волгѣ все болѣе и болѣе переходила къ болгарамъ, при чемъ центръ тяжести все болѣе и болѣе переходилъ изъ г. Итиля (Астрахани) въ г. Великіе Болгары (развалины котораго находятся въ Спасскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи). Можетъ-быть здѣсь связывалась отчасти и племенная вражда.

Хозары составляли вѣтвь турецкаго племени, пришедшаго отъ Алтая. Утвердившись сначала по сѣверо-западному берегу Каспійскаго моря и при устьяхъ Волги, они потомъ постепенно распространяли свою власть далеко по Волгѣ, поглощая въ свое общество множество народностей, прежде обитавшихъ здѣсь, и принимая въ свою среду торговыхъ людей, особенно Персовъ, отъ царя которыхъ Хозроя производятъ и самое названіе хозарь, такъ какъ извѣстно, что Хозрой Великій устроилъ здѣсь нѣсколько городовъ и даже столицу Хозарь—Болангіарь. Немало здѣсь находилось людей изъ всякихъ народностей, не исключая и русскихъ. Но самымъ сильнымъ народомъ въ этомъ своего рода ганзейскомъ государствѣ были самые торговые люди—евреи, къ которымъ принадлежали хозарскіе хаганы и знать.

Сначала столицей Хозаріи былъ городъ Семендеръ, нынѣ Тарху, откуда хозарскіе хаганы были вытѣснены нашествіемъ арабовъ и перенесли свое мѣстопробываніе къ устью Волги, въ городъ Итиль, или Атель, расположенный на обоихъ берегахъ Волги. На западномъ берегу жилъ высшій представитель власти хаганъ, или хоканъ, и всѣ власти, а на восточномъ торговцы съ ихъ складами, охраняемыми многочисленнымъ войскомъ, которое управлялось особеннымъ царемъ намѣстникомъ, производившимъ судъ и расправу. Ему помогали въ судѣ семь судей, изъ которыхъ двое были для магометанъ, двое для евреевъ, двое для христіанъ, очевидно—грековъ, и одинъ для славянъ и русовъ. Самъ бывши іудеемъ, онъ однако не давалъ въ обиду и другой вѣры. Однажды когда магометане разорили христіанскій храмъ, онъ повелѣлъ разрушить мечеть магометанскую и казнить фанатичныхъ противниковъ христіанъ. Что касается хагана, то онъ и по имени и въ дѣйствительности считался верховнымъ,

священнымъ повелителемъ ¹⁹⁾, къ которому самъ намѣстникъ входилъ босыми ногами, а прочіе падали предъ нимъ ницъ, когда онъ проходилъ мимо ихъ, что однако случалось весьма рѣдко, потому что онъ показывался народу въ годъ раза три. Могущество хагановъ было такъ велико, что съ ними входили въ родство греческіе императоры, которые отдавали за нихъ своихъ дочерей, или сами женились на хозаряхъ (напр. Юстиніанъ II, Константинъ Копронимъ). Это дѣлами императоры въ видахъ политическихъ, желая имѣть въ хозарахъ защитниковъ отъ разныхъ кочевниковъ и даже отъ персовъ. Особенная дружба грековъ съ хозарами началась по случаю войны Ираклія съ персидскимъ царемъ Хозроемъ. Цѣли торговыя еще болѣе скрѣпляли дружбу грековъ съ хозарами ²⁰⁾. Наконецъ и просвѣтительныя виды заставляли грековъ имѣть сообщеніе съ хозарами. Извѣстно, что къ хозарамъ между прочимъ былъ посылаемъ для проповѣди самый замѣчательный проповѣдникъ— миссіонеръ своего времени св. Кирилъ, просвѣтитель Славянъ. И можно думать, что его проповѣдь не была безплодною. Существованіе христіанскаго храма въ Атели показываетъ, что среди хозаръ было много христіанъ, а защита его царемъ даетъ понять, что христіане пользовались достойнымъ уваженіемъ, пока существовала Хозарія въ описанномъ федеративномъ ея устройствѣ.

Неудивительно посему, что хозары возстали противъ болгаръ, когда тѣ приняли исламъ; къ тому еще вѣроятно, что они въ пылу энтузіазма новообращенныхъ и сами устремились войскою противъ невѣрныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что война эта была невыгодна для хозаръ, но не могли съ должною силою болгары, никогда не воевавши сами, воздѣйствовать на хозаръ, и потому они находились отъ болгаръ лишь въ слабой зависимости. Но въ то время и вездѣ не было полной политической зависимости провинцій, не исключая даже и Византійской Имперіи. Удивительно ли, что болгары, подчинивъ хозаръ,—задумали распространить свою власть и на русскихъ.

¹⁹⁾ По еврейски «когенъ» или «коганъ» значитъ—священникъ.

²⁰⁾ Большая часть свѣдѣній о хозарахъ, сообщены арабскими писателями. См.: соч. Забѣлина, т. I, стр. 401—407.

Нельзя было сдѣлать это силою меча; такъ невозможно ли покорить ихъ чрезъ единство вѣры? И вотъ они имѣютъ своихъ миссіонеровъ.

Объ этомъ посольствѣ записано въ русскихъ лѣтописяхъ подъ 986 годомъ. Но еще раньше, а именно подъ 985 годомъ было записано слѣдующее: „Иде Володимиръ на Болгаръ съ Добрынею уемъ своимъ въ лодьяхъ, а Торкы берегомъ приведе на конѣхъ, и тако побѣди Болгары. И рече Добрыня Володимиру: съ гладыхъ колодницъ, и суть вси въ сапозѣхъ; симъ даи намъ не платити, поидевѣ искать лапотницъ. И сътвори миръ Володимиръ съ Болгары, и ротѣ заходиша съ бою, и рѣша Болгаре: толи не буди мира межи нами, оли же камень начнетъ плавати, а хмель грязнуты“²¹⁾. По Никоновской лѣтописи—булгары эти низовскіе, т.-е. камско-волжскіе, какъ говорятъ почти всѣ наши историки (Барамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ, Бестужевъ-Рюминъ, Иловайскій). Никоновская лѣтопись упоминаетъ еще походъ противъ Булгаръ въ 997 году: „ходи Володимиръ на Булгары Волжскіе и Камскіе, и околѣвъ плѣни ихъ“²²⁾.

Ничего нѣтъ страннаго, говорить пр. Магарій, что ко Владимиру приходили разные миссіонеры: исторія представляетъ не одинъ подобнаго рода случай. Въ частности—ничего страннаго въ приходѣ ко Владимиру пословъ болгарскихъ: съ волжскими булгарами Владимиръ только, что окончилъ войну и заключилъ миръ. Значить, всего легче могло случиться, что булгары вдумали также прислать къ намъ своихъ пословъ, можетъ-быть для окончательнаго утверженія условій договора. Всего легче могло при этомъ случаѣ послѣдовать то, что послы, ведя политическіе переговоры, какъ бы стороною вдумали хвалить свою вѣру и склонять Владимира къ ея принятію²³⁾. Френъ также говоритъ: „нѣтъ ничего страннаго, что мы видимъ булгаръ, вспорѣ послѣ вторженія Владимира въ ихъ владѣнія, пришедшими къ великому князю и старающимися сдѣлать его прозелитомъ ислама“²⁴⁾.

²¹⁾ Ипат. лѣт. стр. 56.

²²⁾ Ibid. стр. 66.

²³⁾ Исторія христіанства въ Россіи до Владимира. С.-Петербург. 1868 г. стр. 279—287.

²⁴⁾ Drei Münzen, 195—197.

Въ приведенныхъ сужденіяхъ великихъ ученыхъ для насъ важно не то, чему они не удивляются, а то, что они констатируютъ какъ несомнѣнный фактъ, а именно фактъ близкаго соотношенія Владиміра съ волжскими булгарами. Они выводятъ изъ него естественность обращенія болгаръ съ предложеніемъ Владиміру исповѣдуемаго многими изъ нихъ магометанства, которое по словамъ пр. Макарія, „они не задолго предъ тѣмъ сами приняли и потому сохраняли весь жаръ религіознаго энтузіазма“. Мы же на несомнѣнности сихъ близкихъ сношеній Владиміра съ булгарами выводимъ ту мысль, что Владиміръ не могъ не замѣтить среди болгаръ исповѣдниковъ и другихъ вѣръ и въ частности христіанской, главными представителями которой здѣсь были греки, а второстепенными и нѣкоторые изъ болгаръ, а также армяне и другіе народы, представители которыхъ являлись сюда по дѣламъ торговымъ съ юга и востока Россіи - чрезъ Крымъ и Ховарію, гдѣ еще такъ недавно широко распространялся свѣтъ христіанскаго ученія чрезъ знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ св. Кирилла и Меодія. Но такъ какъ нельзя было Владиміру не узнать, что истинный свѣтъ распространяется съ востока, то естественно было ему и самому обратиться туда же, а не заимствовать его тамъ, гдѣ можетъ-быть онъ едва мерцалъ, таясь отъ взрыва фанатизма прозелитовъ. Но находясь у князя Владиміра въ качествѣ военнопленныхъ, а также легко переходя на его сторону во время войны, болгарскіе христіане не могли стѣсняться въ выраженіяхъ своихъ вѣрованій, а равно и своего служенія Богу, которое могло иногда совершиться даже со всею полнотою величія, какое бываетъ при архіерейскомъ служеніи.

Среди множества болгарскихъ архитектурныхъ памятниковъ, доселѣ показывается довольно значительнаго размѣра зданіе, называемое греческимъ храмомъ, а также среди множества христіанскихъ древностей въ развалинахъ болгарскихъ, между прочимъ, найдена была рипида, употребляющаяся при архіерейскомъ служеніи, которая своими искусными украшеніями и общою изящною отдѣлкою и живостію красокъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о ея древнемъ византійскомъ происхожденіи. Одинъ изъ описателей древностей болгарскихъ относительно сего памятника христіанства въ Булгаріи говоритъ: „въ церкви (Успенской, въ

сель около болгарскихъ развалинъ) есть весьма замѣчательная древность, открытая гдѣ за 40 въ развалинахъ болгарскихъ: это мѣдный, вызолоченный образъ древней греческой работы, драгоценность сія долго находилась въ рукахъ одного здѣшняго крестьянина и служила предметомъ особеннаго уваженія въ окружныхъ мѣстахъ, откуда безпрестанно стекались на поклоненіе сему образу усердные богомольцы. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе мѣстнаго начальства, и образъ приказано было перенести въ церковь. Онъ имѣетъ около фута въ діаметръ и заключаетъ 10 изображеній святыхъ ликовъ, написанныхъ золотомъ по красному полю. Они расположены по пяти съ каждой стороны крестообразно и каждый нарисованъ на выпукломъ кружкѣ. Съ одной стороны въ срединѣ Иисусъ Христосъ, вверху архангелъ Михаилъ, внизу архангелъ Гавриилъ, съ правой стороны Богоматерь, а съ лѣвой—Іоаннъ Креститель. На другой сторонѣ: въ срединѣ св. Козьма, возлѣ него св. Василій Великій и св. Николай, сверху св. Кириллъ, а внизу св. Даміанъ. Арабески, коими наполнены промежутки, выполнены съ величайшимъ искусствомъ и разнообразіемъ; но въ изображеніи ликовъ святыхъ видно, какъ и въ прочихъ византійскихъ проповѣданихъ живописи, недостаточное знаніе рисунка и перспективы. Но художники того вѣка превосходили новѣйшихъ въ химическомъ составѣ красокъ. Это доказываетъ и сія рипида; не смотря на то, что она столь долгое время находилась въ землѣ, повидимому въ известкѣ, и была подвержена дѣйствию всѣхъ стихій, краска и позолота на ней еще живы и довольно свѣжи. Образъ сей становится еще достопримѣчательнѣе, если будемъ смотрѣть на него, какъ на свидѣтельство вѣроятности существованія греческаго монастыря въ стѣнахъ магометанскихъ болгаръ²⁵⁾. Трудно сказать что-либо относительно сказаннаго монастыря въ

²⁵⁾ См. описаніе Свиньяна, стр. 196—197; у С. М. Шилевскаго стр. 266—67. Къ сему должно прибавить, что въ коллекціи А. Ф. Лихачева (въ Казани) находится сабельный клинокъ съ изображеніемъ на немъ Богоматери и греческой надписи, а также и то, что вообще среди развалинъ болгарскихъ въ разное время было найдено много старинныхъ мѣдныхъ и каменныхъ образковъ, изъ коихъ многіе, какъ замѣчаетъ г. Шилевскій, должно считать принадлежащими христіанскому населенію древняго мусульманскаго г. Булгара (стр. 267).

стѣнахъ магометанскихъ болгаръ, такъ какъ всѣ усилія многочисленныхъ изслѣдователей остатковъ и памятниковъ болгарскихъ не привели къ положительнымъ выводамъ относительно опредѣленнаго значенія многихъ палатъ и тому подобныхъ другихъ разнообразныхъ остатковъ зданій Булгарскихъ, находящихся внутри городскаго вала ²⁴⁾.

Но вѣв городскаго вала до нынѣ показываются остатки зданія подъ именемъ греческой палаты т.-е. христіанскаго храма.

²⁴⁾ Напр. относительно Бѣлой Палаты, имѣющей крестообразную форму, 30 сажень длины и 7 ширины высказано было множество самыхъ разнообразныхъ мнѣній. Большею частію думали, что это была мечеть, или баня, но Свиньинъ крестообразное расположеніе этого зданія считаетъ яснымъ опроверженіемъ того, что это была мечеть. Противъ предположенія, что это была баня онъ указываетъ на камни съ надгробными надписями, которые бы конечно не положили въ баню. Свиньинъ говоритъ, что это зданіе подходитъ къ индѣйскимъ пагодамъ и предполагаетъ, что это зданіе переходило по обстоятельствамъ изъ одного назначенія въ другое (у Шпил., стр. 215). О погребѣ со сводами подъ симъ зданіемъ говоритъ еще Палласъ (ibid. 214). «Можно принять, говоритъ Березинъ, что это была баня, но такая сложная и съ дѣловой работой постройка бани въ Булгаріи для тогдашняго города не много роскошна; во 2-хъ величина зданія въ отношеніи къ мечетямъ предславляетъ не совсѣмъ выгодную для послѣднихъ пропорцію (ibid. 216). Кромѣ того, онъ такъ описываетъ Бѣлую Палату. Главную часть составляетъ квадратъ, въ которомъ накрытъ куполомъ и въ четырехъ углахъ находится по отдѣльной, также квадратной комнатѣ съ куполомъ.» (У Шпилевск., стр. 234).

Не могло ли это крестообразное зданіе быть сначала христіанскимъ храмомъ который въ своемъ устройствѣ во многомъ напоминаетъ индѣйскія пагоды? Присутствіе при немъ древнихъ надгробныхъ памятниковъ можетъ служить даже нѣкоторымъ доказательствомъ сего, а равно и то, что это зданіе впоследствии превращено было въ баню, такъ какъ удовлетворялся и фанатизмъ магометанъ (чрезъ уничтоженіе не только храмовъ, но и погребенныхъ подъ ними умершихъ) и видѣть одна изъ слабостей мусульманъ устраивать роскошнѣйшія бани. Можно предположить даже, что христіане сначала имѣли свой обширный храмъ внутри города, гдѣ полагали, по общему христіанскому обычаю и умершихъ, а потомъ съ усиленіемъ булгарско-магометанскаго фанатизма построили другой меньшій храмъ, за городомъ, остатки котораго и при немъ надгробные памятники и называются доселѣ.

Считаю необходимымъ при семъ еще сказать, что относительно архитектуры Бѣлой Палаты мнѣ пришлось бесѣдовать, между прочимъ, съ очень умнымъ архитекторомъ Хр. Гр. Панковскимъ, который въ 1885 году занимался реставраціи булгарскихъ памятниковъ и онъ находить возможнымъ признать это.

Въ выписи 1712 года о семъ зданіи говорится слѣдующее: „да за валомъ къ Волгѣ рѣкѣ палата четверугольная безъ сводовъ, мѣрою длины 5 саж. съ аршин.; поперегъ полчетверти (т.-е. $3\frac{1}{2}$) саж.; вышина сажень: входъ въ тое палату, въ одни двери, знатно (очевидно), что та палата была напередъ сего церковію, потому что около ея многіе есть владбищныя каменья съ подписями, а подписи подходили на армянскія письма. Отъ той палаты столпъ небольшой въ знакъ часовни, вышиною $1\frac{1}{2}$ сажени, кругомъ 3 саж.“

Кафтанниковъ сообщаетъ о посѣщеніи сего зданія Петромъ Великимъ: „отъ большаго минарета Петръ Великій отправился къ развалинамъ, называемымъ „Греческою Палатою“ или греческимъ монастыремъ. Найдя эту палату совершенно разрушенною, онъ распрашивалъ о прежнемъ ея фасадѣ, но не получилъ удовлетворительнаго отвѣта, приказалъ, только беречь эти остатки въ воспоминаніе, что нѣкогда христіане поклонялись здѣсь Творцу міра, и что прахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ тутъ поκειται.“ (См. у Шпилевского стр. 226).

Риттихъ говоритъ, что входъ въ эту палату расположенъ съ западной стороны, слѣдовательно: алтарь приходится на востокъ, въ прямой линіи съ такимъ же направленіемъ сельской церкви. Далѣе Риттихъ указываетъ на слѣды четырехъ-угольнаго зданія около греческой палаты, нѣсколько южнѣе. Это зданіе, по его предположенію было домомъ священника церкви, развалины которой называются Греческою Палатою ²⁷⁾.

Что касается до надгробныхъ памятниковъ, то большая часть ихъ совершенно утратилась; многіе пошли въ фундаментъ новой церкви и на другія постройки. И надписи сохранились только на весьма немногихъ изъ нихъ и притомъ только позднѣйшія, такъ напр. армянскія надписи, переводы которыхъ сдѣланы были еще при Петрѣ Великомъ армяниномъ Иваномъ Васильевымъ. Эти переводы были переданы потомъ Сенъ-Мартину, который нашелъ, что они во многомъ не вѣрны. Однако вотъ какъ читается одна по переводу Васильева и Сенъ-Мартина:

²⁷⁾ Ibid. стр. 228.

Сей камень положенъ надъ умершими армяны богоугоднемъ Артемьѣ и Киприанѣ. И кто станетъ тое подпись читать, чтобъ имъ поминать. 984 г.

Это гробница благочестиваго и милостиваго Артемія сына.... Вы, которые читаете это, просите отпущенія его грѣховъ, годъ 984 ²⁹).

При нѣкоторомъ несходствѣ, здѣсь очевидно во многомъ тожество.

Почти тоже можно сказать и о другихъ надписяхъ. По заявленію Березина одна изъ надписей читается совершенно свободно. Она гласитъ: гробъ этотъ заключаетъ честное тѣло Сары госпожи, которая перешла ко Христу. Вы, которые читаете это, просите у Бога прощенія грѣховъ ея. Господинъ Аванъ. Годъ 770.

Все это конечно памятники уже позднѣйшіе, но они потому-то и сохранили свои надписи; древнѣйшія же надписи даже въ самое первое время знакомства съ ними не могли быть дешифрированы и потому остались не разгаданными вполне, хотя положеніе ихъ съ другими христіанскими памятниками съ несомнѣнною ясностію говорить о ихъ христіанскомъ значеніи.

Въ самое послѣднее время В. А. Казариновъ въ своей статьѣ: „Развалины древнихъ зданій при селѣ Болгарахъ“ ²⁹) обратилъ особенное вниманіе на Бѣлую Палату и преимущественно на систему трубъ, проходящихъ цѣлою стѣною въ подвальный помѣщеніи Бѣлой Палаты. Но эта конструкция отопленія была кажется довольно обычною въ X вѣкѣ. Такъ извѣстно, что въ развалинахъ Увека, города современнаго Болгарамъ, также находятъ множество глиняныхъ трубъ. И эта система одинаково удобна какъ для бани, такъ и для храма, тѣмъ болѣе, что Казариновъ не нашелъ никакихъ особенныхъ признаковъ того, чтобы это были трубы водосточныя. Главное же дѣло въ томъ, что онъ обрисовываетъ Бѣлую Палату, какъ зданіе, имѣющее въ своемъ основаніи правильный крестъ. Казариновъ повидимому недоумѣваетъ о значеніи пристройки съ западной стороны, а между тѣмъ это могла быть пристройка для входа. На эту

²⁹) См. у Шилевск., стр. 249 и 257.

²⁹) См. Извѣстія Общ. Арх. при казанскомъ университетѣ. Томъ VI, вып. 2, 1888 года.

мысль наводитъ насъ храмъ св. Владиміра въ Херсонесѣ, устроенный надъ храмомъ, въ которомъ крестился св. Владиміръ. Этотъ храмъ, въ соотвѣтствіе древнему, помѣщающемуся въ нижнемъ этажѣ его, имѣетъ четверугольную форму, и съ юго-западной стороны его имѣется входная пристройка съ лѣстницею. Такая же пристройка имѣется и при Бѣлой Палатѣ. И съ восточной стороны Бѣлой Палаты имѣется пристройка, но она очевидно имѣетъ особый характеръ, такъ какъ она не доходитъ до уровня сѣверо-западной стороны главнаго зданія.

Прот. Н. Каменскій.

ПАНАНГЛИКАНСКІЙ СОБОРЪ ВЪ ЛОНДОНѢ,

Въ іюлѣ мѣсяцѣ текущаго (1888) года сто сорокъ пять епископовъ англиканской церкви собрались со всего міра на соборъ въ Лондонѣ въ ламбетскомъ дворцѣ, городской резиденціи архіепископа кентерберійскаго.

Ламбетскій (Lambeth) кварталъ Лондона принадлежалъ нѣкогда нѣкоему *Ламбу* и назывался *Ламбхисомъ* (Lambeth). *Кануть* при нападеніи на Лондонъ въ 1026 году прорылъ черезъ этотъ кварталъ каналъ для проведенія флота къ лондонскому мосту. Сестра Эдуарда Исповѣдника *Года* подарила всю эту землю епископу рочестерскому. Одинъ изъ рочестерскихъ епископовъ построилъ тутъ для себя большой домъ и впоследствии обмѣнялъ его Губерту Вальтеру архіепископу кентерберійскому. Такимъ образомъ ламбетскій домъ содѣлался городской резиденціею духовнаго примаesa англиканской церкви. Теперешній ламбетскій дворецъ построенъ былъ архіепископомъ Бонифаціемъ. Уже два панангликанскихъ собора (въ 1867 и 1878 г.) созываемы были въ его стѣнахъ, а теперь это третій. Двѣсти десять приглашеній были разосланы по всему міру, но не всѣ приглашенные пріѣхали.

Первымъ дѣломъ съѣхавшихся епископовъ было отправиться въ *Кентербері* (Cant-wara-birig, т.-е. городъ людей Кента)—колыбель христіанства въ Англии и мѣстопробываніе примаesa англиканской церкви, архіепископа кентерберійскаго. Городъ

Кентербери одинъ изъ самыхъ интересныхъ и древнихъ городовъ Англіи. Онъ былъ уже большимъ городомъ во времена древнихъ бриттовъ. Въ періодъ саксонской гептархіи Кентербери былъ резиденціею короля Кента. Сюда въ 596 году прибылъ св. Августинъ и своею проповѣдью обратилъ въ христіанство короля Этельберта и до десяти тысячъ саксонцевъ. Принявъ христіанство, король отдалъ свой дворецъ св. Августину, превратившему его въ великолѣпный монастырь — теперешній кентерберійскій соборъ.

Многіе изъ епископовъ пріѣхали въ Кентербери уже 28 іюня наканунѣ праздника св. апостоловъ Петра и Павла, такъ какъ въ этотъ день совершаемо было празднованіе сороковой годовщины основанія главнаго миссіонерскаго училища англиканской церкви — училища св. Августина, основаннаго въ 1848 г. въ день св. апостоловъ Петра и Павла мистеромъ Баресфордъ-Гопомъ.

Рядъ зданій извѣстныхъ нынѣ подъ именемъ „Миссіонерской школы св. Августина въ Кентербери“ состоитъ частію изъ средневѣковыхъ построекъ, частію изъ древнихъ реставрированныхъ зданій и частію изъ современныхъ архитектурныхъ работъ. Школа эта помѣщается въ юго-восточной части города Кентербери на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда находился монастырь св. Августина построенный въ 598 году и предназначившійся служить мѣстомъ погребенія королевей и архіепископовъ Кента. Въ этомъ монастырѣ покоились останки св. Августина и королевы Берты, христіанской супруги короля Этельберта. Мѣсто это было такъ великолѣпно, что когда въ царствованіе Генриха VIII церковныя имущества отбираемы были въ казну, оно обращено было во дворецъ. Въ царствованіе королевы Маріи этотъ дворецъ былъ отданъ въ пожизненное владѣніе кардиналу Полю, по смерти котораго опять отошелъ въ казну. Въ 1573 г. королева Елизавета провела въ немъ нѣсколько мѣсяцевъ; въ немъ совершенно было бракосочетаніе короля мученика Карла I съ Генріетою французскою въ іюнѣ 1625 года. Затѣмъ имѣніе это стало переходить изъ однихъ частныхъ рукъ въ другія дробясь и опускаясь все ниже и ниже. Когда въ 1844 году оно продано было съ аукціона м-ру Баресфордъ-Гопу, на развалинахъ древняго монастыря св. Августина возвышались: пивоварня, питейный домъ и увеселительные сады. Совершивъ покунку,

м-ръ Бэресфордъ-Гопъ предоставилъ ее въ распоряженіе архі-епископа кентерберійскаго для основанія тамъ миссіонерской школы св. Августина, которая была окончена и освящена во вторникъ 29 іюня 1848 года.

Наканунъ праздника 28-го іюня совершено было навечеріе (vigil), во время котораго восемь выпускныхъ студентовъ-миссіонеровъ получили благословеніе и прощальное слово своего директора. Въ день самаго праздника въ половинѣ восьмаго утра совершена была св. Евхаристія. Часовня украшена была съ большимъ вкусомъ въ особенности алтарь, на которомъ возвышался великолѣпный серебряный крестъ, подарокъ покойнаго основателя училища, обставленный прекраснѣйшими цвѣтами. Въ 11 часовъ совершено было утреннее богослуженіе (matins), по окончаніи котораго воспомнаны были предъ Богомъ имена благодѣтелей училища св. Августина. Проповѣдь говорилъ епископъ Фредериктона, который одинъ изъ числа всѣхъ присутствующихъ былъ при освященіи часовни въ 1848 году.

Въ половинѣ втораго въ Кольриджскомъ музеѣ училища св. Августина сервированъ былъ великолѣпный завтракъ. Обширная зала эта полна была посѣтителями. Директоръ училища провозгласилъ тостъ „за королеву“, принятый съ большимъ энтузіазмомъ и сопровождаемый пѣніемъ національнаго англійскаго гимна „*Боже, спаси королеву!*“ Floreat Domus! провозглашено было затѣмъ. Тостъ этотъ естественно вызвалъ воспоминанія о тѣхъ, кто нѣкогда провозглашалъ его въ стѣнахъ училища и въ особенности о м-рѣ Бэресфордъ-Гопѣ и объ архидіаконѣ Гаррисонѣ. Епископъ фредиктонскій въ своемъ спичѣ старался напечатлѣть въ умахъ присутствовавшихъ великую идею „домашняго очага“, говоря что всѣ служенія церкви должны быть проникнуты теплотою сердечною, такъ какъ всѣ мы „домочадцы Бога“. „За нашихъ дорогихъ гостей и за епископа гвинейскаго!“ Въ отвѣтъ на этотъ тостъ епископъ гвинейскій замѣтилъ, что нынѣшнее собраніе служить признакомъ духовнаго роста церкви (англиканской) и должно служить благодѣтельнымъ толчкомъ для училища св. Августина.

„За городъ Кентербері!“ за отсутствіемъ майора города на этотъ тостъ не послѣдовало отвѣтнаго спича. Епископъ Новой

Джерсе пополнить пробѣлъ, сказавъ нѣсколько трогательныхъ словъ объ единствѣ Англіи и Америки и въ особенности церковей англиканской и американской. Послѣдній тостъ былъ за „старыхъ студентовъ и за епископа рангунскаго, воспитавшагося въ училищѣ св. Августина“. Въ отвѣтъ на тостъ епископъ рангунскій замѣтилъ, что двадцать восемь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ онъ въ присутствовалъ на годовомъ празднествѣ училища и теперь радостныя и печальныя мысли наполняютъ его душу. Радостныя, потому что дѣло церкви подвигается впередъ; печальныя—потому что онъ не видитъ среди присутствующихъ тѣхъ дорогихъ лицъ, которыхъ онъ знавалъ тогда. Въ 6 часовъ вечера розданы были награды; чѣмъ и закончился этотъ счастливый день.

Въ субботу 30 (19) іюня съ особымъ поѣздомъ пріѣхали въ Кентерберіи около полудня еще 80 епископовъ. Всѣ епископы вмѣстѣ съ большимъ числомъ духовенства и приглашенными гостями завтракали въ училищѣ св. Августина. Послѣ завтрака всѣ отправились въ соборъ. Зрѣлище было великолѣпное. Грандіозный соборъ, блестящіе лучи солнца, проникавшіе сквозь окрашенные стекла, огромная толпа молящихся, въ стройномъ порядкѣ собравшаяся сюда,—все способствовало тому, чтобы придавать зрѣлищу особый интересъ и торжественность. Вотъ показалась процессія. Впереди шли жезлоносцы, за ними крестоносецъ несъ великолѣпный крестъ, за которымъ слѣдовалъ архіепископъ въ длинной мантии, поддерживаемой его пажемъ, за архіепископомъ шли капеланы, деканы и каноники, почетные каноники, шесть проповѣдниковъ, младшіе каноники, хоръ королевской школы, ученики, учителя и директоръ училища св. Августина со всѣми помощниками, шествіе замыкалось сельскими деканами и городскимъ духовенствомъ. При пѣніи Псалма 68 и гимна „Впередъ воины Христовы“ процессія торжественно двигалась къ западнымъ дверямъ собора на встрѣчу пріѣзжимъ епископамъ, облачившимся въ церковномъ домѣ. Когда процессія дошла до своихъ мѣстъ, съ клироса грянула церковная пѣснь „Тебе Бога хвалимъ“. Архіепископъ кентерберійскій занялъ кафедру св. Августина и со ступеней ея торжественнымъ и трогательнымъ словомъ привѣтствовалъ епископовъ, съѣхавшихся сюда со всего міра. Совершенно было вечернее богослужение,

закончившееся пѣніемъ древняго англиканскаго гимна „The Church's Oud Foundation“. Архіепископъ преподавъ благословеніе и процессія въ обратномъ порядкѣ двинулась къ выходу. У схода съ соеи архіепископъ оетановился и опять преподавъ благословеніе толпѣ молящагося народа. Затѣмъ епископы, духовенство и народъ покинули храмъ.

Въ понедѣльникъ 2 іюля всѣ епископы и архіепископы собрались на вечернее богослуженіе въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Въ первый разъ двери аббатства отворились для членовъ пан-англиканскаго собора. Когда архіепископы и епископы англійской церкви въ первый разъ собрались на соборъ въ 1867-мъ году, тогдашній деванъ Вестминстерскаго Аббатства *Стэнлаз* не дозволялъ имъ совершить вступительное богослуженіе въ этомъ храмѣ, подѣ тѣмъ предлогомъ, что совѣщаніе собора имѣли совершаться при закрытыхъ дверяхъ. Въ 1878 году двери аббатства оставались закрытыми и для втораго пан-англиканскаго собора—они отворились впервые въ нынѣшнемъ году.

Около семи часовъ вечера во храмѣ аббатства раздались звуки гимна „The Church's One Foundation“ и архіепископы, епископы и ихъ свиты въ торжественной процессіи вступили въ храмъ и заняли свои мѣста. „Какъ хорошо и какъ пріятно жить братьямъ вмѣстѣ“ (Пс. 32, 1.) „Просите мира Іерусалиму: да благоденствуютъ любящіе тебя! Да будетъ миръ въ стѣнахъ твоихъ, благоденствіе въ чертогахъ твоихъ!“ (Пс. 121, 6. 7).

Прочелъ одинъ изъ епископовъ (Rev. Flood Jones). За симъ послѣдовало исповѣданіе грѣховъ речитативомъ—священническое разрѣшеніе и стихири подѣ музыку Талли. Пропѣтъ былъ Псаломъ 103-й и прочитана 49-я глава пророка Исаія. Послѣ чего пропѣта пѣснь Богородицы: „Величитъ душа Моя Господа“, послѣ которой прочтена была 2-ая глава Дѣяній Апостоловъ, по окончаніи ея пропѣта была пѣснь Симеона Богопримца; Апостольскій символъ вѣры сопровождаемый пѣніемъ стихиръ подѣ аккомпаниментъ превосходной органной музыки М-ра Талли исполненной органистомъ Вестминстерскаго аббатства докторомъ Бриджемъ. По пропѣніи стихиръ произнесены были молитвы; въ число которыхъ была включена особая молитва *объ единеніи сердець*. Послѣ молитвы о королевѣ и о королевскомъ домѣ произнесена была особая молитва за президента соединенныхъ

штатовъ Америки. При чтеніи заключительной молитвы одному изъ капеллановъ сдѣлалось дурно отъ тѣсноты и духоты и онъ съ большимъ трудомъ былъ вынесенъ изъ храма. Въ толпѣ молящихся тоже многіе попадали въ обморокъ. За вечернимъ богослуженіемъ послѣдовала проповѣдь архіепископа Кэнтербрійскаго на текстъ: „*Все тѣло... при дѣйствіи съ свою мѣру каждому члену, получаетъ приращеніе для созиданія самого себя въ любви*“ (Ефес. 4, 16). Передъ проповѣдью пропѣтъ былъ гимнь „*Veni Creator*“, а послѣ нея пѣснь: „*Saviour, sprinkle many nations*“, по окончаніи которой архіепископъ преподавъ отъ алтаря благословеніе духовенству и народу. Затѣмъ процессія направилась къ выходу изъ храма при звукахъ „марша священниковъ“ изъ оперы Мендельсона „Гевелія“.

Настоящее открытіе пан-англиканскаго собора произошло 3-го іюля. Около 11 часовъ утра члены собора въ полномъ облаченіи собрались въ древней картинной галлерей Ламбетскаго дворца, гдѣ были выстроены деканомъ Виндзора въ процессіонный порядокъ и откуда отправились въ часовню, гдѣ совершена была Св. Евхаристія, послѣ которой епископъ Миннесоты д-ръ Хвиппль сказалъ слѣдующее слово:

„Возлюбленные и просвѣщенные братіе! Ни на одномъ собраніи не лежитъ такой страшной отвѣтственности предъ Богомъ, какъ на соборѣ епископовъ церкви Его. Съ самого того времени какъ Духъ Святый руководилъ первымъ соборомъ церкви въ Іерусалимѣ, вѣрные взираютъ съ большимъ участіемъ на совѣщаніе тѣхъ, кого Христосъ поставилъ пастырями и блюстителями стада своего и кому даровалъ обѣтованіе „и я съ вами во все дни до скончанія вѣка“. Отвѣтственность особенно велика въ наши дни, когда расколы и ересь господствуютъ повсюду въ церкви Христовой. Наши слова и дѣйствія или ускорятъ воссоединеніе всѣхъ церквей или замедлятъ его. Чувствуя всю возложенную на меня сегодня отвѣтственность, я готовъ выкликнуть съ древнимъ пророкомъ: „я еще отрокъ и не умѣю говорить!“ Но молитесь за меня, преосвященные братіе, дабы Богъ самъ помогъ мнѣ повиноваться слову Его и говорить то, что Онъ повелитъ мнѣ говорить. Я преклоняю колѣно предъ Господомъ и мою Его „да наставитъ насъ Духъ Св. на всякую истину“. Мы собрались здѣсь какъ представители національных (мѣст-

ныхъ) церквей, каждый съ особой, возложенной на него отвѣтственностію за порученныя его попеченію души; каждый со всѣми правами національныхъ церквей примѣняться въ измѣняющимся условіямъ человѣческаго общества, но обязаный въ то же время сохранять нерушимо порядокъ, вѣру, тайнства и богослуженія католической церкви, ввѣренныя ему. Смиренно преклоняя колѣна предъ престоломъ нашего общаго Господа, мы съ прискорбіемъ воспоминаемъ предъ Нимъ нашихъ братій, отдѣлившись отъ единства вѣры. Раздѣленія и расколы до того возросли въ церкви Христовой, что дерзкое невѣріе открыто надвѣвается надъ христіанствомъ какъ надъ бесплоднымъ суевѣріемъ и современные Саддукеи, болѣе смѣлые, чѣмъ ихъ іудейскія братья, прямо восклицаютъ „нѣтъ Бога!“ Милліоны, за которыхъ умеръ Христосъ, никогда и не слыхивали, что есть на свѣтѣ Спаситель. Разслѣдованіе того, кто виноватъ въ раздѣленіи, дѣлу не поможетъ; всѣ болѣе или менѣе отвѣтственны за этотъ грѣхъ. Если одни виноваты въ своеволіи, то другіе въ недостаткѣ христіанской любви. Путь къ воссоединенію труденъ; *для людей* даже невозможенъ, но *для Бога* все возможно. Въ настоящее время существуютъ благодатныя знаменія, что по всюду Духъ Св. побуждаетъ христіанъ стремиться къ единенію. Всѣ мы знаемъ, что разъединенное христіанство не можетъ побѣдить міръ. Теперь, когда всякій видъ заблужденія и грѣха соединяется и объединяется для болѣе успѣшнаго противодѣйствія царству Христову, міръ нуждается во свидѣтельствѣ *единой* церкви. *Какъ крещеніе во Христа* всѣ мы братья между собою. Всѣ, ожидающіе спасенія единственно чрезъ вѣру во Христа Іисуса, не смотря на заборы человѣческихъ мнѣній, построенныя людьми въ саду Господа, содержатъ сообща великія истины божественной вѣры. То, что насъ разъединяетъ, не существенно для спасенія; истины, въ которыхъ мы всѣ согласны, суть составныя части католической вѣры. Духъ Св., минуя эти человѣческія перегородки, повсюду благословляетъ усердіе дѣтей Божіихъ, не смотря на ихъ разъединеніе между собою. Благодать Господа Іисуса Христа и обновляющее и освящающее дѣйствіе Духа Святаго тѣже самыя какъ въ хижинѣ крестьянина, такъ и въ дворцѣ императора. Мы радуемся тому, что церкви одного историческаго происхожденія съ нами ищутъ воссоеди-

жизни, и тѣ, вѣра которыхъ была подернута холодною или омрачена заблужденіями, вочеловѣчившимся Сыномъ Божиимъ теперь оживляются въ новой жизни. Сердца наши стремятся къ Старо-Католикамъ Европы и Америки. Съ глубокою скорбію помышляемъ мы о томъ, что римская церковь отдѣлилась отъ ученія церкви первобытной прибавками къ вѣрѣ, однажды преданной святымъ, и требованіемъ для своего епископа преимуществъ принадлежащихъ единственно только божественному Главѣ церкви. Отдавая должное набожной ревности ея миссіонеровъ-героевъ и радуясь добрымъ дѣламъ множества ея дѣтей, мы въ то же время скорбимъ о недостаткѣ христіанской любви, побуждающемъ ее предавать анаемъ учениковъ Христа, пронесшихъ Евангеліе до концевъ земли. Мы славимъ Святое имя Бога за братское дѣло, ведомое подъ руководствомъ кентерберійскаго престола и которое, мы надѣемся, пробудитъ древнія церкви къ болѣе глубокой личной вѣрѣ во Христа Иисуса. Мы печалуемся, что нѣкоторые изъ нашихъ родичей во Христвѣ, дѣти одной и той же матери, забыли пути ея.

„Неправда ли: замѣчательно, что въ настоящій періодъ всемірной исторіи, когда чудесныя открытія соединяютъ разноязычныя племена въ общемъ интересѣ, Провидѣнію угодно было поставить англо-саксонское племя во главѣ народовъ? Племя это распространило цивилизацію до концевъ земли; оно приноситъ свободу угнетеннымъ, поднимаетъ униженныхъ и даетъ во всемъ языкамъ и народамъ свои обычаи, преданія и законы. Я вѣрую, что англо-саксонской церкви божественнымъ Провидѣніемъ предоставлено изцѣлить разъединеніе христіанства и стать во главѣ дѣла его, совершающагося въ вечернее время міра. Эта церковь признаетъ дѣйствительность всякаго христіанскаго крещенія во имя Отца и Сына и Святаго Духа; она содержитъ два таинства Христа и дѣлаетъ ихъ условіемъ христіанскаго общенія. Англо-саксонская церковь не смущаетъ людей теоріями и лозунгами партій. Она вѣруетъ въ Бога Отца, Всемогущаго Творца неба и земли и въ Иисуса Христа, Единороднаго Сына Его и въ Духа Святаго—Трѣипостаснаго и Единого Бога, но она не ослабляетъ этой вѣры въ тріединаго Бога челоѣческими умствованіями о Троичности въ Единствѣ. Она вѣруетъ, что все Священное Писаніе Боговдохновенно, но у нея нѣтъ тео-

рія вдохновенія. Она содержитъ искушеніе Христомъ какъ единую надежду погибшаго міра, но у нея нѣтъ философіи искупленія. Она учитъ, что люди соединяется со Христомъ Духомъ Святымъ; она преподаетъ таинства, учрежденная Христомъ, для того чтобы служить проводниками благодати Его, но у нея нѣтъ теоріи для объясненія этихъ божескихъ тайнъ. Безъ сомнѣнія этой церкви предоставлено будетъ протянуть враждующимъ церквамъ масляниую вѣтвь примиренія и воскликнуть: „Господа—вы братья!“ Церковь примиренія будетъ въ одно и тоже время историческая и каеодическая въ своихъ служеніяхъ вѣрѣ и таинствахъ. Она унаслѣдуетъ обитованія своего божественнаго Господа; сохранить все, что носитъ на себѣ печать каеодизма и божественности; усвоить употребленіе всѣхъ средствъ, всѣхъ существующихъ учрежденій, способствующихъ дѣланію дѣла Господня и откажется отъ всего узкаго, исключительнаго“.

Первое засѣданіе конференціи пан-англиканскаго собора открылось 3 іюля во вторникъ въ читальной залѣ Ламбетскаго дворца и происходило при закрытыхъ дверяхъ. Всѣ члены собора раздѣлены были на двѣнадцать комиссій, изъ которыхъ каждая должна была составить донесеніе на одинъ изъ слѣдующихъ вопросовъ:

1. Въ чемъ состоитъ обязанность церкви по отношенію къ нестрзости?
2. Въ чемъ состоитъ практическое дѣло церкви по отношенію къ цѣломудрію?
3. Вопросъ о разводѣ.
4. Вопросъ о многоженствѣ.
5. О воскресномъ днѣ.
6. Объ отношеніи церкви къ социализму.
7. Объ отношеніи церкви къ эмигрирующимъ дѣтямъ ея.
8. О взаимныхъ отношеніяхъ между епархіями и вѣтвями англиканскаго церковнаго общенія.
9. Какими способами достигнуть можно объединенія внутри англиканской церкви.
10. Объ отношеніяхъ англиканской церкви къ церкви скандинавской и къ старо-католикамъ.

11. Объ отношеніяхъ англиканской церкви къ восточнымъ церквамъ.

12. Вопросъ объ авторитетномъ образцѣ ученія и богослуженія.

Отъ 7 до 22 іюля происходили засѣданія комиссій и 23 іюля соборъ собрался опять въ полномъ составѣ для прочтенія и обсужденія донесеній комиссій. Полныя конференціи всего собора происходили ежедневно отъ 23 до 27 іюля включительно. Каждая конференція начиналась литією въ часовнѣ Ламбетскаго дворца. Въ субботу 28 іюля совершено было заключительное богослуженіе въ соборѣ св. Павла. Проповѣдь говорилъ архіепископъ Іоркскій. Въ настоящее время печатается въ Лондонѣ полный отчетъ о засѣданіяхъ собора: книгу обѣщаютъ выпустить въ свѣтъ въ началѣ декабря.

Александра Наумова.

ХОЛМСКІЙ ПРАЗДНИКЪ 8 СЕНТЯБРЯ.

ВЪ НЫНѢШНЕМЪ ГОДУ.

Отпраздновался этотъ ежегодный въ Холмѣ большой праздникъ очень отраднo. Обычныхъ на немъ богомольцевъ, поселянъ изъ Холмщины, при-бужной Волины и отчасти Подляшья, было еще больше, чѣмъ въ прежніе годы, тысячи на двѣ болѣе сравнительно съ прошлымъ годомъ. Изъ приходовъ ближайшихъ къ Холму прибыли они, какъ и прежде, болшею частью крестными ходами, именно изъ Савина, Чулчиць, Руды, Серебрища, Каменя, Плаваниць, Поболовиць, Чернѣва, Лещанъ, Селець, Депутычъ и Павлова, одни наканунѣ праздника, послѣ полудня и вечеромъ, а другіе въ самый праздникъ, до поздней литургіи. Изъ мѣстъ же болѣе отдаленныхъ стали прибывать богомольцы съ 6 сентября; въ этотъ день, послѣ всеошной, всѣ соборные священники заняты были исповѣдью ихъ съ 7 до 8½ часовъ. Особенное вниманіе обращали на себя тѣ, что приходили не въ одиночку или по нѣскольку человекъ, а „компаніями“, партіями человекъ во 100—150. Всю дорогу идутъ эти компаніи пѣшкомъ и въ полуцерковной обстановкѣ: всѣ мужчины съ непокрытыми головами, впереди несется запрестольный крестъ приходской церкви, и весь путь поются „божественныя пѣсни“ изъ „богогласныхъ“. Одна изъ такихъ компаній пришла въ Холмъ изъ села Кривовербы, изъ-за Влодавы, въ 2½ часа пополудни 7 числа. Этотъ фактъ необходимо отмѣтить, какъ весьма отрадное явленіе въ состояніи православія на Подляшья. Паломничество отсюда въ Холмъ на великій холмскій праздникъ можетъ много способствовать религіозному возрожденію подляшанъ; въ высшей степени желательны были бы крестные ходы изъ

ближайшихъ въ Холму подляшскихъ приходовъ и увеличеніе числа „компаній“ изъ болѣе отдаленныхъ. Холмско-Брестская желѣзная дорога удешевленіемъ для таковыхъ „компаній“ платы за проѣздъ въ Холмъ и обратно могла бы много сдѣлать для умноженія и распространенія ихъ въ юго-восточной части Подляшья (въ уѣздахъ: Влодавскомъ, Бѣльскомъ и даже Яновскомъ). Если „частныя“ желѣзныя дороги оказываютъ такое вниманіе для Ченстохова, то почему бы не оказать еще большаго вниманія для Холма желѣзной дорогѣ „правительственной“? Есть много примѣровъ тому, что „упорствующие“ изъ Подляшья, пришедши въ Холмъ къ 8 сентября „присмотрѣться“, за вторымъ-третьимъ разомъ приступаютъ къ исповѣди, къ Св. Причащенію, и возвращаются домой православными, даже съ ревностью споспѣшествовать обращенію въ православную вѣру своихъ близкихъ. Въ нынѣшній праздникъ одинъ крестьянинъ изъ Бытеня, Збереженскаго прихода, со словами радости и умиленія на глазахъ, исповѣдавшись и причастившись, рассказывалъ, что „надобно“ ему столько дѣть жить внѣ общенія со своею церковью, и пошелъ онъ въ Холмъ: „какъ взглянулъ я на Божию Матерь, слезы потекли изъ глазъ моихъ. Теперь и жена и дѣти мои пойдутъ въ церковь“, заключилъ онъ. Латиняне обыкновенно смущаютъ совѣсть воссоединенныхъ, между прочимъ, клеветою, будто „схизматики (т.-е. мы православные) въ Божию Матерь не вѣрятъ“; и вдругъ тѣ собственными глазами видятъ, какъ чтимъ мы въ Холмѣ св. чудотворную икону ея...

Въ нынѣшнемъ году были изъ Подляшья, кромѣ воссоединенныхъ отъ униі, русскіе поселяне, никогда ея не знавшіе, именно бывшіе раскольники, а теперь „церковные“ (т.-е. православные), переселившіеся въ числѣ 27 семействъ нынѣшнею весною изъ Пруссіи (Гумбинской губерніи, Зонзеборскаго уѣзда) во Влодавскій уѣздъ, на отведенныя имъ правительствомъ земли выморочнаго маіоратскаго имѣнія Голи. Они считаютъ себя и состоятъ прихожанами Вольской церкви. Хотя они недавно, только въ маѣ, прибыли на Подляшье, далеко еще не устроились, даже не обстроились, а уже явились въ Холмъ, не смотря на 50-верстное разстояніе! Этотъ фактъ—доказательство (одно изъ многихъ) высокаго почитанія Холмской Чудотворной иконы въ южномъ Подляшья и весьма большой пригодности для „русскаго дѣла“ въ Холмской Руси (особенно для Подляшья) этихъ новыхъ поселенцевъ. Шесть русскихъ деревень есть въ Зонзеборскомъ уѣздѣ, и всѣ готовы, по рассказамъ, переселиться въ Привислянскій край, не безземельные только, промышленяющіе тамъ плотничествомъ и садоводствомъ, но и землевладѣльцы. Изъ поселившихся въ Голѣ одна, на примѣръ, семья владѣеть въ Пруссіи 50 моргами земли, за которые покупили предла-

гають уже 3½ тысячъ тацеровъ; такихъ состоятельныхъ семействъ поселилось тамъ нѣсколько. Поучительны для нашихъ воссоединенныхъ рассказы этихъ новыхъ поселенцевъ о томъ, какими бѣдняками живутъ тамъ безземельные нѣмцы, какъ тяжело жить у нихъ русскому человеку безъ церкви и съ обязательнымъ обученіемъ дѣтей своихъ въ нѣмецкихъ школахъ (исключительно на нѣмецкомъ языкѣ). Много горькаго для своего религіознаго и народнаго чувства они вкусили тамъ, чтобы самимъ чувствовать и другимъ внушать сладость обстановки крестьянской жизни подъ скипетромъ русскаго Царя. Притокомъ въ Подлясье (и вообще въ Привислинскій край) такихъ селъ, хотя бы на средства вновь открытаго „крестьянскаго банка“, былъ бы весьма желателенъ.

Весь день 7 сентября прошелъ для прибывшихъ въ Холмъ богомольцевъ въ молитвѣ. Въ 7 часовъ утра началась въ соборѣ ранняя литургія, а вслѣдъ за нею, въ 9½ часовъ, позняя; за первой причастниковъ было до 300 человекъ, а за второю въ два раза больше, такъ что служба отошла только въ половинѣ перваго часа. Въ три часа пополудни отслуженъ былъ акафистъ Пресвятой Богородицѣ, а въ 5 часовъ началось всемогущее бѣднѣе, продолжавшееся до 8½ часовъ. Съ ранняго и до поздняго вечера десять священниковъ исповѣдывали народъ. Исповѣдующихъ осаждали толпы желающихъ приступить къ покаянію: невольно думалось, что можно было бы увеличить число духовниковъ, чтобы это таинство сдѣлать болѣе доступнымъ и выполнить его возможно внимательнѣе, особенно въ виду впервые приступающихъ къ нему послѣ многихъ лѣтъ отчужденія.

Когда преосвященный Флавіанъ, совершавшій всенощную, вышелъ съ многочисленнымъ духовенствомъ на соборную площадь для совершенія литійныхъ моленій, то вся она, далеко за колокольню, была покрыта народомъ, а въ соборѣ въ продолженіе всей службы тѣснота была страшная. По окончаніи всенощнаго бѣднія около часу народъ поучался туманными картинами изъ евангельскихъ событій, при объясненіи ихъ однимъ изъ священниковъ; всѣ слушали его съ обнаженными головами, и это безъ всякихъ постороннихъ указаній, по присущему здѣшнему простонародью великому благочестію. Единственнымъ мѣрсиимъ въ этотъ день развлеченіемъ богомольцевъ была иллюминація соборной горы, фейерверки, бенгальскіе огни и другія пиротехническія явленія. Послѣ одиннадцати часовъ все окончилось; тысячи народа отдыхали тутъ же на горѣ, кругомъ собора, подъ открытымъ небомъ, освѣщеннымъ луною во всемъ блескѣ полнолунія. Богъ послалъ имъ тихую и теплую ночь...

Съ вечернимъ и утреннимъ поѣздами Привислинской желѣзной дороги прибыли на праздникъ изъ Варшавы и Люблина

члены Холмскаго св. Богородицкаго братства: попечитель варшавскаго учебнаго округа А. Л. Апухтинъ, люблинскій губернаторъ В. Ф. Тхоржевскій, председатель люблинской контрольной палаты Л. К. Деллавокъ, профессоръ Варшавскаго университета И. А. Евремовскій, директоръ Ново-Александрійскаго института П. В. Эймонтъ, люблинскій вице-губернаторъ М. Н. Севастьяновъ съ супругою, окружной инспектеръ Ѳ. А. Златоустовскій, полковникъ Н. Д. Солнцева, чиновникъ особыхъ порученій М. А. Добрянскій, директоры 1 варшавскихъ гимназій А. Л. Стефановичъ и варшавскаго реальнаго училища Н. Н. Кацауровъ и нѣкоторыя другія лица. Былъ и известный корреспондентъ „Новаго Времени“ Е. Л. Кочетовъ (Русскій Странникъ).—Еще не взошло солнце, какъ началась, именно въ 4 часа, ранняя литургія въ Покровскомъ придѣлѣ собора. За нею слѣдовали литургіи: въ 5 часовъ въ Крестовой церкви, въ 6¼ часовъ въ Кирилло-Меодіевскомъ придѣлѣ собора, въ 7 часовъ въ домовой церкви духовной семинаріи, въ 8 часовъ въ Кирилло-Меодіевской часовнѣ, что на горѣ, и въ 9 часовъ въ Богословской церкви. За всѣми литургіями было множество причастниковъ: причащали одновременно изъ двухъ-трехъ чашъ, а въ тоже время священники съ ранняго утра и въ числѣ 10—12 часовъ продолжали исповѣдывать богомольцевъ.

Въ 9 часовъ утра для посторонняго наблюдателя внутренность соборнаго храма представляла такую картину: очень многіе богомольцы стоятъ на коленяхъ и, сложивши приподнятыя руки (ладонями), читають молитвы; нѣкоторые молятся стоя, съ возведенными къ чудотворной иконѣ очами; иные кладуть предъ боковыми иконами земные покломы; многіе ставятъ предъ иконами свѣчи, которыми густо уставлены всѣ подсвѣчники; въ нѣсколькихъ мѣстахъ, ближе къ алтарю, идетъ исповѣдь; неподалеку отъ входныхъ боковыхъ дверей съ обѣихъ сторонъ стоятъ у стѣны столики, при нихъ сидятъ мальчики духовнаго училища и записываютъ подаянія на обѣдни (заздравныя и заупокойныя), молебны и акафисты,—большинство дателей, и все поселане, платятъ по рублю; у праваго придѣла дѣвушки-поселянки обтирають пологенцемъ и украшаютъ цвѣтами свою „дѣвичью“ выносную икону; по срединѣ храма священникъ съ псаломщикомъ совершаютъ въ полголоса молебствіе Пресвятой Богородицѣ, именно канонъ въ честь Ея. Всюду, однимъ словомъ, видны самыя разнообразныя проявленія одного и того же высокаго чувства, благочестія,—и это видъ богослуженія. Одного лишь не доставало здѣсь: св. чудотворная икона Пресвятой Богородицы не была спущена. Почему, невольно думалось, не доставить богомольцамъ возможности въ этотъ великій праздникъ и нанануть его прилаживать къ этой святынѣ и возжигать предъ

нею свѣчи во всякое время дня, свободное отъ богослуженія въ главномъ алтарѣ?—Отраднa была картина и внѣ собора. Прибывали и крестные ходы, встрѣчаемые каждый разъ у вѣзда на соборную гору крестнымъ ходомъ соборнымъ. Братская лавка осаждается покупающими иконы, крестики, медальоны, картины патріотическаго содержанія, святыя Евангелія, молитвословы и другія книги въ подарокъ своимъ домашнимъ или себѣ на память. У новой часовни, что на углу архіерейскаго сада, на отдѣльномъ столѣикѣ, продаются восковыя свѣчи, крестики и медальоны; покупателей и здѣсь не мало, а часовенька полна коленнопреклоненныхъ. Русскіе люди Холмщины и Подляшья да „сыны Волыни“ всюду на площади стоять и сидятъ группами, входятъ въ общеніе другъ съ другомъ, объединяются и привыкаютъ мыслить себя единымъ русскимъ народомъ. Какъ велико благочестивое настроеніе богомольцевъ, это видитъ Господь Богъ, но по суду человѣческому, основанному на всѣхъ сейчасъ указанныхъ истинно трогательныхъ проявленіяхъ религиозныхъ чувствъ собравшагося люда, выходитъ, что благочестіе его велико. Эту великость подтверждаютъ и денежныя расходы его на соборной горѣ: братская лавка въ два дня, 7 и 8 сентября, выручила 550 рублей, свѣчнаго собора въ сборъ и Крестовую церковь поступило до 400 рублей, записи на литургии и другія службы въ соборѣ дали на 400 руб. больше противъ прошлаго года (и гораздо болѣе сравнительно съ его предшественниками), множество собравшихся къ празднику нищихъ тоже получали щедрую милостыню, — всего на богоугодныя дѣла оставлено богомольцами до трехъ тысячъ рублей.

Въ 10 часовъ раздался на соборной колокольнѣ благовѣсть къ поздней литургии. Она совершена была торжественно высокопреосвященнымъ архіепископомъ Леонтіемъ (прибывшимъ въ Холмъ 1 сентября) и преосвященнымъ епископомъ Флавіаномъ въ сослуженіи 10 священниковъ. Предъ отпускомъ его высокопреосвященство сказалъ воодушевленную проповѣдь о томъ, какъ нужно держать „знамя православія“ на этой „горѣ-Холмѣ“ и во всѣхъ приходахъ Холмской Руси. По окончаніи, по обычаю, слѣдовало молебствіе Пресвятой Богородицѣ на серединѣ соборной площади, съ выносомъ—при крестномъ ходѣ—чудотворной иконы Пресвятой Богородицы. Съ устроеннаго для духовенства амвона хорошо видна была вся обширная площадь соборной горы: она представляла море головъ, тысячъ до 15-ти.

По окончаніи богослуженія состоялось въ епископскомъ домѣ общее собраніе членовъ Холмскаго Свято-Богородицкаго братства. Изъ отчета за 1887—8 братскій годъ оказалось, что дѣятельность братства въ девятомъ году его существованія продолжала развиваться въ томъ же направленіи, что и въ прежнія

восемь лѣтъ, и становится все шире и многоплоднѣе. Материальныя средства братства за этотъ годъ довольно значительно увеличились. Денежныхъ пожертвованій отъ разныхъ лицъ поступило за годъ до 5,000 рублей, да кромѣ того выручено было отъ продажи книгъ около 2,500 рублей и получено процентовъ съ братскаго капитала 1,417 руб. Изъ этихъ почти 9,000 руб. отчислено къ основному капиталу 3,000 руб., и онъ возросъ теперь до 22,100 руб., а остальные 6,000 руб. употреблены были на изданіе и покупку полезныхъ для воссоединеннаго народа книгъ, на содержаніе восьми братскихъ стипендіатовъ въ холмскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и въ пособіе разнымъ бѣднымъ лицамъ. Изъ книгъ братствомъ изданы: иллюстрированная брошюра „Святѣи и древности Холмскаго края“ въ 4,000, экземпляровъ и „Холмскій народный календарь на 1889 годъ“ въ количествѣ 8,080 экземпляровъ. Оба изданія обошлись братству въ 2,200 руб. 2,500 экземпляровъ перваго изданія уже разошлись, причемъ наибольшее содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ оказалъ г. попечитель варшавскаго учебнаго округа А. Л. Апухтинъ, выписавшій 1,200 экземпляровъ (на 300 рублей) для начальныхъ училищъ; а второе изданіе уже окончено печатаніемъ и къ холмскому празднику было въ складѣ и лавкѣ братства. Кромѣ распространенія въ народъ своихъ изданій, совѣтъ братства для той же цѣли въ истекшемъ году выписалъ: изъ хозяйственнаго управленія при св. сѣнодѣ книгъ Священнаго Писанія и молитвенныхъ (вмѣстѣ съ церковно-богослужебными) на 222 руб., отъ „Общества распространенія духовно-нравственныхъ книгъ“ на 100 руб., отъ „Славянскаго благотворительнаго общества“ и изъ редакціи „Троицкихъ листовъ“ на 87 рублей. Книги эти распространялись въ мѣстномъ воссоединенномъ отъ уніи населеніи тремя способами: 1) посредствомъ безездной раздачи при обзорѣнн церквей и посѣщеніи русскихъ начальныхъ школъ преосвященнымъ епископомъ люблинскимъ Флавианомъ (роздано было 2,000 экземпляровъ и 10,550 крестиковъ), 2) чрезъ мѣстное приходское духовенство и посредствомъ продажи въ братской лавкѣ и въ книжныхъ благочиническихкихъ складахъ на Подляшѣ (въ складахъ благочиній: Радискаго, Яновскаго и Влодавскаго продано на 250 рублей, и въ одномъ Грубешовскомъ на 200 руб.), и 3) посредствомъ особыхъ братскихъ книгоношъ. Къ третьему способу совѣтъ братства обратился полтора года тому назадъ и исключительно для Подляшя, чтобы вытѣснить оттуда, изъ территоріи воссоединенныхъ приходовъ, польскихъ коробейниковъ, усердно снабжавшихъ бывшихъ уніатовъ-подляшанъ римско-католическими священными изображеніями и съ излишнимъ усердіемъ смущавшихъ совѣтъ ихъ разными бреднями про „схизматиковъ“ и про унію. Въ

книгоноши на братскія средства договорены два крестьянина изъ Подляшья (одинъ изъ Дрелевскаго прихода, а другой изъ Колебродскаго), твердые въ православной вѣрѣ, грамотные и разумные. Весьма любопытна дѣятельность этихъ просвѣтителей народа изъ народа, преданныхъ своему дѣлу, ведущихъ даже дневникъ своихъ бесѣдъ съ „упорствующими“, обращеніе которыхъ на путь истины они сами, по собственной инициативѣ, поставили своею задачей. „Въ теченіе девяти съ половиною мѣсяцевъ (сказано въ братскомъ отчетѣ) отчетнаго года, съ сентября по 15 іюля, книгоноши сдѣлали 20 обходовъ и прошли по деревнямъ уѣздовъ Радискаго пять разъ, Бѣльскаго четыре раза, Константиновскаго три раза, Владавскаго четыре раза, а въ отдаленномъ Сѣдлецкомъ уѣздѣ были одинъ разъ. Во время обхода православныхъ приходоѡ они заходили, по указанію настоятелей, въ дома вожаковъ „упорствующихъ“ и вели съ ними религиозныя бесѣды, а также бесѣдовали съ упорствующими о православной вѣрѣ при каждой встрѣчѣ, увѣщавая ихъ покинуть свое заблужденіе, обратиться къ своей родной матери церкви и не слушаться различныхъ агентовъ тайной латинской пропаганды, часто заставляя упорствующихъ сознать то, что они (книгоноши) говорятъ правду“. Въ „отчетѣ“ констатировано, что они имѣли „значительный успѣхъ“ въ деревнѣ Боцкалахъ, Пратулинскаго прихода, гдѣ одинъ изъ „упорствующихъ“ „покушали у нихъ книги, иконы и медальоны, а другіе выражали желаніе оставить упорство и ходить въ церковь“. Религиозныя бесѣды съ упорствующими книгоноши вели „и въ другихъ мѣстахъ: въ Грудѣ, Липницѣ, Корницѣ (Константиновскаго уѣзда), Корчевкѣ, Гуси, Жувахъ (Радискаго уѣзда)“, уговаривали чуждающихся православной вѣрѣ бывшихъ униатовъ, между прочимъ мѣстами изъ св. Евангелія. Подляшскіе „книгоноши“—весьма любопытное и симпатичное явленіе въ церковной жизни Подляшья. Они, несомнѣнно, будутъ имѣть успѣхъ, и весьма желательно было бы увеличеніе числа ихъ, конечно, при самомъ тщательномъ выборѣ лицъ и умѣломъ руководствѣ ими. За успѣхъ этотъ говорятъ и результаты дѣятельности досѣдѣшнихъ книгоношъ: за 9½ мѣсяцевъ ими продано 1,212 разныхъ книгъ и брошюръ, 523 иконы и 3,235 крестиковъ. Богъ имъ въ помощь!

Сверхъ денежныхъ пожертвованій, въ 1887—8 братскомъ году поступило въ братство много пожертвованій книгами. Особенно цѣнною была жертва почетнаго братчика М. И. Иванова, приславшаго въ братскую бібліотеку весьма полезныхъ книгъ смѣлкомъ на 1.000 руб. Благодаря этому книжному вкладу и поступившей въ прошедшемъ году въ пользу братства исторической бібліотекѣ покойнаго П. К. Щебальскаго, Холмскаго Св.-

Богородицкое братство располагаетъ въ настоящее время серьезными книжными способіями для занятій въ братскомъ музее и вообще для просвѣщенія.

Истекшій годъ въ жизни Св. Богородицкаго братства ознаменовался принятіемъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ званія почетнаго члена братства и завершился особымъ видимымъ знакомъ Монаршаго благоволенія — посѣщеніемъ Холма во второй день сентября Ихъ Императорскими Величествами и Высочествами, для поклоненія братской иконѣ и вмѣстѣ святынь всей Холмской Руси, чудотворному образу Пресвятой Богородицы.

Изъ начинаній совѣта братства за 1887—8 годъ заслуживаетъ особаго упоминанія предположеніе, отчасти уже осуществляющееся, воздвигнуть въ Холмѣ — въ память 900-лѣтія крещенія Руси — часовню изящной отдѣлки какъ снаружи, такъ и внутри, съ поставленіемъ въ ней трехъ иконъ: Холмской Божіей Матери, св. равноапостольнаго князя Владиміра и св. Александра Невскаго, съ неугасаемою предъ ними лампадой. Изъ своихъ средствъ братство отчислило на этотъ предметъ для начала дѣла 100 руб. Затѣмъ по подписнымъ листамъ въ Холмѣ собрано: до братскаго праздника 171 руб. 52 коп. и въ самый праздникъ — въ средѣ братчиковъ холмскихъ и прѣзжихъ — 115 руб. 90 коп. Подписные листы разосланы по всемъ благочиніямъ холмско-варшавской епархіи, въ братскомъ отчетѣ выражена „надежда, что — при сочувствіи сему дѣлу мѣстныхъ русскихъ дѣятелей, постройка часовни, дастъ Богъ, начнется въ наступающемъ братскомъ году“.

Общее собраніе братства закончилось молитвою: „Достойно есть“, послѣ которой всѣ братчины были приглашены председателемъ братства, преосвященнымъ епископомъ Флавіаномъ, на братскую трапезу. На ней, послѣ тоста за Государя Императора и весь Царствующій Домъ, сопровождавшася гимномъ: „Боже, Царя храни“, и здравіцъ за высокопреосвященнаго архіепископа Леонтія и гостепріимнаго хозяина преосвященнаго Флавіана, за начальника края, попечителя учебнаго округа, юблинскаго губернатора, всѣхъ братчиковъ и въ частности, за духовенство, — начальника Красновоставскаго уѣзда Н. В. Сахакій сказалъ слѣдующую рѣчь:

„Позвольте мнѣ, впервые участвующему въ братской трапезѣ холмскаго православнаго братства, высказать тѣ мысли и чувства, которыя навѣяны мнѣ величіемъ сегодняшняго торжества.

„Видя народныя толпы, облегающія св. гору, я спрашиваю

себя: что привело ихъ сюда? Несомнѣнно присущія народу русскому глубокія религиозныя чувства. Но какъ въ понятіяхъ мыслящаго человѣка, такъ и быть-можетъ, въ смутномъ еще сознаніи народа—съ днемъ 8 сентября должны быть неразрывно связаны воспоминанія недавнихъ свѣтлыхъ дней, память тѣхъ великихъ событій, которыя сегодняшнему дню даютъ значеніе праздника возрожденія православія и народности русской въ Холмской землѣ!... И я думаю, что этотъ народъ благоговѣнно молящійся на высотахъ историческаго Холма, пришелъ сюда праздновать свое духовное воскресеніе...

„Въ самомъ дѣлѣ, взглянемъ назадъ, что было здѣсь только за $\frac{1}{4}$ вѣка? Тотъ историческій хаосъ, который несмыслимымъ пятномъ лежитъ на страницахъ исторіи западной церкви: здѣсь царствовала унія! Разореніе церквей, гибель цѣлыхъ приходоу, медленное вымирание народности русской подъ дыханіемъ латинизаціи, физическое и нравственное рабство... Вотъ мрачныя картины того смутнаго времени. Но насталъ великій день 19 февраля 1861 года, раздалось державное слово освобожденія, открывшее новую эру жизни народной, и въ свободномъ народѣ воскресли свободныя чувства; затертыя минушею бѣдоу преданія русской старины ожили и заговорили, и... увлеченный неотразимоу силоу русскій народъ Холмской земли осѣнилъ крестомъ православнымъ, ища жизни и истины въ дои невольно покинутой, но незабытой матери своей—православной церкви! И могъ ли русскій народъ долше оставаться на прежнемъ невѣрномъ пути? Правда, онъ шелъ этимъ путемъ почти три вѣка, но шелъ потому, что его вели силоу, — ему дали свободу, и онъ возвратился на истинный путь! 11 мая 1875 года было вторымъ великимъ моментомъ въ жизни нашей окраины: этимъ моментомъ была положена та историческая грань въ судьбахъ нашего народа, съ которой началось его возрожденіе въ вѣрѣ и народности предковъ.

„Но вы, можетъ-быть, спросите: гдѣ же таятся связь этихъ великихъ событій съ праздникомъ 8 сентября? — Вся русская исторія запечатлѣна особоу характерною чертоу: въ ней судьбы народа и государства нераздѣльно переплелись съ судьбами церкви; событія въ одной сферѣ—всегда отражались въ другой; но никакія событія не могли поставить народъ внѣ его церкви. Эта крѣпость внутренней связи зиждется на стойкости и цѣлности духовнаго мировоззрѣнія народа, которое въ свою очередь коренится въ чистыхъ основахъ ученія церкви. Не удивительно поэтому, если русскій народъ, въ годины испытаній привыкшій умирать „за вѣру и Царя“, на торжества мирныхъ дней несетъ къ роднымъ святынямъ не только свои религиозныя, но и народно-патріотическія чувства. Эта двойственная идея рус-

ской государственности, нераздельно вошедшая въ плоть и кровь народную вмѣстѣ съ стремленіемъ народныхъ массъ къ коллективному выраженію чувствъ, и отвѣчаетъ на вашъ вопросъ, уясняя истинный смыслъ и сегоднешняго торжества, которое теперь, за послѣдніе дни, должно получить новый, донынѣ невиданный блескъ.

„Шесть дней тому назадъ самъ Отецъ своего народа, самъ Царь съ своею Царственной Семейю, пришелъ на святую гору славной памяти боголюбиваго князя Данила Романовича Галицкаго поклониться древне-русской холмской святыни!... 2 сентября 1888 г. будетъ третьимъ великимъ моментомъ въ исторіи русскаго народа. И вотъ, сивозъ рѣдьющій уже сумракъ градушихъ годовъ предъ моимъ нравственнымъ взоромъ возстаеъ величественный образъ: по столамъ своего Царя къ подножію св. горы съ неудержимою силою текутъ народныя волны, и свѣтлый крестъ холмскаго собора высоко горитъ путеводною звѣздою, отражая свои лучезарныя рамена въ глубокихъ водахъ безпредѣльнаго русскаго моря!...

„Да будетъ же день 8 сентября днемъ торжества возрожденія не однихъ уже сыновъ Холмской земли,—но подѣ благодатную сѣнь несомата ими знамени православія и народности русскаго да притекутъ отторгнутые судьбою бѣдные сыны родной намъ Червонной Руси...“

Рѣчь эта была принята очень сочувственно, какъ вполне отвѣчающая значенію холмскаго праздника по отношенію къ прошлому, настоящему и... будущему всей Забужной Руси*.

А. Б.

* Изъ «Варшавскаго Дневника».

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ПРОТЕСТЪ ЧЕХОВЪ ПРОТИВЪ ТРЕТЬЕЙ КОРОНЫ.

Ни для кого не тайна, что императоръ Францъ-Иосифъ, уступая совѣтамъ своихъ министровъ, готовится возложить на себя корону св. Венцеслава, дабы этимъ сломить остріе того копья, которое пражскіе патріоты направляютъ противъ кабинета Таае, опираясь на конституціонный лозунгъ „равное право равнымъ“. Уже приказано добыть изъ архивовъ акты, относящіеся къ коронованію императора Фердинанда I (7 сентября 1836 г.); въ Прагѣ серебряники чистятъ королевскія богемскія регалии; въ старомъ Градчинѣ сметають пылъ со стола, на которомъ вѣнчанный богемскій король долженъ совершить торжественную трапезу; рыцари ордена св. Венцеслава готовятъ доспѣхи, въ которыхъ они пойдутъ впереди короля въ торжественной процессіи...

Можно почти навѣрное утверждать, что еслибы князь-епископъ пражскій предложилъ теперь императору Францъ-Иосифу традиціонный вопросъ „*vis fidei sanctam?*“ то тотъ не задумываясь отвѣтилъ бы „*volò*“... Отчего же, однако, онъ до сихъ поръ не приказалъ предложить себѣ этотъ вопросъ, чтобы имѣть возможность отвѣтить на него вышеуказаннымъ образомъ? Да очень просто: оттого что въ этомъ не было надобности, а возложеніе третьей короны вовсе не такая пустяшная вещь, чтобы ею можно было заняться отъ нечего дѣлать. Это вѣдь не то, что открытіе парка на *Türkenschanze* или охота на фазановъ: третья корона, во первыхъ, состоитъ въ сильной враждѣ со второю короной, а во вторыхъ — эта церемонія всегда вызывала кислую гримасу въ Берлинѣ. Конечно, въ 1836 году можно было игнорировать эту гримасу, но съ тѣхъ поръ прошло полстолѣтія, и теперь эта гримаса очень и очень страшна для Австріи... Гнѣвить боговъ безъ надобности никому не охота, но когда предъ глазами такая дилемма: или третья корона, или государственные возницы полетятъ съ козелъ — тогда, конечно, лучше короноваться, объяснивъ подъ рукой Берлину, что это дѣлается *pour satisfaire ses braves Tchehs*, и что въ сущности это ничего не значить.

Не такъ стоитъ вопросъ для Чеховъ. Сторонники того чешскаго сепаратизма, который давно оторвалъ Чеховъ отъ другихъ славянъ, хотя и дѣлятся на два лагера, на старо-Чеховъ и младо-Чеховъ, но въ сущности одинаково ослѣплены идеей „чешскаго государственнаго права“, котораго они не понимаютъ иначе какъ въ видѣ древней короны св. Венцеслава на головѣ Габсбурга. Но въ послѣднее время среди Чеховъ возникло и растетъ другое направленіе. Это направленіе одинаково чуждо тенденціямъ и старо- и младо-Чеховъ, имъ не владѣютъ ни Ригеръ, ни Грегеръ, его представителемъ является молодой др. Живній, котораго австрійская прокуратура такъ настойчиво обвиняетъ въ „панславизмѣ“.

Какъ понимается др. Живній панславизмъ, прекрасно было объяснено въ статьѣ, которую онъ дебютировалъ по возвращеніи изъ Петербурга; но къ сожалѣнію, номеръ „Parlamentär“, содержащій въ себѣ эту статью, конфискованъ австрійскими властями... Въ двухъ словахъ, сущность проповѣдуемаго имъ панславизма („культурнаго панславизма“) заключается въ двухъ элементахъ: общій для всѣхъ славянъ литературный языкъ— „русскій“ языкъ и общая для всѣхъ славянъ церковь— „православная“ церковь. Этимъ все, и конечно очень многое, сказано. Понятно, что становясь на такую точку зрѣнія, др. Живній и его сторонники и послѣдователи не могутъ считать вѣнчаніе Габсбурга богемскою короною конечною цѣлью своихъ стремленій: они понимаютъ, что третья корона—это полнѣйшее означеніе ихъ земляковъ, что третья корона—это закрѣпленіе католичества. Вѣдь присяга, которую долженъ будетъ принести императоръ Францъ-Иосифъ, коронуясь богемскою короною, гласитъ съ первыхъ же словъ: „Клянусь Господомъ Вседержителемъ, что пребуду всегда вѣрнымъ католической церкви“. Очевидно, виды на переходъ въ православіе отъ этого не могутъ увеличиться.

Толки о приближающемся коронованіи богемскою короною побудили Чеховъ, сочувствующихъ этому новому взгляду, заявить открытымъ протестомъ о той истинѣ, быть-можетъ еще неизвестной въ Бургѣ, что далеко не всѣ Чехи очарованы предстоящею возможностью „сложить свои клятвы въ вѣрности предъ своимъ коронованнымъ королемъ и наследнымъ владыкой“ (формула присяги чешскаго дворянства при коронованіи въ Прагѣ). Протестъ этотъ выразился въ состоявшемся торжественномъ засѣданіи общества „Ceske politicke jednota“. Въ засѣданіи присутствовало добрыхъ 100—150 Чеховъ, и открыто оно было, конечно, въ присутствіи полицейскаго комиссара. Вице-президентъ общества г. Бѣлоглавекъ прочелъ пространнѣйшее реченіе, посвященное вопросу о „чешскомъ государственномъ правѣ“,

то-есть о третьей коронѣ. Обрисовавъ положеніе Чеховъ по отношенію къ Нѣмцамъ, референтъ говорилъ о полной германизации Чеховъ въ случаѣ „закрѣпленія ихъ третьей короной“. Референтъ, между прочимъ, высказалъ весьма интересное съ русской точки зрѣнія положеніе, именно: „Каждому племени присуща своя, національная церковь; такую церковь является католичество для романскаго племени, лютеранство для германскаго племени, для славянъ же единственною національною церковью является православіе“. Это заключеніе вызвало такіе бурные крики: „такъ есть“ и „браво“, что не вѣрилось, что присутствуешь въ собраніи Чеховъ...

За г. Вьдлавекомъ говорилъ др. Живній. Въ горячемъ, почувствованномъ экспромтѣ онъ развилъ мысль о невыгодности для Чеховъ третьей короны на головѣ Габсбурга. Указавъ на невозможность восстановленія богемской короны въ вѣрнѣйшихъ историческихъ размѣрахъ, ораторъ выяснилъ, какъ преступно по отношенію къ славянства и непрактично по отношенію къ себѣ поступили бы Чехи удовольствовавшись тою формою чешскаго государственнаго права которую имъ можетъ дать богемская корона на головѣ Габсбурга, и закончилъ предложеніемъ резолюціи, что Чехи, собравшіеся въ засѣданіи такого-то общества протестуютъ противъ намѣренія тѣхъ чешскихъ дѣятелей, которые стремятся склонить императора Франца-Иосифа I къ принятію коронованія богемскою короной.

Резолюція эта была подвергнута двойному голосованію, причемъ оказалось, что все „за“ резолюцію и никто „противъ“ нея (*Моск. Вѣд.*).

НЪ ЧТО О ШТРОССМАЙРЪ.

Не разъ приходилось по различнымъ поводамъ указывать на ошибочность взгляда приписывающаго епископу Штроссмайру какую-то панславистскую дѣятельность и ставящаго его на пьедесталъ служителя и мученика славянской идеи. Штроссмайръ—католическій патеръ съ головы до пятъ, и всѣ толки о его несогласіяхъ съ Ватиканомъ чистѣйшій вымыселъ; что же касается его столкновеній съ австрійскимъ правительствомъ, то они вовсе не даютъ права считать его поборникомъ и защитникомъ славянства: патеру Штроссмайру необходима популярность среди славянъ, дабы удачливѣе стремиться къ его фантастической цѣли—полному окатоличенію всѣхъ славянъ — „не исключая русскихъ“; тамъ гдѣ затрогиваются интересы католичества Штроссмайръ открыто выступаетъ противъ учрежденій чисто-славянскихъ.

Новый примѣръ подтверждающій вышесказанное у насъ предъ глазами.

Въ сербскихъ земляхъ венгерской короны былъ недавно введенъ такъ-называемый сербскій школьный законъ, коимъ раз-

рѣшалось преподаваніе и всю переписку по школьному дѣлу вести на сербскомъ языкѣ. Съ католической точки зрѣнія этотъ законъ представляется почему-то нежелательнымъ, и вотъ епископъ Штроссмайръ не задумываясь „подавъ императору докладъ, въ которомъ доказываетъ, что этотъ законъ опасенъ для католической вѣры и для государства“...

А петербургскій славянскій благотворительный комитетъ шлетъ Штроссмайру почетный дипломъ и записываетъ его въ синодикъ для поминанія какъ одного изъ славянскихъ мучениковъ! Наши славянофилы никакъ не хотятъ понять, что Штроссмайръ вовсе не славянофилъ, что онъ хлопочетъ о популярности среди славянъ, потому что считаетъ эту популярность козыремъ въ своей игрѣ, и что даже его кокетничанье съ Россіей по поводу кievскаго торжества объясняется тѣмъ же, чѣмъ и его старанія на пользу введенія славянской литургіи: вышеупомянутою мечтой о возвращеніи въ католичество всѣхъ славянскихъ земель, „и даже Россіи“...

Въ чему же эти заигрыванія съ диковарскимъ прелатомъ, компрометирующія нашихъ славистовъ въ глазахъ славянъ? Русскіе интересы не нуждаются въ „такихъ“ поборникахъ, и смѣемъ думать, что даже славянофилы не дойдутъ до такого ослѣпленія чтобы покрывать своимъ знаменемъ католическую пропаганду... (*Моск. Вѣд.*)

ВОСКОВЫЯ СВѢЧИ ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХІИ.

4 августа, въ селѣ Опольѣ, ябургскаго уѣзда, состоялся съѣздъ духовенства и церковныхъ старостъ двухъ благочиній ябургскаго уѣзда. Съѣздъ этотъ состоялся по предложенію преосвященнаго Владимира, епископа нарвскаго, для обсужденія давно уже назрѣвшаго вопроса объ условіяхъ покупки церквами свѣчей изъ чистаго пчелинаго воска. Для болѣе полнаго и всесторонняго разъясненія поднятаго вопроса, на съѣздъ были приглашены нѣкоторые петербургскіе свѣчные торговцы-заводчики: Мачихинъ, Любимовъ, Хомяковъ и др. Собраніе съѣзда, длившееся нѣсколько часовъ, отличалось горячими и оживленными дебатами, которые ясно показали, какихъ ужасныхъ размѣровъ достигла фальсификація восковыхъ свѣчей на заводахъ частныхъ лицъ и какую насущную потребность является устройство епархіальнаго свѣчнаго завода.

Приглашеннымъ свѣчнымъ торговцамъ-заводчикамъ со стороны собравшагося духовенства были предложены слѣдующіе вопросы: какаго достоинства восковыя свѣчи отпускаются ими въ церкви по существующимъ нынѣ цѣнамъ и за какую минимальную цѣну могутъ они доставлять чистыя восковыя свѣчи. Свѣчники дали различные отвѣты, которые однако всѣ одинаково

засвидѣтельствовали тотъ печальный фактъ, что чистыхъ восковыхъ свѣчей въ продажѣ почти не существуетъ. Мачихинъ, державшій на сѣздѣ съ апломбомъ завязатаго оратора цѣлую рѣчь, скромно долженъ былъ сознаться, что восковыя свѣчи, покупаемыя церквами у петербургскихъ свѣчниковъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ не отвѣчаютъ надеждамъ требованіямъ. Такъ, въ его лавкахъ, говорилъ онъ, чистыя восковыя свѣчи можно получать только за 32 руб. пудъ, въ крайнемъ случаѣ за 31 руб., въ свѣчахъ же по 30 р. пудъ находится уже 10 проц. церезина (землянаго воска), въ свѣчахъ по 28 руб. пудъ—50 проц. церезина и наконецъ, въ свѣчахъ по 24 руб. пудъ—чистаго воску только 30 проц., а остальное церезинъ. И не смотря на такое значительное присутствіе церезина въ восковыхъ свѣчахъ завода Мачихина, свѣчи его оказались, по сообщеннымъ имъ свѣдѣніямъ, лучшими, нежели свѣчи другихъ заводовъ. Поэтому, собравшееся духовенство, часть котораго съ самаго начала сѣзда почему-то настойчиво предлагала, помимо даже всякихъ разсужденій, остановиться на Мачихинѣ, рѣшило было предоставить ему поставку свѣчъ во всѣ церкви ямбургскаго уѣзда. Но какого же было разочарованіе Мачихина, когда ямбургскій церковный староста г. Богдановъ на основаніи анализа свѣчъ завода Мачихина, произведеннаго по его просьбѣ въ петерб. химич. лабораторіи, заявилъ, что свѣчи завода Мачихина далеко не представляютъ изъ себя того, что о нихъ говорилъ Мачихинъ, что въ нихъ чистаго воска самыя незначительныя проценты, а свѣчи по 24 руб. за пудъ выдѣлываются даже изъ одного только церезина. Еще худшими по произведенному анализу оказались свѣчи Алексѣева (Бѣлова); въ нихъ къ церезину прибавлялся даже стеаринъ. Въ виду этихъ разоблаченій, сдѣланныхъ г. Богдановымъ, сѣздъ прежде окончательнаго выбора поставщика постановилъ собрать точныя свѣдѣнія о цѣнѣ и качествахъ свѣчъ у всѣхъ петербургскихъ свѣчниковъ. На этомъ же сѣздѣ по энергичному настоянію г. Богданова было рѣшено просить преосвященнаго Владиміра ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о преслѣдованіи заводчиковъ за фальсификацію восковыхъ свѣчей, отпускаемыхъ въ церкви, какъ за мошенничество.

Такому постановленію нельзя не порадоваться и остается желать только одного: чтобы тѣ, кому это вѣдать надлежитъ, изъ заявленія духовенства цѣлаго уѣзда убѣдились, наконецъ, что гг. Мачихины, Алексѣевы, Нечаевы и др., на которыхъ они ссылаются всегда, какъ на основаніе, устраняющее необходимость устройства епархіальнаго завода, заботятся исключительно о своихъ карманахъ, а не объ интересахъ церквей. (*Минута*).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Т Р У Д Ы

НИКАНОРА,

АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО и ОДЕССКАГО.

Бесѣды и поученія: Тома I, II, III и IV.

Цѣна каждому тому 2 рубля съ пересылкою. Адресоваться въ канцелярію его высокопреосвященства.

Позитивная философія и сверхчувственное бытіе.

Томъ I—1875 года. Томъ II—1876 года.

Получить можно въ Одессѣ, въ магазинѣ Е. П. Распопова, цѣна за оба тома 5 руб.

Томъ III. Критика на критику чистаго разума Канта, сводъ философскихъ выводовъ изъ первыхъ двухъ томовъ. Получить можно въ Одессѣ, въ магазинѣ Е. П. Распопова и въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ Тузова (Большая Садовая), равно и въ канцеляріи его высокопреосвященства. Цѣна 3 руб.

Тамъ же, въ канцеляріи его высокопреосвященства, можно получить Разборъ римскаго ученія о видимомъ (папскомъ) главенствѣ въ церкви. Цѣна 2 рубля.

Н О В Ы Я К Н И Г И ;

Е. Шмурло. Митрополитъ Евгенийъ какъ ученый. Ранніе годы жизни (1767—1804). С.-Петербургъ. 1888. Ц. 2 р.

Н. Заозерскаго, доцента московской духовной академіи. Право православной грако-восточной русской церкви какъ предметъ спеціальной юридической науки. Москва. 1888. Ц. 1 р. 25 коп. съ пер. Продается въ редакціи „Творенія св. отцевъ“, Сергіевъ посадъ, и у извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Порфирія Кременецкаго. Слава Богоматери. Ученіе: 1) о благодатномъ совершенствѣ и добродѣтеляхъ Богоматери и 2) о подражаніи добродѣтелямъ Богоматери и благоговѣйномъ почитаніи и прославленіи ея. По проповѣдамъ митрополита Филарета. Ц. 40 к. съ пер. 50 к.—О богослужебномъ храмѣ. Мысли, извлеченныя изъ проповѣдей митрополита Филарета. Ц. 15 к., съ пер. 20 к.—Христіанское ученіе о царской власти и объ обязанностяхъ вѣрнопопданныхъ. По проповѣдамъ

митрополита Филарета. Ц. 15 к., съ перес. 20 к. Складъ изданія въ Москвѣ при Аевонской часовнѣ св. Пантелеимона у Владимірскихъ воротъ.

Свящ. П. Шумова. Сборникъ общепонятныхъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни. Для чтенія за богослуженіемъ и внѣ его (числомъ 84). Москва. 1888. Ц. 1 р., съ пер. Продается — въ Петербургѣ у Тузова, въ Москвѣ—у Глазунова, Карбасникова, Оерапонтова и др., и у автора свящ. Никологудвинской церкви, на Якиманкѣ.

Вл. Плотникова. Основные принципы научной теоріи литературы. Методологическій втюдъ. Воронежъ. 1888. Ц. 70 к. съ пер.

Архимандрита Бориса, ректора кievской духовной семинаріи. Космологія или метафизическое ученіе о мірѣ (по В. Bowne'у). Вып. I. О пространствѣ и времени. Москва. 1888. Ц. 50 к., съ перес. 60 коп.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц И И

„ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЦЕВЪ“

Указомъ Св. Синода отъ 18—31 іюля 1884 года выписка духовнаго журнала „Творенія Св. Отцевъ“ съ прибавленіями духовнаго содержания сдѣлана обязательною для академій и семинарій и имѣющихъ достаточныя средства монастырей, соборныхъ и приходскихъ церквей Россійской Имперіи.

„Творенія Св. Отцевъ“ издаются при московской духовной академіи и выходятъ по четыре книжки въ годъ, изъ которыхъ въ каждой отъ 15 до 20 листовъ текста. Въ будущемъ 1889 году въ переводной части будутъ продолжаемо печатаніе твореній св. Кирилла Александрійскаго. Въ прибавленіяхъ будутъ помѣщаемы статьи, касающіяся ученія вѣры, христіанской нравственности и исторіи церкви и сверхъ того статьи критико-библіографическія.

Въ концѣ каждой книжки будутъ печатаемы журналы собраній съѣзда московской духовной академіи.

Цѣна годоваго изданія въ Россіи пять рублей съ пересылкою; выписывающіе изданіе „Твореній Св. Отцевъ“ за границу платятъ шесть руб. съ пересылкою.

Редакція проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ адресоваться въ Сергіевъ посадь, московской губерніи, въ редакцію „Твореній Св. Отцевъ“.

Изъ редакціи „Твореній Св. Отцевъ“ могутъ быть выписываемы слѣдующія отдѣльныя изданія:

Цѣна съ пересылкой: Творенія Св. Ефрема Сиріина 1—6 томы 9 р. Василия Великаго 2—7 томы 9 р. Аѳанасія Александр. 3—4 т. 3 р. Григорія Нисскаго 8 т. 12 р. Исаака Сиріина 1 т. 2 р. 30 к. Кирилла Іерусалимскаго 1 т. 1 р. 50 к. Іоанна Лѣствичника 1 т. 1 р. 50 к. Нила Синайскаго 3 т. 4 р. 50 к. Исидора Пелусіота 3 т. 4 р. 50 к. Епифанія Кипрскаго 6 т. 9 р. Блаженнаго Θεодорита 7 т. 12 р. Макарія Египетскаго 1 т. 2 р. Кирилла Александрійскаго 6 т. 9 р.

„Творения Св. Отцев“ съ прибавлениями духовнаго содержания за 1846 и 1847, съ 1852 по 1864 годъ включительно и за 1871, 1872, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887 и 1888 годы могутъ быть приобрѣтаемы съ платою за каждый годъ изданія по 5 р. съ пересылкою. Прибавления же отдѣльно отъ „Творений Св. Отцевъ“ съ 1844 по 1864 включительно и за 1871, 1872, 1880, 1881 (два тома), 1882 (два тома), 1883 (два тома), 1884 (два тома), 1885 (два тома), 1886 (два тома), 1887 (два тома) и 1888 (два тома) годы за каждый томъ по 1 р. 50 коп. съ пересылкою.

Открыта подписка на 1889 годъ

НА ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХ. АКАДЕМИИ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

и

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(СЪ ТОЛКОВАНІЯМИ НА ВѢТХІЙ ЗАВѢТЬ).

Поставивъ своей задачей послынное служеніе св. церкви и наукъ— преимущественно богословской, редакція „Церковнаго Вѣстника“ и „Христианскаго Чтенія“ будетъ и въ слѣдующемъ 1889 году преслѣдовать эту задачу съ неослабной энергіей и настойчивостью. По прежнему питая убѣжденіе, что наше время требуетъ напряженія всѣхъ силъ церкви и науки для выясненія и устраненія затрудненій, создаваемыхъ для высокой миссіи той и другой невѣжествомъ однихъ и легкомысленнымъ невѣріемъ другихъ, редакція считаетъ долгомъ совѣсти вносить свою долю участія въ общія усилія представителей церкви и науки для защиты общаго дѣла общими силами.

Размѣръ и характеръ принимаемаго редакціей участія въ служеніи общему дѣлу выражены въ программахъ академическихъ изданій. Программа „Церковнаго Вѣстника“ разсчитана преимущественно на потребности служителей церкви. Съ этою цѣлью въ нее вводится все то, что по мнѣнію редакціи, можетъ содѣйствовать правильному пониманію и всестороннему удовлетворенію этихъ потребностей. Сложностью и разнообразіемъ этихъ потребностей, равно какъ и способа удовлетворенія ихъ, объясняется обширность и разнообразіе программы. Въ нее входятъ: 1) передовыя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ вопросовъ; 2) мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ; 3) статьи и сообщенія, посвященныя изученію и частнѣйшей разработкѣ церковныхъ вопросовъ; 4) обзорнѣе духовныхъ журналовъ; 5) обзорнѣе свѣтскихъ журналовъ со стороны статей, представляющихъ церковный интересъ; 6) библиографическія замѣтки, или обзорнѣе и оцѣнка вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій; 7) корреспонденціи изъ епархій и изъ-за границы о выдающихся явленіяхъ мѣстной жизни; 8) „въ области церковно-приходской практики“—отдѣлъ, въ которомъ редакція даетъ разрѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ пастырской практики; 9) постановленія и распоряженія прави-

тельства; 10) летопись церковной и общественной жизни в России, представляющая обзорные всех важнейших событий и движений в нашем отечестве; 11) летопись церковной и общественной жизни за границей, сообщаящая сведения о всех важнейших событиях и движениях за пределами нашего отечества; 12) разные известия и заметки, содержащая разнообразны сведения, не укладывающиеся в вышеозначенных отделах. Сверх того, в числе объявлений будут печататься гравирные таблицы всех процентных бумаг, в которых помещены церковные капиталы.

Редакция надеется, что этой программой исчерпываются вполне все существенныя потребности пастырскаго служения. Если же, вопреки ожиданию, в ней окажется какой-либо пробелъ, то редакция проситъ почтенныхъ служителей церкви указать оный, чтобы она могла принять мѣры къ его восполненію.

Программа „Христіанскаго Чтенія“ столь же обширна, но выполняется преимущественно въ интересѣ труженниковъ науки; при чемъ однакожъ не упускаются изъ виду и потребности не только служителей церкви, но и простыхъ вѣрующихъ. Для удовлетворенія этихъ потребностей помѣщаются въ „Христіанскомъ Чтеніи“ оригинальныя переводныя статьи преимущественно апологетическаго и назидательнаго содержанія, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединяется общедоступность изложенія. Въ частности въ „Христіанскомъ Чтеніи“ будутъ по прежнему печататься толкованія на разные книги Ветхаго Завета (въ 1889 г. будетъ продолжаться печатаніе толкованій на Псалтирь и книгу пророка Исаіи), а также неизданныя письменныя памятники миновавшей жизни отечественной церкви и матеріалы для біографіи ея замѣчательнѣйшихъ представителей и дѣятелей.

Въ дѣломъ программы обоихъ академическихъ изданій дополняютъ одна другую, содѣйствуя съ одной стороны служителямъ церкви въ дѣлѣ ихъ многосложнаго и многотруднаго пастырскаго служенія, съ другой труженникамъ науки въ ихъ изслѣдованіяхъ и размыслианіяхъ въ безпредѣльной области знанія, и въ то же время популяризируя результаты общихъ работъ на общую пользу и пастырей и пасомыхъ.

„Церковный Вѣстникъ“ и „Христіанское Чтеніе“ съ „Толкованіями“ составятъ въ годъ около двухсотъ пятидесяти пяти (255) печатныхъ листовъ („Церк. Вѣстн.“ до 140 л. и „Христ. Чтен.“ до 115).

Условія подписки.—Годовая цѣна въ Россіи: за оба журнала 7 руб. (семь) съ пересылкою; отдѣльно на „Церковный Вѣстникъ“ 5 р. (пять), за „Христіанское Чтеніе“ съ „Толкованіями“ 5 р. (пять). За границей, для всехъ мѣстъ: за оба журнала 9 р. (девять), за каждый отдѣльно 7 р. (семь) съ перес. Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: „Въ редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“, въ С.-Петербургѣ“. Подписывающіеся въ Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Невскій проспектъ, домъ № 182, кварт. № 12), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за мѣсто, занимаемое 1 строкой петита, за объявленіе болѣе 1 раза и 15 коп. — за 1 разъ) и для разсылки при „Церковномъ Вѣстникѣ“ (по 3 р. за тысячу въ пользу редакціи, а для уплаты въ почтамтъ смотря по вѣсу объявленія, согласно почтовымъ правиламъ).

ВЪ 1889 ГОДУ

ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

будутъ издаваться по прежде утвержденной программѣ:

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“,

журналъ научнаго содержанія и характера.

Въ немъ будутъ помѣщаться научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательнымъ, по изложенію доступнымъ большинству читателей.

При журналѣ будутъ помѣщаться переводы твореній

блаженнаго Іеронима {и блаж. Августина,

которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ:

„БИБЛИОТЕКА ТВОРЕНІЙ СВ. ОЦОВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ ЗАПАДНЫХЪ“.

Указомъ Св. Синода отъ ²/₁₁ февраля 1884 года подписка какъ на журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“, такъ и на „Библиотеку твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ“ рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ будутъ выходить ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 листовъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“—7 руб.

Адресъ: въ Редакцію Трудовъ, при Кіевской Духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглобина, въ Кіевѣ, на Крещатицѣ; 2) Игн. Л. Тузова—въ С.-Петербурѣ; 3) А. Н. Ферапонтова—въ Москвѣ; 4) Е. П. Распопова—въ Одессѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе“ за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: 1837—1872 гг. Цѣна 2 р. 60 к. за годъ съ пересылкою. Воскресное Чтеніе за 1879—1883 гг. по 4 р. за экземпляръ съ пересылкою.

Епархіальныя Вѣдомости за 1880, 1881 и 1882 гг. (въ сброшюрованномъ видѣ) по 3 руб. 50 коп., а за 1883, 1884, 1885 и 1886 г. по 4 руб. за экземпляръ съ пересылкою.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ продаются по уменьшенной цѣнѣ: 1860—1866, 1868 гг. по 2 р. 60 к.; за 1869—1873 гг. по 4 р.; за 1874—1878 гг. по 5 р. съ пересылкою, за 1879—1882 гг. по 6 р.; за 1883—1888 гг. по 7 р. съ пересылкою. Экземпляры „Трудовъ“ за 1884 г. всѣ распроданы.

Мѣсячныя книжки „Трудовъ“ 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 коп., съ пересылкою 75 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„СТРАННИКЪ“

на 1889 годъ.

(ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПОДЪ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЙ).

Журналъ „Странникъ“ съ октября 1880 года издается новою редакціей по слѣдующей программѣ:

1) Богословскія статьи и изслѣдованія по разнымъ отраслямъ общей церковной исторіи и историко-литературнаго знанія,—преимущественно въ отдѣлахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ православной восточной и русской жизни. 2) Статьи, изслѣдованія и необнародованные материалы по всѣмъ отдѣламъ русской церковной исторіи. 3) Бесѣды, поученія, слова и рѣчи знавшихъ проповѣдниковъ. 4) Статьи философскаго содержанія по вопросамъ современной богословской жизни. 5) Статьи публицистическаго содержанія по выдающимся явленіямъ церковной жизни. 6) Очерки, рассказы, описанія, знакомящія съ укладомъ и строемъ церковной жизни вообще христіанскихъ исповѣданій, особенно—съ жизнью пастырства и преимущественно у славянъ. 7) Бытовые очерки, рассказы и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего духовенства, общества и простаго народа. 8) Внутреннее церковное обозрѣніе и хроника епархіальной жизни. 9) Иностранное обозрѣніе: важнѣйшія явленія текущей церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на востокѣ и западѣ, особенно у славянъ. 10) Обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей. 11) Обзоръ свѣтскихъ журналовъ, газетъ и книгъ; отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ журнала. 12) Библиографическія и критическія статьи о новыхъ русскихъ книгахъ духовнаго содержанія, а также и о важнѣйшихъ произведеніяхъ иностранной богословской литературы. 13) Книжная лѣтопись: ежемѣсячный указатель всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ. 14) Хроника важнѣйшихъ церковно-административныхъ распоряженій и указовъ. 15) Разныя отрывочныя извѣстія и замѣтки; корреспонденціи; объявленія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10 до 12 и болѣе листовъ. Подписная цѣна: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ**; съ пересылкою за границу **восьмью рублѣй**. Адресоваться: въ редакцію журнала „Странникъ“, въ С.-Петербургѣ (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели: *А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.*

ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ

(V-й годъ изданія)

„ДѢТСКАЯ ПОМОЩЬ“

Журналъ посвященный вопросамъ общественной благотворительности.

(Одобрено по вѣдомству Учрежденій Императрицы Маріи и по вѣдомству Императорскаго Человѣколюбиваго Общества).

Выходитъ два раза въ мѣсяць 15 и 30 числа (24 № въ годъ), въ объемѣ 2 печатныхъ листовъ, въ большую 8 долю, въ 2 столбца.

Подписная цѣна: за годъ 2 р. безъ доставки; 2 р. 50 к. съ доставкой; 3 р. съ пересылкою на города.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ редакціи, Остоженка, д. № 18, и въ конторѣ типографіи Снегиревыхъ, Савеловскій пер., соб. домъ.

Редакторъ-Издатель *Протоіерей Г. П. Смирновъ-Шлатоновъ.*

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ

„РУКОВОДСТВА для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

ВЪ 1889 ГОДУ.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ будемъ издаваться въ 1889 году по прежней программѣ, съ тѣмъ же характеромъ общедоступности и въ томъ же по преимуществу практическомъ направленіи, какъ издавалось доселѣ.

Оставаясь неизмѣнно вѣрными своей особенной задачѣ содѣйствовать приходскимъ пастырямъ въ ихъ высокому и трудномъ служеніи церкви, журналъ нашъ по прежнему будетъ и органомъ, чрезъ который священнослужители и другіе дѣятели, болѣе или менѣе близко стоящіе къ пастырскому дѣлу, могутъ обмѣниваться между собою взглядами на высокое и святое дѣло пастырскаго служенія, слагающимися у нихъ по указаніямъ опыта и по требованіямъ общественной жизни, а также и выражать указываемыя пастырскою практикою нужды, законныя желанія и потребности нашего духовенства. Въ виду такихъ задачъ своихъ „Руководство для сельскихъ пастырей“ открываетъ широкій доступъ на свои страницы тѣмъ трудамъ, касающимся различныхъ сторонъ пастырскаго служенія, которые будутъ удовлетворять общелитературнымъ требованіямъ и соответствовать цѣли, характеру и направленію изданія.

Годовое изданіе, состоящее изъ 52-хъ еженедѣльно выходящихъ номеровъ, въ прежнемъ объемѣ, и составитъ три тома, независимо отъ печатаемыхъ въ приложенияхъ проповѣдей и библиографическихъ статей.

Журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендованъ Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія библіотеки (Синодальное опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1885 года за № 280).

Подписная цѣна съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи **ШЕСТЬ РУБ. СЕРЕБР.** Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ консисторій, правленій духовныхъ семинарій и благотворительныхъ, можетъ быть, по примѣру прежнихъ годовъ, разсрочиваема, до сентября 1889 года.

При Кіевской духовной семинаріи принимается подписка и на журналъ „Воскресное Чтеніе“ съ повременными выпусками „Кіевскихъ Листковъ“ религіозно-нравственнаго содержанія для народа.

Цѣна съ доставкою и пересылкою **ЧЕТЫРЕ рубля серебромъ.**

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА

(ИЗДАЮЩАЯСЯ СЪ 1875 ГОДА).

Единственная въ Россіи политико-литературная иллюстрированная Газета, послѣ приостановки ея изданія, по распоряженію г. министра Внутр. Д., на 8 мѣсяцевъ, выходитъ съ 1 октября 1888 г. въ объемѣ 2-хъ—3-хъ листовъ въ недѣлю.—Въ видѣ бесплатныхъ приложеній къ „Газетѣ“ годовые подписчики получаютъ: 1) **ПАРИЖСКІЯ МОДЫ** съ рисунками и лучшими парижскими выкройками; 2) **ПЕРЕВОДНЫЕ РОМАНЫ** и **ПОВѢСТИ** 6 книгъ въ годъ.

Преміи годовымъ подписчикамъ: Крестный календарь на 1889 годъ и 6-й выпускъ иллюстрированныхъ драмъ Шекспира: „Сонъ въ лѣтнюю ночь“, перев. С. Юрьева.

Условія подписки на 1889 г.: безъ дост. на годъ 4 р., съ дост. и перес. 5 р., на полгода (съ 1 января и іюля) 3 руб., на $\frac{1}{4}$ года 1 р. 60 к. 1 мѣсяць 60 к. За границу—на годъ 7 руб. на полгода 3 р. 50 к.

Разсрочка годовой платы допускается для казенныхъ учреждений, училищъ и волостей по четвертямъ года именно: при подпискѣ взносится 2 р., въ слѣдующія четверти по 1 р. Учителя же всѣхъ училищъ, при взносѣ единовременно за годъ, или при полугодовой разсрочкѣ, платить, вмѣсто 5 р., 4 р. 50 к. (по полугодьямъ—по 2 р. 25 к.).

Подписная цѣна на 3 мѣсяца 1888 г.—съ 1-го октября по январь 1889 г.—1 руб. 60 к.

Подписка принимается: въ Москвѣ въ Главной конторѣ редакціи и въ лучшихъ магазинахъ.

За прежніе года, съ 1875 года, Газету можно получать по 3 р. за томъ (годъ) безъ пересылки, кромѣ 1880 г. не имѣющагося уже въ продажѣ.

Адресъ: Москва, Никитскій бульваръ домъ Гатцука.

Редакторъ *А. Гатцукъ.*

Открыта подписка на 1889 годъ

НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ДЕНЬ“

Цѣна за годъ 4 руб. за полгода 2 руб.

Въ программу входятъ всѣ обычные отдѣлы ежедневныхъ изданій, а именно: передовыя статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ загранич. жизни; мнѣнія печати; изъ литературы и жизни; фельетонъ—разказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣнїе, научное обозрѣнїе, очерки провинціальной жизни; письма изъ провинціи; внутренняя хроника; хроника открытій и изобрѣтеній, театръ и музыка; свѣдѣнїя о новыхъ книгахъ; биржевой указатель; торговыя извѣстія; объявленїя.

При недорогой цѣнѣ изданію придана серьезная постановка. Сотрудники: М. П. Альбовъ, А. А. Бахтіаровъ, В. В. Бирюковичъ, В. Л. Величко, К. Говоровъ, П. В. Засодимскій, В. Крестовскій (псевдонимъ), А. В. Кругловъ, А. И. Леманъ, Н. С. Лѣсковъ, Е. Д. Максимовъ, К. П. Медвѣдскій, В. П. Острогорскій, А. Н. Плещеевъ, А. Г. Сахарова, Н. Северинъ, В. В. Стасовъ, К. М. Фофановъ, М. М. Филипповъ, М. К. Цибрикова и др.

Сроки выхода. Газета „День“ съ 1889 года будетъ выпускаема ежедневно въ такомъ порядкѣ: пять разъ въ недѣлю листами общаго формата ежедневныхъ изданій по 5 столбцовъ на страницѣ и два раза (преимущественно послѣ праздничныхъ дней) въ формѣ прибавленій въ №№.

Цѣна за годъ—4 руб. за 6 мѣс.—2 руб. за 3 мѣс.—1 руб. За границу на годъ 6 руб. Отдѣлы. №№ по 5 коп. съ пер. Объявленїя принимаются по 10 коп. за строку петита.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Преображенская 4.

Издатель А. А. Греев. Редакторъ И. В. Скворцовъ.

БИБЛИОГРАФЪ

1889

В Ъ С Т Н И К Ъ

Годъ V.

ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ и ИСКУССТВА.

Журналъ библиографическій, критическій и историческій.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕМѢСЯЧНО.

Ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенїя рекомендованъ для основныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.—Учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ одобрень для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки духовныхъ семинарій и училищъ.—По распоряженію военно-учебнаго комитета помѣщенъ въ основной каталогъ для офицерскихъ библиотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературныя и библиографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; издательское и книжно-торговое дѣло въ его прошедшемъ и настоящемъ; хроника.

Отд. 2-й (справочный). Полная библиографическая лѣтопись: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ; 3) *Rossica*; 4) правительственныя распоряженія; 5) объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛЪ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

И. О. Анненскій, А. И. Барбашевъ, Я. О. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Бестужевъ Рюминъ, Е. А. Бѣловъ, П. В. Владиміровъ, Н. В. Гурбери, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, проф. Е. Е. Замысловскій, проф. В. С. Иковниковъ, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. О. Кобеко, И. А. Бовико, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. П. Лихачевъ, Л. Н. Майковъ, В. И. Межовъ, проф. О. О. Миллеръ, А. Е. Молчановъ, С. О. Платоновъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташницкій, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, С. М. Середонинъ, С. Л. Степановъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шлякинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ и друг.

Подписная цѣна: за годъ: съ доставкой и пересылкой въ Россію 5 р., за границу 6 руб., отдѣльно номеръ 50 коп., съ пересылкой 60 коп.

Плата за объявленія: страница—8 руб.; $\frac{3}{4}$ страницы—6 руб. 50 к.; $\frac{1}{2}$ страницы—4 р. 50 к.; $\frac{1}{4}$ страницы—2 р. 50 коп.; $\frac{1}{8}$ страницы—1 р. 50 коп.

О новыхъ книгахъ, присланныхъ въ редакцію, печатаются бесплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

Подписка и объявленія принимаются въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“—А. Суворина (Спб., Невскій просп., домъ № 38), и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.—Гг. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Обуховскій проспектъ, домъ № 7, кв. № 13.

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полныя комплекты „Библиографа“ за 1885, 1886 и 1887 гг. продаются по 5 р. (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. Также имѣются въ продажѣ изданныя редакціею брошюры: 1) Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, № 1 и 2. Ц. по 60 коп. 2) Библиографич. указатель книгъ и статей о св. Кириллѣ и Меѳодіи. Ц. 40 к. 3) Александръ Николаевичъ Сѣровъ. I. Библиографич. указатель произведеній А. Н. Сѣрова. II. Библиографич. указатель литературы о А. Н. Сѣровѣ и его произведеніяхъ. Вып. I и II. Сост. А. Е. Молчановъ. Ц. по 1 руб. за вып.—Книгопродавцамъ обычная уступка.

Редакторъ *Н. М. Лисовскій.*

1889 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ 1889 г.
НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ СЪ КАРРИКАТУРАМИ

„РАЗВЛЕЧЕНІЕ“

издаваемый П. П. Щеловицъ.

Журналъ „Развлечение“ вступающій въ тридцать первый годъ своего существованія, — въ томъ видѣ, въ какомъ онъ издается теперь, началъ выходить въ свѣтъ только съ сентября мѣсяца нынѣшняго года, т. е. со времени перехода журнала къ новому издателю. Журналъ „Развлечение“ будетъ издаваться въ такомъ-же видѣ и въ будущемъ 1889 году.

Помимо разнообразнаго текста (не менѣе двухъ печатныхъ листовъ), въ которой войдутъ большіе историческіе и бытовые раманы, рассказы, повѣсти, очерки, сцены, стихотворенія и всякаго рода беллитристическія серьезнаго и юмористическаго содержанія мелочи. — Издателемъ будетъ обращено особое вниманіе на отдѣлъ чисто художественный.

Въ этомъ отношеніи журналъ дастъ въ каждомъ номерѣ не менѣе четырехъ оригинальныхъ рисунковъ, во всю страницу всѣхъ родовъ живописи, нѣсколько иллюстрацій къ романамъ и болѣе десяти каррикатуръ съ тонами.

Кромѣ того ежемѣсячно, въ видѣ приложеній, будутъ даваемы большія оригинальныя картины въ нѣсколько красокъ историческаго жанра, сюжетъ которыхъ будетъ взятъ изъ Русской исторіи отъ начала ея до нашихъ дней.

Такимъ образомъ, въ теченіи года, подписчики получалъ не менѣе двухсотъ жанровыхъ рисунковъ, двѣнадцать большихъ историческихъ картинъ, множество иллюстрацій къ тексту и массу каррикатуръ.

Затѣмъ, всякій годовой подписчикъ на „Развлечение“ съ 1-мъ № журнала получить и премію на 1889 годъ: копію большой, исполненной масляными красками картины (20-ть вершковъ длины и 15 вышины). Академика М. М. Прявильникова:

„П Л Ъ Н Н Ы Е Ф Р А Н Ц У З Ы В Ъ 1812 Г О Д У“

подъ командою старостики Васялисы.

Гг. иногородніе годовые подписчики получаютъ премію тотчасъ же по полученіи отъ нихъ подписныхъ денегъ.

За пересылку преміи гг. подписчики прилагаютъ 60 коп. сер.

Могутъ получить премію и полугодовые подписчики, но только тогда когда ими будутъ внесены деньги за вторую половину года, причѣмъ гг. подписчиковъ просятъ заявить о желаніи получить премію при высылкѣ первыхъ 4-хъ руб. сер.

Условія подписки съ пересылкой и доставкой: на годъ 6 руб., на полугодъ 4 р., на три мѣсяца 2 р., на одинъ мѣсяць 75 к. Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Запѣская улица, домъ Щеглова,

Гг. иногородніе подписчики благоволятъ присылать деньги исключительно на имя издателя журнала „Развлечение“ П. П. Щеглова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1889—ВТОРОЙ годъ изданія
ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

„ДРУГЪ ИСТИНЫ“.

3 р. за годъ съ пересылк. 2 р. за полгода съ пересылк.

Редакція газеты „Другъ Истины“, ободренная тѣмъ вниманіемъ, какое читающая публика оказала ей изданію въ 1888 г., съ охотою и удвоеннымъ усердіемъ готова приступить къ изданію своей газеты въ теченіе наступающаго 1889 года.

Въ виду существенныхъ неудобствъ по пересылкѣ газеты съ марта мѣсяца, редакція поставлена въ необходимость открыть для новыхъ читателей подписку на слѣдующій 1889 годъ съ 1 января.

Въ составъ программы „Другъ Истины“ будутъ входить:

1) Объясненіе св. Писанія. При объясненіи св. Писанія главное вниманіе будетъ обращено на тѣ изреченія, которыя могутъ имѣть близкое нравственное приложеніе къ раскольникамъ и сектамъ.

2) Руководственныя статьи, имѣющія своимъ предметомъ раскрытіе той или другой истины христіанскаго вѣрученія. Мысли этихъ статей всегда будутъ основываться на Словѣ Божіемъ, будутъ подтверждаемы ученіемъ св. отцевъ, ученіе которыхъ, по мѣрѣ надобности, будетъ излагаться ихъ собственными словами въ славянскомъ или русскомъ переводѣ.

3) Разсмотрѣнія и доказательства несостоятельности того или другаго раскольническаго или сектантскаго ученія.

4) Разныя извѣстія: а) объ особыхъ дѣйствіяхъ Промысла Божія, способствовавшаго обращенію въ православіе находившихся въ расколѣ и сектанствѣ; б) рассказы объ особыхъ путяхъ Промысла Божія, замѣченныхъ самими обратившимися въ православіе; в) о различныхъ современныхъ событіяхъ въ средѣ раскола и секты; г) о дѣятеляхъ противъ раскола и секты; д) о лицахъ, имѣющихъ особенное значеніе въ расколѣ и сектахъ.

5) Мелкія замѣтки о разныхъ событіяхъ, такъ или иначе касающихся раскола и секты, а равно о тѣхъ или другихъ сектантскихъ и раскольническихъ произведеніяхъ.

6) Краткія библиографическія свѣдѣнія о новыхъ изданіяхъ противъ раскола и секты.

Адресъ редакціи Москва, Таганка д. Воскресенской церкви у свящ. *Красновскаго*.

Издатель—священникъ *В. Барбаринъ*.

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ВЫДАЕТЪ ПОДПИСЧИКАМЪ:

Пятьдесятъ два нумера, выходящихъ еженедѣльно, отъ 2 до 3 листовъ текста, съ 7—10 рисунками альбомнаго размѣра на веленовой бумагѣ.

Кромѣ того годовые подписчики получаютъ шестьдесятъ приложений:

I. Двѣнадцать книгъ „Романовъ и повѣстей“ (съ рисунками), выходящихъ ежемѣсячно, въ видѣ изящныхъ книжекъ, отъ 10 до 15 листовъ.

II. Двѣнадцать нумеровъ „Нравѣйшихъ Парижскихъ модъ“, выходящихъ ежемѣсячно, въ видѣ спеціальнаго моднаго журнала.

III. Двадцать образцовъ разныхъ изящныхъ дамскихъ работъ. Выкройки въ натуральную величину. Рисунки для разнаго рода вышивовъ и вязаній, русскаго шва (крестикамп), буквы и монограммы, вышивочныя работы и проч.

IV. Четыре акварельныя картины съ оригиналовъ извѣстныхъ русскихъ акварелистовъ (новое и цѣнное художественное приложение).

V. Десять большихъ гравюръ-копій съ картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ (отдѣльными листами), отпечатанныя на эстампной бумагѣ.

VI. Стѣнной календарь, отпечатанный золотомъ и въ пять красокъ.

ПРЕМІЯ: на выборъ одна изъ четырехъ олеографическихъ картинъ или альбомъ.

1) Большая эффектная художественно-исполненная олеографія съ картины профессора А. РИГЕРА:

„ПРЕДЪ КОНСТАНТИНОПОЛЕМЪ“

павданъ къ картинѣ „Босфоръ“ (длина полтора арш., высота 17 верш.).

2) „Юаннь III разрываетъ ханскую грамоту“. Съ картины С. И. ВЕРЕЩАГИНА. Размѣръ: длина 19 вершковъ, высота 14 вершковъ. Важный историческій моментъ, который изображаетъ картина, яркіе костюмы, вѣрные данной эпохѣ, удачная группировка лицъ и художественное освѣщеніе, дѣлаютъ картину очень интересною.

3) „Босфоръ при лунномъ свѣтѣ“, профессора Ригера. 4) „Закатъ солнца въ зимній день“, русскаго художника Шильдера.

5) Художественно-историческій альбомъ

„СОРОКЪ КАРТИНЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ“

съ подробнымъ описаніемъ содержанія каждой картины.

Въ числѣ сорока картинъ этого альбома есть копии съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ исторической живописи: Картины отпечатаны на эстампной бумагѣ и вложены въ изящную папку.

Премія высылается немедленно по подпискѣ.

ПО Д П И С Н А Я Ц Ъ Н А:

На годъ (съ перес.) 8 руб. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 6 руб. 60 коп. За границу 14 руб., съ премією 16 руб.

Гг. годовые подписчики, желающіе получить въ премію олеографическую картину или альбомъ „Сорокъ картинъ изъ русской исторіи“ уплачиваютъ одинъ рубль за экземпляръ (съ пересылкою). Разсрочка допускается, но исключительно чрезъ главную контору.

Въ Москвѣ подписка на журналъ безъ доставки принимается: 1) Въ книжныхъ магазинахъ: И. Ф. Папкова, Тверская, Чернышевскій пер., домъ Полякова. 2) Живарева, въ Охотномъ ряду. 3) И. И. Девяткина, Большая Дмитровка, домъ Бронникова. 4) А. Л. Васильева, Страстной бульваръ, домъ Мусина-Пушкина. 5) П. И. Ласточкина, Срѣтенскія ворота, домъ Дѣдова.

Главная контора: С.-Петербургъ, Невскій пр., у Анничкина моста, д. 68—40.

1812.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1889.

НА ВОЛЬШУЮ

ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, УЧЕНУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ.

(годъ изданія семьдесятъ седьмой).

Газета съ переходомъ къ новому издателю и при новомъ составѣ редакціи дополнена новыми отдѣлами и увеличена въ форматъ до размѣра большихъ столичныхъ газетъ безъ повышенія подписной платы. По своей обширной программѣ, всесторонней разработкѣ современныхъ вопросовъ, возникающихъ въ области политикѣ, науки, искусствъ, внутренней и заграничной жизни, а также современному сообщенію всѣхъ выдающихся новостей дня, наша газета вполне замѣнитъ

ДОРОГУЮ ПО ПОДПИСНОЙ ЦѢНѢ ГАЗЕТУ И ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ газеты подписчикъ получаетъ:

- 1) По воскресеньямъ особое приложение, отпечатанное на веленовой и глазированной бумагѣ въ видѣ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА,

въ который входятъ: эпизоды изъ исторіи Русскаго государства, историческіе и современные романы, повѣсти и рассказы (оригинальные и переводные). Болѣе 300 рисунковъ, а именно: портреты историческихъ и современныхъ общественныхъ дѣятелей; историческія, бытовья и современныя иллюстраціи, преимущественно изъ русской жизни, шахматныя и шашечныя задачи, карриатуры и проч.

- 2) Въмѣсто приложений „Романовъ“ отдѣльными листами, въ 1889 году будетъ выдано особыми выпусками въ сброшированномъ видѣ

Шесть книгъ новыхъ большихъ романовъ.

Каждая книжка будетъ заключать одно вполне законченное литературное произведеніе, изъ коихъ два будутъ историческія.

- 3) Стѣнной календарь, отпечатанный въ три краски (разсылается при первомъ номерѣ).

- 4) „Моды и Рукодѣля“ (двѣнадцать номеровъ), приспособленныя къ домашнему производству съ приложениями образцовъ изящныхъ дамскихъ рукодѣлій: вышивокъ, вязаній, а также и вышивочныхъ работъ и проч.

- 5) Олеографическая картина, отпечатанная въ 20 красокъ на эстампной бумагѣ съ лакировкой и рельефомъ съ картины художника С. И. ВЕРЕЩАГИНА

ІОАННЪ III РАЗРЫВАЕТЪ ХАНСКУЮ ГРАМОТУ.

(Размѣръ картины: длина 1 аршинъ 3 вершка, высота 14 вершковъ).

6) ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ

„СОРОКЪ КАРТИНЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ“

съ подробнымъ описаніемъ содержанія каждой картины. Картины альбома отпечатаны на эстампной бумагѣ и вложены въ крѣпкую папочную изящную обертку.

Въ числѣ сорока картинъ этого „Альбома“ есть копіи съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ исторической живописи, наприм. гг. Рѣпина, Неврева, Шварца, Маковского, Венига, Клодта, Земцова, Лебедева, Литовченко, Топоркова, Наумова, Савинскаго, Верещагина, Сѣдова, Творожникова и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ежедневной газеты „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“ съ приложеніями:

Съ пересылкою: на годъ 8 р. — За границу 14 р. — На полгода 4 р.

Гг. годовые подписчики, желающіе получить вышеозначенныя художественныя приложенія—„Картину“ или „Альбомъ“, благоволятъ высылать одинъ рубль за каждый экземпляръ (съ пересылкою).

Разрочка допускается, но исключительно чрезъ главную контору. Адресъ Главной Конторы: Спб. Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

О Т К Р Ы Т А П О Д П И С К А
на
ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ

въ 1889 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Въ Варшавѣ:		Съ пересылкою:	
На полгода.....	4 р. 80 к.	На полгода.....	6 р. — к.
„ три мѣсяца.....	2 „ 40 „	„ три мѣсяца.....	3 „ — „
„ мѣсяць.....	— „ 80 „	„ мѣсяць.....	1 „ — „

За границу (подъ бандеролью) на годъ—15 руб. (20 гульденовъ или 40 франковъ), полгода—7 руб. 50 к. (10 гульд., 20 франковъ), три мѣсяца—3 руб. 75 коп. (5 гульденовъ, 10 франковъ), мѣсяць 1 р. 25 к.

Для уѣздныхъ и гминныхъ управленій, магистратовъ и гминныхъ судей по 10 руб., а для православнаго духовенства и начальныхъ учителей по 8 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Варшава, Медовая, № 20), а также въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова; въ С.-Петербургѣ, Литейный пр., № 48; въ Москвѣ, Моховая, домъ Коха, и въ Варшавѣ, Новый Свѣтъ, № 65.

Редакторъ-издатель П. А. Кулаковскій.

Отъ Московскаго Духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Ноября 18-го дня 1888 года.

Цензоръ свящ. Иоаннъ Петропавловскій.

ПРИВѢТСТВЕННЫЯ РѢЧИ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО РОССИИ.

1. Преосвященнаго Владимира, епископа ставропольскаго и екатеринодарскаго *.

Благочестивѣйшій Государь!

Въ отечески заботливомъ Царственномъ шествіи Своемъ отъ сѣверной столицы по древне-рускимъ землямъ, чрезъ край Новороссійскій достигъ Ты Сѣвернаго Кавказа. Всюду встрѣчающія Тебя, Августѣйшую Супругу и Царственныхъ Дѣтей, выраженія неподдѣльно живаго восторга Твоихъ вѣрноподанныхъ дѣтей, Отецъ Нашъ, свидѣлствуютъ, что Ты и здѣсь — на землѣ *святорусской*, какою стало царство Твое за 900 лѣтъ раньше, со дня крещенія во всенародной кievской купели.

Предъ Тобой, Боговѣчанный Державный Вождь земли русской, мы можемъ повторить сказанное Богопризанному вождю нѣкогда избраннаго народа: „Земля, на ней же стоиши, свята есть“. Но прежде чѣмъ стала святорусской, была она изъ вѣна въ вѣкъ, многія тысячелѣтія сряду, путемъ народовъ всея земли, ложемъ того потока, который разлился въ міръ до крайнихъ предѣловъ Европы, перешелъ за ея предѣлы и покрываетъ теперь новыя и древнія части свѣта; была преемственнымъ до-

* Произнесена въ Екатеринодарѣ предъ входомъ Его Величества въ войсковой соборъ.

стояніемъ разныхъ племенъ, исчезнувшихъ съ лица земли во тьмѣ языческой, во враждѣ взаимной племенъ, которыхъ только одни имена сохранились въ исторіи.

Теперь отъ береговъ Чернаго и Азовскаго морей, среди устьевъ Кубани до крайнихъ предѣловъ степей ставропольскихъ, отъ подблачныхъ верховьевъ той же Кубани, у подножія вѣчно снѣжнаго Эльборуса до соляныхъ озеръ Манычскихъ, — земля, на ней же стоиши, *святая* есть. Первый освятилъ ее стопами своими святой Андрей, первозванный апостолъ Христовъ, прежде, нежели нога его стала и десница его водрузила святой крестъ на горахъ кievскихъ; посвянное имъ сѣмя благовѣстія Христова на Сѣверномъ Кавказѣ съ первыхъ же вѣковъ христіанства начало было приносить *много плодъ во святину*: свидѣтели тому, въ безмолвіи своемъ краснорѣчивые, открываемые нынѣ въ ущельяхъ и на высотахъ Сѣвернаго Кавказа, многочисленные православные храмы до временъ и отъ временъ Юстиніана Великаго, императора византійскаго, начертанія животворящаго креста на безчисленныхъ памятникахъ надъ почившими въ вѣрѣ, туземными православными христіанами; живые же свидѣтели тому — потомки ихъ, дѣти совращенныхъ въ мусульманство, но сохранившіе преданіе о православии своихъ предковъ; освящена земля сія стопами равноапостольныхъ Кирилла и Меодія, въ своемъ апостольскомъ путешествіи къ хазарскому кагану двукратно прошедшихъ ее по всему протяженію; освящена была земля сія трудами и молитвами ученика Антоніева преподобнаго Никона, перваго игумена печерскаго, основателя и перваго игумена Тмутараканской обители, между устьями Кубани, — трудами и подвигами святаго Николая и другихъ епископовъ тмутараканскихъ; освящена была страна сія въ восточной своей части страдальческимъ шествіемъ благовѣрнаго князя Михаила Тверскаго, отъ устьевъ Дона чрезъ равнины ставропольскія, за горы сѣверо-восточнаго Кавказа, его кровавой мученической кончиной и обратнымъ по странѣ сей шествіемъ уже богопрославленныхъ чудесами святыхъ мощей его.

Теперь земля эта — *свято-русская* земля. Такою она стала было вскорѣ послѣ крещенія древней Руси при сынѣ равноапостольнаго, Мстиславѣ Владиміровичѣ, князѣ тмутараканскомъ, побѣ-

дителей племенъ Сѣвернаго Кавказа, стала было таковой со всѣми условіями жизни свято-русской—православными русскими князьями, православными святителями, православными храмами, православнымъ народомъ, православными обителями и иноками,—но эта ранняя свѣтлая зоря скоро потухла въ насиліяхъ варваровъ. Во мглѣ мусульманской еще нѣсколько времени свѣтъ ей свѣтъ вѣры святой, но уже безъ близкой связи со свято-русской землей. Многіе вѣка прошли съ того времени, нужна была дорогая цѣна, чтобы страна сія, уже не въ малыхъ размѣрахъ слабаго княжества тмутараканскаго, а на всемъ протяженіи Сѣвернаго Кавказа и прилегающихъ къ нему обширныхъ степей, стала на вѣки нераздѣльной частью земли свято-русской, по правамъ владѣнія и по народонаселенію. Цѣна эта была—цѣна крови христілюбиваго всероссійскаго воинства, начиная съ донскихъ казаковъ съ ихъ отраслями, и казаковъ черноморскихъ, достойныхъ потомковъ придѣпровскаго казачества, коего праотцы приняли православную вѣру въ кievской купели, правнуки же защитили цѣлость ея отъ насилія турецко-мусульманскаго и латино-польскаго, а они, потомки ихъ, цѣлость святой вѣры, несокрушимую храбрость воинскую, вѣрно-преданность Царю и Отечеству, съ береговъ Днѣпра нерушимо перенесли въ Черноморію, на берега Кубани; другой цѣной былъ терпѣливый мирный трудъ того же русскаго человѣка, своими руками разработавшаго эту землю, оцѣлавшаго ее не только своей родной кормилицей, но и житницей для другихъ дальнихъ земель не русскихъ, на свои трудовые гроши щедро украсившаго ее православными русскими святыми храмами въ своихъ городахъ, селеніяхъ и иноческихъ обителяхъ, и заботящагося теперь дѣтей своихъ просвѣщать свѣтомъ вѣры и науки въ духъ свято-русскомъ.

Изъ всѣхъ царей Тебѣ, Державный Любитель и Мошнѣй Хранитель мира, даровано отъ Царя царей быть державцемъ сей страны, когда отъ края равнинъ ея до вершины горнаго хребта въ ней царствуютъ миръ и тишина, когда народу русскому не единоплеменные и пока еще не единовѣрные уже искренно признають въ Тебѣ своего Царя-Отца, считаютъ за счастье взглянуть на Тебя и Твою Царственную Семью, поднести

Тебѣ посильные дары, знаки своей вѣрнопреданности, видѣть Твою высокую Царскую ласку.

Если же они таковы, что же мы, вѣковѣчныя дѣти Твои?...

Повсюду видимыя Тобою груди кубанцевъ, такъ обильно украшенныя высшими знаками воинской храбрости, суть знаки того, что кубанцы, подобно своимъ предкамъ, готовы были и теперь готовы съ несокрушимой вѣрой въ душѣ и горячей любовью въ сердцѣ животъ свой положить за Тебя, своего Царя-Отца и за всю землю свято-русскую, и что чувства эти они неизмѣнно передадутъ своему потомству. Тѣмъ паче радуемся и благодаримъ Господа, видя Твое Царственное мирное шествіе во здравіи и благоденствіи съ Боговѣчанною Супругой, Цесаревичемъ-Атаманомъ и Его Августѣйшимъ Братомъ: молимъ и будемъ молить Господа, да будетъ и дальнѣйшее путешествіе таковымъ же, какъ было—Богоблагословеннымъ, на отраду Тебѣ, Царю-Отцу, на радость и другимъ дѣтямъ земли Твоей свято-русской, къ восточному берегу Чернаго моря, освященному стопами учениковъ первозваннаго апостола, по краю Закавказскому, издревле освященному святымъ хитономъ Испытателя міра, подвигами святой Нины равноапостольной и многочисленныхъ святыхъ церкви грузинской, ко берегамъ Херсонеса Таврическаго, святой купели просвѣтителя земли Русской, и паки къ сѣверной столицѣ Твоей, освященной святыми мощами и хранимой молитвами тезоименитаго ангела Твоего, Ходатая за всю землю свято-русскую, благовѣрнаго князя Александра Невскаго... „Благословенъ Грядый во имя Господне“.

2. Пресвященнаго Гавріила, епископа имеретинскаго *.

Благочестивѣйшій Государь!

Грузія не разъ имѣла счастье видѣть посреди себя вѣнценосныхъ царей Россійскихъ, но нынѣшнее Твое посвѣщеніе ея съ Царицею и Августѣйшими дѣтьми особенно знаменательно

* Произнесена въ Кугансѣ предъ входомъ Его Величества въ кафедральный соборъ.

и радостно. Оно показываетъ, что и сія далекая окраина Твоей державы послѣ многихъ лѣтъ браней достигла, наконецъ, такого мира и благоденствія, что оназалося возможнымъ посѣщеніе ея и Государынею Императрицею съ царственными дѣтьми.

Да возрадуется духъ Твой, Благочестивѣйшій Государь, при видѣ сего народа, съ искреннимъ восторгомъ Тебя встрѣчающаго, и сей страны, освобожденной и ошастливленной Твоими державными предками и нынѣ мирно трудящейся. Не далеко ушло отъ насъ то время и еще отцы наши помнили и разсказывали намъ о томъ, какъ вся она была опустошена, разорена и покрыта кровью своихъ сыновъ,—и вотъ теперь, вырванная доблестными русскими войсками изъ рукъ лютыхъ враговъ Христіанской вѣры, она какъ бы воскресла изъ мертвыхъ и снова разцвѣла подѣ благодѣтельнымъ управленіемъ Твоихъ предковъ и Твоимъ, Государь!

Всѣ мы, туземцы, твердо помнимъ это и безконечно благодарны: во 1-хъ, Богу, просвѣтившему нашихъ предковъ православною вѣрою, во 2-хъ, самымъ предкамъ, которые не смотря на тысячелѣтнюю (тяжкую борьбу и страданія за свою вѣру, въ дѣлности и чистотѣ передали намъ святой залогъ православія и тѣмъ самымъ способствовали на вѣки слиться съ великою православною державою россійскою и приобщиться ея духовной жизни. Наконецъ безконечно благодарны мы Твоимъ державнымъ предкамъ и Тебѣ, Великій Государь, за всѣ заботы, труды, громадыя затраты, за всю пролитую русскую кровь для нашего освобожденія изъ вражескихъ рукъ. Въ особенности же за то благодарны Тебѣ, Государь, что Ты не умаляешь насъ среди твоихъ безчисленныхъ подданныхъ, посѣтилъ насъ, оживилъ, воодушевилъ и соединилъ всѣхъ въ одномъ чувствѣ благодарности и любви къ Тебѣ. Въ томъ великая и всемірная слава православной русской державы, что въ ней всѣ подданные безъ различія народностей и вѣроисповѣданій живутъ подѣ одними и тѣми же справедливыми и нелицепріятными законами, имѣютъ одинаковыя права, тогда какъ въ иныхъ великихъ державахъ, кичащихся своею высокою цивилизаціею, равноправность подданныхъ существуетъ часто только на бумагѣ, а вѣротерпимость только для невѣрующихъ въ Бога, а православнымъ въ ней

часто отказываютъ. Только Богомъ хранимая и мудрыми своими вождями руководимая къ возвышеннымъ цѣлямъ Россія всегда стремится и въ государственномъ управленіи осуществлять Божию правду.

Мысль о великомъ отъ Бога предназначеніи Твоей державы да укрѣпляетъ Тебя, православный Царь, въ Твоихъ царственныхъ трудахъ и подвигахъ. Да даруетъ Тебѣ Царь царствующихъ долгіе годы утѣшаться счастьемъ Твоей семьи и мирнымъ процвѣтаніемъ Твоихъ вѣроноподанныхъ. Аминь.

О Р И Г Е Н Ъ

И ЕГО ЗАСЛУГИ КАКЪ АПОЛОГЕТА ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ *.

Ч А С Т Ь П.

Заслуги Оригена, какъ апологета христіанской религіи.

Оригенъ какъ писатель принадлежитъ къ первому періоду отеческой письменности и вообще исторіи церкви, — къ тому періоду, когда и въ писаніяхъ и въ жизни христіанъ ярко и преимущественно выражалась борьба новой вѣры съ заблужденіями и фанатизмомъ язычества. Необыкновеннымъ множествомъ и разнообразіемъ своихъ сочиненій выходя, можно сказать, за черту этого періода, онъ однако примыкаетъ къ господствовавшему въ немъ направленію, по которому письменности того времени усвоено названіе апологетической. Такого именно рода произведеніе Оригена составляютъ *восемь книгъ его противъ Цельса*.

Показать, какъ этотъ ревностный и ученѣйшій послѣдователь І. Христа раскрывалъ и защищалъ Божественное достоинство христіанской религіи, — составляетъ предметъ настоящей, второй части сочиненія ¹⁾).

* См. ноябр. кн. «Правосл. Обзорія» за 1888 г.

¹⁾ Въ нашей богословской литературѣ этому предмету посвящены: книга Н. Лебедева, Сочиненіе Оригена противъ Цельса, Москва, 1878 г. и статьи Д. Гусева въ Правосл. Собесѣдникѣ 1886 г. ноябр. кн.

Но предварительно сообщимъ свѣдѣнія 1) о Целсѣ, противъ котораго онъ направилъ и 2) о самомъ сочиненіи, въ которомъ онъ изложилъ свою защиту христіанской религіи.

1) Целсѣ оставилъ имя свое въ исторіи, какъ одинъ изъ ученѣйшихъ и самыхъ горячихъ противниковъ христіанства. Но свѣдѣнія о немъ, какія можно заимствовать изъ свидѣтельствъ древности, весьма скудны и неопредѣленны для того, чтобы прояснить его жизнь и внутренній характеръ. Оригенъ ничего не знаетъ объ обстоятельствахъ жизни своего противника, и говоритъ только, что изъ двухъ ему извѣстныхъ эпикурейцевъ, носившихъ имя Целса, тотъ, котораго онъ опровергаетъ, жилъ при императорѣ Адріанѣ и позднѣе ²⁾ и уже давно умеръ ³⁾. Въ самомъ сочиненіи Целса, отрывки котораго сохранены Оригеномъ, находятся достаточныя основанія относить его даже ко времени Марка Аврелія ⁴⁾, вступившаго на престолъ въ 161 г. по Р. Хр. Гораздо важнѣе вопросъ объ образѣ мыслей Целса и отношеніи его къ христіанству, Оригенъ, которому слѣдуетъ и Евсевій (Евсев. Церк. Ист. VI. 36) во многихъ мѣстахъ прямо называетъ Целса эпикурейцемъ или приписываетъ ему эпикурейскій образъ мыслей ⁵⁾. Между тѣмъ въ самыхъ возраженіяхъ Целса находится многое, несовмѣстное съ понятіемъ о немъ, какъ послѣдователю Эпикура: такъ, повидимому онъ допускаетъ Провидѣніе, высшую природу и безсмертіе души человѣческой, и вообще въ защищеніи языческаго богословія подходитъ къ системѣ послѣдующихъ неоплатониковъ. Уже Оригенъ замѣтилъ это находя въ сочиненіи Целса идеи Платоновой философіи ⁶⁾, и приходитъ къ тому предположенію, что Целсѣ скрылъ свой

¹⁾ Contra Cels. 1, 8. κατα Ἀδοιανὸν καὶ κελσῶτερω.

²⁾ Orig. praefat. ad libr. contra Cels. n. 4.

³⁾ Orig. contra Cels. V, 62. Оригенъ говоритъ, что Целсѣ упоминаетъ не только о Марціонитахъ, конхъ глава явился въ Римѣ не прежде 142 года, но и о Марцелліанахъ, послѣдователей Марцеллины, основавшей свою секту послѣ 155 года въ правленіе римскаго епископа Авикины. Въ другомъ мѣстѣ (VIII, 39) Оригенъ приводитъ слова Целса, которыя показываютъ, что сочиненіе его явилось во время сильнаго гоненія, которое всего удобнѣе можетъ-быть отнесено ко времени Марка Аврелія.

⁴⁾ Orig. Contra Cels. 1, 8 и 21; II, 60; III, 49 и 80; IV, 35 и 74.

⁵⁾ Contra Cels. VI, 8: «πολλὰ τῶν Πλατῶνος παραθεμεύος.

эпикуреизмъ для большей благовидности въ опроверженіе христіанства ⁷⁾). Извѣстно, что въ первое столѣтіе христіанской эры религія многобожная сильно была потрясена невѣріемъ, которое еще со времени Цицерона начало господствовать въ образованномъ классѣ людей; а эпикуреизмъ считался единственнымъ ученіемъ, достойнымъ людей богатыхъ и здравомыслящихъ. Но когда усилившееся христіанство стало грозить опасностію язычеству и соединенному съ нимъ порядку вещей: то ветхая религія опять нашла себѣ участіе и покровительство въ людяхъ, которые, по гордости, ложному патріотизму и предубѣжденію противъ христіанъ, не хотѣли покориться отвратительному ученію ⁸⁾). Ежедневный опытъ показываетъ, какъ вещь, къ которой мы бываемъ равнодушны при спокойномъ обладаніи ею, дѣлается какъ бы дорогою и находитъ у насъ защиту, какъ скоро подвергается опасности отъ внѣшнихъ нападеній. Подобное явленіе встрѣчается и въ исторіи борьбы міра языческаго съ христіанствомъ. Цельсъ, не будучи въ душѣ ревностнымъ язычникомъ и даже оставаясь эпикурейцемъ, рѣшился противостать возрастающей силѣ новой религіи, которая еще во времена св. Павла казалась для нѣкоторыхъ безуміемъ (1 Кор. 1, 13). Само собою разумѣется, — чтобы защищать старую религію и опровергать новую, Цельсу нельзя было выступить съ системою Эпикура, которая не допускала никакой религіи и потому не давала Цельсу ни точки опоры, ни средствъ къ достиженію его цѣли. Оставалось ему прибѣгнуть къ какой-либо другой системѣ, которую бы можно было подложить подъ язычество и противопоставить ученію христіанскому. Такъ и поступилъ Цельсъ, воспользовавшись мыслями Платоновой и стоической философіи для поддержанія язычества и опроверженія христіанской вѣры ⁹⁾).

⁷⁾ Contra Celc. 1, 8. Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ Оригенъ (IV, 54), оставаясь при первомъ мнѣніи, даетъ мѣсто и другимъ предположеніямъ, по которымъ Цельсъ могъ или послѣдствіи отъ эпикурейскаго ученія обратиться къ лучшему образу мыслей, или только былъ сомненникъ другому Цельсу—эпикурейцу.

⁸⁾ См. «Паденіе язычества» въ Библіотекѣ для чтенія, за 1837 годъ.

⁹⁾ Новѣйшіе ученые (Мосгеймъ, Неандеръ и др., которымъ послѣдовалъ и Н. Лебедевъ въ своемъ изслѣдованіи «О сочиненіи Оригена противъ Цельса») не полагаются на свидѣтельство Оригена и видѣвая въ самый образъ мыслей Цельса, стараются

Въ половинѣ втораго вѣка и вѣроятно въ то время, когда Маркъ Аврелій преслѣдовалъ христіанъ ¹⁰⁾, Цельсъ написалъ противъ нихъ сочиненіе подъ громкимъ заглавіемъ „Слово истинное“ (λόγος ἀληθής) ¹¹⁾, но исполненное самыхъ несправедливыхъ, рѣзкихъ порицаній и клеветъ на І. Христа, Его ученіе и послѣдователей. Позднѣйшіе противники христіанства, какъ напр. Порфирій ¹²⁾, не посягали на славу самаго его Виновника, объявляя Его за человѣка благочестиваго и достойнаго безсмертія, а порицали только Его апостоловъ и учениковъ. Совсѣмъ иначе нападалъ Цельсъ на христіанскую религію: порицая ея догматы и правила, укоряя послѣдователей въ невѣжествѣ, низкомъ про-

видѣніи въ немъ болѣе послѣдователя Платоновой философіи. Но замѣтимъ, что а) въ настоящее время нельзя рѣшительно судить о системѣ давно жившаго философа по одному сочиненію, и то дошедшему до насъ только въ отрывкахъ. б) Потому несправедливо отступать отъ показанія Оригена, такъ близкаго ко времени Цельса и столько ученаго и добросовѣстнаго, чтобы предполагать въ немъ ошибку или намѣренный обманъ; а онъ прямо и неоднократно называлъ Цельса эпикурейцами, хотя и самъ видѣлъ у него нѣкоторыя идеи философіи Платоновой, и даже представилъ догадку, что Цельсъ скрылъ свои эпикурейскія мысли для удобнѣйшаго опроверженія христіанской религіи. Такое противорѣчіе въ Цельсѣ объясняется изъ обстоятельствъ того времени, въ которое жилъ и писалъ Цельсъ (см. выше въ самомъ текстѣ). в) За всѣмъ тѣмъ эпикурейскій образъ мыслей Цельса не такъ глубоко скрытъ, чтобы съвоею личиною поборника языческой религіи нельзя было усмотрѣть того внутренняго невѣрія, или по крайней мѣрѣ—равнодушія къ богамъ, которое такъ открыто и ясно выразилось въ современникѣ его и можетъ быть другъ—Лукіанъ (см. Неандера Цер. Истор., ч. I, стр. 164 и дал.). Въ его сочиненіи незамѣтно того строго-религіознаго настроенія души, какое приписывается Платоникамъ; напротивъ, въ немъ просвѣчивается тотъ нечестивый, поверхностный умъ, который въ томъ, что свято для другихъ, ищетъ предметъ только для насмѣшекъ и порицаній. Кромя того эпикуреизмъ Цельса обнаруживается изъ нѣкоторыхъ его сужденій, напр. о томъ, что человѣкъ никакими существенными свойствами не отличается отъ породы животныхъ, такъ какъ пчелы и муравьи имѣютъ почти гражданскія общества, подобно людямъ, и птицы обладаютъ знаніемъ будущаго (Contra Cels. IV, 74). Такимъ образомъ нѣтъ достаточнаго основанія противорѣчить Оригену въ свидѣтельствѣ его о Цельсѣ, какъ послѣдователѣ Эпикура.

¹⁰⁾ Оригенъ (Contra Celsum VIII, 39) приводитъ слова Цельса, изъ которыхъ видно, что его сочиненіе вышло во время сильнаго гоненія.

¹¹⁾ Origen. Praefat. ad libros contra Celsum, n. 4.

¹²⁾ У Августина de civit. Dei lib. XLIV, cap. 23. «Ipse vero (Christus) pius et in coelum, sicut pii concessit».

исхожденіи и худой жизни, онъ своимъ дерзкимъ и злымъ языкомъ поносилъ и Ея Божественнаго Основателя, не щадилъ самой великой минуты въ жизни Богочеловѣка,—Его страданій на крестѣ. Говоря о жизни и дѣлахъ Спасителя, Цельсъ слѣдовалъ частію баснямъ, распространеннымъ іудеями, частію дурно понятымъ или ложнымъ преданіямъ, частію евангельскимъ сказаніямъ, которыхъ впрочемъ онъ не хотѣлъ понять въ ихъ истинномъ значеніи по своему предубѣжденію противъ Иисуса Христа ¹³⁾. Тамъ, гдѣ онъ могъ воспользоваться евангельскою исторіею для того, чтобы унижить и осмѣять І. Христа и Его религію, онъ считалъ ее за достовѣрную, и напротивъ, отвергалъ истинность ея въ томъ случаѣ, когда находилъ ее неудобною для своихъ видовъ и встрѣчалъ въ ней что нибудь относящееся къ достоинству христіанства ¹⁴⁾. Впрочемъ при всей явной злонамѣренности своей, сочиненіе Цельса не могло не имѣть въ глазахъ ябыхниковъ нѣкоторыхъ достоинствъ. Обладая умомъ острымъ и многосторонне-образованнымъ ¹⁵⁾, Цельсъ искусно дѣйствовалъ въ нападеніи на христіанскую религію: хитро умѣлъ онъ перевернуть ученіе или священное сказаніе и представить ихъ въ видѣ странномъ, въ противорѣчій съ здравымъ смысломъ; благоразумно избѣгалъ глубокихъ изслѣдованій и выбиралъ большею частію общедоступное, ловко соединялъ остроуміе издѣвающагося надъ священными предметами съ важностію мудреца, рассуждающаго о религіи. Онъ не оставилъ ни одного оружія, которымъ можно было бы воспользоваться противъ христіанства: то онъ вооружался греческою философіею, то выставялъ народную религію для уничтоженія новой, то наконецъ выводилъ іудея и заставлялъ его оспаривать христіан-

¹³⁾ Contra Cels. II, 10. Оригенъ обозначаетъ источники, которыми пользовался Цельсъ: «ἐν ἐκ παρακουσμάτων, εἴτε καὶ ἐξ ἀναγνώσμάτων, εἴτ' ἐκ διηγημάτων ἰουδαϊκῶν». Цельсъ знакомъ былъ съ евангеліями, считалъ ихъ за произвольныя измѣненія одного и того же писанія (τῆς πρώτης γραφῆς) Contra Cels. II, 27), и приводилъ возраженія изъ нихъ подъ общимъ, собирательнымъ именемъ евангелія (Εὐαγγέλιον).

¹⁴⁾ Contra Cels. II, 34.

¹⁵⁾ Оригенъ (Contra Cels. IV, 36) называетъ Цельса многознающимъ и многочувственнымъ (πολύσῳφ καὶ πολυμαθής), что подтверждается и самимъ сочиненіемъ его.

ство на основаніи началъ іудейства. Такимъ образомъ сочиненіе Цельса представляло опытъ ученой, хотя и злонамѣренной критики, употребившей все силы и искусство жемудрующего ума для опроверженія Богооткровенной религіи.

2) Болѣе повѣдка прошло съ тѣхъ поръ, какъ явилось сочиненіе Цельса противъ христіанъ, и ни одинъ изъ христіанскихъ писателей не рѣшался ученымъ образомъ опровергнуть возраженія языческаго философа,—не по недостатку средствъ и способностей, но вѣроятно потому, что бѣдственное положеніе церкви вызывало людей сильныхъ умомъ и словомъ болѣе къ защищенію христіанскаго общества отъ несправедливыхъ клеветъ и гоненій, нежели къ ученому оправданію религіи противъ нападеній лжеименнаго разума. Могло быть и то, что христіане среди смутъ и бѣдствій церкви мало общали себя отъ такого спора, послѣ безуспѣшныхъ попытокъ апологетовъ во время Антониновъ, и даже находили неблаговременнымъ подновлять и усидывать и безъ того очень жаркую борьбу язычества съ христіанствомъ. Но съ наступленіемъ мирнаго времени надлежало желать, чтобы даровитый и ученый писатель изъ среды христіанъ не оставилъ безъ отвѣта сочиненіе Цельса: дѣйствительно, въ счастливое для церкви царствованіе императора Филиппа (Евсев. Церк. Ист. VI, 36), извѣстный другъ Оригена—Амвросій прислалъ въ нему книгу возраженій Цельса и просилъ написать на нихъ опроверженіе.

Оригенъ неохотно приступалъ къ сочиненію противъ Цельса. Проникнутый сколько разумнымъ, столько же и благоговѣйнымъ убѣжденіемъ въ истинъ и божественности религіи Христовой, онъ не чувствовалъ нужды опровергать сочиненіе Цельса, безсильное въ своихъ клеветахъ и жемудрованіяхъ противъ силы св. вѣры. „Господь и Спаситель нашъ І. Христосъ (такъ начинается Оригенъ свое сочиненіе) молчалъ, когда на него жесвидѣтельствовали, и не отвѣчалъ ничего, когда на Него клеветали. Ибо Онъ былъ убѣжденъ, что вся Его жизнь, все дѣла, совершенныя Имъ между іудеями, защищаютъ Его противъ жесвидѣтельствъ и клеветъ гораздо лучше того, что Онъ могъ бы сказать въ Свое оправданіе. Что же вздумалось тебѣ, благочестивый Амвросій, просить меня, чтобы я опровергъ сочиненіе Цельса на христіанъ и ихъ вѣру? Какъ будто самое дѣло не довольно сильно

обличаетъ его клеветы; какъ будто наше ученіе, превосходящее всѣхъ писаній, недостаточно опровергаетъ его лжесвидѣтельства и укоризны!¹⁶⁾ Впрочемъ опасеніе, чтобы въ числѣ христіанъ не нашлись слабые въ вѣрѣ, которые могли поколебаться отъ возраженій этого противника христіанства, побудило Оригена исполнить просьбу Амвросія и написать защищеніе христіанской религіи отъ нападеній Цельса¹⁷⁾.

Сочиненіе противъ Цельса, по внѣшнему составу своему, раздѣляется на 8 книгъ, которыя подраздѣляясь еще на небольшія главы или параграфы, не представляютъ однако стройнаго и точнаго порядка въ изложеніи. Первоначальнымъ намѣреніемъ писателя было только обозначить возраженія Цельса и краткіе отвѣты на нихъ, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи обработать все это и представить въ систематическомъ единствѣ¹⁸⁾: но къ сожалѣнію, оно осталось безъ исполненія. Дошедши до того мѣста въ сочиненіи Цельса, гдѣ послѣдній выводитъ на споръ съ І. Христомъ іудея, Оригенъ рѣшился для сбереженія времени удовольствоваться тѣмъ, что написалъ сначала, и продолжать свое сочиненіе въ томъ же видѣ и направленіи, не располагаясь приступить къ окончательному приведенію его въ систематическій порядокъ. Такимъ образомъ въ своемъ сочиненіи онъ не отдѣляетъ основныхъ мыслей Цельса отъ побочныхъ, не старается опровергнуть коренныхъ началъ языческой религіи и философіи и представить доказательства Божественности христіанской религіи въ связи и совокупности. Онъ какъ бы преслѣдуетъ Цельса шагъ за шагомъ, держась порядка его возраженій и довольствуясь опроверженіемъ его отдѣльныхъ нападеній и укоризнъ противъ вѣры¹⁹⁾.

Не смотря однакожъ на эту внѣшнюю отрывочность и господствующій полемическій характеръ, сочиненіе Оригена справедливо можетъ занимать, по внутреннему достоинству, первое мѣсто въ апологетической письменности первыхъ трехъ вѣковъ, какъ опытъ ученаго раскрытія Божественности христіанской

¹⁶⁾ Orig. Praefat. ad. libr. contra Cels. cap. 1.

¹⁷⁾ Orig. Praefat. ad. libros contra Cels. cap. 4.

¹⁸⁾ Orig. Praefat. ad. libros contra Cels. cap. 6.

¹⁹⁾ Contra Cels. I, 41.

религіи. „Прочіе писатели, защищая христіанскую религію отъ нападеній враговъ ея, руководствовались отнюдь не видами учеными. Одушевленные любовью къ св. вѣрѣ и церкви и проникнутые скорбію о бѣдственномъ ихъ положеніи, они являлись по преимуществу ходатаями (адвокатами) за невинно гонимое христіанское общество. Обращаясь съ своимъ словомъ къ императорамъ или областнымъ правителямъ они имѣли въ виду то, чтобы облегчить его печальную участь, освободить его отъ несправедливыхъ клеветъ и обвиненій, доставить ему безопасность, спокойствіе и расположеніе, или по крайней мѣрѣ терпимость въ языческомъ государствѣ. Отъ того въ большей части христіанскихъ апологій мы видимъ не учено-богословское раскрытіе Божественности христіанства, какъ религіи и ученія, но такъ-сказать, судебное, открытое оправданіе христіанскаго общества, состоящее въ живомъ изображеніи неукорыненной жизни христіанъ, ихъ высокихъ правилъ и нравовъ“²⁰). Въмѣстѣ съ глубокимъ чувствомъ гонимой невинности, въ нихъ господствуетъ твердое убѣжденіе въ истинѣ, которое, будучи само въ себѣ недоступно никакимъ сомнѣніямъ, нерѣдко остается безотвѣтнымъ и на чуждые вопросы и сомнѣнія. Отъ того и рѣчь ихъ, одушевленная и страстная (патетическая), то превращается въ скорбь невинно-страдающаго, то дышетъ довѣрчивою надеждою на человеколюбіе и справедливость судей, то дѣлается какъ бы торжественною въ сознаніи чистоты и величія св. вѣры, и иногда изливается всею горечью негодованія въ обличеніи лжи и нечестія языческаго. Таковы особенно апологіи св. Іустина, Аенинагора. Теофила Антиохійскаго, Тертуліана и др.

Другаго рода апологію представляетъ сочиненіе Оригена противъ Цельса, явившееся по иному поводу, при иныхъ обстоятельствахъ христіанства. Уже возраженія ученаго философа, направленные не столько противъ вѣршнихъ отношеній христіанъ къ языческому міру, сколько противъ основаній новой вѣры, ея догматовъ и правилъ, требовали ученаго же отвѣта на нихъ, равно какъ и основательнаго защищенія Божественнаго достоинства самой религіи. Но кромѣ того успѣхи христіанства въ

²⁰) Сочиненія христіанскихъ апологетовъ въ переводѣ свят. Преображенскаго.

3 столѣтіи, не смотря на гоненія, все болѣе и болѣе распро-
странявшася и пріобрѣтавшася силу, а иногда пользовавша-
гося довольно длинными промежутками покоя, ослабляли, если
не совсѣмъ устраняли, нужду въ защищеніи христіанъ отъ обви-
неній и предубѣжденій: между тѣмъ какъ въ самой церкви мало-
по-малу возникла и образовалась наука, которая, входя глубже
въ существо Божественнаго откровенія, давала возможность ви-
дѣть его особенные признаки, содержаніе и значеніе. Сообразно
съ такими обстоятельствами, Оригенъ написалъ сочиненіе про-
тивъ Цельса, какъ богословъ, который при глубокомъ изученіи
христіанской вѣры обладалъ діалектическимъ искусствомъ и раз-
нообразными историческими познаніями. Главная задача аполо-
гій Оригена—не въ томъ, чтобы защитить христіанское обще-
ство отъ подозрѣній и обвиненій, или пріобрѣсти ему располо-
женіе государства, и покровительство его законовъ, но въ томъ,
чтобы опровергнуть возраженія противъ самой религіи и оправ-
дать ее, доказать ея Божественное полномочіе посредствомъ
разумнаго изслѣдованія. Въ ней нѣтъ того одушевленія, того
увлекательнаго краснорѣчія, которое встрѣчается въ апологіяхъ
св. Іустина и Тертуліана; но за то она вся отъ начала до
конца проникнута яснымъ и разумнымъ сознаніемъ побѣдоно-
сной силы истины Христовой, торжествующей надъ всѣми воз-
раженіями и джесвидѣтельствами ея враговъ. Отсюда происходитъ
и то неотразимо передающееся читателю спокойствіе души, та
свѣтлая разсудительность, которая, не возмущаясь самыми дер-
зкими нападеніями Цельса на св. вѣру, взвѣшиваетъ каждое поло-
женіе его и опровергаетъ посредствомъ убѣдительныхъ доводовъ.
Вмѣстѣ съ тѣмъ въ сочиненіи противъ Цельса обстоятельно изла-
гаются и прямыя свидѣтельства объ истинѣ христіанства и рас-
крываются положительныя основанія, подтверждающія достовѣр-
ность его Божественнаго происхожденія. Однимъ словомъ, со-
чиненіе Оригена представляетъ первый опытъ ученаго раскрытія
Божественности христіанской религіи. По сему-то новѣйшіе
ученые, за одно съ древними, превозносятъ его высокими похва-
лами. Одинъ изъ превосходнѣйшихъ писателей — апологетовъ,
Евсевій Кесарійскій отсылаетъ къ сочиненію тѣхъ, кто хотятъ
видѣть, какъ прекрасно христіанство и какъ безсильны напа-

дающіе на него. По его мнѣнію Оригенъ основательно опровергъ все, что когда либо было или будетъ сказано противъ Божественнаго ученія І. Христа (lib. adv. Hieron. c. 1). Св. Василий Великій и Григорій Богословъ засвидѣтельствовали свое уваженіе къ сочиненію противъ Цельса тѣмъ, что почти всю Филокалію наполнили отрывками изъ него. Изъ новѣйшихъ Губій, соглашаясь съ похвалою Евсевія, прибавляетъ, что нигдѣ Оригенъ не раскрылъ такого богатства учености, христіанской и свѣтской и нигдѣ не выставилъ такихъ сильныхъ доказательствъ ²¹⁾. Дюпенъ считаетъ сочиненіе противъ Цельса не только самымъ лучшимъ изъ произведеній Оригена, но и превосходнѣйшею апологіею христіанъ, какая только явилась въ древности ²²⁾. Вообще сочиненіе противъ Цельса такъ выдается своими достоинствами изъ ряда прочихъ апологій первыхъ трехъ вѣковъ, что съ него полагается даже начало втораго періода въ исторіи христіанской апологетики ²³⁾.

Чтобы показать заслуги Оригена въ раскрытіи и защищеніи Божественнаго достоинства христіанской религіи, нужно изложить въ систематическомъ порядкѣ самое содержаніе сочиненія противъ Цельса. При этомъ представляется удобнымъ и вмѣстѣ сообразнымъ съ содержаніемъ Оригенова сочиненія, раздѣлить изложеніе его на двѣ части: въ первой части, собственно апологетической, относятся положительныя доказательства, кои приводитъ Оригенъ въ подтвержденіе Божественности христіанской религіи; а въ другой, по преимуществу полемической, — отвѣты Оригена на различныя возраженія Цельса противъ христіанства.

²¹⁾ Origeniana lib. III, c. 3. sect. II. Вв.: «Non alias tantam doctrinae christianae et profanae ubertatem, tanta argumentorum pondera expromit».

²²⁾ Nouvelle Biblioth. des auteurs Eccles. Том. I, p. 143: «C'est non seulement le meilleur ouvrage d'Origenes, mais aussi l'apologie pour les Chretiens la plus achevée et la mieux écrite, que nous ayons, dans l'antiquité».

²³⁾ См. Дрелъ «Die Apologetik, als Wesenschaftliche Nachweisung der göttlichkeit des Christhums» и статью: Apologet. помѣщенную во Всеобщей Энциклопедіи—Эрша и Грубера.

А) Наложение доказательствъ, приводимыхъ Оригеномъ въ подтвержденіе божественности христіанской религіи.

Раскрывая Божественное достоинство христіанской религіи, Оригенъ не исчисляетъ и не приводитъ доказательствъ своихъ въ связи и совокупности: тѣмъ не менѣе въ его сочиненіи противъ Цельса находятся доказательства Божественности христіанства, какъ *внѣшнія*, заимствованныя изъ исторіи жизни І. Христа и изъ исторіи Его церкви, такъ и *внутреннія*, заключающаяся въ свойствахъ и дѣйствіяхъ христіанства, какъ Богооткровенной религіи. Но предварительное дѣло христіанской апологетики состоитъ въ томъ, чтобы защитить и раскрыть достовѣрность свидѣтельствъ, на которыхъ опирается христіанство: ветхозавѣтныхъ пророчествъ и Евангельскихъ сказаній о жизни Христа Спасителя.

I.

Что касается *ветхозавѣтныхъ* предсказаній, то Оригенъ имѣетъ съ прочими христіанскими писателями признаетъ ихъ истинными и боговдохновенными. Ручательство за такое достоинство ихъ онъ находитъ въ томъ, что цѣлый народъ іудейскій съ полною вѣрою принималъ ихъ за вѣщанія Духа Божія ²⁴). Ужели, говоритъ Оригенъ, столь значительный народъ (іудейскій), издревле имѣвшій свое твердое и постоянное мѣстопробываніе, легкомысленно и безъ всякой достовѣрной причины захотѣлъ нѣкоторыхъ пророковъ признать за истинныхъ, а другихъ отвергнуть, какъ обманщиковъ? Ужели такой народъ безъ основанія, безъ всякаго доказательства, рѣшился рѣчи пророковъ присоединить къ книгамъ Моисеевымъ, почитаемымъ за Божественными? (Contra Cels. III, 2.). Для того, чтобы и въ глазахъ язычниковъ оправдать и подкрѣпить это свидѣтельство іудейскаго народа, Оригенъ обращается къ соображеніямъ разума и старается: а) показать, что „необходимо допустить существо-

²⁴) Contra Cels. I, 36. «Ἰουδαῖοι πιστεύουσι θεῖω πνεύματι αὐτοῦς (προφήτας) λέλαληκέναι».

ваніе пророковъ въ народѣ іудейскомъ: иначе іудеи неустояли бы въ давныхъ имъ законахъ и имѣли бы поводъ оставить почитаніе Творца, которое имъ заповѣдано, и обратиться къ многобожію язычниковъ. Ибо въ законѣ іудейскомъ написано: язычники гаданій и прорицаній послушаютъ: тебѣ же не тако даде Господь Богъ твой; пророка отъ братіи твоея возставитъ тебѣ Господь Богъ твой (Второз. XVIII, 14—15.). Теперь положимъ, что между тѣмъ какъ всѣ народы старались знать о будущемъ или посредствомъ оракуловъ, или различныхъ гаданій, или халдейскихъ исчисленій, все это было запрещено іудеямъ, и имъ не было бы дано никакого другаго средства предузнавать будущее: тогда увлекаясь врожденнымъ желаніемъ знать о будущемъ, они оставили бы свою религію какъ неимѣющую въ себѣ ничего Божественнаго, не приняли бы пророковъ, бывшихъ послѣ Моисея, и не записали ихъ рѣчей, прибѣгли бы къ гаданіямъ и прорицаніямъ языческимъ, или у себя учредили бы что-нибудь тому подобное (*Contra Cel.*: I, 36). Какимъ образомъ, говоритъ Оригенъ въ другомъ мѣстѣ, народъ іудейскій могъ бы существовать, еслибы не было ему дано обѣтованіе о предузнаніи будущаго? Прочіе народы, среди коихъ жили іудеи, вѣрили, что чтимые ими боги даютъ имъ отвѣты на вопросы и открываютъ будущее. А іудеи, по своей религіи обязанные презирать чтимыхъ у язычниковъ боговъ и считать ихъ не богами, но демонами (Пс. 95, 5), ужели они должны быль единственнымъ народомъ, у котораго никто бы не имѣлъ дара предсказывать будущее, дабы естественное желаніе знать будущее не увлекло ихъ къ демонамъ языческимъ?... Итакъ не необходимо ли, чтобы цѣлый народъ, коему внушено было презирать боговъ чуждыхъ народовъ, имѣлъ у себя пророковъ такихъ, которые бы являли въ себѣ нѣчто большее и превосходящее, чѣмъ оракулы другихъ народовъ. (*Contra Cel.* III, 2).

б) Послѣ того, какъ показано, что у іудеевъ существовали и должны были существовать пророки, еще предстоялъ вопросъ: истинные ли, Богомъ ли просвѣщенные люди были эти пророки, ибо и язычники имѣли своихъ оракуловъ? Оригенъ старается рѣшить и этотъ вопросъ, и для сего сравниваетъ свойства и образъ пророчествованія іудейскихъ пророковъ и языческихъ оракуловъ.

Касательно языческихъ оракуловъ, Оригенъ замѣчаетъ, что изъ сочиненій Аристотеля и его послѣдователей можно привести многое, чѣмъ опровергается достоинство изреченій Дельфійскаго оракула и другихъ, и „что между греками были такіе люди, которые опровергали пророчества, такъ славившіеся и во всей Греціи возбуждавшіе удивленіе“. (Contra Cels. VII, 3.). Но положимъ, продолжаетъ Оригенъ, что отвѣты Пиеи и другихъ оракуловъ не суть поддѣлка обманщиковъ, хотѣвшихъ прослыть за людей боговдохновенныхъ: при всемъ томъ добросовѣстные изыскатели истины могутъ убѣдиться, что они происходятъ отъ злыхъ и нечистыхъ духовъ, непріязненныхъ роду человѣческому, которые стараются препятствовать душѣ восходить къ небу, идти путемъ добродетели и черезъ истинное благочестіе возвращаться къ Богу. Знаменитѣйшія изреченія принадлежатъ Дельфійской Пиеи. Объ этой-то жрицѣ Аполлона говорятъ, что сидя надъ устьемъ Кастальской пещеры, она получаетъ пророческій духъ, который входитъ въ душу пророчицы не чрезъ канія-либо чистыя и тонкія части тѣла, но чрезъ мѣсто, которое цѣломудренный человѣкъ не захочетъ даже назвать. По этому одному можно судить о чистотѣ того духа... Притомъ Духу Божію не свойственно приводить лице, избранное для пророчествованія въ такое восхищеніе и неистовое состояніе, что оно не можетъ сознать самого себя. Пріявшій Божественнаго Духа долженъ на самомъ себѣ испытывать Его спасительную силу прежде тѣхъ, которые вопрошаютъ Бога о дѣлахъ, касающихся жизни гражданской или естественной: и тогда-то особенно онъ долженъ быть прозорливымъ, когда присуще ему Божество. Если же Пиея, когда пророчествуетъ, впадаетъ въ безчувствіе и перестаетъ владѣть собою: то можно ли объ этомъ духѣ, который помрачаетъ умъ и всякое соображеніе, думать иначе, нежели какъ о тѣхъ демонахъ, которыхъ изгоняютъ христіане? Напротивъ пророки іудейскіе, будучи просвѣщаемы Духомъ Божіимъ, сперва на себѣ испытывали пользу присутствія Божія въ своихъ душахъ. Они становились проницательнѣе умомъ, чище и свѣтлѣе душею, отъ сего, такъ сказать, прикосновенія къ нимъ Св. Духа. Даже тѣло ихъ уже не противодѣйствовало добродѣтельной жизни, ибо оно умирало для того, что у насъ называется мудрованіемъ плоти: такъ какъ Св. Духъ умерщвляетъ дѣла

плоти и происходящую отъ нея мудрованія вражду противъ Бога²⁵⁾. Наконецъ, если Аполлонъ богъ, то онъ долженъ бы предреченіемъ будущаго пользоваться какъ бы приманкою для того, чтобы побуждать и приводить людей къ исправленію жизни, къ попеченію о душѣ, къ улучшенію нравовъ. Но ничего подобнаго о немъ не передаетъ намъ исторія. Правда, онъ разъ какъ-то назвалъ Сократа мудрѣйшимъ изъ всехъ людей, но и то не за любовь его къ мудрости, а болѣе за жертвы, которыя приносили этотъ философъ Аполлону и прочимъ злымъ духамъ: ибо этимъ духамъ болѣе нравятся жертвы, нежели всѣ добродѣтельные подвиги. Но изъ іудейскихъ пророковъ нѣкоторые были подобными мудрецамъ еще прежде, нежели Богъ избралъ ихъ въ Свои посланники и исполнилъ Своимъ Духомъ; другіе сдѣлались мудрыми чрезъ самый даръ пророчества, который проовѣтилъ ихъ умъ. Провидѣніе отдѣлило ихъ и вѣрило имъ Духа Божія и слова Божественныя за то, что они вели жизнь неподражаемо высокую, чистую, постоянную, непоколебимую страхомъ смерти и опасностями. За свою любовь къ истинѣ и за свободу, съ которою обличали грѣшниковъ, они были побиваемы камнями, перепиливаемы, пытуются, замучиваемы, отъ меча умирали, скитались въ овечьихъ и козьихъ кожахъ, терпя недостатокъ, бѣдствія, озлобленія; тѣ, коихъ не стоить весь міръ, блуждали по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущеліямъ земли (Евр. XI, 37—38). Они взирали непрестанно на Бога и на невидимыя блага Божія, которыя потому вѣчны, что они невидимы²⁶⁾. Въ заключеніе, указывая на примѣръ Моисея, Іереміи: Исая, Давида и прочихъ св. пророковъ, Оригенъ говоритъ, „эти и другіе пророки Божіи предвозвѣстили и то, что относится къ І. Христу. Потому мы за ничто считаемъ предсказаніе Платона, Юпитера, Аммона и другихъ слывущихъ за пророковъ. Напротивъ удивляемся тому, что строгая, твердая и добродѣтельная жизнь этихъ людей достойна была Св. Духа, который предрекалъ будущее особеннымъ образомъ, не похожимъ на пророчества демоновъ“²⁶⁾.

²⁵⁾ Contra Cels. III, 3—4.

²⁶⁾ Contra Cels. VII, 7.

Такое раскрытіе достоинства ветхозавѣтныхъ пророчествъ отличается не только полнотою и остроуміемъ, но и особенно чистотою взгляда. Между тѣмъ какъ св. Іустинъ ²⁷⁾, Тертуліанъ ²⁸⁾ и Аенинагоръ ²⁹⁾ вдохновеніе святыхъ пророковъ признаютъ состояніемъ экстатическимъ и безсознательнымъ, Оригенъ прямо утверждаетъ, что признакъ истиннаго пророчества, происходящаго отъ Духа Божія, есть ясное сознаніе того лица, кто получаетъ вдохновеніе свыше: „не свойственно Духу Божію приводить лице, избранное для пророчествованія въ такое восхищеніе (ἐκστασις) и неистовое состояніе (μακρὴν κατάστασις), чтобъ оно не могло сознавать само себя“ ³⁰⁾.

Другое предварительное дѣло христіанской апологетики состоитъ въ томъ, чтобы доказать достовѣрность *Евангельской* исторіи. Уже у прежнихъ защитниковъ вѣры, у Кодрата ³¹⁾, св. Іустина ³²⁾, и Тертуліана ³³⁾ находятся мѣста, въ которыхъ они стараются подтвердить истинность немногихъ, отдѣльныхъ событій и обстоятельствъ жизни І. Христа. Болѣе тщательный и полный опытъ раскрытія достовѣрности апостольскихъ сказаній представляется у Оригена, который вызванъ былъ на то возраженіями Цельса. Въ подтвержденіе Евангельской исторіи Оригенъ частію приводитъ внѣшнія свидѣтельства, но особенно подробно разсуждаетъ о достовѣрности св. апостоловъ. Такъ онъ

²⁷⁾ Dialog. cum Tryph. cap. 115. св. Cohort. ad Graecos cap. 8 и 37.

²⁸⁾ Advers. Marcion. IV, 22. «In Spiritu homo constitutus necesse est excidat sensu, obumbratus scilicet virtute divina.

²⁹⁾ Legat pro Christ. cap. 9.

³⁰⁾ Такая мысль признается и прочими учителями и отцами церкви. Милліадъ. (Евсев. Цер. Истор. V, 17) написалъ сочиніе: «μὴ δὲν προφήτην ἐν ἐκστάσει». св. Епифан. Наг. 48, 3. Hieronym. praefat in Iez. ib. I, 1.

³¹⁾ См. отрывокъ его апологіи у Евсевія (Цер. Истор. кн. IV, гл. 3), гдѣ онъ говоритъ, что еще доселѣ живы люди, воскресенные І. Христомъ отъ смерти.

³²⁾ Apolog. 1. cap. 45 и 66, гдѣ онъ ссылается на акты Пилатовы, посланные въ импер. Тиверію.

³³⁾ Apologet. cap. 21, гдѣ Тертуліанъ достовѣрность вѣрившаго, бывшаго при смерти Іисуса Христа, доказываетъ указаніемъ на записи, хранящіяся въ Римскихъ архивахъ: «Et tamen eum mundi casum relatam in archivis vestris habetis». Здѣсь же онъ упоминаетъ объ актахъ Пилата: «Ea omnia super Christo Pilatus et ipse jam pro sua conscientia christianus Caesari tum Tiberio nunciavit».

говорить, что о затмѣніи и землетрясеніи, бывшемъ при императорѣ Тиверіѣ, въ царствованіе коего былъ распятъ Спаситель, упоминаетъ Флегонтъ въ XIII или XIV книгѣ своихъ хроникъ²⁴). Въ другомъ мѣстѣ справедливость того, что І. Христосъ, согласно съ пророчествомъ Михея, родился въ Виллеемѣ, Оригенъ доказываетъ увѣреніемъ, что, еще доселѣ можно видѣть въ Виллеемѣ пещеру, въ которой родился Спаситель, и тѣ ясли, въ которыхъ лежалъ онъ повитый²⁵). Нельзя не признать, что эта попытка Оригена доказать достоверность Евангельской исторіи изъ внѣшнихъ свидѣтельствъ — незначительна по своему выполненію: но здѣсь есть по крайнѣй мѣрѣ указаніе, какимъ образомъ должны вести это дѣло будущіе апологеты. Гораздо важнѣе то, что Оригенъ говоритъ собственно о достоверности апостоловъ, передавшихъ Евангельскія событія.

а) Въ подтвержденіе Евангельской исторіи Оригенъ указываетъ на то, что она передана свидѣтелями-очевидцами. Такъ напр. когда Цельсъ исторіи жизни І. Христа противопоставляетъ сказаніе объ Эскулапѣ и Бахусѣ, то Оригенъ отвѣчалъ: мы вѣримъ ученикамъ Іисуса, которые сами видѣли Его чудеса и ясно доказали свою добросовѣстность, и Цельсъ называетъ насъ безразсудными!... Ужели онъ хочетъ, чтобы сказанія иже языческимъ вѣрили, какъ истиннымъ, а исторію І. Христа признавали за ложную; тогда какъ тѣ, которые написали ее, все повѣствуемое ими сами видѣли и испытали²⁶)?

б) Къ этому Оригенъ присоединяетъ чистосердечіе и *искренность*, которыми такъ ясно запечатлѣны писанія апостоловъ. „Мы убѣждены, говоритъ онъ, что писатели Евангелій имѣли доброе намѣреніе, и заключаемъ объ этомъ изъ благочестія и чистосердечія, которыя просвѣчиваютъ въ ихъ писаніяхъ и не позволяютъ находить въ нихъ ничего сомнительнаго, искаженнаго, вымышленнаго и поддѣльнаго“²⁷). Апостолы, по замѣчанію Ори-

²⁴) Contra Cels. II, 33, 59.

²⁵) Contra Cels. I, 59.

²⁶) Contra Cels. III, 23, 24. св. 11, гдѣ Оригенъ называетъ апостоловъ само-видцами Іисуса, передающими Его ученіе! (τῶν αὐτοπτῶν τοῦ Ἰησοῦ διδασκόντων τὰ ἐκείνου μαθήματα.

²⁷) Contra Cels. III, 39. «Οὐδὲν νόθον καὶ κωβητικόν καὶ πεπλασμένον καὶ πανοργόν.

гена, повѣствуя о великомъ и славномъ въ жизни І. Христа, не умалчиваютъ и о томъ, что повидимому можетъ служить къ порицанію ихъ Божественнаго Учителя, откровенно говорятъ и о своихъ недостаткахъ и предосудительныхъ поступкахъ. „Ученики Іисуса легко могли бы скрыть то, за что теперь Его порицаютъ: стоило имъ только не упоминать о томъ въ своихъ писаніяхъ. И кто бы теперь могъ попрекать намъ тѣмъ, что говорилъ Іисусъ въ состояніи своего уничтоженія, еслибы не находилось того въ Евангеліяхъ ²⁸⁾! Они искренно сознаются, что І. Христосъ говорилъ имъ: вси вы соблазнитесь въ ночь сію (Мѡ. XXVI, 31), и на самомъ дѣлѣ сбылось Имъ предсказанное; что Онъ предвозвѣстилъ Петру: прежде даже алекторъ не возгласитъ, трикраты отвергнувшись Мене (тамже—84), и Петръ дѣйствительно это сдѣлалъ. Еслибы они не были правдивы и хотѣли обмануть міръ своими вымыслами: то они не произносили бы ни одного слова объ отреченіи Петра и о соблазнѣ, въ который впади они въ отношеніи къ І. Христу. Повидимому имъ даже надлежало бы умолчать, объ этихъ происшествіяхъ, такъ какъ при написаніи Евангелій они имѣли въ виду между прочимъ научить читателей презирать самую смерть за исповѣданіе имени Іисусова. Да и кто могъ бы доказать, что они были подвержены тѣмъ слабостямъ, еслибы сами не упомянули о нихъ? Но они знали, что сила Божественнаго Слова побѣдитъ сердца людей, и потому не усумнились рассказать о своихъ недостаткахъ, будучи твердо увѣрены, что это не послужитъ къ порицанію Христова ученія ²⁹⁾.

в) Важнѣйшее же доказательство правдивости апостоловъ заключается въ томъ, что они безбоязненно идутъ на всѣ страданія и терпятъ самую смерть за проповѣдуемое ими Евангеліе, въ чему не способны обманщики. „Несправедливо сомнѣваться, говорить Оригенъ, въ истинѣ того, что передали объ І. Христѣ приближенные къ Нему люди: ибо искренность свою и правдивость апостолы достаточно показали въ томъ, что они готовы были перенести все за ученіе Іисуса. Столь великое терпѣніе

²⁸⁾ Contra Cels. II, 26.

²⁹⁾ Contra Cels. II, 15. ст. 1, 63, гдѣ Оригенъ указываетъ на искренность апостоловъ въ словахъ Петра (Лук. V, 8) и Павла (I Тим. 1, 15).

и мужество, признававшее самую смерть, служить яснымъ свидѣтельствомъ того, что ученики Христовы были не изъ такихъ людей, которые бы разсказывали о своемъ учителѣ то, чего никогда не бывало. По крайней мѣрѣ добросовѣстный изслѣдователь легко увидитъ, что сами апостолы были вполне убѣждены въ истинѣ описанныхъ ими событій; ибо охотно подвергались столь многочисленнымъ и тяжкимъ страданіямъ и мученіямъ ради Того, Кого они признавали Сыномъ Божиимъ ⁴⁰⁾. Возможно ли, чтобы тѣ, которые были готовы истину исторіи Иисуса Христа подтвердить своею смертію, которые въ своихъ писаніяхъ не передали потомству ничего, въ чемъ сами не были вполне убѣждены, возможно ли, чтобы такіе люди за басни, за ложныя чудеса, за сонныя мечтанія, рѣшились терпѣть бѣдствія во всю жизнь и подвергнуться насильственной смерти ⁴¹⁾?

г) Чтобы освободить апостоловъ отъ всякаго подозрѣнія въ намѣренномъ обманѣ съ ихъ стороны, Оригенъ указываетъ и на то обстоятельство, что они, люди неученые и немысленные, не могли выдумать столь возвышеннаго и благотворнаго ученія, каковое они проповѣдывали, и что образъ ихъ повѣствованія, самый простой и безыскусственный, самъ по себѣ можетъ всего менѣе быть рассчитанъ на увлеченіе другихъ. „Незнакомые съ софистическими тонкостями и риторическими уловками, они, по нашему убѣжденію, говоритъ Оригенъ, не въ состояніи были вымыслить такого ученія, которое такъ могущественно располагаетъ къ вѣрѣ въ Него и къ исправленію жизни. Вѣроятно и Христосъ вознамѣрился употребить такихъ проповѣдниковъ для того, чтобы не было мѣста подозрѣнію, будто они пользовались софистическимъ искусствомъ; а съ другой стороны и для того, чтобы людямъ мыслящимъ было видно, что искренность писателей, соединенная съ такою простотою и безыскусственностію, была означена Божественною славою, которая несравненно превосходитъе всѣхъ тонкостей и украшеній еллиновихъ ⁴²⁾“.

⁴⁰⁾ Contra Cels. II, 10. см. III, 23.

⁴¹⁾ Contra Cels. III, 24.

⁴²⁾ Contra Cels. III, 39.

II.

Какъ бы введеніемъ въ рядъ доказательствъ Божественности Иисуса Христа и Его религіи служить *общій взглядъ* Оригена на характеръ, планъ и образъ дѣйствій Иисуса Христа, основателя христіанства. „Великое и славное отечество, знатное происхожденіе, знаменитость и богатство родителей, имѣющихъ возможность дать своимъ дѣтямъ воспитаніе: вотъ—что доставляетъ людямъ блескъ, славу и громкое имя! Но положимъ, что человекъ, лишенный всѣхъ этихъ преимуществъ, не смотря на всѣ препятствія и трудности, восходитъ на высоту, изумляетъ всѣхъ людей, слышащихъ о немъ, наполняетъ цѣлый міръ своею славою, такъ что повсюду о немъ разсказываютъ дивное, неслыханное: какъ не удивляться такой могучей природѣ, которая не только предприняла великія дѣла, но мужественно успѣла совершить ихъ! И при болѣе глубокомъ размысленіи не естественно ли придти къ вопросу: какъ же этотъ человекъ, рожденный и воспитанный въ бѣдности, необучавшійся никакимъ наукамъ и незнакомый съ искусствомъ увлекать и обольщать своихъ слушателей, какъ онъ осмѣлился проповѣдывать новое ученіе—такое, которое отмѣняетъ обряды Іудейскіе, не касаясь впрочемъ пророковъ, и разрушаетъ законы Еллиновъ касательно Богопочтенія,—и притомъ такъ, что не только простыхъ и неученыхъ, но не мало привлекъ къ себѣ и тѣхъ, кои одарены отличнымъ умомъ и способны были къ глубокимъ изслѣдованіямъ ⁴²⁾? Все это предпринялъ и совершилъ Иисусъ. Не какъ возмутитель, убѣждающій кого-либо отложиться съ нимъ отъ законовъ, и не какъ разбойникъ, вооружающій своихъ послѣдователей противъ людей, не какъ богачъ, привлекающій къ себѣ посредствомъ щедрыхъ даровъ, и вообще—не какими либо другимъ предосудительнымъ образомъ дѣйствовалъ, но какъ учитель, который преподаетъ ученіе о Всевышнемъ Богѣ, религію и нравственность, примиряющую съ Богомъ людей. Если внимательно разсмотрѣть всѣ эти обстоятельства,—какъ не удивиться, что I. Христось славою Своею побѣдилъ все, что могло служить

⁴²⁾ Contra Cels. 1, 29.

Ему къ безславію, и превзошелъ всѣхъ, которые когда-либо были знамениты ⁴³⁾).

Такия соображенія подтверждаются у Оригена чрезвычайными и сверхъестественными знаменіями, свидѣтельствующими о Божественномъ достоинствѣ и происхожденіи І. Христа и Его религіи. Этими знаменіями полна и исторія жизни І. Христа и исторія основаннаго имъ Христіанства; ими же запечатлѣно самое ученіе Христіанской вѣры.

Изъ всѣхъ доказательствъ Божественности І. Христа и Его религіи первое самое важное и употребительное у Оригена составляютъ *Ветхозавѣтныя о нѣхъ пророчества*. „Сильнѣйшее изъ доказательствъ, говорить, онъ, которыми подтверждается Божественное посольство І. Христа, состоитъ въ томъ, что пророки іудейскіе, жившіе прежде и послѣ Моисея предсказали о Его пришествіи ⁴⁴⁾. Пророчества сильны всякаго удостовѣрить особенно въ томъ, что относится къ І. Христу“ ⁴⁵⁾. Такой взглядъ на Ветхозавѣтныя пророчества въ отношеніи къ Божественности Спасителя не принадлежитъ одному Оригену, но составляетъ особенность всей древней христіанской апологетики. Еще св. Іустинъ называлъ ветхозавѣтныя пророчества доказательствомъ величайшимъ и истиннѣйшимъ ⁴⁶⁾, и раскрывалъ ихъ съ возможною полнотою во всѣхъ своихъ защительныхъ сочиненіяхъ; такую же важность въ ряду доказательствъ Божественности Христіанской религіи приписывали имъ и другіе апологеты первыхъ 3-хъ вѣковъ ⁴⁷⁾. Много можетъ быть причинъ, объясняющихъ преимущественное уваженіе древнихъ христіанскихъ писателей къ ветхозавѣтнымъ пророчествамъ ⁴⁸⁾. Но главная и

⁴³⁾ Contra Cels. 1, 30.

⁴⁴⁾ Contra Cels. Lib. 1. cap. 49.

⁴⁵⁾ Contra Cels. Lib. 1. cap. 2.

⁴⁶⁾ Apolog. 1. cap. 30. «μεγίστη καὶ ἀληθεστάτη ἀπόδειξις».

⁴⁷⁾ Athenagor. Leg. pro Christ. cap. 7 и 9. Theophil. ad Autolic 1, 14. Iren. advers. haeres. II, 32. Clement protrept. VIII, 77. Stromat. VI, 15. Tertull. apologet. cap. 20; Idoneum, opinor, testimonium divinitatis veritas divinationis is Cyprian. de idolorum vanitate cap. 7.

⁴⁸⁾ Такъ ссылаясь на Ветхозавѣтныя пророчества, древніе христіанскіе писатели а) слѣдовали примѣру І. Христа и апостоловъ, и б) имѣли въ виду частію показать связь религіи христіанской съ іудейскою и чрезъ то возвести первую

рѣшительная причина есть общее вѣрованіе въ непререкаемую силу и убѣдительность пророчествъ, вѣрованіе, по которому знаніе будущихъ событій случайныхъ, какъ существенная черта истиннаго пророчества, свойственно одному только Богу. „Собственный признакъ Божества, говоритъ Оригенъ, есть предвозвѣщеніе будущаго такого, которое недоступно человѣческому уму и въ своемъ событіи показываетъ, что оно возвѣщено Духомъ Божиимъ“ ⁴⁹). Посему—разсуждаетъ Оригенъ, когда мы видимъ, что всѣ дѣянія и обстоятельства жизни Іисуса вполне согласны съ предсказаніями, за нѣсколько столѣтій ясно изреченными Духомъ Божиимъ: то по справедливости должно признаться, что Онъ точно есть Тотъ, за кого выдавалъ Себя,—объявленный Мессія, Спаситель рода человѣческаго, воплотившійся Сынъ Божій ⁵⁰). Ибо пророки предсказали двоякое пришествіе Христа: первое—уничженное и соединенное съ человѣческими немощами для того, чтобы наставить людей на путь ведущій къ Богу; а другое—славное и божественное, въ которомъ къ Божеству не будетъ примѣшана никакая слабость человѣческая ⁵¹). А такъ какъ многіе изъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ уже исполнились, то должно вѣрить, продолжаетъ Оригенъ, и тому, что еще не сбылось, а имѣеть быть, полагаясь на слово пророковъ, или лучше, на слово Духа Божія, въ нихъ обитавшаго. Если Іисусъ согласно съ пророчествами явился въ состояніи униженномъ, то истинно и то, что предвозвѣщено о Его славномъ пришествіи ⁵²).

Имѣя въ виду такія соображенія, Оригенъ весьма часто употребляетъ пророчества въ доказательство Божественнаго посланничества І. Христа. Почти при каждомъ событіи изъ жизни Спасителя, которое подвергалось порицанію и осмѣянію Цельса, онъ указываетъ на согласіе его съ изреченіями пророковъ, и такимъ образомъ старается утвердить его печатію высшаго, божест-

въ глубочайшую древность, а частію—противопоставить ихъ высокочтимымъ оракуламъ языческимъ.

⁴⁹) Contra Cels. Lib. VI, cap. 10.

⁵⁰) Contra Cels. III, I. II, 37.

⁵¹) Contra Cels. I, 56.

⁵²) Contra Cels. IV, 21. Сп. 5 Iustin. Apolog. I. cap. 66.

вѣннаго авторитета. Казалось ли Цельсу соблазнительнымъ то, что Іудеи, хранившіе и другимъ возвѣщавшіе обѣтованія о Мессіи, не признали и отвергли Іисуса, — Оригенъ напоминаетъ, что это ожесточеніе Іудеевъ было предвозвѣщено пророкомъ. Исаія говоритъ: слухомъ услышите и не уразумѣете, и видяще узрите, и не увидите: одобелѣ бо сердце людей сихъ (Исаія VI, 9) ⁵³). Упрекалъ ли Цельсъ І. Христа за то, будто Онъ, не имѣя терпѣнія перенести жажду, вкусилъ желчи и оцта, — Оригенъ довольствуется отвѣтомъ, что это предсказано псалмопѣвцемъ. И даша въ снѣдъ мою желчь, и въ жажду мою напоиша мя оцта. (Пс. LXVIII, 22) ⁵⁴). Оспаривалъ ли Цельсъ значеніе чудесъ Спасителя, — опять Оригенъ ссылался на пророчество Исаія (XXXV, 5): тогда отверзутся очи слѣпыхъ и уши глухихъ услышатъ ⁵⁵). Впрочемъ приводитъ всѣ мѣста, въ коихъ Оригенъ пользуется ветхозавѣтными пророчествами, по ихъ многочисленности и общезвѣстности, были бы неудобно и излишне. Въ настоящемъ случаѣ довольно обратить вниманіе на то, какъ онъ изъясняетъ и прилагаетъ къ І. Христу важнѣйшія изъ пророчествъ.

Указывая на пророчество Іакова (Быт. XLIX, 10) о пришествіи Христа, Оригенъ говоритъ: „Добросовѣстный читатель сего предсказанія удивится, какимъ образомъ Іаковъ, сказавши, что изъ колѣна Іудина будутъ происходить правители народа, назначилъ и конецъ этой власти словами: не оскудѣетъ князь отъ Іуды, и вождь отъ чреслъ его, дондеже придутъ отложенная ему: и той чаяніе языковъ. Дѣйствительно, пришелъ Тотъ, кому отложено, помазанникъ Божій, слава обѣтованій Божіихъ. Онъ, т.-е. Іисусъ, одинъ изъ всѣхъ жившихъ до Него, и смѣло можно сказать, послѣ Него, съдвигая чаяніемъ языковъ. Ибо изъ всѣхъ народовъ есть утѣровавшіе чрезъ Него въ Бога, и народы положили свою надежду въ Его имени, сообразно съ словами Исаія (XLII, 4) ⁵⁶).

О предсказаніи Михея (V 2), что Христосъ имѣеть родиться

⁵³) Contra Cels. II, 8.

⁵⁴) Contra Cels. II, 37.

⁵⁵) Contra Cels. II, 48.

⁵⁶) Contra Cels. I, 53.

въ Вилеємѣ, Оригенъ говоритъ: архіереи и книжники народа (Иудейскаго) еще до пришествія Христова, на основаніи сего очевиднаго пророчества учили, что Онъ родится въ Вилеємѣ, какъ это видно изъ отвѣта ихъ на вопросъ Ирода (Мѡ. II, 5). Но этого ни въ кому нельзя приложить, кромѣ Іисуса. И если кто недовольствуясь исторіею Іисуса, написанною Его учениками въ Евангеліяхъ, захочетъ какъ-нибудь иначе убѣдиться въ томъ, что Іисусъ дѣйствительно родился въ Вилеємѣ; тотъ пусть вспомнитъ, что совершенно согласно съ Евангеліемъ сказаніемъ, доселѣ показываютъ Вилеємскую пещеру, гдѣ Онъ родился, и ясли, съ которыхъ оны были повиты: даже чуднымъ нашей вѣрѣ, живущимъ въ этихъ мѣстахъ, извѣстно, что въ этой пещерѣ родился чтимый христіанами Іисусъ⁴⁷⁾.

Смыслясь на пророчество Ісаіи (VII, 10 и сл.) о сверхъестественномъ рожденіи Мессіи отъ Дѣвы, Оригенъ старается защитить его истинный смыслъ отъ перетолкованій. „Нельзя думать говорить оны, чтобы здѣсь рѣчь шла о какой-либо молодой женщинѣ, а не о дѣвѣ въ собственномъ смыслѣ, потому что въ еврейскомъ подлинникѣ слова *alma*, которое 70 толковниковъ перевели словомъ дѣва (*παρθένος*), означаетъ собственно дѣву⁴⁸⁾. Тоже отърывается и изъ состава рѣчи. Господь сказалъ Царю Ахазу: проси себѣ знаменія отъ Господа Бога твоего во глубину или въ высоту. И вотъ даруемое знаменіе. Се дѣва во чревѣ будетъ имѣть и родить сына. А что за знаменіе, если не дѣва, но женщина родитъ младенца? И кому наиболѣе приличествуетъ родить Еммануила, т.-е. съ нами Богъ, — женщинѣ ли, познавшей мужа, или чистой и еще не прикосновенной дѣвѣ? Если же кто возразитъ, что Ахазу сказано было: проси себѣ знаменія отъ Господа Бога твоего; то спросимъ, кто во времена Ахаза родилъ сына, о которомъ можно было сказать: Еммануиль, т.-е. съ нами Богъ? Поелику никого такого не найдется, то очевидно, что тѣ слова относятся къ дому Давида; такъ какъ, по свидѣтель-

⁴⁷⁾ Contra Cels. I, 51.

⁴⁸⁾ При этомъ Оригенъ указываетъ на Второз. XXII, 23 и 25, гдѣ будто бы, какъ говорятъ (ὡς φασι), находится слово *alma* въ значеніи собственно дѣвы. Но въ указанномъ мѣстѣ по нижнему еврейскому тексту стоять не *alma*, а *bethula*.

ству писаній, Спаситель по плоти родился отъ сѣмени Давидова ⁵⁹⁾).

„Предсказано было, говорить Оригенъ, и страданіе І. Христа, равно какъ и то, что (многіе) изъ язычниковъ познають Его (Исаиі LII, 13—15. LIII, 1—8). Нѣкто изъ Іудеевъ утверждалъ, что здѣсь говорится о цѣломъ народѣ который былъ разсѣянъ и наказанъ для того, чтобы чрезъ это разсѣяніе между народами многіе обратились къ вѣрѣ въ Бога истиннаго. Но несправедливо предсказанное объ одномъ лицѣ относить къ цѣлому народу. Ибо спрашивается, кто же говорилъ это: сей грѣхъ наша носить, и о насъ болѣзнуеть, и: Той явленъ бысть за грѣхъ наша и мученъ бысть за беззаконія наша, и язвою Его мы вси исцѣлѣхомъ (LIII, 4—5)? Ясно, что у пророка, въ видѣніи своемъ, по вдохновенію отъ Духа Божія, олицетворившаго будущее, говорятъ это тѣ изъ Іудеевъ и язычниковъ, которые исцѣлены отъ грѣховъ Спасителемъ. Но особенно сильно противъ того изъясненія говорить заключеніе пророчества: ради беззаконій народа моего ведеса на смерть. Если прилагать это пророчество къ іудеямъ, то какимъ образомъ тотъ, о комъ говорить пророкъ, за беззаконія народа Божія ведется на смерть? Не должно ли здѣсь разумѣть лицо, отличное отъ народа Божія? А кто это, какъ не І. Христосъ, Котораго язвою исцѣлѣли мы, увѣровавшіе въ Него, и который совлекъ начала и власти, изведе въ позоръ дерзновеніемъ на древѣ (Колос. II, 15) ⁶⁰⁾?

Что касается важности ветхозавѣтныхъ пророчествъ, какъ доказательства Божественности І. Христа, то она сколько очевидна изъ самаго ихъ значенія и отношенія къ лицу Спасителя, столько же открывается, по мнѣнію Оригена, и изъ того, что множество Іудеевъ на основаніи ихъ увѣровали въ Іисуса, какъ обѣтованнаго Мессію. „Что Его пришествіе, говорить Оригенъ, за нѣсколько лѣтъ предвозвѣщено многими, это довольно ясно изъ того, что цѣлый народъ Іудейскій, жившій ожиданіемъ грядущаго (Мессіи), съ явленіемъ Іисуса раздѣлился на двѣ стороны: ибо весьма многіе исповѣдали Его Христомъ и увѣровали, что Онъ есть предсказанный ⁶¹⁾. Доказательную силу ветхоза-

⁵⁹⁾ Contra Cels. I, 34—35.

⁶⁰⁾ Contra Cels. I, 54—55.

⁶¹⁾ Contra Cels. III, 28.

вѣтнихъ пророчествъ, по замѣчанію Оригена, чувствовалъ и Цельсъ, когда желая ослабить ее, прибѣгъ къ несостоятельному и какъ бы вынужденному возраженію. Онъ говорилъ: „положимъ, что пророки предсказали о Высочайшемъ Богѣ, что онъ будетъ рабомъ, подвергнется болѣзни, или умереть: но должно ли вѣрить, что все это случится съ Богомъ, потому что предсказано?... Должно смотрѣть не на то, предсказано ли что, или нѣтъ, но хорошо ли то и достойно ли Бога“. Въ отвѣтъ на это Оригенъ говоритъ, что Цельсъ въ своемъ возраженіи выходитъ изъ таковаго начала, которое само по себѣ заключаетъ противорѣчіе, и приводя къ двумъ противоположнымъ слѣдствіямъ, тѣмъ самымъ обличаетъ свою ложность. „Если, говоритъ онъ, пророки предсказали о Высочайшемъ Богѣ, что Онъ будетъ въ рабствѣ, или въ болѣзни, или умереть, то это сбудется: ибо невозможно, чтобы лгали пророки Великаго Бога. Съ другой стороны, если пророки предсказали о Богѣ такія вещи, то это не сбудется: ибо, что невозможно по самой природѣ, то не истинно. Вотъ два, другъ другу противорѣчущія положенія. А когда изъ двухъ умозаключеній, предполагающихъ одно и то же основаніе, выходятъ противоположныя слѣдствія; то значить, должно самое основаніе или начало, на которомъ опираются тѣ умозаключенія. Таково и есть въ настоящемъ случаѣ положеніе, что истинные пророки предсказали рабство, болѣзнь и смерть Бога“⁶²). Показавши неосновательность Цельса въ исходной точкѣ его возраженія, Оригенъ старается опровергнуть его въ самомъ приложеніи, какое дѣлалъ изъ своего начала въ отношеніи къ ветхозавѣтнымъ пророчествамъ о Христвѣ. И вопервыхъ: „то, что предполагаетъ Цельсъ въ своемъ умозаключеніи, совсѣмъ нейдетъ къ предсказаніямъ объ Иисусѣ Христвѣ: пророки не сказали, что Богъ будетъ распятъ; но касательно Того, Кто имѣеть принять смерть, говорятъ: И видѣхомъ Его, и не имаше вида, ни доброты, но видъ его безчестенъ и умаленъ паче сыновъ человѣческихъ: чловѣкъ въ язвѣ сый и трудъ, и вѣдый терпѣти болѣзнь (Исаіа II, 2—3). Здѣсь они ясно показали, что страждущій по человѣчески будетъ чловѣкъ. И самъ І. Христосъ точно зная, что только чловѣкъ долженъ умереть,

⁶²) Contra Cels. VII, 14—15.

сказалъ къ злоумышлявшимъ на Него: нынѣ вы ищете Меня убити чловѣка, иже истину вамъ глаголахъ, юже слышахъ отъ Бога (Іоан. VIII 40). Если же въ этомъ чловѣкѣ было Божество именно Единородный Сынъ Божій, перворожденный вся твари, который сказалъ о Себѣ: Азъ есмь истина и животъ: то о Немъ и Его природѣ должно разсуждать совсѣмъ иначе, нежели какъ о чловѣческомъ ествѣ Иисуса (περί τοῦ ὁμοίου κατὰ τὸν ἴησοῦν ἀνθρώπου). Поэтому возраженіе Цельса было бы умѣстно только въ томъ случаѣ, еслибы мы говорили, что пророками предсказано, что умереть Богъ Слово, истина, жизнь: но этого не говоритъ никто даже изъ простыхъ христіанъ⁶³⁾. Далѣе, въ томъ, что предсказано пророками, нѣтъ ничего недостойнаго Бога. Они предвозвѣстили, что сіяніе и образъ Божественной природы, соединившись съ чловѣческимъ ествомъ, придетъ въ этотъ міръ для того, чтобы насадить въ немъ ученіе, которое примиряетъ съ Богомъ людей, его принимающихъ и сохраняющихъ въ своей душѣ, и приводитъ ихъ къ истинному блаженству. И такъ если смотрѣть на Иисуса въ отношеніи Его Божественнаго ества, то сдѣланное имъ свято и нисколько не противорѣчитъ нашему понятію о Божествѣ. Покоилу же Онъ былъ и чловѣкъ, то ничего нѣтъ въ томъ недѣлаго, что умеръ чловѣкъ, и Его смерть не только служитъ образцемъ смерти за благочестіе, но и причиною ниспроверженія ала и діавола, всю землю себѣ поработившаго⁶⁴⁾.

Послѣ ветхозавѣтныхъ пророчествъ, чудеса *І. Христа* служатъ важнѣйшимъ доказательствомъ Божественности Его религіи. Какъ очевидное, сверхестественное знаменіе того, что *І. Христоосъ* есть отъ Бога нисшедшій проповѣдникъ истины и спасенія, они съ самаго начала христіанской письменности. были приводимы апологетами въ подтвержденіе истинности и Божественнаго происхожденія новозавѣтнаго ученія. Начиная съ Контрата⁶⁵⁾ всѣ христіанскіе писатели, нагъ то: св. Іустинъ⁶⁶⁾ Тартулліанъ⁶⁷⁾

⁶³⁾ Contra Cels. VII, 16.

⁶⁴⁾ Contra Cels. VII, 17.

⁶⁵⁾ Евсевій въ Цер. Исторія (IV, 3) сохранилъ отрывокъ изъ апологіи Контрата.

⁶⁶⁾ Разговоръ съ Трифономъ. Apolog. I. cap. 30. Apolog. II, cap. 6.

⁶⁷⁾ Apologet. cap. 21. См. русскій переводъ Карнеева ч. 1. стр. 50.

св. Ипполитъ ⁶⁸⁾ и св. Киприанъ ⁶⁹⁾ и др. ⁷⁰⁾ ссылались на чудеса Иисуса Христа. Впрочемъ нельзя не замѣтить, что эти древнейшіе защитники св. Вѣры указывали на чудеса Христовы довольно рѣдко и какъ бы мимоходомъ, болѣе въ видѣ повѣствованія, нежели прямого доказательства Божественности І. Христа и Его ученія. Причины этого должно искать съ одной стороны въ главномъ намѣреніи апологетовъ, которое клонилось не столько къ полному и ученому раскрытію признаковъ Божественности христіанства, сколько къ защищенію христіанъ отъ несправедливыхъ обвиненій язычниковъ и оправданія св. Вѣры посредствомъ одушевленнаго изображенія догматовъ, нравовъ и учрежденій ея послѣдователей. Съ другой стороны, христіанскіе писатели не такъ часто приводили чудеса І. Христа въ доказательство Божественности Его религіи и потому, что въ ихъ время, особенно между язычниками, господствовала вѣра въ чудодѣйственную силу людей, посвященныхъ въ таинства магіи, или искусство по-вѣлѣвать духами, добрыми или злыми, и чрезъ ихъ содѣйствіе производить необыкновенное ⁷¹⁾. Посему апологеты не могли со всею силою доказывать чудесами Божественное посланничество І. Христа, когда еще не были показаны признаки, отличающіе истинныя чудеса отъ мнимыхъ чудесъ магіи. Эти признаки въ первый разъ выставилъ Оригенъ, и его заслуга, весьма важная для христіанской апологетики, состоитъ въ томъ, что онъ чудесамъ І. Христа сообщилъ всю силу и убѣдительность, какая справедливо принадлежитъ имъ въ ряду доказательствъ Божественности Его религіи.

⁶⁸⁾ Fabricii Hippolytus. Vol. I. pag. 268.

⁶⁹⁾ De idolorum vanitate cap. 13.

⁷⁰⁾ Сюда относятся: Мелитовъ (въ отрывкѣ, сохранявшемся у Анастасія Синаита, hodeg. cap. 13.) «Сочинитель Климентовыхъ бесѣдъ» (Clemen. hom. I, 6).

⁷¹⁾ Свидѣтельства о такой вѣрѣ въ магію можно находить у св. Іустина (Apolog. I. cap. 56), у Тертуліана (Apolog. cap. 28) и у св. Кипріана (De idolorum vanitate cap. 4). Въ сочиненіи Минуція Феликса (Octavius cap. 26) говорится: «Magi quoque non tantum sciunt daemones, sed etiam quidquid miraculi ludunt, per daemones faciunt: illis adspirantibus et infundentibus praestigias edunt, vel quae non sunt videri vel quae sunt non videri». (см. Clemen. protrept. IV, 58. Origen. contra Cels. VII, 6, 9).

Историческая истина чудесъ І. Христа была такъ общепризнана и неопровержима, что упорнѣйшій и отважнѣйшій врагъ христіанства находилъ невозможнымъ совершенно отвергнуть ихъ. Не смотря на то, Оригенъ не оставилъ безъ подтвержденія и дѣйствительность Евангельскихъ чудесъ. Кромѣ того, что въ ней не позволяетъ сомнѣваться извѣстная ⁷²⁾ достовѣрность апостоловъ, которая по замѣчанію Оригена между прочимъ отрывается и въ томъ, что они упоминаютъ о весьма немногихъ воскрешенныхъ изъ мертвыхъ Іисусомъ Христомъ ⁷³⁾; признать дѣйствительность Евангельскихъ чудесъ необходимо заставляють алѣды чудесной силы, доселѣ сохраняющіеся между живущими по закону христіанскаго ученія ⁷⁴⁾. Къ тому же убѣжденію приводитъ и необыкновенный успѣхъ проповѣди апостоловъ, котораго нельзя объяснить безъ чудесъ, совершенныхъ ими во имя Христова. „Если, говоритъ Оригенъ, размыслить объ основаніи первыхъ христіанскихъ церквей: то вѣроятно ли, чтобы апостолы Іисусовы, люди простые и неученые, проповѣдуя Евангеліе, могли полагаться на что-либо иное, а не на сообщенную имъ силу свыше? Да и слушатели могли ли отстать отъ протеческихъ и съ лѣтами укоренившихся обычаевъ, если бы чудеса не увлекали ихъ къ тому ученію, которое такъ противоположно прежде усвоенному имъ?“ ⁷⁵⁾.

Но такъ какъ Цельсъ главнымъ образомъ старался затмить чистоту и величіе силы, которою совершены были чудеса Евангельскія, и тѣмъ подорвать доказательную силу ихъ въ пользу Божественности І. Христа: то Оригенъ 1) старается показать, что ложныя чудеса не исключаютъ бытія истинныхъ и не опровергаютъ Божественнаго значенія ихъ. „Гдѣ какое-нибудь зло является подъ видомъ добра, тамъ необходимо должно находиться и противоположное ему добро. Равнымъ образомъ, если что-либо совершается посредствомъ волхвованія (γοητείας), то оно же можетъ быть произведено и дѣйствіемъ Божественнымъ. Одно необходимо предполагается другимъ: надо или отвергнуть то и

⁷²⁾ См. выше, о достовѣрности Евангельской исторіи.

⁷³⁾ Contra Cels. II, 48.

⁷⁴⁾ Contra Cels. I, 2.

⁷⁵⁾ Contra Cels. VIII, 47.

другое, и утверждать, что въ мірѣ не бываетъ ни добра, ни зла, или же допустивши, что одно изъ двухъ, особенно зло, существуетъ, необходимо признать бытіе добра. Ужели справедливо думать, что демоны совершаютъ чудеса посредствомъ волхвования и отрицать ее у Божественнаго могущества? не похоже ли на то, какъ если бы кто допуская умозаключенія ложныя, но имѣющія видъ истины, сталъ утверждать, что у людей нѣтъ истины и нѣтъ діалектики, чуждой софизмовъ⁷⁶⁾? Посему, говорить Оригенъ, надо тщательно разсматривать жизнь и нравы людей, хвалящихся чудесами, надо изслѣдовать намѣренія и слѣдствія ихъ чудесъ, т.-е, служатъ ли они ко вреду людей, или къ ихъ исправленію⁷⁷⁾. Такимъ образомъ, и при существованіи ложныхъ чудесъ, не должно по мнѣнію Оригена отвергать важность и силу чудесъ истинныхъ: необходимо только различать ихъ.

2) Что касается до признаковъ истинныхъ чудесъ, то Оригенъ утверждалъ, что изъ нравственнаго характера, ученія и намѣренія чудотворца должно заключать о томъ, силою ли Божію творитъ онъ необыкновенныя дѣла, или посредствомъ волхвования. „Я не вижу, говоритъ онъ, чтобы какой-либо волхвъ старался преподавать такое ученіе, которое заповѣдуетъ людямъ такъ поступать, чтобы они могли дать Богу отчетъ за каждое свое дѣйствіе⁷⁸⁾. Ни одинъ волхвъ своими дѣлами не побуждаетъ зрителей къ улучшенію ихъ нравовъ, не ведетъ ихъ къ страху Божію; онъ не старается убѣдить ихъ, чтобы они жили, какъ люди, которые должны нѣкогда дать Богу отчетъ за свое поведеніе. Волхвы не заботятся объ этомъ потому, что или не могутъ, или не имѣютъ желанія улучшать людей, такъ какъ они сами исполнены гнусными и отвратительными пороками. Но нашъ Іисусъ для того и творилъ чудеса, чтобы тѣхъ, которые видѣли ихъ, очистить и расположить къ благочестію. И кто осмѣлится отвергать, что Онъ далъ въ Себѣ образецъ самой праведной и добродѣтельной жизни, какъ для своихъ собственныхъ такъ

⁷⁶⁾ Contra Cels. II, 57.

⁷⁷⁾ Contra Cels. II, 51.

⁷⁸⁾ Contra Cels. I, 38.

называемыхъ учениковъ, такъ и для всѣхъ прочихъ людей⁷⁹⁾? Истинныя чудеса, говоритъ Оригенъ въ другомъ мѣстѣ⁸⁰⁾, суть тѣ, для которыхъ можно представить важныя основанія, почему они совершаются, и изъ коихъ пронстекаетъ дѣйствительная польза для человѣческаго рода. Такъ чудеса, о которыхъ разсказываютъ христіане, имѣютъ ту важную цѣль въ планахъ премудраго Промысла, чтобы утвердить спасительное для людей ученіе Іисуса. Но какое бы намѣреніе могло имѣть Провидѣніе при такихъ чудесныхъ знаменіяхъ, каковы напр. приписываются Прокопнесскому Аристею и другимъ героямъ языческой древности?⁸¹⁾ Равнымъ образомъ не могутъ сравниваться чудеса Спасителя съ тѣми, кои по предсказанію Его самаго (Мѣ. VII, 22. XXIV, 23. Лук. XIII, 26), совершаютъ лжемесіи, лжепророки и даже антихристъ. Ибо І. Христосъ не говорилъ того, что другіе будутъ производить такія же чудеса, какія Онъ творитъ. Онъ сказалъ только, что явятся нѣкогда ложные месіи, которые будутъ творить чудеса, подобныя Его чудесамъ⁸²⁾. Но сколько мало похожа на дивную благодать, дѣйствовавшую въ Моисей, сила египетскихъ волшебниковъ: столь же мало будутъ походить и чудеса антихриста и ложныхъ пророковъ на чудеса Христовы. И какъ тамъ конецъ показавъ, что чудеса египетскія были только дѣйствія волшебства: такъ и здѣсь сами послѣдствія скажутъ, что чудеса антихристовъ и ложныхъ пророковъ суть знаменія и чудеса ложныя, которыя во всякой лъсти неправды имѣютъ силу только въ погибающихъ (2 Сол. II, 9—10). Плодъ же чудесъ І. Христа не обольщеніе, но спасеніе душъ. Ибо кто скажетъ, чтобы отъ обольщенія происходило нравственное улучшеніе жизни и ежедневное уменьшеніе зла⁸³⁾?

¶ Наконецъ, когда были показаны признаки истинныхъ чудесъ въ отличіе отъ ложныхъ, тогда и чудеса Спасителя могли получить надлежащее мѣсто въ христіанской апологетикѣ. Дѣйствительно, мы видимъ, что Оригенъ часто указываетъ на нихъ

⁷⁹⁾ Contra Cels. I, 28.

⁸⁰⁾ Contra Cels. III, 28.

⁸¹⁾ Contra Cels. III, 24.

⁸²⁾ Contra Cels. II, 49, 50.

⁸³⁾ Contra Cels. II, 50.

именно съ цѣлю доказать Божественность І. Христа и Его религіи. Онъ называетъ ихъ сильнѣйшимъ и убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ, доказательствомъ Божественнымъ, которое превосходитъ діалектики грековъ ⁸⁴⁾. Такая важность чудесъ Спасителя, опредѣляемая изъ самаго существа ихъ, получаетъ еще большее значеніе отъ того, что они были предсказаны на нѣсколько столѣтій св. пророками. „Что Іисусъ исцѣлялъ хромыхъ и слѣпыхъ, и чрезъ то показалъ въ Себѣ Мессію и Сына Божія,—ясно подтверждается тѣмъ, что написано въ пророчествахъ: тогда отверзутся очи слѣпыхъ и уши глухихъ услышатъ, тогда скочитъ хромый яко елень. (Исаіа XXXV, 5—6)“ ⁸⁵⁾.

Пророчества І. Христа издревле составляють въ христіанской апологетикѣ другое сверхъестественное знаменіе Его Божественнаго достоинства. Впрочемъ у предшествующихъ Оригену писателей они упоминаются довольно рѣдко и безъ особеннаго значенія въ дѣлѣ защищенія христіанской религіи. Такъ у св. Іустина ⁸⁶⁾ и Тертуліана ⁸⁷⁾ находятся указанія на нѣкоторыя пророчества Христовы, но безъ надлежащаго раскрытія ихъ силы и важности. Неоравненно замѣчательнѣе мысли Оригена относительно этого предмета. Указывая на слова Спасителя: жатва многа, дѣлателей же мало (Мѡ. IX, 37), онъ говоритъ. „Я хочу привести это мѣсто для того, чтобы показать, что Спаситель нашъ напередъ зналъ и судьбу своего Евангелія и въ томъ открывається Его Божественность“ ⁸⁸⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ гораздо подробнѣе раскрываетъ доказательство Божественности Христа, основанное на Его пророчествахъ, на тѣхъ предсказаніяхъ І. Христа, которыя исполнились еще при жизни Его. Оригенъ обращаетъ особенное вниманіе на пророчества, относив-

⁸⁴⁾ Contra Cels. I, 2.

⁸⁵⁾ Contra Cels. II, 48.

⁸⁶⁾ Apolog. I. cap. 14. Св. Іустинъ упоминаетъ только, что І. Христосъ предсказалъ о гоненіяхъ, угрожающихъ Его послѣдователямъ. Сн. Dial. cum Tryph. cap. 35. Apolog. I, 12.

⁸⁷⁾ Тертуліанъ (Apolog. cap. 21) говоритъ: »praedixerat et ipse (Christus) ita facturos; parum hoc, si non et prophetae retro». Сн. Cyprian de idolorum vanitate cap. 13.

⁸⁸⁾ Contra Cels. I, 62: «Αὐτῷ χρῆσθαι παριστάς καὶ τὴν τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν περὶ τῆς τοῦ εὐαγγελίου κηρύξεως πρόγνωσιν θεούτητα δηλουμένην».

шіяся къ судьбѣ Его послѣдователей, Его ученія и народа Іудейскаго. „Спаситель нашъ предсказалъ многое, что случилось съ христіанами въ послѣдующія времена. Кто напр. не подивится Его пророчеству: предъ владыки же и цари ведени будете Мене ради во свидѣтельство имъ и языкомъ (Мѣ. X, 18), равно какъ и другимъ подобнымъ предсказаніямъ, въ коихъ Онъ предвозвѣстилъ, что Его ученики будутъ терпѣть гоненія? Было ли между людьми какое-либо ученіе, за которое бы наказывались и его послѣдователи? Враги І. Христа скажутъ, что онъ, сознавая ложность и нечестивость своего ученія, могъ навѣрное предугадывать и участь его проповѣдниковъ. Но если кто за свое ученіе заслуживалъ быть веденнымъ предъ князей и владыкъ, то скорѣе всего Епикурейцы, отвергающіе Божественный промыслъ, и ученики Аристотеля, которые учатъ, что ни молитвы ни жертвы богамъ не полезны. И однакожь этого съ ними не случилось. Одни только христіане, согласно съ предсказаніемъ Христа, до послѣдняго издыханія подвергаются истязаніямъ отъ судей для того, чтобы отказались отъ своей религіи, и совершивъ обычныя жертвы и вѣтвы, получали свободу.—Кто не удивится также, если перенесется мыслію въ то время, когда І. Христосъ училъ, и возвѣщалъ, что проповѣдуется сіе Евангеліе во всемъ мірѣ во свидѣтельство имъ (царямъ) и языкамъ (Мѣ. XXIV, 14), и потомъ увидитъ, что Евангеліе дѣйствительно проповѣдано по всей землѣ грекамъ и варварамъ, ученымъ и неученымъ?... Наконецъ, какимъ образомъ І. Христосъ предсказалъ несчастіе, которое имѣло прійти на Іерусалимъ отъ оружія римлянъ, и предсказалъ въ то время, когда городъ этотъ былъ еще въ цвѣтущемъ остояніи, и Іудеи безпрепятственно отправляли въ немъ свое богослуженіе? Егда же узрите обстоимъ Іерусалимъ вои, тогда разумѣйте, яко приближися заупустѣніе ему (Лук. XXI, 20): говорилъ Господь, когда Іерусалимъ не былъ еще окруженъ или осажденъ войскомъ. Римляне только при импер. Неронѣ начали осаду этого города, и завоеваніе его продолжалось до царствованія Веспасіана, сынъ котораго разрушилъ Іерусалимъ до основанія ⁸⁹⁾. Такимъ образомъ, Ори-

⁸⁹⁾ Contra Cels. II, 13.

генъ первый ясно высказалъ мысль о пророчествахъ І. Христа какъ доказательствѣ Его Божественности, и старался раскрыть ихъ силу и употребленіе въ христіанской апологетикѣ.

III.

Божественное достоинство христіанской религіи доказывается не только изъ жизни І. Христа, но и изъ исторіи основаннаго имъ ученія и общества. „Чудныя дѣйствія Спасителя, говоритъ Оригенъ, совершались не только въ то время, когда Онъ, облеченный плотію, жилъ на землѣ вмѣстѣ съ людьми, но могущество Его и доселѣ производитъ исправленіе и усовершеніе въ тѣхъ, кто чрезъ Него вѣрують въ Бога. Ибо какъ Онъ Самъ сказалъ и какъ изъ опыта видно, очень мало дѣлателей, занимающихся жатвою душъ, и однакожъ такъ велика жатва и столько душъ приводятся въ житницы Божіи, т.-е. въ церкви“⁹⁰). Этими словами Оригенъ даетъ разумѣть, что Божественность І. Христа и Его религіи ясно открывается, когда посмотримъ 1) на первыхъ проповѣдниковъ христіанства—св. апостоловъ и 2) на его быстрое и побѣдоносное распространеніе. Кроме того, въ другихъ мѣстахъ⁹¹) Оригенъ въ подтвержденіе Божественнаго величія христіанской религіи указываетъ 3) на чудеса въ церкви христовой, 4) на бѣдственную судьбу народа іудейскаго и 5) на нѣкоторыя чрезвычайныя явленія въ исторіи борьбы христіанства съ язычествомъ.

1) Обращая вниманіе на св. апостоловъ, первыхъ проповѣдниковъ христіанства, Оригенъ выставляетъ особенно то, что они были люди неученые и простые, которые не могли дѣйствовать ни доводами ума, ни искусствомъ слова и однакожъ

а) они съ неустрашимымъ мужествомъ проповѣдуютъ ученіе І. Христа, не смотря на всеугрожающія имъ опасности: какъ не придти къ мысли, что и въ самихъ апостолахъ и въ ученіи, ими усвоенномъ, присутствовала высшая Божественная сила, которая проникла ихъ и воодушевила небоязненно возвѣщать

⁹⁰) Contra Cels. I, 43.

⁹¹) Они указаны бѣдутъ ниже.

другимъ слово Евангельское?... Удивительно, говорятъ Оригенъ, откуда пришло на умъ ученикамъ Иисусовымъ, не страшась злосчастной судьбы, постигшей ихъ Учителя, безобязанно идти на опасности, оставить отечество для того, чтобы проповѣдать преподанное имъ ученіе. Ибо никто, я думаю, безпристрастно разсуждающій объ этомъ дѣлѣ, не скажетъ, чтобы они ради ученія Иисуса избрали такую тревожную жизнь, еслибъ Онъ не произвелъ въ нихъ сильнаго убѣжденія самими жить по Его правиламъ и другихъ располагать къ нимъ—особенно, когда по обыкновенному порядку вещей, горькая участь ожидаетъ всякаго, кто рѣшается ввести нѣчто новое, и вооружить противъ себя людей, привязанныхъ къ старымъ понятіямъ и обычаямъ. Не видѣли ль все это ученики Иисуса, когда осмѣлились не только іудеевъ убѣдить, что Онъ есть предсказанный пророками, но и прочимъ народамъ доказать, что недавно распятый добровольно принялъ эту смерть за родъ человѣческій? Но проникнутые ученіемъ Иисуса, и будучи исполнены силою, какую вложила въ нихъ не поэтическая дѣва (Минерва), но истинная Мудрость Божія, поспѣшили предъ всѣми, и Еллинами и варварами, явить свое мужество²³⁾. Сверхъ того, спрашиваетъ Оригенъ, ученики Господа дѣйствовали на своихъ слушателей чудесами, или безъ чудесъ? Говорить, что они не творили чудесъ, и однакожъ, чуждые словеснаго искусства и Еллинской мудрости, рѣшились объявить новое ученіе вездѣ, куда ни придуть,—это совершенная негѣпость. Откуда у нихъ такая смѣлость проповѣдывать христіанскую вѣру?... Если же они творили чудеса, то вѣроятно ли, чтобы волхвы подвергли себя такимъ опасностямъ для того, чтобы распространять такое ученіе, которое запрещаетъ волшебство²⁴⁾.

б) Съ другой стороны, слово апостоловъ, чуждое пособій человѣческой мудрости и искусства, оказываетъ чудное дѣйствіе, производитъ могущественное вліяніе на удучшеніе нравовъ людей, быстро распространяется въ міръ и привлекаетъ ко Христу безчисленное множество послѣдователей: опять невольно рождается мысль, что въ ученіи ихъ заключается Божествен-

²³⁾ Contra Cels. I, 31.

²⁴⁾ Contra Cels. I, 38.

ная сила, и сами проповѣдники облечены силою свыше. „Когда мы видимъ, говоритъ Оригенъ, что тѣ рѣчи, которыя Цельсъ называетъ идиотскими, исполнены силою, подобно какимъ-то чарамъ, видимъ, что они множество людей отъ развратной жизни обращаютъ къ воздержанію, отъ неправды къ добродѣтели и отъ робости къ такому мужеству, что за благочестіе (христианскую религію) ни во что ставятъ самую смерть: какъ не удивляться такой необыкновенной силѣ слова? Ибо слово тѣхъ, которые положили начало нашему ученію и потрудились въ устроеніи Божіихъ мерзвей, ихъ проповѣдь имѣла силу убѣждать, но не такую, какая свойственна преподавателямъ Платоновой мудрости, или другой какой, ничего не могущимъ сверхъ силъ человѣческой природы. Но доказательства, которыми пользовались апостолы, даны имъ отъ Бога и убѣдительною своею обязаны духу и силѣ. Посему-то быстро и скоро разнеслось по всему міру слово ихъ, или лучше, Слово Божіе, чрезъ нихъ дѣйствовавшее къ исправленію и преобразованію по закону Божію такихъ людей, которые свыслись и какъ бы сроднились съ грѣхомъ, которыхъ не могли измѣнить никакія наказанія человѣческія⁹⁵⁾. Кто внимательно и добросовѣстно будетъ разсматривать исторію апостоловъ I. Христа, тотъ не можетъ отвергнуть того, что они не иначе, какъ вспомошествоваемые силою Божіею, могли такъ успѣшно проповѣдать въ мірѣ христианское ученіе и покорить людей Словоу Божію. Ибо они искусствомъ діалектики или риторики Еллиновъ не могли увлекать сердца своихъ слушателей. И еслибы Иисусъ въ проповѣдники своего ученія избралъ такихъ людей, которые славились своею мудростію и могли понравиться простымъ людямъ, или остроуміемъ или краснорѣчіемъ: то, мнѣ кажется, справедливо можно было бы подозрѣвать, что Онъ въ этомъ дѣлѣ поступилъ подобно философамъ, основавшимъ извѣстныя секты; не исполнилось бы тогда обѣтованіе о томъ, что Его ученіе Божественно. Ибо Его слово и Его проповѣдь имѣли бы своимъ пособіемъ ту мудрость, которая привлекаетъ красивымъ наборомъ словъ. И наша вѣра, такъ же какъ вѣра въ ученіе мудрецовъ сего

⁹⁵⁾ Contra Cels. I, 82.

міра, утверждалась бы на мудрости человѣческой, а не на силѣ Божіей. Но теперь, когда мы видимъ, что рыбаки и мытари, нисколько не изучившіе даже первыхъ основаній науки (такъ они изображаютъ себя въ Евангельской исторіи, и Цельсь конечно не сомнѣвается въ истинѣ ихъ словъ, когда они говорятъ о своей неучености), эти люди, одушевляемые вѣрою въ Иисуса, не только мужественно борются съ іудеями, но и другимъ народамъ съ великимъ успѣхомъ проповѣдуютъ свое ученіе, то мы принуждены спросить, откуда у этихъ людей такая простая, чрезвычайная сила убѣждать людей? И необходимо надо сознаться, что Иисусъ сверхъестественною силою исполнилъ на своихъ апостолахъ то, что Онъ обѣщалъ, говоря: Грядите по Мнѣ, и сотворю васъ ловцы чловѣкомъ (Мѣ. IV, 19) ⁸⁶).

Такимъ образомъ Оригенъ не только признаетъ апостоловъ Богодухновенными и облеченными силою свыше, но и находитъ основаніе заключать къ Божественному полномочію сихъ благовѣстниковъ Христовыхъ частію въ ихъ необыкновенномъ мужествѣ, частію въ удивительномъ успѣхѣ ихъ проповѣди. И на это онъ первый обращаетъ надлежащее вниманіе: между тѣмъ другіе защитники вѣры, большею частію подробно говоря о достоинствѣ ветхозавѣтныхъ пророковъ, касательно апостоловъ ограничиваются общими выраженіями о ихъ Богопросвѣщенности и обиліи духовныхъ даровъ, ихъ украсившихъ ⁸⁷).

2) Особеннымъ доказательствомъ Божественности христіанства служить его *быстрое* и побѣдоносное *распространеніе*. Дивная сила новой вѣры, не смотря на великія и многоразличныя препятствія, въ короткое время пріобрѣтшей повсюду безчисленное множество послѣдователей, не могла не обратить на себя вниманіе всякаго размышляющаго при свѣтѣ вѣры въ Бо-

⁸⁶) Contra Cels. I, 62.

⁸⁷) Такъ напр. св. Іустинъ говоритъ, что апостолы, неученые и некраснорѣчивые, но поддержаемые силою Божіею, возвѣстали всему роду чловѣческому, что они посланы отъ Христа научить всѣхъ Божественному разуму (Аполог. I. сар. 39. сн. I, 50.). Тертуліанъ приписываетъ имъ однимъ Духа Святаго, котораго они имѣли и въ дарѣ пророчествъ и въ чудесахъ и въ знаменіи языковъ—не отчасти, какъ другіе (De exhort. cast. сар. 4. См. также у Климента александрійскаго. Stromat. IV, 21, 135).

жіе провидѣніе. И на нее часто и съ силою указывали апологеты II и III вѣковъ, христіане, дотогѣ скрывавшіеся или извѣстные язычникамъ подъ видомъ одной изъ сектъ іудейской религіи, мало-по-малу открыто выступили, какъ отдѣльное, самостоятельное общество во всей изумительной многочисленности своей. Между тѣмъ, какъ нѣкоторые изъ древнихъ христіанскихъ писателей ⁹⁸⁾ оставили свидѣтельства о необыкновенномъ распространеніи христіанства, Климентъ александрійскій вмѣстѣ съ тѣмъ приписываетъ это Божественному дѣйствию ⁹⁹⁾. Оригенъ особенно часто и обстоятельно говоритъ о быстрыхъ успѣхахъ христіанской вѣры, какъ признавъ ее Божественнаго происхожденія. „Рѣшившись распространить въ мірѣ свое ученіе, могли Іисусъ, спрашиваетъ Оригенъ, безъ особенной помощи Божіей, въ столь немногіе годы привлечь къ нему немалое число еллиновъ и варваровъ, ученыхъ и неученыхъ, и такъ убѣдить ихъ, что они готовы скорѣе страдать до смерти за христіанство, нежели отказаться отъ сего ученія? Слышано ли было это о другой какой-либо религіи и ученія“ ¹⁰⁰⁾? Напрасно враги христіанства вмѣстѣ съ Цельсомъ стараются унижить его тѣмъ, что будто бы въ числѣ послѣдователей Христа находились все люди необразованные, изъ низкаго состоянія. Нѣтъ ни одного сословія, свидѣтельствуешь Оригенъ, надъ которымъ бы проповѣдь Евангельская не оказала своей силы; нѣтъ ни одного состоянія въ мірѣ, которое бы не покорилось ученію Іисусову ¹⁰¹⁾. Въ числѣ принимающихъ христіанское ученіе находятся люди богатые, высокіе по достоинствамъ и одаренные отличнымъ умомъ, также знатныя и благородныя женщины ¹⁰²⁾. А какъ вездѣ бываетъ болѣе людей простыхъ и необразованныхъ, нежели ученыхъ и остроумныхъ: то необходимо въ великомъ множествѣ покорившихся ученію Христову преобладаетъ количество людей перваго рода. Такіе успѣхи христіанства тѣмъ удивительнѣе, что соеди-

⁹⁸⁾ Какъ то: св. Іустинъ (Dialog. cum Tryph. cap. 117). Иринеи (contra haereses lib I, cap. 10. n. 2) и Тертуліанъ. (Apolog. cap. 3 и 37).

⁹⁹⁾ Cohort. ad gentes cap. 10. см. Strom. VI, 12.

¹⁰⁰⁾ Contra Cels. I, 22.

¹⁰¹⁾ Contra Cels. II, 12.

¹⁰²⁾ Contra Cels. I, 27.

нены были съ необыкновенною переменною правовъ людей и на пути своемъ встрѣтили вѣщія, неодолимыя для человѣка препятствія. „Не много нужно размышлять, говоритъ Оригенъ, для того, чтобы понять, что Іисусъ предпринялъ дѣло, превышающее силы человѣческія, и не только предпринялъ, но и совершилъ. Съ самаго начала, лишь только сдѣлалось известнымъ Его ученіе, все возстало противъ Него, и старалось противодействовать его распространенію въ міръ. Императоры, военачальники, правители городовъ, воины, простой народъ, словомъ — все, что только имѣло какую-либо власть. Но Іисусъ все преодолѣлъ. Его ученіе, какъ Слово Божіе, не могло быть подавлено, и восторжествовало надъ столькими врагами. Оно побѣдило не только всю Элладу, но и большую часть варварскихъ народовъ, и привлекло безчисленныя души къ истинному Богопочтенію ¹⁰³⁾. Какимъ образомъ, говоритъ Оригенъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁰⁴⁾, человѣкъ, не имѣвшій въ себѣ ничего сверхъестественнаго, могъ измѣнить такое множество людей, не только образованныхъ, что еще неудивительно, но и неразумныхъ, преданныхъ страстямъ, которыхъ еще труднѣе обратить къ цѣлостной жизни, потому что не внимаютъ разуму? Но такъ какъ Іисусъ есть сила Божія, мудрость Отца, то Онъ все это сдѣлалъ и еще дѣлаетъ, не смотря на то, что Ему противодействуютъ іудеи и еллины, не вѣрующіе Его ученію“.

Наконецъ, чтобы дать болѣе силы доказательству, основанному на распространеніи христіанства, Оригенъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что дѣло тѣхъ, кои выдавали себя за Мессію, какъ то: Ѳевды, Іуды и Досисея, вмѣстѣ съ ними пало и разрушилось: между тѣмъ какъ христіанство, и по смерти своего Основателя, существуетъ и болѣе и болѣе распространяется. „Еще прежде рожденія Іисуса былъ у іудеевъ нѣкто Ѳевда, который выдавалъ себя за великаго человѣка; но какъ только онъ умеръ, разсѣялись и тѣ, кои были имъ обольщены. Послѣ него, во время переписи, когда родился Іисусъ, Іуда Галилеянинъ многихъ изъ народа іудейскаго привлечь къ себѣ своею мнимую мудростію и новостію своего предпріятія. Но

¹⁰³⁾ Contra Cels. I, 27.

¹⁰⁴⁾ Contra Cels. II, 79.

когда онъ былъ наказанъ за свои преступленія: то и его ученіе исчезло, по крайней мѣрѣ оно осталось только у весьма немногихъ и незначительныхъ людей. Послѣ времени Иисуса, самарянннхъ Досеѣей оемѣлился убѣдить своихъ соотечественниковъ, что онъ есть Мессія, предсказанный Моисеемъ, и кажется, привлечь нѣкоторыхъ къ своему ученію. Но чтобы показать, что всѣ эти люди были чужды обѣтованія, не были сыны Бога, а что напротивъ нашъ І. Христосъ поистинѣ есть Сынъ Божій, должно вспомнить мудрое изреченіе Гамалила: „если это предпріятіе и дѣло отъ человѣковъ, то оно разрушится. (Такъ дѣйствительно предпріятія тѣхъ людей съ ними умерли и уничтожились); а если отъ Бога, то вы не можете разрушить его (Дѣян. V, 38—39), что ясно обнаруживается на ученіи и обществѣ послѣдователей І. Христа ¹⁰⁵⁾).

3) *Чрезвычайные дары Св. Духа*, какъ свидѣтельство о Божественномъ величіи христіанской религіи, украшали церковь не только при апостолахъ, но и послѣ нихъ. Почти всѣ апологеты первыхъ трехъ вѣновъ, св. Іустинъ ¹⁰⁶⁾ св. Иринеи ¹⁰⁷⁾ Тертуліанъ ¹⁰⁸⁾ Минуцій Феликсъ ¹⁰⁹⁾ и св. Клиріанъ ¹¹⁰⁾ въ доказательство Божественности христіанства ссылались на чудеса, кои непрерывно отъ апостоловъ продолжались среди христіанъ и состояли въ изгнаніи злыхъ духовъ, исцѣленіи разныхъ болѣзней и прозрѣніи въ будущее. Оригенъ неоднократно свидѣтельствуешь о нихъ въ сочиненіи противъ Цельса и видитъ въ нихъ печать Божественности ученія І. Христа. „И доннѣ, говорить онъ, у христіанъ сохраняются слѣды Св. Духа, Который явился въ видѣ голубя, ибо христіане демоновъ изгоняють, исцѣленія совершаютъ, и по волѣ Слова прозирають въ будущее“ ¹¹¹⁾. И теперь имя Иисуса возстановляетъ разстроенныя души, прогоняетъ демоновъ, исцѣляетъ болѣзни и вселяетъ дивную ти-

¹⁰⁵⁾ Contra Cels. I, 57.

¹⁰⁶⁾ Разговоръ съ Трифономъ

¹⁰⁷⁾ Advers Haeres. Lib II, cap. 31, 32.

¹⁰⁸⁾ De praescript. advers. haeret. cap. IV. Apolog. cap. 23.

¹⁰⁹⁾ Octavius cap. 27.

¹¹⁰⁾ De idolol. vanitate cap. 4. Ad Demetrian. XV.

¹¹¹⁾ Contra Cels. I, 46.

шину въ сердца истинно вѣрующихъ въ Него¹¹²⁾. Въ другомъ мѣстѣ¹¹³⁾ дѣйствительность чудесъ Христовыхъ Оригенъ доказываетъ изъ чудесныхъ дарованій, еще существующихъ въ церкви. Онъ увѣряетъ, что самъ видѣлъ многихъ, кои были исцѣлены христіанами отъ разстройства ума и другихъ болѣзней¹¹⁴⁾. „Нѣкоторые изъ исповѣдающихъ Иисуса являютъ надъ тѣми, которыхъ исцѣляютъ, знаменіе того, что они чрезъ эту вѣру получили какую-то чудную силу: ибо на требующихъ исцѣленія они ничего не призываютъ, кромѣ высочайшаго Бога или имени Иисуса вмѣстѣ съ Его исторіею. Такимъ образомъ я самъ видѣлъ, что многіе были освобождены отъ тяжкихъ страданій, отъ умопомѣшательства, и другихъ безчисленныхъ болѣзней, которыхъ ни люди, ни демоны не могли исцѣлить“. Наконецъ, Оригенъ указываетъ на чудеса болѣе внутреннія и сокровенныя, являемыя во внезапной перемѣнѣ людей невѣрующихъ и обращающихся къ христіанству, призывая притомъ самого Бога во свидѣтели истинности своихъ словъ. „Пусть смѣется Цельсъ... но я все-таки скажу, что многіе какъ бы неволью перешли въ христіанство: какой-то духъ внезапно, или чрезъ видѣніе, или во снѣ такъ потрясалъ ихъ сердца и производилъ такую перемѣну, что они отлагали свою прежнюю ненависть къ (христіанской) вѣрѣ и готовы были за нее претерпѣть смерть. И я знаю много такого рода чудесъ, которыхъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ: и еслибы я сталъ ихъ описывать, то доставилъ бы невѣрнымъ только поводъ къ насмѣшкамъ; ибо они думаютъ, что и мы вымышляемъ, подобно тѣмъ, за которыми водятся подобныя продѣлки. Богъ, которому открыты всѣ тайны совѣсти, свидѣтель въ томъ, что Божественное ученіе Иисуса мы хотимъ утвердить неложными разсказами, но разнообразными и очевидными доказательствами¹¹⁵⁾.

4) *Будтоственная судьба іудейскаго народа* представляетъ поразительное доказательство Божественности христіанской религіи. На нее указывали древнѣйшіе защитители христіанства—св. Іу-

¹¹²⁾ Contra Cels. I, 67.

¹¹³⁾ Contra Cels. I, 2.

¹¹⁴⁾ Contra Cels. III, 24.

¹¹⁵⁾ Contra Cels. I, 46.

стинъ ¹¹⁵), Тертуліанъ ¹¹⁶), св. Кипріанъ ¹¹⁷) и объявляли ее наказаніемъ Божиимъ, постигшимъ вѣроломныхъ іудеевъ за отверженіе и убіеніе обѣтованнаго Мессіи. Оригенъ особенно весьма часто упоминаетъ о разрушеніи Іерусалима, паденіи іудейскаго царства и разбѣяніи народа по всѣмъ странамъ міра. Такъ, приводя свидѣтельство Іосіа Флавія, который (въ XVIII. книгѣ своихъ Древностей) причину разрушенія Іерусалима и храма находитъ въ убіеніи Іакова праведнаго, брата Іисуса, называемаго Христомъ, Оригенъ спрашиваетъ: „Если, по словамъ Іосіа, Іерусалимъ разрушенъ за Іакова, то не богѣ ли справедливо сказать, что это случилось за Іисуса, Божественность Котораго свидѣлствуютъ столь многія церкви?“ ¹¹⁸). Дѣйствительно, бѣдствіе іудейскаго народа, столь необыкновенное по своей продолжительности и великости, ясно показывало благоговѣйному зрителю судебъ Божіихъ тяготящую надъ нимъ кару небесную за тягчайшее преступленіе, каково—невѣріе Сыну Божію закономъ и пророками предуказанному І. Христу. „Казнь іудеевъ, говоритъ Оригенъ, не отложится до времени суда, нами ожидаемаго: они несутъ ее и теперь. Есть ли въ мірѣ, кромѣ іудеевъ, какой-либо народъ, который былъ изгнанъ изъ главнаго города своей страны и изъ того мѣста, гдѣ единственно должно быть отправляемо богослуженіе отцевъ ихъ? Ихъ судьба равняется судьбѣ самыхъ несчастныхъ и презрѣнныхъ людей. И это они терпятъ не за другія свои преступленія, коихъ также не мало, но преимущественно за то злодѣйство, какое они совершили противъ Іисуса“ ¹¹⁹). „Мы не находимъ, говоритъ Оригенъ въ другомъ мѣстѣ, чтобы народъ іудейскій во время своего существованія когда-либо такъ долго находился подъ властію своихъ враговъ и лишень былъ возможности по закону отправлять свое богослуженіе. Правда, нѣкогда казалось, будто Господь совершенно отвергнулъ свой народъ за грѣхи его, но

¹¹⁵ Разговоръ съ Трифономъ pag. 229.

¹¹⁶) Apolog. cap. 21, 26, гдѣ говоритъ къ Римлянамъ: «Nangnam dominaturi ejus (Judeae), si non ultimo de liguisset in Christum».

¹¹⁷) De idolorum vanitate cap. 6.

¹¹⁸) Contra Cels. I, 47.

¹¹⁹) Contra Cels. IV, cap. 22.

іудеи послѣ нѣкотораго времени опять были взысканы Имъ, и возвратившись въ отечество, снова получали полную свободу служить Богу, какъ того требуетъ законъ. Итакъ одно изъ доказательствъ Божественности Іисуса есть то, что изъ за Него іудеи столько лѣтъ живутъ среди великихъ и различныхъ бѣдствій. Осмѣлюсь утверждать, что они никогда не возвратятся въ прежнее благосостояніе. Ибо они совершили ужаснѣйшее преступленіе, злодѣйски поступивъ съ Спасителемъ міра, въ томъ самомъ городѣ, въ которомъ они совершали служеніе Богу, долженствовавшее быть прообразомъ величайшихъ таинъ. Посему надлежало, чтобы городъ, въ которомъ Іисусу оказано столько несправедливости, былъ разрушенъ до основанія, народъ іудейскій—разсѣянъ по всему міру, и на ихъ мѣсто другіе призваны въ причастію въ блаженствъ (спасеніи)¹²⁰⁾.

5) Дѣйствіе Промысла Божія, покровительствующаго религіи Христовой, Оригенъ находитъ въ исторіи самой *борьбы языческаго міра съ христіанствомъ*. Извѣстно, что христіанство, при первомъ появленіи своемъ и еще болѣе при дальнѣйшемъ распространеніи, подверглось сильнымъ гоненіямъ отъ іудеевъ, и потомъ особенно отъ языческаго правительства и народа. Однакожь, по убѣжденію Оригена, оно среди самыхъ враждебныхъ усилій, будучи поддерживаемо силою Божіею, торжествовало и возрастало въ могущество и силѣ своихъ послѣдователей... И Сократъ потерпѣлъ гоненіе за любовь къ мудрости: но афиняне раскаялись въ своемъ проступкѣ съ нимъ и оставили ненависть къ нему. Не такова участь Христа и Его послѣдователей. Римскій сенатъ, императоры одинъ за другимъ, войны, народъ, сами родители увѣровавшихъ въ І. Христа, вооружались противъ Его ученія; такъ что христіанство, отсюду гонимое и тѣнимое столькими врагами, безъ-сомнѣнія было бы подавлено и уничтожено, еслибы не было поддерживаемо силою Божіею. Съ ея то помощію, оно не только не исчезло, но еще покорило міръ, противъ него злоумышлявшій¹²¹⁾. Въ доказательство того Оригенъ указываетъ съ одной стороны на немногочисленность мучениковъ, пріившихъ смерть за вѣру во Христа, въ сравненіи

¹²⁰⁾ Contra Cels. I, 3.

¹²¹⁾ Contra Cels. I, 3.

съ цѣлымъ обществомъ христіанъ, съ другой — на промежутки отдыха, коимъ по временамъ наслаждались гонимые христіане. „Такъ какъ христіане, говоритъ онъ, коимъ запрещено мстить врагамъ, соблюдали кроткое и человеколюбивое законоположеніе: то они отъ самаго Бога получали то, чего могли бы достигнуть, еслибы имѣли позволеніе и надлежашую силу вести войну. Богъ постоянно поборагъ за нихъ и по временамъ заставлягъ утихнуть тѣхъ, кои возставали на христіанъ, и хотѣли ихъ истребить ¹²²⁾. Немногіе, которыхъ легко перечислить, умерли за христіанскую религію ¹²³⁾; такъ какъ Богъ препятствовалъ истребленію цѣлаго народа христіанскаго; Онъ хотѣлъ, чтобы пребывало христіанство, чтобы вся земля исполнилась симъ спасительнымъ и святѣйшимъ ученіемъ. Съ другой стороны, дабы слабѣйшіе могли отдохнуть отъ страха смерти, Богъ заботился о вѣрующихъ и однимъ маховеніемъ своимъ разрушалъ всѣ возни противъ христіанъ, такъ что ни цари, ни мѣстные правители, ни толпы черни не могли болѣе свирѣпствовать противъ нихъ“ ¹²⁴⁾. „Такимъ образомъ, говоритъ Оригенъ, не смотря всѣ препятствія, Богъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе распространягъ число христіанъ, и Онъ уже даровалъ имъ свободу вездѣ проповѣдывать свое ученіе ¹²⁵⁾. Поелику Богъ благоволигъ, чтобы и язычникамъ послужило ко спасенію ученіе І. Христа, то всѣ умыслы и усилія человѣчскія противъ христіанъ оказались тщетными. И чѣмъ болѣе цари, правители и народъ старались подавить христіанъ, тѣмъ все многочисленнѣе и сильнѣе они становились“. Особенно замѣчательно то, что Оригенъ, даже предвидя возобновленіе бдствій для христіанъ ¹²⁶⁾, высказываетъ однако твердое убѣжденіе въ торжествѣ внутренней Божественной силы христіанства надъ языческимъ міромъ. На слова Цельса, что еслибы всѣ поступали подобно христіанамъ, то царь остался бы безъ войска и имперія

¹²²⁾ Contra Cels. III, 8.

¹²³⁾ Ibid.: «Ολίγοι κατά καιρούς και σφόδρα ευάρητοι ὑπέρ τῆς χριστιανῶν θεοσεβείας τεθνηκασιν».

¹²⁴⁾ Contra Cels. III, 8.

¹²⁵⁾ Ibid.

¹²⁶⁾ Contra Cels. VII, 26.

была бы жертвою дикихъ и необразованныхъ варваровъ,— Оригенъ даетъ слѣдующій отвѣтъ: „Если всѣ будутъ поступать подобно мнѣ, то и варвары примутъ Божественное Слово и содѣлаются самыми кроткими и справедливыми. Тогда всѣ другія религіи исчезнутъ и одна только христіанская будетъ владычествовать, потому что Божественное Слово пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе людей“¹²⁷). Въ этихъ словахъ Оригена заключается та особенность, что по его мнѣнію, христіанство чрезъ живущую въ немъ Божественную силу со временемъ покорить человѣческой родъ подъ свою благотворную власть, одержитъ надъ нимъ внутреннюю, духовную побѣду. Между тѣмъ у другихъ христіанскихъ писателей языческое государство представляется въ постоянной борьбѣ съ христіанствомъ, и торжество церкви ожидается только отъ внѣшняго, сверхъестественнаго событія, каково второе пришествіе І. Христа¹²⁸). Нужно ли говорить, какъ это чаяніе Оригена устроеніемъ Промысла Божія блистательно оправдалось событіями?... Спустя не болѣе одного столѣтія, христіанство побѣдоносно возсѣло на престолѣ кесарей и возложило свое спасительное иго на самыхъ варваровъ, приводившихъ въ трепетъ всемірную имперію!

IV.

Съ внѣшними доказательствами Божественности І. Христа и Его религіи Оригенъ соединялъ и внутреннія, основанныя на достоинствѣ христіанскаго ученія. Отличительнымъ свойствомъ этого ученія, показывающимъ его Божественное достоинство, Оригенъ почитаетъ *всеобщность*, и называетъ его ученіемъ предназначеннымъ для всѣхъ людей, и для всѣхъ доступнымъ... „Возвышенна мысль Платона, что трудно найти Строителя

¹²⁷) Contra Cels. VIII, 68. Ἦτις καὶ μόνη ποτε κρῆσει, τοῦ λόγου πλείονας νομομένω ψυχῆς.

¹²⁸) Такъ св. Іустинъ, въ разговорѣ съ Трифономъ, говорить о правителяхъ языческихъ, что они «не престануть умерщвлять и гнать исповѣдующихъ имя Христова, доколѣ Господь опять не придетъ и не разрушитъ всѣхъ» (гл. 39. По русскому переводу стр. 47). Св. Тертуліана Apologet. cap. 21. Климента Stromat VI, cap. 18.

вселенной и Отца; да и нашедши Его, невозможно сдѣлать всѣмъ извѣстнымъ. Какое же доказательство чедовѣколюбія представляетъ христіанство въ Богѣ Словѣ, Которое воплотилось для того, чтобы по всѣмъ распространилось то ученіе, которое, по словамъ Платона, если бы кто и нашелъ, не воаможно было бы возвѣстить всѣмъ?¹²⁹⁾ „Христіанамъ, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, ввѣрено ученіе о чистомъ и духовномъ Богочтеніи, и даны новыя законы, сообразно съ состояніемъ народа, который долженъ жить по всѣмъ странамъ міра“¹³⁰⁾.

Далѣе, Божественность І. Христа, говоритъ Оригенъ, открывается изъ высокой *мудрости*, которая поражаетъ въ Его ученіи тѣхъ, кои, не довольствуясь простою вѣрою, стараются проникнуть въ смыслъ Писаній¹³¹⁾. „Если кто, изучивши греческія науки, перейдетъ къ христіанству, тотъ не только признаетъ истину его ученія, но и подтвердить его учеными доказательствами¹³²⁾, почерпнутыми какъ изъ Св. Писаній, такъ и изъ соображеній разума“¹³³⁾. Впрочемъ, указывая на сообразность христіанскаго ученія съ разумомъ, Оригенъ, подобно прочимъ апологетамъ, не пускается въ отвѣщенное философское раскрытіе истинъ, въ немъ содержащихся. Опытъ такого раскрытія встрѣчается только въ двухъ мѣстахъ, гдѣ Оригенъ говоритъ о невещественности и единствѣ Божіемъ по ученію христіанскому, въ противоположность чувственному многобожію язычниковъ. Здравый разумъ убѣждаетъ, что Богъ отнюдь не есть тѣльное вещество, и не можетъ-быть чтимъ въ неодушевленныхъ вещахъ, въ которыхъ представляютъ его язычники, подъ какимъ-либо образомъ или символомъ; а идола не суть боги; произведенія чедовѣческія, издѣлія нечестивыхъ и развратныхъ художниковъ не могутъ быть смѣшиваемы съ Творцемъ и суть ничто въ сравненіи съ высочайшимъ Богомъ, все со-

¹²⁹⁾ Contra Cels. VII, 42.]

¹³⁰⁾ Contra Cels. IV, 23.

¹³¹⁾ Contra Cels. III, 33.

¹³²⁾ Contra Cels. I, 2.

¹³³⁾ Contra Cels. IV, 9.

творявшимъ и содержащимъ въ своей власти¹¹⁴⁾. Съ другой стороны, какъ превосходитѣ языческихъ басней то ученіе, которое заповѣдуетъ чтить единого Творца міра: ибо прекрасное устройство, единство и согласіе всѣхъ вещей въ міръ убѣждаетъ, что они произошли не отъ многихъ творцевъ, но отъ Единого. Все существующее въ міръ суть части его, а Богъ не есть часть дѣлаго: ибо часть есть нѣчто несовершенное; но это не причисляется Богу. Равнымъ образомъ, Богъ не есть и цѣлое (т.-е. весь міръ): ибо цѣлое состоитъ изъ частей. А разумъ не можетъ согласиться, что Высочайшее существо составлено изъ частей, изъ которыхъ каждая не въ состояніи отпрлять того, что могутъ остальные части¹¹⁵⁾.

Какъ на особенное достоинство христіанскаго ученія, Оригенъ обращаетъ вниманіе и на самый способъ, какимъ преимущественно оно усвоится христіанами, т.-е. *въру*. Вопреки Цельсу упрекавшему христіанъ за то, что они въ своемъ ученіи полагаются на *въру*, Оригенъ старается оправдать это и показать, что *въра* есть естественный путь ко всякому познанію вообще и особенно благотворный и необходимый въ области религіи. „Большая часть дѣлъ человѣческихъ, говоритъ Оригенъ, утверждается на *върѣ*: брасаютъ въ землю сѣмена, отправляются въ море, предпринимаютъ самыя опасныя дѣла—почему? Потому, что *върятъ*, что все это окончится благополучно¹¹⁶⁾. Тоже самое бываетъ и въ области умственной. Почему предавшіеся изученію философіи избираютъ себѣ того или другаго учителя, ту или другую школу? Не оттого ли, что *върили* въ превосходство ихъ предъ прочими? Ибо кто старается выслушать и оцѣнить начала всѣхъ школъ, доказательства и возраженія на нихъ, прежде нежели обратиться къ школь Платоновой, или Стоической, или Аристотелевой, или Епикурейской¹¹⁷⁾? Если же въ дѣлахъ житейскихъ и на поприщѣ философіи первый шагъ опирается на *върѣ*: то не гораздо-ли болѣе справедливо *върѣ*ть безконечному Богу и Тому, Кто научилъ насъ истинному богочченію?“ Съ другой

¹¹⁴⁾ Contra Cels. III, 4. I, 6.

¹¹⁵⁾ Contra Cels. III, 4. I, 23.

¹¹⁶⁾ Contra Cels. I, 11.

¹¹⁷⁾ Contra Cels. I, 10.

стороны, вѣра есть не только самый естественный способ усвоенія истинъ христіанскаго ученія, но вмѣстѣ и необходимый, если истинная религія должна быть общимъ достояніемъ людей необразованныхъ и просвѣщенныхъ. „Какъ мало людей, говорить Оригенъ, которымъ ни житейскія заботы, ни слабость умственныхъ силъ не препятствуютъ изслѣдывать истину собственными усиліями и соображеніями! Въ этомъ случаѣ весьма благотворна вѣра! Столько тысячъ людей уже увѣровали, и вѣра извлекла ихъ изъ бездны грѣха и пороковъ. Спросите это безчисленное множество вѣрующихъ, лучше ли для нихъ то, что они простодушно увѣровали въ жизнь и мѣдовозданіе за гробомъ, и потому рѣшились измѣнить свое поведеніе, улучшить нравы; или для нихъ было бы полезнѣе, еслибы они увѣровали не безъ долговременнаго изслѣдованія, и свое исправленіе отложили до тѣхъ поръ, пока они тщательно и точно изслѣдовали всѣ основанія религіи? Тѣ еще не обратившіеся, которые напередъ хотятъ все основательно изслѣдовать, никогда не достигнуть того, до чего другихъ доведетъ простая вѣра. И это есть одно изъ лучшихъ доказательствъ того, что ученіе столь спасительное для людей, произошло отъ Бога ¹³⁸⁾. Ибо для того, чтобы всѣхъ людей, самыхъ простыхъ и низкихъ, привести къ Богу, - Спасителю нашему надлежало употребить такое средство, которое было бы доступно для пріемлемости всего міра и преимущественно людей низшаго состоянія“ ¹³⁹⁾.

Божественное достоинство христіанскаго ученія открывается также изъ необыкновеннаго могущества и силы, съ какою оно, не смотря на простоту Евангельской проповѣди, дѣйствовало на умы и сердца слушателей. „Сердце человѣческое, говорит Оригенъ, не убѣждается витіеватыми рѣчами и еще не улучшается отъ того, что истину представлять достовѣрно: чтобы проникло и подѣйствовало слово, для того проповѣднику нужна особенная Божественная сила, его проповѣдь должна быть освящена благословеніемъ свыше. Разсужденія философовъ, какъ ни были они блистательны и хотя согласны были съ нашими догматами, они не имѣли силы овладѣть своими слушателями и произвести

¹³⁸⁾ Contra Cels. I, 9.

¹³⁹⁾ Ibid. VI, 1.

въ нихъ перемѣну жизни. Но ученики Іисусовы, люди неученые и простые, ничего незнавшіе о греческой мудрости, съ своею проповѣдію обходили многіе народы, и тысячи слушателей увлекали до того, что каждый по мѣрѣ своего познанія рѣшался слѣдовать и въ жизни тому, что они проповѣдывали ¹⁴⁰⁾. Тѣже, которые такъ прекрасно умствовали о Высочайшемъ добрѣ, о природѣ души, о посмертномъ блаженствѣ добродѣтельныхъ, сами забывая всѣ эти высокія истины, открываемыя имъ Богомъ, склонялись къ дѣламъ низкимъ и оказывались суетными въ своихъ мысляхъ ¹⁴¹⁾.

Раскрывши достоинство христіанскаго ученія изъ его свойствъ, кои заключаются въ его всеобщности, высочайшей мудрости и въ самомъ способѣ усвоенія его истинъ, Оригенъ съ особенною силою и весьма часто старается показать Божественную силу христіанства въ опытѣ, въ тѣхъ благотворныхъ дѣйствіяхъ, какія производитъ оно въ нравственной жизни его послѣдователей. Искренно и трогательно говоритъ Оригенъ въ началѣ своего сочиненія. „И теперь все еще продолжаютъ вносить на Іисуса жесвидѣтельства и клеветы; да Онъ всегда будетъ подвергаться имъ, доколѣ существуютъ злые люди. Но и нынѣ, какъ прежде, Онъ также молчитъ и не защищаетъ Себя словами. За то краснорѣчивѣе и сильнѣе всего говоритъ въ Его пользу неукоризненная и святая жизнь Его послѣдователей, которая уничтожаетъ всѣ обвиненія противъ Него ¹⁴²⁾.. Дѣйствительно, христіанство явилось среди міра, который былъ исполненъ всякими дѣлами разврата и достигъ крайней степени нравственнаго безсилія, и повсюду, гдѣ только оно было принимаемо, производило необыкновенную перемѣну въ нравахъ и возводило людей на такую степень нравственнаго совершенства, которая превосходила и посрамляла мудрость и добродѣтель самихъ философовъ. „Какое ученіе, говоритъ Оригенъ, ¹⁴³⁾ кромѣ христіанскаго, такъ могущественно привлекаетъ людей къ доброй жизни? Пусть кто-либо покажетъ другой путь, которымъ бы

¹⁴⁰⁾ Contra Cels. VI, 2.

¹⁴¹⁾ Ibid. VI, 4.

¹⁴²⁾ Contra Cels. I, 2.

¹⁴³⁾ Contra Cels. IV, 53.

могли обратиться къ добродѣтели не одинъ или два, но безчисленное множество людей? И врачи тѣлесные не могутъ возратить больному здоровье безъ воли Божіей. Можно ли иначе думать о томъ, если кто цѣлыя сотни душъ освободилъ отъ сквернъ грѣха, отъ неистовыхъ страстей и пороковъ, отъ презрѣнія къ Божественному? Каждый благоразумный долженъ сознаться, что въ людяхъ ничего добраго не бываетъ безъ Бога: тѣмъ съ большею смѣлостію можно утверждать это объ Иисусѣ. Надобно только сравнить съ настоящими нравами многихъ увѣровавшихъ въ Него прежнюю жизнь ихъ, чтобы видѣть, какимъ прежде предавались они порокамъ, неправдамъ, какими увлекались страстями, а—какъ теперь съ тѣхъ поръ, какъ приняли Христіанское ученіе, они сдѣлались гораздо справедливѣе, цѣломудреннѣе и постояннѣе ¹⁴⁴). Даже самые простые изъ христіанъ, которые только вѣруютъ въ великаго Бога, и Его Единороднаго Сына Бога—Слово, въ своей жизни являются гораздо совершеннѣе философовъ, поклоняющихся суетнымъ богамъ, и приводятъ ихъ въ стыдъ ¹⁴⁵). Тѣ, которыхъ призираютъ за ихъ глупость и называютъ рабами, какъ только приняли ученіе Іисуса и предалися Богу, такъ сдѣлались далеки отъ всякой скверны плотской, что многіе изъ нихъ не только воздерживаются отъ сообщенія съ женщиною, но и совершенно являютъ себя чистыми... Для этого не употребляютъ они цыкуты, подобно Аѳинскому Герофанту но довольствуются Словомъ Божиимъ къ удаленію изъ души всякихъ похотей, и соблюдаютъ полное дѣвство не для почестей человѣческихъ, не для денежныхъ наградъ, какъ дѣвы при храмахъ языческихъ боговъ ¹⁴⁶). насъ называютъ враги обманщиками, говоритъ Оригенъ въ другомъ мѣстѣ. Прекрасно же мы обманываемъ, когда нашими усиліями люди изъ невоздержныхъ дѣлаются воздержными, или по крайней мѣрѣ любящими воздержаніе, изъ неправедныхъ справедливыми, или стремящимися къ правдѣ, изъ неразумныхъ—разумными, или идущими по пути мудрости, изъ боязливыхъ и слабыхъ—мужественными и твер-

¹⁴⁴) Contra Cels. I. 22.

¹⁴⁵) Ibid. VII, 44, 49.

¹⁴⁶) Ibid. VII, 48.

дыми такъ, что они готовы принять смерть за вѣру во всесоздавшего Бога¹⁴⁷⁾.

Нравственное перерожденіе, производимое христіанствомъ, обнаруживалось не только въ отдѣльныхъ людяхъ, но и какъ знаменіе Божественной силы его, ярко выступало въ цѣлыхъ обществахъ христіанскихъ, особенно своею противоположностію съ общественною жизнію язычества. Церкви Божіи, говоритъ Оригенъ, основанныя І. Христомъ, сіяютъ въ мірѣ, какъ звѣзды, если сравнить ихъ съ собраніями народовъ, среди которыхъ они пребываютъ. Кто будетъ отрицать, что даже худшіе члены нашихъ церквей гораздо лучше, нежели большая часть тѣхъ, изъ которыхъ состоятъ народныя общества?... Для примѣра посмотримъ на Церковь Божію, находящуюся въ Аѣинахъ: она мирна, благочинна, и старается творить угодное Всевышнему Богу. На противъ народъ Аѣинскій, безпокойный и буйный, никакимъ образомъ не можетъ быть сравненъ съ тамошнею церковію. Тоже можно сказать о церкви и о народѣ въ Коринѣ и Александріи. И если добросовѣстно и съ любовью къ истинѣ станемъ извѣдывать это дѣло, то какъ не удивляться тому, кто вознамѣрился и могъ повсюду основать среди гражданскихъ обществъ особенныя церкви Божіи. И не справедливо ли думать объ Иисусѣ, ихъ основателѣ, что въ немъ было Божество, но не такое, которое обыкновенно представляютъ язычники?¹⁴⁸⁾

Изображая такимъ образомъ высокое Божественное достоинство христіанской религіи, Оригенъ значительно превзошелъ своихъ предшественниковъ на поприщѣ апологетики. Особенность всѣхъ древнѣйшихъ защитниковъ св. Вѣры состоитъ въ томъ, что Божественное величіе и силу христіанства они большею частію показывали въ живыхъ примѣрахъ, представляя чистую, невинную жизнь Христіанъ и ихъ мужество въ гоненіяхъ, и почти не останавливались на внутреннихъ чертахъ христіанскаго ученія, свидѣтельствующихъ о его сверхъестественномъ происхожденіи. Въ этомъ отношеніи они довольствовались свидѣтельствомъ своего сознанія о его мудрости и рѣ-

¹⁴⁷⁾ Contra Cels. II, 79.

¹⁴⁸⁾ Contra Cels. III, 29—30.

шительномъ превосходствѣ надъ человѣческими ученіями ¹⁴⁹), или указывали на то, что оно проповѣдано Богопросвѣщенными людьми ¹⁵⁰), или старались обличить нелѣпость языческаго ученія о Богѣ и нравственности ¹⁵¹). Гораздо полнѣе раскрытіе внутреннего доказательства Божественности христіанства представляется у Оригена. Указывая на свойства христіанскаго ученія, состоящія въ его всеобщности и высокой мудрости и могущественномъ дѣйствіи на людей, онъ притомъ первый старается оправдать участіе вѣры, какъ естественнаго и необходимаго способа усвоенія истинъ откровенной религіи. Такъ далеко былъ даровитый почитатель христіанской науки отъ того, чтобы признать незаконныя притязанія разума на исключительное господство въ дѣлѣ религіи!

В. Отвѣты Оригена на возраженія Цельса противъ христіанства.

Защищая Божественное достоинство христіанской религіи отъ возраженій Цельса, Оригенъ въ своемъ сочиненіи не оставилъ ни одного изъ нихъ безъ приличнаго отвѣта или опроверженія. Но при изложеніи заслугъ Оригена въ борьбѣ съ Цельсомъ достаточно остановить вниманіе на главнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ возраженіяхъ Цельсу, именно тѣхъ, которыя касаются 1) христіанскаго ученія, 2) Евангельской исторіи, 3) священныя сказаній Ветхозавѣтныхъ и 4) наконецъ отношенія христіанъ къ Государству.

I.

Высокое достоинство истинъ, проповѣдуемыхъ христіанскимъ откровеніемъ, такъ поразительно и для здраваго разума очевидно, что и враги христіанства видятъ невозможность совершенно отвергнуть его. Посему то и Цельсъ, нападая на христіанское ученіе, старался унижить его достоинство посредствомъ того пред-

¹⁴⁹) S. Iustini Apolog. I, 23. Apolog. II, 15. Dialog. cum. Tryph. cap. 9.

¹⁵⁰) Tertulliani Apolog. cap. 45.

¹⁵¹) Таковы сочиненія Татіана, Теофила Антиохійскаго и др.

положенія, будто все истинное и прекрасное въ христіанствѣ не принадлежитъ ему собственно и уже находилось въ системахъ греческихъ философовъ ¹⁵²⁾. Въ отвѣтъ на это Оригенъ говоритъ, что если какое ученіе здраво и полезно, то гдѣ бы оно ни было высказано у греческихъ философовъ или у іудейскихъ пророковъ и въ словахъ І. Христа и Его апостоловъ, не должно быть порицаемо за то, что христіане или іудеи проповѣдуютъ его вмѣстѣ съ Греками ¹⁵³⁾. Почитать же христіанское ученіе заимствованнымъ изъ греческой философіи — совершенно несправедливо. „Моисей и другіе пророки, у которыхъ находятся истинны удивительныя по своей высотѣ и достойныя Бога, — они гораздо древнѣе не только Платона или Гомера, но и самаго изобрѣтенія греческихъ буквъ. Какъ же можно утверждать, что они ученіе свое позаимствовали у Платона, когда этотъ въ ихъ время и не родился? Равнымъ образомъ нельзя приложить мысли Цельса о христіанскомъ ученіи и къ апостоламъ Иисусовымъ. Вѣроятно ли, чтобы рыбарь Петръ, скинотворецъ Павелъ и Іоаннъ, оставившій мрежи отца своего, преподавали въ своихъ посланіяхъ ученіе о Богѣ, будтобы взятое ими у Платона ¹⁵⁴⁾? „Но положимъ, продолжаетъ Оригенъ, что и въ ученіи греческихъ философовъ заключается много истиннаго и прекраснаго, что открылъ имъ Богъ. Какъ же могли они отвратить людей отъ поклоненія видимымъ предметамъ и ложнымъ богамъ, когда и сами не твердо стояли на высотѣ истинъ, которыя открылъ имъ Богъ? Одни вмѣстѣ съ неразумною толпою поклонялись Артемидѣ; другіе боготворили образъ смертнаго человѣка, даже Сократъ обязалъ друга своего принести въ жертву Эскулапу пѣтуха, а иногда эти мудрецы возвышавшіеся къ вещамъ невидимымъ, сверхъчувственнымъ, вмѣстѣ съ египтянами повергались предъ птицами, четвероногими и гадами. Когда даже учителя греческіе измѣнили истину Божию во лжу и послужили твари болѣе нежели Творцу, тогда Богъ избралъ буя мѣра, да посрамитъ премудрѣя ¹⁵⁵⁾. Сверхъ того философы похожи на тѣхъ

¹⁵²⁾ Contra Cels. VI, 1. VII, 59.

¹⁵³⁾ Contra Cels. VII, 59.

¹⁵⁴⁾ Contra Cels. VI, 7.

¹⁵⁵⁾ Contra Cels. VI, 4.

врачей, которые пользуются только богатыхъ и знатныхъ. Пророки же и апостолы Иисусовы, побуждаемые человеколюбіемъ, старались всѣхъ привести на путь истины, и грековъ и варваровъ, простыхъ и ученыхъ. И такъ какъ ихъ ученіе назначено было для всѣхъ людей, то оно отнюдь не должно было походить на искусно приготовленную пищу, которой могли бы наслаждаться только люди извѣщенные и прихотливые ¹⁶⁶). Не многимъ только высоко-образованнымъ людямъ принесли пользу (если это можно сказать) великолѣпная и обработанная рѣчь Платона; между тѣмъ какъ простая и безыскусственная рѣчь проповѣдниковъ Христова ученія привлекла безчисленное множество послѣдователей. Это говорится не въ обиду Платону, который въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ заслуживаетъ похвалу: но съ тѣмъ, чтобы показать, какъ мудрость человѣческая безъ силы Божественной не въ состояніи научить людей истинѣ и склонить къ сообразной съ нею жизни ¹⁶⁷). Не довольствуясь общимъ возраженіемъ противъ христіанскаго ученія, Цельсъ нападалъ и на отдѣльные пункты его.

И впервыхъ возставалъ онъ противъ главнаго и основнаго догмата христіанскаго о нисшествіи воплотившагося Бога на землю для спасенія людей. „Для чего, возражалъ Цельсъ, Богъ сошелъ на землю?... Если Онъ рѣшился исправить настроеніе среди людей, то не довольно ли для этого Его всемогущества?“ Но,—отвѣчаетъ Оригенъ, развѣ Богъ въ одинъ мигъ долженъ исторгнуть изъ сердецъ человѣческихъ всѣ грѣхи и пороки, посадить въ нихъ добродѣтель и вдругъ исполнить ихъ новыми мыслями и расположеніями? Сообразно ли это съ Божественною премудростію и существомъ самаго дѣла? Положимъ, что это было бы возможно: что стало бы тогда съ свободою человѣческою, и въ чемъ была бы добродѣтель и заслуга тѣхъ, которые бы отложились лжи и заблужденій?“ „Далѣе, допустивъ возможность такого внезапнаго нравственнаго превращенія произведеннаго всемогущею силою Божіею, естественно можетъ кто-либо, идущій по слѣдамъ Цельса, спросить: почему Богъ из-

¹⁶⁶) Contra Cels. VII, 60.

¹⁶⁷) Contra Cels. VI, 2.

¹⁶⁸) Contra Cels. IV, 3.

начала сотворилъ человѣка не такимъ совершеннымъ и добродѣтельнымъ, чтобы въ немъ не могло родиться расположеніе ко грѣху и такимъ образомъ не было нужды въ какомъ-либо послѣдующемъ исправленіи? Но это значитъ опять уничтожить свободу человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самую добродѣтель. Ибо свобода такъ тѣсно соединена съ добродѣтелію, что послѣдняя должна уничтожиться съ отнятіемъ первой ¹⁵⁹⁾.

„Но ужели Богъ, спрашивалъ Цельсъ, только спустя многія тысячелѣтія вздумалъ жизнь людей исправить и сдѣлать добродѣтельною?“ „Нѣтъ, отвѣчаетъ Оригенъ, мы вѣруемъ, что Богъ Господь и правитель міра всегда желалъ сдѣлать жизнь человѣческую праведною и добродѣтельною и всегда подавалъ разумнымъ существамъ средства обратиться на путь истины и удалиться отъ пороковъ. Онъ искони и во всѣ времена посылалъ Свое слово во святыхъ души и дѣлалъ ихъ своими служителями и пророками для того, чтобы они старались объ исправленіи своихъ ближнихъ ¹⁶⁰⁾. Впрочемъ, замѣчаетъ Оригенъ, есть большое различіе между тѣми, которыхъ Богъ употреблялъ для сей цѣли. Не многіе изъ нихъ предлагали истину во всей чистотѣ и старались объ исправленіи людей: таковы были Моисей и пророки ¹⁶¹⁾. А многіе изъ тѣхъ, коимъ промыслъ Божій, по своему человѣколюбію, даровалъ познаніе высокихъ и важныхъ предметовъ, измѣнили истину во лжу ¹⁶²⁾. Но дѣло предпринятое І. Христомъ безконечно превышаетъ всѣ прочія. Онъ благоволилъ исцѣлить и исправить не обитателей одного какого-либо уголка земли, но весь человѣческій родъ. Онъ пришелъ для того, чтобы спасти всѣхъ людей. Какъ неудивительно то, что въ нѣкоторыя времена являлись пророки, которые за свою болѣе возвышенную и чистую жизнь удостоивались получить большую мѣру Божественной благодати: точно также не должно быть странно и то, что было время, когда къ человѣческому роду пришло существо необычайное, подобнаго которому не было прежде и никогда не будетъ на землѣ“ ¹⁶³⁾. Далѣе Цельсъ воз-

¹⁵⁹⁾ Contra Cels. IV, 3.

¹⁶⁰⁾ Contra Cels. IV, 3.

¹⁶¹⁾ Contra Cels. IV, 4.

¹⁶²⁾ Contra Cels. VII, 46.

¹⁶³⁾ Contra Cels. IV, 8.

ражалъ: „почему Богъ нисшелъ на землю къ грѣшникамъ, а не къ тѣмъ, которые свободны отъ грѣховъ ¹⁴⁴⁾? На это Оригенъ отвѣчаетъ: что Богъ Слово явился на землѣ для грѣшниковъ, какъ врачъ, а для тѣхъ, кои уже очистились отъ грѣховъ и болѣе не грѣшатъ, какъ учитель Божественныхъ тайнъ. Впрочемъ если Цельсъ подѣ свободными отъ грѣховъ разумѣеть не тѣхъ, которые болѣе не грѣшатъ, а тѣхъ, которые никогда не грѣшили, то мы утверждаемъ, что такихъ людей вовсе нѣтъ, исключая І. Христа, который грѣха не сотворилъ. (1 Петр. II, 22). Ибо не можетъ быть, чтобы человѣкъ отъ самаго рожденія своего въ продолженіи жизни своей всецѣло сохранилъ себя добродѣтельнымъ и могъ возвести взоръ свой къ Богу съ полнымъ сознаніемъ своей безгрѣшности: кто бо сый человѣкъ, яко будетъ непороченъ? или аки будущій праведникъ рожденъ отъ жены? (Іов. 15, 14). Но Богу должно ли оставить людей, погрязшихъ во грѣхахъ, безъ всякой помощи? Человѣколюбивѣйшій Царь могъ ли не посылать никакого врача къ страждущимъ отъ болѣзни подданнымъ своего царства ¹⁴⁵⁾? Посему всѣ люди страждущіе и обремененные грѣхомъ призываются къ тому успокоенію, которое проповѣдуется нашею религіею“.

Опровергая христіанское ученіе о воплощеніи Бога для спасенія рода человѣческаго, Цельсъ возставалъ и противъ ученія о лицѣ Іисуса Христа, какъ Богочеловѣка. Онъ говорилъ, что „если бы Богъ дѣйствительно вочеловѣчился въ І. Христѣ: то слѣдовало бы, что Богъ измѣнился въ смертнаго человѣка, изъ всесовершеннаго существа сдѣлался несовершеннымъ, изъ блаженнаго несчастнымъ“. Кроме того онъ ставилъ въ упрекъ христіанамъ и то, что они воздаютъ Божеское поклоненіе І. Христу. тогда какъ сами учатъ, что это принадлежитъ только Единому Богу. Въ отвѣтъ на это Оригенъ, подтверждая неизмѣнимость Божію словами Писанія (Пс. 101, 28. Маттв. 111, 6.), говоритъ, что „Богъ Слово не измѣнился чрезъ соединеніе съ человѣческою душею и смертнымъ тѣломъ. Изъ любви къ людямъ Онъ умалилъ себя, дабы могъ быть ими объятъ, но не превратился изъ добраго въ злаго, ибо грѣха не сотворилъ

¹⁴⁴⁾ Contra Cels. III, 62.

¹⁴⁵⁾ Contra Cels. III, 62.

(I Петр. II, 22.), не сдѣлался безобразнымъ и не утратилъ своего блаженства. Когда врачъ смотритъ на болѣзани и касается страдающихъ членовъ, чтобы исцѣлить больныхъ, ужели онъ необходимо дѣлается изъ добраго злымъ, или изъ счастливаго несчастливымъ, изъ прекраснаго дурнымъ? Такъ и Богъ—Слово, снисходя къ тѣмъ, кои не могутъ снасти оиніе Его Божества, стало плотію и говорило языкомъ человѣческимъ, однако же всегда оставаясь по существу Своему Словомъ, оно не подвержено тѣмъ переменамъ, какими страдаютъ душа и тѣло, съ которыми оно соединилось ¹⁶⁶). „Несправедливо, говоритъ Оригенъ, и то мнѣніе Цельса, будто мы чрезмѣрно почитая Иисуса, противорѣчимъ собственному ученію о поклоненіи единому Богу. Ибо Иисусъ Христосъ сказалъ о Себѣ: Азъ и Отецъ едино есма. (Іоан. X, 30); Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ (Іоан. XIV, II); посему мы поклоняемся Отцу и Сыну, какъ единому Богу. Не чловѣку, недавно явившесуся, впадаемъ почести, ибо мы вѣримъ тому, который сказалъ: прежде даже Авраамъ не бысть Азъ есмь (Іоан. VIII, 58.) и Азъ есмь истина (Іоан. XIV, 6), а никто не сомнѣвается, что существо истины существовало и до явленія Христа. Такимъ образомъ мы чтимъ Отца истины и Сына, самую истину, которые суть два по своей ипостаси (δύο τῆ ὑποστάσει), но одно по единству согласію и тождеству воли своей, такъ что видѣвшій Сына, который есть оиніе и образъ ипостаси Божіей, видѣлъ въ Немъ и Отца“ ¹⁶⁷).

Наконецъ Цельсъ возставалъ противъ ученія о воскресеніи плоти, представляя его слѣдствіемъ будто бы дурно понятаго ученія о переселеніи душъ ¹⁶⁸). Онъ говорилъ, что желать возвратиться въ разрушившееся тѣло прилично только пресмыкающимся ¹⁶⁹), и ученіе о воскресеніи тѣла объяснялъ изъ желанія христіанъ чувственнымъ образомъ имѣть общеніе съ Богомъ ¹⁷⁰).

¹⁶⁶) Contra Cels. IV, 15. «Καὶ σῶμα θνητόν καὶ ψυχὴν ἀνθρωπίνην ἀναλαβὼν ὁ ἀνάματος θεὸς λόγος, τῆ οὐσίας μενων λόγος, οὐδεν μὲν πάσχει ἢ πάσχει τὸ σῶμα ἢ ἡ ψυχὴ». (Ср. тамже п. 19.)

¹⁶⁷) Contra Cels. VII, 12.

¹⁶⁸) Contra Cels. VII, 32.

¹⁶⁹) Contra Cels. V, 12: «σκοληκῶν ἢ πλέγς».

¹⁷⁰) Ibid. VII, 49—50.

Оригенъ, писавшій о воскресеніи особенное сочиненіе ¹⁷¹⁾, въ настоящемъ случаѣ довольствуется краткимъ опроверженіемъ нѣкоторыхъ возраженій Цельса, происшедшихъ отъ его недоразумѣнія. „Ученіе о воскресеніи, говоритъ Оригенъ, по высотѣ своей неудобноизяснимо, и наиболѣе требуетъ мудрости для уразумѣнія того, какъ оно вызвышено и достойно Бога. Цельсъ издѣвается надъ нимъ, потому что не понимаетъ его, или слышалъ о немъ отъ невѣждъ. Это ученіе отнюдь не происходитъ, какъ думалъ Цельсъ, изъ дурно понятаго ученія о переселеніи душъ изъ однихъ тѣхъ въ другія: но оно основывается на твердомъ убѣжденіи въ томъ, что душа, по существу своему безтѣлесная и невидимая, находясь однако въ какомъ-либо тѣлесномъ мѣстѣ, имѣетъ нужду въ тѣлѣ, сообразномъ съ свойствомъ ея жилища ¹⁷²⁾. Равнымъ образомъ, говоритъ Оригенъ, ни мы не учимъ, ни Св. Писаніе не говоритъ, чтобы люди давно умершіе возстали нѣкогда изъ земли и стали опять жить въ прежнихъ, тѣлахъ, безъ всякой перемѣны ихъ въ лучшія ¹⁷³⁾. Какъ Богъ по ученію апостола (I Кор. XV, 35—38), даетъ каждому сѣмени тѣло, какое Онъ хочетъ, такъ Онъ поступитъ и въ отношеніи къ мертвымъ, которые какъ бы сѣются въ землю и въ опредѣленное время получаютъ отъ Бога изъ тѣлъ посѣянныхъ тѣло, каждому приличное. Писаніе пространно говоритъ о томъ, какое будетъ различіе между тѣмъ тѣломъ, которое такъ сказать сѣется, и тѣмъ, второе изъ него какъ бы возстанетъ. (I Кор. XV, 42—49) ¹⁷⁴⁾. Въ воскресеніи мертвыхъ, которое мы проповѣдуемъ, качества тѣлъ измѣнятся: ибо посѣянные въ тлѣніи возстанутъ въ нетлѣніи, посѣянные въ безчестіи возстанутъ въ славѣ, и тѣла душевныя сдѣлаются духовными. Въ этомъ мы не можемъ сомнѣваться при твердой увѣренности во всемогущемъ Промыслѣ, который можетъ сообщить матеріи качества, какія Ему благоугодно. Ибо матерія, находясь въ зависимости отъ Бога, теперь имѣетъ такой образъ бытія, а послѣ будетъ имѣть другой и притомъ гораздо лучшій ¹⁷⁵⁾. Пгакъ наше чаяніе вос-

¹⁷¹⁾ Евсев. Цер. Истор. VI, 24.

¹⁷²⁾ Contra Cels. V, 18.

¹⁷³⁾ Contra Cels. V, 18.

¹⁷⁴⁾ Ibid. 19,

¹⁷⁵⁾ Contra Cels. IV, 57.

кресенія мертвыхъ не есть надежда приличная только червямъ" ¹⁷⁶). Далѣе „пусть знаетъ Цельсъ, что хотя имѣемъ мы нужду въ тѣлѣ между прочимъ и потому, что пребываемъ въ тѣлесномъ мѣстѣ; но отнюдь не нуждаемся въ немъ для познанія Бога, для того, чтобы видѣть Его невещественными очами, или слышать ушами и осязать руками. Ибо не тѣлеснымъ окомъ созерцается Богъ, но умомъ, который сотворенъ по образу создателя, и отъ Его промысла получилъ способность познавать Бога. Видѣть Бога можетъ только сердце чистое, по слову Спасителя: блаженіи чистія сердцемъ, яко тія Бога узрятъ. (Мѡ. V, 8) ¹⁷⁷). Наконецъ Цельсъ упрекаетъ, какъ въ томъ, будто мы сами себѣ противорѣчимъ, когда мы съ одной стороны, чаа воскресенія тѣла, почитаемъ его достойнымъ такой чести отъ Бога; а съ другой отдаемъ его на всякія мученія, какъ бы вещь ничего нестоющую. Но мы не безчестимъ тѣло, когда за свою вѣру подвергаемъ его страданіямъ и различнымъ трудамъ; тѣ только безчестятъ тѣло, которые оскверняютъ и разрушаютъ его грѣховными удовольствіями ¹⁷⁸). Впрочемъ, замѣчаетъ Оригенъ, мы имѣемъ нѣчто превосходнѣйшее, нежели тѣло, именно разумную душу, ибо она носить въ себѣ образъ Создателя, который безтѣлесенъ ¹⁷⁹).

II.

Цельсъ въ своихъ возраженіяхъ противъ *Евангельской исторіи* не оспаривалъ подлинности самихъ Евангелій, но нападалъ только на отдѣльныя сказанія ихъ и старался показать, что они странны, невѣроятны и противорѣчатъ между собою. Посему и Оригенъ въ сочиненіи противъ Цельса довольствовался только защищеніемъ и объясненіемъ частныхъ событій Евангельской исторіи.

Цельсъ находилъ страннымъ родословіе Іисуса Христа, производящее Его отъ іудейскихъ царей. „Но, отвѣчаетъ Оригенъ,

¹⁷⁶) Ibid. V, 19.

¹⁷⁷) Ibid. VII, 34—35.

¹⁷⁸) Ibid. VII, 50.

¹⁷⁹) Contra Cels. VIII, 49.

то, что мать Спасителя обручена была бѣдному древодѣлю, не препятствуетъ Ему вести Свое родословіе отъ царей. И въ наше время развѣ нѣтъ примѣровъ, что дѣти богатыхъ и знатныхъ родителей остаются подобно Маріи въ простомъ и бѣдномъ состояніи; между тѣмъ какъ предводителями и царями народовъ являются люди изъ низкаго сословія ¹⁸⁰⁾. Цельсъ почиталъ невѣроятнымъ повѣствованіе о томъ, что халдеи, по случаю рожденія І. Христа, пришли поклониться Ему, еще младенцу, какъ Богу. На это Оригенъ замѣтивъ, что Цельсъ ошибается, если не различаетъ маговъ отъ халдеевъ, говоритъ: „изъ Евангельскаго сказанія видно, что расположило ихъ къ путешествію въ Вифлеемъ. Они видѣли звѣзду на востокъ, которая была изъ рода кометъ, новую и непохожую на другія. А такія кометы, по замѣчанію ученыхъ, являются какъ предвѣстницы великихъ и необычайныхъ переворотовъ, имѣющихъ случиться на землѣ. Что же удивительнаго, если явилась звѣзда и при рожденія Того, Который долженъ былъ провозвести нѣчто новое въ человѣческомъ родѣ и распространить Свое ученіе не только между іудеями, но и у грековъ и многихъ варварскихъ народовъ? Сверхъ того, волхвы съ явленіемъ на землѣ Сына Божія, пришедшаго разрушить власть демоновъ, вѣроятно встрѣтили препятствіе заниматься своимъ искусствомъ, и по необыкновенной звѣздѣ догадавшись, что родилось Существо, которое могущественнѣе и превосходнѣе содѣйствующихъ имъ демоновъ, рѣшились Ему поклониться. Можетъ-быть они имѣли записанное Моисеемъ пророчество Валаама, который и самъ былъ свѣдущъ въ томъ искусствѣ и прочли о звѣздѣ Числ. XXIV, 17. Итакъ они пришли въ Іудею, узнавши о мѣстѣ рожденія будущаго царя, принесли новорожденному золото, какъ Царю, смирену, какъ имѣющему умереть, и ливанъ, какъ Богу ¹⁸¹⁾. Когда Цельсъ выставялъ бѣгство І. Христа во Египетъ дѣломъ, недостойнымъ Бога, то Оригенъ говоритъ, что христіане исповѣдуютъ, что І. Христосъ состоитъ изъ двухъ естествъ, Божескаго и человѣческаго. „Что же несообразнаго, когда тотъ, кто однажды принялъ естество человѣческое, не благоволилъ без-

¹⁸⁰⁾ Contra Cels. II, 32.

¹⁸¹⁾ Contra Cels. I, 58--60.

временно подвергнуться опасности смерти, но удаляется отъ нея по свойственному людямъ чувству самосохраненія? Безъ сомнѣнія, можно было Ему спастись и иначе. Но съ образомъ, который принялъ на Себя Христосъ, явившись на землѣ, гораздо соответствѣннѣе было то, что Онъ вмѣстѣ съ своими воспитателями бѣжалъ въ Египеть, чѣмъ то, еслибы Провидѣніе воспрепятствовало намѣренію Ирода, или защитило младенца Іисуса невидимымъ шлемомъ, о которомъ говорятъ поэты, или наконецъ, съ посланными для Его убіенія поступило также, какъ съ содомлянами ¹⁸²).

Особенно подробно, хотя и не совсѣмъ основательно Оригенъ защищаетъ отъ возраженій Цельса Евангельское сказаніе о томъ, что происходило при крещеніи І. Христа. „Нужно замѣтить, говоритъ Оригенъ, что бываютъ исторіи, даже истинныя, которыхъ достовѣрность однако доказать весьма трудно, а иногда не возможно“. Подтвердивши это примѣромъ повѣствованій о Троянской войнѣ, объ Эдипѣ и Іокастѣ и переселеніи Гераклидовъ ¹⁸³), Оригенъ переходитъ къ Евангельскому сказанію о явленіи Св. Духа въ видѣ голубя и защищаетъ его приспособительно къ понятіямъ іудея, которому вложилъ Цельсъ свои возраженія. Онъ спрашиваетъ: чѣмъ докажетъ іудей сказаніе Іезекіиля о томъ, что небеса отверзались и Богъ показалъ ему славу Свою (Іезек. I, 1. II, 1.), или чѣмъ подтвердить видѣніе пророка Исаи, описанное въ VI главѣ его книги? „Если достовѣрность сихъ пророковъ свидѣтельствуется ихъ чудесами, то еще болѣе должно вѣрить, говоритъ Оригенъ, Іисусу Христу, который разсказалъ о томъ событіи своимъ ученикамъ; потому что Онъ сотворилъ несравненно многочисленнѣйшія и важнѣйшія чудеса ¹⁸⁴). Истина Евангельскаго сказанія о необычайныхъ обстоятельствахъ крещенія Спасителя подтверждается также чудесами апостоловъ Его и тѣми слѣдами Св. Духа, явившагося въ видѣ голубя, которые доселѣ остаются у христіанъ ¹⁸⁵).

¹⁸²) Contra Cels. I, 66.

¹⁸³) Ibid. 42.

¹⁸⁴) Contra Cels. I, 43—44.

¹⁸⁵) Contra Cels. I, 46. Впрочемъ Оригенъ, слѣдуя тогдашнему понятію о небѣ, какъ: тѣлѣ твердомъ и плотномъ, которое не можетъ раздѣлиться безъ переворота

Возражая противъ Евангельскихъ пророчествъ, Цельсъ представлялъ невозможнымъ, чтобы Иуда предалъ І. Христа и Петръ отрекся отъ Него послѣ того, какъ Онъ предсказалъ имъ это; иначе нужно допустить, говорить онъ, что если І. Христосъ предсказалъ это какъ Богъ, то Онъ сдѣлалъ Своихъ учениковъ и сообщниковъ невольными преступниками¹⁸⁶). На эти возраженія Оригенъ говоритъ, что „предсказаніе Христа о предательствѣ Иуды и объ отреченіи Петра не могло измѣнить внутреннихъ расположеній, изъ которыхъ впоследствии произошли самыя дѣйствія того и другаго ученика¹⁸⁷). Опытъ показываетъ, что многіе не оставляютъ своихъ замысловъ противъ другихъ, и послѣ того, какъ ихъ злоба уже открыта и разоблачена¹⁸⁸). Посему нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что Иуда предалъ І. Христа и Петръ совершилъ отреченіе отъ Него, хотя имъ было это предсказано. Несправедливо и то, будто І. Христосъ, предсказавши предательство Иуды и отреченіе Петра, сдѣлался чрезъ то причиною ихъ преступныхъ дѣйствій“. Ибо предсказывающій не есть виновникъ исполненія того, что Онъ предсказывалъ. Это, говоритъ Оригенъ, должно имѣть въ виду при всѣхъ пророчествахъ, которыя касаются нашихъ дѣйствій. Для примѣра возьмемъ изъ греческихъ сочиненій предсказаніе, которое дано было Лаію (въ трагедіи Еврипида), что если онъ родитъ сына, то послѣдній умертвитъ его самого: отнята ли была чрезъ это у Лаія свобода рождать или не раждать сына¹⁸⁹)?

Наконецъ, Цельсъ оспаривалъ дѣйствительность важнѣйшаго событія Евангельской исторіи—воскресенія Іисуса Христа, про-

во всей природѣ, находить неудобнымъ понимать повѣствованіе объ Іорданскомъ событіи въ буквальномъ смислѣ. Не отвергая истинности Евангельскаго сказанія, можно—говоритъ онъ, не припавши того, чтобы на самомъ дѣлѣ небо разверзлось, Духъ Божій сходилъ съ неба въ видѣ голубя и былъ слышанъ гласъ съ неба: можетъ быть это происходило въ душѣ Іисуса Христа и Его крестителя, ибо подобныя явленія Божественная сила можетъ производить не только въ свѣтѣ, но и въ бодрственномъ состояніи, особеннымъ образомъ возбуждая умъ къ воспріятію высшихъ откровеній (C. Cels. 1, 18).

¹⁸⁶) Contra Cels. II, 12—20.

¹⁸⁷) Contra Cels. II, 12.

¹⁸⁸) Ibid. 19.

¹⁸⁹) Contra Cels. II, 80.

тивопоставляя ему баснословные рассказы о явлении съ того свѣта Замолкса, Орея, Протезилая, Геркулеса и др. „Но, отвѣчаетъ Оригенъ, такіе рассказы легко могутъ быть объяснены: каждый изъ тѣхъ героевъ могъ, когда хотѣлъ, скрыться на нѣкоторое время отъ взоровъ человѣческихъ и потомъ опять явиться къ людямъ, какъ будто возвратившись изъ ада. Не таково повѣствованіе о воскресеніи І. Христа. Онъ былъ распятъ на крестѣ предъ глазами цѣлаго народа іудейскаго, и Его безжизненное мертвое тѣло было снято со креста въ присутствіи многочисленной толпы: какъ же возможно допустить здѣсь такой обманъ, какой употребили тѣ герои, будто бы сходявшіе въ подземный міръ и потомъ оттуда возвратившіеся? Еслибы Онъ умеръ тайно и такъ, чтобы не зналъ о томъ народъ іудейскій, и потомъ дѣйствительно воскресъ изъ мертвыхъ: тогда бы можно было сказать и о Немъ тоже, что о тѣхъ герояхъ!... Но сильное и ясное доказательство истины воскресенія Христова, по словамъ Оригена, состоитъ въ томъ, что апостолы такъ мужественно проповѣдали въ мірѣ ученіе Іисуса, не смотря на угрожавшія имъ опасности. Еслибы они выдумали, что Христосъ возсталъ изъ мертвыхъ, то какъ могли бы проповѣдать ученіе Его съ такимъ усердіемъ и мужествомъ, что не только другимъ внушали презрѣніе къ смерти, но и сами первые пожертвовали своею жизнію ¹⁹⁰⁾? Это особенно представляется важнымъ, когда вспомнимъ, что Христосъ, распятый на крестѣ, подвергся самой поносной смерти, которая могла уничтожить прежде пріобрѣтенную славу и тѣхъ, кои были оболещены, совершенно вооружить противъ Него, какъ обманщика ¹⁹¹⁾. Нельзя также, подобно Цельсу, почитать воскресеніе Іисуса Христа слѣдствіемъ самооболещенія апостоловъ, которые, увлекшись ложною мечтою, живо вообразили себѣ то, чего сильно желали. Въроятно ли, чтобъ это могло произойти съ апостолами въ бодрственномъ состояніи, еслибы они не были подвержены сумашествію или меланхоліи? Цельсъ, намекая на Марію Магдалину, называетъ ее безумною (παροϊχος); но объ этомъ нигдѣ не говорится въ Писаніи ¹⁹²⁾. Изъ Евангелія извѣстно, что І. Христосъ

¹⁹⁰⁾ Contra Cels. II, 56.

¹⁹¹⁾ Contra Cels. I, 31.

¹⁹²⁾ Contra Cels. II, 20.

неоднократно являлся апостоламъ и одного изъ нихъ, не вѣрившаго воскресенію Его, убѣдилъ указаніемъ на язвы, полученныя Имъ на крестѣ. Какъ же могли обмануться апостолы и за воскресшаго Господа принять Его призравъ¹⁹³⁾? Притомъ, что страннаго и удивительнаго въ томъ, если сотворивый многія чудеса, превышающія человѣческую природу и столь поразительныя, что и Цельсъ не могъ отвергнуть ихъ, но для объясненія ихъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ магіи, что, говорю, страннаго въ томъ, если такой человѣкъ и въ своей кончинѣ имѣлъ нѣчто необыкновенное, а Его душа, добровольно оставивши тѣло, по своей волѣ опять вошла въ него, совершивши нѣкоторыя дѣла? I. Христось сказалъ: никтоже возьметъ душу Мою отъ Мене, но Азъ полагаю ю о Себѣ; имаю власть положить ю и паки пріяти (Іоан. X, 18)¹⁹⁴⁾. Даже весьма сообразно было со всѣми предсказаніями объ Иисусѣ Христѣ, и со всѣми Его дѣяніями и приключеніями то, что все это завершилось славнѣйшимъ чудомъ воскресенія. Ибо пророкъ отъ лица Иисуса сказалъ: яко не оставиши души моея во адѣ, ниже даси преподобному твоему видѣти истлѣнія (Пс. XV, 9.)¹⁹⁵⁾? Но почему, спрашивалъ Цельсъ, I. Христось по воскресеніи своемъ не явился народу и врагамъ своимъ и чрезъ то не открылъ своего Божественнаго могущества? „И на это можно представить достаточное основаніе, говоритъ Оригенъ. Еще и прежде, во время пребыванія своего во плоти, Христось не всегда являлся въ одномъ и томъ же видѣ, но измѣнялъ его, сообразуясь съ свойствами зрителей. Такъ, готовясь преобразиться на горѣ, Господь взялъ съ Собою не всѣхъ апостоловъ, а только Петра, Іакова и Іоанна, такъ какъ они одни были достойны и способны быть свидѣтелями Его Божественной славы. Тѣмъ болѣе по воскресеніи Своемъ Онъ естественно долженъ былъ наблюдать такой выборъ по отношенію къ лицамъ, которымъ являлся. Ибо Воскресшій имѣлъ совершенно особенный видъ: лице Его сіяло необыкновеннымъ блескомъ и разливало вокругъ себя лучи свѣта, такъ что видъ Его могли сносить только очи

¹⁹³⁾ Contra Cels. II, 61. сн. 63.

¹⁹⁴⁾ Contra Cels. II, 16.

¹⁹⁵⁾ Ibid. 62.

вѣрующихъ. Даже апостоламъ и ученикамъ Своимъ Онъ, по воскресеніи, не всегда былъ видимъ и не постоянно обращался съ ними, ибо и они не могли непрерывно сносить зрѣніе лица Его. Между тѣмъ очи невѣрующихъ, воззрѣвши на Него, были бы поражены слѣпотою, какъ это случилось съ жителями Содома, злоумышлявшими на ангеловъ въ домъ Лота. Итакъ Онъ не явился врагамъ Своимъ, Пилату, первосвященникамъ и книжникамъ по Своему милосердію къ нимъ, ибо Онъ видѣлъ слабость силъ ихъ для того, чтобы имъ узрѣть Его ¹⁹⁶).

III.

Нападая на свящ. *ветхозавѣтныя* книги христіанъ, Цельсъ то представлялъ содержащіяся въ нихъ сказанія заимствованными у грековъ или варваровъ, то находилъ ихъ невѣроятными, недостойными Бога и соблазнительными.

Въ опроверженіе перваго обвиненія Цельсова, Оригенъ представляетъ древность Моисея и другихъ свящ. писателей. „Странно, что Цельсъ не обратилъ вниманія на древность Моисея: тогда какъ нѣкоторые изъ греческихъ писателей рожденіе его относятъ ко временамъ Имаха, отца Феронея, котораго египтяне, равно какъ и писатели Финикійской исторіи, признаютъ самымъ древнѣйшимъ. Пусть такъ же Цельсъ раскроетъ двѣ книги Иосифа Флавія о древностяхъ іудейскихъ; онъ узнаетъ изъ нихъ, что Моисей гораздо древнѣе тѣхъ, которые говорили, что по истеченіи длиннаго періода времени бывають въ этомъ мірѣ всеобщіе потопы и пожары ¹⁹⁷). Посему Моисей и другіе древнѣйшіе по немъ священные писатели не могли заимствовать своихъ сказаній отъ другихъ какихъ-либо историковъ: но судя по времени, скорѣе должно полагать, что эти другіе заимствовали свое повѣствованіе и ученіе отъ св. писателей, только душно поняли и перетолковали ихъ ¹⁹⁸).

¹⁹⁶) Contra Cels. II, 63—67.

¹⁹⁷) Contra Cels. IV, 11.

¹⁹⁸) Contra Cels. IV, 12.

Оправдывая ветхозавѣтныя сказанія противъ другаго обвиненія Цельса, Оригенъ часто безъ основательной нужды прибѣгалъ къ пособію аллегорическаго истолкованія св. книгъ. Неизвѣстно, какъ именно защищалъ онъ исторію творенія міра, на которую нападалъ Цельсъ; упоминая о возраженіи Цельса противъ нея, Оригенъ отсылаетъ читателя къ своему недошедшему до насъ толкованію Моисеева сказанія о твореніи міра ¹⁹⁹), и говоритъ только слѣдующее: „чтобы обличить тѣхъ, которые все въ Писаніи изъясняютъ въ буквальный смыслъ и утверждаютъ, что дѣйствительно Богъ употребилъ шесть дней для творенія міра, довольно указать на слова Моисея (Быт. 11, 4.): сія книга бытія небесе и земли, егда бысть, въ онъже день сотвори Господь Богъ небо и землю ²⁰⁰) Невѣроятно, чтобы Моисей, упомянувши о шести дняхъ творенія, сказалъ тѣ слова безъ всякой мысли ²⁰¹). Изъ этого видно, что Оригенъ исторію творенія міра изъяснялъ аллегорически. Далѣе на обвиненіе Цельса, будто человѣкъ сотворенъ руками Божиими, Оригенъ замѣчаетъ: „въ книгѣ Бытія нигдѣ не говорится о рукахъ Божіихъ, сотворившихъ или образовавшихъ человѣка. Изъ словъ Іова (X, 8) и Давида (Пс. 118, 73): рудъ Твои сотвористе мя и создасте мя, нельзя заключать, будто мы приписываемъ Богу видъ человѣкообразный; иначе мы должны были бы и тѣло Бога представлять крылатымъ, такъ какъ Писаніе говоритъ о крылахъ Божіихъ: но это противно нашему ученію“ ²⁰²). Несправедливо также Цельсъ, по легкомыслію своему, издѣвается надъ словами Писанія: и вдушу Богъ въ лице его (человѣка) дыханіе жизни, представляя здѣсь, будто Богъ вдунулъ въ человѣка, какъ бы въ какіе-либо мѣхи. Ибо въ этихъ словахъ образно выражается та мысль, что Богъ сдѣлалъ человѣка причастнымъ своего нетлѣннаго Духа, какъ говорится въ книгѣ Премудрости (XII, 1.): нетлѣнный бо Духъ твой есть во всѣхъ ²⁰³). Что касается повѣствованія Моисея о созданіи Богомъ жены изъ ре-

¹⁹⁹) Ibid. VI, 49.

²⁰⁰) Ibid. 60.

²⁰¹) Contra Cel. VI, 49.

²⁰²) Contra Cels. VI, 37.

²⁰³) Ibid. IV, 37.

бра усыпленного Адама, то Оригенъ говоритъ, что это должно понимать не въ собственномъ смыслѣ, и іудеи съ такимъ же правомъ могутъ толковать ту исторію аллегорически, съ каковымъ греки обыкновенно изъясняютъ также сказаніе Гезіода о женщинѣ, посланной къ людямъ въ отщепеніе имъ за похищенный съ неба огонь ²⁰⁴). Далѣе, возраженіе Цельса, будто въ повѣствованіи о паденіи человѣка Богъ является столь слабымъ, что не могъ и одного сотвореннаго Имъ человѣка удержать въ повиненіи Себѣ, „это возраженіе, говоритъ Оригенъ, походить на то, еслибы кто сталъ обвинять Бога за то, что существуетъ зло и нѣтъ ни одного человѣка, не зараженнаго грѣхомъ. Вѣрнѣе въ провидѣніи защищаютъ Его противъ такого обвиненія многими и очень основательными доказательствами. Касательно же грѣхопаденія Адама можно сказать, что въ еврейскомъ языкѣ слово Адамъ означаетъ человѣка, и что въ сказаніи Моисея объ Адамѣ изображается вообще человѣческая природа. Ибо, какъ Писаніе свидѣтельствуетъ, (1 Кор. XV, 22) Римл. V, 15), всѣ въ Адамѣ умираютъ и осуждены по подобію преслушанія Адамова“ ²⁰⁵).

Нельзя не замѣтить, что въ защищеніи ветхозавѣтныхъ сказаній Оригенъ большею частію пользовался аллегорическимъ способомъ изъясненія Св. Писанія. Но мнѣнію его, Св. Писаніе часто употребляетъ истинныя, дѣйствительныя исторіи для означенія предметовъ важнѣйшихъ и возвышеннѣйшихъ ²⁰⁶). Посему, руководясь мыслию, что подъ буквою Писанія заключается высшій, духовный смыслъ, Оригенъ старался находить этотъ смыслъ вездѣ, гдѣ ему, по его собственнымъ понятіямъ, представлялось неудобнымъ или несообразнымъ прилагать буквальное изъясненіе. Но такъ какъ Цельсъ ставилъ въ упрекъ христіанамъ и то, что они въ изъясненіи Писанія прибѣгаютъ къ аллегоріи ²⁰⁷); то Оригенъ въ оправданіе говоритъ: „Цельсъ не можетъ упрекать насъ за то, что ищемъ и находимъ этотъ смыслъ въ Св. Писаніи, когда и сами греки такимъ же образомъ изъясняютъ свои ска-

²⁰⁴) Contra Cels. IV, 38.

²⁰⁵) Contra Cels. IV, 40.

²⁰⁶) Contra Cels. IV, 44.

²⁰⁷) Ibid. 48.

занія о богахъ. Развѣ однимъ только грекамъ принадлежить право предлагать философскія истины подъ покровомъ аллегорій? И египтяне и другіе варварскіе народы хвалятся мудростію, которая скрывается будто бы въ ихъ мистеріяхъ. Почему же іудеямъ это не могло быть позволено ²⁰⁸⁾? Изъ тѣхъ пророчествъ, въ коихъ находятся исторіи, можно видѣть, что и послѣднія написаны для извлеченія изъ нихъ высокихъ наставленій, такъ—чтобы удовлетворить и множеству простыхъ вѣрующихъ и тѣмъ немногимъ, которые имѣютъ способность и стремленіе глубже проникать въ дѣло ²⁰⁹⁾. Далѣе—способъ духовно изъяснить Св. Писаніе не новое изобрѣтеніе, но происходитъ отъ отцевъ нашего ученія, которые первые изложили его въ писаніяхъ ²¹⁰⁾. И при этомъ Оригенъ ссылается на слова апостола Павла (1 Кор. IX, 9. Ев. V, 31. 1 Кор. X, 3). Что въ ветхозавѣтныхъ писаніяхъ должно находить смыслъ духовный,—объ этомъ свидѣтельствуешь Асаѣ, который псаломъ свой (77, 2) начинаетъ словами: Отверзу въ притчахъ уста моя, провѣщаю ганавія исперва. Елика слышахомъ и познахомъ я и отцы наша повѣдаша намъ ²¹¹⁾. Притомъ, еслибы законъ Моисея не заключалъ въ себѣ ничего сокровеннаго, то какъ же могъ пророкъ въ молитвѣ своей къ Богу, говорить: отвори очи мои и уразумю чудеса отъ закона Твоего (Пс. 118, 18)? Онъ зналъ, что покрывало невѣдѣнія лежитъ на сердцѣ тѣхъ, кои читаютъ и не разумѣютъ высшаго духовнаго смысла ²¹²⁾.

Гораздо лучше защищаетъ Оригенъ достоинство ветхозавѣтныхъ книгъ отъ того нареканія Цельса, будто они написаны языкомъ простымъ и необработаннымъ. „Писатели св. книгъ. говоритъ Оригенъ, заботились о пользѣ не только людей образованныхъ, но и простыхъ, и потому должны были употреблять языкъ общепонятный“ ²¹³⁾. Притомъ не должно думать, что ученіе дѣлается лучше отъ того, если оно предлагается греками

²⁰⁸⁾ Contra Cels. IV, 38.

²⁰⁹⁾ Ibid. 49.

²¹⁰⁾ Contra Cels. IV, 49.

²¹¹⁾ Ibid.

²¹²⁾ Contra Cels. IV, 50.

²¹³⁾ Ibid. VI, 2.

съ свойственнымъ имъ искусствомъ и краснорѣчіемъ, равно какъ ничего не теряетъ и тогда, если оно излагается у христіанъ просто и безыскусственно. Впрочемъ языкъ іудеевъ, продолжаетъ Оригенъ, который употребляли пророки для написанія своихъ книгъ, имѣеть своего рода красоту и не чуждъ художественности ²¹⁴). Богъ, заботясь не только о грекахъ, славящихся своею мудростію, но и о всѣхъ людяхъ, снисходилъ къ неразумію наставляемыхъ, и употреблялъ языкъ безыскусственный, общепонятный, дабы привлечь къ слушанію и простой народъ, который впослѣдствіи будетъ въ состояніи проникать и въ глубокія истины, сокрытыя подъ буквою Писанія ²¹⁵).

IV.

Думая опровергнуть христіанство, Цельсъ наконецъ нападалъ на поведеніе и образъ жизни его послѣдователей, и усиливался подорвать достоинство религіи со стороны тѣхъ дѣйствій, какия оказываетъ она въ ихъ внѣшнемъ быту. При этомъ у него не встрѣчаются обвиненія ни въ безбожіи, ни въ развратной жизни, въ чемъ невѣжественные язычники нерѣдко обвиняли христіанъ, какъ видно изъ апологетическихъ сочиненій св. Іустина, Минуція, Феликса и другихъ ²¹⁶): за то онъ обращалъ свое вниманіе на поведеніе *христіанъ въ отношеніи къ государству*, и обвинялъ ихъ въ нелюбви къ отечеству, въ сопротивленіи общественному порядку и устройству.

а) Христіане не любятъ своего отечества — вотъ одинъ изъ самыхъ слабыхъ упрековъ, какой надалъ на христіанъ со стороны язычниковъ. „Они не берутъ оружія, не сражаются за императора; они отказываются отъ высшихъ, начальственныхъ должностей ²¹⁷), говоритъ Цельсъ. Въ оправданіе христіанъ Оригенъ представляетъ то, что они оказываютъ государямъ помощь, но помощь духовную, а носить оружіе и сражаться на войнѣ

²¹⁴) Contra Cels. VII, 59.

²¹⁵) Ibid. 60.

²¹⁶) Св. Іустинъ. Разгов. съ Триф. гл. 10. Сн. Апол. 1, 26; 2, 12. Минуц. Фел. Octavius cap. 9, изс.

²¹⁷) Origen. contra Cels. VIII, 72.

противно ихъ священному званію. „Мы охотно доставляемъ императору помощь,—но помощь божественную, ибо мы облеклись въ броню Божію: и это дѣлаемъ мы сокровенно, невидимо для людей, не ожидая славы... А если враги нашей вѣры требуютъ, чтобы мы для общаго блага брали оружіе и убивали людей, то отвѣчаемъ: ваши собственные жрецы опасаются жертвы для такъ-называемыхъ боговъ приносить руками нечистыми, оскверненными кровію и убійствомъ; потому при наступленіи войны никогда не берутъ ихъ въ воинскій строй. Если это разумно, то не болѣе ли разумно то, что христіане, какъ священники и служители Вышняго Бога, не берутъ оружія, хотя бѣ и нападали на нихъ, но храня свои руки чистыми и незапятнанными въ крови, только посредствомъ молитвы подвизаются за тѣхъ, кои ведутъ законныя войны? Ибо, слѣдуя заповѣди апостола (1 Тим. 11, 1--2), мы молимся за справедливыхъ владыкъ, да низложитъ Господь всѣхъ враговъ и всякого кто противится любящимъ правду. Даже мы гораздо болѣе услугъ оказываемъ императорамъ и царямъ, чѣмъ ихъ войны, когда молитвами своими отгоняемъ злыхъ духовъ, старающихся склонить людей къ нарушенію мира и возбудить войну²¹⁵⁾. Кроме того, говоритъ Оригенъ, христіане споспѣшествуютъ благу обществу своею доброю жизнію и распространеніемъ спасительныхъ истинъ и правилъ нравственности: ибо они съ молитвою къ Богу соединяютъ благоговѣйныя размышленія и жизнь трезвую, чуждую страстей и пороковъ. Они сообщаютъ и прочимъ подданнымъ государства спасительное ученіе, показываютъ имъ, какъ должно правильно чтить Бога, отъ котораго зависитъ благосостояніе царства, и готовятъ къ небесному Божію граду живущихъ здѣсь — въ малыхъ городахъ сего міра“²¹⁶⁾. „Что касается того, что христіане удаляются отъ общественныхъ должностей; то, говоритъ Оригенъ, они поступаютъ такъ не потому, чтобы опасались исполнять обыкновенныя обязанности человѣческой жизни, но потому, что берегутъ время и силы для гораздо нужнѣйшихъ и важнѣйшихъ дѣлъ, для служенія

²¹⁵⁾ Origen. contra Cels. VIII, 73.

²¹⁶⁾ Ibid. 74.

церкви, которое споспѣшествуетъ блаженству людей. Ибо въ каждомъ городѣ есть у насъ иное отечество, основанное Словомъ Божиимъ, и людей достойныхъ по дару ученія и по благочестію мы заставляемъ принимать на себя правительственныя должности въ церквахъ. Это служеніе сколько необходимо, столько и благодѣтельно. Стоящіе въ немъ имѣютъ попеченіе о всѣхъ: о тѣхъ, кои находятся въ церкви, стараются, чтобы они со дня на день преуспѣвали въ благочестіи; а чуждыхъ, внѣшнихъ ей, заботятся привести и приготовить къ тому, чего требуетъ благочестіе²²⁰⁾. Такъ оправдываетъ Оригенъ удаленіе христіанъ отъ воинской службы и государственныхъ должностей²²¹⁾.

Далѣе, Цельсъ старался представить христіанъ опасными для благоденствія государства, называя ихъ ученіе тайнымъ и собранія противозаконными.

Касательно собраній христіанъ, Оригенъ замѣчаетъ, что они вызваны необходимостію тѣснѣйшаго соединенія. Положимъ, что кто-нибудь попалъ къ скиѣмъ и не могъ найти никакого средства убѣжать, но долженъ проводить жизнь среди этихъ народовъ, имѣющихъ нечестивые законы: такой человѣкъ справедливо могъ бы собираться съ своими единомышленниками, пови-

²²⁰⁾ Contra Cels. VIII, 75.

²²¹⁾ Въ этомъ оправданіи Оригенъ выражаетъ образъ мыслей нѣкоторыхъ христіанъ своего времени, разившіяся не изъ чистой вѣчной истины Евангелія, но изъ условныхъ отношеній христіанства къ языческому государству. Известно, что общественныя должности требовали исполненія нѣкоторыхъ обрядовъ языческой религіи; нужно было принять присягу, присутствовать при народныхъ торжествахъ, участвовать въ языческихъ церемоніяхъ; притомъ надлежало иногда быть исполнителемъ законовъ, несогласныхъ съ броткимъ духомъ христіанства. Самая противоположность новой религіи съ языческимъ міромъ давали нѣкоторымъ христіанамъ поводъ дурно смотрѣть на все, что существовало въ немъ, даже на то, что будучи освобождено отъ языческаго покрова, можетъ быть законнымъ въ государствѣ христіанскомъ. Вотъ почему и Оригенъ воинскую службу почитаетъ несогласною съ священнымъ званіемъ христіанъ! При этомъ нельзя не замѣтить, что онъ не представляетъ основательности и единства съ самимъ собою: если, какъ онъ говоритъ, есть правомѣрныя и законныя войны, то что же можетъ препятствовать христіанамъ оружіемъ споборствовать дѣлу правды? Впрочемъ истина христіанская невольно сказалась у Оригена, когда онъ сознается, что нѣтъ никакой житейской обязанности, которой бы долженъ христіанинъ удалиться (см. выше).

нуюсь закону истины, презираемому скиѣами. И мы живемъ среди народовъ, коихъ законы повелѣваютъ поклоняться идоламъ и чтить многихъ боговъ, а это есть отрицаніе естиннаго Бога²²²). Притомъ собранія, сами по себѣ, не могутъ быть запрещены подъ угрозой какого-либо наказанія, и объ нихъ надо судить по тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ они составляются. Съ этой стороны христіанскія собранія не заслуживаютъ порицанія и запрещенія, такъ какъ въ нихъ не предпринимается ничего противнаго общественной безопасности и благоденствію государственному. Тѣ не грѣшатъ, говоритъ Оригенъ, которые въ тиши заключаютъ союзъ для того, чтобы низвергнуть тирана, незаконно притѣсняющаго свободный народъ: тѣмъ еще менѣе можно ставить въ вину христіанамъ то, что они, видя какъ владычествуетъ въ мірѣ тираннъ, называемый діаволомъ, и вмѣстѣ съ нимъ ложь, соединяются противъ законовъ этого діавола, дабы разрушить его царство и привести къ блаженству тѣхъ, кои откажутся отъ него“. Противъ упрека въ скрытности ученія христіанскаго Оригенъ прямо выставляетъ общеизвѣстность христіанства... Мы не отвергаемъ того, говоритъ онъ, что у насъ есть нѣкоторыя ученія, которыя мы держимъ тайнѣ и не тотчасъ всякому открываемъ. Но это свойственно не одному христіанству, а обще ему съ философами, которые раздѣляли свое ученіе на экзотерическое, всѣмъ предлагаемое, и на эзотерическое, предлагаемое только совершеннымъ. Кто же ставить въ вину грекамъ или варварамъ то, что они скрываютъ свои тайны? Впрочемъ, продолжаетъ Оригенъ, міръ едва ли не лучше и точнѣе знаетъ то, чему учатъ христіане, нежели то, что проповѣдуютъ ваши философы. Кому неизвѣстно, что мы утверждаемъ, что Иисусъ родился отъ Дѣвы, умеръ на крестѣ, воскресъ изъ мертвыхъ, нѣкогда опять придетъ судить и злымъ воздастъ праведное наказаніе за грѣхи ихъ, а благочестивымъ награду за ихъ добродѣтели? Не говорятъ ли сами невѣрующіе о тайнѣ воскресенія мертвыхъ, и не смѣются ли они ежедневно надъ нею, хоть ея и неразумѣютъ? Итакъ, кто обвиняетъ насъ

²²²) Contra Cels. I, 7.

въ томъ будто мы содержимъ какое-то тайное ученіе, тотъ говоритъ такую нелѣпость, какую только можно сказать ²²³⁾.

Наконецъ, Цельсъ называлъ общество христіанъ возмутительнымъ, которое стремится разрушить существующій порядокъ вещей: съ точки зрѣнія политической, это самый сильный упрекъ, но вмѣстѣ и самый несправедливый. „Но, говоритъ Оригенъ, — ни Цельсъ, ни другіе ему подобные, не могутъ доказать, чтобы христіане сдѣлали какое-либо возмущеніе“. Ибо это несогласно съ волею Божественнаго Основателя религіи и противно правамъ христіанъ. „Законодатель христіанъ заповѣдалъ своимъ ученикамъ ни надъ кѣмъ не употреблять силы, даже надъ самыми незаконными; Онъ считалъ не сообразнымъ съ своимъ законоположеніемъ позволить какое бы то ни было отнятіе жизни челоувѣка. Еслибы началомъ и основаніемъ общества христіанъ было возмущеніе, то они не приняли бы столь миролюбивыхъ законовъ, которые требуютъ, чтобы они, какъ овцы, безропотно давали себя на закланіе, и имъ не позволяють мстить своимъ гонителямъ. Если же отъ насъ ничего не требуется такого, чтобы противорѣчило слову или закону Божию, то какъ же мы были бы безразсудны, еслибы стали сами навлекать на себя гнѣвъ и ярость царей и начальниковъ? Не получили ли мы заповѣди повиноваться властямъ предрержащимъ? Для насъ только одно есть исключеніе: если милость людей нужно пріобрѣсть чрезъ работливое ласкательство, и особенно чрезъ нарушеніе обязанностей въ отношеніи къ Высочайшему Богу, въ такомъ случаѣ мы не можемъ повиноваться“ ²²⁴⁾. Далѣе Оригенъ старается показать непрочность начала своего противника, который утверждалъ, что „кто хранитъ законы своей страны, тотъ благочестивъ; а кто нарушаетъ, тотъ безбожникъ“. Итакъ, говоритъ Оригенъ, одинъ и тотъ же челоувѣкъ можетъ жить въ одно и то же время и благочестиво и нечестиво; благочестиво, если онъ будетъ судимъ по этимъ законамъ; нечестиво, если по другимъ. Но это значить превращать всѣ понятія о правдѣ, о святости и благочестія: въ такомъ случаѣ, святость не различалась бы отъ не святости и не имѣла бы никакой собствен-

²²³⁾ Contra Cels. I, п. 7.

²²⁴⁾ Contra Cels. III. 7.

ной и особенной природы. И еслибы святость, правда, благочестіе принадлежали къ числу тѣхъ понятій, которыя не имѣютъ никакого постояннаго и неизмѣннаго характера, то и каждое отдѣльное дѣйствіе могло бы быть въ одно и то же время праведнымъ или неправеднымъ, смотря потому, какъ гласятъ законы, по которымъ оно судится ²²⁵). Вообще, говоритъ Оригенъ, есть два закона: законъ природы, происходящій отъ самого Бога, и писанный законъ городовъ и земель. Справедливость требуетъ, чтобы писанный законъ былъ соблюдаемъ всѣми членами гражданскаго общества и предпочитаемъ всѣмъ чуждымъ законамъ, доколѣ онъ не противорѣчитъ законамъ Божескимъ. Но если законъ, происходящій отъ самого Бога, заповѣдуетъ что-либо противное писанному закону: то разумъ требуетъ оставлять писанный законъ и уваженіе къ человѣческому законодателю, но своимъ единственнымъ законодателемъ признавать Бога, жить и дѣйствовать по Его волѣ,—хотя бы надлежало подвергнуться опасности, претерпѣть мученіе, поношеніе и самую смерть ²²⁶). Итакъ, конечно законъ долженъ владычествовать, но законъ—собственно достойный этого имени, такой законъ, который по природѣ своей есть царь, и котораго господство простирается надъ всѣмъ: этотъ законъ не различенъ отъ Божественнаго и дѣйствительно отъ природы владычествуетъ надъ всѣмъ міромъ, и ему-то слѣдовать есть главнѣйшая наша обязанность; всѣ же прочіе законы, уклоняющіеся отъ него, мы отвергаемъ навсегда. И можетъ ли тотъ народъ, который есть часть и наслѣдіе Господа, жить или хотѣть жить иначе, а не по Божественнымъ законамъ ²²⁷)?

Такъ Оригенъ раскрывалъ и защищалъ Божественное достоинство христіанской религіи противъ нападеній Цельса. Рассматривая эту апологію Оригена, справедливо можемъ замѣтить, что она богата сильными, глубокомысленными, полными и краснорѣчія мѣстами, которыя показываютъ въ немъ превосходнаго противника языческаго философа и достойнаго защитника вѣры Христовой. Существенные пункты христіанской апологетики были частію въ первый разъ выставлены Оригеномъ въ надежа-

²²⁵) Contra Cels. V, 28.

²²⁶) Contra Cels. V, 37.

²²⁷) Ibid. 40.

щемъ видѣ, частію раскрыты съ большею подробностію и отчетливостію въ сравненіи съ предшествующими ему писателями; главныя нападенія язычниковъ на христіанство отражены такъ ловко и побѣдоносно, что и самыя недостатки въ опроверженіи нѣкоторыхъ возраженій Цельса закрываются и какъ бы остаются въ тѣни. А недостатки есть, — и они происходятъ отъ того, что Оригенъ въ защищеніи вѣры приспособлялся къ образу и пріемамъ мышленія Цельса и другихъ ученыхъ язычниковъ богѣ, нежели сколько это представляется нужнымъ и полезнымъ. Такъ, онъ иногда неумѣстно прибѣгаетъ къ аллегорическому изъясненію Св. Писанія. Поелику и язычники свое ученіе о богахъ изъясняли аллегорически, то Оригенъ не сомнѣвался защищать противъ нихъ подобнымъ же средствомъ свящ. книги и свою религію. Желая оспаривать язычниковъ по возможности философски, посредствомъ доводовъ и убѣжденій, находящихся въ кругу сознанія людей философски образованныхъ, — Оригенъ естественно сближался въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ системами философій, особенно Платонической. Но вообще его апологію христіанской религіи справедливо можно заключить слѣдующими прекрасными словами самого Оригена: „Христіанство опирается на самыхъ твердыхъ основаніяхъ, или лучше сказать — оно есть дѣло Божіей силы и основано самимъ Богомъ (Θείας ἐνεργείας τὸ σύνθεμα ἡμῶν ἐστὶν ὡς τὴν ἀρχὴν αὐτοῦ εἶναι Θεόν), Который чрезъ своихъ пророковъ внушилъ людямъ чаять Мессію, имѣвшаго придти для спасенія міра. Невѣрующіе тщетно усиливаются доказать, что мы заблуждаемся; они мнимыми опроверженіями своими только богѣ подтверждаютъ то, что Слово воистинну есть Слово Божіе, и что Іисусъ есть Сынъ Божій, какъ прежде, такъ и послѣ воплощенія. Имѣющіе просвѣщенные очи ума увидятъ, что Слово, Которое плоть бысть, есть истинное Слово Божіе, низшедшее къ намъ отъ Бога, — что христіанство имѣетъ свое начало и успѣхъ не отъ мудрости человѣческой, но есть откровеніе Бога, Который многообразно мудростію Своею и величайшими чудесами насадилъ въ міръ сперва іудейскую религію, потомъ христіанскую ²²⁸).

П. Р.

²²⁸) Contra Cels. III, 14.

ПИСЬМА

КЪ ПОЧИВШЕМУ ВЪ БОЗЪ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЬИШЕМУ
МАКАРІЮ МИТРОПОЛИТУ МОСКОВСКОМУ*.

Анатолія, епископа могилевскаго и мстиславскаго.

1. Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ,
милостивый государь!

Простите мнѣ великодушно, что, не имѣя удовольствія лично быть вамъ знакомымъ, осмѣливаюсь утруждать ваше высокопреподобіе настоящимъ письмомъ. Такою смѣлостію одушевляетъ меня душевно уважаемое мною, извѣстное церкви, ваше литературное трудолюбіе, а побужденіе къ письму состоитъ въ слѣдующемъ. Въ одной изъ книгъ могилевской семинаріи я усмотрѣлъ написанное собственною рукою знаменитаго пастыря исповѣдника нашей церкви Григорія Конисскаго опроверженіе любимой латинянами гипотезы, будто Россія, по просвѣщеніи св. крещеніемъ, первоначально состояла въ соединеніи съ римскою церковію. Изъ упомянутаго опроверженія въ видѣ замѣтокъ Конисскаго видно, что въ его время съ такою же горячностію, какъ въ наше, писатели римской церкви старались утверждать крайне необходимое для нихъ это мнѣніе, необходимое потому, что римская церковь, произведши такъ-называемую унію,

* См. январ. и ноябр. кн. «Прав. Обзоръ» за 1888 г.

безспорно признала святыми прославившихся въ нашей церкви святостію жизни, или по крайней мѣрѣ, не обнаружила на счетъ сего своего зазрѣнія; а стекающимся на праздники нѣкоторыхъ нашихъ святыхъ, какъ напр. Бориса и Глѣба, посулила такъ-называемые у римлянъ отпусты грѣховъ. Между тѣмъ уже въ наше время трудно, а пройдетъ столѣтіе—иному и на мысль не придетъ искать историческихъ свидѣтельствъ истины къ опроверженію мнѣнія латинистовъ въ твореніяхъ уважаемыхъ ими писателей, съ которыми Конисскій былъ коротко знакомъ. По сему побужденію, такъ какъ упомянутыя замѣтки Конисскаго писаны частію по-польски, а большею частію по-латыни, я поручилъ о. ректору могилевской семинаріи перевести ихъ на русскій языкъ, предполагая препроводить ихъ въ редакцію Маяка. Но какъ изданіе этого журнала, въ здѣшнихъ странахъ весьма полезнаго, кажется къ прискорбію, прекратилось: то препровождо переводъ упомянутыхъ записокъ преосвященнаго Конисскаго на благоусмотрѣніе вашего высокопреподобія. Сдѣлайте милость, всепочтеннѣйшій отецъ, употребите ихъ въ дѣло, помѣстите ихъ сушность хотя въ сноскахъ гдѣ-либо вашихъ сочиненій. Или не возьмется ли кто-либо изъ студентовъ вашей академіи написать объ этомъ предметѣ и издать въ свѣтъ отдѣльное разсужденіе. Оно очень необходимо; нужно по крайней мѣрѣ разъ навсегда отвѣтить на изступленные вопли Запада. А вамъ извѣстно, что взвившійся за дѣло, вѣроятно, при пособіи упоминаемыхъ записокъ, откроются новыя неизвѣстныя свидѣтельства истины. Такъ я, перелистывая недавно фоліанты подъ названіемъ *Collectio amplissima Conciliorum — Ioan. Dominici Mansi* въ XXVII томъ *colum: 857 — 858*, усмотрѣлъ, что на констанскомъ соборѣ Іеронимъ Прагскій между прочимъ былъ осужденъ за то, что онъ, бывая въ Витебскѣ и Псковѣ, былъ въ общеніи съ нашею церковію, цѣловалъ наши иконы и мощи угодниковъ Божіихъ и даже въ нашихъ храмахъ приобщался святыхъ таинъ. Все это я говорю къ тому, что въ настоящее время, особенно въ здѣшнихъ странахъ, требуется множество твердыхъ, основательныхъ сочиненій въ защиту православія во всѣхъ его видахъ: потому что такъ-называемый католицизмъ, хотя дѣйствуетъ здѣсь скрыто, вооружился противъ насъ на смерть. Бѣлоруссія, несмотря на присоединеніе къ Рос-

сія почти за 80 лѣтъ назадъ, омрачена такимъ фанатизмомъ, что помѣщики отъ всей души ненавидятъ православныхъ. Этому не преодолѣть никакими физическими силами и не измѣнить никакія мѣры правительства: потому что католицизмъ есть самый лютей духъ; а духъ преобладаетъ духомъ. Католицизмъ держится книгами, сочиненіями, которыя, кромѣ безчисленнаго множества старыхъ, во множествѣ имѣющихся здѣсь въ домахъ богатыхъ помѣщиковъ, постоянно провозятся изъ-за границы скрытно и непостижимымъ образомъ распространяются въ видѣ альманаховъ, размысленій, молитвенничковъ всѣхъ возможныхъ, особенно крошечныхъ, форматомъ самыхъ роскошныхъ изданій.. Значить ревнителю православія здѣсь жатва многа, только тяжкая, потому что надобно пожинать терніе. Но всего необходимѣе книги, книги и книги! Пишите же для насъ, ваше высокопреподобіе, и издавайте книги!... Вамъ подобаетъ расти, а я отъ всего сердца буду умолять благость Божию: да укрѣпитъ ваши силы и содѣйствуетъ въ вашихъ трудахъ и занятіяхъ!

Съ чувствомъ душевнаго уваженія и преданности пребываю

Высокопреподобнѣйшій отецъ!

Вашего высокопреподобія покорнѣйшимъ слугою
Анатолій, епископъ могилевскій и мстиславскій.

1846 года, марта 18 дня.

Могилевъ на Днѣпрѣ.

2. Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ!

Благость любвеобильнаго сердца вашего такъ велика, выраженіе оной передо мною такъ явственно, щедро, что я поистинѣ долженъ казаться передъ вами нечувствительнымъ, тѣмъ паче, что самъ не знаю, какъ и чѣмъ извиниться передъ вами! Конечно на старости, или подъ старость лѣтъ, меня посѣщаютъ часто тѣлесныя, очень досадныя недуги; справедливо и то, что я постоянно занятъ самыми разнообразными, не позволяющими ни на одномъ предметѣ сосредоточить мысли, дѣлами; но все же я могъ улучшить время, по крайней мѣрѣ, на то, чтобы принести вашему высокопреподобію покорнѣйшую мою благодарность за безцѣнный даръ вашъ, состоящій въ Исторіи вашей христіанства въ Россіи до Владиміра. Многократно я и собирался и начиналъ писать къ вамъ; но все такъ, что опасался, чтобы ваше

высокопреподобіе не сочили моихъ рѣчей за лесть, или что еще хуже, чтобы онѣ не сдѣлались хоть малымъ поводомъ къ духовной гордости, которая убійственнѣе всякой болѣзни для дарованія. Я боялся поэтому не только самъ писать, но даже за другихъ, чтобы чего-либо такого не написали къ вамъ! и особенно досадовалъ на журналистовъ, что они такъ хвалили вашу книгу! Ибо я самъ испыталъ, что для человѣка въ духовныхъ дѣлахъ ничего нѣтъ пагубнѣе человѣческихъ похвалъ. Даже если онѣ не служатъ ни къ чему болѣе, какъ къ поощренію трудящагося, все онѣ вредны: потому что могутъ заставить человѣка излишне трудиться и повредить свое здоровье. А мы тогда только умѣемъ цѣнить здоровье, когда потеряемъ оное! Ваше же здоровье нужно не для васъ однихъ; нужно оно для церкви, для бѣднаго нашего духовнаго юношества, мучимаго безкнижнымъ ученіемъ. Церковь ожидаетъ отъ васъ своей исторіи, наше юношество хотъ какого-нибудь учебника, чтобы хотъ по одному предмету было свободно отъ каторжнаго списыванія уроковъ, часто негѣпныхъ. Но чтобы ваше высокопреподобіе по поводу моей бесѣды не возгордились, позвольте доложить вамъ, что послѣ вашего введенія въ Исторію христіанства въ Россіи до Владиміра, церковь ожидаетъ отъ васъ своей исторіи, по меньшей мѣрѣ, въ шесть томовъ такихъ, каково введеніе. Кромѣ того въ Россіи Исторія русской церкви нужна такая, въ которой бы въ концѣ каждаго вѣка, или хотъ періода, исчислялись или указаны были памятники христіанства, современные описываемымъ событіямъ, уцѣлѣвшіе до нашихъ временъ; каковы напр. книги, въ которыхъ имя Іисусъ написано несокращенно, тройственное аллилуія, кресты четвероконечные... Словомъ такіе памятники и указанія на нихъ, которые бы положительно, безъ спора, опровергали заблужденія нашихъ раскольниковъ...

Но пріимите отъ меня нижайшую, душевную благодарность за ваши драгоцѣннѣйшія для меня дары,—за ваше Введеніе, за ваши Слова и Записки Георгія Конисскаго! При семъ покорнѣйше прошу за прилагаемыя при семъ лепты взять на себя трудъ прислать мнѣ начало вашей собственно Церковной Русской Исторіи, или періодъ ея до-татарскій. При семъ честь имѣю доложить, что у меня есть всѣ прежнія ваши сочиненія, которыя я тщательно, хотъ не самъ собою за недосугомъ, выписы-

ваю. Пришлите еще мнѣ, если можно больше экземпляровъ Записокъ Георгія Конисскаго: потому что присланныя почти все уже роздагъ!

Съ душевнымъ уваженіемъ и всецѣлою преданностію пребываю

Высокопреподобнѣйшій отецъ!

Вашего высокопреподобія покорнѣйшимъ слугою
Анатолій, епископъ могилевскій и мстиславскій.

1847 года, іюня 5 дня.

Могилевъ на Днѣпрѣ.

3. Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ!

Позвольте нижеподписавшемуся старцу прервать на минуту ваши занятія. Побуждаемый нѣкоторыми обстоятельствами, онъ рѣшился снова издать книгу свою „Вѣра, надежда и любовь“ со включеніемъ въ нее нѣкоторыхъ статей напечатанныхъ въ журналѣ „Воскресное Чтеніе“ съ присовокупленіемъ къ тому предисловія и новаго, вмѣсто прежняго, собранія духовныхъ стихотвореній. Рѣшившись на сіе, сказанный старецъ, по настоящей почтѣ, посылаетъ означенную книгу въ санктпетербургскій комитетъ духовной цензуры, съ покорнѣйшею просьбою, дозволить напечатать ту книгу съ приложеніями, и съ таковою же обращается къ вашему высокопредобію споспѣшествовать осуществленію старческаго предположенія. Помогите, высокопреподобнѣйшій отецъ, содѣяніемъ своимъ исполненію желанія старца, которому, по естественному ходу вещей, подобаетъ уже молиться! Содѣяніе ваше въ удовлетвореніи сему прошенію старецъ почтетъ истинно великимъ для себя благодѣяніемъ и будетъ отъ всей души молить Бога: да растете во благодати Его отъ силы въ силу,—въ чувствѣ же душевнаго уваженія и преданности навсегда пребудеть

Высокопреподобнѣйшій отецъ!

Вашего высокопреподобія покорнѣйшимъ слугою
Анатолій, епископъ могилевскій.

1850 года, іюня 12 дня

Вѣлорусскій Могилевъ.

4. Преосвященнѣйшій владыко,
милостивѣйшій архипастырь!

Не умѣю выразить душевной моей благодарности за безцѣнный для меня даръ вашъ, состоящій въ III томѣ Богословія вашего сочиненія! Оно поистинѣ сокровище, собранное многотруднымъ терпѣніемъ вашего преосвященства на золотыхъ церковныхъ пріискахъ и внесенное въ церковное казнохранилище. Но позвольте сказать, что я въ трактатѣ вашего Богословія о церкви ожидалъ открытаго опроверженія догмата латинистовъ относительно церковнаго единовластительства папъ, и ожидалъ тѣмъ пламеннѣе, что въ здѣшнихъ областяхъ разсѣяны невидимою рукою въ безчисленномъ множествѣ книги и книжонки, преимущественно на французскомъ языкѣ, доказывающія этотъ любимый догматъ латинистовъ, а у всякаго почти ксендза имѣются Praelections Theologiae Peggone.

Вмѣстѣ съ симъ покорнѣйше прошу, въ счетъ прилагаемыхъ при семъ кредитныхъ билетовъ, приказать выслать на мое имя причитающееся количество экземпляровъ вновь вышедшаго III тома Богословія пера вашего.

Въ чувствѣ душевнаго уваженія и преданности честь имѣю быть

Вашего преосвященства, милостивѣйшій архипастырь!
покорнѣйшимъ слугою
Анатолій, епископъ могилевскій.

1851 года, октября 11 дня.

Могилевъ Вѣлорусскій.

5. Преосвященнѣйшій владыко,
милостивый архипастырь!

Слава и благодареніе Богу, подавшему вамъ благодать изданіемъ полнаго, православнаго, богатаго догматическаго Богословія, на чистомъ, достойномъ предмета, русскомъ языкѣ, отнять поношеніе отъ русской церкви, которую укоряли иновѣрцы, что она не имѣетъ даже собственнаго, не зараженнаго чуждыми православію мнѣніями, Богословія! Слава и вамъ, преосвященнѣйшій владыко, подъявшему тяжкіе, многолѣтніе труды, и довершившему, съ неохлажденною ревностію, поистинѣ великій

подвигъ! Теперь мнѣ, немощному старцу, дожившему до столь счастливой для нашей церкви эпохи, остается только воскликнуть: нынѣ отпускаеши Владыко!... Между тѣмъ, принося вашему преосвященству всеискреннѣйшую благодарность за доставленіе мнѣ V тома вашего Богословія, покорнѣйше прошу въ счетъ прилагаемаго выслать на мое имя еще одинъ экземпляръ того же тома въ полужоюанномъ переплетѣ.

О приглашеніи духовенства моголевской епархіи къ выпискѣ вашего догматическаго Богословія съ моей стороны сдѣлано надлежащее распоряженіе. Въ чувствѣ душевнаго уваженія и всецѣлой преданности пребываю

Преосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь!

Вашего преосвященства покорнѣйшимъ слугою
Анатолій, епископъ моголевскій.

1858 года, февраля 1 дня.

Бѣлорусскій Моголевъ.

**6. Преосвященнѣйшій владыко,
Милостивѣйшій архипастырь!**

Почтительнѣйше представляя при семъ на благоусмотрѣніе вашего преосвященства двѣ проповѣдки, изъ коихъ я, въ іюлѣ мѣсяцѣ текущаго года, одну произнесъ въ м. Вѣткѣ, а другую въ г. Гомлѣ, покорнѣйше прошу приказать, буде можно, помѣстить хотя одну изъ нихъ въ „Христіанскомъ Читеніи“ и выслать мнѣ нѣсколько экземпляровъ ея, или, по меньшей мѣрѣ, дозволить мнѣ какую угодно изъ тѣхъ проповѣдокъ напечатать здѣсь въ Моголевѣ!

Вмѣстѣ съ симъ честь имѣю представить вашему преосвященству второе посланіе мое къ гомельскимъ раскольникамъ, въ томъ предположеніи, что можетъ быть полюбопытствуете прочесть оное. Идать же это посланіе въ свѣтъ, кажется, нельзя и потому, между прочимъ, что оно написано въ противоположность одной рукописи, неизвѣстно кѣмъ составленной для большаго ожесточенія блуждающихъ въ расколѣ, и заключаая въ себѣ опроверженіе мнѣній изложенныхъ въ той же рукописи, не приводитъ изъ нея самыхъ возраженій отъ слова до слова. Копію съ означенной рукописи я представилъ Св. Синоду еще въ іюнѣ мѣсяцѣ текущаго года; но какъ, по доходив-

шимъ до меня слухамъ, рукопись эту ревностно раскольники списывали и читали по домамъ, какъ бы съ нѣкимъ торжествомъ: то я, не могши этого вытерпѣть, рѣшился написать и отправить къ почетнѣйшимъ гомельскимъ раскольникамъ предлагаемое при семъ въ копіи посланіе.

Повергаю предъ вашимъ преосвященствомъ еще одно покорнѣйшее прошеніе. Не имѣя времени выправить по своему желанію записокъ моихъ о Римской церкви, про которыя писалъ я три года тому къ вашему преосвященству, я отдалъ тѣ записки священнику Василю Гречулевичу ¹⁾, съ тѣмъ, чтобы онъ какъ-нибудь выправилъ ихъ и издалъ въ свѣтъ. Онъ принялся за это и для цензурнаго разсмотрѣнія тѣхъ записокъ имѣетъ представлять ихъ тетрадами В. Н. Карпову ²⁾. Преосвященнѣйшій владыко! покорнѣйше прошу оказать тѣмъ запискамъ мощное свое покровительство. На старости лѣтъ, даже на краю гроба мнѣ и въ мысль не приходило при составленіи ихъ стязать имя автора, даже не хочу, чтобы онѣ вышли подъ моимъ именемъ. Но я писалъ тѣ записки томимый болѣзнями сердца отъ ежедневныхъ козней латинскаго духовенства, которое скрытно, но ревностно и искусно подкапывается подъ основаніа нашей отечественной церкви. Взоромъ ясновидящаго я вижу злонамѣренныя ихъ затѣи и трепещу отъ одной мысли, что могутъ ходящіе въ одеждахъ овчихъ латинисты произвести въ Россіи. Повѣрьте мнѣ, преосвященнѣйшій владыко, что настало время и вопіющая потребность заготовлять оружіе, которое вскорѣ понадобится для защиты отъ открытыхъ нападѣній противъ церкви нашей. Уже множество книгъ на французскомъ языкѣ разбросаны въ здѣшнихъ странахъ невидимою рукою съ безчисленными пасквилями на нашу церковь. Судите же: если какой-нибудь социалистъ, какой-нибудь Герпенъ, сидя въ Англіи, имѣетъ возможность распространять въ Россіи злонамѣренныя свои памфлеты на русскомъ языкѣ: то что можетъ произвести у насъ римская пропаганда посредствомъ множества всендзавъ, изъ которыхъ каждый

¹⁾ Редактору съ 1860 г. журнала «Странникъ», впоследствии преосвященному Виталию, епископу моголевскому.

²⁾ Профессору с.-петербургской дух. академіи и члену состоявшаго при ней цензурнаго комитета.

не что иное есть какъ шпионъ той пропаганды и эмиссаръ! Очевидно, что если не станемъ заготовлять и раздавать своимъ благовременно оружіе соотвѣтственное оружію враговъ церкви: то, не смотря на правду нашу, они одержать надъ нами, по меньшей мѣрѣ, поверхность; какъ въ послѣднюю войну враги отечества имѣли поверхность надъ оружіемъ нашего воинства потому только, что дѣйствовали новымъ оружіемъ, съ которымъ русскіе не хотѣли ознакомиться, когда объ немъ доходили свѣдѣнія по слухамъ. Записки мои отчасти можно назвать компиляціею того, что у насъ печаталось въ разныхъ журналахъ о римской церкви; но въ тѣхъ же запискахъ есть много такихъ свѣдѣній, которыя не только трудно было бы отыскать, но иному даже на мысль не пришло бы искать ихъ тамъ, гдѣ я отыскалъ ихъ. Такимъ образомъ мои записки могутъ служить указаніемъ на источники матеріи и свидѣтельствъ для будущаго защитника нашей церкви. Но придирчивая критика наша можетъ въ ничто обратить мои ревностныя благожеланія. Сдѣлайте же милость: будьте защитникомъ моихъ записокъ, преосвященнѣйшій владыко! Благодареніе Богу, свѣтская цензура сдѣлалась снисходительнѣе къ писателямъ благонамѣреннымъ. Въ журналахъ стали появляться прозою и стихами статьи, рѣзко обличающія пороки и злоупотребленія. Зачѣмъ же нашей цензурѣ придираться къ сочиненіямъ благонамѣреннымъ?

Въ чувствѣ душевнаго высокопочитанія и преданности пребываю

Преосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастыр!
Вашего преосвященства покорнѣйшій слуга
Анатолій, архіепископъ моголевскій.

1856 года, августа 30 дня.
Могилевъ губернскій.

Григорія, архіепископа тверскаго.

1. Высокопреподобнѣйшій о. архимандритъ!

Весьма благодаренъ за присланную ко мнѣ книгу „Введеніе въ Православное Богословіе“, и много винюся, что такъ долго не писалъ о ея полученіи. Какъ я люблю копаться и весьма не

люблю, когда ссылки дѣлаются не вѣрно; то, признаюсь, мнѣ хотѣлось когда-нибудь на досугѣ провѣрить васъ, и потомъ что-нибудь написать къ вамъ. Но мы преосвященные, кромѣ развѣ очень немногихъ, гдѣ епархіи малы и куда еще не достигъ духъ сильно распространяющейся безрелигіозности, всѣ сидимъ въ грязи и духотѣ, такъ что почти совершенно не имѣемъ времени воспользоваться нѣкоторою свободою и подышать чистымъ воздухомъ. Впрочемъ я нѣсколько удовлетворилъ моему любопытству и остался доволенъ вашимъ сочиненіемъ. Ваше сочиненіе у насъ первое и достойно быть во всякой ученой библіотекѣ. Я постараюсь распространить ее во вѣренной мнѣ епархіи. Весьма желаю подобнаго обстоятельнаго продолженія. За присланный мнѣ экземпляръ съ благодарностію препровождаю 10 руб., покорнѣйше прося прислать ко мнѣ, ежели имѣете, другой экземпляръ хотя безъ переплета.

Съ истиннымъ почтеніемъ есмь
Вашъ покорнѣйшій слуга
Григорій, архіепископъ тверскій

15 января 1848.

2. Высокопреподобный о. архимандритъ!

Весьма благодаренъ за доставленіе мнѣ перваго тома Догматики! Весьма обстоятельное и основательное сочиненіе! Да дастъ вамъ Господь Богъ силы окончить этотъ трудъ такъ давно въ церкви желанный и такъ удовлетворительный.

Надѣюсь, что въ казанской епархіи этотъ томъ нѣсколько разойдется.

Покорно прошу выслать ко мнѣ три экземпляра и Исторію кіевской академіи.

Вашего высокопреподобія
покорнѣйшій слуга
Григорій, архіепископъ казанскій.

5 ноября 1849.

Евгенія, архієпископа ярославскаго.

Ваше высокопреподобіе,
 достопочтенный отецъ инспекторъ
 академіи и архимандритъ Макарій.

Почтенное письмо ваше и книгу трудовъ вашихъ: *Введеніе въ Православное Богословіе* имѣлъ честь получить и приношу вашему высокопреподобію за столь отличный даръ безъ всякихъ моихъ заслугъ усердѣйшую благодарность. Какъ скоро слабыми моими глазами, при моихъ многосложныхъ занятіяхъ, совершу ея чтеніе; то препровожду въ семинарскую бібліотеку для общей пользы и для приглашенія желающихъ.

Призывая на васъ благословеніе Божіе, съ душевнымъ уваженіемъ и братскою любовію есмь

Вашего высокопреподобія
 Возлюбленнаго о Христвъ брата
 Усердѣйный доброжелатель
 Евгеній, архієпископъ ярославскій.

9 октября 1847.

Ярославъ.

Евгенія архієпископа астраханскаго.

Высокопочтеннѣйшій
 отецъ архимандритъ Макарій,
 милостивый государь!

Искреннѣйшую приношу вамъ благодарность за присылку мнѣ книги вашего прекраснаго произведенія подъ названіемъ: *Православно-Догматическое Богословіе*.

Считаю не только полезнымъ, но и весьма нужнымъ снабдить нѣсколько церквей астраханской епархіи этою книгою вами издавною. Въслѣдствіе чего астраханская духовная консисторія съ нынѣшнею почтою препровождаеть въ канцелярію правленія с.-петербургской духовной академіи восемьдесятъ восемь рублей серебромъ на выписку 44 экземпляровъ 1 тома вашего *Православно-Догматическаго Богословія*.

Затѣмъ остается мнѣ покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, прикажите укупорить оныя 44 экземпляра вашей книги, сколько можно, прочтѣе для того, чтобы въ дальней дорогѣ,

какова отъ Петербурга до Астрахани, не повредились, а особенно въ настоящее осеннее время.

Астраханская епархія ожидаетъ и прочихъ частей вашего Православно-Догматическаго Богословія. Да поможетъ вамъ Господь продолжать и совершить сіе великое, святое и премолезное дѣло для нашей православной россійской церкви!

Съ отличнымъ моимъ къ вамъ уваженіемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть навсегда

Вашего высокопреподобія
Милостиваго государя моего покорнѣйшій слуга
Евгеній, архіепископъ астраханскій.

26 октября 1849 года.

Астрахань.

Іереміи, епископа кавказскаго и черноморскаго.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ,
прелюбезный о Христѣ Исусѣ братъ!

Много благодарствую любви вашей и за писаніе ваше, коимъ посвѣтили мене, и за прекрасный трудъ вашъ, въ даръ мнѣ присланный. Читая и перечитывая его, я болѣе и болѣе возбуждаюсь къ желанію, чтобы вы, съ помощію Божіею, вошли и въ самое внутреннее исторіи россійской церкви и потрудились на семъ священно-любезномъ поприщѣ, которое, сколько извѣстно, давно ожидаетъ дѣлателя столько трудолюбнаго, искуснаго, терпѣливаго, какъ вы. Господь Богъ вамъ буди помощникъ!

Могу ли я получить—и гдѣ—экземпляровъ десять книги вашей для нѣсколькихъ церквей епархій кавказской?

Отцу Θεофану*, если онъ еще съ вами (а я желалъ бы этого надолго) кланяюсь.

Обоихъ васъ, всею моею братскою любовію объемя, привѣтствую наилучшимъ христіанскому сердцу гласомъ святыхъ церкви: *Христосъ воскрес!*

Прошу отца Θεофана, а если его нѣтъ уже съ вами, васъ самихъ потрудиться послушанія ради святаго—передать книгопродавцу Исакову, чтобы онъ превосходящее изданіе *Patrologiae* продолжалъ высылать на мое имя: 16 томовъ первой Серіи я получилъ исправно. Спасибо ему.

* Бакалавръ Петр. Дух. Академіи, впоследствии епископъ тамбовскій, нынѣ состоящій на покой.

Ожидаю вскорѣ рожденія паствѣ кавказской новаго чада — разумнаго: семинаріи. Итакъ мой долгъ приготовить для него правіантъ таковому чаду свойственнаго, т.-е. книжнаго—довольно, и приготовить оныя.

Срѣтась съ отцемъ ректоромъ тамбовскимъ, любезнѣйшимъ о. Никодимомъ (онъ, слышу, на чредѣ), прошу отъ мене поклониться и привѣтствовать: *Христось воскрес!*

Всю академію вашу, мою мать тѣмже: Христось воскрес, сыновне привѣтствую, есьмь

Вашего высокопреподобія
Возлюбленнаго о Христѣ брата
Покорнѣйшій слуга
Іеремія, епископъ кавказскій и черноморскій,

1 апрѣля 1846.
Ставрополь на Кавказѣ.

Василія, архіепископа полоцкаго и витебскаго.

Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ,
достопочтеннѣйшій братъ о Господѣ.

Получивъ подаренный мнѣ экземпляръ *Введенія въ Православное Богословіе*, я непремѣннымъ долгомъ поставилъ для себя вдругъ же внимательно прочесть эту книгу.

Не могу не выразить особеннаго удовольствія, какое доставило мнѣ чтеніе этого, можно сказать, перваго, весьма удачнаго опыта въ нашемъ отечествѣ. Вѣрный и вмѣстѣ полный взглядъ на предметъ, систематическое и отчетливое изложеніе онаго, вотъ достоинства, которыя, по моему мнѣнію, украшаютъ ваше сочиненіе.

Не говоря уже о многостороннихъ свѣдѣніяхъ, доказывающихъ глубокую вашу начитанность, я увѣренъ, что всякій любитель духовнаго просвѣщенія вполне оцѣнитъ ваше усердіе; зрѣлый же плодъ трудовъ вашихъ не замедлитъ принести истинную пользу между образующимся юношествомъ.

Затѣмъ мнѣ остается только съ выраженіемъ искреннѣйшей благодарности за лестный для меня подарокъ вашъ отъ души

пожелать, да подкрѣпитъ Господь силы ваши на избранномъ поприщѣ и да благословитъ новые труды ваши ко благу духовнаго просвѣщенія и пользѣ святой православной церкви.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть.

Вашего высокопреподобія
покорнѣйшимъ слугою

Василій, архіепископъ полоцкій и витебскій.

1847 года 21 октября.

Владимира, архіепископа казанскаго.

Почтенновозлюбленнѣйшій о Господѣ братъ,
отецъ архимандритъ-инспекторъ Магарій!

Препосланное вами ко мнѣ при письмѣ отъ 25 сентября сочиненіе ваше—Введеніе въ Православное Богословіе я своевременно получилъ, получивъ два раза его читалъ, читая въ оба раза до глубины души услаждался отчетливостію, съ какою оно составлено, а услаждаясь тако умолялъ премудрости Наставника и смысла Подателя: да воздастъ Онъ вамъ за сей трудъ, въ мѣру полну, натрясену и преливающуюся.

Приобрѣсти сію книгу покупкою я нѣкоторымъ уже приказалъ, нѣкоторымъ совѣтовалъ, а другимъ буду совѣтовать. Жаль — что у насъ и по сіе время бѣлое духовенство и скупо и гнѣвно на покупку хорошихъ книгъ; поженившійся печется о женѣ...

Вашего высокопреподобія
покорнѣйшій слуга Богомолецъ
Владиміръ, архіепископъ казанскій.

1847, ноября 26.

Казань.

Іакова, архіепископа нижегородскаго.

Ваше высокопреподобіе
милостивый государь!

За подарокъ вамъ подарокъ. Вашъ подарокъ придалъ мнѣ свѣта, радости. Дай Богъ, чтобы мой подарокъ придалъ вамъ силъ

окончить превосходный трудъ къ пользѣ и къ новой красѣ православной церкви нашей. Постараюсь утѣшить паству мою созерцаемъ произведеній особеннаго таланта, принадлежащаго къ числу великихъ милостей Божіихъ, ниспосылаемыхъ свыше на отечество наше.

Желаю, чтобы по смерти вашей сказали о васъ: „это истинно великій Богословъ и по перу и по жизни“ съ душевнымъ почтеніемъ и съ любовію есмь

Вашего высокопреподобія
покорившій слуга
Іаковъ, архіепископъ нижегородскій.

1849 года сентября 30.

Евсевія, епископа подольскаго.

Преосвященнѣйшій владыко,
милостивѣйшій архипастырь!

Приношу вашему преосвященству мою искреннѣйшую благодарность за присланный вами мнѣ V томъ вашего Догматическаго Богословія. Да поможетъ вамъ Господь украсить и еще нашу духовную литературу вашими полезными твореніями!

Не такъ давно я послалъ къ вашему преосвященству два моихъ поученія, теперь посылаю еще одно—въ предположеніи, не годятся ли когда-нибудь для издаваемаго вами Христіанскаго Чтенія.

Удивляюсь я и не понимаю, почему я доселѣ не получаю ни одной книжки Христіанскаго Чтенія за текущій годъ, тогда какъ прежде я всегда получалъ регулярно около 20 числа каждаго мѣсяца, и на нынѣшній годъ я послалъ деньги въ канцелярію правленія с.-петербургской духовной академіи еще 24 октября истекшаго 1852 года вмѣстѣ съ деньгами и на другія книги и имѣю удостовѣреніе о полученіи денегъ. Можетъ быть, на это есть и другія причины, а можетъ быть, это зависитъ и отъ неисправности канцеляріи. Вѣдь такъ-то иногда бывають неисправны наши канцеляріи! Впрочемъ другія выписанныя книги я получилъ.

До меня слухъ дошелъ, будто опять очень заболѣлъ въ Петербургѣ преосвященный херсонскій^{*)}. Хотѣлось бы узнать, что-либо достовѣрнѣе и подробнѣе о состояніи его здоровья. Не даромъ-то ему не хотѣлось, ѣхать въ Петербургъ. Но я такъ и здѣсь не могу похвалиться здоровьемъ. Я здѣсь болѣе разстроены здоровьемъ, нежели во всякомъ другомъ мѣстѣ моего служенія. Погода у насъ стоитъ слишкомъ сырая и теплая. Зимы мы и не видимъ, а для русскаго человѣка это тяжело и скучно. Новый нашъ ректоръ о. Евѣмій тоже очень часто побаливаетъ.

За симъ, поручая себя вашимъ молитвамъ, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть.

Вашего преосвященства
покорнѣйшимъ слугою
Евсевій, епископъ подольскій.

1853 года февраля 17.
Г. Каменецъ-Подольскъ.

^{*)} Иннокентій, присутствовалъ въ Св. Синодѣ.

ВОСПОМИНАНІЯ

О ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОМЪ МИТРОПОЛИТѢ МОСКОВСКОМЪ
ФИЛАРЕТѢ.

Не отъидеть память его, и имя его поживеть
въ роды родовъ. (Сирах. 39, 12).

Разказы о именитомъ іерархѣ московскомъ Филаретѣ и краткія изреченія его, полныя смысла и силы, помѣщалъ я, читатель его священной памяти, въ разныхъ поврежденныхъ изданіяхъ; но далеко не все сказалъ о немъ, что знаю и желалъ бы сказать, чтобы и для другихъ сдѣлать извѣстнымъ или памятнымъ то, что для меня незабвенно; да и все касающееся до его великой личности, какъ бы само по себѣ иное ни казалось неважнымъ, не лишено общественнаго интереса или назиданія. Въ настоящей статьѣ намѣренъ я изложить не одни только дополнительныя о немъ свѣдѣнія, но и повторить изъ напечатаннаго мною въ прежніе годы то (сравнительно небольшое), что найду наиболѣе подходящаго къ характеру моея статьи, въ которой передамъ о святителѣ Филаретѣ въ возможной полнотѣ свои личныя воспоминанія.

Въ день (19 августа) торжественнаго крестнаго хода, ежегодно совершаемаго въ Донской ставропигіальный монастырь изъ Кремля,—когда митрополитъ Филаретъ ѣхалъ на служеніе въ этъ отъ монастыря, или возвращался изъ монастыря на Троицкое

свое подворье, мимо Іоанно-Воинской у Калужскихъ воротъ церкви, при которой священствовалъ мой родитель,—я старался въ продолженіи многихъ лѣтъ, начиная съ 1840 года, непременно видѣть его благословляющаго народъ, стекавшійся на всѣ улицы, по которымъ ожидался проѣздъ митрополита, и поклониться ему. Высокопреосвященный Филаретъ привлекалъ къ себѣ необыкновенно пріятною наружностію, которая отражала богоугодную чистоту и истинную высоту его жизни, не говоря о великости его духовнаго сана и подвиговъ. Кто его однажды видѣлъ, желалъ увидѣть въ другой разъ; кто его видѣлъ уже много разъ, когда имѣлъ счастье еще его видѣть, ощущалъ такое живѣйшее удовольствіе, какъ бы въ первый разъ его видѣлъ. Видя его, нельзя было не прославить Бога, дивнаго въ избранныхъ рабахъ своихъ; а потому и когда онъ служилъ, храмы наполнялись народомъ.

Въ какое-то воскресенье утромъ отправился я, тогда еще малолѣтній, на Троицкое подворье въ домовую архіерейскую церковь. Войдя въ нее послѣ херувимской пѣсни, не могъ я за множествомъ народа пробраться на средину, дабы видѣть тайнодѣйствующаго митрополита; не догадался повыждать, когда онъ будетъ благословлять предстоящихъ (а онъ всѣхъ благословлялъ съ отеческою любовью), но тотчасъ же послѣ отпуска вышелъ изъ церкви и прошелъ я—куда? сначала въ пріемную комнату, двери которой, смежныя съ церковными, были на противоположной сторонѣ открыты для его высокопреосвященства, а потомъ и въ открытую его залу, гдѣ увидалъ я почтенную старицу, бывшую въ темномъ платьѣ и повязанную черною косынкой—Евдокію Никитичну, мать Филарета, какъ послѣ узналъ я. Она поняла въ чемъ дѣло, и сказала мнѣ: „не туда вы зашли. спуститесь внизъ по лѣстницѣ“ (деревянной винтообразной). Скажу нѣсколько словъ и о сей достойнѣйшей матери великаго святителя. Е. Н. Дроздова, на которую Филаретъ ходилъ лицомъ, жила на Троицкой, близъ Троицкаго подворья, улицѣ, въ маленькомъ домѣ, купленномъ для нея въ 1844 г. Она за годъ до своей кончины († 20 марта 1853 г.) начала чувствовать упадокъ силъ и головную боль, отъ которой приходила въ такую забывчивость, что не узнавала окружающихъ, но не искала помощи у врачей, а вмѣсто того благоговѣйная старица часто

приступала къ св. Тайнамъ. Святитель Филаретъ былъ при ней во время ея соборованія елеешь (въ мартѣ 1852 г.), послѣ чего она получила временное облегченіе. Въ маѣ 1852 г. великая княгиня Марія Николаевна изволила спрашивать митрополита Филарета о ней, здравствуетъ ли ¹⁾? Въ послѣдніе три мѣсяца она пыталась только просфорой, и служанки, къ которымъ она была признательна, проводили дни и ночи у одра ея, делясь ея терпѣнію. Болящая мирно почилъ о Господѣ на 87 году отъ рожденія, въ присутствіи великаго сына—святителя, съ покорностію судьбамъ Божиимъ принявшаго послѣдній вздохъ ея. За тѣснотою приходской Троицкой, что въ Троицкой церкви, по причинѣ построенія въ ней придѣла во имя Владимірской Божіей Матери, отпѣваніе усопшей назначено было въ церкви св. муч. Адріана и Наталіи, за Сухаревою башней. Сюда, 23 марта 1853 г., высокопреосвященный владыка провожалъ тѣло блаженной матери своей и служилъ въ этомъ храмѣ преждеосвященную литургію съ архимандритами андроніевскимъ Платономъ, своимъ духовникомъ, и боговѣловскимъ Іоанникиемъ, намѣстникомъ кафедральнаго Чудова монастыря,—съ двумя протоіереями (каковы: Авдіановскій Д. П. Новскій—духовникъ Е. Н., почтившій ее надгробнымъ словомъ, въ которомъ уподобилъ ее Аннѣ пророчицѣ, упоминаемой въ Евангеліи отъ Луки 2, 36—38, и Троицкій, въ Троицкой, протоіерей І. С. Орловъ) и съ двумя родственными священниками ²⁾. Чинъ отпѣванія совершили: владыка Филаретъ, Иліопольскій митрополитъ Неофитъ и преосвященный викарій Филоеѣй, въ сослуженіи многочисленнаго собора архимандритовъ, протоіереевъ іеромонаховъ, іереевъ. Трогательно было видѣть прощаніе съ покойною московскаго іерарха, отдавшаго ей послѣдній сыновній долгъ цѣлованіемъ главы и руки ея. Гробъ, вмѣщавшій многотрудное тѣло ея, вынесенъ былъ изъ церкви усердствующими священниками и діаконами, а потомъ на погребальной колесницѣ препровожденъ упомянутыми

¹⁾ Письма Филарета къ роднымъ. М. 1882, стр. 406. Въ это драгоцѣнное изданіе не вошли два письма, напечатанныя въ ноябрьской кн. Душеполезнаго Читанія. 1870 г.

²⁾ За служеніе литургіи архимандриты получили, разумѣется противъ желанія, по 15 руб., протоіерей по 10 р. каждый.

преосвященными (Неофитомъ и Филооеемъ) съ епископомъ Оивандскимъ Никаноромъ и Прочими на Пятницкое кладбище, находящееся при шоссеиной дорогѣ, ведущей въ Лавру преп. Сергія, къ которому почившая особенно благоговѣла; да и кладбищный священникъ І. А. Фаворскій состоялъ съ нею въ близкомъ родствѣ. Во время необычайной похоронной процессіи нѣкоторыя улицы были переполнены народомъ, собравшимся изъ разныхъ мѣстъ столицы. Московскій архипастырь, когда процессія приблизилась къ кладбищу, встрѣтилъ ее въ св. воротахъ и проводивъ гробъ до могилы уготованной въ самой церкви, кротко сиротливо возвратился въ свою келлію, но для другихъ (до 250 чел.) поминальная трапеза была учреждена на кладбищѣ³⁾. „Житіе и кончина ея, писалъ онъ въ тотъ же день къ намітнику Лавры архимандриту Антонію, дають увѣреніе, что она скончалась въ блаженномъ упованіи. Число лѣтъ ея и послѣдній болѣзненный годъ приготовляли меня къ лишенію. Съ благоговѣніемъ смотрю на ея отшествіе: однако часто хочется плакать. Слава Богу, что я сподобился отдать ей послѣдній долгъ“⁴⁾. Достоиню вниманія, что владыка въ день погребенія своей матери—въ понедѣльникъ 4 недѣли великаго поста служилъ, согласно съ уставомъ, преждеосвященную, а не Златоустову литургію. „Совершеніе Златоустовой литургіи въ постные дни, въ существѣ, не есть важное измѣненіе порядка (писалъ онъ къ о. Антонію въ мартъ 1863 г.). Въ древности не такъ на сіе смотрѣли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ нынѣ вообще въ православнои церкви. Но, продолжаетъ онъ, должно щадить истыхъ ревнителей, которые не глубоко вникая, въ духовное легко соблазняются видимымъ. Желающимъ поминовенія усопшаго можно исполнить сіе въ субботу“⁵⁾.

Владыка, встрѣченный въ день праздника Смоленской Божіей Матери въ Новодѣвичьемъ монастырѣ священнослужителями и хоромъ монахинь, весь погруженъ былъ въ богомысліе (онъ, разувѣтая помышлялъ входя въ храмъ Господень, что въ этомъ

³⁾ Изъ синодика Троицкой, что въ Троицкой церкви.

⁴⁾ и ⁵⁾ Письма Филарета къ о. Антонію, ч. III. стр. 134 и 202; ч. IV, стр. 384--385.

храмъ присутствуетъ *Господь силъ Царь славы*) и самый взоръ его былъ возведенъ горѣ; онъ и во время облаченія въ архирейскія одежды до исхода изъ храма внимательно хранилъ ту же молитвенную сосредоточенность въ себѣ... Конечно, долгъ служащаго зрѣть ко Господу, а не окрестъ себя, но какъ было назидательно исполненіе долга, это возношеніе святителя мыслію и сердцемъ къ Богу! Не смотря на раннюю молодость, я пораженъ былъ неземнымъ особенно величіемъ его.

Двѣ отдѣльно изданныя рѣчи его (привѣтственные рѣчи при посѣщеніи Москвы Царемъ), полученныя мною отъ училищнаго правленія въ награду за мои ученическіе успѣхи и доброе поведеніе (это было въ іюлѣ 1842 и 1844 гг.), сберегъ я донинѣ *). Въ московской семинаріи изучая теорію словесности, знакомился я съ слѣдующими выдержками изъ его проповѣдей, служившихъ образцомъ духовнаго краснорѣчія:

а) „Если должно быть соотвѣтствіе благодѣніямъ Божиимъ со стороны человѣка: то въ чемъ оно состоять можетъ? Заслуга просьба, благодарность: вотъ три возможныхъ соотвѣтствія благодѣніямъ. Заслуга возможна между человѣками, изъ которыхъ одинъ имѣетъ нужду въ услугахъ другаго, а другой можетъ усердно представить первому свои услуги: но самодовольный Богъ ни въ чемъ не имѣетъ нужды, и человѣкъ не имѣетъ ничего представить Богу, что не было бы отъ Бога же полученнымъ благодѣніемъ; слѣдственно здѣсь нѣтъ мѣста заслугъ. Просить отъ Бога благодѣній можно, и хорошо если человѣкъ сіе дѣлаетъ съ довѣренностію и со смиреніемъ. Но большая часть благодѣній Божіихъ бываетъ прежде нашего прошенія, лучше нашего прошенія и выше нашего понятія: нельзя просить того, что уже сдѣлано, нельзя просить того, чего нѣтъ и въ мысли. Посему остается самымъ употребительнымъ способомъ соотвѣт-

*) Училище, въ которомъ я обучался, открыто при ставропигіальномъ Донскомъ монастырѣ 12 мая 1835 г. Однажды владыка Филаретъ, осмотрѣвъ Донское училище и найдя въ немъ порядокъ, посѣтилъ квартиру инспектора Ѳ. П. Соловьева (увольненъ отъ училищной службы въ 1842 г.), такъ какъ ректоръ-священникъ жилъ вдали, при своей приходской церкви. «Моск. Церк. Вѣдомости» 1884, № 26, стр. 348.

ствія благодареніямъ Божиимъ—благодарность, истинная, какъ истинны благодаренія Божія, дѣятельная, какъ дѣятельно благодарить намъ Богъ“. (Изъ бесѣды о благодарности къ Богу).

б) Изъ слова по освященіи храма святителя Николая въ домъ московской духовной семинаріи, 1 ноября 1844 г.: „Возжелалъ нѣкогда мужъ по сердцу Божію—Давидъ приблизить къ себѣ священный кивотъ завѣта Божія, не въ самый домъ свой, а только въ свой градъ: но когда церковнослужитель Оза дерзновеннымъ, хотя и благонамѣреннымъ прикосновеніемъ къ святынь, извлекъ отъ нея себѣ, вмѣсто благословенія, смерть, *убояся Господа Давидъ въ день той, глаголя: како увидеть ко мнѣ кивотъ Господень* (2 Цар. 6, 9)? И только по времени, послѣ новыхъ особенныхъ знаменій благодатнаго снисхожденія, возобновилъ и исполнилъ свое благочестивое предпріятіе. Храмъ истины и тайнъ христіанскихъ заключаетъ въ себѣ или не меньшую, или даже большую святыню, нежели прообразовательный кивотъ завѣта ветхаго. Итакъ есть причина и обитателямъ сего дома убояться Господа въ день сей и рещи: како видѣть къ намъ храмъ Господень? Какъ будемъ мы жить въ такой близости къ святынь Бога, который *наипаче въ приближающихся* къ Нему *освящается*, и какъ свѣтъ просвѣщающій достойныхъ, но и какъ огонь, попадающій недостойныхъ?

Чада! не позволяйте себѣ забытья и потерять вниманіе къ близкому храму Божію. Помните о немъ со страхомъ: впрочемъ такъ, чтобы страхъ сей не отражалъ васъ отъ дома Божія, а отражалъ отъ васъ все недостойное дома Божія“.

И в) Изъ слова при открытіи попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. „Мы, которые сами по щедротамъ Божиимъ не были нищими, знаемъ ли душу нищаго? Знаемъ ли, что онъ думаетъ и чувствуетъ, проходя напимѣръ близъ обширныхъ хранилищъ богатаго, или близъ огромнаго дома зрѣлищъ, или встрѣчаясь съ одѣтымъ въ драгоценную одежду, не по требованію званія, или обоняя чадъ тучнаго пира, или слыша мусикійскій громъ изъ чертоговъ роскоши и видя въ нихъ въ полночь полуденный свѣтъ?—“Еслибы—вѣроятно думаетъ онъ—еслибы сіи обширныя хранилища не наполнялись тѣмъ, что богатому совѣсть ненужно: какъ многіе подобные мнѣ могли бы получить отъ него

необходимое, котораго теперь мы не имѣемъ! Еслибы сей широкій яровъ не былъ нуженъ на нѣкоторые часы праздности, чтобы подъ нимъ собирались видѣть притворство и слушать вымыслы: сколько можно было бы собрать и водворить подъ нимъ такихъ, которые теперь не имѣютъ гдѣ главы поклонити или не живутъ, а губятъ жизнь въ нечестыхъ, нездоровыхъ, полуразрушенныхъ и паденіемъ угрожающихъ жилищахъ! И тогда бы здѣсь не ложныя дѣйствующія лица произносили вымышленныя восклицанія страстей, но непритворные дѣйствители неуниженнаго зрѣлица возносили къ небесамъ благодарственныя восклицанія, и самыя камни возвѣщали дѣйствительную добродѣтель человеколюбія. Если бы носящій сію рѣдкую иноземную одежду согласился промѣнять ее на обыкновенную отечественную: онъ и тогда былъ бы одѣтъ прилично и могъ бы многимъ изъ насъ промѣнять рубище на одежду. Если бы съ сего стола, котораго продолжительностію скучаютъ собесѣдники, снять одну перемѣну пищи или питія: изъ сего можно было бы составить новый пиръ для нѣсколькихъ, теперь алчущихъ и жаждущихъ. Сколько сладкихъ или гремящихъ звуковъ въ чертогѣ роскоши въ часъ веселія: столько можно было бы утишить воплей и стоновъ бѣдствія, еслибы на тотъ часъ отказать искусству и отдать нищитѣ то, что ему обѣщано. Тамъ игра богатыхъ несравненно дороже цѣнится, нежели трудъ бѣдныхъ: и тѣмъ, которые платятъ сію цѣну иногда безпрекословнѣе, нежели плату работающему, или долгъ заимодавцу, не приходитъ на мысль, что за сію цѣну можно было бы выиграть благоденствіе бѣднаго семейства и нѣсколько сердецъ признательныхъ. У сего свѣтлаго чертога можно бы отнять нѣсколько изъ многочисленныхъ его свѣтильниковъ такъ, чтобы онъ еще оставался свѣтлымъ: но чрезъ то можно было бы наполнить елеемъ утѣшенія свѣтильникъ жизни, который отъ нищеты истощается и можетъ скорѣе совсѣмъ угаснуть“.

Не довольствуясь вышеприведенными и другими отрывками изъ сочиненій Филарета, входившими въ составъ учебныхъ записокъ, я съ рѣдкимъ увлеченіемъ читалъ „Слова и Рѣчи“ его въ трехъ частяхъ (изданіе 1844 г.), находя въ нихъ глубокое и подробное раскрытіе ученія вѣры, живописное, но въ то же время точное и сильное выраженіе мыслей гениальнаго автора, а нѣ-

которыя зналъ и назусть, на примѣръ слово при гробѣ императора Александра Павловича, или по случаю возложенія (въ 1828 г.) на раку мощей святителя Алексія—царскаго покровя и медали за персидскую войну. „Его проповѣди вѣчны“ говаривалъ Спасо-андроніевскій архимандритъ Гермогенъ († 19 іюня 1845 г.), по смерти котораго найденъ и поступилъ въ собственность моего родителя рукописный сборникъ проповѣдей Филарета (1806—1808 г.) неизвѣстныхъ дотогѣ. Онѣ (числомъ 4) помѣщены во 2 кн. Чтеній въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ за 1874 г.; только здѣсь и можно прочитатъ двѣ изъ нихъ (въ день Іоанна Крестителя и въ недѣлю по просвѣщеніи), какъ нигдѣ болѣе не напечатанныя.

Примѣчаніе. Въ богословскомъ классѣ московской семинаріи виденъ былъ въ наше время большой живописный образъ св. Іоанна Богослова на полотнѣ, и еще портретъ митрополита Филарета, писанный въ натуральной ростъ его масляными красками, вѣроятно въ 1844 г., когда семинарія переведена изъ центра города на настоящее ея мѣсто. Владыка—знаменитый русскій богословъ и церковный вѣтя изображенъ былъ стоящимъ на орлецѣ у аналоя (на аналоѣ раскрытая книга Евангелія) и мирно, спокойно бесѣдующимъ во храмѣ. Онъ—въ полномъ архіерейскомъ облаченіи съ бѣлымъ клобукомъ (вмѣсто тяжелой митры) на головѣ; правая рука его нѣсколько воздѣта, а въ лѣвой архіепастырскій жезлъ съ сулкомъ.

Ученость свою владыка Филаретъ самолично обнаруживалъ предъ нами во время такъ называемыхъ *публичныхъ экзаменовъ*, которые въ московской семинаріи производились дважды въ году: предъ праздникомъ Рождества Христова публичный экзаменъ былъ (кажется съ 1844 г.) однодневный, а въ іюлѣ послѣ обычныхъ экзаменовъ назначались два дня, въ которые воспитанники подвергались публичному испытанію, въ присутствіи многихъ стороннихъ посѣтителей, въ особенности изъ лицъ московскаго духовенства и въ предсѣдательствѣ самого высокопреосвященнаго Филарета, неуклонно посѣщавшаго такіа испытанія. Въ первый день производилось испытаніе по богословскимъ наукамъ, во второй—по всѣмъ прочимъ⁷⁾. „Тутъ слуша

⁷⁾ Нашу семинарію посѣщали во время открытыхъ испытаній: Неофитъ митрополитъ ялѵпольскій, посланникъ антиохійскаго патріарха Месодія, краткій ар-

отвѣты воспитанниковъ, онъ, какъ справедливо пишетъ одинъ почтенный наставникъ той же семинаріи, любилъ обращаться къ нимъ съ разными вопросами и возраженіями, любилъ испытать, насколько знаютъ и понимаютъ воспитанники тѣ отдѣлы изъ науки, которые представлялись къ публичному испытанію. Если воспитанникъ не давалъ удовлетворительнаго отвѣта на предложенный вопросъ, за него обыкновенно отвѣчалъ самъ преподаватель. Такимъ образомъ публичные экзамены были испытаніемъ не только для воспитанниковъ, но и для преподавателей. Тутъ мудрый архипастырь и самъ часто дѣлалъ объясненія по тому или другому вопросу, всегда отличавшіяся глубиною и силою. И эти объясненія выслушивались всеми присутствовавшими съ величайшимъ вниманіемъ. Кто изъ бывшихъ на этихъ публичныхъ экзаменахъ не помнитъ, какъ, во время такихъ объясненій архипастыря, водворялась въ залѣ глубокая тишина, присутствовашіе тихо приподнимались съ своихъ мѣстъ, наклонялись къ сторонѣ не громко говорившаго архипастыря, прислушиваясь къ его словамъ и стараясь не проронить ни одного изъ нихъ? И кому неизвѣстно, что многіе богословы такъ высоко цѣнили вопросы и объясненія мудраго богослова-руководителя, что послѣ экзаменовъ записывали ихъ и составляли сборники богословскихъ объясненій его по разнымъ вопросамъ " 8).

На одно изъ возраженій Филарета (въ декабрѣ 1848 г.): „чѣмъ докажешь, что предсказаніе о великомъ пророкѣ подобномъ Моисею (Втор. 18, 15) относится ко Христу?“ Я не могъ отвѣчать, что это предсказаніе относить ко Христу ап. Петръ и Стефанъ первоученикъ (Дѣян. 3, 22—23. 7, 37). „Ты первый ученикъ (*низшато* отдѣленія) и не знаешь!“ сказалъ онъ мнѣ съ кроткимъ упрекомъ, я только! А въ 1851 году значительно онъ понизилъ

хіерей Божій († 3 дек. 1858 г. въ Боголюбленскомъ монастырѣ, гдѣ проживалъ съ января 1848 г.); преосвященный Евгений, бывшій архіепископъ ярославскій, первый ректоръ моск. семинаріи на Перервѣ, проживавшій съ 1854 по 1871 г. въ Донскомъ монастырѣ; директоръ духовно-учебнаго управленія А. И. Карасевскій († въ декабрѣ 1856 г.); профессоръ моск. академіи А. В. Горскій (былъ на экзаменѣ въ 1851 или 1852 г.), графъ М. В. Толстой.

⁸⁾ Моск. Церковныя Вѣдомости 1883, № 6, стр. 78.

въ разрядномъ спискѣ—Александра Салманова, который надѣялся было черезъ годъ перейти въ академію (ум. въ санѣ діакона). На вопросъ митрополита: „чѣмъ доказать, что Іисусъ Христосъ есть путь и истина и жизнь“? Салмановъ не нашелся отвѣтить, что Самъ Спаситель засвидѣтельствовалъ о Себѣ въ этомъ именно смыслѣ (Іоан. 14, 6); не далъ онъ удовлетворительнаго отвѣта на какой-то и другой вопросъ, потому что въ отвѣтъ не попадалъ на мысль Филарета. На этотъ разъ высокопреосвященный поступилъ строго, узнавъ отъ него, что онъ близкій родотвенникъ колл. регистр. Снова, уволенного незадолго предъ тѣмъ отъ консисторской службы (этотъ чиновникъ, какъ архивариусъ, признанъ былъ виновнымъ, между прочимъ, по дѣлу о неовазавшихся двухъ нумерованныхъ листахъ въ метрической книгѣ Троицкой въ Кожевиннахъ церкви за 1796 г.). Но если кто изъ воспитанниковъ не съ буквальною точностью приводилъ священный текстъ, владыка заставлялъ иногда прискаты этотъ текстъ и прочитатъ по Библии. Въ 1854 г. давалъ онъ возраженія совершенно новыя, неслыханныя прежде. Таково напримѣръ: „почему нынѣ не по жребію избирается епископъ?“ (см. Дѣян. 1, 21—26, гдѣ описанъ первый въ христіанской церкви выборъ, апостольскій). Митрополитъ самъ рѣшая возраженія, сказалъ: „вмѣсто жребія избраніе (одного изъ трехъ кандидатовъ для епископства, представляемыхъ Св. Синодомъ) вручается сердцу Всененосца“.

Въ московской академіи, гдѣ я обучался съ сентября 1854 по 1858 г., высокопреосвященный Филаретъ присутствовалъ и на нѣкоторыхъ частныхъ экзаменахъ^{*)}; возражая самъ, того же требовалъ отъ депутатовъ, которые назначались по каждому предмету изъ среды наличныхъ наставниковъ и (въ курсовые годы, т. е. чрезъ каждые два года) двухъ стороннихъ лицъ (ректора владимирской семинаріи и московскаго протоіерея). Въ 1856 г. онъ въ качествѣ ревизора сказалъ имъ: „что же вы молчите? Я пришелъ слушать не однихъ экзаменующихся, а и самихъ экзаменаторовъ“. Въ ту жь минуту возразилъ недавно скончав-

*) Обыкновенно онъ ходилъ въ академію чрезъ лаврскую ограду, при которой устроены хоры, и спускался по лѣстницѣ, опираясь на простую черешневую трость, а на обратномъ пути какъ легко онъ всходитъ по той же лѣстницѣ!

ишійся профессоръ Е. В. Амштеатровъ, плѣнявшій насъ красотою своего слова. Съ неослабнымъ вниманіемъ владыка слушалъ тѣхъ и другихъ; казалось иногда онъ дремлетъ, но вдругъ открывалъ свой свѣтлый, пронизательный взоръ, какъ скоро студентъ неточно выразился или смѣшался. Младшимъ студентамъ онъ когда-то предложилъ вопросъ: „можно ли отъ частей заключать къ цѣлому? и самъ рѣшилъ, что „можно, когда части однородны“. Еще возразилъ (1856 г.): „кто выше, Гегель или Карамзинъ?“ Студентъ отвѣчалъ, что ихъ нельзя сравнивать: одинъ былъ философъ (нѣмецъ), а другой литераторъ и исторіографъ. На частномъ экзаменѣ по догматическому богословію митрополитъ возражалъ (въ іюнѣ 1857 г.): „Богъ отъ вѣчности имѣлъ мысль о мірѣ: почему же міръ не отъ вѣчности?... Мы считаемъ семь тысячъ лѣтъ отъ сотворенія міра: почему не восемь, не болѣе?“—„Но начало міра, продолжалъ онъ, есть ли такое начало, прежде котораго ничего не было? Св. Василій Великій учитъ, что прежде видимаго міра существовалъ невидимый. Благость Божія и тогда находила для себя упражненіе. Вѣчное бытіе міра невозможно по свойству ограниченныхъ существъ міра; онъ конеченъ“. Мать Маккавеевъ свидѣтельствовала, что міръ сотворенъ изъ ничего (2 Макк. 7, 28). „Важно ли это свидѣтельство?“ спросилъ митрополитъ. „Важно, потому что, говорилъ онъ, служить выраженіемъ мнѣнія всей іудейской церкви: книги Маккавейскія внесены въ Библію; повторыхъ важно потому, что мать эта святая“¹⁰⁾“. Въ доказательство творенія міра изъ ничего приведены мной и слова ап. Павла: *въроу разумваемъ совершится въкомъ малоломъ Божіимъ, во еже отъ неявляемъ видимымъ имъ быти* (Евр. 11, 3). Владыка возразилъ: „не разумѣлъ ли апостоль необразованную, безвидную матерію, изъ которой будто бы сотворенъ видимый міръ?“— „Но когда, говорилъ онъ, есть ясныя свидѣтельства въ Св. Писаніи, что міръ сотворенъ Богомъ изъ ничего, напримѣръ тотъ же апостоль пишетъ, что Богъ *нарицаеть не суцая, яко суцая* (Рим. 4, 17): то, по руководству ихъ и согласно съ ними, должно толковать и менѣ ясныя свидѣтельства“. Въ 1858 г. на ча-

¹⁰⁾ Память святыхъ семи мучениковъ Маккавеевъ и матери ихъ Соломоніи, 1 августа.

стиномъ экзаменъ по тому же предмету и нравственному бого-словію былъ преосвященный харьковскій (въ послѣдствіи черниговскій) Филаретъ. При немъ митрополитъ спросилъ меня (19 іюня): „а почему безъ вѣры угодить Богу невозможно“ (Евр. 11, 6)? Выслушавъ мое подробное объясненіе, сказалъ: „порядочно отвѣчаешь ты“ (а такой отзывъ его много значилъ) и спрашивалъ обо мнѣ ректора академіи архимандрита Сергія, нынѣ архіепископа вишиневскаго: „чей сынъ, откуда я родомъ и какаѣ моя фамилія“. По окончаніи публичныхъ экзаменовъ онъ наставлялъ (въ іюнь 1857 г.) „разумно отдохнуть, чтобы снова потомъ взяться за дѣло“. Въ 1858 г. 27 іюня, поздравивъ студентовъ старшаго курса съ окончаніемъ ученія, владыка сказалъ, что мы вступаемъ на поприще общественной дѣятельности, совѣтовалъ хранить все доброе, усвоенное здѣсь, и заключилъ: „поддержите честь академіи, давшей вамъ высшее образованіе“.

Изъ множества другихъ возраженій, какія давалъ онъ въ академіи московской и въ семинаріяхъ, припоминаю слѣдующія:

Богъ *живетъ во свѣтѣ неприступнѣмъ, и Его никтоже видѣлъ есть отъ чловѣкъ, ниже видѣти можетъ* (I Тим. 6, 16). — „Какъ же Моисей на горѣ видѣлъ Бога?“ — Онъ видѣлъ Бога сзади (Исх. 33, 23), видѣлъ только отраженіе славы Божіей, но не самое существо.

Богъ знаетъ все и знаетъ совершеннѣйшимъ образомъ. Возраженіемъ служили слова Его къ Моисею: *спль ты паче спльхъ* (Исх. 33, 17), что даетъ повидимому заключать о Его неодинаково-совершенномъ вѣдѣніи по отношенію къ чловѣкамъ. Но означенныя слова должно понимать въ смыслѣ особеннаго вниманія или благоволенія Божія къ Моисею: *обръль бо еси благодать предо Мною, и спль ты паче спльхъ*.

„Громъ убиваетъ невиннаго младенца: гдѣ же правосудіе Божіе?“ Богъ наказываетъ иногда родителей смертію дѣтей, но въ замѣнъ временной жизни невинныя дѣти получаютъ царство небесное.

„Откуда добро и зло?“ — Добро отъ Бога, а зло отъ діавола. — „Имѣеть ли Богъ понятіе о злѣ?“ — Не имѣеть, отвѣчалъ ученикъ. „Если не имѣеть, то какъ же Онъ будетъ судить грѣшниковъ?“ — Имѣеть, отвѣчалъ другой, но божеское познаніе свободно отъ всякаго зла. Не таково наше познаніе добра и зла,

достигаемое чрезъ вкушеніе зла, чрезъ поработеніе злу, съ потерей невинности и правоты.

„Какъ ангелы безътѣлесны, когда зрятъ лице Отца небеснаго (Матѣ. 18, 10)?“—Земные предметы зримъ, говорилъ Филаретъ, плотскими очами, духовные—душевными. Есть у души око“.

„Папа Левъ III († 816 г.), въ огражденіе неприкосновенности Никео-цареградскаго символа, приказалъ вырѣзать его на двухъ серебряныхъ доскахъ и поставить въ базиликѣ св. Петра. „Зачьмъ на двухъ доскахъ?“—На этотъ вопросъ семинаристы не могли отвѣчать. — „Что тутъ много разсуждать? сказалъ святитель. На двухъ доскахъ потому, что папа велѣлъ начертать символъ на двухъ языкахъ—на греческомъ и латинскомъ“.

„Человѣчество, въ лицѣ Иисуса Христа, спосажено одесную Бога (Мар. 16, 19); значить люди выше ангеловъ?“—„Но другое дѣло—человѣкъ, иное Богочеловѣкъ“, сказалъ святитель,

„Можетъ ли человѣкъ быть выше ангеловъ? Кто скажетъ?“—Можетъ. Такова Богоматерь, честнѣйшая Херувимовъ и славнѣйшая Серафимовъ.

„Какимъ образомъ чудеса Христовы доказываютъ Его божественность?—Творили чудеса и пророки и апостолы, они воскрешали и мертвыхъ. Христосъ сказалъ: *вручай въ Мя дѣла, яже азъ творю, и той сотворитъ и больша сихъ сотворитъ*“ (Іоан. 14, 12).—Пророки и апостолы творили чудеса не своею, но божодарованною имъ силою; а Иисусъ чудодѣйствовалъ силою своего Божества, обѣщавъ даръ чудотворенія и своимъ послѣдователямъ (см. еще Мар. 16, 16—18). Онъ самовластно, какъ Богъ воскрешалъ мертвыхъ и воскресъ изъ мертвыхъ въ третій день. Чудо воскресенія Христова есть величайшее изъ всѣхъ чудесъ, кѣмъ-либо когда совершенныхъ, свойственное одному Сыну Божію.

„Какъ отличить истинное чудо отъ ложнаго?“—„Надо, отвѣчалъ самъ Филаретъ, обращать преимущественное вниманіе на жизнь чудотворца: быть облеченнымъ силою свыше можетъ только человѣкъ близкій къ Богу, достойный этого по своимъ качествамъ или заслугамъ“.

„Язычнику, желающему принять православную вѣру, что прежде всего нужно?“—Крещеніе.—„Нѣтъ“.—Оглашеніе.

„Таинство крещенія можетъ быть совершено, въ случаѣ нужды, даже миряниномъ, а право совершать евхаристію не дано

никому другому, кромѣ епископа и присвитеровъ, какъ намѣстниковъ епископа. Почему такъ? Кто скажетъ?" Владыка самъ отвѣчалъ: „по уваженію къ тому Лицу, которое въ первый разъ совершило святѣйшее таинство евхаристіи“.

„Почему надъ евреями, въ продолженіи 40-лѣтняго ихъ странствованія по пустынѣ, не совершалось обрѣзанія?“ По причинѣ многократныхъ и печальныхъ перемѣнъ мѣстопребыванія. Известно, что предводительствовавшій ими облачный столпъ назначалъ мѣсто и время отдохновенія независимо отъ ихъ воли, а болѣзненный обрядъ обрѣзанія требовалъ остановки, по меньшей мѣрѣ, на два или на три дня.

19 сентября 1856 года, въ два часа пополудни, Ихъ Императорскія Величества посѣтили Троицко-Сергіеву лавру, послѣ священнаго коронованія. Возлѣ Троицкаго собора, по обѣимъ сторонамъ царскаго пути, поставлены были студенты академіи, какъ питомцы высшаго разсадника духовнаго просвѣщенія, къ которымъ тогда и я принадлежалъ. Правой рукой на насъ указывая, митрополитъ Филаретъ сказалъ Его Величеству: „это воспитанники... „Знаю, духовной академіи“, быстро проговорилъ Боговѣнчанный царь, къ общему нашему восторгу.

Владыка вышелъ говорить проповѣдь въ лаврскомъ соборѣ, при празднованіи рожденія Великаго Князя Сергія Александровича—это было въ 1857 г. мая 7, а стоявшіе у амвона быстро отодвинулись на нѣсколько шаговъ назадъ. Онъ сказалъ: „кому жъ я буду говорить? Подходите сюда“.

Припоминая одинъ крайне печальный случай, стану рассказывать какъ было. Въ 1855 г., въ праздникъ Вознесенія Господня (5 мая), часу въ 1 пополудни, когда солнце сильно палило, — пошелъ я, студентъ академіи, съ товарищемъ N купаться въ скитскомъ прудѣ (разумѣю Геесиманскій скитъ). На половинѣ пути насъ догнали еще нѣсколько товарищей, въ томъ числѣ Владиміръ Глаголевъ, сынъ московскаго священника, какъ равно и я, малый ростомъ и сравнительно слишкомъ молодой, а волосы на головѣ носилъ довольно длинные. Всѣ любили его, какъ вѣжливаго и кроткаго. Мы съ нимъ отдѣлились отъ про-

чихъ и дальше шли вдвоемъ. На вопросъ мой: „умѣетъ ли плавать“? онъ отвѣчалъ, что можетъ держаться на водѣ. Вступивъ въ рошу смежную съ скитскимъ прудомъ, я поднялъ длинную палку и бросилъ ее не слишкомъ далеко отъ берега, ни мало не думая о томъ, что она чрезъ нѣсколько минутъ могла бы замѣнить собой спасительную для утопающаго вервь. Но вотъ всѣ мы подошли къ самому пруду; затѣмъ изъ товарищей трое смѣльчаковъ плыли на другой берегъ; одинъ или двое купались отойдя направо, въ рукавъ пруда; вошелъ прямо въ воду и Глаголевъ, а я оставаясь еще на берегу, вижу съ изумленіемъ, какъ онъ на поверхности воды сильно бьется руками, на одномъ и томъ же мѣстѣ, не болѣе какъ въ трехъ саженяхъ отъ меня; глаза у него какъ бы на выкатѣ и кричать онъ не могъ. Я (ахъ, забылъ я о найденномъ въ рошѣ жезлѣ, который подагъ бы утопающему), не теряя ни одной минуты, вступилъ въ воду, совсѣмъ незнакомый съ приемами, чтобы подать ему благополучную помощь; вслѣдствіе покатоности дна пустился вплавъ и лѣвою рукою схватилъ было его за правую руку, но, чтобы и меня онъ не увлекъ съ собою, тотчасъ же я освободилъ свою руку и пытался изнеможенный стать на дно; попавъ въ глубь, выплылъ въ испугъ наружу, и чувствуя въ глазахъ потемнѣніе, а языкъ у меня былъ, какъ кость, началъ кричать, никѣмъ не слышимый, о помощи себѣ, но однакожъ благополучно вышелъ на берегъ и движеніемъ рукъ давалъ знать товарищамъ, плывшимъ обратно съ другаго берега, о несчастіи Глаголева. Онъ погрузился весь въ воду, потомъ показалась готова его; еще разъ или два погрузился и пошелъ ко дну, родивъ на поверхности водъ круги, одинъ другаго пространнѣйшіе. Завидѣвъ издали утопавшаго въ послѣдніе моменты борьбы его съ водною стихіей, А. Ф. Некрасовъ, (нынѣ протоіерей при Спасской въ каретномъ ряду церкви) добрый товарищъ, какъ скоро приблизился съ противоположной стороны къ мѣсту катастрофы, самоотверженно опустился въ воду, спасая друга, но тамъ было чрезмѣрно глубоко и холодно въ этой глубинѣ, вслѣдствіе чего и высокая цѣль не была достигнута. Нашъ дорогой утопленникъ вытасченъ, спустя часъ или нѣсколько болѣе, неведомъ, который не разъ закидывали въ прудъ, и ничто не могло возвратитъ его къ жизни: онъ перешелъ „въ небесную академію“, какъ вы-

разился кто-то, и въ какой день! Онъ въ этотъ день, приготовляясь къ вѣчной жизни на небесахъ, молился по личному усердію за ранней обѣдней, пѣлъ и за поздней, принадлежа къ студентческому хору; былъ необыкновенно благодушенъ. Но какъ много скорбѣлъ вдовый отецъ, потерявшій сына — студента академіи благоуспѣшнаго! Плакали и товарищи, что такъ скоро онъ оставилъ учебное поприще. О несчастномъ приключеніи немедленно донесено было митрополиту, и послѣдовало разрѣшеніе построить для студентовъ на посадскомъ прудѣ купальню.

Подъ вліяніемъ отчасти этого прискорбнаго случая, который оставилъ въ моей душѣ неизгладимое впечатлѣніе, я пожелалъ отрѣшиться ея отъ міра, прежде нежели она отрѣшится отъ тѣла, вступить, то есть, въ чинъ монашескій, что и было дозволено указомъ Св. Синода отъ 6 февраля 1857 г. На семъ указѣ резолюція его высокопреосвященства (отъ 10 фев.) такая: „постриженіе студента Воинова поручается ректору академіи (архимандриту Евгенію), о чемъ отнестись изъ консисторіи въ академическое правленіе“. Въ Троицкой лаврѣ предъ алтаремъ Господнимъ я принялъ монашество, чтобы воинствовать Царю небесному, 3 марта—во второе воскресенье великаго поста, когда совершается память великаго защитника восточнаго православія — св. Григорія Паламы, архіепископа Солунскаго; а въ слѣдующую субботу, наканунѣ моего посвященія во іеродіакона, имѣлъ я счастье представляться митрополиту Филарету въ Москвѣ, на Троицко-Сухаревскомъ подворьѣ, въ первый разъ. Студентъ академіи и молодой инокъ, я не безъ страха предсталъ предъ лице великаго іерарха и поклонялся издали, не смѣлъ близко подойти къ нему. Владыка оказалъ: „поди сюда!“ Онъ сѣдѣлъ на диванъ въ *домой* боковой комнатѣ, съ перомъ въ рукѣ. Окинувъ своимъ пронизательнымъ взоромъ и благословивъ меня, архипастырь, сильный умомъ и словомъ, вотъ что говорилъ мнѣ: „хорошій путь избралъ ты: пребудь твердъ. Путь избранный тобою, продолжалъ онъ, есть самый благонадежный въ настоящее время, въ этомъ лукавомъ и развращенномъ мірѣ“. Потомъ предлагалъ мнѣ слѣдующіе вопросы: откуда ты родомъ? — Изъ Москвы. „Чей сынъ?“ — Священника такой-то церкви. „Іоанна?“ Данъ мною утвердительный отвѣтъ. „Съ миромъ ли тебя благословилъ отецъ?“ Съ миромъ. „Гдѣ

ты остановился?—Въ домѣ родительскомъ. „Не слѣдовало, замѣтилъ владыка, нужно было остановиться въ монастырѣ, а у родителей просто побывать“. Написавъ резолюцію: „если сомнѣнія не окажется, представить“, сказалъ онъ: „ну, готовься (къ посвященію), вечеромъ будь здѣсь (за всенощной), ступай“, и еще разъ благословилъ меня.

На другой день, 10 марта (третье воскресенье великаго поста) святитель Филаретъ, возложивъ руку на мою главу умиленно возгласилъ: „Божественная благодать... проручествуетъ монаха (такого-то), благоговѣйнѣйшаго *діакона во пресвитера*“. На этихъ словахъ протодіаконъ (Зиновьевъ) остановилъ митрополита: „иподіакона во діакона“, произнесъ онъ, поправляя ошибку рукополагателя. Владыка невольно смутился. и молчалъ нѣсколько секундъ, потому что этотъ случай былъ единственный во все время его святительства; наконецъ возгласилъ: „благоговѣйнѣйшаго *иподіакона во діакона*“, и продолжалъ: „помолимся убо о немъ, да прійдетъ на него благодать всесвятаго Духа“. Вѣроятно, книгодержецъ первоначально раскрылъ не ту молитву. Послѣ литургіи высокопреосвященный Филаретъ въ архіерейской мантии у св. престола сказалъ мнѣ: „благодари Бога, что сподобилъ тебя быть служителемъ алтаря. Храни даръ Божій въ чистой совѣсти, благоговѣйнымъ служеніемъ“.

Изъ каеедральнаго Чудова мочастыря, гдѣ совершилось мое посвященіе, я вмѣстѣ съ родителемъ отправился на Троицкое подворье благодарить архипастыря, раздателя даровъ духовныхъ. Мы успѣли предварить прїѣздъ его на подворье и недолго ждали его. Увидя насъ въ пріемной комнатѣ, высокопреосвященный далъ знакъ рукой, чтобъ за нимъ и мы слѣдовали въ залу. Здѣсь обратясь къ намъ съ прїятною улыбкой, онъ спросилъ моего родителя касательно меня: „съ миромъ ли ты отпустилъ его“ (на тѣсный путь монашества)?—Съ миромъ, по милости Божіей. Владыка на его слова замѣтилъ: „хорошо сдѣлалъ, что принесъ Богу такую жертву“.

Былъ я (11-го числа) у отца ректора московской семинаріи архимандрита Леонида, который принялъ меня, своего прежняго ученика, съ отеческою любовію; сказалъ мнѣ въ утѣшеніе: „Духъ Божій заранѣе уготовляетъ васъ къ пресвитерству“ и посоветовалъ записать всѣ обстоятельства моего посвященія и

все, что я слышалъ отъ митрополита. „Это долгъ моего сердца“, отвѣчалъ я. Какъ заря послѣ яснаго дня свѣтять теперь пріятныя воспоминанія.

Въ слѣдующемъ году и Александръ Орликовъ, товарищъ мой, сынъ московскаго священника, принялъ иночество (въ мартѣ) съ именемъ Корнилія († 21 іюля 1886 года, въ санѣ архимандрита Антоніева новгородскаго монастыря). Что дѣти московскихъ священниковъ не чуждаются монашества, это было очень пріятно архипастырю, какъ онъ изъяснялся въ разговорѣ съ однимъ изъ ректоровъ семинаріи. Въ іюль того же (1858) года мы съ о. Корниліемъ въ лаврскомъ (пафнутьевскомъ) саду видимъ: на встрѣчу намъ идетъ по прямой дорожкѣ, по которой мы возвращались обратно, самъ митрополитъ въ черной ряскѣ и скуфейкѣ, совершенно одинъ съ тростью въ рукѣ. Мы сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, остановились по обѣимъ сторонамъ дорожки, другъ противъ друга, и открыли ему свободный путь. Каждый изъ насъ онъ благословилъ, но не сказалъ ничего, научая и въ словѣ быть воздержными.

Въ санѣ іеромонаха былъ, я рукоположенъ 20 іюля 1858 года, въ церкви пророка Іліи, на Воронцовомъ полѣ, куда въ этотъ день бываетъ крестный ходъ изъ Кремля ежегодно. Послѣ литургіи свитатель Филаретъ говорилъ мнѣ: „храни полученный даръ постояннымъ вниманіемъ къ себѣ и благоговѣйнымъ пребываніемъ во храмѣ“ На слѣдующій день (день моего прежняго ангела преп. Іоанна) благосклонно онъ принялъ отъ меня заздравную просфору, спросилъ, гдѣ я служилъ первую обѣдню (въ Іоанно-Воинской церкви) и отпуская меня, сказалъ: „ну поди, Христось съ тобой“!

Примѣчаніе. Въ 1822 году владыка самъ слѣдовалъ за крестнымъ ходомъ 20 іюля. На этомъ пути протоіерей Спасской, на Глинныхъ, церкви Петръ Симеоновъ встрѣчалъ крестный ходъ съ образами и, какъ скоро архіепископъ Филаретъ приобщился ко кресту, подалъ ему букетъ цвѣтовъ. Такая нечаянность удивила свитателя: «онъ ласкаетъ меня, какъ малаго ребенка, подумалъ владыка, а послѣ анъ и пригодился» этотъ букетъ, принятый изъ одного приличія, чтобы не опечалить 70-лѣтняго старца, и защищавшій потомъ отъ солнечнаго жара. Онъ напоминалъ это не одинъ разъ.

При назначеніи окончившихъ курсъ студентовъ московской академіи на вакантныя мѣста въ ея округѣ, обнимавшемъ нѣ-

скольکو семинарій, какъ скоро очередь дошла до меня, митрополитъ спросилъ (въ іюль 1858 г.) академическаго ректора архимандрита Сергія: „а его куда?“—Въ виѳанскую семинарію на должность наставника.—„Почему такъ?“ возразилъ владыка, имѣя въ виду вѣроятно слабость моего голоса.—„Ректоръ виѳанскій (ахимандритъ Игнатій, впоследствии епископъ костромской) беретъ его подъ свое покровительство“.

Примѣчаніе 1. Преосвященный Игнатій, еще учась въ московской семинаріи, былъ у родственнаго ему митрополита Филарета, который милостиво разговаривалъ съ нимъ, посадивъ его, а потомъ сказалъ своему секретарю: «найми извощика и положи фрукты». Тотъ же преосвященный въ бытность студентомъ академіи объявилъ митрополиту желаніе иноческой жизни.—«Хорошее твое желаніе, но не надо имѣть честолюбивыхъ видовъ. Когда я самъ принималъ постриженіе, говорилъ ему святитель ⁽¹⁾, я думалъ: вотъ теперь начнутъ академія готовить ученыхъ профессоровъ ⁽²⁾, а я куда похужь (съ старымъ образованіемъ)? Привелъ бы меня Богъ при концѣ жизни стать гробовымъ у раки преп. Сергія».

Примѣчаніе 2. Въ день праздника Донской Божіей Матери—19 августа 1858 г. опредѣленъ я въ виѳанскую семинарію учителемъ по классамъ св. Писанія (въ высшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ), герминевтики (въ среднемъ) и греческаго языка (въ высшемъ); пріѣхалъ туда 6 сентября въ день архистратига Михаила, Божія служителя, а 9 числа того же мѣсяца вступилъ въ должность. «Виѳанской духовной семинаріи, какъ радужно писалъ ко мнѣ отъ 16 іюля текущаго года, достопочтенный ректоръ ея архимандритъ Іаковъ,—принадлежать первые шаги вашего хотя не особенно громкаго и эффектнаго, но тѣмъ не менѣе весьма плодотворнаго служебнаго поприща Тридцать лѣтъ тому назадъ вы начали свою дѣятельность на пользу церкви и въ частности на пользу московскаго духовенства прохожденіемъ скромной должности учителя Виѳанской семинаріи. Позвольте мнѣ, представителю и предстоятелю этой самой семинаріи въ настоящемъ ея положеніи, привѣтствовать васъ съ исполняющимся тридцатилѣтіемъ вашего служенія и пожелать, чтобы многополезная служба ваша и ученые труды ваши (особенно по собиранію слѣдовъ дѣятельности такихъ святителей, каковымъ былъ Филаретъ митрополитъ московскій), продолжались на многія и многія лѣта».

⁽¹⁾ Постриженъ 1808 г., 16 ноября, въ день памяти преп. Никона Родонесскаго чудотворца.

⁽²⁾ Въ ноябрѣ 1807 г. Высочайшимъ указомъ повелѣно было составить комитетъ для усовершенствованія духовныхъ училищъ, а въ 1809 г. санктпетербургская академія была уже преобразована; московская въ 1814 г.

Въ январѣ 1859 г. назначенъ въ инспектора и профессора семинаріи вѣанской іеромонахъ Сергій, родственникъ А. В. Горскому, нынѣ епископъ моголевскій. Въ рѣчи, произнесенной (26 марта 1876 г.) на докторскомъ диспутѣ въ московской академіи, предъ защитою книги: „Полный мѣсяцесловъ Востока. Т. 1. Восточная агіология“, онъ говоритъ: „когда Господу Богу угодно было привести меня къ иноческой жизни, во мнѣ открылось искреннее желаніе посвятить силы свои духовной наукѣ. Вскорѣ промыслъ поставилъ меня близъ сего высшаго святилища духовной науки рукою почившаго въ Божѣ святителя Филарета¹³⁾. При первомъ представленіи ему, приснопамятный архипастырь объявилъ мнѣ, что цѣлю моего вызова было приблизить меня къ большей сокровищницѣ знаній вслѣдствіе прочитаннаго имъ изслѣдованія моего о библейской хронологіи“¹⁴⁾. Достоянному достойное, а я опредѣленъ (5 марта того же 1859 г.) помощникомъ инспектора и членомъ семинарскаго правленія.

Въ Троицынъ день (31 мая 1859 г.) послѣ поздней литургіи представлялся въ Лаврѣ митрополиту Филарету сирійскій консулъ. Черезъ посредство переводчика г-на Спиридона Абуда, присланнаго патріархомъ антиохійскимъ Мееодиємъ для образованія въ Россіи и окончившаго оное въ московской академіи (въ 1856 г.), консулъ сообщилъ его высокопреосвященству, что Сирійцы любятъ Россію и отъ нея хотятъ заимствовать просвѣщеніе. На эти слова послѣдовалъ остроумный отвѣтъ іерарха: „вотъ одинъ изъ вашихъ заимствовалъ здѣсь просвѣщеніе, да ужъ и не ѣдетъ на востокъ!“ Абудъ, къ которому относились эти слова, чувствовалъ стыдъ, передавая ихъ консулу. Затѣмъ митрополитъ спросилъ: „наше церковное цѣніе походитъ на ваше?“ и по выслушаніи краткаго отвѣта: „не совсѣмъ походить“, говорилъ о церковныхъ нотахъ. Консулъ наконецъ засвидѣтельствовалъ: „у насъ на востокѣ вездѣ молятся о васъ“. — „Я этого не заслужилъ“, замѣтилъ святитель.

Отъ 14 ноября тогоже года онъ писалъ къ ректору академіи,

¹³⁾ Разумѣется переводъ изъ костромской семинаріи въ вѣанскую въ 1859 г.

¹⁴⁾ Изслѣдованіе библейской хронологіи, студента Ивана Спаскаго, въ 1853 г. написанное на степень магистра богословія и отпечатанное кievскою академіею въ 1857 году.

что не препятствует моему назначенію въ Вологду на должность инспектора тамошней семинаріи, по изъявленному мной согласію, которое было съ моей стороны послушаніемъ къ путямъ Провидѣнія. На чужой сторонѣ, въ Вологдѣ находился я съ февраля 1860 г., а въ мартѣ 1862-го возвратился въ Вианію на вакантную должность инспектора и на третій день (31 числа) послалъ благодарное письмо ко владыкѣ московскому, прося благословить меня на достойное прохожденіе моей службы.

Того же года 23 мая (въ среду) онъ прибылъ въ Лавру къ празднику Пресв. Троицы и сказалъ намъ и прочимъ, которые привѣтствовали его: „Божіе вамъ благословеніе! Извините: я изнемогъ, имѣю нужду въ покоѣ“. На изъявленную мною лично (25 мая) смиренную благодарность за перемѣщеніе меня въ вианскую семинарію, онъ отвѣчалъ: „подо́ покровъ преподобнаго Сергія, гдѣ ты и прежде былъ“.

Славая мою проповѣдь на день преп. Сергія (на 5 іюля 1862), митрополитъ говорилъ мнѣ: „основной текстъ (Матѣ. 6, 19—20) избранъ очень удачно, предметъ (тема) взять къ дѣлу. Нехорошія слова употребляешь, напр., хлопотать. Велика проповѣдь. Ты стѣсняешься, когда говоришь, особенно когда стараешься говорить громче, напрягаешь себя. Нужно говорить, какъ обыкновенно говоришь, не принуждая себя. Будь готовъ!

Проповѣдь за усталостію владыки не была произнесена мною. Наиболѣ примѣчательно въ ней вступленіе: „Торжественно воспоминаемъ нынѣ обрѣтеніе нетлѣнныхъ мощей преподобнаго отца нашего Сергія. Не только на небѣ, но и на землѣ, *идѣже червь и тля тмѣтъ* — все подвержено тлѣнію и разрушенію, Богъ прославляетъ преподобныхъ своихъ, не давая имъ видѣть тлѣнія; для того прославляетъ на землѣ видимо для всѣхъ, чтобы возжечь въ сердцахъ нашихъ благочестивую ревность къ подражанію святой жизни ихъ. Такъ, *Богъ не обидмизъ* (Евр. 6, 10), много благоволяетъ Онъ къ вѣрнымъ рабамъ своимъ; посему есть побужденіе и намъ трудиться, какъ трудились всѣ святые. Но мы никогда не сдѣлаемъ подобными имъ, если не станемъ прилежно изучать земную жизнь праведниковъ, не будемъ знать, чѣмъ именно они угодили Богу и за какіе подвиги прославлены отъ Бога. Изъ жизни празднуемаго нынѣ святаго, для собственнаго назиданія, возьмемъ во вниманіе пре-

имуущественно то обстоятельство, что богоносный Сергій былъ вѣрный хранитель словъ евангельскихъ: *Не скрываете себѣ сокровищъ на земли, идѣже червь и тля тлѣтъ, и идѣже татіе подкапываютъ и крадутъ; скрываете же себѣ сокровище на небеси, идѣже ни червь, ни тля тлѣтъ, и идѣже татіе не подкапываютъ, ни крадутъ.*

„Дѣйствительно, подвижникъ благочестія такъ высоко цѣнилъ произвольную нищету, что отказался отъ наследственнаго родительскаго имѣнія и на богатство смотрѣлъ, какъ на прахъ. Неземное, тлѣнное, а небесное взыскалъ и обрѣлъ онъ богатство— жизни вѣчной, пріобрѣтенное для насъ цѣною крови Христовой. Боголюбецъ, проводившій жизнь въ пустынѣ, не оставилъ послѣ себя серебра и золота или *млкихъ*, дорогихъ *ризъ*, хотя изъ пустыни бывалъ и въ чертогахъ великовняжескихъ и державными чтимъ былъ (сн. Матѣ. 11, 7—8). За то имѣемъ отъ него сокровище несравненно важнѣйшее—святая мощи, точація различныя исцѣленія. Неземное это сокровище у насъ—облагодѣствованное тѣло преподобнаго Сергія, неземное, послѣ того какъ съ подобающею честью изнесено изъ земли (сн. Быт. 3, 19) и открыто почиваетъ въ храмѣ небу подобномъ. Ибо можно ли называть земнымъ то, что небесныя силы въ себѣ открываетъ и ими дѣйствуетъ? А *татіе* невидимыя, похищающіе въ сердцѣ человека сѣмя слова Божія (Матѣ. 13, 19), не только не смѣютъ приближаться къ сему нетлѣнному сокровищу, но трепещутъ его, бѣгутъ прочь и отъ тѣхъ христіанъ, которые прикасаются къ нему устами съ вѣрою и благоговѣйнымъ сердцемъ¹⁵⁾.

„Изъ примѣра нынѣ празднуемаго угодника Божія научимся, христіане, подавлять въ душѣ своей опасную и вредную страсть любостыжанія; начнемъ усердно собирать вмѣсто вещественныхъ, земныхъ, небесныя сокровища, какъ учитъ насъ Божественный Наставникъ Іисусъ Христосъ“.

Во время лѣтнихъ каникулъ прибылъ я (въ іюнѣ 1862 г.) въ Москву къ родителямъ и немедленно представился митрополиту въ подворскомъ саду его. Благословивъ меня онъ спросилъ: „а когда поѣдешь обратно въ Візанію?“ Я отвѣчалъ, что желалъ бы побыть въ Москвѣ недѣли двѣ.—„Зачѣмъ?“—„Надо

¹⁵⁾ Слова «и державными чтимъ былъ», «что небесныя силы въ себѣ открываетъ, и ими дѣйствуетъ», внесены въ мою проповѣдь рукою митрополита.

устроить себѣ новое платье“ и что-то еще сказалъ я. — „На это достаточно двухъ дней“, возразилъ владыка съ улыбкой, впрочемъ благословилъ меня, видя мое смущеніе, оставаться въ Москвѣ сколько мнѣ надобно.

На другой день высокопреосвященный говорилъ моему родителю, не вина меня, а жалѣя о мнѣ: „послушай, да что это твой сынъ какъ-то неладно говоритъ?... Онъ уже довольно обращался со мной, надо быть ему развязнѣе. Знаешь ли?“ продолжалъ святитель, старавшійся мою застѣнчивость обратить въ неприужденность и обходившійся со мною всегда милостиво. — „я былъ ректоромъ петербургской академіи. Одинъ изъ студентовъ академіи (Егоръ Городковъ) страдалъ тѣмъ же недостаткомъ: бывало, спросишь его въ классѣ, онъ сконфузится, отвѣчаетъ не свободно, а былъ перворазрядный. Я, чтобы приучить его къ развязной рѣчи, почаще его спрашивалъ и къ себѣ призывалъ. Когда мнѣ представилъ онъ свою проповѣдь, наканунѣ дня, на который ему назначена, я велѣлъ читать при себѣ, на половинѣ остановилъ (онъ читалъ медленно) и говорю ему: „можешь завтра произнестъ въ церкви“. Онъ, ссылаясь на косноязычіе, просилъ уволить, но я настоялъ, чтобы говорилъ, посоветовавъ еще разъ или два повторить проповѣдь наединѣ; послушался онъ и произнесъ въ церкви удачно, что его ободрило, и онъ послѣ совершенно исправился въ разговорѣ. Этотъ студентъ (сказалъ въ заключеніе митрополитъ) — преосвященный (архіепископъ) рязанскій Гавріилъ“ († 7 апрѣля 1862 г.).

Того же года 20 сентября митрополитъ Филаретъ въ первый разъ отправился въ Сергіеву лавру по желѣзной дорогѣ, съ особеннымъ поѣздомъ. Онъ изъ Москвы выѣхалъ въ три часа пополудни; на Хотьковской станціи (въ 12 верстахъ отъ лавры, а лавра въ 60 верстахъ отъ столицы) останавливался на нѣсколько минутъ для преподаванія благословенія духовенству и сестрамъ Хотькова монастыря, а въ посадѣ Сергіевѣ прибылъ въ половинѣ пятого часа. Въ лаврскихъ архіерейскихъ покояхъ благословивъ насъ каждого отдѣльно (многіе ожидали его), онъ сказалъ: „рекомендую желѣзную дорогу. Сколько употреблено искусства, усилій и средствъ для того, чтобы вмѣсто пяти, ѣхать полтора часа! Сколько работаетъ людей!“ Ректоръ академіи архимандритъ Савва отвѣчалъ, что и прежде ихъ много было

на шоссеиной дорогѣ.— „Но тогда работа была простѣе“, замѣтилъ владыка. Быстрота поѣзда занимала его. Въ тотъ же вечеръ онъ говорилъ о ректору: „прошло немного времени отъ начала поѣзда, сморю: анъ ужъ и Мытищи (село въ 15 верстахъ отъ Москвы)! Себѣ не вѣрю. А потомъ вскорѣ и Пушкинская церковь (въ 25 верстахъ отъ Москвы)! Да это она! Но вотъ и Хотьковъ монастырь! Сомнѣваться, что Хотьковъ, нельзя было. Тутъ-то я понялъ, какъ быстро ѣду“. Намѣстнику лавры писалъ онъ отъ 23 іюня 1839 г.: „Бывало, по обыкновеннымъ дорогамъ ѣхали тихо и тряско, но были цѣлы; теперь по желѣзной дорогѣ летать съ опасностію каждую минуту потерять голову“¹⁶⁾.

25 сентября (1862 г.), въ праздникъ преподобнаго Сергія, послѣ служенія въ Троицкомъ соборѣ и кратковременнаго пріема гостей въ своихъ покояхъ, прошелъ онъ въ лаврскую, обширную и благолѣпную трапезу, куда приглашены были и другіе. Во время обѣда кто-то съ участіемъ сказалъ владыкѣ, что онъ почти не кушаетъ. — „Я, отвѣчалъ онъ, питаюсь постомъ“, давая разумѣть, что постъ тѣла есть пища для души. Мы, по окончаніи обѣда, благодарные за хлѣбъ-соль, проводили его въ его покои чрезъ домовую церковь. Каждый изъ насъ получилъ отъ него напутственное благословеніе и брошюру его: „Воспоминаніе тысящелѣтія Россіи въ Москвѣ“, каковую храню какъ драгоценность, на память о немъ.

Въ первый день публичнаго экзамена начальствующіе и наставники академіи и вѣанской семинаріи, присутствовавшіе на этомъ экзаменѣ, приглашались къ обѣденному столу въ лаврскихъ митрополичьихъ покояхъ. Радужный хозяинъ предлагалъ за этою трапезой (напримѣръ 25 іюня 1863 года) тостъ „за благоденствіе и здоровье академіи, съ желаніемъ, чтобы вмѣстѣ съ здоровымъ ученіемъ была соединена добрая христіанская жизнь“.

Послѣ публичнаго семинарскаго экзамена ректоръ съ инспекторомъ ѣзжали благодарить владыку за посѣщеніе семинаріи.

¹⁶⁾ Письма къ о. Антоію, ч. I, стр. 324.

Онъ при этомъ отзывался объ экзаменѣ, о наставникахъ, ученикахъ и дѣлалъ полезныя замѣчанія. Напримѣръ: „благодарю васъ за трудъ. Ученики отвѣчали порядочно; только нѣкоторые стараются учить на память: нужно лекціи воспринимать умомъ. Такой-то профессоръ (изъ свѣтскихъ) не свободенъ въ рѣчи; наставникъ и самъ долженъ быть воодушевленъ и другихъ воодушевлять“ (1863 г.). Разъ (1862 г.) онъ выразилъ свое неудовольствіе на то, что наставникъ словесности помѣстилъ въ своихъ запискахъ нѣсколько строкъ изъ какой-то свѣтской современной книги. „Нынѣшняя литература, говорилъ при этомъ святитель, почти вся заражена: ничего порядочнаго не напишутъ безъ того, чтобы тутъ не было грязи. Прежде писали почище“. Когда-то онъ еще сказалъ намъ: „обращайте болѣе вниманія на своихъ учениковъ (визанскихъ), облагораживайте ихъ. Профессора ваши должны замѣнять имъ хорошее общество“. На приглашеніе пожаловать на другой день экзамена (второе за сѣданіе) онъ отвѣчалъ ректору: „нѣтъ, нѣтъ, изнемогаю“ (1863 г.), или такъ: „ну ужъ *имѣй мя отреченна*; я усталъ, позови ректора академіи“ (1862 г.).

Какъ инспекторъ визанской семинаріи, я обязанъ былъ ежедневно доносить митрополиту о благосостояніи учебнаго заведенія и о поведеніи учениковъ, — лично или чрезъ почту, а въ особенныхъ случаяхъ немедленно. Былъ подобный случай: ученикъ низшаго класса, купаясь тайкомъ въ прудѣ визанскомъ, утонулъ (22 іюня 1863 г., въ 1 часу пополудни). „Воля Божія, но мнѣ жаль мальчика“, сказалъ съ душевною теплотою святитель, котораго сердце не уступало уму. Онъ былъ въ лаврѣ.

Въ отношеніи къ оберъ-прокурору Св. Синода А. П. Ахматову, отъ 21 сентября 1863 года онъ сообщилъ: „Инспекторъ московской семинаріи архимандритъ Сергій въ поданномъ на мое имя, въ концѣ августа, прошеніи писалъ слѣдующее: Хотя здоровье его послѣ продолжительной болѣзни теперь поправилось значительно: но, при должномъ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей, оно снова можетъ разстроиться, какъ объ этомъ онъ заключаетъ изъ довольнаго наблюденія надъ своею болѣзнію. Посему и просить дать ему, если то благо-

угодно будетъ, назначеніе по службѣ въ иномъ меньшемъ кругѣ дѣятельности. Въ слѣдствіе близкаго наблюденія за ходомъ и леченіемъ болѣзни архимандрита Сергія, получилъ я убѣжденіе, что просьба его требуетъ удовлетворенія, какъ для того, чтобы инспекторское и наставническое дѣйствованіе по семинаріи было удовлетворительное чрезъ лице, пользующееся полнымъ употребленіемъ силъ, такъ и для того, чтобы здоровье архимандрита Сергія, при менѣ усиленныхъ занятіяхъ, могло быть восстановлено къ дальнѣйшей пользѣ службы. По сему съ требованіемъ обстоятельствъ сообразно было бы: 1) архимандрита Сергія отъ службы при семинаріи уволить. 2) Дабы дать ему приличное и обезпечивающее положеніе, назначить его настоятелемъ московскаго третьекласснаго Знаменскаго монастыря. 3) Въмѣсто его, въ инспектора и профессора московской семинаріи перевести инспектора вѣанской семинаріи соборнаго іеромонаха Григорія. Послужные списки обоимъ при семъ прилагаются“.

Милостивый владыка, принявъ благодарность мою за переведеніе въ московскую семинарію (переведенъ я 16-го октября 1863 года), сказалъ мнѣ: „ты въ ней обучался“ и благословилъ меня.

Въ мартъ 1864 г. (этимъ годомъ оканчивался пятидесятилѣтній періодъ существованія московской семинаріи) ректоръ семинаріи (съ 10 января 1861 г.) о. Игнатій, имѣвшій о мнѣ доброе мнѣніе, просилъ митрополита о возведеніи меня, соборнаго іеромонаха, въ санъ архимандрита.—„Что вамъ хочется? Что вы спѣшите? Вотъ бы къ юбилею семинаріи“ (1 ноября), возразилъ владыка, а выслушавъ отвѣтъ его, сказалъ: „ну, какъ хотите“. Послѣ насхи преосвященнымъ викаріямъ Леониду и Саввѣ сказалъ первосвятитель: „инспектора здѣшней семинаріи я думаю представить въ архимандрита: что вы на это скажете?“ Они отвѣчали, что „пора“, и вотъ я былъ ущедренъ новою милостію. Поставленіе мое въ этотъ санъ на Троицкомъ подворьѣ въ домовой церкви было 6 августа того же года, въ день Преображенія Господня. Крестъ возложенъ на меня подаренный мнѣ добрымъ о. ректоромъ еще великимъ постомъ, ко дню моего ангела—святителя Григорія Паламы, который въ своихъ писаніяхъ и на соборахъ противъ еретиковъ защищалъ несотворенность Фаворскаго свѣта. Послѣ литургіи (во время ея окна

въ алтарѣ были всѣ растворены) высокопреосвященный Филаретъ сказалъ мнѣ у св. престола: „тщись такъ жить, чтобы быть примѣромъ для другихъ“. Увидя меня на другой день съ просѣорой, спросилъ: „развѣ ты служилъ?“ — Въ Богоявленскомъ монастырѣ. Взявъ просѣору, сказалъ: „благодарю“; а о ректору съ улыбкою говоритъ: „вотъ мы посвятили инспектора, а для него, я думаю, пріятнѣе было бы посвященіе въ день юбилея!“

Первоначально московская академія отпраздновала (1 октября) свой 50-лѣтній юбилей въ присутствіи митрополита. На этомъ праздникѣ протоіерей В. П. Полисадовъ (депутатъ отъ петербургскаго университета, † 2 августа 1878 года) съ пафосомъ говорилъ о себѣ: „академія дала мнѣ крылья!“¹⁷⁾ Имѣя въ виду потомъ наступающій юбилей семинаріи, владыка московскій, довольно этимъ озабоченный, сказалъ: „одно горе прошло, другое грядетъ“ (Апок. 9, 12). Мститель архипастырь почтилъ праздникъ семинаріи своимъ присутствіемъ, и на юбилейномъ актѣ со вниманіемъ выслушалъ чтеніе исторической записки, въ которой предлагалось много дорогихъ воспоминаній изъ прошлыхъ отношеній его къ семинаріи¹⁸⁾. Для семинаріи этотъ праздникъ былъ вдвойнѣ радостенъ, и по многочисленному собранію почетныхъ гостей, какого она еще не видывала въ стѣнахъ своихъ, и по многочисленнымъ пожертвованіямъ, которыя сдѣланы были въ пользу семинаріи, въ память ея юбилейнаго дня и которыя весьма замѣтно содѣйствовали ея дальнѣйшему благосостоянію. Мнѣ „за отлично-усердную службу“ объявлено благословеніе Святѣйшаго Синода.

Изъ большаго Успенскаго собора владыка завѣжалъ когда-то въ Чудовъ монастырь, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ и находилось старшее духовенство, бывшее за соборнымъ молебномъ. Но одинъ старецъ-архимандритъ запоздалъ къ молебну. Владыка, увидя его подошедшаго къ пирогу, улыбнулся и сказалъ: „*а не трудись да не ястъ*“ (2 Сол. 3, 10).

¹⁷⁾ Онъ когда-то находился въ Женевѣ, въ Парижѣ при нашей миссіи, въ Берлинѣ при русской посольской церкви. Исторія моск. дух. академіи С. К. Смирнова. М. 1879 г., стр. 519.

¹⁸⁾ Въ июльской кн. Чтеній въ Обществѣ люб. дух. проsv. за 1874 г. См. Историческую записку о московской семинаріи г. Ильи Бѣлева.

Въ 1866 году февраля 6, въ прощальное воскресенье, большой владыка не принималъ почти никого, но родственнаго ректора и меня принялъ въ кабинетъ, умиленно сказавъ: „простите меня!“ Въ понедѣльникъ Пасхи, 17 апрѣля, въ рѣчи своей къ духовенству говорилъ: „мы благодаримъ Господа за побѣду вѣры. но и сами еще должны подвизаться за эту побѣду противъ невѣрія“.—На второй день Рождества Христова и день своего рожденія первосвятитель (онъ родился 26 декабря 1782 года) говорилъ представителямъ изъ духовенства: „нынѣ умножились *ищущіи душу Отрочате* (враги Христовы)... Служителямъ церкви надо усугубить дѣятельность, чтобы міръ, перешедшій изъ язычества въ христіанство. не совратился снова отъ христіанства къ язычеству“.

Сдавая (въ 1865 г.) мое слово въ великій пятокъ, написанное по особому назначенію отъ консисторіи, сказалъ онъ ректору семинаріи: „вотъ проповѣдь твоего инспектора. Языкъ порядочный, и мысли изложены порядочныя; только вздумалъ говорить о литургіи, когда не положено литургіи! Конечно у него примѣнено. Пусть скажетъ въ Успенскомъ соборѣ!“ Въ 1866 г. владыка меня самого заставилъ читать вечеромъ „ближе къ свѣту“ (огню) мою проповѣдь на Николинъ день (6 декабря). Я читалъ немного, онъ сказалъ: „ты долго прочитаешь: дай мнѣ, садись!“ По прочтеніи замѣтилъ: „техническія слова, напр. слово: „текстъ“, въ проповѣди неумѣстны. Пишешь: „ему (труженику Христову) неизбѣжно предстоятъ и страданія вѣшніи отъ людей“. Много такихъ которые проживаютъ вѣкъ свой спокойно, не терпятъ гоненій. Говоришь объ его (св. Николая) епископскомъ санѣ, какъ будто онъ поставленъ по откровенію: онъ былъ поставленъ церковнымъ избраніемъ. Можешь произнести“.

Являясь на Троицкое подворье съ недѣльнымъ рапортомъ, обыкновенно въ пятницу въ четвертомъ часу, я не каждый разъ видѣлъ владыку, а когда видѣлъ, всегда заставлялъ его въ тихомъ одиночествѣ и за дѣломъ: лежа на диванѣ въ черномъ подрясникѣ и скуфейкѣ, опоясанный кушакомъ изъ бѣлаго крепа онъ просматривалъ духовные журналы или епархіальныя вѣдомости, дѣлая въ нихъ разныя отмѣтки карандашомъ; иногда писалъ письмо. По прочтеніи моего рапорта, давалъ какіе-нибудь

вопросы, напримѣръ: „наставникъ чѣмъ боленъ?“ „Чѣмъ болѣны ученики? Есть ли свидѣтельства объ ихъ болѣзняхъ? Нѣтъ ли опасно больныхъ?“ Объ одномъ ученикѣ спросилъ: давно онъ боленъ?—Другую треть. „Если другую треть хвораетъ, худо для ученика“. Иногда и о подобныхъ ученикахъ говорилъ: „не для чего и держать ихъ въ семинаріи“. Когда больныхъ было болѣе 10 человекъ, онъ замѣчалъ: „много“. Но однажды, именно въ недѣлю сыропустную не было вовсе больныхъ учениковъ; по этому случаю онъ выравился: „настала масляница, не стало больныхъ!“ Въ другое время возразилъ, что больныхъ показалъ я, въ меньшемъ числѣ, сравнительно съ донесеніемъ (мѣсячнымъ) семинарскаго врача. Въ апрѣлѣ 1867 года сказалъ: „слышно, что пути въ окрестностяхъ Москвы испортились: какъ же ученики отпущены (на Пасху) въ такомъ множествѣ?“ Изъ сказаннаго мною видна та зоркость или наблюдательность, съ какою архипастырѣ относился ко всякому дѣлу.

Выходя первый разъ изъ кабинета его, не могъ я отворить двери, а онъ молча сошелъ съ дивана и отворилъ ее! Такое смиреніе его высокопреосвященства, истинно христіанское, меня глубоко тронуло; онъ бы позвонилъ и вызвалъ келейника. Когда-то онъ писалъ къ намѣстнику лавры: „о умовеніи вы разсуждаете справедливо... Спаситель, умывъ ножъ ученикамъ, сый Господь и Учитель, повелѣлъ подобно смиряться начальникамъ предъ подчиненными и тѣмъ назидать подчиненныхъ“¹⁹⁾. Назидательно смиреніе, какое являлъ великій іерархъ (Сирах. 3, 18) и въ другихъ случаяхъ, кромѣ умовенія ногъ.

Въ 1865 г. я словесно донесъ ему, что во время службы въ домово́й семинарской церкви такой-то чиновникъ ведетъ себя разсѣянно, къ соблазну воспитанниковъ. Владыка приказалъ, чтобы помощникъ инспектора отъ имени начальства обязалъ его вести себя чинно, а иначе пусть этотъ чиновникъ удалится. Принявъ благословеніе, я сходилъ уже съ лѣстницы, какъ меня митрополитъ опять потребовалъ и сказалъ: „швейцаръ, не пуская чиновника въ церковь (семинарскую), объявилъ ему, что такое распоряженіе начальства вызвано крайнимъ безчиניемъ его во

¹⁹⁾ Письма къ о. Антонію, ч. I, стр. 402.

время церковной службы; а если онъ хочетъ молиться, пусть идетъ въ приходскій храмъ“.

Въ отношеніяхъ семинарскаго или училищнаго пачальства къ ученикамъ владыка желалъ видѣть снисходительность. Вотъ его слова: „въ настоящее время (1864 г.) наказанія не должны быть употребляемы безъ особенной нужды: ихъ должно замѣнять словомъ и убѣжденіемъ“. Онъ благодушно позволялъ для учениковъ, имѣя въ виду нравственно-воспитательную цѣль, нѣкоторыя развлеченія. Что же касается до экзаменовъ, „нужно, говорилъ онъ, строже производить ихъ. Недостатокъ строгости экзаменовъ былъ одною изъ причинъ, которыя вызвали преобразование духовно-учебныхъ заведеній“.

Московская семинарія въ шестидесятые годы—предъ временемъ своего преобразования по новому уставу (преобразована была въ 186⁹ г.), не могла похвалиться благоустроенностію. Все въ ней опускалось. На моемъ рапортѣ о состояніи семинаріи отъ 14 по 21 октября 1866 г., архипастырь написалъ (21 вѣт.): „Частію замѣчается отсутствіе наставниковъ въ классахъ. Жаль сіе для учениковъ и для благоустройства семинаріи. Что значить, что часы г-на N совсѣмъ не были заняты?—О ректору (*Никодиму*) нужно тщательно наблюдать, чтобы наставникъ, который не можетъ быть въ классахъ, предварялъ о томъ о. ректора заблаговременно и чтобы ученики чрезъ другаго наставника получали по возможности занятіе, чтобы они не теряли времени и чтобы не ослабѣвалъ порядокъ“.—Резолюція отъ 4 ноября: „Въ одну недѣлю (съ 29 окт.) пять наставниковъ отсутствовали отъ классовъ. Недавно сказано было, чтобы предварили о занятіи классовъ вмѣсто отсутствующихъ: и сіе не исполнено.—Жаль.—Сдѣлать въ семинарское правленіе“. Затрудняло инспектора, что многіе ученики были довольно распущенны: ходили въ классы неаккуратно, вели себя свободно и т. под., а обыкновенныя мѣры, чтобы управиться съ ними и ввести свободу ихъ въ законныя границы, не были довольно сильны. О, въ трудное время досталось мнѣ дѣйствовать! Меня, отъ природы горячаго по характеру, при надорванныхъ моихъ силахъ, озабочивало и ожидаемое преобразование семинаріи по новому уставу, которымъ требовалось полное и всестороннее обновленіе учебнаго заведенія. Вотъ имѣя надежду на Бога, что Онъ

устроить мнѣ полезное, пошлетъ помощь и облегченіе, началъ я помышлять о томъ, чтобы, по примѣру моего предшественника, поселиться въ монастырѣ и радѣть болѣе о душевномъ спасеніи, ибо „нѣтъ лучше страха Божія и нѣтъ ничего сладостяѣе, какъ исполнять заповѣди Господни. Велика слава въ томъ, когда послѣдуютъ Богу“ (Сирах. 23, 36—37). Въ такомъ настроеніи духа написалъ я біографіи родственнаго мнѣ Спасо-андроніевскаго архимандрита Гермогена (Душепол. Чтеніе 1866, мартъ) и старца Новоспаскаго монастыря іеромонаха Филарета, въ схимѣ Θεодора (тамъ же 1866, ноябрь). Владыка замѣчавшій и малое, прочитавъ эту послѣднюю біографію, сказалъ преосвященному Игнатію (викарію): „статья порядочная, но жаль что не приведены изреченія старца изъ краткихъ его писемъ къ разнымъ лицамъ“ (каковыхъ писемъ не было у меня подъ руками). Въ апрѣльской книжкѣ того же журнала 1867 г. помѣщено составленное мной жизнеописаніе арзамаскаго архимандрита Александра, сподвижника Новоспаскаго старца Филарета, уважаемаго митрополитомъ.

Мое намѣреніе оставить училищную службу по разстроенному здоровью стало извѣстно владыкѣ. Архимандритъ Никодимъ — ректоръ семинаріи, сообщившій ему о томъ, присовокупилъ, что я почелъ бы себя счастливымъ, еслибъ награжденъ былъ Златоустовымъ монастыремъ (съ 21 марта 1866 г., послѣ архимандрита Евстаѣя управлялъ этимъ монастыремъ о. ректоръ, а въ мартѣ 1867 г. онъ получилъ Богоявленскій монастырь). Высокопреосвященный отвѣчалъ: „есть старше его“. Помолчавъ не много, сказалъ: „я и самъ полагаю, что ему трудно читать въ классѣ. Пусть напишетъ мнѣ письмо“ и продиктовалъ самое содержаніе онаго, а прочитавъ мое письмо (отъ 29 марта), представленное о. ректоромъ, сказалъ ему: „оставьте, я подумаю“. Въ пятницу, 31 марта, когда былъ я у святителя съ недѣльнымъ рапортомъ, онъ спросилъ меня: „ты почему затрудняешься читать лекціи въ классѣ?“ Выслушавъ мой отвѣтъ, сказалъ мнѣ: „ну хорошо, я подумаю“, а на Ѳоминой недѣлѣ, 28 апрѣля, благосклонно и въ опредѣленныхъ выраженіяхъ общалъ сказавъ мнѣ: „о тебѣ напишу въ Синодъ и дамъ приличное положеніе“.

Къ оберъ-прокурору св. Синода, графу Д. А. Толстому митрополитъ писалъ отъ 30 апрѣля 1867 г.: „Инспекторъ московской семинаріи архимандритъ Григорій письменно объяснилъ мнѣ, что хотя онъ начальствомъ возложенное на него послушаніе желалъ бы продолжать съ ревностію: но, имѣя слабую грудь и слабый голосъ, нерѣдко затрудняется надлежащимъ исполненіемъ наставнической должности. Потребное къ тому напряженіе тѣлесныхъ силъ ослабляетъ благотворное дѣйствіе врачебныхъ средствъ къ поправленію его разстроеннаго здоровья. Посему просить разрѣшенія оставить духовно-учебное поприще. Просьба сія уважительна, какъ въ отношеніи къ сохраненію здоровья просителя, такъ и въ отношеніи къ пользѣ учащихся, чтобы они могли слушать лекціи, болѣе явственно и внятно произносимыя. Посему съ обстоятельствами было бы сообразно: 1) Архимандрита Григорія отъ духовно-училищной службы уволить. 2) На мѣсто его инспекторомъ и профессоромъ опредѣлить вѣанской семинаріи профессора іеромонаха Симеона (*нынѣ спискота орловскаго*). 3) архимандрита Григорія опредѣлить настоятелемъ третьяго-класснаго Златоустова монастыря на имѣющуюся въ немъ вакансію. Прилагая при семъ послужные списки архимандрита Григорія и іеромонаха Симеона, долгомъ поставляю покорнѣйшіе просить в. с.—во предложить вышеизложенное на благоусмотрѣніе св. Синода“.

Синодальный указъ о назначеніи меня настоятелемъ монастыря съ увольненіемъ отъ училищной службы полученъ его высокопреосвященствомъ 26 мая, о чемъ на другой день утромъ извѣтилъ меня преосвященный Игнатій. Дивная милость Божія! Въ 12 часу того же дня прибылъ я въ большой Успенскій соборъ на благодарный молебень, по случаю избавленія Государя Императора отъ смертной опасности въ Парижѣ. Соборный сакелларій П. Д. Сокольскій, неожиданно поздравивъ меня съ монастыремъ, сказалъ, что вчера онъ докладывалъ митрополиту: кого изъ архимандритовъ благоугодно будетъ назначить на 28 число къ служенію съ однимъ изъ преосвященныхъ литургіи въ томъ же соборѣ.—„Пусть служитъ инспекторъ семинаріи, онъ же и архимандритъ златоустовскій“, отвѣчалъ владыка. А мнѣ сказалъ вечеромъ 30 мая: „учись управлять монашествующими“.

Подъезя (1 іюня) его высокопреосвященству съ просѣрой образъ св. Іоанна Златоуста, я наименовалъ этотъ образъ. Владыка сказалъ: „вижу“; поставивъ образъ, благословилъ и спросилъ меня: „вступилъ въ обитель“?—Вчера.—„Какъ на шель“?—„Обитель мнѣ по сердцу“, на что владыка отвѣчалъ „я тебѣ такую выбралъ“ (была мысль у него перевести въ Златоустовъ срътенскаго архимандрита Вениамина, а меня представить въ Срътенскій монастырь) и наставлялъ меня „руководствовать съ духовной стороны братію, устроить обитель и съ виѣшной стороны; а если какое недоумѣніе, присовокупилъ онъ, то прежде, чѣмъ просить, посоветуйся со мной“. Еще сказалъ: „обрати вниманіе на казначея, и недѣли черезъ двѣ донеси мнѣ, можетъ ли онъ долѣе оставаться въ этой должности. Какая глупость! У него въ кельѣ“... Въ свое время я донесъ, что онъ вообще подаетъ надежду доброй помощи.

5 августа исполнилось 50-лѣтіе архипастырскаго служенія Филарета, а находился онъ въ Лаврѣ, куда съ прочими депутатами и я прибылъ для привѣтствія его высокопреосвященства отъ монастырской московской епархіи. На другой день своего юбилея, поднимая за торжественнымъ обѣдомъ бокаль, митрополитъ съ лицомъ просвѣтлѣвшимъ отъ радости сказалъ тихимъ голосомъ: „за здоровье Государя Императора, общаго нашего Покровителя; и (съ замѣтнымъ волненіемъ духа) моего недостойнства. Богъ да благословитъ домъ его и царство всѣми благами“! а спустя нѣсколько дней сказалъ о себѣ, что „погруженъ въ море телеграммъ“ (поздравительныхъ съ разныхъ концовъ отечества и заграничныхъ).

Примчаніе. Намѣстникъ лавры архимандритъ Антоній рассказывалъ при мнѣ, что онъ пожелалъ видѣть царскіе портреты, высочайше пожалованные юбиляру (настоящие портреты трехъ Императоровъ: Александра Благословеннаго, Николая I-го и Александра II-го, соединенные вмѣстѣ, осыпанные брилліантами и украшенные большою императорскою короною) и потомъ спросилъ: какъ владыка смотритъ на всѣ почести оказанныя ему въ день юбилея?—«Бремя тяжелое—тщеславіе! Нельзя совершенно избѣгнуть его. Потребна теперь лишняя борьба съ помыслами», признался святитель. Въ другое время намѣстникъ просилъ позволенія снять съ его фотографическій портретъ, и владыка надѣлъ бѣлый клубокъ съ тѣмъ

чтобы идти въ лаврскую фотографію; но узнавъ желаніе наѣздника взять туда и три царскія портрета, сказалъ ему, скидая клубокъ: «вождѣ еще что-нибудь вздумашь» и не пошелъ въ фотографію. Есть и фотографическіе портреты его, но святые съ живописныхъ (за исключеніемъ фотографическаго снимка съ лежащаго во гробѣ). Портретъ его, писанный въ 1864 г. цвѣтнымъ карандашомъ и тогда же приобретенный мною художникомъ Шпиревича, считаю однимъ изъ самыхъ лучшихъ. Отъ архимандрита Веніамина узналъ я, что владыка, увидя первый портретъ свой, нарисованный г. Шпиревичемъ, сказалъ: «непохожъ», я не пишу двумя перьями (изъ нарисованныхъ гусиныхъ перьевъ, опущенныхъ въ чернилицу одно казалось обрѣзаннымъ въ верхнемъ концѣ); ломаное перо не бываетъ у меня». Послѣ кончины Филарета приобрѣлъ и храню я перо, которымъ онъ писалъ.

7-го октября возвратился онъ изъ Лавры въ Москву послѣ отсутствія почти четырехмѣсячнаго. Экстренный поѣздъ Тропцкой желѣзной дороги остановился въ три четверти втораго часа у здѣшняго дебаркадера. Владыка, при выходѣ изъ вагона былъ встрѣченъ московскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ В. А. Долгоруковымъ и преосвященными викаріями (Леонидомъ и Игнатіемъ), которые тутъ же поднесли ему просфору отъ имени духовенства. Въ вокзалѣ его высокопреосвященству представились архимандриты богоявленскій (ректоръ семинаріи), даниловскій, златоустовскій, срътенскій и протоіереи—члены консисторіи.

1 ноября писалъ онъ въ Св. Синодъ: „переведеніемъ настоятеля Златоустава монастыря архимандрита Евстаѳіа въ ставропигіальный Симоновъ монастырь (онъ переведенъ 22 фев. 1866 г.) открылась вакансія члена московской духовной консисторіи. Способнымъ къ сему служенію усматривается Златоустава монастыря архимандритъ Григорій. Онъ испросилъ увольненіе отъ училищной службы потому, что имѣя слабую грудь и слабый голосъ, онъ не могъ читать лекціи безъ изнуренія вреднаго здоровью, а при утомленіи не могъ быть достаточно слышимъ всѣми находящимися въ классѣ. Подобнаго затрудненія не представить ему служеніе въ консисторіи, гдѣ меньше можно говорить, а болѣе слушать, соображать и писать резолюціи. Представляя при семъ послужный списокъ архимандрита Григорія, благопочтительнѣйше испрашиваю въ разрѣшеніе указа“.

Примѣчаніе. Обращаетъ на себя вниманіе фраза митрополита: «и писать резолюціи» (консисторскія). Богъ привелъ мнѣ издавать въ свѣтъ и его резолюціи, руководственные для пастырей и мірянъ. Много довольныхъ ими, но есть и недовольные; значить на всѣхъ не угодишь. «Его резолюціи шить ютъ, по отзыву одного ученаго, каноническое достоинство и могли бы послужить отличнымъ матеріаломъ для свода церковныхъ законовъ». Есть у меня мысль раздѣлить ихъ на разряды по роду предметовъ. Но кажется это неудобно, покуда не всѣ резолюціи подъ руками, а всѣхъ невозможно и собрать мнѣ.

Почтенный Н. В. Сушковъ, составитель „записокъ о жизни и времени святителя Филарета“ (М. 1868), въ предпоследнее свое свиданіе съ нимъ 8 ноября 1867 г., извѣстилъ объ избраніи меня (17 окт.) Обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія въ дѣйствительные члены, при чемъ выразилъ относительно меня полную увѣренность, что я, какъ настоятель Златоустова монастыря, разработаю архивъ монастырскій. „А я представилъ его въ члены консисторіи; знаю и трудолюбие его“, отвѣчалъ добрый владыка ²⁹).

Надежало, по примѣру прежнихъ лѣтъ, устроить архіерейское служеніе въ Златоустовской обители въ день храмоваго ея праздника, 13 ноября, на что я испрашивалъ позволеніе. „Богъ благословить“, сказалъ мнѣ архипастырь, 10 числа. Обративъ взоръ на дѣловыя монастырскія бумаги въ моихъ рукахъ, сказалъ оня: „читай“. Я прочелъ первую бумагу. „Какая другая?“? Выслушавъ содержаніе второй и третьей бумаги, сказалъ: „я все это порѣшу“; затѣмъ спросилъ: „кого будешь приглашать“ (на праздничное служеніе)? Преосвященнаго Леонида.

На указѣ Св. Синода (отъ 10 ноября) о назначеніи меня и архимандрита Покровскаго монастыря Θεодосія (нынѣ епископа михайловскаго) членами московской консисторіи и увольненіи Всесвятскаго протоіерея Загорскаго, согласно его прошенію, отъ должности члена, резолюція митрополита отъ 15 числа такая: „1) рѣшеніе Синода объявить о. протоіерею Іоанну Загорскому, съ благодарностію начальства за его честное служеніе въ консисторіи. 2) Назначенныхъ членовъ ввести въ должность“.

²⁹) Историческое описаніе Златоустова монастыря, составленное мною въ 1871 г. и во второй разъ изданное А. Мартиновымъ съ прекрасными рисунками въ 1880 г., «отличается, по отзыву Историч. Вѣстника (іюль 1880 г.), обстоятельностью и, вмѣстѣ сказать, документальностью».

17 ноября введенный въ должность члена консисторіи, въ тотъ же день прямо изъ консисторіи былъ я у его высокопреосвященства съ изъявленіемъ благодарности за особенное вниманіе ко мнѣ, а онъ только-что возвратился отъ новоназначеннаго московскаго губернатора генераль-маіора Баранова, и черезъ полчаса вышелъ ко мнѣ въ долгую комнату. Благословивъ, сказалъ онъ: „сидись. Какъ ты думаешь объ этомъ (назначеніи въ члены консисторіи)?“ Я началъ отвѣчать. „Не слышу, поближе“ (въ это время онъ трудно слышалъ). Я отвѣчалъ: охотно вступаю, потому что я имѣлъ время и возможность нѣсколько собраться съ силами, живя въ монастырѣ. Послѣ этого онъ говорилъ съ изумительною быстротою: „въ честиности членовъ консисторіи я не сомнѣваюсь; но что касается дѣятельности, ея иногда недостаетъ. Надо обращать вниманіе на канцелярію, чтобы не задерживала дѣла, узнавать, какія дѣла поступаютъ, и требовать скорѣйшаго доклада. Ты со вниманіемъ возмись за это дѣло. Читай кормчую и соображайся съ нею. Нѣтъ надобности узнавать всѣ законы, а какіе законы вносятся въ дѣла, замѣчай и помни. Наблюдай за порядкомъ дѣлъ и отъ одного дѣла заключаай къ другимъ. Если какое недоумѣніе и имѣешь личное мнѣніе, всегда обращай къ мнѣ. Господь да благословитъ тебя!“

Это было мое послѣднее свиданіе съ приснопамятнымъ іерархомъ, но мнѣ утѣшительно, что отходя на небо, онъ оставилъ мнѣ благословеніе.

На 19 число ноября—день кончины его видѣлъ я себя, во время тонкаго сна, на берегу рѣки, по другую сторону которой мгновенно опустился на землю воздушный шаръ и опять поднялся на высоту, увлекши съ собою кого-то изъ живущихъ на землѣ! Затѣмъ открылась предъ мною новая перспектива: вотъ большая якиманская улица въ Москвѣ, вдали—Калужскія ворота, вижу и мѣщанское училище. Что бы значило все это? Вечеромъ того же дня будучи у своего родителя, я почувствовалъ какую-то грусть и немедленно отправился домой по якиманской улицѣ, на которой карета моя остановилась: ко мнѣ подошелъ казначей Златоустова монастыря съ извѣстіемъ, что владыка—Фи-

лареть кончилъ жизнь (отъ мгновенной апоплексіи), о чемъ въ монастырь далъ знать верховой изъ Троицкаго подворья, и скорбная боль загнуздилась въ моемъ сердцѣ. „Померело свѣтло православной церкви и духовной науки! Не стало великаго святителя и отца нашего, Златоуста російскаго!“ о томъ только и думалъ я на дальнѣйшемъ пути въ монастырь и на подворье съ траурнымъ облаченіемъ. По прѣздѣ на подворье введенъ былъ въ кабинетъ во Бозѣ почившаго святителя и тамъ я земно поклонился ему. На него (онъ положенъ былъ на диванъ) надѣтъ былъ подрясникъ изъ матеріи муаръ-антикъ, скромнаго дикаго цвѣта, и поясъ съ шелковыми цвѣтами по бѣлому фону. Владыка казался необыкновенно миренъ: вотъ истинный угодникъ Божій, столь славно и полезно потрудившійся для православной церкви! Пристально глядя на него съ желаніемъ на вѣкъ запечатлѣть въ памяти свѣтлыя черты его лица, много разъ лобызалъ я святительскія руки его, ибо онъ мой рукополагатель, низводившій на меня благодать всесвятаго Духа. Честное тѣло его перенесено мною вмѣстѣ съ другими въ большую залу, гдѣ облачено было во все архіерейское облаченіе— то самое, въ которомъ онъ совершалъ тогоже дня (воскресенье) послѣднюю божественную литургію; и когда вложили въ его руки трикирій и дикирій, а протодіаконъ возгласилъ: „такъ да просвѣтится свѣтъ твой предъ человѣки“ и пр., градомъ потекли слезы изъ моихъ глазъ при отрадной мысли, что въ этотъ самый день онъ тайнодѣйствовалъ, какъ ангелъ Божій въ чистой молитвѣ стоялъ предъ Господомъ и переселился отсюда къ Святому Богу, имѣя свѣтильники свои горящими (Лук. 12, 35). Панихида была совершена преосвященными викаріями, въ присутствіи генералъ-губернатора, а на другой день (20 число), по внесеніи тѣла маститаго святителя въ крестовую церковь, литургія и панихида въ ней отслужены соборно мною съ протоіереями, іеромонахами и священниками. Въ четвергъ (23 число) происходило печально торжественное шествіе съ безцѣннымъ кипариснымъ гробомъ, осѣняемымъ святыми хоругвями, крестами и рицидами, въ каедральный Чудовъ монастырь, по предписанному церемоніалу, при громадномъ стеченіи народа, напоминавшемъ, что архіерей есть великій отецъ великаго семейства. Небо было безоблачное, воздухъ оглашался церковнымъ пѣніемъ, при за-

унывною звонѣ колоколовъ. Въ субботу—обычный въ недѣль день поминовенія усопшихъ, потому что въ сей день Господь нашъ пребывалъ въ усопшихъ, совершенно трогательное отпѣваніе. Въ слѣдующее воскресенье—день памяти св. Иннокентія, перваго епископа Иркутскаго, Москва, съ участіемъ великаго князя Владиміра Александровича, проводила въ Троицкую лавру и на вѣки разсталась съ священными останками своего іерарха. (Не замѣчательно ли, что преемникомъ ему назначенъ соименный св. Иннокентію архипастырь?) Во время слѣдованія великой погребальной процессіи на станцію Троицкой желѣзной дороги, падалъ обильный снѣгъ, и я. отправился потомъ въ Лавру—мѣсто послѣдняго упокоенія Филарета, продрогшій отъ холода, съ промоченной обувью, но за архипастырскія его молитвы Господь меня сохранилъ: я не почувствовалъ никакой простуды.

Примѣчаніе. Въ тотъ тяжелый годъ (1842), когда принужденъ былъ святитель принять необычное для него отдохновеніе отъ трудовъ въ соборѣ церкви всероссійской, Св. Синодѣ, въ этотъ скорбный для него годъ изрекъ онъ въ своемъ вдохновенномъ словѣ²¹⁾: «могу ли сказать себѣ, или когда наконецъ возмогу сказать: *се удалися быяя и водворится въ пустыни* (Псал. 65, 8)? Когда облегчуся отъ бремени чужихъ, чтобы обратитъ все попеченіе къ облегченію собственнаго?» Въ этомъ же словѣ указалъ онъ знаменательно и на Геосиманское уединеніе Спасителя. На другой же годъ мысль его объ удаленіи въ пустыню начала осуществляться: въ сентябрѣ 1843 года обозрѣлъ онъ мѣсто для устройства скита и благословилъ сіе мѣсто, а чрезъ годъ освятилъ здѣсь первый храмъ (верхній) въ честь Вознесенія Богоматери на небо послѣ Ея успенія. Къ южной сторонѣ храма примыкаютъ скромныя келліи митрополита, въ которыхъ лѣтомъ и осенью много дней и ночей провелъ онъ вдали отъ шума столицъ, не встрѣчая препятствій уединенному богомыслію. Памятуя часъ смертный онъ, по освященіи (8 іюля 1845 г.) втораго—нижняго храма во имя Спасителя, молившася въ саду Геосиманскомъ, благословилъ приготовить въ немъ для себя могилу, и это было слѣшкомъ за двадцать лѣтъ до его кончины²²⁾. Въ послѣдствіи (въ 1853 г.), когда устроенъ обширный каменный храмъ въ Геосиманіи, лаврскій намѣстникъ не скрылъ отъ владыки своего опасенія, что первоначальная деревянная церковь можетъ

²¹⁾ Слово по освященіи храма явленія Божіей Матери преп. Сергію, устроеннаго надъ мощами преп. Михея, въ Троицкой лаврѣ, произнесенное 27 сент. 1842 г.

²²⁾ Указатель къ обозрѣнію Геосиманскаго скита, изд. 3, 1868, стр. 6—8.

сгорѣть, а съ нею и гробъ его. «Значить, я того стою», отвѣчалъ благочестивый іерархъ—основатель скита и хотя не скоро, но по его же благословенію, мѣсто вѣчнаго покоища перенесено подъ своды трапезнаго каменнаго храма. Теперь оно не въ Геесимаіин, а близъ нея, въ самомъ сердцѣ Лавры, подъ кровомъ молитвъ св. Сергія и другихъ по немъ здѣсь богоугодно подвизавшихся. Никто изъ приходящихъ къ многоцѣлебному гробу Преподобнаго не пройдетъ мимо почившаго святителя, чтобы молитвенно не преклониться предъ его многопоучительной гробницей²¹⁾.

Въ годовщину кончины его, то есть 19 ноября 1868 г., въ крестовой подворской церкви совершена мной, по распоряженію преосвященнаго **Игнатія**, заупокойная литургія и панихида соборне. Въ ночь на это число почившій владыка, видѣнный мною въ рясѣ и бѣломъ клобукѣ, благословилъ меня, а по сторонамъ его находились какіе-то другіе два іерарха, покрытые бѣлымъ облакомъ. Благословеніе его принялъ я, какъ залогъ Божія ко мнѣ милосердія и какъ неложное знаменіе, что святая душа его во благихъ водворяется.

²¹⁾ Моск. Епарх. Вѣдомости 1876; № 44, стр. 379. См. письма Филарета къ Антонію, ч. IV, стр. 178.

КЪ 50-ЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ И. Д. ДЕЛЯНОВА *.

Р Ъ Ч Ь

ПРЕДЪ БЛАГОДАРСТВЕННЫМЪ ГОСПОДУ БОГУ МОЛЕБСТВІЕМЪ ПО СЛУЧАЮ ПРАЗДНОВАНІЯ ИСПОЛНИВШАГОСЯ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ СЛУЖЕНІЯ Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ИВАНА ДАВИДОВИЧА ДЕЛЯНОВА **.

Сегодня, братіе и чада, день радости и торжества для всѣхъ учащихъ и учащихся въ Россіи; а такъ какъ къ радости учащихся дѣтей не могутъ быть чуждыми и безучастными ихъ родители и родственники, то мы имѣемъ полное основаніе считать сегодняшній день праздникомъ всероссійскимъ, потому что очень мало найдется во всей Россіи людей, не имѣющихъ никакого отношенія къ образованію юношества.

Какой же нынѣ праздникъ? — Является, вѣроятно, вопросъ у каждаго изъ васъ, дѣти. Сегодня—праздникъ просвѣщенія и науки. Сегодня съ Высочайшаго соизволенія торжественно празднуется

* 23 ноября въ день 50-лѣтняго юбилея г. министра народнаго просвѣщенія, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ отслужены были по этому случаю благодарственныя молебствія въ присутствіи ихъ воспитанниковъ и начальства. Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ произнесены были соотвѣствующія случаю рѣчи, изъ коихъ одну помѣщаемъ на страницахъ нашего изданія. *Ред.*

** Произнесенная къ воспитанникамъ и воспитанницамъ учебныхъ заведеній г. Минска, подвѣдомственныхъ дирекціи народныхъ училищъ, 23 ноября 1888 г.

во всей Россіи, вездѣ гдѣ только есть учащіе и учащіяся, пятидесятилѣтніе служенія Царю и отечеству главнаго руководителя народнаго просвѣщенія, ближайшаго слуги Царя и главнаго Его совѣтника по отношенію къ воспитанію юношества, министра народнаго просвѣщенія Ивана Давидовича Делянова. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, будучи еще пылкимъ юношей, вступилъ на службу государству теперешній маститый старецъ, министр народнаго просвѣщенія, и съ тѣхъ поръ непрерывно и постоянно несъ тяжелое бремя служенія родинѣ, несъ это бремя честно, усердно и неутомимо, и продолжаетъ бодро нести даже до дне сего. Всякій безпристрастный человѣкъ долженъ признать, что маститый юбиляръ много, очень много посвятилъ труда на пользу отечества, потрудился на поприщѣ службы такъ, какъ въ большинствѣ случаевъ не трудятся и десятки обыкновенныхъ людей, вмѣстѣ взятыхъ. Очевидно, Самъ милосердый и всемогущій Господь, одарившій его высокими способностями и талантами, далъ ему и силы пройти великое поприще высокаго служенія на пользу вѣсѣхъ насъ, вѣрныхъ слугъ Царя и отечества. Не должны ли мы поэтому, братіе и чада, усердно благодарить милосердіе Господа Бога, воздвигающаго для нашего блага мужей духа и силы, подобныхъ тому высокому труженику, пятидесятилѣтніе служенія котораго мы сегодня торжественно празднуемъ? Но чтобы это для васъ было ясное, чтобы нагляднѣе и очевиднѣе вы могли представить въ своихъ умахъ и сердцахъ, какъ много потрудился на благо отечества маститый юбиляръ, я постараюсь изобразить, хотя въ краткихъ чертахъ, его долгую и полезную жизнь и служебную дѣятельность, а также и его труды, посвященные интересамъ русской науки и просвѣщенія.

Иванъ Давидовичъ Деляновъ родился въ сердцѣ Россіи, въ Москвѣ, 30 ноября 1818 года; слѣдовательно въ настоящее время онъ имѣетъ отъ роду семьдесятъ лѣтъ. Образование свое онъ получилъ въ московскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ съ ученою степенью кандидата юридическихъ наукъ. Молодой ученый юристъ поступилъ на службу во второе отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи 4-ноября 1838 года. Какъ извѣстно, цѣль учрежденія втораго отдѣленія Императорской канцеляріи заключалась въ томъ, чтобы собрать многочисленные и разнообразныя законы Россійской

имперіи въ одно цѣлое и издавать ихъ въ свѣтъ, какъ въ полномъ видѣ, въ порядкѣ ихъ появленія, такъ и въ видѣ систематическаго сборника дѣйствующихъ узаконеній. Главноуправляющимъ этимъ отдѣленіемъ въ теченіе долгаго времени состоялъ знаменитый государственныиъ человѣкъ царствованія императора Николая Павловича, графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, при которомъ, въ теченіе времени отъ 1845 по 1858 г., и состоялъ, въ качествѣ его ближайшаго сотрудника, Иванъ Давидовичъ Деляновъ. Служеніе подъ руководствомъ такого мудраго государственнаго мужа, какимъ былъ графъ Блудовъ, можно сказать, положило свою печать на всю послѣдующую административную дѣятельность Ивана Давидовича. Выдающееся усердіе и любовь къ труду, глубокая религіозность и патриотизмъ, строгая основательность и законность всѣхъ дѣйствій и распоряженій были пріобрѣтены маститымъ юбиляромъ именно въ этотъ ранній періодъ его дѣятельности, когда онъ принималъ непосредственное и самое живое участіе въ законодательныхъ работахъ втораго отдѣленія, а именно: въ изданіи свода законовъ 1842 и 1857 годовъ и въ изданіи уложенія о наказаніяхъ 1845 г., а также и въ другихъ важныхъ законодательныхъ работахъ того времени. Нельзя и представить себѣ другой, болѣе основательной подготовки для государственнаго человѣка, для прохождения высшихъ государственныхъ должностей, какъ служба во второмъ отдѣленіи Императорской канцеляріи, въ которомъ человѣкъ всего себя посвящалъ всестороннему и глубокому изученію законовъ государственныхъ. И Господу Богу было угодно, чтобы будущій руководитель образованія юношества и исполнитель мудрыхъ предначертаній Монарха по дѣламъ просвѣщенія народа первые двадцать лѣтъ своей службы посвятилъ именно серьезному изученію законовъ государства Россійскаго.

Получивъ такую серьезную и основательную подготовку къ самостоятельной административной дѣятельности, Иванъ Давидовичъ Деляновъ 18 іюля 1858 года Высочайшимъ приказомъ былъ назначенъ попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа; съ этого времени и начинается его служебная дѣятельность по министерству народнаго просвѣщенія, непрерывно продолжавшаяся и до нашихъ дней. Затѣмъ 18 января 1860 года онъ назначенъ членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати;

4 августа 1861 года директоромъ департамента народнаго просвѣщенія, а 6 декабря того же года—директоромъ Императорской публичной библиотеки. Много положилъ труда новый директоръ, чтобы поставить это учрежденіе на ту высоту, на которой оно должно стоять, какъ первое книгохранилище обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи; заботы его обращены были главнымъ образомъ на то, чтобы обогатить библиотеку капитальными пріобрѣтеніями и установить въ ней внутренней и внѣшній порядокъ. И действительно, онъ достигъ того, что поставилъ ее въ уровень съ лучшими подобнаго рода учрежденіями въ цѣломъ свѣтѣ. Но среди этихъ работъ о преуспѣяніи Императорской публичной библиотеки глубокоуважаемый юбиляръ не переставалъ исполнять важныя обязанности по министерству народнаго просвѣщенія, а впоследствии и по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи, а именно: былъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, графа Дмитрія Андреевича Толстаго, и исполнялъ обязанности почетнаго опекуна, возложенныя на него особыми распоряженіемъ Государя Императора. Состоя въ этомъ высокомъ званіи, Иванъ Давидовичъ Делановъ принялъ на себя должность главноуправляющаго вѣдомствомъ Императрицы Маріи, по кончинѣ незабвеннаго принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго. Кроме того, при обзорѣи долговременной и плодотворной дѣятельности шестидесятилетнего юбиляра, нельзя обойти его особаго трудовъ, какъ преподавателя въ двухъ важныхъ комиссіяхъ: одной — по пересмотру университетскаго устава, и другой—по вопросу о служебныхъ правахъ и преимуществахъ воспитанниковъ нашихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Независимо отъ сего, на Ивана Давидовича, какъ на одного изъ ученѣйшихъ государственныхъ мужей нашего времени, въ 1881 году Высочайшемъ волею возложено собираніе матеріаловъ по исторіи царствованія блаженной памяти Императора Николая Павловича.

Назначеніе Ивана Давидовича Деланова въ 1882 году на высшій постъ министра народнаго просвѣщенія встрѣчено было всеобщимъ сочувствіемъ, ибо по общему мнѣнію, никто изъ современныя государственныхъ мужей не былъ такъ подготовленъ къ занятію этой высокой должности, какъ глубоко всеми уважаемый юбиляръ, и что выборъ Государя Императора и въ

этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, былъ плодомъ Его царской мудрости и государственной прозорливости. И дѣйствительно, глубокая опытность маститаго государственнаго мужа сослужила великую службу Царю и отечеству, и новый министр народнаго просвѣщенія вполне оправдалъ возлагавшіяся на него надежды Государя Императора и всего русскаго народа. Недавняя поѣздка Ивана Давидовича по Россіи, свидѣтельствуя о его бодрости и трудолюбіи, несмотря на его преклонныя лѣта, наглядно показываетъ, что учащаяся молодежь, благодаря новому направленію воспитанія и образованія, стала уже совершенно не та, чѣмъ какою была нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Равнымъ образомъ измѣнились отношенія къ учащемуся юношеству и самого министра народнаго просвѣщенія. Въ самомъ дѣлѣ, сколько намъ извѣстно изъ предшествовавшихъ опытовъ, ни одинъ министръ никогда не говорилъ съ учащеюся молодежью такимъ образомъ, какъ говорилъ Иванъ Давидовичъ Деляновъ въ недавнюю свою поѣздку по университетскимъ городамъ Россіи. Какою теплотою и задушевностію, какою поистинѣ отеческою любовью и простотою дышали его глубоко прочувствованныя рѣчи, обращенныя имъ къ учащейся молодежи, которой маститый министръ тѣмъ не менѣе въ тоже время совѣтовалъ много и основательно учиться, и даже прямо требовалъ отъ нея серьезнаго и уперлаго труда на пути самоусовершенствованія и образованія своего ума и сердца! Никогда и ни отъ кого учащіяся молодые люди не слыхали такихъ рѣчей; но за то ни чьи рѣчи и не были ими приняты такъ сочувственно, съ такою горячею отзывчивостію на все доброе и хорошее, которое отличаетъ юныя сердца. И этотъ переворотъ въ настроеніи учащейся молодежи произошелъ лишь въ недавнее время, на нашихъ глазахъ, благодаря тѣмъ ибрамъ, которыя въ послѣднее время принимало министерство народнаго просвѣщенія.

Какъ служитель алтаря Господня и пастырь церкви, я не могу здѣсь не упомянуть еще о томъ, что въ управленіе Ивана Давидовича Делянова министерствомъ народнаго просвѣщенія образованію юношества данъ характеръ религіозно-нравственный по преимуществу. Я не хочу этимъ сказать того, что въ прежнее время направленіе народнаго просвѣщенія не отличалось такимъ характеромъ; и въ прежнее время отъ воспитателей юношества

требовалось, чтобы религиозно-нравственными христіанскія понятія постоянно внушались учащемуся юношеству при всякомъ удобномъ случаѣ; но въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія Ивана Давидовича религиозно-нравственное направленіе образованія юношества усилено и возвышено, религиозности и церковности придано теперь большее значеніе, чѣмъ прежде, въ особенности въ отношеніи къ народнымъ училищамъ и къ такимъ школамъ, въ которыхъ дѣти получаютъ первоначальное образованіе; въ низшихъ училищахъ изученіе закона Божія и выполненіе учащимися религиозныхъ обрядовъ и обязанностей поставлено въ основу воспитанія дѣтей, нагь это и должно быть; потому что только въ томъ случаѣ воспитаніе и образованіе можетъ быть твердымъ и надежнымъ, когда основывается на религіи, когда школа и церковь соединены между собою тѣснѣйши и неразрывными узамн, находятся между собою въ тѣснѣйшемъ союзѣ, одна другую поддерживаютъ и дополняютъ. Настоящій министръ народнаго просвѣщенія и проводитъ это убѣжденіе во всей своей административной дѣятельности по народному образованію. Этимъ же самымъ, безъ сомнѣнія, должно объяснить и то сочувствіе, съ которымъ встрѣтилъ Иванъ Давидовичъ появленіе церковно-приходскихъ школъ, сочувствіе, которое съ теченіемъ времени не только не ослабѣваетъ, но даже усиливается, что и выразилось въ извѣстномъ циркулярномъ распоряженіи министра о томъ, что всѣ дѣятели народнаго просвѣщенія должны оказывать этимъ школамъ всевозможное содѣйствіе и поддержку. Очевидно, глубоко уважаемый юбиляръ носить въ своей душѣ твердое сердечное убѣжденіе, что безъ церкви школа невозможна, что безъ религіи невозможно воспитаніе и образованіе юношества. Конечно, эта мысль всецѣло принадлежитъ нашему мудрому Монарху, Благочестивѣйшему Государю Императору Александру Александровичу, религиозность и набожность Котораго извѣстна всѣмъ и каждому изъ насъ. Но несомнѣнно и то, что Благочестивѣйшій Государь избираетъ ближайшихъ слугъ и сотрудниковъ Своихъ изъ среды только такихъ людей, которые вполне сочувствуютъ всѣмъ Его предначертаніямъ и предположеніямъ и всецѣло раздѣляютъ Его воззрѣнія на тѣ или иные вопросы государственнаго управления.

Итакъ, братіе и чада, правдуя нынѣ день пятидесятилѣтія вѣрнаго и нелицемѣрнаго служенія Царю и отечеству глубоко всеми уважаемаго министра народнаго просвѣщенія Ивана Давидовича Деянова, прежде всего возблагодаримъ всеблагаго Бога—Промыслителя, подавшаго ему силы и крѣпость пройти полувѣковое поприще служенія государству съ такою славою и честію; и затѣмъ будемъ усердно молитвенно просить Его, Всемогущаго, да продолжитъ Онъ милости Свои къ намъ, да умножитъ Онъ дни жизни Благочестивѣйшаго Государя нашего и Его ближайшаго сотрудника и помощника, министра народнаго просвѣщенія Ивана Давидовича Деянова, да сохранитъ Онъ ихъ Своею всемошною благодатію въ нерушимомъ здравіи и благополучіи на многіе годы, на славу и преуслѣбіе великаго отечества нашего Россіи и на пользу всѣхъ насъ, членовъ этого государства, имѣющихъ великое счастье быть вѣрными подданными Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича.

Священникъ Павелъ Афонскій.

Минскъ.

О РЕЛИГИИ ДРЕВНИХ ВАВИЛОНЯНЪ.

ЛЕКЦІИ ПРОФЕССОРА СЭЙСА *

Вавилонскій Виль - Меродахъ.

Въ надписи на глиняномъ цилиндрѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ привезенномъ изъ Вавилоніи, Киръ объявляетъ, что инспекціонное Набонидоса, послѣдняго независимаго вавилонскаго монарха, было слѣдствіемъ гнѣва Вила и другихъ боговъ. Набонидосъ перенесъ ихъ изображенія изъ ихъ древнихъ святилищъ въ Вавилонъ. Жрецы утверждали, что этимъ поступкомъ онъ возбудилъ негодованіе Меродаха „владыки боговъ“, который поэтому отвергъ его и искалъ другаго правителя по сердцу своему. Когда Набонидосъ перенесъ боговъ въ Вавилонъ, они „во гнѣвѣ покинули кивоты свои“ и молили Меродаха, божескаго патрона императорской столицы, „обойти всѣхъ людей, гдѣ бы они ни жили“. Меродахъ вполне сочувствовалъ ихъ обидѣ. „Онъ посетилъ людей Сумера и Аккада, о которыхъ вѣлся, что они будутъ его служителями“ и „всѣ страны увидѣли друга его“. Онъ избралъ Кира, царя Елама, и призвалъ его по имени, назначивъ ему быть верховнымъ владыкою Халдеи. Киръ, котораго еврейскій пророкъ приветствовалъ помазанникомъ Господа (Исаія 45, 1), былъ въ то же время избранникомъ и верховнаго вавилонскаго божества. Говорится, что „Виль

* Лекція вторая.

Меродахъ, великій владыка, восстановитель своего народа, съ радостью взираетъ на подвиги своего намѣстника (Кира) праведнаго руками и сердцемъ. На свой городъ, Вавилонъ, онъ призвалъ его и повелѣлъ ему идти на него; какъ другъ, какъ товарищъ онъ шелъ рядомъ съ нимъ“. Одною битвою рѣшена была побѣда: вавилоняне отворили ворота и „безъ борьбы или сраженія“ Киръ торжественно введенъ былъ въ Вавилонъ. Первымъ его дѣломъ было выразить благодарность божествамъ, такъ дивно помогшимъ ему; ихъ храмы были восстановлены и они сами возвращены въ свои древнія жилища. Должно сознаться, что этотъ документъ весьма замѣчательнъ. Онъ написанъ на вавилонскомъ языкѣ, вавилонскими клинообразными письменами, изъ чего мы можемъ заключить, что онъ составленъ былъ вавилонскими писцами и предназначался для вавилонскихъ читателей: а между тѣмъ чужакъ побѣдитель описывается въ немъ любимцемъ національнаго бога, тогда какъ послѣдній туземный царь осуждается, какъ человѣкъ обезчестившій боговъ.

Причина гнѣва боговъ Халдеи противъ Набонидоса любопытнымъ образомъ поясняетъ слова Робсана къ народу іерусалимскому: „если вы скажете мнѣ: на Господа Бога нашего мы уповаемъ, то не на Того ли, котораго высоты и жертвенники отмѣнили Езекиа и сказали Иудѣ и Іерусалиму: предъ симъ только жертвенникомъ поклоняйся въ Іерусалимъ?“ (4 Цар, 18, 22). Разрушеніе мѣстныхъ культовъ, попытка объединить и централизовать богопочитаніе какъ въ глазахъ Робсана такъ и въ глазахъ вавилонскихъ писцовъ и безъ сомнѣнія въ глазахъ многихъ Іудеевъ во дни Езекиа было дѣломъ грубѣйшаго безбожія. Лѣтописная таблица, составленная немного времени спустя послѣ покоренія Вавилоніи Киромъ, намекаетъ на то, что предъ окончательнымъ нападеніемъ на страну Еламитскій государь былъ въ тайнѣ споспѣшествуемъ недовольными въ самой Халдеѣ. Во всякомъ случаѣ замѣчательно, что какъ только войско Набонидоса было разбито, все населеніе тотчасъ же покорилося и даже столица съ ея почти неприступными укрѣпленіями отворила ворота. Масса народа была недовольна Набонидосомъ и желала его низверженія. Царь этотъ не принадлежалъ къ дому Навуходоносора; онъ повидимому достигъ пре-

стола революціей и его попытка централизаціи возбудила сильную мѣстную непріязнь противъ него. Религія и гражданское управленіе были такъ тѣсно связаны одно съ другимъ, что гражданская централизація обуславливала и религіозную централизацію; самый вѣрный знакъ того, что города Вавилоніи были подогреты столицей, былъ тотъ, что изображенія боговъ, имена которыхъ были ассоціированы съ ними съ незапамятныхъ временъ, перенесены были въ Вавилонъ. Города теряли свое самостоятельное существованіе съ потерей божествъ, охранявшихъ ихъ индивидуальную судьбу.

Перенесеніе боговъ въ Вавилонъ заключало въ себѣ однако нѣчто болѣе перенесенія извѣстнаго числа изображеній и видимую потерю мѣстнаго самоуправленія и автономіи. Каждое изображение было центромъ особеннаго культа, совершавшагося въ особенномъ храмѣ, особеннымъ образомъ и находившагося въ вѣдѣніи особой корпораціи жрецовъ. Поэтому неудивительно, что самовольный поступокъ Набонддоса возбудилъ противъ него непріязнь этихъ многочисленныхъ мѣстныхъ жреческихъ корпорацій, а также и всѣхъ тѣхъ, кто извлекалъ какую-либо выгоду отъ поддержанія мѣстныхъ культовъ. Большинство городовъ лишенныхъ такимъ образомъ боговъ своихъ предковъ, были столь же древни какъ и Вавилонъ, нѣкоторые же древнѣе его, такъ какъ извѣстно, что Вавилонъ содѣлался столицей сравнительно поздно въ вавилонской исторіи. Сиппарскій богъ-солнца и урскій богъ-луны были одинаково древнѣе вавилонскаго Меродаха.

Дѣйствительно, хотя во времена Набонддоса титулъ *Вила* или „Господа“ примѣнялся главнымъ образомъ къ Меродаху, всѣмъ было извѣстно, что существовалъ болѣе древній *Вилъ-Вилтанъ* „старшій Вилъ“, почитаніе котораго распространилось изъ города Никура и который составлялъ одну изъ верховныхъ триадъ вавилонскихъ божествъ.

До конца дней своихъ вавилонская религія оставалась мѣстною. Этотъ то мѣстный характеръ даетъ намъ ключъ къ поцію ея начала и исторіи и объясняетъ многое, что иначе бы несообразнымъ и темнымъ. Страніе Набонддоса имѣлъ этотъ ея мѣстный характеръ и создать общую религію, объединенной Вавилоніи задѣло за живое какъ жре-

чество, такъ и народъ и повело за собою паденіе вавилонской монархіи. Основная религіозная идея, на которую опиралась имперія, была не поглощеніе божествъ покоренныхъ народовъ въ общемъ культъ, но главенство Меродаха, бога Вавилона надъ всѣми другими богами. Поэтому политика Набонидоса, стремившагося содѣлать Меродаха не *primus inter pares*, но самодержавнымъ владыкою плѣнныхъ имъ вассальныхъ божествъ, оскорбляла предрасудки вавилонскаго народа и наконецъ оказалась гибельною для самого Набонидоса. Поэтому въ Киръ, политическомъ реставраторъ плѣнныхъ народовъ и ихъ боговъ, жречество и почитатели мѣстныхъ божествъ видѣли набожнаго приверженца древняго богопочитанія и истиннаго любимца самого Меродаха. Меродахъ не одобрялъ революціонной политики Набонидоса, напротивъ того, онъ симпатизировалъ обидамъ своихъ братьевъ-боговъ въ Вавилоніи и по всему міру и покинулъ свой собственный городъ и вѣроотступника монарха, управлявшаго къ немъ.

Во всемъ этотъ заключается рѣзкій контрастъ съ главною религіозною идеею, которая въ послѣдствіи господствовала въ Персидской имперіи, и съ тою, которая возвѣщаема была пророками Іудеи и приведена въ исполненіе реформами Езекии и Іосіи. Аг'ура-Мазда, къ которому взываетъ Дарій на утесѣ Бѣг'истунскомъ, есть не только Владыка боговъ, онъ Господь, не терпящій другаго бога рядомъ съ собою. Верховный богъ персидскаго монарха также самодержавенъ, какъ и самъ персидскій государь. Въ персидской имперіи организованной Даріемъ, централизація впервые стала признаннымъ, безспорнымъ фактомъ; политическая же централизація шла рука объ руку съ религіозной. Въ Іудеѣ теократія была утверждена на развалинахъ древнихъ вѣрованій, ассоціировавшихъ нѣкоторыя мѣстности съ извѣстными формами божества и нашедшихъ наивное выраженіе въ устахъ Давида (I Цар. 26, 19) „они изгнали меня нынѣ, чтобы не принадлежать мнѣ къ наслѣдію Господа говоря: ступай, служи богамъ чужимъ“. Разрушеніе высотъ и сосредоточеніе культа Іеговы въ Іерусалимѣ сопровождалось возроставшимъ сознаніемъ, что Іегова не только Богъ ревнитель не терпящій никакихъ другихъ боговъ предъ лицемъ Своимъ (Исх. 20, 2—3), но что Онъ есть Богъ, которому принадлежитъ владычество надъ всѣмъ міромъ.

До этого-то именно понятія вавилоняне, по крайней мѣрѣ какъ народъ, иногда не достигали. Навуходоносоръ вызываетъ къ Меродаху какъ къ „Господу боговъ“ и къ „Богу неба и земли“, къ „вѣчному, святому владыкѣ всего“, но рядомъ съ нимъ онъ всегда призываетъ еще Нево, Сина или Гулу, о которыхъ говоритъ въ такихъ же выраженіяхъ. Даже Набонидосъ обращается къ Сину, богу луны, въ такихъ выраженіяхъ, которыя вовсе несовмѣстны съ вѣрованіемъ въ исключительное главенство Меродаха. Онъ называетъ его „владыкою боговъ неба и земли, царемъ боговъ и богомъ боговъ, живущихъ на небѣ и могущественныхъ“. Въ дѣйствительности Меродахъ былъ не болѣе какъ мѣстный богъ Вавилона. Событія содѣлали Вавилонъ сперва главнымъ городомъ Вавилоніи, а затѣмъ столицю великой монархіи, и его главный богъ раздѣлялъ судьбу его. Онъ послалъ свой народъ на поприще завоеваній; для прославленія своего имени онъ даровалъ ему побѣду. Введеніе въ его собственное жилище другихъ боговъ на равной ногѣ съ нимъ уже само по себѣ было поруганіемъ его святилища и достаточнымъ поводомъ для привлеченія на Набонидоса его мстительнаго гнѣва. Богу луны можно было поклоняться въ Урѣ; въ Вавилонѣ же совершенно неумѣстно было приносить ему особья почести, которыя должны бы были быть приносимы одному только Меродаху.

Спрашивается теперь, кто былъ этотъ Меродахъ, богъ покровитель Вавилона, имя котораго я такъ часто упоминалъ? Посмотримъ прежде всего, что мы можемъ узнать о немъ изъ нашихъ позднѣйшихъ документовъ, т.-е. изъ надписей Навуходоносора и его преемниковъ. Въ нихъ Меродахъ является божественнымъ покровителемъ Вавилона и его жителей. Онъ носитъ титулъ *Вила* или „Господа“, переданный греками въ формѣ Βήλος, тожественный съ Вааломъ ветхозавѣтныхъ книгъ. Этотъ титулъ часто употребляется какъ собственное имя и подъ этимъ только именемъ Меродахъ извѣстенъ былъ грекамъ и римлянамъ. Въ Ветхомъ завѣтѣ онъ тоже является подъ именемъ Вила. Когда пророкъ объявляетъ: „палъ Вилъ; пошелъ къ цѣвнѣ“ (Исаія 46, 1), онъ говоритъ тогда о Меродахѣ и о ниспроверженіи города Меродахова. Для вавилонянина Меродахъ главнымъ образомъ былъ „Ваалъ“ т.-е. „Господь“ подобно Вааламъ, кото-

рыми поклонялись подъ различными именами и особыми обрядами въ городахъ ханаанскихъ. Храмъ или „гробница Вила“, какъ его называли греки, принадлежалъ къ чудесамъ міра. Городотъ сльдующимъ образомъ описываетъ его: „храмъ Зевса Вила съ мѣдными воротами есть четырехугольникъ, имѣющій съ каждой стороны по двѣ стадіи. Въ срединѣ храма выстроена башня изъ кирпичныхъ камней въ одну стадію вышины и ширины; на этой башнѣ возведена другая, а на этой третья и такъ до восьми башенъ. Вскодъ на нихъ сдѣланъ снаружи вокругъ воѣхъ башенъ; въ срединѣ входа есть мѣсто для отдыха со скамьями, на которыхъ отдыхаютъ входящіе. Въ послѣдней башнѣ устроено обширное святилище; въ святилищѣ стоитъ большая, богатоукрашенная постель, а передъ ней золотой столъ. Но тамъ нѣтъ никакой статуи и никто изъ людей не проводитъ тамъ ночь, кромѣ одинокой женщины изъ туземныхъ жительницъ, которую богъ избираетъ изъ воѣхъ, какъ говорятъ халдеи, жрецы этого бога. Они говорятъ также, но мнѣ что-то не вѣрится, будто бы самъ богъ посѣщаетъ храмъ и отдыхаетъ на ложѣ. Есть также въ вавилонскомъ храмѣ другое святилище внизу, гдѣ поставлено большое золотое изображеніе Зевса, а передъ нимъ большой золотой столъ. Его пьедесталь и кресло также изъ золота, по словамъ халдеевъ все это сдѣлано изъ 800 талантовъ золота. Въ святилища находится золотой алтарь; есть еще другой большой алтарь, на которомъ приносится въ жертву множество мелкаго скота, такъ какъ на золотомъ алтарѣ не позволяется приносить въ жертву ничего, кромѣ сосуновъ. На больщомъ алтарѣ халдеи сожигаютъ ладона ежегодно на тысячу талантовъ въ то время, когда они празднуютъ праздникъ этому богу. Въ этомъ священномъ мѣстѣ въ то время еще стояла массивная золотая статуя въ двѣнадцать локтей“.

Изъ этого описанія ясно, что великій вавилонскій храмъ походилъ на обширное, четырехугольное, огороженное высокими кирпичными стѣнами мѣсто, внутри котораго возвышалась восьмиярусная башня. Внизу башни было святилище или храмъ, а внѣ его два алтаря: малый золотой для особаго рода приношеній и большой, предназначавшійся для приношенія овецъ и сожиганія энміама.

Мы многое узнаемъ объ этомъ храмѣ изъ надписей Навуходоносора; изъ которыхъ видно, что хотя въ общемъ описаніи Геродотъ былъ точенъ, онъ сдѣлалъ кое-какія ошибки въ подробностяхъ. Храмъ помѣщался въ восточной части города и существовалъ со времени Хаммурагаса (2250 до Р. Х.) и первой династіи, содѣлавшей Вавлонъ своею столицею. Названіе храма было *Э-Саммъ*, что по аккадски означаетъ „домъ поднятія головы“. Входъ въ него носилъ также аккадское названіе *Ка-Хилибъ*, которое Навуходоносоръ передалъ чрезъ „врата славы“. Онъ говоритъ: „я содѣлалъ блестящими какъ солнце Ка-Хилибъ, врата славы и Э-Зиду внутри Э-Саггилъ. Священные жилища, мѣстопребываніе боговъ, опредѣляющихъ судьбу; мѣсто собранія (боговъ) святое святыхъ боговъ судьбы, куда во время великаго праздника (Загмуку) въ началѣ года въ десятый и въ одиннадцатый дни (мѣсяца) божественный царь (Меродахъ), богъ неба и земли, владыка неба, нисходитъ въ то время какъ боги неба и земли, внимая ему въ благоговѣйномъ трепетѣ и смиренно стоя передъ нимъ, опредѣляютъ судьбу долговѣчныхъ дней, именно судьбу моей жизни; это святое святыхъ, святилище царства, святилище господства первороднаго между богами, государя Меродаха, котораго прежній царь украсилъ серебромъ, а же обложилъ блестящимъ золотомъ и богатыми украшеніями⁴¹⁾. Какъ разъ въ воротахъ было „мѣстопребываніе“ или святилище богини Зарпанить супруги Меродаха, которую пожагуй, можно отождествить съ Суккотъ-беноеъ, изображенія которой сдѣлано было людьми Вавилона по свидѣтельству книги 4 Царствъ 17, 30.

Э-Зида „твердо утвержденный храмъ“ была молеельня, посвященная Нево и получившая свое имя отъ великаго храма въ честь этого бога въ Борсипѣ. Нево былъ сынъ Меродаха, поэтому его святилище находилось въ предѣлахъ храма его отца рядомъ со святилищемъ его матери Зарпанить. Внутри святилища Нево, бога пророчества, помѣщался *паракку*—святое святыхъ—куда Меродахъ нисходитъ во время великаго праздника въ началѣ года и гдѣ возвѣщаемы были о прорицанія присутствовав-

⁴¹⁾ См. *Flemming*, Die Grosse Steinplatteninschrift Nebukadnezars II. (Göttingen 1889).

шимъ жрецамъ. Собственный паракъ Меродаха стоялъ отдѣльно отъ святилища его сына. Онъ носилъ названіе *Э-Куа* „домъ оракула“ и вѣроятно, заключалъ въ себѣ золотую статую Вила, о которой упоминаетъ Геродотъ. Навуходоносоръ говоритъ, что „обогатилъ его стѣны блестящимъ золотомъ“. За нимъ возвышалась величественная восьмидесятиэтажная башня — *зиуратъ*, называвшаяся *Э-Тэмси-Гурумъ* „домъ краеугольнаго камня неба и земли“. Верхняя комната этой башни служила обсерваторіей, какъ это обыкновенно бывало въ прочихъ городахъ Вавилоніи и Ассиріи. Но одинъ храмъ не почитался оконченнымъ безъ такой башни. Для вавилонянъ эти башни были тѣмъ, чѣмъ высоты были для жителей гористой страны Ханаана. Это переносить насъ назадъ въ тотъ вѣкъ, когда люди полагали, что боги живутъ на видимыхъ небесахъ и старались, поэтому, воздвигать свои алтари какъ можно ближе къ нимъ. „Построимъ себѣ городъ и башню, высотой до небесъ“. (Быт. 11, 4).

Итакъ, Меродахъ былъ вавилонскій Вилъ, бодрствовавшій надъ судьбами города Вавилона и великаго храма, построеннаго тамъ въ честь его. Онъ не былъ національнымъ богомъ всей Вавилоніи, но лишь одного города Вавилона и его жителей. Онъ былъ одинъ Ваалъ среди многихъ Вааловъ и тогда только почитался верховнымъ божествомъ, когда его поклонники сами бывали верховными властителями страны. Когда Навуходоносоръ или Хаммурагаъ были неоспоримыми владыками Вавилоніи, тогда только богъ, которому они поклонялись, становился „владыкою боговъ“. Но другіе боги сохраняли свое отдѣльное положеніе рядомъ съ нимъ и въ своихъ собственныхъ городахъ не потеряли бы ни малѣйшаго внимательства въ ихъ древнюю верховную власть. Какъ мы видѣли, Набонидосъ навлекъ на себя гнѣвъ неба тѣмъ, что перенесъ боговъ Марода и Биса и другихъ городовъ Вавилоніи въ Вавилонъ и увеличилъ ими свиту Меродаха въ храмъ его.

Итакъ, теперь мы можемъ вполне понять языкъ Навуходоносора, когда онъ говоритъ о своемъ богѣ такъ: „молился я къ Господу моему, Меродаху; я началъ къ нему прошеніе мое; изъ сердца моего излилось слово предъ нимъ и я воскликнулъ: „о вѣчносущій царь! Владыко всего существующаго! взываетъ къ тебѣ царь, котораго ты любишь, котораго называешь по

имени, которымъ руководишь какъ благородно тебѣ; бодрствуя надъ нимъ, направляешь его на стезю правды! Царь мой! Я рабъ твой; дѣло рукъ твоихъ; ты сотворилъ меня и ввѣрилъ мнѣ верховную власть надъ множествомъ людей, сообразно благостынѣ Твоей, Господи, которую ты распростеръ надъ исѣми ими. Да возлюблю я верховное владычество твое и да пребываетъ въ сердцѣ моемъ страхъ божества твоего. Даруй мнѣ то, что благо предъ Тобою, хранитель жизни моей!“ Тогда онъ, первородный, славный, перворожденный между богами, царь Меродахъ внялъ молитвѣ моей и принялъ прошеніе мое“²⁾).

И еще³⁾:

„Я молился Меродаху, Господу моему и воздѣвалъ къ нему десницу мою: „о Меродахъ, владыка мой, перворожденный между богами, могучій царь, ты сотворилъ меня и ввѣрилъ мнѣ власть надъ множествомъ людей. Какъ свою собственную дорогую жизнь я люблю высоту двора твоего; во всемъ родѣ человѣческомъ я не видывалъ города на землѣ прекраснѣе твоего города Вавилонна. Такъ какъ я возлюбилъ страхъ божества твоего и добивался власти, то прими воздѣаніе рукъ моихъ, внемли моленію моему, ибо я царь, украсилъ святилище твое, веселящее сердце твое, назначилъ царскаго жреца, украсителя всѣхъ крѣпостей твоихъ. По слову твоему, о милосердый Меродахъ, да пребудетъ на всегда этотъ построенный мною храмъ и да насыщусь я полнотою его“. Тутъ Меродахъ, хотя „владыка всего существующаго“, тѣмъ не менѣе лишь перворожденный изъ боговъ. Были боги старше его, какъ были города старше Вавилонна. Слѣдовательно онъ не могъ быть неограниченнымъ владыкою міра; только въ Вавилонѣ былъ онъ неограниченъ, въ иныхъ же мѣстахъ власть его раздѣляли другіе. Навуходоносоръ, какъ уроженецъ Вавилонна, былъ дѣломъ рукъ его, но за предѣлами Вавилонна были другіе творцы и другіе владыки. Этотъ фактъ подтверждается надписью Набонидоса относящеюся къ болѣе раннему періоду его царствованія, въ которой Меродахъ упоминается наравнѣ съ богомъ-луны города Ура.

²⁾ East india House inscription, Col, i, 52—ii. 5.

³⁾ Col. IX. 45—X. 5.

Одинъ изъ эпитетовъ, придаваемыхъ Навуходоносоромъ Меродаху есть *римину* „милосердый“. Это постоянный эпитетъ этого бога. Меродахъ почитался посредникомъ между богами и людьми и истолкователемъ воли Эа, бога мудрости. Въ одномъ древнемъ (на двухъ языкахъ) гимнѣ къ нему обращаются такъ: „ты—Меродахъ, милосердый владыка, любящій воскрешать мертвыхъ“⁴⁾. Изъ этого выраженія мы заключаемъ, что догматъ о воскресеніи мертвыхъ былъ извѣстенъ вавилонянамъ уже въ ранній періодъ. Атрибутъ милосердія соединяется въ Меродахъ съ силою воскрешать мертвыхъ. Тоже выраженіе встрѣчается въ другомъ билингвальномъ гимнѣ, о которомъ я буду говорить въ послѣдствіи. Весь гимнъ обращенъ къ Меродаху и безъ сомнѣнія употреблялся при э-сагильскихъ богослуженіяхъ. Къ несчастію начало и конецъ его потеряны. Тамъ гдѣ гимнъ становится разборчивѣе мы читаемъ:

(Ты) царь земли, владыка міра!
 О всемогущій надъ небомъ и землею⁴⁾ первенецъ бога Эа.
 Могушественный владыко чловѣковъ, царь всѣхъ странъ
 (Ты) богъ боговъ,
 (Государь) неба и земля, не знающій себѣ соперника,
 Товарищъ Ану и Вилы (Муль-лилы)
 Милосердый богъ среди боговъ,
 Милосердый богъ, любящій воскрешать мертвыхъ,
 Меродахъ, царь неба и земли
 Царь Вавилона, Владыко Э-Саггилы,
 Царь Э-Зиды, царь Э-мах-тилы (верховнаго дома жизни)
 Небо и земля твои!
 Окружность неба и земли твои,
 Чары, дарующія жизнь, твои
 Дыханіе⁵⁾, подающее жизнь, твое
 Святое Писаніе⁶⁾ изъ усть пучины, твое.
 Родъ людской, имено черноголовое племя (Аккада)⁷⁾

⁴⁾ W. A. S. IV. 19. 1. 11.

⁵⁾ По аккадски: «наполняющій небо и землю».

⁶⁾ Ivat по еврейски *Кхауваћ* или «Ева».

⁷⁾ *Misati* быть можетъ *Misatos Oannes* Бероза. Эа, богъ пучины и города Эрида есть *Oannes* Бероза. Онъ не только богъ мудрости и авторъ вавилонской культуры, но самъ сочинитель книгъ (см. W. A. S. IV. 55, 7), которыя исходили, такъ сказать, изъ усть его.

⁸⁾ Точное значеніе этого, такъ часто встрѣчающагося въ гимнахъ, выраженія

Всѣ живыя души, получившія имя, существующія въ мірѣ,
 Четыре страны земли, гдѣ бы онѣ ни были,
 Весь сонмъ ангеловъ неба и земли
 (Взирають) на тебя и (преклоняють^{*)} къ тебѣ) ухо».

Читая этотъ гимнъ нельзя не замѣтить поразительнаго сходства между имъ и другимъ гимномъ, обращеннымъ къ богу солнца. Вотъ этотъ гимнъ ^{*)}:

«О Господи, пресвѣтитель тьмы, отвергающій лице больнаго!
 Милосердый Боже, насадитель смиренныхъ, покровитель слабыхъ,
 Великіе боги обращаются къ твоему свѣту,
 Всѣ духи земли взирають на лице твое.
 Какъ единое слово ты направляешь языкъ сонмовъ,
 Они взирають на свѣтъ палящаго ихъ головы полуденнаго солнца.
 Ты воступаешь какъ веселая, радующаяся жена,
 Ты свѣтъ ихъ на сводѣ далекаго неба;
 На широкой землѣ ты освѣщеніе ихъ.
 Повсюду, взирая на тебя, люди веселятся.
 Могущественные боги обоняють благоуханіе
 Святой пищи небесъ, вина (жертвоприношенія)...
 Кто не обращалъ руки своей къ беззаконію...
 Отъ того они будутъ вѣтъ пищу (которую онъ приноситъ, примутъ совершаемое имъ жертвоприношеніе?)»

Подобно Меродаху богъ-солнца тоже „милосердый богъ“; и къ нему, какъ къ Меродаху боги и люди обращаютъ взоры свои. Даже сила Меродахова воскрешать мертвыхъ тоже приписывается ему. Гимнъ Самасу, богу солнца, начинается слѣдующими словами:

«О Боже-Солнце, царь неба и земли, руководитель всего и всѣхъ горѣ и низу!
 О Боже-Солнце, облакающій жизнью мертвыхъ выданныхъ твоими руками,
 Неподкупный Судіе, управитель рода человѣческаго,
 Велико милосердіе Владыки надъ затрудненіемъ,
 Повелѣвающаго появиться дитяти и отрасли. Свѣте міра
 Творче всей вселенной, Боже-Солнце ты еси» ¹⁰⁾.

неизвѣстно. Оно можетъ относиться къ обычаю носить длинныя черныя волосы; въ такомъ случаѣ можно переводить «черноволосое» а не «черноголовое племя». Однако откопки М. Dieulafoy на мѣстѣ древней Сузы обнаружили глазуревыя кирпичи эламитаго періода, на которыхъ изображено черное племя, быть можетъ первобытные жители Халден (Сумеріане) были чернокожіе.

^{*)} W. A. S. IX. 19. 2.

¹⁰⁾ S. 947. Obv. 3—8.

Нельзя ли изъ всего этого заключить, что первоначально Меродахъ былъ солнечнымъ божествомъ, которому поклонялись въ Вавилонѣ?

Это заключеніе подтверждается яснымъ свидѣтельствомъ ритуала э-сагильскаго храма Меродаха. Тутъ мы читаемъ, что: „въ мѣсяцъ Низанъ, во второй день, два часа спустя послѣ наступленія ночи, жрецъ долженъ пойти и, почерпнувъ воды изъ рѣки, предстать предъ лицо Вила. Возложивъ эпитракиль предъ лицомъ Вила, онъ долженъ произнести эту молитву: „о Вилъ, по силѣ неизмѣющей соперника! О Вилъ, блаженный царь, владыко міра, ищущій милости великихъ боговъ, Господи, взглядомъ своимъ сокрушившій сильнаго, владыко царей, свѣте рода человеческого, утвердитель вѣры! О Вилъ, Вавилонъ твой свѣптръ, Борсипа—твой вѣнецъ, обширныя небеса — вмѣстилище твоей печени... О владыко міра, свѣте духовъ неба, прорицатель благословенія, гдѣ тотъ, чьи уста не шепчуть о твоей праведности, или не говорятъ о твоей славѣ и не прославляютъ твоего господства? О владыко міра, живущій во храмѣ солнца, не отвергай воздѣтыхъ къ тебѣ рукъ; умилосердись надъ городомъ твоимъ Вавилономъ, преклони лице свое ко храму своему э-саггилю; исполни молитвы народа твоего, сыновъ Вавилона“¹¹⁾. Ясно что э-сагильскій храмъ Меродаха былъ въ то же время и храмомъ солнца. Такимъ образомъ намъ дѣлаются понятны приписываемые Меродаху атрибуты и языкъ, которымъ говорится о немъ. Онъ „свѣте духовъ неба“ какъ богъ-солнца въ только-что приведенномъ гимнѣ есть „просвѣтитель тьмы“, на лицо которагозираютъ духи земли. Обширныя небеса естественно суть его жилище и онъ воскрешаетъ мертвыхъ подобно тому, какъ солнце оживляетъ весною растительность, умершую зимою. Роль, какую Меродахъ играетъ въ древнихъ мифическихъ поэмахъ, заключающихъ въ себѣ древніе мифы и легенды Вавилоніи, теперь вполнѣ уяснена. Самый замѣчательный изъ этихъ мифовъ есть рассказъ о борьбѣ между Меродахомъ и Тіамать, дракономъ тьмы и хаоса. Меродахъ выступаетъ въ битву, вооруженный какъ палицею и лукомъ, которые Аму вло-

¹¹⁾ W. A. S. IV, 46. Подробности объ этомъ гимнѣ смотри «Прав. Обзорніе июль 1888 стр. 558.

жилъ въ руку его, и которые впоследствии содѣлались соизвѣд-емъ, такъ и своимъ особннымъ оружіемъ, висѣвшемъ у него за спиною и формою своею походившимъ на серпъ. Это оружіе есть *ḫrtu* или *Kheteb*, которымъ греческая мифологія вооружала азіатскаго героя Персея. Битва была продолжительна и ужасна. Тіамать отвергла пасть свою, чтобы проглотить бога, но онъ повергъ бурный вѣтеръ въ горло ея и чудовище разсѣлось пополамъ, а союзники ея въ ужасѣ обратились въ бѣгство предъ побѣдоноснымъ божествомъ. Эта битва изображена на камнѣ на одномъ изъ ассирійскихъ барельефовъ, находящихся въ Британскомъ музеѣ. Тамъ мы можемъ видѣть демона, какъ онъ представлялся воображенію ассиріанъ: съ когтями, крыльями, короткимъ хвостомъ и рогами на головѣ.

Другой мифъ, въ которомъ Меродахъ опять является бойцомъ свѣтлыхъ силъ дня въ ихъ вѣчной борьбѣ противъ ночи и бури, есть мифъ, описывающій затмѣніе луны. Въ немъ говорится, что „семь злыхъ духовъ, семь служителей бури и грозы, сотворенные въ нижней части небесъ, напали на бога луны, когда онъ сидѣлъ на своемъ тронѣ. Его товарищи солнечный богъ и вечерняя звѣзда, которымъ Вилъ приказалъ раздѣлять съ нимъ верховную власть въ нижнемъ или видимомъ небѣ, убѣжали отъ приближавшагося нападенія и Синъ, богъ луны, оставленъ былъ одинъ противостоять своимъ врагамъ. Но „Вилъ“ увидалъ затмѣніе владыки ночи и послалъ Меродаха освободить его и опять возвратить ему свѣтъ. Облеченный „блестящимъ оружіемъ со шлемомъ свѣтлымъ, какъ огонь“ Меродахъ выступилъ противъ силъ тьмы и битва окончилась въ пользу его.

Вилъ въ этой легендѣ, указывающій солнцу и лунѣ мѣста на небѣ не вавилонскій Вилъ, но старшій Вилъ города Нипура, отъ котораго должно отличать Меродаха, вавилонскаго Вила. Аккадскій оригиналъ этой поэмы принадлежитъ къ весьма ранней эпохѣ, предшествовавшей возвышенію Вавилона, когда верховный Вилъ семитическихъ жителей Вавилоніи былъ богомъ, котораго аккадцы называли *Муль-милла* „владыка нижняго міра“. Этотъ Вилъ или Муль-милла отодвигается на задній планъ по мѣрѣ усиленія въ Вавилонѣ семитическаго элемента; память о немъ сохраняется лишь въ той роли, которую онъ играетъ въ астрономической и космологической наукѣ, да въ мѣстномъ культѣ

его въ Нипурѣ, а страшные посѣтители ночи, демоническіе *Лилы* и *Лилаты* или *Лилмы* нижняго міра слегка напоминаютъ собою духовъ, надъ которыми нѣкогда владычествовалъ онъ. Одинъ за другимъ атрибуты старшаго Вила были поглощаемы младшимъ Виломъ Вавилона—Меродахомъ. Въ Вавилонѣ Навуходоносора и Набондоса младшимъ богамъ — Меродаху, Сину и Самасъ чаще всего совершаемы были обѣты и приносимы молитвы. Таковъ былъ самый послѣдній результатъ мѣстнаго характера вавилонскаго богопочитанія, что младшіе боги были богами младшихъ городовъ: Меродахъ, богъ Вавилона, хотя носившій титулъ „первороденнаго изъ боговъ“, былъ самый младшій изъ нихъ. Но не смотря на это благодарные поклонники его приписывали ему какъ титулъ „первороденнаго изъ боговъ“; такъ и другой титулъ „государя міра“. Это означало лишь, что Вавилонъ стоялъ во главѣ міра, а поэтому его богъ долженъ быть первороднымъ не одного только первобытнаго божества, но всѣхъ первобытныхъ божествъ, признаваемыхъ въ Халдеи. По прежней вѣрѣ онъ былъ только первороденнымъ бога Эа. Эа былъ богомъ пучины, какъ атмосферной пучины, по которой плаваетъ міръ, такъ и водной пучины, Гомеровскаго Океана, змѣеобразно окружающаго землю. Всѣ ручьи и рѣки подвластны ему, ибо впадаютъ въ Персидскій заливъ, который, благодаря невѣжеству первобытныхъ халдеевъ, почитался океаномъ. По преданію культура и цивилизація Вавилона возникли въ Персидскомъ заливѣ, поэтому Эа былъ, будучи господомъ пучины, признаваемъ былъ также и богомъ мудрости. Его сынъ Меродахъ былъ служителемъ совѣтовъ его и осуществителемъ на дѣлѣ повелѣній мудрости. Онъ былъ дѣятельною стороною своего отца Эа; говоря языкомъ гностиковъ, Меродахъ былъ практическою дѣятельностью, исходящею изъ мудрости. Однако Эа не былъ богомъ Вавилона и его имя не семитическаго происхожденія. Онъ бодрствовалъ надъ судьбами „святаго града Эриду“ нынѣшняго Абу-Шаренъ, въ древніе дни стоявшаго на самомъ берегу Персидскаго залива. Отчего Меродахъ почитаемъ былъ его сыномъ, мы можемъ только догадываться. Быть можетъ Вавилонъ былъ колонією Эриду; быть можетъ культура, соединяемая съ именемъ Эа, впервые проникла въ Вавилонъ изъ Эриду. Мы должны довольствоваться тѣмъ

фактомъ, что съ незапамятныхъ временъ Меродахъ почитаемъ былъ перворожденнымъ сыномъ Эа и что слѣдовательно въ до-историческое время между Эриду и Вавилономъ существовала тѣсная связь.

Спрашивается, аккадское ли божество Меродахъ или семитское? Имена церей первой династїи Вавилона по большей части семитскія, поэтому можно предположить, что и божества, которымъ они поклонялись, были тоже семитскія. И безъ сомнѣнїя Меродахъ историческаго періода, великій Вилъ или Вааль Вавилона былъ семитскій богъ. Но мы должны помнить, что основанію Вавилона теряется въ темной ночи прошедшаго задолго до Эры первой династїи его семитскихъ царей и что самое имя его есть лишь переводъ болѣе древняго имени *Ка-димира* т.-е. „Врата бога“. Кромѣ того храмъ Меродаха до конца носилъ не семитское, а аккадское названіе. Какъ мы увидимъ, вмѣстѣ съ древней аккадской культурой семитскіе поселенцы Вавилонїи заимствовали и большую часть аккадскаго богословія, измѣняя его сообразно со своими собственными вѣрованїями и отождествляя его боговъ и демоновъ со своими собственными Ваалимами. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если и Меродахъ окажется тоже аккадскимъ божествомъ отождествленнымъ съ семитскимъ Виломъ, хотя его атрибуты и даже самое имя сильно отличаются отъ атрибутовъ и имени Вила. Даже послѣ того какъ римляне отождествили своего Сатурна съ Крономъ грековъ, существенныя характеристическіе черты обоихъ божествъ оставались различными.

Въ досемитской легендѣ о нападенїи семи злыхъ духовъ на луну, богъ, котораго семитскій переводчикъ отождествляетъ съ Меродахомъ, въ аккадскомъ оригиналѣ называется *Азари-ур-дуи* „начальникъ благодѣющій людямъ“. Этотъ титулъ приписывается ему потому, что подобно Меродаху, онъ сынъ Эа, отъ котораго доставляетъ людямъ чары и зелья и другія волшебныя лекарства. Но въ немъ мало солнечнаго. Напротивъ того онъ отличается отъ бога-солнца, и если сражается противъ демоновъ бури со шлемомъ свѣта, то это потому, что онъ одна изъ свѣтлыхъ силъ дня, благодѣющихъ роду человѣческому. Богъ огня его служитель; самъ же онъ не болѣе, какъ олицетвореніе дѣятельности, передающей богамъ и людямъ мудрость бога Эа.

Въ этомъ смыслѣ онъ признается богомъ жизни: чары, которыми научаетъ его Эа, могутъ въ случаѣ надобности изцѣлять больныхъ и даже воскрешать мертвыхъ. Поэтому онъ получаетъ еще титулъ *Асари-нам-тила* „начальникъ жизни“.

Аккадскаго ли или семитскаго происхожденія имя *Марудука* (Меродахъ) я не знаю. Если оно семитское, то такъ измѣнило свою форму, что распознать его этимологию почти невозможно. Быть можетъ это лишь семитская форма аккадскаго имени *Уру-дуъ* „благодѣтель рода человѣческаго“; во всякомъ случаѣ происхожденіе его было уже позабыто въ тѣ дни, когда вавилоняне начали впервые раздумывать о происхожденіи своихъ словъ. Въ семитскихъ текстахъ это слово изображается двумя идеографами, читающимися *Amar-ud* „телица дня“. Тутъ намекъ на древне-аккадское представленіе неба вспаханнымъ полемъ, по которому солнце во время своего годовато пути везетъ свой плугъ. Въ этомъ видѣ по аккадски солнце называлось *Гудибире* „телецъ свѣта“; поэтому когда Меродахъ содѣлался солнечнымъ божествомъ, то былъ отождествленъ съ древнимъ Гудибиромъ.

Итакъ, несмотря на все несовершенство нашихъ документовъ, мы прослѣдили исторію бога покровителя Вавилонна съ того времени, когда онъ былъ простымъ истолкователемъ аккадскаго Эа, водянымъ духомъ, на зарѣ поднимавшимся изъ Персидскаго залива, до той эпохи когда онъ сталъ семитскимъ солнечнымъ божествомъ—Виломъ—и наконецъ превратился въ верховнаго главу вавилонскаго пантеона. Въ то же время мы видѣли, что до конца онъ сохранялъ существенно мѣстный характеръ; если онъ былъ владыкою другихъ боговъ, то только потому что царь Вавилонна былъ владыкою другихъ городовъ и земель. Этотъ мѣстный характеръ великаго бога исчезаетъ только тогда, когда Вавилонія теряетъ свою независимость. Въ Вавилонѣ Киръ, чужакъ изъ Элама, становится любимцемъ и поклонникомъ Вилъ-Меродаха и жрецы Меродаховы увѣряютъ даже, что онъ былъ любимцемъ этого бога до того, какъ прибылъ въ Вавилонъ и содѣлался его господиномъ и побѣдителемъ. Поэтому хотя въ Вавилонѣ только Меродахъ былъ богомъ Кира, какъ онъ былъ богомъ Навуходоносора, тотъ фактъ, что Киръ не былъ вавилонянинъ, необходимо расширилъ древнее понятіе о Вилѣ и придалъ ему вселенскій характеръ. Съ этого времени

Меродахъ становится все болѣе и болѣе не только богомъ однихъ вавилонянъ, но и всѣхъ людей гдѣ бы они ни жили. Въ вавилонскихъ надписяхъ греческихъ царей Азіи Меродахъ занимаетъ мѣсто Зевса и какъ внукъ *Оа* или *Ева* „зари“ отождествляется съ Гомеровскимъ Мемнономъ.

Но еще до времени Кира узкое мѣстное понятіе о Меродахѣ изчезло въ одной части Ассирио-Вавилоніи, а именно въ Ассиріи. Мѣстные вавилонскія божества были занесены въ Ассирію семитическими переселенцами или же внесены въ культурный кружокъ двора литературными классами позднѣйшихъ дней. Меродахъ принадлежалъ къ послѣднимъ. Нѣкоторые изъ ассирійскихъ царей или, по крайнѣй мѣрѣ ихъ писцы, призываютъ Меродаха также усердно какъ и цари Вавилона. Салманасаръ II называетъ его „владыкою боговъ“ совершенно такъ, какъ бы набожный вавилонянинъ называлъ его. Цари второй ассирійской монархіи короновавшіеся въ Вавилонѣ, подобно иѣмецкимъ государямъ, короновавшимся въ Римѣ, считали себя чрезъ это самое подъ покровительствомъ вавилонскаго бога ^(*)). Итакъ, въ Ассиріи Вилъ Меродахъ былъ универсальнымъ богомъ.

Это преобразованіе его природы было споспѣшествуемо необходимымъ смѣшеніемъ между Вилъ-Меродахомъ и старшимъ Виломъ. До того простиралось это смѣшеніе, что Ассур-банипалъ описываетъ Меродаха такъ: „Вилъ сынъ Вила“. Если это возможно было при ученomъ дворѣ Ассур-бани-пала, то ясно, что для обыкновеннаго ассирійца „сынъ Эа“ древнихъ вавилонскихъ вѣрованій былъ поглощенъ солнечнымъ Виломъ, верховнымъ божествомъ южнаго царства.

Даже и въ Вавилонѣ Меродахъ былъ не одинъ. Онъ раздѣлялъ свои божескія почести, какъ мы видѣли, со своею супру-

^(*) Выраженіе «держать руку Вила» означало быть признаннымъ царемъ Вавилона. Быть можетъ это указываетъ на то, что лицо, совершавшее церемонію, входило во Святое Святыхъ, гдѣ стояло изображеніе Вилъ-Меродаха. Это дозволялось только первосвященнику или царю, исполнявшему должность первосвященника (Сакканаку). Иногда Сакканаку тождествененъ съ титуломъ царя, а иногда нѣтъ. (См. W. A. S. i. 64 IX. 69) Сакканаку Вавилона былъ особый титулъ. Эархадонъ называетъ себя «Сакканакомъ Вавилона и царемъ Сумера и Аккада» W. A. S. i. 48 № 6.

гою *Зарпанитъ* и сыномъ *Нево*. Древній аккадскій культъ имѣлъ, повидимому, особое пристрастіе къ триадамъ, происходящее, вѣроятно, отъ первоначальной астрономической триады солнечнаго бога, луннаго бога и бога вечерней звѣзды. Аккадскія триады обыкновенно состояли изъ мужскихъ божествъ; семиты же, какъ я уважу въ слѣдующей лекціи, внесли въ теологію новую идею—половую. Унаждаго бога было его женское отраженіе, относившееся къ нему какъ жена къ мужу. У Ваала было его женское отраженіе, его „лицо“ *Вилатъ* или *Велтисъ*. При Ваалѣ Вавилона была повтому *Велтисъ* „госпожа“ рядомъ съ „господомъ“. Ея мѣстное имя было *Зарпанитъ*, впоследствии передѣланное въ *Зир-банитъ* „создательница съмени“¹³⁾. *Зарпанитъ* чисто семитскаго происхожденія. Она была отождествляема съ болѣе древнимъ аккадскимъ божествомъ *Тасму* „мудрая“ подходящая супруга бога, дѣло котораго было передавать желанія бога мудрости страждущему человечеству.

Однако аккадское божество относилось къ первобытному Меродаху скорѣе какъ мать, чѣмъ какъ супруга. Ея имена были „госпожа пучины“, „хозяйка жилища рыбы“ и „гласъ пучины“. Повтому она должна была стоять рядомъ съ *Эа*, имена котораго были „богъ рыба“, „господъ пучины“; въ имени же „гласъ“ или „чары пучины“ мы имѣемъ намекъ на тѣ идеи, которыя содѣлали *Эа* богомъ мудрости и вывели бога-рыбу *Оамнеса* изъ Персидскаго залива для того, чтобы принести культуру и знаніе жителямъ Халдеи. Въ шумъ морскихъ водъ древнимъ жителямъ береговъ залива слышался голосъ и ихъ пророки и гадали узнавали въ немъ откровеніе воли боговъ. Повтому неудивительно, что *Зарпанитъ* была отождествляема съ богиней *Лакхамунъ*, которой поклонялись на священномъ островѣ Дильмунъ или съ богиней *Элау*, имя которой было почитаемо на горахъ Элама. Въ семитскіе дни *Зарпанитъ*, наследница всѣхъ этихъ древнихъ преданій, упала со своего высокаго пьедестала. Она перестала быть богиней мудрости, гласомъ пучины, отрывавшимъ тайны неба гадателямъ и жрецамъ и содѣлалась простою женскою тѣнью и подругою Меродаха, которой воздвигнуто было святилище при входѣ въ его храмъ. Ея отличительныя атрибуты

¹³⁾ W. A. S. II. 67, 12.

всѣ принадлежать просто семитической эпохѣ. Со введеніемъ языка различавшаго роды, она затерялась въ безцвѣтной толпѣ Астарты или Ваалетъ, богинь, вызванныхъ къ жизни существованіемъ мужскихъ Вааловъ.

Зарпанить однако обязана Нево видимымъ мѣстомъ въ вавилонскомъ культѣ. *Нево*, сынъ Меродаха и Зарпанить, имѣлъ, какъ мы видѣли, въ предѣлахъ великаго храма своего отца часовню, называвшуюся *Э-Зида*. *Э-Зида* „установленный домъ“ есть имя заимствованное отъ великаго храма въ Борсипѣ, пригородѣ Вавилона, развалины котораго извѣстны теперь путешественникамъ подъ именемъ *Бирси-Нимродъ*. Борсипа былъ, вѣроятно, некогда независимымъ городомъ и Нево, или прототипъ Нево, былъ его покровительствующимъ божествомъ. Посреди города возвышалась *Э-Зида*, храмъ Нево и Нана Тасमितъ, со своимъ святое святыхъ „высочайшимъ домомъ жизни“, высокая башня котораго называлась „домъ семи сферъ неба и земли“. По свидѣтельству Навуходоносора этотъ храмъ былъ основанъ однимъ древнимъ царемъ, но не оконченъ имъ. Въ теченіе долгихъ столѣтій онъ оставался грудю развалинъ до возстановленія его Навуходоносоромъ. Легенды густо разрослись вокругъ него. Онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ *Тумъ-элму* „чистая“ или „святая насыпь“¹⁴⁾.

Слово *Нево* означаетъ „объявитель“, „пророкъ“ и указываетъ на самый характеръ бога, носившаго его. Нево былъ объявитель мыслей и желаній Меродаха. Онъ относился къ Меродаху такъ, какъ Меродахъ относился къ Эа. Меродахъ, въ связи со своей первоначальной солнечной природой, былъ богомъ исцѣленій, Нево же былъ богомъ науки и литературы. Такимъ образомъ исходящій отъ Эа даръ мудрости раздѣлялся между Меродахомъ и его сыномъ. Богъ культуры являлся въ Вавилонѣ въ двухъ личностяхъ: одна сообщала людямъ мудрость, улучшившую

¹⁴⁾ W. A. S. II, 54, 71. Богъ *Ану* былъ «царь святой насыпи», но въ М. 60, 2, 14. *Луль-шурра*, котораго отождествляли съ Нергаломъ, приводится въ связи съ нимъ. Въ легендѣ о вавилонской башнѣ (К. 3657, II, 1) упоминается о «божескомъ царѣ святой насыпи». «Царь, грядущій со святой насыпи» было однимъ изъ «трехъ великихъ или тайныхъ именъ бога Ану (W. A. S. III, 68, 19). Богинею же святой насыпи была Истаръ (III, 68, 27).

ихъ положеніе, другая—давала знаніе, выражавшееся въ письменности. Это раздѣленіе происходило отъ мѣстнаго характера вавилонской религіи, на который я указывалъ выше. Когда Вавилонъ содѣлался центромъ вавилонской монархіи, Борсипа былъ уже его пригородомъ. Но этотъ пригородъ имѣлъ свою собственную исторію, концентрировавшуюся вокругъ его великаго храма и бога, которому поклонялись въ немъ. Поэтому когда Борсипа былъ поглощенъ Вавилономъ, его богъ былъ поглощенъ въ тоже время: онъ содѣлался однимъ изъ членовъ тріады, которой поклонялись набожные вавилоняне и почитался сыномъ бога большаго города. Но онъ все таки продолжалъ носить титулъ Вилу-Асариду „первороденный Ваала“¹⁵⁾ и весьма возможно, что настоящее значеніе имени его святилища не есть „установленный домъ“, но „домъ установленнаго“ или „законнаго сына“. Сверхъ того, до самаго конца Нево удерживалъ за собою все свои мѣстныя права. Правда, онъ былъ какъ дома въ Вавилонѣ, но все еще продолжалъ быть богомъ Борсипа и тамъ-то его настоящій и первоначальный храмъ возвышалъ къ небу башню свою.

Бросивъ взглядъ на имена Нево мы убѣждаемся, что понятіе о „пророкѣ“ тѣсно ассоціировано было съ „писателемъ“. Онъ не только „мудрый“, „разумный“, „творецъ мира“, „сочинитель оракула“¹⁶⁾, онъ въ тоже время „творецъ написанной скрижали“, „составитель письменъ“, „отверзающій и расширяющій ухо“¹⁷⁾. Ассуръ-бани-палъ неутомимо заявляетъ намъ въ концѣ документовъ, списанныхъ его писцами съ вавилонскихъ оригиналовъ, что „Нево и Тасмить даровали ему широкія уши и одарили его зрячими очами“, такъ что онъ „написалъ, переплелъ и издалъ большое количество таблицъ, совершилъ то, чего ни одинъ изъ предшествовавшихъ ему царей не совершалъ, а именно собралъ тайны Нево, составилъ списокъ всѣхъ существовавшихъ письменъ“. На литературномъ языкѣ семитической эпохи Нево измѣстень былъ подъ аккадскимъ именемъ „дима-саръ“, т.-е. „писца“, а идеографъ, которымъ онъ иногда изо-

¹⁵⁾ W. A. S. II, 60, 30 (K. 104).

¹⁶⁾ W. A. S. II, 60, 30.

¹⁷⁾ W. A. S. II, 60, 34, 45. 44.

бражается, переводится семитическими литераторами такъ: „создатель разума“, „творецъ письменности“¹⁸⁾.

Но это были не единственные титулы Нево. Онъ былъ тоже „узъ вселенной“ и „старшина ангельскихъ сонмовъ неба и земли“¹⁹⁾. Послѣдній титулъ приписывается ему вѣроятно потому, что онъ былъ писцомъ боговъ; но трудно открыть связь между первымъ титуломъ и литературою. Свѣтъ на это проливается тѣмъ фактомъ, что *зиму-рратъ* или башня борсипскаго храма Нево называлась „домомъ седми узъ неба и земли“. Семь узъ представляютъ повидимому семь планетъ: башня состояла изъ семи ярусовъ, выкрашенныхъ каждый однимъ изъ семи символическихъ цвѣтовъ семи планетъ. Изъ этого мы можемъ заключить, что нѣкогда Нево былъ стихійнымъ богомъ. Мы знаемъ, что вавилонская астрономія почитала его богомъ Меркурія; тогда какъ Меродахъ былъ божествомъ планеты Юпитера. Но конечно не поэтому башня храма Нево посвящаема была семи небеснымъ сферамъ: въ представленіи строителей самъ Нево не могъ быть одной изъ семи планетъ, онъ скорѣе изображалъ собою вселенную, въ которой помѣщены эти семь сферъ. Идеографъ Нево переводимъ былъ семитскими писцами такъ: „создатель мудрости“, „творецъ письменности“, истинное же значеніе его было просто „творецъ“, „создатель“, и это указываетъ на то время, когда мѣстный борсипскій богъ былъ нѣчто болѣе чѣмъ сынъ Меродаха и покровитель литературы— въ глазахъ его борсипскихъ поклонниковъ онъ былъ верховное божество, творецъ міра.

Существуютъ слѣды древняго аккадскаго понятія, о вселенной по которому „пучина“ была текущимъ потокомъ, окружающимъ землю подобно океану Гомера. Она уподоблялась то змѣю, то веревкѣ и называлась „вервиемъ великаго бога“. Духъ, или божество, олицетворявшее ее была *Иннина*²⁰⁾. Повидимому (*Ин*

¹⁸⁾ W. A. S. II, 60, 43, 45.

¹⁹⁾ W. A. S. II, 60, 31, 28.

²⁰⁾ W. A. S. II, 51, 45—49, гдѣ «рѣка змѣи» называется также «рѣкою вервѣи великаго бога» и «рѣкою великой пучины», «рѣкою овчарни міра духовъ» и «рѣкою Иннаны». *Иннана* есть аккадское чтеніе идеографа, первый слогъ *ин* есть ослабленіе слога *ан* «божество». *Нана* и *Нина* суть діалектическія формы

нина была божество, отъ котораго въ послѣдствіи производили названіе города *Ниневіи*. Это слово означаетъ „богъ Нина“ или „Господь богъ“, а *Иннана* значитъ „Госпожа богиня“. Нужно помнить, что въ борсипскомъ храмѣ почитаніе богини Нана ассоціировалось съ почитаніемъ Нево. Самое имя Борсиппа пишется иногда съ помощью идеографа, по аккадски означающаго „*Бать-си-аабба*“, т.-е. „крѣпость рога моря“, какъ будто бы этотъ городъ стоялъ нѣкогда на „рогѣ“, т.-е. мысъ Персидскаго залива. Поэтому быть-можетъ Иннина былъ первообразъ борсипскаго Нево и подобно богу Эа южной Вавилоніи изображалъ собою „великую пучину“. Если это такъ, то намъ уясняется его имя „узы“ или „вервіе вселенной“, такъ какъ потокъ океанъ дѣйствительно какъ бы связываетъ небо и землю.

Какимъ образомъ древній борсипскій богъ-демиургъ, символизировавъ пучины, объемяющей нижній міръ подобно вервію, содѣлался пророческимъ богомъ семитовъ *Нево*, понять трудно. Повидимому между ними нѣтъ никакой связи. Аккадскимъ пророческимъ богомъ былъ *Тотъ* (Туту)—заходящее солнце; о которомъ говорилось, что онъ „пророчествуетъ передъ царемъ“. Однако легенды, примыкающія къ имени Эа, показываютъ, что аккадцы ассоціировали идеи мудрости и первобытной пучины, видимымъ обнаруженіемъ которой былъ Персидскій заливъ; поэтому если первобытный борсипскій богъ былъ богомъ пучины, онъ могъ представляться также творцемъ знанія и разума. Дѣйствительно, какъ создатель вселенной, онъ долженъ былъ обладать нѣкоторою степенью мудрости. Однако возможно, что переходъ борсипскаго демиурга въ семитскаго Нево произошелъ вслѣдствіе смѣшенія послѣдняго съ совершенно отличнымъ богомъ *Нузку*. *Нузку* по аккадски означаетъ „блескъ разсвѣта“; онъ былъ солнечное божество и одно изъ его именъ было „*Господь Зенита*“ и въ клинообразныхъ надписяхъ его имя часто употребляется для обозначенія зенита или *затъ-саме* „высота неба“, какъ онъ

одного и того же слова, которое на различающемъ родоѣ аккадскомъ языкѣ означаетъ и «Господь» и «Госпожа», но чаще «Госпожа». *Нина* произносилось это слово въ городѣ Эриду, а *Нана* въ Эрехѣ. Во всякомъ случаѣ Нана была дочерью бога Эа.

называется по-ассирийски въ отличіе отъ бога горизонта ²¹⁾ Идеографъ, означающій „разсвѣтъ“ и часто употреблявшійся для изображенія имени Нузку, означалъ въ тоже время и *листъ*; а такъ какъ аккадцы писали на листьяхъ и корѣ папируса прежде чѣмъ стали писать на глинѣ, то съ извѣстнымъ детерминативомъ онъ употреблялся также для означенія стила или перо писца и Нузку, богъ зенита, сталъ поѣтому *Хадъ* богомъ пера писца. Но Нузку, повидимому, не борсипскаго происхожденія. Онъ носить имя „вѣстникъ“ или „ангелъ Мульлиа“ ²²⁾—старшаго Вила и только тогда, когда старшій нипурскій Виль слился съ младшимъ вавилонскимъ Виль-Меродахомъ, Нузку раздѣлилъ судьбу своего господина и содѣлался какъ дома въ городѣ младшаго Вила. Когда трансформация была закончена, три отдѣльныхъ божества оказались соединенными въ божескомъ патронѣ литературнаго класса.

Куда бы ни переселялся литературный классъ, Нево переселялся съ нимъ. Вслѣдствіе этого Нево содѣлался менѣе локальнымъ по своему характеру чѣмъ другія божества пантеона, чему еще болѣе способствовало поглощеніе его города Борсипа Вавилономъ. Неудивительно поѣтому, что Нево выказываетъ большее стремленіе къ переселеніямъ, чѣмъ болѣе древнія и болѣе опредѣленно локализованныя божества Вавилона. Познаніе вавилонской письменности и науки нераздѣльно соединилось съ познаніемъ вавилонскаго бога письменности и науки. Въ Ассиріи Нево почитался столько же какъ и въ Вавилоніи. Ассирийскіе цари и писцы могли умалчивать объ имени Меродаха, но имя Нево было въ устахъ ихъ ²³⁾. Его имя и по-

²¹⁾ W. A. S. II, 48, 55 часто встрѣчается выраженіе: «отъ горизонта (богъ Урь) до зенита (богъ Нузку). Въ II, 54, 73 богъ Урь отождествляется съ Нево поѣтому Нево и Нузку представлялись различными фазами солнечнаго божества Нево былъ солнце восхода, а Нузку—солнце полудня.

²²⁾ W. A. S. II, 19, 59. Въ 2—1, 159, 5, Нузку называется «верховнымъ вѣстникомъ Э-кура». Смѣшеніе Нузку съ Нево помогло, безъ сомнѣнія, то обстоятельство, что въ то время какъ Нузку былъ вѣстникомъ Мульлиа — старшаго Вила, Нево былъ пророкомъ и вѣстникомъ Меродаха — младшаго Вила. Смѣшеніе двухъ Вилонъ повело за собою смѣшеніе ихъ двухъ служителей.

²³⁾ Въ молитвѣ къ Ассуру (К. 100. Rev. 18) Нево называется «вѣстникомъ Ассура», который, такимъ образомъ, заступаетъ мѣсто вавилонскаго Меродаха;

читаніе перешло даже къ отдаленнымъ семитскимъ племенамъ запада. Имена мѣсть въ Палестинѣ, въ составъ которыхъ входило его имя, доказываютъ, что этотъ богъ былъ одинаково почитаемъ какъ хананеями, такъ и моавитянами. Моисей умеръ на вершинѣ горы Нево и въ предѣлахъ Рувима и Иуды находились города этого имени. Когда израильтяне вошли въ свою литературную эру, древнее имя *roek* или „прозорливецъ“ замѣнено было болѣе литературнымъ *Nēbi* или „пророкъ“.

Семиты Вавилоніи снабдили Нево женою *Тасмиту*, что значить „слушающая“. Она помогала отверзать и расширять уши, пріемлющія откровеніе божественныхъ тайнъ, записывавшихся преданными слугами ея мужа подъ непосредственнымъ вдохновеніемъ его. Переворотъ, вслѣдствіе котораго вавилонская ученость перешла отъ аккадцевъ къ семитамъ, передалъ также покровительство литературнаго класса отъ древняго Эа къ его младшимъ соперникамъ Нево и Тасмиту.

Я такъ долго останавливался на природѣ и исторіи трехъ божествъ, раздѣлявшихъ между собою великій вавилонскій храмъ, частью потому, что наши матеріалы по отношенію къ нимъ менѣе несовершенны, чѣмъ по отношенію къ другимъ богамъ, а частью потому, что они такъ хорошо поясняютъ существенно локальный характеръ вавилонской религіи. Это придаетъ ей особенную окраску и доставляетъ ключъ для ея истолкованія. Нево представляетъ собою исключеніе изъ этого правила, но это исключеніе только еще болѣе подтверждаетъ общее правило. Нево былъ менѣе локаленъ потому, что былъ скорѣе богомъ класса чѣмъ какой-либо отдѣльной мѣстности. Вавилонская исторія началась въ отдѣльныхъ городахъ и централизація никогда не простиралась до того, чтобы разрушить мѣстные обычаи и культы. Въ глазахъ народа всѣ боги до конца оставались равными между собою; богъ столичнаго города занималъ первое мѣсто только потому, что былъ богомъ императорской столицы. Еслибы Уръ заступилъ мѣсто Вавилона, лунный богъ Ура заступилъ бы мѣсто Меродаха.

Такимъ образомъ въ основныхъ религіозныхъ понятіяхъ семиты Вавилоніи весьма походили на своихъ братьевъ семитовъ Ханаана. Ассиріане были народомъ воиновъ и торговцевъ ско-

рѣе, чѣмъ ученыхъ. Ихъ литература по большей части записная, простое подражаніе вавилонской. Въ Вавилоніи образованіе было широко распространено; въ Ассиріи оно ограничивалось классомъ ученыхъ. Поэтому должно помнить, что разбирая ассирійскіе документы, мы имѣемъ дѣло или съ иностраннымъ заимствованіемъ или съ мыслями и вѣрованіями небольшого класса специалистовъ.

Отъ этого класса мы заимствуемъ все наше знаніе о религіи преобладавшей въ Ассиріи. Эта религія вполнѣ вавилонская за однимъ важнымъ исключеніемъ. Надъ древнимъ вавилонскимъ пантеономъ верховно возвышается фигура новаго бога, національное божество Ассиріи, ея олицетвореніе — *Ассуръ*. Ассуръ не только *primus inter pares*, не просто предсѣдатель божескаго сонма подобно Меродаху, онъ ихъ Господь и Владыка въ иномъ богѣ самодержавномъ смыслѣ. Онъ „царь надъ всѣми богами“, между которыми „нѣтъ подобнаго ему“. Во имя его и при его помощи выступаютъ къ побѣдѣ ассирійскіе пари; сожигаемые ими города, убиваемые люди, плѣнники—это все его дары. Они ведутъ свои войска въ чужія страны для того, чтобы разрушить „враговъ Ассура“ и наложить иго на невѣрующихъ во имя его; на воздвигаемыхъ ими въ побѣжденныхъ странахъ памятникахъ они пишутъ его декреты, его законъ. Правда и вавилонскіе боги призываются ассирійскими царями, имъ даются ихъ древнія вавилонскія имена; они призываются къ проклятію святотатцевъ стереотипными изреченіями древней литературы, но въ минуту опасности ассирійскіе монархи обращаются только къ Ассуру и къ нему одному; они покоряютъ невѣрныхъ во имя Ассура и во имя его только одного. Одна только богиня *Истаръ* находитъ мѣсто рядомъ съ Ассуромъ. Не трудно объяснить все это. Перейдя изъ своей родины въ Ассирію, вавилонскія божества потеряли тотъ мѣстный характеръ, который составлялъ самое дыханіе ихъ существованія. Я не знаю, насколько они обязаны своимъ присутствіемъ въ ассирійской литературѣ классу литераторовъ и насколько занесены были изъ Вавилоніи въ ранній періодъ самимъ народомъ. Одно ясно: содѣлавшись ассирійскими, вавилонскія божества потеряли какъ свою независимость, такъ и свой санъ. Въ воззваніяхъ къ нимъ недостаетъ прежняго искренняго тона; ихъ функція узурпированы

новымъ богомъ Ассуромъ. Первоначально Ассуръ былъ настолько же мѣстнымъ божествомъ, какъ и вавилонскій Виль-Меродахъ. Онъ былъ богомъ города Ассура (нынѣ Калехъ-Шергаты) первоначальной столицы страны. Различныя причины побуждали его устранить чисто локальный характеръ и на мѣсто его усвоить національный. Столица Ассиріи была перенесена изъ Ассура въ Ниневію и поклоненіе Ассуру было перенесено вмѣстѣ съ нею. Затѣмъ внесеніе вавилонскихъ божествъ разрушило связь между божествомъ и городомъ, въ которомъ ему поклонялись. Для ассирійца Виль-Меродахъ не былъ главнымъ образомъ патрономъ города Вавилона; на первый планъ выступали его другіе атрибуты. Кромѣ того съ самаго перваго момента своего существованія Ассирія представляла собою однородное цѣлое; она не была раздѣлена на отдѣльныя государства подобно Вавилоніи, поэтому въ ней могло возрастать національное чувство, развитію котораго въ Халдеи мѣшали какъ древнія преданія такъ и частыя завоеванія страны иностранцами. Имя Ассура часто изображается знакомъ, имѣющимъ кромѣ другихъ идеографическихъ значеній и значеніе „добрый“; поэтому въ позднѣйшій историческій періодъ это имя переводилось ассирійцами „добрый богъ“ въ связи съ ихъ словами *asiru* „праведный“ и *asirtu* „праведность“. Но это не было первоначальное значеніе ни имени ни идеографа его. Богъ, обозначавшійся этимъ идеографомъ, былъ однимъ изъ первобытныхъ божествъ вавилонской космогоніи, носившимъ аккадское имя *Ана-саръ* „богъ небесныхъ воинствъ“ или просто „*Саръ*“ „высшая твердь“. Полагали, что *Анасаръ* былъ мужской элементъ, который соединившись съ женскимъ элементомъ (*Ана*) *Ки-саръ* „(богиня) земли и воинствъ неба“, произвелъ нынѣ существующій міръ. Этому то древнему стихійному божеству посвященъ былъ храмъ *Э-Сарра*; сыномъ его называли бога Нинипа или Адара.

Дамаскій, писатель VI вѣка, имѣвшій доступъ къ древнимъ теперь потеряннымъ матеріаламъ, сохранилъ отрывокъ вавилонской космогоніи. Здѣсь *Анасаръ* и *Ки-Саръ* называются *Абсаросъ* и *Киссарі* и намъ сообщаютъ, что они были дѣти *Лакма* и *Лакхамы* и родители трехъ главныхъ боговъ: *Аму*, *Мульмира* и *Эа*. Почитаніе этихъ первобытныхъ божествъ укоренилось въ Асси-

ри въ весьма ранній періодъ; быть можетъ самый ранній семитскій переселенецъ съ юга нашель его уже утвержденнымъ. Тутъ неизбежно было смѣшеніе между богомъ *Ансаромъ* или *Ассоромъ* и *Ассуромъ* богомъ города Асура, гдѣ поклонялись ему. Но городъ Асуръ не имѣлъ ничего общаго съ богомъ того же имени. *Ассуръ* есть испорченное аккадское слово *А-усаръ* „берегъ воды“. Смѣшеніе бога *Ассора* съ городомъ Асуромъ произвело болѣе тѣсное отождествленіе бога съ городомъ, чѣмъ это было съ божескимъ патрономъ какого-либо изъ вавилонскихъ городовъ. Городъ Асуръ былъ самъ богомъ: оскорбленіе, нанесенное городу было оскорбленіемъ богу; враги города были врагами бога. Однако слишкомъ глубоко укорененъ былъ въ умѣ семитовъ инстинктъ признавать боготворимыя божества личностями для того, чтобы допустить этому факту или тому, что самъ богъ былъ нѣкогда стихійнымъ божествомъ, уничтожить его личный антропоморфическій характеръ. Хотя *Ассуръ* былъ олицетвореніемъ города Асура, онъ въ тоже время былъ его *Вааломъ* или *Господомъ*.

Перенесеніе столицы изъ Асура въ Ниневію еще болѣе усилило антропоморфическую сторону природы *Ассора*. Онъ содѣлался тогда представителемъ всей націи — представителемъ народа и царя, въ рукахъ котораго сосредоточивалось управленіе народомъ. *Ассирія* содѣлалась „страною бога *Ассора*“, принадлежала ему почти въ томъ же смыслѣ какъ, *Вавилонъ* принадлежалъ *Виль-Меродаху*. Но въ то время какъ *Меродахъ* былъ *Вааломъ* одного города, *Ассуръ* былъ національнымъ богомъ племени.

Рядомъ съ *Ассуромъ* не было богини *Ассуриту* какъ была *Анату* рядомъ съ *Ану* и *Велтисъ* рядомъ съ *Виломъ*²⁴⁾. Если изъ подражанія вавилонскому обычаю *Вилатъ* или *Вилтисъ* называется иногда супругою *Ассора*, то это лишь простая литературная аффектація; *Ассуръ* не былъ *Виломъ* или *Вааломъ* подобно *Меродаху*. *Вилатъ* вавилонская богиня; она, собственно

²⁴⁾ *Истаръ* иногда называется „*Ассуриту*“, что значитъ «ассирійская», но это названіе никогда не переходитъ въ ея собственное имя (W. A. S. V, I, 65). Подобно титулу «*Истаръ Ниневійская*» оно служитъ лишь отличіемъ между *Ассирійскою Истаръ* и *Арбельскою*.

говора, жена старшаго Вила впоследствии отождествленная съ Зарпанитою. Нѣтъ ни одного указанія на то, чтобы у Ассура было отраженіе или „лицо“, онъ стоитъ особнякомъ и вдохновеніе, получаемое отъ него ассирійскими царями, получаемое было отъ него одного. Когда наряду съ нимъ упоминается женское божество, то это обыкновенно одинаково самостоятельная богиня *Истаръ* или *Астартъ*.

У насъ есть перечень божествъ, находившихся въ храмахъ Ассура въ Ниневіи и въ Ассурѣ²⁵⁾, Во главѣ каждаго листа имя Ассура повторяется трижды и одинъ только разъ за нимъ слѣдуетъ имя Истаръ. Существовала особая форма богини Истаръ, подъ которой ей поклонялись какъ „Истаръ Ниневійской“; но эта форма была чисто локальная, не національная, обязанная своимъ существованіемъ великому храму ей посвященному. Не было національной богини наряду съ національнымъ богомъ.

Итакъ, Ассуръ отличался отъ вавилонскихъ боговъ не только своимъ менѣ локальнымъ характеромъ, но и своимъ одиночествомъ. Онъ былъ „царь всѣхъ боговъ“, въ такомъ смыслѣ, въ какомъ не было ни одно изъ вавилонскихъ божествъ. Подобно ассирійскому монарху онъ не терпитъ соперника, не дозволяетъ ни женѣ ни сыну раздѣлять съ собою почести, которыхъ онъ требуетъ *исключительно* только для себя. Онъ существенно *богъ ревнитель* и какъ таковой онъ посылаетъ своихъ ассирійскихъ поклонниковъ разрушать своихъ невѣрующихъ враговъ. Безъ жены, безъ дѣтей онъ могущественнѣе вавилонскихъ Вааловъ; менѣ добръ, быть-можетъ менѣ близокъ къ своимъ почитателямъ, но за то болѣе страшенъ и могучъ.

А. Наумова.

²⁵⁾ W. A. S. III, 66.

ГОДИЧНЫЙ АКТЪ

ВЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ И ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ОТЧЕТА
О СОСТОЯНІИ ЕЯ ВЪ 1887—88 УЧЕБНОМЪ ГОДУ.

6 ноября, въ воскресенье, въ московской духовной семинаріи происходило обычное ежегодное торжество въ память открытія семинаріи въ теперешнемъ помѣщеніи. Литургія въ этотъ день совершена была въ Николаевской семинарской церкви преосвященнѣйшимъ Мисаиломъ, епископомъ дмитровскимъ, въ сослуженіи покровскаго о. архимандрита Андрея, о. ректора семинаріи, преподавателя-священника Р. Фаворскаго и семинарскаго духовника В. Рождественскаго. На литургіи въ обычное время сказано было преподавателемъ семинаріи Н. И. Кедровымъ приличное торжеству и назидательное слово *о задачахъ пастырскаго служенія въ наше время*. Послѣ литургіи въ рекреационномъ залѣ семинаріи происходилъ публичный актъ, на которомъ присутствовалъ преосвященный Мисаиль, оо. архимандриты Андрей и Аванасій (златоустовскій), о. кафедральный протоіерей А. И. Соколовъ, профессоръ консерваторіи протоіерей Д. В. Разумовскій, председатель правленія епархіальнаго свѣчнаго завода протоіерей А. Ф. Некрасовъ и многія другія лица какъ духовныя, такъ и свѣтскія. Во время акта исполнены были различныя пѣснопѣнія частью отдѣльнымъ хоромъ, частью же всею массой воспитанниковъ. Именно хоръ исполнилъ: Ave maris stella, музыка Фр. Листа (съ аккомпаниментомъ семинарскаго оркестра),

„Свыше пророцы“, стихира, поемая великимъ постомъ при облаченіи архіерея, „гимнъ св. князю Владиміру“, слова Случевского, музыка Архангельскаго, и квартетъ изъ оперы „Жизнь за царя—Боже люби царя“, Глинки. Всѣ воспитанники пропѣли, кромѣ входной молитвы—„Царю небесный“, „Благослови душе моя Господа“ простаго напѣва, „Се тма и рано“ воскресная евангельская стихира 7 гласа знаменнаго распѣва, „Богъ Саваоѣ“ изъ оперы „Прекрасный Іосифъ“ Мегюля, „Слався“ музыка Глинки (коронаціонное) и гимнъ „Боже царя храни“. Пѣніе было складное и стройное,—особенно хорошо исполненъ былъ юбилейный гимнъ князю Владиміру; массовое же исполненіе поражало своею силою и грандіозностью. Въ промежуткахъ между пѣніемъ было прочтано о. ректоромъ извлеченіе изъ отчета о состояніи московской семинаріи по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за прошедшій 1887—88 учебный годъ. Кромѣ того, два ученика прочитали по собственному сочиненію,—именно 6 класса В. Сенатовъ „О причинахъ происхожденія русскаго раскола старообрядчества“ и 5 класса М. Смирновъ „О доказательствахъ свободы воли человѣка“. Авторъ перваго сочиненія—самъ изъ недавно обратившихся къ православной церкви раскольниковъ, и потому сочиненіе его, весьма хорошее и по литературной сторонѣ, производило особое впечатлѣніе своею искренностью: видно было, что авторъ говорилъ о близкомъ ему предметѣ и самъ пережилъ то, что говорилъ. Въ концѣ акта лучшимъ изъ воспитанниковъ розданы были въ награду книги, которыя они получали изъ рукъ преосвященнаго, а Сенатову о. ректоръ подарилъ извѣстныя „Выписки“ А. Озерскаго изъ старописьменныхъ и старопечатныхъ книгъ „въ благословеніе и благожеланіе болѣе и болѣе утверждаться въ истинѣ православія“. Актъ закончился пѣніемъ также всѣми воспитанниками молитвы: „Буди имя Господне благословенно“.

Займствуемъ изъ отчета слѣдующія свѣдѣнія. Въ личномъ составѣ служащихъ въ семинаріи въ продолженіе отчетнаго года переменъ не происходило, кромѣ того лишь, что 8 апрѣля скончался учитель рисованія, художникъ академіи, Константинъ Астаповъ и на его мѣсто педагогическимъ собраніемъ правленія—30 мая,—былъ избранъ Сергѣй Милорадовичъ (изъ воспитанни-

новъ здѣшней же семинаріи), псаломщикъ Воскресенской, въ Гончарахъ, церкви, дававшій уроки въ епархіальномъ училищѣ иконописанія до перевода его въ Троице-Сергіеву лавру, который и утвержденъ его высокопреосвященствомъ 1 сентября¹⁾). Многие изъ наставниковъ и одинъ изъ помощниковъ инспектора, сверхъ службы при семинаріи, имѣли въ прошломъ году, какъ и въ предыдущіе годы, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, занятія въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, равно посвящали свои силы учено-литературнымъ трудамъ: инспекторъ Алексѣй Цвѣтковъ и Николай Бѣляевъ преподавали уроки гражданской исторіи—первый въ Константиновскомъ межевомъ институтѣ, второй въ елизаветинскомъ училищѣ (институтѣ); Николай Комаровъ—педагогика въ женской учительской семинаріи гг. Чепелевскихъ и обоихъ епархіальныхъ женскихъ училищахъ — „Филаретовскомъ“ и „Маріинскомъ“; Тимофѣй Протасовъ—физики въ обоихъ женскихъ училищахъ; Николай Любимовъ — словесности; Владиміръ Гедике—нѣмецкаго языка и помощникъ инспектора Иванъ Троицкій—географіи въ первомъ, а священникъ Дмитрій Фаворскій — словесности въ послѣднемъ изъ нихъ. При этомъ нѣкоторые состояли членами Общества любителей духовнаго просвѣщенія, также Общества любителей церковнаго пѣнія (въ воскресной школѣ котораго Василій Комаровъ велъ практическіе уроки пѣнія) и комиссіи по устройству народныхъ чтеній,—г. Протасовъ еще членомъ Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи и вмѣстѣ комиссіи по устройству кабинета прикладной физики при политехническомъ музеѣ; Николай Розановъ велъ „Иностранное обозрѣніе“ въ „Чтеніяхъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія“ и напечаталъ статью „Покушеніе на жизнь тверскаго архіепископа Мееодія“ (въ „Историческомъ Вѣстникѣ“) и „Богодуховенность Библіи“—

¹⁾ Покойный К. Г. Астаповъ 16 лѣтъ занимался съ воспитанниками нашей семинаріи безвозмездно и только въ послѣдніе четыре года, по милости его высокопреосвященства, получалъ 400 р. квартирнаго пособія изъ кафедральныхъ суммъ. За труды свои въ пользу семинаріи онъ былъ награжденъ благословеніемъ Св. Синода, большою золотою медалью и орденомъ св. Станислава 3 степени. Г. Милорадовичу правленіемъ назначено собственно на проѣзды въ семинарію 100 р. въ годъ изъ мѣстно-благотворительной суммъ.

переводъ съ нѣмецкаго языка публичной лекціи американскаго богослова Гастингса (въ тѣхъ же „Чтеніяхъ“); Николай Кедровъ—статьи, или краткія замѣтки: „Приключеніе съ племянницею Петра Великаго царевною Прасковьею“, „Графиня Е. П. Растопчина и ея приверженность къ католичествому“, „Наше духовенство и воинская повинность“, „Духовенство и воинская повинность въ концѣ прошлаго и нынѣшняго столѣтія“ (въ „Русскомъ Архивѣ“), „Литовскій митрополитъ Іосифъ Сьвашко и его дѣятельность по воссоединенію униатовъ“ (въ „Православномъ Обзорніи“), „Мнѣніе Филарета митрополита московскаго о дозволеніи священникамъ и діаконамъ давать частныя уроки“ и „Рѣчь“ при отпѣваніи тѣла священника Николая Малиновскаго (бывшаго преподавателя здѣшней семинаріи) (въ „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ“), Николай Любимовъ—„Слово“ произнесенное имъ въ день прошлагодняго праздника нашей семинаріи (въ тѣхъ же „Вѣдомостяхъ“), свщ. Александръ Никольскій—„Историческое описаніе московской Космо-Даміановской, на Покровкѣ, церкви“ (въ вышепомннутыхъ „Чтеніяхъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщеній“), нѣсколько человекъ были постоянными сотрудниками епархіальнаго органа—„Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей“; ректоръ семинаріи протоіерей Николай Благораумовъ состоялъ товарищемъ предѣдателя, а преподаватель Николай Комаровъ секретаремъ совѣта Кирилло-Меѳодіевскаго братства, завѣдывающаго церковно-приходскими школами московской епархіи; преподаватель Александръ Десницкій—секретаремъ московскаго духовнаго цензурнаго комитета.

Въ минувшемъ учебномъ году всѣ классы семинаріи имѣли параллельныя отдѣленія, а 1 классъ даже три отдѣленія, соответственно числу учащихся въ немъ, и на содержаніе третьяго отдѣленія, какъ сверхштатнаго, по распоряженію его высокопреосвященства, необходимая сумма, въ количествѣ 1.400 р., шла отъ правленія епархіальнаго свѣчнаго завода. Распредѣленіе классовъ и самыхъ уроковъ между наставниками оставались безъ всякой перемѣны противъ предпрошлаго года, соответствуя опредѣленію Св. Синода отъ 30 іюля—8 августа 1886 г. (объ открытіи, между другими, и въ московской семинаріи штатной каведры по исторіи и обличенію русскаго раскола и сектанства и

соединенныхъ съ этимъ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ указанномъ отношеніи).

Преподаваніе по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса вообще велось согласно утвержденнымъ программамъ, указаннымъ учебникамъ, и методамъ, требуемымъ какъ объяснительными къ программамъ записками, такъ и особыми предписаніями Св. Синода. По нѣкоторымъ же предметамъ, за неизмѣнимъ печатныхъ учебниковъ (по крайней мѣрѣ рекомендованныхъ), или за недостаточною полнотою въ нихъ какихъ-либо отдѣловъ программы и въ прошедшемъ учебномъ году наставниками выдавались ученикамъ, предварительно рассмотрѣнные ректоромъ, *итогрфированныя* записки, какъ-то: по библейской исторіи (краткій обзоръ дѣлъ и ученія Иисуса Христа отъ 1 Пасхи Его открытаго служенія до Вознесенія на небо), алгебрѣ и пасхалии, нѣмецкому языку (краткій синтаксисъ), церковному пѣнію (учебникъ элементарной теоріи музыки, учебникъ гармоніи и чтеніе безлинейныхъ нотъ знаменнаго распѣва) и особенно по ученію о расколѣ. *Практически* бесѣды со старообрядцами было 18; на этихъ бесѣдахъ, всегда посѣщаемыхъ ректоромъ, обязывались присутствовать воспитанники V и VI классовъ по очереди своихъ отдѣленій; въ частности 38 человекъ изъ VI класса, вслѣдъ за преподавателемъ, сами говорили на собесѣдованіяхъ и участвовали въ показываніи древнихъ памятниковъ—рукописей, доставлявшихся изъ патріаршей, нынѣ синодальной, библиотеки, изъ бібліотеки синодальной типографіи, также изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, дѣлая при этомъ соответственныя разъясненія²⁾. Дѣло веденія письменныхъ упражненій для воспитанниковъ также оставалось безъ всякаго измѣненія противъ предпрошлаго года какъ по числу назначавшихся имъ домашнихъ сочиненій и классныхъ экспромтовъ, такъ и по срокамъ назначенія ихъ въ каждомъ классѣ.

Въ августѣ мѣсяцъ прошлаго года въ I классъ поступило вновь, съ установленными свидѣтельствами, изъ духовныхъ училищъ 123 и по дополнительному экзамену, произведенному въ

²⁾ Есть примѣры, что воспитанники, поступивъ на священническія мѣста, сами отвергаютъ бесѣды со старообрядцами, какъ въ приходѣ Гуслицяхъ, Богородскаго уѣзда.

самой семинаріи, 6=129, изъ коихъ 12 дѣти свѣтскихъ родителей (6 чиновниковъ консисторскихъ и гражданскихъ, 3 мѣщанъ, 2 синодальныхъ пѣвчихъ и 1 унтеръ-офицера) и 2 сирійскихъ уроженца, и въ началѣ 1887—88 учебнаго года всѣхъ воспитанниковъ въ московской семинаріи состояло 599. По классамъ они распредѣлились такъ: въ трехъ параллельныхъ отдѣленіяхъ I класса 150, съ 36 оставленными на повторительный курсъ (по малоуспѣшности, у иныхъ обусловливавшейся болѣзью, какъ и въ нижеслѣдующихъ классахъ), а изъ 15 излишнихъ противъ нормы учениковъ, по распоряженію его высокопреосвященства, 13-своепархіальныхъ были перемѣщены въ тотъ же классъ вѣданской семинаріи и 2-иноепархіальныхъ возвращены въ свои семинаріи; въ двухъ отдѣленіяхъ II класса 103, съ 15 оставленными, причемъ одинъ — иноепархіальный также возвращенъ былъ въ свою семинарію; въ двухъ отдѣленіяхъ III класса 90, съ 10 оставленными и 2 вновь принятыми (по экзамену—одинъ изъ гражданской гимназіи, сынъ московскаго протоіерея, другой изъ прогимназіи, сынъ умершаго діакона); въ двухъ отдѣленіяхъ IV класса 89, съ 2 оставленными и 2 вновь принятыми (одинъ по экзамену изъ гимназіи, сынъ личнаго почетнаго гражданина, другой изъ вѣданской семинаріи); въ двухъ отдѣленіяхъ V класса 89, съ 1 вновь принятымъ (недавно присоединившійся изъ едосѣвскаго раскола къ православной церкви, которому его высокопреосвященствомъ „дозволено слушать богословскіе уроки“); въ двухъ отдѣленіяхъ VI класса 78, съ 1 вновь принятымъ (японскій уроженецъ, принятый изъ миссійской семинаріи). Въ продолженіе учебнаго года прибыли въ семинарію 2: одинъ изъ воспитанниковъ здѣшней же семинаріи возвращенъ въ IV классъ, другой, болгарскій уроженецъ, перешелъ въ тотъ же классъ изъ одесской семинаріи; выбыли изъ семинаріи: уволились согласно собственному желанію, частію по домашнимъ обстоятельствамъ, или болѣзненному состоянію, частію для поступленія въ другія учебныя заведенія 17,—9 еще до экзаменовъ и 8 послѣ экзаменовъ (въ томъ числѣ два болгарина) и исключены по малоуспѣшности 11, итого 28 человекъ. Затѣмъ, вслѣдствіе произведенныхъ въ маѣ—іюнѣ мѣсяцахъ, выпускныхъ и переводныхъ, и дополнительныхъ для вовсе неэкзаменовавшихся тогда по болѣзни, или

подлежавшихъ переэкзаменовкѣ изъ нѣкоторыхъ предметовъ, а также по письменнымъ упражненіямъ, въ августѣ — годичныхъ испытаній, 76 воспитанниковъ выпущены были изъ семинаріи, какъ окончившіе полный курсъ ученія, изъ коихъ 25 удостоены 1 разряда и званія студента, а всѣ остальные причислены къ 2 разряду (въ томъ числѣ одинъ грекъ, одинъ сиріецъ и одинъ японецъ)³⁾. На экзаменѣ по практическому руководству для пастырей здѣсь изволилъ присутствовать самъ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Іоаннннй. Изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ 5 поступили въ московскую духовную академію, 1 по назначенію и 4 по собственному желанію (въ томъ числѣ грекъ и японецъ)⁴⁾, 1 въ с.-петербургскую и 1 въ кіевскую (сиріецъ) и 2 еще въ варшавскій университетъ. Въ день выпуска (25 іюня) одному изъ воспитанниковъ выдано было 25 р. какъ „наиболѣе успѣвшему въ составленіи и пронанесеніи проповѣдей“, изъ процентовъ съ суммы, завѣщанной съ этою именно цѣлю покойнымъ преподавателемъ семинаріи Петромъ Апостольскимъ. Изъ V класса въ VI переведено 89,—16 въ 1 разрядѣ, прочіе во 2 (въ томъ числѣ одинъ обратившійся изъ раскола—вышепомянутый): здѣсь на экзаменахъ по литургикѣ и греческому языку присутствовалъ преосвященнѣйшій Мисаилъ, епископъ Дмитровскій; изъ IV въ V 86,—11 въ 1 разрядѣ, прочіе во 2 (въ томъ числѣ одинъ персіянинъ), съ 2 вновь принятыми (изъ вѣнянской семинаріи) 88; изъ III въ IV 84,—12 въ 1 разрядѣ, прочіе во 2 (въ томъ числѣ одинъ еврей), съ 1 оставленнымъ на повторительный курсъ (по болѣзни) 85; изъ II въ III 77,—2 въ 1 разрядѣ, прочіе во 2, съ 2 оставленными (одинъ по болѣзни, другой по малоуспѣшности) и 10 перемѣщенными сюда, по распоряженію его высокопреосвященства, какъ излишніе противъ нормы класса, изъ вѣнянской семинаріи 89; изъ I во II 94,—10 въ 1 разрядѣ, прочіе во 2 (въ томъ числѣ три сирійца), съ 12 оставленными (двое по болѣзни, остальные по малоуспѣшности) и 1 вновь принятымъ (по болѣзненному со-

³⁾ Одинъ еще воспитанникъ выпущенъ, за несправное посѣщеніе уроковъ и неявку безъ уважительной причины на самый экзаменъ, съ свидѣтельствомъ V класса и одинъ по болѣзни доселѣ не сдалъ назначенной ему переэкзаменовки по двумъ предметамъ.

⁴⁾ Сверхъ того, въ московскую же академію поступилъ еще одинъ студентъ изъ прошлагодняго курса.

стоянію перешелъ изъ вѣанской семинаріи, сынъ московскаго діакона) 107, и 7 излишнихъ противъ нормы учениковъ, по приказанію его высокопреосвященства, были перемѣщены въ тотъ же классъ вѣанской семинаріи. Наконецъ въ августѣ вновь поступило, по установленнымъ свидѣтельствамъ, изъ духовныхъ училищъ 115⁵⁾ и по дополнительному экзамену, произведенному въ самой семинаріи 6 (121), съ 37 оставленными (десять по болѣзни, остальные всѣ по малоуспѣшности) 158—при трехъ отдѣленіяхъ, и на содержаніе третьяго, какъ сверхштатнаго, отдѣленія его высокопреосвященство разрѣшиль отпустить потребной суммой, въ количествѣ 1400 р., изъ прежняго источника, т.-е. изъ прибыли епархіальнаго свѣчнаго завода, а 8 излишнихъ учениковъ также перемѣщены были въ вѣанскую семинарію. Въ числѣ 115 вышеозначенныхъ учениковъ было 63 окончившихъ курсъ въ законоспаскомъ училищѣ, 19 въ перервинскомъ, 15 въ донскомъ, 9 въ коломенскомъ, 8 въ училищѣ при синодальномъ хорѣ и 1 въ волоколамскомъ; изъ нихъ 10 дѣти свѣтскихъ родителей: 2 чиновниковъ (консисторскаго и гражданскаго), 3 мѣщанъ, 2 крестьянъ, 1 сынъ синодальнаго пѣвчаго, 1 почтальона и 1 умершаго фельдшера. Экзамену въ семинаріи подвергались. 13 учениковъ принято изъ нихъ 6, между коими одинъ изъ донскаго училища, одинъ изъ харьковскаго (уроженецъ московской епархіи), одинъ изъ серпуховской прогимназіи (сынъ діакона мѣстнаго собора), одинъ изъ Сергіево-посадской прогимназіи (сынъ умершаго профессора московской академіи) и два грека. Такимъ образомъ, къ началу настоящаго учебнаго года всѣхъ воспитанниковъ въ московской семинаріи состояло 601.

Въ образцовой начальной, при семинаріи, школѣ въ истекшемъ учебномъ году законоучителемъ оставался семинарскій духовникъ, священникъ Василій Рождественскій, а учителемъ для нея, вмѣсто перешедшаго на службу въ законоспасское

⁵⁾ По примѣру предыдущихъ лѣтъ, вслѣдствіе непосредственнаго распоряженія его высокопреосвященства, семинарскимъ правленіемъ были назначены депутаты для присутствованія при выпускныхъ экзаменахъ учениковъ IV класса подѣлдомыхъ ему училищъ изъ слѣдующихъ преподавателей: Михаилъ Модестовъ въ Законоспасское, Сергій Рождественскій въ Донское, Николай Кедровъ въ Перервинское, сынъ. Константинъ Марковъ въ Коломенское и Александръ Лебедевъ въ училище при синодальномъ хорѣ.

училище кандидата московской академіи Виктора Кедрова, резолюціею его высокопреосвященства отъ 11 сентября утверждень кандидатъ той же академіи Владиміръ Цвѣтковъ. Обучалось въ школѣ 71 мальчикъ, раздѣляясь на двѣ группы: старшую — 31 и младшую—40; изъ нихъ 1 сынъ діакона (семинарской церкви), 2 дѣти чиновниковъ, 28 мѣщанъ и цеховыхъ и 40 крестьянъ. Послѣ годичныхъ испытаній изъ старшей группы 8 мальчиковъ окончили курсъ ученія съ правомъ получить установленныя свидѣтельства на льготу по воинской повинности, 9 безъ такого права и 14 оставлены на повторительный курсъ; изъ младшей группы переведено въ старшую 23, выбыло по домашнимъ обстоятельствамъ 10 и оставлено на повторительный курсъ 7. Затѣмъ вновь было принято 47 мальчиковъ, такъ что въ настоящее время состоитъ въ школѣ 91 ученикъ. Воспитанники же семинарии—VI и V классовъ, кромѣ одиночныхъ ежедневныхъ дежурствъ, въ извѣстные дни недѣли, когда у нихъ самихъ не бываетъ классныхъ занятій, обязывались присутствовать въ школѣ по очереди своихъ отдѣленій, причемъ они практиковались въ повтореніи данныхъ мальчикамъ уроковъ, а нѣкоторые и въ самостоятельномъ преподаваніи имъ такихъ уроковъ по всемъ предметамъ школьной программы.

Съ нравственной стороны въ теченіе прошедшаго учебнаго года воспитанники вообще вели себя скромно. Особенно важныхъ проступковъ за ними не усматривалось, такъ что до свѣдѣнія педагогическаго собранія правленія не было доведено ни объ одномъ какомъ-либо выдающемся случаѣ. Относительно матеріальнаго содержанія—для казеннокоштныхъ воспитанниковъ семинарское правленіе располагало въ отчетномъ году, сверхъ 180 казенныхъ ученическихъ окладовъ (во 110 р.) и 10 прежнихъ—частныхъ благотворительныхъ стипендій, еще 9 новыми полными стипендіями (въ томъ числѣ двумя отъ его высокопреосвященства и одною отъ преосвященнѣйшаго Мисаила); а общія нужды на содержанія учениковъ—исправленіе и пополненіе постельныхъ принадлежностей, гимнастическихъ снарядовъ и т. п., на основаніи спеціальнаго опредѣленіе Св. Синода 10—20 декабря 1875 г., могло до нѣкоторой степени удовлетворять остатками отъ мѣстно-благотворительной суммы, напр, ежегодныхъ пожертвованій отъ монастырей епархіи, которыхъ въ сложности

51*

насчитывается 1825 р. На епархіальное содержаніе было принято 223 ученика, изъ нихъ лишь 6 на полупансіонерское, а все прочіе на полное (съ окладомъ 120 р.), въ итогъ на сумму 26370 р., которая получалась отъ правленія епархіальнаго свѣчнаго завода. Всѣхъ же живущихъ въ семинарскомъ общежитіи состояло 444 человекъ, наблюденіе за которыми требовало отъ всѣхъ лицъ инспекціи неослабнаго вниманія и бдительности. Съ глубокою признательностью должно упомянуть, что братство св. Николая и въ прошломъ учебномъ году содержало въ московской семинаріи двухъ полныхъ стипендіатовъ (на проценты съ капитала гг. Забѣлиныхъ и еще болгарина, который, по переходѣ въ V классъ, уволился изъ семинаріи для поступленія въ здѣшній университетъ) и выдало на руки пособія двумъ ученикамъ, потерявшимъ (на время) право на казенное содержаніе, по 15 и 20 р. О. протоіерей Маріинской во вдовыи домъ церкви А. Соколовъ также доставилъ полугодичный взносъ— 25 р. въ пособіе къ содержанію его полустипендіата, въ іюнѣ мѣсяцѣ окончившаго курсъ ученія. Отъ почетнаго блюстителя нашей семинаріи г. Кудрявцева получено было на воспособленіе къ ея содержанію 500 р., составляющее ежегодное приношеніе его. Поступило нѣсколько пожертвованій и книгами въ фундаментальную и ученическую бібліотеки, между прочими отъ М. П. Соколовой (изъ бібліотеки покойнаго прот. П. Терновскаго) до 200 №№ по богословскимъ и общеобразовательнымъ наукамъ, которые впрочемъ подлежатъ еще разбору, равно журналами за текущій годъ отъ редакцій „Моск. Церк. Вѣдомостей и Чтеній въ Обществѣ Л. Д. П.“ для фундаментальной бібліотеки и отъ редакцій тѣхъ же „Вѣдомостей, Душепол. Чтенія, Прав. Обзорнія и Друга истины“ для ученической, на поддержаніе и пополненіе которой и самими воспитанниками собрано было 135 р. 85 к. Для класса рисованія архитекторъ г. Струковъ пожертвовалъ прекрасную гипсовую голову Антиноя.

Въ заключеніе считаемъ пріятнымъ долгомъ упомянуть, что 16 сентября прошлаго года изволилъ посѣтить нашу семинарію его высокопревосходительство г. оберъ-прокуроръ Св. Синода, вмѣстѣ съ его высокопреосвященствомъ владыкою митрополитомъ, и при отъѣздѣ вручить ректору 10 р. на гостинцы мальчикамъ, обучающимся въ образцовой семинарской школѣ.

И. Б.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

МЫСЛИ В СЛУХЪ*.

17 ноября. Невольно возстаётъ въ памяти, во всемъ своемъ неизмѣримо-грозномъ и восторженно-радостномъ величїи 17 октября. Мѣсяцъ прошелъ, какъ совершилось чудо изъ чудесъ милости Божїей надъ православнымъ русскимъ Царемъ и Его Августѣйшею Семьею, а съ ними—и надо вѣзмъ русскимъ многомилліоннымъ царствомъ. Чѣмъ далѣе стало отодвигаться это вѣстину безпримѣрное событіе въ исторїи человѣчества, тѣмъ явственнѣе становится здѣсь маніе десницы Всевышняго, предъ которой остается только одно: благоговѣнно преклоняться и лить слезы самой сердечной, глубокой благодарности. Сколько теперь утѣшилось дѣло, мы не можемъ сказать, что не было принято предосторожностей; но несповѣдному въ своихъ путяхъ Премьолу угодно было, чтобы все предусмотрѣнное человѣкомъ обратилось въ ничто и явилось, въ глазахъ изумленнаго міра, такъ крѣпко вѣрующаго въ свои силы, нѣчто такое, что стоитъ безконечно выше всѣхъ оображеній и силъ человѣческихъ и что должно напомнить міру о той верховной всеобъемлющей волѣ, безъ которой, по слову Спасителя міра, не падаетъ и волосъ съ головы человѣка.

Но въ событіи 17 октября одно ли поражаетъ насъ чудо явной милости Божїей къ намъ, русскимъ людямъ, и даже ко всему міру? Мы здѣсь видимъ другое явленіе, которому во всей его полнотѣ не представляетъ примѣра исторїя всѣхъ временъ и народовъ, и предъ которымъ невольно благоговѣнно склоняешься—это истинно-евангельская любовь Отца-Царя, Матери-Царицы и Ихъ Царственныхъ Дѣтей—къ страдальцамъ-поданнымъ.

Потрясенные до глубины души страхомъ за Собственную жизнь, пораженные страшною картиною разрушенія, смерти и страданій, забывая Собственные раны и разрушительное для здоровья человѣческаго вліяніе стихій, Они, наши Царственные Христіане, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ стараются облегчить горькую участь несчастныхъ жертвъ. Никогда величіе царей земныхъ не возходило на такую высоту евангельской любви, какъ въ это время. То было отображеніе того царственнаго

* Изъ Харьк. Губ. Видомостей.

величія, которое міръ христіанскій видитъ въ крестѣ своего Спасителя. Русскій народъ предъ лицомъ всего свѣта можетъ сказать: таковъ православный русскій Царь, такова русская Царица, таковы воспятыя ими Царетвенныя Дѣти! И за Нихъ ли мы не отдадимъ нашей жизни и всего, что у насъ за душею есть?

Необинуясь можемъ прибавить къ этому, что православная вѣра, чуждая іезуитизма и холоднаго фемализма и отрицаній, какъ чистое выраженіе евангельскаго ученія, можетъ создавать такихъ Владыкъ земныхъ и ставить Ихъ въ такую родственную связь съ Своими вѣропопощанными. Примемъ великаго Петра, спасающаго утопавшихъ и для нихъ пожертвовавшаго собою. Въ этихъ завѣтахъ наложилась вся наша многовѣковая исторія. Вотъ владыка одного изъ европейскихъ государствъ разражается грознымъ выговоромъ къ своему подданному за то только, что онъ, во имя христіанской любви, принесъ поздравленіе христіанскому народу въ одинъ изъ торжественныхъ дней его исторической жизни. „Моя совѣсть спокойна“, сказалъ укоряемый. Дѣйствительно, она должна быть спокойна; потому что Евангеліе заповѣдуетъ относиться съ братскою любовью даже ко врагамъ, но получившій укоръ не врага поздравилъ, а того, который былъ спасителемъ грознаго его владыки. Послѣ этого мы не можемъ и представить себѣ, какъ бы отнеслось апостолическое величество къ тому подданному, который былъ бы въ известной мѣрѣ отвѣтствененъ за событіе, подобное 17 октября. Но нашъ православный Самодержецъ явилъ здѣсь новую милость всепрощающей и всезабывающей любви, которая невольно напоминаетъ собою высоту и глубину той любви, послѣдній предѣлъ которой: „Отче, отпусти имъ, не вѣдать бо что творять“.

Итакъ, въ событіи 17 октября мы не можемъ не видѣть двухъ истинно-поразительныхъ явленій: явленія чуда милости Божіей и проявленія самоотверженной христіанской любви нашихъ Вѣнценосцевъ,—любви—этого высшаго завѣта св. Евангелія. И подобное событіе дѣйствительно должно быть увѣковѣчено самымъ достойнымъ образомъ, такъ, чтобы это увѣковѣченіе всегда, и нынѣ, и присно и во вѣки вѣковъ напоминало русскому народу какъ о св. Промыслѣ, о св. православной вѣрѣ, такъ и о святости долга самоотверженной любви къ ближнему.

Мы уже привѣтствовали (чрезъ „М. В.“) доблестныхъ харьковцевъ за благороднѣйшій починъ ихъ въ этомъ святомъ дѣлѣ; но отъ души желали-бы, чтобы предлагаемое ими было именно починомъ, началомъ, но не концемъ. Богохранимому Харькову теперь по всѣмъ правамъ принадлежитъ голосъ, который долженъ раздаться во всю ширину великаго Русскаго царства, съ призывомъ—увѣковѣчить достойнымъ образомъ, отъ лица всей

многомилліонной семьи русской, новое явленіе милости Божіей къ русскому народу, и его Самодержавному Вождю. Въ этомъ дѣлѣ должна быть одна душа, одно сердце всего русскаго народа. Да и одному ли русскому дорого православыный русскій Царь! Съ какою вѣрою, благоговѣніемъ и преданностію относятся къ нему даже язычествующія племена, вошедшія подъ Его царственную руку.

С.-Петербургская городская дума хотѣла соорудить часовню на мѣстѣ мученической кончины Царя-Освободителя. Но вотъ со всѣхъ концовъ необъятнаго русскаго царства раздается голосъ: почему не храмъ? И величественный храмъ создается.

Нѣкоторые изъ почтенныхъ харьковцевъ говорятъ*: мы построимъ часовню; а другіе пусть построятъ храмъ; мѣсто для обоихъ этихъ памятниковъ найдется. Но не будетъ-ли это отзываться отсутствіемъ единодушія въ такомъ святомъ, и можно сказать, всероссійскомъ дѣлѣ? Какъ посмотреть на это раздвоеніе наше потомство? Представимъ себѣ и слѣдующее, самое естественное явленіе: стоитъ храмъ, и около его часовня; кто пойдетъ помолиться въ часовню, гдѣ не принесется безкровная жертва? Не принижается ли чрезъ это самая жертва харьковцевъ, хотя она и исходила отъ самаго чистаго сердца? Говорятъ еще и то: часовня будетъ построена въ слѣдующемъ году, а храма, можетъ быть, мы не скоро дождемся. Впервыхъ, великія дѣла не дѣлаются скоро; а вовторыхъ, увѣнованіе даннаго событія дѣлается не для насъ, живыхъ свидѣтелей его. Великій и зрѣлый народъ долженъ жить въ своемъ потомствѣ.

И не храмъ, повторяемъ, а надо создать святую обитель, гдѣ бы „по вся дни“ возносились молитвы къ Подателю всѣхъ благъ и милостей. Нѣкоторые предлагаютъ построить здѣсь убѣжище для получающихъ увѣчи на желѣзныхъ дорогахъ. Прекрасная, истинно-христіанская мысль! и какъ-бы было кстати соединить это убѣжище съ св. обителью, особливо если эта обитель будетъ женская. Кто можетъ такъ ухаживать за страдальцами, какъ сердце женщины, и притомъ отрешенной отъ міра?

Если оба эти учрежденія соединить вмѣстѣ, то нѣтъ и малѣйшаго сомнѣнія, что они скорѣе могутъ осуществиться, чѣмъ которое нибудь изъ нихъ одно. Въ устройствѣ обители приняла-бы участіе вся православная Русь и нѣтъ сомнѣнія, ей подали-бы руку братской помощи тѣ старѣйшія обители, которыя не бѣдны своими средствами; а въ открытіи убѣжища для увѣчныхъ должны принять участіе всѣ правленія нашихъ желѣзныхъ дорогъ—какъ государственныхъ, такъ и частныхъ, сверхъ этого

* Намъ пишутъ объ этомъ. *Лет.*

есть надежда на помощь и со стороны нашихъ земствъ, изъ которыхъ напр. херсонское и заявляетъ объ этомъ.

Но чѣмъ будетъ содержаться св. обитель? Приснопамятнымъ архипастыремъ Иннокентіемъ были открыты, совершенно на пустыхъ мѣстахъ, Херсонесскій монастырь, Бахчисарайскій, Козьмодемьянскій и др., — открыты на окраинѣ Россіи, среди невѣрцевъ; и они не только безбѣдно существуютъ, но даже имѣютъ остатки отъ своихъ доходовъ. Послѣ такихъ примѣровъ можно ли допустить, чтобы обитель среди православнаго народа * оскудѣла въ средствахъ для своего существованія? Да почему бы, раздавая земли разнымъ пришельцамъ, не удѣлить извѣстнаго участка земли и для этого святаго мѣста, какъ это сдѣлано для Херсонесскаго монастыря? Но, вѣрнѣе, что и безъ этой помощи дѣло содержанія обители будетъ обходиться: мѣсто свято не будетъ пусто; но мѣсто событія 17 октября должно быть для русскаго народа самымъ святымъ.

Пусть въ этой обители поставится икона Иверской Божіей Матери, предъ которою спѣшить помолиться спасенный Царь съ Своею Царственною Семейю, и Небесная Владычица дастъ средства къ жизни посвятившимъ себя молитвѣ и служенію отраждающимъ — увѣчнымъ.

Изъ Паммнестовъ.

Москва.

17 ноября, 1888 года

ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА.

4 декабря въ большой залѣ городской думы состоялось торжественное собраніе членовъ славянскаго Общества, первое при новомъ предсѣдателѣ Общества графѣ Н. П. Игнатьевѣ. Предсѣдатель открылъ собраніе рѣчью, въ которой заявилъ прежде всего о Высочайшей благодарности, каковой удостоилось славянское Общество двукратно — по случаю поднесенія Ихъ Императорскимъ Величествамъ и Государю Наслѣднику Цесаревичу изданнаго Обществомъ, ко дню празднованія 900-лѣтія Руса, въ 850,000 экз., „Житія св. равноапостольнаго князя Владиміра“, съ изображеніемъ, и затѣмъ — по случаю поднесенія Ихъ Величествамъ адреса славянскаго Общества съ выраженіемъ вѣрно-подданическихъ чувствъ радости и благодарности о чудесномъ

* И при томъ въ области Украины, жители которой съ особенною теплотою относятся къ храмамъ Божіимъ вообще и къ св. обителямъ въ частности. *Авт.*

небавлянии Ихъ Величествъ и Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ отъ опасности, угрожавшей Имъ при катастрофѣ 17 октября. Въ заключеніе своей рѣчи графъ Ингалевъ сказалъ: „Всемигостѣйшее Монаршее вниманіе къ намъ должно поддерживать Общество въ ревностномъ продолженіи нашей, весьма скромной, но небезполезной благотворительной дѣятельности, обусловленной чувствами самого искренняго, возвышеннаго и самоотверженнаго патриотизма, безпредѣльной преданности Царю и вѣрности нашимъ народнымъ идеаламъ и историческимъ преданіямъ, составляющимъ славу, величіе и силу Россіи“.

Собранію предложены были чтенія: прот. М. О. Колловича, И. П. Филевича и почетнаго члена Общества прот. Л. Г. Наумовича. Рѣчь послѣдняго мы воспроизводимъ.

„Третій уже разъ я имѣю счастье присутствовать при торжественномъ собраніи славяноскаго благотворительнаго Общества. Мнѣ приходится изъ этого мѣста слышать дѣльные рѣчи о судьбахъ славянства вообще и отдѣльныхъ славянскихъ племенъ въ частности; лишь о нашей родинѣ Червонной Руси упало здѣсь только немного, хотя глубоко прочувствованныхъ словъ. Мы же, червоноруссы, не только славяне, но плоть отъ плоти, и кость отъ костей вашихъ, и не должно быть русскаго чловека на безпредѣльномъ проотраствѣ Россіи, который не знаетъ бы о насъ и не принималъ въ сердцу участіа единоплеменнаго народа, отдѣльнаго отъ Россіи политической границей, но соединеннаго съ нею происхожденіемъ, вѣрою и любовью.“

„Не мѣсто здѣсь и не время утруждать высокопочтенное собраніе историческими данными, чтобы представить вамъ, какое вліяніе имѣлъ древній Галичъ на судьбу и другихъ областей Руси. Довольно указать только на Ярослава Осмомысла, на Романа Мстиславича, прозваннаго современниками „самодержавцемъ всея Руси“, на доблестнаго его сына, Данила Романовича. Довольно при томъ указать на устойчивость червонорусскаго народа въ праотеческой вѣрѣ и русской народности, когда послѣ смерти князя Юрія II Андреевича, съ которою прервался родъ галицкихъ князей, онъ попалъ подъ власть Польши. Довольно указать на тотъ замѣчательный фактъ, что Галицкая Русь была послѣднею въ принятіи церковной уніи съ Римомъ, устоявъ въ православіи еще 104 года послѣ Брестской уніи; она уступила передъ насиліемъ только тогда, когда Польша совершенно прекратила ея связь съ Царьградскимъ патріархомъ, и такимъ образомъ палъ главный столпъ православія, Львовское Ставропигійское братство. Довольно, наконецъ, указать на три съ половиною милліона народа, живущаго по сію и ту сторону Карпатъ, въ Галиціи, Венгріи и Буковинѣ, зовущаго и считающаго себя русскимъ, молящагося Богу по русски, по греческому

уставу, дорожащаго своею праотческою церковью, составляющею пять епархій, борющагося за свою вѣру, свой языкъ, и даже за свои славянскія письмена, за свое оскариваемое у него имя, и даже вынужденнаго бороться за древній свой осьминожечный крестъ Христовъ.

„Мм. гг. Для васъ, конечно, не тайна, что на моей родинѣ и въ настоящее время продолжается жестокая борьба, обострившаяся съ 1848 года, когда въ Австріи сильнѣе подулъ духъ национальности и призывалъ къ жизни забытые и заспавшіяся народы. Тогда проснулся и нашъ тяжелымъ своимъ заморенный народъ къ мирной, национальной жизни, не желая ни вражды, ни задора, а только сѣта науки и равнаго права на своей праотческой землѣ. Но, увы! его пробужденіе считалось преступленіемъ, протестомъ противъ воздушныхъ плановъ сосѣдей, и вмѣсто братства, обновился не по нашей винѣ старій споръ, старая борьба. Это борьба двухъ культуръ, и такъ сказать, двухъ міровъ, восточнаго и западнаго, приваивавшихся на рубежахъ русской и польской земли. Одинъ міръ, восточный мирный, не простирающій руки своихъ на чужое достоинствіе, но доблестно защищающій свою церковно-національную святиню; другой міръ наступательный, недовольный своими тѣсными этнографическими границами, опьяненный чадомъ свободы, забывъ печальные уроки прошедшихъ столѣтій, провозгласилъ роковое піеши Руси! И вотъ почему обновился на нашей родинѣ споръ, сожалѣніа достойный, „споръ славянъ между собою, домашній, старій споръ, ужъ завѣщенный судьбою“, вопросъ, котораго, на мысли великаго русскаго поэта, не разрѣшить закамъ. Это вопросъ для славянства самой перестепенной важности, пока еще не разрѣшенный и не легко разрѣшимый, который, какъ Гордіевъ увелъ, ждетъ развѣ новаго Александрова меча.

„Но какъ ни прискорбенъ споръ славянъ между собою, какъ ни желательны миръ, братство и любовь въ славянской семьѣ, я вопреки этимъ чувствамъ, какъ червонорусъ, считаю себя счастливымъ, что могу вамъ еще говорить о борьбѣ. Хуже было бы, когда бы у насъ не было борьбы, значить, не было бы уже жизни въ одной спорящей сторонѣ.

„Такой миръ желателенъ тѣмъ, у которыхъ осталась завѣтная идея строить свое царство на развалинахъ нашей Руси. Другой народъ въ нашихъ отношеніяхъ уже давно не былъ бы въ силахъ бороться; онъ не выдержалъ бы болѣе пяти-вѣковаго напора и тяжелаго гнета западнаго міра, который не брезговалъ средствами лицемерія, коварства, лжи и насилія, ведущими къ цѣли, и нашъ народъ, какъ вѣтвь, отъ ствола оторванная, погибъ бы для славянскаго востока и Руси, какъ погибли для славянства полабскіе и поморскіе славяне, какъ, къ сожалѣнію,

погибаетъ въ наше время польское племя въ Познаня, еслибы не спасла насъ непонятная для запада и, къ сожалѣнію, непонятная еще и для западныхъ славянъ сила, святая православная церковь, сохранившая намъ завѣщаніе святыхъ славянскихъ первоучителей съ чудною простотою догматической истины и не менѣе чудною красотою нашей обрядности на родномъ священномъ языкѣ, понятномъ для народа. Еслибы вы, мм. гг., имѣли случай прочесть акты нашего Ставропигійскаго братства при Успенской церкви во Львовѣ изъ XVII и прошлаго столѣтій, вы удивились бы, какія жертвы нужны были, чтобы ими окупить разрѣшеніе молиться, звонить въ колокола, исполнять церковныя требы, какою удивительною силой духа обладали наши предки, отовсюду гонимые и презираемые, а устоявшіе въ вѣрѣ. И только такая вѣра спасла насъ отъ поглощенія западнымъ міромъ, и только церковь нашу мы должны благодарить, что Русь наша Червоная пережила Польшу, и что 1848 г. застаѣ насъ живыми, бодрыми и еще способными къ неизбежной борьбѣ.

„Но не только на насъ явила наша православная церковь свою животворящую силу. Мы имѣемъ утѣшеніе, смотря на другихъ славянъ, видѣть, что, когда, къ сожалѣнію, всѣ славяне католическаго вѣроисповѣданія и латинской обрядности или совершенно поглощены сильнѣйшими иноплеменными организмами, или потеряли свою независимость и свой политическій бытъ, а оставшіеся ихъ недобитки западной культуры живутъ полуславянами, корняющимися крупницами, ниспадающими со стола богатыхъ иноплеменниковъ: на камени православной восточной церкви утвердилось всемірное русское государство, могуществу котораго обязаны своимъ существованіемъ и своими надеждами на будущее и другіе славянскіе народы. И видимъ мы въ наше время, что православные народы славянскаго юга, и другіе, какъ греки и румыны, страдавшіе подъ гнетомъ мусульманскаго ига, тоже не погибли, а дождались дней освобожденія и политическаго и государственнаго возрожденія.

„Такъ, только благодаря своей православной церкви, не могла погибнуть для русскаго міра и наша Червоная Русь, потерявшая уже съ 1340 годомъ свою политическую независимость, выдержавшая мужественно въ пять съ половиною вѣковъ напоръ западной культуры и нашествія иноплеменниковъ, а оставшаяся таи Русью, и не смотря на временно навязанную ей унию съ Римомъ, православною Русью, по словамъ св. божественной литургіи, которой не дернула коснуться римская рука. И нынче, какъ въ старыя времена, молится въ Галліи и на Венгріи церковь „за всѣхъ православныхъ христіанъ“.

„Объ этомъ должны бы помнить все славяне и принять къ сердцамъ своимъ и внушать своимъ дѣтямъ, какал сила православной церкви. Они должны знать, что православная славянская церковь созидаетъ, не разрушаетъ. Она всегда исполняла и исполняетъ къ единобѣрнымъ братьямъ законъ любви и всегда была готова на всякія жертвы. Она всемъ славянамъ своя, ея любовь, какъ родной матери, не лицебѣрная, не на словахъ только, а явлющаяся на дѣлѣ. Напротивъ, въ западной церкви трудно найти славянину мѣръ и тихое пристанище. Она чужая, строгая, холодная, кромѣ себя ничего не видитъ. Она жгла славянскія богослужебныя книги, писанныя Мессодіемъ, она и теперь глуха и нѣма къ волямъ славянъ о разрѣшеніи славянской литургіи. Она, склонная къ брани, не любящая мира, продолжающая свою жизнь раздоромъ и ненавистью братьевъ, дѣтей одной матери. Посмотрите на шокневъ въ австрійской Сербіи, какъ они, обращены въ латинство. стали ховодными для всей своей родины, Сербіи. Она для нихъ уже не существуетъ, ея прошлое, ея чудный эпосъ и древнія преданія не растрогаютъ сердца отступившихъ отъ роднаго православія. Да, и я слышалъ, какъ избранные депутаты польской народности изъ Галиціи хвастались передъ иѣзитами въ Вѣнѣ тѣмъ, что у нихъ нѣтъ ничего общаго съ славянами; но въ то же время вѣдоушевались для турокъ.

„Въ православіи спасеніе славянства, вѣдъ его—гибель.

„Вамъ, мм. гг., конечно, извѣстно, что въ настоящее время страдать моя родина отъ нашествія іезуитовъ, изгнанныхъ съ запада, изъ самыхъ католическихъ странъ. Съ большинствомъ народомъ, тѣмъ когда-либо, поднять теперь вопросъ объ униі, которая, по выраженію одного высокаго самовинна въ Римѣ, „in filo haeret“, т.-е. виситъ на ниточкѣ. Въ Римѣ удивляются тому, но для насъ это совершенно естественно, и я не могу сказать, чтобы на моей родинѣ было много униатовъ по убѣжденію. Причиною тому—свѣтъ науки.

„Проснувшаяся въ 1848 году, Галицкая Русь раскрыла саркази печальной исторіи своей церкви, сравнила своей настоящій церковный строй и обрядность съ древними, и замѣтила въ униатской церкви много западныхъ примѣсей вопреки условіямъ заключенной съ Римомъ униі. Духовенство нежелало очищенія обрядности, чего испугались поляки и Римъ. Нашихъ архіереевъ вызвали въ Римъ, но отъ того ничего не вышло. Въместо того, чтобы удовлетворить справедливыя желанія русскаго духовенства и народа, папы присылали извѣщенія о разныхъ юбилеяхъ, а въ концѣ командировали армию іезуитовъ съ неограниченными полномочіями проповѣдывать по русскимъ нервамъ. Іезуиты не только устраивали миссіи, не имѣя къ тому никакого

права, какъ чужіе намъ и ненавидимые нами за столько сдѣланнаго нашей церкви зла въ прошлыхъ вѣлахъ, но они затребовали отъ сейна громадныхъ суммъ отъ крови и пота народа на устроеніе интернатовъ для русской молодежи. Изъ этого вышли Гнилички и процессъ 1882 года и лишеніе митрополичьей кафедры іерарха святой жизни Іосифа, живущаго въ заточеніи въ Римѣ. Они распоряжаются у насъ, какъ въ своемъ собственномъ домѣ. Безъ ихъ разрѣшенія даже митрополитъ ничего не посмѣетъ сдѣлать. Они хозяева, въ ихъ рукахъ власть. Ихъ проповѣди не подлежатъ никакому контролю епархіальной власти. Содержаніе такихъ проповѣдей поставило втушки добрый нашъ народъ. Въ церкви въ Салатъ проповѣдывалъ іезуитъ, что есть два Николая, одинъ святой чудотворецъ — *иоаннъ*, другой — *шизматичскій*, съ такимъ прилагательнымъ, которое выразить здѣсь нельзя. Крестьянина Яременко, вызвавшаго другихъ, чтобы удалить іезуитовъ изъ церкви, повели жандармы на судъ за возмущеніе народа. Когда при миссіи нѣкоторые исповѣдывались и пожелали приобщенія, іезуитъ раздробилъ свой опрѣснокъ и безъ всякаго благословенія даже по своему обряду, поливши виномъ, приобщилъ. А когда староста церковный изъяснилъ свое удивленіе, онъ сказалъ ему: „намъ все свободно; мы такую власть имѣемъ отъ папы“. Разумѣется, что такого рода пощунства не только не утвердили унию, а привели къ диаметрально противнымъ результатамъ. Но мало было миссій, на которыхъ не очень-то много являлось народа. Папы задумали вырвать зло — т.-е. природное влеченіе народа къ православію — съ корнемъ, предавая не свою и не своей западной церкви собственность, наши русскіе монастыри, учрежденные православными русскими князьями, іезуитамъ, и вручая имъ воспитаніе русскою молодежи, поступающей въ монашество. Римская курія запретила употребленіе осьмиконечнаго креста, который чтли у насъ со временъ введенія христіанства! Стоящіе осьмиконечные кресты должно удалить и сказано: безъ соблазна, но бывало и такъ, что были приказанія ихъ обрѣзывать (обрубать), и бывали такія обрѣзыванія!...

„Такия дѣла происходятъ въ XIX столѣтіи въ цивилизованной христіанской Европѣ, на глазахъ христіанскаго народа, въ конституціонной имперіи, гарантировавшей полнѣйшую свободу въ-роисповѣданій, а даже и свободу безвѣрія (Confessionslosigkeit!), Народъ смотритъ и удивляется. Удивляется и просвѣщенный міръ, какъ мирится конституціонная свобода съ властію іезуитовъ. Въ проповѣдяхъ іезуитовъ только одно содержаніе: папа нашъ истинный Христъ! Богъ нечего не нужно знать христіанину, развѣ еще ругать православіе. „Почему они“, спросилъ меня одинъ мужичекъ, „все одно и то же доказываютъ, и доказыва-

ютъ безъ конца, что напа на мѣстникъ Христа? Вѣрно, это дѣло не чисто, когда нуждается въ толковыхъ доказательствахъ. Еслибы то все вѣрно было, зачѣмъ только о томъ, и такъ много говорить, да сотнями лѣтъ говорить, что отъ одного города въ Итали зависимо вѣчное спасеніе всѣхъ людей“?

„И напрасно жадуется римская курія на православную пропаганду, которой совершенно нѣтъ, которой быть не можетъ въ Австріи, даже въ православной Буковинѣ. Ея и не нужно. Нѣтъ лучшихъ пропагандистовъ православія, чѣмъ іезуиты. Они открываютъ глаза народу, возбуждаютъ сомнѣнія, раздражаютъ его, и не удивительно, что народъ валетъ, не смотря на всякія препятствія, массами въ Почаевъ, и обращаетъ свои взоры на Кіевъ, колыбель русскаго православія, гдѣ нахальной римской пропагандѣ заграждена дорога.

„Но тѣмъ не менѣ настали теперь для Червоной нашей Руси серьезныя времена. Борьба безъ конца утомляетъ. Когда только одна церковь была воспитательницей народа, народъ сохранялъ въ ней, какъ въ ковчегѣ Ноя во время потопа, свои православныя преданія и свою русскую народность; но теперь въ рукахъ западнаго міра школы и законъ объ обязательномъ ученіи. Въ чьихъ рукахъ школы, сказалъ въ Львовскомъ сеймѣ графъ Адамъ Потоцкій, въ рукахъ того и будущее. И онъ правъ былъ. Будущее Галицкой Руси представляется въ мрачныхъ краскахъ. Что вѣками создала и спасала церковь, теперь разрушаетъ школа. Старая, справедливая для всѣхъ своихъ народовъ Австрія уже не существуетъ; новая сохраняетъ право за тѣмъ, у кого есть сила и нахальство взять себѣ его. Мы пришли послѣ раздѣла Польши подъ Австрію, нѣзъ подъ польской неурядицы, въ крайне бѣдственномъ положеніи, съ рабскимъ народомъ, безъ интеллигенціи, разоренные матеріально. Имена Императрицы Маріи-Терезіи и сына ея Іосифа II останутся всегда въ благодарной памяти нашего народа. Іосифъ II не только снялъ съ народа самое грубое крѣпостное право и обезпечилъ его человѣческія права и матеріальный бытъ, но и защитилъ и обезпечилъ нашу церковь и просвѣтилъ духовенство, основалъ религіозный фондъ изъ закрытыхъ имъ въ множествѣ католическихъ монастырей, исполнившихъ на русской землѣ, какъ „in partibus infidelium“ свою нахальную миссію. Іосифъ II освободилъ нашу церковь отъ вмѣшательства даже самой куріи римской во внутреннія ея дѣла, установленіемъ „placetum regium“, т.-е. закономъ, что курія только посредствомъ правительства можно было переписываться съ епархіями. Такъ не могъ у насъ римскій фанатизмъ вторгаться въ жизнь народа, какъ въ другихъ бывшихъ уніатскихъ странахъ. Императоръ Леопольдъ строго запретилъ всякую пропаганду латинства. Даже названіе

„унія, уніята“ были нашему народу неизвестны до послѣдняго нашествія іезуитовъ, и какъ себя народъ считаетъ русскимъ (не русинскимъ, какъ пишутъ невѣжды), такъ называетъ и церковь свою не иначе, какъ только „русскою“.

„Я сказалъ выше, что старая Австрія не существуетъ. Іосифовскія преданія пошли въ забвеніе.

„Настоящая австрійская конституція превосходно служитъ народамъ, такъ называемымъ „историческо-политическимъ индивидуальностямъ“, именно мадыарскому, вѣмедскому, польскому; но другіе народы, порабощенные, только начавшіе отряхивать съ себя пылъ забвенія, не въ силѣ бороться съ сильнѣйшими, и имъ угрожаетъ теперь большая опасность при конституціи, чѣмъ когда-либо прежде ея. До конституціи, обновленной въ Венгріи, довольно свободно развивались словаки; свобода конституціонная, собственно самотоля мадыарская, безопасно омадыариваетъ все, и даже ограбила тотъ добрѣйшій народъ, отнявъ у него всѣ средства просвѣщенія, уничтоживъ ихъ Матицу, ихъ гимназію... О шести стахъ тысячахъ русскихъ въ Венгріи уже и не упоминаю: болитъ душа... Не лучше и другимъ не-мадыарскимъ народамъ.

„Школы у насъ считаются не просвѣтительными, а вынородвляющими учрежденіями. За Карпатами русскій или словацкій ученикъ прежде всего учится мадыарскому языку, его и насыщаютъ мадыарскимъ духомъ; у насъ и тотъ гуцулъ въ Коломыйскихъ горахъ, куда прежде рѣдко ступала польская нога, долженъ слушать, какъ его сынъ или дочь ломаютъ польскую рѣчь и поютъ польскія пѣсни, и видѣть, какъ они молчатъ въ церкви, не зная церковно-славянскаго языка, который изгнанъ изъ школы, а ученіе обязательно; на непосылающихъ своихъ дѣтей въ школы налагаются строгіе штрафы, такъ какъ на всѣхъ парахъ нужно ополчить младшее поколѣніе... Всякіе меморіалы, протесты, всякія рѣчи депутатовъ въ сеймѣ и центральномъ парламентѣ въ Вѣнѣ пропадаютъ безслѣдно. Русская народность въ Галиціи предана въ рабство искусственнаго большинства депутатовъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ и обречена на гибель—по закону конституціонному, не признающему никакого права за меньшинствомъ. Русскому галичанину и угроруссу свободно только потихоньку молиться: „Господи, что бысть намъ! Призри и виждь укоризну нашу“!

„И только на Господа наша надежда.

„Какъ ни сложится наше будущее, старшее наше поколѣніе, и что лучшаго въ младшемъ, стоитъ еще твердо „на колесницахъ“, стоитъ въ вѣрѣ, бодрствуетъ, мужается, утверждаетъ, терпитъ и надѣется, держитъ преданія отцовъ, не украинствуетъ, хотя дорожить и мѣстнымъ нарѣчіемъ для просвѣщенія млад-

шаго брата селянина, такъ какъ литературному языку у насъ негдѣ учиться, но не думаетъ о раздорѣ, о сепаратизмѣ, котораго не знали и прачоты, державшіеся всегда „единогя духа въ союзѣ мира“ и просвѣщавшіеся однимъ для всѣхъ общимъ книжнымъ языкомъ. Дастъ Богъ, не упадемъ. А если упадемъ, возстанемъ.

«Испитаня время строго;
Тотъ кто палъ, возстанетъ вновь,
Много милости у Бога,
Безъ границъ Его любовь».

„Онъ допустилъ на насъ многія испытанія въ наказаніе: неурядицу князей, монгольское иго, нашествіе Польши съ иезуитами, наше смутное время; Онъ далъ намъ пережить его и успокоилъ насъ въ старой Австріи. Онъ дастъ намъ силу при второмъ нашествіи этого смутнаго времени съ иезуитами въ новой конституціонной дуалистической Австро-Венгріи устоять на нашихъ мѣстахъ, о чемъ мы молимъ Его словами нашей святой православной церкви:

„Скоро предвари, прежде даже не поработимся врагомъ хулящимъ насъ и претящимъ намъ, Христе Боже нашъ, погуби Крестомъ Твоимъ борющія ны, да уразумѣютъ како можетъ православныхъ вѣра, молитвами Богородицы, Жизнодавче, слава Тебѣ“.

ПИСЬМО НАЧАЛЬНИКА ЯПОНСКОЙ МИССИИ ЕПИСКОПА РЕВЕЛЬСКАГО НИКОЛАЯ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОМУ ПЛАТОНУ, МИТРОПОЛИТУ КІЕВСКОМУ.

Высокопреосвященнѣйшій владыко,
Милостивѣйшій архипастырь и отецъ!

Имѣю честь препроводить къ вашему высокопреосвященству привѣтствіе японской православной церкви ея матери церкви русской съ торжествомъ воспоминанія крещенія русскаго народа и 900-лѣтія существованія русской церкви. Беру смѣлость утрудить ваше высокопреосвященство покорнѣйшею просьбою, если возможно, довести сіе привѣтствіе до свѣдѣнія русской церкви, чрезъ напечатаніе въ одномъ изъ кіевскихъ періодическихъ духовныхъ изданій, или другимъ вамъ благоуднымъ путемъ.

Да позволено мнѣ будетъ и отъ себя принести вашему высокопреосвященству искреннѣйшее поздравленіе съ нынѣшнимъ высокимъ торжествомъ воспоминанія о событіи, радости и

важнѣе котораго не было и не будетъ въ судьбахъ русскаго народа. Беру смѣлость также выразить здѣсь одну мысль и одну надежду, не неприличныя, мнѣ кажется, нынѣшнему письму.

Господь Иисусъ Христосъ въ торжественнѣйшія изъ минутъ Своего земнаго служенія по человѣчеству молился Своему Небесному Отцу, по Божеству же изрекалъ Свою непреложную волю: „да будутъ вси едино!“ Когда буквально исполнится воля Господня, „нѣсть наше разумѣти времена и лѣта“; но что человѣчество на пути къ сей возжеланной цѣли (и на землѣ ошестствимой, насколько то возможно для силъ человѣческихъ), это очевидно: единство рода человѣческаго по душѣ и тѣлу, доказанное и наукою, нынѣ составляетъ истину, вошедшую въ сознаніе всѣхъ, кто только не чуждъ любопытства подумать о семъ предметѣ. При этомъ, долго ли же врагъ спасенія человѣческаго можетъ скрывать отъ людей ту, также какъ солнце ясную, истину, что они не только одна семья, но имѣютъ и одного Отца Небеснаго, не только одно тѣло, но имѣютъ и одну Главу—Спасителя Христа? О, нѣтъ: міръ утомленъ ложью и жаждетъ истины! Кто же откроетъ ее? Католичество само тѣми мѣстами, которыми сдвинулось съ божественныхъ основъ, виситъ надъ пропастью, и хрупкія подпорки жи, ложныхъ толкованій, подложныхъ преданій и т. под. махинацій плохо служатъ ему; оно само скоро понуждается въ помощи. Положеніе протестантства еще плачевнѣе: пренебрегши свѣтлымъ домомъ матери-церкви, протестанты остались во тѣмъ кромѣшной и разбрелись по дебрямъ и распутіямъ недоумѣній, разнорѣчій, своевольныхъ пониманій и искаженій Божественной истины. На одно православіе — надежды человѣчества. Православіе же вѣрено Россіи, которая доселѣ мало заботилась о проявленіи его внѣ, о сообщеніи этого сокровища другимъ. Не она, а историческія обстоятельства ея были виною тому; итакъ, не укоримъ за это Россію, а напротивъ, поклонимся въ ноги нашимъ достопочтеннымъ предкамъ, сохранившимъ въ цѣлости истинную вѣру Христову, поклонимся имъ и восхвалимъ ихъ за то, и горячо благодаримъ Бога за неизреченную Его благость къ нимъ и къ намъ! Что мы дѣлаемъ нынѣ, то безъ сомнѣнія, сдѣлаютъ со временемъ всѣ народы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сознаемъ же, что отнынѣ, по крайней мѣрѣ, мы должны стараться о распространеніи Христовой истины и внѣ Россіи, и если мы не станемъ стараться, то будемъ уже истинно виновны и предъ Богомъ и предъ людьми, за неисполненіе возложеннаго на насъ великаго долга—сохраненное нашими предками сокровище истинной вѣры передавать другимъ, въ вѣчно спасеніе ихъ.

Для сего служенія Россія, очевидно, уже возросла и созрѣла и вооружена къ настоящій моментъ всѣми нужными средствами,

т.-е. имѣть и людей, потребныхъ для внѣшняго миссіонерскаго служенія, и матеріальныя средства. Источникъ послѣднихъ—въ благочестивомъ усердіи русскихъ православныхъ христіанъ, которое, конечно, тѣмъ болѣе будетъ возрастать и проявляться, чѣмъ болѣе будетъ воспитываемо и вызываемо соответствующими побужденіями и потребностями. Люди же для миссіонерства, это — нынѣшнія сотни духовныхъ академическихъ воспитанниковъ, по окончаніи курса остающихся праздными, за неимѣніемъ соответствующаго ихъ образованію служенія въ Россіи. Избытокъ этотъ именно есть часть, воспитываемая церковію для внѣшняго служенія; только мысль о семъ служеніи еще не введена въ сознаніе духовныхъ воспитанниковъ, и влеченіе къ нему не возбуждено въ нихъ; а это—оттого, что о внѣшнемъ миссіонерскомъ служеніи никогда не было говорено имъ, не было указано на него: если же не указана дверь, то нѣтъ и выхода. Между тѣмъ нѣтъ ничего легче и проще, какъ сдѣлать это; именно, это будетъ сдѣлано, если громко объявлено будетъ на всю русскую церковь и ясно поставлено будетъ въ программы всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній Россіи, что цѣль ихъ—воспитывать не однихъ пастырей уже готоваго стада Христова, а и пастырей, которые бы готовили себѣ стадо, отвѣчая на велѣніе Спасителя: „шедше научите вся языки“, т.-е. не однихъ священнослужителей для русской церкви, а и миссіонеровъ для проповѣди народамъ внѣ Россіи: тогда наклонные отъ рожденія къ сему служенію люди съ самаго дѣтства получаютъ возможность воспитывать въ себѣ эту наклонность, при ясномъ сознаніи цѣли и ясномъ представленіи своего будущаго жизненнаго пути; тогда, нѣтъ сомнѣній, не будетъ недостатка въ миссіонерахъ. Не нужно для воспитанія миссіонеровъ никакихъ специальныхъ заведеній, не нужно никакихъ особыхъ наукъ; миссіонеру, нужно лишь общее богословское образованіе, — то самое, которое дается нынѣ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Россіи (съ однимъ только условіемъ, что заграничному миссіонеру непременно нужно академическое); все прочее, какъ-то: знаніе мѣстныхъ языковъ и вѣрованій, мѣстной этнографіи и т. под., онъ пріобрѣтеть на мѣствъ во сто разъ легче, чѣмъ, съ чрезвычайными трудами и жертвованіями, и не иначе, какъ съ ущербомъ для своего общаго богословскаго образованія, могъ бы пріобрѣсти дома.

Въ письмѣ, которому нынѣ и не позволительно быть иностраннымъ, можно выразить, пользуясь предлогомъ приличнаго дѣлу времени; только краткій намекъ на дѣло. Но ваше высокопреосвященство вашимъ горячимъ благочестивымъ сердцемъ поймете, что я хочу сказать, вашимъ высокимъ умомъ дополните мою мысль, — и да будетъ мнѣ позволено питать вожде-

ленную надежду, что вашпмъ могущественнымъ вліаніемъ, какъ членъ Святѣйшаго Синода, будете способствоватьъ расширенію духовнаго горизонта русскаго обучающагося юношества введеніемъ въ кругъ его понятій сознанія лежащаго на русской церкви, отъ Бога назначеннаго ей, долга вѣшняго миссіонерскаго служенія.

Вмѣстѣ съ здѣшнею миссіею и всею здѣшнею церковью по-вергаясь къ стопамъ вашего высокопреосвященства и испрашивая для всѣхъ насъ ваше архипастырское благословеніе,— и въ немъ благословеніе всѣхъ святыхъ Кіевскихъ угодииковъ Божіихъ и всей святой русской церкви, съ глубочайшимъ почтеніемъ и сыновнею преданностію имѣю честь быть

Вашего высокопреосвященства милостивѣйшаго архипастыря и отца,
Смирненнымъ послушникомъ и всегдашнимъ богомольцемъ,
Начальникъ Россійской духовной миссіи въ Японіи,
Николай, епископъ ревельскій.

ПОЧТИТЕЛЬНОЕ ПРИВѢТСТВІЕ ЯПОНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ СВОЕЙ МАТЕРИ—ЦЕРКВИ РУССКОЙ ВЪ ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНІЯ ЕЯ 900—ЛѢТІЯ.

Великая и славная русская церковь нынѣ празднуетъ день своего рожденія и 900-лѣтіе своего существованія. Свѣтлый и торжественный праздникъ! Ликующій гласъ русскихъ христіанъ отзывается и на небѣ, и повторяется тамъ тысячами тысящъ русскихъ святыхъ, тьмами темъ другихъ чадъ Адама и неисчислимыми сонмами безплотныхъ силъ небесныхъ. Дерзаемъ и мы—духовныя дѣти русской церкви—присоединить нашъ слабый голосъ къ ея ликованію. Славимъ и благодаримъ Господа, породившаго и возрастившаго такую великую церковь! Приносимъ поздравленіе русской церкви съ ея знаменательнымъ торжествомъ, и выражаемъ предъ нею наши горячія молитвенныя благожеланія, да вознесется нынѣшняя радость русскихъ христіанъ, въ сердцахъ ихъ новымъ высокимъ пламенемъ ревности во Христа, да обратится въ свѣя новыхъ еще обильнѣйшихъ добродѣтелей и да возсіяетъ отсюда еще болѣе лучезарнымъ свѣтомъ слава православной церкви! Кромѣ того, такъ какъ 30 разъ обратившійся къ своему началу періодъ лѣтъ, въ которыя Спаситель уготовлялъ Себя къ всемірной проповѣди, составляетъ время, достаточное и для такого великаго народа, какъ русский, чтобы созрѣть для всемірнаго служенія, то да позволено будетъ намъ выразить благожеланіе, чтобы отныня русская церковь громко возвѣстила міру истинное ученіе Спасителя, по преимуществу довѣренное ей храненію.

Но съ сими желаніями да будетъ позволено намъ соединить усерднѣйшую просьбу. Святый великій князь Владиміръ и его послы, руководимые Богомъ, избрали для русскаго народа истинную вѣру. Это избраніе было и для насъ, нынѣ малаго стаде японской православной церкви. Но молимъ св. князя Владиміра и просимъ русскую церковь предстательствовать предъ Богомъ, чтобъ оно было и для всего нашего народа, чтобъ Богъ не пустилъ японскому народу вновь вступить на ложный религиозный путь, чтобъ просвѣтилъ его свѣтомъ истинной благодариванной вѣры! И мы „вкусивъ сладкаго, не хотимъ горькаго“, ни для себя, ни для всей нашей страны. А нынѣ еще болѣе предлагающихъ горькое подъ видомъ сладкаго, чѣмъ то было во времена св. князя Владиміра. Вотъ предъ нами одного рода посланцы, предлагающіе свою вѣру; но на вопросъ: какіе именно ихъ догматы? что они могутъ отвѣтить, какъ не слѣдующее: „сегодня мы держимся такихъ, но какіе къ нимъ будутъ прибавлены завтра, не знаемъ, ибо, быть можетъ, въ эту самую минуту, вдали отъ насъ, человекъ, имѣющій власть на то, готовить новые догматы, которые завтра мы должны будемъ принять и исповѣдывать; такъ, изъ насъ еще средняго возраста не пережившіе въ юности своей исповѣдовали двумя догматами меньше, чѣмъ нынѣ, а въ старость перейдутъ, быть можетъ, съ двумя или нѣсколькими догматами больше, чѣмъ нынѣ“. Это ли преемники посланцевъ, „не обинуясь сказавшимъ всю волю Божию“ людямъ? А вотъ и другаго рода посланцы, отвѣчающіе на выше предложенный вопросъ совершенно противоположно: „сегодня наше ученіе такое-то, а завтра что мы утратимъ изъ него, сами не знаемъ“, — и теряютъ, дробясь на толки, Христомъ возвѣщенные истины одну за другою, до потери послѣднихъ основъ христіанства. Это ли преемники посланцевъ, которымъ сказано: „шедше научите вся языки, учаше ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ“? Одни чѣмъ дальше идутъ, тѣмъ больше къ „злату, серебру и камени честному“ Божественнаго ученія прибавляютъ подобранныя на пути „дрова, сѣно и тростіе“ человѣческихъ измышленій; другіе чѣмъ дальше идутъ, тѣмъ больше растериваютъ сокровище Божественнаго ученія. Тѣ и другіе одинаково не готовятъ ли тѣмъ, которые повѣрятъ имъ и послѣдуютъ за ними горечь заблужденій, разочарованій и въ будущемъ—новаго исканія истинной вѣры? Только православная церковь притекающихъ къ ней „напаяетъ потокомъ сладости словесъ Божественныхъ“, потому что одна она неизмѣнно хранитъ Божественное ученіе такъ, какъ оно ввѣрено ей, и будетъ нерушимо хранить до конца вѣковъ, не прибавляя къ нему и не убавляя изъ него ни іоты, ибо „естъ столпъ и утвержденіе истины“, ибо Духъ Божій, обитающій въ ней, хра-

нить ее отъ заблужденій. И вотъ мы молимъ, чтобы Господь, чрезъ посредство русской церкви, это безцѣнное сокровище Своего спасительнаго ученія передалъ нашему отечеству. Молитесь вмѣстѣ съ нами о семъ, почтенные наши отцы и братія—русскіе христіане! Молитесь вмѣстѣ съ нами, да избавить Господь нашу страну отъ горькой доли—опять блуждать по распутиямъ сомнѣній, въ исканіи истины, да дастъ ей сладкую радость прямо вступить на царскій путь истины!

Но такъ какъ не „слышатели закона праведны предъ Богомъ, а творцы закона оправдятся“, то наша просьба простирается далѣе. Основаніе церкви Божіей на землѣ есть Самъ Спаситель нашъ Господь Іисусъ Христъ; не на этомъ краугольномъ камнѣ въ каждой мѣстной церкви полагаются мѣстные камни, служащіе утвержденіемъ и украшеніемъ мѣстной церкви. Много такихъ честныхъ наменій составляютъ крѣпость и красоту русской церкви: цѣлый облакъ у нея святыхъ, родныхъ ея чадъ! Святые князья, праведные іерархи, преподобные иноки, блаженные угодники всѣхъ званій и состояній русскаго народа, какъ яркія звѣзды, блистаютъ на небосклонѣ вселенской церкви; нѣтъ подвига и добродѣтели, которые бы не были осуществлены и не сіяли въ жизни русскихъ святыхъ; есть кому предстательствовать за русскую церковь на небѣ, есть кому быть примѣрами и руководителями для ищущихъ спасенія чадъ ея на землѣ. Истинно, не слышатели только Закона Божія были русскіе христіане, а ревностные творцы его,—не праздно приняли благодать чистаго, истиннаго Христова ученія, а была въ нихъ сія благодать живою и дѣйственною, животворящею и плодоносящею! Усердно просимъ русскую церковь молиться, чтобы и намъ Господь далъ не тщетно принять Его Божественное ученіе, чтобы и въ насъ оно произвело свое спасительное животворящее дѣйствіе, чтобы Господь даровалъ святыхъ и нашей церкви, въ примѣръ намъ для подражанія на землѣ и въ молитвы за насъ на небѣ, въ утвержденіе и распространеніе нашей земной церкви и въ упроченіе ея связи съ церковію небесною!

Съ чувствами безпредѣльной благодарности и истинно сыновней преданности къ церкви, открывшей намъ дверь вѣчнаго спасенія и съ взаимною молитвою имѣемъ честь быть

Почтительнѣйшія и смиренныя дѣти ея, японскіе православные христіане.

(Слѣдуетъ подписи)

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ОТВѢТЪ

Высокопреосвященнаго архіепископа Никанора по ходатайству о разрѣшеніи православнымъ людямъ работать на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

Отъ 1 сентября сего года послѣдовало къ Его высокопреосвященству отъ управляющаго юго-западными желѣзными дорогами отношеніе за № 6904 слѣдующаго содержанія: „Вскорѣ за уборкой хлѣбовъ наступаетъ ежегодно, въ продолженіе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, періодъ усиленной подковки ихъ къ желѣзнымъ дорогамъ въ такихъ громадныхъ количествахъ, что на многихъ станціяхъ образуются залежи грузовъ, парализующія правильный ходъ движенія на дорогахъ и крайне вредно отражающіяся на интересахъ торговли и промышленности. Нарушая связанныя съ своевременною перевозкою грузовъ расчеты и комбинаціи торговли, служа причиною медленнаго оборота капитала и лишая, наконецъ, возможности выполнения заключенныхъ на срокъ оцѣлокъ, подобныя залежи возбуждаютъ въ средѣ торгово-промышленнаго міра несправедливыя жалобы и нареканія на желѣзныя дороги.

„Въ годы обильныхъ урожаевъ въ краѣ отъ такихъ обвиненій не были свободны и юго-западные желѣзныя дороги. Сведя при сихъ обстоятельствахъ всѣ нареканія къ тому, что дороги эти, будто бы, не имѣютъ достаточнаго количества подвижнаго состава соотвѣтствующаго предъявляемой къ перевозкѣ массѣ грузовъ, публика обвиняла ихъ въ безразличномъ отношеніи къ настоящему нуждамъ торговли и промышленности. Между тѣмъ, изъ ближайшаго изученія дѣла усматривается, что во всѣхъ указанныхъ выше вредныхъ явленіяхъ менѣе всего должны были быть обвиняемы дороги, такъ какъ за все время существованія провозоспособность ихъ никогда не исчерпывалась и не была ниже количества предъявляемыхъ имъ къ перевозкѣ грузовъ, и никогда совокупность производства всѣхъ операций по перевозкѣ не доходила предѣловъ возможной для нея напряженности. Желѣзныя дороги, будучи приспособлены къ непрерывной работѣ и производя таковую безостановочно днемъ и ночью, въ будни и въ праздники, весьма часто, по причинамъ, отъ нихъ не зависящимъ, выполняютъ свою задачу безъ той интенсивности, на которую они способны и къ которой онѣ подготовлены великими жертвами и усиліями правительства, затратами съ этой обще-государственною цѣлью сотни милліоновъ народнаго достоянія. Къ категоріи этихъ причинъ на юго-

западныхъ желѣзныхъ дорогахъ должно быть отнесено, между прочимъ, то обстоятельство, что въ воскресные и праздничные дни станціи дорогъ, за неизмѣнимъ рабочихъ рукъ лишены возможности производить операціи на грузки и выгрузки товаровъ. Отсутствіе рабочихъ, не смотря на предлагаемую имъ высокую заработную плату, объясняется внушеніями мѣстныхъ духовныхъ лицъ и подъ влияніемъ сихъ внушеній, прямымъ запрещеніемъ со стороны мѣстныхъ низшихъ агентовъ администраціи населенію выходить въ праздничные дни на работу. Вполнѣ понимая высоко нравственные цѣли, руководящія подобнымъ запрещеніемъ, я тѣмъ не менѣ позволяю себѣ думать, что никакой честный трудъ въ праздничные и воскресные дни, трудъ, облегчающій замѣшательства въ правильномъ ходѣ работъ на желѣзныхъ дорогахъ и тѣмъ самымъ способствующій къ устраненію потерь въ экономической жизни страны не можетъ почитаться безнравственнымъ, тѣмъ болѣе, что единственнымъ выходомъ изъ ненормальнаго положенія торговли и промышленности представлялось бы тогда приспособленіе желѣзныхъ дорогъ къ работамъ лишь въ будни и сообразно предъявляемымъ къ нимъ грузамъ въ періодъ лишь 3-хъ или 4-хъ мѣсяцевъ въ году, но такое приспособленіе могло бы потребовать со стороны правительственнаго казначейства и за нимъ стоящаго податнаго класса населенія новыхъ такихъ тяжкихъ жертвъ, на которыя едва-ли рѣшится правительство. Въ сихъ видахъ и во вниманіе выяснившихся результатовъ урожая текущаго года, я долгомъ пріемлю почтительнѣйше просить ваше высокопреосвященство не отказать въ соответственныхъ указаніяхъ мѣстному духовенству“.

Его высокопреосвященство Никаноръ, архіепископъ херсонскій и одесскій, на это отношеніе отвѣтилъ отказомъ положивъ 6-го сентября слѣдующую резолюцію: „Г. Витте желаетъ, чтобы православный архіерей обратился къ православному народу съ проповѣдью, чтобы православные русскіе люди еще меньше уважали свои воскресные и праздничные дни. чѣмъ уважаютъ. Народъ нашъ тяжело нуждается въ урокахъ совершенно обратнаго смысла и духа. Пускай г. Витте обратится съ своимъ предложеніемъ къ еврейскимъ раввинамъ, чтобы тѣ вотъ внушили евреямъ, что имъ не слѣдуетъ чтить свои субботы и праздники. А евреи дѣйствительно чтутъ свои праздничные дни, чѣмъ могли бы давать добрый примѣръ и христіанамъ, особенно же православнымъ“. Объ этомъ объявлено къ свѣдѣнію и руководству епархіальнаго духовенства. (*Херсон. Епарх. Вѣдом.*)

ОБЩЕСТВО „БЛАГО КРЕСТА“.

Послѣ послѣдней турецкой кампаніи, въ Петербургѣ образовалось изъ 6-го попечительства Общество „попеченія о нуждающихся семействахъ воиновъ, потерявшихъ здоровье на службѣ въ *мирное время*“, имѣющее знакъ „Благо Креста“, и дѣйствующее параллельно Красному Кресту. Это Общество возникло и задумалось извѣстными цѣлями по слѣдующимъ причинамъ: войны, пострадавшіе во время кампаніи, а также ихъ семьи, покровительствуются не только Краснымъ Крестомъ, но и такимъ прavitельственнымъ учрежденіемъ, какъ Комитетъ о раненыхъ; слѣдовательно они всегда находятъ пріютъ, пропитаніе и помощь. Въ совершенно иномъ положеніи обрѣтаются войны, теряющие здоровье на службѣ въ мирное время, а также ихъ семьи, не говоря уже о сиротахъ. Хотя при нынѣшней краткосрочной службѣ солдатъ, будущность ихъ не настолько мѣняется какъ прежде, но во всей арміи не мало случается увѣчий, болѣзней, такъ что въ общемъ бываетъ на Руси не мало неспособныхъ къ тяжелому труду запасныхъ нижнихъ чиновъ. Солдатскія семьи, остающіяся въ деревняхъ въ случаѣ смерти отца на службѣ, лишаются земли за немѣнѣемъ рабочихъ рукъ и средствъ платить подати. Для такихъ семей, а также и для проживающихъ иногда въ городахъ, требуется часто временное пособіе или опредѣленная на срокъ пенсія. Но въ гораздо худшемъ положеніи бываютъ офицеры, потерявшіе здоровье въ мирное время. Оберъ-офицеръ, какъ не выслуживающій никакой пенсіи и по специальному образованію не подготовленный къ другому рода дѣятельности, большею частью находится въ критическомъ положеніи: при выходѣ въ отставку или въ запасъ по болѣзни, онъ нигдѣ не можетъ найти себѣ покровительства, помощи, а часто и занятій. Затѣмъ сироты офицеровъ умирающихъ на службѣ, почти всегда остаются безъ всякихъ средствъ не только къ образованію, но и къ жизни. Въ тѣхъ случаяхъ, когда они не имѣютъ матерей или ближайшихъ родственниковъ, то буквально должны переходить съ рукъ на руки, или быть на попеченіи командира части, въ которой служилъ ихъ отецъ. Сама жизнь, дѣйствительность и печальные случаи, указали на крайнюю необходимость общественнаго учрежденія, какъ „Блѣный Крестъ“, который бы заботился о воинахъ и ихъ семействахъ, преслѣдуя столь важныя цѣли въ мирное время.

Насколько важны цѣли Общества, настолько задача его обширна. Оно должно непрерывно дѣйствовать и 1) содержать пріютъ для солдатскихъ дѣтей обоего пола. Нынѣ существуетъ въ Петербургѣ образцовый пріютъ на 50 человекъ. (Выборгская сторона, Нижегородская ул., д. № 27). 2) Учредить возможно

скорѣе пріютъ для офицерскихъ дѣтей, который бы замѣнилъ прежній Александровскій корпусъ для малолѣтнихъ. Дѣти, опредѣляемыя съ 5 лѣтнаго возраста, будутъ готовиться въ немъ къ поступленію въ корпуса и институты. Не рѣдко случается, что родители, привезя дочь на баллотировку для поступленія въ институтъ, должны увозить ее обратно за невынужтіемъ дочерью жребія; это ихъ ставитъ въ безвыходное положеніе, при понесенныхъ затратахъ на проѣздъ и т. д. Пріютъ „Бѣлаго Креста“ и будетъ спасительнымъ учрежденіемъ для подобныхъ дѣтей. 3) Учредить богадѣльню какъ для офицеровъ, ихъ вдовъ, такъ и для солдатъ. 4) Выдавать пенсіи лицамъ, подлежащимъ покровительству Общества, ихъ вдовамъ и семьямъ. Въ настоящее время, Общество въ состояніи удѣлить на пенсіи всего только 300 р. въ годъ. 5) Выдавать временныя пособія въ случаѣ крайней нужды, для экипировки, переездовъ, для уплаты въ гимназіи и училища для дѣтей и т. д. По имѣющимся теперь средствамъ, Общество ассигнуетъ на выдачу пособій ежегодно только 400 р.

Проводя въ жизнь столь обширныя задачи, Общество озабочено не только увеличеніемъ неприкосновеннаго капитала, состоящаго теперь изъ 45,000 руб., но и пріобрѣтеніемъ крайне необходимой недвижимой собственности—домовъ для пріютовъ и богадѣльни. Въ прошломъ году, вслѣдствіе ходатайства г-на военнаго министра, Государь Императоръ Высочайше разрѣшилъ открыть подписку между военнослужащими, для сбора пожертвованій на постройку домовъ.

Цѣли этого Общества близко касаются сердца русской арміи, и можно быть увѣреннымъ, что русскій народъ, столь же заинтересованный въ судьбѣ своихъ братьевъ—воиновъ, поможетъ вознести „Бѣлый Крестъ“ на должную высоту.

Предсѣдательницею Общества состоитъ вдова генераль-адъютанта графиня Е. А. Орлова-Денисова, товарищъ предсѣдателя генераль-лейтенантъ М. П. Тучковъ, завѣдующій кружечнымъ сборомъ и пожертвованіями генераль-лейтенантъ В. А. Родионовъ. Митрополиты: с.-петербургскій и московскій, г. военный министръ и другія высшія лица состоятъ почетными членами. Дѣйствительныхъ членовъ пока насчитывается до 300. Уполномоченнымъ Общества въ Москвѣ состоитъ, находящійся теперь въ отставкѣ, генераль-майоръ Н. В. Апрѣлевъ.

Правленіе Общества помѣщается въ Петербургѣ, Выборгская сторона, по Нижегородской улицѣ, д. № 27, куда просятъ адресовать пожертвованія деньгами и вещами, и всѣ заявленія лицъ, желающихъ вступить въ члены „Бѣлаго Креста“.

ОГЛАВЛЕНИЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА
ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ

з а 1888 г о д ъ .

С Е Н Т Я Б Р Ъ .

I.—Характеръ и значеніе толкованій на каноническій кодексъ греческой церкви — Аристіна, Зонары и Вальсомона. <i>В. Демидова</i>	* Стр. 3—70
II.—Оправданіе на несправедливыя обвиненія. <i>Н. Ѳ. Каптерева</i>	71—116
III.—О письмахъ митрополита Филарета къ намѣстнику лавры Антонію. <i>А. Б.</i> .. .	117—150
IV.—Изъ посланія преосвященнаго Никанора, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго .. .	151—164
V.—Два адреса, полученные членомъ святѣйшаго правительствующаго Синода, высокопреосвященнымъ Павломъ, архіепископомъ Казанскимъ и Свіяжскимъ .. .	165—168
VI.—Поученіе въ день Преображенія Господня. <i>Преосвящ. Никанора, архіепископа херсонскаго и одесскаго</i> .. .	169—176
VII.—Привѣтственныя рѣчи Его Императорскому Величеству Благочестивѣйшему Госудррю Императору Александру Александровичу во время путешествія по Россіи .. .	177—179

VIII.—Библиографическая замѣтка.—Руководство по исторіи русской церкви. <i>А. Доброклонскаго</i> ..	180—188
IX.—Извѣстія и замѣтки: Вѣротерпимость въ Австріи.—Отъ Абиссинской миссіи.—Объявленіе о книгѣ: <i>И. С. Аксаковъ</i> въ его письмахъ ..	189—192

О К Т Я Б Р Ъ.

I.—Преображеніе Господа. <i>Н. Глубоковскаго</i>	193—230
II.—Характеръ первыхъ двухъ гоненій противъ христіанъ. <i>З.</i>	231—253
III.—Апологетическія изслѣдованія. <i>Архимандрита Бориса</i>	154—264
IV.—Св. Григорій Просвѣтитель и Тиридатъ великій. Очеркъ изъ исторіи Армянской церкви. <i>А. Аннинскаго</i>	265—321
V.—Законъ сердца. *.....	322—336
VI.—Привѣтственные рѣчи Его Императорскому Величеству Благочестивѣйшему Государю Императору Александру Александровичу во время путешествія по Россіи. <i>Высокопреосвященнаго Палладія Экзарха Грузіи</i>	337—339
VII.—Торжество 900-лѣтія крещенія св. князя Владиміра и всей руси въ Херсоніиѣ таврическомъ. Слова и рѣчи произнесенныя на юбилейномъ торжествѣ: 1) Прот. <i>И. Знаменскаго</i> . 2) Прот. <i>А. Назаревскаго</i> . 3) <i>Г. Шебедева</i> . 4) <i>Высокопреосвящ. Никанора</i> . 5) Прот. <i>В. Баженова</i> . 6) Прот. <i>І. Чепурина</i> . 7) <i>И. У. Палимпестова</i> . 8) <i>А. И. Кирпичникова</i>	340—407
VIII.—Отвѣтъ на библиографическую замѣтку о руководствѣ по исторіи русской церкви. <i>П. Мамичкаго</i> ..	408—414
IX.—Извѣстія и замѣтки: Лютеранская вѣротерпимость.—Объявленія: 1) Объ изданіи „Православнаго Обзорнія“ въ 1889 г.; 2) О новыхъ книгахъ ..	415—416

Н О Я Б Р Ъ.

I.—Привѣтственная рѣчь Его Императорскому Величеству Благочестивейшему Государю Императору Александру Александровичу произнесенная высокопреосвященнѣйшимъ Іоанніемъ митрополитомъ московскимъ при встрѣчѣ въ Успенскомъ соборѣ.....	417—418
II.—Поученіе на храмовой день святаго апостола Андрея Первозваннаго въ церкви одесской духовной семинаріи. <i>Превосв. Никанора архіепископа херсонскаго и одесскаго</i>	419—431
III.—Характеръ первыхъ двухъ гоненій противъ христіанъ. <i>З.</i>	432—465
IV.—Письма къ почившему въ Бозѣ высокопреосвящен. Макарію митрополиту московскому	469—479
V.—Позитивизмъ. Критическіе очерки. <i>II. Я. Свѣтлова</i>	480—530
VI.—Ученики во время бури. *.....	531—543
VII.—Слово по прочтеніи Высочайшаго манифеста о спасеніи Государя Императора, Государыни Императрицы и всей царственной семьи отъ угрожающей имъ опасности 17 октября 1888 г. <i>Прот. А. М. Иванцова-Платонова</i>	544—546
VIII.—Оригенъ и его заслуги какъ апологета христіанской религіи. <i>II. Р.</i>	547—574
IX.—Христіанство на востокъ Россіи до св. равноапостольнаго князя Владиміра и отношеніе его къ крещенію русскаго народа при Владимірѣ. <i>Прот. Н. Т. Каменскаго</i>	575—587
X.—Панангликанскій соборъ въ Лондонѣ. <i>А. Наумовой</i>	588—597
XI.—Холмскій праздникъ 8-го сентября въ нынѣшнемъ году. <i>А. Б.</i>	598—607
XII.—Извѣстія и замѣтки: Чехи противъ третьей короны.—Нѣчто о Штрессмайрѣ.—О восковыхъ свѣчахъ въ С.-Петербургской епархіи.—Объявленія: 1) Труды Никанора Архіеписк. Херсонскаго и Одесскаго: 2) Новыя книги и 3) Объ изданіи журналовъ.....	608—612

Д Е К А Б Р Ъ.

- I.—Привѣтственные рѣчи Его Императорскому Величеству Благочестивѣйшему Государю Императору Александру Александровичу во время путешествія по Россіи. 1. *Преосвящ. Владимира, епископа ставропольскаго и екатеринодарскаго.* 2. *Преосвящ. Гавриила, епископа имеретинскаго.* 613—618
- II.—Оригенъ и его заслуги какъ апологета христіанской религіи. *II. Р.* 619—692
- III.—Письма къ почившему въ Бозѣ высокопреосвященному Макарію митрополиту московскому. 693—708
- IV.—Воспоминанія о высокопреосвященномъ митрополитѣ московскомъ Филаретѣ. 709—757
- V.—Къ 50-лѣтнему юбилею г. Министра Народнаго Просвѣщенія И. Д. Делянова. Рѣчь предъ Благодарственнымъ Господу Богу молебствіемъ. *Свящ. Павла Авоискаго.* 758—754
- VI.—О религіи древнихъ Вавилонянъ. Лекціи профессора Сѣйса. Вавилонскій Виль-Меродахъ. *А. Наумовой* 755—783
- VII.—Годичный актъ въ Московской духовной семинаріи и извлеченіе изъ отчета о состояніи ея въ 1887—88 учебномъ году. *Н. Б.* 783—792
- VIII.—Извѣстія и замѣтки: Мысль вслухъ.—Торжественное собраніе С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.—Письмо начальника японской миссіи епископа ревельскаго Николая высокопреосвященному Платону, митрополиту кievскому.—Почтительное привѣтствіе Японской православной церкви своей матери-церкви русской въ день празднованія ея 900-лѣтія.—Отрицательный отвѣтъ высокопреосвященнаго Никанора по ходатайству о разрѣшеніи православнымъ работать на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ по воскреснымъ днямъ.—Общество „Благо Креста“.—Отглавленіе III-го тома „Православнаго Обзорія“ за 1888 годъ.—Объявленія: 1) О книгахъ и 2) Объ изданіи журналовъ 793—824
- В Ъ П Р И Д О Ж Е Н І И:
- IX.—Сочиненіе противъ раскола Иверскаго архимандрита грека Діонисія, написанное до собора 1667 года. *Н. Θ. Кантерева* 33—70

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

РЕЛИГІЯ ВООБЩЕ И ХРИСТІАНСТВО ВЪ ЧАСТНОСТИ

въ ихъ существѣ и главнѣйшихъ проявленіяхъ. Апологетическій этюдъ съ критическимъ отношеніемъ къ неправильнымъ ученіямъ о сущности религіи. *Свящ. Иоаннъ Петропавловскаго*. Москва, 1898 г. Цѣна 30 к. Адресоваться въ книжный магазинъ **Васильева** и др.

ВЪ КАНЦЕЛЯРИИ АРХІЕПИСКОПА ТВЕРСКАГО ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Письма Филарета, митрополита Московскаго и Коломенскаго, къ Высочайшимъ особамъ и къ разнымъ другимъ лицамъ, въ 2-хъ частяхъ (1820—1867 гг.): собраны и изданы Саввою, архіепископомъ Тверскимъ и Баширскимъ. Тверь 1888 г. (I—IV. 207 + 342 стр.). Цѣна 3 р. 25 к., съ пересылкою 3 р. 50 к.

Его же. Письма къ покойному архіепископу Тверскому Алексію (1843—1867 г.); изд. Саввою, архіепископомъ тверскимъ. М. 1883 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 75 к.

Указатель для обзорнїя Московской патриаршей ризницы, сост. Саввою, архіепископомъ тверскимъ, изд. V, съ приложеніемъ XV таблицъ фотографическихъ снимковъ съ замѣчательнѣйшихъ предметовъ ризницы и съ объяснительнымъ словаремъ. М. 1883 г., въ 4 д. листа. Цѣна 3 р. 50 к., съ пересылкою 4 рубля.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЖУРНАЛА

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

въ 1889 году.

Изданіе журнала „Душеполезное Чтеніе“ въ 1889 году, тридцатомъ съ начала его изданія, будетъ продолжаемо на прежнихъ основаніяхъ. Редакція останется вѣрною своей первоначальной задачѣ — служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять по требности общеназидательнаго и общепонятнаго духовнаго чтенія.

„Душеполезное Чтеніе“ въ 1889 году будетъ по прежнему выходить ежемѣсячно.

Цѣна годовому изданію безъ доставки и пересылки **3 руб. 50 коп.**, съ пересылкой иногороднымъ и съ доставкой московскимъ подписчикамъ **4 руб.**

Подписка на „Душеполезное Чтеніе“ принимается: Въ Москвѣ, въ квартирѣ редактора, при Николаевской, въ Толмачахъ, церкви, протоіерея **Василія Нечаева**; также въ складѣ духовно-нравственныхъ книгъ при Петровскомъ монастырѣ; въ С.-Петербургѣ у книгопродавца **И. Л. Тузова**, Бол. Садовая.

Иногородные благоволятъ относиться для подписки исключительно въ Редакцію „Душеполезнаго Чтенія“ въ Москвѣ.

Издатель-редакторъ Протоіерей *Василій Нечаевъ*.

ПРИ РЕДАКЦИИ „ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ“,

ТАКЖЕ ВЪ СКЛАДѢ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХЪ КНИГЪ ВЪ МОСКВѢ, И У КНИГОПРОДАВЦА ТУЗОВА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ, ПРОДАЮТСЯ:

- 1) „Сборникъ для любителей духовнаго чтенія“, изданный по случаю двадцатипятилѣтняго юбилея „Душеполезнаго Чтенія“, прот. **В. Нечаева**, съ портретомъ автора. Цѣна 1 руб. 80 коп., съ пересылкой 2 р.
- 2) „Очерки христіанской жизни“. Второе изданіе 1885 года прот. **В. Нечаева**. Цѣна 80 коп., съ пересылкою 1 руб.
- 3) „Черты христіанскаго ученія“. Прот. **В. Нечаева**. Цѣна 1 руб. съ пересылкой 1 руб. 20 коп.
- 4) „Духовная пища“. Сборникъ для религіознаго чтенія. Прот. **В. Нечаева**. 1884 г. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп.
- 5) „Толкованіе на литургію по чину св. Златоуста и св. **Василія Великаго**“. Прот. **В. Нечаева**. Третье изданіе. Цѣна 80 коп. съ пересылкой 1 руб.
- 6) „Обозрѣніе употребительнѣйшихъ церковныхъ молитвъ“. Изданіе второе, исправленное. Прот. **В. Нечаева**. 1880 года. Цѣна 40 коп., съ пересылкой 50 коп.
- 7) „Толкованіе на пареміи изъ книги Притчей и изъ книги Премудрости Соломоной“. Прот. **В. Нечаева**. Цѣна 1 руб., съ пересылкой 1 руб. 20 коп. (Эта книга впервые объявляется въ продажѣ).
- 8) „Толкованіе на пареміи изъ книгъ: **И. Навина**, Судей, Царствъ, **Іова** и **Паралипоменовъ**“. Прот. **В. Нечаева**. 1884 года. Цѣна 80 коп., съ пересылкой 1 руб.
- 9) „Разсказы изъ исторіи христіанской аскетической жизни“. Цѣна 80 коп., съ пересылкой 1 руб.
- 10) „Два указателя къ „Душп. Чтенію“: одинъ за первое десятилѣтіе (съ 1860 по 1869), 15 коп. съ перес. 20 коп., другой за второе десятилѣтіе (1870 по 1879 гг.), 15 коп., съ пересылкою 20 коп.

ОБЪ ИЗДАНИИ „ПРАВОСЛАВНАГО СОВЕСЪДНИКА“

въ 1889 году.

Православный Собесѣдникъ

будеть издаваться по прежней программѣ въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученomъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1 января, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 листовъ въ каждой.

Журналъ „Православный Собесѣдникъ“ рекомендованъ Святѣйшимъ Синодомъ для выписыванія въ церковныя бібліотеки, „какъ изданіе полезное для пастырскаго служенія духовенства“. (Синод. опред. 8 сент. 1874 г. № 2792).

Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

При журналѣ „Православный Собесѣдникъ“ издаются

Извѣстія по казанской епархіи,

выходящія два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Причты казанской епархіи, выписывающіе „Православный Собесѣдникъ“, получаютъ за ту же цѣну и „Извѣстія“, съ приплатою 1 руб. за пересылку по почтѣ.

Цѣна „Извѣстій“ для мѣсть и лицъ другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ за оба изданія выстѣ десять руб. сер. — съ пересылкою.

Подписка принимается въ редакціи „Православнаго Собесѣдника“, при Духовной Академіи, въ Казани.

ГОДЪ овъ изданіи въ 1889-мъ году ХХVI.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“.

Журналъ этотъ состоитъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны. Рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія—для гимназій, уѣздныхъ училищъ, городскихъ и народныхъ школъ. Состоящимъ при IV отд. Собств. Его Величества Канцеляріи Учебнымъ Комитетомъ—для чтенія воспитанницамъ женск. учебн. заведеній Императрицы Маріи. Духовно-Учебнымъ управленіемъ рекомендованъ начальствамъ духовныхъ семинарій и училищъ и Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній рекомендованъ для бібліотекъ, военныхъ гимназій и прогимназій, какъ изданіе представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Годовое издание „Семейных Вечеров“ состоитъ изъ 24-хъ книгъ, составленныхъ по слѣдующей программѣ: 1) Стихотворенія, повѣсти и рассказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей. 2) Биографія замѣчательныхъ людей. 3) Очеркъ народныхъ обычаевъ, преданія разныхъ странъ. Картины частной жизни въ разные эпохи. 4) Путешествія. 5) Статьи по части исторіи, отечественной и всеобщей. 6) Статьи по естественнымъ наукамъ. 7) Разборы замѣчательныхъ сочиненій. 8) Извѣстія о замѣчательныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и наблюденіяхъ.

Статьи будутъ тщательно распредѣляться такимъ образомъ, чтобы первый отдѣлъ изданія, состоящій изъ 12 книгъ, украшенныхъ картинами, распадался на двѣ половины, изъ которыхъ первая составила бы вполне пригодное чтеніе для дѣтей отъ 8-ми лѣтъ, а вторая—для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми лѣтъ. Другой же отдѣлъ заключалъ-бы въ себѣ по преимуществу статьи, приспособленныя для семейнаго чтенія, такъ чтобы всѣ члены семьи нашли въ этомъ отдѣлѣ вещи, которыя прочтѣсь бы съ одинаковымъ интересомъ и пользою.

Къ отдѣлу для „Семейнаго чтенія“ будутъ разсылаться приложенія рисунковъ новѣйшихъ рукодѣлій, а къ отдѣлу для дѣтей—рисунки техническихъ искусствъ и различныя игры и занятія, а также награды подписчикамъ, приславшимъ определенное редакціей количество задачъ и рѣшеній.

Кромѣ того всѣмъ подписчикамъ на оба отдѣла „Семейныхъ Вечеровъ“ будетъ разослана премія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	БЕЗЪ ДОСТАВКИ:	СЪ ДОСТАВКОЙ:
Полный журналъ (24 книжки).....	10 р.	11 р. — к.
Отдѣлъ для детей (12 книжекъ).....	5 „	5 „ 50 „
„ „ семейнаго чтенія и юношества (12 книгъ).....	5 „	5 „ 50 „

„Для всѣхъ учебныхъ заведеній“, подписавшихся на полный журналъ и обращающихся прямо въ редакцію, уступается 1 руб.

„Для земскихъ школъ“, подписавшихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экземпляровъ, уступается 2 руб.

„Разсрочка допускается“: для лицъ, служащихъ въ казен. учрежденіяхъ—за ручательствомъ гг. казначеевъ; для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній—за ручательствомъ ихъ начальствъ. А для прочихъ подписчиковъ—по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третямъ не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ редакціи журнала „Семейные Вечера“—С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 75—2, кварт. № 25, и въ конторѣ редакціи: типо-литографія Э. Е. Аригольда, Литейная 59.

Редакторъ-Издательница *С. С. Капитурсва*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ ПЧЕЛОВОДНЫЙ ЛИСТОКЪ
НА 1889 ГОДЪ.

Программа: 1) Отъ изданія. Разнаго рода указанія, сообщенія, наблюденія, оглашеніе которыхъ редація находитъ полезнымъ для развитія правильного пчеловодства. 2) Оригинальныя статьи русскихъ пчеловодовъ, касающіяся какъ естественной исторіи пчелы, такъ и практическаго пчеловодства. 3) Заграничныя извѣстія по пчеловодству. Извлеченія изъ иностранныхъ изданій и изъ частной иностранной переписки редакціи. 4) Вопросы пчеловодовъ и отвѣты редакціи. 5) Вѣсти съ пасѣкъ. 6) Библиографія. 7) Смѣсь. 8) Объявленія.

Приложенія: къ изданію 1887 г. начало книги „Руководитель“ г. Кована, председателя англійскихъ пчеловодовъ; къ изданію 1888г. — окончаніе соч. г. Кована и особая книга „Медоносныя растенія“. Подписавшіеся на „Русскій Пчеловодный Листокъ“ на 1889 годъ до 1 января получаютъ при № 1 за этотъ годъ особую книжечку „Воскъ“, его употребленіе, способы узнавать его поддѣлки и т. д., составленную по лучшимъ новѣйшимъ источникамъ.

Выходитъ ежемѣсячно, среднимъ числомъ по два печатныхъ листа. Цѣна 2 руб. за годъ.

Подписчики на „Труды И. В. Э. Общества“ въ годъ подписки получаютъ „Листокъ“ за 1 руб. 50 коп.

За объявленія уплачивается: за 1 стр. 8 руб., за $\frac{1}{2}$ стр. 4 руб. и за $\frac{1}{4}$ стр. 2 руб. Для подписчиковъ же на „Листокъ“ того года, въ которомъ дѣлается объявленіе: за 1 стр. — 3 руб., за $\frac{1}{2}$ стр. — 1 руб. 50 коп. и за $\frac{1}{4}$ стр. — 1 руб.

Оставшіеся экземпляры „Русскаго Пчеловоднаго Листка“ 1886 и 1887 года можно выписывать изъ редакціи по 2 рубля за годовой экземпляръ.

Подписку, объявленія и всю корреспонденцію слѣдуетъ адресовать въ Императорское Вольное Экономическое Общество (С.-Петербургъ, Забалканскій пр., уголъ 4 роты, собственный домъ, № $\frac{1}{11}$).

Подписка на 1888 годъ продолжается.

Подписка принимается только на годъ съ января.
Разсрочка платежа подписныхъ денегъ не допускается.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„ПРАВДА“.

Первый годъ изданія „Правды“ опредѣлилъ какъ ея мѣсто въ русской политической печати, такъ и направленіе, какому слѣдуетъ ея редакція въ политикѣ, литературѣ, наукѣ и искусствѣ. Во второй годъ изданія она будетъ стремиться стать еще болѣе *политическимъ*, по преимуществу, органомъ въ какомъ, несомнѣнно ощущается теперь надобность, въ виду значительныхъ перемѣнъ и утратъ измѣнявшихся по положенію русской печати. Чуждаясь всякихъ рекламъ, редакція „Правды“ можетъ только обѣщать, что приложитъ всѣ усилія, чтобы безъ проигрыша для серьезности и основательности, сдѣлать журналъ болѣе *интереснымъ, живымъ и земскимъ* слѣдя за всѣми проявленіями государственной и общественной жизни. Особенное вниманіе также будетъ обращено ею на развитіе литературнаго, экономического и военнаго отдѣловъ; что касается послѣдняго, то лица (г. Запасный, статьи котораго обратили на себя особенное вниманіе военнаго міра и др.), помѣщающія въ „Правдѣ“ статьи по военнымъ вопросамъ, обѣщали свое содѣйствіе изданію и въ будущемъ году, а для первыхъ двухъ отдѣловъ приглашены *новые* сотрудники. Въ первый годъ изданія въ литературномъ отдѣлѣ участвовали: *В. Г. Асѣенко, Е. Л. Марковъ, Н. К. Лебедевъ (Морской), П. П. Гиндицъ, Н. П. Глузовъ, Н. Н. Степаненко, В. А. Лебедевъ, М. С. Скворонская, А. Б. Ушакова, С. А. Бердяевъ, А. Н. Глинскій, П. Аристовъ, Н. Парамоновъ и мн. др.* Кромѣ постоянныхъ редакціонныхъ статей и отдѣловъ, помѣщено было множество статей специалистовъ по разнымъ вопросамъ науки и общественной жизни — *проф. М. О. Коляловича, М. В. Неручева, К. К. Толстаго, А. А. М—ва, Н. М.* (рядъ статей философскаго и критическаго содержанія) *П. Ф. Лебидика* (еженедѣльное политическое обозрѣніе), *В. А. Лебедева* (рядъ очерковъ), *Н. П. Глузова* (большой литературный очеркъ „Наша провинціальная печать“), *Александра Коляловича* и мн. другихъ, въ общемъ *около пятисотъ статей* за годъ, не считая постоянныхъ отдѣловъ, число которыхъ съ новаго года увеличится систематическимъ обозрѣніемъ текущей журналистики. По искусству, театру и музыкѣ помѣщались статьи *М. Г. Вильде*, покойнаго *К. П. Галлера*, *Г. С. Габриловича* и др. Редакція имѣетъ постоянныхъ корреспондентовъ въ Парижѣ (г. Алеко), Италіи (бар. Виберштейнъ), Москвѣ, Варшавѣ, Вильнѣ, Ригѣ, Ревелѣ, разнымъ мѣстностямъ Западнаго, Прибалтійскаго и Приисландскаго краевъ, многихъ внутреннихъ городовъ и пр. Въ 1889 г. ея будетъ обращено особенное вниманіе *на полноту и свѣжесть извѣстій изъ провинціи.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	Въ Россіи.	За границей.
На годъ съ доставкою и пересылкою.....	6 р.	10 р.
„ полгода съ доставкою и пересылкою....	4 „	6 „
„ 3 мѣсяца съ доставкою и пересылкою....	2 „	4 „

Иногородные адресуютъ подписныя книги въ редакцію журнала „Правда“, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 8, кв. 6.

Редакторъ-издатель *М. М. Колловичъ.*

О Т К Р Ы Т А П О Д П И С К А

НА

ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ

въ 1889 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Въ Варшавѣ:		Съ пересылкою:	
На годъ.....	9 р. 60 к.	На годъ.....	12 р. — к.
„ полгода.....	4 „ 80 „	„ полгода.....	6 „ — „
„ три мѣсяца.....	2 „ 40 „	„ три мѣсяца.....	3 „ — „
„ мѣсяць.....	— „ 80 „	„ мѣсяць.....	1 „ — „

За границу (подъ бандеролью) на годъ—15 руб. (20 гульденовъ или 40 франковъ), полгода—7 руб. 50 к. (10 гульд., 20 франковъ), три мѣсяца—3 руб. 75 коп. (5 гульденовъ, 10 франковъ), мѣсяць 1 р. 25 к.

Для уѣздныхъ и гминныхъ управленій, магистратовъ и гминныхъ судей по 10 р., а для лицъ православнаго духовенства и начальныхъ учителей по 8 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Варшава, Медовая, № 20), а также въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Барбасникова, въ С.-Петербургѣ, Литейный пр., № 48; въ Москвѣ, Моховая, домъ Коха, и въ Варшавѣ, Новый Свѣтъ, № 65.

„Варшавскій Дневникъ“ выходитъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Въ случаѣ важныхъ событій въ политической жизни редакція старается выпускать номера и по праздничнымъ днямъ.

Задача „Варшавскаго Дневника“ быть выразителемъ интересовъ населенія этой окраины Русскаго Государства и слѣдить за вопросами, имѣющими общерусское значеніе. Газета ставитъ себѣ цѣлью наблюдать за развитіемъ политической, общественной и литературной жизни всего славянства и имѣетъ корреспондентовъ въ различныхъ славянскихъ земляхъ.

Редакторъ-издатель *П. А. Еулаковский.*

Отъ Московскаго Духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Декабря 17-го дня 1888 года.

Цензоръ *свящ. Иоаннъ Петропавловскій.*

... Сего ради сими тремя первыми перстами предаша намъ святїи Апостоли и богоноснїи отци творити на себѣ знаменїе животворящаго креста, совокупивше я во имя святыхъ, единосущныхъ и нераздѣльныхъ Троицы. А въ сихъ трїехъ перстахъ не яко хощемъ показати Божество, якоже блядословиша нѣдци—небуди; но токмо число покажемъ Троицы и единицы: три перста за Троицу, совокупленїе же перстовъ ради единицы, сирѣчь, яко Богъ въ Троицѣ и во единцѣ. Сїце вѣруемъ и исповѣдуемъ, а не инако,—не яко нѣдци суемудрїи писаша, и научиша и сказаша все таинство Божества и человѣчества въ перстахъ обити; и являтися пребезаконно, и худно трїочному таинству въ неравныхъ перстахъ ¹⁸⁾.

.....
.....
... Глаголаша тѣ суемудрїи, яко два перста: второй указательный и третїй, среднїй, божество и человѣчество знаменуютъ и три перста: первый, четвѣртый и послѣднїй, меншїй наклонити и совокупити подъ двѣма персты, и именоваша Святую Троицу и глаголаша, яко тѣ три неравныя и разныя персты есть таинство святыхъ Троицы ¹⁹⁾.....

*больши, или меньши, не можеша разумѣти или сказати. Сего ради сими первыми тремя персты предаша святїи Апостоли и богоноснїи отци творити знаменїе животворящимъ крестомъ, совокупивши и во имя святыхъ и единосущныхъ Троицы. И въ сихъ трїехъ перстахъ не яко хощемъ показати все таинство Божества, или Божество, яко вы баснословите, — небуди; токмо число покажемъ сими персты Троицы и единицы: три перста за Троицу, совокупленїе жъ перстовъ ради единицы, сирѣчь, яко Троица и единица есть Богъ. Кто есть вѣдѣ ума, еже хощеть показати, или сказати все Божество въ перстахъ, или все таинство Божества являти въ перстахъ. *Богъ есть недовѣдомъ, непостижимъ, и неизсмѣдимъ, и невидимъ, иже ниже умомъ можетъ кто всеконечно достигнути, ниже безплотнїи силы. И како вы челоуцы, суще создани, хощете показати незданное и непостижимое Божество, въ вещественныхъ и зданныхъ вещехъ,—въ перстахъ и во иныхъ?**

... Глаголете вы, яко подобаетъ знаменатися крестомъ сїце: совокупити два персты — вторымъ и третїемъ, а третїй наклоненъ быти мало подъ вторымъ, таже: первый великїй

¹⁸⁾ Въ черновомъ спискѣ далѣе было: «и являти пребезаконно и худно трїочское Божество въ неравныхъ перстахъ, въ вещественныхъ и зданныхъ вещехъ незданное и непостижимое Божество. Богъ бо есть недовѣдомъ, непостижимъ, и неизсмѣдимъ, и невидимъ, иже ниже умнїи и безплотнїи небесныя силы могутъ постигнути всеконечно». Въ вашей рукописи см. курсивъ.

¹⁹⁾ Въ черновомъ спискѣ далѣе было: «и именоваша святую Троицу. Се исповѣдаша два Бога, или два Сына: единого Бога убо Божество въ двохъ перстахъ, въ указательномъ и въ среднемъ, а втораго Бога въ трїехъ неравныхъ перстахъ,

.....
 Всѣмъ убо явлено есть исповѣ-
 даша во святѣй Троицѣ нера-
 венство, яко ариане, и несто-
 риане, и духоборцы, и аполина-
 риане и прочіи проклятїи ерети-
 цы: зане онїи сице исповѣдаша
 несравненїе и раздѣленїе во
 святѣй Троицѣ: Отца болша на-
 зваша, а Сына менша, и Духа
 святаго еще менша и яко раба;
 такожде и тѣ три разныя и не-
 равныя персты являютъ, якоже
 мудрствоваша вышереченнїи про-
 клятїи еретицы.

А мы православно три первыя
 персты, якоже стоятъ наряду,—
 первый, второй и третїй,—сово-
 купляемъ во имя Отца и Сына
 и Святаго Духа, и знаменаемся
 знаменїемъ честнаго и животво-
 рящаго креста Христова, якоже
 прїакомъ²⁰⁾... отъ святыхъ Апо-

персть, и другая два послѣдняя
 персты: четвертой и пятой, мен-
 шїей, совокупити, и потомъ тол-
 куете и глаголете, яко сїи со-
 вокуплены три персты: первый
 и два послѣднихъ, яко есть свя-
 тая Троица; другая же два пер-
 ста: второй и третїй, яко есть
 божество и человѣчество...
 Въ семъ исповѣдуете во святой
 Троицѣ неравенство, яко ариане,
 и несториане, македоняне, и са-
 веліане, и духоборцы, аполинаря-
 не: зане они сице исповѣдоваша и
 мудрствоваша во святѣй Троицѣ
 несравненїе и единосушіе: Отца
 болше, Сына менше, и Духа
 Святаго еще менше, яко раба;
 такожде и вы: первый большой
 персть Отца именуете, четвер-
 тый Сына менше, и пятый, иже
 есть еще менше, Духа Святаго
 именуете; якоже вышереченнїи
 еретицы хулите и вы святую
 Троицу.

Мы православно три первые
 персты якоже стоятъ по ряду,—
 первый, второй и третїй, сов-
 купляемъ и знаменуемъ три име-
 нованїя святыхъ Троицы: Отца,
 Сына и Святаго Духа... Сїце
 прїакомъ отъ святыхъ Апостолъ,
 и отъ святыхъ отецъ, и сице

въ великомъ первомъ перстѣ, и въ четвертомъ и въ пятомъ, въ меншихъ, кои
 суть наклонены подъ тѣ двѣма. И глаголаша, яко тѣ три неравныя и разныя
 персты есть святая Троица». Въ нашей рукописи это мѣсто читается такъ: «Се,
 яко исповѣдаете два Бога: единъ Богъ болши—божество и человѣчество Христово;
 вторїй Богъ ниже и менше, которое именуете святою Троицею, и таковая Троица
 неподобна и неравна, зане есть единъ персть—первый болши, и четвертый мен-
 ши, и пятой еще зѣло менше».

²⁰⁾ Въ черновомъ спискѣ далѣе было: «якоже и во святомъ крещенїи крещаемся
 въ три погруженїа во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и тѣ погруженїа зна-
 менуютъ и являютъ тридневное погребенїе и воскресенїе Христово, по святому
 апостолу Павлу: елици во Христа Іисуса крестяхомся, въ смерть его крести-
 хомся, спогребохомся убо ему крещенїемъ въ смерть, да якоже воста Христосъ
 отъ мертвыхъ славою отцемъ, тако и мы во обновленїи жизни да ходимъ (къ Рим.

столовъ, о богоносныхъ отцевъ, сице и исповѣдуемъ, и сице держитъ крѣпко и непоколебимо святая восточная и апостольская церковь, и будетъ держати вѣчно и неподвижно. И тако подобаетъ всякому православному христіанину, послѣдующему святой восточной и апостольской церкви, держати и мудрствовать, якоже предаша святіи апостоли и богоносніи отцы, а неинако: А еже глаголють на святаго Мелетія и на Θεодорита, яко пишася и повелѣша они якоже знаменатися, тако и благословити іерю, и въ томъ на святаго Мелетія и на Θεодорита солгано: зане святый Мелетій три первыя персты показа ради трехъ упостасей святыя Троицы, и паки три персты совокуи ради единого Вожества, и бысть знаменіе; а не инако бысть показаніе

держимъ и будемъ держати вѣчно и неподвижно, сице мудрствуетъ и сице исповѣдуетъ православно святая восточная и апостольская церковь, а неинако.

Приносите и нѣкое ложное писаніе во свидѣтельство, кое имѣеть имя святаго Мелетія патріарха антиохійскаго и Θεодорита: негли яко они еще повелѣвають сложити персты и знаменатися крестнымъ знаменіемъ, и подобнѣ благословлятися коемуждо самому себе, кое писаніе есть ложно, сложено отъ еретиковъ, и токмо положиша тамо имя тѣхъ святыхъ, да прелстятъ народъ, а народъ сей бысть ненаказанъ и неученъ писанію тогда; и, яко слыша имя тѣхъ святыхъ, вѣроваша. Обаче тѣи святіи въ томъ никакія вѣдомости имѣють, токмо

гл. 5). Спогребшеся ему крещеніемъ въ смерть, въ немже и совоасте вѣроу (Колос. гл. 2). И по Григорію Богослову: спогребохомся убо Христу крещеніемъ, да и совостанемъ (на крещеніе слово). Подобнѣ убо знаменуемъ себе образомъ честнаго креста Христова, тремя первыми персты, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, ако же и крестихомся святымъ крещеніемъ въ погребеніе и воскресеніе Христово, и во имя Отца и Сына и Святаго Духа, по реченію Василія Великаго: якоже крестихомся, токожде и вѣруемъ. Сице прияхомъ... Въ нашей рукописи это мѣсто читается такъ: «чесо ради глаголемъ во крещеніи и въ погруженіи святую Троицу, сирѣчь, крещаемся во имя Отца и Сына и Святаго Духа: зане три погруженія знаменуютъ Господа нашего Іисуса Христа погребеніе и тридневное воскресеніе, по святому апостолу Павлу: яко аличи во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть его крестихомся, спогребохомся убо ему крещеніемъ въ смерть, да якоже воста Христосъ отъ мертвыхъ славою отчю, тако и мы во обновленіи жизни да ходимъ (къ Рим. гл. 6). Спогребшеся ему крещеніемъ въ смерть, въ немже и совоасте вѣроу (Колос. гл. 2). И по Григорію Богослову, въ словѣ на святое крещеніе, еже глаголетъ: спогребохомся убо Христу крещеніемъ, да и совостанемъ... Подобнѣ знаменуемъ себе образомъ честнаго креста Христова тремя первыми персты: во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Якоже и тамо Христово крещеніе во образъ погребенія и воскресенія Его, а именованіе Отца, Сына и Святаго Духа; сице и здѣ—Христовъ крестъ, а именованіе — Отца, Сына и Святаго Духа, якоже прияхомъ писанное и неписанное преданіе отъ святыхъ апостолъ сице знаменатися животворящимъ крестомъ тремя первыми персты, и совершати и тайну святаго крещенія во имя Отца и Сына и Святаго Духа».

перстовъ отъ святаго Мелетія. А Θεодоритъ о томъ ничтоже писа: зане велико истязаніе о томъ было во святѣй горѣ Аѳонстѣй въ лѣто 7156-е, подобнѣ, якоже въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ бысть крѣпкое истязаніе отъ преосвященныхъ великороссійскихъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, во Святомъ Духѣ собравшихся въ лѣто 7174-е, и не обрѣтеса въ Θεодоритовѣ книзѣ такое писаніе; но солгано на него Θεодорита отъ нѣкихъ суетумудрыхъ и сокровенныхъ еретиковъ.

Обрѣтаются въ древнихъ греческихъ рукописныхъ и печатныхъ книгахъ и сія толкованія о аллилуіи: святаго Германа патріарха константинопольскаго, толкованіе: алл-Отець, ил-Сынъ, уіа-Духъ Святой, сирѣчь: слава Отцу, слава Сыну, слава Духу Святому. И по Григорію нисскому: алл-слава, ил-Богу, уіа-живому. И по Кириллу александрійскому: алл-державный, ил-Богъ, уіа-той единъ; или: хвалите истинна Господа и похвалите его достойно. И по Суммаку и по инымъ толковницѣхъ: алл-пріиде, ил-явися, уіа-Богъ, или: пѣснь Божія, и: хвалите Бога жива, и: хвалите Господа, яко благъ псаломъ. Сія толкованія обрѣтаются въ древнихъ книгахъ о аллилуіи, а нѣкто отъ святыхъ и мудрыхъ толкова сію на единъ разумъ.

неправедно клеветуютъ ихъ, зане въ книгахъ ихъ ни гдѣ сіе не обрѣтается писано. И истязаніе о томъ веліе было во святой горѣ Аѳонской въ лѣто 7157. пересматривали Мелетіевы и Θεодоритовы книги, и писаніе такое не обрѣлося въ ихъ книгахъ... Аще святой Мелетій показалъ персты: кіа три персты показа и кая совокупи и бысть знаменіе? Явственнѣо есть, яко тѣ первые три персты показа, ради святыхъ Троицы, и паки тѣи три перста совокупи, ради единосуществія Божества, и бытъ знаменіе; сице бысть показаніе персть, а неинако. А Θεодоритъ о томъ не писалъ ни гдѣ: зане въ его книгахъ такое писаніе не обрѣтается, токмо солгано на него отъ еретиковъ.

Съ помощію всеильнаго Бога да речемъ и мы, во отвѣтъ оному, на аллилуію толкованіе не отъ себе, но якоже святіи и богоносніи отци и учителя толковаша и разумѣша, якоже обрѣтохомъ въ древнихъ рукописныхъ и печатныхъ книгахъ. Святаго Германа патріарха толкованіе алл-ил-уіа: алл-Отець, ил-Сынъ, уіа—Духъ Святой; и паки: алл-Отцу, ил-Сыну, уіа-Духу Святому, сирѣчь: слава Отцу, слава Сыну, слава Духу Святому. И паки по Григорію нисскому: алл-слава, ил-Богу, уіа-живому, сирѣчь аллилуіа толкуеть: слава Богу живому. И паки по Кириллу александрійскому: алл-державный, ил-Богъ, уіа-той единъ; или: хвалите истинна Господа, или: хвалите его достойно. И паки по Суммаку и по инымъ толковниковъ: алл-

приде, и-явися, уіа-Богъ, или: пѣснь Божія, или: хвалите Бога жива, или: хвалите Господа, яко благъ псаломъ. Сіа толкованія и прочая обрѣтаются въ древнихъ книгахъ, а никто не толковалъ, что на единомъ разумѣ стоять, токмо на Слава Тебѣ Боже.

Обаче три чины обрѣтаются во святой церкви по преданію святыхъ отцевъ о аллилуіи; первое убо-во учиненныхъ мѣстѣхъ глаголати аллилуіа трижды, таже: Слава Тебѣ Боже; второе— во иныхъ учиненныхъ мѣстѣхъ и временѣхъ аллилуіа токмо трижды, кромѣ Слава Тебѣ Боже; третіе же — во иныхъ учиненныхъ стихахъ единожды аллилуіа глаголати, или пѣти. И разумъ есть въ томъ сицевъ: егда глаголемъ трижды аллилуіа, кромѣ Слава Тебѣ Боже, или единожды, тогда является: Слава Тебѣ, или токмо: хвала, или: слава. Аще же есть стихъ къ лицу Божию, тогда разумѣется и за Слава Тебѣ Боже; а егда будетъ стихъ къ лицу Богородицы, или святаго коего, тогда знаменуетъ: Слава тебѣ Богородица, или: Слава тебѣ святой Божій, или: хвала. Яко же и въ литійныхъ стихирахъ великомученика Георгія писано: есть: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа Христу воскресшему. Такжеже и индѣ православно разумѣеть святая восточная церковь въ аллилуіи разнымъ разумомъ, по сличію стиха и времени: зане сіа аллилуіа ангельская пѣснь есть, и сего ради разное и многое въ себѣ толкованіе имѣеть,

Три чина обрѣтаются во святой церкви, преданы отъ святыхъ отецъ о аллилуіи; первое убо — во учиненныхъ мѣстахъ глаголати аллилуіа трижды, таже: Слава Тебѣ Боже; второе же— во иныхъ учиненныхъ стихахъ аллилуіа токмо трижды, кромѣ Слава Тебѣ Боже; третіе же— во иныхъ учиненныхъ стиховъ единожды аллилуіа глаголати, или пѣти. И разумъ есть въ томъ, якожь выше ревохомъ... Егда глаголемъ трижды аллилуіа, кромѣ Слава Тебѣ Боже, или единожды аллилуіа, тогда является: слава тебѣ, или токмо: слава, или: хвала. Аще есть стихъ къ лицу Божию, тогда разумѣется и за Слава Тебѣ Боже; и егда будетъ стихъ къ лицу Богородицы, или святому коему, тогда знаменуетъ: Слава тебѣ, свръчъ: Слава тебѣ Богородица, или: Слава тебѣ святой Божій, или: хвала. Якожь и въ стихирахъ святаго великомученика Георгія въ литіи, еже глаголють: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа Христу воскресшему, тамо разумѣется сие: слава, слава, слава, или: хвала, хвала, хвала Христу воскресшему. Такжеже и индѣ сице православно разумѣеть святая восточная церковь во аллилуіи

якоже и прежде рекохомъ яс- разныхъ разумомъ, по сличю- нѣйше ²¹⁾). стиха и дѣла.

Приведенное нами дословное сличеніе нашей рукописи съ третьею главою соборныхъ дѣяній 1667 года наглядно показываетъ, что эта глава соборныхъ дѣяній представляетъ изъ себя въ большей своей части только выдержки изъ сочиненія иверскаго архимандрита Діонисія, нерѣдко прямо дословныя.

По этому поводу считаемъ излишнимъ сказать слѣдующее: въ сочиненіи архимандрита Діонисія рѣзко проведенъ взглядъ на старообрядческія особенности, какъ на имѣющія еретическое происхождение и смыслъ, котораго они, какъ мы знаемъ, въ дѣйствительности не имѣютъ. А между тѣмъ эти воззрѣнія Діонисія оказали извѣстное вліяніе и на отцовъ собора 1667 года, которые съ своей стороны отнеслись къ старому обряду очень по- доверительно и наложили отлученіе на всякаго, кто будетъ держаться его и хулить новоправленнй обрядъ, яко бы еретическій. Это явленіе объясняется такимъ образомъ: противники церковныхъ исправленій Нижона рѣшительно и постоянно заявляли, что троеперстіе, трегубая аллилуія и пр., суть обряды еретическіе, заключающіе въ себѣ смыслъ противный православному ученію. Несмотря на всѣ разъясненія православныхъ, что въ троеперстіи, трегубой аллилуіи и пр. заключается строго православное ученіе, что въ новоправленномъ обрядѣ нѣтъ и слѣда чего-либо еретическаго, ревнители старины попрежнему не хотѣли принять новоправленнаго обряда, попрежнему утверждали, что этотъ обрядъ есть еретическій. Эта-то упрямая приверженность къ старому обряду, въ соединеніи съ представленіемъ о новоправленномъ обрядѣ какъ еретическомъ заставляла и православныхъ въ свою очередь придти къ мысли, что раскольники упрямо держатся за старый обрядъ только потому, что соединяютъ съ нимъ какія-либо неправославныя представленія, сблизяющія ихъ съ разными древними еретиками. Эта очень естественная мысль переходила у православныхъ въ увѣренность твердую и прибавимъ отъ себя — безошибочную, когда они узнавали, что раскольники и даже самые ихъ первые учителя по нѣкоторымъ вопро-

²¹⁾ Въ черновомъ спискѣ это отдѣленіе первоначально было изложено такъ: «сія толкованія обрѣтаются въ древнихъ книгахъ, а никтоже толкова на единъ разумъ, тоію Слава Тебѣ Боже: заве сія аллилуія ангельская пѣснь и имѣеть въ себѣ многія разумы и толкованія. Обаче святин отци предаша во святую церковь въ божественномъ пѣніи глаголати аллилуія до трижды, таже: слава тебѣ Боже, якоже выше рекохомъ». Въ нашей рукописи это мѣсто читается такъ: «сія толкованія и прочая обрѣтаются въ древнихъ книгахъ, а никто не толковалъ, что на единомъ разумѣ стоити, тоію на Слава Тебѣ Боже, яко въ глаголете, но яко рекохомъ, заве ангельская пѣснь есть. Убо святин отци предаша глаголати аллилуія трижды, таже: слава тебѣ Боже».

самъ впадали въ неправославное мудрованіе (см. матер. для ист. раск. IV, 40—49, 54—62; V, 175—176, 216; VI, 92—182, 266 и др.)—Въ виду указанныхъ обстоятельствъ взгляды на старо-обрядческія особенности какъ на еретическія или, во всякомъ случаѣ, какъ на очень подозрительныя, дающія основаніе уподоблять раскольниковъ разнымъ еретикамъ и сближать съ ними, очень долго держался въ нашей противураскольниковской литературѣ. Игнатій Тобольскій въ своемъ третьемъ посланіи говоритъ напримѣръ: „нѣсть бо ересь, юже они проклятїи полуармяне (т. е. раскольники) не держатъ: въ раздѣленїи неравенства Упостасей святыхъ Троицы, еже изображати ю съ послѣдними персты—суть проклятїи аріане; въ маломъ пакѣ перстѣ изобразующе Св. Духа и тѣмъ его менша Бога Отца творяще—суть проклятїи македонїане; изобразующе же пакѣ Сына Божїа въ раздѣленныхъ лицахъ божествомъ и человекествомъ, въ великоуказательномъ и въ великосреднемъ и тѣмъ Сына Божїа на двѣ Упостаси, сирѣчь, лица раздѣляюще,—суть проклятїи несторїане“ (стр. 60). Св. Димитрій Ростовскій въ своемъ „розыскѣ“ называетъ раскольниковъ еретиками, такъ какъ они „троическое единосущїе пресѣщаютъ на трое; единаго Сына Божїа на два Сына раздѣляютъ воплощенїе Сына Божїа, бывшее поистинѣ, несповѣдуютъ, Христа на особомъ отъ Св. Троицы престолѣ посаждаютъ“ (стр. 385, изд. 1847 г.). Питиримъ въ „Прашицѣ“ прямо называетъ раскольниковъ еретиками. „Подобїѣ онымъ еретикамъ древнимъ, говоритъ онъ, и выѣшнїи иже въ мимошедшихъ лѣтѣхъ яко злосмрадное зловонїе проникшии, глаголю, еретики: Аввакумъ, Лазарь, Ѳеодоръ, Пустосвятъ Никита, и нижегородецъ старецъ Сергїй“ (л. 11 и 12, 291, 358, 359, и др.). Питиримъ подробно говоритъ о томъ, въ чемъ именно заключается еретичество раскольниковъ и почему они должны быть поставлены на ряду съ древними еретиками (л. 89. 91—94, 99, 101 и др.). Въ „обличенїи неправды раскольниковской“ преосв. Ѳеофилактъ говоритъ, что раскольники своими ожесточенными нападенїями на православный обрядъ, упрямымъ нежеланїемъ принять его даютъ право подозрѣвать, что они съ особенностями своихъ обрядовъ соединяютъ какія-либо неправославныя представленїя. „Зрите и вы богомерзкіе суевѣрцы, напримѣръ говорятъ онъ, праведно ли вы нарекаете на православныхъ христіанъ, акыбы неправо порицающихъ васъ арианствомъ, иже со Аріемъ нехощете Христа исповѣдати Бога, егда молитву сію: Господи Іисусе Христе Боже нацѣ и пр. отместете; въ сложенїи перстовъ гадательнѣ хиромантїею своею противитесь равенству святыхъ Троицы, а въ молитвѣ сей явно отриваетесь Христа исповѣдати Бога. Сего больше и самъ ересеначальникъ Аріѣй не требуетъ отъ васъ; и еще ли

неявное ваше арианство безбожніи апостаты“ (л. 89). Арсеній Мацеевичъ въ своемъ „Изобличеніи“ на „предисловіе“ къ „поморскимъ отвѣтамъ такъ говоритъ о раскольникахъ: „вашъ самая нужная и главная вещь къ вѣрѣ о церкви: двонерстный куиниѣ арменскій, двойственное аллилуія, да осемь концовъ крестныхъ на просфорѣ. И тако посему можно видѣть, что ваша вѣра столько съ Златоустымъ согласуетъ, сколько Веліаръ со Христомъ. Однако можно безсомнѣнія признать, что ваша вѣра съ своими преданіями не новая, но самую вещь древняя и старинная, сирѣчь древняго Веліара сатаны и его слугъ древнихъ схизматиковъ, раскольщиковъ и еретиковъ, на которыхъ древній церкви учитель Златоустъ святой пространно писалъ и вопіялъ“ (Оп. док. дѣль Св. Синода, т. I, прил. стр. ССССХХХV).

Коренной переверотъ во взглядахъ на старообрядческія особенности и на отношеніе къ нимъ православныхъ произвело знаменитое „Увѣщаніе“ митрополита Платона, въ которомъ святитель настойчиво и рѣшительно заявляетъ, что старообрядцы съ нами въ самой вѣрѣ силѣ согласны, только за одни мелкости спорять и отъ насъ за то отдираются“, что какъ въ сугубой аллилуіи такъ и въ трегубой одинаково прославляется Св. Троица, что „если вѣра о св. Троицѣ есть непорочна, то какими бы пальцами ее ни изображать, нѣтъ бѣды спасенію, что какъ бы ни ходить—по солнцу или противъ солнца, въ томъ великой силы не находили... Хорошо ходить и по солнцу, только бы быть въ соединеніи съ церковію“... (стр. 35, 49, 55, 59, 78, 84 и др. Изд. 8-е).

Со времени изданія „Увѣщанія“ и послѣдовавшаго за тѣмъ учрежденія такъ называемаго „единовѣрія“ православные полемисты съ расколомъ перестали называть раскольниковъ за старый обрядъ еретиками и перестали отыскивать въ старомъ обрядѣ скрытое въ немъ еретическое ученіе. Вѣрно исторически и прекрасно вообще объясняетъ эту перемѣну во взглядахъ и отношеніяхъ къ старому обряду со стороны православной церкви, митрополитъ Филаретъ въ своихъ „бесѣдахъ къ глаголемому старообрядцу“: „когда ревнители мнимой старины, разсуждаетъ святитель, упорно стали за перстосложеніе двуперстное противъ троеперстнаго, принятаго издревле въ знаменіе Пресвятыя Троицы; тогда настояло опасеніе и подозрѣніе: не есть ли, или не окажется ли двуперстное знаменіе выраженіемъ какого-либо новаго неправого ученія о Божествѣ, и потому предосторожность требовала употребить сильную мѣру, чтобы пресѣчь неправильное, и не допустить распространяться злу... Потомъ болѣе нежели столѣтній опытъ показалъ, что вы, старообрядцы, отъ православнаго ученія о Пресвятой Троицѣ и о воплощеніи Сына Божія не отпали, и что въ крестномъ знаменіи продолжаете образовывать тинство Пресвятыя

Троицы и воплощеніе Сына Божія, какъ и православная церковь только нѣтакимъ расположеніемъ перстовъ, какое она издревле употребляетъ. Измѣненіе знаменія перстало быть важнымъ и подлежащимъ строгому суду, когда оказалось, что существо таинства сохранено“ (стр. 117—118, изд. 3-е).

Въ виду значенія сочиненія Діонсія для первоначальной исторіи раскола мы печатаемъ самое сочленіе Діонсія въ его полномъ видѣ по рукописи Московской синодальной бібліотеки № 372.

И. Магеровъ.

СОЧИНЕНІЕ ПРОТИВЪ РАСКОЛА ИВЕРСКАГО АРХИМАНДРИТА ГРЕКА ДІОНИСІЯ.

Иисусе предвари и помози намъ.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.

О аллилуія.

Г Л А В А I.

Глаголють нѣщцы, яко подобаеть глаголати аллилуія дважды, потомъ: слава тебѣ Боже, сирѣчь, аллилуія, аллилуія, слава тебѣ Боже; а не трижды, сирѣчь: аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава тебѣ Боже, и всеумудріе свое приводятъ во свидѣтельство монаха преподобнаго Ефросина псковскаго, кій толкуеть аллилуія, яко токмо являеть: слава тебѣ Боже. Глаголють еще и иное много суемудріе отъ онаго житія, яке суть достойна смѣху, аще кто будетъ чести со вниманіемъ (напачеже въ видѣніи, еже глаголетъ списатель, негли яко видѣ Богородицу и архангела, и бесѣдова съ нимъ объ аллилуіи), и тамо будетъ ужасатися читатель безумію списателя. Еще глаголють: зане аще кто глаголетъ трижды аллилуія,—согрѣшаеть и есть то ересь и многобожіе. И неразумѣють (окаяннii и слѣпii сердцемъ), зане якожь глаголють они дважды аллилуія, то есть велми и зѣло велія ересь: сотворяють бо во святѣй Троицѣ раздѣленіе, (а не соединеніе), якоже ниже являти яснѣ будемъ. И еще именують сію аллилуію пресвятою, и пречистою, и животворящею, и во все существо Божіе, и ина суемудрія. Откуда (сія) и чесо ради? и въ чемъ-ли сличествуютъ сія? Сіе бо суемудріе не имѣеть ни единого основанія благочестива, паче же безумныя, дерзну рещи, и нечестивыя мысли исполнено.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мы благодатію всесильнаго Бога, иже въ Троицы славимаго и во единичѣ поклоняемаго, якоже пріяхомъ непорочную и православную вѣру отъ святыхъ богопроповѣдниковъ апостоловъ, и богоносныхъ святыхъ отецъ седми святыхъ вселенскихъ соборовъ, и отъ прочихъ великихъ свѣтилъ и вселенскихъ учителей, такожь и чинъ послѣдованія церковнаго, писанное и неписанное преданіе,—сиче вѣруемъ и сиче держимъ неизмѣнно, якоже держаша прадѣды ѵ отцы наши, иже подвизашася и бордствоваша великими подвиги, и бѣды терпѣша даже до смерти многожды. И наипаче послѣди предсудиша лучше порабоченными быти тѣлесно агаряномъ, нежели подвигнути православныя догматы, и пріяти новныя латинскія; лучше изволиша тѣлеснѣ вредитися, а недушевнѣ, якоже видится въ книгахъ, яже суть писаны на латинѣ и на соборѣ, иже во Флоренціи злѣ бываемый. И неуклонихомся греки никогда на латинскія разумы, якожь глаголете вы, но стояхомъ противу мужественно, многожды же и соборы сотвориша на нихъ, и прокляша ихъ шесть кратъ, яко послѣди ниже будемъ изъяснати. Нынѣ же на подлежащее возвратимся— о аллилуіи отвѣщати и сказати вамъ, и о толкованіи ея и разумѣ, якожь святіи богоносніи отцы толковаша и разумѣша, и якожь держитъ и разумѣетъ святая восточная Христова церковь.

ГЛАВА I.

Статья I. Святая Христова восточная церковь, якожь рекомъ, отъ святыхъ апостолъ, и святыхъ богоносныхъ отецъ седми святыхъ вселенскихъ соборовъ, и отъ прочихъ святыхъ вселенскихъ учителей сію аггельскую пѣснь, сирѣчь аллилуіа, (пріа) глаголати трижды, сирѣчь: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа; тажь: слава тебѣ Боже. Сиче трижды, якожь видится и писано во многихъ древнихъ рукописныхъ книгахъ греческихъ и славенскихъ.

Вопросъ. Обаче глаголють трижды аллилуіа, таже прирещя: слава тебѣ Боже, что являетъ и что разумѣетъ въ семь?

Отвѣтъ. Сіе являетъ и сіе разумѣемъ православно: аллилуіа Отцу, аллилуіа Сыну, аллилуіа Святому Духу; таже: слава тебѣ Боже. Глаголюще сице сіе аллилуіа трижды, являемъ и исповѣдуемъ, яко есть Троицы Божество, сирѣчь, тріупостасно; и еже приречемъ: слава тебѣ Боже, являемъ и исповѣдуемъ, яко Троица единъ Богъ есть, а не три Бози. Якожъ и егда паки поетъ святая церковь: святыи Боже, святыи крѣпкій, святыи безсмертныи помилуй насъ; и въ сей аггельской пѣсни такожде разумѣемъ, якоже и во аллилуіи, въ божествѣ Троицу и единицу: святыи Боже—Отець, святыи крѣпкій—Сынъ, святыи безсмертныи—Духъ Святыи, таже: помилуй насъ, а не помилуйте насъ. Се, еже со трисвятымъ, исповѣдуемъ тріупостасное въ Божествѣ, и еже: помилуй насъ, едино Божество: единъ бо Богъ Троица, а не три. Подобніи и херувимская (на полѣ: серафимская) пѣснь, еже поетъ церковь: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ, подобніи являетъ, якожъ и аллилуіа и Святыи Боже: святъ, святъ, святъ ради тріупостаснаго Божества, и: Господь Саваоѣ—ради соединенія, сирѣчь, за единицу (на полѣ: за едино существо) Божества. Святъ Отець, святъ Сынъ, святъ Духъ Святыи; таже: Господь Саваоѣ, сирѣчь, Господь силъ, по Діонисію Ареопагиту. Се убо единъ Господь силъ, Святая Троица, а не три Господи. Сице и во аллилуіи: трижды—ради Троицы, и: слава тебѣ Боже—ради единицы: зане въ Троицѣ и во единицѣ Богъ славословится, и вѣруеться, и исповѣдуеться. Сице держить и мудрствуетъ святая восточная церковь, якожъ свыше и изначала прія, писанная и неписанная преданія отъ святыхъ Апостолъ, и святыхъ отецъ, и вселенскихъ седми соборовъ и прочихъ. Но во еже глаголете вы, суемудріи, аллилуіа дважды дважды, таже: слава тебѣ Боже—каково основаніе имѣете? Вы толкуете, яко знаменуеть аллилуіа: слава тебѣ Боже. Поставимъ и мы даречемъ, яко глаголете и вы, яко знаменуеть аллилуіа: Слава тебѣ Боже. Дважды аллилуіа, таже: слава тебѣ Боже, являетъ по вашему трижды слава тебѣ Боже. Се трижды Слава тебѣ Боже являетъ токмо Троицу, а единицу ни. Се убо погрѣшаєте, и исповѣдуете токмо Троицу, а единицу ни. Идѣже бо исповѣдуеться Троица просто безъ единицы, разумѣеться зло: зане вмѣнится сія Троица три бози, а не единъ Богъ; небуди вредословіе. Но православное исповѣданіе есть сице: по Троицѣ да послѣдуеть и единица; идѣже Троица и единица,

православное есть исповѣданіе; а идѣже Троица безъ единицы, многобожіе еллинское есть; и идѣже единица безъ Троицы, безбожіе іудейское и агарянское есть. Но святая восточная церковь православно мудрствуетъ и исповѣдуетъ Троицу и единицу. Сего ради и православно поетъ аллилуіа трижды ради Троицы, и слава тебѣ Боже ради единицы. И: святыи Боже и прочая, такожде исповѣдаеть, и: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ—тоже знаменуетъ трисвятое ради Троицы; помилуй насъ и: Господь Саваоѣ—ради единицы, якоже выше рекохомъ. Се есть православное мудрованіе.

Статья II. А что есть писано во Ефросиновѣ житіи, она вся суть суетныи: кто будетъ прочитати по Божѣ со вниманіемъ, разумѣти будетъ. Аще Ефросинъ имѣаше каково недоумѣніе о аллилуіи, яко чловѣкъ діавольскимъ искушеніемъ, — недивно. А что глаголютъ, яко о семъ иде во Царьградъ и слыша отъ патріарха и въ соборной велицей церкви глаголющия аллилуіа дважды, о томъ мнѣ, яко неиде въ Царьградъ, зане времена нетаковая быша тогда. Владѣша бо тогда турки Болгарією и Сербы и всѣмъ западомъ до Дуная и до Чернаго моря, и ратоваша турки тогда на христіаны великими и лютыми ратми. Но аще и иде во Царьградъ, во время оно бѣ Іосифъ патріархъ латинумудрый, который бѣ на осмомъ соборѣ во Флоренци. И пакы: единого чловѣка свидѣтельство неприемлется по божественному писанію, аще и аггелъ небесный будетъ. И вѣщше разумѣтся истина въ списателей видѣніи, иже глаголетъ, яко Богородица рече ему таковая словеса, аже подобаетъ ниже слышати кому. Тамо бо списатель Ефросинова житія пишетъ отъ соннаго грезу, или отъ вѣтра главы своея нѣкоторая толкованія непотребная на аллилуію. Но, съ помощію всеильнаго Бога, да речемъ и мы въ отвѣтъ оному—на аллилуію толкованіе, не отъ себѣ, но яко святіи и богоносніи отци и учителя толковаша и разумѣша, якожь обрѣтохомъ въ древнихъ рукописныхъ и печатныхъ книгахъ.

Статья III. Святаго Германа патріарха толкованіе алл-ил-уіа: алл—Отець, ил—Сынъ, уіа—Духъ Святыи, и пакы: алл — Отцу, ил—Сыну, уіа—Духу Святому, сирѣчь: слава Отцу, слава Сыну, слава Духу Святому. И пакы по Григорію Нвскому: алл—слава, ил—Богу, уіа—живому, сирѣчь аллилуіа толкуеть: слава Богу

живому. И пакы по Курилу александрійскому: алл—державный, ил—Богъ, уіа — той единъ; или: хвалите истина Господа; или: похвалите его достойно. И пакы по Суммаху и по иныхъ толковниковъ: алл—приде, ил—явися, уіа — Богъ; или: пѣснь Божія; или: хвалите Бога жива; или: хвалите Господа, яко благъ псаломъ.

Сія толкованія и прочая обрѣтаются въ древнихъ книгахъ, а нието нетолковаль, что на единомъ разумѣ стояти, токмо: на Слава тебѣ Боже, яко вы глаголете, но, яко рекохомъ, многа разума и толкованія имѣеть сія аллилуія, зане аггельская пѣснь есть. Убо святіи отцы предаша глаголати аллилуія трижды, таже: слава тебѣ Боже, и се являетъ, якожь предрекохомъ: аллилуія—Отцу, аллилуія—Сыну, аллилуія — Святому Духу, сирѣчь: слава Отцу, слава Сыну, слава Святому Духу, тажь: слава тебѣ Боже. Сиче разумѣеть православнѣ восточная церковь: трижды аллилуія за Троицу и: слава тебѣ Боже за единицу, а неинако; сирѣчь: яко святая Троица есть единъ Богъ, единосущный и нераздѣльный, а не три бози разніи. Сиче и Святой Боже и Святы, святъ, святъ Господь Саваоѣ—Троицу и единицу, якожь предрекохомъ яснѣйше.

Статья IV. Обаче аллилуія и святой Боже трижды, по три глаголемъ ради тріехъ троничныхъ чиновначальныхъ чиновъ, святыхъ безплотныхъ небесныхъ силъ, по святому Діонусію Ареопагиту. И сего ради не токмо трижды, но и многажды глаголемъ, сирѣчь, частѣ, зане сими пѣснями безпрестани славословятъ и воспѣвають святіи безплотніи небесніи силы Бога, иже въ Троицѣ и единицѣ славимаго, якожь мнози духоносніи отцы сподобишася благодатию Святаго Духа слышати, якожь повѣствуютъ святыя книги святыя нашея церкви. И зане сія аллилуія есть аггельская пѣснь, сего ради имѣеть многоличная толкованія, сирѣчь, многа знаменуетъ, якожь выше рекохомъ, якожь и прочая словеса божественнаго писанія. И сего ради, елика яви Духъ Святой чрезъ уста святыхъ отецъ, она и мы да держимъ и она да мудствуемъ; еликаже они умолчаша, подобаетъ и намъ она да немного испытуемъ. Обаче на аллилуію обрѣтаются вышереченная толкованія въ достовѣрныхъ книгахъ, и преданія древняя, да глаголемъ аллилуія трижды, таже: слава тебѣ Боже. И сиче за достовѣрное свидѣтельство видится писано и доднесъ во многихъ харатейныхъ рукописныхъ древнихъ книгахъ славенскихъ и греческихъ: алли-

луія, аллилуія, аллилуія, слава тебѣ Боже. И во апокалипсисѣ святаго всехвальнаго апостола Іоанна, евангелиста и богослова, явственнѣйше являетъ о трегубой аллилуіи въ толкованіи Андрея архіепископа Кесаріи Каппадокійскія: аллилуія трижды, ради тричестнаго божества. И здѣ трижды аллилуія, а не дважды, тажъ: хвалите Богу нашему аллилуія. Тамо рече: хвалите Богу нашему аллилуія, мы глаголемъ: слава тебѣ Боже. Свыше означала извѣстныя святая церковь глаголати аллилуія трижды, тажъ: слава тебѣ Боже, якожъ прежде рекохомъ. Токмо сія смущенія, яже нѣщныя хошуть глаголати аллилуія дважды, тажъ: слава тебѣ Боже, отъ писателя житія Ефросинова начася діаволскимъ навѣтомъ. А Ефросинъ въ послѣднемъ поученіи своемъ при смерти о аллилуіи ничего не приказалъ братіи въ тестаментѣ своемъ.

Статья V. Обаже иногда глаголетъ церковь трижды аллилуія, кромѣ Слава тебѣ Боже; а иногда единожды аллилуія, во уреченномъ мѣстѣ: что сіе тогда являетъ?

Отвѣтъ. Егда глаголемъ трижды аллилуія, кромѣ Слава тебѣ Боже, или единожды аллилуія, тогда являетъ: слава тебѣ, или токмо: слава, или: хвала. Аще есть стихъ къ лицу Божію, тогда разумѣтся и за Слава тебѣ Боже; а егда будетъ стихъ къ лицу Богородицы, или святому коему, тогда знаменуетъ: слава тебѣ, сирѣчь: слава тебѣ Богородицѣ, или: слава тебѣ святой Божій, или: хвала. Якожъ и въ стихирахъ святаго великомученика Георгія въ литіи, еже глаголють: аллилуія, аллилуія, аллилуія Христу воскресшему; тамо разумѣтся сице: слава, слава, слава, или: хвала, хвала, хвала Христу воскресшему. Такожде и индѣ сице православно разумѣть святая восточная церковь во аллилуіи разнымъ разумомъ, по сличію стиха и дѣла.

Статья VI. Три чина обрѣтается во святой церкви преданы отъ святыхъ отецъ о аллилуіи: первое убо—во учиненныхъ мѣстѣхъ глаголати аллилуія трижды, таже: Слава тебѣ Боже; второе же—во иныхъ учиненныхъ стихахъ аллилуія токмо трижды, кромѣ: Слава тебѣ Боже; третье же—во иныхъ учиненныхъ стиховъ единожды аллилуія глаголати, или пѣти; и разумъ есть въ томъ, якожъ выше рекохомъ. Сице обрѣтается въ древнихъ книгахъ сіи три чины писаны, а дважды аллилуія глаголати нигдѣ не обрѣтается указано, развѣ въ новыхъ испорченныхъ книгахъ отъ суемудрыхъ и неразумныхъ, негли отъ латинскихъ книгъ взято,

зане латини, извѣстно, дважды глаголють аллилуіа, а трижды никогда глаголють. Сего ради неелститесь глаголюще дважды аллилуіа, не бо есть истинное мудрованіе, но погрѣшеное. И грѣшите въ томъ тяжко, зане елико время глаголасте сице невѣдѣніемъ, тогда бо имѣли и менше грѣхъ; а отнелѣже народствоваше вещь, сирѣчь, явися во всемъ народѣ и проповѣдася истинно, аще кто ради упрямства своего противляйся, таковый согрѣшаетъ тяжко, и смертный грѣхъ согрѣшаетъ, зане падать будете во ересь безглавыхъ. И упрямство есть діавольское, и кто стоитъ во упрямствѣ, той въ діавольской воли и власти обрѣтается, и той будетъ его приобрѣсти, яко истина еретика, зане упрямый человекъ есть сущій еретикъ,—таковы бо быша древніи еретицы.

Статья VII. А еже глаголють на Максима Грека, что и онъ мудрствоваше аллилуіа дважды глаголати, и приводятъ во свидѣтельство святаго Игнатіа Богоносца, яко отъ аггеловъ слыша гѣти сице аллилуіа—дважды, и въ томъ лгутъ на святаго Игнатіа и Максима Грека, зане святому Игнатію явишася аггели о божественномъ псалмопѣніи, сирѣчь о антифонѣхъ, а не о аллилуіи, и въ семь несогласуется самое писаніе, кіа называютъ Максимова, и о томъ разумѣтся подлинно, что то сложеніе слова не Максимова есть, токмо лгаша нѣщны на его имя.

Статья VIII. Есть еще и инъ чинъ во святой церкви, иже въ божественной литургіа предъ святымъ евангеліемъ поется аллилуіа не токмо трижды, но и вѣщше. Ту, предъ святымъ евангеліемъ на аллилуіа, разумѣемъ сіа толкованія, еже предрекохомъ, сирѣчь: прииде, явися Богъ, и: слава Богу живому, и: державный Богъ, той единъ, и: хвалите истина Господа, и: похвалите Его достойно, и: хвалите Бога жива и прочая. Сіа вся знаменуетъ аллилуіа, еже поется предъ евангеліемъ, зане ту сіа пѣснь токмо къ Христову лицу приносится, еже есть святое евангеліе, и являетъ пришествіе Господа нашего Исуса, аже прииде на землю. Сіе являетъ: прииде и явися Богъ, и абіе по аллилуіи является святое евангеліе, яко лице Христово, и прочитается отъ священника или отъ діакона, и слышимъ его яко самага Христа со всякимъ страхомъ и благоговѣніемъ. А: слава Богу живому и прочая, аже выше писана,—тѣмъ славословимъ и воспѣваемъ самага Христа живаго, сирѣчь воскресеніе его восхваляемъ и воспѣваемъ и

прославляемъ, заше святое евангеліе лице воскресенія Христова знаменуетъ. И вся сія хваленія здѣ, еже знаменуетъ аллилуія, въ честь святому евангелію приносится, заше зраще святое евангеліе, яко самаго Христа зримъ, иже изъ мертвыхъ воскресша, и на земли съ нами соживуща. Сего ради и по всякой недѣли на утрени покланяемъ и лобызаемъ святое евангеліе ради воскресенія Христова, якоже покланяемъ и лобызаемъ самаго Христа, иже отъ мертвыхъ воскресша. Сего ради и сія дѣсныя приносятся въ божественной литургіи передъ святымъ евангеліемъ,—самому Христу Богу нашему воскресшему изъ мертвыхъ: аллилуія, аллилуія, аллилуія, нетоко трижды, но и безчислено. Аще вышереченная толкованія: слава Богу живому и прочая, мощно разумѣтся и на святую Троицу хваленіе, но по сличію (на полѣ: приличію) времени и стиха; а предъ святымъ евангеліемъ въ божественной литургіи наипаче къ лицу Христову приносится, якоже и иногда ино разумѣтся, якоже рекохомъ, по сличію времени и стиха.—Богу нашему, иже въ Троицѣ славимому и во единицѣ поклоняемому, слава, честь, поклоненіе, и великолѣпіе, нынѣ и присно и въ безконечныя вѣки, безконечныхъ вѣковъ, аминь.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.

Честный кресте Христовъ, спасителю нашъ, помози намъ.

О честнѣмъ крестѣ намъ слово.

Г Л А В А II.

Ко глаголющимъ, яко греки и прочіи, иже знаменуются образомъ честнаго креста тремя первыми персты, суть еретичи, и якоже сіе преданіе и обычай взяхомъ отъ латинъ, сирѣчь отъ папы Афеса, слово противореченное, сирѣчь отвѣтное: въ протопопу Аввакуму, и къ попу Лазарю сибирскому, и къ попу Никитѣ суздальскому, и старцу Герасиму Фирсову соловецкаго монастыря и къ прочимъ единомудреникомъ и совѣтникомъ ихъ. И о просфорахъ, и о частицахъ, и о четверочастномъ крестѣ, иже именуютъ крещемъ.

Статья I. Глаголете, яко възхохъ отъ пашы Афеса сїю запоновѣдъ знаменатися крестомъ тремя первыми персты, се яко лжете о семъ веліе: едино убо, яко папа Афесъ никогда бѣ; второе, яко латини знаменіе крестное никогда тремя персты ветвориша, ниже творять, но знаменуются тоюмо двѣма персты, и древле и нынѣ, якожь видится въ книзѣ, аже именуется Кируллова, грека Константина Панагіота преніе, иже сотвори со Азижитомъ латиняниномъ, идѣже обличаетъ его Панагіотъ, и глаголетъ ему: Азижите, почто несогбаеши три перста и некрестиниши десною рукою, но творини крестъ обоими персты еретическа. Се лжете все. А мы Божією благодатію православно творимъ знаменіе честнаго креста на лицѣ и на тѣлѣ нашемъ: тремя первыми персты десныя руки, якожь прїяхомъ отъ святыхъ апостоловъ, и отъ святыхъ богоносныхъ отецъ и вселенскихъ учителей: во имя Отца и Сына и Святаго Духа, вписаннымъ преданіемъ, якожь свидѣтельствуеть и святыи Василій Великій, иже ко святому Амфилохію епископу иконійскому слово 27, и въ Кормчей печатной (на полѣ: листь 259), и въ правилахъ Матѣевскихъ. Егда согбаемъ три первыя персты десныя руки, знаменуемъ, яко вѣруемъ и исповѣдуемъ во святой Троицѣ едино Божество и едино существо, сирѣчь: единъ Богъ трїипостасный и единосущный, якоже сїи триє первїи персты десныя руки имѣють токмо именованіе: первый, второй, и третїй; а который есть болши или менши, неможеша разумѣти или сказати. Сего ради сими первыми тремя персты предаша намъ святїи Апостоли и богоноснїи отци творити знаменіе животворящимъ крестомъ, совокупивше ихъ во имя святыя и единосущныя Троицы. И въ сихъ трїехъ перстахъ не яко хожемъ показати все таинство Божества или Божество, яко вы баснословите, небуди; токмо число покажемъ сими персты—Троицы и единицы: три перста за Троицу, совокупленіежь перстовъ ради единицы, сирѣчь, яко Троица и единица есть Богъ. Кто есть виѣ ума, еже хоцетъ показати или оказати все Божество въ перстахъ, или все таинство Божества явлати въ перстахъ. Богъ есть недовѣдомъ, непостижимъ, и невлаѣдимъ, и невидимъ, иже ниже умомъ можетъ кто всеконечно достигнути, ниже безплотнїи силы. И како вы человекы, суще создани, хоцете показати незданное и непостижимое Божество въ вещественныхъ и зданныхъ вещехъ,—въ перстахъ и во иныхъ? Не буди

вредословіе. Вы суемудрін вредословите тяжко, еже укрѣпляетесь показати все Божество и все вочеловѣченіе Христово и всю богословію въ перстахъ руки,—нечестиво и прѣбеззаконно! Кто убо отъ богоносныхъ отецъ и вселенскихъ учителей или писаша или мудрствоваша сіа, аже вы нынѣ пишете и мудрствуете?—Никтоже. Откуда ли слышасте и навикосте сіа, отъ котораго божественнаго писанія, или отъ котораго вселенскаго православія учителя? Ни; развѣ отъ сатаны (отца и друга вашего и учителя) слышасте и навикосте сіа. Глаголете вы, яко подобаесть знаменатися крестомъ сице: совокупити два персты: вторымъ и третіемъ, а третій наклоненъ быти мало подъ вторымъ; таже: первый—великій перстъ и другая два послѣдняя персты: четвертой и пятой—меньшій, совокупити. И потомъ толкуете и глаголете, яко сіи совокуплены три персты: первый и два послѣднихъ яко есть святая Троица, другая же два перста: второй и третій, яко есть Божество и челоуѣчество. (О слѣзціи и прелестніи) како дерзаете и глаголете таковая словеса на Бога худная? Како не боитесь, да неразсядется земля, и поглотитъ васъ живыхъ, яко Дааана и Авирона, и идете со душею и тѣломъ въ муку вѣчную и въ негасимый огонь, уготованный діаволу и аггеломъ его? Како именуете (слѣзціи отъ беззаконія вашего) въ перстѣхъ святую Троицу и Божество? Каковое Божество можете показати въ перстахъ и какову тайну? Обаче смотрѣтѣ (окаяннии) въ какую пропастъ падаете и покайтесь искренно, дондеже не постигнетъ васъ гнѣвъ Божій. Глаголете вы, яко три персты, иже совокупяете подъ двоюже перстахъ, святую Троицу; и два перста, которіи суть выше тріехъ, Божество и челоуѣчество. Се яко исповѣдаете два Бога: единый Богъ болши, Божество и челоуѣчество Христово; второй Богъ ниже и меньше, которое именуете святую Троицею. И такова Троица неподобна и неравна, зане есть единый перстъ первый болши, и четвертый менши, и пятой еще зѣло менше. Еще и числа ихъ разны: первый перстъ, и четвертый, и пятый, и непоряду число: первый, второй и третій. Мы въ трехъ перстахъ число токмо являемъ Троицу: единый, другій и третій, сирѣчь именованіи токмо три: Отець, Сынъ и Святый Духъ. И сего ради мы православно три первые персты, якоже стоятъ порядку: первый, второй и третій, совокупаемъ и знаменуемъ три именованія святыхъ Троицы: Отца и Сына и Святаго Духа, а сово-

купленіемъ ихъ едино Божество мудрствуемъ, яко святая Троица единъ Богъ есть единосущный и нераздѣльный, а неино. И неглаголемъ, яко персты сіи есть Богъ, или сама святая Троица, или ипостась, или божество и человѣчество, яко вы вредословите, иже глаголете два перста, которіи стоятъ выше,—божество и человѣчество, а три перста—святую Троицу и полагаете ниже подъ человѣчество. Едино убо: въ семь хулите святую Троицу; второе же: яко полагаете персты неравны и внѣ числа и ряда, зане есть первый перстъ и четвертый и пятый, и посреди ихъ стоятъ два перста горѣ, и разлучаютъ большой отъ прочіихъ двухъ, и наипаче три перста, еже глаголете Троицу, стоятъ наклонены подъ тѣми двѣма. Се явно есть, яко хулите святую Троицу въ тѣхъ трехъ неравныхъ перстахъ, иже совокупяете: первый и четвертый и пятый, и глаголете, яко есть святая Троица. Въ семь исповѣдуете во святой Троицѣ неравенство, яко ариане, и несторіане, македоняне, и савеліане, и духоборцы, аполлиаряне; зане они сице исповѣдоваша и мудрствоваша во святѣй Троицѣ несравненіе и неединосущіе: Отца болше, Сына менше, и Духа Святаго еще менше, яко раба. Такожде и вы: первый большой перстъ Отца именуете, четвертый Сына—менше, и пятый, иже есть еще менше, Духа Святаго именуете; якоже вышереченніи еретицы хулите и вы святую Троицу, еще и горше—зане они дотоліко мудрствоваша, а вы еще мудрствуете и ино, еще горше, яко манихеане, и аеліане: два Бога—единого горѣ, а другаго долѣ. Сице и вы исповѣдуете водву перстахъ—единого Бога сугуба и болша, а въ трехъ перстахъ другаго Бога—трегуба, и неравна, и менша, зане тѣ три перста стоятъ наклонены подъ двѣма. Елицы еретицы бяху изначала и донынѣ, никтоже таковая вредословія не дерзну рещи, или показати Божество въ перстахъ, или богословити о Божествѣ, или о воплощеніи Христовѣ въ перстахъ руки, но токмо вы (антихристовы предтечи и ученици), или кто прежде васъ научи, или мудрствова еице, или написа, и онъ антихристовъ ученикъ бѣ и предтеча. Довольно къ вамъ бѣ и толікаго отвѣта, но занеже и ина баснословія глаголете на насъ, подобаетъ отвѣщати вамъ и за она краткии словесы. Неиодобаше весьма отвѣщати вамъ затаковая бласловія, а заеже да невозгордитесь и скажете, яко сего ради умол-

чакомъ, зане неумѣемъ отвѣщати, и того ради отвѣщаемъ вамъ и на прочая.

Статья II. Вредословите еще и глаголете, яко зане мы творимъ знаменіе врестное трети первыми персты, полагаемъ страсть въ Божествѣ, сирѣчь, яко распинаемъ святую Троицу (и яко плоть Христову мѣшаемъ во Троицу, или безъ плоти исповѣдуемъ Христа).

Слышите безумніи, слышите о томъ, якоже вы глаголете, зане что совокуляемъ мы три перста первыхъ: во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и знаменуемъ симъ образомъ животворящаго вреста на себѣ, распинаемъ святую Троицу (о слѣпніи сердцемъ; на полѣ: о безумніи мудрецы), а егда крещаемся, како крещаемся? Некрещаемся-ли во имя Отца и Сына и Святаго Духа трети погруженіи. И что-ли являютъ, или знаменуетъ три погруженія? Неявляютъ-ли погребеніе Господа нашего Иисуса Христа и тридневное его воскресеніе? Ей. И чесо ради глаголемъ во тріехъ погруженіихъ имя Отца и Сына и Святаго Духа? Егда умре и погребесе Отець и Святыи Духъ вкупѣ съ Сыномъ, и егда воскресе Отець и Святыи Духъ вкупѣ съ Сыномъ, всячески рещи имате? Ни. Но чесо ради глаголемъ во крещеніи и въ погруженіи святую Троицу, сирѣчь крещаемся во имя Отца и Сына и Святаго Духа, зане три погруженія знаменуютъ Господа нашего Иисуса Христа погребеніе и тридневное воскресеніе, по святому апостолу Павлу: яко елицы во Христа Иисуса крестихомся, въ смерть его крестихомся, спогребохомся убо ему крещеніемъ въ смерть, да якоже воста Христось отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы во обновленіи жизни да ходимъ (къ Рим. глава 6). Спогребшеся ему крещеніемъ въ смерть, въ неже и совоастае вѣрою (къ Колос. глава 2). И по Григорію Богослову въ словѣ на святое крещеніе, еже глаголетъ: спогребохомся убо Христу крещеніемъ, да и совостанемъ. Еда противно творимъ и здѣ, по апостольскому слову, еда по васъ подобаеъ, да некрестимся во имя Отца и Сына и Святаго Духа, но токмо во имя Христово; еда и въ семь, по вашей неумудрой мудрости, есмы еретики вси православніи: и греки и руси и прочіи. О мудрецы злобы, како незрите свѣтъ истинны и блдствуете безмѣстна! Прострите очи ваши и изжените тму отъ разума вашего и разумѣйте свѣтъ истинны и правды! Зане, якожъ во святомъ крещеніи крещаемся въ три погруженія

ради погребенія и тридневнаго воскресенія Христова, и во имя Отца и Сына и Святаго Духа; сице подобнѣ знаменуемъ себе образомъ честнаго креста Христова тремя первыми персты, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Якожъ тамо Христово крещеніе во образъ погребенія и воскресенія Его, а именованіе Отца и Сына и Святаго Духа; сице и здѣ Христовъ крестъ, а исповѣданіе Отца и Сына и Святаго Духа, якожъ пріяхомъ писанное и неписанное преданіе отъ святыхъ Апостолъ сице знаменатися животворящимъ крестомъ тремя первыми персты и совершать и тайну святаго крещенія во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Сице пріяхомъ отъ святыхъ апостолъ и отъ святыхъ отецъ и сице держимъ и будемъ держати вѣчно и неподвижно; сие мудрствуетъ и сице исповѣдуетъ православно святая восточная апостольская церковь, а неинако, — нестрасть въ Божество прилагая, яко вы бласловите. Аще-ли убо здѣ во знаменіе креста вмѣняется страсть въ Божество, негли яко Христось единъ распяся, якожъ вы напщуете; колики наче во святое крещеніе, идѣже три погруженія суть, ради погребенія и тридневнаго воскресенія Христова, и глаголемъ имя Отца и Сына и Духа, — еда и здѣ страсть въ Божествѣ прилагается, зане единъ Христось тѣлесно умре и погребеса, а не и Отецъ и Святыи Духъ съ Сыномъ умроша и спогребешася и воскресоша. О новые мудрецы, разсуждаете сіе сами и срамитесь! Се, якожъ во святое крещеніе не вмѣняется въ Божество страсть, или погребеніе Отцу и Святому Духу съ Сыномъ, сице и въ знаменіе животворящаго креста, еже творимъ тремя первыми персты, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, не вмѣняется страсть, спрѣчь распинаніе Отцу и Святому Духу съ Сыномъ, якоже вы вредословите. Ниже исповѣдуемъ Господа нашего Исуса Христа безъ плоти быти, но исповѣдуемъ Его, яко есть на небесѣхъ со пречистою плотію, со Отцемъ и Духомъ Святыи неразлученна, во своей вѣпостаси неслитно, а не въ перстахъ имѣемъ исповѣданіе вѣры, и православіе и показаніе Божества, или богословіе, или смотрѣніе воплощенія Христова; но имѣемъ исповѣданіе вѣры и православіе писано въ сердцахъ и во умѣ нашемъ. Како да покажемъ Божество въ перстахъ? — безвѣстно бо есть. Богъ убо есть свѣтъ крайнѣйшій, и неприступный, и неизлагодланый, ниже умомъ постижимый, ниже словомъ излагодланый, по Богослову

Григорію; но како въ перстахъ хотите, новіи немудріи мудрецы, богословити и показати нѣкая Божества равнства: единого Бога сугуба, а другого Бога трегуба и неравна. Показуете убо два Бога: единого тріѹностаснагч и неравна, по аріаномъ, македоніаномъ, несторіаномъ, савеліаномъ, и аполинаріаномъ, а втораго Бога—по манентомъ, и марціоніаномъ, и аналіаномъ, якожь выше рекохомъ ширше. Или четыре Упостаси въ Божествѣ исповѣдуете: въ тріехъ перстахъ неравныхъ, иже глаголете Троицу, единого Сына, Отца менша исповѣдуете по персту, зане есть меншій и въ числѣ руки четвертый перстъ; и паче во дву перстахъ другого Сына болша, зане стоитъ выше святія Троицы и исповѣдуете два Сына: единого, иже есть вкупѣ со Отцемъ и Святѹмъ Духомъ и того менша, и другого Сына разна, иже есть съ плотію и обрѣтается особно отъ Отца и Святаго Духа, и въ томъ Его почитаете вы выше Троицы. Или двѣ упостаси исповѣдаете въ Силѣ Божіи: едину упостась Божества, а другую челоѹчества, зане два перста токмо числа являетъ двое, или двѣ упостаси, или два Бога; а божество и челоѹчество како можеша показати въ перстахъ? Никако, токмо число. Два перста вкупѣ, и паче три перста вкупѣ, которые бывають пять,—и съ тѣмъ сложеніемъ персть или пять упостасей исповѣдуете въ Божествѣ, или два Бога: едина сугуба, а другого трегуба и неравна,—небуди вредословіе. Никтожь отъ вѣва явися еретикъ таковій, якоже вы, предтечи антихристовы!

Статья III. Еще и ина благословите и глаголете, зане подобаетъ якоже знаменуетеся крестомъ кійждо, тѣми сложеніи перстовъ такожде и благословлятися самому себе комуждо. Обаче по вашему и свинопаскомъ и всякому простому челоѹвѹ и бабѣ благословляти подобно архіерею и іерею, и да неимѹють между собою ни единого разнѣства архіерей и іерей отъ людина и отъ свинопасца. Сіе есть явная ересь безглавныхъ, и люторская и калвинская, которые священства неимѹють, ниже почитають. А у насъ у православныхъ великое разнѣство священника отъ людина имѣемъ, и благословеніемъ благословляти дано токмо архіереемъ и священникомъ, а не всѣмъ, и сложеніе перстовъ благословляти инако есть, зане иная тайна есть, а знаменатися крестомъ паче иная тайна есть, и сіе дано всѣмъ, сего ради и нвое сложеніе перстовъ есть.

Статья IV. Еще вредословите, яко Богъ, егда сотвори Адама, благослови его таковыми (на полѣ: вѣшши) сложеніи персть; еще и праотцы до Христа сице благословляху; и отъ Христа пакы другая благословенія и ина сложенія персть.

Гдѣ и отбуду и отъ котораго писанія обрѣтаете сіе? Въ ветхомъ писаніи, сирѣчь въ библии нигдѣ необрѣтается; въ новомъ, сирѣчь во святомъ евангеліи или во апостолахъ, — ни. И какая рука и каковы персты въ Божествѣ прежде воплощенія Христова? Блаженно мудрствуете, зане неимѣете ни едиаго указанія крѣпкаго съ православными сулогизмы. Негли и речете, яко на живописанныхъ иконахъ видѣте таковое сложеніе перстоу, благословляюще написаны сватіи сице. Обаче аще и видѣте персты сице сложенны, отъ живописца суть сложенны, а не отъ святаго, и святый, иже есть писанъ во образѣ, небесѣдова съ тобою ниже рече тебѣ толкованіе и разумъ свой, токмо якожь воскѣтъ иконописецъ, тако к писа. Пачежь якожь комуждо показася удобнѣйше, тако и написа, и въ томъ никакое истязаніе не бысть когда. Сего ради обрѣтается въ иконахъ многолично сложенія персть: овѣ сице, овѣже инако, якожь угодися комуждо, и якоже показася удобно, сице и написа, а не отъ божественнаго писанія свидѣтельства, токмо собою. А учены иконописцы рѣтво обрѣталися, а ващпѣи быша и суть неучени и неумны, а иные ниже алфу на полѣ: азъ) вѣдаютъ, что есть. Сего ради въ томъ въ живописцахъ утверженія никакого нѣсть, по вашему баснословію, зане, яко выше рехомъ, якоже показася иконописцу (аще ли грекъ, аще русинъ, аще и иный, аще-ли новыи, аще древній), тако и писа безъ разсужденія. (На полѣ противъ послѣднихъ строкъ надпись: „на Лазара пона“).

Статья V. Еще глаголете и иная блдословія, пачеже рещи, вредословіе и хулу: въ сложеніи перстахъ, глаголете, вышпша два перста, каторіи стоятъ единъ прямо, а другій преклоненъ, прямой же именуете Предтечу, преклоненный же именуете Христа, иже преклони главу Предтечи и крестися; и три перста суть иодъ тѣми двумя преклонены, сирѣчь: первый, и четвертый, и пятый, глаголете святая Троица, какъ явися во Иордани; и длань между перстоу глаголете Иорданъ. О кто непосмѣется блдословію вашему! Предтечу полагаете горѣ, а святую Троицу долѣ; и пакы: едиаго Сына, кій (на полѣ: иже) главу преклони

Предтечи, а другаго Сина въ неравнѣхъ перстахъ, иже именуется Троицу, таже Іорданъ въ длани. О уроди! Отвуду навъыкоسة сіа блядословія, отъ втораго божественнаго писанія?

Статья VI. Но аще глаголете еще, яко сіе сложеніе перстовъ имѣете преданіе древнее отъ отецъ и прадѣдовъ вашихъ, и приносите и нѣкое ложное писаніе во свидѣтельство, кое имѣеть имя святаго Мелетія патріарха антиохійскаго и Θεодорита, негли яко они сице повелѣвають сложити персты, и знаменатися крестнымъ знаменіемъ, и подобіѣ благословлятися коемуждо самому себе; кое писаніе есть ложно, сложено отъ еретиковъ, и токмо положиша тамо имя тѣхъ святыхъ, да прелстятъ народъ, а народъ сей бысть ненаказанъ и неучетъ писанію тогда, яко, слыша имя тѣхъ святыхъ, вѣроваша. Обаче тѣи святіи въ томъ никакія вѣдомости имѣють, токмо неправедно клеветцють ихъ, зане въ книгахъ ихъ нигдѣ сіе необрѣтается писано. И истязаніе о томъ веліе было во святой горѣ Аѳонской въ лѣто 7157, пересматривали Мелетіевы и Θεодоритовы книги и писаніе такое необрѣлося въ ихъ книгахъ, и великій соборъ о томъ учинили и книга, кая привезена была тамо изъ Россіи съ таковымъ писаніемъ о сложеніи перстовъ, сожгоша и прокляша, кій вложи такий уставъ и кто тако мудрствуетъ, или будетъ мудрствовать. И кто хоцетъ разумѣти истину въ томъ сущемъ писаніи, еже они укрѣпляются, будутъ разумѣти, аще кто со вниманіемъ будетъ читати, како, аще святой Мелетій показа персты: кіа три персты показа, и кая совокупи, и бысть знаменіе? Явственно есть, яко тѣ первые три персты показа ради святаго Троицы, и пакы тѣи три перста совокупи ради единосущества Божества, и бысть знаменіе. Сице, а неинако бысть показаніе персть. А Θεодоритъ о томъ неписалъ нигдѣ, зане въ его книгахъ таковое писаніе необрѣтается, токмо солгано на него отъ еретиковъ.

Статья VII. Аще и глаголете, зане пишетъ Петръ Дамаскинъ, яко двѣма персты знаменатися крестомъ (и пишетъ сице:). Слышите о семъ и разумѣйте, едино убо: яко сего Петра Дамаскина книга нѣсть всѣмъ пріятна, ниже является въ мірѣ; второеже: яко Петръ токмо о двою перстахъ бесѣдуетъ, ради втораго и третіаго глаголетъ, яко знаменуютъ та два перста два естества Христова, но за прочіе три персты немудрствуетъ, ниже глаголетъ что. И негли аще и въ каковыхъ стравахъ тамошнихъ по-

требствовади ви́шнихъ времѣхъ сіе. сложеніе дву перстахъ ради еретиковъ единовольниковъ, а послѣди преста, якоже и многа дѣла, аже первое быша повелѣно отъ святыхъ отецъ тако, а послѣди такожде святіи отцы повелѣша инако лучше. Пишетъ и святый Іоаннъ Златоустый въ бесѣдахъ на евангелиста Матвея въ пятьдесятъ четвертомъ нравоченіи о крестѣ, листъ 91, цѣну креста глаголя: ниже бо простѣ перстомъ начертати его подобаетъ, но первѣ произволеніемъ сомногоу вѣроу, аще и сице вообразиши его зрѣніе, никтоже близъ тебе стати възможеть отъ нечистыхъ духовъ. Се, яко по Златоусту, и единымъ перстомъ знаменовашася людіе крестнымъ знаменіемъ нѣкогда, послѣди преста и то, якоже и многая правила обрѣтаются въ помѣстныхъ соборахъ повелѣвають тако, а послѣди (на) вселенскихъ соборахъ повелѣша инако. Егда и въ томъ да речемъ, яко святіи отцы сопротивляются между собою? Небуди; токмо по потребѣ времени сице законоположиша Духомъ Святымъ, якоже и первое. Божественная литургія отъ святаго апостола Іакова, брата Божія, списася болше, и нынѣ чины ямще; послѣди Великій Василій сократи и чины украси, и даки божественный Златоустъ еще сократи. Великій Аѳанасій пишетъ въ правилахъ своихъ: мирскій священникъ, аще пострижется монахомъ и потомъ будетъ служить литургію, да будетъ анаеема; а нынѣ не токмо служить яко священники, но и архіереи бывають. И еда даречемъ и о семъ, яко противно сотворяють и цинуть святіи отцы? Нивако.

Статья VIII. Бѣ еще обычай и преданіе во святой церкви и службаху трети просфорами, и нынѣ четырма, нынѣ пятми, нынѣ шестми и седмию просфорами; такожде и частицы святыхъ измаша: нини пятнадесятъ частиць, нини дванадесятъ, нини девять, нини едину. Многое время сей чинъ и обычай бываше во святой церкви, якоже видится во святой горѣ Аѳонскій писано во многихъ рукописныхъ древнихъ книгахъ, и не имѣяху въ томъ до времени ни единого зазрѣнія и соблазна. Посемъ отъ нѣкоего времени начинаху преніе творити и глаголати кійждо: единъ, яко азъ служу лучше трети просфорами, во имя святыхъ Троицы; иный, азъ добрѣ творю четырма просфорами за четыре евангелисты, кій спсеша святое Евангеліе и предаша сію тайму; нини, мы съ патию просфорами лучше ради пяти хлѣбовъ, еже благо-

слова Христосъ и насыти пять тысящъ; инии пакы похвалиша свой обычай за шесть и за семь просфиръ, кійждо глаголаху оно, еже побазася имъ прилично. Такожде и о частицахъ: инии дванадесать частиць, инии девять похвалиша, инии пятнадцать, инии одну, и елико не бѣ любопренія въ церкви, быша вся добра и богоугодна. А когда начаша быти соблазны и любопренія въ церкви, тогда и святіи отцы разсудиха и повелѣша быти всѣмъ во единомъ чинѣ и обычаи, яко да престануть любопренія и соблазны отъ невѣждъ и простыхъ чловѣкъ, и сице повелѣша и изобразиша, яко всѣмъ съ пятію просфорами совершати божественную литургію ради пяти хлѣбъ, иже благослови Христосъ, якоже и на бдѣніи въ благословеніи хлѣбовъ бываеъ. Аще ли Христосъ благослови (иногда) и семь хлѣбовъ, но насмысися меньше народа, токмо четыре тысящи, и останася и меньше укрукховъ, токмо семь спирідъ, а пятми хлѣбами пять тысящъ народа насытися, и останася укрукхи болши—12 кошиницъ полныхъ. Сего ради о семъ болшее чюходѣяніе предсудиха святіи отцы совершатися божественной литургіи пятми просфорами. Такожде повелѣша и о частицахъ токмо девять изимати ради девяти чиновъ небесныхъ силъ, по святому Діонисію Ареопагиту. Царскимъ путемъ ходиша святіи отцы во время подобающее, ниже долѣ ниже горѣ, токмо посредственно и царскимъ путемъ: въ просфорахъ ниже семь, ниже шесть, ниже четыре, ниже три, но пятми. Сице и въ частицахъ: ниже пятнадцать, ниже дванадесать, ниже одну, но девять,—сущее все Святыи Духъ просвѣти имъ. Такожде и вознаменованіе образа честнаго креста знаменатися трими первыми персты. Аще и быша нѣкогда и знаменовашася людіе единымъ перстомъ, по Златоустовѣ бесѣдѣ, или двумя персты, по Петру Дамаскину, но трими персты апостольское преданіе естъ неписанное, яко свидѣтельствуеъ божественный Великій Василій. Обаче святіи отцы сіе утвердиша знаменатися трими персты, якоже сіе вѣщаніе добраго преданія изыде во всю вселенную, и вездѣ вси православніи христіане трими персты знаменуютъ себе образомъ честнаго креста: Греки, Грузи, Сербы, Болгары, Албанасы, Мунтъяне, Волосы, Ерделяне, Кіевляне, малая и бѣлая Россія, и Литва, которіи суть православніи. Токмо здѣ, въ велицей Россіи, возрасте сіа прелесть не издавнихъ временъ, зане въ прежнихъ временѣхъ и здѣ, въ велицей Россіи, сице

тремя перстами знаменовашася, якоже суть мнози и до днесь, которіи помнятъ, яко родители ихъ тако знаменовашася, и тако навъкоша. И задостовѣрное свидѣтельство суть еще мнози христіане въ селѣхъ во многихъ странахъ російскихъ, кїи держать еще оно древнее доброе и православное преданіе, знаменатися тремя первыми персты православно.

Обаче сія прелестъ таковымъ обычаемъ бысть въ Россіи: отнелѣже, сирѣчь отъ того времени, егда (на полѣ: яко) престали російскія митрополиты ходити въ Царьградъ хиротонисатися, якоже хождуху треблаженніи митрополиты: Петръ, Алексій, и Юза, Киприанъ, и Фотій и прочіи; и елико время хождуху російскія митрополиты въ Царьградъ хиротонисатися, и хождуху и гречестіи архіереи въ Россію, тогда возсіяше благочестіе и православіе болше здѣ въ Россіи. А отнелѣже престаша ходити російскія митрополиты въ Царьградъ хиротонисатися, ради нужнаго пути, сирѣчь, ради страха турскаго воинства, зане тогда турки зѣло страшно радоваша всѣ страны христіанскія, того ради и гречестіи архіереи излишніи не хождуху въ Россію таковыи ради вѣны. И того ради начаша быти здѣ сія прелести о сложени перстовъ, и прилогъ въ символѣ, и аллилуія и прочее. Обрѣтающе время обрѣтнннкъ злобы діаволь посѣлалъ многая зизанія, а не истерзаша я ннкто (до нынѣшняго благочестивѣйшаго и боготѣчнннаго нашего государя, царя и великаго князя Алексіа Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца) и укоренишася и возрастоша великія злобы и во обычан и соннство быша въ васъ, зло за добро и горкое за сладко.

Статья IX. Обаче аще кто будетъ рещи (на полѣ: глаголати), яко хождуху и прежде къ намъ гречестіи архіереи всегда, слышите и разумѣйте истину: проиде доста лѣтъ и вящше, отнелѣже взяша Царьградъ турки, и не приходдаше никакойъ греческій архіерей въ московское государство, ради двою вину: единныя убо, зане яко взяша турки Царьградъ ратоваша Болгарію, Сербію, Влахію, Богданію, и нныя страны, доколѣ покорили сія вся подъ свою державу, ратова вящше ста лѣтъ по взятіи Царьграда. И единныя убо сея вины ниже здѣшніи митрополиты возмогоша ходити во Царьградъ, ниже наши греческіе ходити здѣ въ Россію. Второе же: и здѣшніи великоросійскія великія князи великое имѣша несогласіе и рати велики между собою, до пер-

ваго царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Россіи. И межъ толикими лѣты и смущенія онаго, остася земля сія неорана, и возрасте терніе и триволи (на полѣ: и волцы) и ина дикія зизанія, и темнымъ омраченіемъ омрачипаса. А отъ царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Россіи, и по немъ прочихъ царей російскихъ, пошалу сія земля великороссійская просвѣщатися паки нача, и прославлятися и въ православіе правлятись, а не у совершенно, зане яко всякая вещь непоспѣетъ абіе достизати въ совершеніе, но еще сверѣпство сверѣпнымъ зелиемъ (на полѣ: обычаемъ) быша много до царства благочестивѣйшаго тишайшаго великаго государя нашего, царя и великаго князя Алексія Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца. При его благочестивыя державы возсія благочестія и православія зѣло и умножися благодать Божія и въ совершеніе достиже, терніе и триволи и прочая дикія зизанія нзскоша, и мракъ и тьма отступи, и свѣтлѣйшій и совершенный свѣтъ истины воссія православно.

Но аще убо зизаніевы корени и отрасли обрѣтаются еще, но благодатию всесвятаго Духа вскорѣ будутъ потребитися и исчезатися и она.

Статья X. Аще убо рещи будетъ кто и сіе, яко здѣ прииде святѣйшій вселенскій патріархъ куръ Іеремія, иже хиротониса (на полѣ: постави) перваго патріарха (на полѣ: московскаго) Іова, и чесо ради нерече намъ о семъ ничто? И паки послѣди прииде святѣйшій Теофанъ патріархъ іерусалимскій, иже хиротониса Филарета патріарха, и посемъ Паисій (на полѣ: патріархъ) и иныи мнози архіереи гречестіи, и нерекоса намъ ничего о томъ, сирѣчь: о приложѣ въ символѣ, о аллилуіи, о сложеніи персть.

Слышите о томъ и внимайте, зане всяка вещь во время свое прилична есть: егда прииде святѣйшій Іеремій вселенскій патріархъ и хиротониса Іова патріарха, яко пишуть хронографы, что непустиша нивого отъ его людей ходити свободно по граду, ни старца, ни мірскаго, ниже російскіе люди ходиша къ нему. И воедино лѣто, что живе на Москвѣ, токмо трижды изыдоша отъ дому и быша въ царскихъ полатахъ: первое убо, егда прииде и виде царя и благослови его; второежъ, егда постави патріарха и угостиша его; третіе, егда простися и иде во свояси. Но сидѣчи и патріархъ и сущи съ нимъ архіереи и прочии во единомъ

дому, и ниже они кождаху видѣ, ниже къ нимъ ходи кто; откуда ли можаху вѣдати, что бываетъ въ церкви и что глаголютъ и что мудрствуютъ? Сего ради невѣдуще бываемая и не глаголаша что. И егда приде паки блаженнѣйшій Теофанъ патріархъ іерусалимскій, подобнѣ сѣдѣше и онъ съ человекѣи своими въ дому единомѣ, и нигдѣ нехождаху. Аще исходиша кто до торгу, ходиша за ними и стражи; и паче сего, и языка невѣдуще. Сего ради ниже они бываемая вѣдаша въ російской церкви, того ради ниже они глаголаша что; подобнѣ и Пайсій патріархъ и прочіи. А егда приде блаженнѣйшій патріархъ антиохійскій куръ Макарій, во время благочестивѣйшаго тишайшаго и боговѣнчаннаго великаго государя, царя и великаго князя Алексія Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, не бысть тако, якоже прежде, но зѣло почти и благоговѣно прія его благочестивѣйшій царь, и даде свободу ему въ великую соборную церковь и въ патріаршество ходити невозбранно, егда хоцетъ. Такожде и человекѣи его священніи и мірстіи ходити невозбраннася безъ стражей повсему царствующему граду. Но и въ царскихъ палатахъ многажды бываше, и благослови благочестивѣйшую царицу и благородныхъ царевичевъ и царевнъ, и угости его многажды, и почти и одари его веліе. И сего ради имѣюще свободу патріархъ и дружина его, и ходяще въ соборную церковь и во иная, зряще и слышаще несогласіе церковное здѣшнее (на полѣ: російское) съ восточною святою церковію; тогда нача и блаженнѣйшій патріархъ Макарій, яко истинный пастырь и наслѣдникъ Христовъ, глаголати благочестивѣйшему царю и святѣйшему патріарху бывшему Никону о тѣхъ несогласіяхъ. сирѣчь: о прилогѣ, еже есть въ символѣ, и о сложєніи перстовъ, и о аллилуіа и о прочихъ. Благочестивѣйшій же царь и (на полѣ: святѣйшій) патріархъ, яко блага и добродѣльная земля, пріяша съ радостію доброе сѣмя, и сотвориша плоды добры многи, и повседневно, сія добра и блага земля, отдають плоды благаи безчисленно, и никогда будетъ престати. Табо вина бысть, о еже молчаша прежніи патріарси Іеремій и Теофанъ и прочіи, яко выше рекохомъ.

Статья XI. Но аще речеть кто еще и сіе, яко наши (на полѣ: рускіи) святіи и чудотворцы: Петръ, Алексій, и Іона, Кипріанъ, и Фотій и прочіи, тѣми книгами и обычай спасошася, и въ томъ

отвѣщають: яко во времени ихъ обычаи (на полѣ: чини) сія (на полѣ: таковыи) и несогласіе не быша, токмо быша согласіе и добры чини, якожь и у грековъ быша тогда и нынѣ. Зане они хождяху во Царьградъ и хиротонисашася тамо, и ни единожды хождяху въ Царьградъ, но и дважды и трижды ради церковныхъ потребъ, и греческое писаніе вѣдаша, и сего ради православно и согласно съ греками мудрствоваша, якожь явственно видится въ ихъ рукописныхъ книгахъ: святое евангеліе и апостольская посланія съ дѣяніи святыхъ Апостолъ, и апокалипсисъ, рукописание святаго Алексіа митрополита (на полѣ: въ Чудовѣ монастырѣ) согласно во всемъ съ греческими; и святыи символъ безъ прилога, и аллилуія вряду трижды, таже: слава тебѣ Боже, въ часословѣ ихъ; такожде и прочая мудрствоваша православно якожь и греки, сего ради и прослави ихъ Богъ. Но сіе несогласіе и прелести послѣ ихъ возрасташа отъ нѣкихъ еретиковъ кїи отъ грековъ отлучишася, и съ ними несовопрошахуся ни очесомъ же, ради тогдашнїи своя суемудріа.

Статья XII. Но аще хотите (слова: суемудрїи и глушіи — зачеркнуты, и вверху ихъ надписано: о мудрѣйшіи) мудрствовати въ перстахъ святую Троицу, и Христово божество и человѣчество образовати (на полѣ: толковати), приличїйшее есть глаголати сице: яко первїи три персты, кїи совокупаемъ, знаменуютъ исповѣданіе святаго Троицы—въ Божествѣ Троицу и единицу, якожь выше рекохомъ; и послѣднїи два (на полѣ: персты), кїа суть преклонены, яко знаменуютъ: Христось Сынъ Божїи преклони небеса и сниде на землю и прїятъ человѣческую плоть отъ пречистыя и приснодѣвы Марїи, и знаменуютъ Христова два естества: Божество и человѣчество. Сице есть вѣще прилично, аще кто хочетъ мудрствовати (на полѣ: въ персты) о воплощенїи Христовѣ и о святѣй Троицѣ (на полѣ: вратцѣ). А яко вы мудрствуете человѣчество быти выше святаго Троицы, и Троицу подъ воплощеніе полагаете воуклонныя и неравныя персты, есть зѣло не прилично, и хула и ересь велия, яко выше рекохомъ ширше. Сего ради блюдитесь ради любве Христовы отъ таковыя ереси и хулы. Зане елико время невѣденїемъ согрѣшите, чающе тму свѣтъ и горькое сладко, имѣете тогда негли меншии грѣхъ и меншии судъ отъ Бога; но отнелѣже истязася сія вещь и явися истина, и извѣстїа соборнѣ и всенароднѣ во-

всѣмъ, сирѣчь и вселенскія соборы о томъ быша: первое убо въ Константинополи отъ всесвятѣйшаго вселенскаго патріарха куръ Паисія въ лѣто 7162-е съ восмидесяти архіерей и мѣрики великія церкви константинопольскія; второе же и въ царствующемъ (на полѣ: великомъ) градѣ Москвѣ, при благочестивѣйшемъ и тишайшемъ великомъ государѣ нашемъ, царѣ и великомъ князѣ Алексіи Михайловичѣ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцѣ, и приближеннѣйшаго и святѣйшаго Макарія патріарха антиохійскаго и всего востока (на полѣ: сущу ему тогда въ царствующемъ градѣ Москвѣ) и при святѣйшемъ Никонѣ, бывшемъ патріархѣ московскомъ и всея Россіи, и Гавріилѣ архіепископѣ ипекійскомъ и всея Сербіи (и Болгаріи и Албаніи патріархѣ), и нивейскомъ Григоріи митрополитѣ, и молдовлахійскомъ Гедеонѣ, и прочихъ великороссійскихъ митрополитѣхъ, и архіепископѣхъ, и епископѣхъ, и архимандритѣхъ въ лѣто 7164, и подложивша анаемому немудрствующихъ тако, яко мудрствуетъ святая восточная и вселенская великая церковь православно. И сего ради вы, сопротивляющіися нынѣ, грѣхъ велий согрѣшаєте, и тяжкій судъ отъ Бога вамъ будетъ за непокорство и упрямство ваше, и яко еретиви страшно истязани будете, и отъ лица Божія и вѣчнаго покоя лишени будете.

О четвероконечномъ крестѣ, и же именуется
кръжемъ.

Г Л А В А III.

Статья I. Глаголете еще, яко четвероконечный крестъ есть кресла, во еже посадиша Христа іудей, и сяде, и колѣнопоклоняшася ему въ поруганіе, и онак кресла, сирѣчь той крестъ, попра Христось, и дадеса архіереемъ сидѣти на нихъ. И пакы: когда колѣнопоклоняемся архіереемъ, вмѣсто поруганія поклоняемся имъ, а не чести ради архіерейства. О прелестивѣи и баснословцы! Какъ несрамляетеса глаголюще такая баснословія? Гдѣ есть писано, яко посадиша Христа іудей на кресла, кій евангелистъ глаголетъ сіе? Никтоже, ниже иное писаніе православное глаголетъ о семъ. А вы гдѣ обрѣтосте сіе вредословіе?

Пишетъ святой евангелистъ въ божественномъ и священномъ евангелии, яко облачаху Христа червеною хламидою, и даша ему и трость въ руки, и поклонишася ему яко царю въ поруганіе. А яко посадиша его на кресла, сирѣчь на таковой крестъ, ни евангелистъ и нитоже иный писа, яко вы баснословите. И аще іудеи поклонишася Христу за поруганіе, но мы, егда покланяемся архіереємъ, непоклоняемся имъ ради поруганія, но честь воздающе имъ, яко намѣстникомъ Христовымъ и пастыремъ и учителемъ нашимъ Се, яко въ томъ бласловите велие и невѣдаете, что глаголете.

Статья II. Глаголете еще отомъже крестъ, иже есть отъ двою древу сложенъ, и о печати, иже есть на просфорѣ крестъ, яко нѣсть той крестъ, токмо крыжъ латинскій, а крестъ подобаеъ быти отъ тріехъ древъ: отъ кипариса, и певга, и кедре, и кій крестъ нѣсть сице отъ тріехъ древъ, то нѣсть крестъ, токмо крыжъ.

О семъ убо отвѣщаемъ вамъ сице: едино убо по вашему мудрованію подобаеъ, яко отъ инаго древа или отъ инаго вида да nebudeтъ крестъ, но токмо отъ сихъ древесъ: отъ кипариса, и певга, и кедре, и идѣже таковая древеса необрѣтаются, ниже кресту подобаеъ быти отъ иныхъ древъ и видъ. Второе же паки вы глаголете, яко подобаеъ кресту быти трисложну, сирѣчь отъ тріехъ древъ. И паки вы сами себѣ не согласуетесь, яко слова ваша суть инако и дѣла ваша инако, зане крестъ несотворяете тако, яко глаголете — отъ тріехъ древесъ, но рехъ, сирѣчь: прямо едино древо, а впречи, иже есть посредѣ второе древо; верхнее, иже именуете крестовою главою, третіе древо; и четвертое, иже именуете подножіе. Се, яко ниже вы творите пословеси вашему истинный (на полѣ: правой) крестъ, зане глаголете, яко подобаеъ быти кресту отъ тріехъ древъ, и вы паки творите противно—отъ четырехъ. Чесо ради ирелщается несмысленно: иная глаголете и иная творите, ради зависти своея ослѣпи васъ діаволь, и неразумѣете, что творите и что глаголете. Мы убо не мыслимъ, ниже мудствуемъ безумно, якожь вы, но цѣломудренно и благочестивно почитаемъ и поклоняемся обонимъ крестомъ, иже отъ двою древу сложенъ, и иже отъ тріехъ, или отъ четырехъ древъ, по вашему кресту. Обаче подобаеъ вѣдати, что являетъ ставросъ (на полѣ: крестъ), и что есть нуж-

вѣйшее знаменіе креста. Имя кресту есть сложно по греческому языку: стасисъ ке єввросъ, единое убо древо прямое: стаспсъ | сирѣчь стояніе (на полѣ: зри); и второе древо, иже есть виреки: єввросъ — сирѣчь широта, се, иже имя кресту, ставросъ, имѣеть отъ сложенія и дѣло: отъ стасисъ и єввросъ, — ставросъ — | (на полѣ: зри), сирѣчь отъ стоянія и широты--ставросъ, сирѣчь крестъ. И сего ради нужное знаменіе креста отъ двою древу сложено быти токмо подобаетъ, якожь пишеть и святыи Аванасій Великій ко князю Антиоху во отвѣтахъ, во главѣ 41 (и въ Кормчей листъ).

Статья III. И что даречемъ много: Моисей (на полѣ: креста знаменіе сотвори Моисей жезла удареніемъ), егда пройде со израилты Чермное море, дважды удари жезломъ своимъ море: единою прямо и разсѣче море, и приидоша израилтяне; второе же, виреки удари, и совокупися море и потопа фараона; змію въ пустыни впреки повѣси, и исцѣляхуся зрящии отъ грызенія зміева; и ратующе Амалика, руки свои Моисей крестообразно распростре, и солнце ста и побѣди Амалика. Іаковъ, когда благословляше сыны Іосифовы, крестообразно положи руки своя на главы ихъ. Пророкъ Іона, егда изыде отъ (на полѣ: бѣ во...) чрева китова, рущѣ свои крестообразно простре, яко глаголетъ святыи Косма, творецъ канонвъ, въ прмосѣ 6 пѣсни канона на воздвиженіе честнаго креста: воднаго звѣри во утробѣ длани Іона крестовидно распростеръ, спасителную страсть претображаше явѣ и прочая.

Аще убо хотите разумѣти сущее таинство честнаго и животворящаго креста, яко свыше и изначала есть прореченъ и прознаменанъ образъ его, яко выше рекохомъ отъ Моисея и прочихъ, отъ двою вида отъ древа ли и сребра (на полѣ: или иного вида) сложеніе его (на полѣ: быти), а не отъ тріехъ, или четырёхъ, якожь вы баснословите (на полѣ: нещуете). — возьмите и смотрите Минею сентемврій мѣсяцъ, и прочтите со вниманіемъ стихиры и каноны праздника воздвиженія честнаго креста, прмосъ первой пѣсни: Крестъ начертавъ Моисей, и прочіи тропари и прмосы и стихиры, и будете разумѣти: о двою ли древахъ, или иною двою виду являетъ творецъ отъ божественнаго писанія

быти образъ честнаго креста, или о тріехъ или о четырехъ быти, якожь вы непшуете? Никако, но вездѣ обрѣсти будете, яко отъ двоиъ видѣ быти сложенію креста. Глаголетъ творецъ во единомъ подобіи: на хвалитѣхъ воздвиженія честнаго креста: О преславное чудо! широта и долгота креста небесе равна (на полѣ: равностоятельна); долготу ради прямаго древа глаголетъ, широту ради иже вопреки есть. Се яко ради двою древу глаголетъ творецъ, а неради тріехъ или четырехъ по вашему. Аще и бысть на страсти Христовѣ таковой крестъ: съ титлою горѣ и низъ—подножіемъ, обаче она не суть нужная, ниже именуется крестъ; крестъ именуется токмо прямое древо и вопреки.

Статья IV. Но аще ли будете любопытны и скажете отъ вѣтра главы своея, яко подобаеть каковъ крестъ бѣ тогда на страсти, такову подобаеть и нынѣ быти; отвѣщамъ вамъ о семъ сице: яко подобаеть по вашему на крестъ и гвозди пригвождены, и трость съ губою, и копіе съ желѣзомъ, и клещи, и молотки, и лѣствицы, и веревки, и желчь, и укусъ, и бичи и прочая, елика быша при страстѣ Христовѣ, быти всѣмъ вкуплѣ прилепленнымъ на крестѣ. И аще она вся небудуть, ниже крестъ да почтется,—не буди. Обаче святін Апостоли и святін богоносніи отцы не предаша намъ поклонятися трости и губѣ и копію и прочимъ орудіемъ, иже быша при страсти, токмо кресту повелѣша поклонятися. И сего ради нужно есть быти кресту токмо отъ двою древъ, или иною видѣ, яко выше рекохомъ, а другія двѣ части—титлуъ и подножіе, ненужны суть. Распятіе Христово было бы быти и безъ титла и подножія, якожь распинаху и разбойниковъ, зане у іудеовъ крестъ бысть вмѣсто вислицы и за безчестіе распинаху, сирѣчь, вѣшаху разбойниковъ на крестѣ. И Христа вмѣсто злодѣя и разбойника вмѣняху, зане именована себе царемъ и Сыномъ Божиимъ, и сего ради съ разбойникомъ вмѣстѣ распяша его. И Пилать повелѣ и написаша титлу: сей царь іудейскій, и положиша на крестѣ. И рекоша ему іуден: не ниши сице, и онъ рече: еже писахъ, писахъ. И сіе писаніе на бумагѣ писа, и прилепи тоє писаніе на дщицу, и пригвозди вверху креста, а недрево бысть яко крестъ, такожь и подножіе бысть. И сего ради нѣсть сіе нужно, и безъ нихъ есть крестъ истинный, иже есть отъ двою древъ сложенъ, сирѣчь четвероконечный крестъ. Но аще и обрѣтается и таковой крестъ съ титлою и подножіемъ,

аще и ненужны титла и подножіе, мы и той крестъ почитаемъ, и покланяемъ, и не хулимъ, яко вы (суемудріи и безумніи).

Статья V. Да речемъ еще и иной показъ: егда знаменуемъ себе знаменіемъ крестнымъ, како знаменуемъся? И егда благословляютъ насъ архіереи и іереи, како ли благословляютъ насъ? Явно есть, яко знаменіемъ четвероконечнаго креста знаменуютъ насъ руками своими благословляюще. И егда священники благословляютъ и святятъ воду святаго крещенія, и въ литургіи святой хлѣбъ и потиръ, притворяюще хлѣбъ и вино благословеніемъ (въ) тѣло и кровь Христову, како ли благословляютъ? Явно есть, яко знаменіемъ четвероконечнаго креста благословляютъ, а не восьмиконечнымъ крестомъ по вашему.

Статья VI. Четвероконечный крестъ четвероконечнаго міра образуетъ и освящаетъ: востокъ и западъ, сѣверъ и полудень. Подобіи и крестъ, иже бываетъ на просфорахъ, и на ризахъ священническихъ, и на патрахили, и ораіи четвероконечніи яко истинніи кресты вмѣняемъ и почитаемъ, якожь выше рекохомъ, а некрыжь именуемъ. И что именуется крыжь, или что есть? Крыжь полскимъ языкомъ именуется крестъ, якожь и греческимъ языкомъ ставрость, и по арабски хачъ, и по латински и по волоски круче, или круць. И кійждо языкъ имѣетъ имя креста по своему языку, не бо вси языцы во едино имя именууютъ крестъ (на полѣ: или распяла), но кійждо по своему; сице и полски крыжь именууютъ по своему языку.

Статья VII. Глаголете еще, яко таковая печать крыжа печатана есть на опрѣснокахъ латинскихъ, а латыни на опрѣснокахъ неимѣютъ такова креста печатана, иже именуете крыжь, но распятіе Христово изображено и печатано имѣютъ на опрѣснокахъ, а не токмо единъ крестъ по нашему. И о томъ невѣдаете, что глаголете, и лжете о семъ лжественно зависти и ненависти ради своея.

О И н с у с о в ѣ м о л и т в ѣ .

ГЛАВА IV.

Статья I. Непокоряются нѣщии отъ васъ и въ настоящей молитвѣ не хотяще глаголати: Господи Исусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, но токмо хотятъ: Господи Исусе Христе,

Сыне Божій, помилуй насъ, и любопрятся и мнать, негли яко тако есть добръ и православнѣ, а: Господи Исусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, нещуютъ, яко есть хула. О безумніи! Чесо ради неразумѣете доброе и не хотите ниже слышати сея молитвы? Мните яко нѣчто велію философію мудрствуете, или, паче рещи, безумствуете. О мудрецы не мудріи! Разсудите сами и разумѣете, какое разство есть въ семъ, или кая молитва есть вѣщнее прилично и вѣщнее честь приносить Христу? Явственнo есть яко: Господи Исусе Христе, Боже нашъ, есть вѣщнее приличнѣе. Аще мы добръ примемъ и глаголемъ и обѣ молитвы въ подобающее время: егда наединѣ молимся въ келии своей, глаголемъ: Господи Исусе Христе, Сыне и Слове Бога живаго, Богородицы ради, помилуй мя грѣшнаго; а иное время, егда бываетъ въ церкви моленіе, отъ общаго лица глаголетъ священникъ, или иный кто, иногда и индѣ: Господи Исусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ. Сицевое доброе преданіе имѣетъ святая восточная и апостольская церковь и съ молитвою, иже наединѣ, исповѣдаемъ Господа нашего Исуса Христа, Сына и Слова Божія; и со другою молитвою, иже глаголется въ церкви и вообще: Господи Исусе Христе, Боже нашъ, исповѣдуемъ обще, яко Христосъ есть истинный Богъ, подобенъ Отцу. Чесо ради упрямитесь вы и хотите токмо: Господи Исусе Христе Сыне Божій, глаголати, а: Господи Исусе Христе, Боже нашъ, ниже слышати, хотите? Неразумѣете окаянніи, яко во аріеву ересь впадаете, зане Арій Христа Сына Божія токмо глагола и исповѣда, такожде и вы нынѣ. Треклятый Арій исповѣда Христа Сына Божія по благодати, а не посуществу Сына Божія и Бога истинна, якоже мы православно вѣруемъ и исповѣдуемъ Христа Сына Божія и Бога истинна. И сего ради глаголемъ мы и обѣ молитвы во время подобно: Господи Исусе Христе, Боже нашъ, и: Господи Исусе Христе Сыне и Слове Божій, яко выше рекохомъ. И како хотите вы токмо глаголати: Господи Исусе Христе, Сыне Божій, а: Господи Исусе Христе, Боже нашъ, отвращаетея и ниже слышати хотите? Извѣстно есть въ томъ, яко мудрствуете и вы яко Арій, и исповѣдаете и вы Христа токмо Сына Божія по благодати, а не Бога истинна по существу Отца.

Статья II. Речемъ еще и сіе въ показаніе: единъ царь, отъ царя рожденъ, да царствуетъ, и назоветъ его кто царевичемъ,

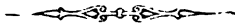
и другій наречеть царемъ: кое имя пріятно будетъ царю? Явно есть то, еже нарече его царемъ, приметъ удобнѣе и любезнѣе зане есть совершенна царская честь. И аще кто назоветъ, его меншимъ прилагательнымъ именемъ — царевичемъ, а не существительнымъ, безчествуеть царя, и извѣстно будетъ царь гнѣватися на глаголющихъ его царевичемъ, а не царемъ. Такожде и Господь нашъ Иисусъ Христосъ, аще и Сынъ Божій есть, но Богъ истинный есть. Сего ради подобаетъ намъ глаголати прилично сію молитву: Господи Иисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, вообще, и: Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, въ подобное время, якоже выше рекохомъ. А како хотите вы (за непокорство свое) (на полѣ: завистию ради) глаголати токмо едину молитву всегда: Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, а: Боже нашъ, глаголати не хотите никогда, но еще и сопротивляетеся глаголющимъ, въ томъ извѣстно арианствуете, яко Аріи и прочіи ариане, и ихъ часть будете наследовати, и съ ними осуждени будете отъ Господа нашего Иисуса Христа въ страшный день втораго Его пришествія.

СОЧИНЕНІЕ ПРОТИВЪ РАСКОЛА

ИВЕРСКАГО АРХИМАНДРИТА

ГРЕКА ДІОНИСІЯ,

написанное до собора 1667 года.

МОСКВА.

Университетская типографія, на Страстн. бульв.

1888.

Оттиски изъ № 7 и 12 Прав. Обзор. за 1888 годъ.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine of five cents a day is incurred
by retaining it beyond the specified
time.

Please return promptly.

~~MAR 26 '57 H~~

~~DUE OCT 64 H~~

~~206-340~~

HD

Widener Library
 3 2044 100 070 853
 01/11/2011

Расположение метки

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>